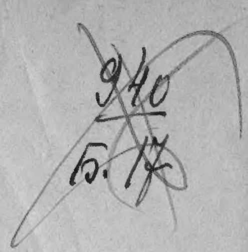

ОЧЕРКИ
по
ИСТОРІИ ГЕРМАНІИ
ВЪ XIX ВѢКѢ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ.

Изданіе второе.

O, steht gerüstet! seid bereit! o, schaffet, dass die Erde,
Darin wir liegen starck und starr, ganz eine freie werde!
Dass fürder der Gedanke nicht uns stören kann im Schlafen
Sie waren frei: doch wieder jetzt—und ewig!—sind sie Sklaven!

Freiligrath.

СОСТАВИЛИ
В. Базаровъ и И. Степановъ.

Изданіе
С. СКИРМУНТА.

Типографія Н. П. Собко, Почтамтская, 13.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1906. г

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ПРИЛОЖЕНIЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Начало XX вѣка вызвало во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ потребность окинуть общимъ взглядомъ истекшее XIX столѣтіе и подвести итоги тому, что дало оно для экономическаго и политическаго развитія, для науки, литературы и т. д. На книжномъ рынкѣ появился рядъ серій — отчасти еще незаконченныхъ, — стремящихся удовлетворить эту потребность. Создалась богатая литература объ „итогахъ XIX столѣтія“.

Германія не осталась въ сторонѣ отъ этого движенія. Еще раньше, чѣмъ закончился XIX вѣкъ, въ ней появляются многочисленные обзоры завоеваній этого вѣка въ различныхъ областяхъ жизни. Не одинаковые по степени популярности, по богатству матеріала, по внутренней цѣнности, они даютъ въ общемъ довольно полную картину того, что принесло XIX столѣтіе для Германіи и что она, въ свою очередь, дала въ этомъ столѣтіи человѣчеству.

Предлагаемая русскимъ читателямъ работа стремится отчасти использовать нѣмецкую литературу о XIX вѣкѣ, — именно объ общественномъ развитіи Германіи въ минувшемъ столѣтіи. Первый томъ посвященъ соціальной и политической исторіи Германіи въ первую половину XIX вѣка; второй, подготовляющійся къ печати, дастъ исторію Германіи за послѣднюю половину столѣтія.

Центральнымъ пунктомъ изложенія въ первомъ томѣ является конецъ 40-хъ годовъ — эпоха, которая играетъ въ послѣдующемъ развитіи Германіи приблизительно такую же роль, какъ конецъ XVIII вѣка — для дальнѣйшей исторіи Франціи. Какъ Тэнъ относитъ „происхожденіе современной Франціи“ къ концу XVIII вѣка, такъ, по всей справедливости, вопреки нѣмецкой офиціальной легендѣ, „происхожденіе современной Германіи“ слѣдуетъ отнести къ концу 40-хъ годовъ, а не къ 1867 или 1871 году.

Конецъ 40-хъ годовъ выдвинулъ въ Германіи идеи и принципы, которые и до сихъ поръ не нашли осуществленія въ нѣмецкой дѣйствительности: она еще болѣе далека отъ идеаловъ людей 1848 года, чѣмъ современная Франція — отъ идеаловъ людей конца XVIII вѣка.

Дальнѣйшая исторія Германіи представляетъ съ извѣстной точки зрѣнія исторію борьбы за осуществленіе этихъ принциповъ, за послѣдовательное проведеніе ихъ въ жизнь. Прежніе носители идей 1848 года превращались въ ихъ заклятыхъ враговъ, начинали стыдиться своего прошлаго; не напоминать о немъ — сдѣлалось для нихъ признакомъ хорошаго тона; посредствомъ фальшивыхъ истолкованій они старались устранить вопіющія противорѣчія между своими демократическими стремленіями въ молодости и примиреніемъ съ солдатско-полицейской гегемоніей Пруссіи въ зрѣломъ возрастѣ.

Но зато вырастали новыя общественныя силы, которыя смѣло поднимали брошенное знамя и твердой рукой несли его въ битву за развитіе Германіи въ томъ направленіи, какъ хотѣли того молодыя общественныя силы 40-хъ годовъ, соціально устарѣвшія въ 60-хъ годахъ. Старые принципы расширялись и углублялись, въ нихъ вдыхалась новая жизнь, и тѣмъ больше нескрываемой ненависти встрѣчали они въ однѣхъ общественныхъ группахъ, тѣмъ больше было попытокъ со стороны представителей другихъ группъ изгладить старые лозунги изъ общественной памяти и въ крайнемъ случаѣ дать имъ прусско-германско-имперское истолкованіе.

Такимъ образомъ борьба около стараго знамени не прекращалась въ теченіе всего XIX вѣка, какъ во Франціи много десятилѣтій не прекращалась борьба около идей революціи.

Борьбой дышитъ и литература предмета. Обширная сама по себѣ, въ особенности разросшаяся около 1898 года (50-лѣтній юбилей), она еще больше чужда объективности, чѣмъ въ теченіе долгаго времени была литература французской революціи.

Работы историковъ, для которыхъ открыты правительственные архивы, полны озлобленными нападками на дѣятелей 40-хъ годовъ. Клеветническія измышленія, хотя они уже не разъ были документально опровергнуты, преспокойно переписываются однимъ такимъ историкомъ изъ другого.

Особенную извѣстность получилъ въ этомъ отношеніи старый Трейчке [1]. Но мало уступаетъ ему и новѣйшій историкъ, Цвидинекъ-Зюденгорстъ (не слѣдуетъ смѣшивать съ экономистомъ того же имени) [2]. Крайняя тенденціозность дѣлаетъ затруднительнымъ пользованіе довольно богатымъ матеріаломъ этихъ источниковъ.

Извѣстная книга Шерра [3]) устарѣла какъ по фактическому матеріалу, такъ — и даже въ особенности — и по точкѣ зрѣнія. Она представляетъ теперь преимущественно историческій интересъ, какъ иллюстрація крайней спутанности мышленія, характеризующей „демократовъ“ 1848 года, ослѣпленныхъ впослѣдствіи успѣхами Пруссіи.

---

[1]) Treitschke, Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert.

[2]) Zwiedineck-Südenhorst, Deutsche Geschichte von der Auflösung des alten bis zur Errichtung des neuen Kaiserreiches. II. Band. Geschichte des deutschen Bundes und des Frankfurter Parlaments (1815—1849).

[3]) „Комедія всемірной исторіи“. Есть два русскихъ изданія; послѣднее—О. Поповой.

Она тоже тенденціозна въ своемъ родѣ. Иначе и быть не могло при крайней поверхностности и фельетонной манерѣ Шерра, слишкомъ легко приносящей историческую истину въ жертву стилистическимъ фокусамъ.

Большое удовлетвореніе со стороны содержательности и объективности даетъ книга небезызвѣстнаго русской читающей публикѣ Блоса [1]). Хотя она появилась болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, она до сихъ поръ остается самымъ цѣннымъ и почти незамѣнимымъ пособіемъ для изученія исторіи Германіи въ первую половину XIX вѣка. Эта книга положена въ основу настоящей работы, компилятивной въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ и переводной въ наибольшей части.

Для исправленій и дополненій, въ соотвѣтствіи съ новѣйшими матеріалами, очень полезной оказалась небольшая книга Гартмана, удостоенная первой преміи на конкурсѣ, объявленномъ южно-германской народной партіей по случаю 50-лѣтняго юбилея 1848 года [2]).

Много цѣннаго матеріала даетъ извѣстная книга Меринга [3]). Въ особенности полезной оказалась она при изображеніи экономическихъ отношеній въ до-мартовской Германіи—стороны, почти совсѣмъ не затронутой въ основномъ источникѣ. Пришлось ею воспользоваться и для исправленія нѣкоторыхъ сужденій Блоса объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ 1848 года (напр., о Борнѣ).

Нѣкоторый матеріалъ для описанія экономическаго строя старой Германіи дала также книга Шиппеля [4]).

Вообще говоря, экономическое развитіе Германіи за первую половину XIX вѣка остается наименѣе изученной стороной ея общественнаго развитія. Много любопытнаго матеріала и плодотворныхъ точекъ зрѣнія для этой области даетъ Зомбартъ [5]).

Главнѣйшими пособіями при переработкѣ отдѣловъ объ Австріи, судьбы которой за обозрѣваемый періодъ неразрывно связаны съ историческими судьбами Германіи, послужила небольшая, но чрезвычайно содержательная книга Ценкера [1]) и первыя главы книги Вентига [2]). Но вообще составители меньше обращали вниманія на переработку матеріала объ Австріи, такъ какъ одновременно съ этой книгой они начали подготовлять къ печати переводъ капитальной работы М. Баха по исторіи Австріи въ первую половину XIX вѣка [3]).

---

[1]) W. Blos, Die Deutsche Revolution.

[2]) O. Hartmann, Die Volkserhebung der Jarre 1848 und 1849 in Deutschland.

[3]) F. Merring, Die Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. Въ настоящее время печатается въ перєводѣ М. Е. Ландау.

[4]) M. Schippel, Grundzüge der Handelspolitik.

[5]) W. Sombart, Der moderne Kapitalismus. Русск. пер.: Современный капитализмъ. Пер. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова, изд. С. Скирмунта. Два тома.

[6]) E. V. Zenker, Die Wiener Revolution 1848 in ihren sozialen Voraussetzungen und Beziehungen.

[7]) H. Waentig, Gewerbliche Mittelstandspolitik.

[8]) М. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Заканчивается печатаніемъ въ изд. С. Скирмунта.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что установившіеся въ нѣмецкой исторической литературѣ взгляды на событія конца 40-хъ годовъ не свободны отъ нѣкоторыхъ противорѣчій, иногда очень серьезныхъ. Такими противорѣчіями страдала и исторія французской революціи въ разработкахъ большинства авторовъ, пока не началось и не сдѣлало серьезныхъ успѣховъ изученіе экономической исторіи XVIII вѣка. Тогда тамъ, гдѣ, какъ прежде казалось, все было произволъ и случайность, выступила закономѣрность и необходимость.

При неразработанности экономической исторіи Германіи историки ея политическаго развитія въ первую половину XIX вѣка никакъ не могутъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что очень крупную роль сыграли въ ней личные слабости и недостатки, промахи и ошибки того или другого лица. Соціологическое истолкованіе историческихъ дѣятелей остается имъ въ значительной степени чуждымъ [1]). Больше сдѣлано въ такомъ направленіи для исторіи Австріи, по причинамъ, которыя представляютъ большой интересъ, но останавливаться на которыхъ здѣсь мы не можемъ.

Однако въ послѣдніе годы и для исторіи Германіи кое-что сдѣлано экономистами-историками. Во введеніи ко второму тому, которое дастъ общій обзоръ явленій первой половины XIX столѣтія, мы познакомимъ читателей съ тѣмъ истолкованіемъ, какое получаетъ у нихъ исторія Германіи за обозрѣваемый въ настоящемъ томѣ періодъ.

Первыя четырнадцать главъ составлены и переведены И. Степановымъ, остальныя—В. Базаровымъ.

И. С.

---

[1]) Начало ему положено работой К. Маркса: Революція и контръ-революція въ Германіи. Вошла въ „Собраніе историческихъ работъ“ К. Маркса. перев. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова въ изд. С. Скирмунта. Поступаетъ въ продажу одновременно съ этой книгой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Экономическій строй Германіи въ первую половину XIX вѣка.

Германія послѣ наполеоновскихъ войнъ была преимущественно земледѣльческимъ государствомъ.

Земледѣльческое населеніе производитъ продукты главнымъ образомъ для собственнаго потребленія или отчасти для ограниченнаго сосѣдняго рынка, для какого-нибудь городка съ мелко буржуазнымъ строемъ всѣхъ общественныхъ отношеній.

Нѣкоторое представленіе о соотношеніи различныхъ группъ населенія дадутъ слѣдующія цифры. Въ Пруссіи 1849 года только 28% населенія жило въ городахъ; даже въ Саксоніи, болѣе развитой въ промышленномъ отношеніи, въ 142 „городахъ“ жило только 34% всего населенія; въ Баваріи на 100 „городскихъ“ жителей приходилось 578 сельскихъ, въ Вюртембергѣ—400, въ Баденѣ—560.

Но эти цифры даютъ представленіе лишь о числѣ жителей въ населенныхъ мѣстахъ, именовавшихся городами, но отнюдь не говорятъ о томъ, что эти жители существовали неземледѣльческими промыслами. Даже въ сравнительно крупныхъ городахъ, свыше 5 тысячъ жителей на каждый, значительная часть населенія, иногда до 20%, существовала исключительно сельскимъ хозяйствомъ, другая часть—сельскимъ хозяйствомъ и промышленными занятіями, и лишь остальная—исключительно торговлей или промышленностью.

Въ Пруссіи въ 1849 году только въ одномъ городѣ, въ Берлинѣ, число жителей превышало 300.000 (378.000), городовъ съ населеніемъ свыше 30.000 было всего 15, съ населеніемъ отъ 15 до 30 тысячъ—14. Въ городахъ съ населеніемъ свыше 10 тысячъ жило лишь 10½% всего населенія Пруссіи, въ городахъ съ населеніемъ свыше 100 тысячъ—только 3% всего населенія.

Таково же положеніе и въ мелкихъ государствахъ Германіи и въ Австріи. Въ послѣдней въ 1846 году въ городахъ съ населеніемъ свыше 10 тысячъ жило всего 6½% общей цифры населенія Австріи, въ Вѣнѣ съ пригородами было 408 тысячъ населенія, въ городахъ съ населеніемъ свыше 100 тысячъ (въ 1843 году) жило всего 2,8% общей цифры населенія Австріи.

Уже по состоянію путей сообщенія сельское хозяйство не могло разсчитывать на сравнительно отдаленные рынки. Постройка шоссейныхъ дорогъ принимаетъ интенсивный характеръ лишь во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ начинается въ Германіи только съ 1840 года, и въ 1850 году желѣзнодорожная „сѣть“ составляла всего 5.850 километровъ. Громоздкіе продукты сельскаго хозяйства не могли вынести дорогого коннаго транспорта. Потому-то рынокъ для нихъ и составляли главнымъ образомъ сосѣдніе города. Исключеніе представляютъ, пожалуй, только районы, расположенные по воднымъ путямъ.

Такимъ образомъ для широкихъ массъ населенія не было тѣхъ возбуждающихъ вліяній, которыя неразрывно связаны съ широкоразвитыми торговыми сношеніями. Сельское населеніе выростало невѣжественнымъ, подавленнымъ живучими остатками феодальнаго строя.

Съ эпохи великой германской революціи 1525 года исторія долго не видала массовыхъ движеній среди нѣмецкихъ крестьянъ. Опять раскачалъ ихъ только революціонный вѣтеръ, дувшій изъ Франціи 1789 г. Нѣмецкій крестьянинъ заволновался, и притомъ довольно-таки энергично.

Въ этихъ волненіяхъ не было никакой случайности. Отъ стараго феодальнаго и помѣстнаго строя Германія сохранила очень добрую часть, и даже въ девятнадцатомъ вѣкѣ потомки рыцарей-разбойниковъ и рыцарей дорожныхъ грабителей попрежнему выжимали изъ крестьянъ послѣдніе соки.

Уже къ началу XVI вѣка обнаруживается крупный переворотъ въ условіяхъ военнаго дѣла. Около владѣльцевъ территорій возникаетъ и растетъ постоянное войско. Роль пѣхоты увеличивается, рыцарская служба отступаетъ на задній планъ. Рыцарь волей-неволей приспособляется къ новымъ условіямъ, оставляетъ свой мечъ, становится производителемъ товаровъ, сельскимъ хозяиномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ его притязанія и на крестьянскую землю, и на самого крестьянина.

Справившись съ крестьянскимъ возстаніемъ 1525 года, господа, т.-е. „юнкеры“ (дворяне) и духовенство, наложили на побѣжденныхъ крестьянъ еще болѣе суровыя повинности, чѣмъ существовавшія раньше. У крестьянъ отнимали послѣдніе остатки унаслѣдованныхъ и подтверждавшихся грамотами правъ. Юристы использовали римское право какъ орудіе насильственной экспропріаціи крестьянства. Они усердно прививали германскому міру правовыя воззрѣнія давно погибшаго міра, и при ихъ содѣйствіи арендаторъ превращался въ холопа, безземельнаго батрака или „домовника“ — поденщика, за которымъ оставлялась только жалкая хата съ клочкомъ земли для овощей. Крестьянинъ сталъ рабомъ у помѣщика. Онъ долженъ былъ работать на помѣстье, исполнять конныя и пѣшія службы, если того требовалъ господинъ, и безпрекословно бросать работы на своемъ полѣ, хотя бы отъ этого погибла цѣлая жатва. Крупное дворянское землевладѣніе было свободно отъ податей, крестьянинъ же, напротивъ, долженъ былъ платить оброки помѣщику, чтобы тотъ могъ жить „сообразно своему положенію“ и

сохранять боевую готовность. Помѣщикъ бралъ съ крестьянина столько оброковъ и податей, сколько могъ, и возвышалъ свои притязанія до невыносимыхъ размѣровъ. Помѣщикъ присвоилъ себѣ судъ и полицейскій надзоръ надъ крестьянами и такимъ образомъ сдѣлался всемогущимъ. Крестьянинъ могъ жаловаться на помѣщика, но лишь самому же помѣщику.

Юнкеръ прогонялъ крестьянъ съ земли, отнималъ у нихъ общинные лѣса, воды и выгоны, чтобы заложить прочный базисъ для крупнаго сельскохозяйственнаго производства, а у оставшихся крестьянъ ограничивалъ ихъ личную свободу и ихъ право на землю. Помѣстье растетъ, крестьянская земельная собственность сокращается. Войны и эпидеміи только ускоряютъ этотъ процессъ.

Абсолютная власть нѣмецкихъ монарховъ не противодѣйствовала этому расхищенію, растянувшемуся на столѣтія. Она всегда становилась на сторону помѣщиковъ противъ крестьянъ. Такъ было и въ Пруссіи. Лишь иногда, исключительно по военнымъ и фискальнымъ соображеніямъ, абсолютная власть начинала борьбу съ помѣщиками, но не за крестьянъ, а изъ-за крестьянъ. Такъ называемая „охрана крестьянъ" преслѣдовала только одну цѣль: поддержать крестьянство и ограничить его эксплуатацію въ тѣхъ случаяхъ, когда полицейское государство имѣло основанія опасаться, что, не вмѣшайся оно, его казна потерпитъ серьезный ущербъ.

Охрана крестьянъ не пріостановила дальнѣйшаго развитія помѣстья, и крестьянинъ XVII и XIII вѣка, ограбленный и обираемый, опустился до самаго низкаго уровня существованія. Подавленный и измученный, онъ не оказывалъ никакого сопротивленія, когда нѣмецкіе государи XVIII вѣка продавали тысячи крестьянскихъ сыновей на иностранную военную службу. Притомъ имъ нигдѣ не могло быть хуже, чѣмъ на своей родинѣ. Изъ-за чего же сопротивляться?

Французская революція, разгромившая пеструю систему феодализма во Франціи, на первыхъ порахъ принесла освобожденіе отъ гнета помѣщиковъ только для нѣкоторой части нѣмецкихъ крестьянъ. Въ Германіи феодализмъ исчезъ повсюду, гдѣ только ни появлялись войска конвента. Прежде всего онъ исчезъ, чтобы больше не появляться, на лѣвомъ берегу Рейна. Уложеніе Наполеона, введенное здѣсь, незыблемо установило гражданскую равноправность. Ограниченія права собственности это Уложеніе допускало лишь въ формѣ совмѣстнаго пользованія нѣкоторыми частями сельскохозяйственной площади и въ видѣ строго опредѣленныхъ платежей за пользованіе землей, подлежавшихъ выкупу при желаніи крестьянина. Всѣ позднѣйшія попытки возродить феодализмъ на лѣвомъ берегу Рейна окончились неудачей.

Подъ вліяніемъ французской революціи нѣмецкіе крестьяне, особенно силезскіе и восточно-прусскіе, начали волноваться. Прусскіе чиновники не могли иначе объяснить возбужденіе крестьянской массы, какъ только происками своекорыстныхъ бунтовщиковъ, которыхъ они называли „анархистами", „прожектерами". Это они, подпольные брехуны

и подстрекатели, пускають въ ходъ такія идеи, какъ скорая отмѣна барщины,—сами крестьяне до этого не могутъ додуматься. Крестьянскія волненія, разсказываетъ Кнаппъ *), вызвали у министра Штреттера взрывъ негодованія. Слуги короля, заявилъ министръ, всегда по собственному побужденію заботились о благѣ крестьянъ. Броженіе среди крестьянъ вовсе не вызвано существующимъ положеніемъ вещей. „Нужно доказать мужику, что при всѣхъ касающихся его нововведеніяхъ всегда близко принимаютъ къ сердцу его истинное благо, не ожидая жалобъ и представленій съ его стороны".

Только пораженіе подъ Іеной привело господствующіе классы Пруссіи къ убѣжденію, что необходимо внутреннее возрожденіе Пруссіи, иначе ей угрожаетъ погибель. Открывается эра реформъ, связанная съ именами Штейна и Гарденберга. Монархическая власть безпомощно склонялась то на сторону государственныхъ интересовъ, то на сторону притязаній помѣщиковъ. Реформа получилась поэтому половинчатая. Въ 1807 г. крѣпостное право отмѣнено, по крайней мѣрѣ отмѣнено на бумагѣ. 1810-й годъ былъ назначенъ срокомъ введенія новаго положенія. Штейнъ заявилъ около этого времени: „На мой взглядъ, жилище мекленбургскаго дворянина, который прогоняетъ своихъ крестьянъ съ земли, вмѣсто того чтобы позаботиться объ улучшеніи ихъ положенія, не отличается отъ берлоги хищнаго звѣря, который опустошаетъ всѣ окрестности и такимъ образомъ окружаетъ себя тишиною могилы". Но, несмотря на это заявленіе, уже въ 1808—1810 годахъ прусскому дворянству въ цѣломъ рядѣ случаевъ опять позволено прогонять крестьянъ съ земли, сносить ихъ дворы. Въ 1811 г. землевладѣльцамъ и крестьянамъ было рекомендовано вступить въ теченіе двухлѣтняго срока въ добровольное соглашеніе относительно выкупа, повинностей, барщинъ и т. д. Въ случаѣ необходимости особая королевская комиссія должна была принудительно привести это дѣло къ концу. Крестьяне получали „свободу", отказавшись отъ третьей части своего землевладѣнія. Но и такія условія показались дворянству недостаточно благопріятными, и оно постаралось затянуть дѣло. Старанія увѣнчались успѣхомъ. Между тѣмъ вспыхнула война за освобожденіе Германіи, т.-е., по существу, за свободу князей, и прусскіе крестьяне, преисполненные широкихъ надеждъ, боролись теперь противъ Наполеона совершенно иначе, чѣмъ за семь лѣтъ передъ тѣмъ. Но послѣ опьяненія отъ побѣды и буржуазному либерализму, и нѣмецкимъ крестьянамъ пришлось пережить тяжелое разочарованіе. Въ 1816 году право крестьянъ на выкупъ повинностей подверглось ограниченію, а когда, наконецъ, за дѣло взялась королевская комиссія, оно пошло и совсѣмъ медленно. Съ 1821 года право выкупа предоставлено лишь крупнѣйшимъ крестьянскимъ дворамъ, а на мелкихъ попрежнему оставлялись барщины и другія повинности. Только въ 1845 г. въ Саксоніи и Силезіи и мелкимъ крестьянамъ было предоставлено право выкупа. На какихъ условіяхъ производился выкупъ, достаточно

*) Г. Ф. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи. С.Пб. 1900. Стр. 84.

иллюстрируется ужасающей бѣдностью ткачей въ Силезіи, гдѣ текстильная промышленность въ значительной степени пользовалась рабочею силою крестьянъ. Выкупъ, вообще равносильный обезземеленію крестьянства, значительно увеличилъ бѣдность деревни. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что прусское аграрное законодательство старалось сохранить отъ феодальнаго строя все, что только можно было спасти.

Такимъ-то образомъ въ періодъ съ 1815 по 1848 годъ въ провинціяхъ Бранденбургѣ, Помераніи, Силезіи, Пруссіи и Познани появилось въ общей сложности всего лишь 70.582 наслѣдственныхъ собственниковъ-крестьянъ. Изъ этого числа больше 20.000 приходится на одну только провинцію Познань, потому что правительство не особенно церемонилось съ туземнымъ польскимъ дворянствомъ. Кромѣ того, 289.652 крестьянина откупились отъ феодальныхъ повинностей. Все „освобожденіе“ потребовало отъ крестьянъ колоссальныхъ затратъ: земли они потеряли 1.533.050 моргеновъ (до 400.000 гектаровъ), единовременные денежные выкупные платежи составили 18.544.768 талеровъ, да, кромѣ того, крестьянство должно было уплачивать ежегодную ренту въ 1.600.000 талеровъ деньгами и 260.069 шеффелей хлѣбомъ *).

Положеніе крестьянъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ было не лучше, въ нѣкоторыхъ даже хуже, чѣмъ въ Пруссіи. Правда, въ Австріи, напримѣръ, крѣпостная зависимость была уничтожена уже въ 1781 и 1782 годахъ; но эта реформа, проведенная Іосифомъ II, проведена была только на бумагѣ, такъ какъ феодальное дворянство Австріи умѣло отстаивать свои „благопріобрѣтенныя права“. Въ тотъ моментъ, когда оказалось, что фригійская шапка не грозитъ вторженіемъ въ Австрію, когда крестьянскія волненія, охватившія въ первой половинѣ XVIII вѣка значительную часть Австріи, стали изглаживаться изъ памяти, реформы были подвергнуты новой „реформѣ“, и крестьянинъ оказался подъ бременемъ всѣхъ старыхъ повинностей, хотя крѣпостное право номинально было отмѣнено. На австрійскихъ крестьянахъ лежали воистину невыносимыя повинности. Они должны были обрабатывать землю помѣщика, уплачивать подати, а при наслѣдованіи земли или при перемѣнѣ владѣльцевъ вносить особыя пошлины. Но больше всего крестьянъ угнетали „работы“ (Robot), т.-е. „пѣшая“ барщина, — когда крестьянинъ и его семья должны были являться на работы къ помѣщику сами, безъ лошадей, — и „конная“ барщина, — когда крестьянинъ долженъ былъ доставить помѣщику, кромѣ того, одну, двѣ или три упряжи рабочаго скота. Барщина почти или совсѣмъ не оставляла крестьянину времени для собственнаго хозяйства. Кромѣ того, съ австрійскихъ крестьянъ въ началѣ XIX вѣка еще взималась, какъ въ мрачную эпоху средневѣковья, большая и малая десятина. Землевладѣлецъ велъ поземельныя описи, былъ главнымъ начальникомъ въ деревнѣ, ему же одному принадлежало право охоты; бѣдный крестьянинъ

---

*) Гектаръ—нѣсколько менѣе десятины (1 десятина = 1,093 гект.), талеръ—около $1^1/_2$ руб., шеффель—около 2 пуд.

подъ страхомъ суроваго наказанія долженъ былъ сносить громадныя потравы, причиняемыя разною дичью. И, какъ это само собой разумѣется, землевладѣлецъ былъ единственнымъ судьей для крестьянина и главнымъ завѣдующимъ вспомогательныхъ и сиротскихъ кассъ.

Всѣ описанія крестьянскаго быта передъ 1848 годомъ свидѣтельствуютъ о страшной подавленности деревни. Тяжелый гнетъ налоговъ, невѣроятная тяжесть повинностей, множество неоплачиваемыхъ работъ, напр., при постройкѣ каждой дороги, церкви или казармы, безконечные военные постои, конныя службы при передвиженіяхъ войскъ, при чемъ подводы, забранныя солдатами, нерѣдко уже не возвращались обратно,— все это, какъ чудовищная свинцовая гиря, давило крестьянство къ землѣ. По свидѣтельству наблюдателей-консерваторовъ, склонныхъ затушевывать мрачныя стороны домартовскихъ отношеній, во многихъ провинціяхъ Австріи крестьяне только разъ или два въ теченіе года позволяли себѣ съѣсть кусочекъ мяса, какъ необыкновенное лакомство. Несмотря на неописуемыя усилія, на нескончаемый трудъ, голодовки были постояннымъ удѣломъ земледѣльца, и крестьянство по необходимости обращалось къ кустарнымъ промысламъ, къ работѣ на скупщика. Средній уровень кустарныхъ заработковъ—два-три крейцера (3—5 коп.) въ день—уже достаточно показываетъ, какъ бѣденъ, угнетенъ и забитъ былъ австрійскій крестьянинъ. Когда читаешь, въ какихъ условіяхъ протекала его жизнь, не можешь отдѣлаться отъ мысли, что читаешь описаніе быта первобытныхъ народовъ, и сравненіе во многихъ отношеніяхъ оказывается не въ пользу австрійскихъ крестьянъ, особенно галиційскихъ.

Австрійскіе крестьяне были настолько подавлены, что они безропотно сносили свое ужасное иго и почти не принимали участія въ движеніи 1848 года; больше того, они скоро выступили противъ городского движенія, противъ своихъ освободителей и поспѣшили на помощь къ своимъ злѣйшимъ врагамъ.

Въ Венгріи, благодаря раннему пробужденію тамъ конституціонной государственной жизни, положеніе вещей сложилось нѣсколько иначе. Сословный сеймъ 1833 года предложилъ существенныя ограниченія помѣщичьихъ правъ. Онъ призналъ даже необходимость выкупа барщины и оброковъ. Но это постановленіе не получило утвержденія отъ правительства, такъ какъ оно боялось всякой радикальной реформы. Сеймъ все же не отказался отъ попытокъ реформы. Въ 1839 году ему удалось провести постановленіе, разрѣшавшее выкупать крестьянскія повинности по соглашенію между сторонами. Въ слѣдующемъ году перевѣсъ въ сеймѣ получила національно-венгерская оппозиція, въ рядахъ которой находились почти только дворяне. Несмотря на то, сеймъ постановилъ, что крестьянамъ предоставляется право располагать впредь своими продуктами, не уплачивая особыхъ налоговъ.

Въ Баденѣ крѣпостная зависимость уничтожена въ 1783 году, въ Баваріи въ 1808 году, что было подтверждено конституціей 1817 года, въ Вюртембергѣ въ 1817 г., въ Нассау въ 1812 г., въ Гессенъ-Дарм-

штадтѣ въ 1820 г., въ Кобургъ-Готѣ въ 1821 г., въ Кургессенѣ въ 1831 г., въ Мекленбургѣ въ 1820 г.; но въ послѣдней странѣ одновременно отняты „у прежнихъ крѣпостныхъ и всѣ сохранявшіяся за ними права собственности“.

Дворянство повсюду съ необыкновенной настойчивостью противодѣйствовало робкимъ попыткамъ облегчить долю крестьянина. Поэтому въ 1848 году на плечахъ крестьянства еще лежала огромная тяжесть средневѣковыхъ феодальныхъ повинностей. Крестьяне повсюду страдали отъ привилегій помѣщика на охоту, отъ помѣщичьихъ судовъ и барщинъ. Но наибольшее негодованіе крестьянъ вызывала заносчивость господъ, обнаружившаяся въ законахъ объ охотѣ. Ненависть противъ дворянъ охотниковъ сдѣлалась наслѣдственной, традиціонной ненавистью. Дворянинъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ заставлялъ крестьянина выгонять для него дичь и безжалостно опустошалъ его поля. Крестьянинъ долженъ былъ безропотно переносить страшныя потравы, произведенныя дичью,—иначе вѣдь благородные господа не могли бы охотиться. Во многихъ мѣстахъ, напр., въ Вюртембергѣ, лѣснымъ объѣздчикамъ предоставлялось право на мѣстѣ преступленія застрѣлить браконьера, то-есть даже крестьянина, который оберегалъ свои поля отъ потравы. Не менѣе жестоко расправлялись за лѣсныя порубки, даже за сборъ валежника. Благодаря обезземеленію крестьянъ, благодаря тому, что крестьянинъ еще сохранялъ воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда лѣса были общественной собственностью, „божьими“, никому не принадлежали, преступленіе это было обычнымъ явленіемъ. Слѣдующія цифры даютъ яркое представленіе о положеніи дѣлъ. Въ 1836 году въ Пруссіи производилось слѣдствіе по 207.478 уголовнымъ дѣламъ; изъ нихъ 150.000, т.-е. почти три четверти,— дѣла о покражѣ лѣса, о браконьерствѣ, о незаконномъ сборѣ валежника и т. д.

Кое-гдѣ еще сохранялась такъ называемая „кровяная десятина“, т.-е. десятина со скота и птицы, предназначенныхъ на убой. Въ Баваріи помѣщики могли даже закладывать свои права на трудъ и продукты крестьянъ; тамъ же сохранялись пошлины за охрану евреевъ и взимался „овесъ для сторожей“ *). Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи приходилось еще уплачивать денежную подать, въ которую превратилось позорное „право первой ночи“.

Во многихъ мѣстахъ крестьяне въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій вели тяжбу съ помѣщиками изъ-за спорныхъ угодій, изъ-за повинностей и платежей, и если имъ, наконецъ, удавалось довести дѣло до общихъ судебныхъ учрежденій, они все же обыкновенно оставались ни съ чѣмъ. Сильное ожесточеніе чувствовалось въ Нассау и во Франконіи, гдѣ угнетеніе помѣщиковъ довело бѣдность сельскаго населенія до крайнихъ предѣловъ; то же и въ Тюрингенскомъ Лѣсу, и въ Гессенѣ, и въ Баденѣ. Въ Ганноверѣ крестьянство пользовалось относительной зажи-

*) Въ Детмольдѣ деньги за охрану евреевъ еще въ началѣ 1848 года составляли 35 луидоровъ ежегодно.

точностью и помышляло только о своихъ поляхъ да о своемъ скотѣ. Въ Тиролѣ и въ Баваріи крестьянъ водило на помочахъ духовенство, какъ и въ настоящее время; они дѣлали только то, что рекомендуютъ имъ совѣтчики въ рясахъ.

Сельское населеніе, тупое въ своей массѣ и терпѣливо сносившее свою долю, все же страстно ждало дня избавленія. Когда въ 1848 году надъ Германіей пронеслось со стороны Франціи вѣяніе революціи, сельское населеніе во многихъ мѣстахъ мощно встряхнулось. Тотъ фактъ, что крестьяне не остались спокойными, напугалъ господствующіе классы много сильнѣе, чѣмъ движеніе въ городахъ. Поэтому они обнаружили необыкновенную быстроту въ удовлетвореніи требованій крестьянства, и крестьяне до нѣкоторой степени раздѣлались съ лежавшими на нихъ феодальными повинностями. Кое-гдѣ крестьяне выступили съ большой необузданностью и яростью; можно было подумать, что они вспомнили о своихъ предкахъ, которые за триста слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ громили замки надменныхъ бароновъ *). Но когда требованія крестьянъ были исполнены, они, какъ будетъ показано ниже, сдѣлались опорой реакціи, точно такъ же, какъ французскіе крестьяне, освободившись отъ феодальныхъ повинностей, тотчасъ же сдѣлались опорой наполеоновской военной диктатуры.

Обрабатывающая промышленность сохраняла такіе же слѣды средневѣковаго строя общественныхъ отношеній, какъ и деревенская жизнь. Ремесло съ большимъ трудомъ залѣчило тѣ раны, съ которыми оно вышло изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ. Въ общемъ въ немъ не обнаруживалось никакого прогресса. Оно, во всемъ слѣдуя прадѣдовскому примѣру, производило только для потребностей мѣстнаго рынка, враждебное всякимъ техническимъ усовершенствованіямъ, сжатое, точно тисками, ограниченностью всѣхъ отношеній внутри мелкаго города. Отдѣльныя ремесленныя производства были воистину „карликовыя“ по своимъ размѣрамъ; мастеровъ было въ общемъ столько же, сколько подмастерьевъ. Такъ, даже въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка въ Пруссіи насчитывалось:

---

*) Воспоминанія о великой крестьянской войнѣ изгладились далеко не въ той мѣрѣ, какъ иногда думаютъ. Въ одномъ мѣстѣ и въ настоящее время указываютъ пригорокъ, гдѣ стоялъ обозъ Томаса Мюнцера; въ другомъ „крестьянскія могилы“ до сихъ поръ напоминаютъ, гдѣ расположилось лагеремъ крестьянское войско: въ третьемъ, гдѣ былъ измѣннически убитъ Флоріанъ Гейеръ, сложилась легенда, будто и теперь каждую ночь появляется скорбная тѣнь его невѣсты, одѣтой въ бѣлое платье; четвертое мѣсто, на которомъ Жаклейнъ Рорбахъ былъ сожженъ на медленномъ огнѣ, до сихъ поръ извѣстно подъ названіемъ „Вертела“; въ пятомъ мѣстѣ сохраняется камень, поставленный въ память о казняхъ, которыя совершались здѣсь во время крестьянской войны; въ шестомъ больше сотни лѣтъ бѣлѣли черепа и кости крестьянъ, убитыхъ во время большого сраженія, и преданія сохранили память объ этомъ до нашего времени. Но еще больше развалины крѣпкихъ замковъ, изъ которыхъ крестьяне брали потомъ камни на постройку церквей и другихъ зданій, являются нѣмыми памятниками великой борьбы. Преданія о ней до половины прошлаго вѣка сохранялись въ крестьянствѣ.

портныхъ . . .	122.789,	въ томъ числѣ	73.088	мастеровъ
башмачниковъ.	154.111,	„ „ „	94.849	„
пекарей	46.987,	„ „ „	26.186	„
мясниковъ. . .	34.991,	„ „ „	21.566	„

По данным 1846 года въ Пруссіи насчитывалось въ общей сложности 457.365 мастеровъ и самостоятельныхъ предпринимателей, которые всѣ держали только 384.783 подмастерьевъ и учениковъ. Тогда же въ Пруссіи насчитывалось 78.000 фабричныхъ предпріятій съ 550.000 рабочихъ. Такимъ образомъ мелкое ремесло представляло тогда еще очень крупную силу, а фабричныя предпріятія по сравненію съ современными были очень мелкими предпріятіями. Ремесленный мастеръ былъ еще полонъ цеховыхъ воспоминаній и, конечно, выступалъ противникомъ свободы промышленности,—онъ даже въ 1848 году, въ эпоху подъема движенія, постарался сформулировать свои реакціонныя требованія. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что къ нему иногда примыкалъ и ремесленный подмастерье. При мелкихъ размѣрахъ ремесленнаго производства онъ не терялъ надежды самъ сдѣлаться мастеромъ. Вообще говоря, соціальныя противорѣчія внутри ремесла не достигали значительной напряженности.

Тѣмъ не менѣе въ жизни подмастерьевъ все же наблюдалось больше движенія, чѣмъ среди мастеровъ. Послѣ тридцатилѣтней войны старые союзы подмастерьевъ распались, а то, что осталось отъ нихъ, насильственно уничтожила абсолютная власть, дѣйствуя въ интересахъ возникающаго капитализма. Въ этомъ отношеніи прусская „соціальная" монархія постаралась больше другихъ. По ея инціативѣ въ 1731 году изданъ имперскій законъ, который разбилъ послѣднее сопротивленіе нѣкогда такихъ воинственныхъ и настойчивыхъ союзовъ подмастерьевъ, а прусскій уставъ о ремеслахъ 1733 года угрожалъ за нарушенія этого закона самыми строгими наказаніями: тюрьмой, каторжными работами, за повторное преступленіе, т.-е. за повторную попытку организоваться, даже смертною казнью. Само собою понятно, что прусское земское право подъ угрозою суровыхъ каръ воспрещало и забастовки. Но какъ разъ безпощадность этого законодательства и пробудила среди подмастерьевъ нѣчто въ родѣ смутнаго классоваго самосознанія, безпокойный духъ недовольства, который еще больше поддерживался такимъ цеховымъ обычаемъ, какъ обязательныя странствованія подмастерьевъ. Въ Швейцаріи, въ Англіи, во Франціи нѣмецкіе ремесленные подмастерья знакомились съ прогрессивными отношеніями, которыя отличались отъ привычныхъ родныхъ, какъ небо отъ земли. Многіе ремесленники оставались за границей, но другіе возвращались на родину и приносили съ собой болѣе широкіе взгляды.

Цеховой строй ремесла представлялъ такую же картину разрушенія, какъ ремесленное производство. Уже въ XVIII вѣкѣ политика просвѣщеннаго абсолютизма, опредѣлявшаяся интересами капитализма, посягнула на цеховое устройство, потрясла его, пробила въ немъ бреши. Потомъ надъ цехами пронеслись бури эпохи Наполеона. Однако даже онѣ

окончательно уничтожили цеховое устройство только тамъ, гдѣ нанесли смертельный ударъ феодализму: въ рейнской Пруссіи, въ рейнской Баваріи, въ рейнскомъ Гессенѣ. Во всѣхъ же остальныхъ частяхъ южной Германіи цехи еще сохраняли за собою господство, даже въ королевствѣ Саксоніи, хотя оно уже достигло сравнительно высокой ступени экономическаго развитія. Въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ на бумагѣ была гарантирована свобода промышленности, но ремесло, разумѣется, ничего не могло отъ этого выиграть. Восточно-прусскіе города въ теченіе четырехъ вѣковъ подвергались такимъ частымъ грабежамъ феодальныхъ классовъ, что въ нихъ не было мѣста для развитія сильной промышленности и сильныхъ городскихъ классовъ.

Уставъ о городовомъ устройствѣ 1808 года для своего времени представлялъ извѣстный прогрессъ. Онъ до нѣкоторой степени освободилъ города отъ бюрократическо-военныхъ тисковъ, онъ предоставилъ имъ завѣдывать своими финансами, школами, благотворительностью, иногда даже полиціей. Но уже самъ по себѣ, какъ все прусское реформаторское законодательство послѣ Іены, уставъ этотъ былъ частичной уступкой, вынужденной самой крайней необходимостью; а послѣ Ватерлоо его подвергли пересмотру, не для того, чтобы сдѣлать шагъ впередъ, а чтобы возвратиться назадъ. Пересмотръ диктовался стремленіемъ отнять у бѣднѣйшихъ слоевъ ихъ гражданскія права, устранить ихъ отъ участія въ городскомъ управленіи, а самое управленіе это поставить подъ придирчивый надзоръ бюрократіи. Система представительства была построена такъ, что интеллигентные люди получали избирательное право при томъ лишь условіи, если они становились домовладѣльцами независимо отъ родителей. Масса городскихъ гражданъ составлялась изъ ремесленниковъ и домовладѣльцевъ, воспитавшихся на самыхъ ограниченныхъ филистерскихъ воззрѣніяхъ. Сжившись съ эксплуататорской практикой вырождающихся цеховъ, они видѣли въ новомъ городовомъ устройствѣ желанную компенсацію за то, что они потеряли, благодаря свободѣ промышленности. Съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ они расточали земли, принадлежащія городамъ, опустошали городскіе лѣса, побѣдоносно расширяли границы своихъ садовъ, своихъ владѣній, пока не захватывали всѣ городскія владѣнія, иногда дѣлили между собою даже дворъ ратуши. Тотъ, кто удачнѣе обдѣлывалъ такія дѣла, былъ героемъ для мелкой буржуазіи.

Больше жизненности обнаруживалъ мелкій буржуа въ южной Германіи, хотя здѣсь, по правому берегу Рейна, ремесло еще сохраняло цеховое устройство. Изъ сотни мелкихъ клочковъ, лежавшихъ по Майну и составлявшихъ автономныя части имперіи, Наполеонъ сколотилъ нѣсколько государствъ средней величины. Послѣ паденія Наполеона государи ихъ постарались попрочнѣе скрѣпить при помощи конституцій свои все еще очень шаткіе троны, сбитые на скорую руку. Но конституціализмъ здѣсь развился довольно своеобразный. Кромѣ громкихъ словъ, за нимъ ничего не стояло. Феодально-военная Германія могла бы его не страшиться. Политическіе идеалы мелкаго буржуа, которымъ при-

надлежало господство въ Баденѣ, въ Пфальцѣ, въ Вюртембергѣ, опредѣлялись его экономическимъ положеніемъ. При случаѣ онъ былъ не противъ республики, но республики въ формѣ мирной Аркадіи, крестьянско-буржуазной республики ничтожныхъ размѣровъ, республики безъ развитыхъ общественно-экономическихъ противорѣчій, безъ большой бѣдности и большого богатства,—короче, въ формѣ настоящаго царства среднихъ сословій и посредственности. Онъ не хотѣлъ ни монарховъ, ни цивильныхъ листовъ, ни дворянства, ни постояннаго войска, ни налоговъ, если это возможно; но онъ не хотѣлъ также ни активнаго вмѣшательства въ историческую жизнь, ни крупной промышленности, ни желѣзныхъ дорогъ, ни міровой торговли. Если бы представилась фактическая возможность раздробить Германію на извѣстное количество такихъ захолустныхъ республикъ, то ея роли, какъ великой націи, былъ бы нанесенъ болѣе рѣшительный ударъ, чѣмъ когда-либо раньше.

Хотя ремеслу все еще принадлежало преобладающее значеніе, однако въ Германіи не было недостатка и во всевозможныхъ зачаткахъ капиталистическаго способа производства. Несмотря на всеобщее обѣднѣніе, въ старыхъ центрахъ торговли сохранились болѣе или менѣе крупные капиталы. Въ XVIII вѣкѣ мощнымъ пособникомъ капиталистическаго развитія сдѣлался деспотизмъ съ его ненасытной потребностью въ деньгахъ на войско и дворъ, съ его возрастающимъ налоговымъ бременемъ и увеличивающимися государственными долгами, съ его системою монополій, привилегій и протекціонизма. Капиталъ къ промышленникамъ отчасти поступалъ прямо изъ государственной кассы,—блестящее состояніе саксонскихъ мануфактуръ Мирабо приписывалъ непосредственно 180-милліонному государственному долгу Саксоніи. Что касается Пруссіи, меркантильная политика Гогенцоллерновъ достаточно извѣстна. Прусскіе налоги, акцизы и контрибуціи всей своей тяжестью давили крестьянъ и ремесленниковъ. Львиная доля изъ выколачиваемыхъ суммъ доставалась войску и юнкерству, но крупныя суммы перепадали и въ карманы капиталистовъ, которые тогда восторженно поклонялись принципу „государственной помощи". Пролетаризація крестьянъ доставляла юному капиталу все новый матеріалъ для превращенія нервовъ и мускуловъ въ вожделѣнную прибавочную стоимость, а драконовскія мѣры къ искорененію обычая понедѣльничать и всеобщее сокращеніе церковныхъ праздниковъ непрестанно ускоряли ходъ капиталистическаго развитія. Мелкіе государи выручали безъ всякихъ хлопотъ многіе милліоны, массами продавая своихъ подданныхъ въ войска иностраннымъ державамъ. И вообще по методамъ, по ихъ нравственному достоинству первоначальное накопленіе капитала въ Германіи не отличается отъ первоначальнаго накопленія въ другихъ государствахъ.

Но, несмотря на энергію накопленія, нѣмецкій капитализмъ все же стоялъ позади французскаго и въ особенности англійскаго. Ему было суждено противопоставлять подавляющей конкуренціи западныхъ народовъ на міровомъ рынкѣ свои голодныя заработныя платы и дѣловую

недобросовѣстность. Въ основѣ его лежала домашняя промышленность кустарные промыслы; передъ ними совершенно стушевалась не только механическая фабрика, но и построенная на ручномъ трудѣ мануфактура.

Кустарные промыслы — и самая старая и самая отсталая форма капиталистическаго способа производства. Выступая впервые, домашняя промышленность часто представляется бѣдному крестьянину и ремесленнику истинной благодѣтельницей. Она убаюкиваетъ свои жертвы, погружаетъ ихъ въ пріятный летаргическій умственный сонъ, но только затѣмъ, чтобы потомъ пробудить ихъ среди страшной умственной и физической бѣдности. Если домашней промышленности приходится бороться съ мануфактурой и въ особенности съ машиннымъ производствомъ, она можетъ поддерживать существованіе только лихорадочнымъ напряженіемъ силъ кустаря. Разъединенность домашнихъ промышленниковъ ослабляетъ ихъ способность бороться съ капиталистомъ, а прогрессивное пониженіе заработной платы вынуждаетъ удлинять рабочій день до предѣловъ возможнаго, запрягать въ ярмо промышленнаго труда жену и дѣтей и приносить и себя и семью въ жертву скоротечной чахоткѣ, преждевременной смерти. И причина этихъ жертвъ не только чрезмѣрность работы, но и отсутствіе необходимѣйшихъ условій существованія и труда: недостатокъ свѣта, воздуха, вентиляціи, тѣснота помѣщенія, которое единовременно служитъ жилищемъ и мастерской, а очень нерѣдко и антигигіеничность самой работы. Къ этому присоединяются нерегулярность занятій, расплата товарами, ростовщичество, эксплуатація паразитовъ-посредниковъ, сотни всевозможныхъ другихъ золъ. Въ положеніи кустарей было больше безнадежности, чѣмъ въ положеніи какихъ бы то ни было пролетаріевъ, и однако ничто имъ не было такъ чуждо, какъ пролетарское классовое самосознаніе. Хотя жалкая собственность затягивала ихъ въ пучину, какъ тяжелая свинцовая гиря, они гордились своей кажущейся самостоятельностью. По самому характеру своего производства они тѣмъ безпомощнѣе стоятъ передъ разрушающими воздѣйствіями міровового рынка, чѣмъ крѣпче производство привязываетъ ремесленника къ его „собственнымъ“ орудіямъ производства.

Домашняя промышленность въ Германіи развивалась двумя главными способами. Съ одной стороны, капиталъ втѣснялся въ трещины цеховъ и потомъ разрушалъ обветшавшее зданіе, такъ что отдѣльные ремесленники превратились въ скупщиковъ-капиталистовъ, а подавляющая масса — въ наемныхъ рабочихъ домашней промышленности. Но, съ другой стороны, и даже главнымъ образомъ, капиталъ устремился въ деревню, гдѣ его ожидала свобода отъ цеховыхъ ограниченій, все же стѣснительныхъ, и обрушился здѣсь на крѣпостного крестьянина, у котораго способность къ сопротивленію сломилъ уже помѣщикъ, — на „карликоваго“ крестьянина, который въ странахъ низкаго плодородія и крайне раздробленнаго землевладѣнія пользовался ничтожнымъ надѣломъ и потому уже давно искалъ дополнительныхъ заработковъ въ ткачествѣ, пряденіи и приготовленіи болѣе или менѣе художественно

выполненной домашней утвари. Замѣчательно, что капитализмъ переполнилъ кустарными промыслами — и сопряженными съ ними страданіями—возвышенности и склоны нѣмецкихъ горъ: Исполиновыхъ, Рудныхъ, Тюрингенскаго Лѣса, Ренна, Таунуса, Шварцвальда и баварскихъ Альпъ. Но онъ не брезговалъ и тѣми жертвами, какія предлагала ему равнина: обширныя пространства по Нижнему Рейну и въ Вестфаліи искони были средоточіями домашней промышленности.

Въ восточной Германіи центрами капиталистическаго способа производства являлись провинція Силезія и королевство Саксонія. Льняное производство Германіи даже во времена ея глубочайшаго паденія оставалось почти единственной отраслью производства, работавшей на вывозъ, и съ половины XVII столѣтія главной областью этого производства сдѣлалась именно Силезская провинція. Постоянный спросъ со стороны англійскихъ и голландскихъ купцовъ обусловилъ быстрый расцвѣтъ силезскаго полотнянаго производства. Въ началѣ XVII вѣка 287 силезскихъ мѣстечекъ производили полотно на продажу. Производство его было дѣломъ почти исключительно деревенской домашней промышленности, пустившей корни въ округахъ со скудною почвой. Въ основѣ домашней промышленности лежалъ феодальный строй отношеній.

Силезія въ извѣстныхъ отношеніяхъ была классическая страна восточно-прусскаго феодализма. Шенъ, дѣятель прусско-крестьянской реформы, объѣхавшій Силезію въ 1797 году, пришелъ въ негодованіе передъ „отвратительностью“ состоянія этой провинціи. Самый воздухъ, полагалъ онъ, дѣлаетъ здѣсь наслѣдственно крѣпостнымъ, внѣ городовъ встрѣчаешь однихъ лишь господъ да рабовъ; и если здѣсь возстанія не вспыхиваютъ за возстаніями, то объясненія надо искать въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, въ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными сохраняется еще извѣстная патріархальность и благодаря этому крѣпостные легче сносятъ такія вещи, которыя иначе были бы невыносимы; съ другой стороны, крѣпостное право, холопство, зависимость, условія прядильныхъ и ткацкихъ работъ привели силезцевъ къ умственному и физическому вырожденію.

Организація силезскаго льняного производства и феодальныя отношенія, крѣпостное право стояли въ самой тѣсной связи. Въ другихъ старо-прусскихъ провинціяхъ ремесло было окончательно или почти окончательно изгнано изъ деревни; напротивъ, въ Силезіи со временъ австрійскаго владычества въ деревняхъ сохранились многочисленные ремесленники; надѣленіе правомъ на занятіе ремесломъ зависѣло отъ однихъ только помѣщиковъ. Правда, король Фридрихъ, завоевавши Силезію, запретилъ взимать „промысловые“ и „ремесленные“ оброки, но какъ почти всегда, такъ и въ этомъ случаѣ воля просвѣщеннаго деспота отступила передъ дружнымъ сопротивленіемъ юнкеровъ-феодаловъ.

Всѣ ткачи, свободные и несвободные, должны были уплачивать помѣщикамъ „ткацкій оброкъ“. Но свободные составляли ничтожное

меньшинство; подавляющая масса ткачей состояла изъ крѣпостныхъ, которые должны были, кромѣ ткацкаго оброка, отбывать феодальные барщины и платежи. Продавая крѣпостнымъ право заниматься ткачествомъ, какъ товарнымъ производствомъ, производствомъ для рынка, помѣщики и не помышляли о томъ, что имъ слѣдовало бы за то позаботиться о сбытѣ товаровъ. Напротивъ, сами они заставляли своихъ крѣпостныхъ покупать у торговцевъ ту самую ткань, которая массами доставлялась имъ крѣпостными прядильщиками въ качествѣ оброка натурой; ткачи, стоявшие отъ нихъ въ полной зависимости, представляли для помѣщиковъ самый надежный рынокъ, волей-неволей поглощавшій весь избытокъ пряжи въ помѣстьѣ. Но если у ткача оказывался избытокъ полотна, это было его дѣло, оно совсѣмъ не касалось помѣщика. Ткачъ долженъ былъ продать полотно, какая бы цѣна ни стояла на рынкѣ или же какую бы цѣну ни заблагоразсудилось торговцу выдать за рыночную. Нищета силезскихъ ткачей давно вошла въ поговорку; она достаточно объясняется тѣмъ, что ихъ одновременно давили, въ благородномъ соревнованіи другъ съ другомъ, феодализмъ и капитализмъ.

Несмотря на нищету ткачей или даже благодаря ей, силезская льняная индустрія до половины XVIII вѣка процвѣтала. Но съ этого времени она падаетъ подъ вліяніемъ растущей британско-ирландской конкуренціи. Путь ирландскаго и шотландскаго прядильщика былъ усыпанъ, конечно, тоже не розами, но самая жалкая заработная плата все же оказалась несравненно лучшимъ побужденіемъ къ прилежной и хорошей работѣ, къ техническому прогрессу въ пряденіи, чѣмъ феодальное принужденіе доставлять безъ всякаго вознагражденія опредѣленное, а то и неопредѣленное количество пряжи. Въ Силезіи даже прядильное колесо не могло вытѣснить ручного пряденія, и силезская пряжа по заслугамъ пользовалась самой дурной славой. Въ какомъ положеніи находились силезскіе крѣпостные ткачи, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Согласно одному англійскому парламентскому отчету 1773 года ткачъ въ Шотландіи зарабатывалъ въ день 10 пенсовъ, въ Ирландіи—8, въ Силезіи—отъ двухъ до шести пенсовъ (отъ 8 до 24 коп.). Притомъ ирландскимъ и шотландскимъ ткачамъ не приходилось уплачивать какому-нибудь помѣщику ткацкій оброкъ и тѣмъ болѣе не приходилось отбывать еще какія-либо феодальныя повинности и барщины. Если рыночная коньюнктура улучшалась, т.-е. если, напр., спросъ на полотно возрасталъ, то заработная плата увеличивалась настолько, что у англійскихъ ткачей оставались нѣкоторыя сбереженія; наоборотъ, при ухудшающейся коньюнктурѣ они могли переселиться въ Америку. Силезскій же ткачъ могъ оставить помѣстье, лишь уплативши выкупъ, что при всѣхъ обстоятельствахъ превышало его силы. При такихъ условіяхъ пряденіе и ткачество приносили величайшій вредъ для интеллектуальнаго и физическаго развитія сельскаго населенія въ Силезіи. А такъ какъ наравнѣ съ рабочими страдала и производительность труда, то силезской полотняной промышленности, несмотря на всевозможныя уловки

недобросовѣстной конкуренціи, все больше и больше приходилось отступать передъ соперничествомъ Великобританіи.

Меркантильная политика короля Фридриха, по самому своему внутреннему существу, не могла принести никакихъ улучшеній. Какъ бы многочисленны ни были регламенты и статуты, которые стремились обезпечить доброту товаровъ, создавая особыхъ надсмотрщиковъ, воспрещая работу неполноправнымъ ремесленникамъ, угрожая ткачамъ за недобросовѣстную работу каторжными тюрьмами, палкой, желѣзнымъ обручемъ на шею, — все это, разумѣется, нисколько не помогало. Корень зла—крѣпостная зависимость прядильщиковъ и ткачей — попрежнему сохранялся. При существованіи этой зависимости Фридрихъ только увеличивалъ нищету ткачей, привлекая въ страну все новыхъ и новыхъ рабочихъ, а стремленіе привлекать новыхъ промышленныхъ рабочихъ владѣло имъ безраздѣльно и приводило его даже къ насильственному похищенію людей изъ сосѣднихъ сравнительно слабыхъ государствъ. Его мѣры, принимаемыя съ цѣлью развитія силезской полотняной промышленности, составляютъ одинъ изъ самыхъ нелѣпыхъ отдѣловъ его экономической политики, и вообще ограниченной по своимъ принципамъ.

Несмотря на всю тупость силезскихъ ткачей, и до нихъ донеслись издалека отголоски французской революціи. Въ 1792 году начались среди нихъ мятежи. Закинувъ мѣшокъ за лѣвое плечо, ткачи изъ горъ вышли на городскіе рынки и побоями вынудили здѣсь торговцевъ пряжей продавать пряжу дешевле, а торговцевъ полотномъ—покупать дороже. Поддержкой движенію послужили крестьянскія волненія, а также безпорядки, возникшіе среди бреславльскихъ ремесленныхъ подмастерьевъ. Прусское воинство въ это время совершало трагикомическій походъ противъ революціонной Франціи, въ Силезіи не было войскъ, и потому перепуганное правительство искало спасенія то въ варварскихъ расправахъ, то въ палліативахъ, не способныхъ ничему помочь. Но скупщики успѣшнѣе справились съ мятежомъ, чѣмъ люди, выступавшіе то съ милостыней, то съ розгами: они оставили рынки и не появлялись на нихъ, пока голодъ не смирилъ всѣхъ ткачей.

Итакъ, силезскіе кустари одинаково страдали отъ феодализма и капитализма, которые уживались въ невозмутимомъ согласіи между собою. Понятно поэтому, что прусскіе соціальные реформаторы одновременно принялись какъ за освобожденіе крестьянъ, такъ и за осуществленіе свободы промышленности. Съ крестьянской свободой, которая должна была вступить въ силу съ Мартынова дня 1810 года, сначала вышло недоразумѣніе. Крестьяне поняли объявленную начальствомъ свободу слишкомъ буквально, какъ освобожденіе отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей. Но противъ такого „превратнаго" истолкованія свободы немедленно были приняты строжайшія мѣры, и королевскій кабинетскій указъ вразумилъ крестьянъ, что съ паденіемъ крѣпостныхъ отношеній отнюдь не уничтожаются барщины и конная служба помѣщику, денежныя и натуральныя повинности, поземельная подать и об-

роки курами, гусями, яйцами, а также всевозможные другіе платежи. Въ такомъ же смыслѣ разъяснило правительство и новую свободу промышленности: по настоянію помѣщиковъ Гарденбергъ заявилъ, что свобода эта ни подъ какимъ видомъ не уничтожаетъ ткацкаго оброка, что, напротивъ, онъ по праву и впредь будетъ существовать. И это говорилось о томъ самомъ оброкѣ, противъ котораго, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, выступала уже политика Фридриха, хотя и не уничтожила его фактически. Старая нищета сохранилась для рабочихъ силезской полотняной индустріи почти въ прежнихъ размѣрахъ, а тутъ англійская конкуренція начинала грозить новымъ и притомъ еще болѣе серьезнымъ ударомъ: борьбой уже не только свободнаго работника противъ несвободнаго, но и борьбой машины противъ руки. Приближались времена, когда силезскіе ткачи, по словамъ одного офиціальнаго отчета, сдѣлались „самыми несчастными существами, можетъ быть, въ цѣлой Европѣ".

Въ королевствѣ Саксоніи первые зачатки капитализма относятся къ эпохѣ Реформаціи. Его старѣйшимъ пристанищемъ было горное дѣло. Горныя богатства рано превратились въ проклятіе для горнорабочихъ, которые извлекали ихъ на поверхность земли. Уже изъ XV столѣтія идутъ многія сообщенія о случаяхъ борьбы изъ-за условій вознагражденія, о безчисленныхъ запрещеніяхъ расплаты товарами; самая ихъ многочисленность и необходимость повторять снова и снова свидѣтельствуетъ о томъ, что это зло процвѣтало и что всѣ мѣры противъ него оставались бумажными мѣрами. Съ открытіемъ американскихъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ добываніе благородныхъ металловъ въ Саксоніи упало, но старыя установившіяся торговыя отношенія, благопріятное географическое положеніе, богатство почвы минеральными сокровищами, какъ свинецъ, олово и каменный уголь, спасли Саксонію отъ продолжительнаго экономическаго упадка. Лейпцигскія ярмарки превратились для восточной Европы въ великіе рынки сначала французскихъ, а потомъ и англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ, и различныя отрасли текстильной промышленности достигли высокой степени процвѣтанія. Саксонскія сукна, лаузицкія полотна, фогтландскій муслинъ, хлопчато-бумажные товары изъ Хемница, кружева изъ Рудныхъ горъ отправлялись въ самыя отдаленныя заграничныя страны. Континентальная блокада — когда Наполеонъ I стремился совершенно преградить доступъ товарамъ изъ Англіи на континентъ Европы—дала новый мощный толчокъ развитію саксонской промышленности. Хемницъ сталъ вырастать въ саксонскій Манчестеръ; на одной фабрикѣ миткаля работало 1.200 человѣкъ, на одной ситце-набивной и бумаго-прядильной фабрикѣ больше 3.000 рабочихъ. Небольшія машины для пряденія хлопка были введены уже съ конца XVIII столѣтія, но механическихъ ткацкихъ станковъ Саксонія не знала до половины XIX вѣка. Перевѣсъ былъ на сторонѣ домашней промышленности, и кустарныя голодныя заработныя платы получили широкую и позорную извѣстность. Кустари Рудныхъ горъ питались исключительно картофе-

лемъ и цикорной болтушкой. Уже въ 1780 году одинъ врачъ изъ Фогтланда обнародовалъ работу о профессіональныхъ болѣзняхъ, которыя распространяются и осложняются съ распространеніемъ кустарнаго производства.

Саксонія XVIII вѣка была экономически, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интеллектуально прогрессивнѣйшая часть Германіи. Саксонія проложила путь для германской культуры, саксонцы—самое образованное и ученое племя германской расы, — такъ писалъ Шенъ, посѣтившіи Саксонію. Саксонія располагаетъ наилучшими школами, изъ Саксоніи беретъ свое начало нѣмецкая классическая литература. Но ея политическій строй стоитъ особнякомъ отъ другихъ сторонъ жизни. Правда, при сложившихся въ Саксоніи экономическихъ отношеніяхъ военное государство по прусскому образцу было невозможно; правда также, что въ пониманіи этихъ отношеній Дрезденъ шелъ далеко впереди Берлина, и саксонская регентша Марія-Антонія тщетно старалась отвратить стараго Фрица (Фридриха) отъ его архаическаго меркантилизма. Лейпцигъ превратился почти въ свободный имперскій городъ, да и вообще саксонскіе города пользовались извѣстной независимостью. Можетъ быть, независимость эта прежде всего благопріятствовала интересамъ патриціанской клики, но все же въ нескрываемомъ недовольствѣ плебейской массы заключался такой элементъ прогресса, который совершенно отсутствовалъ въ прусскихъ городахъ, склонившихся передъ капральской палкой. Все это такъ, и тѣмъ не менѣе Саксонія не раздѣлалась ни съ феодализмомъ въ деревнѣ, ни съ цехами въ городахъ, а обветшавшія формы сословной монархіи продержались еще очень долго и въ XIX вѣкѣ. Саксонія не была ни врагомъ Наполеона, какъ Пруссія, ни его креатурой, какъ многія государства Рейнскаго союза: она была его добровольнымъ союзникомъ и потому сохранила свой соціальный строй незатронутымъ благодѣтельными потрясеніями, сопряженными съ французскимъ завоеваніемъ. А когда Вѣнскій конгрессъ расчленилъ Саксонію въ наказаніе за непреклонную вѣрность ея „великому союзнику", въ ней опять водворилась издавна усвоенная рутина.

Такимъ образомъ въ средоточіяхъ промышленности восточной Германіи все еще въ большей или меньшей мѣрѣ господствовали феодальныя отношенія. Напротивъ, промышленные центры западной Германіи достигли въ своемъ развитіи почти такого же уровня, какъ современное буржуазное общество. Промышленность въ Рейнской Пруссіи отличалась болѣе широкимъ развитіемъ, большею многочисленностью, чѣмъ въ Силезіи или даже въ Саксоніи; она шла впереди этихъ странъ и въ томъ отношеніи, что съ 1795 года на нее распространилось раскрѣпощающее законодательство французской революціи; въ цѣлой Германіи выгодами его воспользовались еще только Рейнская Баварія и Рейнскій Гессенъ. При господствѣ французовъ здѣсь наступилъ мощный расцвѣтъ промышленности, которая давно пустила здѣсь корни и находила сильную опору въ близости Рейна, лучшаго воднаго пути во всей Германіи, въ близкомъ морѣ и богатствѣ почвы мине-

ральными сокровищами. Въ административныхъ округахъ Аахена, Кельна и Дюссельдорфа были представлены почти всѣ отрасли промышленности: всевозможныя отрасли хлопчато-бумажнаго, шерстяного и шелковаго производства, а также стоящія съ ними въ связи отбѣльное, ситце-печатное и красильное дѣло, чугунно-литейное, фабрикація машинъ, горное дѣло, производство оружія и другія металлургическія производства. Благодаря промышленности, здѣсь сосредоточилось настолько плотное населеніе, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Германіи.

Бранденбургскій желѣзодѣлательный и каменноугольный районъ, примыкая непосредственно къ Рейнской провинціи, снабжалъ ее отчасти сырыми матеріалами и составлялъ съ ней одно цѣлое въ промышленномъ отношеніи. Въ тѣсной связи съ промышленностью Рейнской провинціи стояла очень широкая, по нѣмецкому масштабу, вывозная и ввозная торговля со всѣми частями свѣта, непосредственныя сношенія со всѣми крупными центрами міроваго рынка. Расцвѣтъ торговли и промышленности благопріятствовалъ накопленію капитала; въ городахъ старыя сословія подверглись перетасовкѣ, и атомы общества начали группироваться въ классы буржуазіи и пролетаріата, которые все рѣзче отдѣлялись одинъ отъ другого. Въ деревнѣ получило признаніе свободное землевладѣніе. Мелкій крестьянинъ подавлялъ своей численностью; онъ былъ свободенъ отъ феодальныхъ повинностей, но все больше превращался въ раба-должника по отношенію къ капиталу. Буржуазія пріобрѣтала господство надъ крестьяниномъ при помощи ссудъ подъ залогъ земли, какъ надъ пролетаріемъ посредствомъ заработной платы и надъ мелкимъ буржуа при содѣйствіи конкуренціи. Господство буржуазіи получило признаніе и опору въ торговыхъ судахъ, въ фабричныхъ судахъ, въ судахъ присяжныхъ, во всемъ законодательствѣ по гражданскимъ дѣламъ. Это былъ единственный для Германіи примѣръ такого высокаго экономическаго развитія.

Въ своемъ постепенномъ ростѣ рейнско-вестфальская крупная промышленность представляла пеструю картину различныхъ формъ капиталистическаго производства. Въ ремшейдскомъ округѣ сохранилось ремесло, и капиталъ удовольствовался ролью коммиссіонера-экспортера всевозможныхъ предметовъ; но его господство отъ этого не сдѣлалось мягче. Въ золингенскомъ округѣ капиталъ разрушилъ цехи и низвергнулъ оружейныхъ мастеровъ, во времена оны самыхъ уважаемыхъ ремесленниковъ, пользовавшихся всемірной извѣстностью, на самое дно нищеты, привелъ ихъ въ положеніе пролетаріевъ-кустарей. Въ Аахенѣ капиталъ, привлекши на свою службу дешевыя рабочія силы изъ окрестныхъ деревень, смирилъ цеховое ремесло суконодѣловъ. Въ шелковой промышленности Крефельда, которая искони была захвачена торговымъ капиталомъ скупщиковъ, ткачи-кустари вели настойчивую борьбу изъ-за званія ремесленнаго мастера; счастье улыбалось имъ, и они, путемъ тяжелыхъ лишеній, пріобрѣтали въ свою собственность ткацкій станокъ, вовсе не подозрѣвая, что они такимъ

способомъ только все крѣпче заковываютъ себя въ цѣпи капитала. Впрочемъ, рейнская промышленность замѣчательна и въ томъ отношеніи, что здѣсь раньше всего развилось мануфактурное и фабричное производство. Уже въ 1783 году одинъ эльберфельдскій фабрикантъ приводилъ въ движеніе силой воды первый для Германіи механическій прядильный станокъ. И если золингенскіе шлифовальщики въ 1826 году устроили шумные безпорядки противъ вопіющей truck-system (системы расплаты товарами, а не исключительно деньгами), а крефельдскіе шелко-ткачи въ 1828 году такъ же бурно протестовали противъ невыносимаго пониженія заработной платы, то въ это же время, но въ мрачномъ безмолвіи, тысячи и тысячи дѣтей рабочихъ падали жертвой машины.

Прусское правительство нечаянно сдѣлало хорошее дѣло и непреднамѣренно раскрыло, въ какомъ ужасающемъ положеніи находятся дѣти на фабрикахъ. Въ 1818 году оно случайно узнало, что какой-то фабрикантъ изъ рейнскихъ провинцій построилъ фабричную школу. Съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ лицемѣріемъ оно воздало королевскимъ кабинетскимъ приказомъ публичную похвалу достойному человѣку. Между тѣмъ травля такъ называемыхъ демагоговъ привела къ разслѣдованію школьнаго дѣла, и министръ исповѣданій фонъ-Альтенштейнъ потребовалъ отъ дюссельдорфской администраціи болѣе подробныхъ свѣдѣній объ упомянутой фабричной школѣ. И вотъ тутъ-то раскрылось, что у прославленнаго фабриканта было два прядильныхъ заведенія и что онъ принималъ въ нихъ дѣтей по шестому году какъ для дневныхъ, такъ и для ночныхъ работъ. Въ одной прядильнѣ днемъ работало 96, ночью 65 дѣтей, въ другой днемъ 95, ночью 80 дѣтей. Рабочее время составляло днемъ 13, ночью 11 часовъ, притомъ часто работали и по воскресеньямъ. Ежедневный заработокъ для дѣтей помоложе не составлялъ и 20 пфенниговъ (меньше 10 копеекъ), для дѣтей постарше—30 пфен., между тѣмъ какъ взрослые рабочіе за ту же работу получали 1 марку (45—46 коп.). Но возвеличенный фабрикантъ настойчиво увѣрялъ, что дѣти, работающія днемъ, обучаются въ школѣ въ теченіе одного часа, а работающія ночью—въ теченіе двухъ часовъ въ день. Какой-то тайный совѣтникъ, главный членъ финансоваго управленія—имя его, къ несчастью, не сохранилось на память потомству—сообщилъ въ Берлинъ слѣдующее: дѣти, работающія по ночамъ, рѣзко отличаются отъ блѣдныхъ берлинцевъ сильною, цвѣтущею внѣшностью; ночная работа до такой степени мало изнуряетъ ихъ, что они, возвращаясь по домамъ, отстоящимъ больше чѣмъ за четверть мили, даютъ выходъ своей жизнерадостности въ продѣлкахъ разнаго рода; спать днемъ вообще такъ же гигіенично, какъ и ночью.

Но Альтенштейну положеніе вещей все же показалось не въ такой мѣрѣ удовлетворительнымъ, какъ тайному совѣтнику. Какъ-никакъ, а онъ былъ другъ Гегеля, и въ знаменитомъ государствѣ всеобщаго обязательнаго обученія не хотѣлъ быть министромъ народнаго просвѣщенія только по имени. Его управленіе школами было, пожалуй, единственной сравнительно свѣтлой страницей въ мрачной исторіи прусской бюро-

кратіи. Но его коллега фонъ-Шукманъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ Альтенштейну необходимо было притти къ соглашенію, полагалъ, что работа малолѣтнихъ на фабрикахъ не нуждается ни въ какихъ измѣненіяхъ; чтобы убѣдить его въ необходимости вмѣшательства, Альтенштейнъ обратился къ окружнымъ управленіямъ Рейнской провинціи, а также провинцій Вестфаліи, Силезіи, Бранденбурга и Саксоніи и потребовалъ, чтобы они произвели разслѣдованіе характера и распространенности фабричнаго труда малолѣтнихъ. Администрація произвела разслѣдованіе, какъ вообще производитъ разслѣдованія бюрократія: не опрашивались ни рабочіе, ни ихъ дѣти, но только фабриканты и отчасти еще врачи, священники и учителя. Тѣмъ не менѣе даже ихъ сообщенія обрисовываютъ страшную картину.

Массы дѣтей, многія тысячи, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, иногда уже на четвертомъ году жизни, подвергаются истязаніямъ во всѣхъ отросляхъ текстильной промышленности, а также на фабрикахъ иголокъ, бронзы, пряжекъ, цѣпочекъ, ковровъ, бумаги, фарфора и всевозможныхъ другихъ. Послѣ непомѣрной работы, продолжающейся десять, двѣнадцать, даже четырнадцать часовъ ежедневно—и это за плату въ нѣсколько грошей,—имъ предоставляютъ кратковременный отдыхъ, который, какъ сообщаетъ изерлонскій отчетъ, проходитъ за водкой, табакомъ, развратомъ и азартными играми. Въ другихъ отчетахъ говорится: „блѣдныя лица, усталые, воспаленные глаза, вздутые животы, опухшія щеки, губы и крылья носа, воспаленныя железы шеи, злокачественная сыпь на кожѣ и припадки астмы отличаютъ въ гигіеническомъ отношеніи этихъ несчастныхъ созданій отъ другихъ дѣтей того же класса народа, но не работающихъ на фабрикахъ. Въ такой же степени жалко и ихъ умственное и нравственное развитіе“. Самое печальное положеніе создалось и въ частяхъ Германіи, стоявшихъ на сравнительно низкой ступени промышленнаго развитія, какъ провинція Бранденбургъ и Саксонія. Люкенвальдскій магистратъ сообщалъ, что дѣти, занятыя въ суконныхъ мануфактурахъ, вырастаютъ въ нравственномъ развращеніи. Въ гвоздарномъ производствѣ мерзебургскаго округа дѣти съ 4 часовъ утра и до 6 часовъ вечера должны были выполнять такую тяжелую работу, какъ раздуванье мѣховъ.

Все это не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на прусскихъ министровъ, за единственнымъ исключеніемъ Альтенштейна. Въ 1826 году, когда генералъ-лейтенантъ фонъ-Горнъ доложилъ королю, что фабричные округа уже не могутъ поставлять надлежащій контингентъ рекрутовъ, тоже ничего не было сдѣлано. Шукманъ на новое представленіе Альтенштейна отвѣтилъ очень грубо, но съ глубокимъ пониманіемъ сущности прусскаго полицейскаго государства: фабричный трудъ малолѣтнихъ далеко не такъ вреденъ, какъ трудъ молодежи, направленный на пріобрѣтеніе умственнаго развитія. Но вотъ болѣе гуманные фабриканты Рейнской провинціи подняли въ газетахъ тревогу, а ландтагъ той же провинціи потребовалъ законодательной регламентаціи труда малолѣтнихъ, и только тогда, въ 1839 году, правительство

зашевелилось и сдѣлало распоряженіе объ ограниченіи фабричнаго труда малолѣтнихъ, само собой разумѣется, не въ дѣйствительности, а на бумагѣ. Должно было пройти еще десять лѣтъ, прежде чѣмъ обратили вниманіе на жалобы рабочихъ противъ truck-системы, т.-е. противъ расплаты продуктами изъ лавокъ при фабрикахъ. Лишь послѣ благодѣтельнаго урока 1848 года издано было воспрещеніе расплаты товарами и съ извѣстной серьезностью приводилось на практикѣ. А до того времени ничего не могли подѣлать ни жалобы рабочихъ, ни повторныя представленія ландтаговъ рейнской и вестфальской провинцій, ни даже страстная агитація нѣкоторыхъ заслуживающихъ уваженія фабрикантовъ: прусское правительство противопоставляло всему этому „серьезныя возраженія и основательныя сомнѣнія", слѣдуетъ ли воспретить это постыднѣйшее ростовщичество, объектами котораго являлись и безъ того обездоленные, беззащитные пролетаріи. Но тѣмъ больше готовности обнаруживало оно въ тѣхъ случаяхъ, когда вызывали его славное вооруженное воинство для подавленія безпокойныхъ проявленій недовольства среди обездоленныхъ.

Въ общемъ лишь то обстоятельство, что восточно-прусская бюрократія до тонкости понимала вожделѣнія рейнской буржуазіи, одно лишь оно и служило связующимъ звеномъ между восточными и западными провинціями прусскаго государства. Во всемъ остальномъ къ рейнскимъ землямъ въ Берлинѣ относились почти такъ, какъ относятся къ усмиреннымъ бунтовщикамъ, и, послѣдовательно нанося ударъ за ударомъ ихъ сравнительно прогрессивному законодательству, стремились довести ихъ до культурнаго уровня какой-нибудь турецкой провинціи. Все, что было въ нихъ интеллигентнаго, доработавшагося до самосознанія, открыто возмущалось берлинскимъ „христіанско-германскимъ" правительствомъ.

Вообще условія, сложившіяся въ Германіи, не особенно благопріятствовали развитію торговой и промышленной буржуазіи. Сосѣднія страны одна за другой воздвигали таможенныя заставы противъ нѣмецкихъ товаровъ, Англія дѣлала невозможнымъ ввозъ лѣса и хлѣба изъ Германіи; Германія, раздробленная на множество государствъ, не могла настоять на томъ, чтобы иностранныя государства предоставили сносныя условія нѣмецкимъ купцамъ.

Раздробленная и безсильная Германія была открыта для подавляющей конкуренціи иностранцевъ. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ англійскіе товары, до того времени сдерживаемые континентальной блокадой, буквально наводнили нѣмецкіе рынки. Въ петиціи, поданной прусскому королю, нижне-рейнскіе фабриканты такъ обрисовали положеніе: „Всѣ рынки Европы закрыты для нашихъ товаровъ таможенными заставами, между тѣмъ какъ всѣ товары Европы находятъ въ Германіи открытый рынокъ".

Еще хуже для нѣмецкой промышленности было то обстоятельство, что она не располагала и сколько-нибудь широкимъ внутреннимъ рынкомъ. Каждое изъ нѣсколькихъ десятковъ нѣмецкихъ государствъ воз-

двигало собственныя таможенныя заставы, взимало особыя пошлины съ провозимыхъ товаровъ. Больше того: даже въ предѣлахъ одного и того же государства отдѣльныя провинціи составляли какъ бы особыя государства и сохраняли отъ среднихъ вѣковъ особыя права, особыя привилегіи, особое законодательство и—особыя пошлины. Немудрено, что вся Германія напомнила французу де-Прадту огромную тюрьму, обитатели которой могутъ сообщаться другъ съ другомъ только черезъ рѣшетки.

Нѣмецкія правительства въ принципѣ ничего не имѣли противъ этихъ, какъ и противъ другихъ пережитковъ феодализма. Тѣмъ не менѣе и они не могли совсѣмъ не считаться съ экономической необходимостью. Финансовыя соображенія уже въ 1818 году заставили Пруссію выступить въ роли реформатора таможенной системы. Въ этомъ году въ Пруссіи были уничтожены всѣ внутреннія таможни, вся Пруссія составила одинъ свободный рынокъ, но, разумѣется, зато отгородилась таможенной линіей отъ сосѣднихъ нѣмецкихъ государствъ. Послѣднія попали изъ огня въ полымя: прусскій рынокъ теперь для нихъ былъ закрытъ. Для нихъ не оставалось другого выбора, какъ принять прусскія таможенныя пошлины и составить съ Пруссіей единое цѣлое въ торгово-промышленномъ отношеніи. Но они видѣли въ то же время, что это было бы первымъ шагомъ къ признанію политическаго верховенства Пруссіи, поэтому они всѣми силами отстаивали свою таможенную самостоятельность, какъ одну изъ важнѣйшихъ основъ политической самостоятельности. Но въ концѣ-концовъ династическія соображенія по необходимости пошли на уступки передъ финансовыми соображеніями. Мелкія и среднія государства одно за другимъ приняли прусскій тарифъ; таможни между ними уничтожались, таможенная линія относилась все дальше и дальше. Такъ возникъ въ 1834 году германскій таможенный союзъ, который подъ конецъ охватывалъ до 8000 квадратныхъ миль съ 30-ю милліонами жителей,—почти всю Германію въ современныхъ размѣрахъ.

Созданіе широкаго внутренняго рынка для продуктовъ нѣмецкой промышленности было крупнымъ шагомъ впередъ. Пожалуй, еще большее значеніе для развивающагося новаго общества имѣло начало постройки желѣзныхъ дорогъ, которое относится къ концу тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія. До того времени Германія располагала ничтожной сѣтью сносныхъ конныхъ и водныхъ путей сообщенія. Въ Пруссіи, напр., въ 1831 году общее протяженіе шоссейныхъ дорогъ едва превышало 1000 миль. Регулярныя торговыя сношенія были невозможны: если бы не было періодическихъ ярмарокъ, торговля оказалось бы въ самомъ затруднительномъ положеніи. Представители рейнской и саксонской промышленности, а также крупные торговые города быстро поняли значеніе желѣзныхъ дорогъ. Но феодальнымъ классамъ все это дѣло показалось сначала въ высшей степени подозрительнымъ. Изъ монарховъ къ желѣзнымъ дарогамъ благоволили только мечтатели или мистики, какъ король баварскій или кронпринцъ прусскій (впослѣд-

ствiи Фридрихъ-Вильгельмъ IV); но и они не подозрѣвали, какую революцію въ общественныхъ отношеніяхъ предстоитъ произвести желѣзнымъ дорогамъ. Вообще же правительства нерѣдко воздвигали всевозможныя препятствія постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, но остановить ихъ развитія они не могли. Новые пути сообщенія пробили первую серьезную брешь въ китайской стѣнѣ партикуляризма, мѣстной обособленности, узости всѣхъ отношеній и нанесли смертельный ударъ связаннымъ съ изолированностью предразсудкамъ и умственной неподвижности. Они же открыли выходъ неистощимымъ минеральнымъ богатствамъ Германіи, они дали мощный толчокъ развитію крупнаго производства, которое съ этого времени пускаетъ, наконецъ, прочные корни и въ южной Германіи, обосновывается въ Аугсбургѣ, Нюрнбергѣ, Мангеймѣ и другихъ городахъ. Начинается быстрый ростъ машиностроительныхъ фабрикъ: Борзига въ Берлинѣ, Крамера и Клетта въ Нюрнбергѣ.

Тѣмъ не менѣе мелкое ремесленное производство все еще оставалось основной формой нѣмецкой промышленности. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ оно пережило еще эпоху подъема, и этотъ подъемъ былъ его лебединой пѣсныо, предсмертнымъ расцвѣтомъ. Впрочемъ, нѣкоторые промыслы—мыловаренный, кожевенный, перчаточный, шляпный, горшечный—уже страдали отъ конкуренціи крупнаго капитала; но зато другіе ремесленники—механики, слесаря, каменотесы—оказались въ выигрышѣ какъ разъ потому, что крупное производство создавало новый спросъ на ихъ работу. Потери однихъ и выигрышъ другихъ могли взаимно уравновѣситься. Въ общемъ ремесло расцвѣтало. Число занятыхъ ремесленниковъ возрастало быстрѣе, чѣмъ населеніе. Однако въ то же время обострялись общественныя противорѣчія между мастерами и подмастерьями. Для того чтобы основать собственное производство, въ крупныхъ городахъ были необходимы болѣе или менѣе значительныя затраты: размѣры производствъ все увеличивались. Большей части подмастерьевъ пришлось разстаться съ надеждой сдѣлаться когда-нибудь мастерами. Въ XVIII вѣкѣ средствомъ противъ чрезмѣрнаго переполненія ремесла была служба въ наемныхъ войскахъ. Теперь этого средства не было,—единственнымъ исходомъ служило переселеніе въ Англію, Францію, Швейцарію. Въ тридцатыхъ годахъ огромный потокъ нѣмецкихъ переселенцевъ направляется и въ Соединенные Штаты: за одно десятилѣтіе туда эмигрировало болѣе 150 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ въ предыдущее второе десятилѣтіе XIX вѣка число эмигрантовъ не достигло восьми тысячъ *).

Но оживленіе ремесла въ концѣ 30-хъ годовъ было, повторяемъ, его лебединою пѣсныо. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи начинается быстрый и непрерывный упадокъ.

Промышленность Австріи въ основныхъ чертахъ стояла на такой же ступени развитія, какъ и въ Германіи. Исторія современныхъ формъ

*) Въ 40-хъ годахъ процвѣтанію ремесла наступилъ конецъ, и эмиграція изъ Германіи въ Америку дала уже 430.000 человѣкъ за одно десятилѣтіе.

производства въ Австріи не заходитъ, въ сущности, глубже XVIII столѣтія. Съ XVI вѣка австрійскіе монархи выступили въ роли вождей контръ-реформаціи. Наиболѣе интеллигентные слои буржуазіи примыкали къ протестантизму. Нетерпимость Габсбурговъ, стремившихся превратить Австрію въ царство іезуитовъ, повела къ нескончаемымъ гоненіямъ на протестантовъ. Протестанты покидали страну, а вмѣстѣ съ ними ее оставлялъ и духъ предпріимчивости; не подвергалась преслѣдованіямъ только масса дюжинныхъ, неспособныхъ людей. Въ Австріи наступило спокойствіе—невозмутимое спокойствіе кладбища, охватившее и область экономическихъ отношеній.

Государи XVIII вѣка прилагали невѣроятныя усилія, чтобы исправить грѣхи своихъ слишкомъ ужъ католическихъ предковъ. При Іосифѣ I, Карлѣ VI, Маріи Терезіи, Іосифѣ II была обезпечена хотя нѣкоторая свобода промышленности, и ремесло очнулось отъ своего долгаго сна.

При раздачѣ „привилегій" на занятіе производствомъ вѣроисповѣданіе совсѣмъ не принималось въ расчетъ. Фабрикантамъ и фабричнымъ рабочимъ была обезпечена свобода совѣсти. Для поощренія крупныхъ предпріятій ихъ освобождали отъ всякихъ налоговъ, давали имъ безпроцентныя и даже безвозвратныя ссуды изъ государственной кассы, надѣляли всевозможными привилегіями, какъ, напр., полное освобожденіе фабричныхъ рабочихъ и учениковъ отъ воинской повинности, и т. д. При заминкѣ въ дѣлахъ государство нерѣдко выдавало рабочимъ, особенно прядильщикамъ и ткачамъ, ежедневныя пособія, чтобы удержать ихъ отъ эмиграціи.

Текстильная промышленность (т.-е. тѣ отрасли промышленности, которыя обрабатываютъ и перерабатываютъ въ ткани различныя „волокнистыя" вещества: ленъ, пеньку, шерсть, шелкъ, хлопокъ и т. д.) Австріи своимъ зарожденіемъ и своимъ быстрымъ ростомъ обязана главнымъ образомъ такому государственному покровительству. Мѣропріятія Іосифа II обусловили расцвѣтъ богемскихъ и силезскихъ полотняныхъ и суконныхъ мануфактуръ. Но еще быстрѣе развивалось въ этотъ періодъ хлопчато-бумажное производство. Въ эту же эпоху завоевали себѣ громкую извѣстность „вѣнскія производства", которыя могли потягаться даже съ парижскимъ и лондонскимъ. И совсѣмъ не случайность, что почти всѣ эти производства развивались внѣ цеховой организаціи, появлялись или въ формѣ мануфактуры, или въ формѣ домашней промышленности.

Австрійскіе монархи XVIII вѣка обезпечили извѣстную свободу промышленности вовсе не потому, что они благоволили къ принципамъ либерализма вообще и экономическаго въ частности. Ихъ экономическая политика оставалась „отеческой" въ вотчинномъ, крѣпостномъ, архаическомъ значеніи этого слова, диктовалась такими же соображеніями, какъ заботы помѣщиковъ о насажденіи въ помѣстьяхъ новыхъ промысловъ и производствъ. Они и не предчувствовали, что покровительствуемый ими индустріализмъ, развитіе промышленности, въ конечномъ итогѣ ведетъ къ торжеству принциповъ политическаго либера-

лизма. Если бы они предвидѣли это, ихъ экономическая политика не отличалась бы отъ политики ихъ преемника, императора Франца.

Францъ инстинктивно ненавидѣлъ индустріализмъ, какъ почву для развитія либерализма, и, въ рѣзкомъ противорѣчіи со своими совѣтчиками, старался, гдѣ только возможно, поставить передъ нимъ рогатки и препоны. Конечно, старые цехи, не способные сами по себѣ ни задержать развитіе новыхъ формъ производства, ни приспособиться къ новымъ потребностямъ, теперь воспрянули духомъ. Представители ихъ утверждали, будто упадокъ промышленности, наступившій въ концѣ XVIII вѣка, какъ неизбѣжный результатъ нескончаемыхъ войнъ и реакціонной экономической политики Франца, вызванъ забвеніемъ ремесла, пренебрежительнымъ отношеніемъ къ цехамъ, къ этимъ исконнымъ формамъ австрійской промышленности. Единственный выходъ изъ тяжелаго положенія, по ихъ мнѣнію, былъ въ возвратѣ къ цеховымъ монополіямъ, къ средневѣковому строю промышленности. И правительство Франца, вопреки своей волѣ, не разъ выступало съ ограниченіями свободы промышленности.

Финансы государства были въ самомъ печальномъ положеніи; оно кругомъ запуталось въ долгахъ, бумажныя деньги окончательно обезцѣнились, банковые билеты въ нѣкоторые дни 1811 года котировались на биржѣ по $^1/_{12}$ своей номинальной стоимости. При такихъ условіяхъ всякіе дѣловые расчеты и планы на будущее оказывались невозможными. Исчезла увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Тысячи банкротствъ были слѣдствіемъ рѣзкихъ биржевыхъ колебаній.

А государство, чтобы помочь бѣдѣ, только и дѣлало, что измышляло новые пошлины и налоги, проявляло величайшую изобрѣтательность въ изысканіи новыхъ объектовъ обложенія, новыхъ предлоговъ для взысканія податей. Въ эту эпоху напряженіе всѣхъ платежныхъ силъ населенія было объявлено основнымъ принципомъ здоровой финансовой политики, „ибо слабое обложеніе само по себѣ вредно для націи, такъ какъ оно открываетъ всѣ двери передъ праздностью и усыпляетъ духъ предпріимчивости“.

Уже въ 1806 году офиціальная „записка о внутреннемъ состояніи Австріи“ признаетъ, что „торговля и промышленность находятся въ полномъ упадкѣ, трудолюбіе покинуло мастерскія, промышленникъ, не имѣвшій особеннаго достатка, теперь впалъ въ нищету, а его семья гибнетъ отъ голода“. „Распространяется духъ недовольства и равнодушія къ общему благу“, говорится въ концѣ этой записки. „Открытый и добродушный народный характеръ, равнаго которому трудно найти, становится замкнутымъ и необщительнымъ. Общительность и жизнерадостность замѣтно идутъ на убыль. Человѣкъ уединяется, когда онъ страдаетъ. Жалкіе заработки даютъ скудное пропитаніе лишь отдѣльнымъ единичнымъ личностямъ, число браковъ все уменьшается: съ 1802 года оно понизилось больше чѣмъ на 25 процентовъ, а число смертныхъ случаевъ увеличилось на 15 процентовъ Могутъ ли быть болѣе очевидныя доказательства упадка народнаго благосостоянія?“

Такъ говоритъ офиціальная записка. И сильно же долженъ былъ Францъ I ненавидѣть индустріализмъ, если онъ, невзирая на финансовыя затрудненія государства, на кризисъ, переживаемый промышленностью, постарался нанести тяжкій ударъ тому самому классу, на которомъ держались государственные финансы, и въ 1802 году воспретилъ устройство фабрикъ въ Вѣнѣ и ея пригородахъ.

Правительство Франца все же понимало, что эта мѣра крайне опасная, что принять ее значитъ одной рукой разъ навсегда отнять кормъ у коровы, а другой доить ее. Совѣтчики Франца извлекли изъ политики его предшественниковъ одинъ важный урокъ. Государство должно же было откуда-нибудь извлекать свои доходы. Возложить налоговую тяжесть на землевладѣльцевъ-дворянъ было рискованно: это знаменовало бы рѣшительное потрясеніе феодальныхъ отношеній, сохранявшихся въ деревнѣ, полную революцію. Но австрійскіе бюрократы нисколько не напоминали революціонеровъ. При такихъ условіяхъ не оставалось ничего другого, какъ искать средствъ у промышленности и торговли и, слѣдовательно, оберегать ихъ отъ чрезмѣрныхъ стѣсненій.

Поэтому министры постарались уяснить императору, что́ будетъ слѣдствіемъ его приказанія: множество производствъ и фабрикъ могутъ существовать только въ столицѣ; изгнаніе ихъ было бы равносильно полному закрытію двухъ третей ихъ общаго количества; дороговизна въ Вѣнѣ проистекаетъ не изъ переполненія столицы фабричными рабочими и ремесленниками и т. д.

Все это было, разумѣется, справедливо, но не попадало въ цѣль, не затрогивало истинныхъ мотивовъ гоненія, открытаго противъ фабрикъ и мануфактуръ. Болѣе глубокое пониманіе намѣреній императора обнаруживаетъ одна изъ многочисленныхъ записокъ, посвященныхъ распоряженію 1802 года. Въ ней говорится между прочимъ слѣдующее: „Было бы несправедливостью по отношенію къ бюргерскому сословію,— т.-е. къ буржуазному классу,—вообще такому важному по своей роли, если бы на низшій классъ промышленниковъ стали смотрѣть какъ на болѣе опасный для общественнаго спокойствія, чѣмъ другія сословія: вѣдь и этотъ классъ во время непріятельскаго вторженія доказалъ свою преданность монарху и отечеству“. Та же записка указываетъ, насколько необходимо дать работу для „сброда, всегда переполняющаго столицы“: „сбродъ этотъ дѣйствительно станетъ крайне опаснымъ лишь по закрытіи фабрикъ и промысловъ и во всякомъ случаѣ онъ не такъ-то легко дастъ удалить себя изъ столицы“. Вообще реакціонный характеръ экономической политики императора опредѣлялся отнюдь не заботами о благѣ ремесленнаго сословія, а страхомъ передъ фабрикантами, заподозрѣнными въ политическомъ либерализмѣ, и передъ массою фабричныхъ рабочихъ.

Но всѣ представленія и успокоительные доводы не могли разубѣдить императора. Онъ заявилъ, что всѣ заявленія „непрошенныхъ совѣтниковъ“ „ни къ чему не годятся“, и остался при своемъ распоряженіи 1802 года, воспрещавшемъ основывать новые промыслы и фаб-

рики на разстояніи двухъ миль отъ столицы. Только въ 1811 году страхъ неминуемаго банкротства положилъ конецъ этому запрещенію,— онъ одержалъ временную побѣду надъ отвращеніемъ Франца къ индустріализму.

Но уже въ 1822 году императоръ опять повторилъ запретъ выдавать новыя разрѣшенія на устройство промышленныхъ предпріятій, и только въ 1827 году, послѣ величайшихъ усилій правительства, этотъ запретъ былъ опять отмѣненъ и промышленности предоставлена жалкая пародія на свободу.

Въ 1831 году цехи сдѣлали новый рѣшительный натискъ и постарались использовать отвращеніе императора къ принципамъ „экономическаго либерализма". Императоръ соглашался съ защитниками цеховъ, что „ограниченія коммерческой свободы" необходимы, но полагалъ, что предварительно слѣдуетъ изучить вопросъ о томъ, какихъ торговыхъ и промышленныхъ классовъ должны коснуться эти ограниченія. Правительство предприняло обширное изслѣдованіе состоянія австрійской промышленности. Результаты его были опубликованы только въ началѣ 1835 года, за нѣсколько недѣль до смерти Франца. Такимъ образомъ до практическихъ мѣропріятій дѣло не дошло, и тридцатилѣтняя борьба австрійской промышленности за право на жизнь могла считаться оконченной. Памятникомъ этого похода противъ новыхъ формъ производства остается только упомянутое изслѣдованіе, представляющее цѣнный матеріалъ для характеристики австрійской промышленности въ половинѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка.

Положеніе торговыхъ и промышленныхъ классовъ къ этому времени было, пожалуй, еще хуже, чѣмъ въ началѣ столѣтія. Гнетъ налоговъ, тяготѣвшій на нихъ, возросъ непомѣрно. Такъ, домовая подать въ періодъ съ 1810 по 1832 годъ увеличилась въ отношеніи 3 : 23, промысловый налогъ — въ отношеніи 3 : 34, итогъ гильдейскихъ пошлинъ и сбора съ патентовъ — въ отношеніи 3 : 112.

Къ тому присоединялись огромные сборы, взимавшіеся при вступленіи въ званіе мастера, и всевозможныя пошлины, взимавшіяся цеховыми организаціями. Въ то же время обученіе превратилось въ простую формальность, мастера употребляли учениковъ на побѣгушки, для домашнихъ работъ; впрочемъ, даже при добромъ желаніи они могли бы научить очень немногому: славное искусство ремесленниковъ уже къ этому времени отошло въ область преданій и машинное производство безъ труда вытѣсняло ремесленные продукты *).

И ремесло и крупное производство въ одинаковой мѣрѣ страдали отъ жалкаго состоянія путей сообщенія. Въ первую треть XIX вѣка постройка шоссе пошла энергичнѣе, но все же за двадцать лѣтъ, съ

*) Примѣненіе паровой машины начинаетъ быстро распространяться въ Австріи съ тридцатыхъ годовъ. Въ 1852 году во всей Австріи было 231 паровыхъ машинъ въ 2939 силъ. Къ 1852 году число ихъ увеличилось до 671 машинъ въ 9128 лошадиныхъ силъ. Больше всего онѣ примѣнялись въ горномъ дѣлѣ, въ хлопчато-бумажномъ и шерстяномъ производствѣ.

1813 по 1832 годъ, было построено новыхъ дорогъ только 454 мили. Еще медленнѣе развивалась желѣзнодорожная сѣть, хотя Австрія была однимъ изъ первыхъ государствъ, принявшихся за ея сооруженіе *). Только въ 40-хъ годахъ строительная дѣятельность стала развиваться быстрѣе. Пароходство по Дунаю тоже только что начало развиваться и еще не успѣло справиться съ многочисленными естественными препятствіями.

Но вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ новыя формы производства все же развились, а въ послѣднее десятилѣтіе передъ 1848 годомъ развились даже съ значительной быстротой. По отношенію къ нимъ все общество раздѣлилось на двѣ враждебныя части. На одной сторонѣ стояли цеховые ремесленники, представители отживающихъ общественныхъ и экономическихъ формъ; на другой — дѣти и поборники новаго времени, носители новыхъ воззрѣній, привилегированные мастера и фабриканты. Если бы желанія цеховъ нашли полное отраженіе въ экономическомъ законодательствѣ, оно возвратилось бы вспять не на нѣсколько десятилѣтій, а на цѣлыхъ два вѣка, къ эпохѣ Фердинанда III. Противники „индустріализма", представители цеховъ, ни на минуту не задумываясь, провели бы такія ограниченія для новыхъ формъ производства, что развитіе ихъ сдѣлалось бы невозможнымъ и Австріи было бы суждено навѣки остаться бѣдной страной съ преобладаніемъ земледѣлія. По своей наивности они во всеуслышаніе заявляли, что промышленность и промышленные классы—опаснѣйшій элементъ для государственнаго спокойствія и потому отнюдь не подобаетъ насаждать индустрію въ Австріи. Они предлагали такія стѣсненія для фабричнаго производства, что крупное производство сдѣлалось бы рѣшительно невозможнымъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи такой фактъ. Губернская администрація въ Моравіи и окружное управленіе въ Брюннѣ, казалось, имѣли достаточно времени, чтобы убѣдиться въ значеніи суконныхъ мануфактуръ. И однако онѣ выступили съ предложеніемъ безусловно воспретить фабричную и мануфактурную организацію та-

*) Наглядное представленіе о темпѣ развитія желѣзныхъ дорогъ даетъ слѣдующая табличка:

ГОСУДАРСТВА	Годъ открытія первой жел. дороги.	Длина желѣзнодорожной сѣти въ 1840 году.	Средній ежегодный приростъ сѣти.
		КИЛОМЕТРЫ.	
Великобританія и Ирландія	1825	1348	90
Австро-Венгрія	**1828**	**144**	**12**
Франція	1828	497	41 1/2
Германія	1835	540	108
Бельгія	1835	336	67

Въ 1850 году длина желѣзнодорожной сѣти въ Австро-Венгріи достигла 2.240 километровъ (въ 1845 году — 1.058 километровъ), въ Германіи въ 1850 году — 5.856 километровъ.

кихъ производствъ, продукты которыхъ могутъ изготовлять и цеховые мастера. Слѣдовательно, и бюрократія первой половины XIX вѣка не понимала, какое будущее предстоитъ крупному производству; даже она признавала право на существованіе только за ремесломъ и хотѣла подчинить его интересамъ всѣ остальные общественные интересы. И еще одна любопытная подробность. Во всѣхъ мнѣніяхъ и представленіяхъ, источникомъ которыхъ были ремесленныя сферы или ихъ представители, ни слова не говорится о необходимости повысить техническій уровень ремесла, увеличить его производительность. Причина понятна: даже въ сороковыхъ годахъ цеховому мастеру приходилось бороться преимущественно съ „привилегированнымъ мастеромъ“, который все еще оставался мелкимъ предпринимателемъ. Техническія превосходства крупнаго предпріятія еще не успѣли выступить съ безспорной наглядностью.

Противоположная сторона, приверженцы „экономическаго либерализма“, выступала не съ меньшей рѣшительностью. Если бы законодательство развивалось въ соотвѣтствіи съ ихъ требованіями, „свобода промышленности“, признанная закономъ лишь въ концѣ 1859 года, сдѣлалась бы фактомъ уже въ половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Слѣдовательно, — это показываетъ, впрочемъ, и исторія экономической политики при императорѣ Францѣ,—уже задолго до 1848 года австрійское общество раздѣлилось на двѣ части, діаметрально противоположныя по своимъ воззрѣніямъ на вопросы промышленности. Было бы крупной ошибкой предполагать, что въ 1848 году противорѣчія эти исчезли и все общество представляло картину полнаго единодушія въ своемъ отношеніи къ цехамъ, равно какъ и къ другимъ формамъ отживающей эпохи общественно экономическаго развитія: тогда реакція, наступившая тотчасъ же за событіями 1848 года, — реакція не только феодальная, но и городская,—представлялась бы неразрѣшимой загадкой *).

Между тѣмъ капиталистическія отношенія увѣренно и послѣдовательно вторгались въ самое ремесло. Цехи прониклись величайшею исключительностью. Длинный срокъ ученичества, долгіе годы работы въ качествѣ подмастерья, принудительныя странствованія, высокіе вступные платежи, крупные расходы по оборудованію мастерской, разнообразнѣйшія привилегіи для родственниковъ мастеровъ—все это превращало сословіе мастеровъ въ какую-то замкнутую касту, закрытую для постороннихъ. Болѣе счастливые изъ мастеровъ развивались въ довольно крупныхъ предпринимателей. Въ Вѣнѣ, напр., уже въ 1845 г. не рѣдкостью были мастера, которые въ собственной мастерской держали значительное число подмастерьевъ, да, кромѣ того, отдавали работы на сторону тридцати, сорока мастерамъ, работавшимъ на нихъ за поштучную плату. Послѣдніе сохраняли только званіе мастера, по су-

*) Разумѣется, это относится одинаково какъ къ Австріи, такъ и къ Германіи Вообще при характеристикѣ экономическаго строя нѣмецкихъ государствъ пришлось останавливаться лишь на болѣе типичныхъ явленіяхъ, — иначе сказанное о Германіи. пришлось бы почти полностью, съ немногими измѣненіями, повторить и объ Австріи.

ществу же это были кустари, подмастерья или наемные мануфактурные рабочіе, въ зависимости отъ организаціи предпріятія.

Вообще положеніе массы ремесленниковъ было безнадежное; но и положеніе мануфактурныхъ и фабричныхъ рабочихъ едва ли замѣтно отличалось въ лучшую сторону. Почти всѣ отрасли промышленности, за ничтожными исключеніями, страдали отъ перепроизводства. На внѣшнихъ рынкахъ Австрія съ трудомъ конкурировала съ передовыми по промышленному развитію государствами. Внутренній рынокъ отчасти суживался благодаря энергичному контрабандному ввозу, а главнымъ образомъ благодаря реакціонной экономической политикѣ, не рѣшавшейся посягнуть на феодальный строй общественныхъ отношеній въ деревнѣ, на дворянскія привилегіи. Бѣдное, обнищавшее, доведенное до одичалости населеніе было плохимъ покупателемъ промышленныхъ продуктовъ. Съ другой стороны, гонимое нуждой изъ деревни, мирившееся тамъ съ недостойными условіями существованія, оно и на мануфактурѣ и на фабрикѣ соглашалось на какія угодно условія.

Можетъ быть ярче, чѣмъ всякія цифры, положеніе рабочихъ обрисовывается широкимъ расцвѣтомъ фабричнаго труда женщинъ и малолѣтнихъ. Напр., въ 1845 году на 647 писче- и хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ Австріи было занято въ общей сложности 38.124 рабочихъ. Изъ этого числа взрослыхъ мужчинъ всего 16.533, женщинъ почти столько же — 16.001 и дѣтей — 5.590. Другими словами, на 1000 рабочихъ приходилось: 433 мужчинъ, 420 женщинъ и 147 малолѣтнихъ. Можно думать, что приблизительно таковы же были эти отношенія и въ другихъ отрасляхъ производства.

Такимъ образомъ обнищавшее населеніе рвалось на фабрики и встрѣчало здѣсь конкурентовъ въ лицѣ женщинъ и малолѣтнихъ: капитализмъ заставилъ женъ и дѣтей конкурировать съ мужьями и отцами.

Фабричнаго законодательства, которое давало бы рабочимъ хоть какую-нибудь защиту, разумѣется, не существовало. Чего вообще можно было ожидать отъ правительственныхъ сферъ Австріи, лучше всего показываетъ ихъ отношеніе къ фабричному труду малолѣтнихъ. Въ 1843 году появилось высоко-офиціозное, составленное по предписанію начальства, „Описаніе строя и распорядковъ на бумагопрядильныхъ фабрикахъ Нижней Австріи". Авторъ, докторъ Кнольцъ, по порученію свыше задался цѣлью оправдать фабричный трудъ малолѣтнихъ съ точки зрѣнія нравственности и гигіены. „Въ послѣднее время, — говоритъ онъ, — совсѣмъ не принимаютъ дѣтей моложе 12-тилѣтняго возраста, а если это и дѣлается въ исключительныхъ случаяхъ, то единственно по состраданію къ несчастнымъ дѣтямъ, которыя умоляютъ дать имъ работу. Фабриканты сами заинтересованы въ томъ, чтобы принимать преимущественно дѣтей, уже достигшихъ 12 лѣтъ, ибо болѣе молодыя слишкомъ часто причиняютъ убытки своимъ легкомысліемъ, непредусмотрительностью и неловкостью. Однако то обстоятельство, что оба родителя работаютъ на фабрикѣ и дѣти, оставшись безъ присмотра, подверглись бы физическому вреду и моральному развращенію,—пре-

имущественно это обстоятельство вынуждаетъ фабрикантовъ допускать исключенія и принимать небольшое число безпризорныхъ дѣтей и отъ 9-лѣтняго возраста“.

Итакъ, согласно офиціозу, трудъ малолѣтнихъ—милостыня, подаваемая фабрикантомъ родителямъ и дѣтямъ, своего рода моральная жертва съ его стороны. Кнольцъ увѣряетъ, что число дѣтей моложе 12 лѣтъ крайне ничтожно на фабрикахъ, — не больше двадцатой части всѣхъ малолѣтнихъ, занятыхъ фабричнымъ трудомъ. Работаютъ дѣти, говоритъ Кнольцъ, очень и очень немного, какихъ-нибудь 12 и „самое большее“ 13 часовъ въ день; притомъ фабричный трудъ, добавляетъ докторъ Кнольцъ, въ высшей степени полезенъ для физическаго развитія малолѣтнихъ. Санитарныя условія на фабрикахъ тоже не оставляютъ желать ничего лучшаго, а если заболѣванія очень нерѣдки, то причина тому лежитъ не въ работѣ, а въ „препровожденіи такъ называемыхъ часовъ отдыха“ и въ гастрономическихъ излишествахъ. Послушать этого автора, такъ выйдетъ, что у рабочаго слишкомъ много свободнаго времени и слишкомъ роскошная пища. „Дѣти съ физическими недостатками и страдающія золотухой, — полагаетъ Кнольцъ, — въ большинствѣ случаевъ приносятъ на фабрики зародыши этихъ болѣзней извнѣ, что какъ нельзя больше понятно, когда знаешь, отъ какихъ болѣзненныхъ родителей рождены эти дѣти и въ какой жалкой обстановкѣ проходятъ ихъ ранніе годы“. Авторъ, очевидно, уже успѣлъ забыть, что, согласно его же утвержденіямъ, родители этихъ дѣтей работали на однѣхъ фабрикахъ со своими дѣтьми и что онъ только что восхвалялъ эти фабрики какъ самыя благоустроенныя, не оставляющія желать ничего лучшаго.

Фабриканты ничего не устраивали въ интересахъ рабочихъ. „Прежде,—говоритъ Кнольцъ, впадая въ непреднамѣренный юморъ, — прежде заботы фабрикантовъ о будущемъ ихъ рабочихъ выражались въ устройствѣ больницъ и сберегательныхъ кассъ. Но крайняя подвижность этого народа, который перекочевываетъ съ мѣста на мѣсто, не уменьшилась отъ этихъ заботъ, и потому онѣ оказались безполезными“. Можетъ быть, заботы фабрикантовъ были такого рода, что рабочимъ приходилось бѣгствомъ спасаться отъ нихъ?

При такихъ взглядахъ на вещи, господствовавшихъ въ сферахъ высоко-офиціозныхъ, отъ офиціальныхъ, правительственныхъ сферъ нельзя было ожидать какихъ-либо мѣръ по охранѣ рабочихъ. Если фабричный трудъ считался благодѣяніемъ для малолѣтнихъ, къ чему бы было тогда регламентировать отношенія предпринимателей и взрослыхъ рабочихъ.

Единственное, что напоминало зарождающееся фабричное законодательство, было министерское предписаніе отъ 20 ноября 1786 года. Согласно ему дѣти по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю должны были отправляться въ баню и расчесываться гребнемъ и врачъ долженъ два раза въ годъ посѣтить ихъ. Чего же больше?!..

Указъ отъ 11 января 1842 года въ первой статьѣ содержалъ пред-

писаніе, чтобы дѣти моложе 12-лѣтняго возраста вообще не принимались на фабрики. Но уже вторая статья того же указа отмѣняла это предписаніе, позволяя въ видѣ исключенія принимать дѣтей и отъ 9-лѣтняго возраста, если они передъ тѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ обучались въ школѣ. Тотъ же указъ опредѣляетъ максимальное рабочее время: для дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ—10 часовъ въ сутки и отъ 12 до 16 лѣтъ—12 часовъ въ сутки; ночныя работы воспрещены для всѣхъ категорій малолѣтнихъ.

Фабриканты протестовали противъ этихъ предписаній, „ибо промышленности былъ бы причиненъ очень серьезный вредъ, если бы стали издавать общія распоряженія о продолжительности рабочаго времени". Въ дѣйствительности на этотъ указъ не обращали вниманія, и даже въ позднѣйшее время не разъ слышались жалобы, что въ ситцепечатныхъ заведеніяхъ работаютъ дѣти восьми и даже семи лѣтъ. Удивлять сяздѣсь нечему: государственныя предпріятія первыя подавали примѣръ злоупотребленія трудомъ малолѣтнихъ. Такъ, на табачной фабрикѣ въ Седлицѣ было всего 430 рабочихъ, въ томъ числѣ 67 дѣтей, не достигшихъ 14 лѣтъ, и 96 дѣтей въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ, слѣдовательно, въ общей сложности 163 (т.-е. почти 38%) малолѣтнихъ; а въ государственной типографіи въ Вѣнѣ учениковъ было даже много больше, чѣмъ подмастерьевъ.

На указѣ 1842 года и пріостановилось развитіе домартовскаго фабричнаго законодательства.

Не лучше обстояло дѣло и съ организованной самопомощью рабочихъ. Въ то время, когда идея кооперативныхъ товариществъ одержала въ Англіи крупныя побѣды, когда во Франціи Прудонъ развивалъ свои ученія о социальной реформѣ и о будущемъ коопераціи, когда англійское профессіональное движеніе пережило уже многія великія революціи и сдѣлало серьезныя завоеванія,—въ это время для австрійскихъ рабочихъ потребительныя общества, кассы взаимопомощи и тѣмъ болѣе боевыя организаціи все еще оставались невозможными, подвергались суровымъ гоненіямъ правительства. Даже за простое соглашеніе не браться за работу, если не будетъ предложена извѣстная минимальная плата, ожидали самыя суровыя кары. Правительство косо смотрѣло даже на кассы взаимопомощи на случай болѣзни. Въ 1835 году подмастерье-книгопечатникъ Іоганнъ Фридрихъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ Маусбергеромъ возбудили ходатайство о разрѣшеніи союза взаимопомощи на случай болѣзни и получили рѣшительный отказъ на томъ основаніи, что „въ такомъ союзѣ не имѣется надобности". Тѣмъ не менѣе книгопечатникамъ все же удалось въ разныхъ городахъ устроить кассы взаимопомощи, а въ 1842 году—вѣнскій союзъ взаимопомощи. Въ домартовское время это былъ единственный зародышъ рабочей организаціи, но именно только зародышъ, такъ какъ въ союзѣ очень видную роль играли владѣльцы типографій. Кромѣ того, книгопечатники составляли аристократію рабочаго класса, и для массы организація ихъ не имѣла никакого значенія.

Въ случаяхъ обостренія нужды на сцену выступала благотворительность, государственная и частная. Впрочемъ, послѣдняя не пользовалась расположеніемъ Меттерниха; онъ мирился съ ней только подъ давленіемъ крайней необходимости. Въ 1816 году, когда нищета вслѣдствіе войны, неурожая и государственнаго банкротства достигла угрожающихъ размѣровъ и въ Вѣнѣ произошли тревожныя демонстраціи безработныхъ, въ правительственныхъ сферахъ серьезно занялись вопросомъ объ общемъ налогѣ въ пользу бѣдныхъ, даже о налогѣ на роскошь и холостяковъ. Но налогоспособность страны была истощена до крайнихъ предѣловъ, и потому Меттернихъ волей-неволей призвалъ на помощь частную благотворительность, „дабы она по крайней мѣрѣ отчасти и постепенно сдѣлала то, чего государство теперь не въ состояніи сдѣлать“ (указъ отъ 3 января 1817 года). Предписанія, рѣшительно воспрещавшія союзы всякаго рода, послѣ этого стали соблюдаться съ меньшею строгостью, администрація всѣми силами содѣйствовала учрежденію частныхъ благотворительныхъ обществъ.

Но это не повело ни къ чему. До 1848 года въ Вѣнѣ—въ этомъ классическомъ городѣ частной благотворительности—возникло всего 30 филантропическихъ обществъ. Трудно указать болѣе яркій симптомъ безпомощности домартовскаго строя. „Союзъ для помощи нуждающимся города Вѣны“, хотя стоялъ подъ покровительствомъ императора и подъ руководствомъ самого канцлера, уже черезъ нѣсколько недѣль, въ томъ же 1817 году, въ которомъ его основали, долженъ былъ прекратить свою дѣятельность. Другія организаціи влачили жалкое существованіе. Жизнеспособнѣе были союзы, возникшіе въ 1847 году, въ періодъ нужды, обостренной промышленнымъ кризисомъ. Одни изъ нихъ доставляли ремесленникамъ инструменты, матеріалы, оказывали кредитъ. Другіе раздавали бѣднымъ хлѣбъ, соль, муку, устраивали столовыя. Но и они не могли развить широкой дѣятельности, — все опекавшее государство цѣпенило частную инициативу, эволюціонный выходъ изъ домартовскаго положенія былъ невозможенъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Германскій Союзъ.

Великая борьба между французской революціей и реакціонными силами, почти двадцать пять лѣтъ наполнявшая Европу громомъ оружія и сопряженная съ ужаснымъ опустошеніемъ, въ 1815 году, наконецъ, завершилась. Наполеонъ, выродившійся потомокъ и въ то же время счастливый наслѣдникъ великой революціи, подчинилъ интересамъ своего военнаго деспотизма всѣ силы, освобожденныя революціей, и, овладѣвъ ими, направилъ въ сторону ненасытной завоевательной политики. Это заставило, наконецъ, всю Европу вооружиться и разомъ выступить противъ Франціи. Императоръ французовъ, побѣжденный подъ Лейпцигомъ и водворенный на островъ Эльбу, скоро бѣжалъ оттуда и благополучно прибылъ во Францію, но подъ Ватерлоо потерпѣлъ вторичное пораженіе. Заживо похоронивъ его на островѣ св. Елены, союзныя державы энергично приступили къ преобразованію Европы, стараясь устранить, насколько возможно, произведенныя революціей перемѣны.

Подавляющее большинство нѣмецкаго народа съ величайшимъ энтузіазмомъ выступило на борьбу съ Наполеономъ и добровольно принесло тяжкія жертвы своей кровью и своимъ достояніемъ. Воодушевленіе вытекало изъ того, что передъ народомъ были открыты величественныя перспективы. Войну называли войной за свободу. Знаменитая прокламація прусскаго короля, появившаяся 17 марта 1813 года, обѣщала „свободу и признаніе за всѣми сословіями права на голосъ въ дѣлахъ государственныхъ“. Въ русско-прусской деклараціи, подписанной въ Калишѣ, подавалась надежда на возрожденіе Германіи. Даже императоръ Александръ I, душа великаго союза противъ революціонной и наполеоновской Франціи, казалось, тоже былъ охваченъ либеральными идеями и нѣсколько разъ говорилъ о „свободѣ“. А добрый патріотъ-нѣмецъ, какъ извѣстно, больше всего воспламеняется за свободу, когда она обѣщана сверху и потому выглядитъ нѣсколько своеобразно.

Война освободила Германію отъ безграничнаго господства Наполеона, но исторія не даромъ называетъ ее войной за свободу

монарховъ. „Свобода", выпавшая на долю народа, имѣла какъ разъ такой видъ, какой она должна была имѣть при сложившихся обстоятельствахъ. Въ 1803 году Александръ I въ союзѣ съ Наполеономъ Бонапартомъ, первымъ консуломъ французской республики, по-своему перекроилъ пеструю карту нѣмецкихъ отечествъ; то была эпоха, когда Александръ вмѣстѣ съ честолюбивымъ корсиканцемъ могъ располагать судьбами Германіи и цѣлой Европы. Но меньше чѣмъ черезъ десять лѣтъ между ними произошло столкновеніе, Александръ I свергъ Бонапарта и вмѣстѣ со своими союзниками постарался придать новый видъ европейскому міру.

Послѣ битвы при Ватерлоо либеральное настроеніе Александра отошло въ область прошлаго. Онъ ушелъ въ лабиринты піетистической мистики. Около этого времени онъ подпалъ вліянію мистической, не совсѣмъ нормальной фантазерки Юліаніи фонъ-Крюденеръ, которая привлекла его на сторону проектовъ, проникнутыхъ мистической экзальтаціей. Они встрѣтились впервые въ Гейльбронѣ въ 1815 году, а потомъ совмѣстное обсужденіе проектовъ продолжалось въ Парижѣ. Крюденеръ навела Александра I на мысль объ организаціи Священнаго Союза; къ нему скоро удалось также привлечь императора австрійскаго и короля прусскаго. 26 сентября 1815 года союзъ былъ заключенъ; къ союзу примкнули всѣ европейскія державы, за исключеніемъ Англіи, Турціи и Папской Области. Члены союза обязались оказывать взаимную помощь и во всемъ дѣйствовать въ согласіи съ принципами христіанской любви *).

Фактически Священный Союзъ служилъ для подавленія либеральныхъ стремленій различныхъ народовъ и старался спасти изъ остатковъ стараго, дореволюціоннаго міра все, что только было возможно спасти. Онъ взялъ на себя контроль и охрану того, что было создано Вѣнскимъ конгрессомъ.

На этомъ конгрессѣ дипломаты, какъ Меттернихъ, Талейранъ, Нессельроде и Кэстльри, заново перекроили карту Европы. Въ шумѣ пышныхъ торжествъ, среди ужасныхъ интригъ судьбою народовъ распоряжались такъ, какъ будто бы это было стадо барановъ, и щедро вознаграждали всѣхъ высокихъ участниковъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Однако изъ-за добычи скоро всѣ перессорились, и конгрессъ разошелся бы безъ всякихъ результатовъ, если бы въ это время съ Эльбы не возвратился Наполеонъ. Его возвращеніе опять объединило монарховъ, и они довели свое дѣло до конца. Германія получила при этомъ новую „конституцію", именно такъ называемый „Союзный Актъ", раздѣлившій ее на тридцать девять отечествъ, въ томъ числѣ четыре вольныхъ города. По внѣшности Германскій Союзъ представлялъ организацію обороны противъ враждебныхъ вторженій извнѣ. На самомъ же дѣлѣ это

*) Возможно, что Крюденеръ первоначально не сама пришла къ идеѣ Священнаго Союза. Въ Вюртембергѣ у нея были близкія отношенія съ такъ называемой «пророчицей» Куммеръ. Можетъ быть, послѣдней собственно и принадлежала инициатива устройства Священнаго Союза.

была организація господствующихъ правительствъ, направленная противъ революціонныхъ, демократическихъ и конституціонныхъ стремленій. Правда, въ статьѣ тринадцатой Союзнаго Акта говорилось, что во всѣхъ государствахъ будетъ введена конституція съ земскими чинами (сеймомъ, представительствомъ отъ сословій); но въ дѣйствительности конституціонныя стремленія подвергались гоненію на территоріи Союза, какъ „революціонныя“.

Дипломаты Германскаго Союза превосходно понимали, что какъ идеи французской революціи, такъ и либеральныя обѣщанія, данныя наканунѣ войны за свободу монарховъ, не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на нѣмецкій народъ. Величайшее разочарованіе и раздраженіе, охватившее народъ послѣ низверженія Наполеона, еще болѣе возрасло, когда повсюду началась рѣшительная ломка реформъ „французской эпохи“ и возстановленіе старыхъ порядковъ. Напр., французы уничтожили разныя внутреннія таможенныя пошлины, а теперь онѣ снова вводились. Точно такъ же прежнимъ имперскимъ рыцарямъ, князьямъ и графамъ опять возвратили ихъ старыя привилегіи и предоставили имъ, какъ и прежде, извѣстную монаршую власть надъ жителями ихъ наслѣдственныхъ территорій.

Органомъ Союза, — который былъ союзомъ монарховъ и правительствъ, но не народовъ,—служилъ Союзный Сеймъ, избравшій своей резиденціей Франкфуртъ на Майнѣ. Господа члены Союзнаго Сейма очень недурно чувствовали себя въ древней, закостенѣвшей республикѣ аристократовъ и капиталистовъ. Полвѣка засѣдали они тамъ, только разъ распуганные изъ своего убѣжища революціонной бурей 1848 года; только въ 1866 году ихъ постигла ими же уготованная судьба, и прусскій штыкъ разогналъ „собраніе мумій“, засѣдавшее во дворцѣ Турна и Таксиса, помѣщавшемся на Большой Эшенгеймской улицѣ. Впрочемъ, человѣкъ управлявшій движеніями этого штыка, Отто фонъ-Бисмаркъ, самъ долго сидѣвшій среди мумій Союзнаго Сейма, успѣшно позаботился о томъ, чтобы разрушенію подверглась только форма стараго Германскаго Союза, но духъ его сохранился бы въ значительной степени и въ новой Германской имперіи.

Дѣятельность Союзнаго Сейма почти цѣликомъ свелась на заботы объ укрѣпленіи абсолютизма противъ либеральныхъ стремленій. Поставленные лицомъ къ лицу съ переворотомъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ движеніемъ, начало которому положила великая французская революція, государственные люди Союзнаго Сейма всѣ свои силы употребляли на то, чтобы пріостановить дальнѣйшее развитіе, задержать въ Германіи всякій духовный и матеріальный прогрессъ, если только имъ казалось, что онъ можетъ, хотя бы въ ничтожной мѣрѣ, пошатнуть или ограничить власть союзныхъ монарховъ. Союзный Сеймъ, это центральное правительство Германіи, взялъ на себя своеобразную роль ночного сторожа, отличаясь отъ послѣдняго только широкимъ масштабомъ своей дѣятельности. Дипломаты и государственные люди Союзнаго Сейма, всю свою жизнь прокорпѣвшіе въ канцеляріяхъ, наряженные

во фраки и огромные галстуки, рѣшили повернуть назадъ колесо времени и завѣсить своими мантіями свѣтъ новыхъ идей, озарившій Европу. Они казались какими-то призраками среди лучезарнаго дня. Всемірная исторія не знаетъ другого такого собранія, и ни на какое другое не обрушивались такія горькія и заслуженныя насмѣшки, такое презрѣніе, какъ на высокій Союзный Сеймъ, засѣдавшій въ городѣ Франкфуртѣ на Майнѣ.

Въ области политики тонъ Германскому Союзу задавалъ Меттернихъ, дѣйствовавшій въ согласіи съ внушеніями изъ Россіи. Этотъ руководитель австрійской государственной машины былъ рѣшительный приверженецъ абсолютизма; онъ не давалъ себѣ даже труда прикрывать свои дѣйствія либеральными фразами. Въ народахъ онъ видѣлъ только матеріалъ, изъ котораго можно воздвигнуть зданіе абсолютизма. Исторія Австріи съ 1815 по 1848 годъ является просто исторіей самого Меттерниха — настолько овладѣлъ онъ правительствомъ Австріи. При его режимѣ развитіе политической жизни было невозможно; надъ ея подавленіемъ дружно работали полиція, суды съ ихъ инквизиціоннымъ тайнымъ процессомъ и тюрьмы. Всякая печать, кромѣ правительственной, въ Австріи совершенно отсутствовала. Вскрытіе писемъ на почтѣ при Меттернихѣ сдѣлалось однимъ изъ основныхъ элементовъ государственнаго строя. Во всей Австріи господствовало только одно мнѣніе: мнѣніе князя Меттерниха; никакое другое не дерзало заявлять о себѣ. Народъ попрежнему жилъ въ нищетѣ, а финансы были въ такомъ жалкомъ положеніи, что императоръ Фердинандъ однажды утѣшилъ себя только словами: „На насъ съ Меттернихомъ еще хватитъ"! Государственное тѣло Австріи, искусственно склеенное изъ разнороднѣйшихъ составныхъ частей, оставалось безжизненнымъ трупомъ. Императоры Францъ II и Фердинандъ I—первый изъ нихъ ограниченный и не отличавшійся добродушіемъ, а второй ограниченный, но добродушный, — предоставляли „своему" Меттерниху дѣлать, что онъ хотѣлъ: они вѣровали въ него и полагали, что подъ его управленіемъ „народы" не возмутятъ ихъ спокойствія. Во время войны за свободу монарховъ Францъ какъ-то сказалъ: „Народы теперь нѣчто представляютъ собой!" Меттернихъ позаботился о томъ, чтобы народы впредь представляли собою ничто. Въ Австріи народъ былъ такъ же безгласенъ, какъ въ царствѣ какого-нибудь владыки монголовъ.

Меттернихъ одновременно считался „другомъ" Россіи и Англіи. Уже въ 1813 году Наполеонъ бросилъ ему упрекъ въ томъ, что онъ состоитъ въ наймѣ у Англіи. Въ его рукахъ теперь сосредоточивались всѣ нити европейской реакціи.

Въ Пруссіи по окончаніи войны намѣтились зачатки конституціонной партіи. Она ухватилась за извѣстный королевскій указъ отъ 22 мая 1815 года, въ которомъ подъ гнетомъ нужды прусскому народу было обѣщано національное представительство, составленное изъ земскихъ чиновъ различныхъ провинцій. Кромѣ того, въ эпоху Тугендбунда („Союза добродѣтели", наполовину легальной, наполовину

тайной организаціи, основнымъ стремленіемъ которой была борьба противъ французскаго господства) и въ эпоху реформъ Штейнъ-Гарденберга прусскій народъ проникся нѣкоторой самостоятельностью и самосознаніемъ, чѣмъ и обусловливался его энтузіазмъ, обнаруженный въ борьбѣ противъ Наполеона. Народъ уповалъ, что эта борьба создастъ для него лучшій политическій строй. Но Священный Союзъ принесъ съ собою полное разочарованіе и тогда-то опять вспомнили объ указѣ 1815 года. Правда, онъ обѣщалъ народное представительство только въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія; но конституціоналистамъ казалось, что оно послужитъ зерномъ, изъ котораго выраститъ и достигнетъ полнаго развитія истинное народное представительство съ рѣшающимъ голосомъ въ законодательствѣ, съ правомъ утверждать или не утверждать роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ и контролировать ея исполненіе. Фридрихъ-Вильгельмъ III выразилъ неудовольствіе по поводу адресовъ, которые требовали ускоренія дѣла конституціоннаго устройства; онъ заявилъ, что самъ опредѣлитъ надлежащій моментъ для введенія народнаго представительства, и высказалъ порицаніе инициаторамъ адресовъ, „дерзко сомнѣвающимся въ непреложности его обѣщаній“.

Въ то же время правительство ничего не щадило, чтобы сдѣлать изъ Пруссіи настоящее государство солдатчины. Въ общемъ политическая полиція и уголовное законодательство свирѣпствовали въ ней не съ такой безграничной суровостью, какъ въ Австріи; но все же и здѣсь нечего было и думать о здоровомъ развитіи политической жизни, тѣмъ болѣе что въ Пруссіи на каждомъ шагу чувствовалось вліяніе восточной сосѣдки.

Точно такъ же, въ основныхъ чертахъ, сложились общественныя отношенія и въ мелкихъ государствахъ Германіи. Но тотчасъ по сверженіи Наполеона они увидали, какъ охотно крупныя государства увеличиваются на счетъ мелкихъ. Изъ опасенія, что аппетитъ съ ѣдой можетъ разыграться еще больше, нѣкоторые монархи мелкихъ государствъ были настолько великодушны, что октроировали, даровали своимъ „подданнымъ“ конституціи. Такъ было въ Нассау въ 1814 году, въ Веймарѣ въ 1816, въ Баваріи и Баденѣ въ 1818 году. „Октроирующіе“ монархи разсчитывали конституціями привязать къ себѣ своихъ подданныхъ. При этомъ разыгрался такой случай: вюртембергскія „сословія“ совсѣмъ не хотѣли новаго государственнаго устройства,—они держались за „старое доброе право“. Такъ возникла борьба по поводу конституціи; она продолжалась съ 1816 по 1819 годъ и, наконецъ, завершилась компромиссомъ.

Союзный Сеймъ въ первые же два года своего существованія сумѣлъ возбудить такое широкое недовольство, что въ Германіи отважились открыто протестовать противъ господствующей системы. Уже огромное разочарованіе, наступившее вслѣдъ за войной за свободу монарховъ, породило всеобщее раздраженіе; а теперь присоединились новые поводы къ недовольству. Старая аристократія держалась съ не-

вообразимой дерзостью, переходящей въ наглость; агенты русскаго правительства безтактностью своихъ дѣйствій подливали масла въ огонь. Одинъ румынскій вельможа, по имени Стурдза, требовалъ отъ нѣмецкихъ монарховъ, чтобы они выступили на борьбу противъ „революціоннаго духа“, а извѣстный писатель Коцебу, состоявшій на русской службѣ, неустанно посылалъ ядовитыя стрѣлы противъ нѣмецкаго либерализма. Въ 1817 году въ Вартбургѣ состоялось торжество, на которомъ праздновалась трехсотая годовщина съ начала Реформаціи и въ то же время годовщина со дня битвы подъ Лейпцигомъ. Студенты воспользовались этимъ, чтобы устроить демонстрацію противъ угнетательской системы Союзнаго Сейма, и въ пламенныхъ рѣчахъ обрисовали печальное положеніе Германіи. Они предали сожженію косичку, корсетъ и капральскую палку (т.-е. принадлежности военной формы того времени), какъ символы рабства и отжившаго строя; на костеръ попалъ также цѣлый рядъ реакціонныхъ сочиненій. Въ 1819 г. студентъ Зандъ убилъ Коцебу. Всѣ правительства Германіи пришли въ движеніе. Государственные люди Союзнаго Сейма теперь уже и сами вѣрили, что передъ ними обширный революціонный заговоръ, какъ въ свое время утверждали Коцебу и его сподвижники. Въ ходъ были пущены чрезвычайныя мѣры.

Въ 1820 году, послѣ длиннаго процесса, Зандъ былъ казненъ въ Мангеймѣ. Онъ принадлежалъ къ нѣмецкой студенческой корпораціи (Burschenschaft). Этого было достаточно, чтобы открыть въ Burschenschaft'ѣ очагъ мнимаго великаго заговора. Дѣйствительно, корпораціи не были чужды политическія тенденціи, которыя пользовались поддержкой и руководительствомъ отдѣльныхъ ученыхъ и профессоровъ; здѣсь переживалъ свои младенческіе годы незрѣлый и потому до крайности наивный либерализмъ; богатство фразъ противъ тираніи и рабства было неистощимо. Но едва ли были основанія ожидать серьезныхъ политическихъ дѣйствій отъ профессоровъ и студентовъ *).

Союзный Сеймъ со всѣми своими силами обрушился на студенческія корпораціи, чтобы въ конецъ задушить „демагогическіе происки“. Повсюду, гдѣ только совершалось „открытіе“ „крамольниковъ“, пускали въ ходъ систему Меттерниха, которая такъ успѣшно поддерживала Австрію въ состояніи „покоя“. Въ Пруссіи учредили въ Кепеникѣ центральную слѣдственную комиссію. Множество студентовъ было заарестовано и присуждено къ тяжкимъ наказаніямъ, иногда лишь за то, что они носили черно-красно-золотую ленточку—символъ стремленій къ объединенію Германіи. На гимнастическія упражненія въ Пруссіи смотрѣли какъ на дѣло, опасное для государственнаго строя, и потому подвергли ихъ запрещенію. Заарестовали цѣлый рядъ извѣстныхъ патріотовъ. „Турнфатеръ“ („отецъ гимнастики“) Янъ и Э. М. Арндтъ

*) Гейне во многихъ мѣстахъ. особенно въ статьяхъ о Бёрне, далъ яркую характеристику движенія того времени,—поразительной смѣси «тевтономаніи» съ либерализмомъ, «французоѣдства» съ радикализмомъ, хвастливаго шовинизма съ зачатками прогрессивныхъ стремленій и симпатій къ средневѣковщинѣ съ порываніями къ новому строю.

въ свое время пріобрѣли широкую славу за свое „французоѣдство"; теперь первый былъ посаженъ въ тюрьму и преданъ суду, а второй отставленъ отъ занимаемой имъ должности. Даже Гнейзенау, извѣстный генералъ, опасался, что и его арестуютъ за либеральныя убѣжденія.

Осенью 1819 года министры съѣхались въ Карлсбадъ на конгрессъ и приняли печальной памяти карлсбадскія постановленія. Согласно имъ статья 13-я „Союзнаго Акта" (о введеніи представительства отъ сословій) подлежитъ истолкованію исключительно въ монархическомъ смыслѣ; при университетахъ слѣдуетъ учредить особыя вѣдомства для надзора за поведеніемъ профессоровъ и студентовъ. Кромѣ того, введена строжайшая цензура для всѣхъ книгъ, не достигающихъ 20 печатныхъ листовъ; въ Майнцѣ организована центральная комиссія для разслѣдованія „демагогическихъ происковъ" во всѣхъ государствахъ Германіи.

Постановленія эти отчасти противорѣчили даже Союзному Акту. Они возбудили величайшее и единодушное негодованіе. Но меттерниховскій полицейскій аппаратъ умѣлъ все подавлять; тюрьмы переполнились жертвами господства безграничнаго произвола; многіе изъ заключенныхъ потомъ вышли на волю нравственно и физически искалѣченными. Въ Германіи сдѣлалось тихо, какъ на кладбищѣ, только сверху раздавался громъ славословій торжествующему насилію. За предѣлами Германіи революціонныя бури прокатывались надъ Испаніей и Италіей, надъ Греціей и Южной Америкой. Германія же казалась совершенно нѣмой, и когда въ Греціи вспыхнула революція, встрѣтившая поддержку у Россіи, энтузіазмъ нѣмцевъ разрядился въ невинномъ филэллинскомъ движеніи, т.-е. въ организаціи отрядовъ, отправлявшихся для поддержки возставшихъ грековъ.

Наконецъ можно было подумать, что идеалъ Меттерниха дѣйствительно достигнутъ въ Германіи, что она превратилась въ царство застоя. Но подъ политической оболочкой пружины экономическаго развитія не прекращали своей дѣятельности, и нѣкоторыя преграды сношеніямъ, раздѣлявшія нѣмцевъ, были разрушены. Извѣстный экономистъ Фридрихъ Листъ, подвергавшійся, какъ демократъ, безконечнымъ преслѣдованіямъ, выступилъ съ идеей таможеннаго объединенія Германіи и привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ франкфуртскихъ торговцевъ. Агитація въ пользу этой идеи все разрасталась, и въ 1831 году она получила частичное осуществленіе: Массенъ, прусскій министръ финансовъ, заключилъ договоръ о таможенномъ союзѣ между Пруссіей, Гессеномъ и Ангальтомъ; въ 1834 году договоръ разроссся въ прусско-германскій таможенный союзъ. Эта реформа уничтожила по крайней мѣрѣ одно изъ послѣдствій печальной раздробленности Германіи на карликовыя государства, оживила торговыя сношенія и, разумѣется, не осталась безъ вліянія на политическое развитіе тридцати девяти нѣмецкихъ отечествъ. Таможенный союзъ былъ безконечно важнѣе для Германіи, чѣмъ всѣ гимны свободѣ въ студенческихъ корпораціяхъ, и результаты его были совершенно иные, чѣмъ тѣ, которые могли бы имѣть въ виду государственные люди Пруссіи.

Священный Союзъ стремился къ тому, чтобы „спокойствіе"—правильнѣе „застой"—превратилось въ нормальное состояніе цѣлой Европы; его дѣломъ было подавленіе революцій въ Италіи и въ Испаніи. Тѣмъ не менѣе и ему скоро довелось испытать, насколько обстоятельства сильнѣе людей. Въ 1830 году на политическомъ горизонтѣ, не спрашивая разрѣшенія ни у Священнаго Союза, ни у германскаго Союзнаго Сейма, показались грозовыя тучи. Тучи разразились громомъ и молніей. Гроза прежде всего пронеслась надъ Парижемъ и сокрушила, какъ за 40 лѣтъ передъ тѣмъ, тронъ одного изъ Бурбоновъ. Карлъ X своими ордонансами противъ прессы и народнаго представительства разъярилъ народъ, этого льва, до того времени пребывавшаго въ дремотѣ; въ трехдневной кровопролитной битвѣ на баррикадахъ сила бурбонской монархіи была окончательно сломлена. Торжество народа произвело сильное впечатлѣніе и за предѣлами Франціи. Но когда побѣда была одержана, политической властью завладѣла буржуазія и въ Людовикѣ-Филиппѣ нашла короля совершенно по своему вкусу. Государство для него служило просто гарантіей надежнаго и прибыльнаго помѣщенія капиталовъ. При его управленіи открылась эра необузданныхъ биржевыхъ спекуляцій, золотые дни настали для французскихъ капиталистовъ.

Подъ вліяніемъ парижскихъ событій Бельгія начала успѣшную борьбу за независимость; русская Польша тоже возстала, но, какъ извѣстно, возстаніе было подавлено. Въ Германіи подъ воздѣйствіемъ іюльской революціи въ Парижѣ также кое-гдѣ вспыхнули отдѣльные огоньки. Въ двухъ великихъ державахъ Германскаго Союза, въ Австріи и Пруссіи, все сохраняло прежнюю неподвижность. Но въ мелкихъ государствахъ произошли маленькія революціи и оставили за собой болѣе или менѣе значительные слѣды. Дворянство въ Брауншвейгѣ использовало возбужденіе умовъ, чтобы свергнуть ненавистнаго для него герцога Карла. Брауншвейгская революція по существу была дворянскимъ бунтомъ; народъ сыгралъ роль тарана, направленнаго противъ герцога Карла. Карлъ бѣжалъ, и Союзный Сеймъ призналъ главой Брауншвейга его брата Вильгельма, выдвинутаго революціей.

Въ Ганноверѣ произошли безпорядки въ Люнебургѣ, Гильдесгеймѣ и въ резиденціи; Остероде и Геттингенъ тоже возстали и были усмирены только военною силой. Хотя уголовные суды вынесли возставшимъ жестокіе приговоры, все же необходимость уступокъ была очевидна; чтобы успокоить броженіе, вице-король Фридрихъ-Адольфъ Кэмбриджскій обѣщалъ конституцію, которая въ 1833 году была торжественно октроирована Вильгельмомъ IV. Конституція эта отличалась нѣкоторыми достоинствами по сравненію съ конституціями другихъ нѣмецкихъ государствъ,—она носила на себѣ несомнѣнные слѣды своего англійскаго происхожденія.

Въ Касселѣ послѣ нѣсколькихъ „революціонныхъ" вспышекъ, обусловленныхъ отчасти непопулярностью метрессы курфюрста, была тоже дарована конституція съ однопалатной системой и комитетомъ отъ земскихъ чиновъ. Въ Саксоніи народъ Лейпцига и Дрездена взбунто-

вался противъ надменной и чванной, какъ мандарины, бюрократіи. „Добрые граждане“ организовали коммунальную гвардію, чтобы поддержать „порядокъ“, и, пользуясь случаемъ, заставили стараго короля Антона даровать конституцію, которая вступила въ дѣйствіе въ сентябрѣ 1831 года.

Такимъ образомъ мелкія и среднія государства Германіи достигли зачатковъ конституціонной жизни, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ представляло несомнѣнный прогрессъ. Но непосредственно вслѣдъ за тѣмъ обнаружилось зло, которое почти всегда слѣдуетъ по пятамъ за конституціонализмомъ: наивная переоцѣнка значенія конституціонной игры такихъ силъ, какъ монархъ, государственный строй и народъ, и еще болѣе наивная переоцѣнка той шумихи фразъ, которая переполнила парламентскія учрежденія. И только припомнивъ, какъ еще новы были всѣ эти вещи для добраго нѣмца, можно понять, почему такіе невѣроятные ѳиміамы воскурялись парламентскимъ ораторамъ тридцатыхъ годовъ иногда даже за совершенно пустячныя предложенія, внесенныя ими въ палату, и почему такъ легко создавались тогда либеральныя репутаціи.

Несравненно важнѣе, чѣмъ конституціонное кропательство само по себѣ, чѣмъ либеральныя фразы въ парламентахъ, было пробужденіе въ народѣ сравнительно свободнаго, оппозиціоннаго настроенія. Оно пустило прочные корни въ среднихъ и низшихъ классахъ южной Германіи и на первыхъ порахъ развивалось, не ослабляемое классовыми противорѣчіями, которыя впослѣдствіи заставили потускнѣть буржуазный либерализмъ. Стало выходить множество либеральныхъ и демократическихъ газетъ, особенно въ Баденѣ, въ Гессенѣ, Вюртембергѣ, Баваріи и въ Рейнскомъ Пфальцѣ. Тогдашній либерализмъ не отличался такой робостью, какъ современный; онъ проявлялся въ очень необузданныхъ формахъ, ибо это были его юные, бурные годы.

Но революціонный кратеръ 1830 года скоро опять закрылся, и выброшенная имъ лава остыла. Политическіе ночные сторожа, наблюдавшіе за Германскимъ Союзомъ изъ Франкфурта на Майнѣ, оправились отъ замѣшательства и уже въ томъ же 1830 году обратились къ правительствамъ съ увѣщаніемъ, предлагая усилить суровость карлсбадскихъ постановленій и отговаривая отъ слишкомъ поспѣшной уступчивости. Вслѣдъ за тѣмъ премудрые члены Союзнаго Сейма воспретили обращаться къ нему съ петиціями. Потомъ они еще разъ напомнили правительствамъ о карлсбадскихъ постановленіяхъ, и тогда началось гоненіе на либеральныя газеты, организованное съ чисто меттерниховской безпощадностью. Не прошло и десяти мѣсяцевъ, какъ оппозиціонная пресса, можно сказать, совершенно исчезла.

Масса народа въ то время не обнаруживала особеннаго участія къ судьбамъ прессы и потому безъ особеннаго возбужденія присутствовала при насиліяхъ Союзнаго Сейма. Напротивъ, буржуазный либерализмъ возвысилъ въ палатахъ свой голосъ противъ подавленія печати. Въ Германіи началась энергичная агитація, во главѣ которой встали

многіе литераторы. По талантливости и активности среди нихъ въ особенности выдѣлялся историкъ Виртъ изъ Франконіи. Спасаясь отъ гоненій, онъ перекочевывалъ со своей газетой изъ одного пфальцскаго города въ другой, пока у него не опечатали его ручной типографскій станокъ. Тогда онъ эмигрировалъ во Францію и тамъ, разумѣется, нашелъ нѣкоторую защиту отъ преслѣдованій баварской полиціи. Въ Цвейбрюккенѣ онъ организовалъ „союзъ печати", который рѣшилъ воспользоваться всѣми подходящими средствами для огражденія независимости прессы и поставилъ своей цѣлью „реорганизацію германскаго государства въ демократическомъ направленіи". По соглашенію съ этимъ союзомъ Виртъ и Зибенпфейферъ созвали на 27 мая 1832 года публичное собраніе, состоявшееся въ Рейнскомъ Пфальцѣ, у развалинъ замка Гамбаха. На это празднованіе „германскаго мая" явилось со всѣхъ краевъ до 30.000 человѣкъ. Здѣсь произнесены были сильныя рѣчи въ честь „свободы", а на долю Союзнаго Сейма и нѣмецкихъ монарховъ достались не особенно лестныя выраженія. Виртъ при этомъ случаѣ проявилъ, къ несчастью, тупое французофобство *). Въ общемъ гамбахскій праздникъ не привелъ ни къ какому опредѣленному результату: собраніе разошлось, не сдѣлавъ никакого другого постановленія, какъ только впредь собраться опять.

Теперь Союзный Сеймъ почуялъ революцію въ самыхъ осязательныхъ формахъ. Въ іюнѣ же 1832 года, чрезъ четыре недѣли послѣ гамбахскаго собранія, онъ издалъ свои постыдные шесть ордонансовъ. Они ограничили полномочія народнаго представительства въ отдѣльныхъ государствахъ и настолько сузили конституціи и ихъ примѣненіе на практикѣ, что конституціонная государственная жизнь, оказавшаяся мимолетнымъ сномъ, свелась теперь къ немногимъ жалкимъ крупицамъ. Тѣ же господа, которые въ свое время „даровали" конституціи, разумѣется, не видѣли ни малѣйшаго повода заявить Союзному Сейму хотя бы самый скромный протестъ. За шестью ордонансами послѣдовало множество другихъ постановленій. Снова повсюду учредили цензуру, во всей Германіи запретили политическіе союзы и собранія, университеты поставили подъ строгій надзоръ, учредили при Союзномъ Сеймѣ особую комиссію для надзора за ландтагами южногерманскихъ государствъ, договорились взаимно выдавать эмигрантовъ, стали подвергать наказаніямъ, какъ за „преступленія", за всѣ адресы, протесты и петиціи, направленные противъ этихъ постановленій.

Тюрьмы переполнились снова. Беръ, вюрцбургскій бургомистръ, и журналистъ Эйзенманъ были приговорены къ тому, чтобы просить прощенія передъ портретомъ баварскаго короля Людовика I, и оба были брошены въ тюрьмы „на неопредѣленное время". Слѣдствіе по дѣлу Эйзенмана продолжалось четыре года, и все это время онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а потомъ началось наказаніе, такъ что изъ тюрьмы онъ вышелъ

*) Возможно, что лишь одно это обстоятельство и дало баварскимъ націоналъ-либераламъ поводъ отпраздновать въ семидесятыхъ годахъ юбилей гамбахскаго торжества.

лишь въ 1847 году. Виртъ, Зибенпфейферъ и другіе участники гамбахскаго праздника были приговорены къ продолжительному тюремному заключенію. Повсюду царилъ терроръ, всякое свободное слово было задушено, шпіонство получило широкое распространеніе и всякому, кто не могъ держать языкъ за зубами, грозилъ доносъ и слѣдуемое за нимъ дознаніе.

При всѣхъ этихъ вопіющихъ насиліяхъ народъ, выросшій въ приниженности и забитый, оставался совершенно спокойнымъ. Онъ еще не научился интересоваться общественными вопросами. Но радикальные представители буржуазнаго либерализма, осколки студенческихъ корпорацій, эмигранты, поселившіеся около границъ, и польскіе изгнанники рѣшились теперь, когда открытая дѣятельность была окончательно передъ ними закрыта, вступить на путь заговоровъ. На мѣсто закрытаго союза печати былъ организованъ тайный патріотическій союзъ. У него были связи въ Швейцаріи, во Франціи, во многихъ нѣмецкихъ университетахъ и среди вюртембергскаго войска. Члены союза постановили, что „германская революція" должна разразиться 3 марта 1833 года; начало ея должно было разыграться въ самой резиденціи Союзнаго Сейма. Дѣло было подготовлено плохо: несмотря на беззавѣтную отвагу, неудача была неизбѣжна. Нашлись предатели, и полиція заблаговременно узнала о приготовленіяхъ. 3-го марта до 60-ти человѣкъ заговорщиковъ напали на главный караулъ и на полицейскую стражу; въ горячей схваткѣ съ обѣихъ сторонъ были убитые и раненые. Но народъ Франкфурта отнесся къ предпріятію безучастно, и заговорщики быстро были разсѣяны или захвачены.

Послѣ извѣстія о гамбахскомъ праздникѣ Меттернихъ воскликнулъ: „гамбахскій праздникъ, если его разумно использовать, можетъ сдѣлаться праздникомъ добрыхъ"; какъ извѣстно, онъ былъ использованъ очень недурно. Такъ и теперь одинъ прусскій бюрократъ писалъ изъ Берлина: „франкфуртское злодѣяніе можетъ спасти Германію, если съ надлежащей поспѣшностью воспользоваться этимъ событіемъ".

И государственные люди съ Эшенгеймской улицы использовали отчаянную попытку произвести переворотъ въ резиденціи Союзнаго Сейма, овладѣть государственной властью и такимъ образомъ освободить Германію отъ тираніи Меттерниха. Союзный Сеймъ усилилъ свои жестокія мѣры. Началось множество политическихъ процессовъ, въ которыхъ судьи играли лакейскую роль и проявляли величайшую суровость по отношенію къ обвиняемымъ. Въ Кургессенѣ возбудили преслѣдованіе противъ профессора Сильвестра Іордана, лидера конституціоналистовъ. При этомъ, не останавливаясь ни передъ какими средствами, собрали противъ него колоссальный будто бы „обвинительный" матеріалъ, такъ что одна разборка этого матеріала и заключеніе въ подслѣдственной тюрьмѣ должны были растянуться на многіе годы и совершенно расшатать здоровье обвиняемаго, хотя бы онъ въ концѣ-концовъ и былъ оправданъ. Но оправдательные приговоры въ такихъ дѣлахъ представляли величайшую рѣдкость.

Въ Пруссіи студенческія корпораціи попрежнему считались отвѣтственными за всѣ возможные и невозможные заговоры. Поэтому берлинскій судъ вынесъ 39 смертныхъ приговоровъ членамъ этихъ корпорацій. Правда, ни одинъ изъ нихъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но множество молодыхъ, жизнерадостныхъ до того времени людей оставили многолѣтнее и суровое тюремное заточеніе лишь съ окончательно разбитымъ здоровьемъ.

Въ 1837 году огромное впечатлѣніе произвело дѣло Вейдига, вождя гессенскихъ либераловъ. Пасторъ и ректоръ по должности, Вейдигъ былъ фанатически преданъ имперіи и императору и питалъ страстную ненависть къ французской революціи. Но въ то же время это былъ сильный характеръ, человѣкъ съ развитымъ правосознаніемъ. Изъ вождей южно-германскаго движенія, не эмигрировавшихъ и оставшихся на свободѣ, только онъ и не прятался за такіе доводы, какъ трусливыя соображенія о законности или незаконности, и энергично продолжалъ тайную агитацію, когда Союзный Сеймъ сдѣлалъ открытую агитацію нелегальной. Въ тайныхъ обществахъ, при посредствѣ тайныхъ листковъ, онъ старался раздуть дѣятельный протестъ противъ постыднаго господства произвола. Когда Вейдигъ былъ арестованъ, слѣдователемъ по его дѣлу назначили нѣкоего Георги, человѣка трусливаго, угодливаго, жестокаго, готоваго на все, къ тому же страдавшаго бѣлой горячкой. Среди безконечныхъ моральныхъ пытокъ духовныя силы Вейдига надломились. А тутъ присоединилась и пытка физическая. Вейдигъ не выдержалъ и предпочелъ добровольную смерть. Осколками стакана онъ вскрылъ себѣ артеріи. Это событіе вызвало у порабощеннаго народа крикъ безсильнаго негодованія. Оно же опредѣлило будущее родственника Вейдига, Вильгельма Либкнехта, тогда 11-лѣтняго мальчика.

Въ какомъ положеніи оказалась пресса, это можетъ показать одинъ примѣръ—постановленіе Союзнаго Сейма, направленное противъ такъ называемой „Молодой Германіи“: по доносу Вольфганга Менцеля Сеймъ воспретилъ всѣ сочиненія Гейне, Лаубе, Гуцкова, Мундта и Винбарга, *какъ уже явившіяся, такъ и имѣющія явиться*. Несмотря на то,—а пожалуй въ особенности благодаря этому,—названные писатели все же находили дорогу къ публикѣ, и вообще контрабандный ввозъ запрещенныхъ сочиненій изъ-за границы получилъ систематическій характеръ.

Вѣнская конференція, на которую нѣмецкія правительства по иниціативѣ Меттерниха прислали своихъ уполномоченныхъ, занялись измышленіемъ новыхъ средствъ, чтобы съ корнемъ вырвать либеральный, демократическій и революціонный духъ. Конференція постановила организовать союзный третейскій судъ, на который было возложено разбирательство всѣхъ случаевъ несогласія между представительствомъ отъ народа и правительствами. Меттернихъ разсчитывалъ такимъ способомъ окончательно свернуть шею тому жалкому конституціонализму, который еще сохранялся въ мелкихъ и среднихъ государствахъ Герма-

ніи. Впрочемъ, какъ разъ около этого времени исходъ ганноверскаго конституціоннаго конфликта показалъ, что унаслѣдованный сервилизмъ самого лойяльнаго бюргерства еще не исчезъ и самъ по себѣ приводилъ къ такимъ результатамъ, о которыхъ долженъ былъ позаботиться союзный третейскій судъ. Въ 1837 году на ганноверскій тронъ вступилъ Эрнстъ Августъ. Его первымъ дѣяніемъ было уничтоженіе конституціи 1833 года. Семь геттингенскихъ профессоровъ, въ томъ числѣ Гервинусъ, отказались присягнуть королю-революціонеру; за это ихъ отставили отъ профессуры, а троихъ даже выслали изъ Ганновера. Ганноверцы обратились за помощью къ Союзному Сейму, но тотъ заявилъ, что это дѣло выходитъ за предѣлы его компетенціи. Прусскій министръ фонъ-Роховъ по случаю этого конфликта изрекъ свое знаменитое замѣчаніе объ „ограниченномъ разумѣ управляемыхъ", неспособныхъ по ограниченности разумѣнія къ правильному сужденію о такихъ дѣлахъ. Эрнстъ Августъ между тѣмъ составилъ послушное собраніе сословій и навязалъ ему конституцію по своему вкусу.

Вниманіе прусскаго общества въ это время было поглощено безконечными церковными распрями. Въ Силезіи старо-лютеране обнаружили такое упорство, что религіозныя словопренія завершились здѣсь вооруженнымъ сопротивленіемъ правительству. Въ Кенигсбергѣ піетисты-фанатики дошли до крайнихъ предѣловъ, и дѣло закончилось скандальнымъ уголовнымъ процессомъ. Въ Кельнѣ произошелъ конфликтъ между правительствомъ и архіепископомъ Дросте-Фишерингомъ по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ, т.-е. о бракахъ между лицами разныхъ исповѣданій и о вѣроисповѣданіи ихъ дѣтей. Въ концѣ-концовъ архіепископъ былъ арестованъ и водворенъ на жительство въ Минденѣ.

Въ 1840 году скончался Фридрихъ-Вильгельмъ III. Его преемникомъ былъ старшій его сынъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Какъ это обыкновенно бываетъ, либеральные элементы возлагали величайшія упованія на смѣну царствованій, но и на этотъ разъ—тоже какъ это обыкновенно бываетъ—всѣ надежды оказались ошибочными. Пониманіе требованій современности оставалось чуждымъ Фридриху-Вильгельму IV; онъ жилъ въ мірѣ, всецѣло созданномъ его фантазіей, надъ нимъ безпредѣльно господствовали романтически-реакціонныя воззрѣнія. Его евангеліемъ была книга Галлера: „Реставрація государственной науки", послѣднее слово тогдашней европейской реакціи.

Вопросъ о конституціи тотчасъ снова выплылъ наружу. Фридрихъ-Вильгельмъ IV вскорѣ далъ амнистію всѣмъ политическимъ осужденнымъ, но онъ не хотѣлъ и слышать объ исполненіи извѣстнаго указа отъ 22 мая 1815 года. Сословія Кенигсберга и Познани, а также городъ Бреславль, одно за другимъ требовали введенія обѣщаннаго народнаго представительства. Король заявилъ, что обѣщанія отца для него необязательны, да помимо того, Фридрихъ-Вильгельмъ III, учредивши собранія сословій по провинціямъ, уже въ 1823 году исполнилъ то, что подобало исполнить.

Но въ дѣйствительности провинціальныя сословія (ландтаги) были

только жалкой пародіей народнаго представительства. Они были составлены наполовину изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, на одну треть изъ представителей городовъ и на одну шестую изъ крестьянъ. Правительство по произволу могло созывать ихъ и не созывать. Они засѣдали при закрытыхъ дверяхъ, подъ предсѣдательствомъ „маршала“, назначеннаго правительствомъ, который имѣлъ право по произволу пріостановить пренія по всякому непріятному вопросу, лишить слова всякаго представителя. О всѣхъ предложеніяхъ, вносимыхъ правительствомъ, сословія могли заявлять только свое мнѣніе, ни для кого не обязательное. Рѣшающій голосъ—и то при условіи утвержденія постановленій королемъ—принадлежалъ имъ исключительно въ мѣстныхъ дѣлахъ, какъ, напр., устройство исправительныхъ и каторжныхъ тюремъ, организація страхованія отъ огня, постройка больницъ для душевнобольныхъ или глухонѣмыхъ и т. п.

Конечно, никто не могъ бы признать учрежденіе этихъ провинціальныхъ ландтаговъ исполненіемъ обѣщанія 1815 года. Дѣло нисколько не измѣнялось отъ маленькихъ уступокъ общественному мнѣнію, сдѣланныхъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Онъ предоставилъ провинціальнымъ ландтагамъ право обнародывать протоколы засѣданій, но безъ наименованія именъ ораторовъ. Кромѣ того, король далъ обѣщаніе созывать провинціальные ландтаги каждые два года и въ промежуткахъ пользоваться „совѣтами“ комитетовъ, избираемыхъ ландтагами. Но и послѣ этого провинціальные ландтаги остались провинціальными ландтагами, а не народнымъ представительствомъ, обѣщаннымъ въ 1815 году.

Эта мысль въ энергичной формѣ и съ несокрушимой логикой развита въ знаменитой брошюрѣ Іоганна Якоби (род. въ 1805 г., умеръ въ 1877 г., былъ въ послѣдніе годы жизни депутатомъ рейхстага, принадлежалъ къ соціалъ-демократической партіи), появившейся весной 1841 года: „Четыре вопроса съ отвѣтами на нихъ одного восточно-прусскаго жителя“. Вопросы эти таковы: „Чего хотятъ сословія? Въ чемъ ихъ право? Какое рѣшеніе имъ вынесено? Что остается имъ дѣлать?“ Якоби съ неумолимой логикой показалъ въ своей брошюрѣ, что подавленное бюрократіей городское управленіе, провинціальные ландтаги, доведенные до полнаго ничтожества, инквизиціонный тайный процессъ, зависимость судей отъ администраціи, самодержавное управленіе министровъ, опирающихся на преданныя полицію и цензуру, которыя подавляютъ всякое другое мнѣніе, всякую другую дѣятельность, кромѣ ихъ собственныхъ,—что все это стоитъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ тѣми требованіями, которыя самостоятельные граждане, достигшіе умственной зрѣлости, должны предъявлять къ организаціи своего участія въ дѣлахъ государства. Въ заключеніе Якоби напоминаетъ объ указѣ 1815 года и предлагаетъ сословіямъ, чтобы они, получивъ отъ короля отрицательный отвѣтъ, добивались теперь, какъ своего несомнѣннаго права, того, о чемъ они до сихъ поръ молили, какъ о милости.

„Четыре вопроса“ оказали огромное вліяніе на развитіе политической жизни. Авторъ, выступившій анонимно, но потомъ добровольно

открывшій свое имя, подвергся уголовному преслѣдованію. Дѣло тянулось долго, но закончилось оправданіемъ автора.

Буржуазный либерализмъ выступалъ пока съ большой осторожностью, граничащей съ позорной трусостью. Почтенные буржуа тайкомъ передавали изъ рукъ въ руки „Четыре вопроса", подвергшіеся запрещенію, но чтобы подражать автору,—для этого имъ недоставало мужества. Въ Галле Руге съ большими трудами собралъ до 70 подписей подъ петиціей, которая требовала введенія конституціи. Но начальство пригрозило процессомъ за это „государственное преступленіе", и 17 человѣкъ изъ подписавшихся тотчасъ помчались въ почтовыхъ каретахъ, чтобы снять свои подписи съ преступнаго документа. Одинъ врачъ оправдывался опасеніемъ растерять свою практику; одинъ лѣсопромышленникъ тѣмъ, что можетъ лишиться казенныхъ заказовъ, хотя и до подписи не получалъ отъ казны ни одного заказа; а одинъ москотильщикъ клятвенно завѣрялъ, что, давая свою подпись, стремился только выманить подписи у истинныхъ демагоговъ и открыть такимъ образомъ враговъ короля! Вообще буржуазный либерализмъ становится храбрымъ только тогда, когда опасаться рѣшительно нечего.

Въ первое время по восшествіи Фридриха-Вильгельма IV цензурныя строгости подверглись нѣкоторому смягченію. Но потомъ онѣ снова усилились, такъ какъ пресса позволила себѣ критиковать правительство. Запрещено было перепечатывать даже указъ отъ 22 мая 1815 года; запрещеніе распространилось также на множество періодическихъ изданій и книгъ. Освобождались отъ цензуры только книги свыше 20 печатныхъ листовъ. Исчезло всякое подобіе свободнаго выраженія мнѣній. Піэтизмъ при управленіи реакціоннаго министра Эйхгорна поднялъ голову, и вѣра была поставлена выше науки. Таково было состояніе Пруссіи въ интеллектуальномъ отношеніи.

Въ то же время въ отдѣльныхъ городахъ начались мятежи голодающаго города, а въ Силезіи—въ Лангенбилау и въ Петерсвальдау—взбунтовались ткачи, потому что жить имъ было рѣшительно нечѣмъ. Усмирять ихъ пришлось военною силой.

Въ слѣдующемъ 1845 году „искусный криминалистъ" докторъ Штиберъ разомъ сдѣлалъ карьеру, „открывши" будто бы коммунистическій заговоръ въ Гиршбергской долинѣ. Весной этого года онъ явился туда подъ именемъ художника Эмануэля Шмидта и сдѣлалъ открытіе, что столярный подмастерье Вурмъ изъ Вармбрунна стоитъ во главѣ тайнаго общества, въ которомъ участвуетъ шесть или восемь рабочихъ и которое стремится къ уничтоженію богачей. Современники тотчасъ же заподозрѣли, что заговоръ просто-напросто „сдѣланъ" самимъ Штиберомъ. И дѣйствительно, ужасные статуты этого ужаснаго общества производили такое впечатлѣніе, какъ будто ихъ писала рука какого-нибудь простодушнаго сумасброда подъ диктовку хитраго провокатора. Тѣмъ не менѣе Вурма присудили къ смертной казни, замѣненной потомъ вѣчными каторжными работами, а его товарищей къ многолѣтнему тюремному заключенію, изъ котораго они вышли только

послѣ амнистіи 1848 года. Благодаря тайному судопроизводству, обстоятельства дѣла такъ и остаются неизвѣстными. Но несомнѣнно одно: Штиберъ, начиная дѣло, старался убрать между прочимъ двухъ смѣлыхъ людей: фабриканта Шлеффеля изъ Эйхберга и школьнаго учителя Вандера изъ Гиршберга. Оба возбуждали ненависть бюрократіи, такъ какъ старались о политическомъ просвѣщеніи окружающаго мѣщанства. А Шлеффель, кромѣ того, навлекъ на себя и ненависть помѣщиковъ, потому что всегда помогалъ сельскому населенію, когда оно боролось противъ произвольнаго повышенія феодальныхъ повинностей. Вопреки всѣмъ гарантіямъ, которыя даже домартовскіе законы давали неприкосновенности личности, Штиберъ немедленно арестовалъ Шлеффеля и Вандера, какъ соучастниковъ Вурма, и забралъ съ собою всѣ ихъ бумаги, до ничтожнѣйшаго клочка. Но онъ не нашелъ ни одной ниточки, изъ которой его творческая фантазія могла бы сплести веревку для обвиняемыхъ. Тѣмъ не менѣе въ тюрьмѣ ихъ продержали очень долгое время. Въ 1844 году бургомистръ Чехъ изъ Сторкова устроилъ покушеніе на прусскаго короля. Мотивы покушенія остались неясными. Чехъ отказался отъ помилованія, которое обѣщали ему, если онъ заявитъ о раскаяніи, и, присуженный къ смертной казни, былъ обезглавленъ въ Шпандау.

Въ 1847 году правительство пошло на нѣкоторыя уступки передъ общественнымъ мнѣніемъ. Финансы были расшатаны, кредитъ падалъ. Чтобы заключить новые займы на сравнительно сносныхъ условіяхъ, необходимо было создать хотя тѣнь народнаго представительства и добиться отъ него согласія на новые налоги, на новые займы. Притомъ, вопреки неусыпной опекѣ полиціи бюрократіи, противодѣйствіе господствующей системѣ все усиливалось и расширялось. Въ то же время поднимало голову нѣмецко-католическое движеніе, и оппозиція пріобрѣтала довольно энергичный характеръ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV разсчитывалъ уничтожить главное основаніе всѣхъ нападокъ и патентомъ отъ 3 февраля 1847 года объединилъ провинціальныя сословія (ландтаги) въ соединенный ландтагъ, который созывался въ Берлинѣ.

Тотъ же патентъ обѣщалъ созывать соединенный ландтагъ каждый разъ, когда потребуются новые займы, налоги или повышеніе уже существующихъ. Ландтагу во всѣхъ дѣлахъ предоставлялся только совѣщательный, но не рѣшающій голосъ. Даже право петицій было стѣснено въ томъ смыслѣ, что королю могли представляться только петиціи, принятыя двумя третями голосовъ въ каждой изъ двухъ курій, изъ двухъ отдѣленій, на которыя раздѣлялся ландтагъ. Не менѣе неудовлетворительна была организація народнаго представительства въ куріяхъ. Десятокъ тысячъ господъ и владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій были представлены 278 голосами, а 979 городовъ съ четырьмя милліонами жителей всего лишь 182 голосами.

Либеральные элементы утѣшались тѣмъ, что это только начало уступокъ. Но король думалъ, что это конецъ, что обѣщанія отца теперь исполнены въ полной мѣрѣ. Въ напыщенной, очень неосторож-

ной и неясной рѣчи, произнесенной при открытіи соединеннаго ландтага, король безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что нечего и думать о дальнѣйшихъ уступкахъ, о развитіи конституціонной политической жизни. Онъ отрицалъ потребность въ народномъ представительствѣ, рекомендовалъ ландтагу не разыгрывать роль таковаго и нѣсколько разъ преднамѣренно употребилъ выраженіе не „ландтагъ", а „сословія". „Часть прессы,—сказалъ онъ,—требуетъ отъ меня и отъ моего правительства прямо революціи въ церкви и государствѣ, а отъ васъ— актовъ неблагодарной настойчивости, противозаконности, даже непослушанія. Но я не созвалъ бы васъ сюда, если бы хоть одну минуту сомнѣвался, что у васъ нѣтъ вожделѣній къ роли такъ называемыхъ народныхъ представителей". Но всего рѣшительнѣе заключительныя слова рѣчи. Они любопытны между прочимъ въ томъ отношеніи, что иллюстрируютъ все ничтожество торжественныхъ завѣреній, когда послѣднія сталкиваются съ желѣзной исторической необходимостью. „Все это,—сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV,—вынуждаетъ у меня торжественное заявленіе, что никогда и никакой силѣ земной не удастся превратить естественныя отношенія между монархомъ и народомъ въ условныя, конституціонныя, и что я ни теперь и ни въ какое другое время не допущу, чтобы между нашимъ Владыкой Небеснымъ и этой страной всталъ листъ исписанной бумаги и, подобно второму провидѣнію, правилъ надъ нами своими параграфами и замѣнялъ ими исконную священную вѣрность". Это была послѣдняя громкая, торжествующая пѣснь стараго абсолютизма. Силы Фридриха-Вильгельма IV склонились передъ силами исторіи, и появился „клочокъ исписанной бумаги".

Въ Австріи этого времени политическая жизнь все еще не пробуждалась. Система Меттерниха, какъ кошмаръ, тяготѣла на народахъ имперіи Габсбурговъ. Меттернихъ добился того, что австрійскія коронныя земли отъ Боденскаго озера и до Карпатъ, отъ Милана и до Брюнна превратились въ одно великое царство молчанія, и „управляемые" не дерзали заявлять о своихъ взглядахъ на политическія дѣла. Въ особенности „благодушные" австрійцы,—они, казалось, только и заботились, что объ удовольствіяхъ; Вѣна превратилась въ сборный пунктъ бонвивановъ со всего свѣта; никому бы и въ голову не пришло, что этому беззаботному „народу феаковъ" суждено сыграть активную роль въ эпизодѣ, богатомъ кровью и пламенемъ.

Революціонныя судороги тридцатыхъ годовъ въ Германіи показались Меттерниху опасными для его австрійскихъ нѣмцевъ. Конечно, онъ охотнѣе всего воспользовался бы нѣмцами, какъ противовѣсомъ панславизму, внѣдрявшемуся въ австрійскія земли, идеѣ объединенія всѣхъ славянскихъ народностей въ единое славянское государство. Но въ виду германскихъ событій Меттернихъ наложилъ на нѣмецкія территоріи въ Австріи самое тяжелое иго и, напротивъ, настолько предоставилъ мадьярамъ свободы, что въ Венгріи могло начаться развитіе конституціонной политической жизни. Венгерская пресса пользовалась несравненно большей свободой, чѣмъ въ какой-либо иной области Гер-

манскаго Союза, а венгерскій рейхстагъ въ 1844 году добился даже того, что венгерскій языкъ сдѣлался языкомъ официальныхъ сношеній. Впрочемъ, когда Меттернихъ нашелъ, что мадьярскій элементъ слишкомъ уже высоко поднялъ голову, онъ постарался и передъ нимъ поставить барьеръ и съ этой цѣлью сталъ оказывать тайное содѣйствіе агитаціи чеховъ и панславистовъ. Заранѣе можно было предвидѣть, что такая коварная политика противовѣсовъ должна привести лишь къ одному результату: раздуть злосчастный споръ австрійскихъ національностей. Въ Галиціи меттерниховская политика травли и противовѣсовъ быстро привела къ кровавой катастрофѣ. Меттернихъ приказалъ тайно поддерживать тамъ панславизмъ противъ мадьярскаго элемента. Слѣдствіемъ этого было развитіе польскаго національнаго движенія, исходнымъ пунктомъ котораго послужилъ небольшой сосѣдній вольный городъ Краковъ. Въ движеніи участвовали преимущественно дворянство и буржуазія. Галиційскіе крестьяне, въ конецъ измученные оброками и барщинами, питали къ дворянству страстную ненависть. Австрія раздувала эту ненависть и раздувала небезуспѣшно: въ 1846 году, когда въ Галиціи вспыхнуло возстаніе и возставшее дворянство, чтобы привлечь на свою сторону крестьянъ, объявило объ уничтоженіи всѣхъ дворянскихъ привилегій, это не произвело никакого дѣйствія. Больше того: австрійцы не могли разомъ подавить возстаніе, и вотъ крестьяне, доведенные ими до фанатизма, поднялись массами, напали на дворянъ, сжигали ихъ замки и убивали всѣхъ, кто попадался имъ въ руки. Въ концѣ-концовъ самимъ же австрійцамъ пришлось выступить противъ своего союзника—галиційскаго крестьянства. Результатъ этой мефистофельской политики Меттерниха былъ таковъ: республика, вольное государство Краковъ, существованіе котораго гарантировали вѣнскіе договоры, было присоединено къ Австрійской имперіи. Дипломаты думали, что они такимъ образомъ окончательно уничтожили очагъ всѣхъ польскихъ возстаній. Франція и Англія протестовали противъ уничтоженія краковской республики, но все было тщетно.

Итакъ, въ нѣмецкихъ частяхъ Австріи, несмотря на глубокое, скрытое недовольство, все оставалось тихо; но въ то же самое время въ Венгріи и въ итальянскихъ земляхъ разгоралось броженіе, которое подготовило взрывъ 1848 года.

Такой-то видъ имѣла Германія послѣ того, какъ Меттернихъ и Союзный Сеймъ въ теченіе тридцати лѣтъ совершали надъ ней насилія и опекали ее. Великій мастеръ въ политикѣ усмиренія считалъ свое дѣло законченнымъ. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его надменность достигла апогея, онъ получилъ отъ исторіи яркое доказательство, что развитіе народовъ не считается съ необузданнымъ произволомъ отдѣльнаго индивидуума, какія бы силы ни стояли въ его распоряженіи. Все подчиняется закону человѣческаго прогресса. И пусть насильникъ противится духу времени, воздвигаетъ на пути развитія цѣлыя горы—раньше или позже и его дѣла, и онъ самъ будутъ сметены. Эта мысль всегда является утѣшеніемъ даже въ самыя мрачныя времена.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Картины домартовскихъ отношеній.

Манія величія, такъ часто вытекающая изъ избытка власти, заставила князя Меттерниха успокоиться на убѣжденіи, что можно оградить Германію отъ идей великой французской революціи и такимъ образомъ на долгое время пріостановить всякій прогрессъ въ политическихъ отношеніяхъ. Меттернихъ могъ гордиться тѣмъ, что онъ перехитрилъ нѣкогда самого Наполеона; онъ, пожалуй, не уступилъ бы Наполеону въ уловкахъ цыганскаго торга, именуемыхъ дипломатіей. Но при всемъ томъ его пониманіе причинъ и сущности политическихъ перемѣнъ и переворотовъ было такъ грубо и такъ банально, какъ только можно было ожидать отъ его школы, поклонявшейся Кауницамъ, Кобенцелямъ, Талейранамъ и Кэстльри. Меттернихъ думалъ, что источникомъ переворотовъ служатъ революціонныя идеи и что, искоренивши такія политическія идеи, т.-е. переловивъ „подстрекателей", „агитаторовъ" и „демагоговъ", можно разъ навсегда предотвратить политическіе перевороты. А располагая, помимо всего прочаго, достаточной и хорошо организованной полиціей и войскомъ — на тотъ случай, если нѣкоторыя революціонныя идеи невзначай все-таки проскользнутъ въ Австрію,— Меттернихъ уже считалъ и себя и свою систему обезпеченными противъ всякихъ непредусмотримыхъ случайностей.

Меттернихъ, это воплощеніе кастоваго духа аристократіи, воображалъ, что онъ призванъ сыграть роль своего рода провидѣнія для Германіи, для цѣлой Европы. Онъ не понималъ того, что предпосылкой политическихъ переворотовъ всегда является общественно-экономическій строй данной страны и что идеи могутъ послужить лишь импульсами въ сравнительно узкомъ значеніи этого слова. Огненныя письмена 1848 года должны были научить Меттерниха этой истинѣ; послѣ того, какъ его обширное зданіе рухнуло, онъ, несомнѣнно, долженъ былъ убѣдиться, что его всеевропейскіе карантины, воздвигнутые противъ заноса революціонныхъ идей, только усилили ненависть къ его системѣ и сдѣлали катастрофу неизбѣжной.

Французская революція разбила тѣ оковы для развитія производства, которыя сохранялись отъ среднихъ вѣковъ. Она создала строй,

давшій капитализму возможность развитія. Конкуренція сдѣлалась мощнымъ факторомъ экономической жизни и, дѣйствуя совмѣстно съ общественнымъ раздѣленіемъ труда, пробудила къ жизни множество силъ, которыя до того времени находились съ состояніи покоя. Капиталистическія отношенія проникали въ общественный организмъ, не останавливаясь даже передъ внѣшними искусственными препятствіями. Цеховой строй часто преграждалъ путь развивающейся новой промышленности, но теперь она уже чувствовала почву подъ своими ногами и шествовала впередъ, хотя и не такъ быстро, какъ было бы при иначе сложившихся условіяхъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ даже нѣмецкая буржуазія начала сознавать всю несправедливость и весь вредъ кастовыхъ привилегій дворянства. Правда, сущность капиталистическаго производства заключается тоже въ присвоеніи прибавочнаго труда. Тѣмъ не менѣе современный фабрикантъ, сравнивая себя съ дворяниномъ-помѣщикомъ, который живетъ крестьянскими барщинами и оброкомъ, видитъ въ себѣ, въ противоположность помѣщику, представителя гражданской добродѣтели трудолюбія.

Умирающіе остатки средневѣковыхъ формъ производства уже не могли задержать капиталистическаго развитія. Меттернихъ, стремясь увѣковѣчить свой идеалъ всеобщаго застоя, долженъ бы возвратить производство къ старымъ, изжитымъ формамъ и снова наложить на него тѣ путы, которыя были сброшены французской революціей. Но это было въ такой же степени невозможно, какъ, напр., во Франціи возвращеніе старымъ владѣльцамъ земли, отобранной у нихъ въ 1789 г.

Насколько чуждо было Меттерниху пониманіе великаго процесса соціальныхъ преобразованій, показываетъ между прочимъ политика, усвоенная имъ по отношенію къ Австріи. Пруссія таможеннымъ союзомъ уничтожила перегородки, стѣснявшія внутренній обмѣнъ; въ томъ же направленіи—въ направленіи развитія новаго, капиталистическаго, буржуазнаго общества—въ концѣ-концовъ дѣйствовалъ и Меттернихъ, создавая довольно обширную желѣзнодорожную сѣть. Великій человѣкъ искренно былъ убѣжденъ, что желѣзныя дороги не такъ опасны для его системы застоя, какъ фразы о свободѣ какого-нибудь либеральнаго литератора. Онъ засаживалъ литераторовъ въ тюрьмы и въ то же время предоставлялъ паровозамъ проноситься по Австрійской имперіи; Меттернихъ не понималъ того, что каждый гвоздь въ рельсахъ былъ одновременно гвоздемъ къ гробу всей его правительственной системы.

Противорѣчія между крупной и мелкой буржуазіей обрисовывались тогда еще не съ такою рельефностью, какъ въ настоящее время. Отголоски „добраго стараго времени" все еще давали знать о себѣ мелкимъ буржуа и ремесленникамъ. Цеховыя стѣсненія, паспортная система, помѣхи обмѣну и даже заключенію браковъ, тысячи другихъ бюрократическихъ и полицейскихъ угнетательскихъ измышленій—все это препятствовало процвѣтанію ремесла и не оставляло мѣста для развитія гордаго классоваго самосознанія. Прошли тѣ времена, когда это самосознаніе было такъ характерно для нѣмецкаго бюргерства многихъ

имперскихъ городовъ, такъ отличало его отъ юнкеровъ и духовенства и въ значительной степени сообщалось и ремесленнымъ подмастерьямъ. Теперь мелкій буржуа пришелъ бы въ великую радость, если бы буржуа, крупный капиталистъ, обнаружилъ готовность употребить свое вліяніе и свою соціальную силу на служеніе „общимъ бюргерскимъ интересамъ". Совмѣстныя дѣйствія мелкой и крупной буржуазіи были возможны тѣмъ болѣе, что конкуренція мелкаго и крупнаго производства еще не успѣла проложить такой зіяющей трещины между интересами крупнаго и мелкаго буржуа, какъ въ настоящее время. Но вопреки этому нѣмецкая либеральная и конституціонная буржуазія все еще не могла найти знамени, вокругъ котораго объединились бы всѣ оттѣнки и всѣ степени оппозиціонныхъ стремленій и на которомъ стоялъ бы простой и величавый лозунгъ борьбы противъ системы застоя. Только поэтому система Меттерниха и могла продержаться такое долгое время.

Жажда лучшаго строя и освобожденія отъ гнетущаго ига Германскаго Союза охватила хоровые и гимнастическіе союзы. Въ порывѣ энтузіазма здѣсь тысячи разъ провозглашали виватъ за единство и свободу Германіи, а потомъ, отрезвившись, съ болѣзненной впечатлительностью чувствовали, насколько далека Германія отъ обладанія этими драгоцѣнными благами.

Буржуазный либерализмъ, распѣвая свои ребяческіе, пожалуй, даже младенческіе гимны свободѣ, зачастую облачался въ мантію ярко-краснаго революціонера. Напр.:

„Ну, выселяйтесь князья изъ дворцовъ.
Видите, пиръ для народа готовъ!"

Или:

„Князья, поскорѣе давайте сюда
Пурпурныя мантіи ваши,
Мы, слуги свободы, изъ нихъ понашьемъ
Штановъ для всей арміи нашей!"

Въ настоящее время всѣ эти пѣсни имѣютъ исключительно антикварную цѣнность, но въ то время высокомудрая полиція и члены Союзнаго Сейма придавали дѣлу очень трагическій оборотъ. Почтенное собраніе, засѣдавшее во Франкфуртѣ на Майнѣ во дворцѣ Турна и Таксиса, могло бы сохранять больше спокойствія: буржуазный либерализмъ, если полиція не препятствовала ему или не могла помѣшать, производилъ много словеснаго шуму, но что касается дѣла, онъ довольствовался мелочишками, пустяками, несущественнымъ. Поставить передъ собой въ качествѣ цѣли опредѣленную, великую, универсальную реформу—къ этому либеральная нѣмецкая буржуазія была неспособна. Въ политическомъ отношеніи она была настолько наивна, что посыпала пепломъ свою главу, если датчане оказывали противодѣйствіе агитаціи за отдѣленіе Шлезвигъ-Голштиніи, а фребелевскіе дѣтскіе сады ей казались идеей, которая должна перевернуть весь міръ.

Какъ извѣстно, прошло много времени, прежде чѣмъ Германія научилась придавать земнымъ дѣламъ бо́льшую важность, чѣмъ дѣламъ небеснымъ. Только этимъ и можно объяснить, что въ сороковыхъ годахъ въ религіозныя словопренія были вовлечены очень широкія сферы. Энергичная дѣятельность протестантовъ-піетистовъ пробудила въ католической іерархіи завистливыя чувства тѣснимаго конкурента. Въ концѣ концовъ оба великихъ вѣроисповѣданія рѣшили, что они вѣрнѣе всего обезпечатъ за собой свое вліяніе, если направятъ свои силы на борьбу съ такимъ общимъ врагомъ, какъ свѣтское міросозерцаніе и атеистическая философія. Для посрамленія вольнодумцевъ въ Трирѣ въ 1844 г. былъ выставленъ священный хитонъ. Хотя немедленно и неопровержимо было доказано, что это не подлинная реликвія, тѣмъ не менѣе въ Трирѣ перебывало больше милліона пилигримовъ, и во всѣ стороны полетѣли извѣстія о чудесахъ. Словомъ, разыгралось то же самое, что повторилось въ 1891 году, съ тою только разницей, что въ сороковыхъ годахъ въ Триръ пришло множество пилигримовъ изъ Франціи, такъ какъ въ послѣдней тогда еще не было такого конкурента-реликвіи, какъ впослѣдствіи въ Аржантелѣ. Либерализмъ воспользовался событіями въ Трирѣ для ожесточенныхъ нападокъ на римско-католическую церковь. Въ то же время Іоганнъ Ронге, отставной католическій капланъ изъ Силезіи, напечаталъ въ „Саксонской патріотической газетѣ" открытое письмо, адресованное къ трирскому епископу Арнольди и протестующее вообще противъ почитанія реликвій. Само по себѣ письмо было совершенно ничтожно. Но, пожалуй, именно потому, что оно содержало лишь вещи извѣстныя и понятныя для всякаго человѣка, оно было встрѣчено съ величайшимъ восторгомъ. Ронге чествовали какъ великаго человѣка, да и самъ онъ въ своемъ смѣхотворномъ тщеславіи считалъ себя таковымъ. Ронге выступилъ съ проектомъ, чтобы католики сбросили съ себя зависимость отъ римскаго престола. Такъ возникли нѣмецко-католическія общины; одновременно съ ними протестанты организовали евангелическія свободныя общины.

Общины эти служили выраженіемъ протеста противъ офиціальныхъ религій и офиціальной церковности. Движеніе распространилось и на Саксонію. Министерство Саксоніи, этого типичнаго полицейскаго государства, выступило противъ него и воспретило устраивать собранія для обсужденія религіозныхъ вопросовъ. Лейпцигъ отвѣтилъ на это демонстраціей противъ брата короля, принца Іоганна, извѣстнаго за крайняго реакціонера. Толпа встрѣтила выступившія противъ нея войска каменьями, солдаты безъ всякой настоятельной необходимости отвѣтили залпомъ изъ ружей. На мѣстѣ осталось много убитыхъ и раненыхъ. Происшествіе это вызвало негодованіе. Принцъ уѣхалъ изъ Лейпцига, войска были отозваны. На нѣсколько дней самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ городѣ сдѣлался Робертъ Блюмъ (родился въ 1807 году), краснорѣчивый и талантливый народный трибунъ, выдвинутый первоначально нѣмецко-католическимъ движеніемъ. По его предложенію,

народъ въ торжественной процессіи направился къ ратушѣ, чтобы здѣсь дать своимъ требованіямъ опредѣленную формулировку. Порядокъ уже не нарушался, и волны движенія быстро упали. Администрація настолько оправилась отъ смущенія, что отважилась назначить дознаніе, засадить нѣсколько человѣкъ въ тюрьму, другихъ выслать, усилить гарнизонъ, запретить устройство собраній и союзовъ и еще больше усилить цензурныя строгости. Тѣмъ не менѣе всѣ эти событія произвели глубокое и неизгладимое впечатлѣніе. Для страстнаго негодованія, захватившаго оппозиціонныя сферы, характеренъ тотъ фактъ, что Фрейлигратъ, лишь въ предыдущемъ году отказавшійся отъ пенсіи, предложенной прусскимъ королемъ, сравнилъ лейпцигское избіеніе съ Варѳоломеевской ночью, хотя жертвъ въ немъ пало очень немного.

Пожалуй, важнѣе былъ поворотъ, наступившій въ Баваріи. Для южной Германіи Баварія была главной опорой католицизма, какъ на сѣверѣ Пруссія главнымъ столпомъ протестантскаго піетизма. Баварцамъ, конечно, стоило бы огромныхъ усилій добиться чего-нибудь отъ іезуитскаго управленія, во главѣ котораго стоялъ министръ Абель, нѣкогда считавшійся либераломъ. Но вотъ въ Мюнхенѣ появилась Лола Монтесъ, красивая и пикантная, но въ то же время легкомысленная и фривольная испанка-танцовщица. Передъ тѣмъ она тщетно старалась найти счастье около извѣстнаго Генриха семьдесятъвторого князя Рейсскаго, именуемаго также „Prinzipienreiter“ („наѣздникомъ принциповъ“). Пріѣхавши въ Мюнхенъ, она приступомъ взяла сердце дряхлѣющаго „тевтонскаго“ короля Людвига I. Онъ воспѣвалъ Лолу въ своихъ стихахъ, изукрашенныхъ, какъ извѣстно, множествомъ причастій; безъ тяжелой борьбы онъ не могъ бы отказать ей ни въ какомъ ея желаніи, хотя бы удовлетвореніе его возмутило самыхъ лойяльныхъ мюнхенцевъ, возсѣдавшихъ за столиками въ пивныхъ. Въ концѣ-концовъ онъ возвелъ прекрасную Лолу въ званіе графини фонъ-Лансфельдъ. Но министерство Абеля, для котораго вліяніе фаворитки становилось опаснымъ, отказало танцовщицѣ въ натурализаціи, что было необходимо для возведенія въ графское достоинство, и поставило королю такую альтернативу: или отставка танцовщицы, или отставка министровъ. И тогда-то совершилось дѣло, котораго никакъ не могли переварить мюнхенскіе пивопійцы: король далъ отставку ультрамонтанскимъ министрамъ, правленіе іезуитовъ было низвергнуто, и на его развалинахъ Лола смѣло утвердила свою прелестную ножку. То, чего не могли бы тогда добиться самыя серьезныя усилія либеральныхъ „патріотовъ“ танцовщица совершила шутя и такимъ образомъ, преднамѣренно или непреднамѣренно, оказала серьезную услугу либерализму.

Борьба за религіозную свободу скоро пріобрѣла политическій характеръ и развилась въ борьбу либерализма противъ всеподавляющей государственной власти. Полицейскій режимъ и гнетъ сверху достигли такой степени выработанности, что болѣе рѣшительные либералы должны были обратиться къ организаціи тайныхъ обществъ, такъ какъ открытая политическая организація сдѣлалась невозможной. Отцы тѣхъ національ-

либераловъ, которые въ 1878 году проводили исключительные законы, въ сороковыхъ годахъ подвергались такимъ же полицейскимъ гоненіямъ, какъ въ восьмидесятыхъ годахъ представители крайней лѣвой. Отдѣльные члены ландтаговъ („сословій“) въ различныхъ частяхъ Германіи, солидарные по своимъ убѣжденіямъ, устроили общую организацію; къ нимъ примкнули другіе демократы, не участвовавшіе въ ландтагахъ. Въ 1840 году, когда повсюду слышались звуки антифранцузской пѣсни: „Нѣтъ, онъ не будетъ принадлежать имъ, этотъ свободный нѣмецкій Рейнъ“, на этомъ самомъ „свободномъ“ нѣмецкомъ Рейнѣ собрались представители нѣмецкаго либерализма. Они знали другъ друга пока только по именамъ и ускользнули отъ недреманнаго ока полиціи лишь благодаря крайнему напряженію своихъ конспираторскихъ способностей. Сюда явились Адамъ фонъ-Ицштейнъ, пользовавшійся широкимъ уваженіемъ либеральный ораторъ баденской палаты; Робертъ Блюмъ изъ Лейцига, который уже давно своимъ участіемъ въ политической и религіозной борьбѣ создалъ себѣ почтенное имя, какъ рѣшительный либералъ; Тодтъ изъ Адорфа и фонъ-Дискау изъ Плауэна, два демократа въ тогдашнемъ значеніи этого слова; Мати изъ Бадена, считавшійся тогда однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ, и многіе другіе. На такихъ собраніяхъ, которыя съ того времени устраивались ежегодно, обсуждалось печальное настоящее, находило себѣ выраженіе томленія по лучшему будущему. Этотъ либерализмъ, подвергавшійся травлѣ полиціи, въ тайныхъ собраніяхъ былъ далеко не такимъ кроткимъ, какимъ онъ нерѣдко представлялся, когда выступалъ публично. Передъ публикой онъ облачался въ лойяльную мантію умѣреннаго конституціонализма, а въ тайныхъ собраніяхъ совсѣмъ не старался скрывать своихъ демократическихъ или республиканскихъ тенденцій.

Тенденціи эти проникали, насколько возможно, и въ литературу, гонимую полиціей и терзаемую цензурой. Союзный Сеймъ раскинулъ цензурную сѣть надъ цѣлой Германіей. Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ была типографія, непремѣнно обрѣтался и чиновникъ, предназначенный для надзора за ея работами. Ему предъявлялось все напечатанное въ типографіи, даже меню обѣдовъ и визитныя карточки. Изъ рукописи или изъ корректурныхъ листовъ цензоръ просто вычеркивалъ все, что казалось ему несовмѣстнымъ съ государственнымъ благомъ. Изъ отчетовъ о засѣданіяхъ палатъ и о судебныхъ процессахъ онъ вычеркивалъ также все, что ему почему-либо не нравилось; въ результатѣ нѣкоторыя газеты почти ничего не могли сообщать подъ рубрикою „внутреннія извѣстія“.

Если представить себѣ дальше сословіе ученыхъ, проникнутое педантскимъ, кастовымъ духомъ, и юстицію, облекавшую свою дѣятельность покровомъ тайны, ибо она не могла бы вынести свѣта, вносимаго гласностью, тогда какъ нельзя болѣе будутъ понятны проникнутыя благороднымъ негодованіемъ нападки Бёрне на господствующую въ Германіи систему и горькія насмѣшки Гейне надъ нѣмецкимъ ни-

чтожествомъ. При господствѣ Союзнаго Сейма нѣмецкая земля не могла носить этихъ писателей. Группа литераторовъ, которая стояла за Гейне и Бёрне и была извѣстна подъ именемъ „Молодой Германіи", по сравненію съ ними не имѣла особеннаго значенія, за исключеніемъ одного только Гуцкова. Буржуазный либерализмъ пережилъ свои бурные годы и въ литературѣ и при этомъ выкинулъ не мало курбетовъ. Разные Лаубе, Винбарги и компанія выступали съ такимъ видомъ, какъ будто они хотѣли перевернуть весь міръ своими гусиными перьями. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ ихъ сочиненіями, относящимися къ этой эпохѣ, въ толстыхъ томахъ открываешь почти одну только навязчивую самовлюбленность младенчески тщеславныхъ людей, вообразившихъ себѣ, что отъ ихъ драгоцѣнныхъ персонъ зависятъ судьбы цѣлаго міра. Ихъ необузданное литературное честолюбіе не знало предѣловъ; они утверждали, будто даже ихъ непристойности не что иное, какъ „новыя соціальныя идеи". Союзный Сеймъ, воспретившій ихъ сочиненія, придалъ имъ совершенно неподобающее значеніе. Впослѣдствіи они превратились въ „старыхъ сидѣлокъ", какъ многія дамы, которыя „перебѣсились" въ молодости. Они очень скоро исчезли изъ рядовъ оппозиціи,— оставаться въ нихъ стало опасно; нѣкоторые изъ нихъ потомъ вынырнули опять, но уже въ качествѣ придворныхъ „блюдолизовъ", употребляя выраженіе грубаго доктора Мартина Лютера. Въ ругательствахъ на революцію и революціонеровъ они сыграли болѣе крупную роль, чѣмъ въ пору необузданной юности, когда воспѣвали „свободу". Поэтому сочинители исторій литературы, продиктованныхъ холопскими чувствами, вспоминаютъ о нихъ въ заслуженно-лестныхъ выраженіяхъ.

Нѣмецкая литература получила болѣе серьезный характеръ, когда на сцену выдвинулась радикальная философія и вступила въ побѣдоносную борьбу съ отживающимъ міровоззрѣніемъ. Давидъ Штраусъ выступилъ съ книгой „Жизнь Іисуса", Людвигъ Фейербахъ въ истолкованіи сущности божества сталъ исходить изъ сущности человѣка, Бруно Бауэръ обратился къ исторіи христіанства и навлекъ на себя ожесточенныя нападки всѣхъ ортодоксовъ, т.-е. вѣрующихъ такъ, какъ приказываетъ начальство. Но еще больше завоеваніямъ философскаго радикализма содѣйствовалъ Максъ Штирнеръ (псевдонимъ Каспара Шмидта); онъ создалъ своеобразную философію анархизма и непреложнымъ міровымъ закономъ призналъ безграничный эгоизмъ. Арнольдъ Руге, который тогда еще и не думалъ, что со временемъ онъ будетъ получать пенсію изъ шкатулки одного монарха, тоже старался распространять идеи философскаго радикализма и связать его съ политическимъ радикализмомъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ издавать „Deutsche Jahrbücher" („Нѣмецкіе Ежегодники").

Хотя ханжи и ортодоксы и подняли крикъ о помощи противъ безбожныхъ философовъ, тѣмъ не менѣе масса народа не могла заинтересоваться этой борьбой. Философскій радикализмъ представлялъ пріятный десертъ для такого буржуа, который считаетъ самого себя достаточно „образованнымъ", чтобы обойтись безъ религіи, и въ то же

время глубокомысленно заявляетъ, что массѣ религія необходима, чтобы утѣшить ее въ ея нищетѣ,—какъ будто бы бѣдныхъ и нищихъ не могла утѣшить теплая одежда, здоровая квартира и хорошій кусокъ жаркого. Радикальная нѣмецкая философія съ ея архи-ученой тарабарщиной, на которой большинство философовъ писали свои книги, была недоступна для пониманія массъ; въ концѣ-концовъ даже ремесленникъ или рабочій, пробудившійся къ сознательной жизни, если бы ему какъ-нибудь попали въ руки философскія книги, при всей своей настойчивости не могъ бы открыть, что философія можетъ указать ему путь для улучшенія его соціальнаго положенія. А это было для него самое главное.

Совершенно иначе дѣйствовала политическая поэзія, которая, подобно грознымъ раскатамъ трубы, вдругъ прозвучала надъ Германіей и на практикѣ показала всю несправедливость утвержденія Гёте: „Политическая пѣсня—дрянная пѣсня“ *).

„Gedichte eines Lebendigen“ Гервега произвели такое ошеломляющее дѣйствіе, какое только вообще могутъ производить чьи бы то ни было стихи. Эта была совершенно новая поэзія, прогремѣвшая надъ Германіей какъ раскаты грома:

„Мы слишкомъ ужъ долго умѣли любить,
Пора намъ начать ненавидѣть“.

Или:

„Вырвемъ кресты изъ земли,
Перекуемъ ихъ въ мечи!“

Или:

„Скорѣе дорогу, князья,
Полету свободы!“

Эти трели „желѣзнаго жаворонка“, прозвучавшія надъ Германіей съ альпійскихъ вершинъ свободной Швейцаріи—и уже никогда опять не звучавшія надъ ней, — вызвали цѣлую бурю энтузіазма „отъ рѣки Эчь и до Бельта“; мысль, облеченная въ прекрасную поэтическую форму, была какъ нельзя болѣе способна послужить для нѣмцевъ выраженіемъ ихъ порываній къ неопредѣленной свободѣ, къ эмансипаціи отъ печальнаго положенія при помощи невѣдомыхъ средствъ. Поэзія въ полномъ вооруженіи ринулась въ центръ великаго боя. Скоро около знамени свободы собралась кучка поэтовъ, которые смѣло направили свои выстрѣлы противъ чудовища, именуемаго системой Меттерниха. На поле сраженія раньше или позже одинъ за другимъ выступали Робертъ Пруцъ, Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ, Готфридъ Кинкель, Морицъ Гартманъ и другіе. За это на нихъ обрушились преслѣдованія; тѣ изъ нихъ, которые занимали какія-либо должности, получили от-

*) Но если это замѣчаніе Гёте относится къ поэзіи изъ эпохи войнъ за свободу монарховъ, къ наполеоновской эпохѣ, то оно не такъ ужъ неправильно: политическія пѣсни этой эпохи, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ очень неблагозвучны. Напр., до невозможности плохія вирши Э. М. Арндта восхвалялись тогда далеко не по достоинствамъ.

ставку. Къ нимъ скоро присоединился Фердинандъ Фрейлигратъ, отказавшійся отъ пенсіи, назначенной ему прусскимъ королемъ. Ему наскучило воспѣвать жирафъ и коней пустыни.

„Къ чорту львы, верблюды къ чорту!
Слышите, въ душѣ клокочетъ
И бурлитъ,—простору хочетъ
Старый, добрый Рейнъ нѣмецкій!"

Съ этимъ протестующимъ возгласомъ Фрейлигратъ бросился въ самый водоворотъ движенія и отдалъ ему всю силу своего поэтическаго таланта пламеннаго, богатаго великолѣпными красками. Въ результатѣ онъ скоро оказался въ изгнаніи и, гонимый изъ одного швейцарскаго кантона въ другой, съ юморомъ человѣка, ожидающаго висѣлицы, утѣшалъ себя тѣмъ, что представлялъ себѣ все дѣло въ видѣ шахматной партіи и говорилъ: „Matt werden kann ja nur der König!" *).

Гервегу въ свою очередь пришлось разстаться со своимъ энтузіазмомъ, который вначалѣ не отличался отъ энтузіазма средняго нѣмецкаго либеральнаго буржуа. Въ 1842 году онъ предпринялъ по Германіи какъ бы тріумфальную поѣздку. Повсюду ему готовились торжественныя встрѣчи и чествованія. Фридрихъ-Вильгельмъ IV далъ ему аудіенцію и при этомъ бросилъ крылатое слово: „Я люблю идейную оппозицію!" Но когда Гервегъ пожаловался королю на прусскую полицію, два жандарма немедленно выпроводили его за границу Пруссіи, а „ругательства стаи лакеевъ" завершили все дѣло. Послѣ того Гервегъ уже никогда больше не впадалъ въ искушеніе разыграть роль маркиза Позы.

Въ конечномъ итогѣ нѣмецкая либеральная буржуазія не могла похвалиться положительными завоеваніями; больше всего кормили ее разными обѣщаніями. Она уповала, что наступитъ какая-то великая политическая катастрофа и принесетъ съ собой радикальный поворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Никто не могъ бы сказать съ достаточной опредѣленностью, откуда и какъ явится эта катастрофа. Нѣкоторые полагали, впрочемъ, что Людовикъ-Филиппъ и Меттернихъ должны же когда-нибудь умереть и должно же тогда все измѣниться къ лучшему. Такими упованіями они доказывали только одно: какъ плохо понимали они свое время.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отсутствіе ясной программы у нѣмецкаго либерализма стояло въ связи съ недостаточностью промышленнаго развитія Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка. Въ домартовское время крупно-промышленные предприниматели еще не составляли особаго класса, живущаго собственной, самостоятельной жизнью. Конечно, въ Германіи было уже достаточно зажиточныхъ, даже очень богатыхъ предпринимателей. Но это были по существу коммерсанты, игравшіе выдающуюся роль въ большихъ торговыхъ городахъ. Что

*) Каламбуръ, основанный на игрѣ словомъ «matt». Фраза означаетъ: «матъ можетъ притти лишь королю», и въ то же время: «только король можетъ устать».

касается промышленныхъ центровъ, предприниматели характеризуются тамъ всѣми чертами „выскочекъ“, „parvenus“ (парвеню). Это одна изъ самыхъ карикатурныхъ фигуръ, какія только знаетъ исторія: ни патриціи, ни пролетарій, а какой-то межеумокъ, безъ самостоятельной жизни, неспособный отдѣлаться отъ рутины даже въ области промышленной техники и неохотно порывающій съ рутиной въ политическихъ отношеніяхъ. Словомъ, это—пресловутое „первое поколѣніе“ промышленныхъ предпринимателей, отъ котораго исторія не избавила ни одной культурной страны.

Но даже и эта фигура покажется типичнымъ, настоящимъ предпринимателемъ по сравненію съ подавляющей массой полукапиталистовъ-полуремесленниковъ. Таковы „мелкіе фабриканты“, мелко-капиталистическіе предприниматели, вышедшіе „въ люди“ изъ ремесленниковъ, мастера-суконодѣлы, которые ставятъ въ своей мастерской станокъ за станкомъ, пока она не превращается въ „суконную фабрику“. И въ настоящее время сохраняется масса такихъ „фабрикантовъ“, „мастерковъ“, но тонъ въ общественной жизни задаютъ уже не они. Не то было въ сороковыхъ годахъ, когда ничтожные размѣры предпріятій составляли характерную особенность германской промышленности.

Кромѣ того, во многихъ отрасляхъ промышленности наблюдалось такое явленіе: полуфеодальные замлевладѣльцы основывали промышленныя предпріятія въ своихъ помѣстьяхъ, чтобы лучше утилизировать продукты послѣднихъ. Такова была, напр., организація горнаго дѣла въ Силезіи.

Широкаго распространенія достигала, наконецъ, еще одна межеумочная форма: наполовину крестьянинъ, наполовину горно-промышленникъ. Въ этомъ случаѣ предпріятія сначала имѣли обыкновенно ремесленный характеръ и лишь постепенно проникались капиталистическимъ духомъ. Къ срединѣ прошлаго вѣка такая форма производства оставалась господствующей въ горной промышленности.

Составъ и характеръ предпринимательскаго класса даютъ объясненіе многимъ явленіямъ 1848 и 1849 года. Лишь отсутствіе такой важной опоры для буржуазной революціи, какъ классъ промышленныхъ предпринимателей, доразвившійся до самосознанія, и сдѣлалъ возможной быструю и легкую побѣду феодальной реакціи.

Такъ какъ современная капиталистическая промышленность оставалась въ неразвитомъ состояніи, то не могло развиться и рабочее движеніе современнаго типа. Отсутствовала могучая сила, которая заставляетъ буржуазію требовать буржуазныхъ свободъ. Вообще говоря, буржуазія ничего не имѣетъ противъ полицейскаго подавленія самостоятельнаго, сознательнаго движенія рабочихъ. Но съ развитіемъ послѣдняго наступаетъ такой моментъ, когда репрессивныя мѣры только еще болѣе обостряютъ отношенія между трудомъ и капиталомъ. Тогда буржуазія выступаетъ противъ полицейскаго государства, возлагаетъ на него главную отвѣтственность за конфликты съ рабочими и начинаетъ требовать свободы устнаго и печатнаго слова, свободы собраній

и союзовъ, контроля надъ дѣйствіями администраціи, участія представителей народа въ законодательной дѣятельности. Она убѣждается, что организованное рабочее движеніе—особенно если дать рабочимъ разныя свободы въ „разумныхъ размѣрахъ“—представляетъ все-таки меньшее зло, чѣмъ неизмѣнно подавляемое движеніе, которое прорывается разрушительными, стихійными вспышками. Такимъ образомъ самостоятельное движеніе рабочаго класса соціально и политически воспитываетъ буржуазію, но въ Германіи къ половинѣ XIX вѣка еще не сложились необходимыя предпосылки такого движенія. Буржуазія требовала свободы, но за отсутствіемъ силы, которая толкала бы ее впередъ, въ этихъ требованіяхъ не было энергіи.

Вообще говоря, противорѣчія классовыхъ интересовъ тогда еще не выступали съ такой рѣзкостью, какъ въ позднѣйшее время. Выше уже указано, что мелкая буржуазія еще не видала, какъ теперь, широкой пропасти, которая отдѣляла бы ее отъ крупной буржуазіи; точно такъ же классы ремесленниковъ и рабочихъ во многихъ случаяхъ еще взаимно переплетались и потому думали, что интересы ихъ солидарны. Почти во всѣхъ движеніяхъ рабочихъ того времени находитъ себѣ яркое выраженіе неразвитость ихъ классоваго самосознанія. Изъ-за требованій, которыя они выставляютъ, выдвигаются идеалы, всецѣло принадлежащіе къ міру ремесленныхъ отношеній. Исключеніе представляютъ лишь немногіе районы, въ которыхъ уже начинаетъ чувствоваться вліяніе Маркса. Въ остальныхъ случаяхъ фабричные рабочіе по требованіямъ мало отличаются отъ ремесленныхъ подмастерьевъ, а домашніе промышленники—отъ цеховыхъ мастеровъ. Промышленные рабочіе Германіи въ сороковыхъ годахъ зачастую требовали того же, чего англійскіе рабочіе полустолѣтіемъ раньше: возстановленія стараго цехового устройства и возвращенія ремесленнымъ мастерамъ ихъ былыхъ привилегій.

Но, несмотря на отсутствіе такихъ рѣзкихъ классовыхъ противорѣчій, какъ на позднѣйшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, было бы ошибочно думать, что промышленные рабочіе сохраняли неизмѣнное благодушіе. Система Меттерниха дѣлала все возможное, чтобы вызвать къ себѣ страстную ненависть. Суровая полиція и бюрократія давили рабочихъ, относились къ нимъ какъ къ зловредному элементу, хотя для существованія общества они были куда поважнѣй, чѣмъ весь германскій правительственный механизмъ. Придирки изъ-за паспортовъ и проходныхъ свидѣтельствъ достигали прямо предѣловъ невѣроятнаго. Старики и теперь еще помнятъ, какой видъ принимали полицейскія управленія Берлина и Вѣны, когда въ коридорахъ сотни бѣдныхъ, измученныхъ, изголодавшихся подмастерьевъ по цѣлымъ часамъ ожидали своей очереди, какъ они дрожащими руками передавали царьку-полицейскому свое проходное свидѣтельство, заранѣе готовясь къ тому, что онъ прежде всего грубо ихъ обругаетъ, а потомъ оштрафуетъ за нарушеніе безконечныхъ бюрократическихъ формальностей или придерется къ какимъ-нибудь пустякамъ. Такъ оно велось въ цѣлой Герма-

ніи, и всякое ничтожество, всякій желторотый писецъ, ученый или неученый, пользовался каждымъ случаемъ разыграть передъ подмастерьемъ всевластное и ни передъ кѣмъ не отвѣтственное начальство *).

Но если у рабочихъ въ самой Германіи не могло развиться классовое самосознаніе, то когда они переселялись въ Швейцарію, во Францію или Англію, передъ ними открывался совершенно новый міръ. Въ Швейцаріи они встрѣчались съ нѣмецкими эмигрантами, которые издавали революціонныя произведенія и переправляли ихъ въ Германію контрабанднымъ путемъ. Въ Швейцаріи возникло множество нѣмецкихъ союзовъ, надъ организаціей которыхъ въ особенности потрудился Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, вынужденный покинуть Германію послѣ того, какъ онъ принялъ участіе въ гамбахскомъ собраніи. Уже въ Швейцаріи странствующіе нѣмецкіе рабочіе встрѣчались съ совершенно новыми взглядами, порывали съ мѣщанскими воззрѣніями, принесенными съ родины. Переходя во Францію и Англію, они находили тамъ невѣдомый для нихъ строй отношеній. Промышленность уже успѣла сдѣлать здѣсь крупныя завоеванія, и пролетаріатъ, вступившій въ классовую борьбу, начиналъ сознавать свои силы. Среди французскихъ рабочихъ еще сохранялись живыя воспоминанія о великой революціи съ ея захватывающимъ паролемъ: „Свобода, равенство, братство“. Возстанія ліонскихъ шелко-ткачей (1831 и 1834 годы), написавшихъ на своемъ знамени: „Жить, работая, или умереть, сражаясь“, вскрыли передъ глазами цѣлаго міра зіяющую бездну нищеты, вырытую капиталистической эксплуатаціей. Въ Англіи конца тридцатыхъ годовъ выросло величавое движеніе чартистовъ. Ближайшимъ его практическимъ требованіемъ было всеобщее избирательное право. Многія требованія чартистовъ, по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ теченій, объединившихся въ чартистскомъ движеніи, носили несомнѣнно соціалистическій характеръ. Чартисты разсчитывали добиться всеобщаго избирательнаго права при помощи генеральной общей забастовки („священный мѣсяцъ“). Съ прекращеніемъ промышленнаго кризиса движеніе быстро пошло на убыль, но агитація не прекращалась, и даже въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ движеніе опять вспыхнуло съ новой силой. Во всякомъ случаѣ оно оставило глубокій слѣдъ въ англійскихъ рабочихъ и не могло не

---

*) Можно ограничиться лишь одной иллюстраціей, взятой изъ работы 1839 года о состояніи Баваріи. Одинъ очевидецъ передаетъ слѣдующее: «Въ 1839 году къ нѣкоему асессору окружнаго суда проѣздомъ заглянулъ его знакомый. Когда онъ вошелъ въ присутствіе, асессоръ крикнулъ бывшимъ здѣсь крестьянамъ и бюргерамъ: «Пошли вонъ, собаки! Теперь у меня нѣтъ для васъ времени, вы можете притти въ другой разъ!» Одинъ подмастерье смиренно попросилъ, чтобы асессоръ, не рѣшивши его дѣла, не прогонялъ его, такъ какъ онъ работаетъ очень далеко, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути, мастеръ не такъ-то легко дастъ ему новое разрѣшеніе на отлучку, а дѣло, уже извѣстное господину асессору, не терпитъ никакого отлагательства. Асессоръ позвонилъ и приказалъ явившемуся служителю: «Отпусти-ка этому дерзкому малому дюжину хорошихъ оплеухъ!» По просьбѣ знакомаго приказаніе это не было приведено въ исполненіе, но асессоръ сказалъ: «Только такъ и можно поддерживать уваженіе у этихъ собакъ!»

произвести огромнаго впечатлѣнія на подмастерьевъ и рабочихъ континентальной Европы.

Такимъ образомъ странствующіе нѣмецкіе рабочіе знакомились съ соціализмомъ и жадно впитывали его идеи. Скоро нѣкоторыя соціалистическія идеи перешли и въ Германію и заявили о своемъ существованіи. Союзный Сеймъ обратилъ на это свое вниманіе. На Эшенгеймской улицѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ стали косо поглядывать на Швейцарію уже послѣ неудачнаго похода эмигрантовъ на Савою. Походъ былъ задуманъ въ 1834 году итальянцемъ Мадзини. Его поддержали нѣмецкіе революціонеры. Вооруженное вторженіе въ Савою окончилось полной неудачей, но достаточно встревожило членовъ Союзнаго Сейма. По иниціативѣ Меттерниха они потребовали, чтобы швейцарское правительство уничтожило право убѣжища для эмигрантовъ изъ Германіи. Но въ 1834 году давленіе Союзнаго Сейма не привело ни къ чему.

Въ томъ же году новое происшествіе сильно встревожило южно-германскихъ монарховъ. Близъ Берна состоялось собраніе нѣмецкихъ ремесленниковъ, на которомъ участвовало до сотни человѣкъ. Флаги нѣмецкихъ государствъ были разорваны и затоптаны въ грязь, а вмѣсто того воздвигнуто черно-красно-золотое знамя. Ораторы нисколько не старались скрывать своего отвращенія къ Союзному Сейму.

Австрія и Пруссія наводнили Швейцарію тайными агентами. Одинъ изъ нихъ, прусскій студентъ, по имени Лессингъ, въ 1835 году былъ найденъ около Цюриха, убитый ударомъ кинжала. Убійцу такъ и не открыли. Тогда Союзный Сеймъ воспретилъ нѣмецкимъ студентамъ посѣщать швейцарскіе университеты, а ремесленникамъ—предпринимать путешествія въ Швейцарію. Въ то же время швейцарскому правительству пришлось уступить передъ новымъ давленіемъ Сейма: оно было вынуждено издать рядъ постановленій, которыми общества нѣмецкихъ ремесленниковъ были закрыты, а нѣмецкіе революціонеры изгнаны изъ Швейцаріи.

Соціализмъ нѣмецкихъ рабочихъ, отражая промышленную отсталость Германіи и сложившись подъ вліяніемъ старыхъ французскихъ соціалистовъ, имѣлъ вполнѣ утопическій характеръ. Грезили въ то время и очень много, и очень по-дѣтски *).

---

*) О невинной мечтательности, господствовавшей тогда среди нѣмецкихъ подмастерьевъ за границей, даетъ нѣкоторое представленіе отрывокъ довольно-таки глуповатой пѣсенки, которую съ особеннымъ усердіемъ распѣвали въ Швейцаріи:

„Если князь васъ спроситъ,
Гдѣ Авессаломъ,
Вы ему отвѣтьте,
Что повисъ ужъ онъ,
Только не на вѣткѣ
И не на веревкѣ,—
Онъ виситъ на грезахъ
О народномъ царствѣ“.

Представители этого соціализма считали излишней работу изслѣдованія, необходимую для пониманія общественныхъ отношеній, уясненіе соціально-экономическаго строя въ прошломъ и настоящемъ, изученіе процесса общественнаго развитія въ наше время. Какъ мечтатели-перекрещенцы въ началѣ новаго времени создавали въ своей фантазіи тысячелѣтнее царство, такъ и утопическій соціализмъ, достигшій самаго пышнаго расцвѣта во Франціи, измышлялъ земной рай и приглашалъ человѣчество препожаловать въ него. Новые пророки приходили въ неподдѣльное изумленіе, когда это неповоротливое, инертное человѣчество не только отказывалось вступить въ парадизъ, разрисованный самыми яркими, самыми заманчивыми красками, но выражало отвращеніе къ нему и преслѣдовало пророковъ безконечными полицейскими прижимками и тенденціозными процессами.

Значительный шагъ отъ утопизма къ реализму представляютъ сочиненія Вильгельма Вейтлинга. Жизнь его полна глубокаго драматизма. Родился онъ въ 1808 году и выросъ среди тяжелой нужды и лишеній. Изучивъ портняжное ремесло, онъ въ 1828—1835 годахъ странствовалъ по Германіи. Изъ этого періода жизни Вейтлинга извѣстно очень немного. Разсказываютъ, что, попавъ въ Вѣну, онъ оказался счастливымъ соперникомъ какого-то эрцгерцога, добивавшагося любви одной дѣвицы, и за это немедленно былъ высланъ изъ Австріи. Въ срединѣ тридцатыхъ годовъ Вейтлингъ попадаетъ въ Парижъ, гдѣ онъ прожилъ около шести лѣтъ. Этотъ періодъ—самый рѣшительный въ развитіи Вейтлинга. Онъ страстно набросился на ученія французскихъ утопистовъ, особено Фурье и Сенъ-Симона, и въ то же время, въ противоположность этимъ утопистамъ, принималъ самое горячее участіе въ революціонныхъ организаціяхъ нѣмецкихъ рабочихъ. Въ связи съ этимъ его система представляетъ промежуточное звено между утопическимъ и новѣйшимъ соціализмомъ.

„Промежуточность“ обусловливалась, впрочемъ, самымъ общественнымъ положеніемъ Вейтлинга. Онъ былъ уже пролетарій, но въ то же время еще оставался ремесленнымъ подмастерьемъ. Онъ принадлежалъ къ мелко-буржуазному слою, который неудержимо пролетаризировался и для котораго ясное классовое самосознаніе было поэтому невозможно. Какъ представитель угнетеннаго класса, Вейтлингъ уже хорошо понималъ, насколько обманчивы были надежды, возлагавшіяся утопистами на владыкъ и милліонеровъ. Однако онъ не вполнѣ разстался съ такими надеждами и говорилъ о нихъ, какъ о вещи, на которую хотѣлось бы разсчитывать, но не слѣдуетъ полагаться всецѣло. Такой же двойственностью проникнуто и все міросозерцаніе Вейтлинга.

Ночные сторожа государства, засѣдавшіе во Франкфуртѣ на Майнѣ, придавали такимъ ребячествамъ большое политическое значеніе. Много насмѣшекъ зато сыпалось на нихъ, много удачныхъ, но немало и неудачныхъ остротъ. Напр., разсказывали, будто ремесленный подмастерье, привлеченный къ допросу, отвѣтилъ, когда у него спросили о его профессіи: „Тираноубійство!“. Кто знаетъ, почтенные мандарины съ Эшенгеймской улицы и этотъ отвѣтъ, пожалуй, приняли очень серьезно.

Онъ уже зналъ, что освобожденія рабочаго класса можно ждать лишь отъ него самого. Пролетарская революція начинаетъ играть въ его настроеніяхъ такую же роль, какъ для Фурье—благодѣтельный милліонеръ. Но источникомъ этой революціи Вейтлингъ, въ противоположность современному соціализму, считаетъ не прогрессирующее усиленіе пролетаріата, а возрастающую бѣдность рабочихъ. Видя лишь разрушительныя дѣйствія капитализма, Вейтлингъ отчаяніе признаетъ серьезнѣйшей пружиной революціи и возлагаетъ надежды даже на пролетаріатъ босяковъ, рекомендуетъ ему кражи, какъ одно изъ средствъ борьбы съ богачами.

Переселившись въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Швейцарію, Вейтлингъ принялся за энергичную пропаганду. Послѣдователей около него собралось не особенно много; движеніе вообще носило пока сектантскій характеръ. Тѣмъ не менѣе швейцарское правительство приняло рѣшительныя мѣры: Вейтлинга арестовали, больше года продержали въ тюрьмѣ, при чемъ съ нимъ обращались съ безпощадной жестокостью: много разъ налагали дисциплинарныя взысканія за нарушеніе тюремныхъ правилъ, а однажды, какъ разсказываютъ, подвергли даже тѣлесному наказанію. Хотя никакихъ положительныхъ уликъ противъ Вейтлинга не было да и быть не могло, его присудили къ тюремному заточенію, потомъ выдали прусской полиціи. Пересылая отъ одной этапной тюрьмы до другой, Вейтлинга послѣ долгихъ мытарствъ доставили, наконецъ, въ родной Магдебургъ и здѣсь отдали въ солдаты, какъ дезертира. Но отъ солдатчины Вейтлинга скоро освободила физическая непригодность. Тогда прусское правительство спровадило его въ Лондонъ, хотя не имѣло на то права.

Уже послѣднія работы Вейтлинга, относящіяся къ швейцарскому періоду его жизни, представляютъ нѣкоторый шагъ назадъ по сравненію съ первыми. Малый успѣхъ пропаганды, а можетъ быть и страшная бѣдность, всю жизнь не покидавшая Вейтлинга, послужили благопріятной почвой для развитія маніи величія. Онъ начинаетъ чувствовать себя непризнаннымъ геніемъ и вѣщаетъ уже свысока, какъ пророкъ. Проблески реализма, замѣтные въ первыхъ работахъ, появляются все рѣже и рѣже. Но даже и въ этотъ періодъ по энергіи, а также и по глубинѣ отдѣльныхъ мыслей Вейтлингъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ буржуазныхъ утопистовъ.

Что касается буржуазіи—она передъ лицомъ соціальнаго вопроса, который все рѣшительнѣе выдвигался на первый планъ, умѣла только повторять давно избитыя фразы, да потомъ основала (въ 1844 году) и теперь еще существующій „Центральный союзъ на благо трудящихся классовъ“. Союзъ всегда отличался банальностью и отсталостью въ пониманіи соціальнаго вопроса и могъ рекомендовать рабочимъ лишь такія вещи, какъ бережливость, кассы взаимопомощи и школы для продолженія образованія. Это служило яснымъ доказательствомъ того, что благородные и богатые дамы и кавалеры, собиравшіеся въ союзѣ, искали только одного: какъ бы на рабочемъ вопросѣ убить свое время.

Но около того же времени начали формироваться и современныя воззрѣнія. Піонеромъ выступилъ Фридрихъ Энгельсъ со своею книгой „Die Lage der arbeitenden Klasse in England“ („Положеніе рабочаго класса въ Англіи“), появившейся въ 1845 г. Энгельсъ набросалъ мощную картину капитализма и индустріализма XIX вѣка, вскрылъ его послѣдствія. Конечно, современный пролетаріатъ описывался и раньше появленія книги Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“. Но въ нѣмецкой литературѣ такихъ книгъ еще не было, а книга Энгельса была притомъ совершенно особенная. И особенность ея заключалась не въ томъ, что до Энгельса еще никто не изображалъ положеніе и страданія современнаго пролетаріата съ такой потрясающей силой. Несравненно важнѣе та изумительная глубина, съ какой 24-лѣтній авторъ проникъ въ сущность капиталистическаго способа производства и понялъ, что онъ несетъ съ собой не только всемогущество, но и паденіе буржуазіи, не только нищету, но и эмансипацію непосредственныхъ производителей.

Книга Энгельса произвела огромное впечатлѣніе. Изъ всѣхъ произведеній домартовскаго соціализма она пользовалась въ Германіи самой широкой популярностью. Но буржуа цѣнилъ въ книгѣ по существу только талантливую группировку сухого матеріала. Что касается методовъ и окончательныхъ выводовъ—это, конечно, оставалось для него недоступнымъ.

Вскорѣ послѣ того произошла встрѣча Энгельса и Карла Маркса. Они поставили передъ собой такую великую задачу, какъ освобожденіе возникающаго рабочаго движенія отъ утопизма и невиннаго размалевыванія картинъ будущаго государства. Они по справедливости должны быть названы основателями научнаго соціализма.

Критическій умъ Маркса прежде всего обратился къ критикѣ остатковъ философскаго идеализма. Въ этомъ дѣлѣ Энгельсъ былъ его неизмѣннымъ сотоварищемъ. Оба друга примкнули къ „Союзу коммунистовъ“, который существовалъ уже сравнительно долгое время. Рѣшительные противники заговорщицкой тактики, они преобразовали союзъ въ общество пропаганды соціализма. Конечно, ему все-таки приходилось оставаться тайнымъ, потому что тогдашнія условія не допускали открытой дѣятельности. Союзъ коммунистовъ былъ первой попыткой интернаціональнаго объединенія рабочихъ, въ немъ были члены изъ Англіи, Германіи, Франціи, Бельгіи и Швейцаріи. Къ нему примкнули также поляки и венгры. По возможности устраивались и международныя собранія рабочихъ. Вліяніе этой организаціи замѣтнымъ образомъ отразилось на рабочемъ движеніи 1848 года.

Члены союза называли себя коммунистами, чтобы провести границу между собой и представителями буржуазнаго соціализма. „Соціализмъ,—говоритъ одинъ изъ членовъ союза,—въ 1848 году представлялъ буржуазное движеніе, коммунизмъ—движеніе рабочихъ“. Дѣйствительно, „соціализмомъ“ тогда называли всѣ мелко-буржуазные палліативы противъ общественныхъ бѣдствій, и даже буржуазные радикалы,

которые могли предложить рабочимъ едва ли больше пресловутой „самопомощи“, въ духѣ Шульце-Делича, принимали имя „соціалъ-демократовъ“.

Постепенно въ Германіи выросла довольно значительная соціалистическая литература, а въ передовыхъ по промышленному развитію рейнскихъ провинціяхъ начало заявлять о себѣ и рабочее движеніе. Здѣсь дѣйствовалъ Моисей Гессъ, который много постарался для распространенія соціалистическихъ идей. Въ своемъ періодическомъ изданіи „Gesellschaftsspiegel“ („Зеркало общества“) Гессъ показалъ капиталистическому обществу его отталкивающую наружность. Вообще главная заслуга изданія Гесса заключается въ изображеніи страданій нѣмецкаго пролетаріата. Большое распространеніе среди рабочихъ нашли популярныя соціалистическія работы Эрнста Дронке, Германа Пютмана и Отто Люнинга. Пютманъ и Георгъ Вертъ издавали также соціалистическіе романы и стихотворенія.

Но самымъ выдающимся произведеніемъ соціалистической литературы этого времени является „Манифестъ коммунистической партіи“, написанный Марксомъ и Энгельсомъ въ 1847 году и изданный въ февралѣ 1848 года, наканунѣ февральской революціи. Въ 1847 году на конгрессѣ союза коммунистовъ, состоявшемся въ Лондонѣ, Марксу и Энгельсу было предложено формулировать принципы коммунистической партіи. По указаннымъ выше причинамъ они удержали названіе коммунистическоой партіи и дали въ своемъ „Манифестѣ“ ясное и сжатое изложеніе основныхъ началъ современнаго научнаго соціализма. Работа эта безпощадно покончила со всѣмъ наивнымъ и слабымъ, что было въ утопическомъ, мелко-буржуазномъ, феодальномъ и реакціонномъ соціализмѣ. На мѣсто мечтаній о тысячелѣтнемъ царствѣ она поставила передъ новѣйшимъ соціальнымъ движеніемъ вполнѣ ясную и опредѣленную цѣль. Въ то же время „Манифестъ“ положилъ начало новому пониманію исторіи, извѣстному подъ именемъ историческаго матеріализма. Основная идея его заключается въ томъ, что строй производства и вытекающее изъ него расчлененіе общества во всѣ эпохи исторіи служили тѣмъ базисомъ, на которомъ развивается политическая и интеллектуальная жизнь этихъ эпохъ. Вся исторія является исторіей классовой борьбы между господствующими и порабощенными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. „Манифестъ“ показываетъ далѣе, какъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ классовая борьба достигла такой ступени развитія, за которой должно послѣдовать прекращеніе классоваго расчлененія общества и, слѣдовательно, прекращеніе классовой борьбы. Онъ показалъ всю необходимость и неизбѣжность перехода капиталистическаго общества въ новую, высшую форму.

„Манифестъ“ при своемъ появленіи былъ замѣченъ лишь въ немногихъ кружкахъ. Эпоха его изученія началась значительно позже.

Авторы ожидали осуществленія своихъ идеаловъ не отъ собственно идеологическихъ побужденій, а отъ силы, что и понятно, такъ какъ они чувствовали приближающуюся революціонную бурю. Они понимали

смыслъ совершающагося, и потому катастрофа не явилась для нихъ неожиданной. Они уже тогда думали, что исходъ предстоящей борьбы будетъ рѣшенъ силой оружія. Потому-то они и хотѣли, чтобы ихъ партія уяснила свои взгляды. Впослѣдствіи, съ измѣненіемъ условій, ихъ воззрѣнія по вопросамъ тактики измѣнились, но тѣмъ не менѣе они не внесли измѣненій въ свою работу. И это вполнѣ правильно, такъ какъ „Манифестъ"—историческій документъ.

Нищета промышленнаго пролетаріата въ сороковыхъ годахъ служила страшной по своей яркости иллюстраціей для соціалистическихъ теорій. Ускоряющійся темпъ развитія обострялъ общественныя противорѣчія. Переворотъ въ условіяхъ производства и обмѣна, открывающійся основаніемъ таможеннаго союза и постройкой желѣзныхъ дорогъ, распространялся все дальше и вширь, и вглубь. Крупное производство начало воздвигать современные большіе города, тѣснить ремесло, прокладывать широкую пропасть между ничтожнымъ количествомъ богачей и подавляющей массою бѣдняковъ и въ то же время разрушать мелкобуржуазныя формы жизни, раньше безраздѣльно господствовавшія въ городахъ. Въ деревнѣ все дальше раскидывало сѣти феодальное крупное землевладѣніе. Оно продолжало экспропріацію мелкихъ собственниковъ, поскольку законы о выкупѣ или регулированіи не распространялись на нихъ. А тѣ рабочія силы, въ которыхъ нуждалось крупное землевладѣніе, оно прикрѣпляло къ землѣ феодальными путами. Такъ слагался деревенскій пролетаріатъ, жалкій, безпомощный.

Одинъ оффиціальный отчетъ, предназначенный для того, чтобы опровергнуть мнимыя преувеличенія прессы, могъ сообщить о положеніи восточно-прусскихъ сельскихъ рабочихъ только слѣдующее: этотъ классъ живетъ въ величайшей бѣдности. Положеніе этихъ рабочихъ во всякомъ случаѣ самое жалкое. Они стоятъ большею частью на очень низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія. Этотъ классъ людей не достигаетъ преклоннаго возраста, и причина тому лежитъ въ жалкомъ образѣ жизни, въ чрезмѣрности труда и скудости пищи.

Другія сообщенія того времени, которыя не были продиктованы желаніемъ затушевывать положеніе деревни, разсказываютъ ужасныя вещи о томъ, какъ голодъ и холодъ уничтожали населеніе цѣлыхъ приходовъ. Сельскій пролетаріатъ жилъ въ лачугахъ, которыя больше напоминали звѣриное логовище, чѣмъ жилище человѣка. Обычные предметы питанія были только картофель, соль и водка. За всякимъ неурожаемъ картофеля слѣдовалъ голодный тифъ и другіе спутники голода. Когда въ Верхней Силезіи случилось одинъ за другимъ три неурожая картофеля, разразилась страшная катастрофа. Лишь въ трехъ округахъ—Плессъ, Рыбникъ и Ратиборъ—пришлось отыскивать пристанище для 4.000 безпріютныхъ сиротъ. Въ округѣ Плессъ въ 1847 г. умерло 6.800 человѣкъ — втрое больше, чѣмъ въ обычные годы. Изъ этого числа (6.800), сухо комментируетъ одинъ придворный историкъ, до 900 человѣкъ умерло несомнѣнно отъ голода.

Въ городахъ, гдѣ начала пускать корни крупная промышленность,

слѣдомъ за нею шествовалъ пауперизмъ, массовая бѣдность, со всѣми своими отвратительными спутниками. При Фридрихѣ Вильгельмѣ IV, въ первыя девять лѣтъ, число паровыхъ машинъ на берлинскихъ фабрикахъ отъ 29-ти съ 392 лошадиными силами увеличилось до 193-хъ съ 1.265 лошадиными силами. Въ то же время число проститутокъ увеличилось до 10.000, преступниковъ до 12.000, бродягъ, разыскиваемыхъ полиціей, до 12.000, нищихъ до 4.000, содержимыхъ въ каторжныхъ тюрьмахъ и работныхъ домахъ до 3.000 человѣкъ.

Ремесло попало въ тиски: съ одной стороны, индустрія, вооруженная машиной, съ другой — торговыя предпріятія. Изъ 4.000 „самостоятельныхъ“ берлинскихъ портныхъ у двухъ третей не было достаточной работы. Въ то же время въ Берлинѣ было 206 торговцевъ одеждой, которые эксплуатировали безработныхъ мастеровъ, назначая имъ невѣроятно ничтожную плату. Въ такомъ же положеніи находились 3.000 „самостоятельныхъ“ сапожниковъ и 2.000 „самостоятельныхъ“ столяровъ.

Невыносимый гнетъ тяготѣлъ и на рабочихъ крупной промышленности. Правила внутренняго распорядка на фабрикахъ порабощали ихъ съ деспотической силой. Не довольствуясь крайнимъ пониженіемъ заработной платы, предприниматели старались урвать изъ нея сколько возможно и съ этой цѣлью разставляли всевозможныя сѣти: штрафы, расплата товарами. Truck-system („система прижимки“, расплата товарами) практиковалась почти на всѣхъ фабрикахъ. Но самаго пышнаго расцвѣта она достигла въ золингенскомъ фабрично-заводскомъ районѣ. На судѣ было однажды установлено, что рабочіе въ этомъ районѣ зачастую въ теченіе многихъ лѣтъ не получаютъ деньгами ни копейки, а всю свою плату забираютъ товарами. Притомъ имъ приходится забирать товаровъ или во много разъ больше, чѣмъ требуется, или такихъ товаровъ, которые для нихъ вовсе не требуются, и все это по непомѣрно вздутымъ цѣнамъ.

Примѣненіе труда женщинъ и малолѣтнихъ все разрасталось. Изъ Эльберфельда уже доносились жалобы, что женщинъ принимаютъ на фабрики, а мужчины вынуждены сидѣть дома, вязать чулки, а иногда и ухаживать за грудными дѣтьми. Изъ общаго числа дѣтей, обязанныхъ посѣщать школу, въ дѣйствительности посѣщали ее въ Эльберфельдѣ только 79%, въ Берлинѣ 59 съ дробью, въ Аахенѣ всего лишь 37%. Малолѣтнихъ и подростковъ держали на фабрикахъ, пока они не становились взрослыми, не начинали требовать плату какъ для взрослыхъ рабочихъ. Тогда ихъ безжалостно выбрасывали съ фабрики, чтобы замѣнить новыми взрослыми и подростками. Такъ фабрика массами производила пролетаріатъ босяковъ, у котораго зачастую не оставалось иного выхода, какъ только жить преступленіями, и который наводилъ ужасъ на населеніе большихъ городовъ. Пауперизмъ, нищета широкихъ массъ, какъ тѣнь, безотлучно слѣдовалъ за капитализмомъ, который искусно и незамѣтно создавалъ конкуренцію между мужемъ и женой, между дѣтьми и родителями.

И промышленный пролетаріатъ, и разрушающееся ремесло одинаково страдали отъ возрастающей жилищной нужды. Если крупное производство создавало новые центры промышленности, нужда въ квартирахъ выступала не такъ рѣзко, какъ въ старыхъ городахъ, напр., въ Берлинѣ, Кельнѣ, Бреславлѣ. Широкую и позорную извѣстность получили дома для семейныхъ у Гамбургскихъ воротъ въ Берлинѣ. Здѣсь въ 400 комнатахъ—и что это были за комнаты!—ютилось 2.500 человѣкъ. Нерѣдко въ одной конурѣ жило по двѣ семьи; тогда каморка раздѣлялась на двѣ половины протянутой веревкой или же чертой, мѣломъ проведенной по полу.

Рабочіе изъ Кельна, въ которомъ 30.000 человѣкъ жили на счетъ благотворительности, обратились съ петиціей къ королю; она сильными штрихами изображаетъ, какъ чрезмѣрная квартирная плата гонитъ рабочихъ изъ сносныхъ жилищъ въ отвратительныя каморки, такъ что у нихъ уже появляется опасеніе, не придется ли имъ скоро ночевать подъ открытымъ небомъ.

По описанію врачей для бѣдныхъ, помѣщенія бреславльскихъ рабочихъ скорѣе напоминаютъ свиные хлѣвы, чѣмъ квартиры. Все настолько ветхо, что отъ мало-мальски сильнаго толчка содрогается цѣлое зданіе. Расположенныя во дворахъ квартиры рабочихъ загрязняются жидкостью, просачивающейся изъ отхожихъ мѣстъ и хлѣвовъ; она нерѣдко цѣлыми ручьями течетъ по стѣнамъ, которыя отъ этого покрываются массою плѣсени и грибковъ. Сочленовный ревматизмъ, золотуха и острое малокровіе—постоянные гости въ этихъ квартирахъ.

Однако даже бѣдность крупно-промышленнаго пролетаріата можетъ показаться сносной по сравненію съ нищетой рабочихъ домашней промышленности, особенно текстильной промышленности (т.-е. промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ: льна, хлопка, шерсти и т. д.). Нѣмецкая текстильная промышленность уже и раньше завоевывала себѣ мѣсто на міровомъ рынкѣ такимъ способомъ, что систематически понижала заработную плату до позорнаго, воистину голоднаго уровня. Но въ сороковыхъ годахъ и эта мрачная слава поблѣднѣла, когда на Германію обрушились сокрушительные удары англійской конкуренціи. Механическое льнопряденіе въ Англіи достигло такой степени совершенства, что огромныя массы превосходной машинной пряжи направились даже въ область таможеннаго союза. Производительность труда англійскаго прядильщика, вооруженнаго машиной, во много десятковъ разъ превосходила производительность труда нѣмецкаго ручного прядильщика. Когда берлинскій департаментъ торговли предпринялъ изслѣдованіе положенія прядильщиковъ въ Вестфаліи, билефельдскіе промышленники заявили: „Такое положеніе вещей дольше не можетъ сохраняться. До двухъ третей прядильщиковъ, число которыхъ слѣдуетъ опредѣлить тысячъ въ сто, въ послѣдніе годы работаютъ совершенно даромъ... Прядильщикъ тонкихъ нумеровъ пряжи зарабатываетъ въ день всего два зильбергроша, а прядильщикъ нумеровъ худшаго качества всего лишь семь пфенниговъ“ ($3^1/_2$ коп.). Дѣйствительно,

такое положенiе вещей не могло дольше сохраняться. Выходъ нашелся: многiя тысячи прядильщиковъ вымерли отъ голоднаго тифа.

Тѣ же билефельдскiе промышленники заявили берлинскому департаменту торговли: „Положенiе ткачей нѣсколько лучше, чѣмъ положенiе прядильщиковъ, но и оно до крайности плохо". „Die Barmener Zeitung" („Барменская Газета"), газета буржуазная, напечатала статью о положенiи вуппертальскихъ ткачей-кустарей. „Ткачъ, — говорится между прочимъ въ статьѣ, — утромъ долженъ встать съ пѣтухами и работать до полночи, а то и дольше. Его силы быстро изнашиваются, умъ его со временемъ притупляется. Грудь не можетъ противостоять постоянно согнутому положенiю, легкiя поражаются болѣзнью, начинается кровохарканiе. И другiе органы истощаются и слабѣютъ. Такъ преждевременно созрѣваютъ цвѣтки для кладбища". Фабриканты Вупперталя читали статью, но никто и слова не сказалъ въ ея опроверженiе.

Въ этомъ аду, въ которомъ мучились многiе десятки тысячъ кустарей, самыя тяжкiя страданiя выпали на долю силезскихъ ткачей и прядильщиковъ. Въ теченiе столѣтiй полотняная промышленность обезпечивала большей части силезскаго населенiя хотя скудную жизнь. Полотняно-ткачи бѣдствовали искони, и старинная сатирическая пѣсенка:

„Неважный цехъ у полотняно-ткачей:
Знай — постись изо дня въ день", и т. д.

— эта пѣсенка, въ которой раскутившiеся, торжествующiе „мастерки" злорадно осмѣивали разоряющихся ткачей, несомнѣнно, имѣла свои основанiя въ мрачныхъ общественныхъ отношенiяхъ.

Въ двадцатыхъ годахъ въ Силезiю двинулось множество иностранныхъ предпринимателей, а съ ними явились и льно-прядильныя машины. Цѣны за ручное пряденiе, конечно, упали. Согласно расчетамъ того времени каждая фабрика съ одной тысячью рабочихъ-прядильщиковъ отнимала кусокъ хлѣба у цѣлаго десятка тысячъ ручныхъ прядильщиковъ.

Въ то же время, благодаря безсмысленной торговой политикѣ, иностранные рынки одинъ за другимъ начали закрываться для продуктовъ силезской полотняной промышленности. Изъ страха передъ революцiей правительство не хотѣло торговыхъ договоровъ ни съ Испанiей, ни съ Португалiей, ни съ республиками Южной и Центральной Америки. Русско-польскiй рынокъ отгородился отъ Пруссiи безусловно запретительными пошлинами. Словомъ, со всѣхъ сторонъ возвышались таможенныя заставы.

А тутъ на сцену выступила еще, какъ уже упомянуто, конкуренцiя Англiи. Фабриканты, стремясь во что бы то ни стало сохранить способность къ конкуренцiи, но не желая поступиться ни копейкой изъ предпринимательской прибыли, прибѣгли къ прогрессивному пониженiю заработной платы. Они разомъ понизили цѣны полотна на десять — двадцать процентовъ, а заработную плату спустили разомъ на

тридцать процентовъ. Ткачи и прядильщики, особенно ручные ткачи въ горныхъ округахъ, попали въ жалкое, невыносимое положеніе. Фрейлигратъ, изображая въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Rübezahl" бѣдность ткачей, съ того времени вошедшую въ поговорку, несомнѣнно нисколько не сгущалъ красокъ, хотя нужда ткачей тогда еще не дошла до своихъ крайнихъ предѣловъ. Прядильщики уже тогда утверждали, что ихъ трудъ не окупалъ затратъ на освѣщеніе, необходимое во время работы. Ткачи въ горахъ, работая надъ кускомъ полотна отъ пяти до шести недѣль, ежедневно по шестнадцати часовъ, раньше получали за это девять талеровъ; теперь они получали всего шесть талеровъ (около 9 руб.), изъ которыхъ полтора талера должны были уплатить за отдѣлку. Если у ткача былъ маленькій участокъ земли, величиной моргена въ два, и если онъ могъ добыть, кромѣ того, корову для молока, то онъ, при условіи усердной помощи жены и дѣтей, могъ довести свой ежегодный доходъ до шестидесяти талеровъ, или до 180 марокъ (около 90 руб.). Изъ нихъ бѣдняку приходилось уплачивать государственный поземельный налогъ — одинъ талеръ пятнадцать зильбергрошей; сословную подать — два талера; оброкъ съ земли въ пользу помѣщика — три талера пять зильбергрошей; „охотничью и прядильную деньгу" — пятнадцать зильбергрошей; взамѣнъ барщинныхъ работъ, если ткачъ не хотѣлъ или не могъ ихъ выполнять, онъ долженъ былъ платить отъ двадцати зильбергрошей до одного талера; общинныя повинности составляли одинъ талеръ десять зильбергрошей; къ этому надо прибавить еще деньги на школы и страхованіе отъ огня.

Экзекуторъ былъ у этихъ ткачей очень обыкновенный гость. Но еще хуже приходилось тѣмъ ткачамъ и прядильщикамъ, у которыхъ ничего не было и къ которымъ экзекуторъ уже совсѣмъ не являлся. „Въ мрачной, нездоровой каморкѣ, — говоритъ одинъ очевидецъ, — нѣтъ ничего, кромѣ ткацкаго станка, полуразвалившейся кровати, прикрытой тряпьемъ, которое все же называется постелью, плохого деревяннаго стола, скамьи да табурета; каморка такая тѣсная, что куча дѣтей копошится въ ней, какъ червяки, и едва лишь найдется мѣсто для движеній, необходимыхъ во время работы, — такая каморка, что стойла у какого-нибудь помѣщика по сравненію съ ней можно назвать пышнымъ чертогомъ".

Ткачи-домовники, т.-е. зависимые крестьяне, имѣвшіе самостоятельную хижину и пользовавшіеся обыкновенно клочкомъ огородной земли, по вычетѣ податей и процентовъ по ипотекамъ, зарабатывали въ годъ не болѣе сорока талеровъ (120 марокъ, т. е. меньше 60 руб.). Что же послѣ этого удивительнаго, если уже въ 1843 году бѣднѣйшіе ткачи умирали буквально голодною смертью.

Здѣсь же слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что ужасающая бѣдность деревенскаго населенія въ Силезіи обусловливалась не только капиталистической эксплуатаціей въ текстильной промышленности, — крупную роль играла также силезская феодальная аристократія. При выкупныхъ операціяхъ, при отмѣнѣ феодальныхъ повинностей — бар-

щинъ и оброковъ, а также при новомъ распредѣленіи земли помѣщики дѣйствовали настолько искусно, что крестьяне, владѣльцы несчастныхъ парцелъ, т.-е. ничтожныхъ клочковъ земли, должны были уплатить колоссальныя суммы за эту „отмѣну", и что лучшія земли достались помѣщикамъ, между тѣмъ какъ крестьянамъ достались жалкіе пустыри. Вильгельмъ Вольфъ, извѣстный подъ прозвищемъ „краснаго" или „Вольфа казематовъ", въ 1849 году, въ газетѣ „Neue Rheinische Zeitung", разоблачилъ всѣ манипуляціи благородныхъ силезскихъ „рыцарей" *). Крупные землевладѣльцы умѣли освободиться отъ общественныхъ повинностей. Общинныхъ повинностей они не отбывали, а изъ оброковъ и барщинъ, уплачиваемыхъ крѣпостными крестьянами, равно какъ изъ судебныхъ пошлинъ, сколачивали богатые доходы, тѣмъ болѣе что они же были обыкновенно и судьями, и начальниками сельской полиціи, и церковными старостами, и школьными попечителями. Сословная подать, какихъ бы размѣровъ ни достигало помѣстье, для нихъ составляла отъ четырехъ до двѣнадцати талеровъ въ годъ, между тѣмъ какъ ткачъ платилъ ежегодно два талера.

Правительство спокойно смотрѣло на то, какъ нищета все подтачиваетъ кругомъ; благочестивые люди говорили, что это—посланное небомъ испытаніе; господствующимъ классамъ до всего не было никакого дѣла. Предприниматели начали въ широкихъ размѣрахъ примѣнять „систему прижимки" (расплату продуктами) и выдавать плату ткачамъ не чистыми деньгами, а товарами, иногда совершенно испорченными, и почти всегда по самымъ высокимъ расцѣнкамъ, — и все же предпринимателей оставляли въ покоѣ. Вся Германія узнала о томъ, что силезскіе ткачи изъ году въ годъ голодаютъ. Въ Силезію направились пожертвованія, но, во-первыхъ, это была капля на раскаленный камень, а во-вторыхъ, и здѣсь бюрократія портила все. Напр., на всѣхъ бѣдняковъ деревни Зальцбрунна, протяженіемъ въ цѣлую милю, отправлено было 38 мѣръ картофеля. Когда онъ прибылъ на мѣсто и состоялось его распредѣленіе, оказалось, что онъ настолько промерзъ, что сдѣлался непригоднымъ даже на кормъ для скота.

Безпредѣльная, безпомощная нищета должна была привести къ взрыву отчаянія. И дѣйствительно, катастрофа разразилась, когда отдѣльные предприниматели и выскочки проявили свое высокомѣріе въ

*) Вольфъ, какъ никто другой, былъ знакомъ съ положеніемъ Силезіи: самъ онъ былъ сынъ крѣпостного силезскаго крестьянина. Среди тяжкихъ помѣхъ и лишеній онъ прошелъ гимназію и университетъ, гдѣ получилъ знакомство съ классической философіей. Въ качествѣ «демагога» онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ заключеніи въ прусскихъ крѣпостяхъ. Впослѣдствіи, занимаясь частными уроками въ Бреславлѣ, онъ успѣлъ порядочно насолить мѣстной бюрократіи и цензурѣ. Тогда же онъ предпринялъ „путешествіе" по вертепамъ, въ которыхъ погибалъ бреславльскій пролетаріатъ. Захватывающее описаніе этихъ „казематовъ" и доставило ему почтенное прозвище „Вольфа казематовъ". Ему же принадлежитъ описаніе бунта силезскихъ ткачей. Постоянныя судебныя преслѣдованія скоро вынудили его эмигрировать. Его памяти Марксъ посвятилъ первый томъ „Капитала". — Упомянутая въ текстѣ статья появилась подъ заглавіемъ „Силезскіе милліарды".

слишкомъ ужъ наглыхъ формахъ. Въ Петерсвальдау и Лангенбилау, двухъ большихъ деревняхъ, сплошь населенныхъ ткачами, нужда достигла крайнихъ предѣловъ. Одинъ предприниматель, когда съ нимъ заговорили о нищетѣ ткачей, отвѣтилъ: „Дѣло еще дойдетъ до того, что они станутъ изготовлять кусокъ полотна за кринку творога". Другой крупный капиталистъ будто бы насмѣшливо посовѣтовалъ ткачамъ, если заработковъ имъ не хватаетъ на хлѣбъ, попробовать кормиться травою,—ея-то ужъ навѣрное найдутъ въ достаточномъ количествѣ. А третьему, которому посовѣтовали создать для своихъ рабочихъ лучшія условія, какъ у американцевъ, приписывали такой отвѣтъ: „Этого еще не хватало, чтобы я сталъ стараться изъ-за такой сволочи".

Возможно, что молва приписала заявленіямъ фабрикантовъ болѣе вызывающій характеръ, чѣмъ они имѣли на самомъ дѣлѣ. Но этого было достаточно, чтобы довести до крайнихъ предѣловъ раздраженіе изголодавшихся, охваченныхъ отчаяніемъ ткачей. Одновременно явился летучій листокъ, въ которомъ было напечатано стихотвореніе: „Кровавый судъ въ Петерсвальдау", изображавшее, съ одной стороны, безпросвѣтную бѣдность ткачей, а съ другой—непомѣрную роскошь богатыхъ. Пѣсня была создана массой, въ слѣдующіе дни она увеличилась новыми строфами. Ее пѣли на улицахъ, расклеивали по фабрикамъ.

Ткачи нѣсколько разъ исполняли пѣсню и подъ окнами фабрикантовъ Цванцигеровъ, которымъ приписывались приведенныя выше заявленія. Сначала демонстраціи носили невинный характеръ. Но вотъ одного изъ пѣвцовъ задержали, втащили въ домъ, нанесли ему побои и потомъ выдали мѣстной полиціи. Въ отвѣтъ на это разразились (4 іюня 1844 г.) серьезные безпорядки. Толпа ткачей вышла изъ Петерсвальдау на сосѣднюю гору, выстроилась въ ряды и направилась къ домамъ фабрикантовъ, требуя повышенія заработной платы. Фабриканты не только отклонили требованіе, но и позволили себѣ насмѣшки надъ возбужденной толпой. Тогда толпа бросилась на домъ Цванцигеровъ, взломала всѣ двери, разрушила полъ и потолки, перебила мебель, зеркала, посуду, порвала книги, векселя и бумаги, напала на склады и уничтожила въ нихъ всѣ запасы товаровъ. Цванцигеры спаслись бѣгствомъ. Толпа пощадила фабрикантовъ, которые относились къ ткачамъ съ нѣсколько большей гуманностью. Но у Цванцигеровъ вечеромъ 4-го и утромъ 5-го іюня она разрушила все, что осталось послѣ перваго нападенія. Наибольшую ненависть вызывали машины. Предложеніе поджечь фабрику было отвергнуто только потому, что тогда Цванцигеры могли бы получить страховую премію.

5-го іюня толпа разрослась до трехъ тысячъ человѣкъ (въ Петерсвальдау насчитывалось пять тысячъ жителей) и двинулась на Лангенбилау, деревню съ тринадцатью тысячами жителей. Она прежде всего напала на домъ братьевъ Диригъ, но на первыхъ порахъ была отбита. Подоспѣли солдаты изъ сосѣдняго Швейдница. Произошло столкновеніе. Солдаты дали залпъ,—изъ толпы упало 11 убитыхъ и 24 смертельно раненыхъ. Земля на большое разстояніе была забрызгана кровью и моз-

гомъ. Ткачи сначала оцѣпенѣли, но видъ крови, стоны и хрипѣніе умирающихъ, вопли раненыхъ вызвали въ нихъ страстную, отчаянную жажду мести; съ топорами и палками бросились они на солдатъ и забросали ихъ градомъ камней. Солдаты были вынуждены отступить. Толпа, пользуясь этимъ, разгромила домъ братьевъ Дипигъ.

На слѣдующій день, 6-го іюня, явились четыре роты пѣхоты съ четырьмя пушками, а черезъ нѣсколько часовъ пришла и конница. Толпа очистила Лангенбилау. Часть ея напала на одного раздатчика Цванцигеровъ и уничтожила всѣ найденные товары *).

Начались аресты несчастныхъ ткачей; они разбѣжались въ горы и по лѣсамъ. Разыгрались тяжелыя сцены; одинъ солдатъ, напр., нашелъ среди убитыхъ своего брата. Не было недостатка и въ комическихъ сценахъ. Одинъ магнатъ предлагалъ толпѣ возстановить порядокъ „изъ любви къ нему, ихъ наслѣдственному, прирожденному помѣщику“. Скоро все успокоилось, и начались процессы; 83 человѣка были преданы суду и присуждены къ тяжкимъ наказаніямъ, доходившимъ до десяти лѣтъ каторжныхъ работъ и до двухъ дюжинъ ударовъ плетью.

Событія эти были совершенно стихійною вспышкой: въ нихъ не было ни ясно сознанной цѣли, ни солидарности, какъ показываютъ нѣкоторыя детали движенія. Ненависть направилась прежде всего на машины, какъ на осязательный символъ порабощенія силезскихъ ткачей. Такое движеніе должно было остаться безрезультатнымъ и съ самаго начала было осуждено на неудачу.

Все осталось по-старому. Только правительство воспретило силезскимъ газетамъ писать о положеніи силезскихъ ткачей.

1846 годъ былъ годомъ дороговизны и голода, и зимой 1847—1848 года въ несчастной Силезіи разразился голодный тифъ. Правительство до нѣкоторой степени постаралось помочь, открывъ продажу хлѣба по удешевленнымъ цѣнамъ и общественныя работы. Слишкомъ поздно: у населенія не было денегъ, оно не могло бы купить и самаго дешеваго хлѣба; оно было до такой степени обезсилено, что изъ общественныхъ работъ не могло извлечь никакой пользы. Ангелъ смерти косилъ народъ цѣлыми тысячами, во многихъ случаяхъ не щадилъ даже богатыхъ, которымъ пришлось такимъ образомъ расплатиться за свое равнодушіе къ бѣднякамъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ Силезіи отъ голоднаго тифа погибла двѣнадцатая часть населенія. Жалкія крохи, поданныя правительствомъ, не могли залѣчить страшныхъ ранъ нищеты,—онѣ зіяютъ и по настоящее время.

Въ пограничныхъ австрійскихъ провинціяхъ положеніе было такъ же плохо, во многихъ отношеніяхъ, пожалуй, еще хуже, чѣмъ даже въ Силезіи. Въ Богеміи, какъ и въ Силезіи, уже тогда получила широкое распространеніе текстильная промышленность, а съ нею возникъ и

*) Это возстаніе силезскихъ ткачей послужило сюжетомъ для извѣстной драмы Гауптмана „Ткачи“.

многочисленный, съ трудомъ поддерживающій жалкое существованіе пролетаріатъ. Большинство австрійскихъ коронныхъ земель обладало большими естественными богатствами. Тѣмъ не менѣе, подъ гнетомъ деспотической системы правленія и наполовину феодальнаго, наполовину капиталистическаго классоваго господства, народъ габсбургскихъ владѣній искони изнывалъ въ бѣдности и нищетѣ. Феодализмъ тормозилъ прогрессъ землевладѣнія; барщины и десятины тяготѣли на крестьянахъ, такъ что имъ, особенно въ Богеміи и главнымъ образомъ въ Исполиновыхъ горахъ, приходилось питаться почти однимъ только картофелемъ. Безсмысленная торговая политика закрывала для продуктовъ промышленности сбытъ на иностранныхъ рынкахъ, внутренній рынокъ суживался, благодаря разоренію сельскаго населенія. Новыя машины вели къ уменьшенію заработной платы, къ удлиненію рабочаго дня, къ сокращенію количества рабочихъ; многія тысячи ихъ остались совсѣмъ безъ работы, а слѣдовательно и безъ хлѣба.

Съ начала сороковыхъ годовъ возрастающее недовольство стало проявляться въ мѣстныхъ вспышкахъ, которыя повторялись все чаще и чаще. Господствующіе классы утѣшались тѣмъ, что это—отдѣльные, преходящіе случаи, полиція старалась найти подстрекателей, разыскать нити, связывающія ихъ съ заграничными эмигрантами. Полиція всегда старается представить дѣло такъ, будто подъ ея управленіемъ всѣ благоденствуютъ и будто безмятежное счастье народа нарушается только дѣятельностью агитаторовъ. Вся задача сводится, слѣдовательно, не къ какимъ-либо мѣрамъ для улучшенія положенія массъ, а исключительно къ уловленію агитаторовъ. Попытки обыкновенно оканчивались неудачей: вспышки носили всецѣло стихійный характеръ и были первыми предвѣстниками надвигающейся грозы.

Въ 1844 году случился неурожай. Рабочіе въ Прагѣ заволновались. Они жаловались, что съ введеніемъ машинъ ихъ заработки упали и что при расчетахъ фабриканты систематически обсчитываютъ ихъ. 16-го іюня произошли крупные безпорядки. Рабочіе разбивали машины и большой толпой, достигавшей до 1.600 человѣкъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней расхаживали по городу. Войскамъ удалось, наконецъ, оцѣпить демонстрантовъ и загнать ихъ въ казарму, изъ которой ихъ скоро выпустили на волю.

Печальнѣе окончились безпорядки въ сѣверной и сѣверо-восточной Богеміи, начавшіеся почти одновременно съ силезскими. Въ ситце-печатныхъ заведеніяхъ была введена новая (перотиновая) машина, сильно сократившая потребность въ рабочихъ. Заработная плата понизилась, рабочее время возросло, безработныхъ ожидала голодная смерть, тѣмъ болѣе что вслѣдствіе неурожая вздорожали всѣ предметы первой необходимости. Въ окрестностяхъ Лейтмерица и Кенигреца, Рейхенберга и т. д. начались сходки рабочихъ, которые потребовали, чтобы фабриканты впредь не употребляли названной машины. Фабриканты, конечно, отвѣчали отказомъ. Толпы рабочихъ напали на фабрики и разгромили машины. Большая толпа, человѣкъ въ тысячу, съ женами и дѣтьми и

снабженная путевыми припасами, направилась въ Прагу, чтобы обратиться къ эрцгерцогу Стефану съ просьбой о помощи. Пражское мѣщанство пришло въ паническій ужасъ, когда къ городу приблизились толпы изголодавшихся пролетаріевъ. Австрійскій законъ воспрещалъ массовыя депутаціи. Противъ толпы выдвинули всю полицію и всѣ войска, стоявшія въ Прагѣ. Директоръ полиціи приказалъ стрѣлять въ безоружную толпу, хотя она не подала къ тому никакого повода. Рабочіе, охваченные негодованіемъ, попытались сопротивляться. Но видя, что, безоружные, они должны пасть безполезными жертвами, они скоро обратились въ бѣгство. Проходя по Прагѣ, бѣглецы успѣли напасть на отдѣльныя фабрики и разрушить машины.

Дѣйствія полиціи противъ безоружныхъ рабочихъ привели въ негодованіе образованное вѣнское общество. Начались сборы пожертвованій. Но это были жалкія крохи, недостаточныя даже для того, чтобы предотвратить случаи самой крайней нужды. Въ Исполиновыхъ горахъ и во всѣхъ фабричныхъ центрахъ тысячи народу умирали отъ голода. Администрація поручила наемнымъ журналистамъ—ненаемные же тогда не смѣли писать—изобразить дѣло такъ, какъ будто во всемъ, и въ бѣдности массъ, и въ голодномъ тифѣ, виновны „жиды"; оно надѣялось такимъ образомъ отвести недовольство отъ себя на другой объектъ.

Правительство, впрочемъ, назначило также комиссію, на которую было возложено не только дѣло наказанія подстрекателей, но и разслѣдованіе положенія рабочихъ и причинъ ихъ бѣдности. Вообще домартовская Австрія обнаруживала величайшую склонность назначать комиссіи, совѣщанія, подкомиссіи и комитеты для „изученія" всевозможныхъ вопросовъ. Но великимъ почетомъ въ Австріи пользовалось именно лишь одно изученіе. Такъ и пражская комиссія не пошла дальше этой стадіи.

Въ 1845 году вѣнскіе фабриканты распустили больше половины рабочихъ, особенно ткачей. Правительство заволновалось, опасаясь, что опять могутъ повториться сцены предыдущаго года. Оно обратилось къ бургомистру съ запросомъ: „дѣйствительно ли есть серьезныя основанія опасаться нарушенія общественнаго порядка вслѣдствіе возрастанія безработицы". Вѣнская полиція, въ интересахъ общественнаго порядка и спокойствія, имѣла въ виду даже принудительное регулированіе заработной платы или же ограниченіе пользованія машинами на фабрикахъ. Правительство отвѣчало отказомъ и ограничилось тѣмъ, что обратилось къ бургомистру съ такой инструкціей: онъ долженъ поставить на видъ фабрикантамъ, что они занимаютъ въ государствѣ почтенное, приносящее матеріальныя выгоды положеніе и что они должны поэтому чувствовать себя обязанными, поскольку это лежитъ въ ихъ силахъ, помогать правительству въ томъ, чтобы общественныя власти не оказались въ затруднительномъ положеніи.

Положеніе богемскихъ рабочихъ давало чувствовать о себѣ въ цѣлой Австріи. Богемскіе аристократы и крупные предприниматели благоденствовали, посѣтители богемскихъ курортовъ неустанно раз-

сказывали о красотахъ Богеміи, и въ то же время тысячи и десятки тысячъ людей бѣжали изъ этой прекрасной страны, чтобы спастись отъ голода и эпидеміи. Они появились во всѣхъ мѣстахъ австрійской монархіи и повсюду выступали ужасными конкурентами. Такъ какъ они работали дешево, очень дешево, то заработная плата повсюду падала, а рабочій день растягивался до 14—16 часовъ. Когда наступалъ торговый кризисъ и фабрики одна за другой останавливались, по улицамъ начинали бродить тысячи голодныхъ людей. Полиція проявляла по отношенію къ нимъ величайшую жестокость. Нечего и упоминать, что рабочимъ рѣшительно воспрещалось устраивать какіе бы то ни было союзы, задающіеся цѣлью улучшить ихъ положеніе,—это само собой разумѣется. Австрійская правительственная система давила бѣдняковъ, чтобы доставить господствующимъ классамъ всевозможныя выгоды.

1845 и 1846 года были годами экономическаго кризиса. Вѣна переполнилась чудовищными толпами пролетаріата, который въ значительной части дошелъ до состоянія полнаго одичанія, потому что при чрезвычайной бѣдности существованіе, достойное человѣка, было ему рѣшительно недоступно. Предмѣстья кишѣли толпами несчастныхъ, изголодавшихся людей. Конечно, бѣдность привела многихъ и къ нравственному паденію. Пролетаріатъ босяковъ развился до ужасающихъ размѣровъ. По ночамъ проститутки переполняли гласисы и городскіе рвы; сопровождаемые своими сожителями, такъ называемыми „Kappelbuben", соотвѣтствующими современнымъ „Zuhältern", „Louis", „сутенерамъ", „альфонсамъ", онѣ проникали и во многія центральныя части Вѣны. Полиція преслѣдовала этихъ людей; до трехъ сотенъ сутенеровъ, „Kappelbuben", было отдано въ солдаты. Само собой разумѣется, это не привело ни къ чему: нищета все возрастала, а съ ней росъ пролетаріатъ босяковъ, проституція со своими сутенерами, ночное воровство, грабежи. Стало небезопасно проходить ночью по окраинамъ Вѣны. Земляныя работы при строящихся желѣзныхъ дорогахъ не могли предотвратить переполненія городовъ тысячами безработныхъ. Многіе жили какъ дикіе звѣри, почти безъ всякой одежды, въ канавахъ для спуска нечистотъ и показывались только по ночамъ, чтобы достать себѣ какой-нибудь пищи, стащить все, что попадется имъ подъ руку. „Однажды,—разсказываетъ Віоланъ,—въ суровое время зимы я зашелъ къ полицейскому комиссару и засталъ у него до двадцати такихъ троглодитовъ, только что взятыхъ облавой. Ихъ тѣло, покрытое, какъ корой, грязью и нечистотами, прикрывала только разодранная рубашка и разорванные холщевые штаны. Изъ безконечныхъ прорѣхъ показывалось голое тѣло; ноги, чтобы согрѣть ихъ, были обернуты тряпками. Фуражекъ совсѣмъ не было. Я еще никогда не видалъ въ Вѣнѣ людей въ такомъ одѣяніи. Справившись у полицейскаго комиссара, я узналъ, что огромное множество такихъ же несчастныхъ людей прячется по канавамъ, и совсѣмъ невозможно представить себѣ, какъ только они выдерживаютъ такую жизнь".

„Домъ трудолюбія“, устроенный государствомъ, помогалъ такъ же мало, какъ попечительства о бѣдныхъ, организованныя городскими управленіями. Домъ этотъ былъ хуже каторжной тюрьмы. Начала развиваться частная благотворительность, такъ какъ и среди „добрыхъ гражданъ“ были люди съ достаточно самостоятельнымъ строемъ мышленія, чтобы уразумѣть, какъ мало виновны сами пролетаріи въ переживаемыхъ ими лишеніяхъ. Стали возникать дѣтскія ясли, союзы для помощи и доставленія работы освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, союзы помощи бѣднымъ и т. д. Тщеславіе богатыхъ „благодѣтелей“ собирало богатую жатву льстивыхъ публичныхъ похвалъ. Устраивали также столовыя для народа, и тысячи бѣдняковъ воспользовались ими, когда по предмѣстьямъ начали раздавать супъ и хлѣбъ. Но все это, разумѣется, нисколько не препятствовало распространенію нищеты. Голодающіе рабочіе принимали благодѣянія повидимому съ благодарностью, но въ глубинѣ ихъ души нарастало неопредѣленное озлобленіе. То пренебреженіе, съ какимъ имъ милостиво швыряли подачки, побудило въ нихъ первые проблески классоваго самосознанія. Но именно только проблески. Они еще не знали того, въ чемъ заключается существо капиталистическаго хозяйства, и потому чувства ихъ характеризовались невыясненностью и неопредѣленностью: неопредѣленное раздраженіе направлялось противъ государства, которое обращается съ ними, какъ съ рабами, противъ предпринимателей, которые такъ плохо оплачивали ихъ трудъ, противъ всего общества, которое видѣло въ нихъ жалкіе отбросы, подонки — и однако не могло бы существовать безъ труда этихъ отбросовъ, — противъ всего существующаго, потому что сами они не могли существовать. Рабочіе еще не понимали новыхъ, только слагающихся экономическихъ отношеній и потому не могли поставить передъ собой ясныхъ, опредѣленныхъ цѣлей и направить всю свою дѣятельность къ стойкому и послѣдовательному преслѣдованію этихъ цѣлей.

Пониманіемъ соціальныхъ вопросовъ не могло похвалиться даже такъ называемое образованное общество. Но оно хотя нѣсколько было знакомо съ работами Луи Блана, Прудона и Ламеннэ, а по сочиненіямъ Мейсснера, Гервега, Бёрне и Гейне и болѣе широкіе круги получали знакомство съ идеями французскихъ соціалистовъ. Всѣ запреты Союзнаго Сейма не приводили къ желаннымъ для него результатамъ: книжная контрабанда достигла огромныхъ размѣровъ, и упомянутые сейчасъ авторы находили широкій доступъ къ австрійской читающей публикѣ.

Но они не распространялись вглубь, не доходили до австрійскихъ рабочихъ. Въ результатѣ рабочіе вступили въ соціальную борьбу, совершенно неподготовленные къ ней. У нихъ не было ни организаціи, ни даже представленія о роли организаціи, не было цѣли, не было даже утопическаго идеала; правда, зато они были свободны отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ свободны отъ всякой соціальной программы. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, иначе оно и быть не могло. Даже изданія, которыя рѣшались критиковать и бороться съ идеями соціализма, тотчасъ подвергались запрету; союзы ра-

бочихъ были безусловно воспрещены; общеніе между пролетаріями и представителями образованныхъ классовъ преслѣдовалось самымъ строгимъ образомъ; такую агитацію, которая въ это время развивалась въ Рейнскихъ провинціяхъ, австрійское правительство подавило бы тюрьмами и кровопролитіемъ; путешествія въ Швейцарію и во Францію для австрійскихъ рабочихъ были воспрещены; знакомство съ передовыми идеями при помощи чтенія было недоступно для австрійскихъ рабочихъ, такъ какъ народная школа находилась въ ужасающемъ состояніи и масса была почти поголовно неграмотна. Такимъ образомъ австрійскіе рабочіе были самыми отсталыми не только по сравненію съ рабочими Рейнскихъ провинцій, но во всемъ Германскомъ Союзѣ. Этимъ въ значительной степени объясняется разрушительный характеръ мартовскаго движенія въ вѣнскихъ предмѣстьяхъ.

Режимъ Меттерниха угнеталъ не только однихъ рабочихъ; положеніе интеллигентнаго пролетаріата въ сороковыхъ годахъ было немногимъ утѣшительнѣе. Первенствующую роль повсюду играла протекція; она закрывала всѣ пути для того, у кого ея не было. Адвокаты отгородились отъ конкурентовъ цеховыми перегородками. Литературная дѣятельность была заподозрѣна, полна опасностей и сопряжена съ неожиданными катастрофами. Газетъ, кромѣ офиціальныхъ, вовсе не существовало.

Учащаяся молодежь боролась съ невѣроятными лишеніями, которыя достигли крайней степени наканунѣ мартовскихъ дней. Фюстеръ, университетскій преподаватель, игравшій видную роль въ событіяхъ 1848 г., даетъ трогательную картину положенія учащейся молодежи. „Я часто слышалъ о бѣдности студентовъ,—разсказываетъ онъ *),—но никогда не думалъ, чтобы она достигала такихъ размѣровъ. Эта бѣдность превосходитъ всякую мѣру вѣроятія. Ее можетъ сносить только богатая надеждами юность, находящая въ самой себѣ неизсякаемый источникъ мужества. Не мало такихъ студентовъ, которые цѣлыми недѣлями не знаютъ теплой пищи и питаются исключительно водою да хлѣбомъ. Несчастные безъ всякой вины съ своей стороны разстраиваютъ свое здоровье на цѣлую жизнь. Я уже не говорю о другихъ лишеніяхъ: въ одеждѣ, въ бѣльѣ и т. д., упомяну лишь о жилищахъ многихъ бѣдныхъ студентовъ. Темныя, сырыя подвальныя конуры, не отапливаемыя зимой, все, что угодно, только не жилище человѣка,—вотъ ихъ квартиры. Если бы они не находили временнаго пристанища, напр. въ общественныхъ библіотекахъ, зимою они должны были бы погибнуть отъ холода. Мы знали одного студента, у котораго не было никакой квартиры; зимой онъ жилъ за городомъ въ стогахъ сѣна, каретныхъ сараяхъ и амбарахъ, а лѣтомъ, если не было дождя, ночевалъ подъ открытымъ небомъ. Кто пригляделся бы къ этой нищетѣ, тотъ заплакалъ бы кровавыми слезами надъ безвѣстною бѣдностью множества

*) Dr. Anton Füster. Memoiren vom März 1848 bis Juli 1849. Frankfurt a. M. 1850, I. Bd., стр. 45 и сл.

студентовъ. Относительно наибольшее количество бѣдняковъ — среди евреевъ. Вслѣдствіе религіозныхъ предразсудковъ студентамъ-евреямъ не въ такой степени, какъ христіанамъ-студентамъ, доступны такъ называемыя репетиціи, даванье уроковъ; впрочемъ, и у христіанъ-то онѣ имѣются куда не у многихъ". Матеріальное положеніе вѣнскихъ студентовъ до извѣстной степени опредѣлило ихъ роль въ событіяхъ 1848 года.

Въ конечномъ итогѣ въ Германскомъ Союзѣ накопилось въ скрытомъ состояніи множество силъ — въ значительной степени онѣ уже начали проявляться,—которыя нуждались только въ толчкѣ, чтобы привести къ перевороту. Либеральная нѣмецкая буржуазія, которая потомъ захватила для себя руководящую роль въ движеніи, совсѣмъ не ожидала, чтобы толчокъ явился такъ, какъ онъ явился въ дѣйствительности. Она уповала, что улучшеніе общаго положенія наступитъ благодаря всевозможнымъ мелкимъ случайностямъ, въ родѣ смѣны правленія и тому подобныхъ событій. И если Марксъ въ 1843 году писалъ: „это правда, — старый міръ принадлежитъ филистеру!" онъ былъ вполнѣ правъ. Филистеръ стараго міра Германіи думалъ, что все должно итти филистерской стезей. Но вдругъ земля зашаталась; въ старомъ мірѣ филистеровъ раскрылась зіяющая трещина и черезъ нее на одинъ мигъ показался новый міръ. Правда, онъ скоро скрылся опять, но онъ сдѣлалъ свое дѣло, показавши въ отдаленіи очертанія лучшаго будущаго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наканунѣ.

Въ общемъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ тѣ саркастическія слова, которыя въ 1836 году Гейне вложилъ въ уста своего Тангейзера, уже не характеризовали истиннаго положенія дѣлъ въ Германіи:

„Und als ich auf dem St.-Gotthard stand,
Da hörte ich Deutschland schnarchen;
Es schlief da unten in sanfter Hut
Von sechsunddreissig Monarchen" *).

Такой сонливой Германія уже не была. Изображенное выше печальное положеніе широкихъ массъ народа, голодъ 1846 года, нищета ткачей, гнетъ повинностей на крестьянахъ, тяжесть налоговъ, суровость юстиціи **), заносчивость бюрократіи—все это породило широкое броженіе, хотя оно и проявлялось пока только въ разрозненныхъ незначительныхъ вспышкахъ. Такъ называемые „добрые граждане", правда, считали признакомъ хорошаго тона не якшаться съ бѣдными ремесленниками, подмастерьями, рабочими, вообще съ „низшими" слоями. Но когда

*) „Когда я стоялъ на С.-Готтардѣ,
Я слышалъ, какъ храпитъ Германія;
Тамъ, внизу, спала она подъ нѣжной охраной
Тридцати шести монарховъ".

**) Юстиція заслуживала бы особой главы, но это повело бы слишкомъ далеко. Уже политическія гоненія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ достаточно характеризуютъ тогдашнее состояніе германской юстиціи; тѣмъ не менѣе не будетъ излишнимъ привести нѣсколько фактовъ изъ другой области. Въ 1845 году одинъ юристъ-профессоръ, читая въ Геттингенѣ лекціи о тѣлесныхъ наказаніяхъ, заявилъ между прочимъ: „Я не хочу прямо рекомендовать тѣлесныя наказанія, тѣмъ не менѣе они иногда являются хорошимъ средствомъ отысканія истины".—Въ томъ же году въ Кетенѣ старикъ 61 года нарѣзалъ ивовыхъ прутьевъ, цѣнностью въ 13 грошей 9 пфенниговъ, и былъ за то присужденъ къ тридцати восьми годамъ и четыремъ мѣсяцамъ (38 лѣтъ 4 мѣсяца) каторжныхъ работъ. Въ Вюртембергѣ одна женщина украла яблоки, оцѣненныя въ пять крейцеровъ (7—8 коп.), и была приговорена—это былъ „рецидивъ"!—къ заключенію въ работномъ домѣ на три года и четыре мѣсяца. Эти мелкіе случаи ярче, чѣмъ крупные политическіе процессы и приговоры аугсбургскаго „кроваваго сената", характеризуютъ домартовскую юстицію.

эта „чернь“ начинала безпорядки, протестуя противъ полицейскихъ придирокъ, противъ распоряженія держать ворота на запорѣ, противъ воспрещеній курить, противъ акцизовъ и таксаціи хлѣбныхъ цѣнъ, противъ вмѣшательства полиціи во всѣ мелочи жизни, противъ ночныхъ сторожей и полицейскихъ служителей, „добрый гражданинъ“ посматривалъ на это съ улыбкой одобренія и съ осторожной снисходительностью заявлялъ, что „эти люди“ не такъ ужъ неправы. Впрочемъ, если безпорядки шли дальше, чѣмъ слѣдуетъ по понятіямъ „добраго гражданина“, „добрые граждане“ тотчасъ же были готовы оказать содѣйствіе возстановленію „порядка“.

Сильно раздражала буржуазный либерализмъ цензура, которая подавляла въ прессѣ даже конституціонныя тенденціи и зажимала ротъ вожакамъ либерализма. Съ тѣмъ большею жадностью либеральные буржуа набрасывались на памфлеты, провозимые изъ Швейцаріи контрабанднымъ путемъ. Вожди буржуазіи обрушивались въ нихъ съ ожесточенными нападками на нѣмецкихъ монарховъ, на духовенство, на аристократію и бюрократію. Въ особенности выдѣлился тогда своими листками революціоннаго содержанія Карлъ Гейнценъ, который воображалъ, что своимъ перомъ онъ можетъ перевернуть цѣлый міръ.

Гейнценъ былъ типичнымъ представителемъ буржуазнаго политическаго радикализма, который держится на поверхности явленій и, не интересуясь происхожденіемъ политическихъ формъ изъ вполнѣ опредѣленныхъ соціальныхъ отношеній, считаетъ эти формы основнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, всякой реакціи. Политическій радикализмъ не способенъ уразумѣть того, что скрывается за этими формами, въ чемъ ихъ источникъ. Для Гейнцена основной, первоначальной причиной реакціи были только монархи и никто больше. Въ такомъ пониманіи дѣла Гейнценъ страннымъ образомъ встрѣчался съ монархами, для которыхъ основной источникъ всѣхъ революціонныхъ движеній лежитъ тоже въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ подстрекателяхъ, въ демагогахъ, но отнюдь не въ общественномъ строѣ. Какъ ни поверхностны были такія воззрѣнія, они пользовались огромнымъ успѣхомъ, съ ними приходилось считаться, и Марксъ (въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ“) выступилъ противъ нихъ съ уничтожающей критикой. Онъ показалъ, что не монархи творцы нѣмецкаго общества, но, напротивъ, германское общество творецъ монарховъ. Германское общество на опредѣленной стадіи своего развитія создало монарховъ, которые и опираются на господствующія силы этого стараго общества. Теперь монархи выступаютъ въ реакціонной роли потому только, что въ порахъ стараго общества развилось новое; на него давитъ политическая оболочка, которая была впору старому обществу, но стѣсняетъ всѣ движенія новаго. Именно потому, что развилось новое общество, оно и начинаетъ чувствовать, что старая политическая скорлупа является реакціонной силой.—Разумѣется, реакціонность монарховъ при такой точкѣ зрѣнія свидѣтельствуетъ только объ одномъ: старое общество отжило свое время. Конечно, Гейнценъ органически не способенъ былъ понять такія воз-

зрѣнія: его журнальная дѣятельность осталась попрежнему шумной, трескучей и поверхностной.

Массѣ народа было пока не до интеллектуальныхъ интересовъ: она страдала подъ гнетомъ нужды и лишеній. Уже 1846 годъ могъ считаться голоднымъ годомъ. Въ слѣдующемъ году промышленный кризисъ разразился надъ Англіей и надъ континентомъ Европы. Земледѣлецъ, ремесленникъ, фабрикантъ—всѣ оказались въ самомъ безотрадномъ положеніи. Неурожаи еще больше сократили и безъ того упавшій спросъ на продукты мануфактуръ и фабрикаты. Товары оставались нераспроданными, фабрики останавливались одна за другой, толпы рабочихъ были выброшены на улицу. Заработковъ не было, а цѣны предметовъ первой необходимости стремительно поднимались *).

Конечно, въ городахъ дороговизна чувствовалась всего сильнѣе. Произошелъ цѣлый рядъ безпорядковъ, какъ въ 1844 и 1845 годахъ. Причина ихъ заключалась въ томъ, что народъ совершенно не зналъ, чѣмъ ему жить. Голодный желудокъ, какъ извѣстно, самый энергичный революціонеръ. Но хотя онъ и вызывалъ безпорядки, послѣдніе въ общемъ носили невинный характеръ,—въ нихъ проявлялась жгучая ненависть только противъ тѣхъ лицъ, которыя старались использовать народную бѣдность и увеличить свои барыши.

Берлинская „картофельная война" въ апрѣлѣ 1845 года типична для такого рода волненій и уличныхъ безпорядковъ. Цѣны предметовъ первой необходимости достигли въ Берлинѣ до неслыханной высоты, что въ значительной степени обусловливалось своекорыстными спекуляціями крестьянъ и торговцевъ. Жены рабочихъ въ отчаяніи приходили съ рынка домой съ пустыми руками, такъ какъ даже картофель сдѣлался для нихъ недоступнымъ,—цѣна его поднялась до шести зильбергрошей за мѣру и даже еще выше. Кромѣ того, крестьяне и разносчики позволяли себѣ издѣваться надъ покупателями, не стѣсняясь употреблять иногда грубыя выраженія. Въ концѣ-концовъ нѣсколько женщинъ напали на разносчика у Ораніенбургскихъ воротъ и порядочно поколотили его. Толпа мужчинъ и женщинъ изъ Розентальскаго

*) Слѣдующая табличка даетъ яркое представленіе о возрастаніи цѣнъ главнѣйшихъ предметовъ питанія (въ Вѣнѣ).

ГОДЫ.	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847
Пшеница . . .	2,22	2,55	3,16	3,5	2,29	2,51	2,36	3,11	4,24	5,52
Рожь	1,34	2,3	2,17	2	1,57	2,2	1,36	3,02	3,9	4,25
Ячмень . . .	1,22	1,43	1,51	1,41	1,48	1,31	1,10	1,31	2,12	3,4
Картофель . .	0,38	0,49	0,53	0,41	1,7	1,8	0,45	0,41	1,12	2,8
Мясо	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9 1/4	0,9	0,9 1/2	0,9	0,10	0,10

Цѣны обозначены въ гульденахъ и крейцерахъ, хлѣба и картофеля—за нижнеавстрійскую мѣру, мяса—за австрійскій фунтъ. Зимой 1847—1848 года дороговизна достигла крайнихъ предѣловъ.

предмѣстья, изъ такъ называемаго „Фойгтланда", расправилась такимъ же народнымъ судомъ съ торговцами на другихъ рынкахъ. Вмѣшалась полиція. Но на третій день гнѣвъ народа обратился противъ такъ называемыхъ „матеріалистовъ", т.-е. противъ торговцевъ овощами и колоніальными товарами, а также противъ мясниковъ и пекарей, которые тоже были виновны въ ростовщическихъ спекуляціяхъ. Толпы нападали на лавки и захватывали съѣстные припасы; если лавочники обнаруживали грубость, лавки подвергались разгрому, въ стекла летѣли каменья; во многихъ случаяхъ толпа наносила лавочникамъ побои. Въ пекарняхъ толпа подвергала хлѣбъ взвѣшиванію. Если оказывалось, что хлѣбъ въ пять грошей вѣситъ больше трехъ фунтовъ, торговцу пожимали руку, кричали въ честь его виватъ, а на стѣнахъ лавки дѣлали надпись, что хлѣбъ имѣетъ здѣсь правильный вѣсъ. Потомъ толпа оставляла лавку. Если же оказывалось, что хлѣбъ вѣситъ слишкомъ мало, съ пекаремъ раздѣлывались такъ же, какъ и съ прочими спекулянтами. Безпорядки продолжались четыре дня. Наконецъ вмѣшалась администрація. По улицамъ разъѣзжали военные патрули и шашками, ударами плашмя, разгоняли толпу. До трехсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ семнадцать женщинъ, было заарестовано. Приблизительно сотнѣ былъ вынесенъ обвинительный приговоръ. Они вышли изъ тюрьмы только 20 марта 1848 года. Городское управленіе и частная благотворительность приняли нѣкоторыя мѣры и стали оказывать извѣстную помощь въ случаяхъ крайней нужды. Такимъ образомъ спокойствіе въ Берлинѣ на время опять возстановилось.

Въ окрестностяхъ Берлина нужда тоже приняла большіе размѣры. Въ особенности страдали бумаго-ткачи въ Новавесѣ. Здѣсь была организована столовая для нуждающихся, но до крайности жалкая.

Однако въ самомъ плохомъ положеніи попрежнему находилась Силезія. Нищета здѣсь все возрастала. Въ берлинскихъ газетахъ того времени появились ужасающія описанія опустошеній, производимыхъ въ Силезіи голодомъ и связанной съ нимъ эпидеміей. Отсюда шли постоянные призывы къ частной благотворительности, но она оставалась, какъ и была, недостаточной.

И въ Австріи снова вспыхнули волненія. Въ разныхъ мѣстахъ Богеміи, въ Прагѣ, Пильзенѣ, Комотау, Эгерѣ и т. д. безпорядки рабочихъ пришлось подавлять военной силой. Въ самой Вѣнѣ, благодаря страшной дороговизнѣ, въ мартѣ 1847 года произошли безпорядки, направленные противъ торговцевъ и сопровождавшіеся разгромомъ мясныхъ лавокъ и хлѣбо-пекарныхъ заведеній.

Заволновалось, при всей своей забитости, даже сельское населеніе. Въ Штиріи крестьяне выступили огромной толпой, численностью до 4.000 человѣкъ. Чтобы разсѣять ихъ, потребовалось вмѣшательство войска. Движеніе распространилось до окрестностей Зальцбурга. Повидимому, оно было вызвано взысканіемъ недоимокъ; во многихъ случаяхъ оно сопровождалось отказомъ крестьянъ отъ дальнѣйшаго исполненія барщинныхъ работъ.

Все это порядочно встревожило вѣнское правительство. А тутъ еще вѣнскій бургомистръ обратился къ нему съ тайнымъ отношеніемъ, въ которомъ обращалъ его вниманіе на „тревожные симптомы рабочаго движенія“ и на „угрожающую соціальную опасность“. Однако правительство не лучше знало, что ему дѣлать, чѣмъ бургомистръ. Оно организовало въ Вѣнѣ и на Пратерѣ земляныя работы, которыя дали занятія 15.000 безработныхъ. Но работы были совсѣмъ безполезныя и ненужныя, слѣдовательно, это была лишь временная оттяжка и мимолетная помощь, не говоря уже о томъ, что работы эти были совсѣмъ непривычныя для городскихъ рабочихъ. Правительству просто хотѣлось найти хотя бы временный выходъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Но, какъ это бывало и раньше, едва первый страхъ миновалъ, правительство спокойно сложило руки и употребило всѣ силы на то, чтобы убѣдить себя, какъ неосновательно, какими чисто внѣшними обстоятельствами было вызвано все возбужденіе.

Тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ правящихъ и просто вліятельныхъ сферахъ не обманывались относительно размѣровъ и вѣроятныхъ послѣдствій наступившаго кризиса. Многочисленные записки и доклады самымъ недвусмысленнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ, что высшія офиціальныя сферы ясно видѣли всю необходимость, всю неотложность реформъ. Но никто не рѣшался заявить объ этомъ открыто,—не даромъ страхъ придворныхъ сферъ передъ реформами вошелъ въ поговорку.

Итакъ, движеніе сказалось почти на всей территоріи Германскаго Союза. Въ однихъ мѣстахъ волновались безработные, голодающіе рабочіе, въ другихъ — подавленные и измученные крестьяне. Но этого мало: въ 1847 году измѣнилась и вся политическая атмосфера.

Въ ноябрѣ 1847 года прикончилъ свое существованіе Зондербундъ, сепаратный союзъ клерикальныхъ кантоновъ Швейцаріи, выдѣлившихся изъ федераціи. Либеральные и демократическіе кантоны, истощивши всѣ средства мирнаго соглашенія, съ такой быстротой двинули войско на клерикальные кантоны, что тѣ не могли и думать объ оборонѣ. Весь походъ завершился въ нѣсколько дней. Зондербундъ пользовался особымъ благоволеніемъ монархическихъ правительствъ Европы. Пораженіе Зондербунда по существу было равносильно ихъ пораженію. Но это было только начало. Побѣдители, не обращая вниманія на протестъ державъ, предприняли пересмотръ союзной конституціи, и кромѣ того, наложили особую контрибуцію на кантонъ Нейенбургъ (Невшатель), стоявшій подъ покровительствомъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV. Король не старался скрыть своего негодованія на радикаловъ Швейцаріи. Франція, Австрія и Пруссія готовились даже заключить формальный союзъ, чтобы, опираясь на вооруженныя силы, вмѣшаться въ швейцарскія внутреннія дѣла, и только быстрое развитіе событій помѣшало осуществленію этой идеи. Недовольство кабинетовъ было какъ нельзя больше понятно: тринадцать кантоновъ, вопреки ясно выраженной волѣ державъ, взялись за оружіе и вышли изъ борьбы по-

бѣдителями. Это показало народамъ, какъ не увѣрены въ своемъ дѣлѣ и въ своихъ силахъ сами правительства. Германскіе либералы были поэтому охвачены радостнымъ возбужденіемъ и торжествовали побѣду швейцарскихъ либераловъ, какъ свою собственную.

Итальянское объединительное движеніе, хотя „либеральный", лицемѣрно примкнувшій къ нему, папа Пій IX и разыгралъ съ итальянцами недостойную комедію, тоже вызвало въ Германіи взрывъ энтузіазма.

На югѣ Германіи наблюдалось больше проблесковъ политической жизни, чѣмъ на сѣверѣ, потому что въ отдѣльныхъ южно-нѣмецкихъ государствахъ конституціонализмъ пустилъ крѣпкіе корни. Въ Баденѣ политическая жизнь развивалась всего энергичнѣй; въ палатѣ сформировалась сильная оппозиція. Ея представители, особенно Ицштейнъ, Геккеръ, Велькеръ и другіе, пользовались широкой популярностью въ цѣлой Германіи. Въ то время, несомнѣнно, преувеличивали значеніе этой парламентской оппозиціи, но по своимъ формамъ явленіе это было совершенно новое для Германіи и потому оно производило мощное впечатлѣніе. Радикальные и либеральные политики выступали съ великою необузданностью, и необузданнѣе всего тѣ изъ нихъ, которые впослѣдствіи превратились въ умѣренныхъ или даже въ реакціонеровъ. Надворный совѣтникъ Велькеръ, который впослѣдствіи запрягся въ колесницу наслѣдственной императорской власти, однажды патетически воскликнулъ: „Монархи должны оставить свои троны и притомъ безъ малѣйшаго промедленія!" Карлъ Мати, въ свое время вынужденный эмигрировать въ свободную Швейцарію, а въ 1848 году произведенный въ баденскіе министры, въ 1847 году протестовалъ противъ идеи общаго для Германіи парламента, такъ какъ онъ опасался, что этотъ парламентъ не объявитъ въ Германіи республиканской формы правленія.

Баденская парламентская оппозиція противъ сторонниковъ министерства, получившихъ кличку „парламентскихъ зайцевъ", оставалась въ меньшинствѣ. Но она опиралась на внѣ-парламентскую силу, на внушительное народное движеніе, въ которомъ взаимно переплетались либеральные и демократическіе элементы. Рука объ руку съ ней дѣйствовалъ цѣлый рядъ журналистовъ. Такъ, Густавъ Струве въ Мангеймѣ велъ упорную борьбу съ мѣстной цензурой; она окончилась полнымъ моральнымъ пораженіемъ этого несчастнаго учрежденія и сыграла извѣстную роль для цѣлой Германіи. Онъ и рядъ другихъ журналистовъ — Филиппъ Стай, Іосифъ Фиклеръ — поддерживали въ газетахъ требованія парламентской оппозиціи.

Фридрихъ Геккеръ и Густавъ Струве, оба рѣшительные республиканцы, скоро сдѣлались самыми вліятельными въ Баденѣ политическими дѣятелями. Геккеръ обладалъ даромъ увлекать за собой массы своимъ краснорѣчіемъ. Струве нѣкогда началъ было дипломатическую карьеру, но скоро оставилъ ее и теперь дѣйствовалъ преимущественно какъ журналистъ. Въ союзѣ съ многочисленными единомышленниками они созвали на 12 сентября 1847 года въ Оффенбургъ народное со-

браніе. На собраніи были формулированы слѣдующіе пункты „народныхъ требованій“:

„Отмѣна карлсбадскихъ, франкфуртскихъ и вѣнскихъ постановленій; свобода печати, свобода совѣсти и обученія; присяга войска въ вѣрности конституціи; защита свободы личности противъ полиціи; національное представительство въ Германскомъ Союзѣ; демократическая организація обороны страны; справедливая система обложенія; общедоступность обученія; суды присяжныхъ; демократическое управленіе государствомъ; устраненіе ненормальныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ и уничтоженіе всѣхъ привилегій“.

Требованія буржуазной демократіи и либерализма впервые получили сжатую и рѣшительную формулировку. Хотя соціальный вопросъ былъ затронутъ лишь крайне поверхностно—или, быть можетъ, именно потому,—оффенбургскія постановленія произвели огромное впечатлѣніе не только въ Германіи, но и за границей. Дѣйствительно, по сравненію съ существующимъ строемъ Германіи они представляли невыразимо великій прогрессъ. Баденское правительство не обратило на требованія никакого вниманія, но приняло мѣры, чтобы возбудить противъ иниціаторовъ собранія судебное преслѣдованіе по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

Венгрія переживала періодъ мощнаго расцвѣта политической жизни. Австрійское правительство постаралось задержать ея развитіе при помощи суровыхъ бюрократическихъ мѣропріятій. Но венгры не дали запугать себя и стойко держались за конституціонныя завоеванія. При выборахъ въ венгерскій рейхстагъ дому Габсбурговъ были нанесены тяжкія пораженія; въ Пештѣ демонстративно избрали Людвига Кошута, который скоро сдѣлался самымъ опаснымъ врагомъ Габсбургской династіи. Кошутъ и его политическіе единомышленники, члены демократически-конституціонной партіи, вели въ венгерскомъ парламентѣ борьбу противъ габсбургскаго деспотизма и вкладывали въ нее всю страстную пламенность, характерную для венгерской націи. Они были достаточно предусмотрительны для того, чтобы привлечь на свою сторону и крестьянъ. Съ этой цѣлью они провели постановленіе, согласно которому землевладѣлецъ долженъ былъ подчиниться, если крестьянинъ потребуетъ выкупа феодальныхъ повинностей. События въ венгерскомъ рейхстагѣ не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія въ цѣлой Германіи.

Настроеніе въ Германіи было напряженное. У всѣхъ было неопредѣленное предчувствіе неотвратимо надвигающихся событій. Политическая атмосфера была насыщена электричествомъ. Союзный Сеймъ тревожно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ оппозиціи. Онъ уже обсуждалъ вопросъ объ „энергичныхъ дѣйствіяхъ“ противъ Швейцаріи, ибо она превратилась въ страну революціонно-пропагандистскихъ происковъ, что представляетъ угрозу для мира и спокойствія сосѣдняго государства; и во внутреннихъ дѣлахъ, полагалъ Союзный Сеймъ, Швейцарія дѣйствуетъ такимъ образомъ, что гарантированный ей нейтралитетъ оказывается нарушеннымъ какъ формально, такъ и по существу. Зна-

чить, революціонныя сочиненія, распространяемыя изъ Швейцаріи, порядочно-таки подѣйствовали на нервы почтенныхъ политическихъ ночныхъ сторожей, избравшихъ своей резиденціей Франкфуртъ на Майнѣ.

Какъ представляли себѣ положеніе въ началѣ 1848 года придворныя и высшія сферы — это лучше всего показываетъ тронная рѣчь, произнесенная 22 января 1848 года вюртембергскимъ королемъ Вильгельмомъ при открытіи собранія сословій (земскихъ чиновъ). Этотъ монархъ, уже въ 1819 году введшій конституцію и рѣшительный противникъ Пруссіи, заявилъ:

„Общеизвѣстныя происшествія въ Швейцаріи, вызванныя столкновеніемъ діаметрально противоположныхъ партій и разросшіяся до гражданской войны, должны оказать опасное вліяніе и на сосѣднія страны. Преступники-нѣмцы, преслѣдуемые судами, собрались въ той странѣ, стараются войти въ союзъ со своими земляками, а также затопить насъ сочиненіями революціоннаго содержанія. Они не останавливались ни передъ какими средствами, какъ бы предосудительны они ни были, чтобы распространять возбужденіе и недовольство существующимъ. При такомъ положеніи вещей, которое одинаково опасно и для насъ и для нашихъ сосѣдей-союзниковъ, я съ полнымъ довѣріемъ обращаюсь къ моимъ вѣрнымъ сословіямъ, ибо они, стоя во главѣ нашего народа, служатъ выразителями его мыслей и его умонастроенія. Я открыто излагаю вамъ, въ какомъ положеніи вещей находимся мы. Если воздѣйствія извнѣ сдѣлаются сильнѣе, то я, какъ нѣкогда противъ враговъ нашего отечества, теперь, послѣ почти 32-лѣтняго управленія, съ такимъ же непоколебимымъ мужествомъ, съ такой же незыблемостью и твердостью принциповъ выступлю противъ нарушителей нашего внутренняго спокойствія“.

Такимъ образомъ въ королевскихъ дворцахъ, какъ и среди массъ, тоже были свои „предчувствія“ *).

„Воздѣйствія извнѣ“ на самомъ дѣлѣ усилились и притомъ въ такой мѣрѣ, какъ никто не ожидалъ ни въ дворцахъ, ни въ хижинахъ.

— —

*) Еще одна иллюстрація напряженности и увѣренности ожиданій: 12-го февраля Велькеръ заявилъ въ баденской палатѣ: „Прежде чѣмъ весеннее солнце растопитъ снѣгъ на горныхъ вершинахъ, солнце весны народовъ расплавитъ ледъ реакціи. Помните приснопамятныя слова Нибура: право народовъ древнѣе и выше, чѣмъ право династій“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1848-й годъ.

Народы центральной Европы вступали въ 1848 годъ съ какими-то неопредѣленными ожиданіями. Раньше всего ожиданія эти пріобрѣли осязательную форму въ Италіи. Уже въ предыдущемъ году папа Пій IX и Карлъ-Альбертъ Сардинскій сдѣлали различныя уступки конституціоннаго свойства. Напротивъ, Фердинандъ II, король Сициліи, упорствовалъ на старой системѣ угнетенія, построенной по меттерниховскимъ рецептамъ. Пламенные сицилійцы первые почувствовали всю невыносимость системы, и уже 12-го января 1848 года въ Палермо вспыхнуло возстаніе, которое скоро охватило весь островъ. Возставшіе требовали возстановленія конституціи 1812 года, введенной англичанами, свободной печати, народной милиціи, самостоятельной администраціи и управленія. Лордъ Пальмерстонъ, стоявшій во главѣ англійскаго кабинета, казалось, склоненъ былъ покровительствовать либеральному движенію въ Италіи. Фердинандъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки, но онѣ не успокоили сицилійцевъ. Чтобы задушить либеральное движеніе, Фердинандъ прибѣгъ къ силѣ оружія. На Сицилію двинулись сильныя подкрѣпленія, и Палермо былъ подвергнутъ ужасающей бомбардировкѣ, которая доставила Фердинанду историческое прозвище „Короля-Бомбы". Но Палермо не сдался. 19-го января представители всѣхъ европейскихъ державъ и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ заявили протестъ противъ варварскаго отношенія къ городу *).

Съ сицилійцами не могли справиться. А такъ какъ 27-го января сильное общественное движеніе дало знать о себѣ и въ Неаполѣ, то Фердинандъ пошелъ на уступки, обѣщалъ конституціонныя государственныя учрежденія и приказалъ возвѣстить основные принципы новаго строя. Коварный Бурбонъ поступалъ такъ съ заднею мыслью: восполь-

*) 31-го января 1848 года извѣстный Тьеръ заявилъ во французской палатѣ депутатовъ, что это — неслыханное дѣло, чтобы Палермо подвергался бомбардировкѣ въ теченіе сорока восьми часовъ. Но въ 1871 году, во время возстанія парижской коммуны, Парижъ, по приказанію того же Тьера, бомбардировали четыре недѣли. — Подробный очеркъ событій въ Италіи за описываемую эпоху даетъ Больтонъ Кингъ, Исторія объединенія Италіи. М., 1901.

зоваться первымъ же случаемъ, чтобы отобрать всѣ уступки и отомстить за свое пораженіе. Но пока что, съ 10 февраля 1848 года вступила въ дѣйствіе новая конституція, которая, впрочемъ, не удовлетворила ни сицилійцевъ, ни неаполитанцевъ.

Побѣда народа въ Неаполѣ и Сициліи была, слѣдовательно, едва лишь половинной побѣдой; тѣмъ не менѣе произведенное ей впечатлѣніе сказалось въ цѣлой Италіи. Въ Папской области, въ Сардиніи, въ Тосканѣ были даны конституціи. Въ Ломбардіи и Венеціи, этихъ частяхъ Италіи, принадлежащихъ Австріи, началось настолько серьезное броженіе, что близость возстанія стала очевидной для всѣхъ.

Итальянское возстаніе было направлено не только противъ свѣтскаго, политическаго деспотизма, но и противъ господства іезуитовъ. Оно произвело неотразимое впечатлѣніе на Европу. Но въ то самое время, какъ оно развивалось, въ политической жизни Германіи разыгрались событія, свидѣтельствующія о благопріятномъ отношеніи къ іезуитамъ. Лола Монтесъ, возлюбленная Людвига I, баварскаго короля, по низверженіи господства іезуитовъ выдвинула либеральное министерство, такъ называемое министерство Лолы. Члены его—придворные и люди безъ политическихъ убѣжденій — всецѣло подчинялись капризамъ взбалмошной и дерзкой танцовщицы. Ничто не доставляло ей бо́льшаго наслажденія, какъ во всемъ итти наперекоръ мюнхенскимъ филистерамъ, переполненнымъ пивомъ, и филистерскимъ обыкновеніямъ. Іезуиты искусно раздували недовольство противъ метрессы и ея министерства и добились того, что скоро возникло глухое броженіе; а Лола съ своей стороны дѣлала все возможное, чтобы вызвать къ себѣ ненависть мюнхенцевъ. Она любила слоняться со студентами, ватажиться и кутить съ ними. Землячество „Германія“ пользовалось особеннымъ ея благоволеніемъ. Въ публикѣ ходили пикантные разсказы о приключеніи Лолы на попойкахъ студентовъ. Члены „Германіи“ перессорились съ другими студентами, такъ какъ получили отъ нихъ оскорбительное прозвище „Лоламанновъ“ (игра словъ: „Alemannen“—„алеманны“, „германцы“, члены землячества „Alemannia“, „Германія“). Произошли очень и очень серьезныя потасовки. А въ заключеніе Лола въ негодованіи заявила: „Я прикажу закрыть университетъ; я вообще не могу больше терпѣть его здѣсь!“ И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней— 9 февраля — появился королевскій указъ, скрѣпленный и подписанный министерствомъ и закрывавшій университетъ.

Но это было слишкомъ сильно даже для пивныхъ филистеровъ Мюнхена, которыхъ и безъ того уже недурно обработала низверженная партія іезуитовъ. Пока Лола выкидывала свои сумасбродства, а король воспѣвалъ ее въ обильныхъ причастіями виршахъ, мюнхенцы давали просторъ своему недовольству только за кружками съ пивомъ. Но десятаго февраля они толпою собрались передъ ратушей и двинулись ко дворцу короля, чтобы добиться отмѣны распоряженія о закрытіи университета. Надо полагать, у Лолы были слишкомъ недостаточныя политико-экономическія познанія; иначе она могла бы предвидѣть, что

нѣкоторое сокращеніе доходовъ, не говоря ужъ о полномъ уничтоженіи ихъ, должно и самаго кроткаго пивного филистера сдѣлать „революціонеромъ“. Значительная часть мюнхенскихъ бюргеровъ и промысловыхъ людей жила студентами; теперь имъ приходилось разстаться съ этимъ источникомъ доходовъ, — понятно, откуда у нихъ внезапно явилась рѣшительность. Сначала король не хотѣлъ уступать, но студенты заявили, что они отступятъ только передъ силой оружія. Наконецъ король обѣщалъ, что къ Пасхѣ онъ прикажетъ снова открыть университетъ.

Однако ночью произошли столкновенія между студентами и жандармами, и безпорядки охватили весь городъ. Граждане снова собрались передъ ратушей, въ дѣло вмѣшались члены государственнаго совѣта, а войско, стоявшее подъ командою клерикальныхъ, ультрамонтанскихъ офицеровъ и привыкшее при усмиреніи пьяныхъ бунтовъ дружелюбно относиться къ толпѣ, обнаруживало колебанія. Тогда гражданамъ обѣщали, что университетъ откроютъ немедленно.

Это не успокоило возбужденія горожанъ. Они повалили къ дому танцовщицы Лолы. Лола, которая, танцуя, такъ дерзко попирала ногой всѣ традиціи добрыхъ баварцевъ, такъ безжалостно разсѣкала ихъ своимъ хлыстикомъ амазонки, теперь увидала, что ея царству наступаетъ конецъ. Лишь съ величайшимъ трудомъ и лишь потому, что къ ней самолично явился самъ король, ей удалось скрыться отъ разъяренной толпы; но зато король былъ осыпанъ грубой баварскою бранью. Лола отправилась въ Линдау, оттуда опять завязала сношенія съ королемъ и не разъ послѣ того, переодѣтая, пріѣзжала въ Мюнхенъ.

Отголоски этой революціи, произведенной филистерами пивныхъ, еще долгое время чувствовались въ Баваріи; возбужденіе было въ особенности длительнымъ среди бравыхъ мюнхенцевъ, которые такъ энергично вступились за своихъ іезуитовъ. И — что довольно-таки характерно — до великой перемѣны въ общественныхъ отношеніяхъ, совершившейся во Франціи, революція эта оставалась единственнымъ сравнительно крупнымъ проявленіемъ политической жизни въ Германіи. Правда, многіе склонны приписывать огромное политическое значеніе одному предложенію, внесенному около этого времени Бассерманомъ въ баденскую палату; но съ такой оцѣнкой никакъ нельзя согласиться. Либералъ Бассерманъ къ этому времени уже порядочно присмирѣлъ и старался сблизиться съ правительствомъ Бадена; потому-то онъ 12-го февраля и внесъ въ баденскую палату свое предложеніе о представительствѣ націи въ Германскомъ Союзѣ. Предложеніе это не было „дѣяніемъ“ Бассермана,—оно было только слабымъ отзвукомъ требованій народа, заявленныхъ съ несравненно большей энергіей и рѣшительностью. Кромѣ того, чтобы выставить такое требованіе, въ Оффенбургѣ требовалось несравненно больше мужества, чѣмъ въ палатѣ. Въ словахъ „германскій парламентъ“ для буржуа-конституціоналистовъ слышалось какое-то волшебство; напротивъ, консервативнымъ духовидцамъ баденской палаты за предложеніемъ Бассермана

чудились всѣ ужасы революціи, сопряженной съ кровопролитіемъ. Предложеніе было передано въ комиссіи, изъ которыхъ оно такъ и не возвратилось, потому что событія опередили его. Но предложеніе это доставило имени Бассермана совершенно незаслуженную популярность; это открыло передъ мангеймскимъ москотильщикомъ карьеру „государственнаго человѣка“ и породило въ немъ манію величія, которая впослѣдствіи привела его къ самоубійству.

Всѣми въ это время владѣло предчувствіе, что предстоитъ нѣчто великое, неопредѣленное, ужасное. „Верхи общества“ смотрѣли на будущее со страхомъ, мѣщане—съ большою озабоченностью, а тѣ, кому нечего было терять, — отчасти съ надеждами, отчасти индиферентно. Политическіе ночные сторожа, официальные и неофиціальные, толковали о „духѣ мятежа“, о „совратителяхъ“ и „совращенныхъ“, призывали подчиняться „установленному Богомъ порядку“ и безропотно нести бремя сей земной юдоли страданій, за что въ будущемъ ожидаетъ соотвѣтствующая награда. Такіе голоса звучали на всѣхъ стогнахъ и улицахъ.

Но тутъ возвысила свой голосъ исторія и разомъ оборвала разглагольствованія всѣхъ проповѣдниковъ. Подобно оглушительному раскату грома, напряженную атмосферу Германіи пронизало извѣстіе, что король Луи-Филиппъ въ Парижѣ низвергнутъ. 26-го февраля 1848 г., въ 7 часовъ вечера, пораженная Германія съ трепетомъ возбужденія читала въ экстренномъ прибавленіи въ „Кельнской Газетѣ“:

„Въ Парижѣ революція! Объявлена республика! Позавчерашній день легко можетъ оказаться роковымъ для милліоновъ людей. Парижскій бунтъ 24 февраля принялъ совершенно неожиданный оборотъ,—вспыхнула революція. Борьба направилась противъ королевской власти. Послѣ того, какъ всѣ уступки, на которыя согласился король, были отвергнуты, въ результатѣ событій, о которыхъ у насъ пока нѣтъ обстоятельныхъ сообщеній, была объявлена республика“.

Да, онъ дѣйствительно былъ низвергнутъ, тотъ самый Людовикъ-Филиппъ, которому прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV писалъ всего за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ: „Государь, вы—щитъ европейскихъ монархій, вы—рука, подъятая Провидѣніемъ, дабы спасти дѣло цѣлыхъ столѣтій и утвердить общество на его исконныхъ, но потрясенныхъ основахъ!“

И рѣдко когда подобные „щиты“ разбивались съ большей основательностью. Іюльская монархія давно уже переполнила чашу терпѣнія; поэтому капли банкетовъ реформы было достаточно, чтобы оно окончательно лопнуло. Пресловутая „система“ Людовика-Филиппа, организованная и направляемая двумя политическими фиглярами, Тьеромъ и Гизо, покрыла Францію грязью невѣроятной продажности. Биржа въ эпоху „буржуазнаго короля“ была во Франціи всемогущимъ учрежденіемъ; самъ король стоялъ во главѣ спекулянтовъ, а крупные капиталисты старались посильно претворять въ дѣйствительность девизъ эпохи: „enrichissez-vous“, „обогащайтесь“. Законодательство, попавшее въ руки

чуждыхъ народу и въ своемъ большинствѣ продажныхъ палатъ, дѣлало все, чтобы обезпечить за крупными капиталистами ихъ привилегіи. Общество распадалось на ничтожное меньшинство спекулянтовъ, любимцевъ фортуны, съ дворомъ во главѣ, на широкую массу мелкой буржуазіи, которая выносила тяжкій гнетъ воцарившейся экономической и финансовой политики, и на еще болѣе широкую массу пролетаріата, который въ большихъ городахъ—въ Парижѣ прежде всего—составлялъ огромныя массы. Ничтожное меньшинство предавалось излишествамъ, биржа переживала настоящія оргіи, и въ то же время бѣдность массъ возрастала ужасающимъ образомъ. Кризисъ сороковыхъ годовъ далъ знать о себѣ и во Франціи. Насилія и продажность правительства, его жестокость и худо направляемая внѣшняя политика, не считавшаяся съ щепетильной національной гордостью французовъ, не мало содѣйствовали тому, чтобы довести до предѣловъ возможнаго негодованіе противъ господствующей системы. Французы увидали, что буржуазія послѣ іюльской революціи одурачила ихъ, когда устами стараго „простофили" Лафайета рекомендовала имъ въ короли Людовика-Филиппа, какъ „лучшую изъ республикъ". Пробудились воспоминанія о великой революціи; ихъ распространенію усердно содѣйствовали тайныя республиканскія и соціалистическія общества. Рабочіе обращались къ соціализму; правда, послѣдній носилъ еще сектантскій характеръ и не достигъ полной ясности въ представленіяхъ о своихъ цѣляхъ; тѣмъ не менѣе онъ пробудилъ среди рабочихъ классовое самосознаніе *).

Буржуазный либерализмъ въ своей борьбѣ ограничивался парламентской областью; онъ полагалъ, что лишь избирательная реформа можетъ оздоровить государственный организмъ, въ конецъ изъѣденный язвой продажности. Поэтому либералы устроили рядъ такъ называемыхъ банкетовъ реформы, на которыхъ много и хорошо ѣли и пили и возглашали тосты за избирательную реформу. Какъ ни невинна была эта агитація, правительство, само собой разумѣется, всѣми силами старалось положить ей препоны. Въ преніяхъ палаты депутатовъ объ избирательной реформѣ и о банкетахъ реформы либеральная оппозиція была подавлена правительственнымъ большинствомъ и осыпана издѣвательствами. 21-го февраля по распоряженію Гизо былъ воспрещенъ банкетъ реформы, назначенный въ Парижѣ на 22-е февраля; раньше либеральная оппозиція палаты обѣщала свое участіе на этомъ банкетѣ. Либералы подчинились теперь распоряженію и говорили только о возбужденіи законнаго преслѣдованія противъ министровъ.

Но воспрещеніе банкета послужило внѣшнимъ толчкомъ, котораго только и не хватало, чтобы лавина пришла въ движеніе и чтобы произошло столкновеніе противорѣчій, порожденныхъ политическими и экономическими отношеніями. Суровость правительства уже давно привела народъ въ величайшее возбужденіе; его нельзя было такъ легко

*) Подробный разсказъ о развитіи общественныхъ отношеній и событіяхъ во Франціи этой эпохи см. у С. Лозинскаго, Исторія второй французской республики. Кіевъ, 1904.

запугать, какъ либеральную оппозицію въ палатѣ депутатовъ. 22-го февраля на парижскихъ улицахъ стали собираться массы народа, началась суматоха, безпорядки, всевозможныя демонстраціи. На улицахъ загремѣли звуки „Марсельезы", этого стараго революціоннаго гимна, кое-гдѣ произошли небольшія схватки съ муниципальной гвардіей. На слѣдующій день, чтобы подавить безпорядки, правительство стянуло внушительное количество войска. Но и сопротивленіе усилилось въ такой же степени. Выросли баррикады; чтобы добыть оружіе, толпа разбила оружейные магазины. Національная гвардія держалась въ сторонѣ или же выступала посредникомъ между войсками и возставшими, при чемъ явно склонялась на сторону послѣднихъ. Борьба все разгоралась; подъ конецъ она привела въ такой страхъ Людовика-Филиппа, что онъ далъ отставку своему вѣрному министру Гизо и назначилъ министерство Молэ, но это уже не привело ни къ какимъ результатамъ. Буржуазія съ восторгомъ привѣтствовала этотъ „успѣхъ", народу же до него не было никакого дѣла и онъ остался на баррикадахъ. Ярость толпы снова воспламенилась, когда главнымъ начальникомъ войскъ былъ назначенъ жестокій солдатъ, генералъ Бюжо. Въ этомъ увидали предзнаменованіе, что, если возстаніе будетъ подавлено, начнется кровавая реакція. Въ то же время вслѣдствіе одного изъ „недоразумѣній", обычныхъ въ моменты революцій, передъ отелемъ министра Гизо произошелъ конфликтъ между народомъ и войскомъ. Изъ толпы раздался пистолетный выстрѣлъ, войско немедленно отвѣтило залпомъ, и на мѣстѣ осталось свыше пятидесяти человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Толпа съ неистовымъ крикомъ бросилась по улицамъ; республиканскіе лидеры въ горячихъ рѣчахъ призывали къ отмщенію. Въ то время, какъ кварталы буржуазіи были иллюминованы, въ кварталахъ бѣдноты выламывали камни изъ мостовыхъ и баррикады вырастали изъ земли съ волшебною быстротой. Скоро началось ужасное и повсемѣстное сраженіе на улицахъ, которое продолжалось цѣлую ночь. Человѣкъ желѣза и крови, Бюжо, не могъ справиться съ возстаніемъ, тѣмъ болѣе что и линейныя войска оказались не совсѣмъ надежными. Мѣщанская душа Людовика-Филиппа все еще не понимала, что возстаніе направлено противъ него самого и его „системы"; онъ все еще надѣялся, что ему удастся успокоить возставшихъ, разыгравши комедію съ назначеніемъ „либеральнаго" министерства Тьера. Но народъ не удостоилъ это министерство даже крупицей вниманія и продолжалъ борьбу. Тогда мужество Людовика-Филиппа окончательно изсякло: онъ отрекся отъ престола, предварительно назначивъ своимъ преемникомъ своего внука, графа Парижскаго, а его мать, герцогиню Орлеанскую,—регентшей. Въ величайшемъ униженіи король биржи покинулъ арену своего восемнадцатилѣтняго управленія, представлявшаго сплошной упадокъ, разложеніе и деморализацію.

Борьба на одинъ моментъ прекратилась, потому что либеральная буржуазія была удовлетворена такимъ результатомъ. Но муниципальные гвардейцы опять привели народъ въ раздраженіе, и по улицамъ прогремѣлъ бурный крикъ: „Въ Тюльери!" Борцы съ баррикадъ колос-

сальной толпой двинулись къ древнему дворцу королей. Немногіе защитники были сломлены и зданіе взято приступомъ. Внутри дворца все было разрушено, но ничего не украдено. На стѣнахъ Тюльери сдѣлали надпись: „Національная собственность“. Тронъ Людовика-Филиппа выволокли наружу и потомъ, при стеченіи необозримой толпы, сожгли на площади Бастиліи, у подножія колонны, поставленной въ память іюльской революціи (1830 года).

Между тѣмъ въ палатѣ депутатовъ разыгралась сцена, полная драматизма. Тамъ искала убѣжища герцогиня Орлеанская со своими двумя сыновьями. Палата въ нерѣшительности колебалась между регентствомъ и временнымъ правительствомъ. Но вдругъ въ палату вторгся народъ: покрытые пороховымъ дымомъ борцы съ баррикадъ и блузники; бурные крики: „Долой Бурбоновъ! Да здравствуетъ республика! Временное правительство!“ положили конецъ безтолковымъ дебатамъ. Герцогиня Орлеанская скрылась, а съ ней и депутаты-роялисты. Власть захватили въ свои руки остатокъ палаты и народъ, которые учредили временное правительство. Членами этого правительства были избраны Ламартинъ, получившій извѣстность какъ поэтъ и ораторъ оппозиціи въ палатѣ, „умѣренные“ республиканцы — Кремье, Дюпонъ и Араго, а также „рѣшительные“ республиканцы—Ледрю-Ролленъ, Мари и Гарнье-Пажесъ. Секретарями правительства назначены были Арманъ Марра, Флоконъ, Луи Бланъ и механикъ Альберъ. Назначеніе послѣдняго было уступкой рабочимъ.

Людовикъ-Филиппъ бѣжалъ въ Англію. Города Страсбургъ, Ліонъ, Безансонъ, Авиньонъ, Валансъ, Нарбонна, Байонна, Тулуза, Марсель, Руанъ, Гавръ и т. д. одинъ за другимъ высказались за революцію, такъ что черезъ нѣсколько дней республика была признана цѣлой Франціей. Пальмерстонъ въ свою очередь дружелюбно отнесся къ новому правительству.

Сначала вся Франція представляла картину единодушія. Легитимисты, сторонники Бурбоновъ, признали республику, потому что они больше всего ненавидѣли династію Орлеановъ, выдвинутую революціей. Буржуазія бросилась въ объятія республикѣ, потому что она видѣла во главѣ ея „почтенныхъ“ людей и надѣялась, что они охранятъ Францію отъ „красной“ соціалистической республики. Рабочіе тоже привѣтствовали республику, такъ какъ они питали надежду, что республика дастъ имъ работу, хлѣбъ и защиту противъ эксплуатаціи.

Первые декреты временнаго правительства были встрѣчены бурей восторговъ. Все, казалось, было охвачено блаженствомъ и энтузіазмомъ. Вся средневѣковая нечисть, подъ видомъ двора Орлеановъ царившая надъ Франціей всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, теперь внезапно и безслѣдно исчезла.

Первымъ шагомъ новаго правительства было торжественное объявленіе объ уничтоженіи монархіи во Франціи,—въ первый разъ такое же постановленіе было сдѣлано за 56 лѣтъ передъ тѣмъ. Потомъ временное правительство организовало летучую гвардію изъ 24 батальо-

новъ, по 1.048 человѣкъ въ каждомъ; въ этой гвардіи могли найти для себя прибѣжище многочисленные безработные. Вслѣдъ за тѣмъ временному правительству пришлось приступить къ труднѣйшей задачѣ— къ рабочему вопросу. Оно прекрасно понимало, что необходимо коечто сдѣлать въ интересахъ рабочихъ, иначе снова началась бы борьба. Поэтому правительство приняло такое постановленіе:

„Временное правительство республики беретъ на себя обязательство обезпечить рабочему возможность существовать трудомъ. Оно обязуется доставить работу для всѣхъ гражданъ. Оно признаетъ за рабочими право вступать въ союзы другъ съ другомъ, чтобы достигнуть справедливой оплаты труда. Временное правительство предоставляетъ въ распоряженіе рабочихъ милліонъ, который освободился за уничтоженіемъ цивильнаго листа, т.-е. суммъ, предназначавшихся на содержаніе короля и королевской семьи. Тюльери впредь будетъ служить убѣжищемъ для инвалидовъ труда. Временное правительство немедленно сдѣлаетъ распоряженіе объ организаціи національныхъ мастерскихъ“.

Этотъ декретъ породилъ среди рабочихъ радостныя иллюзіи. Они думали, что наконецъ-то имъ удалось добиться лучшихъ условій существованія и избавиться отъ капиталистической эксплуатаціи. Въ то время никому не приходило въ голову, что національныя мастерскія въ самомъ непродолжительномъ будущемъ удастся повернуть противъ соціализма и противъ самихъ рабочихъ. Буржуа, забравшіеся во временное правительство, полагали, что въ это переходное время цѣлесообразнѣе будетъ со всевозможною тщательностью скрывать свои истинныя намѣренія; они надѣялись, что имъ скоро удастся устранить неудовольствіе капиталистовъ и предпринимателей противъ національныхъ мастерскихъ. А пока что, временное правительство организовало даже „парламентъ рабочихъ“, собиравшійся въ Люксембургскомъ дворцѣ и подъ руководствомъ извѣстнаго соціалиста Луи Блана и „рабочаго“ Альбера обсуждавшій рабочій вопросъ. Простыя обсужденія, конечно, не могли имѣть особеннаго практическаго значенія. Такимъ образомъ временное правительство уже обнаруживало бережное отношеніе къ интересамъ буржуазіи. Но еще больше оно проявилось въ другомъ декретѣ, который устанавливалъ двѣнадцатичасовой рабочій день. Да и этотъ, будто бы „нормальный“, рабочій день былъ установленъ лишь на бумагѣ.

Наконецъ временное правительство распорядилось произвести выборы въ національное собраніе, которое созывалось на 5-е мая и должно было выработать новую, республиканскую, конституцію. Такимъ образомъ всѣ завоеванія революціи, казалось, были обезпечены. Французы переживали прекрасный, но слишкомъ короткій сонъ, отъ котораго они быстро проснулись лицомъ къ лицу съ страшнымъ столкновеніемъ классовыхъ противорѣчій. А въ послѣднемъ итогѣ—кровопролитная гражданская война, пораженіе рабочихъ и, наконецъ, крушеніе ослабленной, истекшей кровью республики.

Но сначала прекрасныя грезы охватили всю Францію. Ламартинъ обратился къ иностраннымъ правительствамъ съ нотой, переполненной завѣреніями въ миролюбіи. Она производила такое впечатлѣніе, какъ будто знаменитый поэтъ превратилъ въ дипломатическій документъ свои лирическія стихотворенія. И развѣ могло быть иначе, когда весь міръ грезилъ о мирѣ, свободѣ и счастьѣ?

Люди, переживавшіе такіе дни, не погружались въ глубокомысленныя размышленія, но всецѣло отдавались впечатлѣніямъ момента. И это стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ природой человѣка. Увидавъ отдаленное мерцаніе новаго міра, люди уже думали, что старый погибъ окончательно. Разочарованіе не заставило себя ждать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мартовскія бури.

Избитой фразой для историковъ, идущихъ по избитымъ дорогамъ, сдѣлалось утвержденіе, будто прокатившееся изъ Франціи въ Германію революціонное движеніе 1848 года застало нѣмцевъ „недостаточно зрѣлыми". Люди, которые утверждаютъ это, убѣждены, что историческіе перевороты обусловливаются „идеями" и что нѣмцы 1848 года стояли на слишкомъ низкомъ интеллектуальномъ уровнѣ и потому не могли усвоить революціонныхъ идей во всей ихъ полнотѣ и цѣлостности. При такомъ школьномъ пониманіи дѣла нѣмцамъ выдаютъ невообразимо плохой аттестатъ и, несмотря на ихъ классическую литературу, несмотря на революцію, которую они произвели въ области философіи, ставятъ ихъ на болѣе низкій уровень, чѣмъ французскихъ крестьянъ 1789 года, которые сумѣли усвоить идеи революціи. На самомъ же дѣлѣ главное заключалось не въ „неразвитости" нѣмцевъ, а въ неразвитости общественныхъ отношеній: въ Германіи 1848 года процессъ соціально-экономическаго разслоенія зашелъ еще не настолько далеко, чтобы классовыя противорѣчія выступили съ полной рельефностью и пробудили въ широкихъ массахъ ихъ классовое самосознаніе. Въ противномъ случаѣ нѣмецкій народъ, несомнѣнно, лучше бы отстаивалъ во время революціи свои интересы, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

Вихрь, вызванный французской революціей, прокатился надъ цѣлой Германіей и по своему пути все захватилъ въ свою сферу. Союзный сеймъ, государи, привилегированные разнаго рода, юнкеры и крупные капиталисты, дипломаты и бюрократы — все это, преисполненное удивленія и смущенія, стояло передъ наводящимъ страхъ взрывомъ, который такъ быстро, въ одну ночь битвы на баррикадахъ, покончилъ съ „системой" Луи-Филиппа, имѣвшей видъ такой прочности. Что касается народа—для него парижская революція представлялась первымъ проблескомъ новаго времени, мелькнувшимъ среди долгой ночи угнетенія и нужды. Вся Германія какъ бы слилась въ одномъ мощномъ крикѣ восторга. Повсюду собираются толпы людей, возбужденныхъ, схватывающихъ всякіе слухи, преисполненныхъ страха или надежды, смотря по ихъ интересамъ. Газеты, тогда еще слишкомъ маленькія и бѣдныя

собственными корреспонденціями, уже не могли удовлетворить предъявлявшимся къ нимъ требованіямъ. Передъ редакціями народъ тѣснился толпами. Безъ всякаго предварительнаго уговора составлялись народныя собранія, на которыхъ прочитывались новѣйшія извѣстія; такъ же безъ подготовки выступали передъ народомъ импровизированные ораторы, которые объясняли всѣ происшествія. Такимъ образомъ возникли совершенно новыя формы политической жизни. Движеніе охватило не одни города, но и деревни. Разумѣется, проносились и распространялись и самые безсмысленные и самые нелѣпые слухи. Биржа прямо остолбенѣла отъ замѣшательства, особенно когда изъ Парижа пришло извѣстіе, что парижскій домъ Ротшильдовъ примкнулъ къ революціи: никто не сомнѣвался, что Ротшильдамъ не по нутру итти съ меньшинствомъ. Назначеніе „рабочаго" Альбера секретаремъ временнаго правительства еще больше усилило страхи капиталистовъ и биржевиковъ.

Сверху употребляли всѣ старанія, чтобы породить въ массахъ ужасъ передъ французскимъ переворотомъ; по внушенію свыше газеты увѣряли, будто Германіи слѣдуетъ ожидать вторженія французскаго революціоннаго войска. „Всеобщая Прусская Газета" постаралась посодѣйствовать этимъ измышленіямъ и выступила съ офиціозной статьей, въ которой говорилось между прочимъ:

„На первомъ планѣ мы обращаемся къ германскимъ монархамъ и племенамъ съ призывомъ: будьте едины и единеніемъ сильны! Это возвѣщаетъ намъ огненными языками и исторія нашего времени по отношенію къ западному сосѣду. Мы далеки отъ мысли о вмѣшательствѣ во внутреннія отношенія Франціи; пусть она устраиваетъ ихъ, какъ ей самой нравится. Но и осторожность и живыя воспоминанія о недавней эпохѣ величайшаго униженія отечества германцевъ повелѣваютъ намъ напряженно слѣдить за всѣми движеніями во Франціи на тотъ случай, чтобы, если тамъ вновь пробудятся аппетиты къ германской землѣ, можетъ быть, въ соотвѣтствіи съ зрѣющими тамъ теоріями, замаскированные въ стремленіе осчастливить народы,—чтобы Германія выступила тогда, вполнѣ готовая серьезно отразить всякое нападеніе, не останавливаясь даже передъ кровопролитіемъ, если то будетъ необходимо".

Добрый надворный совѣтникъ расточилъ въ этой скучной статьѣ послѣдніе остатки угасающей, обанкротившейся государственной мудрости, почерпнутой имъ въ правящихъ сферахъ. Итакъ, ему хотѣлось, чтобы нѣмцы на самомъ дѣлѣ повѣрили, будто французы сдѣлали свой переворотъ съ одной единственной цѣлью, чтобы потомъ жадно наброситься на Германію. Многіе мѣщане повѣрили такимъ пошлымъ искаженіямъ фактовъ или же они только дѣлали видъ, что вѣрили этому. Но масса народа не поддалась на удочку, не дала убѣдить себя, что враговъ Германіи слѣдуетъ искать среди членовъ новаго французскаго правительства, и не позволила отвлечь свое вниманіе отъ политическихъ отношеній на родинѣ.

На Рейнѣ, въ юго-западной Германіи, гдѣ еще сохранялись самыя живыя воспоминанія о великой французской революціи, движеніе разрослось съ стихійною силой. Когда по Рейнскимъ провинціямъ распространилась вѣсть о паденіи іюльской монархіи, это произвело такое дѣйствіе, какъ будто молнія ударила въ бочку, наполненную порохомъ. Движеніемъ овладѣла, во главѣ его встала либеральная буржуазія, которая тогда еще не такъ рѣзко, какъ нѣсколько позже, раздѣлялась на умѣренную и радикальную часть. Стремленіе народной массы къ свободѣ выразилось въ тысячѣ различныхъ желаній и требованій. Лидеры либерализма взяли на себя выдѣлить изъ желаній такія, которыя представлялись цѣлесообразными для нихъ, объединили ихъ и съ полученными такимъ образомъ „требованіями народа" грозно выступили передъ тронами, опираясь на народныя массы. Понятно поэтому, что во многихъ адресахъ и петиціяхъ мартовскихъ дней нашли себѣ мѣсто почти только одни требованія либеральной партіи, выраженныя съ большей или меньшей рѣшительностью, въ зависимости отъ различія въ оттѣнкахъ либерализма. Масса восторженно заявляла о своемъ сочувствіи этимъ требованіямъ; она полагала, что съ ихъ удовлетвореніемъ революція еще не достигнетъ своего завершенія; она жила туманной надеждой, что движеніе должно, наконецъ, достигнуть до такого пункта, когда будетъ рѣшено положить конецъ нуждѣ и бѣдности массъ.

Въ большинствѣ адресовъ говорилось, что пришелъ „часъ опасности". Это означало, что Германіи угрожаетъ нападеніе Франціи и что государи и народы путемъ удовлетворенія либеральныхъ требованій должны составить единое цѣлое, чтобы отразить нападеніе извнѣ. Несомнѣнно, въ Германіи лишь немногіе серьезно вѣрили въ это нападеніе. Но зато фразеры либерализма и конституціонализма могли по этому случаю пуститься въ безконечныя разглагольствованія и придать адресамъ и петиціямъ высокопарность стиля, безъ чего либерализмъ никогда не обойдется въ такихъ случаяхъ.

Такимъ образомъ массы мощно заволновались; въ первыя недѣли восторговъ онѣ не поддались искусственно распространяемому страху передъ французскимъ нашествіемъ, и, несмотря на то, „народныя требованія" тѣхъ дней поражаютъ своей скромностью. Дѣло въ томъ, что ихъ восприняли отъ купели и подвергли обрѣзанію либеральные воспріемники германской революціи. Требовали свободы печати, публичнаго и устнаго судебнаго разбирательства, суда присяжныхъ, народной милиціи съ свободнымъ избраніемъ начальниковъ, свободы вѣроисповѣданія, права союзовъ и собраній, всеобщаго избирательнаго права, либеральныхъ, пользующихся популярностью министровъ и, въ общемъ, истинно конституціоннаго строя. Требованія эти въ существенныхъ чертахъ почти повсюду были одни и тѣ же. Признакомъ поразительной скромности является то обстоятельство, что сотни тысячъ, даже милліоны нѣмцевъ, у которыхъ отъ голода бурчало въ животѣ, не потребовали больше, пользуясь такимъ великимъ, всеобщимъ броженіемъ.

Движенie разрасталось съ такой мощной силой и такъ быстро прокатывалось черезъ отдѣльныя государства, что союзному сейму, засѣдавшему во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, сдѣлалось страшно передъ громомъ и рокотомъ народнаго духа, сбрасывающаго оковы. „Собранie мумiй“ на Большой Эшенгеймской улицѣ поблѣднѣло отъ ужаса. Союзный сеймъ уже перваго марта 1848 года издалъ прокламацiю, въ которой нѣмецкому народу былъ данъ рядъ неопредѣленныхъ, общихъ обѣщанiй и между прочимъ было сказано:

„Германiя будетъ и должна быть поднята на уровень, который подобаетъ ей среди нацiй Европы“.

Союзный сеймъ говорилъ дальше о „законномъ прогрессѣ“ и о „развитiи къ единству“. „Злонамѣренные“ люди спрашивали, почему же союзный сеймъ уже тридцать лѣтъ тому назадъ не пришелъ къ такимъ убѣжденiямъ. Масса же народа вовсе не помышляла о „мумiяхъ“ и заботилась только о томъ, чтобы своими собственными силами провести свои желанiя и требованiя у владыкъ сорока нѣмецкихъ отечествъ.

Во время мартовскихъ бурь во главѣ запада и юго-запада Германiи шелъ маленькiй Баденъ. Географическое положенiе, конституцiя, а также темпераментъ его населенiя уже давно пробудили его къ сравнительно богатой содержанiемъ политической жизни. Уже 27 февраля въ Мангеймѣ состоялось большое собранie гражданъ, которое носило очень революцiонный характеръ. Предсѣдательствовалъ на немъ старый Ицштейнъ. Мати, который всего за четыре дня передъ тѣмъ говорилъ въ палатѣ, что нѣмцамъ пора, наконецъ, „попытаться д ѣ й с т в о в а т ь н е о б у з д а н н о с т ь ю“,—этотъ самый Мати, а также Бассерманъ старались ослабить энтузiазмъ собранiя и говорили только объ осмотрительности. Имъ казалось, что движенie уже перешло за тѣ границы, въ которыхъ либерализмъ намѣревался задержать воспрянувшую Германiю. Но демократическое теченie побѣдило въ собранiи; послѣднее постановило, чтобы четыреста мангеймскихъ гражданъ представили въ Карлсруэ второй палатѣ „бурную петицiю“, петицiю натиска. Петицiя говорила о благосостоянiи, образованiи и свободѣ для всѣхъ классовъ— извѣстная фраза Густава Струве, — а изъ положительныхъ требованiй выставила такiя, какъ народная милицiя, свобода печати, суды присяжныхъ и германскiй парламентъ.

Въ палатѣ петицiю энергично поддержали Геккеръ и другiе радикальные депутаты. Правительство сначала ограничилось одними лишь обѣщанiями. Но 1 марта въ Карлсруэ составились огромныя сборища людей; въ трактирахъ этого столь мѣщанскаго въ то время города послышались возгласы: „Да здравствуетъ республика!“. Среди массы населенiя наибольшимъ сочувствiемъ пользовались взгляды Геккера и Струве. Подъ впечатлѣнiемъ разрастающагося движенiя палата приняла новую петицiю, которая содержала радикальную программу, выработанную въ 1847 году въ Оффенбургѣ, и говорила о германскомъ парламентѣ, созданномъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, а также объ „уничтоженiи всѣхъ привилегiй“ и объ „устраненiи неправильныхъ

отношеній между капиталомъ и трудомъ". Великій герцогъ далъ отставку тремъ реакціоннымъ министрамъ, возбуждавшимъ ненависть: Блиттерсдорфу, Регенауеру и Трефурту. 5 марта правительство заявило, что оно выработаетъ законопроекты въ соотвѣтствіи съ постановленіями палаты. Такимъ образомъ баденская „революція" была закончена. Всѣ предались выраженіямъ радости и восторговъ. Объятые ликованіемъ бюргеры восклицали: „Наши надежды не знаютъ предѣловъ". Все разукрасилось черно-красно-золотыми лентами и кокардами.

Движеніе изъ Бадена безъ труда перешло въ сосѣдній Вюртембергъ, гдѣ не было недостатка въ поводахъ для недовольства. Бюрократы, такъ называемые „строчилы", составляли въ этой странѣ особую касту, которая утверждала за собою господство, не допуская въ своихъ бракахъ притока крови извнѣ; эти „строчилы" такъ „управлялись" со швабами, что почти совершенно уничтожили въ нихъ способность сопротивляться угнетенію сверху. Тѣмъ не менѣе въ палатѣ образовалась маленькая, но энергичная либерально-демократическая оппозиція: Уландъ, Пфицеръ, Шоттъ, Тафель и Ремеръ. Она вела упорную, но въ общемъ довольно-таки безуспѣшную борьбу противъ бюрократической системы министерства Шлайера. Однако, когда пришли извѣстія изъ Парижа, даже швабы стряхнули съ себя свою прежнюю лойяльность. По всей странѣ разразилась буря противъ правительства, противъ „строчилъ" и ханжей. Въ штутгартской ратушѣ граждане собирались толпами. 2 марта состоялось огромное народное собраніе и постановило выступить съ петиціей, въ которую оппозиціонный депутатъ Ремеръ внесъ всѣ „народныя требованія". Какъ эту петицію, такъ и цѣлый рядъ другихъ, полученныхъ изъ различныхъ частей государства, представили королю. Между тѣмъ въ Штутгартъ стянули войска и держали орудія въ готовности; однако дѣло не дошло до столкновеній, заслуживающихъ упоминанія. Пробилъ часъ для господина фонъ-Шлайера, онъ получилъ отставку. Королю думалось, что онъ сумѣетъ унять бурю, если составитъ министерство, во главѣ котораго встанетъ реакціонеръ, господинъ фонъ-Линденъ. Но хотя уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ цензура была уничтожена, швабы на этотъ разъ оказались не достаточно наивными для того, чтобы удовлетвориться простой перемѣной декорацій въ правящихъ сферахъ. Они потребовали, чтобы правительственныя мѣста были заняты лицами, которыя пользовались народнымъ довѣріемъ. Подъ давленіемъ обстоятельствъ пришлось призвать въ министерство Пауля Пфицера и Дювернуа, а тѣ въ свою очередь настояли на томъ, чтобы и Ремеръ былъ министромъ. Такимъ образомъ либерализмъ получилъ теперь представительство въ правящихъ сферахъ,— трехъ „мартовскихъ министровъ". Можно представить себѣ, какое ликованіе воцарилось теперь въ Швабіи: Ремеръ былъ вѣдь признанный глава либеральной оппозиціи въ палатѣ. Отъ „мартовскихъ министровъ" ожидали, что они въ полной мѣрѣ удовлетворятъ народныя требованія, и министры обнаружили нѣкоторыя поползновенія въ такомъ направленіи. Казалось, что духъ времени овладѣлъ даже швабской аристокра-

тіей. Феодалы и имперскіе рыцари прежде противились выкупу их рентъ за 25 процентовъ; теперь они сами предлагали 12—16 процентовъ. Это были такія знаменія и чудеса, которыя въ Швабіи, прославленной странѣ сословныхъ и классовыхъ предразсудковъ, въ прежнее время никому и не снились. А теперь это была сама подлинная дѣйствительность.

Конечно, у швабскихъ феодаловъ были при этомъ свои резонныя основанія, какъ у французскаго дворянства, когда національное собраніе дѣлало свои постановленія въ знаменитую ночь 4 августа 1789 г. Въ то время французскіе крестьяне начали разрушать помѣстья, и господа быстрехонько пошли на уступки, — только бы возстановить спокойствіе и спасти то, что еще было возможно спасти. То же произошло въ Баденѣ и Вюртембергѣ. Когда крестьяне увидѣли, что, пользуясь движеніемъ, они могутъ сбросить съ себя феодальныя повинности, они заволновались, какъ въ эпоху крестьянской войны, и стали „собираться толпами, словно пчелы, когда ихъ выгоняютъ изъ улья“. Казалось, будто баденскіе и вюртембергскіе крестьяне припомнили, какъ ихъ предки болѣе чѣмъ за триста лѣтъ передъ тѣмъ сражались въ великихъ битвахъ при Беблингенѣ и Кенигсгофенѣ за свои старыя вольности, отстаивая ихъ противъ феодальнаго дворянства, несущаго убійства и грабежи. Теперь, когда массы населенія въ городахъ пришли въ броженіе, а въ деревнѣ заволновались крестьяне, паническій страхъ охватилъ собственниковъ и привилегированныхъ. Имъ уже думалось, что наступилъ канунъ соціальной революціи, которую ужъ никакъ не удовольствуешь одними „требованіями народа“, формулированными буржуазнымъ либерализмомъ. Потому-то дворянство и обнаружило такую сговорчивость и, соединившись съ либеральной буржуазіей, поспѣшило удовлетворить крестьянъ. Вѣдь если начинаютъ бунтовать даже крестьяне, этотъ консервативный элементъ, въ которомъ обыкновенно видятъ плотину противъ всѣхъ революціонныхъ стремленій, тогда и либеральному мѣщанству кажется, что скоро пробьетъ послѣдній часъ его комфортабельнаго существованія.

Крестьяне пока что обнаруживали большую необузданность. Отблески деревенскихъ пожаровъ скоро отразились на городахъ. Раньше всего, въ первыхъ числахъ марта, они начались въ Баденѣ. Въ Оденвальдѣ и Таубенгрундѣ,—какъ разъ тамъ же, гдѣ 323 года тому назадъ разразилась крестьянская война во Франконіи,—въ Крайхгау и на Неккарѣ крестьяне собирались толпами и нападали на замки землевладѣльцевъ-дворянъ, особенно такихъ, довѣренные которыхъ возбудили ненависть своею жестокостью. Феодальные документы, книги для записи рентъ и долговъ летѣли въ огонь. Во многихъ случаяхъ ихъ пришлось жечь самимъ помѣщикамъ, вынужденнымъ къ этому крестьянами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Эльзасѣ, въ Брухзалѣ, въ Таубенгрундѣ, движеніе направилось противъ евреевъ. Толпа разрушала ихъ дома, уничтожала имущество. Демократическіе депутаты баденской палаты въ справедливомъ негодованіи протестовали противъ преслѣдованія

евреевъ. Но они, конечно, заблуждались, открывая „руку реакціи“ даже въ уничтоженіи феодальныхъ документовъ и высказывая подозрѣнія, будто бунты крестьянъ вызваны агентами реакціонеровъ съ той цѣлью, чтобы вызвать тоску по сильномъ полицейскомъ правительствѣ и раскаяніе въ либеральномъ расшатываніи существующей правительственной системы. Здѣсь, какъ и повсюду, взрывъ народнаго гнѣва имѣлъ стихійный характеръ и совершенно естественно направился противъ ближайшихъ символовъ ненавистнаго строя; а таковыми, несомнѣнно, должны были представляться феодальные замки, „рентные чиновники“ и прочіе остатки средневѣковщины. Правительство отправило войска въ пункты, въ которыхъ крестьяне обнаружили рѣшительное непокорство. Въ то же время оно постановило, что за причиненные убытки и вредъ отвѣчаютъ цѣликомъ сельскія общества, члены которыхъ принимали участіе въ безпорядкахъ. Но потомъ оно разомъ отмѣнило всѣ еще сохранявшіяся феодальныя повинности, а разрѣшеніе вопроса о какомъ-либо вознагражденіи за нихъ отложило до будущаго времени. Крестьяне тотчасъ же успокоились, потому что теперь они достигли того, чего они требовали.

То же самое произошло въ Вюртембергѣ. Крестьяне, особенно въ Гогенлоэ, ненавидѣли нѣкоторыхъ сборщиковъ платежей, какъ „живодеровъ“; сборщики съ ужасомъ наблюдали, какъ крестьяне стали собираться въ толпы. Передъ ихъ очами выступали ужасающія картины 1525 года: „красная пасха“ въ Вейнсбергѣ, свирѣпый Жаклейнъ Рорбахъ изъ Беккингена, который приказалъ „принять въ копья“ графа Гельфенштейна и тринадцать рыцарей и помѣщиковъ. Въ 1848 году крестьяне начали возстаніе прежде всего тоже въ Вейнсбергской долинѣ,—какъ разъ тамъ, гдѣ разыгрались кровавыя сцены крестьянской войны 1525 года. Но, несмотря на всю безпредѣльность ужаса, охватившаго замки и канцеляріи, дѣло обошлось не такъ худо, какъ въ 1525 году. На замокъ Вейлеръ напали три сотни крестьянъ. Въ великолѣпно обставленномъ замкѣ не было украдено цѣнныхъ вещей ни на грошъ, но документы, до ничтожныхъ клочочковъ включительно, подверглись сожженію. „Эвонъ, опять взлетѣлъ пѣтушокъ!“ кричали крестьяне, когда искры разлетались въ стороны. Дѣло въ томъ, что имъ приходилось доставлять въ конторы по сбору рентъ множество куръ. Пламя било въ вышину; въ Вейнсбергѣ подумали, что горитъ самый замокъ, и отправили пожарныя трубы. Черезъ два дня прибыли двѣ сотни солдатъ, но сельское населеніе было въ такомъ угрожающемъ настроеніи, что пришлось опять отпустить на волю уже арестованныхъ „подстрекателей“.

Въ Нидерштеттенѣ дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ. Тамъ, въ замкѣ Гогенлоэ, крестьяне стащили въ кучу феодальныя записи и подожгли. Пламя охватило не только бумаги, но и самый замокъ и спалило его большую часть. Тѣмъ, кто хотѣлъ тушить пожаръ, препятствовали съ оружіемъ въ рукахъ. „То же самое будетъ еще съ семью зáмками!“ раздавалось изъ толпы крестьянъ.

Въ другихъ мѣстахъ — въ Шварцвальдѣ, близъ Нейенбурга, въ области Кохера, Якста—устраивались кошачьи концерты, поднималась тревога. Дворяне-землевладѣльцы пришли въ такой ужасъ, что многіе добровольно отказались отъ оброковъ и рентъ. Ходили смутные слухи. объ обширномъ заговорѣ крестьянъ, которые будто бы должны нагрянуть изъ долинъ и сравнять съ землею все, что еще напоминало объ эпохѣ феодализма. По трактирамъ раздавались возгласы: „Долой піявокъ, долой вертепы разбойниковъ!“.

Назначеніе „мартовскихъ министровъ“ и тотъ фактъ, что сословія сами предложили уничтожить феодальныя повинности и измѣнить законы объ охотѣ, успокоили крестьянъ. Мартовскіе министры, какими бы плохими политическими дѣятелями они ни оказались въ другихъ отношеніяхъ, превосходно разрѣшили свою задачу: не дать народному движенію пойти дальше, чѣмъ то представлялось полезнымъ почтенной „либеральной“ буржуазіи. Такимъ образомъ и для поборниковъ реакціи открылась возможность опять занять прочную позицію, потому что невиннымъ агнцамъ въ родѣ Пфицера и Дювернуа не по плечу были интриги и происки старой придворной партіи. Дѣлая все возможное, чтобы успокоить крестьянъ, либерализмъ самъ перерѣзывалъ у движенія его революціонный нервъ. Послѣ того, какъ съ крестьянина сняли феодальныя повинности, онъ тотчасъ же опять впалъ въ свою обычную апатію и толковалъ уже только о спокойствіи и порядкѣ. Болѣе того, онъ уже въ буквальномъ смыслѣ слова ненавидѣлъ этихъ „горожанъ“, которые никакъ не хотѣли успокоиться, и совершенно забывалъ, что именно ихъ волненія и привели къ устраненію феодальныхъ повинностей. Съ этого времени крестьяне сдѣлались консервативны, антиреволюціонны и до фанатизма привержены къ порядку; свои руки они предоставили въ распоряженіе реакціи.

Видѣть въ быстромъ успокоеніи крестьянъ тонко и заранѣе обдуманное дѣло реакціи было бы слишкомъ ужъ много. Реакціонные интриганы въ бурные мартовскіе дни слишкомъ были подавлены паническимъ страхомъ, такъ что не въ состояніи были ясно уразумѣть положеніе. На самомъ дѣлѣ и аристократія и либеральная буржуазія дѣйствовали, руководимыя слѣпыми классовыми инстинктами. Возстаніе сельскаго населенія, въ то время какъ города волновались, представлялось имъ преддверіемъ къ безбрежной соціальной революціи, которая угрожаетъ все поглотить: и остатки отжившаго феодальнаго міра, и вмѣстѣ съ ними зачатки новаго буржуазнаго общества. Поэтому по отношенію къ крестьянамъ были настолько же уступчивы, насколько непреклонны по отношенію къ рабочему населенію городовъ. Удовлетворивши крестьянъ, не трудно было расправиться съ поползновеніями къ соціальной революціи въ городахъ.

Въ Баваріи еще не улеглось возбужденіе, вызванное скандаломъ изъ-за Лолы Монтесъ. Вѣсть о парижской революціи немедленно повела къ очень серьезному броженію въ большихъ городахъ. Нюрнбергъ прежде всѣхъ представилъ королю извѣстныя требованія народа; за

нимъ послѣдовали Мюнхенъ и другіе города. Людвигъ, который все еще не могъ утѣшиться послѣ утраты Лолы, оказался упрямымъ. Онъ соглашался созвать на 31 мая только собраніе сословій. Но 2 марта въ Мюнхенѣ прерванный спектакль снова возобновился. Іезуиты искусно раздули всеобщее недовольство и направили его противъ „министерства Лолы", особенно противъ Беркса, одного изъ его членовъ. „Долой Лолино министерство!" прогремѣло по улицамъ и было написано на всѣхъ стѣнахъ, гдѣ только это казалось удобнымъ. Толпа разгромила домъ Беркса, а также нѣкоторыя общественныя зданія. Войско держалось безучастно, а когда къ вечеру начали воздвигать баррикады, оно ни на кого не дѣлало нападеній.

Людвигъ оставался нерѣшительнымъ и ни на что не соглашался. Но вотъ 4-го марта распространился слухъ, будто король возложилъ на князя Вреде своего рода военную диктатуру и тотъ намѣренъ картечью расправиться съ мюнхенцами, проявившими такъ мало лойяльности, вѣрноподданическихъ чувствъ. Тогда въ Мюнхенѣ все вооружилось, что только могло носить оружіе. Арсеналъ разгромили. Буржуа и рабочій, богатый и бѣдный — все населеніе выступило съ полнымъ единодушіемъ. Король устрашился и сдѣлалъ маленькую уступку: сословія должны собраться на 16 марта. Но народъ этимъ не удовлетворился. Волненія продолжались. Изъ всѣхъ частей государства приходили „бурныя петиціи" съ извѣстными народными требованіями. 6-го марта опять поговаривали, что въ народъ будутъ стрѣлять; опять улицы покрылись вооруженной толпой. Она не пренебрегала даже самымъ древнимъ оружіемъ: палицами, пиками, аллебардами и арбалетами, захваченными въ арсеналѣ.

Людвигъ далъ теперь обѣщаніе, что онъ прикажетъ войску присягнуть конституціи; послѣ этого наступило нѣкоторое успокоеніе. Но 8-го марта распространился слухъ, будто Лола опять въ Мюнхенѣ; разсказывали, будто ее видѣли переодѣтой въ мужское платье. Дѣйствительно, у нея было свиданіе съ королемъ. Придворно-пивоваренные революціонеры, которыхъ іезуиты водили на помочахъ, тотчасъ опять устремились на улицы и возбудили толпу. Но Лолу не сумѣли найти. Движеніе не остановилось, — не остановилось даже тогда, когда на мѣсто ненавистнаго Беркса „мартовскимъ министромъ" былъ назначенъ депутатъ Тонъ-Диттмеръ, лидеръ либеральной партіи. Изъ этого ясно видно, что дѣло не обходилось безъ руки клерикальной реакціонной партіи. 16-го и 18-го марта отношенія между народомъ и войскомъ сдѣлались въ особенности угрожающими. Толпа сдѣлала нападеніе на зданіе полиціи и уничтожила тамъ документы. Тогда Людвигъ согласился на отставку Лолы. Полицейскія власти получили распоряженіе задержать „именующую себя графиней", которая между тѣмъ давнымъ-давно была внѣ Баваріи. Поговаривали, будто клерикально-реакціонная партія намѣревается довести дѣло до переворота или до кровопролитія, чтобы принудить короля къ отреченію отъ престола. Слѣдовательно, Людвигу оставалось только одно: положиться на сомнительную лойяль-

ность либераловъ; но чтобы обезпечить ее, необходимо было удовлетворить извѣстныя „требованія народа“. А это было ему такъ же не по вкусу, какъ и правленіе іезуитовъ. Чувствуя себя всѣми покинутымъ, онъ 20 марта 1848 года самъ рѣшился на отреченіе отъ престола. Его сынъ, Максимиліанъ II, сдѣлался его преемникомъ. Министерство, составленное изъ мартовскихъ либераловъ и домартовскихъ реакціонеровъ, удовлетворило часть извѣстныхъ народныхъ требованій и издало распоряженія о свободѣ печати, гласности судебнаго разбирательства, выкупѣ феодальныхъ повинностей, отвѣтственности министровъ и т. д. Послѣ этого мюнхенцы совсѣмъ успокоились и возвратились къ своимъ пивнымъ кружкамъ, преисполненные сознанія, что они свергли короля и завоевали „гражданскую свободу“.

Въ своей прокламаціи „Королевское слово къ баварцамъ“ Людвигъ заявилъ между прочимъ: „Вѣрный конституціи, управлялъ я; жизнь моя вся была посвящена благу народа, а государственнымъ достояніемъ, деньгами государства, распоряжался я такъ добросовѣстно, какъ будто бы я былъ чиновникъ республики (замѣчательный королевскій комплиментъ республикѣ!)... Даже въ то время, когда я оставляю тронъ, мое сердце горячо бьется для Баваріи, для Германіи“.

Отрекшись отъ престола, Людвигъ сохранилъ за собой изъ цивильнаго листа, изъ получавшагося имъ содержанія, ренту размѣромъ въ полмилліона гульденовъ. Но онъ не скоро обрѣлъ желанный покой: баварская палата депутатовъ рѣшила обстоятельно изслѣдовать дѣло съ греческимъ займомъ. Дѣло въ томъ, что когда Оттонъ, сынъ Людвига, сдѣлался греческимъ королемъ, онъ безъ возраженій со стороны палаты получилъ подъ видомъ займа полтора милліона гульденовъ изъ баварской государственной кассы. Послѣ отреченія Людвига палата депутатовъ, по докладу демократическаго депутата Кольба изъ Шпейера, постановила, что эта сумма подлежитъ возврату въ государственную казну. Она и была возвращена изъ частныхъ имуществъ короля Людвига.

Лола Монтесъ, танцовщица, которая, какъ позже выразился Робертъ Блюмъ во франкфуртскомъ парламентѣ, потрясла своей ногой глубочайшія основы и „почву историческаго права“ въ баварскомъ государствѣ, послѣ изгнанія изъ Баваріи скиталась авантюристкой по Англіи, Франціи, Калифорніи и Австраліи. Женщина, которая нѣкогда низвергала министровъ въ Баваріи и подъ именемъ „Лолиты“ была воспѣта Людвигомъ, умерла въ Нью-Іоркѣ, окруженная нищетой; передъ тѣмъ она читала публичныя лекціи о своихъ похожденіяхъ. Въ какомъ видѣ представлялась вся катастрофа Людвигу I, онъ самъ изобразилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, переполненныхъ причастіями. Въ немъ говорится:

Друзьями, близкими оставленъ,
Иду я въ Божій міръ широкій.
Отъ Бога королемъ поставленъ,
Я былъ великъ, искалъ я воли.

Я васъ любилъ, своихъ дѣтей,—
Отъ васъ же зналъ лишь рядъ скорбей,
Ищу теперь другой я доли.

Надменность знати не прощала,
Что я король и всѣхъ знатнѣе,
И васъ, дѣтей моихъ, предала,
И это мнѣ всего больнѣе.
Мои же слуги, чужды чести,
И клиръ церковный, полный лести,
Отняли скипетръ мой и тронъ.

Въ груди моей одно дышало:
Любовь къ добру, святымъ искусствамъ.
Она народъ мой согрѣвала,
Къ высокимъ направляя чувствамъ.
Теперь вы сыну поклянитесь,
На путь вы правды обратитесь,
Служите сыну всѣмъ вы чувствомъ.

Это безконечно трогательнѣе, чѣмъ заявленіе объ отреченіи, написанное Генрихомъ семьдесятъ вторымъ Рейссъ-Шлейцъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфскимъ, другимъ поклонникомъ Лолы, который извѣстенъ также подъ именемъ „Генриха, рыцаря принциповъ“. Тотъ въ своемъ отреченіи до дна раскрылъ передъ своимъ рейсскимъ народомъ свою монаршую душу и не сказалъ о себѣ ни одного слова лести. Но какова иронія всемірной исторіи: какъ разъ у тѣхъ двухъ нѣмецкихъ монарховъ, которые поддались чарамъ обворожительной авантюристки Лолы Монтесъ,—какъ разъ у нихъ 1848 годъ и унесъ корону и пурпуръ!

Послѣ политическихъ гоненій тридцатыхъ годовъ въ Гессенъ-Дармштадтѣ водворилось спокойствіе; политическое чутье настолько понизилось, что въ палату былъ избранъ даже Георги, палачъ несчастнаго священника Вейдига. Но едва лишь изъ Франціи потянулъ революціонный вѣтеръ, какъ и гессенцы заволновались, и прежде всего подвижные обитатели „золотого Майнца“; они съ большимъ удовольствіемъ вспоминали о томъ времени, когда они входили въ составъ рейнско-французской республики. Авдокатъ Цицъ, лидеръ майнцской демократіи, немедленно представилъ палатѣ депутатовъ въ Дармштадтѣ петицію съ извѣстными народными требованіями, другіе города послѣдовали за Майнцемъ. 2-го марта, при огромномъ стеченіи публики, палата приступила къ обсужденію адреса. Депутатъ Ре, краснорѣчивый дармштадтскій адвокатъ, потребовалъ устраненія бюрократическаго режима и отставки реакціоннаго министерства. Что касается германскаго національнаго собранія, съ требованіемъ созыва его уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ выступилъ депутатъ Генрихъ фонъ-Гагернъ. Правительство обдумывало слишкомъ медленно. Поэтому Цицъ въ большомъ народномъ собраніи въ Майнцѣ сдѣлалъ такое заявленіе: „Сограждане! Уже тридцать лѣтъ, какъ истекъ срокъ по

нашему векселю. Дадимъ еще три дня отсрочки, а потомъ, соединившись со всей провинціей, отправимся въ Дармштадтъ, чтобы лично заявить о нашихъ желаніяхъ“. Въ Дармштадтѣ послѣ этого сдѣлались поуступчивѣе, и Генрихъ фонъ-Гагернъ, который до того времени стоялъ во главѣ конституціонной оппозиціи въ палатѣ, былъ произведенъ въ мартовскіе министры. Кромѣ того, великій герцогъ сдѣлалъ своего сына своимъ соправителемъ. Эти и еще нѣкоторыя мѣропріятія дали гессенскому правительству возможность передохнуть въ теченіе извѣстнаго времени.

Въ Кургессенѣ политическія гоненія и неустанныя усилія курфюрстовъ отмѣнить конституцію 1831 года все время поддерживали значительное возбужденіе. Курфюрстъ Фридрихъ, который управлялъ съ 1847 года, намѣревался раздѣлаться съ слабымъ противодѣйствіемъ сословій и устранить изъ конституціи все, что было въ ней путнаго. Но какъ разъ около этого времени вѣсть о парижскихъ событіяхъ пробудила движеніе въ цѣлой странѣ. Кургессенцы, вообще такіе мастера по части только легальнаго сопротивленія, теперь живо припомнили тотъ долгій позоръ, подъ которымъ они существовали, вспомнили, какъ ихъ предковъ гуртами продавали на иностранную военную службу, какъ тиранствовали надъ ними самими полиція и бюрократія. Народныя требованія были предъявлены съ величайшей рѣшительностью. Гнѣвъ народа съ наибольшей силой обрушился на Шеффера, который раньше стоялъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и пользовался своей властью сурово, жестоко. Положеніе было настолько серьезно, что Шефферъ устрашился, какъ бы съ нимъ не учинили самосудъ, не расправились судомъ Линча, и бѣжалъ черезъ кургессенскую границу. Борьба противъ правительства сконцентрировалась въ Ганау; здѣсь весь народъ всталъ подъ оружіе и приготовился къ борьбѣ, если бы курфюрстъ не захотѣлъ удовлетворить извѣстныхъ требованій. Либеральные жители Ганау не останавливались даже передъ ужасной угрозой: отпасть отъ Кургессена и сдѣлаться дармгессенцами, если курфюрстъ не пойдетъ на уступки. Вотъ какъ далеко зашелъ ганаускій либерализмъ! Но въ глубинѣ, за этими либеральными кулисами, развивалось энергичное движеніе, и въ то время, какъ курфюрстъ отправилъ войска противъ Ганау, вооруженные гессенцы тысячами устремились къ угрожаемому городу, чтобы оборонять его противъ кургессенскихъ войскъ. Войска колебались, а многіе офицеры во всеуслышаніе заявляли: „не слѣдуетъ допускать, чтобы пролилась хотя единая капля крови гражданъ“. Въ Касселѣ передъ курфюрстомъ одна депутація смѣняла другую; всѣ онѣ приходили съ просьбой „даровать“. И курфюрстъ и депутаціи являли при этомъ возвышенное зрѣлище рыночныхъ покупателей и торговцевъ, которые разгнѣванные расходились въ разныя стороны, чтобы потомъ опять возвратиться и снова поторговаться между собой. Въ Ганау опасность кровопролитнаго столкновенія между тѣмъ все возрастала. Жители Ганау, руководимые народнымъ комитетомъ, не шли на уступки. До шести тысячъ воору-

женныхъ людей были готовы отразить нападеніе войскъ, расположившихся передъ городомъ. Да и въ самомъ Касселѣ возбужденіе все увеличивалось. Двадцатитысячная толпа окружила замокъ курфюрста. Начали сооружать баррикады, и только твердость гражданской милиціи предотвратила уличное сраженіе. Въ послѣдній моментъ курфюрстъ уступилъ, населеніе Ганау одержало побѣду безъ всякаго кровопролитія, при чемъ ему не потребовалось даже дѣлаться велико-герцогско-гессенскимъ. Мужественная твердость Ганау произвела величайшее впечатлѣніе во всей Германіи. Побѣдители не злоупотребляли только что завоеванной властью. Дѣло ограничилось тѣмъ, что устроили кошачьи концерты нѣсколькимъ чиновникамъ, пользовавшимся особенной ненавистью, да гражданская милиція съ торжественными церемоніями вытащила изъ полицейскаго зданія знаменитую машину для порки, извѣстную подъ названіемъ „Вольфъ" („Волкъ"), и разнесла ее въ щепки. Уже одинъ этотъ инструментъ достаточно объясняетъ, почему кургессенское населеніе до такой степени ожесточилось противъ правящей бюрократіи.

Правленіе перешло къ мартовскимъ министрамъ, на каковую роль были избраны Випперманъ и Эбергардъ. Эти господа, до марта претерпѣвшіе много преслѣдованій, дѣйствовали, какъ всѣ мартовскіе министры. Они боролись противъ всѣхъ попытокъ итти дальше, чѣмъ шли они сами. Когда наступила реакція, ихъ отстранилъ позорной памяти Гассенпфлугъ, получившій прозвище Гессенфлуха („проклятія гессенцевъ"). Но пока что—все въ Кургессенѣ утопало въ радости и блаженствѣ, ибо жители Ганау одержали же вѣдь полную побѣду.

Въ Нассау взрывъ съ большой силой разразился 1-го марта. Населеніе жило подъ страшнымъ гнетомъ дворянства и бюрократіи; прекрасная маленькая страна превратилась для народа въ юдоль бѣдности и порабощенія. Конституція была пустой формальностью, такъ какъ она устанавливала настолько высокій избирательный цензъ, что во всей странѣ только 73 лица имѣли право быть избранными. Но больше всего ожесточилось населеніе Нассау споромъ изъ-за государственныхъ имуществъ (доменовъ); герцогъ Вильгельмъ, пользуясь содѣйствіемъ своего министра, нѣкоего господина фонъ-Биберштейна, присоединилъ къ своей частной собственности государственные домены, приносившіе два милліона гульденовъ. Крестьяне въ этой странѣ подвергались большимъ угнетеніямъ; они дружно возстали. Герцогъ былъ въ отлучкѣ. Висбаденцы подъ командой адвоката Хергенхана настояли на томъ, чтобы для нихъ открыли арсеналъ и они могли вооружиться. Они выступили съ извѣстными требованіями и прибавили къ нимъ дополнительное: чтобы домены были опять возвращены государству. Крестьяне, которые поняли, что они теперь могутъ освободиться отъ феодальныхъ повинностей, вооружились и толпой двинулись на городъ отъ Вестервальда. Къ 4-му марта въ Висбаденѣ собралось до 30.000 вооруженныхъ людей. Войско не скрывало, что у него нѣтъ никакой охоты связываться съ народомъ. Правительство обѣщало все, но, за отсут-

ствіемъ герцога, ничего не могло гарантировать. Возбужденіе увеличивалось. Наконецъ, въ рѣшительный моментъ, за которымъ должна бы послѣдовать катастрофа, прибылъ герцогъ и согласился на все, что отъ него требовали. Но нассаусцы утратили довѣрчивость и заявили, что они не будутъ платить никакихъ налоговъ, пока всѣ обѣщанія герцога не будутъ исполнены. Герцогъ согласился и на это. Въ общемъ герцогъ особенно гнѣвался на революціонеровъ за то, что ему приходилось разстаться съ доменами. Крестьяне успокоились, а бюргеровъ успокоивалъ „другъ народа“ Хергенханъ. Теперь каждый крестьянинъ получилъ право рубить дрова и стрѣлять дичь на своихъ поляхъ. Феодальныя повинности были уничтожены. Тогда съ нассаускими крестьянами произошло то же, что и со швабскими: они, сложивъ руки, поглядывали, какъ-то „горожане“ одни устроятъ „свои дѣла“. А бюргеры въ свою очередь, какъ и повсюду, были увѣрены, что съ политическими уступками они добились всего.

Саксонія уже въ то время сдѣлалась очагомъ либеральныхъ и радикальныхъ организацій. При вѣсти о переворотѣ въ Парижѣ и въ разныхъ частяхъ Германіи движеніе началось прежде всего въ Лейпцигѣ. Тамъ во главѣ либерально-конституціонной партіи стоялъ Робертъ Блюмъ; изъ пролетаріевъ онъ собственными силами добился до положенія зажиточнаго бюргера и книгопродавца и пользовался широкой извѣстностью, какъ народный трибунъ. Уже въ 1845 году, при извѣстномъ кровопролитіи около „Прусской гостиницы“ въ Лейпцигѣ, Робертъ Блюмъ показалъ, насколько велико его вліяніе на народныя массы. Заодно съ нимъ дѣйствовали Бидерманъ, который былъ представителемъ либеральной буржуазіи, и Арнольдъ Руге, въ то время еще красный республиканецъ. Хотя въ Саксоніи кое-гдѣ уже заявили о себѣ соціалистическія требованія, тѣмъ не менѣе всѣ теченія пока что сливались въ общій потокъ. Поэтому рѣшено было представить королю адресъ съ обычными требованіями. Бидерманъ набросалъ проектъ его въ самыхъ робкихъ выраженіяхъ; Блюмъ придалъ ему болѣе рѣшительную формулировку. Городскіе гласные приняли адресъ и отправили его къ королю. 2-го марта, въ 9 часовъ вечера, былъ полученъ отвѣтъ. Громадная толпа народа въ очень возбужденномъ настроеніи, распѣвая „Марсельезу“, собралась въ ратушѣ и кругомъ ратуши. Возбужденіе увеличилось, когда былъ возвѣщенъ королевскій отвѣтъ. „Король,—говорилъ Бидерманъ съ балкона ратуши,—принялъ насъ очень любезно, выслушалъ насъ съ большимъ волненіемъ, иногда даже слезы показывались у него на глазахъ, и далъ намъ собственноручно написанный отвѣтъ, бумага котораго, несомнѣнно, сохраняетъ слѣды слезъ“.

Все это было, конечно, до чрезвычайности трогательно. Менѣе трогателенъ былъ самый отвѣтъ короля. Онъ, коротко отринувши всѣ требованія, утверждалъ, что городскіе гласные Лейпцига не являются представителями народа, что народъ не за нихъ, и просто-напросто дѣлалъ имъ выговоръ за ихъ дѣйствія.

Толпа пришла въ ярость и прежде всего повалила къ дому Брокгауза, депутата ландтага, устроила передъ нимъ кошачій концертъ и вышибла окна. Брокгаузъ спасся отъ народнаго гнѣва, провозгласивши „виватъ“ свободѣ печати, и далъ обѣщаніе, что онъ будетъ впредь голосовать противъ реакціоннаго министерства. Блюму на время удалось успокоить разбушевавшуюся толпу. Городскіе гласные рѣшили отправить въ Дрезденъ новую депутацію. Потребовали отставки цензоровъ. Цензоры, устрашенные, и на самомъ дѣлѣ подали въ отставку, при чемъ опубликовали заявленіе, въ которомъ они, сами господа цензоры, утверждали, что цензура ведетъ къ погибели государства. Долгонько же поработали эти господа надъ „разрушеніемъ государства“! Да, въ калейдоскопѣ революціи мелькаетъ много комичныхъ фигуръ.

Король не хотѣлъ уступать. Онъ выразилъ прискорбіе по тому случаю, что „одна единственная коммуна“ выступила на путь „петицій“, который не подобаетъ для нея; онъ намѣренъ обсудить вопросъ только со своими земскими чинами, которыхъ онъ обѣщалъ созвать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но не такъ-то легко было отдѣлаться отъ лейпцигцевъ,—тѣхъ самыхъ лейпцигцевъ, которые въ 1830 году добились свободы куренія, полиціи безъ отточеннаго оружія и гражданской гвардіи. Было рѣшено настаивать на исполненіи требованій и вооружаться. Если бы король не уступилъ, намѣревались толпой двинуться на Дрезденъ.

Возбужденіе охватило всю Саксонію, особенно послѣ того, какъ король отвергъ адресы шести другихъ городовъ и на заявленія Шведлера, меранскаго бургомистра, отвѣтилъ: „Я не имѣю сказать вамъ ничего больше, какъ только: прощайте!“.

Лейпцигцы сдѣлали приготовленія, чтобы массою двинуться въ Дрезденъ къ тому времени, когда тамъ откроется ландтагъ; было замѣтно, что за ними послѣдуетъ чуть не половина Саксоніи. Но это показалось королю уже слишкомъ опаснымъ, тѣмъ болѣе что и сами дрезденцы примыкали къ движенію. Въ резиденціи происходили безпорядки, устраивались сборища на улицахъ. Король рѣшилъ, наконецъ, уступить. Онъ далъ отставку реакціонному министерству, и Саксонія получила своихъ мартовскихъ министровъ. Къ управленію были призваны либеральные депутаты Браунъ и Оберлендеръ, но вмѣстѣ съ ними несомнѣнный реакціонеръ фонъ-деръ-Пфордтенъ, который тотчасъ принялся за дѣло, чтобы подготовить дорогу реакціи. Его назначеніе вызвало большое смущеніе, но смущеніе миновало, когда министерство внесло въ свою программу извѣстныя народныя требованія. Однако это не предотвратило отраженныхъ послѣдствій движенія. Въ Рудныхъ горахъ и въ различныхъ городахъ бунтовали голодающіе рабочіе. Позже, въ апрѣлѣ, былъ сожженъ вальденбургскій замокъ. Шенбургскіе крестьяне негодовали на то, что ихъ не хотѣли полностью освободить отъ высокихъ, подавляющихъ податей, которыя имъ приходилось уплачивать въ пользу вакантныхъ помѣстій. Они напали на замокъ и сожгли документы, но при этомъ и замокъ былъ охваченъ

огнемъ. Какъ нельзя больше понятно, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужда достигала крайнихъ размѣровъ, движеніе породило такія явленія; ни угнетенные крестьяне, ни голодающіе ткачи не могли просуществовать на однѣ „идеи“ либерализма: германскій парламентъ или свободу печати.

Ганноверъ еще не оправился отъ борьбы за свою конституцію, отъ ниспроверженія конституціи сверху, когда волны великаго движенія докатились до территоріи монарха-абсолютиста Эрнста-Августа. 6-го марта и этому королю были предъявлены народныя требованія, но онъ коротко отвергнулъ ихъ, замѣтивъ при этомъ, что представительство германскаго народа въ союзѣ несовмѣстимо съ монархической формой правленія. Суровый отвѣтъ долженъ былъ показать, что король непреклоненъ. Движеніе въ странѣ разрасталось до угрожающихъ размѣровъ. Города отправляли адресы. Въ Геттингенѣ произошли безпорядки, студенты устраивали демонстраціи; король, въ отвѣтъ на петиціи, заявилъ, что безпорядки въ странѣ слѣдуетъ приписать подстрекателямъ-инородцамъ. Но въ концѣ-концовъ безпорядки начались и въ самомъ городѣ Ганноверѣ. Нѣсколько тысячъ гражданъ окружили дворецъ и отправили депутацію. Къ народу вышелъ одинъ изъ членовъ кабинета, фонъ-Мюнхгаузенъ, чтобы сообщить отвѣтъ короля. Но онъ не могъ сразу добиться того, чтобы его выслушали, и закричалъ: „Что же, вы хотите орать, или же мнѣ слѣдуетъ говорить?“. Этотъ тонъ и эта надменность придворнаго привели гражданъ въ ярость; они заставили Мюнхгаузена начать обращеніе къ нимъ словами: „Милостивые государи!“. Его сообщеніе было вовсе не удовлетворительно. Король не хотѣлъ допустить даже реформы ненавистнаго полицейскаго управленія. Въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ толпа напала на дома министровъ и полицейскихъ чиновниковъ, возбуждавшихъ народную ненависть, и повыбила окна. То же произошло и съ квартирой одной придворной дамы, враждебно относившейся къ народу. Войска, встрѣченныя свистомъ и криками, не обнаруживали охоты къ нападенію на народъ. Возбужденіе росло, и король Эрнстъ-Августъ пошелъ на уступки. Онъ далъ отставку своему министерству, согласился на народное ополченіе и реформу полиціи и призвалъ въ качествѣ мартовскаго министра Стюве изъ Оснабрюка, который, какъ защитникъ конституціи, пользовался довѣріемъ либеральной буржуазіи. Вмѣстѣ съ нимъ въ министерство вступилъ графъ Беннингсенъ, сынъ извѣстнаго русскаго генерала, считавшійся либеральнымъ человѣкомъ, а также другія лица безъ опредѣленной политической окраски. Стюве разыгралъ некрасивую роль всѣхъ вообще мартовскихъ министровъ, и потому реакція въ Ганноверѣ могла раздѣлаться съ „завоеваніями“ 1848 года не менѣе основательно, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ мелкихъ германскихъ отечествахъ революція почти во всѣхъ случаяхъ развивалась по образцу сравнительно крупныхъ государствъ. Кое-гдѣ народъ обнаружилъ трогательное простодушіе и позволилъ быстро успокоить себя нѣсколькими любезными словами изъ княжескихъ устъ да нѣсколькими маленькими уступочками.

Крестьяне въ Тюрингенскомъ лѣсу волновались; они были въ такомъ настроеніи, какъ будто Томасъ Мюнцеръ самъ еще расхаживалъ среди нихъ и обращался къ нимъ со своимъ призывомъ: „Воспрянь и впередъ!“. Скоро начались безпорядки и въ Веймарѣ; но лидеръ либеральной партіи, пронырливый и ловкій адвокатъ Виденбругкъ, опять успокоилъ народъ. Однако 11 марта пять тысячъ крестьянъ, перемѣшанныхъ со студентами изъ Іены, вторглись въ городъ, протискались черезъ гражданскую гвардію, охранявшую дворецъ, и заставили дать отставку министерству и призвать Виденбругка въ мартовскіе министры. То же происходило и въ другихъ мѣстахъ, и тамъ крестьяне толпами шли въ города. Ярость крестьянъ направлялась главнымъ образомъ на помѣщичьи суды и на власти, которые строго преслѣдовали за лѣсныя порубки и браконьерство, т.-е. за борьбу съ дичью, опустошавшей поля.

Почти въ такія же формы вылилось мартовское движеніе въ Кобургъ-Готѣ, въ Мейнингенѣ, въ Альтенбургѣ, въ Брауншвейгѣ, въ Ангальтѣ, въ Липпе-Детмольдѣ, въ Гогенцоллернѣ, въ Ольденбургѣ и въ ганзейскихъ городахъ. Повсюду рѣшительно предъявлялись народныя требованія и получали удовлетвореніе съ бо́льшими или меньшими ограниченіями. Къ половинѣ марта либеральная буржуазія въ мелкихъ и среднихъ государствахъ достигла высшей точки своего подъема; ея представители проникли въ правительства, какъ мартовскіе министры. Теперь оставалось еще рѣшить самый важный вопросъ: охватитъ ли развивающееся движеніе и обѣ великія державы, Австрію и Пруссію; безъ этого едва ли можно было помышлять о томъ, чтобы германское движеніе пришло къ благополучному завершенію.

Буржуа, рабочіе и крестьяне, какъ изложено выше, во время мартовскихъ движеній сообща вынудили у господствующихъ властей удовлетвореніе народныхъ требованій. Какъ только крестьяне освободились отъ феодальныхъ повинностей, они впали въ свою обычную бездѣятельность и апатію. Рабочіе приняли участіе въ движеніи потому, что они чувствовали, насколько необходима буржуазная свобода для улучшенія ихъ классоваго положенія. Они видѣли, что старый феодальный міръ долженъ быть смѣненъ современнымъ и что черезъ этотъ современный міръ лежитъ путь къ дальнѣйшему общественному развитію. Хотя это убѣжденіе было почерпнуто ими не изъ опредѣленной системы философіи исторіи, они тѣмъ не менѣе инстинктивно чувствовали, что ближайшимъ этапомъ на пути прогресса является міръ буржуазный. Поэтому они честно, а часто и самоотверженно боролись за буржуазную революцію, за буржуазныя свободы, и не ихъ вина, если феодализму не былъ нанесенъ болѣе серьезный ударъ *). Помѣшали тому слабость,

*) Только въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ рабочіе воспользовались мартовскими днями, чтобы выставить свои спеціальныя требованія. Въ Гамбургѣ, напр., портные потребовали двѣнадцатичасового рабочаго дня, празднованія воскресныхъ дней и заработной платы въ двѣ марки. Мастера-портные удовлетворили эти скромныя требованія, за исключеніемъ платы въ двѣ марки (около 95 коп.), потому что, по ихъ словамъ, это было для

трусость и вѣроломство буржуазіи, которая тотчасъ же затряслась за свои денежные мѣшки, какъ только увидала пролетаріатъ на аренѣ борьбы *). Изъ страха соціальной революціи буржуазія соединилась съ господствующими властями, противъ которыхъ она только что вела борьбу, и такимъ образомъ, какъ будетъ показано ниже, нанесла смертельный ударъ почти всѣмъ завоеваніямъ великаго движенія.

Союзный сеймъ, окруженный бурными волнами революціи, сначала совсѣмъ потерялъ голову, но потомъ сдѣлалъ попытку прибрать движеніе къ своимъ рукамъ. За его сообщеніемъ отъ перваго марта третьяго марта послѣдовало второе сообщеніе, которымъ сеймъ предоставлялъ каждому государству уничтожить цензуру. Народное движеніе ушло уже дальше такой уступки и потому она не оказала никакого вліянія. Успѣхи настолько пріободрили либеральную буржуазію, что она, стремясь остаться во главѣ движенія, рѣшительно встала на революціонную почву. Она уже не хотѣла ждать, пока государи и правительства исполнятъ сдѣланныя обѣщанія,—она хотѣла сама взять въ свои руки ихъ исполненіе. Идея счастливая сама по себѣ; но чтобы осуществить ее, нѣмецкая буржуазія должна бы быть создана изъ лучшаго матеріала.

5 марта 1848 года въ Гейдельбергѣ состоялось собраніе, на которое изъ южной Германіи прибыло 51 человѣкъ. Среди нихъ былъ цвѣтъ либерально и конституціонно мыслящей буржуазіи. Сюда явились Бассерманъ, Мати, Гервинусъ, Велькеръ, Гейссеръ, Суаронъ, Винтеръ и другія свѣтила баденскаго либерализма; изъ Рейнскихъ провинцій прибыли Штедтманъ и Ганземанъ; изъ Вюртемберга—Ремеръ, Фецеръ, Бехеръ, Бантлинъ, Швейкгартъ, сопровождаемые величинами второго порядка; изъ Баваріи, между прочими, Кирхгесснеръ и Виллихъ; изъ Франкфурта—Биндингъ и Юхо; изъ Гессена—Генрихъ фонъ-Гагернъ, Вернгеръ фонъ-Ниритейнъ и Франкъ; изъ Австріи—одинъ только Визнеръ. Въ толпѣ либераловъ было и нѣсколько радикаловъ, каковы: Струве, Геккеръ, Брентано и Ицштейнъ изъ Бадена; волей-неволей, а

нихъ невозможно. Въ первомъ упоеніи побѣдой, среди всеобщаго братанья, рабочіе мало думали о себѣ самихъ. Лишь позже, когда выяснились классовыя противорѣчія между недавними „союзниками“, рабочіе большихъ городовъ начинаютъ выступать самостоятельно, разумѣется, насколько этого можно было ожидать въ то время.

*) Конечно, субъективно и буржуазія не была въ этомъ виновата. Дѣло было не въ моральной слабости, какъ таковой, а въ экономической слабости, обусловленной промышленною неразвитостью Германіи. Послѣднее обстоятельство мѣшало и самому пролетаріату выдвинуть прогрессивную экономическую программу. Его представители, за немногими исключеніями, призывали на борьбу не за развитіе слагающихся общественныхъ отношеній, а за возвратъ къ отживающему строю хозяйства. Отсутствіе сильнаго, самостоятельнаго рабочаго движенія было одной изъ главныхъ ближайшихъ причинъ того, что буржуазія не проявила достаточной настойчивости въ требованіи буржуазныхъ свободъ. Пролетаріатъ требовалъ свободъ, но онъ еще не былъ достаточно силенъ для того, чтобы буржуазія утратила надежду подавить его полицейскими мѣрами. Слѣдовательно, союзъ съ силами полицейско-феодальнаго государства еще былъ возможенъ, какъ одно изъ средствъ „примирить“ столкновенія между трудомъ и капиталомъ. И буржуазія использовала это средство.

ихъ пришлось допустить, потому что движенie еще не разложилось на свои разнородные элементы.

Трусливый Велькеръ, который раньше такъ часто принималъ на себя видъ необузданности, теперь упрашивалъ собранie оставаться на почвѣ легальности и выступить только съ адресомъ къ союзному сейму. Собранie отклонило это предложенie. Но оно отклонило и предложенiя, внесенныя республиканцами Геккеромъ и Струве,—что повело къ горячему столкновенiю между Струве и Гагерномъ,—и постановило издать прокламацiю, обращенную ко всему нѣмецкому народу. Прокламацiя была составлена въ довольно энергичныхъ выраженiяхъ; она между прочимъ положила конецъ легендѣ объ опасности, будто бы угрожающей со стороны Францiи. Въ прокламацiи говорилось: „Германiя не должна навлекать на себя войну вмѣшательствомъ въ дѣла сосѣдняго государства или отказомъ въ признанiи совершившихся тамъ политическихъ перемѣнъ. Нѣмцы не потерпятъ, чтобы ихъ понуждали ограничивать или отнимать у другихъ нацiй тѣ свободу и независимость, которыхъ они, какъ своего права, требуютъ для себя сами“. Въ прокламацiи заявлялось дальше, что въ случаѣ войны германскiе государи не должны вступать ни въ какой союзъ съ Россiей; въ заключенiе говорилось, что „собранie представителей нацiи ото всѣхъ частей Германiи, избранныхъ въ соотвѣтствiи съ численностью населенiя“, является дѣломъ неотложной необходимости „какъ для устраненiя близкихъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей для отечества, такъ и для развитiя сильной, цвѣтущей нацiональной жизни въ Германiи“.

Полномочiя на такiя рѣшительныя дѣйствiя были даны тѣмъ же самымъ собранiемъ, слѣдовательно, вторгаясь въ сферу дѣйствiя всѣхъ правительствъ, оно само признало себя революцiоннымъ. Оно пошло и еще дальше и назначило комитетъ изъ семи лицъ для исполненiя своихъ постановленiй. Въ комитетъ были избраны: Генрихъ фонъ-Гагернъ, Велькеръ, Ицштейнъ, Ремеръ, Биндингъ, Штедтманъ и Виллихъ. Такимъ образомъ въ комитетъ попали два мартовскихъ министра—Ремеръ и Гагернъ; единственнымъ радикальнымъ членомъ былъ въ немъ старый Ицштейнъ, который въ эпоху французской революцiи принадлежалъ къ числу майнцскихъ клубистовъ, а въ позднѣйшее время игралъ въ баденской палатѣ крупную роль, какъ членъ оппозицiи.

Политическимъ дѣятелямъ союзнаго сейма опять пришло въ голову, что они все еще могли бы итти въ ногу съ нѣмецкимъ движенiемъ. И вотъ они сами признались, что союзная конституцiя нуждается въ пересмотрѣ, и избрали комиссiю, которая должна была представить докладъ объ этомъ предметѣ. Потомъ они объявили, что отнынѣ имперскiй орелъ—гербъ для союза, а черно-красно-золотой—цвѣта для него. Но этимъ сеймъ только увеличилъ комизмъ своего положенiя и безъ того ужъ не малый: постановленiе это всякому привело на память, какъ четверть вѣка тому назадъ, по инициативѣ того же союзнаго

сейма, многіе нѣмецкіе студенты были на долгое время брошены въ тюрьмы за то только, что они дерзнули принадлежать къ „опаснымъ для государства“ землячествамъ, эмблемой которыхъ были черно-красно-золотые цвѣта. Постановленіе сейма не повело ни къ чему; такъ же мало помогло и его приглашеніе, адресованное къ правительствамъ, отправить во Франкфуртъ уполномоченныхъ, которые должны принять участіе въ пересмотрѣ союзной конституціи. Правительства дѣйствительно командировали такихъ уполномоченныхъ; но хотя среди нихъ были очень популярные люди, какъ, напр., Іорданъ, Гервинусъ, Бассерманъ, Тодтъ (изъ Саксоніи), Уландъ и Гагернъ, вся эта мѣра не оказала рѣшительно никакого дѣйствія: союзный сеймъ опоздалъ.

12-го марта 1848 года комитетъ семи разослалъ приглашеніе — къ 30-му марта собраться во Франкфуртѣ на Майнѣ и обсудить основные вопросы новаго устройства Германіи. Приглашеніе было адресовано ко всѣмъ лицамъ, которыя въ то время или раньше состояли членами земскихъ чиновъ или участвовали въ законодательныхъ собраніяхъ всѣхъ германскихъ земель, включая сюда Пруссію, Познань и Шлезвигъ.

То обстоятельство, что приглашались только лица, состоящія или состоявшія членами палатъ, должно было придать дѣлу видъ нѣкоторой легальности. Но когда собраніе открылось, въ немъ все же оказалось порядочно-таки политическихъ знаменитостей, которыя до того времени никогда не вступали на стезю парламентской дѣятельности.

Подавляющая масса народа восторженно привѣтствовала гейдельбергскія постановленія и ожидала отъ проектированнаго собранія всяческихъ благъ. Только немногіе, болѣе дальновидные люди уже тогда могли понять, что народъ утрачиваетъ власть надъ движеніемъ, что онъ передаетъ рѣшающій голосъ собранію, которое уже по тому, какъ оно составилось, должно было дать подавляющее большинство робкому либерализму или же и совсѣмъ реакціоннымъ элементамъ.

Нѣмцы были увѣрены, что они въ самомъ дѣлѣ достигли свободы они и не думали о томъ, что самая трудная задача все еще не нашла разрѣшенія, что необходимо поставить только что завоеванную „свободу“ на устойчивое основаніе и отлить ее въ сообразную съ обстоятельствами прочную форму.

Многія лица, переживавшія то великое время, оставили разсказы о своихъ чувствахъ и впечатлѣніяхъ. Почти всѣ, за исключеніемъ только реакціонеровъ до мозга костей, съ горячимъ энтузіазмомъ вспоминаютъ мартовскіе дни, когда нѣмцы дѣйствительно казались народомъ братьевъ и когда даже споръ между національностями отступилъ на задній планъ. Среди полнаго упоенія радостью люди высокаго и низкаго положенія, казалось, составляли одно; и даже различія классовъ стушевывались. Братски объединились надворные совѣтники съ ремесленниками, дворяне-помѣщики съ крестьянами, банкиры съ рабочими, и то, о чемъ раньше позволяли себѣ грезить только поэты, казалось, однимъ разомъ стало реальной дѣйствительностью.

Но, съ другой стороны, тотчасъ нашли себѣ выраженіе всѣ національныя свойства нѣмцевъ, тогда еще недисциплинированныхъ политически. Драгоцѣнное время ухлопывалось на вокальныя упражненія; повсюду раздавались звуки извѣстныхъ патріотическихъ пѣсенъ: „Deutschland, Deutschland über Alles“ и „Was ist des Deutschen Vaterland?“ *). Тысячи поэтовъ, тысячи ораторовъ портерныхъ заведеній до оскомины прославляли „свободу“. Выпивали тоже не мало; для такихъ временъ оно и понятно. На сцену выдвинулась также масса сумасбродныхъ головъ, которыя хотѣли воспользоваться движеніемъ для своихъ любимыхъ коньковъ. Были, напримѣръ, господа, которымъ уничтоженіе обычая снимать при привѣтствіи шляпу представлялось много важнѣе, чѣмъ имѣющая быть выработанной конституція.

Господствующіе классы обладали достаточной хитростью для того, чтобы принять дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ восторгахъ. Дворяне и придворные, плутократы и бюрократы, ограниченные филистеры и заядлые мѣщане дѣлали все возможное, чтобы преисполнить народъ безграничной и трогательной довѣрчивости. Въ то время, когда волны революціи еще подымались высоко, они пересиливали себя и провозглашали тосты въ честь „свободы“; когда волны начали падать, они пили уже лишь за „единство“, а когда начался рѣшительный поворотъ, они чествовали тостами одинъ только „порядокъ“. Только позже довелось нѣмцамъ понять, какъ много было среди нихъ людей съ высохшими сердцами, — людей того сорта, которымъ Гёте далъ такую прекрасную характеристику, сказавши, что это — пустая кишка, полная страха и надежды, что авось Богъ сжалится **).

„Philister ist ein hohler Darm
Voll Furcht und Hoffnung, dass Gott erbarm“.

Движеніе охватило всѣ государства Германскаго Союза, за исключеніемъ двухъ великихъ державъ, Австріи и Пруссіи. Пригласивъ на франкфуртское собраніе представителей и этихъ двухъ государствъ, комитетъ семи заставилъ ихъ опредѣлить свое отношеніе къ германскому движенію. Какъ будутъ держаться Пруссія и Австрія, этого не

*) Послѣдняя (довольно-таки безсмысленная) пѣсня Эрнста Морица Арндта обязана своей популярностью, несомнѣнно, главнымъ образомъ мелодіи.

**) Блестящимъ представителемъ этого типа является одинъ швабскій филистеръ. Когда его спросили, что думаетъ онъ о пережитомъ имъ 1848 годѣ, онъ отвѣтилъ: „Лучше бы никому не переживать его!“. Болѣе высокая оцѣнка значенія „безумнаго года“ была ему не по силамъ. И такихъ людей по всѣмъ мѣстамъ Германіи встрѣчалось, какъ встрѣчается еще и теперь, многія тысячи. Нѣтъ возможности отводить здѣсь большее мѣсто множеству анекдотовъ изъ эпохи 1848 года, которые могли бы характеризовать недостатокъ политическаго пониманія у нѣмецкаго народа. Если одинъ дармгессенецъ дѣйствительно требовалъ „республики съ великимъ герцогомъ во главѣ“ или „свободы печати съ цензурой“; если одинъ гамбургскій республиканецъ на замѣчаніе: „Да у васъ вѣдь уже есть республика!“ дѣйствительно отвѣтилъ: „Тогда мы хотимъ еще одну!“—все это можетъ представляться, конечно, очень забавнымъ, но вопреки довольно распространенной манерѣ никакъ не можетъ быть поставлено въ счетъ при оцѣнкѣ самого народнаго движенія.

могли знать семь членовъ гейдельбергскаго комитета. Будущее представлялось нѣкоторымъ въ мрачномъ свѣтѣ; они ожидали отъ Австріи всего наихудшаго, такъ какъ во время гейдельбергскихъ постановленій Меттернихъ, великій укротитель европейской революціи, стоялъ, казалось, въ расцвѣтѣ своего могущества. Что касается самого Меттерниха, онъ, несомнѣнно, все еще питалъ надежду, что ему опять удастся задавить общественное движеніе въ Германіи и задавить, разумѣется, своими обычными средствами. Движеніе было лишено того единства, которое придавало бы ему мощную силу; на сцену выступили тысячи различныхъ локальныхъ и провинціальныхъ интересовъ. Меттернихъ, конечно, разсчитывалъ воспользоваться этимъ для своихъ цѣлей. Правительства прусское и австрійское, опираясь на свои внушительные ресурсы, несомнѣнно, сообща могли бы справиться съ движеніемъ и немедленно возстановить старый порядокъ. Но это при томъ лишь условіи, если бы на ихъ собственныхъ территоріяхъ все оставалось спокойно. На самомъ же дѣлѣ событія развивались по рецепту, который далъ рыцарь Флоріанъ Гейеръ во время крестьянской войны: „Необходимо, чтобы свистъ раздался передъ дверями каждаго человѣка“. Революція не считается съ географіей; она проникла черезъ Рейнъ, и точно такъ же волны ея покатились черезъ границы Австріи и Пруссіи къ самому сердцу этихъ державъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мартовскіе дни въ Австріи.

Выше уже говорилось о томъ, какъ князь Меттернихъ, дипломатъ Священнаго Союза, умѣлъ использовать столкновенія между различными національностями Австріи и какъ онъ взаимно уравновѣшивалъ ихъ. Панславизмомъ онъ пользовался для усмиренія нѣмцевъ, а въ мадьярахъ создалъ противовѣсъ панславизму. Меттерниховскія продажныя креатуры восхваляли эту политику противовѣсовъ, какъ высшее выраженіе австрійской государственной мудрости; но какъ разъ она и проложила въ австрійскія земли дорогу для революціи. Дѣло въ томъ, что Меттернихъ, чтобы направлять венгровъ противъ панславизма, сдѣлалъ венграмъ цѣлый рядъ конституціонныхъ уступокъ. Въ результатѣ политическое самосознаніе Венгріи начало развиваться, и оно-то и сломило оковы, въ которыхъ томилась Австрія.

Пылкіе, легко поддающіеся экзальтаціи венгры съ пламеннымъ энтузіазмомъ встрѣтили вѣсть о парижскихъ событіяхъ. Имъ не было никакого дѣла до того, что офиціальная „Вѣнская Газета"—до революціи единственная газета для Вѣны—со всей напыщенностью и надменностью стараго режима выдвинула цѣлый арсеналъ фразъ противъ „коммунистической" революціи въ Парижѣ. Ихъ нисколько не озабочивали наивныя прорицанія той же газеты, что спасенія надо искать только „въ прочной привязанности управляемыхъ къ своимъ правительствамъ". Въ Пресбургѣ засѣдалъ венгерскій сеймъ, и волна движенія того времени скоро прокатилась по залу его засѣданій.

3-го марта на трибуну поднялся Кошутъ, чтобы высказать то, чѣмъ было переполнено каждое сердце.

Кошутъ, который тогда уже достигъ 46-лѣтняго возраста и умеръ въ глубокой старости (20 марта 1894 года), былъ непримиримымъ врагомъ австрійскаго дома. Многолѣтнее тюремное заточеніе въ крѣпости Мункачъ научило его ненавидѣть Габсбургскій домъ.

Въ печати и въ сеймѣ онъ долгіе годы боролся за независимость Венгріи и противъ австрійской опеки. Кошутъ былъ, несомнѣнно, первымъ ораторомъ своего времени. Его рѣчи—„гармоническій водопадъ",—полныя возвышенныхъ мыслей, блестящія по формѣ, мастерски

согласованныя съ національнымъ характеромъ венгровъ, производили невѣроятное дѣйствіе. И по наружности и по воззрѣніямъ Кошутъ былъ совершенный мадьяръ, но тѣмъ опаснѣе былъ онъ для Габсбурговъ.

„Мы катимъ камень Сизифа,—началъ знаменитый ораторъ,—и болѣзненное сознаніе неподвижности охватываетъ мою душу снѣдающей скорбью. Мое сердце обливается кровью, когда я вижу, сколько талантовъ добросовѣстно убивается на неблагодарной работѣ, подобной мучительному мыканью въ бѣличьемъ колесѣ. Да, надъ нами повисъ тяжелымъ проклятіемъ удушающій смрадъ. Отъ разлагающагося трупа вѣнской правительственной системы на насъ вѣетъ тлетворный вѣтеръ, который цѣпенитъ наши нервы и принижаетъ полетъ нашего духа".

„Противоестественныя политическія системы, я знаю это, могутъ удерживаться въ теченіе извѣстнаго времени, ибо между выносливостью націи и ея отчаяніемъ лежитъ длинный путь. Но существуютъ такія политическія системы, которыя, сохраняясь въ теченіе долгаго времени, не выигрываютъ отъ этого въ своей силѣ, а теряютъ ее; и вотъ, наконецъ, наступаетъ моментъ, когда дѣлается опаснымъ дальше поддерживать ихъ, такъ какъ длинная жизнь дѣлаетъ смерть неизбѣжной для нихъ".

Послѣ уничтожающей критики правительственной системы Меттерниха Кошутъ заявилъ, что династіи пора перестать опираться на гнилую систему. „За дорогую для себя династію,—продолжалъ онъ,—народы жертвуютъ кровью и жизнью; но за политику угнетательской правительственной системы даже молодой воробей не дастъ себя подстрѣлить. И если въ Вѣнѣ есть человѣкъ, который, стремясь сохранить за собой власть на небольшой остатокъ своихъ дней, ко вреду династіи кокетничаетъ съ союзомъ абсолютныхъ державъ, то пусть онъ подумаетъ, что бываютъ друзья, которые опаснѣе враговъ. Да, это мое глубокое убѣжденіе, что будущее нашей династіи стоитъ въ неразрывной связи съ воцареніемъ братства между различными народами монархіи, а это братство можетъ быть создано, при условіи уваженія къ существующимъ національностямъ, только той связью, которая дается осуществленіемъ принциповъ конституціонализма. Канцелярія и штыкъ—плохія связующія средства!"

Эта рѣчь, искусно обрисовывающая положеніе, приспособленная къ національнымъ свойствамъ венгровъ, пламенная и возбуждающая, вызвала въ сеймѣ цѣлую бурю восторговъ. Собраніе немедленно приняло предложенія, внесенныя Кошутомъ, и постановило отправить къ императору-королю депутацію, чтобы потребовать отъ него національнаго правительства, т.-е. отвѣтственнаго министерства, составленнаго изъ венгровъ. Депутація должна была потребовать также удовлетворенія всѣхъ возбужденныхъ венграми жалобъ и организаціи государственнаго строя на конституціонныхъ началахъ.

Но вѣрилъ ли самъ Кошутъ въ осуществимость общей конституціи для всѣхъ земель Габсбурговъ? Вѣроятно, нѣтъ. Онъ зналъ, что требованіе такой конституціи расшатаетъ зданіе Австрійской имперіи, мо-

жетъ быть, превратитъ ее даже въ груду развалинъ, и на этихъ-то развалинахъ онъ разсчитывалъ основать независимость Венгріи. Демократъ-конституціоналистъ, Кошутъ былъ мадьяромъ прежде всего и даже только мадьяромъ.

Администрація пустила въ ходъ цензуру, чтобы защититься отъ дѣйствія рѣчи Кошута. Въ самой Венгріи газеты могли напечатать ее только въ изуродованномъ видѣ, а въ другихъ земляхъ Габсбурговъ ее и совсѣмъ вычеркнули. Тѣмъ не менѣе она распространилась по всей Австріи въ рукописяхъ и въ особыхъ оттискахъ.

Въ Прагѣ среди чеховъ тоже началось движеніе, которое, впрочемъ, носило исключительно національно-славянскій характеръ; отсюда королю также отправили адресъ. Въ это самое время и среди вѣчно благодушныхъ вѣнцевъ поднялъ голову, выражаясь языкомъ государственныхъ ночныхъ сторожей, засѣдавшихъ во Франкфуртѣ, „духъ мятежа". До сихъ поръ вѣнцы всегда представлялись самыми вѣрными подданными; они казались вѣчно веселыми и благонравными, ко всѣмъ обращались со словами „ваша милость" и были преисполнены безграничнаго благоговѣнія ко всѣмъ земнымъ божествамъ. Вѣнцы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ безъ всякаго протеста терпѣли ужасный, возмутительный полицейскій режимъ. Здѣсь не наблюдалось политической жизни въ настоящемъ смыслѣ этого слова; вся энергія этого жизнерадостнаго народа, казалось, была направлена на безобидный „юморъ" и на удовольствія разнаго рода. Въ послѣднихъ въ Вѣнѣ не было недостатка; городъ превратился въ мѣсто великаго сборища всѣхъ европейскихъ праздношатающихся, бездѣльниковъ, кутилъ, игроковъ, шарлатановъ, сластолюбцевъ, развратниковъ. Все это относится, разумѣется, къ внутреннему городу, собственно къ Вѣнѣ; а внѣшніе пригороды были переполнены тысячами пролетаріевъ, измученныхъ нуждою и голодомъ. Такимъ образомъ передъ самыми воротами доброй Вѣны поднималъ свою ужасную голову грозный пауперизмъ, массовая нищета.

Когда пришли возбуждающія извѣстія изъ Парижа и изъ области Германскаго Союза, вѣнцы разомъ почувствовали себя „политическими людьми". Ужасъ охватилъ бюрократовъ: на Вѣну нахлынулъ потокъ безчисленнаго множества газетъ, и—неслыханное дѣло!—вѣнцы дерзали во всеуслышаніе читать ихъ въ кафе и трактирахъ, не обращая никакого вниманія на шпіоновъ ненавистнаго архи-городового Седльницкаго. Многіе рантьеры тоже почувствовали страхъ: курсы начали падать. Они бросились къ сберегательнымъ кассамъ и къ государственному банку, чтобы потребовать возвращенія своихъ вкладовъ и обмѣна кредитокъ на звонкія деньги. Глухое броженіе началось также среди рабочихъ и студентовъ.

Австрійскій Промышленный Союзъ прежде другихъ обратился съ адресомъ къ императору Фердинанду I; онъ требовалъ въ адресѣ, чтобы Австрія шла вмѣстѣ со всею Германіей, и выражалъ увѣренность въ томъ, что „система" будетъ измѣнена. Придворная камарилья *), ко-

*) „Camarina", или „camarilla" („маленькая палата"), камарилья—такъ называли

торая, не стѣсняясь, водила слабаго императора Фердинанда на помочахъ и правила отъ его имени, показала видъ, что она оказала вѣнцамъ совершенно исключительную милость, принявъ адресъ для передачи императору.

Разъ начавшись, фабрикація адресовъ прогрессировала, развивалась. Горожане составили второй адресъ, и буржуазія проявила отвагу. Среди тысячъ подписавшихся были и очень видные люди: высшіе чиновники, крупные капиталисты, купцы. Это произвело при дворѣ извѣстное впечатлѣніе. Адресъ былъ переданъ комитету сейма для внесенія на обсужденіе самого сейма.

Къ движенію примкнуло студенчество Вѣны и придало ему совершенно своеобразный отпечатокъ. Честные юноши проявили много мужества, готовности къ самопожертвованію; они боролись съ неизмѣнной отвагой и были полны высокаго идеализма. Вмѣшательство жизнерадостнаго студенчества дало мощный толчокъ неповоротливымъ бюргерамъ Вѣны и рѣшительно направило все движеніе къ ближайшей осязательной цѣли, къ низверженію меттерниховской системы. Студенты устроили большое собраніе въ актовомъ залѣ вѣнскаго университета, и до 2.000 изъ нихъ подписались подъ адресомъ къ императору, въ которомъ были выставлены извѣстныя требованія народа. Гіэ и Эндлихеръ, два профессора, очень неважные люди, въ тотъ же вечеръ отправились съ адресомъ во дворецъ и сумѣли добраться до императора. Бѣдный Фердинандъ не могъ понять, чего хотятъ отъ него, и они поэтому тоже не поняли, что онъ имъ отвѣтилъ.

На слѣдующій день, 13-го марта, въ земской ратушѣ собрались сословія (сеймъ). Скоро около ратуши начали собираться бюргеры. Это была, несомнѣнно, „чистая публика"; среди нихъ не было ни одного плохо одѣтаго пролетарія. Студенты опять переполнили актовый залъ, и профессоръ Гіэ хотѣлъ представить имъ длинный отчетъ о своей аудіенціи у „императора Нандля". Но студенты совсѣмъ не слушали его и торжественнымъ шествіемъ направились къ ратушѣ сословій.

Сеймъ, окруженный шумной толпой, не зналъ, что предпринять. Точно такъ же и государственный совѣтъ, собравшійся во дворцѣ, не зналъ, что ему дѣлать. Меттернихъ, присутствовавшій въ совѣтѣ, напустилъ на себя видъ холодности и важности. Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ себя, вѣроятно, не совсѣмъ хорошо, но не обнаруживалъ безпокойства и на извѣстіе о безпорядкахъ отвѣтилъ: „Какое мнѣ дѣло до этого?"

Вѣнцы, собравшіеся передъ сеймовскимъ домомъ, тоже хорошенько не знали, что слѣдуетъ дѣлать. Тогда докторъ Фишгофъ, остававшійся хорошимъ демократомъ до самой своей смерти († 1893 г.), а въ то время молодой хирургъ, поднялся на крышу колодца во дворѣ ратуши

абсолютическо-іерархическую группу, окружавшую короля Фердинанда VII испанскаго. Впослѣдствіи это названіе становится нарицательнымъ и обозначаетъ тѣ группы придворныхъ, которыя скрываются за спиной конституціоннаго или неограниченнаго монарха, руководятъ всѣми его дѣйствіями и отъ его имени фактически управляютъ страной.

и предложилъ провозгласить „виватъ“ въ честь свободы. Это было сдѣлано, и въ тотъ же моментъ со всѣхъ сторонъ раздались бурные возгласы: „Свобода печати!“—„Конституція!“—„Отвѣтственность министровъ!“ и т. д.,—всѣ неизмѣнныя украшенія буржуазной свободы. Обращаясь къ сословіямъ, Фишгофъ заявилъ: „Народъ хочетъ своими дѣйствіями оказать поддержку сословіямъ, чтобы они представили его желанія императору“. Монтекуколи, предсѣдатель ландтага, очень любезно отвѣтилъ: „Желанія народа—въ то же время и желанія сословій“.

Въ такихъ-то невинныхъ формахъ начиналось все дѣло; казалось, такъ же невинно пойдетъ оно и дальше. Но здѣсь у одного студента является мысль прочитать народу классическую рѣчь Кошута. Возбужденная толпа превращается въ бурное море. Послѣ каждой рѣшительной фразы вокругъ ратуши сословій начинается шумъ, бурные возгласы; членамъ сословій, засѣдающимъ въ домѣ сейма, становится страшновато и сильно не по себѣ. Рѣчь Кошута впервые даетъ толпѣ желанный пароль, и изъ тысячи устъ вырываются дикіе возгласы, требованіе отставки ненавистнаго министра. „Долой Меттерниха!“—„Долой іезуитовъ!“—„Народная милиція!“—„Долой русскихъ!“ загремѣли передъ ратушей грозные крики. Изъ окна дома сословій падаетъ листокъ бумаги, на которомъ написано, что сословія намѣрены просить императора объ обнародованіи государственнаго бюджета и о созваніи комитета, который долженъ быть составленъ изъ депутатовъ отъ сословій всѣхъ провинцій. Сословія во мгновеніе ока лишились довѣрія разочарованной толпы. „И только?“—„Къ чорту сословія!“—„Въ клочья бумажонку!“ — „Конституція!“ — „Да здравствуетъ конституціонный императоръ Австріи!“ *).

Толпа ринулась въ домъ сословій. Господа совѣщавшіеся разбѣжались въ разныя стороны. Предсѣдатель ландтага, которому сдѣлалось страшно передъ разъяренной толпой, торопливо протискивается со словами: „Ничего не подѣлаешь, надо представить императору желанія народа“. Сопровождаемый кучкой студентовъ, онъ спѣшитъ во дворецъ и добивается тамъ аудіенціи у государственнаго совѣта. Высокомудрые совѣтники напяливаютъ очки, принимаютъ самыя высокомѣрныя позы и обѣщаютъ, что они изучатъ вопросъ въ самомъ непродолжительномъ времени и потомъ предложатъ его на разрѣшеніе императору. Но тутъ вдругъ слышится грохотъ ружейнаго залпа передъ ратушей сейма. Это—конецъ системы Меттерниха, хотя въ первый моментъ впечатлѣніе было не таково.

Еще съ утра была сосредоточена огромная масса войскъ: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Главное начальствованіе было возложено на эрцгерцога Альбрехта, сына знаменитаго эрцгерцога Карла; мягко-

*) Насколько ненавистно было для Габсбурговъ уже одно слово „конституція“, видно изъ того, что когда лейбъ-медикъ Франца I сталъ говорить о „хорошей конституціи“ (т.-е. хорошемъ сложеніи) императора, послѣдній разгнѣванно прервалъ его словами: „Что онъ болтаетъ мнѣ о какой-то такой конституціи? У меня нѣтъ никакой конституціи, и я не хочу никакой!“

сердечіе послѣдняго не перешло къ его сыну. Войска стояли по улицамъ, со всѣхъ сторонъ окруженныя толпами народа, и сохраняли полную неподвижность среди бурной суматохи, среди возгласовъ массъ: „Долой Меттерниха!" Катастрофа казалась непредотвратимой, и она, дѣйствительно, разразилась.

Войска двинулись къ дому сословій, чтобы разогнать толпу съ площади передъ ней. Разгнѣванная толпа, забравшаяся въ домъ сословій, переломала тамъ всю мебель. Обломки полетѣли черезъ окна въ солдатъ. Когда осколокъ задѣлъ одного офицера, солдаты сдѣлали залпъ въ окна дома земскихъ чиновъ, но этотъ разъ никто не былъ раненъ. Народъ, приходя все въ бо́льшую ярость, началъ кричать: „Долой солдатъ!" Прибылъ самъ главнокомандующій, эрцгерцогъ Альбрехтъ. Одинъ изъ обломковъ, летѣвшихъ черезъ окна дома сословій, довольно серьезно задѣлъ его за плечо, и тутъ же грянули два залпа, направленные въ невооруженную толпу во дворѣ. Кто далъ команду, это не установлено. Когда пороховой дымъ разсѣялся, на землѣ оказалось пять человѣкъ убитыхъ.

Толпа бросилась бѣжать отъ дома сословій и, преслѣдуемая кавалеріей, въ дикой суматохѣ помчалась по сосѣднимъ улицамъ. Раздавались призывы къ мести, начались попытки сооруженія баррикадъ. Но это не сразу удалось; „мирные" вѣнцы не могли же такъ быстро превратиться въ революціонеровъ, искусныхъ по части баррикадологіи. На улицахъ кое-гдѣ начинались схватки, иногда сопровождавшіяся кровопролитіемъ. Если войска разсѣивали и разгоняли толпу на одномъ мѣстѣ, она опять собиралась въ другомъ.

Къ вечеру улицы огласились сигналомъ тревоги. Онъ вызвалъ вооруженную городскую гвардію, такъ какъ возбужденіе охватило, наконецъ, и „почтенныхъ" бюргеровъ и даже людей „съ высокимъ общественнымъ положеніемъ". Они, вооруженные, собрались на гласисѣ и отправили къ императору депутацію, чтобы потребовать удаленія войскъ. Въ то же время студенты отправили во дворецъ стараго ректора университета, чтобы потребовать оружія для учащейся молодежи. Такъ какъ депутатовъ послали и сословія, то во дворцѣ оказалось цѣлыхъ три депутаціи.

Во время уличныхъ схватокъ толпа народа протискалась ко дворцу, который охранялся гарнизономъ изъ 4.000 человѣкъ съ многими орудіями. Эрцгерцогъ Максимиліанъ отдалъ приказъ разогнать толпу картечью, но канониры обнаружили больше гуманности и разсудительности, чѣмъ Максимиліанъ, и не стали стрѣлять. Въ общемъ уличная борьба не достигла серьезныхъ размѣровъ; народъ едва ли потерялъ болѣе 50 человѣкъ убитыми и ранеными, среди которыхъ большинство составляли безоружные и даже женщины.

Въ то время, какъ на улицахъ грохотали залпы и гремѣли крики ярости и мести, во дворцѣ смѣшались въ одну пеструю кучу толпы придворныхъ, члены государственнаго совѣта, лакеи и члены разныхъ депутацій. Бѣдный императоръ Фердинандъ съ однимъ слугой заперся

въ комнатѣ и не впускалъ къ себѣ никого. „Понимаете,—сказалъ онъ слугѣ,—я стрѣлять не позволю“. Человѣкъ онъ былъ нѣсколько слабоумный, но у него было несравненно больше гуманности, чѣмъ у всей камарильи принцевъ и тайныхъ совѣтниковъ, которые приказали стрѣлять въ народъ на улицахъ, а во дворцѣ упрямо противились самымъ ничтожнымъ уступкамъ. Эрцгерцоги, члены государственнаго совѣта и офицеры грубо приняли всѣ депутаціи, особенно когда тѣ потребовали отставки Меттерниха. Депутація отъ городской гвардіи уже собиралась покинуть дворецъ, какъ ее задержали, и къ ней подошелъ самъ князь Меттернихъ. Онъ подошелъ къ одному изъ членовъ депутаціи, къ Шерцеру, потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Стыдно было бы бюргерству, если бы оно въ союзѣ съ войсками не сумѣло справиться съ уличными безчинствами“.

„Ваше сіятельство,—отвѣчалъ Шерцеръ,—это не уличныя безчинства, это революція“ *).

„Это неправда!—воскликнулъ Меттернихъ.—На самомъ дѣлѣ народъ подстрекаютъ только жиды, поляки, итальянцы и швейцарцы“.

Шерцеръ указалъ государственному канцлеру, который не стыдился говорить такія глупости, на подписи подъ петиціями и потомъ заявилъ, что граждане отказываются отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ войсками, такъ какъ тѣ стрѣляли въ народъ. Эрцгерцогъ Альбрехтъ сказалъ, что граждане и солдаты могли бы сообща занимать караулы, но, добавилъ онъ, при первомъ же признакѣ противодѣйствія со стороны гражданъ въ нихъ будутъ стрѣлять. Депутація отъ бюргеровъ рѣшительно отклонила предложеніе, и эрцгерцогъ Максимиліанъ воскликнулъ: „Хорошо, значитъ, и вы бунтовщики, и въ васъ тоже будутъ стрѣлять!“ Терпѣніе у депутатовъ лопнуло и, обмѣниваясь неособенно лестными замѣчаніями по адресу камарильи, они удалились изъ зала аудіенціи, гдѣ остались Меттернихъ и эрцгерцоги, еще не утратившіе прежняго высокомѣрія. Если бы Меттернихъ зналъ въ это время, что народъ съ такой яростью разгромилъ его великолѣпную виллу, что отъ нея остались однѣ голыя стѣны, онъ посбавилъ бы своего „величаваго спокойствія“.

Придворные опять задержали депутацію бюргеровъ, потому что настроеніе начало измѣняться. Вскорѣ послѣ того снова появился эрцгерцогъ Альбрехтъ и тотчасъ же грубо оборвалъ одного бюргера возгласомъ: „Попридержите языкъ-то!“ Со всѣхъ сторонъ раздались бурные протесты, даже придворные лакеи приняли участіе въ нихъ. Между тѣмъ не переставали приходить новыя депутаціи, требованія становились все настойчивѣе. Наконецъ во дворцѣ увидали себя вынужденными согласиться на отставку Меттерниха. Ружейная трескотня, не прекращавшаяся на улицахъ, устрашила государственныхъ людей и придворныхъ; они окончательно съежились, когда одинъ бюргеръ вос-

---

*) Поразительно, что въ день взятія Бастиліи, 14-го іюля 1789 года, герцогъ де-Ліанкуръ съ такими же словами обратился къ Людовику XVI.

кликнулъ: „Видно, и здѣсь скоро придется сказать, какъ нѣкогда въ Тюльери: слишкомъ поздно!“ Придворная интрига, направляемая эрцгерцогиней Софiей, въ свою очередь, помогала низверженiю Меттерниха. Эта честолюбивая женщина мечтала играть при императорѣ такую же влiятельную роль, какъ Меттернихъ. Эрцгерцогъ Iоганнъ тоже принадлежалъ къ числу противниковъ Меттерниха. Подъ такими воздѣйствiями съ разныхъ сторонъ высокiй придворный совѣтъ раскололся. Но такъ какъ депутацiи снова и снова и все настойчивѣе требовали смѣщенiя Меттерниха, то имъ, наконецъ, уступили, и великiй политикъ застоя, воплощенiе всеевропейской системы государственныхъ ночныхъ сторожей, былъ низвергнутъ. Депутацiи были приглашены въ большую залу конференцiй, и Меттернихъ выступилъ передъ ними.

„Вы заявили, — обратился онъ къ депутацiямъ, — что только моя отставка можетъ возстановить спокойствiе; поэтому я съ радостью принимаю ее. Желаю вамъ счастья съ новымъ правительствомъ, желаю счастья Австрiи!“

„Ваше сiятельство, — отвѣчалъ одинъ депутатъ отъ горожанъ, — мы ничего не имѣемъ противъ васъ лично, но все—противъ вашей системы. Мы благодарны вамъ за сложенiе съ себя должности. Да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!“

По всему дворцу прокатился этотъ возгласъ въ честь бѣднаго Фердинанда. А Меттернихъ, который только что стоялъ на вершинѣ своего высокомѣрiя и теперь былъ низвергнутъ такъ низко, тайкомъ пробрался черезъ заднюю дверь, неузнанный вышелъ изъ дворца и бѣжалъ изъ города черезъ Прагу въ Лондонъ. Тамъ онъ уже засталъ своего коллегу и товарища по судьбѣ—Гизо, который бѣжалъ отъ побѣдоноснаго парижскаго народа, переодѣтый въ женское платье. Въ свое офицiальное прошенiе объ отставкѣ Меттернихъ вставилъ слова: „Я подписываю разложенiе монархiи!“ Этотъ тщеславный дипломатъ въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что существованiе государствъ неразрывно связано съ его драгоцѣнной персоной.

Теперь изъ вѣнскаго дворца потихоньку исчезли одинъ за другимъ и воинственные эрцгерцоги. Послѣдовали уступки. Было удовлетворено требованiе, чтобы студенты вооружились, чтобы всѣ граждане вошли въ составъ городского ополченiя и чтобы они получили оружiе изъ арсенала. Объ этихъ уступкахъ сообщилъ „сѣдой хитрецъ“ эрцгерцогъ Людвигъ; онъ же передалъ отставленному Меттерниху „благодарность Австрiйскаго дома“, отпустивши его безъ малѣйшаго слова сожалѣнiя или любезности.

Шерцеръ поспѣшилъ на Дворцовую площадь, вскарабкался на газовый фонарь и громовымъ голосомъ прокричалъ тѣснившейся толпѣ народа: „Меттернихъ низвергнутъ, смѣщенъ!“ Бурные крики радости привѣтствовали эти слова и облетѣли всю Вѣну. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Студенты въ ту же ночь вооружились и организовали знаменитый „академическiй легiонъ“, сыгравшiй такую крупную роль въ австрiйскомъ движенiи. Оно выиграло отъ того, что мо-

лодые люди вооружились и вообще не страдали такой трогательной довѣрчивостью, какъ бюргеры, которые отъ радости едва владѣли собою.

Такимъ образомъ „благодушные“ вѣнцы съ относительно ничтожными жертвами стряхнули съ себя иго „системы“ Меттерниха со всѣми ея носителями. Но даже раньше, чѣмъ только что завоеванная „свобода“ была отлита въ страстно-желанныя строго-конституціонныя формы, въ ней уже оказалась серьезная трещина. Въ первый же день революціи классовыя противорѣчія вскрылись въ Вѣнѣ съ полною силой и опредѣленностью. Зажиточные бюргеры центральнаго города, которые окружали ратушу сословій и дворецъ, вооружились не только затѣмъ, чтобы защищать добытыя уступки, но и для того, чтобы поддерживать „порядокъ“, т.-е. смирять въ предмѣстьяхъ пролетаріатъ. 13-го марта, когда по предмѣстьямъ разнеслась вѣсть, что въ городѣ вспыхнуло возстаніе, на городъ двинулись толпы рабочихъ, готовыхъ къ борьбѣ. Но передъ ними закрыли ворота, ихъ не пустили во внутренній городъ. Раздраженные рабочіе возвратились въ предмѣстья, и подъ вліяніемъ возбужденія въ этотъ день дѣло дошло до эксцесовъ, вообще довольно обычныхъ, когда нужда доходитъ до такой степени, что люди впадаютъ въ отчаяніе. Въ предмѣстьяхъ Фюнфгаузѣ и Зексгаузѣ толпа подожгла дома фабрикантовъ, которые своими дѣйствіями заслужили ненависть рабочихъ, и разрушила на фабрикахъ машины, отнявшія у массы рабочихъ послѣдній кусокъ хлѣба. Нѣсколько сотенъ рабочихъ двинулись толпой и разрушили машины на три мили въ округѣ. Въ городѣ расшибали окна во всѣхъ домахъ, которые не были иллюминованы; въ то же время передъ городскими воротами устроили иллюминацію другого рода. На Гласисѣ и дальше, до Шенбрунна, опрокинули газовые фонари, выворотили газопроводы и подожгли вытекающій газъ; кверху взвились исполинскіе столбы пламени, высотою съ деревья. На линіи и въ другихъ мѣстахъ толпа подожгла зданія ненавистныхъ таможенъ. Жестокость таможенныхъ чиновниковъ проявилась даже въ день революціи. Одинъ торговецъ молокомъ проѣхалъ черезъ таможенную линію въ городъ, не уплативъ пошлины. Таможенный чиновникъ выстрѣлилъ въ него дробью и поранилъ въ грудь въ 23 мѣстахъ. Разъяренный народъ смялъ чиновника и бросилъ его въ пламя пылавшей таможни. Въ бушующую толпу стрѣляли со стѣнъ, даже изъ пушекъ, но возстановить спокойствіе такъ и не удалось. Правительство стремилось расширить пропасть между бюргерами и рабочими и потому предоставило городскому ополченію подавленіе безпорядковъ въ предмѣстьяхъ. Нѣсколько сотенъ рабочихъ было арестовано. Академическій легіонъ не принималъ участія въ усмиреніи; благодаря этому, между студентами и рабочими впослѣдствіи установились дружественныя отношенія.

Теперь по улицамъ то и дѣло проходили то городское ополченіе, то вооруженный академическій легіонъ; на ихъ развернутыхъ знаменахъ красовались слова: „Братство народовъ! Порядокъ и свобода! Свобода печати! Конституція!“ Ихъ повсюду встрѣчали съ восторгомъ. Университетская „Aula“ (актовый залъ) сдѣлалась центромъ движенія.

А при дворѣ уже помышляли о томъ, какъ бы уничтожить всѣ уступки, сдѣланныя народу. Камарилья на одинъ моментъ опять восторжествовала. Правда, императоръ Фердинандъ покинулъ свое убѣжище и на семейномъ совѣтѣ опять повторилъ: „Я стрѣлять не позволю, а если вы велите стрѣлять, я уйду". Тѣмъ не менѣе уже въ три часа вечера 14-го марта явилась слѣдующая прокламація:

„Въ видахъ возстановленія спокойствія императоръ рѣшилъ возложить на фельдмаршала-лейтенанта князя Виндишгреца всѣ необходимыя полномочія и подчинить ему всѣ гражданскія и военныя власти".

Это была „свобода" съ военной диктатурой и картечью.

Вѣнцы сначала оцѣпенѣли отъ неожиданности. Потомъ все населеніе слилось въ общемъ крикѣ негодованія. Начали вооружаться къ борьбѣ. Войска оставались неподвижными. Во дворецъ отправились депутаціи, и князь Виндишгрецъ заявилъ одной изъ нихъ, что всѣ желанія народа будутъ удовлетворены. Но народъ не позволилъ провести себя. Густыя толпы собрались около дворца; время отъ времени стѣны его оглашались бурными криками: „Свобода печати! Конституція! Національная гвардія!" Во многихъ мѣстахъ появились красные значки, чтобы показать, насколько серьезно рѣшился народъ защищать только что завоеванную свободу. Ночью на заборахъ былъ расклеенъ плакатъ, объявлявшій городъ Вѣну въ осадномъ положеніи. Борьба казалась поэтому неминуемой.

На слѣдующее утро распространилась вѣсть о прибытіи депутаціи изъ Венгріи съ Кошутомъ во главѣ. Тогда же появился первый безцензурный листокъ, извѣстный „Гимнъ университету", написанный Франклемъ *).

Между тѣмъ, когда при дворѣ взвѣсили всѣ возможныя послѣдствія борьбы съ вооруженнымъ народомъ, „осадное" настроеніе опять смѣнилось другимъ. Камарилья, наконецъ, согласилась, что самое разумное—„даровать". Добрый Фердинандъ обѣщалъ дать конституцію и сдѣлалъ прогулку по городу. Народъ съ единодушнымъ восторгомъ привѣтствовалъ добросердечнаго человѣка. Изъ толпы вездѣ раздавались крики: „Виватъ императору Фердинанду, который не позволилъ стрѣлять!" Къ вечеру явилась прокламація, которая офиціально возвѣщала добрымъ вѣнцамъ объ ихъ „свободѣ". Анекдотамъ о томъ, какъ Фердинанда побудили къ изданію этой прокламаціи, можно не придавать никакого значенія. Прокламація возвѣщала для Австріи слѣдую-

*) Онъ начинается такими словами:

„Was kommt heran mit kühnem Gange?
Die Waffe blinkt, die Fahne weht:
Es naht mit hellem Tromelklange
Die Universität!"

(„Кто тамъ подходитъ бодро, ясно?
Блистаетъ знамя и стилетъ,
А барабанъ тремитъ такъ властно.
Нашъ университетъ!").

щее: „свобода печати, организація національной гвардіи съ свободно избранными начальниками, созывъ въ самомъ непродолжительномъ времени депутатовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ сословій различныхъ областей и государствъ имперіи, при чемъ бюргерское сословіе должно получить усиленное представительство; задача собранія этихъ депутатовъ — соглашеніе съ императоромъ по вопросу о рѣшенной имъ конституціи отечества“.

Плохой стиль прокламаціи и удивительное выраженіе: „конституція отечества“, показывали, что дѣло было сдѣлано при очень своеобразныхъ условіяхъ. Но вѣнцы опять совсѣмъ угорѣли отъ радости и снова зажгли иллюминацію, — и все это при осадномъ положеніи, потому что оно еще не было отмѣнено.

Прибылъ Кошутъ, рѣчь котораго такъ мощно содѣйствовала завоеваніямъ этого дня, и произнесъ въ университетской „Aula“ пламенное привѣтствіе; венгры, чехи и нѣмцы прославляли праздникъ братства, но дѣйствіе его было, къ несчастью, очень непродолжительно. На слѣдующій день получили удовлетвореніе выставленныя венграми обычныя народныя требованія, въ томъ числѣ и особое отвѣтственное министерство для Венгріи.

Все сплошь блаженствовало и ликовало. Добрые вѣнцы едва ли замѣчали въ то время, что почти всѣ креатуры меттерниховской „системы“ остались въ должностяхъ, сохраняли свой санъ и что весь домартовскій аппаратъ для дрессировки народовъ только на время былъ отстраненъ, но поддерживался въ полной готовности для примѣненія въ позднѣйшее время.

Да почему бы вѣнцамъ и не ликовать? Вѣдь въ эти дни буря восторговъ пронеслась отъ Сициліи до Балтійскаго моря и отъ Карпатовъ до Атлантическаго океана!

17-го марта состоялось погребеніе труповъ убитыхъ. Семнадцать гробовъ на семи колесницахъ были перевезены въ Шмельцъ, гдѣ находились могилы. Передъ тѣмъ трупы были выставлены для опредѣленія личности убитыхъ. Среди нихъ былъ одинъ студентъ-еврей, по имени Шпицеръ, и бѣдный сапожный подмастерье, голова у котораго была разсѣчена сабельнымъ ударомъ. Національная гвардія сопровождала погребальное шествіе; въ немъ участвовало въ общемъ до 30.000 человѣкъ. На знамени, которое несли впереди гробовъ, стояла надпись: „Пали за родину 13-го и 14-го марта 1848 года“. Отъ знамени ниспадали длинныя бѣлыя ленты, которыя поддерживались дѣвушками. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на могилахъ,—ораторами выступали и духовные разныхъ исповѣданій, — павшихъ прославляли, какъ мучениковъ за свободу.

За столицей послѣдовала и остальная Австрія. Но самымъ крупнымъ послѣдствіемъ революціи въ Вѣнѣ была революція въ Верхней Италіи; она произвела мощное впечатлѣніе на всю Европу.

Австрійское господство тяжкимъ гнетомъ лежало на Ломбардіи. Вѣяніе революціи пронеслось черезъ итальянскій полуостровъ отъ Си-

циліи до подошвы Альпъ и раздуло тлѣющій огонекъ въ яркое пламя. Австрійское правительство по обыкновенію выступило со своими нелѣпыми и суровыми мѣропріятіями и только усилило ожесточеніе ломбардцевъ. Уже передъ февральской революціей дѣло нерѣдко доходило до мятежей и кровопролитныхъ столкновеній между ломбардцами, съ одной стороны, и австрійскими войсками—съ другой. Меттернихъ, какъ и всегда, прибѣгнулъ къ средствамъ насилія и 22-го февраля приказалъ объявить въ осадномъ положеніи все ломбардо-венеціанское королевство. На стараго фельдмаршала Радецкаго, начальника австрійскихъ войскъ, стоявшихъ въ Ломбардіи, была возложена совершенно военная диктатура. Радецкій, выдающійся полководецъ, еще въ 1813 г. принималъ участіе въ выработкѣ плана похода противъ Наполеона. Онъ вѣрно служилъ дому Габсбурговъ, былъ энергиченъ, но въ то же время осмотрителенъ въ принимаемыхъ мѣрахъ и принадлежалъ къ числу самыхъ опасныхъ противниковъ итальянской революціи. Онъ не обладалъ склонностью къ мелочнымъ притѣсненіямъ и мучительству, что, напротивъ, составляло наиболѣе характерную особенность австрійской полицейщины, и высшей и низшей. Полиція зашла настолько далеко, что ко времени карнавала воспретила миланцамъ носить маски и перебрасываться конфетти и грозила тюрьмой за эти невинныя развлеченія. Въ концѣ февраля вышло запрещеніе ввозить и провозить оружіе черезъ Италію; оно очень тяжко обрушилось на торговлю желѣзомъ и фабрикацію косъ въ Ломбардіи. Въ Вѣну отправилась депутація, чтобы исходатайствовать отмѣну этого распоряженія; ее приняли презрительно и съ обычнымъ габсбургскимъ высокомѣріемъ дали отказъ. Такимъ образомъ Габсбургскій домъ и его государственный канцлеръ Меттернихъ дѣлали все, чтобы вызвать безпримѣрное раздраженіе во всемъ населеніи Верхней Италіи. Когда въ Миланѣ было объявлено осадное положеніе, весь городъ какъ будто разомъ опустѣлъ. Многіе магазины были закрыты, развлеченія прекратились, и запустѣли даже мѣста для прогулокъ въ этомъ, вообще, такомъ жизнерадостномъ, шумномъ городѣ. Но это было затишье передъ бурей,— обѣ стороны чувствовали, что приближается катастрофа. Это сознавалось и въ Сардиніи, и потому король Карлъ-Альбертъ выставилъ на границу войска, чтобы вмѣшаться при первомъ же удобномъ случаѣ.

17-го марта въ Миланъ пришли вѣсти о событіяхъ въ Вѣнѣ; утромъ 18-го марта австрійскія власти расклеили по угламъ сообщенія объ уступкахъ императора Фердинанда, но при этомъ ни словомъ не упомянули объ отставкѣ Меттерниха. Возможно, что отчасти по этой причинѣ миланцы не придали никакого значенія императорскимъ уступкамъ и увидали во всемъ просто-напросто фокусническую продѣлку. Городскія улицы вдругъ оживились, массы народа начали устраивать грозныя сборища, столкновеніе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Миланцы нападали на отдѣльныхъ австрійскихъ солдатъ и убивали ихъ; когда Радецкій приказалъ стрѣлять въ толпу, она разбѣжалась, но только затѣмъ, чтобы приступить къ сооруженію баррикадъ. Эти бастіоны ре-

волюціи скоро преградили всѣ улицы. Началось уличное сраженіе; обѣ стороны вели его съ страшной энергіей. Въ австрійцевъ стрѣляли изъ оконъ, изъ подвальныхъ отверстій, изъ слуховыхъ окошекъ на крышахъ; сверху на нихъ сыпались камни и лилось кипящее масло. Проливной дождь создавалъ для австрійцевъ всевозможныя затрудненія, промочилъ ихъ до костей и сдѣлалъ огнестрѣльное оружіе непригоднымъ къ употребленію. Вѣрующимъ могло казаться, что само Провидѣніе, наконецъ, выступило противъ грубыхъ насилій австрійцевъ въ Ломбардіи. Борьба унесла много жертвъ съ обѣихъ сторонъ, нѣкоторыя улицы были залиты кровью. Радецкій скоро увидалъ, насколько невыгодно его положеніе. Въ городѣ у него было всего 10.000 солдатъ, да и въ этомъ числѣ одна треть итальянцевъ, которые во время борьбы при первой же возможности соединялись съ возставшими. У Радецкаго чувствовался недостатокъ въ орудіяхъ, въ боевыхъ припасахъ, въ провіантѣ. Уже на 19-е марта австрійскія войска были настолько истомлены, что Радецкому пришлось укрѣпиться въ замкѣ и вывести своихъ солдатъ изъ Милана. Онъ постарался стянуть подкрѣпленія, но это не удалось: при вѣсти о миланскомъ возстаніи разомъ возстала вся Ломбардія. Населеніе, вооружившись, спѣшило на помощь къ миланцамъ. Съ границы Сардиніи пришла вѣсть о передвиженіи войскъ. Гордый фельдмаршалъ со скрежетомъ зубовнымъ долженъ былъ отступить передъ натискомъ народа. Онъ со своими войсками ретировался за Минчіо, разъяренный своимъ пораженіемъ, пылая жаждою мести. Ошибки самихъ итальянцевъ, къ несчастью, доставили ему возможность отмщенія.

Но въ первое время послѣдствія ломбардской революціи были поражающими, уничтожающими для Габсбургскаго дома. Кремона и Бресчія съ помощью итальянскихъ войскъ изгнали австрійскіе гарнизоны. Возстаніе Венеціи приняло настолько энергичный характеръ, что австрійскій комендантъ, графъ Зичи, вынужденъ былъ заключить безславную капитуляцію и передать городъ лагунъ новому, революціонному правительству. Герцоги Моденскій и Пармскій тоже подверглись изгнанію. Тогда совершенно естественно выдвинулась идея соединить возставшія провинціи Верхней Италіи съ Пьемонтомъ и Сардиніей и такимъ образомъ создать прочную опору противъ Австріи. Передъ этой идеей на нѣкоторое время совсѣмъ стушевались республиканскія стремленія, и паролемъ дня сдѣлалось учрежденіе въ Верхней Италіи конституціоннаго королевства. Но этотъ пароль принесъ съ собою несчастье: во главу движенія онъ поставилъ Карла-Альберта, сардинскаго короля. Собственно говоря, у ломбардцевъ и венеціанцевъ были всѣ причины относиться съ недовѣріемъ къ сардинскому королю. Еще въ бытность принцемъ Кариньянскимъ, въ 1821 году, онъ вступилъ въ сношенія съ революціоннымъ обществомъ карбонаріевъ; когда въ Пьемонтѣ вспыхнула революція, возставшіе выдвинули его предводителемъ. Но вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ онъ позорнѣйшимъ образомъ измѣнилъ революціи, и его имя превратилось для передовой части итальянскаго народа въ „величайшее проклятіе“ Италіи. Сдѣлавшись королемъ, Карлъ-

Альбертъ управлялъ съ такимъ деспотизмомъ, какой только допускали сложившіяся обстоятельства. И тѣмъ не менѣе подъемъ движенія, направленнаго къ независимости, вознесъ его на вершину, такъ какъ ломбардцы нуждались въ его оружіи. Карлъ-Альбертъ жадно ухватился за случай сдѣлаться королемъ Верхней Италіи, хотя для этого пришлось вступить на путь революціи: всѣ средства были пригодны для этого честолюбиваго и эгоистическаго человѣка. 24-го марта Карлъ-Альбертъ призвалъ итальянцевъ къ борьбѣ. Масса отвѣтила ему бурей восторговъ, къ нему повалила молодежь, пылавшая жаждой борьбы. Но люди съ самостоятельными сужденіями предчувствовали, что этотъ король погубитъ Италію. Гарибальди, который пріобрѣлъ громкое имя въ войнахъ въ Южной Америкѣ, при вѣсти объ итальянскомъ движеніи поспѣшилъ на родину, и когда къ нему обратились съ вопросомъ, не предлагалъ ли онъ свою шпагу въ распоряженіе Карла-Альберта, отвѣтилъ гордыми словами: „Подобнаго сорта люди не стоятъ того, чтобы имъ подчинялись такія, какъ наши, сердца!“

Пожалуй, въ этихъ словахъ нѣсколько слишкомъ много чувства собственнаго достоинства. Но было бы лучше, если бы всѣ итальянцы страдали этимъ излишествомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Мартовскіе дни въ Пруссіи.

Прусское царство военщины, казалось, было непоколебимой прочности. Его „блестящее воинство“, на которое ежегодно расходовалось болѣе 22 милліоновъ при государственномъ бюджетѣ всего въ 51 милліонъ талеровъ, по сравненію съ численностью населенія было много сильнѣе, чѣмъ австрійская и французская арміи. Безчисленные чиновники управляли „со строгостью и благочестіемъ“, и каждый изъ нихъ считалъ себя въ предѣлахъ своей канцеляріи маленькимъ самодержцемъ милостью Божіей. Либеральное бюргерство характеризовалось трусливостью, а подавляющая масса народа казалась политически безразличной. И однако желѣзный кулакъ мартовскихъ событій такъ мощно ударилъ въ это непоколебимое, повидимому, государственное зданіе, что ворота съ грохотомъ рухнули и старый абсолютизмъ поблѣднѣлъ съ перваго же момента, охваченный дикимъ, смертельнымъ ужасомъ. Правда, впослѣдствіи онъ былъ опять „гальванизированъ“, такъ что производилъ конвульсивныя, судорожныя движенія; тѣмъ не менѣе въ его организмѣ уже не удалось пробудить цѣлостную попрежнему и полную жизнь.

Все это случилось не сразу. Піонерами выступили мелкія и среднія германскія государства; даже Австрія шла впереди. Но и на территоріи прусскаго государства не было недостатка въ предзнаменованіяхъ. Прежде всего швейцарскій кантонъ Нейенбургъ (Невшатель) (Вѣнскій конгрессъ со своимъ извѣстнымъ мастерствомъ въ штопальнопортняжномъ искусствѣ поставилъ его подъ верховную власть прусской монархіи и такимъ образомъ превратилъ въ неистощимый источникъ политическихъ столкновеній) отдѣлился отъ Пруссіи. Правда, Невшатель былъ слишкомъ далекъ отъ Пруссіи. Но вліяніе французской революціи скоро обнаружилось и въ рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи. Онѣ чувствовали себя „прусскими поневолѣ“, ихъ жители съ несравненно большей охотой остались бы сами собой. Въ нихъ жило благодарное воспоминаніе о переворотѣ девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія, который принесъ съ собой для рейнскихъ земель освобожденіе отъ клерикальныхъ правительствъ и современное фран-

цузское законодательство; при немъ рейнскимъ странамъ жилось безконечно лучше, чѣмъ подъ управленіемъ духовныхъ дворовъ съ ихъ средневѣковыми париками. Въ мартовскіе дни, дышавшіе бурей, звуки „Марсельезы“ послышались въ Кельнѣ; къ великому негодованію господъ военныхъ и бюрократовъ „Марсельезу“ играли и, разумѣется, пѣли въ кельнскихъ кофейняхъ. Все пришло въ движеніе. Либеральная буржуазія обратилась къ депутатамъ Рейнской провинціи, предлагая обсудить положеніе; на соборномъ дворѣ мелкое и среднее бюргерство устроило собраніе. Собраніе обнаружило величайшую скромность; здѣсь все еще опирались на кабинетскій указъ 1815 года и выставили извѣстныя „народныя требованія“. Говорили о томъ, что въ такое возбужденное время слѣдуетъ отказаться отъ удовольствій карнавала. Но карнавалъ все-таки состоялся.

Въ Кельнѣ можно было наблюдать, какой прогрессъ сдѣлалъ соціализмъ; на ряду съ буржуазнымъ движеніемъ здѣсь развивалось другое— движеніе рабочихъ. Они большой толпой собрались на Старомъ Рынкѣ и отсюда отправили депутацію въ городскую думу. Во главѣ депутатовъ выступилъ фонъ-Виллихъ, отставной артиллерійскій лейтенантъ. Онъ представилъ извѣстныя „народныя требованія“, снабдивъ ихъ своими собственными придатками, имѣвшими соціалистическую окраску. Онъ требовалъ защиты труда, удовлетворенія человѣческихъ потребностей, а также воспитанія дѣтей на общественный счетъ. „Соціализмъ“ господина лейтенанта былъ довольно замысловатый, что объясняется неразвитостью общественныхъ отношеній того времени, а также общей спутанностью мышленія у господина фонъ-Виллиха. Но нельзя отрицать, что Виллихъ былъ человѣкъ энергичный: онъ заявилъ, что ни онъ, ни рабочіе не уйдутъ съ Рынка, пока городская управа не постановитъ рѣшенія. Дума не могла принять никакого рѣшенія; но вотъ въ 10 часовъ послышался сигналъ къ выступленію, надвинулись войска и жестоко разогнали собравшуюся толпу. Нѣкоторые рабочіе бросились къ городской думѣ. Это такъ напугало одного почтеннаго отца города, что онъ выпрыгнулъ въ окно и переломалъ себѣ ноги. Его коллеги почти всѣ разбѣжались. На слѣдующее утро было арестовано нѣсколько народныхъ ораторовъ. Но Кельнъ пришелъ въ величайшее возбужденіе и такъ запугалъ буржуазію, что она заявила оберъ-президенту провинціи: уступки — единственное средство спасенія. Среди народной массы начались споры о преимуществахъ монархическаго и республиканскаго правленія; послышались даже угрозы присоединиться къ Франціи.

Таковъ былъ прологъ на Рейнѣ. Берлинскіе юнкеры и бюрократы взирали на событія со своей обычной надменностью и грозили самыми крайними мѣрами, если берлинская „чернь“ выдумаетъ тоже „хорохориться“ („sich mausig machen“). Король, напротивъ, съ большимъ душевнымъ спокойствіемъ отнесся къ отпаденію Невшателя. Ему казалось, что, кромѣ прекраснаго вида изъ тамошняго замка, онъ ничего не теряетъ.

Настроеніе берлинскаго населенія было возбужденное. Извѣстія изъ Парижа, изъ южной и средней Германіи не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія и въ прусской столицѣ. Берлинскій мѣщанинъ, который до сихъ поръ только неудачно острилъ, пилъ бѣлое пиво, по воскресеньямъ прогуливался „подъ Липами" и находилъ величайшее удовольствіе въ почтительномъ созерцаніи проходящихъ гвардейскихъ полковъ, сдѣлался разомъ серьезнѣе. Въ пивныхъ и кофейняхъ — выражаясь языкомъ „Фоссовой Газеты"—заговорили о „политическихъ и ученыхъ вещахъ". Рабочіе, подхлестываемые нищетой, тоже обнаружили необычайное возбужденіе; особенное впечатлѣніе произвелъ на нихъ тотъ фактъ, что въ Парижѣ одинъ рабочій вошелъ въ составъ правительства и что это правительство обѣщало рабочимъ гарантировать для нихъ пропитаніе.

Въ городѣ ходили всевозможные слухи; власти обнаружили большую предусмотрительность. Много разговоровъ было о томъ, какъ станутъ держаться войска, если вспыхнетъ борьба, и т. д. Вслѣдствіе этого начальство сдѣлало военныя приготовленія; войска стояли въ казармахъ, готовыя выступить во всякій моментъ; на Кепеникской улицѣ, въ артиллерійской казармѣ и въ другихъ мѣстахъ были заготовлены многочисленныя пушки. Это не могло пройти незамѣченнымъ; возбужденіе все увеличивалось.

6-го марта король распустилъ „комитетъ сословій" — учрежденіе очень непопулярное, такъ какъ оно дѣлало излишнимъ созывы собственно ландтага. Надо показать міру говорилось въ тронной рѣчи, „что въ Пруссіи король, войско и народъ остаются одни и тѣ же изъ поколѣнія въ поколѣніе".

Но еще вечеромъ того же дня было представлено доказательство, что прусскій народъ подумываетъ сдѣлаться другимъ: въ Тиргартенѣ, подъ „Палатками", состоялось первое народное собраніе. „Палатки", многочисленныя пивныя и кофейни, расположенныя вдоль рѣки Шпре, искони являлись излюбленнымъ мѣстомъ увеселеній берлинцевъ; теперь онѣ сдѣлались центромъ народнаго движенія. И теперь собранія, состоявшіяся подъ „Палатками", были наполовину народными празднествами и наполовину имѣли видъ политически-парламентскихъ собраній. Въ то время, какъ шла торговля чесночной колбасой, булками, солеными огурцами, водкой и сигарами, на трибунахъ обсуждались злободневные политическіе вопросы; послѣ дебатовъ оттуда опять слышались звуки оркестра музыки. Во время революціи народъ, казалось, захватилъ Тиргартенъ почти въ безраздѣльную собственность; берлинское „общество", которое въ обычное время расхаживало и разгуливало здѣсь во всей своей пышности и великолѣпіи, въ эти дни не показывалось въ Тиргартенѣ.

Первое народное собраніе хотѣло формулировать „требованія народа", но окончилось абсолютно ничѣмъ. Въ тотъ же вечеръ графъ Клейстъ имѣлъ разговоръ съ принцемъ Прусскимъ, впослѣдствіи императоромъ Вильгельмомъ I. Клейстъ полагалъ, что для внутренней

безопасности необходимъ германскій парламентъ, а также гражданское ополченіе. Принцъ рѣшительно выступилъ и противъ того и противъ другого. Тотъ фактъ, что графъ Клейстъ, реакціонеръ и аристократъ, считалъ необходимымъ гражданское ополченіе, лучше всего доказываетъ, насколько хорошо понимали реакціонеры, что движущая сила революціи лежитъ въ пролетаріатѣ и что „вооруженіе гражданъ“ послужитъ для его подавленія. „Нѣмецкій бюргеръ“ съ его довѣрчивостью и его страхомъ передъ краснымъ призракомъ попалъ на „гражданское ополченіе“, какъ муха на клей, и попалъ такъ основательно, что, какъ мы увидимъ, благодаря этому почти полностью погибли всѣ его завоеванія.

На биржѣ между тѣмъ господствовало большое замѣшательство, потому что курсы полетѣли внизъ съ головокружительной быстротой. Прусскія государственныя бумаги уже 7-го марта упали до 80% номинальной стоимости; желѣзнодорожныя акціи падали еще быстрѣе; рантьеры были охвачены паникой.

Возбужденіе замѣчалось и среди гласныхъ городской думы; но подавляющее большинство этихъ господъ съ полнымъ сознаніемъ вѣрноподданничества носило золотую цѣпь, введенную для берлинскихъ гласныхъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Утромъ 7-го марта дума 18-ю голосами противъ 9-ти отклонила предложеніе потребовать отъ короля созыва соединеннаго ландтага. Днемъ раньше оберъ-бургомистръ и представитель отъ гласныхъ обѣдали у короля, и оберъ-бургомистръ Краусникъ заявлялъ потомъ, что онъ не приметъ участія ни въ какихъ безпорядкахъ и откажется отъ званія президента возможнаго въ будущемъ временнаго правительства. Тогда еще не зашли такъ далеко, какъ въ наше время, когда оппозиціонные политики принимаютъ участіе въ дворцовыхъ пирахъ и потомъ, оставивъ дворецъ, передъ народомъ опять разыгрываютъ „оппозицію“.

Вечеромъ 7-го марта подъ „Палатками“ опять собрались многолюдныя толпы; на этотъ разъ былъ выработанъ адресъ, въ которомъ въ рѣшительной формѣ выражены требованія народа *). Избрали депутацію и возложили на нее обязательство передать адресъ лично королю Фридриху-Вильгельму IV.

Собравшись на слѣдующее утро въ одной читальнѣ, въ „газетной“, депутація и не подозрѣвала, что полиція Пруссіи уже рѣетъ надъ нею. Велико было ея изумленіе, когда передъ ней предсталъ президентъ полиціи фонъ-Минутоли и заявилъ, что онъ сдѣлалъ королю докладъ о вчерашнемъ собраніи и король сообщилъ ему, что онъ ни подъ ка-

*) Требованія формулированы въ такомъ порядкѣ: „1) свобода печати; 2) свобода слова; 3) общая амнистія по всѣмъ дѣламъ, касающимся печати и политическихъ мнѣній; 4) неограниченное право совѣщаній (собраній) и организаціи союзовъ; 5) политическая равноправность всѣхъ гражданъ, безъ различія религіи и имущества; 6) суды присяжныхъ и независимость судей; 7) уменьшеніе численности постояннаго войска и народное вооруженіе; 8) обще-германское представительство; 9) созваніе соединеннаго ландтага въ наивозможно скоромъ времени“.

кимъ видомъ не приметъ депутаціи; адресъ королю слѣдуетъ отправить по почтѣ. Президентъ полиціи добавилъ къ этому, что ему данъ въ надлежащей формѣ приказъ: всѣми средствами, не останавливаясь даже передъ кровопролитіемъ, воспрепятствовать исполненію постановленія относительно отправки депутаціи *).

Депутація, состоявшая изъ людей политически не дисциплинированныхъ, отступила передъ такой отеческой угрозой, но все же положила адресъ для собиранія подписей. Между тѣмъ адресъ произвелъ на короля извѣстное впечатлѣніе. Восьмого же марта онъ издалъ прокламацію, которая открываетъ надежду на радикальную реформу законодательства о печати, освобожденіе отъ цензуры, но въ то же время говоритъ и о „гарантіяхъ противъ злоупотребленій свободой печати". Прокламація не произвела никакого впечатлѣнія, потому что она содержала только неопредѣленныя обѣщанія, притомъ уже сдѣланныя союзнымъ сеймомъ.

Событія слѣдовали одно за другимъ. 9-го марта народъ сдѣлалъ новый шагъ впередъ. Подъ „Палатками" состоялось первое большое народное собраніе; оно привлекло тысячи посѣтителей и постановило обратиться къ городскимъ гласнымъ съ просьбой о врученіи адреса королю. Собраніе прошло съ образцовымъ спокойствіемъ и порядкомъ. Но въ движеніи чувствовался недостатокъ силы и рѣшительности. Варнгагенъ фонъ-Энзе, тонкій наблюдатель, около этого времени писалъ въ своемъ дневникѣ: „Если бы во Франціи было мыслимо внезапное возвращеніе къ государямъ ихъ силы,—не отберутъ ли тотчасъ же обратно всѣ уступки въ Германіи, не откроютъ ли преслѣдованія и не подвергнутъ ли наказаніямъ вождей движенія? Мы живемъ чужимъ счастьемъ, воздѣйствіями изъ-за границы".

Въ кельнской (старо-берлинской) ратушѣ вечеромъ происходили пренія городскихъ гласныхъ. Мѣста для публики были переполнены. Въ этихъ преніяхъ уже заявилъ о себѣ соціальный вопросъ. Число безработныхъ достигло въ Берлинѣ огромныхъ размѣровъ; были организованы бюро для отысканія работы. Въ первый же день въ нихъ записалось до 700 рабочихъ, но работа нашлась т о л ь к о т р о и м ъ. Это должно было показать почтеннымъ отцамъ города, что бѣда не въ отсутствіи учрежденій для у к а з а н і я работы, а въ избыткѣ безработныхъ рабочихъ. Одна петиція, ссылаясь на лишенія рабочихъ классовъ, требовала учрежденія „постоянной депутаціи" при городскомъ управленіи, цѣлью дѣятельности которой должно послужить благо рабочихъ; та же петиція требовала, чтобы „всеобщими сборами по домамъ" были добыты средства на организацію общественныхъ работъ. Поднялись долгіе споры о

---

*) Поведеніе фонъ-Минутоли во время берлинской революціи было по меньшей мѣрѣ очень двусмысленно. Тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ свою популярность, — слишкомъ мало политическаго опыта было еще у берлинцевъ. Того факта, что господину фонъ-Минутоли принадлежитъ „заслуга" „открытія" большого польскаго заговора 1846 г., при другихъ условіяхъ было бы достаточно, чтобы отнять у президента полиціи довѣріе общества.

томъ, кто долженъ здѣсь дѣйствовать: государство или же городъ. Вообще соціально-экономическія воззрѣнія городскихъ гласныхъ характеризовались такой же отсталостью, какъ и взгляды петиціонеровъ. Дѣло было передано, наконецъ, особой комиссіи, равно какъ и предложеніе организовать гражданскую стражу. Послѣднее требованіе было выставлено нѣсколькими мѣщанами, которые съ трусливымъ нытьемъ и со щелкающими отъ страха зубами утверждали, будто войско и полиція не могутъ доставить своевременной охраны для собственности и будто и жизни и собственности угрожаетъ непосредственная опасность. Потомъ подвергли обсужденію проектъ очень робкаго адреса, который требовалъ отъ короля свободы печати, истиннаго народнаго представительства и единаго государственнаго устройства Германіи. И этотъ адресъ былъ переданъ въ комиссію.

11-го марта эти вопросы подверглись новому обсужденію городскихъ гласныхъ. Очень многочисленная публика держала себя до крайности неспокойно, такъ что ей нѣсколько разъ пригрозили очисткой трибунъ. Было постановлено передать королю упомянутый выше кроткій адресъ, который вышелъ изъ комиссіи еще болѣе безобиднымъ; напротивъ, отцы города отклонили предложеніе препроводить адресъ въ собраніе подъ „Палатками". Что касается предложенія учредить гражданскую стражу, оно вызвало самые запутанные дебаты. Гласные разошлись, не придя ни къ какимъ результатамъ. Берендса и доктора Науверка, демократическихъ гласныхъ, на улицахъ встрѣтили горячими оваціями; народъ привѣтствовалъ ихъ восторженными „ура".

Иниціаторы адреса въ „Палаткахъ" въ своемъ замѣшательствѣ дошли до такой наивности, что обратились къ одному тайному совѣтнику съ просьбой вручить адресъ по назначенію. Отвѣтомъ была, разумѣется, ироническая усмѣшка. Тогда рѣшено было отправить адресъ по почтѣ, — совсѣмъ такъ, какъ отечески посовѣтовалъ господинъ президентъ полиціи. Городскіе же гласные со своимъ адресомъ были приглашены къ королю на 14-е марта.

Возбужденіе берлинцевъ все увеличивалось, благодаря новымъ извѣстіямъ извнѣ, которыя приходили теперь чуть не ежечасно и сообщали о новыхъ успѣхахъ народа *).

13-го марта изъ Кельна пришли извѣстія объ успѣхахъ движенія въ Рейнской провинціи. Ходили всевозможные слухи. Разсказывали, будто принцъ Прусскій въ рѣчи, обращенной къ войскамъ, подготовлялъ ихъ къ борьбѣ, будто онъ отправляется въ рейнскія земли, чтобы

*) Забавно прослѣдить поведеніе мѣщанъ и трусовъ въ эти бурные дни. Такъ, въ письмѣ, напечатанномъ въ „Фоссовой Газетѣ" отъ 13-го марта, нѣкто спрашиваетъ: „Есть ли нужда обнаруживать такую ужасающую поспѣшность, чтобы поставить Германію на голову? Если построить домъ въ четыре недѣли, черезъ восемь дней онъ разрушится. Но неужели и въ Пруссіи хотятъ построить такой домъ?"—Въ томъ же нумерѣ другой мѣщанинъ обращается къ пролетаріямъ съ совѣтомъ искать помощи въ самихъ себѣ, потому что она никогда не можетъ притти извнѣ. Этотъ высокомудрый человѣкъ очевидно не зналъ, насколько опасенъ для его собственнаго класса такой совѣтъ въ революціонныя времена.

силой оружія подавить тамошнее народное движеніе. Уже это одно дѣйствовало, какъ набатный призывъ; а тутъ пришло новое извѣстіе, которое усилило возбужденіе: разсказывали, будто отданъ приказъ воспрепятствовать собраніямъ въ Тиргартенѣ вооруженной силой. Благодаря этимъ вѣстямъ, люди толпами выходили на улицы. Улица „подъ Липами", Дворцовая площадь, Королевская улица, да и всѣ главныя улицы переполнились настолько, что началась давка. Учебныя заведенія были закрыты. Правительство показало, что оно приготовилось къ борьбѣ. Около 6 часовъ многочисленные кавалерійскіе отряды двинулись къ Бранденбургскимъ воротамъ. Пѣхота заняла дворецъ и арсеналъ. Выдвинули орудія. По улицамъ проѣзжали сильные патрули жандармовъ. Генералъ фонъ-Пфуль, губернаторъ Берлина, солдатъ изъ школы Блюхера и Гнейзенау, рекомендовалъ войскамъ соблюдать умѣренность и снисходительность; но многіе офицеры и солдаты страстно хотѣли борьбы.

Собраніе подъ „Палатками" въ этотъ вечеръ прошло въ величайшемъ порядкѣ. Оно обсуждало вопросы о германскомъ флотѣ и о министерствѣ труда. У полиціи не было поводовъ для вмѣшательства. Собраніе постановило обратиться къ королю съ адресомъ, проектъ котораго былъ представленъ въ литографированномъ видѣ. Въ адресѣ говорилось, что капиталисты и ростовщики угнетаютъ народъ и что король долженъ учредить министерство труда, „чтобы защитить государство отъ опасностей, спасти всеобщую собственность и жизнь отъ предстоящихъ опустошеній и улучшить долю рабочаго". Самъ по себѣ адресъ былъ совсѣмъ безобидный; но мѣщанская пресса использовала его для жалкой и безсовѣстной травли. „Фоссова Газета" доносила публикѣ, что адресъ „чисто коммунистическій" и что онъ предназначенъ „для возбужденія трудящихся классовъ".

Между тѣмъ у Бранденбургскихъ воротъ произошла стычка между толпой народа и кавалеріей. Къ воротамъ подошли возвращавшіеся въ городъ съ собранія подъ „Палатками"; „подъ Липами" началась великая суматоха. Войско круто вмѣшалось, а у дворца на густую, тѣснившуюся толпу было сдѣлано нападеніе со штыками на перевѣсъ. Толпа съ дикими криками разбѣжалась. Шумъ достигъ до опернаго театра; въ испугѣ тамъ прекратили представленіе. На Зеленой улицѣ была сдѣлана попытка соорудить баррикаду, на Охотничьей улицѣ напали на оружейный магазинъ. Но въ общемъ нигдѣ не оказали рѣшительнаго сопротивленія полиціи и войскамъ.

„Въ газетахъ жалкое филистерство беретъ перевѣсъ", пишетъ Варнгагенъ подъ 13-мъ марта. И дѣйствительно, большинство газетъ подвизалось въ презрѣнномъ дѣлѣ травли противъ народа; впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи шла „Фоссова". Поучительно воспроизвести хотя одну статью изъ этой газеты филистеровъ, изъ нумера отъ 15-го марта 1848 года: не мѣшаетъ уяснить себѣ, какую позицію занимали филистеры до борьбы и послѣ борьбы. Итакъ, въ нумерѣ отъ 15-го марта говорится:

„Наши полицейскія власти молча терпѣли народныя собранія, которыя въ послѣдніе вечера устраивались подъ „Палатками“, хотя таковыя собранія воспрещены союзнымъ постановленіемъ отъ 1832 года. Полицейская власть руководствовалась при этомъ человѣколюбивымъ намѣреніемъ: при теперешнемъ возбужденіи избѣгать всякаго столкновенія съ народными массами и всякихъ несчастныхъ случаевъ, которые неизбѣжно должны бы произойти при этомъ. Но послѣ того, какъ собранія эти со вчерашняго вечера *) пріобрѣли такой опасный характеръ, послѣ того, дальше, какъ составилось убѣжденіе, что въ этихъ собраніяхъ вовсе не находитъ себѣ выраженія воля собственно благовоспитаннаго и приличнаго общества, власти намѣрены сегодня подавить собранія съ величайшей энергіей и рѣшительностью, и, какъ говорятъ, съ этою цѣлью военнымъ начальникамъ отданы очень строгія приказанія. Въ самомъ дѣлѣ, подавляющую часть вчерашняго собранія составлялъ только разный сбродъ и незрѣлые люди, которые, ни въ малой мѣрѣ не обладая политическимъ пониманіемъ, искали тамъ только пищи для своей дерзости и не останавливались передъ тѣмъ, чтобы грозить опасностью жизни и собственности своихъ разсудительныхъ согражданъ. Среди ораторовъ, которые тамъ выступали, тоже не было ни одного выдающагося человѣка или хотя бы такого, который пользовался бы среди народа извѣстнымъ престижемъ и уваженіемъ; напротивъ, тамъ были исключительно молодые люди, едва лишь оставившіе школу, которые дѣлали на собраніи пробу своимъ незрѣлымъ талантамъ. И адресы, которые создались при такихъ обстоятельствахъ, имѣютъ очень убогій характеръ; они представляютъ явное и очень слабое подражаніе заграничнымъ демонстраціямъ, но далеко уступаютъ имъ по внутреннему содержанію и исторической обоснованности. Итакъ, пусть наши разсудительные сограждане держатся вдали отъ этихъ собраній, пусть они убѣдятся въ томъ, что такія безсодержательныя средства, разсчитанныя исключительно на любопытство, могутъ причинить только вредъ положительному и легальному прогрессу“.

Точь въ точь, какъ въ настоящее время офиціозныя и офиціальныя газеты говорятъ о собраніяхъ, которыя устраиваетъ крайняя лѣвая. Впослѣдствіи мы еще увидимъ, какъ послѣ побѣды гражданская безпринципность въ тѣхъ же самыхъ газетахъ повергласъ въ прахъ предъ успѣхомъ и какъ „благовоспитанные“ и „приличные“ люди начали превыше всякой мѣры восхвалять „разный сбродъ“.

Въ томъ же нумерѣ „Фоссова“ требуетъ, чтобы ораторы собраній въ „Палаткахъ“ дали „точныя свѣдѣнія“ о своемъ имени, званіи и мѣстѣ жительства,—вѣроятно, съ той цѣлью, чтобы ночью, когда они будутъ возвращаться домой, напасть на нихъ и поколотить **).

*) Статья помѣчена 14-мъ марта; слѣдовательно, подразумѣвается вечеръ 13-го марта.

**) Въ одномъ письмѣ, напечатанномъ въ „Фоссовой Газетѣ“, говорится: „Вниманію бунтарей! Спѣши не торопясь, не то узнаешь дубину какъ разъ!“—Еще одно письмо:

Травля, открытая прессой филистеровъ, принесла свои плоды. Одинъ офицеръ на вопросъ гражданъ отвѣтилъ: „Если прикажутъ, мы будемъ стрѣлять, и съ большимъ удовольствіемъ“. Эти слова переходили изъ устъ въ уста и усиливали негодованіе.

14-го марта городскіе гласные со своимъ адресомъ были приняты королемъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ своемъ отвѣтѣ замѣтилъ слѣдующее: въ то время, когда все кругомъ кипитъ въ цѣломъ мірѣ, нельзя ожидать, чтобы въ Берлинѣ температура была ниже точки замерзанія; онъ доволенъ, что въ этомъ большомъ городѣ, гдѣ имѣется столько матеріаловъ для броженія, безпорядки не достигли бóльшихъ размѣровъ; онъ обѣщаетъ подумать о постепенномъ развитіи конституціонной жизни, это дѣло не допускаетъ чрезвычайной поспѣшности; на 27-е апрѣля онъ намѣренъ созвать соединенный ландтагъ, и тогда все будетъ рѣшено.

Отцы города воображали, что изъ дворца они несутъ съ собой колоссальное завоеваніе: созывъ соединеннаго ландтага. Но ихъ близорукость скоро получила надлежащій урокъ. Въ тотъ же вечеръ явился указъ короля о созывѣ ландтага, который долженъ стремиться къ тому, „чтобы свободными учрежденіями охранить Германію отъ опасностей переворота и анархіи“. Но указъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на народныя массы. Онѣ были раздражены расклеенными по угламъ объявленіями, въ которыхъ губернаторъ и президентъ полиціи обращались съ предостереженіями и грозили наказаніями за скопища и сборища. Въ случаѣ собраній домохозяева должны были запирать свои дома, фабриканты—свои фабрики, мастера—свои мастерскія, чтобы никто изъ собравшихся не могъ скрыться. Взаимная ненависть войскъ и народа все возрастала, опять произошли стычки, которыя на этотъ разъ были ожесточеннѣе и кровопролитнѣе. Войска тоже приходили въ раздражительное настроеніе, потому что изъ толпы имъ нерѣдко кричали: „Эй, вы, деревенскіе парни, отправляйтесь домой и жрите казенный хлѣбъ!“ Кое-гдѣ въ солдатъ бросали каменьями, наносили удары палками. Въ другихъ мѣстахъ, въ особенности на Дворцовой площади, на Широкой и Братской улицахъ, произошли уже серьезныя схватки, пошло въ ходъ оружіе. Въ тѣсной Братской улицѣ гвардейскіе кирасиры съ тяжелыми шашками врубились въ безоружную толпу, которая не могла двинуться ни впередъ, ни назадъ *). Граждане, которые смотрѣли на рѣзню изъ домовъ, пришли въ негодованіе и дали ему исходъ: направили жалобу—къ министру фонъ-Бодельшвингу. Послѣдній обѣщалъ, что „плачевное происшествіе“ будетъ подвергнуто разслѣдованію. Негодованіе „почтенныхъ“ гражданъ получило такимъ образомъ полное удовлетвореніе.

„Какихъ-нибудь полсотни бюргеровъ, 200 ремесленниковъ-подмастерьевъ, 100 гимназистовъ и разныхъ другихъ человѣчковъ,—могутъ ли они быть представителями тридцатитысячнаго бюргерства?“

*) По словамъ Варнгагена, губернаторъ фонъ-Пфуль на слѣдующій день говорилъ ему, что при этой атакѣ были изрублены многіе невиновные.

Между тѣмъ пришла вѣсть о вѣнскихъ событіяхъ, о сверженіи Меттерниха и побѣдѣ народа. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, который въ это время былъ въ Потсдамѣ, сказалъ: „Ну, надо будетъ отправляться въ Берлинъ, чтобы они тамъ у меня тоже не сыграли какой-нибудь глупой штуки“.

Но лавина покатилась, и уже никто не могъ бы ее удержать.

15-го марта безпорядки и стычки начались снова. Городскіе гласные договорились съ военными властями, что послѣднія должны вмѣшаться лишь въ томъ случаѣ, если опасность будетъ угрожать какимъ-либо лицамъ или собственности; объ этомъ было сдѣлано соотвѣтствующее извѣщеніе. Въ то же время граждане и студенты, по соглашенію съ магистратомъ, сообща организовали охранную комиссію. Съ бѣлыми палками и бѣлыми повязками на рукавахъ они расхаживали по городу и старались успокоить возбужденныя массы. Берлинскіе остряки назвали этихъ стражей „похоронными плакальщиками“; дѣятельность ихъ не принесла никакихъ результатовъ. Вечеромъ Дворцовая площадь опять переполнилась. Когда ворота дворца, въ которыя публика вообще допускалась, вдругъ были захлопнуты, изъ толпы раздались крики и свистъ. Тогда пробили тревогу, надвинулась пѣхота и штыками и прикладами оттѣснила толпу въ ближайшія улицы. Мостовая здѣсь была разрушена, толпа сдѣлала попытку сооруженія баррикадъ. Среди народа показались вооруженные. Тутъ войска пустили въ ходъ огнестрѣльное оружіе. Въ народъ стрѣляли нѣсколько разъ; были убитые и раненые. Всѣ, кто еще сохранялъ нѣкоторое благоразуміе, совѣтовали правительству уступить, отозвать войска, удовлетворить народныя требованія и вооружить гражданъ. Но все было тщетно. Юнкеры и рубаки хотѣли сражаться, — имъ и пришлось сражаться, но конецъ былъ для нихъ неожиданный.

16-го марта государственный совѣтъ во дворцѣ, студенчество въ актовомъ залѣ обсуждали вопросъ, что теперь дѣлать; какъ вдругъ уже къ вечеру на Оперной площади раздался ужасающій ружейный залпъ. Тамъ уже къ полудню собрались кучки любопытныхъ, которые забавлялись тѣмъ, что высмѣивали „плакальщиковъ“. Толпа разрасталась. Вдругъ появляется отрядъ пѣхоты, поворачиваетъ около памятника Блюхеру, быстро даетъ троекратный сигналъ барабаннымъ боемъ и тотчасъ же открываетъ огонь. Много было ранено, нѣсколько человѣкъ убито наповалъ. Послѣдовала сцена паническаго смятенія; толпа съ криками ужаса бросилась черезъ Дворцовую площадь. Нѣкоторое время виднѣлись охваченные дикимъ страхомъ убѣгающіе люди. Потомъ все сдѣлалось тихо. Въ этотъ день больше не было безпорядковъ, но для всякаго было ясно, что теперь катастрофа уже неминуема.

Городскіе гласные въ этотъ день опять дебатировали рабочій вопросъ. Было постановлено просить администрацію не прекращать общественныя постройки. Министръ внутреннихъ дѣлъ далъ обѣщаніе удовлетворить эту просьбу: возобновить постройку канала, приступить къ постройкѣ новыхъ дорогъ, имѣющихъ стратегическое значеніе. Послѣ

этого отцы города совсѣмъ успокоились. Теперь они не хотѣли и слышать о вооруженіи гражданъ. Демократъ докторъ Науверкъ полагалъ, что съ этого времени главное дѣло — добиться свободы печати *); впрочемъ, онъ былъ также и за раздачу оружія гражданамъ.

Студенты отправились во дворецъ, чтобы предложить тамъ свои услуги по части „возстановленія порядка". Командующій офицеръ принялъ ихъ очень грубо и едва не подвергъ заарестованію, такъ какъ на нихъ были черно-красно-золотыя кокарды — офиціальные цвѣта Германскаго Союза. Ихъ предложеніе было просто отклонено. Такой пріемъ послужилъ отчасти причиной тому, что эти молодые люди, вообще очень лойяльные, впослѣдствіи въ большомъ числѣ сражались на баррикадахъ.

17-го марта Берлинъ по внѣшности казался спокойнымъ. Говорили, что въ предыдущій день было убито отъ 15 до 18 человѣкъ. Установить число съ точностью невозможно. Въ больницѣ лежало 80 раненыхъ, въ частныхъ квартирахъ, вѣроятно, не меньше. Среди убитыхъ и раненыхъ были представители и среднихъ классовъ. Въ пылу сраженія ранили даже одного офицера, одѣтаго въ штатское платье. На улицѣ по рѣкѣ Шпре былъ убитъ спасавшійся бѣгствомъ рабочій; пуля попала ему въ спину и потомъ спереди вылетѣла наружу. Среди солдатъ тоже было много раненыхъ брошенными камнями.

Но если въ этотъ день ожесточеніе и возбужденіе не проявлялись на улицахъ, зато тѣмъ сильнѣе были они въ домахъ, въ кафе и трактирахъ, въ читальняхъ и другихъ пунктахъ, гдѣ собирается публика. Кровопролитное вмѣшательство войска заставило берлинца, вообще такого спокойнаго и лойяльнаго, благонамѣреннаго, прямо вскипѣть отъ ярости. Извѣстія о полной побѣдѣ народа въ Вѣнѣ и о движеніи въ Рейнской провинціи тоже производили свое дѣйствіе. Но больше подѣйствовало прибытіе депутаціи изъ Кельна, въ которой находился Францъ Раво, извѣстный кельнскій народный ораторъ. Разсказывали, что депутація рѣшила пригрозить отпаденіемъ рейнскихъ земель отъ Пруссіи и присоединеніемъ къ Франціи, если извѣстныя требованія народа не будутъ удовлетворены. Что касается „присоединенія къ Франціи", дѣло, разумѣется, обстояло не совсѣмъ такъ, но слухи все представляли въ преувеличенномъ видѣ.

Въ тотъ же день состоялись собранія гражданъ за городомъ въ „Кемпергофѣ", а также въ кельнской и берлинской ратушахъ, въ молельнѣ лютеранской общины и въ другихъ мѣстахъ. Было постановлено, по иниціативѣ главнымъ образомъ доктора Венигера, отправиться ко

---

*) Насколько дерзко держалась берлинская цензура еще 15-го марта, видно изъ такого, напр., факта. Окружной цензоръ, Пиперъ коллежскій асессоръ, такъ поздно возвращалъ изъ цензуры листы газеты „Zeitungshalle", что ее нельзя было печатать во-время и разсылать съ вечерними поѣздами. Когда издатель пожаловался на это, цензоръ Пиперъ публично заявилъ, что жалоба на гоненія — „обычный редакторскій пріемъ, чтобы усилить подписку".

дворцу, притомъ толпою. Цѣль заключалась въ передачѣ королю адреса съ желаніями народа и съ такими требованіями, какъ свобода печати, ускореніе созыва соединеннаго ландтага, удаленіе войска и раздача оружія гражданамъ. Предполагалось, что демонстрація будетъ носить совершенно мирный характеръ; въ собраніяхъ ее называли „мирной демонстраціей народныхъ желаній".

Такимъ образомъ, вопреки очень нерѣдкимъ утвержденіямъ, катастрофѣ не предшествовало никакихъ заговоровъ съ кинжаломъ и пистолетомъ. Движеніе, съ полной непосредственностью вытекавшее изъ обстоятельствъ, развивалось совершенно открыто и на глазахъ у правительства. Возможно, что, не будь юнкерства, которое, какъ извѣстно, всѣми силами стремилось „проучить каналій-штатскихъ", еще оказалось бы возможнымъ предотвратить катастрофу.

18-го марта рейнская депутація явилась къ королю и была принята очень милостиво. Во дворцѣ сдѣлались какъ будто поуступчивѣе. Завоеванія революціи во всѣхъ странахъ — такъ, по меньшей мѣрѣ, казалось—пошатнули упрямство тѣхъ лицъ, которыя имѣли доступъ къ королевскому уху. Въ ночь съ 17-го на 18-е марта при дворѣ составилось рѣшеніе пойти навстрѣчу требованіямъ народа. Графу Арниму уже было предложено сформировать новое министерство.

Кельнская депутація представила извѣстныя народныя требованія, и Фридрихъ-Вильгельмъ, который въ этотъ день, казалось, спустился съ высоты своего романтическаго абсолютизма, отвѣтилъ, что желанія рейнскихъ провинцій — его собственныя желанія; онъ встанетъ во главѣ германскаго движенія и предоставитъ Пруссіи свободу, которой отъ него требуютъ. Однако депутаты выразили желаніе получить гарантіи исполненія обѣщаній, и король, нисколько не оскорбившись такимъ требованіемъ, предложилъ обождать нѣсколько часовъ, чтобы захватить съ собой на родину грамоты и прокламаціи, въ которыхъ должно было заключаться исполненіе всѣхъ желаній народа. Принцъ Прусскій, который вообще считался главнымъ противникомъ конституціонныхъ учрежденій, тоже сказалъ отъ себя нѣсколько ласковыхъ словъ депутатамъ изъ Кельна.

Послѣ кельнцевъ явилась новая депутація, отправленная отъ лица городскихъ гласныхъ и представившая, въ согласіи съ собраніями гражданъ, требованія народа. Король и ей обѣщалъ удовлетвореніе всѣхъ „народныхъ желаній". Когда эта депутація возвратилась въ кельнскую ратушу и возвѣстила объ успѣшномъ исходѣ своей миссіи, все пришло въ неподдѣльный восторгъ, который захватилъ и трибуны для публики, а оттуда прокатился на улицу. Можно было видѣть, какъ люди обнимались отъ радости.

Всеобщую радость нѣсколько затемнило явившееся прежде всего извѣщеніе отъ лица магистрата, составленное не особенно ловко. Въ немъ говорилось, что король уже привелъ въ исполненіе либеральный законъ о печати, и магистратъ „всей своей дѣятельностью гарантируетъ осуществленіе этого правительственнаго мѣропріятія". Это про-

будило недовѣріе. Но въ часъ дня явилось экстренное приложеніе ко „Всеобщей Прусской Газетѣ“, въ которомъ были напечатаны два королевскихъ рескрипта. Въ одномъ рескриптѣ дано обѣщаніе ускорить созваніе соединеннаго ландтага и подтверждалось, что преобразованіе германскаго союза влечетъ за собою необходимость конституціоннаго устройства во всѣхъ частяхъ Германіи. Другой рескриптъ отмѣнялъ цензуру и вводилъ денежные залоги для газетъ.

Теперь и прусское либеральное бюргерство получило желанныя завоеванія, хотя, впрочемъ, въ нѣсколько неопредѣленной формѣ. Но этого было недостаточно, чтобы напряженіе ослабѣло. Разразился взрывъ ликованій, какого Берлинъ еще никогда не видывалъ, и скоро охватилъ всѣ центральныя части города. Были люди, которые заявляли, что 18-е марта — счастливѣйшій день въ ихъ жизни. На Дворцовой площади собралось до двухъ тысячъ гражданъ; виватъ за виватомъ въ честь короля оглашали пространство. Въ дворцовомъ дворѣ расположились солдаты, и, покуривая, расхаживали взадъ и впередъ. Магазины были открыты, изъ оконъ дамы глядѣли на колыхающуюся толпу. Король, привѣтствуемый бурными криками восторга, вышелъ на балконъ, хотѣлъ говорить, но его нельзя было слышать. Тогда вышедшій вмѣстѣ съ нимъ бургомистръ Наунинъ громкимъ голосомъ прокричалъ по направленію къ площади:

„Король желаетъ, чтобы воцарилась свобода печати; король желаетъ, чтобы ландтагъ былъ созванъ немедленно.

„Король желаетъ, чтобы всѣ земли Германіи были сплочены конституціей на самыхъ либеральныхъ началахъ; король желаетъ, чтобы развѣвался германскій національный флагъ.

„Король желаетъ, чтобы во всей Германіи были уничтожены таможенныя заставы.

„Король желаетъ, чтобы Пруссія встала во главѣ движенія“.

Восторгъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Граждане вели себя, словно пьяные. Все было прекрасно, разъ свобода завоевана безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Король размахивалъ на балконѣ платкомъ, а министръ фонъ-Бодельшвингъ прокричалъ съ балкона, что теперь можно прикончить всѣ демонстраціи. Послѣ этого король удалился.

На Дворцовой площади присутствовали почти исключительно зажиточные граждане. Толпу, предававшуюся восторгамъ, кричавшую „виватъ“, составляли, употребляя выраженія „тетки Фоссъ“ („Фоссовой Газеты“), „приличные и благовоспитанные люди“. Только на заднемъ планѣ можно было увидѣть отдѣльныя сумрачныя фигуры пролетаріевъ; нѣкоторые изъ нихъ говорили: „намъ, беднякамъ, все это ничего не поможетъ“. Бюргеры пытались разубѣдить рабочихъ, но тѣ серьезно покачивали головами. Фонъ-Савиньи, министръ юстиціи, подошелъ къ одному рабочему, который мрачнымъ взоромъ смотрѣлъ на поднятую суматоху. Безучастность этого человѣка вызвала раздраженіе у придворнаго; онъ постарался втолковать рабочему, что король даровалъ собственно больше, чѣмъ у него требовали. Рабочій окинулъ министра

взглядомъ съ головы до пятокъ и потомъ сказалъ: „Старина, ты не понимаешь этого,—не дали рѣшительно ничего!“

Въ короткихъ словахъ этого простого человѣка изъ народа выразилось безконечно больше мудрости, чѣмъ ея было подъ черепами очень и очень многихъ профессоровъ и либеральныхъ буржуа.

Даже послѣ того, какъ король уже давнымъ-давно покинулъ балконъ, сотни зрителей все еще прибывали на Дворцовую площадь, чтобы выразить свою радость въ шумныхъ „виватъ“.

Но вотъ въ третьемъ часу пополудни наступилъ поворотъ,—наступилъ для лойяльныхъ душъ, преисполненныхъ ликованія, со стихійной неожиданностью, какъ ударъ грома среди яснаго неба.

На караулѣ у дворцовыхъ воротъ стояли солдаты перваго гвардейскаго полка, такъ называемые потсдамцы. Народъ ненавидѣлъ этотъ полкъ, потому что въ предыдущіе дни онъ обнаружилъ въ уличныхъ битвахъ особенную жестокость и враждебность по отношенію къ народу. Гнѣвъ, затаенный въ народѣ, внезапно прорвался съ мощною силой; площадь огласилась бурными криками: „Войска долой! Убрать солдатъ! Король долженъ стать подъ защиту гражданъ!“ Въ этотъ моментъ какой-то „гражданскій стрѣлокъ“ развернулъ черно-бѣлое (прусское) знамя. Небольшая часть зрителей аплодировала, но подавляющее большинство подняло крикъ: „Черно-красно-золотое! Черно-красно-золотое!“ Въ толпѣ поднялась давка, толкотня, суматоха.

Съ дворцовой площадки выдвинулся эскадронъ драгунъ и остановился противъ манежа; казалось, какъ будто онъ намѣренъ разсѣять толпу. Толпа въ дикомъ возбужденіи кричала драгунамъ: „Назадъ, назадъ!“ Въ то же время нѣкоторые господа старались успокоить народъ чтеніемъ королевскихъ рескриптовъ.

Но народъ въ этотъ моментъ видѣлъ только начищенныя каски и обнаженныя шашки драгунъ, но никакъ не рескрипты. Мощный крикъ: „назадъ, назадъ!“ заглушилъ голоса „успокоителей“.

Драгуны поворотили лошадей, какъ будто они хотѣли уступить повелительному „назадъ!“

Изъ толпы уже послышались крики „браво“, какъ драгуны вдругъ опять повернули и быстрой рысью, съ обнаженными саблями, бросились на толпу. Испуганная толпа отхлынула до средины Дворцовой площади, гдѣ стоитъ большой газовый фонарь. Въ то же время подъ грохотъ барабана изъ дворца вырывается рота гренадеръ со штыками на перевѣсъ и быстрымъ натискомъ отбрасываетъ народъ къ мосту Курфюрстовъ.

Вдругъ изъ рядовъ гренадеръ прогремѣли два выстрѣла. Кто это выстрѣлилъ — никому неизвѣстно; никто не былъ раненъ. Тѣмъ не менѣе эти выстрѣлы послужили сигналомъ къ ужасной борьбѣ.

Ошеломленная, полная изумленія, страха и ярости, угрожаемая саблями и лошадьми драгунъ и штыками гренадеръ, толпа разсыпалась и бросилась въ ближайшія улицы съ криками: „Намъ измѣнили! Къ оружію! Мщеніе!“

Возбужденіе и гнѣвъ охватываетъ во мгновеніе ока все населеніе и проникаетъ до отдаленнѣйшихъ частей города. Народъ вооружается, на улицахъ воздвигаются баррикады. Въ безчисленномъ множествѣ и съ невѣроятной быстротой поднимаются онѣ изъ земли и кое-гдѣ достигаютъ до уровня крышъ. Взламывается мостовая, улицы перекапываются канавами, чтобы задержать движеніе кавалеріи. Съ крышъ срывается черепица, чтобы потомъ ее сбрасывать въ приближающіяся войска. Начинается разгромъ оружейныхъ магазиновъ; льютъ пули, заряжаютъ ружья. Вооруженный баграми, кольями, топорами, ножами, старыми саблями и пиками, народъ, пылая жаждой мести, становится на баррикады. Студенты, которымъ роль „плакальщиковъ" надоѣла, наконецъ, до тошноты, отправились въ пригороды и призывали народъ на борьбу. На колокольняхъ гудѣли набатные колокола, и мѣдный ихъ голосъ разносился до деревень, откуда тоже спѣшили толпы вооруженныхъ людей. Берлинъ готовился превратиться въ поле сраженія.

Разные „успокоители" и „посредники" старались между тѣмъ проникнуть къ королю, который былъ во дворцѣ, окруженный сонмомъ генераловъ и придворныхъ. Но дойти до короля никому не удалось, хотя принцъ Карлъ обѣщалъ свое содѣйствіе. Генералъ фонъ-Пфуль, губернаторъ Берлина, получивъ извѣстіе о происшествіяхъ, тотчасъ же поспѣшилъ во дворецъ, но узналъ здѣсь, что командованіе у него отнято и что на его мѣсто призванъ генералъ фонъ-Притвицъ. Бывшій министръ фонъ-Альвенслебенъ разсказываетъ, что ему пришлось вырвать у короля согласіе на отставку фонъ-Пфуля, — трудно было склонить короля къ такому шагу. Для юнкерской придворной камарильи старый Пфуль былъ, разумѣется, недостаточно „энергиченъ".

Однако духъ примиренія какъ будто опять одержалъ верхъ во дворцѣ. Распространился слухъ, что будетъ призвано къ власти либеральное министерство. Около трехъ часовъ изъ дворца вышли два человѣка, повидимому, берлинскіе граждане; они несли прикрѣпленный между двумя шестами большой кусокъ полотна, на которомъ черными буквами, видными издали, было написано: „Недоразумѣніе! Король желаетъ добра!"

Итакъ, во дворцѣ вспомнили о судьбѣ Людовика-Филиппа и Меттерниха. Но и здѣсь было уже слишкомъ поздно. Небольшая кучка людей, собравшихся на Дворцовой площади, не поддержала „виватовъ" королю, которые возглашали носители удивительнаго штандарта. Гулъ набатныхъ колоколовъ и громъ пушекъ скоро заглушили голоса всякихъ посредниковъ, и на улицахъ вспыхнула битва съ яростью и ожесточеніемъ, обычными для гражданскихъ войнъ.

Первой жертвой борьбы палъ гренадеръ, по имени Тейсенъ, который стоялъ на часахъ передъ банкомъ на Охотничьей улицѣ. Толпа народа хотѣла отнять у него ружье; во время борьбы ружье само собой выстрѣлило, и зарядъ убилъ гренадера *).

*) По повелѣнію короля къ зданію банка прибита и находится тамъ до настоящаго времени металлическая доска, на которой сдѣлана надпись, возвеличивающая вѣрность этого гренадера, убитаго будто бы „предательски".

Между тремя и четырьмя часами войска открыли нападенiе на баррикады на углу Охотничьей и Валовой улицъ и на углу Вердерской улицы. Первая баррикада была построена передъ трактиромъ „Газетная", который игралъ въ то же время роль читальни. Обѣ баррикады скоро были взяты войсками. Съ крыши „Газетной" въ ряды солдатъ летѣли каменья, солдаты стрѣляли вверхъ. Они убили буфетчика читальни и 30-лѣтнюю дѣвушку, проживавшую въ услуженiи. Въ третьемъ этажѣ она подошла къ окну, со словами: никто не избѣжитъ „своей судьбы", и тотчасъ же пуля смертельно ранила ее.

Пока войска одерживали эти первые успѣхи, берлинскiй народъ окончательно вооружился и забаррикадировался со всѣхъ сторонъ. Исполинскiя баррикады, воистину шедевры, образцовыя произведенiя революцiонной архитектуры, возвышались около кельнской ратуши и на Александровской площади. Королевская улица преграждалась рядомъ баррикадъ, построенныхъ изъ камней отъ мостовой, опрокинутыхъ колясокъ, омнибусовъ и всевозможныхъ повозокъ, скрѣпленныхъ балками и досками и спереди защищенныхъ канавами. Въ постройкѣ баррикадъ не было никакой системы, но—если такъ можно выразиться—чувствовался дикiй и вѣрный инстинктъ революцiонныхъ борцовъ. Розсказни о „полякахъ" и „французахъ", которые будто бы руководили борьбой, представляютъ просто нелѣпую болтовню. Въ позднѣйшее время сдѣлались извѣстными такiе предводители на баррикадахъ, какъ токарь Гессе, ветеринарный врачъ Урбанъ, городской гласный Берендсъ, механикъ Зигристъ и другiе, т.-е. вовсе не „инородцы".

Рабочiе массами ринулись въ борьбу и тѣмъ сообщили возстанiю еще бо̀льшую силу сопротивленiя. Изъ одной только фабрики Борзига явилась почти тысяча человѣкъ. Всю ночь напролетъ выдѣлывалось оружiе, главнымъ образомъ сабли и пики. Бо̀льшая часть рабочихъ вооружилась желѣзными брусьями. Такъ какъ носился слухъ, будто изъ гарнизоновъ сосѣднихъ городовъ вызывается кавалерiя, то доступы въ городъ со всѣхъ сторонъ были прикрыты баррикадами. Всѣ оружейные магазины были разбиты, но по окончанiи борьбы въ нихъ возвратили почти все захваченное оружiе. Оружiе взяли даже изъ театровъ. Освободили заключенныхъ въ долговой тюрьмѣ, въ такъ называемой „Бычачьей головѣ"; смѣстили всѣ караулы, всѣхъ часовыхъ.

Около Оранiенбургскихъ воротъ рабочiе сооружали баррикаду; въ это время офицеръ подъѣхалъ къ близлежащей артиллерiйской казармѣ, чтобы вывезти отсюда ко дворцу четыре орудiя. Когда онъ уже уѣзжалъ съ пушками, на него напала толпа рабочихъ подъ предводительствомъ одного студента. Артиллеристовъ загнали обратно въ казарму. Одновременно толпа рабочихъ ворвалась въ запасный складъ казармы, чтобы захватить имѣющееся тамъ оружiе. Пока оружiе распредѣлялось, орудiя были направлены черезъ заднюю дверь казармы на Фридриховскую улицу. Рабочiе рѣшили завладѣть пушками или, по крайней мѣрѣ, задержать ихъ. Они захлопнули одну половину воротъ, но другая осталась открытой, и черезъ нее грянулъ выстрѣлъ

картечью; нѣсколько убитыхъ и раненыхъ грохнулись наземь. Рабочіе съ дикими криками разбѣжались, и орудія стремительно выѣхали изъ казармы. Ярость рабочихъ не поддается никакому описанію; призывая къ мести, они тысячами поспѣшили въ тѣ части города, гдѣ уже началась борьба.

Въ королевскихъ войскахъ числилось до 12.000 пѣхоты, три полка кавалеріи, сильная артиллерія и, кромѣ того, гвардейскій корпусъ. Надѣялись, что вызванныя въ Берлинъ подкрѣпленія усилятъ пѣхоту до 20.000 человѣкъ. Генералъ Притвицъ хотѣлъ во что бы то ни стало сохранить сообщенія между Дворцовой площадью, „Липами“ и Жандармскимъ рынкомъ и изъ этой центральной части города отправлять свои колонны, поддерживая постоянную связь между ними. Колонны эти впослѣдствіи должны были соединиться съ войсками, приближающимися извнѣ, и общими силами подавить возстаніе.

Планъ дѣйствія былъ не изъ остроумныхъ. Берлинъ, покрытый сѣтью баррикадъ, совершенно разрушилъ его.

Въ пять часовъ войска открыли нападеніе на Королевскую улицу, покрытую баррикадами до Александровской площади. Съ моста Курфюрстовъ противъ баррикадъ грохотало орудіе, однако довольно-таки безуспѣшно. Войскамъ пришлось брать каждую баррикаду въ отдѣльности. Борьба велась ужасающая. Большинство борцовъ на баррикадахъ было вооружено очень плохо; но скоро можно было замѣтить, что въ борьбѣ приняли участіе и состоятельные граждане, вооруженные ружьями: многіе солдаты пострадали отъ пуль. Съ крышъ каменья сыпались градомъ; оттуда на солдатъ низвергали даже гранитныя тротуарныя плиты, которыя втаскивали на крыши съ великимъ трудомъ. Защитники баррикадъ вступали въ отчаянную рукопашную схватку съ нападающими. Когда одна баррикада попадала въ руки солдатъ, борцы за народное дѣло спѣшили къ ближайшей, и здѣсь снова начиналась все та же борьба. Солдаты вторгались въ дома, рубили въ своемъ ожесточеніи всякаго вооруженнаго человѣка, который попадался имъ на глаза, и уводили множество плѣнниковъ. Къ семи часамъ вечера войска овладѣли баррикадами на Королевской улицѣ. Она выглядѣла, какъ арена страшнаго сраженія; даже на другой день о борьбѣ напоминали огромныя лужи крови, оставшіяся на ней.

Въ то время, какъ битва на баррикадахъ оглашала Берлинъ грохотомъ пушекъ, трескомъ ружей, дикими криками борьбы и стономъ набатныхъ колоколовъ, во дворецъ опять явились разные примирители — епископъ Неандеръ и нѣсколько бюргеровъ со Старой Конной улицы. Они ничего не могли подѣлать, потому что грохотъ пушекъ возродилъ во дворцѣ воинственное настроеніе. Король показалъ изъ окна на Королевскую улицу, переполненную солдатами, и сказалъ: „Эта улица принадлежитъ мнѣ“. — Король думалъ тогда, что такъ называемый народъ состоитъ изъ перепившагося сброда, совращеннаго „подстрекателями-инородцами“, — въ такомъ превратномъ видѣ представили ему придворные истинное положеніе дѣлъ. Когда на углу

Старой Конной улицы, противъ Широкой улицы, на домѣ кондитера д'Эреза взвилось черно-красно-золотое знамя, король гнѣвно воскликнулъ: „Уберите это знамя долой съ моихъ глазъ!"

Пришли во дворецъ для посредничества профессора университета въ своихъ средневѣковыхъ костюмахъ. Ихъ приняли грубо и сдѣлали имъ замѣчаніе за то, что многіе студенты тоже встали на баррикады.

Во дворецъ также явился изъ своего силезскаго помѣстья майоръ фонъ-Винке, который имѣлъ большой вѣсъ въ глазахъ короля *). Онъ сказалъ, что ему было больно въѣзжать въ Берлинъ среди грохота пушекъ, направленныхъ на гражданъ Берлина. Когда нѣкоторые офицеры и придворные иронически усмѣхнулись, фонъ-Винке очень рѣзко осадилъ ихъ, замѣтивъ: на баррикадахъ стоятъ не „пропойцы", не сволочь, но берлинское населеніе. Разсказываютъ, будто онъ даже сказалъ: „Ваше величество, я вижу, что корона колеблется на вашей головѣ". И когда король, потрясенный такой выходкой своего самаго вѣрнаго друга, обратился къ нему съ ласковымъ приглашеніемъ: „дорогой Винке, вы, конечно, поужинаете со мной",— майоръ далъ короткій отвѣтъ: „нѣтъ, я не ужинаю", и въ величайшемъ возбужденіи вышелъ.

Говорятъ, будто во дворцѣ былъ и господинъ фонъ-Минутоли, президентъ полиціи, и тоже призывалъ къ миру. Его отослали ни съ чѣмъ, и тогда онъ, какъ разсказываютъ, сталъ подбодрять гражданъ къ сопротивленію. Послѣднее сообщеніе во всякомъ случаѣ невѣроятно.

Берлинцы, вообще такіе простодушные, теперь такъ увѣренно дѣйствовали въ своемъ царствѣ баррикадъ, какъ будто они привыкли къ нему съ самаго дѣтства. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе не принимало въ борьбѣ активнаго участія и пассивно относилось къ войскамъ, оно оказывало дѣятельную поддержку баррикаднымъ борцамъ. Лавки были открыты; женщины и дѣвушки доставляли на баррикады средства для освѣженія и подкрѣпленія, пищу и напитки. Дѣти занимались отливаніемъ пуль. На баррикадахъ господствовалъ берлинскій юморъ; здѣсь по обыкновенію изобрѣтались удачныя и плохія остроты, пока не надвигались войска и все остальное не стушевывалось передъ ужасами гражданской войны.

При наступленіи ночи борьба началась съ удвоенной силой; разнесся слухъ, что извнѣ приближаются новыя войска, и баррикады были усилены.

На Широкой улицѣ возвышалась мощная баррикада, сооруженная механикомъ Зигристомъ по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства. Тотъ же Зигристъ предводительствовалъ и защитниками баррикады. Она примыкала къ кельнской ратушѣ; за ней возвышался домъ кондитера д'Эреза, нѣкогда принадлежавшій фельдмаршалу Дерфлингеру. Совершенно непонятно, почему со стороны близко расположеннаго дворца не воспрепятствовали сооруженію баррикады.

*) Его нерѣдко смѣшиваютъ съ извѣстнымъ вестфальскимъ депутатомъ фонъ-Винке, его двоюроднымъ братомъ.

Съ наступленіемъ ночи передъ баррикадой запылалъ огонь. Въ семь часовъ защитники баррикады сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по направленію къ дворцу. Войска тотчасъ перешли въ наступленіе. Они освѣщались огнемъ, пылающимъ передъ баррикадой, между тѣмъ какъ обороняющіеся оставались въ тѣни. Началась продолжительная ружейная перестрѣлка. Солдаты подвигались къ баррикадѣ съ правой и лѣвой стороны улицы, по тротуарамъ. Они не могли овладѣть баррикадой и отступили назадъ. Но зато они врывались въ дома, изъ которыхъ въ нихъ стрѣляли съ обѣихъ сторонъ улицы, и производили тамъ жестокую расправу. Всѣ вооруженные, попавшіеся къ нимъ въ руки, были убиты. Приступъ на баррикаду повторялся три раза и три же раза былъ отбитъ; защитниковъ поддерживалъ каменный дождь, съ крышъ сыпавшійся на солдатъ. Тогда выдвинулась впередъ артиллерія и открыла противъ баррикады страшную пальбу картечью и гранатами. Въ промежуткахъ стрѣльбы съ баррикады слышались дикіе крики; но защитники выдержали. Домъ д'Эреза былъ пронизанъ пулями, цѣлыя стѣны превращены въ рѣшето. Все это время на крыльцѣ стоялъ какой-то молодой рабочій въ блузѣ и билъ въ барабанъ. Казалось, ему нѣтъ никакого дѣла до картечи и гранатъ, которыя свистали кругомъ; изумительно, что онъ остался невредимымъ.

Борьба продолжалась больше трехъ часовъ. Наконецъ, солдаты зашли черезъ кельнскую ратушу и сосѣднюю улицу въ тылъ защитникамъ баррикады; притомъ у послѣднихъ вышли всѣ боевые припасы. Поэтому имъ пришлось оставить свою позицію, которую они до того времени защищали съ такимъ мужествомъ.

Огромную стойкость обнаружили борцы за народное дѣло и на углу Верхней Валовой улицы и Интендантской площади. Здѣсь войска были встрѣчены такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и такимъ жестокимъ градомъ камней, что имъ пришлось отступить. Но особенно частый градъ пуль и камней сыпался на солдатъ съ крыши одного дома, расположеннаго на углу Маврской и Іерусалимской улицъ. Гвардія сдѣлала попытку пробраться на Интендантскую площадь черезъ Маврскую улицу и начала обстрѣливать крыши. Она поставила себѣ задачей зайти въ тылъ огромной баррикады, построенной на Интендантской площади. Но ей не удалось овладѣть баррикадами, преграждавшими путь, и потому пришлось ретироваться къ Жандармскому рынку.

Кровопролитная борьба шла также на Голубиной улицѣ; здѣсь огромная баррикада, на которой распоряжался студентъ, выдержала четыре приступа и только тогда перешла въ руки солдатъ. То же самое на углу Охотничьей и Фридриховской улицы, около арсенала земскаго ополченія на Липовой улицѣ и на Александровской площади.

Стояла прекрасная весенняя лунная ночь. Многіе дома были освѣщены. Женщины и дѣвушки, размахивая платками, привѣтствовали и ободряли борцовъ за народное дѣло. Дѣти за баррикадами поспѣшно отливали пули. Небо окрасилось заревомъ отъ моря огня; горѣли сараи

съ артиллерійскими повозками около Ораніенбургскихъ воротъ и королевскій желѣзо-литейный заводъ. Караулки около многихъ воротъ тоже стояли объятыя пламенемъ; несомнѣнно, это были акты мести за рѣзню, учиненную солдатами.

Вся мощь возстанія проявилась въ борьбѣ на Александровской площади. Войска не могли овладѣть ею, хотя битва продолжалась цѣлую ночь.

Солдаты напали на Александровскую площадь со стороны захваченной ими Королевской улицы. Но отпоръ былъ настолько серьезный, что войскамъ пришлось искать прикрытія за баррикадой изъ мучныхъ мѣшковъ. Очень сильная баррикада была сооружена на той сторонѣ Александровской площади, которая лежитъ противъ Королевскаго моста; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на площадь выходятъ Новая Королевская и Ландсбергская улицы, возвышались прямо колоссальныя баррикады. Здѣсь на сторонѣ народа сражались многочисленные „гражданскіе стрѣлки“ Берлина; они привезли даже съ собой двѣ маленькія пушки „гильдіи стрѣлковъ“, которыя энергично поддерживали огонь противъ солдатъ *).

Борьба около Александровской площади велась съ величайшимъ ожесточеніемъ. Но хотя пѣхотный полкъ, вызванный изъ Франкфурта-на-Одерѣ, открылъ нападеніе на Александровскую площадь съ востока, двигаясь по Франкфуртской и Императорской улицѣ, возставшіе все-таки удерживали занятую позицію за собой. Они даже отважились на вылазку съ баррикады на Новой Королевской улицѣ и сожгли деревянный кіоскъ, который служилъ прикрытіемъ для солдатъ.

На баррикадахъ около Александровской площади особенно энергичную дѣятельность проявлялъ ветеринарный врачъ Урбанъ, берлинскій оригиналъ; его исполинская фигура съ длинными развѣвающимися волосами появлялась постоянно безъ шляпы, въ короткомъ коричневомъ сюртукѣ и въ высокихъ сапогахъ. Онъ руководилъ постройкой баррикадъ на Александровской площади, а потомъ, въ пылу сраженія, обнаружилъ выдающееся мужество и находчивость. Впослѣдствіи Урбанъ игралъ двусмысленную роль и лишился былого довѣрія.

Большую извѣстность, какъ герой баррикадъ, получилъ токарь Густавъ Гессе изъ Галле, а также подмастерье-слесарь, по имени Фихтнеръ. Когда одинъ раненый упалъ съ баррикады, Гессе, интеллигентный и отважный рабочій, не обращая вниманія на вражескія пули, спустился и втащилъ его обратно. Гессе проявилъ при этомъ такое мужество, что его товарищи здѣсь же возложили на его голову живой зеленый вѣнокъ **).

---

*) За отсутствіемъ ядеръ обѣ пушки заряжали чѣмъ придется („Murmeln“), а вмѣсто пыжей употребляли чулки. Берлинцы, которыхъ остроуміе никогда не покидаетъ, назвали поэтому обѣ пушки „сурками“ (Murmelthiere), и это прозвище долгое время сохранялось за ними.

**) Гессе часто изображается въ этомъ вѣнкѣ. Онъ пользовался большой любовью рабочихъ. Чтобы обезвредить его или даже привлечь на свою сторону, его сдѣлали

Къ утру девятнадцатаго марта обѣ враждебныя стороны сохраняли на Александровской площади тѣ же позиціи, которыя онѣ заняли съ вечера. Притомъ войска въ концѣ-концовъ пришли въ состояніе полнаго изнеможенія, между тѣмъ какъ борцы на баррикадахъ смѣнялись новыми и новыми подкрѣпленіями.

Послѣ многократныхъ тщетныхъ нападеній на арсеналъ земскаго ополченія въ Липовой улицѣ народъ рѣшилъ взять его приступомъ. Гессе, который поспѣшилъ сюда съ Александровской площади, руководилъ нападеніемъ на зданіе, занятое нѣсколькими молодыми офицерами. Въ началѣ утра арсеналъ былъ взятъ, но въ немъ не нашли такихъ большихъ запасовъ оружія, на какіе разсчитывали. Народъ потерпѣлъ здѣсь большія потери.

Солдаты взяли баррикаду на мосту Геркулеса, но не могли двинуться дальше, потому что на каждомъ шагу натыкались на новыя баррикады. То же повторялось и въ большинствѣ другихъ пунктовъ, гдѣ войска первоначально имѣли успѣхъ. Ихъ приводили въ отчаяніе все новыя укрѣпленія, поднимающіяся изъ земли. Нѣтъ возможности описывать всѣ дальнѣйшія детали этой борьбы. Слѣдуетъ только упомянуть о томъ рѣдкомъ, беззавѣтномъ презрѣніи къ смерти, съ какимъ молодежь бросилась въ эту великую революціонную борьбу. На огромной баррикадѣ, построенной на Голубиной улицѣ, неподвижно стоялъ бѣлокурый студентъ, держа въ рукѣ черно-красно-золотое знамя; пули свистали вокругъ него, но онъ, какъ бы по какому-то чуду, оставался невредимымъ. Недалеко оттуда, за самой жалкой баррикадой, стояло только двое: девятнадцатилѣтній подмастерье-слесарь Глазевальдъ и семнадцатилѣтній ученикъ-слесарь, по имени Цинна. Все ихъ вооруженіе состояло изъ одного стараго ружья и одной сабли. Надвигается батальонъ солдатъ. Глазевальдъ стрѣляетъ изъ своего ружья, но въ тотъ же моментъ самъ получаетъ тяжелую рану. Цинна съ саблей въ рукахъ бросается на солдатъ и наноситъ ударъ офицеру. Цѣлый залпъ раздается противъ него; онъ бѣжитъ въ ближайшій домъ и падаетъ мертвый на землю.

Солдаты, въ пылу борьбы и раздраженные выстрѣлами, сыпавшимися на нихъ изъ домовъ, нападали даже на безоружныхъ. Можно оставить въ сторонѣ простые слухи и привести только провѣренные факты, и все же картина получится достаточно мрачная. Когда солдаты взяли кельнскую ратушу, перебили найденныхъ въ ней или захватили въ плѣнъ и съ побоями увели прочь, они вторглись также въ квартиру жившаго тамъ директора кельнской гимназіи въ Берлинѣ, І. Ф. Августа, ветерана 1813 года. Когда Августъ пожаловался на это вторженіе, одинъ офицеръ ударилъ его шпагой по лицу, такъ что полилась кровь; барабанщикъ, въ свою очередь, нанесъ ему жестокій ударъ по головѣ барабанной палкой. Августа и его родныхъ взяли и повели во дво-

---

констэблемъ, квартальнымъ, и онъ былъ такъ слабъ, что принялъ это мѣсто. Конечно, популярность была разомъ утрачена. Впослѣдствіи онъ испытывалъ большую нужду и получалъ поддержку отъ нѣкоторыхъ старыхъ берлинскихъ демократовъ.

рецъ. Дорогой одинъ гвардейскій гренадеръ безъ всякаго повода застрѣлилъ племянника Августа, студента фонъ-Гольцендорфа, захваченнаго вмѣстѣ съ нимъ. Ни Гольцендорфъ, ни его дядя не принимали въ борьбѣ рѣшительно никакого участія.

Все это — явленія обычныя во время гражданскихъ войнъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ упомянуть еще объ обращеніи съ плѣнными. Ихъ сотнями побросали въ подвалы королевскаго дворца. Большинство изъ нихъ были люди, не принимавшіе никакого участія въ борьбѣ *). Около четырехъ часовъ утра до 600 этихъ плѣнниковъ были переправлены подъ военнымъ конвоемъ въ крѣпость Шпандау. Плѣнныхъ связали по-двое, а руки прикрутили къ спинѣ. Одинъ журналистъ, бывшій среди арестованныхъ, сообщилъ позже, что съ ними „обращались хуже, чѣмъ со стадомъ скота". Они единогласно разсказываютъ, что имъ наносили удары прикладами ружей и саблями, били, толкали, ругали, осмѣивали. Реакціонное населеніе Шарлоттенбурга и Шпандау тоже издѣвалось надъ плѣнниками, которымъ пришлось подвигаться быстро, бѣгомъ, хотя между ними были и дѣти и старики. Эти возмутительныя сцены закончились тѣмъ, что плѣнниковъ заперли до шести часовъ вечера въ сырые казематы „Королевина форта". Разсказываютъ, будто, когда плѣнные отправлялись въ дорогу изъ Берлина, докторъ Штиберъ крикнулъ имъ вслѣдъ: „Не бойтесь! Если намъ (!) суждено быть побѣжденными, вы выступите передъ гласнымъ судомъ. Всякій юристъ почтетъ за честь для себя выступить вашимъ защитникомъ". Мы еще увидимъ, какъ этотъ позднѣйшій „прирожденный криминалистъ" выступилъ въ роли хранителя только что завоеванной „свободы" **).

Между тѣмъ день наступилъ въ Берлинѣ, и сіяющее мартовское солнце освѣтило облитыя кровью мѣста вчерашней борьбы. Огонь пушекъ и ружей на нѣкоторое время замолкъ, но набатный звонъ все продолжался. Борцы за народное дѣло, число которыхъ все еще ежеминутно росло, рѣшили сопротивляться до послѣдней возможности. Когда генералъ фонъ-Меллендорфъ, съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ, явился передъ большой баррикадой на Александровской площади, его обезоружили и взяли въ плѣнъ, потому что народъ опасался предательства. Ветеринарный врачъ Урбанъ защитилъ генерала отъ народнаго гнѣва, но Меллендорфу пришлось подписать приказъ объ отступленіи войска.

*) У одного изъ захваченныхъ нашли клочокъ чистой бумаги. Для одного остроумнаго лейтенанта уже этотъ фактъ самъ по себѣ давалъ „составъ преступленія", corpus delicti; офицеръ заявилъ: „На этомъ клочкѣ онъ хотѣлъ написать прокламацію".

**) Офиціально установлено, что среди плѣнныхъ не было ни одного человѣка осужденнаго за преступленія. Офиціально же установлено, что изъ 700 человѣкъ — общей цифры плѣнныхъ — только 8 были „инородцами", въ томъ числѣ всего одинъ французъ; но изъ нѣмецкой Польши не было ни одного человѣка. Это не мѣшаетъ реакціоннымъ историкамъ — Блюму (сыну Роберта Блюма), Бушу и Зибелю — увѣрять, что событія 18-го марта — дѣло „подонковъ, отбросовъ общества" и „инородцевъ". Легендѣ о „подонкахъ общества" противорѣчитъ также тотъ фактъ, что въ рѣшительные дни въ Берлинѣ совсѣмъ не совершалось кражъ. Одинъ прокуроръ даже заявилъ, что ему теперь рѣшительно нечего дѣлать. Hartmann, 58—59, 65 стр.

Въ семь часовъ появилась прокламація короля: „Къ моимъ возлюбленнымъ берлинцамъ“ *).

Въ этомъ достопримѣчательномъ документѣ король объявляетъ берлинцамъ, что онъ отзоветъ войска, если только народъ первый оставитъ свои баррикады. Велико должно было быть изумленіе берлинцевъ, когда они прочитали въ прокламаціи, что къ мятежу ихъ совратила „шайка злонамѣренныхъ лицъ, состоящая главнымъ образомъ изъ инородцевъ“. Въ той же прокламаціи говорилось, будто Дворцовая площадь была „очищена“ кавалеріей съ оружіемъ, вложеннымъ

*) Полный текстъ этого документа таковъ: „Къ моимъ возлюбленнымъ берлинцамъ. Въ моемъ сегодняшнемъ рескриптѣ о созваніи (соединеннаго ландтага) вы получили залогъ искренней симпатіи вашего короля къ вамъ и ко всему германскому отечеству. Еще не смолкли выраженія восторга, которыми привѣтствовали меня безчисленныя вѣрныя сердца, какъ толпа нарушителей спокойствія примѣшала къ общему ликованію свои мятежническія и дерзкія требованія и стала увеличиваться по мѣрѣ того, какъ благонамѣренные удалялись. Такъ какъ они буйно протискались до самыхъ воротъ дворца, что по справедливости заставило опасаться злостныхъ намѣреній съ ихъ стороны, и такъ какъ моимъ храбрымъ и вѣрнымъ солдатамъ были нанесены оскорбленія, то пришлось очистить площадь при помощи кавалеріи, пущенной шагомъ и съ оружіемъ, вложеннымъ въ ножны, при чемъ два ружья у пѣхоты выстрѣлили сами собою. Хвала Богу! Они никому не причинили вреда. Шайка злонамѣренныхъ, составленная главнымъ образомъ изъ инородцевъ, которые, хотя ихъ и разыскивали съ недѣлю, сумѣли однако скрываться, при помощи явной лжи извратила это происшествіе въ интересахъ своихъ злостныхъ плановъ, вселила въ возбужденные умы многихъ моихъ вѣрныхъ и возлюбленныхъ берлинцевъ мысль о мести за пролитую будто бы кровь и такимъ образомъ сдѣлалась омерзительнымъ зачинщикомъ кровопролитія. Мои солдаты, ваши братья и соотечественники, только тогда пустили въ ходъ оружіе, когда они были вынуждены къ этому многочисленными выстрѣлами изъ Королевской улицы. Необходимымъ результатомъ этого было побѣдоносное движеніе войскъ.

„Отъ васъ, жители моего возлюбленнаго родного города, зависитъ теперь предупредить величайшее несчастье. Вашъ король и самый вѣрный другъ заклинаетъ васъ всѣмъ, что есть для васъ святого,—сознайте, что все это—несчастное заблужденіе. Возвратитесь къ миру, уберите баррикады, которыя еще остаются, и пришлите ко мнѣ людей, преисполненныхъ исконнаго истинно-берлинскаго духа, со словами, приличествующими по отношенію къ вашему королю, и я даю вамъ мое королевское слово, что войска тотчасъ же должны очистить всѣ улицы и площади и что военный гарнизонъ будетъ сокращенъ до самыхъ необходимыхъ размѣровъ у зданій дворца, у арсенала и немногихъ другихъ, и притомъ даже здѣсь на короткое время. Послушайте отеческихъ увѣщаній вашего короля, жители вѣрнаго и прекраснаго Берлина, и забудьте происшедшее, какъ я хочу забыть и забуду въ моемъ сердцѣ въ интересахъ великаго будущаго, которое, благословеніемъ Бога Мира, начнется для Пруссіи, а благодаря Пруссіи—и для всей Германіи.

„Ваша любвеобильная королева, истинная мать и другъ, которая лежитъ на одрѣ тяжкой болѣзни, присоединяетъ свои горячія слезныя просьбы къ моимъ.

„Писано въ ночь съ 18-го на 19-е марта 1848 года.

Фридрихъ-Вильгельмъ“.

Изъ этого видно, какъ придворно-юнкерская камарилья держала короля въ заблужденіи относительно истиннаго положенія вещей. Очевидцы десятки разъ неизмѣнно разсказывали, что кавалерія набросилась на толпу съ обнаженными саблями. Письма короля къ Бунзену ясно показываютъ, какія картины ужасовъ размалевывали передъ нимъ во время мартовскихъ дней.

въ ножны, и будто два ружья у пѣхоты выстрѣлили сами собой. Въ заключеніе король заклиналъ берлинцевъ забыть происшедшее.

Прокламація была совсѣмъ непригодна для того, чтобы успокоить гнѣвъ народа. Отвѣтъ на нее заключался въ томъ, что снова открылась пальба съ баррикадъ.

Прокламацію расклеили повсюду, но она не произвела никакого впечатлѣнія *). Тѣмъ большее впечатлѣніе произвела депутація отъ гражданъ, которая теперь опять поспѣшила во дворецъ, чтобы достигнуть примиренія. Король, окруженный толпой придворныхъ и генераловъ, сначала обнаружилъ большое упрямство. Онъ приказалъ даже епископу Неандеру, чтобы тотъ позаботился объ очищеніи баррикадъ. Это предложеніе привело благочестиваго епископа въ гнѣвъ, а его супруга отъ ярости сорвала съ себя свой чепецъ. Да и что бы могъ этотъ бѣдный епископъ подѣлать съ борцами на баррикадахъ, закопченными въ пороховомъ дыму!

Языкъ депутаціи гражданъ, явившейся во дворецъ, сталъ энергичнѣе, и когда король попытался втолковать гражданамъ, что солдаты справятся съ возстаніемъ, торговецъ Нейманъ отвѣтилъ ему: „Такая побѣда была бы равносильна пораженію!“

Кто въ концѣ-концовъ уговорилъ короля пойти на уступки, трудно установить съ полной опредѣленностью. Всѣ „посредники“, которые въ эту ночь входили и выходили изъ дворца, — городской совѣтникъ Дункеръ, литераторъ Рельштабъ, докторъ Штиберъ и до полдюжины другихъ, — всѣ они впослѣдствіи претендовали на то, что именно они „дѣлали всемірную исторію“. Послѣдняя депутація гражданъ сообщила королю, что весь городъ вооружился и стоитъ на баррикадахъ и что возставшіе поставили цѣлью взять дворецъ приступомъ. Можетъ быть, это обстоятельство, а также мрачное гудѣніе набатныхъ колоколовъ по всему городу заставили ускорить рѣшеніе. Раннимъ утромъ 19 марта король далъ войскамъ приказъ отступать изъ Берлина: борцы баррикадъ побѣдили **).

*) На Широкой улицѣ одна граната застряла въ деревянномъ колодезномъ насосѣ, и остроумные берлинцы наклеили надъ гранатой прокламацію: „Моимъ возлюбленнымъ берлинцамъ“. Колодецъ впослѣдствіи былъ уничтоженъ, такъ какъ въ эпоху реакціи избѣгали всего, что могло бы напоминать о борьбѣ на улицахъ.

**) Уже въ пять часовъ утра войскамъ было предложено не подвигаться впередъ съ занятыхъ ими позицій. Какъ извѣстно, князь Бисмаркъ впослѣдствіи велъ долгія пренія по вопросу объ отступленіи войскъ; онъ утверждалъ, что министръ фонъ-Бодельшвингъ дѣйствовалъ самовластно и приказалъ сдѣлать то, чего не хотѣлъ король: отступить войскамъ, ранѣе чѣмъ очищены баррикады. Этотъ вопросъ не имѣетъ того значенія, какое придаютъ ему противники. Конечно, среди суматохи, вызванной катастрофой, дѣло могло происходить и такъ, какъ утверждалъ Бисмаркъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что отказъ баррикадныхъ борцовъ покинуть занятыя ими позиціи предшествовалъ отступленію войскъ,—и это самое важное. Происшествія во дворцѣ—нерѣшительность, а въ заключеніе уступки — стоятъ въ полномъ согласіи съ этимъ фактомъ. Какъ нельзя болѣе понятно, что Бисмарку, въ свою очередь, хотѣлось бы вычеркнуть изъ исторіи торжество мартовскаго возстанія.

Принцъ Прусскій еще разъ сдѣлалъ попытку настоять на предварительномъ очищеніи баррикадъ, однако безъ всякаго результата. Приказъ короля объ отступленіи пришелъ къ войскамъ въ то самое время, когда ветеринарный врачъ Урбанъ вручалъ офицерамъ на Королевскомъ мосту такой же приказъ генерала фонъ-Меллендорфа. Борьба была кончена, и народъ, который сначала не вѣрилъ этому, шумными изъявленіями восторга привѣтствовалъ вѣсть о своей побѣдѣ и о томъ, что король обѣщалъ назначить новое, популярное министерство. Улицы переполнились толпами ликующихъ, любопытствующихъ и возбужденныхъ людей.

Изслѣдовать вопросъ, на чьей сторонѣ оказалась бы побѣда, если бы борьба продолжалась, — по существу безплодное дѣло. Упомянуть объ этомъ стóитъ лишь потому, что извѣстные литературные наѣздники представляютъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто продолженіе борьбы должно было принести съ собой неминуемое пораженіе народа.

Въ Берлинѣ того времени было до 400 тысячъ жителей. Часть, занятая войсками, составляла лишь нѣсколько больше трети Берлина. Это главнымъ образомъ Фридрихштадтъ и окрестности дворца до Александровской площади и до Монбижу, т.-е. главнымъ образомъ центральныя части города. Но на рабочіе кварталы — прежде всего на Фойгтландъ,—которые совсѣмъ заградились баррикадами и въ которыхъ слѣдовало ожидать самаго ожесточеннаго сопротивленія, войска даже еще и не начинали наступленія. Однако не только здѣсь, но и между Денгофской площадью и Галльскими воротами и около Александровской площади народъ хорошо вооружился и возвелъ многочисленныя баррикады. Чтобы справиться съ возстаніемъ, пришлось бы цѣной тяжелыхъ потерь завоевывать всѣ еще незанятые кварталы. Но это было невозможно, потому что войска были истощены и не получали во-время продовольствія, между тѣмъ какъ борцы на баррикадахъ не только могли смѣняться, но и снабжались пищей и напитками въ большомъ изобиліи. Если бы борьба продолжалась, войска были бы истомлены окончательно, сообщенія ихъ съ внѣшнимъ міромъ были бы отрѣзаны и началась бы атака дворца. Къ этому не мѣшаетъ добавить, что даже среди военныхъ пораженіе войска считали непредотвратимымъ, если бы борьба не закончилась *).

При звукахъ музыки войска вышли изъ Берлина, но выраженія лицъ обличали всю лживость веселыхъ мелодій, разыгрываемыхъ военными оркестрами. „Подъ Липами“ — поразительное явленіе! — скоро опять показались всѣ фланеры и гранители мостовыхъ. Въ то же время отъ Александровской площади къ дворцу двинулась огромная толпа, во главѣ съ баррикадными борцами, чтобы потребовать отъ короля народнаго вооруженія. Одновременно — и безъ всякихъ побужденій извнѣ—къ дворцу принесли трупы павшихъ на баррикадахъ. Нѣкоторые

*) Такъ думалъ между прочимъ генералъ фонъ-Пфуль. См. дневникъ Варнгагена фонъ-Энзе, замѣтки отъ 24 марта 1848 года.

изъ нихъ были ужасно изувѣчены; среди труповъ баррикадныхъ борцовъ были также трупы безоружныхъ, трупы женщинъ.

Многотысячная толпа тѣснилась вокругъ замка снаружи, а во дворѣ въ это время рядами разложили убитыхъ съ ихъ зіяющими ранами и украсили ихъ цвѣтами и вѣнками изъ зелени.

Родственники убитыхъ предавались своей скорби. Вдругъ по двору прокатился крикъ: „Пусть выйдетъ король!" Нѣкоторые укротители—князь Лихновскій, вскорѣ такъ трагически окончившій во Франкфуртѣ свою жизнь, графъ Шверинъ и графъ Арнимъ—старались отговорить толпу отъ ея требованія. Но изъ тысячи устъ къ стѣнамъ дворца несся все тотъ же буйный крикъ: „Король долженъ выйти!" Король и королева появились, наконецъ, во внутренней галлереѣ, оба блѣдные, со страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ. Сдѣлалось тихо. Кто-то воскликнулъ: „Снимите шляпу!"—и король обнажилъ голову, народъ кругомъ сдѣлалъ то же. Кто-то изъ толпы запѣлъ: „Господь мое прибѣжище"; толпа подхватила. Когда прозвучали послѣдніе звуки торжественнаго церковнаго гимна, королевская чета удалилась. Фридрихъ-Вильгельмъ IV никогда не могъ простить этой сцены берлинцамъ.

Немало потомъ подтрунивали надъ берлинцами, что они, вообще такіе скептики, въ этотъ моментъ запѣли церковный гимнъ. Но тогда, разумѣется, скептицизмъ стушевался передъ торжественностью минуты.

Когда король удалился, ко дворцу подошла толпа съ Александровской площади. Теперь дворецъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ густой толпой. Рабочіе толпились на площадкѣ передъ дворцомъ, бюргеры собрались въ саду. Депутація представила королю требованіе раздачи оружія народу. Король согласился и самъ отправился въ садъ, чтобы сообщить объ этомъ бюргерамъ. Король былъ въ конецъ истомленъ.

Рабочіе сохраняли молчаніе. Но ликованіе бравыхъ буржуа не поддается описанію; казалось, у нихъ ужъ и слѣда не осталось отъ гнѣва, какой они испытывали ночью, во время сраженія. Въ шесть часовъ вечера первое отдѣленіе гражданскаго ополченія встало на караулъ у дворца.

Съ балкона дворца Арнимъ говорилъ къ толпѣ, собравшейся на Дворцовой площади, о новой конституціи и обѣщалъ приложить силы „къ возстановленію порядка въ городѣ". Тутъ поднялся ужасный шумъ. Какой-то молодой человѣкъ, еще возбужденный отъ битвы на баррикадахъ, съ блѣднымъ лицомъ и мечущими молніи глазами, былъ поднятъ на плечи и воскликнулъ: „Народъ требуетъ оружія, чтобы его безоружнаго не убивали!"—Арнимъ отвѣтилъ, что войска удалились и что народъ спокойно можетъ возвратиться къ своимъ занятіямъ. „Народъ требуетъ,—воскликнулъ внизу молодой народный ораторъ,—чтобы принцъ Прусскій отрекся отъ престола!" Арнимъ съ поклономъ народу оставилъ балконъ *). Снова начался шумъ, но бюргеры вмѣшались въ толпу

*) Имя молодого человѣка, который сознательно или безсознательно стремился къ такому мощному вмѣшательству въ исторію Пруссіи, остается неизвѣстнымъ.

рабочихъ и обратились къ нимъ съ увѣщаніемъ: „По домамъ!" Послѣ того, какъ Шверинъ, болѣе популярный, чѣмъ Арнимъ, возвѣстилъ народу, что будетъ создано гражданское ополченіе подъ начальствомъ Минутоли, президента полиціи, толпа окончательно разошлась.

Въ тотъ же день было организовано гражданское ополченіе и снабжено оружіемъ изъ арсенала.

Восторгъ побѣдившаго населенія не поддается описанію. Оно и понятно. Народъ не сталъ мстить лицамъ, которыя обнаружили по отношенію къ нему особенную враждебность. Были только разрушены дома одного придворнаго поставщика да одного отставного майора, которые сыграли роль предателей съ борцами на баррикадахъ. Вечеромъ 19-го марта Берлинъ освѣтился такой блестящей иллюминаціей, какой въ немъ до того времени никогда не бывало.

На слѣдующій день общее возбужденіе направилось противъ принца Прусскаго, котораго считали самымъ рѣшительнымъ противникомъ создавшагося положенія дѣлъ. Толпа народа собралась передъ его дворцомъ „подъ Липами" и хотѣла сравнять его съ землей. Дворецъ спасли только тѣмъ, что на немъ сдѣлали надпись: „Національная собственность!" Принцъ получилъ отъ короля предложеніе отправиться въ Англію будто бы съ „тайнымъ порученіемъ" и немедленно двинулся въ путь. Подробности о его побѣгѣ, особенно о томъ, какъ его признали въ Перлебергѣ, сдѣлались извѣстны только много позже, больше чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ. Черезъ Гамбургъ онъ достигъ Лондона, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока волна революціи не пошла на убыль *).

Къ вечеру освободили поляковъ, посаженныхъ въ одиночки Моабитской тюрьмы. Въ 1846 году господинъ фонъ-Минутоли „открылъ" большой польскій заговоръ; Мѣрославскій, Либельтъ и другіе были

*) Возбужденіе народа противъ принца Прусскаго улеглось не скоро. Пришлось убирать изображенія, на которыхъ была его подпись. Изъ циркуляра министра исповѣданій отъ 28 апрѣля видно, что даже нѣкоторые проповѣдники въ церковныхъ молитвахъ не упоминали имени принца. Народъ далъ ему прозвище „принца картечи". Согласно Варнгагену фонъ-Энзе, это имѣло за себя извѣстныя основанія. Нѣкоторые высшіе офицеры разсказываютъ, что когда ко дворцу доставили первыхъ плѣнниковъ, принцъ воскликнулъ: „Гренадеры, почему вы не положили этихъ собакъ на мѣстѣ!" А ночью, когда зашла рѣчь о прекращеніи борьбы, принцъ, согласно очень надежнымъ источникамъ, воскликнулъ: „Нѣтъ, этого не будетъ, ни подъ какимъ видомъ! Пусть лучше погибнетъ Берлинъ со всѣмъ своимъ населеніемъ! Мы должны картечью перестрѣлять бунтовщиковъ". — Уже передъ самымъ концомъ борьбы принцъ Прусскій настаивалъ на ея продолженіи. Въ рѣшительный моментъ, когда большинство придворныхъ склонялось къ примиренію, принцъ швырнулъ на столъ свою шпагу и заявилъ, что онъ теперь не можетъ съ честью носить ее. Одинъ источникъ сообщаетъ даже, что принцъ вступилъ при этомъ въ очень горячій споръ съ самимъ королемъ, бросилъ къ его ногамъ свою шпагу и нанесъ ему оскорбленіе. Ср. новѣйшую, юбилейную работу о 48-мъ годѣ: Hartmann, Die Volkserhebung etc. Berlin, 1900, стр. 60—64. Гартманъ использовалъ много источниковъ, появившихся въ самое послѣднее время.—Что касается дворца принца, въ немъ очень комфортабельно устроилась будто бы „королевская комиссія по принятію прошеній", состоявшая изъ трехъ шарлатановъ. Продѣлка черезъ нѣсколько дней была обнаружена, и гражданское ополченіе положило ей конецъ. Детали этого дѣла очень забавны. См. Adolf Wolff, Berliner Revolutions-Chronik, томъ I.

осуждены. Теперь они вмѣстѣ со всѣми другими политическими осужденными получили свободу. Въ тріумфальной процессіи они проѣхали въ повозкѣ черезъ Берлинъ. Мѣрославскій, держа въ рукѣ черно-красно-золотое знамя, обратился съ рѣчью къ народу. Четыре недѣли спустя во главѣ своихъ поляковъ онъ уже сражался противъ прусскихъ войскъ.

Хотя въ тотъ же день было назначено новое министерство, недовѣріе, тлѣвшее въ массахъ, вспыхнуло еще разъ, притомъ въ угрожающей формѣ. По улицамъ внезапно пронесся кличъ: „Измѣна! Къ оружію!“ Пронесся слухъ, будто принцъ Прусскій съ войсками идетъ назадъ. Во мгновенье ока гражданское ополченіе и народъ, готовые къ борьбѣ, опять встали на баррикады. Но тревога скоро оказалась неосновательной.

Въ новомъ министерствѣ фонъ-Ауэрсвальдъ взялъ на себя внутреннія дѣла, графъ Шверинъ — исповѣданія, Кюне — финансы, Борнеманъ — юстицію. Черезъ десять дней у Пруссіи было свое настоящее мартовское министерство, съ Кампгаузеномъ во главѣ. Въ этомъ министерствѣ Ганземанъ сдѣлался министромъ финансовъ, Ауэрсвальдъ — внутреннихъ дѣлъ, Арнимъ-Штрикъ — иностранныхъ дѣлъ, Рэйгеръ — военнымъ, Шверинъ — исповѣданія и народнаго просвѣщенія. Этой мѣшанинѣ „либеральныхъ“ аристократовъ и буржуа дали названіе „миротворительнаго министерства“.

На слѣдующій день король отдалъ приказъ, чтобы армія съ этого времени носила черно-красно-золотую кокарду. И было же ликованья въ эти дни, когда даже всѣ тайные и надворные совѣтники разукрасились въ черно-красно-золотые цвѣта!

Но восхищеніе угорѣлыхъ отъ побѣды „добрыхъ гражданъ“ Берлина достигло своего апогея, когда 21-го марта явилась прокламація слѣдующаго содержанія:

„Къ нѣмецкой націи!

„Съ нынѣшнимъ днемъ для васъ открывается новая, славная эра Впредь вы будете опять составлять единую великую націю въ сердцѣ Европы, свободную и сильную. Фридрихъ-Вильгельмъ IV Прусскій, уповая на ваше героическое содѣйствіе и ваше духовное возрожденіе, въ интересахъ спасенія Германіи всталъ во главѣ общаго отечества.

„Уже сегодня вы увидите его на конѣ посреди васъ, украшеннаго искони чтимыми девизами германской націи.

„Да поможетъ Всевышній конституціонному монарху, вождю всего германскаго народа, новому королю свободной, возрожденной націи!“

Эта прокламація была дѣломъ новыхъ, либеральныхъ министровъ, которые какъ нельзя лучше понимали психологію берлинскихъ гражданъ-филистеровъ. Роль, возложенная ими на короля, была ему до крайности непріятна. Ему приходилось украситься тѣми цвѣтами, противъ которыхъ въ ночь на 18 марта направлялись выстрѣлы его солдатъ. „Уберите это знамя съ моихъ глазъ!“ воскликнулъ онъ, когда увидѣлъ, что на баррикадѣ около кельнской ратуши развѣвается черно-красно-золотое знамя. А теперь онъ самъ носилъ эти цвѣта!

Да, король носилъ ихъ; онъ подчинился обстоятельствамъ, хотя нѣкоторые упрямые юнкеры отговаривали его отъ этого. Силой ничего не удалось подѣлать; это доказалъ ходъ борьбы, это доказалъ неоднократно засвидѣтельствованный фактъ, что отдѣльныя части войскъ уже начинали брататься съ гражданами. Потому-то король и уступилъ министрамъ и самъ избралъ ненавистные для него цвѣта.

Увертюрой къ прогулкѣ короля послужило собраніе вооруженнаго студенчества, которое занималось военными упражненіями близъ университета въ „Каштановой рощѣ“. Господа профессора вмѣстѣ съ ректоромъ и проректоромъ тоже вооружились, чтобы при возрожденіи Германіи сыграть роль акушерокъ. Графъ Шверинъ, министръ народнаго просвѣщенія, держалъ въ актовой залѣ рѣчь, восхвалялъ студентовъ за ихъ заслуги по части поддержанія порядка, заявилъ, что король всталъ во главѣ движенія, направленнаго къ созданію единой и свободной Германіи, и закончилъ „виватомъ“ во славу отвѣтственности министровъ. Профессора и студенты присоединились къ его ликованію.

Немедленно послѣ этого король верхомъ на лошади выѣхалъ на Дворцовую площадь, покрытую густой толпой народа. На немъ былъ мундиръ перваго гвардейскаго полка, на головѣ каска, а на рукѣ лента черно-красно-золотого цвѣта. Короля сопровождали всѣ принцы—за исключеніемъ принца Вильгельма Прусскаго,—министры, генералы, гражданскіе ополченцы, студенты и стрѣлки; за нимъ несли большое черно-красно-золотое знамя, а за знаменемъ слѣдовали городской гласный Глейхъ и—докторъ Штиберъ. Такимъ образомъ, по ироніи всемірной исторіи, позднѣйшій начальникъ прусской тайной полиціи опять появлялся у колыбели прусско-королевской свободы.

Король говорилъ къ толпѣ и увѣрялъ, что здѣсь нѣтъ никакой узурпаціи, если онъ чувствуетъ себя призваннымъ къ спасенію свободы и единства Германіи *). Онъ не желаетъ сверженія съ трона ни одного государя, но хочетъ быть щитомъ единства и свободы Германіи,—въ этомъ онъ призываетъ въ свидѣтели Всевышняго. Нѣмецкая вѣрность, опирающаяся на истинно-конституціонное устройство Германіи, должна оказать поддержку этому единству и свободѣ.—Неописуемые восторги „добрыхъ гражданъ“ были отвѣтомъ на эти завѣренія; вокругъ короля тѣснились, цѣловали ему руки.

Процессія направилась черезъ Дворцовую площадь къ гауптвахтѣ близъ арсенала; гражданское ополченіе тотчасъ взяло на караулъ. Король сказалъ: „Здѣсь я вижу васъ на стражѣ; я не нахожу подобающихъ словъ, чтобы выразить вамъ свою благодарность; повѣрьте мнѣ!“ И здѣсь начались шумныя ликованія. Но вдругъ чей-то рѣзкій голосъ прозвучалъ диссонансомъ. Какой-то рабочій, изъ породы такихъ же суровыхъ философовъ, какъ тотъ, который передъ дворцомъ сказалъ Савиньи: „не дано рѣшительно ничего“, такой же непріятный

*) Стиль прокламаціи могъ пробудить мысль о томъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ является узурпаторомъ. Въ этихъ дѣлахъ министры были еще совсѣмъ новичками.

нарушитель мира, какъ тотъ, вдругъ воскликнулъ среди изъявленій восторга: „Не вѣрьте ему!“ Его немедленно арестовали и отправили подъ стражу. Происшествіе само по себѣ незначительное, но оно имѣло характеръ симптома, вскрывало назрѣвающій конфликтъ между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Еще кто-то воскликнулъ: „Да здравствуетъ императоръ Германіи!“ Но король съ упрекомъ сказалъ: „Не надо, я не хочу и не могу этого!“

Потомъ процессія направилась обратно мимо опернаго театра и библіотеки черезъ улицы Ягодную и „подъ Липами“. Около зданія университета выстроилось вооруженное студенчество; король обратился съ такой рѣчью къ сынамъ музъ:

„Нынѣшній день — великій, незабвенный, рѣшительный. Въ васъ таится великое будущее, и если вы въ срединѣ или въ концѣ вашего жизненнаго пути окинете его мысленнымъ взоромъ, нынѣшній день всегда останется для васъ памятнымъ. Студенты производятъ самое сильное впечатлѣніе на народъ, и народъ — на студентовъ. Я ношу цвѣта, которые не принадлежатъ мнѣ, тѣмъ не менѣе я не хочу узурпировать что-либо; мнѣ не надо ни короны, ни господства, я хочу только свободы Германіи, единства Германіи, хочу порядка. Я сдѣлалъ лишь то, что уже такъ часто повторялось въ германской исторіи, когда порядокъ былъ ниспровергнутъ и когда могущественные государи и герцоги воздвигали знамя и становились во главѣ всего народа. Я вѣрю, что сердца государей бьются вмѣстѣ съ моимъ и что воля народа поддержитъ меня. Замѣтьте же это и запечатлѣйте въ своей памяти, что я стремлюсь только къ одному: къ нѣмецкой свободѣ и единству. Скажите это всѣмъ!“

Воздухъ огласился „виватомъ“, вырвавшимся изъ тысячи устъ, и бряцаніемъ студенческаго оружія. Король поѣхалъ въ Широкую улицу, къ кельнской ратушѣ. На той площади, гдѣ около большой баррикады велась неистовая борьба, Фридрихъ-Вильгельмъ IV обратился съ рѣчью къ городскимъ гласнымъ:

„Я хорошо знаю, что я силенъ не оружіемъ моего несомнѣнно сильнаго и храбраго войска, что я силенъ не моей богатой казной, но исключительно сердцами и вѣрностью моего народа. И не правда ли, мнѣ вы не откажете въ этихъ сердцахъ и въ этой вѣрности!“

Приблизительно то же король сказалъ и на Королевской улицѣ, а потомъ возвратился во дворецъ. Потомъ онъ предпринялъ еще прогулку пѣшкомъ и посѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ бюргерскіе караулы. Добрые граждане погрузились въ море блаженства и восхищенія. Теперь, по ихъ мнѣнію, больше нечего было желать,—они вѣдь совершили въ Пруссіи революцію, одобренную королемъ!

И чѣмъ меньше при дворѣ одобряли все происшедшее, тѣмъ больше грезили и фантазировали добрые граждане. Въ концѣ-концовъ мартовское одушевленіе все рѣшительнѣе переходило въ мартовское прекраснодушіе.

Король, котораго „либеральные“ министры уговаривали остаться, все-таки уже 20-го марта покинулъ Берлинъ, потому что у него, какъ онъ увѣрялъ, вынудили слишкомъ много уступокъ *). Въ тотъ же день онъ издалъ новую прокламацію, которая, исходя изъ идеи единства, дѣлаетъ знаменательное заявленіе: „Отнынѣ Пруссія сливается съ Германіей!“ Оно привело старо-прусское феодальное юнкерство въ величайшее негодованіе. Въ прокламаціи говорится дальше, что ландтагъ, созываемый на 2-е апрѣля, является средствомъ встать во главѣ движенія, направленнаго къ спасенію и успокоенію Германіи. Монархамъ и сословіямъ Германіи наобходимо доставить возможность организовать совмѣстно съ органами этого ландтага общее собраніе сословій Германіи. Но прежде всего необходимо созданіе обще-германскаго національнаго союзнаго войска и объявленіе иностраннымъ державамъ о вооруженномъ нейтралитетѣ Германіи. Въ заключеніе прокламація заявляетъ:

„Только осуществленіе во всѣхъ государствахъ истинно конституціонаго устройства съ отвѣтственными министрами, гласное и устное судопроизводство по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, опирающееся на приговоры присяжныхъ, равныя политическія и гражданскія права для всѣхъ вѣроисповѣданій и воистину національное либеральное правительство могутъ создать и укрѣпить прочное внутреннее единство“.

Въ тотъ же день прибыла депутація отъ городского управленія въ Бреславлѣ и Лигницѣ; она требовала, чтобы король, не дожидаясь согласія отъ реакціоннаго ландтага, издалъ избирательный законъ для имѣющаго быть созваннымъ національнаго представительства Германіи. Разсказываютъ, будто Коппъ, городской гласный изъ Бреславля, заявилъ при этомъ: „Вы должны дать прямые выборы—иначе Силезія сдѣлается республикой!“ **). Король отвѣтилъ, что онъ можетъ удовлетворить желаніе силезцевъ лишь въ томъ случаѣ, если страна раздѣляетъ взгляды депутаціи.

22-го марта вышла въ свѣтъ новая королевская прокламація. Король обѣщалъ предложить на разсмотрѣніе ландтага національный избирательный законъ, который устанавливаетъ прямые выборы, какъ того требовали силезцы. Имѣлось также въ виду предложить новому народному представительству законопроекты относительно гарантій личной свободы, относительно свободы союзовъ и собраній, относительно организаціи всеобщаго гражданскаго ополченія съ свободно избранными вождями, законопроекты объ отвѣтственности министровъ, о распространеніи судовъ присяжныхъ на политическіе проступки и проступки печати, о независимости судей, объ уничтоженіи помѣщичьихъ судовъ и полицейской власти помѣщика. Въ прокламаціи говорилось кромѣ

*) Такъ объясняетъ отъѣздъ короля генералъ фонъ-Герлахъ.

**) Это заявленіе привело въ величайшій ужасъ Генриха Симона изъ Бреславля, позднѣйшаго регента имперіи. По крайней мѣрѣ такъ разсказываетъ Варнгагенъ, въ воспоминаніяхъ котораго на ряду съ любопытными фактами и тонкими наблюденіями заключается, впрочемъ, не мало и пустой, вызывающей сомнѣнія, болтовни

того, что постоянное войско должно принести присягу въ вѣрности новой конституціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратился на время дождь королевскихъ милостей, изливавшійся на ликующихъ бюргеровъ. Послѣдняя прокламація и крестьянамъ сдѣлала нѣкоторыя уступки. Обѣщая уничтожить ненавистную для народа феодальную вотчинную полицію и подсудность помѣщикамъ, она стремилась предотвратить въ деревнѣ возможные отголоски революціи.

Въ тотъ же день состоялось торжественное погребеніе павшихъ на баррикадахъ. Изъ убитыхъ лишь нѣсколько больше десятка могли быть причислены къ бюргерамъ; среди нихъ было, дальше, шесть женщинъ и одинъ глухонѣмой. Личность тридцати трехъ убитыхъ не могла быть установлена; они пали за дѣло свободы, не оставивъ на память даже своихъ именъ. Всѣ они принадлежали, несомнѣнно, къ рабочему классу, какъ и остальная масса убитыхъ, такъ что берлинскій пролетаріатъ далъ до девяти десятыхъ всѣхъ жертвъ великой борьбы. Изъ раненыхъ на баррикадахъ многіе скоро скончались, такъ что число убитыхъ составило въ общей сложности до 230. Погребеніе ихъ превратилось въ величавую демонстрацію; торжественное зрѣлище на время отвлекло вниманіе народа отъ болѣе насущныхъ вещей. Убитые были положены въ 138 гробовъ и отвезены въ Фридрихсгайнъ („Фридрихову рощу"), сопровождаемые необозримой толпою народа. За процессіей слѣдовали представители всевозможныхъ корпорацій чиновниковъ, горожанъ, студентовъ и рабочихъ; шествіе открывалось гражданскимъ ополченіемъ и одѣтыми въ черныя платья дѣвушками, которыя несли вѣнки на бѣлыхъ подушкахъ. Въ процессіи принимали участіе депутаціи и изъ другихъ мѣстъ, кромѣ Берлина. Когда шествіе поровнялось съ дворцомъ, на балконъ вышелъ король съ обнаженной головой, окруженный министрами. Могилы въ Фридрихсгайнѣ, въ томъ числѣ одну братскую, рабочіе сдѣлали безвозмездно. Пасторъ Сидовъ сказалъ надгробное слово; онъ утверждалъ, что убитые запечатлѣли своей кровью то дѣло, которое ихъ отцы начали въ 1813 году. Послѣ него говорили одинъ католическій священникъ, одинъ раввинъ, а въ заключеніе не поскупился на громкія фразы асессоръ Юнгъ изъ Кельна. Епископъ Неандеръ благословилъ усопшихъ, а гильдія стрѣлковъ почтила ихъ троекратнымъ залпомъ.

Почитатели долгое время путешествовали къ Фридрихсгайну. Теперь „добрые граждане" позабыли, что погребенные здѣсь умерли за дѣло „гражданской свободы". Только рабочіе, хотя они преслѣдуютъ теперь совершенно другія цѣли и шествуютъ по другому пути, продолжаютъ чтить память борцовъ 1848 года. Каждый годъ 18-го марта они украшаютъ вѣнками могилы Фридрихсгайна *).

---

*) Впрочемъ, въ 1898 юбилейномъ году и берлинская дума постановила возложить вѣнокъ на могилу павшихъ въ мартѣ 1848 года, но оберъ-президентъ отмѣнилъ это постановленіе. Не больше успѣха имѣло постановленіе ремонтировать ворота кладбища; о постановкѣ же памятника, хотя бы самаго скромнаго, не можетъ быть и рѣчи. На этой

Но въ мартовскіе дни не только либеральные бюргеры, но и заведомые реакціонеры считали цѣлесообразнымъ заявлять о безграничномъ почтеніи къ борцамъ на баррикадахъ. Такъ, одинъ священникъ, по имени Круммахеръ, говорилъ въ своей проповѣди, что павшіе на баррикадахъ вознеслись съ земли на небо въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, „какъ блаженные, преобразившіеся усопшіе". Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ — и ревнители благочестія стали обрекать борцовъ на баррикадахъ и всѣхъ виновниковъ либеральныхъ завоеваній на самыя жестокія адскія муки.

24 марта похоронили павшихъ солдатъ—двухъ унтеръ-офицеровъ и тринадцать рядовыхъ. Никто не вѣрилъ, чтобы этимъ исчерпывались всѣ потери войскъ. Впослѣдствіи военное министерство такъ опредѣляло потери: убитыхъ 3 офицера и 17 рядовыхъ, раненыхъ 14 офицеровъ, 14 унтеръ-офицеровъ и 226 рядовыхъ. И этимъ даннымъ никто не повѣрилъ. Но въ общемъ здѣсь невозможны какія бы то ни было доказательства, и потому позволительно оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ *). Можно замѣтить только одно: стремленіе военнаго начальства скрывать понесенныя потери или же, чтобы не подорвать престижъ войска передъ публикой, опредѣлять ихъ ниже, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности, проявилось далеко не только въ этомъ случаѣ.

Уже у могилы солдатъ хоръ филистеровъ грянулъ „ура" въ честь того самаго войска, противъ котораго за пять дней передъ тѣмъ произошла такая кровопролитная битва. Эти господа уже вообразили, что побѣдители—они и никто больше, и прониклись величайшимъ самодовольствомъ. Вечеромъ 19-го марта Раво, членъ депутаціи съ Рейна, говорилъ о необходимости гарантій. „Да вѣдь у насъ есть уже все, чего намъ хотѣлось!" отвѣтили ему нѣсколько до чрезвычайности премудрыхъ мѣщанъ.

„Фоссова Газета" была выразительницей мнѣній этихъ господъ. За нѣсколько дней до революціи она характеризовала рабочихъ, какъ „сбродъ", теперь же расточала передъ ними всяческую похвалу **).

почвѣ у городского управленія происходили неоднократныя столкновенія съ администраціей. Нѣкоторыя изъ нихъ обсуждались рейхстагомъ въ 1898 и 1899 годахъ — и здѣсь съ особенной яркостью выступило отношеніе различныхъ партій къ дѣятелямъ 1848 г. (Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ—главнымъ образомъ объ отношеніи крайней лѣвой къ 1848 году — даетъ Г. Б. Іоллосъ, Письма изъ Берлина. Спб., 1894. Стр. 328—332, 362—364).

*) Сообщеніе „Фоссовой Газеты", будто на судахъ по Шпре было перевезено, судя по посадкѣ этихъ судовъ, отъ 1200 до 2000 „труповъ военныхъ", рѣшительно недостовѣрно.

**) Вотъ одно мѣсто, можетъ быть, не изъ самыхъ рѣшительныхъ: „Борьба послѣднихъ дней не была тѣмъ, чѣмъ представляетъ ее излюбленное выраженіе: „бунтомъ черни". Это было возстаніе гражданъ. На многихъ баррикадахъ командовали почтеннѣйшіе служащіе думы. Собственность уважали и охраняли съ изумительной внимательностью. Никому и въ голову не приходило стащить хотя бы иголку. Всѣ боролись за общую цѣль, всѣхъ одушевляла она. Одинъ отрядъ гражданъ ворвался во дворецъ принца Альбрехта, разыскивая оружіе, и ничего не было здѣсь захвачено или поломано. Собственность уважали даже въ захваченныхъ казармахъ: люди, на ли-

Въ „экстренномъ радостномъ приложеніи“ газета изображала поворотъ въ положеніи дѣлъ. Листокъ былъ пустой, безсодержательный, и тѣмъ не менѣе филистеры прямо проглатывали его. Можно же представить себѣ ихъ неудовольствіе, когда именно въ этотъ моментъ былъ вложенъ палецъ въ раскрывающіяся раны классовыхъ противорѣчій, какъ это сдѣлалъ Г. Юліусъ, редакторъ газеты „Die Zeitungshalle“ („Читальня“). „Читальня“, газета демократическая, но вовсе не республиканская, выступила противъ тѣхъ проповѣдниковъ мира и умѣренности, у которыхъ довѣрчивость доводилась прямо до глупости. Газета спрашивала у нихъ, неужели можно такъ быстро примириться съ тѣмъ самымъ войскомъ, противъ котораго только что велась борьба. „Дѣло въ томъ,—говорилось въ статьѣ,—что и у насъ, какъ во Франціи, какъ въ Англіи, уже завершился разрывъ между классомъ буржуазіи и рабочимъ классомъ. Война идетъ не между королевствомъ и республикой, но между собственниками и тѣми, кто при помощи своей рабочей силы стремится къ собственности. Наши буржуа прекрасно чувствуютъ это и потому уже теперь, едва миновалъ первый день нашей славной революціи, они всѣми силами начинаютъ тащить насъ назадъ... Это хорошо, что король желаетъ встать во главѣ движенія. Пусть ему улыбнется успѣхъ, пусть ему удастся урегулировать борьбу обоихъ элементовъ такимъ образомъ, чтобы мы въ непродолжительномъ времени достигли благодѣтельнаго мира. Но король можетъ это сдѣлать лишь при томъ непремѣнномъ условіи, если онъ окончательно порветъ съ существовавшей до сего времени системой и прежнимъ строемъ мышленія и если онъ искренно и безповоротно отдастся законамъ и требованіямъ новаго развитія“. — Статья требуетъ дальше, чтобы соединенный ландтагъ вовсе не созывался, но чтобы король октроировалъ избирательный законъ, по которому всякій совершеннолѣтній человѣкъ долженъ быть избирателемъ и можетъ быть избранъ. Тогда необходимо назначить выборы немедленно и организовать „министерство для изслѣдованія и упорядоченія положенія рабочихъ“. Это успокоительно подѣйствуетъ на рабочихъ и будетъ шагомъ къ водворенію мира. „Но—говорится въ заключеніе—пусть буржуазный классъ не льститъ себя надеждою, что рабочіе дадутъ усыпить себя, — голодъ этого не потерпитъ! Смѣло за работу! И безъ всякаго отдыха! Безъ всякаго, безъ всякаго отдыха! Отдыхъ не раньше, чѣмъ будетъ создано что-либо дѣльное!“

Статья подѣйствовала какъ взрывъ бомбы. Передъ взоромъ филистеровъ, которые обнимались на улицахъ и привѣтствовали другъ друга,

---

цахъ которыхъ было написано, что они голодаютъ, искали только оружія; они побросали въ сточные желоба цѣнныя серебряныя бездѣлушки, которыми были украшены захваченныя ими офицерскія шпаги. Напротивъ, солдаты совершенно разграбили захваченные ими дома. Солдаты жестоко хозяйничали повсюду, разстрѣливали безоружныхъ мужчинъ, не щадили даже женщинъ и дѣтей“. Павшіе на баррикадахъ—„герои, люди чести“. Все это написано 19 марта. Сравните съ тѣмъ, что писалось 15 марта (стр. 143), и вы увидите, что современныя газеты-флюгеры имѣютъ своихъ достойныхъ предшественниковъ.

какъ свободныхъ людей, уже выступили всѣ ужасы „соціальной революціи“. Разъяренные, отправлялись они къ редактору „Читальни“, угрожали и наносили ему оскорбленія; старые друзья порвали дружескія отношенія съ нимъ, а биржа (!) выступила съ заявленіемъ, что „интересы рабочихъ и буржуа тожественны“. За то, что Юліусъ воспользовался свободой печати, печать называла его „мятежникомъ и бунтовщикомъ“,—и это въ то самое время, когда только что завоеванная свобода печати вызывала всеобщія, неудержимыя ликованія. Такое поведеніе буржуазіи должно было вызвать у всѣхъ вѣрныхъ друзей народа самыя тяжелыя опасенія и придать мартовскимъ восторгамъ очень непріятный привкусъ *).

Событія въ Берлинѣ оказали мощное вліяніе какъ на Пруссію, такъ и на всю Германію. Въ Берлинъ со всѣхъ сторонъ являлись депутаціи, чтобы представить свои требованія. Мартовскихъ борцовъ возвеличивали въ адресахъ, въ рѣчахъ и въ пѣсняхъ. Въ нѣкоторыхъ прусскихъ городахъ вспыхнули мятежи. Крестьяне, особенно въ Силезіи, тоже начали волноваться. Тамъ, гдѣ крестьяне заволновались, господа юнкеры (помѣщики) поспѣшили удовлетворить ихъ требованія. Барщины сдѣлались невозможными, и правительство съ 20 апрѣля опять поставило на очередь вопросъ о выкупѣ. Когда реакціонныя вѣянія достигли значительной силы, юнкеры и землевладѣльцы потребовали вознагражденія за отмѣну средневѣковыхъ повинностей; въ позднѣйшее время они добились этого. Но весною 1848 года крестьяне надѣялись, что новое народное представительство, выборы котораго предстояли въ ближайшемъ будущемъ, возьметъ на себя полное уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ повинностей.

Отголоскомъ прусской революціи было возстаніе Шлезвигъ-Голштиніи и временное отдѣленіе ихъ отъ Даніи. Было бы утомительно разбираться въ спутанномъ клубкѣ государственно-правовыхъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ прежними отношеніями между Даніей, съ одной стороны, и обоими герцогствами—съ другой. Согласно „доброму старому праву“, именно договору 1460 года, оба герцогства должны оставаться „up ewig ungedeelt“, нераздѣльными на вѣчныя времена. По мнѣнію королей Даніи, это право въ достаточной мѣрѣ покрылось плѣсенью, и потому позволительно было посягнуть на него. Христіанъ VIII въ 1846 году выступилъ противъ него со своимъ „открытымъ письмомъ“, въ которомъ онъ утверждалъ, что Шлезвигъ уже съ 1721 года нераз-

*) Варнгагенъ фонъ-Энзе такъ пишетъ объ этомъ эпизодѣ въ своемъ дневникѣ: „Одна статья г. Юліуса въ газетѣ „Zeitungshalle“ пришлась бюргерамъ не по нутру и навлекла на автора угрозы и оскорбленія. Нѣкоторыя выраженія въ ней неосторожны, но въ общемъ статья хорошая. Филистеры поднимаютъ голову, мужественные борцы отодвинуты на второй планъ, среди бюргеровъ и студентовъ выступаютъ усталые и трусливые. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто имъ больно за происшедшее. Они уже хотятъ, чтобы войска возвратились, такъ какъ караульная служба становится слишкомъ тяжелой для нихъ. Во всякомъ случаѣ служба эта доведена до чрезмѣрности, благодаря постоянному страху и опасеніямъ“.—И берлинцы скоро опять получили солдатъ!

рывно связанъ съ Даніей. Въ то время Англія и Франція признали за королемъ Даніи Фридрихомъ IV право собственности на Шлезвигъ, который онъ отнялъ у герцога голштинско-готорпскаго. Христіанъ VIII утверждалъ дальше, что Шлезвигъ—просто часть Голштиніи, герцогомъ которой былъ Христіанъ; между тѣмъ Голштинія въ то же время входила въ составъ Германскаго Союза. Это еще больше усложняло и безъ того запутанный вопросъ. Какъ будто для того, чтобы продолжить путаницу, шлезвигцы съ упрямствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, отрицали для Шлезвига престолонаслѣдіе по женской линіи, между тѣмъ какъ въ Даніи оно признавалось. Христіанъ VIII, издавая свое „открытое письмо" (декларацію), хотѣлъ разомъ покончить со всѣмъ дѣломъ. Германскій союзъ не заявилъ протеста; тѣмъ не менѣе „открытое письмо" только подлило масла въ огонь. Нѣмецкое національное движеніе, уже давно развивавшееся въ Шлезвигъ-Голштиніи, теперь быстро усилилось. Шлезвигъ-голштинцамъ казалось, что самымъ простымъ выходомъ изъ путаницы будетъ присоединеніе къ Германіи. Вся Германія, особенно нѣмецкіе поэты, приняла самое горячее участіе въ судьбѣ „покинутаго братскаго племени". Повсюду запѣли: „Schleswig-Holstein meerumschlungen" („Шлезвигъ-Голштинія, моремъ объятая").

Въ январѣ 1848 года Христіанъ VIII скончался. Его сынъ и преемникъ, Фридрихъ VII, по отношенію къ герцогствамъ преслѣдовалъ ту же политику, какъ и его отецъ. 28-го января 1848 года онъ обѣщалъ конституцію для всего датскаго государства, включая сюда и оба герцогства. Нѣмецко-національная партія Шлезвигъ-Голштиніи въ собраніи сословій обоихъ герцогствъ протестовала противъ такой конституціи. 18-го марта она отправила въ Копенгагенъ депутацію, которая потребовала отъ короля созванія шлезвигъ-голштинскаго ландтага, выработки конституціи для обоихъ герцогствъ и „національнаго ополченія". Король принялъ депутацію ласково, но отказалъ въ ея требованіяхъ. Онъ полагалъ, что Шлезвигъ-Голштиніи не существуетъ, ибо Шлезвигъ принадлежитъ къ Даніи, а Голштинія — къ Германскому Союзу.

Между тѣмъ въ Берлинѣ произошла революція 18-го марта; король прусскій, совершая свой объѣздъ по Берлину, „всталъ во главѣ націи". У шлезвигъ-голштинцевъ явилась надежда, что Пруссія придетъ къ нимъ на помощь. Но въ это самое время въ Даніи, гдѣ выросло сильное демократическое движеніе, было назначено новое министерство. Извѣстно было, что оно поставило своей цѣлью полное сліяніе Шлезвигъ-Голштиніи съ Даніей.

23-го марта въ Килѣ произошло возстаніе, не потребовавшее ни одной капли крови, такъ какъ войска немедленно перешли на сторону народа. Примѣру Киля послѣдовала вся страна, а также Рендсбургъ, крѣпость Германскаго Союза. Временное правительство избрало Рендсбургъ своей резиденціей. Въ его составъ входили принцъ Фридрихъ голштинско-августенбургскій, извѣстный подъ именемъ принца Ноэрскаго, аристократъ Ревентловъ, Шмидтъ, Бремеръ и Безелеръ; они вступили въ управленіе отъ имени герцога Христіана голштейнъ-зон-

дербургъ-августенбургскаго, которому, по ихъ мнѣнію, принадлежало право унаслѣдовать Шлезвигъ-Голштинію. Эти революціонеры во имя династіи были просто игрушкой въ рукахъ дипломатовъ; къ нимъ впослѣдствіи присоединился демократъ Ольсгаузенъ, но одинъ онъ ничего не могъ подѣлать.

Временное правительство, опасаясь немедленнаго нападенія Даніи, обратилось за помощью къ Пруссіи; помощь была обѣщана. Помимо того, изъ Германіи, особенно изъ Берлина, въ Шлезвигъ-Голштинію устремилось множество добровольцевъ, чтобы бороться противъ датчанъ. Нѣмецкія правительства, конечно, не безъ удовольствія смотрѣли на отливъ революціонныхъ силъ изъ Германіи.

Пруссія, Ганноверъ, Мекленбургъ, Ольденбургъ и Брауншвейгъ рѣшили объявить войну за шлезвигъ-голштинское дѣло. Это произошло въ то самое время, когда Пруссія съ оружіемъ въ рукахъ подавляла національное возстаніе Польши. Здѣсь нѣтъ никакой непослѣдовательности: борьба въ Шлезвигъ-Голштиніи шла не за политическую свободу, не за конституціонный государственный строй. При датскомъ господствѣ послѣдняго было бы легче достигнуть, чѣмъ подъ нѣмецкимъ господствомъ. Возстаніе въ Шлезвигъ-Голштиніи стремилось исключительно къ одной цѣли: къ тридцатишести государямъ Германіи присоединить тридцатьседьмого, въ лицѣ герцога Христіана. Въ противномъ случаѣ „національные“ элементы въ Германіи не питали бы такихъ горячихъ симпатій къ Шлезвигъ-Голштиніи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Предварительный парламентъ.

Въ концѣ марта 1848 года нѣмецкое движеніе достигло своего зенита. Бюргерство почти вездѣ получило свои конституціонныя завоеванія. Крестьяне сбросили съ себя феодальныя повинности. Казалось, что государственныя власти безропотно подчиняются всѣмъ требованіямъ народа. Изъ разныхъ городовъ приходили извѣстія, что власть окончательно выскользнула изъ рукъ полиціи,—и тѣмъ не менѣе не наступило свѣтопреставленія. Конечно, не было недостатка и въ эксцессахъ. Да иначе оно и быть не могло у народа, который послѣ цѣлаго ряда столѣтій впервые вышелъ изъ-подъ опеки привилегированныхъ, воображавшихъ, что ихъ привилегіи дарованы имъ самимъ Провидѣніемъ. Но въ общемъ народъ предался радости съ большимъ простодушіемъ, стоящимъ въ рѣзкомъ контрастѣ съ черными мыслями, которыя до поры до времени затаили въ своей груди озлобленные до бѣшенства, побѣжденные приверженцы стараго порядка вещей.

На Германію нахлынулъ буквально потопъ новыхъ идей. Требованія кое-гдѣ заходили далеко за предѣлы завоеваній 18 марта. Въ частяхъ Германіи, расположенныхъ около французской границы, подумывали о республикѣ. Въ воскресенье 19-го марта въ Оффенбургѣ въ Баденѣ состоялось величественное народное собраніе; на рынкѣ собралось до 15.000 человѣкъ; съ балкона ратуши къ народу говорили вожди баденскаго движенія, рѣшительнѣйшіе демократы. Фикклеръ изъ Констанца, редакторъ радикальной газеты „Seeblätter", требовалъ немедленнаго провозглашенія республики, но противъ этого возражали Ицштейнъ, Гоффъ, Суаронъ, Брентано и даже Геккеръ и Струве. Они полагали, что благопріятный моментъ еще не наступилъ, а Геккеръ думалъ кромѣ того, что не слѣдуетъ полагаться на поддержку французовъ, — Германія своими собственными силами должна создать для себя новый порядокъ вещей. Собраніе высказалось за созваніе германскаго парламента и тогда же положило начало широкой организаціи баденской демократической партіи. На этомъ собраніи, кромѣ прежнихъ народныхъ требованій, были выставлены еще слѣдующія: однопалатная система (уничтоженіе первой палаты); уничтоженіе всѣхъ

налоговъ, кромѣ прямыхъ и таможенныхъ сборовъ, и введенiе прогрессивнаго подоходнаго налога и прогрессивнаго же налога на собственность; немедленное уничтоженiе всякихъ привилегiй, въ чемъ бы онѣ ни заключались; отдѣленiе церкви отъ государства и школы; дешевое правительство, уничтоженiе всѣхъ безполезныхъ должностей, которыя созданы только для того, чтобы дать жалованье бездѣльникамъ, уничтоженiе незаслуженныхъ пенсiй.—Собранiе разошлось лишь послѣ того, какъ Геккеръ, Струве, Фикклеръ, вообще популярнѣйшiе вожди, обѣщали прибѣгнуть къ силѣ, если правительство откажетъ въ немедленномъ удовлетворенiи требованiя собранiя.

Въ другихъ городахъ къ оффенбургскимъ требованiямъ присоединены слѣдующiя: равноправность безъ различiй вѣроисповѣданiя; Habeas-corpus—актъ, т.-е. законъ, гарантирующiй неприкосновенность личности; уничтоженiе дворянства; учрежденiе федеративной республики по образцу Соединенныхъ Штатовъ. Почти повсюду требованiя эти были приняты единогласно.

Но въ общемъ движенiе страдало недостаткомъ организованности. Либеральная буржуазiя безъ всякаго удержу и съ наслажденiемъ предавалась прославленiю своей „свободы“ и слѣдовательно самой себя. Не видѣлось конца тостамъ, торжественнымъ рѣчамъ и гимнамъ свободѣ.

Въ это время въ Германiи распространилось убѣжденiе, что въ самомъ близкомъ будущемъ предстоитъ вторженiе нѣмецкихъ рабочихъ изъ Францiи. Увѣренность эта была тѣнью, которую уже началъ отбрасывать „демократическiй легiонъ“, организованный въ Парижѣ поэтомъ Георгомъ Гервегомъ (о немъ см. ниже). Въ дѣйствительности легiонъ перешелъ черезъ Рейнъ только въ концѣ апрѣля. Но слухи, носившiеся въ воздухѣ, все преувеличивали, и потому Германскiй Союзъ отправилъ на Рейнъ свои войска. Реакцiонеры дѣлали все возможное, чтобы распространять тревожные слухи и раздувать ихъ до полной безсмыслицы. 25-го марта страхъ передъ французскимъ нашествiемъ охватилъ весь Вюртембергъ, и во всей Швабiи началась величайшая суматоха. Разнесся слухъ, будто французы уже перешли черезъ Шварцвальдъ; власти сообщали объ этомъ при помощи верховыхъ курьеровъ изъ одного мѣста въ другое. Въ каждомъ городѣ были увѣрены, что французы стоятъ на разстоянiи всего немногихъ часовъ. Жители закапывали въ землю свои драгоцѣнности или скрывались съ ними бѣгствомъ. И прошло не мало времени, прежде чѣмъ возстановилось спокойствiе *).

Но, кромѣ страха передъ французами, существовалъ еще страхъ передъ русскими. Въ Германiи помнили, какъ вмѣшивалась Россiя, какое влiянiе оказывала она на внутреннiя отношенiя въ нѣмецкихъ

*) Этотъ „праздникъ французовъ“, описанный священникомъ Бунцемъ въ особомъ сочиненiи, сопровождался множествомъ комичныхъ эпизодовъ. Напр., одинъ тюбингенскiй профессоръ обратился къ дамамъ и дѣвушкамъ съ добрымъ совѣтомъ: переодѣться въ мужскiе костюмы, чтобы спастись отъ навязчивости французовъ.

притти въ движеніе въ интересахъ ниспровергнутыхъ властей. Въ политическихъ собраніяхъ послышались рѣзкія рѣчи противъ Россіи. Особенно часто вспоминалась при этомъ судьба Польши, которая уже государствахъ. Понятны поэтому опасенія, что русскій колоссъ можетъ нѣсколько десятилѣтій вызывала сочувствіе либеральныхъ партій Европы. Газеты неустанно предостерегали отъ „русской опасности“, и чуть не каждый день развивали ту мысль, что война съ Россіей непредотвратима *).

Но Россія не вмѣшалась и не вторглась. Революція 1848 года разрушила Священный Союзъ. Россія оказалась обособленной. Русское правительство ограничилось мѣропріятіями, которыя должны были предупредить распространеніе революціоннаго движенія на Россію. 23-го марта (11-го марта по русскому лѣтоисчисленію; числа указываются въ книгѣ вообще по новому стилю) въ Россіи былъ изданъ манифестъ противъ перемѣнъ, совершившихся во Франціи и въ Германіи. Нападки демократической прессы и нѣмецкихъ народныхъ ораторовъ произвели извѣстное впечатлѣніе въ правящихъ сферахъ Россіи. Поэтому Нессельроде, русскій канцлеръ, обратился къ русскимъ представителямъ за границей съ циркуляромъ, въ которомъ онъ предлагалъ имъ заявить „всѣмъ устрашеннымъ“, что русское правительство питаетъ самыя миролюбивыя намѣренія. Но въ общемъ уже тогда не полагались на прекрасныя заявленія дипломатовъ, и меньше всего на завѣренія русскихъ дипломатовъ полагались „устрашенныя лица“.

Между тѣмъ взоры всѣхъ нѣмцевъ обратились на Франкфуртъ на Майнѣ. Спасенія ожидали оттуда.

Комиссія семи, организованная въ Гейдельбергѣ, не оставалась бездѣятельной. Она пригласила къ 30-му марта во Франкфуртъ „всѣхъ прежнихъ или теперешнихъ членовъ „сословій“ (т.-е. собраній сословій), или членовъ законодательныхъ собраній изъ всѣхъ странъ Германіи“, включая сюда восточную и западную Пруссію, равно какъ и Шлезвигъ-Голштинію. Не ограничиваясь этимъ, комиссія пригласила также и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, по ея мнѣнію „облеченныхъ народнымъ довѣріемъ“, и кромѣ того предложила городскимъ думамъ Пруссіи избрать представителей изъ своей среды.

Слѣдовательно, приглашеніе комиссіи было направлено къ наличнымъ или прежнимъ парламентскимъ корпораціямъ; такимъ образомъ она позаботилась о томъ, чтобы демократическіе и собственно революціонные элементы явились въ предварительный парламентъ лишь въ ничтожномъ количествѣ. Собственно народъ оказался совсѣмъ исключеннымъ. Подавляющее большинство составилось изъ тѣхъ безцвѣтныхъ либераловъ, которымъ при домартовскихъ условіяхъ удалось, несмотря на всѣ фильтры реакціонной избирательной системы, проникнуть въ парламенты и городскія думы. Для этихъ господъ революція зашла уже слишкомъ, слишкомъ далеко. Они со страхомъ и ужасомъ подумывали о томъ, что принадлежащее имъ полномочіе—въ

*) См., напр., „Фоссову Газету“ за послѣднюю недѣлю марта.

сущности революціонное полномочіе. Тѣмъ не менѣе они рѣшили воспользоваться этимъ мандатомъ, чтобы не допустить торжества „крамольниковъ“-демократовъ. Они разсчитывали использовать случай и оказать монархамъ и правительствамъ такія крупныя услуги и проявить свою лойяльность въ такихъ блестящихъ формахъ, что имъ, конечно, не только простятъ ихъ „революціонные“ припадки въ бурные мартовскіе дни, но и дадутъ награду за то, что они запряглись въ лямку реакціи.

Благодаря этому, рядомъ съ немногочисленными рѣшительными республиканцами и демократами въ собраніи, созванномъ комиссіей, оказалась масса тусклыхъ либераловъ, трусливыхъ филистеровъ, замаскированныхъ реакціонеровъ и самыхъ дюжинныхъ, заурядныхъ мѣщанъ. Здѣсь впервые въ большомъ количествѣ выступили на политическую арену нѣмецкіе профессора, тотъ злополучный элементъ, который придалъ парламентской сторонѣ германскаго движенія въ 1848 году ея трагикомическій характеръ. Среди профессоровъ были и превосходные люди; но подавляющее большинство сдѣлало бы лучше, если бы не сходило со своихъ каѳедръ, чѣмъ убивать время въ пустой и невыносимой болтовнѣ,—то самое время, которое требовало дѣлъ для упроченія завоеваній свободы. Демократическая критика выпалила противъ этихъ профессоровъ грубой нѣмецкой поговоркой: „чѣмъ ученѣй, тѣмъ глупѣй“. Поговорка грубая, но для этого случая она не была слишкомъ сильной и попадала въ самую цѣль.

Въ общей сложности во Франкфуртъ явились представителями Германіи 511 человѣкъ. Распредѣленіе представителей было изумительное. Изъ Пруссіи явилось 141 депутатъ, изъ Австріи только два! Изъ Баваріи присутствовало 44 депутата, изъ Ганновера 9, изъ Вюртемберга 52, изъ Саксоніи 26, изъ саксонскихъ герцогствъ 21, изъ Бадена, 72, изъ Гессенъ-Дармштадта 84, изъ Гессенъ-Гомбурга 2, изъ Кургессена 26, изъ Нассау 26, изъ Брауншвейга 5, изъ Ольденбурга 4, изъ Шлезвигъ-Голштиніи 7, изъ Мекленбурга и Липпе 19, изъ Ангальта, Рейса и Гогенцоллерна 8, изъ вольныхъ городовъ—26 представителей. Въ томъ фактѣ, что Австрія отъ всего своего населенія прислала только двухъ представителей, увидали дурное предзнаменованіе. Демократы пришли въ негодованіе, когда увидали, что въ среду депутатовъ попало множество столповъ и орудій домартовскаго режима. „И куда только подѣвался разумъ у комиссіи семи?—жаловались они:—это прямо непонятное дѣло!“ — Но имъ слѣдовало бы подумать объ этомъ пораньше, въ Гейдельбергѣ, въ то время, когда изъ ихъ рукъ вырвали власть.

Франкфуртъ принялъ депутатовъ со всей восторженностью 1848 года, этой „весны народовъ“. Правда, старымъ патриціямъ, оптовымъ торговцамъ и банкирамъ, можетъ быть, было не совсѣмъ пріятно присутствовать при такомъ дѣлѣ, — торговыя души воспламенялись за свободу лишь постольку, поскольку она устраняла помѣхи накопленію капиталовъ. Но народныя массы прямо опьянѣли отъ радости. Городъ разу-

красился праздничными украшеніями. Депутатовъ провели подъ тріумфальными арками и почтили пушечными залпами. Улицы, по которымъ они проходили, были усыпаны цвѣтами. Современники, очевидцы всего этого, разсказываютъ, что они никогда не забудутъ тѣхъ дней и что это—самыя прекрасныя, самыя дорогія для нихъ воспоминанія.

Утромъ 31-го марта депутаты собрались въ „римской императорской залѣ“ и выбрали предсѣдателемъ тайнаго совѣтника Миттермайера изъ Гейдельберга, свѣтило юриспруденціи, человѣка съ репутаціей либерала. Вице-президентами были избраны: Ицштейнъ изъ Мангейма, Дальманъ изъ Бонна, Робертъ Блюмъ изъ Лейпцига и Сильвестръ Іорданъ изъ Марбурга, мученикъ изъ числа кургессенскихъ конституціоналистовъ.

Среди восторженныхъ криковъ народа, при грохотѣ пушекъ депутаты длинной процессіей направились къ церкви св. Павла. Тысячи народа расположились шпалерами по пути шествія; изъ публики показывали другъ другу извѣстныхъ депутатовъ: историка Вирта, поэта Уланда, Геккера, Струве, Генриха фонъ-Гагерна, Эйзенмана изъ Нюрнберга, Титуса изъ Бамберга и множество другихъ, которые чѣмъ-нибудь выдвинулись или претерпѣли гоненія за свои убѣжденія и дѣятельность.

Въ собраніи было много раздоровъ, но реакціонеры, половинчатые либералы и конституціоналисты, какъ они ни сталкивались между собой, были единодушны въ своей враждѣ къ демократамъ и республиканцамъ.

Въ большомъ помѣщеніи церкви св. Павла президентъ Миттермайеръ сказалъ прекрасно построенную рѣчь, въ которой онъ постарался всѣмъ воздать должное, что вызвало у заядлыхъ реакціонеровъ ироническія насмѣшки и злобныя замѣчанія. Потомъ фабрикантъ Мецъ изъ Фрейбурга, выставляя на видъ свое ханжество, обратился къ собранію со словами: „Если Господь не поможетъ въ созидательной работѣ, тщетны всѣ усилія строителей“. Онъ предложилъ собранію встать въ знакъ того, что оно вѣруетъ въ это утвержденіе; собраніе послѣдовало его предложенію.

Продолжительность рѣчей была опредѣлена въ десять минутъ, и пренія начались. Единственнымъ предметомъ обсужденія была программа комиссіи семи, которая предлагала слѣдующія основанія для новаго устройства Германіи:

„1. Глава союза съ отвѣтственными министрами.

2. Сенатъ отдѣльныхъ государствъ.

3. Палата, составляемая посредствомъ народнаго избранія, считая по одному депутату на 70.000 человѣкъ населенія.

4. Компетенція союза, создающаяся путемъ соотвѣтственнаго ограниченія компетенціи отдѣльныхъ государствъ, по отношенію къ слѣдующимъ пунктамъ: а) Войско. б) Представительство за границей. в) Система торговли, законовъ о мореплаваніи, союзныхъ таможенъ, монеты, мѣры, вѣса, почтъ, водныхъ путей и желѣзныхъ дорогъ. г) Объе-

дпненіе гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и судебныхъ установленій, союзный судъ. д) Гарантіи свободныхъ правъ націи.

5. Постановленіе о созывѣ учредительнаго національнаго собранія на изложенныхъ выше основаніяхъ дѣлается союзными властями совмѣстно съ уполномоченными.

6. Постоянная комиссія изъ 15 членовъ, имѣющая быть избранной изъ среды членовъ теперешняго собранія, должна позаботиться о томъ, чтобы постановленіе о созывѣ національнаго учредительнаго собранія было приведено въ исполненіе. Если оно не состоится въ четырехнедѣльный срокъ отъ настоящаго времени, это собраніе опять возобновляется здѣсь 3-го и 4-го мая. Въ случаѣ неотложной необходимости комиссія можетъ созвать собраніе и въ болѣе ранній срокъ".

Слѣдовательно, эта программа хотѣла соорудить надъ сорока нѣмецкими отечествами конституціонную надстройку, во главѣ которой стоитъ новый, имперскій монархъ. Уже она одна очень ясно показываетъ, какъ стремились либералы и конституціоналисты подмѣнить нѣмецкое движеніе къ свободѣ движеніемъ только къ единству. Программа, какъ цѣлое, представляетъ лишь туманныя очертанія, а пункты, имѣющіе наибольшую важность для народа, затронуты всего мимоходомъ или обойдены полнымъ молчаніемъ. Программа должна была послужить либеральной буржуазіи для того, чтобы намѣтить пограничныя линіи для революціоннаго движенія, гарантировать пріятныя для нея завоеванія отъ нападеній справа и слѣва и въ то же время обезпечить для себя прочную опору на случай, если движеніе пойдетъ дальше, чѣмъ ей было желательно.

Такимъ образомъ столкновеніе съ демократами и республиканцами, которые хотѣли итти дальше, было необходимо.

На трибуну поднялся Густавъ фонъ-Струве и своимъ рѣзкимъ голосомъ изложилъ требованія своей партіи. Ясно и недвусмысленно онъ требовалъ въ пятнадцати пунктахъ демократической организаціи государства, уничтоженія постояннаго солдатскаго войска, уничтоженія „постояннаго войска чиновниковъ", уничтоженія „постояннаго роя налоговъ", „снѣдающихъ мозгъ націи", уничтоженія всѣхъ привилегій, монастырей, уничтоженія слiянія церкви и государства, а также уничтоженія устарѣлой, испорченной юстиціи; онъ требовалъ въ то же время свободы печати, закона о неприкосновенности личности для Германіи, устраненія бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ, объединенія права и уничтоженія раздробленности Германіи, а также новаго раздѣленія Германіи на области. Послѣднее требованіе — пунктъ 15-й — гласило: „Уничтоженіе наслѣдственной монархической власти и замѣна ея свободно избранными парламентами, во главѣ которыхъ стоятъ свободно избранные президенты и которые всѣ объединяются федеративной союзной конституціей по образцу сѣверо-американскихъ республикъ" *).

*) Предложеніе, внесенное Струве, гласило: „Мы, нижеподписавшіеся, вносимъ слѣдующее предложеніе въ германскій предварительный парламентъ во Франкфуртѣ на

„Германскій народъ!—закончилъ Струве свое предложеніе:—это—единственные принципы, съ помощью которыхъ, по нашему мнѣнію, Германія можетъ сдѣлаться счастливой, уважаемой и свободной. Мы всѣ останемся во Франкфуртѣ на Майнѣ, пока свободно избранный парламентъ не возьметъ на себя руководительство судьбами Германіи. Въ это время мы выработаемъ необходимые законопроекты и при помощи свободно избраннаго исполнительнаго комитета подготовимъ разрѣшеніе великаго дѣла—возрожденія Германіи".

Майнѣ: предварительный парламентъ долженъ дать немедленное признаніе и озаботиться объ осуществленіи изложенныхъ ниже правъ германскаго народа.

Глубочайшее униженіе въ теченіе долгаго времени угнетаетъ Германію. Его можно характеризовать словами: порабощеніе, затемненіе сознанія и эксплуатація народа. Подъ вліяніемъ этой тиранической системы, которая хотя и сломлена въ своей силѣ, однако по существу все еще сохраняется, Германія неоднократно приводилась къ краю гибели. Она утратила многія изъ своихъ лучшихъ провинцій, другимъ уже угрожаетъ тяжелая опасность. Нужда народа достигла невыносимыхъ размѣровъ. Въ Верхней Силезіи она дошла до голоднаго тифа.

Поэтому разорвались всѣ связи, которыя привязывали германскій народъ къ прежнему такъ называемому порядку вещей; задачей собранія нѣмцевъ, соединившихся 31 марта текущаго года во Франкфуртѣ на Майнѣ, является подготовленіе новыхъ связующихъ средствъ, которыя должны объединить весь германскій народъ въ свободное великое цѣлое.

Обезпеченность собственности и личности, благосостояніе и свобода для всѣхъ безъ различія происхожденія, сословія и вѣроисповѣданія — вотъ цѣль, къ которой стремится германскій народъ. Средства для достиженія этой цѣли таковы:

1. Уничтоженіе постояннаго войска солдатъ и сліяніе его съ гражданскимъ ополченіемъ для образованія истиннаго народнаго ополченія, охватывающаго всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе.

2. Уничтоженіе постояннаго войска чиновниковъ и замѣна его дешевымъ управленіемъ, состоящимъ изъ лицъ, свободно избранныхъ народомъ.

3. Уничтоженіе постояннаго гнета сборовъ, снѣдающихъ мозгъ народа, въ особенности всѣхъ сборовъ, которые тормозятъ внутренній обмѣнъ въ Германіи, внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и судовыхъ сборовъ, а также тѣхъ, которые угнетаютъ сельское хозяйство: десятинъ, оброковъ, барщинъ и т. д., равно какъ и тѣхъ, которые обременяютъ промышленность: промысловыхъ налоговъ, акцизовъ и т. д., и замѣна этихъ сборовъ:
   a) прогрессивнымъ подоходнымъ и поимущественнымъ налогомъ, при которомъ средства, необходимыя для жизни, освобождаются отъ всякихъ сборовъ;
   b) таможенными пошлинами, взимаемыми на границахъ Германіи для защиты ея торговли, ея промышленности и ея земледѣлія.

4. Уничтоженіе всѣхъ привилегій, какое бы названіе онѣ ни носили, въ особенности привилегій дворянства, привилегій богатства, уничтоженіе особой подсудности отдѣльныхъ сословій и замѣны ея общимъ для всѣхъ нѣмецкихъ гражданъ правомъ.

5. Уничтоженіе опеки надъ общинами и замѣна ея закономъ относительно общинъ, основаннымъ на принципѣ самоуправленія.

6. Уничтоженіе монастырей и монастырскихъ учрежденій.

7. Расторженіе союза, существовавшаго до сихъ поръ между церковью и государствомъ и церковью и школой, и замѣна его:
   a) принципами равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій, неограниченной свободы вѣроисповѣданія и совѣсти, свободы ассоціацій, самоуправленія общинъ и въ частности права общинъ свободно избирать духовныхъ лицъ, учителей и бургомистровъ;
   b) улучшеніе положенія учащихъ и бо̀льшая равномѣрность въ вознагражденіи пастырей;
   c) уничтоженіе платы за ученіе.

Да, здѣсь она выступила въ осязательныхъ формахъ, эта германская республика, и нисколько не позаботилась даже о томъ, чтобы накинуть на свое лицо какое-нибудь покрывало. У профессоровъ и филистеровъ побѣжали мурашки по кожѣ.

Обстоятельства должны были показать теперь, не ошибался ли Геккеръ въ своихъ расчетахъ. Въ Оффенбургѣ ему предложили вопросъ: „Неужели отъ надворныхъ совѣтниковъ, профессоровъ и слугъ государства вы ожидаете революціонныхъ постановленій?“—„Я терроризирую ихъ!“ отвѣтилъ Геккеръ. Франкфуртъ долженъ былъ проучить это самоувѣренное фантазерство.

Ясно формулированное предложеніе Струве чрезвычайно выгодно отличалось отъ программы комиссіи семи, которая по своей спутанности никакъ не могла удовлетворить требованій народа. Но если конститу-

---

8. Отмѣна цензуры, разрѣшительнаго порядка и залоговъ и замѣна этихъ принудительныхъ приспособленій принципомъ свободы печати въ самомъ широкомъ смыслѣ.

9. Уничтоженіе тайнаго и письменнаго судопроизводства и замѣна его гласными и устными судами присяжныхъ.

10. Уничтоженіе безчисленныхъ ограниченій личной свободы нѣмцевъ различныхъ сословій и единообразное обезпеченіе ея посредствомъ особаго закона (Habeas-corpus—акта въ самомъ широкомъ значеніи слова), который гарантируетъ въ частности также право союзовъ и собраній.

11. Устраненіе бѣдственнаго положенія трудящихся классовъ и средняго сословія, поднятіе торговли, промышленнаго сословія и сельскаго хозяйства. Богатыя средства для этого даютъ существовавшіе до сихъ поръ чудовищные цивильные листы, удѣлы, незаслуженные и слишкомъ высокіе оклады и пенсіи, всевозможные монастыри и не утилизируемыя въ настоящее время владѣнія многихъ корпорацій, равно какъ и государственные домены.

12. Смягченіе неправильнаго отношенія между трудомъ и капиталомъ при содѣйствіи особаго министерства труда, которое должно противодѣйствовать ростовщичеству, защищать трудъ и въ частности гарантировать ему участіе въ прибыляхъ отъ труда.

13. Уничтоженіе тысячекратно расходящихся между собою постановленій гражданскаго права, уголовнаго права, процессуальнаго права, каноническаго права и государственнаго права въ отношеніи монеты, мѣры, вѣса, почты, желѣзныхъ дорогъ и т. д. и замѣна ихъ законами, которые, вытекая изъ духа нашего времени, укрѣпляютъ внутреннее единство Германіи въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи и упрочиваютъ ея свободу.

14. Уничтоженіе раздробленности Германіи и возстановленіе подраздѣленія на имперскіе округа, при чемъ слѣдуетъ обратить надлежащее вниманіе на современныя условія.

15. Прекращеніе наслѣдственной монархіи (единодержавія) и замѣна ея свободно избранными парламентами, во главѣ которыхъ стоятъ свободно избранные президенты и которые всѣ соединяются федеративной союзной конституціей по образцу сѣверо-американскихъ республикъ.

Германскій народъ, вотъ принципы, съ осуществленіемъ которыхъ, по нашему мнѣнію, Германія только и можетъ сдѣлаться счастливой, уважаемой и свободной.

Германскіе братья на востокѣ и западѣ, мы обращаемся къ вамъ съ приглашеніемъ поддержать насъ въ нашемъ стремленіи добыть для васъ единыя и неотчуждаемыя права человѣка. Мы останемся всѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, пока свободно избранный парламентъ не получитъ возможность направлять судьбы Германіи. Въ это время мы выработаемъ необходимые законопроекты и, учредивъ свободно избранный исполнительный комитетъ, подготовимъ великое дѣло возрожденія Германіи.

ціонная надстройка надъ сорока отечествами, при наличности дуализма между Австріей и Пруссіей, была утопіей, — полагаетъ Блоссъ (стр. 173—174 его книги), одинъ изъ видныхъ историковъ 1848 года,—то и предложеніе Струве, и притомъ самый важный пунктъ въ немъ, представляло такую же утопію. Прямолинейный Струве думалъ просто-напросто нахлобучить на формирующуюся Германію федеративный строй Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Онъ не принималъ во вниманіе, что обѣ страны развивались совершенно различно и что форма государственнаго устройства должна быть приспособлена къ развитію даннаго общества. Стремленіе навязать Германіи, съ ея тысячелѣтнимъ развитіемъ, формы совершенно юнаго сѣверо-американскаго государства было утопизмомъ. Федеративное государство всегда представляетъ нѣчто недоразвившееся, — въ немъ еще не выработалось понятіе о государственной общности. Тысячелѣтней язвой Германіи, разъѣдавшей ея тѣло, была именно ея раздробленность, федерализмъ, такъ что она буквально томилась жаждой единства.

Эти мысли Блоса требуютъ, однако, извѣстной поправки. Онѣ справедливы лишь въ той мѣрѣ, поскольку „федерализмъ" Германіи былъ, такъ сказать, „династическимъ" федерализмомъ. Но кромѣ этого федерализма существуетъ другой выражающійся, напр., въ антагонизмѣ юга и сѣвера Германіи. Въ этомъ случаѣ федеративныя тенденціи коренятся въ различіяхъ историческаго развитія и современнаго общественнаго строя этихъ частей. Съ другой стороны, различныя національности (нѣмцы, венгры, чехи, кроаты, поляки и т. д.) могутъ лишь принудительно сдерживаться въ рамкахъ централизованнаго государства.—Въ свою очередь федеративный строй Сѣверо-Американскихъ Штатовъ едва ли можно объяснить ихъ „недоразвитостью". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ дальнѣйшимъ ходомъ экономическаго развитія функціи союзнаго правительства будутъ все увеличиваться и что уже въ настоящее время въ этомъ чувствуется самая настоятельная потребность. Но несомнѣнно въ то же время, что экономическое развитіе выдвигаетъ и такія задачи, которыя успѣшнѣе всего могутъ быть разрѣшены правительствами отдѣльныхъ штатовъ. Вообще же можно сказать слѣдующее: чѣмъ меньше опасностей угрожаетъ государству извнѣ, чѣмъ больше внутреннія отношенія утрачиваютъ принудительный характеръ и государство изъ организаціи господства превращается въ хозяйственную организацію, тѣмъ шире сфера для федералистическихъ отношеній.—Эти замѣчанія нисколько не касаются совершенно другого вопроса: насколько цѣлесообразно было выдвигать въ 1848 году федералистическія идеи. Но и этотъ практическій вопросъ не изъ легкихъ. Гартманъ („Volkserhebung" etc., 75 стр.) не безъ основанія замѣчаетъ, что централизованная республика встрѣтила бы болѣе серьезное противодѣйствіе, чѣмъ республика, построенная на федеративныхъ началахъ. — Съ другой стороны, мы не касаемся также и вопроса о томъ, насколько необходимъ именно федеративный государственный строй для примиренія мѣстныхъ особенностей. Въ самомъ дѣлѣ,

вѣдь и единое, унитарное государство можетъ допускать широкій просторъ для мѣстнаго самоуправленія и для самоопредѣленія различныхъ національностей.

Какъ бы то ни было, даже нѣкоторые искренніе республиканцы считали предложеніе Струве неудачнымъ; Іоганнъ Якоби разбирался въ этихъ вопросахъ яснѣе. Кромѣ того, предложенія Струве слишкомъ ужъ поверхностно затрогивали соціальный вопросъ. То, что они обѣщали рабочимъ, было такъ же неопредѣленно, какъ „свободныя права націи“ въ проектѣ комиссіи семи. Наибольшее, до чего могъ возвыситься мелко-буржуазный соціализмъ Струве, было „участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій“. Струве не видалъ того, что такая форма отношеній лишь съ огромными затрудненіями можетъ быть организована государствомъ и что она, съ другой стороны, вовсе не разовьется, если все дѣло будетъ предоставлено частной инціативѣ. Буржуазные демократы и республиканцы, какъ и Струве, очень много говорили объ „устраненіи неправильныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ“. Но имъ и въ голову не приходило разыскивать корень этихъ „неправильныхъ отношеній“ въ самой формѣ производства.

Предложеніе, внесенное Струве, произвело невѣроятное замѣшательство среди большинства, составившагося изъ профессоровъ, надворныхъ совѣтниковъ и мѣщанъ. Почтенный старецъ Миттермайеръ, казалось, не могъ отыскать въ своей прекрасной посребренной головѣ никакой уловки, чтобы раздѣлаться съ такимъ устрашающимъ документомъ. Онъ только заявилъ, что рѣчь Струве продолжалась дольше десяти минутъ. Господинъ Шаффратъ изъ Саксоніи, многоопытный адвокатъ, вывелъ президента изъ затрудненія, предложивши передать предложенія Струве на обсужденіе особой комиссіи. Тогда потокъ краснорѣчія опрокинулъ всѣ плотины; на республиканцевъ обрушился такой потокъ фразъ, что у нихъ едва оставалась возможность для возраженій. Всѣ говорили о „единствѣ“, „свободѣ“, „народѣ“ и „правѣ“, только о предложеніяхъ Струве не хотѣли и слышать. Генрихъ фонъ-Гагернъ высказалъ убѣжденіе, что принципы Струве „угрожаютъ опасностью кредиту“, а Эйзенманъ воскликнулъ, что при конституціонной монархіи онъ совершенно беззаконно былъ на пятнадцать лѣтъ засаженъ въ тюрьму и, несмотря на то, будетъ бороться до послѣдней капли крови за конституціонную монархію! Какой трогательный наплывъ гиперъ-лойяльныхъ, ненормально разросшихся филистерскихъ чувствъ! Господинъ Велькеръ, который еще такъ недавно разыгрывалъ изъ себя неистоваго республиканца, теперь неистово обрушился противъ Струве. Профессоръ Фогтъ изъ Гиссена, желая возразить Велькеру, въ иронической формѣ намекнулъ, что Велькеръ состоитъ уполномоченнымъ союзнаго сейма. „Господинъ депутатъ,—началъ онъ,—или, правильнѣе сказать, господинъ посланникъ отъ союзнаго сейма Велькеръ...“ Но здѣсь разразился такой шумъ, что президенту пришлось на полчаса прервать засѣданіе. Робертъ Блюмъ говорилъ въ примирительномъ духѣ. Въ концѣ-концовъ собраніе согласилось съ Везендонкомъ, что

рѣшеніе вопроса о государственной формѣ принадлежитъ только учредительному національному собранію и что необходимо подчиниться его будущимъ постановленіямъ. Послѣ всей суматохи господинъ Дитце изъ Дюссельдорфа выступилъ съ высокопарнѣйшей фразой: „Я могъ бы усомниться въ свѣтѣ и сіяніи солнца, но только не въ томъ, что свобода Германіи становится, наконецъ, дѣйствительностью!" Таковъ ужъ былъ средній филистеръ мартовскихъ дней.—Потомъ предварительный парламентъ постановилъ созвать національное учредительное собраніе по расчету одинъ депутатъ на 50.000 душъ населенія. Выборы должны быть прямые, въ нихъ принимаютъ участіе всѣ безъ исключенія неопороченные граждане. Шлезвигъ-Голштинія, Восточная и Западная Пруссія признаны частями Германскаго Союза; имъ тоже предоставлено представительство въ національномъ собраніи. Вопросъ относительно Польши, гдѣ какъ разъ въ это время вспыхнуло возстаніе, былъ оставленъ открытымъ; тѣмъ не менѣе собраніе протестовало противъ раздѣла Польши и потребовало ея возстановленія.

Такъ прошло первое засѣданіе. Впечатлѣніе, которое оно могло произвести на широкую публику, было далеко не изъ выгодныхъ. Въ трактирахъ, послѣ засѣданія, между республиканцами и конституціонными монархистами произошли крупныя стычки; не разъ раздавалось „виватъ" въ честь республики. Вино оказало свое дѣйствіе, и на слѣдующее утро собраніе приступило къ обсужденію дальнѣйшихъ вопросовъ маленько въ послѣ-похмельномъ настроеніи. Трактовался вопросъ объ избирательной системѣ для учредительнаго собранія. Всеобщее и прямое избирательное право нашло энергичныхъ защитниковъ; за него выступилъ даже старый „Turnvater", „Отецъ гимнастики" Янъ, давнымъ-давно сточившій всѣ свои зубы на слишкомъ усердномъ французоѣдствѣ. Но собраніе предоставило усмотрѣнію отдѣльныхъ правительствъ—предписать ли прямые или косвенные выборы.

Потомъ на очередь было поставлено предложеніе, внесенное Геккеромъ: предварительный парламентъ не долженъ расходиться до момента открытія засѣданія учредительнаго собранія; онъ долженъ взять въ свои руки руководительство движеніемъ Германіи. Мысль эта показалась, конечно, ужасной для тихоходовъ либерализма. Они трепетали отъ страха, когда думали, что всемірная исторія вдругъ выдвинетъ передъ ними такую же задачу, какъ передъ французскимъ національнымъ конвентомъ 1792 года. Всякій, кто увидѣлъ бы передъ собой толпу этихъ обливавшихся холоднымъ потомъ гиперъ-лойяльныхъ надворныхъ совѣтниковъ, чиновниковъ и профессоровъ, тотчасъ же понялъ бы, что передъ нимъ только самая жалкая карикатура на то знаменитое собраніе, которому пришлось бороться съ великой коалиціей Питта и которое вышло побѣдителемъ изъ этой борьбы. Въ предварительномъ парламентѣ страхъ передъ народомъ боролся за первенство со страхомъ передъ реакціонными силами.

Велькеръ уже до такой степени вошелъ въ свою роль члена союзнаго сейма, что называлъ союзный сеймъ, эту изсохшую вѣтвь на

стволѣ германскаго дуба, послѣдней опорой противъ неурядицы и анархіи. По его мнѣнію непрерывность засѣданій парламента неминуемо должна была повлечь за собой анархію. Филистерамъ, содрогающимся отъ ужаса, уже казалось, что они распростерты на доскѣ гильотины и въ послѣдній разъ взираютъ черезъ „національное окно" (выемка гильотины) на міръ прекрасный, зеленѣющій, сіяющій солнцемъ, — взираютъ, пока по знаку палача желѣзо не засвиститъ, падая внизъ.

Геккеръ постарался влить мужество въ души этихъ почтенныхъ людей. Германія, полагалъ онъ, всего ожидаетъ отъ предварительнаго парламента; правительствамъ не хватитъ ни силы, ни мужества, чтобы оказать противодѣйствіе. Геккера поддержалъ пламенный д'Эстеръ изъ Кельна, а также Морицъ Риттингаузенъ изъ Кельна *). „Въ Германіи,— воскликнулъ Риттингаузенъ,—въ настоящій моментъ фактически нѣтъ никакой власти, потому что правительства, такъ сказать, уже не существуетъ. Въ Пруссіи былъ даже такой моментъ, когда совершенно не знали, сохраняется ли старое или же вступило въ силу новое временное правительство". Такая энергичная характеристика положенія возмутила лойяльныя души. Какъ бы могъ истинный „патріотъ" представить себѣ Германію безъ правительствъ? Рюдеръ изъ Ольденбурга **) выступилъ съ возраженіями и предложилъ назначить комиссію изъ 50-ти членовъ, которая должна наблюдать за исполненіемъ парламентскихъ постановленій. Венедей, который нѣкогда былъ, какъ эмигрантъ, радикаломъ, готовымъ перевернуть цѣлый міръ, тоже говорилъ противъ непрерывности засѣданій парламента. Но особенно постарался въ этомъ направленіи Гагернъ; онъ полагалъ, что собраніе не имѣетъ права дѣлать такое постановленіе. Старый Ицштейнъ, Іоганнъ Якоби и Раво тщетно выступали за непрерывность. Якоби выразилъ убѣжденіе, что собраніе — исключительно органъ единства Германіи и что прямой долгъ его—не оставлять своего мѣста. Раво напомнилъ собранію, что само оно обязано своимъ существованіемъ революціи. Все напрасно. У пресловутыхъ „революціонеровъ" въ головѣ все время сидѣлъ страхъ „революціи" и „анархіи"; поэтому они отвергли пред-

*) Впослѣдствіи онъ получилъ извѣстность какъ соціалъ-демократическій депутатъ и въ особенности какъ защитникъ прямого народнаго законодательства. Крушеніе движенія 1848 года Риттингаузенъ объяснялъ тѣмъ, что „народъ" выпустилъ власть изъ своихъ рукъ, возложивши ее на представителей, а тѣ „обманули" „народъ". Риттингаузенъ до самой своей смерти (въ началѣ 70-хъ годовъ) оставался по существу демократомъ: онъ никогда не могъ отрѣшиться отъ представленія о „народѣ", какъ о чемъ-то неизмѣнно прогрессивномъ во всѣхъ своихъ слояхъ и группахъ. Такая точка зрѣнія положена въ основу и извѣстной „Комедіи всемірной исторіи" Шерра. Разбору воззрѣній Риттингаузена посвящена любопытная брошюра Каутскаго: Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung etc. Отдѣльныя главы изъ нея вошли въ русское изданіе „Этюдовъ и очерковъ".

**) Впослѣдствіи извѣстный директоръ лейпцигской полиціи; въ 1848 году — конституціоналистъ со слабымъ налетомъ демократизма и соредакторъ газеты Роберта Блюма „Sächsischen Vaterlandsblättern".

ложеніе Геккера о непрерывности засѣданій такимъ большинствомъ, которое могли сплотить только опасенія за голову и воротникъ. 368-ью противъ 148-ми голосовъ предложеніе Геккера отклонено и принято такое предложеніе Генриха фонъ-Гагерна: „Комиссія изъ пятидесяти членовъ должна вступить въ соглашеніе съ союзнымъ сеймомъ и подавать совѣты послѣднему относительно защиты интересовъ націи“.

До какой степени дошла путаница понятій, видно изъ того факта, что даже Людвигъ Уландъ подалъ свой голосъ за комиссію пятидесяти и противъ непрерывности засѣданій. У этого человѣка вообще не было недостатка въ дальновидности. Онъ обнаружилъ правильное пониманіе положенія, заявивши въ предварительномъ парламентѣ: „Недѣли теперь равносильны столѣтіямъ!“ И, несмотря на то, онъ рѣшилъ выжидать еще шесть „столѣтій“, пока не соберется учредительное собраніе, и выпустить на это время власть изъ своихъ рукъ.

Теперь уже не оставалось мѣста никакому сомнѣнію: „поумнѣвшіе“ и „половинчатые“, открытые и замаскированные реакціонеры и трусливые филистеры составляли въ собраніи подавляющее большинство по сравненію съ рѣшительными и энергичными демократами. Поведеніе большинства показывало также, какъ страшилось оно революціонной почвы, на которую гналъ его водоворотъ народнаго движенія. Большинство стремилось къ одному: какъ можно скорѣе оставить эту почву, возвратиться „на печку“ и погрузиться въ привычное будничное существованіе. Ужасъ переполнялъ душу филистеровъ, когда они видѣли, что необходимость вынуждаетъ ихъ „дѣлать всемірную исторію“.

Предложеніе, внесенное Цицемъ и Робертомъ Блюмомъ и поддержанное Штрекеромъ, Фогтомъ, Якоби, Беромъ, Дюпре, Ицштейномъ, Лейслеромъ и Вутке, выставило слѣдующее требованіе: „Прежде чѣмъ собраніе сейма возьметъ въ свои руки созывъ учредительнаго собранія, оно должно отмѣнить противозаконныя исключительныя постановленія (карлсбадскія и т. д.) и удалить изъ своей среды лицъ, которыя принимали участіе въ ихъ изданіи и приведеніи въ исполненіе“.

Это предложеніе довело до крайнихъ предѣловъ конфликтъ между большинствомъ, съ одной стороны, и демократами и республиканцами— съ другой.

Бассерманъ, впрягшійся теперь въ лямку реакціонеровъ, предложилъ замѣнить слова „прежде чѣмъ“ словами „между тѣмъ какъ“, что должно было сдѣлать все предложеніе безполезнымъ и лишнимъ.

Въ чрезвычайно страстныхъ преніяхъ произошло рѣзкое столкновеніе противоположностей; тщетно старались примирить ихъ демократы-конституціоналисты. Уландъ заявилъ: „Я думаю, что, когда весна выгоняетъ зародыши, старая листва спадаетъ сама собою“. Всѣ свои надежды онъ возлагалъ на „полное молодыхъ силъ національное собраніе“. Но его вѣра оказалась мечтой: „старая листва“ сохранялась послѣ того еще восемнадцать лѣтъ, и недовѣріе республиканцевъ было вполнѣ основательно. Какимъ бы мелкимъ и ничтожнымъ ни казалось дѣло на первый взглядъ, словечки „прежде чѣмъ“ и „между тѣмъ

какъ" вскрывали глубокую пропасть между обѣими борющимися сторонами. Одинъ баронъ изъ Баваріи, фонъ-Клозенъ, по своей довѣрчивости превзошелъ даже Уланда. Онъ заявилъ, что не въ его вкусахъ бороться съ мертвецами, а союзный сеймъ уже мертвъ. Венедей сказалъ: „Союзный сеймъ нашъ почтальонъ, поэтому онъ для насъ необходимъ".

Съ этой мечтательностью, вооружившейся розовыми очками, не могли ничего подѣлать ни язвительное краснорѣчіе Геккера, ни холодная логика Струве, ни предостереженія Роберта Блюма. Предложеніе Бассермана было принято.

Послѣ этого постановленія въ собраніи поднялась суматоха, началось шумное движеніе. 79 членовъ, республиканцевъ и демократовъ, въ томъ числѣ Геккеръ, Струве, Цицъ и другіе, оставили предварительный парламентъ. Но къ нимъ примкнули не всѣ голосовавшіе заодно съ ними. Остались въ собраніи Робертъ Блюмъ, Іоганнъ Якоби, Раво, Везендонкъ, Редингеръ, а также старый Ицштейнъ,—послѣдній, впрочемъ, чтобы „достигнуть примиренія", голосовалъ за предложеніе Бассермана. Насколько разумно было выходить изъ собранія — такого вопроса можно совсѣмъ не касаться; но разъ оставивъ собраніе, не слѣдовало опять возвращаться въ него, какъ было впослѣдствіи сдѣлано.

Какъ разъ въ этотъ моментъ на обсужденіе былъ поставленъ важнѣйшій вопросъ, именно вопросъ о народномъ ополченіи. Глаубрехъ изъ Майнца внесъ предложеніе, чтобы имѣющая быть избранной комиссія пятидесяти взяла на себя полное осуществленіе народнаго ополченія. Онъ исходилъ изъ той мысли, что постановленія будущаго національнаго собранія будутъ имѣть значеніе лишь при томъ условіи, если въ его распоряженіи будетъ реальная, а не воображаемая сила. Условія времени съ такой силой говорили въ пользу предложенія Глаубреха, что никакъ нельзя было подумать, чтобы оно натолкнулось на возраженія. Но воспользовавшись этимъ случаемъ, доктринеры и мечтатели проникнутаго довѣріемъ либерализма опять унеслись отъ дѣйствительности. Чистосердечный Зегеръ изъ Штутгарта полагалъ, что, высказавшись за народное ополченіе, собраніе будетъ дѣйствовать какъ временное правительство. Венедей вѣщалъ, что больше всего необходимо изданіе деклараціи правъ германскаго народа, а все прочее приложится. А тотъ самый господинъ фонъ-Клозенъ, который объявилъ союзный сеймъ покойникомъ, считалъ требованіе народнаго ополченія просто выраженіемъ страха! Мати изумительнымъ образомъ высказался за предложеніе Глаубреха на томъ основаніи, что „народное ополченіе должно послужить единственно надежной гарантіей противъ реакціи". Будущій баденскій министръ, конечно, уже не могъ сказать это серьезно: всего черезъ пять дней онъ приказалъ арестовать своего друга Фиклера, какъ „измѣнника передъ отечествомъ", и началъ свою новую карьеру, открывшуюся мѣстомъ въ государственномъ совѣтѣ. Мати тогда, несомнѣнно, надѣялся, что „народное ополченіе" удастся превратить въ какое-нибудь „гражданское ополченіе", т.-е. въ ополченіе

буржуа, и, быть можетъ, уже напередъ передавалъ ему роль, которую впослѣдствіи оно и въ самомъ дѣлѣ взяло на себя: служить для реакціонныхъ силъ буферомъ противъ народнаго движенія. Господинъ Асманъ, преподаватель средней школы изъ Брауншвейга, держалъ слѣдующую рѣчь: „Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ спокойствіе Германіи. Если комиссія безъ дальнѣйшей процедуры введетъ народное ополченіе, она сдѣлается временнымъ правительствомъ и вырветъ изъ рукъ монарховъ важнѣйшее право, какое еще осталось у нихъ,—право своими собственными силами возстановить порядокъ въ Германіи". Должно быть у браваго школьныхъ дѣлъ мастера зубы отъ страха буквально выбивали барабанную дробь. Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ напомнить, что въ 1871 году, въ большомъ брауншвейгскомъ процессѣ противъ членовъ крайней лѣвой, Бракe и другихъ, Асманъ, вызванный свидѣтелемъ, игралъ въ высшей степени похвальную и почтенную роль.

Послѣ этого принято слѣдующее постановленіе: комиссія пятидесяти должна позаботиться о томъ, чтобы осуществлено было народное ополченіе. Слѣдовательно, у либераловъ не хватало рѣшительности даже настолько, чтобы потребовать осуществленія вещи, которая была обѣщана почти всѣми правительствами въ Германіи.

Реакціонеры въ собственномъ смыслѣ этого слова обнаружили большую мудрость. Они понимали, что „народное ополченіе" превратится въ ополченіе буржуа и филистеровъ-охранителей и что ополченіе это будетъ служить противъ народа. Потому реакціонеры отнеслись къ дѣлу очень дипломатично.

Между тѣмъ за кулисами господствовало большое оживленіе. „Папаша" Ицштейнъ употреблялъ всевозможныя средства, чтобы укротить разгнѣваннаго Геккера и его друзей. И дѣйствительно, они дали уговорить себя. Съ другой стороны, населеніе встало на сторону республиканцевъ; въ Шоппенѣ произнесены были ужасающія рѣчи, такъ что даже президентъ Миттермайеръ сталъ опасаться, какъ бы не вспыхнула новая революція. Онъ поспѣшилъ къ графу Коллоредо, президенту союзнаго сейма, и тотъ обѣщалъ ему отмѣнить исключительныя постановленія сейма. Союзный сеймъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, больше мудрости, чѣмъ либеральные филистеры бассермановской окраски. Объ уступкѣ сейма возвѣстили съ великимъ паѳосомъ, и Геккеръ съ товарищами опять появились въ собраніи.

„Революціонеры" вопреки своей волѣ теперь уже достаточно поработали надъ „дѣланіемъ всемірной исторіи"; они поторопились поскорѣе уйти съ опасной почвы, на которой они стояли въ церкви св. Павла. Все, что еще оставалось сдѣлать, было взвалено на комиссію пятидесяти и на широкую спину будущаго національнаго собранія. Основныя права, право гражданства, эмиграція, защита труда и многія другія превосходныя вещи были разрѣшены однимъ взмахомъ руки. Любопытно, какъ собраніе вывернулось въ вопросѣ о „бѣдныхъ людяхъ". Собраніе всемилостивѣйше расшвыривало передъ рабочими такія общія

фразы, какъ „національная система кредита съ земледѣльческими и рабочими кассами; мѣропріятія, чтобы обезпечить отъ нужды неспособныхъ къ работѣ и доставить занятія безработнымъ“ и т. д., — расшвыривало ихъ передъ тѣми самыми рабочими, которыхъ буржуазный либерализмъ, выступая на борьбу съ господствующими властями, такъ часто поднималъ и возбуждалъ къ мятежу, не страшась при этомъ самой сильной фразеологіи. Но одну изъ самыхъ милыхъ картинокъ представлялъ парламентъ въ тотъ моментъ, когда мартовскій министръ Ремеръ изъ Штутгарта, говоря о рабочемъ вопросѣ, вдругъ обратился къ собранію со словами: „Милостивые государи, вы всѣ, конечно, раздѣляете симпатіи къ этимъ людямъ; прошу васъ, докажите это, поднявшись со своихъ мѣстъ!“ И всѣ они встали, бравые представители германской націи, и рабочій вопросъ на время былъ разрѣшенъ. Но „эти люди“, которые ждали отъ преобразованія Германіи работы и хлѣба,—что должны были подумать они при такой пошлой комедіи! Едва ли ихъ мысли были особенно лестны для господъ Ремеровъ и компаніи.

Толстый господинъ фонъ-Суаронъ изъ Мангейма, домартовскій республиканецъ и послѣмартовскій мелкотравчатый либералъ, выразилъ задушевную думу парламента, сдѣлавъ такое предложеніе: рѣшеніе вопроса о будущей конституціи Германіи слѣдуетъ предоставить исключительно одному только избранному народомъ національному собранію. Напротивъ, Асманъ предложилъ, чтобы собраніе выработало конституцію по соглашенію съ государями. Опять начались горячія пренія. Господинъ фонъ-Суаронъ прекратилъ споръ, объяснивши, какой смыслъ имѣетъ его предложеніе: необходимо все предоставить національному собранію. По разъясненіи съ его предложеніемъ согласились, ибо оказалось, что оно не означало рѣшительно ничего.

Въ заключеніе произвели выборы въ комиссію пятидесяти. Большинство предварительнаго парламента провело отъ себя 38 членовъ. Само собой разумѣется, что у этихъ 38-ми не было недостатка въ лойяльности по отношенію къ правительствамъ. Остальные двѣнадцать составились изъ выдающихся представителей демократовъ: Ицштейнъ, Блюмъ, Якоби, Кольбъ, Раво и т. д. По игрѣ случая Геккеръ получилъ 171 голосъ и оказался пятьдесятъ первымъ; за Струве было подано только 100 голосовъ. Если Блюмъ, Ицштейнъ, Якоби, Раво и товарищи были избраны преднамѣренно, чтобы обезвредить ихъ посредствомъ комиссіи, то такой пріемъ со стороны большинства былъ очень искуснымъ тактическимъ шагомъ: дѣятельность комиссіи заключалась преимущественно въ томъ, что она издавала настолько же высокопарныя, какъ и ненужныя прокламаціи, что члены ея упражнялись въ краснорѣчіи и что она убивала свое время въ мелочныхъ и смѣхотворныхъ препирательствахъ съ союзнымъ сеймомъ. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть, что 30-го марта союзный сеймъ постановилъ созвать германскій парламентъ, чтобы „завершить дѣло конституціи между правительствами и народомъ“. Но при наличныхъ обстоятельствахъ это постановленіе не имѣло никакого значенія.

3-го апрѣля предварительный парламентъ былъ закрытъ. Его члены предоставили франкфуртскому мѣщанству привѣтствовать себя за свои дѣянія звономъ колоколовъ и грохотомъ пушекъ. Всѣ легковѣрные предавались восторгамъ. Но самые рѣшительные и горячіе изъ республиканцевъ собрались вечеромъ 3-го апрѣля въ „Голландскомъ Отелѣ" во Франкфуртѣ. Они опасались, что тактика и постановленія предварительнаго парламента могутъ затормозить все нѣмецкое движеніе. Поэтому они рѣшили призвать народъ къ оружію *). Когда обсуждался вопросъ, откуда слѣдуетъ начать „великое предпріятіе", кому-то пришло въ голову предложить для этого Вюртембергъ. Въ настоящее время трудно рѣшить, не было ли это предложеніе плохой шуткой. Вюртембержецъ Меглингъ тотчасъ же выяснилъ, что въ Вюртембергѣ можетъ разсчитывать на извѣстный успѣхъ только борьба „противъ господства писцовъ"; масса населенія удовлетворена мартовскими завоеваніями, республиканскія стремленія здѣсь безнадежны. Послѣ этого было постановлено начать возстаніе въ пріозерномъ баденскомъ округѣ, такъ какъ депутаты изъ этой страны увѣряли, что населеніе тамъ сильно возбуждено и готово возстать даже безъ предводителей **).

---

*) См. Теодоръ Меглингъ, „Briefe an meine Freunde", стр. 63 и сл.

**) Позже мы увидимъ, что это было до крайности преувеличенное утвержденіе. Многіе вожди, несомнѣнно, думали, что масса народа такъ же возбуждена, какъ они сами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Баденскіе республиканцы.

Когда Геккеръ и Струве возвратились изъ Франкфурта, на нихъ посыпались письма и адреса, ихъ стали осаждать депутаціи, которыя требовали поднять знамя возстанія. Поэтому они предавались иллюзіямъ относительно общаго положенія вещей и въ концѣ-концовъ пришли къ убѣжденію, что весь германскій народъ ждетъ только сигнала, чтобы возстать за республику. И Геккеръ и Струве пользовались тогда широкой популярностью. У Геккера была мужественная, красивая, привлекательная наружность. Никто не могъ противостоять его волшебному, пламенному краснорѣчію. Струве, вегетаріанецъ и френологъ, былъ непоколебимый доктринеръ, проникнутый безграничной самоувѣренностью *).

Оба они были созданы какъ будто для того, чтобы служить представителями старой революціонной романтики. Предварительный парламентъ долженъ бы вразумить ихъ, что нѣмецкій народъ далеко не съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ ихъ туманной федеральной республики, какъ имъ обоимъ казалось. Казалось, понятіе о республикѣ было для нихъ тожественно съ понятіемъ о полномъ блаженствѣ человѣчества, хотя они не позаботились украсить свое идеальное государство чѣмъ-либо другимъ, кромѣ извѣстныхъ мартовскихъ требованій, лишь незначительно расширенныхъ въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Но къ возстанію толкалъ Струве и Геккера не только ихъ и ихъ друзей пылкій темпераментъ,—въ томъ же направленіи дѣйствовали и другія обстоятельства. Уже въ сентябрѣ 1847 года, послѣ оффенбургскаго собранія, противъ Геккера и Струве было начато слѣдствіе по обвиненію ихъ въ политическомъ преступленіи. Депутатъ Брентано, другъ Геккера и Струве, въ засѣданіи второй баденской палаты потребовалъ (1-го марта) отъ министра Бекка прекратить всѣ процессы по политическимъ дѣламъ. „Положите конецъ процессамъ по государ-

*) Дружба между обоими упрочилась лишь съ той поры, когда Геккеръ, вообще издѣвавшійся надъ френологіей, какъ надъ „глупою штукой“, предоставилъ Струве изслѣдовать свой черепъ. Объ этомъ, а также о результатахъ изслѣдованія подробно разсказано въ „Zwölf Streiter der Revolution“, Густава Струве и Густава Раша.

ственнымъ преступленіямъ и по оскорбленію величества, и я ручаюсь вамъ своей головой, что больше не будетъ никакихъ безпорядковъ; я надѣюсь, что народъ не откажетъ мнѣ въ поддержкѣ“. Но Беккъ не согласился на это, и слѣдствіе противъ Струве и Геккера продолжалось. „Мѣры, принятыя баденскимъ правительствомъ противъ выдающихся членовъ центральнаго комитета, избраннаго въ Оффенбургѣ, не оставляли намъ никакого другого выбора, какъ между мечомъ и арестомъ“, говоритъ Струве *).

Къ этому присоединилось всеобщее возбужденіе, вызванное передвиженіемъ войскъ. Реакціонеры, стремясь довести страхъ передъ французами до крайнихъ предѣловъ, использовали извѣстіе, что „поэтъ“ Гервегъ организуетъ въ Парижѣ легіонъ, что онъ хочетъ вторгнуться съ нимъ въ Германію и превратить сорокъ нѣмецкихъ отечествъ въ одну великую республику. Все дѣло изображали такимъ образомъ, какъ будто собирается многотысячная орда, алчущая крови и грабежей и готовая, подобно тучамъ саранчи, обрушиться на злосчастную Германію. Впечатлѣніе было достигнуто настолько сильное, что даже революціонеры геккерскаго направленія не безъ нѣкоторой робости отрицали всякую общность съ войсками Гервега, составленными будто бы изъ разбойниковъ **).

Баденскіе республиканцы, какъ „добрые бюргеры“, отклонили также и помощь нѣмецкихъ рабочихъ изъ Швейцаріи; они были убѣждены, что „народъ“ можетъ взглянуть на такихъ голяковъ просто какъ на разбойниковъ.

Баденское правительство использовало страхъ французскаго нашествія. Оно передвинуло свои войска и призвало на помощь войска изъ сосѣднихъ государствъ. Гессенскія войска направились къ нижнему теченію Неккара, баварскія и вюртембергскія—къ пріозерному округу и къ Шварцвальду. При возбужденіи народа, которое нерѣдко доходило до того, что онъ хватался за оружіе, моментъ представлялся Геккеру и Струве чрезвычайно благопріятнымъ. Они считали свое дѣло самымъ легкимъ и потому не заботились о какихъ-либо серьезныхъ подготовительныхъ мѣрахъ; они вѣрили, что войска при первой же стычкѣ перейдутъ на сторону повстанцевъ.

Въ пріозерной области, избранной для начала возстанія, вождемъ демократическаго движенія былъ Іосифъ Фиклеръ. Въ Констанцѣ онъ издавалъ радикальную газету „Seeblätter“ и имѣлъ многочисленныя столкновенія съ судами. Обладая выдающимся агитаторскимъ талантомъ, краснорѣчивый, неутомимо дѣятельный, онъ пользовался широкимъ вліяніемъ и симпатіями. Геккеръ и Струве возлагали на него особенныя надежды. Въ то время Фиклеръ, какъ членъ палаты, находился въ Карлсруэ; вечеромъ 7-го апрѣля онъ и другіе члены парламентской оппозиціи собрались въ „Парижскомъ Отелѣ“. Здѣсь же при-

*) „Zwölf Streiter der Revolution“, стр. 16.

**) Письмо Фиклера (отъ 26 марта 1848 года) къ Адальберту фонъ-Борнштедту, президенту нѣмецкаго демократическаго общества въ Парижѣ.

сутствовалъ и Мати, которому Фиклеръ оказалъ многія благодѣянія и доставилъ мѣсто депутата въ ландтагѣ. Уже тогда подозрѣвали, что въ этомъ, все еще такомъ фанатическомъ республиканцѣ произошелъ цѣлый переворотъ. Фиклеръ заявилъ даже, что онъ опасается предательства со стороны Мати. Поэтому онъ еще ночью хотѣлъ уѣхать въ пріозерную область; но друзьямъ удалось успокоить его. На слѣдующее утро, въ восьмомъ часу, когда Фиклеръ пришелъ на вокзалъ, Мати былъ уже тамъ. Онъ позвалъ полицейскихъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ, чтобы арестовать Фиклера. Тѣ отказались. Тогда Мати призвалъ солдатъ, оказавшихся неподалеку, и сказалъ имъ: „Подъ моей, какъ депутата, отвѣтственностью арестуйте этого человѣка, — это измѣнникъ!“ Фиклеръ отвѣтилъ: „Я не измѣнникъ, но вы предаете народъ!“ Солдаты послушались, и Фиклеръ былъ такимъ образомъ обезвреженъ.

Было бы излишне предаваться здѣсь выраженіямъ моральнаго негодованія. Поступокъ Мати съ его другомъ и благодѣтелемъ выноситъ самъ себѣ приговоръ. Всѣ краснобаи не въ состояніи изгладить пятна, которое легло и остается на его имени *). За Мати вступились всѣ филистеры либерализма; они съ величайшимъ восторгомъ украсили бы его главу „вѣнкомъ гражданина“; даже робкіе демократы выражали почтительное изумленіе „спасительному поступку“ **). Баденское правительство немедленно произвело господина Мати въ члены государственнаго совѣта.

Но народъ пришелъ въ ярость, и Мати поспѣшно оставилъ Карлсруэ. Когда онъ прибылъ въ Мангеймъ, постоянное мѣсто своего жительства, онъ нашелъ, что и здѣсь народныя массы находятся въ страшномъ возбужденіи. Его домъ былъ занятъ гражданской милиціей, а кругомъ бушевала толпа и кричала: „предатель!“ Подъ защитой милиціи Мати съ балкона обратился съ рѣчью къ народу; онъ утверждалъ, будто Фиклеръ вступилъ въ заговоръ съ французами и хотѣлъ вызвать ихъ вооруженное вторженіе въ Баденъ; поэтому Фиклеръ измѣнникъ. У президента палаты депутатовъ онъ, Мати, самъ видѣлъ документальныя доказательства этого.

Но старый Миттермайеръ, президентъ палаты депутатовъ, во всеуслышаніе заявилъ въ газетахъ, что утвержденіе Мати представляетъ ложь; онъ не показывалъ депутату Мати, говорилъ Миттермайеръ, ни

---

*) Дѣло нисколько не измѣняется отъ того, что къ этимъ краснобаямъ принадлежитъ также и Густавъ Фрейтагъ, который въ своей книгѣ возвеличиваетъ Мати, своего товарища по партіи. Само собой разумѣется, что Мати впослѣдствіи сдѣлался звѣздой націоналъ-либеральной партіи.

**) „Доносъ объ измѣнѣ, понятіи юридическомъ, произвелъ особенно сильное впечатлѣніе на патріотовъ-юристовъ; въ Вюртембергѣ патріотическая избирательная комиссія рекомендовала для избранія въ парламентъ патріотовъ Мати и Бассермана“ (Циммерманъ). Мати былъ, дѣйствительно, избранъ. Однако, избиратели послѣ раскаялись въ этомъ. См. ироническій адресъ кальверскаго патріотическаго ферейна, направленный къ Мати. („Neue deutsche Zeitung“ отъ 17 апрѣля 1849 года).

одного подобнаго документа *). Послѣ этого заявленія бравые либералы пришли въ такую ярость, что сами они едва ли понимали, что они дѣлали; они выступили съ утвержденіемъ, что заявленіе честнаго Миттермайера „безтактно". Бассерманъ вторгся къ нему въ домъ и такъ грубо обругалъ его, что старый Миттермайеръ серьезно заболѣлъ отъ гнѣва. Мати былъ объявленъ „античнымъ характеромъ", спасшимъ Германію отъ войны съ французами, — отъ такой войны, въ которой часть нѣмцевъ, эти „внутренніе враги", оказала бы французамъ, „внѣшнимъ врагамъ", дѣятельную поддержку. Мати ставилъ отечество выше дружбы и благодарности **).

Заарестованіе Фиклера было тяжелымъ ударомъ для Геккера. „Теперь очередь за мной!—воскликнулъ онъ.—Палата согласится на то, чтобы и меня арестовали". Но Геккеръ не палъ духомъ. 9-го апрѣля онъ выѣхалъ изъ Маннгейма въ Констанцъ, гдѣ его уже дожидались немногіе друзья, рѣшившіеся итти съ нимъ: Струве, Меглингъ, Виллихъ, Долль и Брунъ ***).

Новые революціонеры еще и сами не знали, какъ приняться за дѣло. Сначала они хотѣли укрѣпиться въ Констанцѣ, принудить къ отступленію правительственныя войска, которымъ, думалось имъ, они угрожаютъ съ тылу, и потомъ, опираясь на завоеванную такимъ образомъ силу, организовать федерально-демократическую Германію. Но въ концѣ-концовъ было рѣшено выступить съ вооруженными силами изъ Констанца, двинуться противъ Карлсруэ, столицы Бадена, и учредить тамъ въ первую очередь баденскую республику, за которой должна была послѣдовать германская. Вожди движенія были преисполнены такихъ иллюзій, что они, какъ разсказываетъ Меглингъ, надѣялись, что всего удастся достигнуть, „можетъ быть, безъ удара меча".

Струве отправился въ Шварцвальдъ, чтобы призвать тамошнее населеніе къ оружію. Самъ Геккеръ 12-го апрѣля въ большомъ народ-

*) Въ дѣйствительности Фиклеръ, какъ мы видѣли, предостерегалъ противъ привлеченія иноземныхъ элементовъ къ баденскому движенію, и лишь на случай пораженія склоненъ былъ смотрѣть на Францію какъ на „спасительное прикрытіе".

**) Такой взглядъ, повидимому, и въ настоящее время еще господствуетъ въ извѣстныхъ сферахъ; иначе портретъ „государственнаго человѣка" и „патріота" Мати не красовался бы въ фойе германскаго рейхстага. — Въ противоположность этому можно отмѣтить, что даже пасторъ Гагенмейеръ, при всемъ своемъ крайне отрицательномъ отношеніи къ революціи, очень нелестно отзывается о дѣяніи „политическаго перебѣжчика". По его мнѣнію, „во всякомъ случаѣ позволительно сомнѣваться, не оказало ли на него извѣстнаго вліянія министерское мѣсто, уже тогда манившее его и дѣйствительно предоставленное ему всего черезъ два дня послѣ его дѣянія". Конечно, мѣсто въ государственномъ совѣтѣ было повыгоднѣе для Мати, чѣмъ мѣсто школьнаго учителя въ Гренхенѣ, которое онъ занималъ до того времени.

***) Теодоръ Меглингъ изъ Браккенгейма, членъ вюртембергскаго экономическаго совѣта и депутатъ ландтага, извѣстный также подъ названіемъ „Seidenhannes", потому что въ Гогенгеймѣ онъ руководилъ разведеніемъ шелковичныхъ червей и читалъ лекціи объ этомъ предметѣ; Виллихъ, отставной прусскій артиллерійскій офицеръ и „коммунистъ настроенія"; Карлъ Брунъ впослѣдствіи издавалъ въ Гамбургѣ газету „Nordstern", задававшуюся цѣлью содѣйствовать агитаціи Лассаля.

номъ собраніи въ Констанцѣ сдѣлалъ призывъ къ возстанію. Его бурное краснорѣчіе увлекло за собою толпу. Но старые вожди демократіи въ пріозерной области не оказали содѣйствія. Они, особенно бургомистръ Бютлинъ, заявили, что все предпріятіе безнадежно. Геккеръ пришелъ въ гнѣвъ; онъ считалъ противодѣйствующихъ „трусами и предателями" и неудержимо рвался теперь все впередъ. Онъ предпочитаетъ съ честью погибнуть, чѣмъ малодушно отступать, сказалъ онъ.

12-го апрѣля по административнымъ округамъ пріозерной области и Шварцвальда были разосланы воззванія, подписанныя Геккеромъ и Струве; они приглашали жителей явиться 14-го апрѣля, въ 12 часовъ дня, на рыночную площадь въ Донауэшингенѣ „съ оружіемъ, боевыми припасами, въ правильныхъ отрядахъ, съ провіантомъ на шесть дней".

Утромъ 13-го апрѣля Геккеръ вышелъ изъ Констанца черезъ Рейнскій мостъ. Воодушевленіе, еще въ прошлый вечеръ господствовавшее въ народномъ собраніи, оказалось непродолжительнымъ: за вождемъ послѣдовало только пятьдесятъ семь человѣкъ; народъ съ изумленіемъ глазѣлъ на эту маленькую кучку, которая вышла на такое великое дѣло *).

И въ деревняхъ не меньше удивлялись малочисленности инсургентовъ. „Гдѣ же констанцы со своими пушками?" спрашивали тамъ. Непрекращавшійся дождь не могъ содѣйствовать тому, чтобы поднять подавленное настроеніе инсургентовъ. Въ Штоккахѣ не оказалось тѣхъ сильныхъ подкрѣпленій, на которыя разсчитывали. Однако силы республиканцевъ все же достигли до 400 человѣкъ. Здѣсь Геккеръ особымъ декретомъ далъ отставку констанцскому монархическому правительству пріозерной области. Демократическій депутатъ Петеръ, до того времени одинъ изъ членовъ правительства, былъ назначенъ намѣстникомъ новой республики въ пріозерной области. Онъ принялъ эту должность, но сдѣлалъ заявленіе, что онъ вынужденъ къ тому физическимъ и моральнымъ насиліемъ.

---

*) Что чувствовали сами участники похода, лучше всего обрисовываетъ Меглингъ: „Я долженъ признаться, что и самъ я смотрѣлъ на себя съ изумленіемъ. Когда я обѣщалъ свое содѣйствіе, я думалъ, конечно, главнымъ образомъ объ участіи интеллектуальномъ; я надѣялся поддержать нашу партію умственнымъ трудомъ, работать своимъ перомъ въ какой-нибудь второстепенной отрасли дѣла. Но никогда мнѣ и въ голову не приходило участіе въ такъ называемомъ инсургентскомъ походѣ. Однако, когда все дѣло приняло другой оборотъ, я тоже выступилъ, какъ ополченецъ будущей германской республики,—въ необходимыхъ для того физическихъ силахъ у меня не было недостатка. Внезапно я промѣнялъ перо на мечъ. Въ Констанцъ я прибылъ безъ оружія и даже въ Констанцѣ не могъ достать никакого оружія; наконецъ одинъ мой другъ, швейцарскій гражданинъ, за хорошія деньги доставилъ мнѣ старую саблю, у которой, какъ потомъ оказалось, былъ совсѣмъ превосходный клинокъ. Среди суматохи не было возможности достать хорошій мушкетъ, но это меня не огорчало; я говорилъ своимъ друзьямъ: если дѣло какъ-нибудь дойдетъ до борьбы, я тотчасъ же сумѣю достать мушкетъ, — я отниму его у перваго наилучшаго солдата роялистовъ. Много смѣху вызвало это утвержденіе, потому что никто не вѣрилъ, чтобы я говорилъ это серьезно". — Но Меглингу было совсѣмъ не до шутокъ. Когда его мать, въ тревогѣ выѣхавшая вслѣдъ за нимъ, встрѣтилась съ нимъ въ Штоккахѣ, всѣ ея мольбы не могли заставить его отказаться отъ участія въ возстаніи.

Въ Энгенѣ число людей, которые хотѣли завоевать республиканскій строй для Германіи, дошло приблизительно до восьми или девяти сотенъ; здѣсь добыли также двѣ старыхъ пушки, едва ли не изъ эпохи Тридцатилѣтней войны. Между тѣмъ часть гражданской милиціи въ Констанцѣ рѣшилась принять участіе въ походѣ; милиціонеры пришли въ Энгенъ съ двумя пушками, подъ командой молодого Франца Зигеля, который раньше былъ лейтенантомъ на баденской службѣ. Въ Энгенъ же въ первый разъ явилась къ Геккеру госпожа Эмма Гервегъ и предложила его инсургентамъ соединиться съ демократическимъ легіономъ, который въ это время дошелъ изъ Парижа до Рейна. Но выше уже упоминалось, что этотъ легіонъ цѣлые мѣсяцы расписывали, какъ шайку разбойниковъ и убійцъ. Поэтому Геккеру думалось, что онъ обязанъ отклонить предложеніе Гервега. „Я не звалъ нѣмецкихъ рабочихъ“ (легіонъ сформировался вообще изъ нѣмцевъ, главнымъ образомъ изъ ремесленниковъ и рабочихъ, въ моментъ революціи жившихъ въ Парижѣ),— сказалъ онъ, — и не вступлю ни въ какія сношенія съ ними“. Госпожа Гервегъ — красивая, молодая, отважная и богатая женщина, родомъ изъ Берлина — еще не разъ дѣлала попытки, нерѣдко сопряженныя съ большими опасностями, сопровождавшіяся переодѣваніемъ въ мужское платье; но всѣ онѣ были безрезультатны: ей не удалось измѣнить настроеніе Геккера въ пользу демократическаго легіона.

Вслѣдствіе капитуляціи, заключенной со Струве, вюртембергскія войска заняли Донауэшингенъ. Благодаря этому отрядъ Геккера былъ вынужденъ измѣнить направленіе своего марша. Притомъ Геккеръ хотѣлъ встрѣчи прежде всего съ баденскими войсками: онъ былъ увѣренъ, что они перейдутъ на его сторону. Переходы черезъ горы при суровой погодѣ истомили инсургентовъ. До Бонндорфа дошло приблизительно 1.100 человѣкъ. Здѣсь старый другъ Геккера, подвергавшійся многочисленнымъ преслѣдованіямъ правительства, со слезами на глазахъ отговаривалъ его отъ предпріятія. Но Геккеръ замѣтилъ: „Когда я слушалъ этого бонндорфскаго пастуха, мнѣ казалось, что мнѣ читаютъ „Придворную Газету въ Карлсруэ“. Братъ Геккера, извѣстный фрейбургскій профессоръ, тоже пытался отговорить его, но также тщетно.

Геккеръ намѣревался изъ Ленцкирха направиться черезъ Адскую долину на Фрейбургъ. Но такъ какъ всѣ проходы Шварцвальда были заняты войсками, то онъ спустился къ Шопфгейму въ Визенталѣ и оттуда въ долину Рейна.

Между тѣмъ вокругъ Зигеля собрался отрядъ въ 3.000 хорошо вооруженныхъ людей. Вейсгааръ изъ Лоттштеттена, пользовавшійся извѣстностью республиканецъ, тоже составилъ многолюдное ополченіе. Но въ передвиженіяхъ республиканцевъ не было ни плана ни цѣли; они никакъ не могли соединить отдѣльныя кучки войска въ одинъ отрядъ. Колонна Геккера все время шла впереди другихъ на одинъ или два дневныхъ перехода.

Въ Бернау Геккера встрѣтили два уполномоченныхъ отъ комиссіи

пятидесяти, Венедей и Шпацъ. Они предлагали полную амнистію, если только республиканцы сложатъ оружіе. Геккеръ гордо отправилъ ихъ во-свояси. „Мы видимъ, что съ вами ничего не подѣлаешь“, замѣтилъ Венедей. „Чѣмъ переливать во Франкфуртѣ изъ пустого въ порожнее, идемте съ нами“, отвѣтилъ Геккеръ.

Венедей и Шпацъ уѣхали, не достигнувъ никакихъ результатовъ. Изъ Ленцкирха они издали напыщенную прокламацію-предостереженіе къ баденскому народу. Но хотя Геккеръ съ высокомѣрной иронiей спровадилъ этихъ новоиспеченныхъ государственныхъ людей, настроеніе у него, надо полагать, было не очень-то ясное,—особенно въ то время, когда при наступленіи ночи онъ направился черезъ Штейненъ къ Кандерну съ войскомъ, растаявшимъ до размѣровъ всего 900 человѣкъ. Въ Штейненѣ его встрѣтилъ съ выраженіями печали старый другъ, депутатъ Шеффельтъ; но Геккеръ и здѣсь оставался такимъ же самоувѣреннымъ. Онъ, вѣроятно, не замѣчалъ, что масса народа созерцаетъ возстаніе такъ же спокойно, какъ какую-нибудь драму, разыгрываемую на отдаленной аренѣ.

15-го апрѣля комиссія пятидесяти, во главѣ которой стояли Суаронъ и Робертъ Блюмъ, выступила противъ Геккера, объявивши его внѣ закона. 17-го апрѣля то же самое сдѣлала баденская палата и пригрозила Геккеру всей строгостью законовъ. Но еще печальнѣе для Геккера было то обстоятельство, что противъ него высказались даже комитеты патріотическаго ферейна въ пріозерной области, даже констанцскій адвокатъ Вельте, котораго называли бароноубійцей „за его дикій республиканизмъ“ *). И если Геккеръ все еще твердо вѣрилъ—какъ это было на самомъ дѣлѣ,—что войска перейдутъ на его сторону,—это было слишкомъ ужъ пылкой иллюзіей, такъ какъ въ это время даже его старинные друзья массами отпадали отъ него.

Во время перехода въ Кандернъ Геккеръ узналъ, что гессенскія войска двинулись къ Шлингену. Дѣйствительно, здѣсь было три батальона пѣхоты и три эскадрона драгунъ, въ общей сложности до 2.400 человѣкъ, съ четырьмя пушками. Всѣ войска стояли подъ командой генерала Фридриха фонъ-Гагерна, брата Генриха фонъ-Гагерна, мартовскаго министра въ Гессенѣ. Населеніе Кандерна не обнаружило благоволенія къ волонтерамъ; оно даже выдало гессенцамъ, насколько немногочисленно войско республиканцевъ. Инсургенты между тѣмъ обсуждали вопросъ, не слѣдуетъ ли имъ опять возвратиться къ Штейнену. Если бы они сдѣлали это, имъ, вѣроятно, удалось бы соединиться съ отрядами Зигеля и Вейсгаара и общія силы республиканцевъ достигли бы до четырехъ-пяти тысячъ человѣкъ. Но вмѣсто того было постановлено итти въ Кандернъ и расположиться тамъ на ночлегъ. Зигель, который слишкомъ поздно получилъ приглашеніе выступать, двинулся по Визенталю черезъ Тодтнау на Фрейбургъ, между тѣмъ какъ

*) Лица, познакомившіяся съ этимъ „бароноубійцей“ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ событій, нашли, что это человѣкъ вполнѣ безобидный, неспособный зарѣзать куренка, не говоря уже о баронахъ.

Геккеръ одинъ пошелъ противъ гессенцевъ. Въ тотъ вечеръ госпожа Гервегъ опять прибыла къ инсургентамъ и еще разъ предлагала имъ соединиться съ демократическимъ легіономъ, стоявшимъ на Рейнѣ. Но Геккеръ и на этотъ разъ отвѣтилъ отказомъ. Повидимому, онъ самъ былъ того убѣжденія, что легіонъ состоитъ изъ „сброда разбойниковъ“.

У Геккера не было никакихъ данныхъ, чтобы сдѣлаться полководцемъ. Поэтому произошла неминуемая катастрофа.

На слѣдующее утро пришло письмо отъ Зигеля, который извѣщалъ, что его колонна находится въ Визенталѣ, и настоятельно просилъ Геккера, чтобы онъ соединился съ нимъ и Вейсгааромъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено отступить къ Визенталю. Инсургенты выступили въ 8 часовъ утра 20-го апрѣля и направились черезъ мостъ при Кандернѣ къ Шейдеку, крутому горному хребту.

Гессенцы немедленно перешли въ наступленіе. Къ доктору Кайзеру изъ Констанца, который командовалъ арріергардомъ, явился парламентеръ въ сопровожденіи трубача и пригласилъ Геккера къ переговорамъ съ генераломъ фонъ-Гагерномъ. Въ то же время парламентеръ прочиталъ „актъ о бунтѣ“; только смѣхъ былъ отвѣтомъ ему. Республиканцы въ боевомъ порядкѣ заняли сильную позицію позади моста. На опушкѣ лѣса расположились стрѣлки и мушкатеры, съ тыла — крестьяне, вооруженные косами, на проселочной дорогѣ—двѣ пушки *).

Переговоры между Геккеромъ и генераломъ фонъ-Гагерномъ были очень коротки. Гагернъ,—который раньше былъ на голландской службѣ и, какъ говорили, симпатизировалъ конституціонализму,—сурово набросился на предводителя волонтеровъ и потребовалъ, чтобы они немедленно сложили оружіе. Когда Геккеръ отвѣтилъ отказомъ, Гагернъ воскликнулъ: „И разумный вы человѣкъ, но фанатикъ!“ Геккеръ возвратилъ этотъ упрекъ, замѣтивъ, что генералъ тоже служитъ особому фанатизму. Но, впрочемъ, продолжалъ онъ, у него нѣтъ охоты спорить объ этомъ, онъ долженъ только спросить, не имѣютъ ли ему сообщить еще что-либо. „Въ такомъ случаѣ я немедленно выступлю противъ васъ со всевозможной рѣшительностью“, проворчалъ Гагернъ. Онъ далъ Геккеру десятиминутный срокъ для возвращенія.

Республиканцы медленно отступали, а гессенцы тѣснили ихъ сзади. Каждая сторона боялась начинать кровопролитіе. Но дойдя до хребта Шейдека, республиканцы остановились, такъ какъ отъ вершины дорога слишкомъ круто спускается къ Штейнену, и имъ не хотѣлось лишиться выгодъ болѣе высокой позиціи. Гессенцы все наступали. Обнаруживая большое мужество, между республиканцами и солдатами всталъ докторъ Кайзеръ изъ Констанца. „Не стрѣляйте въ своихъ братьевъ! — закричалъ онъ. — Даже подъ старость вы будете отъ раскаянія рвать на себѣ свои сѣдые волосы“.

*) Меглингъ рѣшительно оспариваетъ, будто бы косцовъ поставили въ авангардѣ, что утверждали очень нерѣдко и за что упрекали Виллиха.

Изъ рядовъ республиканцевъ раздавались возгласы: „Братья, друзья!“ Казалось, нѣкоторые гессенцы дѣйствительно заколебались. Во всякомъ случаѣ не легко обѣ стороны рѣшались на борьбу. Но Гагернъ, который между тѣмъ слѣзъ съ лошади, привелъ дѣло къ быстрому рѣшенію. „Что тутъ за братья! — грубо воскликнулъ онъ. — Сволочь вы!“ Онъ вскочилъ на коня, крикнулъ: „Охотники впередъ!“ и приказалъ имъ тремя отдѣленіями, со штыками наперевѣсъ, открыть нападеніе на республиканцевъ. „Стрѣляй“, скомандовалъ онъ и самъ выстрѣлилъ въ республиканцевъ изъ своего пистолета. Этотъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ къ пальбѣ съ обѣихъ сторонъ.

Когда пороховой дымъ разсѣялся, на землѣ оказалось нѣсколько раненыхъ и убитыхъ, въ числѣ послѣднихъ — самъ генералъ Гагернъ, у котораго грудь была пробита пулей. Нѣкоторые, пораженные, повидимому, только страхомъ, тотчасъ же вскочили на ноги. Обѣ стороны обратились въ бѣгство, на мѣстѣ остались только храбрѣйшіе. Меглингъ протискался къ генералу и нашелъ его мертвымъ. Бѣглецы опять возвратились; гессенцы сдѣлали залпъ по крестьянамъ, вооруженнымъ косами, и косцы, когда пули защелкали по косамъ, обратились въ поспѣшное бѣгство. Но и гессенцы опять спустились съ горы. Наконецъ, по взаимному соглашенію, прекратили стрѣльбу; тѣло Гагерна было выдано гессенцамъ въ обмѣнъ на захваченное ими черно-красно-золотое знамя. Тогда гессенцы заявили, что имъ было приказано пробиться лишь до Шейдека; теперь они пойдутъ обратно, но и республиканцы пусть отступаютъ. На этомъ и договорились. Но какъ только республиканцы отступили, гессенцы начали преслѣдовать ихъ. Поэтому подъ Штейненомъ произошла новая схватка, на этотъ разъ съ частью подоспѣвшей колонны Вейсгаара. Здѣсь Струве заключилъ съ гессенцами новую капитуляцію: республиканцы должны были отступить за луга, а гессенцы спуститься въ долину Рейна. Но въ общемъ мѣропріятія Меглинга были много дѣйствительнѣе всѣхъ капитуляцій Струве. Гессенцы опять было начали наступать, и только огонь стрѣлковъ Меглинга отбросилъ ихъ назадъ.

Само по себѣ сраженіе подъ Кандерномъ было ничтожное, — оно обошлось въ какой-нибудь десятокъ убитыхъ. Но оно имѣло въ высшей степени рѣшительныя послѣдствія. Волонтеры Геккера разсыпались, и только небольшая часть ихъ добралась до Зигеля. Самъ Геккеръ долго блуждалъ по лѣсамъ и только на второй день перешелъ границу Швецаріи, чтобы больше не возвращаться. Разсѣялись, наконецъ, его иллюзіи, и самъ онъ долженъ былъ убѣдиться, что какъ-никакъ, а республиканское возстаніе совсѣмъ не идиллія. Неудачная попытка возстанія погрузила его въ жалкую меланхолію; онъ расточалъ обвиненія на цѣлый міръ, хотя больше всего долженъ былъ бы жаловаться на самого себя.

Между тѣмъ Струве въ Зекингенѣ попался въ плѣнъ, но Меглингъ выручилъ его, примѣнивши военную хитрость. Онъ сказалъ оберъамтману, что приближаются 6.000 республиканцевъ съ четырьмя ору-

діями и что они сожгутъ Зекингенъ, если только Струве будетъ преданъ суду. Запуганный такимъ образомъ оберъ-амтманъ освободилъ Струве и тотъ вмѣстѣ съ Меглингомъ поспѣшилъ къ Зигелю.

Въ это время колонна Зигеля поднялась къ Тодтнау. Если бы Зигель немедленно двинулся на Фрейбургъ, этотъ городъ, въ которомъ республиканская партія была очень сильна, попалъ бы въ его руки; впрочемъ, попалъ бы только на короткое время, такъ какъ къ театру борьбы со всѣхъ сторонъ надвигались войска. Получивши извѣстіе о схваткѣ подъ Кандерномъ, Зигель двинулъ свои войска опять къ Шопфгейму,—онъ хотѣлъ прикрыть бѣглецовъ изъ-подъ Кандерна. Благодаря этому было потеряно цѣлыхъ два дня. Проливной дождь, трудные переходы и распространяющаяся среди республиканцевъ паника ослабили ихъ силы. Притомъ войска, окружившія районъ возстанія, смыкались все больше. Передъ Фрейбургомъ сосредоточивались гессенъ-нассаусцы и баденцы; вюртембержцы, уже давно закрывшіе выходы изъ Адской долины, захватили Вальдсгутъ и Санъ-Блазьенъ, баварцы уже достигли до Штоккаха.

При такихъ обстоятельствахъ и располагая, какъ Зигель, всего 3.500 человѣкъ, было бы дерзко нападать на Фрейбургъ. Но Зигель рѣшился на это.

Вокругъ Фрейбурга стояло, несомнѣнно, до 3.000 человѣкъ гессенской, баденской и нассауской пѣхоты, да сверхъ того кавалерійскій полкъ и четыре орудія. На мѣсто павшаго Гагерна командованіе принялъ баденскій генералъ Гофманъ; онъ привелъ подъ Фрейбургъ тотъ корпусъ, который участвовалъ въ битвѣ при Кандернѣ. Конечно, Зигель не могъ разсчитывать, что онъ со своими волонтерами справится съ такой массой войскъ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ со всѣхъ сторонъ подоспѣвали подкрѣпленія. Однако его нападеніе не было ни отчаяннымъ, ни безразсуднымъ. Дѣло въ томъ, что фрейбургскіе республиканцы возстали, и Зигель не могъ бросить на произволъ судьбы своихъ товарищей, взявшихся за оружіе только въ расчетѣ на помощь извнѣ. 22-го апрѣля во Фрейбургѣ состоялось народное собраніе, на которое 1.500 человѣкъ явились вооруженными. Власти не отважились принять мѣры противъ собранія. „Почтенные“ бюргеры сами не знали, встать ли имъ на сторону возстанія или же на правительственную сторону, и представляли картину жалкаго замѣшательства. Тщетно старались они достигнуть того, чтобы вооруженные республиканцы, стекавшіеся во Фрейбургъ, оставили городъ. Въ концѣ-концовъ бюргеры вступили въ тайныя сношенія съ генераломъ Гофманомъ и доставляли ему свѣдѣнія о силахъ возставшихъ. Студенты, члены гимнастическихъ обществъ и рабочіе, напротивъ, рѣшили бороться. Возставшими предводительствовалъ студентъ Лангсдорфъ; толпа народа подъ его командой разбила ворота ратуши и силой овладѣла находившимися въ ней городскими пушками *). Городъ быстро огородился сильными барри-

*) Лангсдорфъ наблюдалъ за движеніями войскъ съ башни фрейбургскаго Мюнстера, и потому получилъ прозвище „генерала мюнстерской башни“.

кадами. Одинъ отрядъ возставшихъ получилъ порученіе разрушить желѣзную дорогу, но не достигъ этой цѣли. Въ воскресенье, 23-го апрѣля, генералъ Гофманъ приказалъ возвѣстить фрейбургскимъ республиканцамъ, что если они черезъ два часа не очистятъ городъ, онъ атакуетъ его. Городскія власти уговорили генерала подождать до понедѣльника. Онѣ питали надежду, что къ тому времени имъ удастся уговорить волонтеровъ отступить. И дѣйствительно, многіе изъ нихъ удалились, но возставшіе все же остались на баррикадахъ.

Зигель не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы всѣми своими силами оказать фрейбуржцамъ помощь. Его колонна, сильно растянувшись, черезъ Горбенъ и Гюнтерсталь направилась къ Фрейбургу. Зигель старался присоединить къ своей колоннѣ бѣглецовъ изъ колоннъ Геккера и Вейсгаара, а также отрядъ стрѣлковъ изъ Вьенна, шедшихъ подъ командою Іоганна-Филиппа Беккера *). Самъ Зигель былъ еще въ горахъ. Онъ отдалъ строжайшій приказъ, чтобы ни одинъ отрядъ не выдвигался за Гюнтерсталь. Но въ авангардѣ былъ Струве. Этотъ человѣкъ, питавшій такую слабость къ растеніямъ и проповѣдывавшій отвращеніе къ „трупамъ звѣрей", вдругъ пришелъ къ открытію, что въ немъ сидитъ военный талантъ; кто знаетъ, можетъ быть ему помогли въ этомъ френологическія измѣренія черепа. Возможно, что его привели въ заблужденіе ложныя вѣсти о положеніи дѣлъ во Фрейбургѣ; возможно, съ другой стороны, что онъ все еще вѣрилъ, что войска ждутъ только перваго знака, чтобы перейти къ инсургентамъ-республиканцамъ. Какъ бы то ни было, онъ хотѣлъ пожать всѣ трофеи этого дня и приказалъ первому и второму отряду волонтеровъ, стоявшимъ у Гюнтерсталя, выйти изъ лѣса и открыть нападеніе. Посрединѣ долины, черезъ открытое поле, онъ двинулся къ Фрейбургу. Въ концѣ долины онъ наткнулся на сильную баденскую пѣхоту и гессенскую артиллерію. Струве опять захотѣлъ вступить въ переговоры. Но генералъ Гофманъ протурилъ отправленнаго къ нему парламентера словами: „Пошелъ прочь, собака!" Вслѣдъ затѣмъ картечь гессенцевъ осыпала ряды республиканцевъ, большинство которыхъ было вооружено косами. Волонтеры не выдержали огня и побѣжали назадъ къ Гюнтерсталю и въ лѣсъ; ихъ бѣгство старались прикрыть стрѣлки, открывшіе изъ лѣса огонь. Бѣглецы въ дикомъ безпорядкѣ увлекли за собой приближавшіеся отряды колонны Зигеля, и когда Зигель достигъ Гюнтерсталя, изъ 3.500 человѣкъ у него осталось всего лишь 400. Нелѣпая попытка, предпринятая Струве, была непоправима. Правда, войска, неосторожно выдвинувшіяся противъ Гюнтерсталя, были отброшены Зигелемъ; но во всемъ предпріятіи уже не было плана, и уже по одной этой причинѣ должна была кончиться неудачей слабая попытка фрейбургскихъ республиканцевъ сдѣлать изъ города вылазку у Швабскихъ воротъ.

*) Находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Струве отправилъ Іоганну-Филиппу Беккеру написанную карандашомъ записку съ просьбой о помощи, и тотъ немедленно явился на мѣсто борьбы.

Зигель отправился обратно, къ Горбену, въ горы; вмѣстѣ съ Меглингомъ онъ собралъ здѣсь еще до 600 человѣкъ и 24-го апрѣля сдѣлалъ новую отчаянную попытку выручить фрейбуржцевъ. Но онъ пришелъ слишкомъ поздно: утомленные переходами волонтеры должны были воспользоваться хотя бы самымъ непродолжительнымъ отдыхомъ. Генералъ Гофманъ уже утромъ началъ со всѣхъ сторонъ приступъ на Фрейбургъ. Борьба была въ высшей степени упорная. Хотя у республиканцевъ было не больше 300 ружей, они съ большимъ мужествомъ отстаивали баррикады у воротъ Проповѣдниковъ, у Брейзахскихъ и Церингерскихъ. На Іезуитской улицѣ двѣнадцать стрѣлковъ и восемнадцать „косцовъ" съ одной пушкой цѣлыхъ два часа держались на большой баррикадѣ противъ 1.500 нассаусцевъ. Большую баррикаду у Брейзахскихъ воротъ, которую осаждали 2.000 гессенцевъ и нассаусцевъ съ двумя пушками, удалось взять лишь послѣ того, какъ защитники увидали, что имъ угрожаютъ съ тылу. Нападающіе ворвались въ городъ черезъ ворота Проповѣдниковъ. Многіе республиканцы спаслись черезъ Шлоссбергъ, который не былъ захваченъ. Но большое число попалось въ плѣнъ и подверглось жестокимъ мученіямъ солдатъ, особенно гессенскихъ. „Добрые граждане" превратились въ доносчиковъ.

Зигель и Меглингъ забрались въ городъ, когда сопротивленіе уже прекращалось. На Дрейзамскомъ мосту палъ знаменосецъ констанцскихъ стрѣлковъ. Зигель и Меглингъ дошли до Швабскихъ воротъ, но здѣсь войска, только что овладѣвшія баррикадой, встрѣтили ихъ залпомъ, который разогналъ ихъ отрядъ. Отрѣзанные отъ него, оба вождя отыскали мѣсто, не занятое солдатами, перелѣзли черезъ городскую стѣну, испытали въ городѣ всевозможныя приключенія и наконецъ выбрались изъ него. Всѣ волонтеры между тѣмъ разбѣжались. Вожди же переправились черезъ Рейнъ и спаслись кто въ Эльзасъ, кто въ Швейцарію.

Въ это время отрядъ волонтеровъ Гервега перешелъ черезъ Рейнъ. Гервегъ былъ вождемъ лишь въ политическомъ отношеніи. Военною же стороной дѣла руководили Адальбертъ фонъ-Борнштедтъ, пользовавшійся извѣстностью эмигрантъ, Отто фонъ-Корвинъ и Рейнгартъ фонъ-Шиммельпеннинкъ,—всѣ трое отставные прусскіе офицеры. Французское правительство показывало видъ, какъ будто оно дѣятельно сочувствуетъ предпріятію, на самомъ же дѣлѣ ему хотѣлось выпроводить изъ Парижа нѣмецкихъ рабочихъ. Оно предложило Гервегу денежную субсидію, и тотъ былъ настолько скроменъ, что потребовалъ всего двѣ тысячи франковъ. Немало смѣялись надъ этимъ буржуа-республиканцы, члены февральскаго правительства. Впрочемъ, они предоставили легіону квартиры для остановокъ во время перехода и прибавку по 50 сантимовъ въ день на человѣка.

Въ общемъ противъ этого предпріятія высказались всѣ болѣе проницательные представители эмигрантовъ, особенно Марксъ и Энгельсъ, которые тогда жили въ Парижѣ. Въ „нѣмецкомъ клубѣ" они

совѣтовали рабочимъ не вступать въ легіонъ и поодиночкѣ возвратиться въ Германію *).

Зигель и Меглингъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ пригласили на выручку легіонъ, плохо вооруженный, медлившій въ Страсбургѣ. 24-го апрѣля онъ перешелъ баденскую границу и направился къ Кандерну и Тодтнау. Но на слѣдующій день Гервегъ узналъ о пораженіи республиканцевъ во Фрейбургѣ и подъ Фрейбургомъ и увидалъ всю безцѣльность своего похода. Предводители рѣшили возвратиться въ Швейцарію черезъ Шварцвальдскія горы. Легіону пришлось маршировать по снѣгу и льду черезъ негостепріимныя горы. Обманщикъ-проводникъ подстроилъ такъ, что легіонъ долженъ былъ итти цѣлыхъ семь часовъ, чтобы передвинуться всего на три часа разстоянія. Смертельно усталые, легіонеры 27-го апрѣля добрались черезъ Целль къ Нидердоссенбаху; до Рейна оставалось все еще не менѣе часа пути. „Всѣ мы хотѣли спать, и ничего больше", разсказываетъ госпожа Гервегъ. Начали приготовляться къ выступленію. Но тутъ подошли вюртембержцы подъ командою капитана Липпа, въ общей сложности 300 человѣкъ, и напали на сильно растаявшій легіонъ, въ которомъ и при вступленіи-то на германскую почву насчитывалось едва лишь 650 человѣкъ. Легіонеры мужественно, даже весело схватились за оружіе. Но что могли они подѣлать противъ хорошо дисциплинированныхъ, хорошо вооруженныхъ и набравшихся свѣжихъ силъ вюртембержцевъ? Несмотря на то, битва продолжалась полтора часа. Волонтеры потеряли до тридцати человѣкъ убитыми и тяжело ранеными. Шиммельпеннинкъ палъ въ мужественной борьбѣ. Онъ ранилъ капитана Липпа въ руку, но самъ былъ пронизанъ пулей. Вюртембержцы получили подкрѣпленіе, легіонъ былъ обращенъ въ бѣгство, многіе попали въ плѣнъ или побросались въ Рейнъ; спаслись очень немногіе. „Довольно значительныя потери,—разсказываетъ Корвинъ,—раздражили вюртембержцевъ; они вели себя съ жестокостью, прямо поразительной для швабовъ, вообще такихъ добродушныхъ. Въ ихъ руки попала повозка съ ранеными. Они умертвили не только раненыхъ, но и бѣднаго крестьянина, который везъ ихъ, и закололи даже лошадей" **). Гервегъ, его жена и Корвинъ бѣжали черезъ Рейнъ, переодѣвшись первые двое батраками, а послѣдній—кузнецомъ ***).

---

*) Энгельсъ такъ пишетъ по этому поводу: „Мы самымъ рѣшительнымъ образомъ противились этой игрѣ въ революцію. Среди тогдашняго броженія устроить вторженіе въ Германію, чтобы принудительно импортировать въ нее революцію,—это значило подставить ногу самой революціи, усилить правительства, а самихъ легіонеровъ безоружными отдать въ руки нѣмецкимъ войскамъ,—объ этомъ позаботился Ламартинъ. Притомъ, когда революція одержала побѣду въ Вѣнѣ и Берлинѣ, легіонъ становился совершенно безцѣльнымъ; но дѣло было уже начато, и вотъ игра продолжалась дальше".

**) Конечно, трудно сказать, насколько достовѣрно все это. Въ такія бурныя времена, какъ 1848 годъ, обѣ стороны часто бываютъ склонны къ очень сильнымъ преувеличеніямъ. За фактъ здѣсь приходится считать только то, что установлено совершенно безспорно.

***) Широко распространенная басня, будто Гервегъ бѣжалъ „подъ фартукомъ"

Сраженіе при Доссенбахѣ положило конецъ республиканскимъ возстаніямъ. Воззваніе Геккера оказало лишь ничтожное дѣйствіе на страну вокругъ Фрейбурга. Оффенбургъ сдѣлалъ попытку поддержать Геккера; онъ забаррикадировался, но тотчасъ же сдался, едва лишь подоспѣли войска. Въ Зинсгеймѣ въ ночь съ 23-го на 24-е апрѣля ударили въ набатъ, а утромъ изъ зинсгеймской области многіе вооруженные люди выступили къ Гейдельбергу, чтобы соединиться съ Геккеромъ. Но гейдельбергскіе буржуа, организованные въ гражданскую милицію, съ лойяльными профессорами въ главѣ, подавили это движеніе.

Въ Маннгеймѣ администрація намѣревалась распустить корпусъ „косарей"-демократовъ, составленный изъ рабочихъ, но гражданская милиція оказала сопротивленіе. Пришли войска изъ Нассау и вели себя такъ жестоко, что гражданская милиція и косари объединились въ общемъ дѣлѣ. Пробили тревогу, прогнали нассаусцевъ съ ихъ караула около Рейнскаго моста и соорудили тамъ баррикады, такъ какъ опасались, что на городъ двинутся баварцы, расположенные въ Людвигсгафенѣ. Сплавили съ мѣста одинъ пролетъ моста. Съ баррикады, построенной на мосту, по баварцамъ открыли сильный огонь; не менѣе энергично отвѣчали на него и баварцы. На баррикадѣ, не обращая вниманія на баварскія пули, стояла мужественная молодая дѣвушка съ черно-красно-золотымъ знаменемъ въ рукѣ. Много жертвъ пало съ той и другой стороны. Въ слѣдующіе дни къ баварцамъ подошли подкрѣпленія. Сраженіе началось 26-го апрѣля, но только 1-го мая баварцы овладѣли Маннгеймомъ. Послѣ этого Маннгеймъ и Фрейбургъ были объявлены на осадномъ положеніи и заняты войсками; для наказанія изданъ приказъ о всеобщемъ разоруженіи. Такія же мѣры были приняты въ верхне-рейнскомъ и пріозерномъ округѣ. Фрейбургскіе бюргеры, которые такъ двусмысленно держались по отношенію къ республиканцамъ, должны были теперь оплачивать продовольствіе войскъ.

Много пришлось претерпѣть побѣжденнымъ. Войска, поставленныя на постой, такъ обращались съ плѣнными республиканцами и съ бюргерами, что депутатъ Мецъ возбудилъ въ баденской палатѣ жалобу и

повозки, которой управляла его жена, давно опровергнуто. Главный источникъ ея— юмористическій журналъ „Fliegende Blätter", который изобразилъ Гервега въ измышленномъ положеніи и очень удачно подписалъ внизу одну строфу изъ его стихотворенія: „Der Freiheit eine Gasse". Между прочимъ въ одномъ реакціонномъ юмористическомъ стихотвореніи, пользовавшемся извѣстностью, есть такія строки:

„Heiss fiel es dem H e r w e g h bei,
Dass der H i n w e q besser sei".

(Непередаваемый каламбуръ, основанный на игрѣ словъ, созвучныхъ съ фамиліей Гервегъ. Смыслъ приблизительно таковъ: „Теперь Гервегъ превосходно знаетъ, что куда хорошо бываетъ удрать").

Каламбуръ самъ по себѣ не изъ плохихъ. Но неужели, когда все было потеряно, Гервегъ долженъ былъ ожидать, пока его не захватятъ въ плѣнъ? И если онъ не сдѣлалъ этого, его можно упрекать не больше, чѣмъ Блюхера или Наполеона, которые не дали взять себя въ плѣнъ — первый при Линьи, второй при Ватерлоо. Но кому хочется отыскивать въ революціи комичныя стороны, тотъ пусть вспомнитъ, что Гизо и папа Пій IX скрылись бѣгствомъ въ ж е н с к и х ъ к о с т ю м а х ъ!

вызвалъ всеобщее негодованіе на жестокости войскъ. Гиперъ-лойяльная неестественно преданная старому порядку бюрократія въ свою очередь обрушивалась на жертвы, а реакціонная пресса изливала на побѣжденныхъ цѣлый потокъ клеветы и ругательствъ. Изъ 370-ти человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ при Доссенбахѣ, 67 были французы, и можно представить себѣ, какой крикъ подняли по этому поводу такъ называемые патріоты. Когда въ томъ же самомъ и въ слѣдующемъ году одно правительство Германскаго Союза (Австрія) противъ своихъ возставшихъ народовъ призвало на помощь кроатовъ, словаковъ, сербовъ и русскихъ, тогда патріоты такъ не кричали: вѣдь здѣсь на помощь противъ „внутреннихъ враговъ" призывали „внѣшнихъ друзей". Въ особенности дѣятельно распространяли клевету, будто генералъ фонъ-Гагернъ не палъ при нападеніи въ битвѣ при Кандернѣ, какъ было на самомъ дѣлѣ, а предательски застрѣленъ передъ началомъ сраженія *). Всѣ эти вещи были искусно использованы въ избирательной борьбѣ, и многіе „поумнѣвшіе" конституціоналисты обязаны имъ своимъ избраніемъ.

Самъ Геккеръ нѣкоторое время еще оставался въ Муттенцѣ, въ Швейцаріи, окруженный толпой эмигрантовъ. Но скоро онъ окончательно отчаялся въ торжествѣ свободы въ Германіи и переселился въ Америку. Популярность его только выросла благодаря пораженію, и въ то время, когда Геккеръ уже переправился за океанъ, по всей Германіи раздавались звуки пѣсни Геккера. Остроумный, но реакціонный пфальцскій поэтъ Надлеръ осмѣялъ Геккера въ пользовавшихся извѣстностью виршахъ:

„Вотъ, украшенный султаномъ,
Геккеръ ѣдетъ на конѣ;
Вотъ несетъ онъ смерть тиранамъ
И свободу всей странѣ.
„Эй, скорѣй смыкайтесь, ну-же!
Дайте мнѣ коней и ружей,
Иль я все расчищу въ прахъ.
Трахъ-тарарахъ, трахъ-тарарахъ!" **).

*) Меглингъ, правдивость котораго не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ, обстоятельно изложилъ дѣло передъ маннгеймскимъ военно-полевымъ судомъ, лицомъ къ лицу передъ смертью. Предсѣдатель суда категорически заявилъ, что онъ считаетъ разсказъ Меглинга строго правдивымъ. Надъ распространеніемъ клеветы о будто бы предательскомъ убійствѣ Гагерна особенно постарался стремянный Гагерна, литераторъ Генрихъ Лаубе. „Культурный историкъ" Отто Генне-амъ-Ринъ лѣтъ десять тому назадъ утверждалъ въ „Лексиконѣ" Pierer'а, будто Гагернъ застрѣленъ собственно передъ началомъ борьбы. Но, съ другой стороны, баварскій министръ Беккъ говоритъ въ своей книгѣ о движеніи въ Баденѣ, что Гагернъ былъ раненъ лишь послѣ того, какъ скомандовалъ нападеніе.

**) Заимствуемъ этотъ очень вольный, но близко передающій характеръ подлинника переводъ изъ перваго русскаго изданія „Комедіи всемірной исторіи" Шерра. — Геккеръ, какъ разсказываютъ, нѣсколько по-дѣтски старался досадить своимъ врагамъ. Въ муттенцкомъ трактирѣ онъ назвалъ одну собаку „Бассерманомъ" и одного осла „Венедеемъ". Когда объ этомъ сдѣлалось извѣстно во Франкфуртѣ, президентъ комиссіи пятидесяти, толстый фонъ-Суаронъ, замѣтилъ со скорбнымъ, но удачнымъ юморомъ: „Теперь недостаетъ еще только одного,—чтобы Геккеръ нашелъ толстую свинью (Sau); навѣрняка онъ назоветъ ее Суарономъ!"

Но въ памяти народа запечатлѣлась романтическая фигура вождя волонтеровъ въ блузѣ и въ шляпѣ съ пѣтушинымъ перомъ. Полиція со своими преслѣдованіями съ своей стороны сдѣлала все возможное, чтобы окружить его имя совершенно незаслуженной легендарной славой. Рѣдкій человѣкъ пользовался такой популярностью, какъ Геккеръ, и она сохранялась еще долгіе годы послѣ геккерскаго похода. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ у шварцвальдскихъ крестьянъ въ окрестностяхъ Фрейбурга можно было встрѣтить многочисленные бюсты и портреты Геккера.

Слабое возстаніе республиканцевъ ограничилось частью Бадена. Тѣмъ не менѣе подавленіе его рѣшило важный вопросъ. Теперь — и уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ противорѣчій—забота о преобразованіи Германіи всецѣло выпала на долю франкфуртскаго парламента. Средній филистеръ-конституціоналистъ дѣйствительно думалъ, что пораженіе Геккера спасло отечество отъ анархіи и что теперь настоятельная нужда только въ словопреніяхъ нѣсколькихъ сотенъ аристократовъ, бюрократовъ, профессоровъ, адвокатовъ и мечтательныхъ „государственныхъ людей“,—и тогда все придетъ къ вожделѣнному завершенію.

———

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ломбардія, Познань и Шлезвигъ-Голштинія.

Взрывъ радости охватилъ всю Италію, когда Карлъ-Альбертъ Сардинскій началъ походъ со своимъ войскомъ и вторгся въ Ломбардію. Способная носить оружіе молодежь со всѣхъ сторонъ устремилась въ лагерь сардинскаго короля. Національный конгрессъ, собравшійся въ Римѣ, не пришелъ ни къ какимъ результатамъ, но это нисколько не тревожило итальянскихъ либераловъ. Въ Италіи они были таковы, какъ и повсюду: если они видѣли, что ихъ дѣло взялъ въ свои руки какой-нибудь государь, они уже вѣрили, что это наилучшимъ образомъ разрѣшаетъ весь вопросъ. Для ликующей буржуазіи Карлъ-Альбертъ представлялся Мессіей, на котораго самимъ небомъ возложена миссія создать для Италіи свободу и единство, разумѣется, въ буржуазномъ значеніи этихъ понятій. Меньше восторженности обнаружила масса народа; сельское населеніе, вообще говоря, приняло сравнительно ничтожное участіе въ возстаніи. Когда, къ довершенію всего, на помощь сардинцамъ пришли войска изъ Неаполя, ликованіе превзошло всякую мѣру. Между тѣмъ очень скоро, раньше, чѣмъ слѣдовало, неаполитанцы возвратились обратно.

Всѣ взоры направились на Ломбардію и на Карла-Альберта. Но онъ въ двоякомъ смыслѣ обманулъ возлагавшіяся на него надежды. Онъ не былъ народолюбивымъ или, лучше сказать, конституціоннымъ монархомъ, за котораго его выдавали; его нападеніе было не войной за свободу, но просто завоевательнымъ походомъ, предпринятымъ изъ честолюбія и по убѣжденію, что историческая миссія савойскаго дома — овладѣть Италіей. Съ другой стороны, онъ не былъ полководцемъ, какимъ долженъ бы быть, чтобы одержать побѣду надъ Радецкимъ. Радецкій, главный начальникъ австрійскихъ войскъ, послѣ пораженія въ Миланѣ отступилъ за Минчіо; въ двухъ новыхъ сраженіяхъ сардинцы отбросили его и оттѣснили по направленію къ Веронѣ. Вокругъ него бушевало возстаніе. Всѣ связи съ Австріей были отрѣзаны, за исключеніемъ путей черезъ Тироль. Если бы Карлъ-Альбертъ воспользовался энтузіазмомъ итальянцевъ и немедленно со всѣми силами обрушился на австрійцевъ, Радецкому, несомнѣнно, пришлось

бы очистить Ломбардію, — иначе ему угрожало бы уничтоженіе. Но новаго нападенія не воспослѣдовало; Карлъ-Альбертъ расточалъ свои силы и безъ толку убивалъ время въ теченіе цѣлаго апрѣля и мая. Радецкій выигралъ время, получилъ подкрѣпленія и въ концѣ мая двинулся отъ Вероны на Мантую. Онъ обманулъ короля, который стоялъ съ главными силами сардинско-ломбардскаго войска, и бросился въ сторону, на волонтеровъ, окопавшихся около Куртатоны. Нападеніе было неожиданностью для волонтеровъ, и уже по одной этой причинѣ они оказались въ невыгодномъ положеніи. Несмотря на то, они мужественно защищались, и ихъ окопы были взяты лишь послѣ троекратнаго штурма. Это произошло 29-го мая. Карлъ-Альбертъ пришелъ слишкомъ поздно для того, чтобы предотвратить полное пораженіе волонтеровъ. На слѣдующій день при Гойто произошло кровопролитное сраженіе между войсками Карла-Альберта и Радецкаго; оно осталось нерѣшеннымъ. Правда, крѣпость Пескіера была отнята у австрійцевъ, но и Радецкій и Карлъ-Альбертъ остались на своихъ старыхъ позиціяхъ; сардинскій король занимался главнымъ образомъ переговорами, имѣющими цѣлью соединеніе Ломбардіи съ Сардиніей посредствомъ государственнаго договора. Временное правительство распорядилось произвести плебисцитъ, и большинство ломбардцевъ, дѣйствительно, высказалось за присоединеніе къ Сардиніи. Въ позднѣйшее время общее учредительное собраніе должно было выработать основные законы для новаго королевства.

Между тѣмъ Радецкій вторгся въ Венеціанскую область и отвоевалъ ее всю, за исключеніемъ самаго города Венеціи. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ превосходный базизъ для своихъ операцій, въ то время какъ сардинскій король ничего не сдѣлалъ, что онъ долженъ бы сдѣлать, какъ полководецъ. Если бы дѣло не объяснялось тѣмъ, что блескъ ломбардской короны тянулъ къ себѣ Карла-Альберта, то не легко было бы отдѣлаться отъ мысли, что этотъ злосчастный человѣкъ всталъ во главѣ итальянскаго движенія съ одной единственной цѣлью: чтобы положить ему конецъ. Около этого времени, послѣ кровопролитнаго подавленія демократическаго возстанія въ Неаполѣ (15 мая), неаполитанскій король опять началъ борьбу съ сицилійцами. И когда австрійское войско, получившее новыя подкрѣпленія, перешло въ наступленіе, время итальянскихъ успѣховъ въ Ломбардіи миновало.

Одновременно вспыхнуло другое національное возстаніе, обусловленное прусской революціей, именно возстаніе въ Познани. Выше упоминалось, что уже въ 1846 году въ Познанской области былъ открытъ заговоръ, поставившій цѣлью „національное возрожденіе Польши“; многіе изъ участниковъ въ немъ были присуждены къ тяжелымъ наказаніямъ. Революція 18-го марта возвратила имъ свободу. Когда прусскій король возвѣстилъ, что онъ встанетъ во главѣ германскаго національнаго движенія, поляки подумали, что и для нихъ наступило время потребовать возрожденія Польши. Передъ ними выдвинули такую перспективу, какъ реорганизація великаго герцогства познанскаго; но

это, конечно, не удовлетворяло поляковъ, передъ которыми рисовалось возстановленіе стараго польскаго царства въ полномъ объемѣ. Притомъ и франкфуртскій предварительный парламентъ высказался за возстановленіе Польши,—идея, которая пользовалась въ Германіи, особенно въ либеральныхъ и демократическихъ сферахъ, очень серьезными симпатіями. Здѣсь понимали, что раздробленіе несчастной страны было не только вопіющимъ нарушеніемъ права, но и крупной ошибкой, такъ какъ оно отнимало у Европы самую надежную преграду съ Востока. Въ 1848 году величайшая опасность всѣмъ либеральнымъ и демократическимъ движеніямъ угрожала со стороны Россіи; поэтому возстановленіе преграды было особенно важно. Но требуя возстановленія всей Польши, прусскіе поляки стали въ антагонизмъ съ познанскими нѣмцами. Интересы послѣднихъ были совершенно другіе, чѣмъ у поляковъ; притомъ въ планѣ возродить старую Польшу они видѣли угрозу войны съ Россіей. Само собой разумѣется, они хотѣли остаться въ Германіи. Такимъ образомъ національныя противорѣчія столкнулись здѣсь съ величайшей силой, и фанатизмъ разгорѣлся до того, что нѣмцы и поляки совершали другъ противъ друга варварскія жестокости. Они боролись другъ съ другомъ убійствами и поджогами. Что касается идеи независимой Польши — она опять улетучилась среди неблагопріятныхъ условій момента и общей путаницы всѣхъ отношеній.

Въ то время, какъ поляки начали вооружаться, въ Познань прибылъ прусскій комиссаръ, генералъ фонъ-Виллизенъ, чтобы приняться за реорганизацію великаго герцогства. Онъ намѣревался примирить поляковъ и нѣмцевъ, но такъ какъ національный фанатизмъ уже разыгрался, то онъ перессорился и съ тѣми и съ другими. Когда онъ запретилъ являться на собранія съ оружіемъ, никто не подчинился его приказу. 22-го апрѣля западная часть великаго герцогства познанскаго была включена въ составъ Германскаго Союза. Но раздѣлъ Познани, какъ онъ имѣлся въ виду, еще больше раздражилъ поляковъ, потому что къ нимъ по плану раздѣла должна была отойти одна треть, а къ нѣмцамъ — двѣ трети Познани. Притомъ къ нѣмецкой части намѣревались отнести округа, въ которыхъ большинство населенія составляли поляки. Такъ дѣло дошло до возстанія, и прусское правительство рѣшило подавить его силой оружія.

Прусскія войска двинулись на Познань и приступомъ взяли Ксіонсъ, гарнизонъ котораго отчасти былъ перебитъ, отчасти взятъ въ плѣнъ. Польскіе отряды волонтеровъ, составленные главнымъ образомъ изъ людей, вооруженныхъ косами, съ героическимъ мужествомъ сражались противъ пруссаковъ. 30-го апрѣля Мѣрославскій разбилъ при Милославѣ пруссаковъ подъ командой генерала фонъ-Блюмена и отбросилъ ихъ къ Шродѣ. Но военное счастье здѣсь такъ же недолго улыбалось этому солдату революціи, какъ и въ его позднѣйшихъ походахъ. Пруссія двинула въ возставшую провинцію огромныя массы войскъ и объявила Познань въ осадномъ положеніи. Общее состояніе дѣлъ быстро измѣнилось къ невыгодѣ инсургентовъ, и полковникъ

Бржезанскій, который командовалъ главнымъ войскомъ поляковъ, вынужденъ былъ просить капитуляціи. Мѣрославскій 11-го мая потерпѣлъ пораженіе при Рогалинѣ, отрядъ его волонтеровъ разсѣялся. Самъ онъ попался въ плѣнъ, изъ котораго, впрочемъ, скоро опять освободился. 12-го мая при Эксинѣ произошло новое сраженіе; поляки были разбиты, и на этомъ возстаніе кончилось. Что касается „реорганизаціи“,—это дѣло не сдвинулось съ мѣста.

Положеніе было для поляковъ тѣмъ болѣе невыгодное, что они, начиная возстаніе въ Познани и стремясь возстановить старую Польшу, были бы вынуждены вести борьбу одновременно съ Пруссіей и съ Россіей. Но Паскевичъ, побѣдитель возстанія 1831 года, сосредоточилъ въ русской Польшѣ такое количество русскихъ войскъ, что о возстаніи тамошнихъ поляковъ не могло быть и мысли.

Стремленія возстановить самостоятельность Польши имѣли за себя такія же основанія, какъ соотвѣтствующія стремленія въ Шлезвигъ-Голштиніи. Даже болѣе: поляки были силой присоединены къ Пруссіи, между тѣмъ какъ Шлезвигъ-Голштинія была связана съ Даніей посредствомъ договора. Несмотря на то, Пруссія боролась противъ польскаго національнаго возстанія—и въ то же время поддерживала шлезвигъ-голштинское. Такое — только кажущееся — противорѣчіе объясняется очень просто. Для того чтобы сдѣлаться самостоятельной, Польша должна была отдѣлиться отъ Пруссіи. Напротивъ, Шлезвигъ-Голштинія тяготѣла къ Пруссіи и открывала прусскимъ государственнымъ людямъ перспективу полнаго присоединенія въ будущемъ. Это какъ нельзя лучше объясняетъ прусскую готовность помочь „отторгнутому братскому племени“.

Нѣмецкій филистеръ довольно равнодушно смотрѣлъ на то, какъ подавляется польское возстаніе. Напротивъ, его сантиментальность зазвучала всѣми своими струнами, когда по областямъ Германіи прокатилась пѣсня: „Шлезвигъ-Голштинія, моремъ объятая“. Правда, „національное“ возстаніе Шлезвигъ-Голштиніи, если бы оно достигло своихъ ближайшихъ цѣлей, только усилило бы мелко-государственность Германіи однимъ новымъ государствомъ; но зато оно носило династическій характеръ, и уже одно это обезпечило ему энтузіазмъ филистеровъ, для которыхъ стремленія къ свободѣ зашли уже слишкомъ далеко и которые уже искали въ монархіи опоры противъ угрожающей, по ихъ мнѣнію, „анархіи“. И все же молодежь, преисполненная энтузіазма, толпами шла въ Шлезвигъ-Голштинію, убѣжденная, что открывшаяся тамъ борьба имѣетъ цѣлью свободу. Такимъ образомъ движеніе въ самой Германіи потеряло множество полезныхъ силъ.

Бездѣятельное временное правительство въ Рендсбургѣ было не въ состояніи организовать упорное сопротивленіе датчанамъ. Помощь со стороны Пруссіи не приходила сравнительно долго: прусское правительство прежде всего добилось отъ союзнаго сейма опредѣленно выраженнаго полномочія — взять въ свои руки шлезвигъ-голштинское

дѣло. У Пруссіи, когда она вторгалась въ Шлезвигъ-Голштинію, была между прочимъ специальная цѣль: воспрепятствовать тому, чтобы движеніе превратилось въ демократическое и республиканское. Впрочемъ, возможность такого превращенія и безъ того была не изъ особенно серьезныхъ.

То обстоятельство, что временное правительство повергглось въ прахъ передъ Пруссіей, возбудило недовѣрчивость и ревность Англіи, Швеціи и Россіи, которыя не только не хотѣли увеличенія Пруссіи, но, напротивъ, опасались его.

Командованіе прусскимъ вспомогательнымъ войскомъ сначала предполагалось возложить на принца прусскаго, но тотъ отказался, и эта задача была передана генералу Врангелю. Врангель—личность оригинальная и въ свое время очень популярная въ Берлинѣ — былъ рубака стараго типа. Впрочемъ, изъ школы Блюхера онъ воспринялъ не стратегическій геній, но смѣшеніе словечекъ „мнѣ“ и „меня“ и грубыя казарменныя выраженія. Съ его арміей отправился и берлинскій гвардейскій полкъ, который 18-го марта боролся противъ революціонеровъ, а теперь пошелъ въ Шлезвигъ-Голштинію на помощь къ правительству возстанія, чтобы сражаться на сторонѣ инсургентовъ противъ датскаго короля.

Но раньше чѣмъ подошелъ Врангель, датчане съ величайшей быстротой двинулись моремъ и сухимъ путемъ и напали на Шлезвигъ-Голштинію. Принцъ Ноэрскій, которому временное правительство поручило организацію боевыхъ силъ, былъ не изъ такихъ людей, которымъ „стоитъ топнуть въ землю ногой“, чтобы явилась армія. Онъ собралъ маленькій корпусъ, составленный главнымъ образомъ изъ добровольцевъ, студентовъ, охотниковъ и т. д., и занялъ съ нимъ открытую позицію около Фленсбурга. Датчане—10.000 человѣкъ съ 30-ю орудіями и съ пятью военными кораблями въ гавани Фленсбурга—9-го апрѣля напали на неосторожно выдвинувшихся шлезвигъ-голштинцевъ, разбили ихъ въ кровопролитномъ сраженіи при Бау и отбросили съ ихъ позицій. Шлезвигъ-голштинцы понесли тяжелый уронъ. Такъ какъ среди убитыхъ были сыновья изъ семействъ съ виднымъ положеніемъ въ обществѣ, то вопли, вызванные несчастьемъ, были много громче, чѣмъ если бы убитыми оказались „всего лишь“ сыновья пролетаріевъ и крестьянъ. Въ обращеніи съ плѣнными датчане проявили варварскую жестокость. Бо́льшая часть Шлезвига была занята датчанами.

Сильная позиція, занятая отступившими шлезвигъ-голштинцами, а также приближеніе прусскихъ и другихъ войскъ Германскаго Союза, все это пріостановило дальнѣйшее движеніе датчанъ *).

*) Графъ Бодиссенъ въ своей извѣстной работѣ о войнѣ въ Шлезвигъ-Голштиніи пишетъ о настроеніи тогдашнихъ прусскихъ офицеровъ слѣдующее: „Самая небольшая часть иностранныхъ офицеровъ имѣла нѣкоторое представленіе объ отношеніяхъ, сложившихся въ герцогствахъ: они вовсе не знали, изъ-за чего возникло все дѣло. Большинство было увѣрено что шлезвигъ-голштинцы—инсургенты: не хорошо было у

Когда Врангель вторгся въ Шлезвигъ, Данія увидала въ этомъ объявленіе войны. Находящаяся въ ея предѣлахъ собственность германскихъ государствъ была конфискована. 23-го апрѣля Врангель напалъ на знаменитыя Данневиркскія укрѣпленія близъ Шлезвига и послѣ упорной борьбы взялъ ихъ приступомъ. Отступленіе датчанъ обратилось въ бѣгство и было бы равносильно полному пораженію, если бы преслѣдованіе велось энергичнѣе. Но Врангель—котораго, неудачно подражая „маршалу Форвэртсъ“ (Блюхеръ), называли „генераломъ Друффъ“ (и то и другое прозвище означаетъ „впередъ“)—имѣлъ, очевидно, очень ограниченныя полномочія. Когда принцъ Ноэрскій обратился къ Врангелю съ просьбой—позволить ему продолжить преслѣдованіе датчанъ за предѣлы города Шлезвига, Врангель грубо отвѣтилъ ему: „Нѣтъ, вы здѣсь пошабашите!“ („Nee, hier hören Sie man uff!“). Въ тотъ же день Шлезвигъ былъ занятъ войсками, а 25-го апрѣля взятъ и Фленсбургъ.

Датчане направили теперь свои силы главнымъ образомъ на морскую войну. Они объявили блокаду противъ береговъ Германіи по Сѣверному и Балтійскому морямъ и причинили огромный вредъ нѣмецкой торговлѣ. Союзный сеймъ 8-го мая постановилъ, что вся собственность датчанъ въ нѣмецкихъ гаваняхъ подлежитъ конфискаціи. Но все это имѣло ничтожное значеніе, такъ какъ Даніи съ ея флотомъ принадлежало господство на моряхъ сѣвера, у Германіи же не было ни одного военнаго корабля.

Врангель перешелъ черезъ сѣверную границу Шлезвига и вторгся въ Ютландію. Онъ занялъ Кольдингъ и Фридерицію и взыскалъ контрибуцію въ два милліона талеровъ. Но здѣсь вмѣшалась дипломатія и заставила остановиться. Дѣло въ томъ, что война въ Ютландіи превратилась просто въ войну между прусскимъ и датскимъ кабинетами и были серьезныя основанія опасаться, что Швеція и Россія вмѣшаются въ интересахъ Даніи. Прусская дипломатія старалась предотвратить такое вмѣшательство; но она, съ другой стороны, не хотѣла предоставить самому себѣ и общественное движеніе въ Шлезвигъ-Голштиніи. Съ большой радостью набросились поэтому на идею такъ называемой „демаркаціонной линіи“, которая должна была послужить границей между частями области, въ которыхъ жило съ одной стороны населеніе, говорящее по-нѣмецки, а съ другой — говорящее по-датски *). Члены комиссіи пятидесяти, герои по словесной части, въ высокопарной прокламаціи возвеличивали „побѣдителя при Данневиркѣ“, какъ борца за „свободу, порядокъ и народныя права“; но Врангель въ это

нихъ на душѣ, когда они думали, что имъ приходится бороться здѣсь за революцію, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ они сражались противъ бунтовщиковъ“. Такимъ образомъ прусскіе офицеры понимали положеніе въ сущности лучше, чѣмъ наивный шлезвигъ-голштинскій патріотъ, который не могъ открыть инсуррекціи въ своемъ отечествѣ.

*) Берлинскій демагогъ Гельдъ, о роли котораго въ движеніи 1848 года будетъ сказано ниже, не мало хвалился тѣмъ, что онъ открылъ такой жалкій выходъ.

самое время отступилъ за демаркаціонную линію. Надо полагать, ему не особенно нравилась его роль „революціоннаго“ полководца. Датчане опять двинулись впередъ и одержали нѣсколько побѣдъ. Потомъ какъ бы само по себѣ наступило перемиріе. Шлезвигъ-голштинское собраніе сословій, состоявшееся въ Рендсбургѣ, должно было рѣшить, что дѣлать при данныхъ условіяхъ. На самомъ же дѣлѣ этотъ вопросъ рѣшила германская, датская, шведская, русская и англійская дипломатія, которая сыпала нотами, словно дождемъ.

Вредъ, причиненный нѣмецкой торговлѣ датскимъ военнымъ флотомъ, вызвалъ къ жизни идею германскаго флота. Иниціаторами въ этомъ дѣлѣ, которое въ своемъ завершеніи превратилось въ посмѣшище цѣлаго міра, выступили крупные корабельщики сѣвера. Конечно, они были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ торговля пользовалась защитой. Комиссія пятидесяти выступила навстрѣчу корабельщикамъ и крупнымъ промышленникамъ съ фразистой прокламаціей, въ которой она вспоминала о флотѣ старой Ганзы. Но господа корабельщики и капиталисты, которые съ упоеніемъ размалевывали будущее величіе Германіи, открывающееся передъ ней, если она заведетъ собственный флотъ, были слишкомъ предусмотрительны для того, чтобы поглубже запустить руку въ свои собственные кошельки и такимъ образомъ содѣйствовать созданію вожделѣннаго флота. Нѣтъ, они обратились къ массѣ народа, и тотъ долженъ былъ по грошамъ и полушкамъ доставить средства на флотъ. И дѣйствительно, добрый народъ усердно вносилъ свои лепты: почти въ каждомъ засѣданіи франкфуртскаго парламента приходилось сообщать, что на германскій флотъ поступило нѣсколько гульденовъ и талеровъ. Дѣвушки, дѣти, швейки и батраки вносили средства на флотъ, который былъ такъ необходимъ для крупныхъ гамбургскихъ и бременскихъ корабельщиковъ. Патріотизмъ капиталистовъ вообще умолкаетъ около денежнаго кошелька; и на этотъ разъ они попытались обезпечить свои интересы, поднявши шумный трезвонъ. Попытка окончилась печально, какъ она и должна была кончиться *).

---

*) Высмѣивая скаредность тогдашней буржуазіи, одинъ юмористическій листокъ изобразилъ, какъ одинъ буржуа сажаетъ жолуди въ землю въ расчетѣ, что изъ нихъ выраститъ дубовый лѣсъ для германскаго флота.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Развитіе общественныхъ противорѣчій въ Берлинѣ.

Побѣда берлинскаго народа нашла себѣ внѣшнее выраженіе въ томъ, что 19-го марта королевскія войска должны были удалиться изъ прусской столицы. Казалось, сами граждане сдѣлались теперь господами прусскаго военнаго государства. Самъ король подтвердилъ это въ своей рѣчи, съ которой онъ обратился 25 марта къ гвардейскимъ офицерамъ, собравшимся въ потсдамскомъ дворцѣ. Онъ заявилъ, что среди берлинскихъ гражданъ господствуетъ высокое одушевленіе, равнаго которому не знаетъ исторія. „А потому я желаю,—подчеркнулъ король въ своей рѣчи,—чтобы офицерскій корпусъ въ такой же степени проникся духомъ времени, въ какой имъ проникнулся я, и чтобы отнынѣ вы всѣ сдѣлались такими же добрыми гражданами, какъ до сихъ поръ были вѣрными солдатами",

Офицеры выслушали эту рѣчь что называется „въ раздумьи". „Высокое одушевленіе" берлинскихъ гражданъ скоро доставило имъ такое удовлетвореніе, о какомъ они сами не смѣли бы и мечтать.

Мѣщанство всегда остается вѣрнымъ себѣ, какъ въ хорошіе, такъ и въ тяжелые дни; потребность подслуживаться кажется вложена въ него самой природой. Только что съ величайшей торжественностью похоронили павшихъ на баррикадахъ, какъ теперь уже старались свыше всякой мѣры, чтобы показать свою любовь и примирительное отношеніе къ войску. Уже 27-го марта 14.000 „добрыхъ гражданъ" подписались подъ требованіемъ возвращенія войскъ. Большинство подписавшихся были торговцы, которые не могли перенести потери солдатъ, своихъ прежнихъ покупателей, и которымъ вообще не было никакого дѣла до „свободы",—только бы преуспѣвали ихъ коммерческія дѣла. Остальные подписавшіеся были филистеры, которыхъ охватилъ страхъ, когда они въ первый разъ увидали грозныя толпы народа. Уже стремительное паденіе курсовъ на биржѣ нагнало на нихъ паническій ужасъ; „анархія" же—существовавшая только въ ихъ воображеніи—угрожала имъ полной потерей имущества. Если они замѣчали, что на улицѣ остановились и разговариваютъ трое рабочихъ, они уже чуяли начало новаго „бунта". А то обстоятельство, что про-

летаріатъ теперь не скрывался въ предмѣстьяхъ, какъ раньше, еще больше усиливало ихъ страхъ. Безработные, голодные, одѣтые въ лохмотья пролетаріи появились „Подъ Липами“, и „вытики“ (Heuler), какъ называли филистеровъ въ противоположность „крамольникамъ“ (Wühler), потеряли способность спокойно спать по ночамъ. Если во времена возбужденія говорятъ о бѣдности массъ, ни у кого не дѣлается такъ неспокойно на совѣсти, какъ у биржевыхъ спекулянтовъ, у ростовщиковъ и вообще у людей, живущихъ „незаработанными доходами“; даже во снѣ они трусливо цѣпляются за свои „денежки“ и „бумажки“, отъ которыхъ зависитъ ихъ существованіе; они поражены вѣчнымъ страхомъ, какъ бы дыханіе революціи не унесло ихъ „сокровища“. Для людей этого сорта гражданское ополченіе представлялось въ тѣ дни слишкомъ недостаточной гарантіей поддержанія „порядка“; они могли бы спать до нѣкоторой степени спокойно только подъ охраной солдатскихъ штыковъ и артиллерійскихъ орудій.

Желаніе возвращенія войскъ сказалось уже 21 марта, когда еще не успѣли похоронить борцовъ, павшихъ на баррикадахъ; ветеринарный врачъ Урбанъ взялъ на себя роль выразителя этихъ желаній *). Этотъ странный человѣкъ, выдѣлившійся на баррикадахъ Александровской площади своимъ необыкновеннымъ мужествомъ, немедленно послѣ того, какъ народъ побѣдилъ, взялъ на себя роль посредника и старался изображать изъ себя во дворцѣ очень важную персону, что быстро лишило его довѣрія массъ.

За возвратъ войска высказалось новоиспеченное гражданское ополченіе, по крайней мѣрѣ его начальники; то же сдѣлали магистратъ и думскіе гласные. Президентъ полиціи фонъ-Минутоли искусно воспользовался обстоятельствами, чтобы представить дѣло такимъ образомъ, какъ будто возвращенія войскъ хотятъ всѣ безъ исключенія граждане. Демократія протестовала лишь очень слабо, такъ какъ она только начинала организовываться. Уже 30 марта въ Берлинъ возвратился 24-й пѣхотный полкъ. нѣсколько позже—два батальона 9-го полка, а также уланскій полкъ. Да и какъ могли бы истые филистеры-пивопійцы Берлина обойтись безъ военныхъ парадовъ! И какъ бы могли жить берлинскія красавицы безъ лицезрѣнія военныхъ мундировъ, и какъ

*) Урбанъ, котораго офиціальное сообщеніе называетъ „начальникомъ баррикадъ“ и „народнымъ трибуномъ“, 21-го марта явился во дворецъ и на колѣняхъ умолялъ короля дать разрѣшеніе на возвращеніе войскъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV отпустилъ его съ собственноручной запиской слѣдующаго содержанія:

„По желанію ветеринарнаго врача Урбана я съ большимъ удовольствіемъ даю ему разрѣшеніе предложить войскамъ, расположеннымъ въ Потсдамѣ и окрестностяхъ, именно гренадерскому полку императора Александра, немедленно возвратиться въ Берлинъ.

Написано собственноручно 21 марта 1848 года.

Фридрихъ-Вильгельмъ“.

Съ этой запиской Урбанъ и мастеръ портной Эккертъ бросились къ президенту полиціи, и только этотъ нѣсколько болѣе предусмотрительный человѣкъ отговорилъ ихъ отъ немедленнаго использованія записки.

буржуазная аристократія могла бы задавать свои балы безъ лейтенантовъ, неутомимыхъ танцоровъ! Филистеры гражданскаго ополченія съ великимъ торжествомъ приняли войско, и командиръ возвратившихся войскъ, полковникъ Эргардтъ, заявилъ въ рѣчи, произнесенной въ Ботаническомъ саду: „Друзья, мы возвратились къ вамъ, чтобы сообща съ вами охранять спокойствіе и порядокъ и помогать развитію новаго духа“.

Эти заявленія звучали въ ушахъ мѣщанства какъ музыка. Между тѣмъ нѣсколько офицеровъ, съ большей рѣшительностью высказавшихся за „развитіе новаго духа“, были вынуждены выйти въ отставку. Къ числу ихъ принадлежалъ и небезызвѣстный артиллерійскій лейтенантъ фонъ-Оргесъ.

Организація „народнаго ополченія“ была завершена подъ руководствомъ президента полиціи, господина фонъ-Минутоли. Буржуа, ремесленники, студенты, государственные и городскіе чиновники, художники и даже гимназисты взяли на себя поддерживать „общественную безопасность“ и защищать неприкосновенность „личности и собственности“. Они получили оружіе изъ арсенала. Составилась вооруженная сила въ 20.000 человѣкъ, но это былъ не вооруженный народъ, а вооруженная буржуазія, бюрократія и мѣщанство *). Предзнаменованіемъ являлся уже одинъ фактъ организаціи гражданскаго ополченія президентомъ полиціи; и дѣйствительно, ополченіе скоро начало вести себя такъ, какъ будто оно было учреждено исключительно съ полицейскими цѣлями. Вооруженное мѣщанство обнаружило замѣчательную неутомимость въ дѣлѣ обнаруженія и задержанія „крамольниковъ“ и въ подавленіи „мятежей“. Для него каждый пролетарій былъ „анархистомъ“, противъ каждаго проявленія жизни въ пролетаріатѣ направлялась вся жестокость буржуа, дрожащаго надъ своими денежными сундуками. Съ первыхъ же дней сдѣлалось ясно, что цѣль „гражданскаго ополченія“ не столько въ томъ, чтобы защищать только что завоеванныя вольности, сколько въ томъ, чтобы насильственно подавлять всякій проблескъ самостоятельности въ рабочихъ. Конечно, въ гражданскомъ ополченіи были также искренно демократическіе элементы, но они составляли ничтожное меньшинство; среди вооруженныхъ студентовъ сформировалась даже радикальная группа. Но въ общемъ гражданское ополченіе составилось изъ такихъ фанатиковъ „спокойствія“ и „порядка“, что оно избрало своимъ командиромъ сначала президента полиціи, а потомъ генерала фонъ-Ашова. Это вооруженное филистерство, уготовавъ почву для реакціи, въ рѣшительный моментъ съ позорной трусостью покинуло арену своей дѣятельности.

---

*) Штрекфусъ (Erinnerungen aus den Jahren 1848) разсказываетъ, что Минутоли преднамѣренно далъ такую организацію гражданскому ополченію, которая лишала его внутренней силы. По внушенію свыше чиновники массами вступали въ ополченіе и по большей части избирались въ начальники. Благодаря этому радикалы уже съ самаго начала относились къ гражданскому ополченію съ большимъ недовѣріемъ.

Итакъ, вооруженное мѣщанство, тщеславное и напыщенное, гордое своими „завоеваніями", пока что красовалось на берлинскихъ улицахъ. Собственно же народъ, рабочій класъ, а также сравнительно бѣдные граждане были исключены изъ такъ называемаго народнаго ополченія. У нихъ вѣдь не оставалось времени, чтобы стоять на караулѣ и участвовать въ маневрахъ: имъ, чтобы существовать, приходилось теперь такъ же неустанно работать, какъ и раньше. Такое положеніе вещей сложилось почти во всѣхъ частяхъ Германіи. Народъ не получилъ оружія, и гражданское ополченіе исполняло полицейскія функціи по отношенію къ пролетаріату. Можно указать лишь самое ничтожное количество почтенныхъ исключеній.

Въ мартовскіе дни въ Берлинѣ пробудилась очень энергичная политическая жизнь. Газеты воспользовались пріобрѣтеніемъ свободы печати. Стѣны пестрѣли политическими прокламаціями и афишами. Почти каждый вечеръ устраивались собранія. Возникли союзы и клубы, между прочимъ „политическій клубъ", который впослѣдствіи превратился въ „демократическій клубъ" и задавался такой цѣлью, какъ защита мартовскихъ завоеваній. Въ немъ объединилась буржуазная демократія. Президентомъ былъ избранъ уже упоминавшійся асессоръ Юнгъ, въ качествѣ членовъ въ клубѣ участвовали литераторы: Гельдъ, Эйхлеръ, Г. Б. Оппенгеймъ и др. У нѣкоторыхъ членовъ политическаго клуба были связи съ рабочими; поэтому клубу нерѣдко удавалось привлекать рабочихъ къ участію въ демонстраціяхъ. Идеи соціальной реформы, провозглашавшіяся въ клубѣ, характеризовались большой незрѣлостью, что въ значительной мѣрѣ объясняется экономической отсталостью Германіи.

Въ „конституціонномъ клубѣ" объединилась буржуазія, тѣ „вытики", для которыхъ „гражданская свобода" неотдѣлима отъ филистерскаго „порядка". Президентомъ былъ извѣстный Летте, который позже, во франкфуртскомъ парламентѣ, примкнулъ къ партіи Гагерна. Буржуазія неустанно прославляла его труды на пользу рабочаго класса; оно и понятно: въ своихъ трудахъ господинъ Летте съ величайшей щепетильностью заботился о томъ, чтобы прибыль капиталиста не потерпѣла никакого ущерба.

Среди этихъ теченій вдругъ выплылъ наружу рабочій вопросъ. Филистерамъ либерализма и демократіи онъ показался до крайности неудобнымъ. Въ ихъ грезахъ новый порядокъ вещей представлялся имъ какой-то политической Аркадіей, въ которой прославятся навѣки они сами и ихъ „завоеванія", а соціально-экономическіе вопросы не будутъ играть никакой роли. Изученіе этихъ вопросовъ требуетъ большихъ трудовъ и большихъ знаній, а отъ послѣднихъ, какъ извѣстно, начинаетъ болѣть голова. Значитъ, до того ли филистеру?

Но желудокъ побуждалъ рабочихъ предъявлять и свои требованія къ новому порядку вещей. Газеты буржуазіи на разные лады восхваляли мужественное поведеніе рабочихъ во время великой борьбы. Но когда рабочіе выступили и потребовали, чтобы и имъ было предостав-

лено воспользоваться плодами побѣды, собственники постарались прикинуться до крайности изумленными. Трудно представить себѣ что-либо болѣе забавное, чѣмъ то усердіе, съ какимъ теперь разные „добрые граждане“ уговаривали рабочихъ воздержаться отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Достаточно немногихъ примѣровъ, чтобы иллюстрировать несравненную наглость мѣщанскихъ душъ. Нѣкій докторъ Морицъ Левинсонъ, воскуривши ѳиміамъ возвышенности сердца рабочихъ, немедленно послѣ того обращается къ нимъ съ увѣщаніемъ: „Возвратитесь къ своимъ работамъ! Не ждите и не принимайте никакихъ подачекъ или подарковъ изъ милости; все существованіе вашихъ завоеваній, вся гордость свободнаго, независимаго человѣка зависитъ отъ того, скажете ли вы себѣ снова: мы живемъ своимъ трудомъ!“

Эрнстъ Коссакъ, извѣстный литераторъ, въ свою очередь заявляетъ, что и самъ онъ—круглый бѣднякъ, но тѣмъ не менѣе тоже обращается съ назиданіемъ къ рабочимъ: „Въ настоящее время ни малѣйшаго повышенія заработной платы, и долой всякую праздность!.. Рабочіе! Въ эти дни, въ дни муки родовъ великаго будущаго, соблюденіемъ порядка и трудолюбіемъ вы должны заслужить себѣ свидѣтельство исторіи, что вы умѣете работать и жить во имя свободы своей націи!“

Такимъ образомъ эти благородныя души воображали, что онѣ сами призваны — надо полагать, божественнымъ Провидѣніемъ — къ тому, чтобы участвовать въ созданіи новаго порядка вещей; рабочіе же должны и впредь молча и неустанно трудиться и принимать, какъ жребій судьбы, все, что ни соблаговолятъ постановить мѣщане-филистеры. Но рабочіе ничего и не хотѣли, кромѣ работы, которая дала бы имъ возможность существовать, и у тысячъ рабочихъ въ дѣйствительности не было никакой работы, а другимъ тысячамъ работа не обезпечивала существованія.

Фразы фанатиковъ „спокойствія“ не произвели никакого впечатлѣнія на рабочихъ. Ветеринарный врачъ Урбанъ и его другъ Эккертъ рѣшили созвать на 26 марта большое народное собраніе, которое должно было обсудить вопросъ, что предпринять въ виду тяжелаго положенія рабочихъ. Мѣстомъ собранія была назначена площадь у Шенгаузскихъ воротъ. Отдѣльныя отрасли производства должны были формулировать свои требованія и прислать на собраніе представителей. Такъ и было сдѣлано. „Народный трибунъ“ Урбанъ заблаговременно договорился съ полиціей и другими властями относительно задуманнаго имъ шага. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ хотѣлъ воспользоваться собраніемъ для манифестаціи въ пользу возвращенія войскъ; но общее настроеніе массъ сокрушило его планъ.

Въ воскресенье, 26 марта, колоссальная толпа народа собралась на площади у Шенгаузскихъ воротъ. Согласно разнымъ сообщеніямъ она достигала десяти и даже двадцати тысячъ. Ораторская трибуна

была сооружена около такъ называемаго „одинокаго тополя“ и украшена черно-красно-золотымъ знаменемъ.

Дебаты этого собранія позволяютъ заглянуть въ міръ рабочихъ, понять пробудившіяся въ немъ надежды и желанія. Не мало говорилось на собраніи и глупостей; въ этомъ отношеніи особенно постарались „усмирители“, въ которыхъ здѣсь не было недостатка, потому что на собраніе явилось множество буржуа, мелкихъ мастеровъ и мѣщанъ. Но рабочіе, не смущаясь сыпавшимися на нихъ упреками, заявили о своихъ требованіяхъ. Одинъ строительный рабочій требовалъ повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени: „Четырнадцатичасовой рабочій день—это слишкомъ много; съ проходомъ на работу и обратно это составитъ 18 часовъ. У отца семьи едва ли останется время, чтобы послушать лепетанье его ребятишекъ!“ Машиностроитель Зигеристъ, борецъ баррикадъ, потребовалъ учрежденія министерства труда, десятичасового рабочаго дня. заработной платы въ 4 талера (около 6 рублей) въ недѣлю, а также самоуправленія кассъ.—Типографскій рабочій потребовалъ сокращенія расходовъ на правительство, а рабочимъ рекомендовалъ „самопомощь“.—Рабочій Фогель набросалъ картину тогдашняго положенія и требованій рабочаго. „Выслушайте, что ежедневно требуется рабочему. На 3 пфеннига (пфеннигъ около $^1/_2$ коп.) кофе, на 3 пфеннига хлѣба для перваго завтрака,—это не то, чтобы слишкомъ ужъ много. На второй завтракъ я кладу на 6 пфенниговъ хлѣба, на 6 пфенниговъ масла и столько же на напитки, на пиво или водку, ибо вы согласитесь со мной, что нельзя же ѣсть хлѣбъ совсѣмъ всухомятку. Что касается обѣда,—въ настоящее время, когда все такъ дорого, его не изготовить дешевле чѣмъ за $2^1/_2$ зильбергроша. На полдникъ я кладу столько же, какъ на завтракъ, а на ужинъ столько, какъ на второй завтракъ; все это вмѣстѣ составитъ въ день $6^1/_2$ зильбергрошей. Но вѣдь это еще не конецъ. Мы не можемъ же расхаживать голыми. Необходима одежда, сапоги, носовой платокъ, бѣлье. При плохой погодѣ въ особенности не оказалась бы вредной пара чулокъ. Дальше идутъ расходы на прачку, починка одежды и бѣлья, четыре суровыхъ зимнихъ мѣсяца: какъ тутъ извернуться? И пусть неженатый въ состояніи перебиться, — что дѣлать отцу семейства? Кто не можетъ справиться съ этимъ, того нужда должна натолкнуть на некорректныя дѣйствія“.

Въ этой простой, но, однако, сильной рѣчи бѣднаго поденщика больше экономической мудрости, чѣмъ во многихъ длинныхъ, напичканныхъ лицемѣрными тирадами „политико-экономическихъ“ трактатахъ высокоумныхъ профессоровъ. И какъ скромны выраженныя здѣсь притязанія! Но это не избавило рабочихъ отъ упрека въ „жадности“,—въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между 1848 годомъ и теперешнимъ временемъ.

Рабочій Люшке хотѣлъ бы установить заработную плату на уровнѣ въ 15 грошей (т.-е. около 50 коп.) въ день. Другіе, особенно семейные, полагали, что это слишкомъ мало. Ювелиръ Биски, который тоже

сражался на баррикадахъ, требовалъ учрежденія министерства труда, въ которое должны войти рабочіе и работодатели, и основанія пріюта для инвалидовъ труда. Одинъ маляръ высказался противъ работъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, къ нему присоединился шелко-ткачъ. Столяры требовали заработной платы въ 25 зильбергрошей и двѣнадцатичасового рабочаго дня, позументщики и представители нѣкоторыхъ другихъ отраслей производства — запрещенія труда женщинъ. Гессе, „герой баррикадъ", уже наполовину перешедшій на сторону буржуазіи, предостерегалъ отъ „своекорыстія" и на первую очередь рекомендовалъ потребовать отъ короля всеобщаго и прямого избирательнаго права. Ситце-печатники,—ихъ явилось 800 человѣкъ, и уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лишь у 150 изъ нихъ была достаточная работа, — требовали ограничить примѣненіе машинъ, установить 14-дневный срокъ для предупрежденія о прекращеніи договора о наймѣ, а также воспретить женщинамъ промышленный трудъ. „Хлѣба или смерти!" закончилъ свою рѣчь ихъ представитель Цигельбейнъ.

Собраніе выставило слѣдующія требованія: 1) Министерство труда, составленное изъ предпринимателей и рабочихъ. 2) Сокращеніе численности постояннаго войска. 3) Народное образованіе. 4) Призрѣніе инвалидовъ труда. 5) Удешевленіе правительства. 6) Созывъ новаго ландтага на основѣ прямыхъ выборовъ со всеобщимъ правомъ участвовать въ выборахъ и быть избраннымъ.

Рабочіе, неопытные въ собраніяхъ такого рода, конечно, могли высказать свои требованія, но не формулировать ихъ. Тѣмъ не менѣе и то важно, что собраніе около „одинокаго тополя" впервые дало рабочимъ возможность вполнѣ высказаться.

Постановленія собранія были представлены королю двумя депутаціями. Первой король отвѣтилъ: „Я больше люблю народъ, чѣмъ онъ можетъ любить меня!" — Второй депутаціи король заявилъ, что всеобщее народное образованіе и сокращеніе расходовъ на управленіе несовмѣстимы; несмотря на то, постановленія будутъ переданы на разсмотрѣніе подлежащимъ властямъ.

Городское управленіе занялось изысканіемъ мѣръ помощи нуждающимся и безработнымъ пролетаріямъ. Частная благотворительность, сборы пожертвованій, раздача марокъ на хлѣбъ и супъ — всего этого было до крайности недостаточно. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, напр., у слесарей и шелко-ткачей, постановленіемъ цеховъ заработная плата была повышена. Во многихъ случаяхъ рабочее время подверглось сокращенію. Но за всѣмъ тѣмъ оставалось найти работу для огромной безработной арміи. Магистратъ скоро предпринялъ рядъ построекъ, принялся за сооруженіе каналовъ и земляныя работы, чтобы дать какое-нибудь дѣло массѣ голодныхъ; такія же мѣры приняло и государство. Постепенно берлинское городское управленіе дало работу почти 2.500 безработныхъ, государство—почти тремъ тысячамъ. Заработная плата составляла отъ 12½ до 15 зильбергрошей. Чтобы вос-

препятствовать чрезмѣрному притоку безработныхъ въ Берлинъ, господину фонъ-Минутоли было предложено принять „надлежащія мѣры", берлинская полиція выступила противъ „чужихъ" голодающихъ рабочихъ съ такимъ стариннымъ и грубымъ средствомъ, какъ высылка,— и это въ то самое время, когда всѣ стѣны дрожали отъ побѣдныхъ гимновъ въ честь только что завоеванной свободы.

Самую видную группу рабочихъ, занятыхъ за общественный счетъ, впослѣдствіи составили такъ называемые „ребергцы", получившіе это прозвище отъ „Rehberge", „Козульихъ горъ", на которыхъ они работали. Горы эти лежатъ около Ораніенбургскихъ воротъ, приблизительно въ одной милѣ разстоянія отъ тогдашняго Берлина. Рабочіе должны были, расчиствивъ сосновый лѣсъ, произвести распланировку этого мѣста. По вечерамъ они уносили съ собою домой обрубки сосновыхъ бревенъ. Демократы, объединившіеся въ „политическомъ клубѣ", старались создать для себя вспомогательныя силы изъ этихъ рабочихъ; старанія ихъ отчасти увѣнчались успѣхомъ. Наибольшей популярностью среди ребергцевъ пользовался студентъ Густавъ-Адольфъ Шлеффель, сынъ уже упоминавшагося силезскаго демократа, подвергшагося преслѣдованіямъ доктора Штибера. Изъ гейдельбергскаго университета Шлеффеля исключили за распространеніе будто бы мятежническихъ сочиненій въ Оденвальдѣ, а берлинскій университетъ, въ которомъ Шлеффель хотѣлъ продолжить образованіе, отказалъ ему въ пріемѣ. Вся жизнь Шлеффеля была посвящена агитаціи среди рабочихъ. Несмотря на свою юность—въ 1848 году ему было всего 19 лѣтъ,— онъ одинъ среди политическихъ вождей Берлина понималъ природу современнаго капитализма и рѣшался выступать съ цѣлесообразными мѣрами борьбы съ нимъ. Зато буржуазія и бюрократія и постарались обезвредить его.

Ребергцы „въ своихъ высокихъ сапогахъ и съ краснымъ пѣтушинымъ перомъ на шляпѣ" *) нагнали на мѣщанство такой ужасъ, что оно стало видѣть привидѣнія среди бѣлаго дня. Стоитъ только послушать, какъ описываетъ ихъ одинъ „демократическій" литераторъ **).

„Эти дикія фигуры, — говоритъ онъ. — наполовину лошадь, наполовину аллигаторъ, съ ихъ лицами, загорѣвшими отъ солнца и водки, съ ихъ небритыми бородами, одѣтыя въ драные сюртуки, рѣже въ блузы, съ головами, прикрытыми желтыми соломенными шляпами, съ пучкомъ перьевъ на нихъ, съ внушительной дубинкой въ рукахъ, — онѣ долгое время были опорой „крамольниковъ" и грозой для реакціи и для слабодушныхъ".

Но если представить себѣ, какъ жестоко обращалось съ рабочими вооруженное мѣщанство, то едва ли придется осуждать рабочихъ за то, что, не имѣя другого оружія, они запаслись палками.

---

*) Такъ описывалъ ихъ однажды Бисмаркъ въ рейхстагѣ.

**) Робертъ Шпрингеръ въ книгѣ „Berlins Strassen, Kneipen und Klubs im Jahre 1848" („Берлинскіе улицы, кабачки и клубы въ 1848 году").

Общественныя работы были для правительства просто средствомъ хоть на время выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ; цѣль была здѣсь только одна: водить рабочихъ за носъ, пока не уляжется революціонный приливъ. Такіе эксперименты были произведены въ Берлинѣ, Вѣнѣ и въ Парижѣ. Парижскія національныя мастерскія, организація которыхъ ошибочно приписывается Луи Блану, поверхностными людьми выдавались, да и теперь обыкновенно выдаются, за „соціалистическіе" эксперименты. На самомъ же дѣлѣ парижскія національныя мастерскія были учреждены согласно декрету 6-го марта 1848 года, подписанному буржуазнымъ республиканцемъ и врагомъ соціализма Мари. Въ нихъ было такъ же мало соціализма, какъ въ земляныхъ работахъ, организованныхъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ. На мѣсто частнаго предпринимателя выступило классовое государство, которое заставило рабочихъ совершать работы за обычную плату, да и работы-то въ значительной мѣрѣ непроизводительныя. При сужденіи объ этихъ вещахъ историкамъ-филистерамъ не слѣдовало бы забывать, что обобществленное производство предполагаетъ полное устраненіе наемной системы. Въ дѣйствительности національныя мастерскія были направлены противъ соціализма. Внезапно закрывъ мастерскія, французское правительство вызвало ужасающую катастрофу іюньскихъ дней, которая привела къ кровопролитному подавленію парижскаго пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ—къ гибели республики *).

Между тѣмъ 2-го апрѣля въ Берлинѣ собрался соединенный ландтагъ. Всѣ демонстраціи противъ этого обветшавшаго учрежденія устроенныя демократами, остались совершенно безрезультатными. Народъ мало интересовался преніями ландтага, хотя его засѣданія теперь сдѣлались открытыми. „Мартовскій министръ" Кампгаузенъ, открывая засѣданія, заявилъ въ своей рѣчи, что мартовская революція была „событіемъ, которое знаменуетъ мощное, неподлежащее никакому сомнѣнію выраженіе общественнаго мнѣнія". Ландтагъ въ своемъ отвѣтномъ адресѣ королю согласился съ этимъ утвержденіемъ. Духъ времени захватилъ даже часть аристократіи. Маршалъ (президентъ) ландтага князь Зольмсъ высказался противъ привилегій дворянства и заявилъ, что пришло время принести ихъ въ жертву на алтарь отечества; оберъ-президентъ фонъ-Медингъ рѣшительно повѣдалъ о своихъ конституціонныхъ убѣжденіяхъ. Даже такой высоко-консервативный юнкеръ, какъ Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ (впослѣдствіи князь Бисмаркъ), съ искреннимъ сожалѣніемъ призналъ, что никакая земная сила не можетъ воскресить погребеннаго прошлаго, и потомъ съ кисло-сладкой миной добавилъ, что онъ будетъ поддерживать мартовское министерство, ибо иначе придется разстаться со всякой надеждой на „закономѣрный и упорядоченный

*) Ламартинъ въ своей исторіи февральской революціи разсказываетъ, что главари національныхъ мастерскихъ вошли въ тайное соглашеніе съ анти-соціалистическими членами правительства и что весь планъ національныхъ мастерскихъ былъ коварнымъ ходомъ враговъ Луи Блана.

строй отношеній“. И только господинъ Тадденъ-Триглавъ сдѣлалъ приснопамятное заявленіе, что и онъ тоже за свободу печати, но лишь при томъ непремѣнномъ условіи, если немедленно же будетъ воздвигнута висѣлица, чтобы карать „преступниковъ печати“.

Соединенный ландтагъ, увидавши всю безнадежную шаткость своего положенія, былъ настолько великодушенъ, что подъ гнетомъ обстоятельствъ самъ присудилъ себя къ смерти. Онъ принялъ предложенный министерствомъ законъ о выборахъ, согласно которому надлежало избрать собраніе и возложить на него соглашеніе по вопросу о государственномъ устройствѣ Пруссіи. Законъ этотъ, замѣненный въ маѣ 1849 года „самымъ жалкимъ изъ всѣхъ избирательныхъ законовъ“, закономъ о трехклассной избирательной системѣ *), предписывалъ косвенные выборы (т.-е. избиратели выбираютъ не депутатовъ, а „выборщиковъ“, на которыхъ возлагается избраніе депутатовъ). Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ буржуазіи, которая, въ согласіи съ министерствомъ Кампгаузена, заявляла, что народъ „еще не созрѣлъ“ для прямыхъ выборовъ **). Въ то же время будущіе представители Пруссіи были напередъ связаны принципомъ соглашенія; слѣдовательно, выработка конституціи поставлена была въ зависимость отъ согласія короля, вмѣсто того, чтобы просто объявить собраніе учредительнымъ. Мы еще увидимъ, къ какимъ конфликтамъ долженъ былъ повести принципъ соглашенія.

Такъ называемый „законъ шести параграфовъ“ возвѣстилъ свободу печати, уничтожилъ залоги, раньше требовавшіеся отъ издателей газетъ, и постановилъ ввести судъ присяжныхъ для проступковъ по дѣламъ печати и для политическихъ преступленій. Онъ же гарантировалъ независимость судей, свободу союзовъ и собраній и религіозную свободу, а въ заключеніе установилъ тотъ принципъ, что впредь безъ согласія народнаго представительства не можетъ быть изданъ никакой законъ, не могутъ производиться никакіе расходы, ни взиматься никакіе налоги. Наконецъ-то „добрые граждане“ Пруссіи вошли въ свою обѣтованную землю

*) Законъ 1849 года, съ самыми ничтожными измѣненіями, дѣйствуетъ въ Пруссіи до настоящаго времени. Въ основу его положенъ въ общихъ чертахъ такой принципъ: всѣ избиратели раздѣляются, въ соотвѣтствіи съ размѣрами собственности, на три класса. Каждый классъ избираетъ одинаковое число выборщиковъ. Такимъ образомъ крупные собственники, хотя ихъ всего нѣсколько тысячъ, избираютъ столько же выборщиковъ, какъ милліоны людей „третьяго класса“. — Поставленная въ кавычки (въ текстѣ) характеристика трехклассной системы принадлежитъ князю Бисмарку. Несмотря на такой отзывъ, онъ ничего не сдѣлалъ для реформы системы.

**) Этотъ взглядъ на прусскій народъ 1848 года раздѣляетъ извѣстный Бернштейнъ („прогрессистъ“, не имѣетъ ничего общаго съ извѣстнымъ въ послѣдніе годы Эдуардомъ Бернштейномъ) въ своей „Исторіи мартовскихъ дней въ Берлинѣ“, появившейся въ 1873 году. Вообще такъ называемая партія прогрессистовъ никогда съ истинной серьезностью не стремилась ко всеобщему и прямому избирательному праву.

конституціонализма. Эти постановленія ландтага получили названіе „основъ“ демократіи. И больше всего буржуазію восхищало то обстоятельство, что она получила свои „основы“ отъ учрежденія, ведущаго свое начало изъ домартовской эпохи.

Въ заключеніе ландтагъ далъ свое согласіе на производство займа въ 40 милліоновъ, изъ которыхъ 25 было предназначено на оборудованіе войска и 15 милліоновъ — на мѣры для устраненія тяжелаго положенія въ торговлѣ и промышленности. Что касается вооруженія, то необходимость его мотивировалась попрежнему готовящимся французскимъ „нашествіемъ“. Въ дѣйствительности главной цѣлью 40-милліоннаго займа было одно: добыть средства, чтобы вооружиться къ предстоящей борьбѣ съ демократіей. Такимъ образомъ ландтагъ оказалъ будущей реакціи новую серьезную услугу, а буржуазія между тѣмъ восторженно привѣтствовала ландтагъ. Во время преній Бисмаркъ-Шенгаузенъ заявилъ, что было бы неблагоразумно, если бы ландтагъ, „готовясь кануть въ рѣку забвенія, обременилъ свою шею государственнымъ долгомъ, хотя бы и 40-милліоннымъ“ *). Тѣмъ не менѣе ландтагъ все же согласился на заемъ, чему въ особенности содѣйствовала рѣчь барона фонъ-Винке, подобно другимъ охваченнаго „новымъ духомъ“. И это былъ тотъ самый ландтагъ, который всего за годъ передъ тѣмъ рѣшительно заявилъ министерству, что онъ не имѣетъ права на разрѣшеніе такихъ ассигновокъ и займовъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Установивши для прусскаго національнаго собранія всеобщее, но двустепенное избирательное право, ландтагъ узурпировалъ, захватилъ въ свою власть и избраніе представителей въ германскій парламентъ, созываемый во Франкфуртъ на Майнѣ. Онъ самъ совершилъ эти выборы. Министерство Кампгаузена ему не препятствовало, но не по кротости, какъ думали „добрые граждане“, а потому, что въ глубинѣ своего сердца оно не придавало особеннаго значенія франкфуртскому собранію. Но въ народныхъ собраніяхъ поднялась цѣлая буря, начались страстные протесты противъ узурпаціи ландтага. Въ шумѣ приняла участіе не только буржуазія, но и профессора-правовѣды выдвинули свои заплѣсневѣвшіе аргументы, чтобы показать, что ландтагъ покидаетъ „почву права“. Господамъ членамъ ландтага пришлось уступить. Къ тому же изъ Франкфурта на Майнѣ, откуда комитетъ пятидесяти наблюдалъ за приведеніемъ въ исполненіе постановленій предварительнаго парламента, пришло извѣстіе, что тамъ получатъ признаніе только представители Пруссіи, избранные „самимъ народомъ“. Тогда ландтагъ отмѣнилъ свои постановленія и предоставилъ для выборовъ во франкфуртское собраніе такое же избирательное право, какъ и для прусскаго національнаго собранія. Предварительный парламентъ легкомысленно предоставилъ усмотрѣнію правительствъ, будутъ ли выборы прямыми или косвен-

*) Когда онъ потомъ сдѣлался руководителемъ прусской и имперской политики, онъ уже меньше задумывался надъ производствомъ новыхъ государственныхъ займовъ.

ными. Поэтому и вышло такъ, что „самъ народъ“ послалъ представителей во Франкфуртъ лишь при посредствѣ выборщиковъ.

„Добрые граждане“ были до крайности довольны такими результатами, и когда ландтагъ, совершивши, какъ показано выше, самокастрацію, былъ распущенъ, они предались сладкой увѣренности, что теперь ихъ „свобода“ гарантирована навѣки.

Мы уже говорили, что господа члены ландтага отрекались отъ своихъ дворянскихъ привилегій, и отрекались отъ нихъ въ такихъ же прекрасныхъ выраженіяхъ, какъ французскіе депутаты въ знаменитую ночь 4-го августа 1789 года. Но потомъ они сочли за лучшее отречься отъ своего отреченія, и значительная часть привилегій сохранилась до настоящаго времени.

На первое мая были назначены первичные выборы, т.-е. избраніе выборщиковъ для прусскаго и франкфуртскаго собранія. Что касается избирательной агитаціи, она началась немедленно послѣ того, какъ прошелъ новый избирательный законъ.

Демократія протестовала всѣми своими силами не только противъ узурпаціи, выразившейся въ назначеніи ландтагомъ депутатовъ во Франкфуртъ: она энергично выступила и противъ новаго избирательнаго закона. Уже 2-го апрѣля въ „Палаткахъ“ состоялось народное собраніе, созванное „народнымъ ферейномъ“, предсѣдателемъ котораго состоялъ докторъ Максъ Шаслеръ. Согласно своей программѣ союзъ этотъ „долженъ быть народнымъ ферейномъ въ высшемъ и самомъ широкомъ значеніи этого слова: въ немъ должны имѣть своихъ представителей всѣ классы, но особенно тѣ, которые составляютъ главную основу народа,—неимущіе рабочіе“. Ферейнъ выставилъ такія требованія, какъ „истинно-народное ополченіе, народное представительство, народное образованіе“, но никакихъ дальнѣйшихъ соціальныхъ требованій въ его программѣ не было. Собраніе постановило обратиться черезъ министерство съ адресомъ къ королю. Оно требовало прямыхъ выборовъ, предоставленія права участвовать въ выборахъ—съ 21-лѣтняго возраста, и права быть избраннымъ—съ 24-лѣтняго возраста. Кампгаузенъ обѣщалъ, что министерство обсудитъ вопросъ. „Политическій клубъ“ тоже высказался противъ двухстепенныхъ выборовъ и противъ того, что избирательнаго права лишалась прислуга и живущіе на счетъ благотворительности *). Напротивъ, „конституціонный клубъ“ высказался за проведенный ландтагомъ избирательный законъ **).

*) Въ Пруссіи въ категорію „прислуги“ (Dienstboten) зачисляется и крупная часть сельскохозяйственныхъ рабочихъ, все равно, какъ въ средніе вѣка „прислугой“, „слугами“ (knecht, servant) назывались и ремесленные подмастерья, а позже и мануфактурные, а отчасти даже фабричные рабочіе. Живучесть этого названія свидѣтельствуетъ о живучести средневѣковыхъ формъ общественныхъ отношеній (особенно въ земледѣліи).

**) Одинъ только фонъ-Вертеръ высказался здѣсь за всеобщее избирательное право и за распространеніе его на живущихъ за счетъ благотворительности. „О, Коннель,—заявилъ онъ,—разсказываетъ объ одномъ ирландцѣ, у котораго былъ оселъ. Съ помощью осла ирландецъ велъ свое дѣло и зарабатывалъ себѣ пропитаніе. Но вотъ

Послѣ того какъ рядъ собранiй высказался за прямые выборы, 10-го апрѣля въ величественномъ народномъ собранiи въ „Палаткахъ" было постановлено организовать избирательный комитетъ съ цѣлью агитацiи за непосредственные выборы. Литераторъ Эйхлеръ такъ разъяснилъ массѣ народа значенiе той или другой системы выборовъ: „Если вамъ требуется товаръ, что лучше: купить ли его изъ первыхъ или изъ вторыхъ рукъ?"—„Конечно, изъ первыхъ!" отвѣтила толпа. „Превосходно,—продолжалъ Эйхлеръ.—Изъ первыхъ рукъ вы получаете народныхъ представителей при помощи прямыхъ выборовъ, а изъ вторыхъ—при помощи торговцевъ-посредниковъ, выборщиковъ. То самое, что вы, прiобрѣтая изъ первыхъ рукъ, получили бы болѣе хорошимъ и дешевымъ,—это самое господинъ Кампгаузенъ хочетъ предоставить вамъ изъ вторыхъ рукъ и хуже и дороже".

Народный избирательный комитетъ составился изъ слѣдующихъ лицъ: Баадеръ, литераторъ; Берендсъ, гласный городской думы; Бергенротъ, асессоръ; Биски, ювелиръ; Борнъ, литераторъ; Констанъ, купецъ; докторъ Эйхлеръ, литераторъ; докторъ Эрманъ, профессоръ; Фендихъ, виноторговецъ; фонъ-Ферстеръ, литераторъ; Гаммерфельдъ, асессоръ; Гельдъ, редакторъ; докторъ Гекзамеръ, врачъ; Гоппе, литераторъ; Юнгъ, асессоръ; Кеппе, докторъ философiи; Краузе, слесарь; Кюммелау, естествоиспытатель; Ланге, студентъ; Лессингъ, врачъ; графъ цуръ-Липпе, экономистъ; Мертенсъ, городской гласный; Монекке, студентъ; Фрицъ Мюллеръ, слесарь; докторъ Науверкъ, городской гласный; докторъ Пруцъ, литераторъ; докторъ Рисъ, предсѣдатель ремесленнаго союза; Салисъ, студентъ; докторъ Шаслеръ, редакторъ; Шлеффель, студентъ; Зигеристъ, машиностроитель; Стефенсъ, токарь; докторъ Тюммель, врачъ; докторъ юриспруденцiи Тюрке; докторъ Виссъ, врачъ и литераторъ. Составъ до крайности пестрый. Комитетъ долженъ былъ организовать импозантную массовую демонстрацiю въ пользу всеобщаго прямого избирательнаго права.

Волны народнаго движенiя поднимались все выше, вниманiе Берлина было всецѣло захвачено избирательной борьбой, вопросомъ объ избирательномъ правѣ и особенно рабочимъ вопросомъ. Мѣщане недовольно ворчали, представляя себѣ „громадныя суммы", которыя „безполезно" затрачиваются на созданiе работъ для безработныхъ. Въ то же время торговцы постарались использовать случай, чтобы заявить о своихъ притязанiяхъ на „государственную помощь". Купеческiе старшины обратились къ правительству съ жалобами на „денежный кризисъ" среди промышленниковъ, которые по отсутствiю денегъ не могутъ расплачиваться со своими рабочими. И правительство ассигновало 150.000 талеровъ въ пользу купцовъ и промышленниковъ. Дошли ли эти деньги до людей дѣйствительно нуждающихся, объ этомъ ничего неизвѣстно.

оселъ издохъ, ирландецъ лишился работы, сталъ получать вспомоществованiе и благодаря этому потерялъ избирательное право. Кто же, спросилъ О, Коннель, обладалъ избирательнымъ правомъ: человѣкъ или оселъ?"

Среди рабочихъ нѣсколько разъ происходили столкновенія, такъ какъ въ организаціи общественныхъ работъ обнаруживались всевозможные безпорядки. Напр., неудовольствіе вызвала поурочная, сдѣльная плата, и собранія рабочихъ одно за другимъ потребовали уничтоженія этой системы. Берлинскіе рабочіе уже за полвѣка до нашего времени видѣли весь вредъ поурочныхъ работъ, а между тѣмъ извѣстные буржуазные „ученые" даже теперь стараются вразумить рабочихъ, что аккордная (поурочная) система—самая выгодная. Ребергцы заставили землекоповъ на Плецензее и рабочихъ на каналахъ отказаться отъ поурочныхъ работъ. Это происшествіе, въ связи съ нѣсколькими случаями незначительныхъ уличныхъ столкновеній, послужило поводомъ къ самымъ преувеличеннымъ слухамъ о грабежахъ и бунтахъ. Гражданское ополченіе тотчасъ же приготовилось къ „подавленію", въ результатѣ возбужденіе еще больше усилилось: мѣщане уже всюду видѣли „красный призракъ", хотя президентъ полиціи публично выразилъ рабочимъ похвалу за ихъ поведеніе.

Извѣстный демагогъ Гельдъ, ораторъ клубовъ и издатель „Локомотива", пріобрѣлъ мимолетное, но огромное вліяніе на массы; онъ приглашалъ рабочихъ сохранять спокойствіе, пока онъ не выработаетъ планъ организаціи труда, затребованный отъ него министерствомъ. Между тѣмъ къ прокурору фонъ-Кирхману поступали безчисленные доносы на различные органы печати, но Кирхманъ не обращалъ на нихъ вниманія. На всѣ призывы къ травлѣ противъ печати Кирхманъ отвѣтилъ заявленіемъ, въ которомъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Противъ произведеній ума, даже продиктованныхъ самымъ злымъ умысломъ, не существуетъ никакого другого оружія, кромѣ ума. Выступать противъ нихъ съ тюрьмами, штрафами и т. д. было бы грубымъ насиліемъ".

„Все спокойно, за исключеніемъ гражданскаго ополченія!" гласилъ остроумный рапортъ одного начальника караула. Дѣйствительно, гражданское ополченіе довело суровость въ отношеніяхъ къ рабочимъ, студентамъ и демократамъ прямо до послѣднихъ границъ вѣроятнаго; уже въ это время никто серьезно не думалъ, чтобы эта полиція, составленная изъ вооруженныхъ мѣщанъ, въ случаѣ необходимости стала защищать мартовскія завоеванія. И въ то же самое время газеты, особенно „Vossische Zeitung", публиковали длинные списки пожертвованій на поддержку раненыхъ на баррикадахъ борцовъ или на пособіе сиротамъ павшихъ на баррикадахъ. Среди жертвователей было много превосходительствъ, тайныхъ совѣтниковъ и другихъ реакціонеровъ. Они съ такимъ же искусствомъ играли свою роль, какъ юнкеры въ ландтагѣ, которые громогласно провозгласили, что ихъ привилегіи устарѣли, но про себя сдѣлали оговорку *), что они опять укрѣпятъ привилегіи, какъ только наступитъ подходящее время.

Политическій опытъ еще совершенно отсутствовалъ у рабочихъ; они колебались изъ стороны въ сторону, между призывами буржуаз-

*) Этотъ пріемъ называется у іезуитовъ „reservatio mentalis".

ныхъ партій, приглашавшихъ устраивать демонстраціи, и собственными опытами независимой тактики. Ораторы политическаго и конституціоннаго клубовъ часто являлись на собраніяхъ рабочихъ, стремясь привлечь ихъ на свою сторону.

Литераторъ Стефанъ Борнъ сдѣлалъ опытъ создать самостоятельную организацію рабочихъ. Это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ выдающійся. На берлинскихъ, а черезъ годъ на дрезденскихъ баррикадахъ онъ доказалъ свое рѣдкое мужество. Какъ руководитель собраній, какъ крупный ораторскій талантъ, онъ стоялъ выше всѣхъ берлинскихъ „народныхъ трибуновъ", — это признавали даже органы буржуазіи. Въ Брюсселѣ и Парижѣ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ „Союза Коммунистовъ" и, какъ показываютъ его рѣчи и статьи, глубоко усвоилъ принципы союза, формулированные Марксомъ и Энгельсомъ. Въ своей дѣятельности въ Берлинѣ онъ руководствовался слѣдующими соображеніями. Въ Германіи буржуазія и пролетаріатъ, капиталъ и трудъ еще не такъ рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, какъ въ Англіи и даже во Франціи, они еще не являются рѣшительно обособленными сторонами. Нѣмецкіе рабочіе еще не организованы, не сознаютъ себя особою партіей. Стремясь сдѣлаться силой въ государствѣ, они должны обратить главное вниманіе на созданіе организаціи. „Въ наши ряды входитъ огромная часть націи,—писалъ Борнъ,—за нами стоятъ не только наемный рабочій и подмастерье, но и большое количество мелкихъ мастеровъ, подавленныхъ конкуренціей крупнаго капитала, и крестьянинъ, парцела *) котораго уже недостаточна, чтобы прокормить его и его семью, и учитель, который обучаетъ нашихъ дѣтей, и дѣвушка, сгибающаяся за вязальнымъ станкомъ или за машиной, и всякій человѣкъ, труды и прилежаніе котораго подавляются силой капитала и которому въ свободной конкуренціи суждено погибнуть".

Вообще говоря, нѣмецкое рабочее движеніе того времени только что начинало развиваться и, за исключеніемъ Рейнской провинціи и отчасти Вестфаліи, стояло приблизительно на такомъ уровнѣ, какъ тогдашняя французская „соціалъ-демократія". Оно еще не пошло дальше такихъ лозунговъ, какъ „организація труда" (Борнъ по этому вопросу замѣтилъ, что онъ всегда ставилъ организацію рабочихъ выше организаціи труда), „право на трудъ", „министерство труда". Борнъ въ своей дѣятельности, повидимому, исходилъ изъ тогдашняго, довольно ограниченнаго, кругозора нѣмецкихъ рабочихъ и всѣми силами старался расширить его. Это впослѣдствіи навлекло на него упреки въ мелкобуржуазныхъ, цеховыхъ, вообще реакціонныхъ тенденціяхъ, въ стремленіи заводить связи съ разнороднѣйшими элементами, попыткахъ ладить со всѣми. Въ дѣйствительности всѣ его статьи и рѣчи не оставляютъ желать ничего большаго со стороны ясности, опредѣлен-

*) Парцела—земельный участокъ, дошедшій, благодаря дробленію до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, „карликовый" участокъ, какъ называютъ въ настоящее время.

ности и выдержанности классовой точки зрѣнія. Нѣкоторая практическая расплывчатость вытекала не изъ теоретической несостоятельности Борна, не изъ недостатка у него мужества, вообще не изъ личныхъ его свойствъ, можетъ быть, лежала даже всецѣло внѣ его воли, но обусловливалась экономической отсталостью Германіи *).

Борну удалось организовать „центральный комитетъ рабочихъ", избравшій его своимъ президентомъ. Предполагалось, что комитетъ сдѣлается центромъ организаціи рабочихъ, раскидывающейся на всю Германію. Въ статутахъ говорилось между прочимъ: „мы сами беремъ свои дѣла въ руки, и никто уже не можетъ ихъ вырвать у насъ".

Борнъ отрицательно относился къ мысли о массовой демонстраціи въ пользу прямого избирательнаго права. Онъ по всей вѣроятности опасался, что вооруженное мѣщанство, т.-е. гражданское ополченіе, разгонитъ безоружную толпу. Такимъ образомъ быстро произошло бы рѣшительное столкновеніе между рабочими и остальнымъ берлинскимъ населеніемъ, а это до крайности облегчило бы дѣло реакціи, тѣмъ болѣе что національное собраніе не только не было созвано, но даже и выбрано. Конечно, можно было бы поставить вопросъ, цѣлесообразно ли вообще было скрывать уже назрѣвшія противорѣчія между буржуазными классами и рабочими: затушевываніе противорѣчій замедляло развитіе классоваго самосознанія у рабочихъ и въ конечномъ счетѣ ослабляло энергію движенія, потому что оно тормозило ростъ силы, которая одна только и могла бы толкать буржуазные классы влѣво, въ сторону либеральныхъ требованій. Тѣмъ не менѣе Борнъ, Биски, а также нѣкоторые буржуазные демократы вышли изъ народнаго избирательнаго комитета, когда въ немъ большинство высказалось за демонстрацію. Основанная Борномъ газета „Братство рабочихъ" просуществовала до 1850 года. Самому же Борну уже въ 1849 году пришлось эмигрировать, такъ какъ ему угрожала кара за участіе въ дрезденскомъ майскомъ возстаніи.

Съ большей энергіей развивалъ политическую агитацію Густавъ-Адольфъ Шлеффель, юноша съ пламеннымъ темпераментомъ неутомимаго борца. Ему суждено было скоро и трагически закончить свою жизнь. Шлеффель издавалъ газету, въ которой онъ самымъ энергичнымъ образомъ выступалъ противъ капитализма и современнаго классоваго господства. Съ неменьшей силой боролся онъ и противъ реакціонныхъ властей и требовалъ для рабочихъ всеобщаго равнаго и прямого избирательнаго права, какъ средства для завоеванія политической власти. Названіе газеты было „Другъ народа". Она пользовалась большой распространенностью, такъ какъ Шлеффель нерѣдко раздавалъ ее безплатно. Но ея вышло лишь немного нумеровъ, потому

*) Борнъ (собственно Буттермильхъ) впослѣдствіи читалъ, въ качествѣ привата-доцента, лекціи по исторіи литературы въ базельскомъ университетѣ, а потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ редактировалъ газету „Базельскія Извѣстія". Въ концѣ 90-хъ годовъ появились его интересныя „Erinnerungen eines Achtundvierzigers". („Воспоминанія современника о 1848 годѣ"). Умеръ онъ въ 1899 году.

что рука прокурора скоро опустилась на плечо юнаго мужественнаго редактора.

Но больше всего Шлеффель дѣйствовалъ въ собраніяхъ рабочихъ. Талантливый ораторъ, онъ сдѣлался любимцемъ ребергцевъ; рабочіе называли его „другомъ народа“. Однажды нѣсколько ребергцевъ было заарестовано. Ихъ товарищи грозной толпой двинулись къ Ораніенбургскимъ воротамъ. Собралось гражданское ополченіе, кровопролитное столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Но молодой Шлеффель своими искусными доводами добился отъ прокурора освобожденія арестованныхъ. Ребергцы подняли „друга народа“ на плечи и устроили ему восторженную овацію.

Буржуазія распространяла самыя презрѣнныя клеветы о рабочихъ, въ особенности о ребергцахъ. Про нихъ говорили, что они сплошь лѣнтяи, что среди нихъ много бродягъ, что всѣ они ведутъ на „государственный счетъ праздную, бездѣльную жизнь“ *). Когда забастовали наборщики, „Фоссова Газета“ стала увѣрять публику, что это — внутренніе враги, что они подкуплены внѣшними врагами, чтобы обезсилить Германію внутренними затрудненіями, что коварная Франція и Швейцарія прислали съ этой цѣлью 14.000 франковъ (нѣсколько болѣе 5.000 рублей). Въ „Фоссовой Газетѣ“ наборщики работали 14—16 часовъ ежедневно, даже по воскресеньямъ, и получали за это отъ 4 до 6 талеровъ (отъ 6 до 9 рублей) въ недѣлю. Буржуа полагалъ, что это — верхъ счастья для рабочаго человѣка, и потому былъ увѣренъ, что, если бы не франко-швейцарскія тысячи, онъ никогда бы не заявилъ недовольства.—Въ позднѣйшія времена, съ ростомъ богатства, тысячи замѣнились милліонами, но этимъ и исчерпывается вся разница: современные эксплуататоры по прежнему представляютъ рабочаго настолько задавленнымъ и глупымъ, что, по ихъ увѣреніямъ, самому ему и въ голову не придетъ бороться за лучшую участь.—„Національная Газета“ признавала право рабочихъ на стачки, но въ интересахъ „порядка“ требовала, чтобы рабочіе каждый разъ испрашивали у начальства разрѣшеніе воспользоваться этимъ правомъ.—Тогда же разсказывалась тоже вѣчно повторяющаяся глупая исторія о томъ, что рабочіе разъѣзжаютъ въ пролеткахъ, — какъ будто пролетки созданы исключительно для буржуа и какъ будто это было бы преступленіемъ, если бы рабочій когда-либо позволилъ себѣ проѣхаться въ пролеткѣ на заработанныя своимъ трудомъ деньги.

Чтобы противодѣйствовать инсинуаціямъ мѣщанства, въ городскую думу былъ представленъ докладъ о землекопахъ, работавшихъ около Веддинга. Въ немъ между прочимъ говорится:

„Прежде всего бросается въ глаза единодушное стремленіе къ спокойствію и порядку, интересъ къ труду и прилежаніе,

*) Между прочимъ фонъ-Унру, впослѣдствіи президентъ прусскаго національнаго собранія, утверждаетъ это въ своихъ „Очеркахъ по новѣйшей исторіи Пруссіи“. Къ сожалѣнію, онъ забываетъ пояснить, какъ это на 15 зильбергрошей въ день—таковъ былъ максимумъ заработной платы—можно вести „разгульную жизнь“.

такъ что теперь надсмотрщикамъ ничего не стоитъ достигнуть устраненія случайно вкравшихся какихъ-либо безпорядковъ, между тѣмъ какъ раньше они не смѣли объ этомъ и заикаться. Рабочіе съ пунктуальной точностью приходятъ на мѣсто работы, работаютъ безъ перерывовъ и оставляютъ работу лишь когда наступаетъ установленный для этого срокъ. Они сами настаиваютъ на увольненіи лѣнивыхъ и подстрекателей (?); для наблюденія на каждые 120 человѣкъ приходится одинъ надсмотрщикъ; кромѣ того, для примиренія споровъ избранъ товарищескій судъ изъ трехъ лицъ. Они сами заставили уволиться одного рабочаго, который укралъ солдатскую куртку, и другого, который подрубилъ тополь, и заявили при этомъ, что они не хотятъ работать вмѣстѣ съ ворами" *).

Землекопы на первыхъ порахъ довольствовались заработной платой въ 15 зильбергрошей въ день. Рабочіе другихъ отраслей производства отправили къ мастерамъ депутаціи и предъявили различныя требованія, которыя сводились главнымъ образомъ къ десятичасовому рабочему дню, оплатѣ сверхурочныхъ работъ и заработной платѣ отъ 3 до 4 талеровъ въ недѣлю. Въ большинствѣ случаевъ требованія эти были удовлетворены. И любопытный фактъ: въ то время, повидимому, никто не находилъ установленіе десятичасового нормальнаго рабочаго дня такимъ чрезмѣрнымъ, неслыханнымъ требованіемъ, какъ это стараются представить многіе современные профессора и ученые.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда мастера и фабриканты отказывались уступить, произошли забастовки. Были также устроены большія демонстраціи; въ нихъ принимали участіе и студенты, особенно та часть студенческаго корпуса, которая стояла подъ руководствомъ студента Монекке, единомышленника Шлеффеля, и зато получила отъ буржуазіи кличку „роты Монекке". Демонстраціи обыкновенно приводили къ тому, что—это въ разгаръ-то „весны народовъ!"—вмѣшивалась полиція и, дѣйствуя совмѣстно съ гражданскимъ ополченіемъ, разстраивала ихъ, гдѣ только могла.

Итакъ, кромѣ земляныхъ и каналоустроительныхъ работъ, государство не принимало никакихъ другихъ мѣръ, чтобы помочь бѣдствующимъ рабочимъ. Но и самимъ рабочимъ, по крайней мѣрѣ ихъ массѣ, было чуждо пониманіе истиннаго положенія вещей. Это какъ нельзя болѣе естественно, потому что рабочіе впервые активно вмѣшивались въ общественную жизнь. Притомъ имъ противостояло многоголовое мѣщанство и тормозило всѣ ихъ начинанія. Въ результатѣ рабочее движеніе, поскольку можно говорить о таковомъ, приняло такой ходъ, какой оно и должно было принять.

Между тѣмъ избранный въ большомъ народномъ собраніи комитетъ, который долженъ былъ агитировать въ пользу прямыхъ выборовъ, не оставался бездѣятельнымъ. Аудіенція, данная его представителямъ

*) Докладъ 15-го апрѣля. См. Adolf Wolff, Berliner Revolutions-Chronik, т. II, стр. 159.

министромъ-президентомъ Кампгаузеномъ, не привела ни къ какимъ результатамъ. Тогда комитетъ постановилъ, что „въ великій четвергъ (20-го апрѣля) берлинскій народъ, соединившись въ торжественномъ шествіи, долженъ устроить передъ дворцомъ внушительную мирную манифестацію". Когда постановленіе прошло въ комитетѣ, изъ его состава вышли городской гласный Берендсъ, ювелиръ Биски, докторъ Науверкъ, докторъ Пруцъ, докторъ Шаслеръ, Борнъ и нѣкоторые другіе. 17-го апрѣля большое народное собраніе „въ Палаткахъ" постановило употребить всѣ силы, чтобы устроить демонстрацію въ пользу прямыхъ выборовъ. По предложенію Эйхлера оно постановило, дальше, что толпы соберутся на Александровской площади и оттуда двинутся къ дворцу, неся передъ собой знамена съ такой надписью: „Прямые выборы, долой выборщиковъ, самыя широкія полномочія и свобода!" Отъ имени избирательнаго комитета въ провинцію тоже были посланы воззванія, приглашающія организовать такія же демонстраціи. Подъ воззваніемъ подписались профессоръ Эрманъ, Гельдъ, редакторъ „Локомотива", Георгъ Юнгъ, докторъ юриспруденціи Г. Б. Оппенгеймъ.

Величайшее волненіе охватило фанатиковъ порядка. Въ демонстраціи они видѣли „бунтъ". Почтенное бюргерство совершенно забыло, что еще не прошло и четырехъ недѣль съ 17 марта, когда оно постановило массой итти ко дворцу и точно такой же „мирной демонстраціей" добиться отъ короля согласія на гражданское ополченіе. Тогда это называли „мирной демонстраціей", а теперь оно превращалось въ „демонстрацію съ цѣлью переворота", — потому только, что иниціаторами выступили другіе *).

Нѣкоторые „демократы" заявили, что они довольны двустепенными выборами. Въ дѣйствительности они позволили конституціоннымъ краснобаямъ разубѣдить себя, что народъ — а слѣдовательно и они сами—еще „не созрѣлъ" для прямыхъ выборовъ. Власти искусно воспользовались такимъ настроеніемъ, чтобы оказать устройству демонстраціи энергичное и немедленное противодѣйствіе. Магистратъ, городская дума и президентъ полиціи объявили, что демонстрація противозаконна; то же сдѣлало и министерство, которое, ни мало не медля, обратилось къ гражданскому ополченію съ просьбой дать защиту „общественному порядку".

Такія мѣры противъ мирной, но внушительной демонстраціи были какъ нельзя больше пригодны для того, чтобы сдѣлать почти неминуемой опасность схватки между гражданскимъ ополченіемъ и народомъ. И то, чего такъ боялись фанатики порядка, филистеры, сдѣлалось бы прямо немыслимымъ, если бы положились на комитетъ и предоставили ему свободу дѣйствій.

*) Даже черезъ 25 лѣтъ уже упоминавшійся А. Бернштейнъ въ своей „Geschichte der Berliner Märztage" заявляетъ, что проектированная мирная демонстрація была продиктована „преступнымъ умысломъ демагоговъ".

Гельдъ выступилъ съ предложеніемъ отказаться отъ устройства демонстраціи. Когда же комитетъ не согласился на это, Гельдъ и Юнгъ вышли изъ его состава. Они пользовались большой популярностью и потому съ ихъ устраненіемъ успѣхъ дѣла сталъ казаться сомнительнымъ. Тѣмъ не менѣе комитетъ все еще надѣялся, что удастся организовать процессію въ 50.000 человѣкъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилось въ воззваніи, адресованномъ „ко всѣмъ рабочимъ". Подъ нимъ не стояло никакой подписи.

Конституціоналисты и демократы рѣшили отговорить рабочихъ и отправили своихъ ораторовъ въ ихъ собранія. Въ „центральномъ комитетѣ рабочихъ", въ которомъ Борнъ, Биски и другіе высказались противъ демонстраціи, Шлеффель потерпѣлъ неудачу. Противъ демонстраціи были настроены и машиностроительные рабочіе, находившіеся подъ вліяніемъ Гельда. Доктора Эйхлера арестовали по требованію одного кредитора и обезвредили, засадивши въ долговую тюрьму. При такихъ условіяхъ демонстрація съ самаго начала была осуждена на неудачу.

Съ утра великаго четверга Берлинъ принялъ видъ военнаго лагеря. Гражданское ополченіе встало подъ ружье. Мосты, общественныя зданія и площади были заняты гарнизонами, какъ будто предстояло непріятельское нашествіе. Но демонстрація не состоялась. На Александровской площади собралось всего до тысячи человѣкъ, которые не давали никакого повода для вмѣшательства гражданскаго ополченія, сгоравшаго отъ желанія дѣйствовать. Только небольшая кучка землекоповъ, несмотря на всѣ увѣщанія, со знаменами двинулась къ городу. Избирательный комитетъ выпустилъ извѣщеніе, что демонстрація не можетъ состояться, и пригласилъ рабочихъ на народное собраніе, назначенное на площади у Шенгаузскихъ воротъ. На собраніе явилось до 1.500 человѣкъ. Здѣсь Зигеристъ сообщилъ, что долгъ, изъ-за котораго доктора Эйхлера арестовали, составляетъ всего 12 талеровъ (около 18 рублей) *). Юнгъ старался передъ лицомъ собранія спасти свою популярность; всю вину за неудачу процессіи онъ возлагалъ на гражданское ополченіе и „конституціонный клубъ", которые мирному предпріятію ложно приписали революціонные умыслы. Въ „политическомъ клубѣ" жаловались на грубость гражданскаго ополченія. Оно арестовало многихъ участниковъ народнаго собранія, когда тѣ шли по домамъ, а одного молодого человѣка жестоко избили прикладами и кулаками. Одинъ вооруженный мѣщанинъ крикнулъ собравшимся зрителямъ: „Эй, вы, собаки, пойдете ли вы по домамъ и станете ли работать!" **).

На слѣдующее утро былъ арестованъ молодой Шлеффель. Онъ писалъ въ своемъ „Другѣ народа": „Опираясь на 60.000 человѣкъ,

*) Политическіе друзья Эйхлера собрали эту сумму, и онъ былъ выпущенъ на свободу.

**) Это засвидѣтельствовано Адольфомъ Штрекфусомъ и 13 другими свидѣтелями (Штрекфусъ, „Erinnerungen aus dem Jahre 1848").

комитетъ посмотритъ, не окажется ли это для министра Кампгаузена силой земной, которая можетъ удержать его отъ избранія выборщиковъ!“ Статья появилась послѣ того, какъ демонстрація уже потерпѣла фіаско, именно къ вечеру великаго четверга. Несмотря на рѣзкія выходки противъ короля, въ ней не было никакого призыва къ насилію *). И все-таки новая прусская свобода печати не выдержала испытанія. Дѣло Шлеффеля было передано верховному суду. Его обвиняли въ томъ, что онъ выразилъ свои симпатіи возстанію Геккера и приглашалъ народъ устроить демонстрацію передъ дворцомъ. Представителемъ обвиненія выступилъ извѣстный фонъ-Кирхманъ, который впослѣдствіи, въ прусскомъ національномъ собраніи, принадлежалъ къ членамъ лѣвой. Шлеффелю онъ бросилъ упрекъ въ молодости; а съ тѣмъ фактомъ, что статья о демонстраціи въ пользу прямыхъ выборовъ появилась лишь послѣ неудачи демонстраціи, Кирхманъ раздѣлался очень простымъ утвержденіемъ: неудавшееся въ великій четвергъ должно состояться впослѣдствіи. Шлеффель защищался очень искусно и произнесъ рѣчь, которая не могла не произвести впечатлѣнія. Прокуроръ фонъ-Кирхманъ предложилъ шесть недѣль тюремнаго заключенія, но верховный судъ приговорилъ Шлеффеля къ шести мѣсяцамъ заключенія въ крѣпости и къ лишенію національной кокарды, т.-е. къ потерѣ гражданскихъ правъ. Для отбытія наказанія „друга народа“ увезли въ Магдебургъ. Не пришлось ли фонъ-Кирхману вспомнить, какъ Шлеффель отстаивалъ свободное выраженіе мнѣній, когда въ 1867 году самого Кирхмана отставили отъ должности за то, что онъ выступилъ съ рефератомъ относительно „системы двухъ дѣтей“ и вообще защищалъ въ литературѣ нѣкоторыя положенія нео-мальтузіанства.

Избирательная агитація обнаружила ужасную путаницу въ воззрѣніяхъ; оно и понятно: вѣдь въ первый разъ приходилось участвовать въ выборахъ. Вообще у берлинцевъ нѣтъ никакого права издѣваться надъ „слѣпыми гессенцами“, которые требовали „республики съ нашимъ великимъ герцогомъ во главѣ“. Берлинецъ Юліусъ Берендсъ заявилъ въ своей печатной profession de foi: „Мы хотимъ республиканскаго правительства и во главѣ его короля, который, какъ представитель народа во внѣшнихъ дѣлахъ, препятствуетъ всякой другой державѣ ограничить свободу народа“. — Немногимъ выше программы Берендса стояли программы Гельда, Юнга, Оппенгейма, Руге и Науверка. Но по части спутанности и фразистости конституціоналисты постарались еще больше, чѣмъ демократы. Тѣмъ не менѣе сохраненіе двустепенной избирательной системы принесло

*) Въ какомъ видѣ представлялось все это филистерамъ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать все тотъ же А. Бернштейнъ. Въ своей книгѣ, появившейся въ 1873 г., онъ говоритъ: „эту статью легко можно бы принять за результатъ махинацій реакціонеровъ, если бы судебное разбирательство не установило подлинности этого характернаго произведенія!“—„Можно бы“,—и все лишь потому, что либеральная буржуазія и правительство не соблаговолили дать народу прямое избирательное право.

желанное дѣйствіе: демократія осталась въ меньшинствѣ, восторжествовали представители безцвѣтныхъ промежуточныхъ партій и замаскированные реакціонеры. Въ прусское національное собраніе были избраны: прокуроръ фонъ-Кирхманъ, тайный совѣтникъ Вальдекъ, главный бургомистръ Грабовъ, тайный совѣтникъ Бауэръ, членъ городского совѣта Дункеръ, проповѣдникъ Сидовъ, докторъ Іоганнъ Якоби, городской гласный Берендсъ и асессоръ Юнгъ. Во франкфуртскій парламентъ Берлинъ выбралъ только одного демократа, доктора Науверка; остальные депутаты были слѣдующіе: министръ Кампгаузенъ, майоръ Тейхертъ, полковникъ Штафенгагенъ, профессоръ Раумеръ, докторъ Виттъ. Исходъ выборовъ былъ какъ бы отмщеніемъ за то, что многіе демократы, и докторъ Науверкъ въ ихъ числѣ, удовольствовались косвенными выборами.

Неудача демонстраціи въ пользу прямыхъ выборовъ отмѣчаетъ конецъ перваго періода послѣ побѣды народа. Гражданское ополченіе оказалось учрежденіемъ реакціоннымъ. По первому зову перепуганнаго министерства ополченіе выступаетъ на помощь ему и направляетъ свои штыки противъ мирной народной демонстраціи за прямую избирательную систему. Здѣсь зародилась реакція, а не только въ королевскомъ дворцѣ, въ тайной юнкерской кликѣ.

Но добрый бюргеръ ничего этого не сознавалъ. Да и какъ же иначе. По всей странѣ еще гремѣли восторженные гимны въ честь „свободы“, принесенной 18-мъ марта. На Германію сыпались, какъ изъ неистощимаго рога изобилія, произведенія политической поэзіи, восторженнымъ рѣчамъ и декламаціямъ въ пивныхъ не было видно конца. А теперь ко всему этому присоединилось избраніе народныхъ представителей, которые должны были навѣки обезпечить свободу. И какая роскошь: цѣлыхъ два парламента должны гарантировать новый порядокъ, и они, внѣ всякаго сомнѣнія, сдѣлаютъ это.

Но тяжелыя предчувствія охватили болѣе дальновидныхъ людей, когда они увидали, какъ смѣло въ Германіи поднимаетъ голову разслабленная довѣрчивость, жалкая либеральная мечтательность и крайняя политическая наивность. Послышались предостерегающіе голоса, но изъ этого не получилось никакихъ результатовъ. Въ упоеніи „свободой“ ихъ никто не слыхалъ. А въ аристократическихъ салонахъ между тѣмъ подготовлялась та тонкая и глубоко продуманная игра, которая представляла полную противоположность медлительности и неловкости демократовъ. Тогдашнее положеніе превосходно обрисовано въ одномъ стихотвореніи, озаглавленномъ „Элегія на развалинахъ разноцвѣтной свободы“. Въ немъ есть между прочимъ такія строки:

„Кругомъ, въ необъятно-широкой странѣ,
Народъ о свободѣ мечтаетъ,
И сотни поэтовъ во имя ея
Прекрасныя пѣсни слагаютъ.
Народъ съ обнаженнымъ оружьемъ стоитъ,

Все ружья да сабли сверкаютъ.
Нѣтъ только свободы,—рогатки торчатъ
Да всюду шпіоны мелькаютъ“.

Ироніи судьбы было угодно, чтобы въ концѣ апрѣля типографскіе рабочіе устроили забастовку (сравн. стр. 229). Передъ тѣмъ они цѣлыхъ четыре недѣли употребили на переговоры съ хозяевами, требуя повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени. Ихъ заработокъ, при двѣнадцати, четырнадцати, часто даже шестнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ, составлялъ всего отъ 3 до $3^1/_2$ талеровъ въ недѣлю ($4^1/_2$—5 рублей). Когда началась стачка, газеты стали запаздывать выходомъ, множество афишъ для расклейки на стѣнахъ не могло быть напечатано, а поэтамъ угрожала опасность, что публика такъ и не познакомится съ ихъ прекраснозвучными виршами. Можно же представить себѣ негодованіе всѣхъ представителей сентиментальнаго прекраснодушія: эти упрямые книгопечатники осмѣливаются воспрепятствовать имъ вскрыть передъ цѣлой Германіей самые тонкіе изгибы ихъ души. Но для рабочихъ, которымъ приходится кормить жену и дѣтей, вопросы заработной платы не являются вопросами прихоти. И это былъ очень счастливый исходъ, что стачечники, которыми все время руководилъ Борнъ, довольно скоро пришли къ соглашенію съ владѣльцами типографій. Во все время стачки даже демократическая пресса не переставала кричать о „деспотіи рабочихъ“; господинъ Гельдъ тоже высказался противъ требовательности рабочихъ. Но сами книгопечатники были настолько великодушны, что незахотѣли доводить дѣло до крайности. „Въ такой моментъ,—заявилъ ихъ комитетъ,—когда духовная пища сдѣлалась такой же необходимой потребностью, какъ хлѣбъ, мы не хотимъ ставить свои матеріальные интересы выше общихъ интересовъ. Поэтому мы предоставляемъ каждому изъ насъ возвратиться къ типографскимъ работамъ“.

Буржуазія, повидимому, совсѣмъ не почувствовала, до какой степени пристыдили ее рабочіе своимъ заявленіемъ.

Какъ бы то ни было, но теперь снова явилась возможность грезить и слагать пѣснопѣнія. А тѣмъ временемъ реакція дѣйствовала за кулисами и оттачивала оружіе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Развитіе общественныхъ противорѣчій въ Вѣнѣ.

Мартовскія событія, казалось, разорвали всѣ связи, сплачивавшія Австрійскую имперію. Итальянскія провинціи отпали отъ нея, Венгрія достигла самостоятельности, въ нѣмецкой Австріи вздымались волны нѣмецкаго движенія. Совершенно естественно, что при такихъ обстоятельствахъ пробудились національныя и панславистскія стремленія среди чеховъ, кроатовъ и галичанъ. Несмотря на всѣ праздники международнаго братства, борьба національностей разгорѣлась съ большей силой, чѣмъ когда-либо раньше: начались нескончаемые конфликты между нѣмцами и чехами, венграми и кроатами (хорватами). Никогда еще не обнаруживалось съ такой яркостью, насколько нездоровъ, насколько противорѣчитъ историческому развитію тотъ базисъ, на которомъ построенъ подчиненный Габсбургамъ конгломератъ государствъ. Склеивая его, Габсбурги руководствовались исключительно тѣмъ государственнымъ правомъ, которое смотритъ на массы, какъ на стадо барановъ, и всегда заботились только объ увеличеніи силы „дома" Габсбурговъ, но никогда не задумывались о правахъ и объ интересахъ народовъ.

Вѣнское правительство само не знало, что ему дѣлать. Если бы оно уступило требованіямъ отдѣльныхъ національностей и дало имъ страстно желанную самостоятельность, онѣ, конечно, тотчасъ успокоились бы; но тогда Австрія, какъ великая держава, была бы вычеркнута изъ исторіи и еще недавно такая сильная габсбургская династія превратилась бы въ безсильную тѣнь. Стремясь сплотить имперію, правительство, напротивъ, должно было вступить въ союзъ съ одной какой-либо національностью, чтобы съ ея помощью подчинить себѣ остальныя. Позднѣе правительство такъ и сдѣлало: домъ Габсбурговъ и его правительство бросились въ объятія чеховъ и кроатовъ,—въ объятія панславизма,—и, опираясь на нихъ, подавили нѣмецкую часть Австріи и Венгрію. Разгорѣвшаяся борьба національностей до крайности облегчила задачу реакціи.

Но на первыхъ порахъ ничего этого не было видно. Венгры, казалось, совсѣмъ успокоились. Ихъ требованія были удовлетворены,

они сформировали собственное министерство изъ венгровъ, во главѣ его всталъ венгерскій патріотъ, графъ Людвигъ Баттіани. Однако порывъ бури еще разъ пронесся надъ Венгріей,—именно, когда въ Вѣнѣ постановили, что министерства финансовъ и военное должны быть общія у Венгріи съ Австріей, т.-е. что Венгрія должна отдавать войска и деньги въ распоряженіе Австріи. Это постановленіе вызвало взрывъ негодованія въ пресбургскомъ рейхстагѣ и во всей Венгріи. Палатину (намѣстнику) Венгріи, эрцгерцогу Стефану, пришлось обратиться въ Вѣну съ предложеніемъ отмѣнить постановленіе. Вѣнское правительство подчинилось необходимости и только выразило „надежду", что венгерскія сословія позволятъ воспользоваться венгерскими войсками въ Италіи и, кромѣ того, возьмутъ на себя четвертую долю обще-имперскихъ расходовъ. Венгры удовлетворились такимъ рѣшеніемъ. Политики Венгріи надѣялись, идя по такому пути, получить доминирующее значеніе въ цѣлой имперіи и поставить венгерскую независимость на непоколебимый базисъ. Дѣйствуя такъ, венгры разсчитывали перехитрить вѣнскую придворную камарилью. Національный эгоизмъ настолько ослѣпилъ ихъ и овладѣлъ ими, что они въ концѣ-концовъ потеряли всѣ свои завоеванія.

Но если въ данный моментъ венгры не создавали особенныхъ затрудненій для вѣнскаго правительства, тѣмъ серьезнѣе озабочивало его нѣмецкое движеніе въ Австріи, особенно въ самой Вѣнѣ. Возбужденіе, охватившее цѣлую Австрію, ни на минуту не ослабѣвало. Политикамъ, занявшимъ мѣсто, оставленное Меттернихомъ, приходилось строжайшимъ образомъ обуздывать свое страстное стремленіе возстановить домартовскіе порядки. Неосторожная статья, напечатанная въ оффиціальной „Вѣнской Газетѣ", показала австрійцамъ, что правительство оставляетъ за собой право согласиться или не согласиться съ постановленіями франкфуртскаго парламента. Заявленіе это явилось уже послѣ того, какъ правительство распорядилось произвести выборы въ парламентъ. У вѣнцевъ какъ бы чешуя упала съ глазъ; они, наконецъ, ясно увидѣли, что „новое" правительство составлено почти исключительно изъ людей, которые вышли изъ школы Меттерниха. Коловратъ, Таафе, Кюбекъ и Фикельмонъ не были людьми современными, и даже Пиллерсдорфъ не понималъ требованій своего времени. Правда, онъ всегда протестовалъ противъ угнетательской системы Меттерниха; но теперь, 31-го марта, онъ самъ издалъ реакціонный законопроектъ о печати, грозившій очень суровыми карами, особенно за оскорбленіе величества. Законопроектъ привелъ въ негодованіе „аулу", т.-е. университетъ, всю университетскую молодежь. Вѣнцы не допустили, чтобы у нихъ отняли новорожденную свободу печати. Волны негодованія поднимались все выше. Пиллерсдорфу пришлось уступить и взять законопроектъ обратно.

Какъ и слѣдовало ожидать, пресса доставляла больше всего огорченій для министровъ и всѣхъ реакціонеровъ. Въ домартовское время оппозиціонной прессы совершенно не существовало. Даже послѣ рево-

люціи большинство вѣнскихъ литераторовъ было преисполнено „ограниченнаго разума управляемыхъ“. Трусость, ограниченность и нетерпимость по отношенію къ смѣлому, дѣйствительно свободному слову были наиболѣе характерными ихъ свойствами. Напр., они изгнали изъ своего союза доктора Шютте, пріѣхавшаго изъ Рейнской Пруссіи. Литераторы признали его „крамольникомъ“ за то, что онъ выступилъ народнымъ ораторомъ и въ одномъ народномъ собраніи предложилъ обратиться къ правительству съ „петиціей натиска“, чтобы добиться созыва учредительнаго собранія.

Но едва лишь пиллерсдорфскій законопроектъ о печати провалился, какъ разомъ выросла новая пресса, работниками въ которой выступили новые люди. Большинство ея органовъ имѣло революціонный характеръ. Невинные журнальчики для семейнаго чтенія и листки, переполненные сплетнями, превратились въ радикальные политическіе журналы. Появились всевозможные „Gassenzeitung“, Postillon“ „Demokrat“, „Freimüthiger“ и „Konstitution“ („Газета улицы“, „Демократъ“, „Откровенный“, „Конституція“). Редакторъ послѣдней, шляпочникъ по ремеслу, поставилъ свою газету такъ, что ее больше всего читали—и больше всего боялись въ Вѣнѣ. Въ общей сложности, въ Вѣнѣ 1848 года появилось до 200 политическихъ газетъ. Многія изъ нихъ были очень недолговѣчны; многія говорили грубымъ и вульгарнымъ языкомъ, особено тѣ, которыя были вызваны къ жизни безпринципнымъ коммерческимъ, спекулятивнымъ расчетомъ. Органомъ студенчества служилъ радикальный „Studenten-Kourier“ („Студенческій Курьеръ“). Появилось также множество юмористическихъ листковъ: „Satan“, „Schwefel-Aether“, „Narennthurm“, „Katzenmusik“, впослѣдствіи „Charivari“ и др. („Сатана“, „Сѣрный Эѳиръ“, „Башня Глупцовъ“, „Кошачья Музыка“, „Шаривари“). Вліянію демократической прессы противодѣйствовала сильная консервативная и реакціонная пресса. Ея жаргонъ, если только она могла отважиться, былъ несравненно грубѣе, чѣмъ языкъ демократическихъ газетъ.

Такъ пробудилась совершенно новая политическая жизнь, сложились новыя формы политической дѣятельности. Господамъ, переполнявшимъ дворецъ, сдѣлалось жарко.

Во главѣ движенія стояли вѣнскіе студенты, организовавшіеся въ „академическій легіонъ“. Общественныя дѣла въ Вѣнѣ въ это время направлялись центральнымъ комитетомъ національной гвардіи („гражданскаго ополченія“) и студенческимъ комитетомъ. Всѣ, у кого были какія-либо жалобы, обращались съ ними къ этимъ корпораціямъ. Случалось даже, что повздорившіе супруги просили студенческій комитетъ разобрать свое дѣло. Впослѣдствіи побѣдоносная реакція безстыдно клеветала на вѣнскихъ студентовъ,—а въ 1848 году демократія и даже умѣренные либералы превозносили ихъ выше всякой мѣры.

Чрезвычайная сила студенчества вытекала главнымъ образомъ изъ того обстоятельства, что у молодыхъ людей установились наилучшія отношенія съ рабочими предмѣстій. „Почтенные“ буржуа гражданскаго

ополченія не хотѣли и слышать о пролетаріяхъ. Они торопились запирать подъ самымъ носомъ у нихъ городскія ворота и хотѣли бы одни, безъ всякаго вмѣшательства пролетаріевъ, сдѣлать свою „настоящую бюргерскую" революцію. Уже вечеромъ 13-го марта они стрѣляли въ рабочихъ; быстрое согласіе двора на гражданское ополченіе обусловливалось стремленіемъ обострить антагонизмъ между буржуа и пролетаріями. Напротивъ, студенты, воодушевленные энтузіазмомъ молодости, въ тѣ дни всеобщаго братства относились къ рабочимъ съ полною искренностью. Въ результатѣ стоило лишь академическому легіону ударить генералъ-маршъ—и на помощь къ нему тотчасъ же выступали тысячи рабочихъ.

Массы безработныхъ рабочихъ доставляли правительству наибольшія опасенія. Чтобы дать имъ заработокъ, оно принялось за организацію общественныхъ земляныхъ работъ, т.-е. пыталось помочь голодающимъ массамъ такими же средствами, какъ правительства въ Парижѣ и Берлинѣ. Въ то же время подверглись отмѣнѣ октруа (сборы, взимавшіеся съ съѣстныхъ припасовъ при ввозѣ ихъ въ городъ) и вообще налоги, ложившіеся на предметы потребленія и удорожавшіе стоимость необходимѣйшихъ жизненныхъ средствъ.

Предприниматели, подъ впечатлѣніемъ мартовскихъ событій, тоже пошли на уступки. Возможная вещь, что извѣстіе объ установленіи въ Парижѣ десятичасового рабочаго дня не проникло до широкой массы вѣнскихъ рабочихъ: вѣнскія газеты 1848 года вообще давали очень скудный фактическій матеріалъ. Тѣмъ не менѣе предприниматели стали сговорчивѣе: съ одной стороны, они видѣли, какъ возрастаетъ значеніе рабочихъ, а съ другой—не могли не опасаться новыхъ взрывовъ ярости: разрушенія фабрикъ, машинъ и т. д.

Какъ бы то ни было, желѣзнодорожныя общества одно за другимъ ввели въ своихъ мастерскихъ десятичасовой рабочій день,—„изъ признательности къ похвальному поведенію рабочихъ", какъ заявила одна изъ желѣзнодорожныхъ компаній. За желѣзными дорогами скоро послѣдовали многочисленные фабриканты. А если они не обнаруживали достаточной поспѣшности, рабочіе прибѣгали къ мѣрамъ понужденія, обращались съ петиціями къ нимъ или къ правительству. Напр., въ началѣ апрѣля шелко-ткачи обратились къ министерству съ прошеніемъ, требуя, чтобы оно въ законодательномъ порядкѣ принудило фабрикантовъ повысить заработную плату и уничтожить извѣстныя злоупотребленія. Отдѣльные фабриканты дѣйствительно повысили плату на 10 процентовъ, но большинство, повидимому, отказало въ повышеніи. Ситце-печатники выступили съ такими требованіями: ограниченіе числа учениковъ, такъ чтобы на пять взрослыхъ рабочихъ приходился одинъ ученикъ; сокращеніе рабочаго времени до десяти часовъ въ день; установленіе соразмѣрности между работой и заработной платой, притомъ такимъ образомъ, чтобы послѣдняя составляла не менѣе семи флориновъ въ недѣлю; установленіе опредѣленной пропорціи между числомъ машинъ и числомъ рабочихъ (именно такой, чтобы на маши-

нахъ можно было приготовлять лишь столько товаровъ, сколько произведено ручнымъ трудомъ) и т. д.

Въ апрѣлѣ рабочіе нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линій добились дальнѣйшаго пониженія рабочаго времени. Въ срединѣ того же мѣсяца рабочіе Сѣверной желѣзной дороги потребовали, чтобы имъ самимъ было предоставлено выбирать изъ своей среды высшій персоналъ служащихъ, участвовать въ прибыляхъ предпріятія и т. д.

Съ теченіемъ времени требованія рабочихъ постепенно повышались. Но они попрежнему отличались узко-практическимъ, эмпирическимъ характеромъ. Представлять ихъ себѣ, какъ звенья въ процессѣ развитія новаго общества, новаго строя всѣхъ отношеній, — до этого австрійскіе рабочіе еще не доразвились. Въ связи съ этимъ среди ихъ требованій многія были прогрессивными въ экономическомъ смыслѣ, но немало и реакціонныхъ, носившихъ несомнѣнно слѣды цеховыхъ традицій. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что такое явленіе наблюдалось во всѣхъ странахъ на той стадіи развитія, когда цеховое ремесло отступало передъ капиталистическими формами хозяйства.

Ремесленные подмастерья тоже заволновались. На своихъ собраніяхъ они потребовали сокращенія рабочаго времени, повышенія заработной платы, разрѣшенія самоуправляющихся организацій подмастерьевъ и т. д. Цеховымъ мастерамъ пришлось дѣлать то, что въ настоящее время многіе премудрые люди объявляютъ „невозможнымъ“: понижать рабочій день до десяти часовъ и удовлетворять другія требованія подмастерьевъ. Конечно, они уступали только подъ давленіемъ крайней необходимости. Нерѣдко происходили довольно серьезныя стычки. Добившись своего, подмастерья торжествовали побѣду и съ развернутыми знаменами, съ пылающими факелами проходили по городу.

Въ мартѣ заминка въ дѣлахъ, общій промышленный кризисъ достигъ полнаго развитія. Рабочіе цѣлыми тысячами устремились къ общественнымъ работамъ. Приливъ рабочихъ былъ такъ великъ, что правительство въ концѣ-концовъ оказалось въ затруднительномъ положеніи.

Во взглядахъ рабочихъ господствовала величайшая спутанность. Какъ масса, они представляли огромную силу; но они сами хорошенько не знали, чего имъ требовать отъ буржуазнаго общества и отъ новаго государства. Потому они не развили самостоятельной дѣятельности, но просто слѣдовали за студентами, со стороны которыхъ неизмѣнно встрѣчали самую искреннюю готовность оказать имъ всевозможную помощь. „Не бѣда,—говорили они, когда студентамъ угрожала серьезная опасность,— не бѣда, если падетъ одинъ изъ нашихъ, но было бы непоправимой бѣдой, если бы палъ одинъ изъ этихъ честныхъ молодыхъ людей, которымъ мы обязаны свободой“. Въ свою очередь у студентовъ не было недостатка въ искреннихъ симпатіяхъ къ угнетеннымъ, но что касается экономической программы,—въ этой области у нихъ господствовала такая же спутанность представленій, какъ у самихъ пролетаріевъ. При низкомъ уровнѣ экономическаго развитія Австріи иначе оно и быть не могло.

3-го апрѣля императоръ Фердинандъ взялъ въ руки знамя—черно-красно-золотое!—и помахалъ имъ изъ дворцоваго окна. Но конституція, выработанная Пиллерсдорфомъ, одобренная дворомъ и октроированная 26-го апрѣля, вовсе не выглядѣла черно-красно-золотой. Она должна была послужить просто жалкой заплатой, вмѣсто того, чтобы въ корень обновить государственную жизнь. Въ вопіющемъ противорѣчіи съ мартовскими обѣщаніями стояло уже то обстоятельство, что конституцію даровали, не прибѣгая къ предварительному обсужденію ея представителями народа. Не безъ основаній подозрѣвали также, что цѣль у этой конституціи только одна: помѣшать великому дѣлу конституціоннаго устройства Германіи, которымъ должно было заняться франкфуртское собраніе. Еще большее неудовольствіе вызвала аристократическая первая палата, учреждаемая согласно конституціи 26-го апрѣля, а также абсолютное „вето" императора: законопроектъ, принятый обѣими палатами, могъ сдѣлаться закономъ лишь при томъ непремѣнномъ условіи, если императоръ изъявитъ на это согласіе; откажетъ онъ въ согласіи — и вся работа народныхъ представителей будетъ тщетной. Кромѣ того, конституція сохраняла старыя провинціальныя собранія сословій, очевидно съ той цѣлью, чтобы при случаѣ свести къ нулю даже уступки, сдѣланныя 26-го апрѣля. Словомъ, апрѣльская конституція отнюдь не напоминала „великой хартіи вольностей". Она давала лишь то, чего сословія требовали еще до начала мартовскихъ событій: сословный общественный строй, плохо закостюмированный въ парламентское одѣяніе самаго старомоднаго образца. Она ни слова не говорила объ уничтоженіи феодальныхъ повинностей и проходила совершеннымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какая избирательная система будетъ установлена для выборовъ во вторую палату. Рабочіе и ремесленники поняли, что ихъ, вѣроятно, лишатъ избирательнаго права.

Ограниченные буржуа съ восторгомъ привѣтствовали конституцію, какъ новое „завоеваніе". Но демократическая пресса—и за ней стоялъ не только народъ, но и болѣе просвѣщенные буржуа,—начала противъ нея энергическую борьбу. Демократія открывала въ конституціи на каждомъ шагу несомнѣннѣйшія реакціонныя поползновенія: система двухъ камеръ (палатъ), цензъ, абсолютное „вето" монарха — все это было явнымъ ниспроверженіемъ принциповъ свободы и равноправности, провозглашенныхъ революціей. Во главѣ агитаціи встали центральный комитетъ національной гвардіи и академическій легіонъ. Центральный комитетъ—при которомъ состоялъ еще исполнительный совѣтъ, завѣдывавшій всѣми денежными дѣлами, — въ это время сдѣлался руководящей силой въ народномъ движеніи. Если бы рабочіе лучше понимали и умѣли защищать интересы своего класса, они добились бы для себя представительства въ центральномъ комитетѣ.

Возбужденіе вѣнцевъ еще увеличилось, когда министръ-президентъ Фикельмонъ назначилъ военнымъ министромъ генерала Латура, грубаго солдата и аристократа. Вѣнцы стали опасаться государственнаго переворота. Впрочемъ, на отвѣтственныя роли генералъ Латуръ

въ дѣйствительности не годился: въ критическіе моменты рѣшительность, казалось, совершенно покидала его.

Народный гнѣвъ на первыхъ порахъ нашелъ себѣ выходъ въ кошачьихъ концертахъ. Въ Вѣнѣ ихъ вообще довольно часто устраивали передъ окнами реакціонеровъ. Такой способъ дѣйствія какъ нельзя больше соотвѣтствовалъ характеру „благодушныхъ“ вѣнскихъ революціонеровъ. Вечеромъ 2-го мая кошачьимъ концертомъ добились даже низверженія реакціоннаго министра-президента Фикельмона. Его принудили къ отставкѣ, и во главѣ правительства всталъ Пиллерсдорфъ, австрійская разновидность вида „мартовскій министръ“. Предполагалось назначить чеха Палацкаго министромъ народнаго просвѣщенія, но онъ отказался.

Правительство, неувѣренно нащупывая дорогу, рѣшилось, наконецъ, распустить центральный комитетъ студенчества и національной гвардіи. Многіе буржуа, члены національной гвардіи, обѣщали министерству поддержку. 13-го мая графъ Гойосъ, командиръ національной гвардіи, реакціонеръ, издалъ приказъ, въ которомъ онъ заявилъ, что центральный комитетъ по существу несовмѣстимъ съ національной гвардіей. Это означало ни много, ни мало, какъ закрытіе центральнаго комитета. Къ Пиллерсдорфу немедленно поспѣшили депутаціи отъ студентовъ и бюргеровъ, чтобы добиться отмѣны приказа. Пиллерсдорфъ отвѣтилъ потокомъ фразъ, но въ концѣ-концовъ попросту отказалъ. Слѣдовательно, правительство постаралось отдѣлаться отъ центральнаго комитета окольнымъ путемъ.

Студенты самымъ недвусмысленнымъ образомъ дали понять, что они вовсе не склонны спокойно примириться съ распущеніемъ комитета. Правительство опять начало колебаться. Оно не рѣшалось выступить противъ студентовъ, которые, какъ оно знало, стоятъ въ союзѣ съ рабочими.

Вечеромъ 14-го мая ударили генералъ-маршъ, и войска двинулись, чтобы занять Гласисъ и бастіоны. Центральный комитетъ собрался подъ предсѣдательствомъ доктора Гольдмарка. Было постановлено требовать всеобщаго избирательнаго права, а если это требованіе не будетъ удовлетворено, выступить, какъ предложилъ докторъ Шютте, съ „петиціей натиска“ *).

На слѣдующее утро всѣ войска были выведены изъ казармъ. Подъ „петиціей“ натиска собирались подписи. Городъ волновался темными слухами. Кровопролитное столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Звуки барабана собрали академическій легіонъ. Отъ національной гвардіи въ актовый залъ, „аулу“ университета, явились депутаціи, которыя заявили: „мы живемъ и умремъ вмѣстѣ съ вами“. „Добрые граждане“ теперь поняли, что поставленъ вопросъ о „быть“ или „не быть“ мартовскихъ завоеваній. Явилась національная гвардія изъ пред-

*) Въ самый разгаръ новой „свободы“ докторъ Шютте былъ высланъ изъ Вѣны, но ему удалось возвратиться.

мѣстій, пронесся слухъ, что землекопы тоже направились къ центру города. Солдаты заняли городскія ворота. Это лишь еще больше увеличило возбужденіе студентовъ. „Насъ хотятъ отрѣзать отъ нашихъ братьевъ“, говорили они. Въ „аулѣ“ раздались самыя энергичныя рѣчи противъ двора и министровъ. Депутація, съ докторомъ Гольдмаркомъ и докторомъ Гискрой во главѣ, отправилась во дворецъ, чтобы предъявить требованія собравшихся въ актовомъ залѣ *). Они были таковы: отмѣна приказа Гойоса, всеобщее избирательное право, занятіе карауловъ національными гвардейцами совмѣстно съ солдатами, отозваніе войскъ.

Во дворцѣ министры, принцы, придворные, тайные совѣтники и лакеи метались изъ стороны въ сторону, какъ угорѣлые. Депутація такъ и не добилась удовлетворительнаго отвѣта. У толпы народа, которая между тѣмъ собралась на улицахъ, истощилось терпѣніе. Академическій легіонъ выступилъ изъ „аулы“. Къ нему примкнуло до 10.000 рабочихъ, которые по первому звуку барабана оставили мѣста работы и, вооруженные кирками, ломами и топорами, явились къ университету. „Идемъ за вами на жизнь и смерть!“ кричали они студентамъ. За ними послѣдовала большая часть національной гвардіи и необозримая толпа народа. Въ дворцовомъ дворѣ около пушекъ стояли конониры съ зажженными фитилями. Батальонъ гренадеръ и академическій легіонъ, вооруженные, остановились другъ противъ друга. Старыя „солдатскія косточки“ среди офицеровъ съ удовольствіемъ приказали бы палить, но Пиллерсдорфъ не согласился. Онъ превосходно понималъ, что если бы дѣло дошло до борьбы, Габсбурговъ ожидала бы такая же судьба, какъ Людовика XVI 10-го августа 1792 года. Поэтому онъ рѣшилъ, пойдя на уступки, покончить съ кризисомъ, который каждую минуту могъ повести къ кровопролитному столкновенію. Императоръ Фердинандъ, который видѣлъ, какъ вооруженныя толпы окружили дворецъ и который на этотъ разъ былъ опять за „не стрѣлять“ („Nit-Schiessen“), немедленно согласился удовлетворить требованія академическаго легіона. Народъ извѣстили, что на апрѣльскую конституцію слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на проектъ, подлежащій обсужденію и утвержденію рейхстага, и что рейхстагъ будетъ созванъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Остальныя требованія тоже получили удовлетвореніе.

Восторгамъ народа, казалось, не будетъ конца. Наконецъ національная гвардія и академическій легіонъ удалились, а вслѣдъ за ними разсѣялись и толпы народа. Такъ закончилось, не потребовавши ни капли крови, возстаніе 15-го мая. Реакціонеры впослѣдствіи увѣряли, будто оно поднято „поляками и французами“.

Такимъ образомъ конституція господина фонъ-Пиллерсдорфа была ниспровергнута. Тѣмъ не менѣе онъ кое-что спасъ отъ бури 15-го

*) Гискра — впослѣдствіи членъ нѣмецко-либеральной партіи, буржуазный министръ, стяжавшій самую печальную извѣстность.

мая, а именно двустепенные выборы (при посредствѣ выборщиковъ) депутатовъ рейхстага. Демократія слишкомъ поздно открыла обманъ. Докторъ Таузенау, который благодаря своему выдающемуся ораторскому таланту сдѣлался однимъ изъ лидеровъ движенія, постарался хотя позднимъ числомъ добиться отъ Пиллерсдорфа согласія на прямые выборы. Но Пиллерсдорфъ хорошо зналъ, что изъ-за прямыхъ или косвенныхъ выборовъ ему не устроятъ новаго 15-го мая, и потому далъ насмѣшливый отвѣтъ, что онъ не представляетъ себѣ, какъ устраиваются прямые выборы.

Въ Вѣнѣ все совершалось въ одинаковомъ съ Берлиномъ порядкѣ. Министры вразумляли буржуа, что „народъ" не созрѣлъ для прямыхъ выборовъ; буржуа старались втолковать это мелкимъ буржуа, а мелкіе буржуа въ свою очередь всѣми силами распространяли убѣжденіе, что рабочимъ никакъ нельзя предоставить прямые выборы. Такимъ образомъ всѣ отшатнулись отъ прямого избирательнаго права.

Но въ то время, какъ Вѣна была переполнена громомъ восторговъ по случаю легкой побѣды народа, придворная камарилья рѣшила увезти слабаго императора изъ революціонно настроенной Вѣны. Самую выдающуюся роль въ камарильи играли эрцгерцогиня Софія и графъ Бомбеллесъ. Камарилья боялась, что императоръ „Нандль", который не хотѣлъ дать разрѣшенія стрѣлять, можетъ пойти и на дальнѣйшія уступки. Члены камарильи усердно распускали нелѣпые слухи и абсурдную клевету на народъ. Разсказывали, будто право убѣжища императора нарушено, такъ какъ вторгались въ его домъ, будто хотятъ убить его, объявить республику и довести дѣло до всеобщаго краха. Вечеромъ 17-го мая императоръ Фердинандъ бѣжалъ въ Инсбрукъ, къ своимъ вѣрнымъ тирольцамъ, которые по части своего отношенія къ революціи стояли выше всякихъ подозрѣній. „Вѣнская Газета", офиціальный органъ правительства, уже утромъ 18-го мая писала: „Отъѣздъ императора былъ бы равносиленъ бѣгству Людовика XVI; послѣдній день пребыванія здѣсь его императорскаго величества былъ бы въ то же время первымъ днемъ республики! Императоръ не только можетъ оставаться въ Вѣнѣ, — онъ долженъ здѣсь оставаться!"

Въ то же утро вѣнцы узнали о бѣгствѣ императора. Министерство заявило, что императоръ уѣхалъ безъ его вѣдома. Бюргеры пришли въ величайшее смятеніе. Они уже думали, что предстоитъ учрежденіе республики; а домартовскій человѣкъ съ его „ограниченнымъ разумѣніемъ управляемаго" былъ убѣжденъ, что республика неразрывно связана со всѣми ужасами анархіи, „коммунизма" и дѣлежки имуществъ.

Тѣмъ же утромъ два журналиста, Гефнеръ и Тувора, сдѣлали въ предмѣстьи Маріагильфъ попытку провозгласить республику. Но здѣсь оказалось, что въ собственникахъ пробудился ихъ консервативный инстинктъ. Люди „порядка" тотчасъ же арестовали журналистовъ. На мнимыхъ виновниковъ мнимаго несчастія, на студентовъ и рабочихъ, посыпались ожесточенные упреки. Произведено было много арестовъ.

Въ Инсбрукѣ тирольскіе патріоты въ штанахъ до колѣнъ и въ

фуфайкахъ выпрягли лошадей изъ экипажа бѣжавшаго Фердинанда и на себѣ довезли его до дворца. Въ Вѣну скоро пришелъ императорскій манифестъ, въ которомъ говорилось, что партія анархистовъ (!) *) лишила императора свободы дѣйствій, что онъ не намѣренъ отнимать или урѣзывать дары, которые народъ получилъ отъ него, но что впредь слѣдуетъ предъявлять ему дальнѣйшія желанія въ лойяльной формѣ, и т. д., и т. д.

Такія-то заявленія вынудила камарилья у императора, отнявши у него своими воздѣйствіями всякую свободу въ поступкахъ. Впрочемъ, по завершеніи конституціоннаго устройства у императора тоже не оказалось бы „свободы дѣйствій", потому что въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы конституціоннымъ монархомъ. Но вмѣсто скрытыхъ, тайныхъ вліяній, исходящихъ отъ закулисныхъ интригановъ, обдѣлывающихъ свои дѣла и дѣлишки, зачастую переходящія въ уголовныя преступленія, его воля опредѣлялась бы тогда открытыми рѣшеніями большинства народныхъ представителей.

Отъѣздъ императора произвелъ свое дѣйствіе на мѣщанство. „Городъ императора" — и вдругъ безъ императора, да это было свыше пониманія этого класса людей. Другіе подняли вопль потому, что, казалось имъ, ихъ дѣла пострадаютъ благодаря отъѣзду высочайшихъ особъ. 18-го мая биржа совсѣмъ не открывалась. Курсы бумагъ, даже очень солидныхъ, и безъ того невысокіе, слетѣли еще ниже. Публика ломилась въ банки, требуя возвращенія вкладовъ. Положеніе государственнаго банка сдѣлалось настолько критическимъ, что „Дунайская Газета", органъ министерства, рекомендовала ему пріостановить платежи.

Настроеніе вѣнцевъ упало. Реакціонеры искусно подводили новыя контръ-мины. Дѣло довершали газеты, купленныя дворомъ. Онѣ хоромъ кричали: „Долой майскія завоеванія! Долой демократію! Долой однопалатную систему!" Обстоятельства заставили реакціонеровъ согласиться, скрѣпя сердце, на всеобщее избирательное право; введя косвенные, двустепенные выборы, господа собственники создали нѣкоторую предохранительную мѣру противъ пролетаріата. Но на душѣ у нихъ всетаки было неспокойно, и вотъ они открыто потребовали двухпалатной системы, т.-е. созданія верхней палаты, въ которой должны засѣдать, конечно, только крупнѣйшіе собственники, т.-е. самая надежная опора „порядка", или же лица просто по назначенію правительства. Тогда можно будетъ смѣло глядѣть на будущее: какія бы „опасныя" постановленія ни приняла нижняя палата, избранная всеобщимъ голосованіемъ, верхняя палата отвергнетъ ихъ и спасетъ порядокъ и собственность, такъ что не потребуется даже „вето" императора.

Подкупленныя газеты выступили и противъ „петиціи натиска". Одна изъ нихъ съ серьезнымъ видомъ увѣряла читателей, что „петиція натиска" означаетъ просто-напросто слѣдующее: въ какой-нибудь де-

*) Современный либерализмъ совершенно забылъ, что въ свое время и его обвиняли въ анархистскихъ стремленіяхъ; теперь онъ съ легкимъ сердцемъ посылаетъ эти упреки другимъ.

ревнѣ собирается нѣсколько сотъ человѣкъ, отбираютъ у властей общинную кассу и деньги дѣлятъ между собой.

И результаты получились почти невѣроятные. Центральный комитетъ, за который только что выступила почти цѣлая Вѣна, теперь самъ прекратилъ свое существованіе. Онъ разсчитывалъ, что это произведетъ примирительное дѣйствіе. Реакціонеры немедленно воспользовались такой наивностью и рѣшили добиться разоруженія и распущенія академическаго легіона.

Правительство и городскія власти сообща учредили по образцу англійскихъ констэблей такъ называемую „стражу безопасности“, въ которую вошли „мирные люди“. „Стражи“ запрещали останавливаться на улицахъ болѣе чѣмъ пяти человѣкамъ на одномъ мѣстѣ; они во многихъ случаяхъ совсѣмъ не церемонились съ только что завоеванными „свободами“. Буржуа, члены національной гвардіи, обратились къ правительству съ ободряющими завѣреніями. „Отецъ Коллоредо“, командиръ академическаго легіона, съ благороднымъ безстыдствомъ заявилъ, что ношеніе шляпы легіона безчеститъ. Въ ночь съ 25 на 26 мая министръ-президентъ Монтекуколи отдалъ приказъ, чтобы легіонъ сложилъ оружіе и разошелся.

Реакціонеры были увѣрены въ своемъ торжествѣ. Министры, аристократы и буржуа—всѣ они соглашались, что необходимо устранить „диктатуру студентовъ“ и положить конецъ „возрастающему одичанію рабочихъ“. Эти господа убѣждали себя, что за ними стоитъ „цѣлая Вѣна“. Но имъ пришлось увидѣть нѣчто другое.

Утромъ 26-го мая студенты собрались въ университетѣ; сначала большинство явилось безъ оружія, просто для обсужденія вопроса, что теперь дѣлать. Правительство начало выводить войска на улицы. Констэбли-„примирители“ со своими бѣлыми палками разгоняли скопища народа. Въ то же время густыми рядами появились войска. Пѣхота заняла площади, кавалерія остановилась на гласисѣ, готовая выступить. Солдаты появились и на площади передъ университетомъ. Тогда къ университету прибылъ правительственный президентъ Монтекуколи, сопровождаемый извѣстными профессорами Гіэ и Эндлихеромъ и „отцомъ Коллоредо“. Этотъ четырехлистный трилистникъ потребовалъ отъ студентовъ, чтобы они разошлись. Но въ лицо имъ прогремѣлъ негодующій крикъ: „измѣнники!“ Они поспѣшно ретировались.

Часть судентовъ бросилась къ себѣ на квартиры, чтобы взять свое оружіе. Другіе отправились въ предмѣстья, чтобы призвать къ борьбѣ рабочихъ, своихъ союзниковъ. Ихъ пламенныя слова повсюду вызвали взрывъ энтузіазма. Рабочіе толпами покинули мастерскія и поспѣшили въ городъ. Національная гвардія предмѣстій заставила барабанщиковъ дать сигналъ тревоги и, наперекоръ волѣ своихъ реакціонеровъ-офицеровъ, выступила на помощь студентамъ. Нѣкоторыя городскія ворота оставались незакрытыми, другія толпа заставила открыть силой. Литераторъ докторъ Франкъ призывалъ студентовъ не отступать передъ борьбой за свободу; онъ же распорядился раздать рабочимъ тысячи

наскоро отпечатанныхъ листковъ съ надписью: „Мы требуемъ, чтобы академическій легіонъ не распускали!“ Рабочіе прикрѣпляли листки къ своимъ шляпамъ *).

Среди національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ, сплошными толпами направлявшихся изъ предмѣстій въ центральныя части города, вдругъ раздались крики: „на баррикады!“ И баррикады съ волшебной быстротой выросли изъ земли. Черезъ нѣсколько часовъ ихъ насчитывалось уже до ста шестидесяти. Рабочіе, снаряженные ломами, кирками и другими такими же простыми орудіями, подъ руководствомъ студентовъ возводили укрѣпленія. Войска плотной массой занимали площади. Національная гвардія, казалось, начала колебаться. Аристократы и буржуа съ изумленіемъ и страхомъ глядѣли изъ оконъ на тысячи пролетаріевъ, — „этихъ людей, загорѣлыхъ, мускулистыхъ, обросшихъ волосами и бородатыхъ, производящихъ нѣсколько отталкивающее впечатлѣніе“. Чиновники и духовенство дѣлали попытки уговорить пролетаріевъ бороться противъ студентовъ, обѣщали имъ за то крупныя суммы денегъ. Конституціонная „Дунайская Газета“— органъ далеко не изъ радикальныхъ—впослѣдствіи разсказывала, что одинъ священникъ въ Гауденцдорфѣ предлагалъ рабочимъ 30.000 флориновъ, если они выступятъ противъ студентовъ. Но дѣло окончилось только непріятностями для самого же священника. Одинъ членъ магистрата предлагалъ рабочимъ на томъ же условіи 25.000 флориновъ, но рабочіе схватили его и съ криками: „повѣсить его!“ притащили къ университету. Священникъ, по имени Визингеръ, пытался подкупить рабочихъ, предлагая имъ 27.000 флориновъ, и тоже безрезультатно.

И вотъ люди, которые до сихъ поръ съ величайшимъ презрѣніемъ говорили „объ этомъ сбродѣ“, теперь прониклись къ нему почтительнымъ страхомъ. Обитатели центральныхъ частей города слишкомъ долго игнорировали пауперизмъ, массовую бѣдность, свившую себѣ гнѣздо передъ городскими воротами. Теперь она въ лицѣ тысячъ своихъ представителей разлилась по улицамъ „императорскаго города“. Буржуа, аристократы и бюрократы Вѣны въ этотъ день воочію увидали лохмотья, которые господствующая угнетательская система только и оставляла народу для прикрытія его наготы. Но фарисеи всегда остаются фарисеями. Такъ и тутъ величайшее зло они видѣли вовсе не въ томъ, что эта масса трудолюбивыхъ рабочихъ не можетъ прокормиться и одѣться на свои заработки. Буржуа и аристократы разомъ прониклись негодованіемъ на министерство за то, что оно своими мѣрами привлекло въ городъ „этихъ“ людей. Они быстро запамятовали, что какъ разъ они сами—буржуа и аристократы—побудили министерство сдѣлать свои распоряженія.

*) Это напоминаетъ, какъ рабочіе парижскихъ предмѣстій при своемъ нападеніи на конвентъ (1-го преріаля 1795 года) прикрѣпили къ своимъ шляпамъ билетики съ надписью: „Хлѣбъ и конституція 1793 года!“

Рабочіе своимъ поведеніемъ какъ бы хотѣли пристыдить трясущихся буржуа. „Собственность священна!“ написали они на дверяхъ барскихъ домовъ. Люди, которые, можетъ быть, цѣлыми недѣлями не отвѣдывали теплой пищи, тѣмъ не менѣе не тронули ни одной вещицы изъ сокровищъ богачей, хотя все было теперь въ ихъ власти. Это явленіе повторялось во множествѣ революцій, и однако биржевые вампиры и всевозможные угнетатели съ неизмѣннымъ безстыдствомъ говорятъ о рабочихъ, какъ о „черни, отъ которой только и можно ждать, что грабежей“.

Подавляющее большинство населенія не скрывало, что его симпатіи на сторонѣ студентовъ. Къ „аулѣ“ явился даже отрядъ вооруженныхъ женщинъ. Какъ-никакъ, а вѣнцы почувствовали, что распущеніе академическаго легіона послужило бы сигналомъ къ открытой реакціи.

Правительство, пораженное неожиданнымъ сопротивленіемъ, не рѣшалось открыть нападенія. Оно уступило. Войска были выведены изъ города, и караулы заняла національная гвардія. Правительство согласилось отмѣнить приказъ о распущеніи академическаго легіона. Побѣда народа, одержанная главнымъ образомъ благодаря энергичной поддержкѣ рабочихъ изъ предмѣстій, была полной и безусловной.

Между тѣмъ распространился слухъ, что ночью предстоитъ нападеніе войскъ. Рабочіе и студенты всю ночь оставались за баррикадами, на которыхъ развели сторожевые огни. Но прошла ночь, а нападенія не воспослѣдовало. Вожди движенія еще вечеромъ постарались использовать одержанную побѣду. Однако докторъ Таузенау и его товарищи даже послѣ только что пережитаго кризиса не пришли къ политическому прозрѣнію. Они не потребовали отставки министерства, хотя характеръ его съ достаточной ясностью выразился въ попыткѣ произвести насильственный переворотъ. Они потребовали только учрежденія особаго комитета, составленнаго изъ студентовъ и гражданъ. Замѣчательно, что онъ получилъ названіе „комитета безопасности“, какъ будто предполагалось создать въ немъ новую полицейскую власть. Комитетъ долженъ былъ взять въ свои руки завѣдываніе общественными дѣлами Вѣны и наблюдать за тѣмъ, чтобы новыя права австрійскаго народа не подвергались нарушенію. Національная гвардія должна была получить 36 пушекъ. Гойосъ, Коллоредо, Монтекуколи и профессоръ Гіэ оставлены были комитетомъ безопасности въ качествѣ заложниковъ *). Изображенія графа Бомбеллеса и Монтекуколи народъ предалъ казни черезъ повѣшеніе.

Вечеромъ, благодаря стараніямъ Таузенау, организовался новый комитетъ изъ студентовъ и гражданъ. Представители рабочихъ въ него не вошли. Они были настолько неопытны, что не потребовали для себя представительства; ихъ требованіямъ въ данный моментъ не рѣшились

*) Монтекуколи и Коллоредо бѣжали; Гойоса и Гіэ задержали, но скоро опять выпустили на свободу. Эндлихеръ, товарищъ профессора Гіэ, тоже получившій незаслуженную извѣстность, бѣжалъ и въ непродолжительномъ времени умеръ.

бы отказать. Фишгофъ былъ избранъ предсѣдателемъ комитета. Но въ то время, какъ бюргеры предавались безграничнымъ восторгамъ, рабочіе не удовлетворились достигнутыми результатами. Они не оставляли баррикадъ. Они потребовали освобожденія журналистовъ Гефнера и Туворы, арестованныхъ 18-го мая за попытку провозгласить республику *). Министерство тотчасъ распорядилось отпустить ихъ на свободу, хотя обоихъ журналистовъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, могъ помиловать собственно только императоръ. Но рабочіе и послѣ того не очистили баррикадъ. Страхъ мѣщанства увеличивался съ каждой минутой. Комитетъ безопасности только хитростью удалилъ рабочихъ въ предмѣстья. Ихъ пригласили устроить торжественную процессію, и они довѣрчиво поддались на удочку. Съ развернутыми знаменами рабочіе двинулись по улицамъ; окольными путями ихъ направили въ предмѣстья; они примирились съ этимъ. Тогда баррикады были поспѣшно убраны, и такимъ образомъ устранились эти ненавистныя для буржуазіи „помѣхи уличному движенію".

Темный „инстинктъ массъ" побуждалъ рабочихъ надлежащимъ образомъ использовать одержанную побѣду. Но они сами, несомнѣнно, не знали, какъ же ее использовать. Иначе они потребовали бы для себя представительства въ комитетѣ. Демократы въ свою очередь тоже не знали, какъ имъ примѣнить свою власть, завоеванную при посредствѣ рабочихъ и въ извѣстномъ смыслѣ свалившуюся къ нимъ какъ бы съ неба. Ничего не зналъ и докторъ Таузенау. Его современники-почитатели говорили о немъ, что у него одного ясное представленіе о движеніи въ цѣломъ; но это было слишкомъ большимъ преувеличеніемъ. Политической дальнозоркости у него было не больше, чѣмъ у его товарищей: доктора Гольдмарка, доктора Фишгофа или у патера Фюстера, полкового священника при академическомъ легіонѣ. Всѣ они трое пользовались тогда большой популярностью и были избраны депутатами въ австрійскій рейхстагъ. Таузенау превосходилъ ихъ всѣхъ своимъ ораторскимъ талантомъ. Его образныя, свидѣтельствующія о пламенной фантазіи рѣчи, хотя далеко не художественныя съ стилистической стороны, неудержимо увлекали за нимъ народныя собранія.

Въ майской революціи вѣнское движеніе 1848 года безспорно достигло своего зенита. Віоланъ, переживиій эти событія, справедливо утверждаетъ: „Въ Вѣнѣ фактически установилась республика, но, къ несчастью, никто не видалъ этого; если бы кто-нибудь понялъ это и убѣдилъ комитетъ безопасности, будущее Австріи, несомнѣнно, отлилось бы въ другія формы". Императоръ оставилъ свою резиденцію при такихъ условіяхъ, которыя дѣлали его отъѣздъ равносильнымъ побѣгу.

*) Впрочемъ, и Гефнеръ и Тувора впослѣдствіи оказались мало достойными народныхъ симпатій: ихъ позднѣйшее поведеніе не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ на этотъ счетъ. Тувора въ концѣ-концовъ пользовался попеченіями правительства. Гефнеръ выдвинулся въ 1848 году главнымъ образомъ потому, что въ издаваемыхъ имъ газетахъ одинъ изъ первыхъ вскрылъ дѣйствительное положеніе вѣнскаго пролетаріата.

Министерство, которому не довѣряли ни дворъ, ни народъ, лишилось всякаго вліянія и, казалось, доживало свои послѣдніе дни. Учредительное собраніе не было не только созвано, но и избрано. Войско, и безъ того сравнительно ничтожное, такъ какъ главныя силы направились на театръ итальянской войны, было вынуждено удалиться изъ Вѣны. И надъ всѣми развалинами стараго строя возвышался комитетъ безопасности, снабженный безграничными полномочіями. Вся политическая власть сосредоточивалась теперь въ его рукахъ; онъ могъ выступить въ качествѣ новаго правительства, революціоннаго трибунала. Ему для этого стоило только взять въ свои руки бразды правленія.

Но онъ не взялъ ихъ и далъ трепещущему министерству Пиллерсдорфа время оправиться. Вся Европа съ изумленіемъ взирала на Вѣну, населеніе которой проявило такую мощь, такую силу. Если бы вѣнцы учредили новое, демократическое, правительство, ни для кого это не было бы чѣмъ-то неожиданнымъ, чѣмъ-то необъяснимымъ. За комитетомъ стояла вся вооружившаяся Вѣна, а за Вѣной—почти цѣлая Австрія. Въ распоряженіи у министерства было ничтожное количество войскъ,—главныя силы боролись съ возстаніемъ въ Богеміи и въ Италіи. Будущее Австріи зависѣло отъ исхода борьбы въ этихъ странахъ *). Но комитетъ, повидимому, совсѣмъ не понималъ создавшагося положенія,—иначе онъ не потерпѣлъ бы, чтобы въ Вѣнѣ оставалось правительство, которое дѣлало все возможное, чтобы повсемѣстно пода-

*) Въ это время реакціонеры всѣ свои надежды возлагали на побѣду фельдмаршала Радецкаго, которая позволила бы направить войска противъ вѣнской демократіи. Поэтому „черно-желтый“ и желчный пессимистъ Грильпарцеръ обращался къ старому Радецкому съ такими стихами:

„Glückauf, mein Feldherr, führe den Streich,
Doch nicht um des Ruhmes Schimmer,
In Deinem Lager ist Oesterreich.
Wir Andern sind einzelne Trümmer“.

(„Богъ на помочь, мой полководецъ! Наноси свой ударъ, но не ради мерцанія славы: вся Австрія — въ твоемъ лагерѣ; мы же, остальные, просто отдѣльные обломки“).

Грильпарцеръ заслуженно подвергся за это грубымъ насмѣшкамъ. Вообще же буржуазія и ея литературная челядь томились по штыкамъ Радецкаго, какъ олень по свѣжей водѣ. Елизавета Глюккъ, она же Бетти Паоли, представительница „поэзіи гувернантокъ“, восклицаетъ по адресу старика Радецкаго:

„Ich kann es kaum ermessen,
Dass ich in wachem Traum
Die Lippen möchte pressen,
Auf Deines Mantels Saum!“.

(„Съ трудомъ могу повѣрить, чтобъ сонъ такой свершился наяву, — чтобъ я могла припасть губами къ подолу твоей мантіи“).

Къ несчастью, неизвѣстно, испытала ли въ дѣйствительности 33-лѣтняя дѣвица такое высокое наслажденіе.

вить борьбу и потомъ, собравшись съ силами, направить ихъ противъ самой Вѣны.

Въ Вѣнѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, всѣ упованія возлагали на парламентъ. Предстояло собраніе трехъ важныхъ парламентовъ: въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и во Франкфуртѣ на Майнѣ. Они должны были обновить разодранное одѣяніе германскаго единства. Но всѣ три собранія не сумѣли достать новаго матеріала на это одѣяніе,—они просто наложили заплатки изъ старыхъ лоскутьевъ,

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Франкфуртскій парламентъ.

18-го мая 1848 года во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ церкви св. Павла, собрался первый парламентъ Германіи. Правительства организовали выборы на территоріи Союза согласно предписаніямъ предварительнаго парламента; выборы прошли въ общемъ безъ всякихъ помѣхъ. Народное движеніе было еще такъ сильно, что никакое правительство не могло бы противодѣйствовать ему, хотя бы оно, какъ это было въ Австріи, съ самаго начала рѣшило всѣми силами противодѣйствовать постановленіямъ парламента. Правительства Германскаго Союза выплачивали даже діэты, т.-е. денежное вознагражденіе депутатамъ парламента.

Комиссія пятидесяти убила свое драгоцѣнное время на самыя безполезныя упражненія въ краснорѣчіи; она вела съ союзнымъ сеймомъ словопренія о предѣлахъ своей компетенціи и обмѣнивалась съ нимъ забавными нотами. Но все это не охладило великихъ надеждъ, которыя конституціонно-либеральные филистеры связывали съ парламентомъ. Въ этихъ кругахъ парламенту приписывали волшебную силу, способность распутать огромный клубокъ, называемый германскимъ вопросомъ, и водворить прочный порядокъ на мѣсто хаоса, возникшаго изъ мартовскихъ дней. Послѣ пораженія республиканцевъ свобода, какъ цѣль движенія, для конституціонно-настроеннаго бюргерства незамѣтно подмѣнилась единствомъ. По мнѣнію этого бюргерства, исключительная задача парламента состояла въ томъ, чтобы поставить подъ одно начало германское движеніе, разбившееся на дюжину отдѣльныхъ ручейковъ,—отдѣльныхъ большихъ и крошечныхъ революцій. Съ тѣхъ поръ, какъ передъ конституціоналистами выступило страшное привидѣніе „анархіи“, они уже не хотѣли и слышать о „свободѣ“. „Единство“ Германіи, съ сильнымъ правительствомъ во главѣ, должно было доставить имъ прежде всего защиту отъ городскихъ массъ, со стороны которыхъ, какъ рисовала ихъ напуганная фантазія, слѣдуетъ ожидать всего дурного. Они ждали дальше, что правительство единой Германіи возстановитъ „порядокъ“, чтобы поднять упавшіе курсы бумагъ. Они хотѣли спокойно потреблять свои ренты, завѣдывать своими дѣлами и

накоплять капиталы. Въ мартѣ всѣ они были достаточно дикими. Теперь самую вѣрную поруку за спокойствіе и порядокъ они видѣли въ войскѣ, которое филистеры порядка натравливали на демократовъ. Сами демократы, безъ всякой нужды обрушиваясь на войско съ ругательствами и насмѣшками, значительно облегчали дѣло реакціонеровъ. Гражданское ополченіе во многихъ мѣстахъ обратилось въ полицію порядка во благо мѣщанства и напуганныхъ филистеровъ; оно исполняло эту должность съ жестокостью скрягъ, дрожащихъ за свои накопленныя сокровища. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ, гдѣ гражданское ополченіе было демократично настроено, происходили кровавыя столкновенія между войскомъ и гражданскимъ ополченіемъ. Стычки между народомъ и войскомъ произошли въ Штутгартѣ, гдѣ принцъ Вильгельмъ оказался въ очень опасномъ положеніи, и въ Касселѣ; то же самое въ Маннгеймѣ и Дармштадтѣ; въ Трирѣ имѣла мѣсто жестокая схватка между демократически настроенной милиціей и войскомъ. Въ Майнцѣ разразилась по поводу вызывающей статьи въ „Майнцской Газетѣ“ кровавая уличная борьба между прусскими солдатами и гражданскими ополченцами; 4 пруссака при этомъ было убито и 25 ранено, со стороны майнцскихъ гражданъ 1 убитый и 5 раненыхъ. Въ Фридбергѣ и особенно въ Ульмѣ войско дошло до того, что учиняло насилія надъ демократами, при чемъ было много раненыхъ и даже убитыхъ.

Это была соціальная реакція, обусловленная эгоизмомъ и трусливостью класса собственниковъ; она расчистила дорогу для политической реакціи. Въ то время, какъ по Германіи отъ одного конца до другого раздавались пѣсни свободы, надъ массами городского населенія — совсѣмъ какъ въ домартовскую эпоху—тяготѣли полицейскія мѣропріятія, и всѣ его движенія жестоко подавлялись, во имя порядка, вооруженными добрыми гражданами *).

Много было споровъ о томъ, подходящее ли мѣсто для парламента Франкфуртъ на Майнѣ. Утверждали, что Вѣна была бы удобнѣй. Это, пожалуй, само по себѣ справедливо. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что парламентъ, работая подъ воздѣйствіями большого города, благодаря своему составу пришелъ бы къ такимъ же результатамъ, какъ и во Франкфуртѣ, который Арнольдъ Руге въ 1848 году насмѣшливо называлъ деревней. Въ общемъ роль центра въ объединительномъ движеніи опредѣлялась для Франкфурта преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что бури мартовскихъ дней прежде всего разразились въ южной Германіи. 5-го марта, когда либеральная буржуазія,

*) Въ то время, когда еще не окончилась „весна народовъ“, въ одной швабской деревнѣ близъ Штутгарта накрыли за упражненіями въ „фехтованіи“ бѣднаго парня-ремесленника. Полицейскій служитель тотчасъ же засадилъ парня, при чемъ разорвалъ штаны арестованному. Парень вывѣсилъ на рѣшетку окна свои сильно пострадавшіе штаны и неумолчно взывалъ: „Здѣсь показываютъ свободу Германіи!“ Понятно, полицейскій служитель заставилъ этого соціальнаго философа замолчать; но такая удачная иллюстрація „нѣмецкой свободы“ не прошла незамѣченной и вызвала много разговоровъ и въ Вюртембергѣ и дальше.

собравшись въ Гейдельбергѣ, овладѣла движеніемъ, Пруссія и Австрія оставались еще незатронутыми революціей. Поэтому предварительный парламентъ собрался во Франкфуртѣ, и этимъ обусловливалось дальнѣйшее.

Когда во Франкфуртѣ открылся парламентъ, конституціонное бюргерство пришло въ упоеніе. Даже среди демократовъ нѣкоторые питали надежду, что парламентъ захватитъ власть въ свои руки, какъ нѣкогда сдѣлалъ англійскій Долгій Парламентъ или французскій Національный Конвентъ.

Парламентъ, состоявшій приблизительно изъ 600 членовъ, представлялъ изумительную смѣсь ретроградныхъ элементовъ и прогрессивныхъ. Тамъ сидѣли привидѣнія, явившіяся изъ XVIII вѣка, — осмотрительные субъекты съ бѣлыми головами и сѣрыми воззрѣніями,— и рядомъ съ ними юные представители только что пережитыхъ бури и натиска. Жертвы домартовскаго деспотизма перемѣшивались съ представителями домартовскаго порядка. Юнкеры и священники, буржуа и крестьяне, литераторы и военные, юристы и богословы, профессора и ремесленники, консерваторы и республиканцы, демократы и конституціоналисты, „поумнѣвшіе" и „половинчатые", трусливые и рѣшительные — все это перемѣшивалось въ пеструю смѣсь. Одинъ бѣглый взглядъ на это собраніе долженъ былъ привести къ убѣжденію, что въ немъ доминировали конституціоналисты, тѣ близорукіе филистеры, которые, вопреки всѣмъ тягостнымъ опытамъ, все еще придерживались — да и теперь придерживаются — предразсудка, будто здоровую государственную и общественную жизнь можно построить на бумажныхъ конституціяхъ, не отыскивая для нея опоры въ реально существующихъ отношеніяхъ. Аристократически-реакціонная партія до поры до времени примкнула къ конституціоналистамъ, выжидая момента, когда можно будетъ развернуться во всю. Конституціоналисты въ свою очередь съ большимъ рвеніемъ выполняли предварительныя работы для позднѣйшей реакціи; они подготовили демократіи полное пораженіе на парламентской аренѣ и послѣ того сами лицомъ къ лицу встрѣтились съ усилившейся и реорганизованной реакціей, которая раздѣлалась съ ними съ домартовской безцеремонностью.

Не всякій могъ бы сначала замѣтить, что событія развиваются именно въ такомъ направленіи. Собраніе парламента еще разъ вызвало взрывъ ликованій, какъ въ полные возбужденія мартовскіе дни. Оно и понятно: до сихъ поръ никто не видалъ такого собранія въ Германіи; съ другой стороны, въ его средѣ были члены, имена которыхъ нѣмецъ привыкъ произносить съ благоговѣніемъ или съ почтительностью. Иначе думали люди дѣла, республиканцы, бѣжавшіе за границу. Они достаточно знали фанатическое отношеніе „добраго бюргерства" къ порядку и потому съ полной основательностью предполагали, что собраніе, даже допуская въ немъ самыя благія намѣренія, своими рѣчами и бумажными постановленіями не въ состояніи разрѣшить того, что было самымъ насущнымъ вопросомъ момента, не сумѣетъ выдвинуть,

въ противовѣсъ реакціоннымъ силамъ, суверенную, верховную власть народа *).

Но что такое представлялъ собою народъ?

Это была масса, жившая и раздиравшаяся тысячами различныхъ и противоположныхъ интересовъ. Съ того времени, какъ крестьяне получили удовлетвореніе, собственно революціонные элементы оказались слишкомъ слабыми для того, чтобы вдохнуть въ движеніе энергію и дать ему направленіе. По своей многочисленности, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ и нѣкоторыхъ болѣе развитыхъ промышленныхъ центрахъ, за крестьянами слѣдовалъ мѣщанскій классъ, который въ движеніи игралъ роль свинцоваго груза, привязаннаго къ ногамъ.

Скоро произошло раздѣленіе на партіи.

Правая выдавала себя за аристократически-конституціонную партію, но для большинства ея членовъ это была только маска. Всѣми силами скрывали они, что они—абсолютисты чистой воды, и дѣлали все, чтобы, пользуясь услугами конституціоналистовъ, привести къ краху ненавистную демократію, а потомъ раздѣлаться съ не менѣе ненавистными конституціоналистами. Здѣсь занималъ свое мѣсто генералъ фонъ-Радовицъ, ловкій интриганъ, который одновременно считался фаворитомъ при прусскомъ дворѣ и другомъ іезуитовъ; въ темныхъ проискахъ ему помогали два „брата во Христѣ“, Кеттелеръ, позднѣе майнцскій епископъ, и Деллингеръ **). На правой же сторонѣ сидѣлъ и фонъ-Винке; его главной цѣлью было растворить Германію въ Пруссіи. Онъ былъ краснобаемъ правой, между тѣмъ какъ князь Лихновскій, авантюристъ, бывшій на службѣ у испанскихъ карлистовъ, пріобрѣлъ извѣстность дерзкими и надменными выходками противъ демократіи. Къ правой же примкнули остроумный Детмольдъ изъ Ганновера и Флоттвель изъ Мюнстера.

Центръ объединялъ въ себѣ только конституціоналистовъ; онъ раздѣлялся на правый и лѣвый центръ.

Правый центръ, конституціонно - аристократически - либеральная фракція, составился изъ либеральныхъ патріотовъ прошлыхъ десятилѣтій; они отчасти пострадали отъ травли, поднятой на демагоговъ, и все же не въ состояніи были уразумѣть, что въ періодъ съ 1817 по 1848 годъ многое стало другимъ. Если имъ даже и не удалось самимъ сдѣлаться „государственными людьми“, получить мѣсто въ правительствѣ, то во всякомъ случаѣ ихъ смиренное довѣріе по отношенію къ верху могло итти въ сравненіе только съ ихъ страхомъ передъ „анар-

*) Меглингъ высказываетъ такія сужденія объ этомъ предметѣ: „Мы никогда не возлагали особенныхъ упованій на парламентъ во Франкфуртѣ и съ сожалѣніемъ относились къ немногимъ друзьямъ и товарищамъ по убѣжденіямъ, которые засѣдали въ немъ; посланные народомъ на постъ, на которомъ мало можно снискать чести, мало можно сдѣлать полезнаго, но приходилось безконечно много претерпѣть отвратительнаго, они вынуждены были оставаться на этомъ посту, пока ихъ не отзовутъ или не прогонятъ силой“.

**) Вуттке изъ Лейпцига, членъ франкфуртскаго парламента, утверждалъ, будто во всемъ парламентѣ никто не умѣлъ говорить такъ увлекательно, сильно и убѣдительно, какъ фонъ-Радовицъ. Конечно, можно сомнѣваться, насколько справедливъ этотъ отзывъ

хіей" снизу. Здѣсь можно было видѣть Эрнста-Морица Арндта и „отца гимнастики" Яна, все еще считавшихъ современнымъ французоѣдство, съ которымъ они свыклись въ эпоху войны за освобожденіе князей *). Сильверстъ Іорданъ и Эйзенманъ въ домартовскихъ тюрьмахъ пріобрѣли лойяльность по отношенію къ тѣмъ властямъ, которыя ихъ заточили. Къ этой же партіи принадлежали Миттермайеръ и „фигуровидецъ"**) Бассерманъ, съ которымъ у перваго изъ-за ареста Фиклера произошло такое жестокое столкновеніе; дальше Симсонъ, впослѣдствіи президентъ нѣмецкаго рейхстага и имперскаго суда; Дальманъ изъ Бонна, историкъ; Робертъ Моль изъ Гейдельберга, профессоръ государственнаго права; трусливый Риссеръ изъ Гамбурга, болтливый Велькеръ, толстый Суаронъ изъ Маннгейма и наконецъ человѣкъ съ всклокоченными бровями, Генрихъ фонъ-Гагернъ. Особая свита, которую Гагернъ собралъ около себя, позднѣе была почтена со стороны демократовъ кличкой „гагернской роты".

Въ лѣвомъ центрѣ сидѣли: Венедей изъ Кельна, который вмѣстѣ съ Морицемъ Молемъ изъ Штутгарта развилъ благородный спортъ,— кто изъ нихъ успѣшнѣе сумѣетъ убить время парламента безсодержательной, невыносимой болтовней; Людвигъ Уландъ изъ Тюбингена, который говорилъ мало, но доказалъ свою твердость и постоянство; Фалльмерайеръ, извѣстный путешественникъ и историкъ востока; Раво изъ Кельна, очень краснорѣчивый и ловкій, но колеблющійся при колебаніяхъ въ окружающемъ; Эйзенштукъ изъ Хемница, промышленникъ, и Симсонъ изъ Бреславля, человѣкъ устойчивыхъ юридическихъ принциповъ. При своихъ демократическихъ тенденціяхъ конституціонный лѣвый центръ во всѣхъ голосованіяхъ колебался между демократіей и конституціоннымъ либерализмомъ то въ одну, то въ другую сторону; но когда легонькія облака его иллюзій были развѣяны порывомъ реакціи, онъ въ большинствѣ случаевъ голосовалъ съ лѣвой.

Вождемъ собственно лѣвой былъ Робертъ Блюмъ изъ Лейпцига, которому предстояла трагическая судьба. Среди этой партіи особенно выдѣлялись Карлъ Фогтъ изъ Гиссена, который нерѣдко говорилъ остроумно, но, къ несчастью, слишкомъ ужъ много; Брентано изъ Бадена, впослѣдствіи „могильщикъ" баденскаго возстанія; Циммерманъ, бургомистръ въ Шпандау, и Циммерманъ изъ Штутгарта, извѣстный

*) Архаичность нѣкоторыхъ теченій въ домартовскомъ общественномъ движеніи ярко, хотя, быть можетъ, мѣстами слишкомъ ѣдко, обрисована Гейне въ его „Признаніяхъ" и статьяхъ о Людвигѣ Бёрне. Движенія первой четверти XIX вѣка, въ которыхъ принимали участіе Арндтъ и Янъ, довольно подробно описаны у Карѣева, въ IV т. „Исторіи Западной Европы въ Новое время".

**) Въ ноябрѣ, въ разгарѣ реакціи въ Берлинѣ (см. гл. XXII), Бассерманъ прибылъ туда въ качествѣ комиссара отъ „центральнаго правительства", чтобы примирить враждебныя стороны. Возвратившись во Франкфуртъ, Бассерманъ доложилъ парламенту, что крутыя мѣры прусскаго правительства нельзя признать безосновательными: въ послѣднее время на берлинскихъ улицахъ можно было видѣть множество бродяжничающихъ „фигуръ" опаснаго вида, которыя всегда предшествуютъ анархическимъ движеніямъ".— Съ той поры Бассерманъ получилъ кличку „фигуровидецъ".

историкъ крестьянской войны *); Везендонкъ изъ Дюссельдорфа, Шюлеръ изъ Іены и Морицъ Гартманъ изъ Лейтмерица, извѣстный поэтъ. Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что эта знаменитая лѣвая, которой еще и въ настоящее время воздается большое почтеніе, стояла значительно ниже исторической задачи, выпавшей на ея долю. Но было бы странно, если бы „просвѣщенные" эпигоны вздумали превозноситься передъ лѣвой 1848 года и совсѣмъ позабыли, что гораздо легче критиковать послѣ того какъ событія совершились, чѣмъ въ критическій моментъ избрать правильный путь. Позиція, которую занимала франкфуртская лѣвая, была съ самаго начала потеряна, но ее можно было бы потерять съ нѣсколько большимъ достоинствомъ. Среди лѣвой находилось нѣсколько членовъ выдающихся личныхъ достоинствъ, которыя заслуживаютъ всяческаго уваженія. Но взятая, какъ цѣлое, эта партія, при всѣхъ своихъ фразахъ, была неспособна управлять рулемъ революціи.

Нѣкоторые члены отдѣлялись отъ лѣвой, какъ крайняя лѣвая. Это были строгіе республиканцы, отчасти съ соціалистическими тенденціями. Къ крайней лѣвой принадлежали: старшій Шлеффель, неукротимый демократъ изъ Гиршбергской долины въ Силезіи, Трюцшлеръ, впослѣдствіи одна изъ благороднѣйшихъ жертвъ военныхъ судовъ, Цицъ изъ Майнца, Симонъ изъ Трира, который умѣлъ облекать демократическую фразеологію въ прекрасную форму, и радикальный философъ Арнольдъ Руге.

Если бы мы постарались дать здѣсь перечень всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ именъ, это повело бы насъ слишкомъ далеко.

Нѣмцы еще не обладали навыкомъ къ парламентскимъ формамъ, и Лангъ изъ Вердена, оказавшійся президентомъ по старшинству, при своей старческой слабости не могъ овладѣть запутанными дебатами. Арндтъ и Янъ, двѣ окаменѣлости изъ эпохи войнъ за свободу князей, въ день открытія засѣданій выступили съ чѣмъ-то такимъ несуразнымъ, что въ собраніи никакъ не могли повѣрить, чтобы это были два знаменитыхъ патріота изъ эпохи французской войны.

19-го мая, на второмъ засѣданіи, удалось выбрать временнаго президента. Перевѣсъ оказался при этомъ на сторонѣ конституціоналистовъ. 305-ю изъ 397 голосовъ былъ избранъ Генрихъ фонъ-Гагернъ. Онъ занялъ мѣсто, обѣщалъ безпристрастіе при исполненіи своихъ обязанностей и потомъ, со свойственнымъ ему паѳосомъ, заявилъ:

„Намъ предстоитъ разрѣшеніе величайшей задачи. Мы должны выработать конституцію для Германіи, для всей имперіи. Мы призваны и получили полномочіе на разрѣшеніе этой задачи въ силу суверенитета націи".

Эти слова были встрѣчены бурей аплодисментовъ и нашли отго-

*) Есть русскій переводъ этой работы, не утратившей своего значенія до настоящаго времени: В. Циммерманъ, „Исторія крестьянской войны въ Германіи". Спб. 1865, 1866 и 1868 гг.

лосокъ въ цѣлой имперіи. Всѣ призывавшіе къ довѣрію, всѣ трусливыя души пришли теперь къ выводу, что верховная власть нѣмецкаго народа установлена непоколебимо—словами благороднаго фонъ-Гагерна. Онъ имѣлъ хорошее состояніе, былъ дворяниномъ, человѣкъ съ выдающимся общественнымъ положеніемъ и, сверхъ всего этого, мартовскій министръ,—слѣдовательно, достаточный авторитетъ для средняго нѣмца тогдашняго времени, которому было бы всего пріятнѣе, если бы высшее начальство приказало ему сдѣлаться свободнымъ.

Вице-президентомъ избрали Суарона, а Роберта Блюма забаллотировали. Новое предзнаменованіе.

Уже первыя засѣданія показали, какъ недалеко ушло собраніе со своимъ суверенитетомъ. Депутатъ Цицъ изъ Майнца обратился къ собранію за помощью по случаю уже упомянутаго столкновенія въ Майнцѣ, гдѣ произошла кровавая уличная борьба. Комендантъ майнцской крѣпости угрожалъ, что будетъ обстрѣливать городъ поджигательными гранатами, если только гражданское ополченіе не выдастъ своего вооруженія. Офицеры милиціи постановили произвести разоруженіе *). Если бы собраніе сознавало свою задачу, оно должно бы было употребить всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать разоруженію майнцской милиціи. Въ этомъ случаѣ оно должно было отважиться въ первый разъ помѣряться силами. Но ему было очень далеко до такой рѣшительности. Произошли горячіе дебаты, во время которыхъ Цицъ въ пламенныхъ выраженіяхъ требовалъ отъ собранія, чтобы оно отмѣнило актъ насилія со стороны коменданта майнцской крѣпости. Робертъ Блюмъ, который выступилъ здѣсь въ первый разъ, очень энергично поддерживалъ Цица. „Мнѣ не вѣрится,—воскликнулъ онъ,—чтобы начали этимъ: зажигательными снарядами обстрѣливать городъ имперіи!“ Но правая уже понимала, что приближается и на ея улицѣ праздникъ. Лихновскій съ своей презрительной и саркастической манерой говорилъ о „красныхъ штанахъ майнцскихъ якобинцевъ“ и закончилъ хвалебнымъ гимномъ прусскому войску. „Государственные люди“ оспаривали у собранія право вмѣшательства, и Виденбругкъ высказалъ убѣжденіе, что „собраніе не имѣетъ права брать въ свои руки исполнительную власть; его право исчерпывается выработкой конституціи“.— Но тогда откуда же взялось у веймарскихъ крестьянъ право вторгнуться въ замокъ своего государя и навязать ему господина Виденбругка въ мартовскіе министры?

Лѣвую перекричали и подавили. Цицу не дали сказать заключительнаго слова, и когда онъ, какъ иниціаторъ предложенія, протестовалъ противъ этого, благородный фонъ-Гагернъ насмѣшливо крикнулъ ему: „Вы можете протестовать сколько угодно!“

*) Когда обсуждался вопросъ о разоруженіи, только одинъ офицеръ, какъ сообщаютъ, заявилъ: „Пусть ихъ стрѣляютъ!“ Онъ думалъ, что бомбардировка Майнца и обусловленная этимъ борьба вызовутъ новый подъемъ уже ослабѣвшаго народнаго движенія. Говорятъ, что это былъ докторъ Витманъ, умершій въ началѣ 90-хъ годовъ.

Итакъ, парламентъ, при крикахъ торжествующихъ реакціонеровъ, самъ заявилъ, что у него нѣтъ права оказать майнцскимъ гражданамъ помощь противъ коменданта прусской крѣпости, — и это послѣ того, какъ разоруженіе майнцской милиціи совершилось на самыхъ глазахъ у народнаго представительства; большинство парламента, не прибѣгая ни къ какимъ экивокамъ, объявило дѣйствія крѣпостного коменданта вполнѣ правомѣрными. Послѣ этихъ фактовъ у всякаго должны бы раскрыться глаза. Но тогда слишкомъ охотно поддавались ошеломляющему дѣйствію трескучихъ фразъ, и политическое неразуміе достигало такой степени, что словамъ придавали больше цѣны, чѣмъ дѣламъ. Собраніе показало, что у него нѣтъ ни рѣшимости ни средствъ для того, чтобы выступать дѣйствительнымъ воплощеніемъ народнаго суверенитета; оно свернуло всѣ свои паруса передъ майнцскимъ крѣпостнымъ комендантомъ. И однако довѣрчивыя души опять воспрянули духомъ, когда собраніе 27 мая приняло постановленіе, что оно учредительное собраніе, т.-е. что оно намѣрено само выработать новую конституцію и привести ее въ дѣйствіе, независимо отъ согласія государей и правительствъ. Правда, это было рѣшено еще предварительнымъ парламентомъ, и само по себѣ постановленіе не имѣло значенія *). Однако этого было достаточно, чтобы разомъ открылись всѣ шлюзы передъ реторикой собравшихся государственныхъ „дѣятелей"; всѣ эти художники слова, всѣ болтуны и пустомели справа, слѣва и изъ центра соперничали одинъ передъ другимъ, чтобы, воистину ни передъ кѣмъ, не неся отвѣтственности убить драгоцѣнное время парламента въ хорошо построенныхъ, богатыхъ фразами и самодовольныхъ рѣчахъ.

Между тѣмъ постановленіе, что собранію принадлежитъ верховная власть, уже потому не имѣло никакой цѣнности, что оно существовало на бумагѣ, на одной только бумагѣ. Нельзя на простыхъ постановленіяхъ построить суверенитетъ,—для этого требуется одно: дѣйствительная, реальная сила. Происхожденіе собранія было революціонное; оно съ радостью отреклось бы отъ этого, и однако только буря народнаго движенія могла вдохнуть въ него силу. Для существованія самого собранія, для проведенія новой конституціи, которую оно должно было создать, требовалась сила; силу же могло доставить и обезпечить за нимъ только парламентское войско. Но парламентъ не создалъ для себя войска; не было даже внесено ни одного практическаго предложенія объ организаціи парламентскаго войска; только въ дебатахъ нѣсколько разъ—въ туманныхъ и спутанныхъ формахъ—проскользнула идея о такомъ учрежденіи. Пришли, впрочемъ, къ мысли объединить

*) Постановленіе гласило: „Учредительное собраніе, какъ органъ, созданный волею и избраніемъ нѣмецкой націи для того, чтобы положить основаніе свободѣ и политическому единству Германіи, объявляетъ: всѣ постановленія, содержащіяся въ конституціяхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ и несогласныя съ общей конституціей, которая имѣетъ быть выработана собраніемъ, подлежатъ пересмотру съ точки зрѣнія послѣдней, что не прекращаетъ ихъ дѣйствія въ настоящее время".

милицію всей Германіи подъ начальствомъ одного лица и при его содѣйствіи осуществить народное ополченіе въ согласіи съ постановленіями собранія. Но, какъ мы увидимъ, гражданское ополченіе было неспособно послужить для собранія защитой въ минуту опасности и, кромѣ того, не удалось соединить его въ одну армію. Съ другой стороны, реакціонеры обратили въ ничто всѣ эти робкія начинанія. Они провели учрежденіе ополченской комиссіи, которой передавались всѣ дѣла, имѣющія отношеніе къ народному ополченію. Въ комиссію вошли почти одни только члены правой, и вся ея дѣятельность заключалась въ томъ, чтобы тормозить и проваливать все, что должно бы служить интересамъ народнаго ополченія. Понятно, что сознательные реакціонеры не чувствовали никакой нужды въ парламентскомъ войскѣ; напротивъ, они употребили бы всѣ свои силы на то, чтобы воспрепятствовать организаціи такового. Конституціоналисты, которые уже пылко поклонялись идолу будущей конституціи, по своей трогательной довѣрчивости считали парламентское войско излишнимъ, а потому и опаснымъ; что касается членовъ лѣвой,—они или думали, что проектъ парламентскаго войска все равно не пройдетъ, или же полагались на „вооруженный народъ". Даже ихъ не могло достаточно вразумить майнцское дѣло, даже они не видали, что гражданское ополченіе почти повсюду превратилось въ полицейское учрежденіе.

Но съ тѣмъ большимъ жаромъ набросились они на идею объ организаціи временнаго центральнаго правительства. Такая идея какъ нельзя больше соотвѣтствовала воззрѣніямъ конституціоналистовъ. Они витали по облакамъ и не понимали того, что, создавая центральную власть, тѣмъ самымъ они противопоставляютъ собранію новую силу, которая должна съ естественной необходимостью сдѣлаться тормозомъ для него. Они не понимали, въ чемъ собственно заключается недавно завоеванная свобода, и потому поддались увѣщаніямъ лукавыхъ реакціонеровъ, что необходимо во что бы то ни стало имѣть „сильную" центральную власть. Конечно, „суверенитетъ" собранія, и безъ того почти вовсе безсильнаго, совершенно утрачивался, если ему противостояла сильная центральная власть; тѣмъ не менѣе конституціоналисты съ такимъ упрямствомъ настаивали на центральной власти, что лишній разъ и съ величайшей наглядностью иллюстрировали, какъ боги поражаютъ слѣпотой тѣхъ, кого они захотятъ погубить.

Вопросъ о центральной власти возбуждался уже въ комиссіи пятидесяти. 3-го іюня парламентъ назначилъ комиссію пятнадцати, которая должна была обсудить поступившія за это время предложенія, касавшіяся учрежденія центральной власти, и потомъ представить докладъ. Днемъ обсужденія доклада въ общемъ собраніи парламента было назначено 17-е іюня; заявило о желаніи говорить до 200 ораторовъ. Парламентъ, несомнѣнно, создалъ бы нѣчто великое, если бы онъ во всемъ обнаруживалъ такой же пылъ, какъ въ дѣлѣ многоглаголанія. Къ несчастью, его жаръ утолялся какъ разъ болтовней; и на этотъ разъ словесная битва растянулась на восемь дней, а то, что въ концѣ-

концовъ получилось, было всего лишь знаменитою мышью, которая такъ часто появляется на свѣтъ, когда рожаетъ гора.

Докладъ комиссіи прочиталъ Дальманъ изъ Геттингена, одинъ изъ знаменитыхъ семи геттингенцевъ, выгнанныхъ изъ университета (см. стр. 46), настоящая профессорская натура. Учился онъ много, но при этомъ воспринималъ только шелестъ страницъ въ своихъ фоліантахъ, но никогда не воспринималъ шелеста свѣжей, подлинной жизни. Отъ имени большинства комиссіи онъ предложилъ директорію изъ трехъ членовъ; члены намѣчаются правительствами, а національное собраніе безъ обсужденія должно принять ихъ. Директорія союза должна назначить министерство, отвѣтственное передъ собраніемъ; она не принимаетъ участія въ выработкѣ конституціи и распускается по завершеніи этого дѣла.

Докладъ позволялъ увидѣть довѣрчивость конституціоналистовъ въ дистиллированномъ видѣ. Безотвѣтственная директорія съ отвѣтственнымъ министерствомъ! Дальманъ и К°, великіе государственные мудрецы, хотѣли передать директорію въ руки трехъ принцевъ; только они еще не успѣли притти въ соглашеніе съ правой, какихъ именно принцевъ.

Лѣвая внесла два предложенія. Блюмъ и Трюцшлеръ, представлявшіе демократическое меньшинство комиссіи, предлагали, чтобы собраніе избрало одного изъ своихъ членовъ главой исполнительной комиссіи; глава долженъ по своему собственному свободному выбору избрать себѣ четырехъ товарищей; эта комиссія отвѣтственна передъ національнымъ собраніемъ, постановленія котораго она должна исполнять; всѣ дѣла распредѣляются между ея членами. Было внесено, кромѣ того, еще одно предложеніе, подписанное преимущественно членами крайней лѣвой. Оно просто требовало, чтобы собраніе изъ своей среды избрало временное, отвѣтственное передъ нимъ правительство изъ пяти членовъ и передало ему верховную исполнительную власть надъ всей Германіей.

Послѣднее предложеніе лѣвой было въ извѣстномъ смыслѣ революціоннымъ; оно дѣлало новые шаги по тому же пути, на который въ мартѣ мѣсяцѣ вступили въ Гейдельбергѣ Гагернъ съ товарищами. Но послѣдніе къ этому времени уже достигли до точки, на которой ихъ заставилъ остановиться классовый интересъ и конституціоналистская ограниченность; въ нихъ не было и слѣда идеализма лѣвой. Они вопіяли, что лѣвая охвачена вожделѣніями (французскаго) конвента. Дѣйствительно, временное правительство, какъ его требовала лѣвая, было стереотипомъ Комитета Общественнаго Спасенія 1793 года. Но именно только стереотипомъ и притомъ довольно-таки жалкимъ, потому что Комитетъ Общественнаго Спасенія во Франціи обладалъ фактической властью, между тѣмъ какъ въ Германіи ея не было бы у временнаго правительства, котораго требовала лѣвая. Иллюзіи лѣвой не уступали оптимизму конституціоналистовъ. Попытка построить надъ Германіей республиканскую крышу, подъ которой должны обитать 36 го-

сударей и удерживаться въ извѣстныхъ границахъ единой республиканской центральною властью,—это было нѣчто до того невѣроятное, что по отношенію къ такой идеѣ едва ли можно сохранять достаточную серьезность. Предложеніе лѣвой имѣло бы извѣстное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы франкфуртское собраніе обладало силой конвента; но такъ какъ у него такой силы не было и большинство совсѣмъ не хотѣло бы взять такую власть въ свои руки, то предложеніе представляло сплошную утопію. Имъ воспользовались, чтобы нагнать страхъ на филистеровъ: самыми яркими красками рисовали конфликты, которые должны будутъ возникнуть въ случаѣ принятія предложенія; вызывали передъ глазами потрясенныхъ добрыхъ бюргеровъ кровавый призракъ террора 1793 года, тѣни Робеспьера и Фукье-Тенвиля *).

Большинство собранія, неувѣренно нащупывая дорогу, колеблясь между тысячами опасеній и упованій, толкаемое интригами прусскихъ и австрійскихъ дипломатовъ то въ одну сторону, то въ другую, не согласилось ни съ большинствомъ комиссіи, ни съ предложеніями лѣвой и въ концѣ-концовъ передало центральную власть одному лицу, притомъ неотвѣтственному передъ нимъ.

Во время этой путаницы дуализмъ между Австріей и Пруссіей продолжалъ существовать, но обѣ стороны до поры до времени постарались подавить свои антипатіи. Ихъ объединяло одно стремленіе—не допустить, чтобы дѣло конституціи восторжествовало надъ ними. Но въ то время онѣ не могли еще знать, что онѣ одержатъ такую полную побѣду, какъ это оказалось впослѣдствіи.

Интриги, которыя прусскіе и австрійскіе реакціонеры завязали съ конституціоналистами, еще и теперь не разоблачены съ достаточной полнотой. Можетъ быть, преднамѣренно или непреднамѣренно кое-что выболтаетъ тотъ или другой изъ участниковъ этихъ интригъ,—нѣкоторые изъ нихъ живы до настоящаго времени. Можетъ быть, еще появятся въ свѣтъ мемуары лицъ, унесшихъ истину за собою въ могилу. Но уже обстоятельства, при которыхъ была создана центральная власть, отчасти позволяютъ уразумѣть, какъ сплетались интриги.

Господинъ фонъ-Винке, черно-бѣлый (цвѣта Пруссіи) краснобай, уже 31-го мая предложилъ своимъ ближайшимъ друзьямъ по партіи, чтобы они провозгласили **необходимость наслѣдственной императорской власти, которая немедленно должна перейти къ Пруссіи.** Браунъ изъ Кеслина, горячая черно-бѣлая

*) Это—излюбленный рецептъ реакціонеровъ: если запугать филистера-либерала, отъ него можно всего добиться. Онъ успѣшно примѣнялся и въ 1878 году, чтобы создать настроеніе въ пользу исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ. Тогда офиціальныя газеты прямо писали: „Слѣдуетъ размахивать красной тряпкой передъ носомъ либеральнаго филистера до тѣхъ поръ, пока онъ не повѣритъ, что это—зарево пылающихъ городовъ“. Либеральнаго филистера считали до того глупымъ, что это говорилось открыто, и онъ дѣйствительно повѣрилъ картинамъ ужасовъ, которыми его гипнотизировали.—Фукье-Тенвиль, прокуроръ въ эпоху Конвента, несомнѣнно психически-ненормальный человѣкъ, выдѣлялся болѣзненной жестокостью въ преслѣдованіи всѣхъ заподозрѣнныхъ въ приверженности къ „старому порядку“.

голова, не хотѣлъ даже выжидать того времени, когда обстоятельства измѣнятся настолько, что можно будетъ надѣяться на принятіе такого предложенія. Нельзя сомнѣваться, что именно заявленіе фонъ-Винке о прусской наслѣдственной императорской власти побудило его сдѣлать преждевременную попытку. Во время преній о центральной власти чистосердечный померанецъ внесъ предложеніе: до той поры, пока высшая государственная власть въ Германіи не будетъ организована окончательно, передать исполненіе соотвѣтствующихъ функцій прусской коронѣ. Собраніе осмѣяло инціатора предложенія, притомъ осмѣяла не только какая-нибудь лѣвая, но и тѣ члены, которые спустя три четверти года избрали прусскаго короля въ наслѣдственные императоры. Значитъ, по существу у нихъ не было основаній смѣяться.

Между тѣмъ фонъ-Винке вступилъ въ открытое соглашеніе съ австрійцами. Президентъ союзнаго сейма, рыцарь фонъ-Шмерлингъ, который былъ въ то же время членомъ національнаго собранія, противодѣйствовалъ всѣмъ стремленіямъ къ гегемоніи Пруссіи. До какихъ предѣловъ простиралось соглашеніе можно только догадываться. Какъ бы то ни было, господинъ фонъ-Винке вдругъ выпалилъ, что центральную власть слѣдуетъ вручить австрійскому принцу. Трудно сказать, не получилъ ли онъ изъ Берлина указаній, какъ ему надо держаться. Винке полагалъ, что государи должны назначить директора для союза. Вся правая думала такъ же, но она знала, что нѣтъ никакой надежды на проведеніе соотвѣтствующаго постановленія. И, дипломатически предусмотрительная, она воздержалась отъ внесенія такихъ предложеній, не желая испытать пораженіе. „Я думаю,—сказалъ Винке,—что среди членовъ Австрійскаго Дома есть одинъ, который пользуется особенно горячими симпатіями Германіи, что его заслуги завоевали ему любовь не въ одной только Штиріи, что и Германія еще вспоминаетъ возвышенныя слова, которыя онъ нѣкогда сказалъ за королевскимъ столомъ: „Ни Пруссіи, ни Австріи, а единая свободная Германія, крѣпкая, какъ ея горы!“

Такимъ образомъ лидеръ черно-бѣлой партіи указалъ на стараго эрцгерцога австрійскаго, какъ на искомаго носителя центральной власти. Разъ хотѣли вообще навязать принца, этотъ выборъ былъ очень удаченъ, потому что приведенный сейчасъ тостъ, а также и другія обстоятельства сдѣлали эрцгерцога Іоганна очень популярнымъ въ цѣлой Германіи.

Визнеръ изъ Вѣны, ораторъ со стороны лѣвой, сказалъ, что неотвѣтственная директорія или неотвѣтственный имперскій правитель *) угрожаютъ Германіи величайшими опасностями, особенно если правительствамъ будетъ предоставлено назначать или хотя бы только предлагать лицъ на эти посты. Въ продолженіе тридцати лѣтъ правительства постоянно отыскивали неспособныхъ людей—и это для своихъ

*) Некрасивое слово Reichsverweser, имперскій правитель, имперскій администраторъ, представляется почти насмѣшкой, непреднамѣренной или даже злостной, надъ всѣмъ дѣломъ конституціи.

собственныхъ государствъ; теперь же они должны выступать съ предложеніями для цѣлой Германіи. И если выдвигаютъ такіе проекты, это доказываетъ только, до какой степени успѣла усилиться реакція.

Визнеру возражалъ Пагенштехеръ изъ Эльберфельда, одинъ изъ „довѣрчивыхъ": какія бы то ни было узурпаціи невозможны для неотвѣтственной центральной власти; нѣмецкій народъ, какъ въ своей массѣ, такъ и въ лицѣ своихъ представителей, является достаточнымъ противовѣсомъ всякому произволу со стороны главы государства.

То же говорилъ и Гекшеръ изъ Гамбурга. Этотъ честолюбивый гамбургскій адвокатъ, съ „лицомъ какъ государственныя бумаги" *), до того времени разыгрывалъ изъ себя дикаго республиканца; еще незадолго передъ тѣмъ, участвуя въ загородной прогулкѣ лѣвой, на развалинахъ одного древняго пфальцскаго замка онъ такъ рѣзко говорилъ противъ князей, что пфальцскія дѣвицы, бывшія тогда республиканками **), увѣковѣчили его сильныя выраженія въ своихъ дневникахъ. А теперь будущій имперскій министръ уже склонялся направо,—такъ быстро испарился угаръ отъ пфальцскаго праздника свободы. Онъ такъ некрасиво выступилъ противъ демократіи, что кто-то изъ лѣвой крикнулъ ему прямо въ лицо: „Вы нравственно мертвы для насъ!" Слова Гекшера потонули въ шумѣ, который разразился противъ него на лѣвой.

Рейнвальдъ изъ Берна и Мамменъ изъ Плауэна напомнили собранію гагернское заявленіе объ его суверенитетѣ; они доказывали, что правительства далеко еще не порвали съ старой системой.

Везендонкъ высказалъ убѣжденіе, что центральная власть, организованная согласно съ докладомъ комиссіи, будетъ органомъ не собранія, а правительствъ. Центральная власть должна быть отвѣтственной передъ собраніемъ, да она отвѣтственна и теперь, потому что въ постановленіи о флотѣ была уже выражена мысль объ отвѣтственности ***).

Бассерманъ изъ Маннгейма выступилъ противъ предложеній лѣвой. Правительства, говорилъ онъ, уже теперь повсюду являются представителями суверенной воли народа. Но если избрать исполнительный комитетъ, какъ бы онъ сталъ исполнять постановленія собранія? Собраніе, оставаясь на почвѣ законности, не можетъ располагать ни единымъ крейцеромъ денегъ, ни единымъ солдатомъ. Правительства не станутъ исполнять распоряженій центральной власти, въ организаціи которой они не принимали участія, и тогда центральная власть должна будетъ призывать къ оппозиціи, къ перевороту и въ концѣ-концовъ сформировать полчища волонтеровъ. Милліоны гражданъ скажутъ себѣ: лучше порядокъ безъ особой свободы, чѣмъ такая свобода безъ порядка!

*) Такъ его характеризуетъ Морицъ Гартманъ въ «Reimchronik des Pfaffen Mauritius».

**) Тѣ изъ нихъ, которыя еще живы, съ того времени, сдѣлавшись добрыми женами, превратились въ старыхъ націоналъ-либеральныхъ святошъ.

***) Національное собраніе почти единогласно ассигновало шесть милліоновъ талеровъ на германскій флотъ.

Бассерманъ говорилъ слишкомъ нескладно и неискусно, и потому трудно предположить, чтобы онъ былъ посвященъ въ планы Винке, Шмерлинга и Гагерна. Но все же реакціонеры наградили его шумными аплодисментами, и это такъ ободрило москотильщика, игравшаго роль государственнаго человѣка, что онъ добавилъ еще по адресу лѣвой: она ведетъ только къ потрясеніямъ, расколу, отчасти даже играетъ на руку иностранцамъ *).

Дункеръ изъ Галле, девятикратно премудрый, предостерегалъ національное собраніе отъ „вожделѣній къ господству". Онъ говорилъ, что предложеніе лѣвой ведетъ на путь конвента, а потому толкаетъ націю въ пропасть. Поступать такъ—значитъ предавать народъ. „Обратимся за предложеніями къ правительствамъ и примемъ простымъ голосованіемъ, что предложатъ они; такъ мы созиждемъ нѣмецкому народу крѣпкое зданіе единства и свободы!"

Простота или хитроуміе говорило устами оратора,—это привело реакціонеровъ въ шумный восторгъ. Еще бы! Вѣдь имъ была воздана справедливость.

Тѣмъ не менѣе правая сторона оставалась въ высшей степени непослѣдовательной. Она восторженно встрѣтила заявленія Бассермана, что парламентъ не располагаетъ ни грошомъ денегъ, ни единымъ солдатомъ, и, несмотря на то, членъ правой, Кольпарцеръ изъ Нейгауза, внесъ предложеніе: считать нападеніе сардинскаго короля на Тріестъ объявленіемъ войны противъ Германіи. „Нѣмецъ долженъ дѣйствовать!" воскликнулъ онъ, и его предложеніе было принято, какъ будто собраніе хотѣло само себя поднять насмѣхъ.

Рэ изъ Дармштадта, краснорѣчивый адвокатъ, вспомнилъ о жертвахъ 1813 года и окончилъ такимъ заявленіемъ: „Много жертвъ принесъ народъ государямъ, теперь, наконецъ, и князья, какъ достойныя дѣти Германіи, должны принести жертву народу. Мы плывемъ между двухъ скалъ; на одной мы можемъ потерпѣть крушеніе, если у насъ есть мужество, на другой—если мы охвачены страхомъ. Я обращаюсь къ вамъ съ призывомъ: „мужество!" и милліоны призываютъ къ тому же. Въ эти дни рѣшается судьба Германіи!"

Фонъ-Вюртъ изъ Вѣны полагалъ, что если національное собраніе выступитъ въ роли германскаго правительства, это поведетъ къ республикѣ, но народъ не хочетъ республики,—это обнаружилось во время мартовскихъ бурь.—Ведекиндъ изъ Брухгаузена рѣзко выступилъ противъ дальнѣйшаго существованія союзнаго сейма.

Преніямъ все еще и конца не предвидѣлось. Поэтому, послѣ призыва Арнольда Руге къ патріотизму, нѣкоторые депутаты, внесенные въ списокъ ораторовъ, рѣшились принести жертву отечеству и отказались отъ слова. 20-го іюня взялъ слово главный ораторъ лѣвой, Робертъ Блюмъ изъ Лейпцига. Въ этотъ день онъ достигъ зенита своей

*) Отсюда видно, что современные націоналъ-либералы, которые всякаго, кто выступаетъ противъ нихъ, такъ охотно обвиняютъ въ „симпатіяхъ къ загранице", получили науку у знаменитаго „фигуровидца".

политической карьеры. Онъ говорилъ сильно и мощно и произвелъ огромное впечатлѣніе, какъ едва ли когда-нибудь, раньше или позже, удавалось какому-либо другому оратору собранія. Блюмъ, по своимъ воззрѣніямъ стоявшій на серединѣ между демократами-конституціоналистами и республиканцами, доказывалъ, что парламентъ, которому нація ввѣрила свое всемогущество, для возвѣщенія своей воли нуждается въ исполнительномъ комитетѣ. Комитетъ не приведетъ Германію къ внутреннему разложенію; онъ долженъ вмѣшиваться своей покровительственной рукой. Цѣлое государство должно быть одною „республикой" только затѣмъ, чтобы предоставить отдѣльнымъ частямъ возможность самостоятельнаго развитія. „Если правительства,—говорилъ Блюмъ,—дѣйствительно представляютъ то, что о нихъ такъ часто утверждаютъ, если они являются благожелательными исполнителями и готовы приносить жертвы, когда того требуетъ общее благо, тогда дѣло государственнаго устройства такъ просто, что проще и быть не можетъ. Если же правительства неблагожелательны,—другая сторона тоже часто говоритъ это о нихъ и въ подтвержденіе ссылается на отдѣльныя явленія, которымъ она, можетъ быть, приписываетъ слишкомъ большое значеніе,—если такъ, тогда не будемъ утаивать нашихъ мыслей. Тогда комитетъ долженъ поставить требованія времени выше правительствъ, тогда онъ долженъ выступить противъ нихъ и не приносить націю въ жертву отдѣльнымъ интересамъ, но напротивъ—скажемъ открыто!—разбить вдребезги противодѣйствующихъ. Если мыслимъ такой случай—я хочу думать, что онъ не мыслимъ!—тогда это былъ бы воистину изумительный строй: мы вручили бы исполнительную власть или временное правительство, въ которое она должна превратиться, вручили бы эту власть тѣмъ, противъ кого она должна и обязана будетъ дѣйствовать". Относительно директоріи Блюмъ заявилъ: „У васъ нѣтъ конституціи, нѣтъ фундамента, на которомъ должна стоять эта власть, вы не намѣтили границъ, въ предѣлахъ которыхъ она должна дѣйствовать, у васъ нѣтъ даже средствъ, чтобы удерживать ее въ границахъ; поэтому она представляетъ деспотію, является диктатурой, безграничной диктатурой, угрожающей свободѣ какъ едва ли что-либо другое. Вы призваны верховной властью народа, и вы останетесь вѣрны своимъ полномочіямъ лишь до тѣхъ поръ, пока охраняете этотъ суверенитетъ. Вамъ не предоставлено вступать въ переговоры; скорѣе вы обязаны сложить свои полномочія, чѣмъ отступить передъ задачей, которая сдѣлалась вашей... И пусть не толкуютъ больше о почвѣ историческаго права,—продолжалъ Блюмъ.—Въ Германіи также было государство, которое крѣпко стояло на почвѣ своего историческаго права,—и было потрясено до самаго основанія ногою танцовщицы *); и многое другое можетъ казаться прочнымъ въ нѣмецкомъ отечествѣ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи

*) Лолы Монтесъ.—Выше, въ другой связи, уже упоминалось объ этомъ мѣстѣ изъ рѣчи Роберта Блюма стр. 109).

оказывается не крѣпче, чѣмъ строй, ниспровергнутый Фриной". Не слѣдуетъ, сказалъ дальше Блюмъ, постоянно ссылаться на Францію. Это—надруганіе надъ человѣчностью, если все снова и снова говорятъ о 80.000 голодающихъ братьевъ, которыхъ приходится прокармливать этому государству; деспотія Луи-Филиппа оставила Франціи въ наслѣдство такую нужду. „На почвѣ того историческаго права, на которой стоимъ мы,—воскликнулъ Блюмъ,—голодающихъ скорѣе бросили бы въ жертву голодному тифу". Онъ закончилъ такъ: „Если вы хотите видѣть, какъ сомкнутся небесныя очи свободы, если вы хотите, чтобы надъ нашимъ народомъ опять распростерлась прежняя ночь, тогда создавайте свою диктатуру!"

Эти слова навѣки врѣзались въ память тѣмъ, кто ихъ слышалъ. Они воспламенили лѣвую, привели ее въ восторгъ; не могли не произвести они глубокаго впечатлѣнія и на центръ, но все же это были слова, и гдѣ же имъ было разрушить тонкія интриги дипломатовъ и реакціонеровъ.

Людвигъ Симонъ изъ Трира, самый цвѣтистый ораторъ лѣвой, утѣшался иллюзіями, утверждая, будто войска преданы парламенту. Впослѣдствіи ему пришлось убѣдиться кое въ чемъ другомъ. Кто противится постановленіямъ парламента, говорилъ онъ, тотъ бунтовщикъ, кто бы онъ ни былъ. „То, къ чему вы стремитесь,—воскликнулъ онъ,—есть спокойствіе и порядокъ. Такъ не отшатывайтесь пугливо въ прошедшее, такъ шествуйте смѣлымъ шагомъ на послѣднюю преграду, которую опрокинуло новѣйшее время. Тамъ воздвигнете зданіе и тогда найдете спокойствіе и порядокъ!"

Велькеръ въ сущности повторилъ заявленіе Бассермана и въ особенности предостерегалъ отъ ходячихъ выраженій, какъ „суверенитетъ народа", которыя самъ онъ, впрочемъ, употреблялъ очень часто. „Прошли времена,—воскликнулъ онъ,—когда громъ трубы разрушалъ іерихонскія стѣны. Необходима реальная сила, а реальная сила имѣется въ тѣхъ случаяхъ, если всѣ правительства исполняютъ охотно и добровольно, добровольно дѣлаютъ то, что вы здѣсь постановите, и правительства сдѣлаютъ такъ, если вы предварительно освѣдомитесь объ ихъ мнѣніи".

Правая наградила эти пустыя фразы щедрыми аплодисментами. Но вотъ на трибуну поднялся Адольфъ фонъ-Трюцшлеръ, которому предстояло пасть кровавой жертвой контръ-революціи, богато одаренный молодой аристократъ изъ Саксоніи, по своимъ воззрѣніямъ опередившій свое время, соціалистъ почти въ современномъ значеніи этого слова. „Идеалъ братства и самой простой организаціи правительства безраздѣльно господствовалъ надъ нимъ, безграничнымъ приверженцемъ всеобщей свободы и братства", говоритъ о немъ одинъ изъ его товарищей по партіи. Трюцшлеръ высказалъ убѣжденіе, что всякій человѣкъ является въ міръ какъ суверенъ, что всякій человѣкъ имѣетъ право самоопредѣленія. Его ближніе имѣютъ право налагать на него

ограниченія только въ томъ случаѣ, если это необходимо для общаго блага. „Если вы,—говорилъ онъ,—отречетесь отъ суверенитета, какъ предлагаетъ комиссія, вы тѣмъ самымъ совершите преступленіе, которое общія уложенія называютъ именемъ государственной измѣны. Нѣтъ такого суда, который привлекъ бы къ отвѣтственности тѣхъ, кто высказывается за предложеніе комиссіи; но можетъ случиться, что народъ самъ потребуетъ къ отвѣту и вынесетъ обвинительный приговоръ тѣмъ людямъ, которые хотятъ поставить границы его верховной власти".

Лѣвая аплодировала, правая кричала: „Къ порядку!" Но Суаронъ, предсѣдательствовавшій въ засѣданіи, не призвалъ оратора къ порядку.

Беккератъ изъ Крефельда пытался опровергнуть доводы Блюма. Онъ иронически поблагодарилъ его за откровенность. Исполнительный комитетъ, полагалъ онъ, долженъ привести къ господству террора; это Блюмъ открыто призналъ своимъ „раздробить". Онъ вспомнилъ объ избіеніяхъ, которыя совершались во время возстанія въ Неаполѣ, и высказалъ убѣжденіе, что съ нѣмецкимъ народомъ никогда немыслимо что-либо подобное. Центръ и правая аплодировали ему,—громче всѣхъ тѣ, которые позже обнаружили наибольшую кровожадность. Беккератъ продолжалъ, что онъ опасается, не могутъ ли въ Германіи найтись Мараты и Робеспьеры. Онъ рекомендовалъ мудрую умѣренность и настаивалъ на принятіи предложеній коммиссіи,—тогда „свобода не закроетъ небесныхъ очей". „Можетъ быть, мы погибнемъ, защищая истинную, законную свободу, но изъ священной близости этой свободы пусть исчезнетъ всякое дерзновеніе анархіи".

Вопреки всѣмъ красивымъ фразамъ справа и слѣва, собраніе, какъ цѣлое, представляло далеко не возвышенную картину, когда оно спорило о томъ, должно ли оно само организовать центральную власть или нѣтъ. Между тѣмъ еще разъ пришлось сократить списокъ ораторовъ, потому что преніямъ и конца не предвидѣлось.

Вильгельмъ Іорданъ изъ Берлина, тогда еще занимавшій мѣсто на лѣвой, въ остроумной рѣчи сравнилъ Дальмана и его друзей съ Архимедомъ, который погрузился въ раздумье надъ своими фигурами и не замѣчаетъ опасности. „Они все чертятъ на пескѣ свои фигуры,—воскликнулъ онъ,—а когда подходятъ къ нимъ и кричатъ въ самое ухо: „Отечество въ опасности!" тогда единственное ихъ чувство—досада и единственный отвѣтъ отъ нихъ: „Не смѣшай мнѣ мои фигуры!"

Правая пришла въ ярость, лѣвая смѣялась, и по собранію прокатился громовой хохотъ, когда Іорданъ воскликнулъ: „Привидѣніе продиктовало этотъ проектъ". Всѣ повернулись въ сторону Дальмана, который, дѣйствительно, походилъ на привидѣніе. Но Іорданъ ловко извернулся и сказалъ, что привидѣніе—это страхъ передъ республикой. „Однако, — спросилъ онъ, — неужели ужъ такъ невозможно открыто признать принципъ конституціоннаго королевства для отдѣльныхъ

государствъ, если власти всего государства дана республиканская форма?" *).

Эйзенштукъ изъ Хемница сказалъ, что если исполнительную власть избрать не національнымъ собраніемъ, а какъ-нибудь иначе, это будетъ контръ-революція. Онъ дальше напалъ на прусскій таможенный союзъ, косвенные налоги и таможенныя пошлины. Говорятъ, что эта система должна просуществовать до 1850 года; но до того времени народъ, при самой свободной конституціи, можетъ наполовину вымереть съ голода. „Хотятъ сохранить систему, которая явно разсчитана на то, чтобы до крайнихъ предѣловъ облагать налогами предметы первой необходимости и ежегодно уплачивать Англіи тридцать милліоновъ талеровъ заработной платы, въ то время какъ нѣмецкіе ткачи голодаютъ".

Шодеръ изъ Штутгарта, который самъ испытывалъ колебанія въ вопросѣ о центральной власти, призывалъ правую и лѣвую къ такимъ же колебаніямъ и къ взаимной уступчивости; онъ предлагалъ неотвѣтственнаго президента.

За нимъ послѣдовалъ Бейслеръ, бывшій баварскій министръ исповѣданій, который въ тонѣ дѣдушки уговаривалъ лѣвую: „Бросьте вы агитацію, въ ней нѣтъ необходимости,—реакція теперь уже невозможна!" И потомъ этотъ хитроумный старецъ рекомендовалъ директорію изъ трехъ лицъ княжескаго происхожденія.

Правая все время издѣвалась надъ страхомъ передъ реакціей и увѣряла, что она невозможна. Винке даже какъ-то сказалъ, что онъ внесетъ предложеніе, чтобы всякій упомянувшій слово „реакція" вносилъ шесть пфенниговъ штрафа въ пользу нѣмецкаго флота. Слабыя души изъ центра и на самомъ дѣлѣ дали обморочить себя такими клятвенными увѣреніями; у многихъ довѣрчивость все возростала, вмѣсто того, чтобы падать.

Клауссенъ изъ Киля постарался исцѣлить собраніе отъ страха передъ республикой; онъ привелъ „республику" Шлезвигъ-Голштинію, какъ примѣръ, заслуживающій подражанія. Этотъ маленькій фокусъ преблагополучно сошелъ съ рукъ, хотя не мѣшало бы знать, что движеніе въ Шлезвигъ-Голштиніи было монархически-конституціоннымъ. Въ общемъ же Клауссенъ выступилъ противъ неотвѣтственности центральной власти.

Лассо изъ Мюнхена, извѣстный профессоръ, ультрамонтанъ и изслѣдователь древностей, говорилъ о республикѣ, какъ о безвозвратно

*) Вильгельмъ Іорданъ, извѣстный рапсодъ, перекочевалъ съ лѣвой на правую и былъ произведенъ въ „члены морского совѣта". По упраздненіи нѣмецкаго флота союзный сеймъ назначилъ ему пенсію, размѣромъ, какъ сообщаютъ, въ тысячу талеровъ. Такое политическое прошлое очень способно испортить вкусъ рапсодій господина „морского совѣтника". Но несмотря на то или благодаря этому, Іорданъ до сихъ поръ остается однимъ изъ „святыхъ" германскихъ національ-либераловъ, и не дальше какъ въ 1902 году вышла маленькая книжечка по исторіи реставраціи и революціи (въ серіи „Aus Natur und Geisteswelt") съ почтительнѣйшимъ посвященіемъ Вильгельму Іордану.

погибшей юношеской любви; онъ полагалъ, что собраніе суверенно— въ обсужденіи конституціи. „Но мы не суверенны въ дѣлахъ управленія, исключая случаевъ самой крайней нужды, для которыхъ нѣтъ никакихъ заповѣдей". Такое постыдное пониманіе дѣла не встрѣтило надлежащаго отпора.

Фонъ-Дискау изъ Плауэна, предсѣдатель суда, признавалъ за національнымъ собраніемъ право самостоятельно организовать центральную власть.

Виденбругкъ, маленькій государственный человѣкъ изъ Веймара, полагалъ, что единственная правовая почва—то новое право, которое будетъ создано собраніемъ. При этомъ онъ успѣшно извивался между правой и лѣвой.

Венедей, „бѣлокурая мечтательная душа", обрушился на избитыя фразы изъ эпохи французской революціи. Онъ говорилъ, что правовая почва только въ церкви св. Павла, но, съ другой стороны, онъ ничего не имѣлъ и противъ того, чтобы избрать какого-нибудь принца, и, типичнѣйшее воплощеніе нѣмецкаго либеральнаго филистера 1848 г., усердно продолжалъ наводить туманъ на собраніе.

Послѣ того какъ Шмидтъ изъ Силезіи энергично выступилъ противъ утвержденія Винке, будто собраніе должно вступить въ соглашеніе съ правительствами относительно конституціи, Цицъ изъ Майнца попросилъ слова, чтобы апеллировать къ мужеству парламента. „Не сомнѣвайтесь въ томъ, что всѣ ваши постановленія будутъ исполнены. Передъ нами отрицали, что они будутъ исполнены. Если бы это было такъ, вся наша дѣятельность была бы пустой и самое положеніе наше фальшивымъ. Мы должны проникнуться убѣжденіемъ, что наши рѣшенія суверенны, и если бы существовала въ Германіи какая-нибудь настолько крѣпкая сила, чтобы оказать противодѣйствіе нашимъ рѣшеніямъ, то единство Германіи, развитіе свободы, основаніе единаго союзнаго государства было бы одной только грезой, то напрасны были бы всѣ наши совѣщанія здѣсь, вся наша дѣятельность".— Изъ этого видно, что даже майнцскія происшествія не излѣчили Цица, шефа разоруженнаго майнцскаго гражданскаго ополченія, отъ его иллюзій.

Фонъ-Радовицъ, коварный другъ іезуитовъ, очень искусно повернулъ дѣло. „Въ этомъ собраніи нѣтъ реакціонеровъ", началъ онъ. Онъ говорилъ о порокахъ стараго полицейскаго государства и обратился съ призывомъ: „Судите насъ по нашимъ дѣламъ; то же самое мы всякому скажемъ и относительно васъ!" Такимъ началомъ онъ привлекъ на свою сторону даже часть лѣвой. Но потомъ онъ выступилъ съ предложеніемъ, чтобы центральную власть назначали государи; обосновывая предложеніе, онъ утверждалъ, что сами государи не изберутъ никого, кто не могъ бы разсчитывать на всеобщую поддержку. „При теперешнемъ положеніи вещей это для каждаго правительства означало бы копать себѣ яму; но вѣдь вы должны допустить, что у всякаго правительства есть инстинктъ самосохраненія".

Въ это время уже было хорошо извѣстно, что правительства и

различные государственные люди парламента пришли къ соглашенію и остановились на эрцгерцогѣ Іоганнѣ. Но Радовицъ все же добавилъ, что было бы величайшей глупостью предполагать, будто въ такое время могутъ обнаружить свое дѣйствіе какіе бы то ни было сепаратные интересы. Наконецъ онъ завершилъ дѣло мороченья слѣдующими словами: „Передавая это право правительствамъ, національное собраніе только передаетъ его отдѣльнымъ германскимъ народамъ, ибо правительства являются ихъ представительствомъ". Само собой разумѣется, что такая апелляція къ „ограниченному разуму управляемыхъ" имѣла несравненно большій успѣхъ, чѣмъ призывъ Цица къ ихъ мужеству.

Арнольдъ Руге, республиканецъ, сказалъ: „Всякая власть, кромѣ находящейся въ этой залѣ, чуждая власть. Здѣсь — нѣмецкая нація. Когда мы дѣйствуемъ, это дѣйствуетъ нѣмецкая нація". Послышался саркастическій смѣхъ; это смѣялся Лихновскій. Арнольдомъ Руге овладѣлъ гнѣвъ, и онъ воскликнулъ: „Здѣсь нѣтъ ничего смѣшного; на томъ, кто тамъ смѣется, я усматриваю facies hippocratica *); будущее произнесетъ надъ нимъ приговоръ. Этотъ смѣхъ издѣвательства—смѣхъ предсмертныхъ судорогъ" **).

Фонъ-Саукенъ-Тарпученъ повторилъ то же самое, что сказалъ Радовицъ, но только съ меньшимъ искусствомъ. Морицъ Моль изъ Штутгарта предлагалъ положить конецъ нуждѣ рабочихъ при помощи таможенныхъ пошлинъ,—фантазія, съ которой онъ носился всю свою жизнь. Вайтцъ изъ Геттингена, историкъ-реакціонеръ, желалъ, чтобы имперскій правитель былъ указанъ государями; напротивъ, Циммерманъ изъ Штутгарта, депутатъ отъ швабскаго Галля, историкъ-демократъ, выступилъ въ пользу исполнительнаго комитета.

Эдель изъ Вюрцбурга говорилъ о стезѣ конвента, на которую хотѣлъ бы вступить Робертъ Блюмъ; онъ высказалъ мнѣніе, что республиканское правительство будетъ очень спокойно взирать на распространеніе демократической пропаганды, но очень ревностно выступитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣло будутъ замѣшаны реакціонеры или конституціонные монархисты; остатокъ силы, которымъ еще располагаютъ отдѣльныя государства, быстрѣе пойдетъ на убыль, а они и безъ того очень слабы.

Блюмъ говорилъ еще разъ, но онъ только ослабилъ впечатлѣніе своей первой рѣчи. „Сдѣлать старый союзный сеймъ другимъ—свыше силъ человѣческихъ,—сказалъ онъ;—онъ останется у васъ, этотъ старый союзный сеймъ, со своими исключительными законами, пока вы не уничтожите его старые акты" ***).

---

*) Выраженіе лица умирающаго.

**) Это замѣчательное пророчество оказалось ужасающе вѣрнымъ: не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ Лихновскій палъ жертвой народной мести.

***) Князь Бисмаркъ, говорятъ, какъ-то сказалъ, что Робертъ Блюмъ со временемъ сдѣлался бы національ-либераломъ. Трудновато обосновать это утвержденіе. Во всякомъ случаѣ Блюмъ никогда не обратился бы въ пламеннаго защитника исключительныхъ

Теперь на трибуну поднялся Лихновскій, который поставилъ себѣ цѣлью всегда говорить послѣ Блюма. На этотъ разъ онъ держался не такъ вызывающе, какъ въ другихъ случаяхъ; съ какой цѣлью онъ измѣнилъ своей обычной манерѣ, разгадать было не трудно. Онъ высказалъ убѣжденіе, что если бы волею Божіей всѣ тридцать четыре нѣмецкихъ суверена со своими фамиліями разомъ исчезли съ лица земли, то пришлось бы собраться и поставить во главѣ этой страны новыхъ сувереновъ, хотя и не въ такомъ большомъ количествѣ. Въ то же время онъ совѣтовалъ своимъ друзьямъ сдѣлать уступки,—значитъ, онъ принадлежалъ теперь къ числу посвященныхъ въ закулисныя махинаціи. Зато его наградили аплодисментами со всѣхъ сторонъ.

Фогтъ изъ Гиссена на этотъ разъ серьезнѣе, чѣмъ вообще, говорилъ о томъ, что меньшинство обязано признавать постановленія большинства, однако меньшинству нельзя запрещать стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться большинствомъ. Онъ высказался за отвѣтственнаго президента.

Раво, колеблющійся и довѣрчивый, заявилъ, что не дурно бы предоставить правительствамъ намѣтить центральную власть. Потомъ онъ продолжалъ: „Сохраните тотъ слабый мостъ, который мы построили для сношеній съ правительствами. Этимъ мы вѣдь не выпускаемъ власти изъ своихъ рукъ!“ Въ продолженіе своей рѣчи онъ засталъ собраніе врасплохъ, когда вдругъ воскликнулъ: „Національное собраніе Франціи выразило свои симпатіи нашему; не должны ли мы отвѣтить на братскій привѣтъ, который былъ принятъ единогласно? Милостивые государи, встаньте со своихъ мѣстъ, покажите, что вы—единая нація!“ И среди шумныхъ возгласовъ все собраніе встало. Правая съ кислой миной смотрѣла на эту демонстрацію.

Потомъ говорилъ еще Мати противъ лѣвой и за дальнѣйшее существованіе союзнаго сейма; впрочемъ, онъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія. Приближался рѣшительный моментъ. Человѣкъ съ всклокоченными бровями, Генрихъ фонъ-Гагернъ, торжественно взошелъ на трибуну; въ воздухѣ чувствовалось, что начинается „государственное дѣяніе“.

Въ настоящее время, если кого-нибудь обвиняютъ, будто онъ хочетъ диктатуры,—такъ началъ фонъ-Гагернъ,—это результатъ заблужденія, безразлично, предлагаютъ ли пять или трехъ лицъ, или же всего одного. Въ эти дни, когда надъ Германіей господствуетъ духъ, который проявляется въ парламентѣ, диктатура просто-напросто невозможна. Онъ еще разъ перечислилъ всѣ „за“ и „противъ“ и заявилъ, что въ принципѣ онъ не противъ того, что правительства должны принять извѣстное участіе въ организаціи центральной власти. Но потомъ онъ продолжалъ: „Милостивые государи, я дѣлаю смѣлое нападеніе и говорю вамъ, что мы сами должны органи-

законовъ (1878—1890), которые Бисмаркъ, этотъ будто бы современный государственный человѣкъ, въ страхѣ передъ мощно развивающимся рабочимъ движеніемъ переволокъ изъ эпохи союзнаго сейма въ объединенную Германію.

зовать временную центральную власть. Я полагаю, что правительства будутъ намъ благодарны, если мы скажемъ, что за человѣкъ долженъ быть имперскимъ правителемъ. Найденъ человѣкъ высокопоставленный, который уже показалъ и впредь покажетъ еще, что онъ достоинъ поддержки націи для такого высокаго мѣста. Имперскаго правителя мы должны избрать изъ высшихъ сферъ. Мы нуждаемся въ человѣкѣ, который занимаетъ высокое положеніе и можетъ быть увѣренъ въ поддержкѣ всѣхъ государствъ, въ отсутствіи сопротивленія. Высшій постъ въ имперіи долженъ занимать государь, не потому, что онъ государь, а хотя онъ государь. Мы такимъ образомъ не поступаемся свободой и создаемъ единство нашего народа и отечества, къ чему мы уже такъ долго стремились".

Какъ удачно сошло это съ рукъ! Буря восторга разразилась подъ высокими соборными сводами и казалось конца ей не будетъ. Центръ былъ въ восхищеніи, и даже лѣвая была отчасти увлечена „смѣлымъ нападеніемъ". Это вѣдь разрѣшеніе большого вопроса, изъ-за котораго уже такъ долго шли споры, и притомъ оно исходило отъ фонъ-Гагерна, на котораго „довѣрчивые" взирали какъ на оракула. Только крайняя правая и крайняя лѣвая сохранили полную холодность.

Дальмана, которому, какъ докладчику, принадлежало заключительное слово, теперь едва ли кто-либо слушалъ. Онъ говорилъ очень долго и высказывалъ очень абсурдныя вещи. Ему даже кричали: „кончайте!" Но „привидѣніе" было упрямо и не уходило, пока не произвело на свѣтъ по меньшей мѣрѣ часовой рѣчи.

Все это разыгралось 24-го іюня. Въ ближайшіе дни законъ касательно центральной власти былъ подвергнутъ голосованію и прошелъ среди зубовнаго скрежета неуклонныхъ реакціонеровъ, — для нихъ „смѣлое нападеніе" шло слишкомъ далеко, они, сдѣланные изъ слишкомъ грубаго матеріала, не могли уразумѣть все его значеніе. Между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ни реакціонеры не имѣли поводовъ приходить въ печаль отъ „смѣлаго нападенія", ни конституціоналисты—торжествовать.

Законъ о временной центральной власти былъ принятъ 403 голосами противъ 135. Основанія его таковы:

1. Пока не будетъ окончательно организована правительственная власть Германіи, учреждается временная центральная власть для всѣхъ общихъ дѣлъ германской націи. Эта власть a) должна исполнять функціи исполнительной власти во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общей безопасности и благоденствія германскаго союзнаго государства; b) должна взять на себя высшее завѣдываніе всѣми вооруженными силами и въ частности назначить для нихъ высшихъ начальниковъ; c) должна играть роль представительства Германіи во всѣхъ международныхъ и торговополитическихъ сношеніяхъ и съ этой цѣлью назначить посланниковъ и консуловъ.

2. Въ кругъ дѣятельности центральной власти не входитъ участіе при выработкѣ конституціи.

3. Относительно войны и мира, а также договоровъ съ иностранными державами, рѣшаетъ центральная власть по соглашенію съ національнымъ собраніемъ.

4. Центральная власть возлагается на имперскаго правителя, который избирается національнымъ собраніемъ.

5. Имперскій правитель исполняетъ свои функціи посредствомъ назначенныхъ имъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ національнымъ собраніемъ.

6. Власть имперскаго правителя неотвѣтственная.

7. Съ того момента, какъ начинается дѣятельность временной центральной власти, прекращается существованіе союзнаго сейма.

8. Исполняя дѣла управленія, центральная власть должна входить, насколько возможно, въ соглашеніе съ уполномоченными союзныхъ правительствъ.

9. Дѣятельность временной центральной власти прекращается, коль скоро закончится выработка конституціи для Германіи и она вступитъ въ дѣйствіе.

Закулисная исторія „смѣлаго нападенія“, благодаря которому прошелъ пресловутый законъ, не выяснена до настоящаго времени и, можетъ быть, никогда не сдѣлается извѣстной. Но изъ дебатовъ съ полной несомнѣнностью вытекаетъ, что „смѣлое нападеніе“ было наполовину дѣломъ дипломатовъ въ родѣ Шмерлинга и Винке и наполовину махинаціей конституціоналистовъ-аристократовъ. Чрезвычайная популярность фонъ-Гагерна заставила избрать его руку для этого „нападенія“; и дѣйствительно, онъ былъ самымъ подходящимъ лицомъ, чтобы провести нѣмцевъ, которые въ своемъ большинствѣ принадлежали къ „довѣрчивымъ“. Комедія, при тогдашней политической неопытности и наивности нѣмцевъ, должна была увѣнчаться успѣхомъ; въ настоящее время оказалось бы уже невозможнымъ такъ одурачить цѣлый народъ. „Смѣлое нападеніе“ отняло у франкфуртскаго парламента, верховенство котораго самъ Гагернъ провозгласилъ въ такихъ напыщенныхъ выраженіяхъ, послѣдній остатокъ его власти. „Смѣлое нападеніе“ окончательно похитило у собранія его „суверенитетъ“, насколько таковой былъ, и собраніе, какъ будто для того, чтобы высмѣять само себя, въ лицѣ своего большинства смотрѣло на новую центральную власть какъ на великое завоеваніе. Теперь неотвѣтственный имперскій правитель захватилъ полномочія, которыя лѣвая хотѣла возложить на исполнительный комитетъ. Трусливымъ и простодушнымъ людямъ, которые составляли конституціонное большинство, это было тѣмъ болѣе наруку, что они не совсѣмъ хорошо чувствовали себя подъ сводами Павловской церкви, куда они явились только „милостью мятежа“; у нихъ не было никакой охоты, они не чувствовали въ себѣ никакого призванія дѣлать всемірную исторію. Да и помимо того, они пришли вѣдь только затѣмъ, чтобы защитить будущее Германіи противъ „анархіи“. И если принцъ являлся къ нимъ на помощь въ такомъ дѣлѣ, это было имъ очень пріятно.

Такъ хитрость, которая направляла руку Гагерна, произвела „смѣлое нападеніе“, и глупость, которой у „довѣрчивыхъ“ было столько, что хоть отбавляй, привѣтствовала его бурей восторговъ. Забавно, что потомъ въ числѣ обманутыхъ оказался и самъ Гагернъ: послѣ того какъ „смѣлое нападеніе“ выдвинуло реакцію, она безжалостно и безвозвратно разбила радужные конституціонные мыльные пузыри господина фонъ-Гагерна.

29-го іюня наступилъ день для избранія имперскаго правителя. Какъ и слѣдовало ожидать, оно пало на эрцгерцога Іоганна Австрійскаго. Онъ получилъ, при 579 членахъ собранія, 436 голосовъ, одинъ голосъ былъ поданъ за эрцгерцога Стефана, 52 голоса получилъ Генрихъ фонъ-Гагернъ, 32 голоса—Адамъ фонъ-Ицштейнъ, 33 члена отсутствовали, 25 членовъ крайней лѣвой воздержались отъ голосованія, потому что не хотѣли выбирать неотвѣтственнаго правителя.

Президентъ Гагернъ возвѣстилъ результатъ выборовъ—и Франкфуртъ, древняя республика аристократовъ и капиталистовъ, опять облачился въ праздничное одѣяніе. Звонили колокола, грохотали пушки, и обманутый народъ ликовалъ вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, которое само отняло у себя свою верховную власть. „Теперь ладно!“—говорили „патріоты“ съ крѣпкими черепами.—„Теперь у насъ есть человѣкъ, который сказалъ: ни Пруссіи, ни Австріи!“ На высотахъ сіяли праздничные огни. Они должны были бы казаться побѣжденной демократіи факелами у гроба нѣмецкой свободы.

Дѣйствительно, демократія потерпѣла такое полное пораженіе, что она уже никогда не могла оправиться отъ него. И что въ особенности заслуживаетъ упрека, такъ это то, что демократія совершенно не сознавала всѣхъ размѣровъ своего пораженія.

Избрали депутацію изъ семи членовъ, чтобы офиціально сообщить эрцгерцогу объ его избраніи. Въ числѣ депутатовъ находились Раво и Гекшеръ.

Черно-желтые историки утверждаютъ, что эрцгерцогу Іоганну Австрійскому ошибочно приписывали застольный тостъ: „Ни Пруссіи ни Австріи, а единая Германія, крѣпкая, какъ ея горы!“ Онъ вообще не обладалъ свойствами, которыя могли бы восторгать разумныхъ людей. Тѣмъ больше годился онъ въ герои нѣмецкихъ филистеровъ, натура которыхъ такъ же суха, какъ была его собственная натура. Онъ не отличился въ войнахъ съ первой французской республикой и съ имперіей; но именно то обстоятельство, что онъ претерпѣлъ неудачу, въ глазахъ мѣщанства окружило сіяніемъ его голую голову, потому что онъ былъ принцъ; „обыкновеннаго“ человѣка высмѣяли бы, какъ неудачника. Въ 1800 году, когда знаменитый эрцгерцогъ Карлъ рѣшительно отказался отъ командованія, пока управленіе принадлежитъ интригану Тугуту, Іоганнъ, братъ Карла, въ то время восемнадцатилѣтній юноша, заставилъ признать себя достаточно подготовленнымъ, чтобы вести послѣднее австрійское войско противъ побѣдоноснаго генерала Моро. И онъ и члены придворнаго австрійскаго совѣта, надо

полагать, питали твердую увѣренность, что Провидѣніе избрало его, какъ принца, чтобы одержать побѣду надъ бюргеромъ, вождемъ республиканскаго войска. Къ нему приставили совершенно неспособнаго генерала, по имени Лауэра. При Ампфингѣ принцъ напалъ врасплохъ и потому имѣлъ нѣкоторый успѣхъ; но при Гогенлинденѣ Моро разбилъ его наголову. Однако это не могло вразумить Іоганна, что онъ вовсе не полководецъ. Въ 1805 году онъ опять уже командовалъ, на этотъ разъ въ Тиролѣ, гдѣ одержалъ маленькія побѣды, что слѣдуетъ приписать не столько его талантамъ, сколько храбрости тирольцевъ. Въ 1809 году онъ всталъ во главѣ войска изъ центральной Австріи; послѣ первыхъ успѣховъ Іоганнъ былъ вытѣсненъ изъ Италіи, а потомъ, при Раабѣ, окончательно разбитъ вице-королемъ Евгеніемъ. Въ битвѣ при Ваграмѣ онъ пришелъ слишкомъ поздно и такимъ образомъ сдѣлался виновникомъ ужаснаго пораженія, понесеннаго его братомъ Карломъ; это послужило причиной жестокой ссоры между ними.

Послѣ этихъ дѣяній Іоганнъ избралъ другую арену. Мѣщанство, которому онъ былъ извѣстенъ только своими пораженіями, вдругъ открыло, что онъ „демократиченъ" и „либераленъ", такъ какъ онъ теперь совершилъ, по понятіямъ добрыхъ бюргеровъ, воистину геройское дѣло: женился на дѣвицѣ „обыкновеннаго" происхожденія. Счастливицей была Анна Плохль изъ Аусзэ. Она была дочь почтмейстера; о способѣ, какимъ она пріобрѣла своего „Іоганна Безземельнаго", разсказываютъ различно. Согласно одной версіи, однажды, когда на станціи въ Аусзэ не было почтальоновъ, тамъ проѣзжалъ эрцгерцогъ Іоганнъ; онъ во что бы то ни стало хотѣлъ ночью же отправиться дальше, и потому прелестная и смѣлая дочка почтмейстера надѣла на себя мундиръ почтальона и повезла эрцгерцога. Анна Плохль со своими полными бедрами, обтянутыми въ кожаныя почтальонскія панталоны, такъ понравилась эрцгерцогу, что онъ сдѣлалъ ее своей женой и заставилъ возвести въ званіе графини фонъ-Меранъ. Этотъ „мезальянсъ" принудилъ его удалиться отъ двора, но слава его среди добраго бюргерства отъ этого только выиграла. Кожаные штаны изъ Аусзэ были, пожалуй, той скалой, на которой потерпѣло крушеніе дѣло конституціи 1848 года. Ибо, не будь ихъ, Іоганнъ не достигъ бы такой популярности, его не произвели бы въ имперскіе правители, не могли бы сдѣлать „смѣлаго нападенія". Маленькія причины—великія слѣдствія! Таковы причуды всемірной исторіи.

Въ концѣ-концовъ приходится думать, что онъ произнесъ застольный тостъ въ Кельнѣ не въ такой формѣ, какъ онъ потомъ разгуливалъ по людямъ. „Ни Пруссіи, ни Австріи"—это Іоганнъ едва ли сказалъ: для того онъ былъ слишкомъ ужъ Габсбургъ и черно-желтый австріецъ. Но восхищенные филистеры просто признали, что произнесеніе тоста установлено непоколебимо, и съ этого времени Іоганнъ пользовался ихъ почитаніемъ *).

*) Въ одну прокламацію Іоганна къ войскамъ, конечно, не безъ намѣренія, внесено мѣсто: „Созданіе нѣмецкаго единства, крѣпкаго, какъ ваши горы". Это служило какъ будто подтвержденіемъ кельнской легенды.

Фонъ-Гагернъ возвѣстилъ объ Іоганнѣ какъ о „возстановителѣ порядка и спокойствія“; поэтому ликованія бюргерства, приверженнаго къ порядку, нуждающагося въ спокойствіи, достигли крайнихъ предѣловъ. Въ городахъ, которыми проходила депутація, восторгамъ конца не предвидѣлось; а въ самой Вѣнѣ они превзошли всякую мѣру вѣроятія, особенно когда Раво и Саукенъ обратились къ массѣ съ рѣчами. Дворъ, буржуазія, бюрократія, юнкеры и попы приняли участіе въ ликованіяхъ: они видѣли въ Іоганнѣ св. Георгія, которому предопредѣлено умертвить дракона „анархіи“. Поэты тоже воспѣвали имперскаго правителя, и даже графъ Ауэрспергъ (Анастасій Грюнъ), вообще не обдѣленный разумомъ, въ стихахъ возвеличивалъ побѣжденнаго при Гогенлинденѣ какъ самаго возвышеннаго героя.

Какъ въ тріумфальномъ шествіи, ѣхалъ Іоганнъ черезъ Германію во Франкфуртъ на Майнѣ; случилось только одно происшествіе—къ боли сердечной всѣхъ добрыхъ бюргеровъ: какой-то студентъ изъ Галле подскочилъ къ дверцамъ кареты и возбужденно крикнулъ: „О т в ѣ т с т в е н н ы й или н е о т в ѣ т с т в е н н ы й?“ Славный малый, очевидно, не читалъ закона о центральной власти. По случаю прибытія „высокаго путешественника“, какъ именовали газеты имперскаго правителя, Франкфуртъ еще разъ проявилъ шумный восторгъ. Іоганну пѣли, кричали виватъ, говорили рѣчи и утверждали при этомъ, что его прошлое служитъ ручательствомъ за прекрасное будущее. Дѣйствительно, прекрасное будущее!

12-го іюля имперскаго правителя торжественно ввели въ церковь св. Павла, гдѣ благородный фонъ-Гагернъ въ своей рѣчи воскурилъ ему ѳиміамы. Іоганнъ надѣлъ очки, вынулъ изъ кармана бумажку и прочиталъ заявленіе, которымъ онъ вступилъ въ исполненіе своей должности имперскаго правителя.

Бурные виваты сопровождали его, когда онъ уходилъ.

Союзный сеймъ закрылся. Президентъ его Шмерлингъ во дворцѣ сейма торжественно совершилъ еще одинъ тайный государственный актъ, возложивши на Іоганна „исполненіе конституціонныхъ функцій и обязательствъ союзнаго собранія“ (сейма). Слѣдовательно, эти господа полагали, что Іоганнъ долженъ явиться простымъ п р о д о л ж а т е л е м ъ с о ю з н а г о с е й м а, тотъ самый Іоганнъ, котораго эти же господа, дѣйствуя внѣ сейма, передъ націей, вытянули посредствомъ „смѣлаго нападенія“. Это недурно и со всѣхъ сторонъ освѣщаетъ комедію. Государственный актъ, совершонный во дворцѣ сейма, былъ разоблаченъ только впослѣдствіи. На первое же время для публики сдѣлалось извѣстнымъ только поздравительное посланіе союзнаго сейма, въ которомъ онъ заявлялъ, что еще до окончанія преній относительно центральнаго правительства имъ было получено полномочіе высказаться въ пользу избранія Іоганна. Это озадачило лѣвую; Робертъ Блюмъ забилъ тревогу, но не достигъ ничего, кромѣ грубаго отвѣта отъ Шмерлинга, который, разумѣется, сильно распѣтушился.

Когда во Франкфуртъ прибыла супруга Іоганна, опять наступилъ

день ликованій,—дѣвушки, одѣтыя въ бѣлое, шпалеры гражданскаго ополченія, звонъ колоколовъ. У Іоганна было двѣ квартиры: одна въ Бокенгеймѣ и другая во Франкфуртѣ, на Эшенгеймской улицѣ. Благодарные нѣмцы должны были для его содержанія предоставить ему цивильный листъ, т.-е. ассигновать опредѣленную сумму, но онъ, не желая создавать для демократовъ какихъ-либо поводовъ къ нападкамъ, отказался, и такое безкорыстіе еще подогрѣло ликованія бюргеровъ. О немъ говорили, что онъ хочетъ сдѣлаться германскимъ императоромъ; въ молодости онъ дѣйствительно обнаруживалъ большое честолюбіе. Но пока что онъ окружилъ себя теперь облаками новыхъ, имперскихъ бюрократовъ и имперскихъ писцовъ и сформировалъ свое „отвѣтственное" министерство, сначала временное, а потомъ окончательное. Составъ его опредѣлился такъ:

Президентъ: князь фонъ-Лейнингенъ.

Внутреннія дѣла: баронъ фонъ-Шмерлингъ *).

Иностранныя дѣла: Гекшеръ.

Юстиція: Робертъ фонъ-Моль.

Военное министерство: фонъ-Пейкеръ.

Финансы: Беккератъ.

Торговля: Дуквицъ.

Младшіе статсъ-секретари въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: Бассерманъ, фонъ-Вюртъ.

Младшіе статсъ-секретари въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ: Максъ фонъ-Гагернъ, фонъ-Бигелебенъ.

Младшій статсъ-секретарь въ министерствѣ юстиціи: Виденманъ.

Младшій статсъ-секретарь въ министерствѣ финансовъ: Мати.

Младшіе статсъ-секретари въ министерствѣ торговли: Фаллати, Мефиссенъ **).

Это министерство отличалось отъ союзнаго сейма только тѣмъ,— не даромъ же Шмерлингъ, президентъ союзнаго сейма, немедленно сдѣлался имперскимъ министромъ,—что въ его лонѣ нашли себѣ пріютъ перебѣжчики лѣвой. Оно съ большимъ рвеніемъ принялось за исполненіе своей задачи: всѣми возможными средствами тормозить дѣло конституціоннаго устройства и выравнивать пути для реакціи. Большинство собранія было такъ простодушно, что аплодисментами встрѣтило заявленіе министра-президента о томъ, что министерство разсчитываетъ на активное содѣйствіе всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ. Казалось, что собраніе теперь прямо страшится своего былого „суверенитета".

Имперскій правитель издалъ воззваніе къ народу, полное трескучихъ фразъ, доставилъ возможность выслушать нѣсколько „патріотическихъ" тостовъ, а во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ велъ во Франк-

*) Позже Шмерлингъ занялъ мѣсто князя фонъ-Лейнингена.

**) Должность младшаго статсъ-секретаря соотвѣтствуетъ должности товарища министра.

фуртѣ такую же жизнь, какъ и раньше,—разумѣется, насколько это поддавалось наблюденіямъ. Но за кулисами онъ развилъ энергичную дѣятельность; что дѣлалъ онъ, проницательные легко могли представить себѣ, а масса довѣрчивыхъ не ломала надъ этимъ своей головы.

Лѣвая видѣла, что издалека надвигается реакція. Но что должна была и что намѣревалась дѣлать лѣвая? Прусское правительство заявило, что противодѣйствіемъ стремленіямъ парламента послужитъ созывъ государственныхъ чиновъ, т.-е. сословныхъ собраній въ отдѣльныхъ государствахъ. Лѣвая задалась цѣлью противопоставить этому плану свою собственную организацію. Съ 14-го по 17-е іюня во Франкфуртѣ засѣдалъ демократическій конгрессъ; 88 демократическихъ союзовъ было представлено 192-мя делегатами. Былъ учрежденъ центральный комитетъ, составленный изъ Фребеля, Рау и Крига; но комитетъ не могъ создать широкой организаціи.

Волна народнаго движенія въ то время поднималась еще очень высоко. Во многихъ мѣстахъ вспыхнули демократическія возстанія, обусловленныя отчасти быстро нараставшимъ недовѣріемъ народа къ парламенту. Однако лѣвая не сумѣла воспользоваться этими движеніями, которыя во многихъ случаяхъ порядкомъ припугнули реакціонеровъ. Центральная власть съ своей стороны дѣлала все, чтобы задушить проявленія народнаго неудовольствія. Съ того времени, какъ учреждена была центральная власть, мѣстныя возстанія подавлялись съ величайшей рѣшительностью; у реакціи теперь былъ планъ и нѣкоторая сорганизованность, между тѣмъ какъ до сихъ поръ она старалась использовать только подвертывавшіяся случайности.

При такихъ обстоятельствахъ многимъ членамъ лѣвой стоило тяжелой борьбы, чтобы и впредь оставаться въ парламентѣ. Нѣкоторые изъ нихъ скоро ушли, напр., Каппъ изъ Гейдельберга и Арнольдъ Руге. Они считали борьбу безнадежной *).

Это было справедливо. И вообще позволительно сильно сомнѣваться, можно ли видѣть особенную заслугу лѣвой въ томъ, что она упорствовала и, несмотря ни на что, оставалась въ парламентѣ. Потокъ, захватившій большинство собранія, наполовину реакціонное, наполовину убаюканное довѣрчивостью, долженъ былъ пригнать его къ той же скалѣ, на которой потерпѣлъ крушеніе и корабль одураченнаго Гагерна и К°.

Между тѣмъ подавляющее большинство членовъ лѣвой и лѣваго центра вѣровали въ силу своихъ рѣчей, думали, что онѣ должны потрясать міромъ. Надо же было имъ освободиться отъ всего запаса фразъ, накопленныхъ ими. Получить аплодисменты отъ публики, со-

*) Изъ парламента ушли также Гервинусъ, извѣстный историкъ, Генрихъ Лаубе и графъ Ауэрспергъ (Анастасій Грюнъ). Причиной выхода первыхъ двухъ, несомнѣнно, было оскорбленное самолюбіе: имъ не удалось играть той роли, на которую они считали себя призванными всемірной исторіей. Лаубе воспользовался случаемъ, чтобы излить свое неудовольствіе въ реакціонномъ памфлетѣ; Гервинусъ началъ прорицать въ гейдельбергской „Нѣмецкой газетѣ", органѣ разслабленно-довѣрчиваго профессорства.

бравшейся въ галлереяхъ, прочитать потомъ свои рѣчи въ дословной стенографической передачѣ или же въ газетныхъ извлеченіяхъ, слышать, какъ ихъ обсуждаютъ,—нѣтъ, требовать отреченія отъ такихъ наслажденій значило бы требовать слишкомъ многаго отъ большинства демократическихъ лилипутовъ. И этимъ превосходно сумѣла воспользоваться реакція въ своей закулисной работѣ. Она постаралась выкинуть голую кость болтунамъ, чтобы они глодали ее, пока безвозвратно не пройдетъ драгоцѣнное время для созданія единой и свободной Германіи. Этой жалкой, злосчастной костью былъ проектъ основныхъ правъ германскаго народа.

Если бы парламентъ хотѣлъ работать съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, онъ долженъ былъ съ наивозможной быстротой обсудить конституцію и потомъ подумать о средствахъ для ея проведенія. Это понимали тогда самые простые люди, не понимало, да и понимать не хотѣло, только высокоумное собраніе ученыхъ и буржуа. Вспоминали при этомъ, что учредительное національное собраніе 1789 года предпослало выработанной имъ конституціи декларацію правъ человѣка. Теперь то же самое должна сдѣлать Германія. Забывали только одно: что французы набросали, обсудили и возвѣстили права человѣка въ самое короткое время.

Предполагалось, что „основныя права“ должны заключать права и завоеванія германскаго народа, упорядоченныя въ красивыхъ параграфахъ; за ними должна послѣдовать имѣющая быть выработанной конституція. Среди основныхъ правъ было, несомнѣнно, много прекрасныхъ и хорошихъ вещей; онѣ знаменовали невѣроятный прогрессъ по сравненію съ домартовскимъ временемъ *). Но всѣ эти вещи пока что

*) „Основныя права германскаго народа“ провозглашаютъ равенство всѣхъ передъ закономъ, уничтоженіе дворянскаго сословія, отмѣну всѣхъ сословныхъ привилегій, всѣхъ титуловъ, поскольку они не связаны съ занимаемой должностью, всеобщую воинскую повинность, неприкосновенность личной свободы. Послѣднее право гарантируется слѣдующимъ образомъ (§ 8): задержаніе какого-либо лица, если только оно не накрыто на мѣстѣ преступленія, можетъ воспослѣдовать лишь въ силу обоснованнаго приказа судьи, каковой вручается арестованному не позже какъ черезъ 24 часа по задержаніи. По истеченіи этого срока полицейскія власти должны или освободить задержаннаго, или передать его въ распоряженіе судебныхъ властей. Судъ обязанъ освободить арестованнаго подъ залогъ или поручительство, если противъ него нѣтъ серьезныхъ уликъ въ совершеніи тяжкаго преступленія. Въ случаѣ противозаконнаго задержанія виновный въ томъ, а при необходимости и государство должны дать потерпѣвшему удовлетвореніе и вознагражденіе. § 9 отмѣняетъ смертную казнь, наложеніе клеймъ, тѣлесное наказаніе. Согласно § 10 домашніе обыски допускаются лишь въ силу судебнаго приказа, излагающаго причины этой мѣры. Согласно § 11, такими же условіями обставленъ просмотръ писемъ и бумагъ. § 12 гарантируетъ тайну переписки по почтѣ. § 13—право свободно выражать мнѣнія устно, письменно, печатно и при помощи иллюстрацій. Свобода печати ни при какихъ условіяхъ и никакими способами—при помощи цензуры, разрѣшеній, залоговъ, ограниченій, налагаемыхъ на типографіи или книжные магазины, отказа почты отъ пересылки изданій—не должна быть ограничиваема, пріостанавливаема или отмѣняема. Всѣ проступки по дѣламъ печати разбираются судомъ присяжныхъ.—Слѣдующіе параграфы провозглашаютъ полную свободу вѣроисповѣданія и совѣсти и намѣчаютъ, хотя не вполнѣ ясно, нѣчто въ родѣ

стояли исключительно на бумагѣ. Если бы собраніе формулировало этотъ кодексъ гражданской свободы въ какія-нибудь восемь сутокъ,— что было бы вполнѣ возможно для практичныхъ и разумныхъ людей,— то основныя права получили бы совершенно иное значеніе. Но здѣсь, при обсужденіи правъ, опять сдѣлали свое дѣло классовые интересы буржуазіи; либеральная и конституціонная буржуазія выдвигала ихъ съ такой неизмѣнной настойчивостью, что это значительно содѣйствовало расчисткѣ путей для реакціи. Если основныя права должны были, съ одной стороны, закрѣпить новыя завоеванія, то, съ другой стороны, они же должны были послужить хорошей смирительной рубахой, приготовленной буржуазіей для революціи. До сихъ поръ, говорили конституціоналисты, но не дальше.

Съ основными правами открылось безбрежное море для болтовни; всѣ парламентскія партіи бултыхались въ немъ съ одинаковымъ удовольствіемъ. Люди хоть сколько-нибудь проницательные пришли въ положительный ужасъ. Докторъ Гискра, одинъ изъ самыхъ юныхъ членовъ собранія, демонстрировалъ такое вычисленіе:

„Коренной проектъ основныхъ правъ содержитъ 48 параграфовъ, экономическій—40; уже внесено 350 предложеній поправокъ, что составляетъ въ общей сложности 438 параграфовъ. Считая на каждый изъ нихъ по 10 ораторовъ, получимъ 4.380 ораторовъ. По 15-ти ораторовъ на засѣданіе—дастъ 292 засѣданія. При трехъ засѣданіяхъ на недѣлю это составитъ 98 недѣль. Слѣдовательно, первое чтеніе основныхъ правъ закончится въ апрѣлѣ 1850 года".

Это подѣйствовало, и собраніе обнаружило нѣкоторую торопливость, но далеко не достаточную. Притомъ трехъ засѣданій въ недѣлю

отдѣленія церкви отъ государства. Вотъ нѣкоторыя положенія этого отдѣла: никто не обязанъ исповѣдывать свои религіозныя убѣжденія. Вѣроисповѣданіе не должно служить причиной къ ограниченію гражданскихъ и политическихъ правъ. Для признанія дѣйствительности брака требуется только совершеніе гражданскаго акта; лишь послѣ того допускается церковный бракъ. Различіе вѣроисповѣданій не должно служить препятствіемъ къ вступленію въ бракъ.—Слѣдующій отдѣлъ гарантируетъ свободу обученія, безплатность начальнаго обученія, безплатность для несостоятельныхъ обученія во всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. На родителей возлагается обязанность давать своимъ дѣтямъ элементарное образованіе. — Далѣе всѣмъ гарантируется право подачи петицій и жалобъ, единоличныхъ и коллективныхъ. Въ связи съ этимъ провозглашается, что для возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ должностного лица не требуется предварительнаго разрѣшенія со стороны начальства послѣдняго §§ 29 и 30 гарантируютъ право устраивать собранія и союзы, не испрашивая разрѣшенія администраціи. § 31 распространяетъ это право на войско и флотъ. Дальнѣйшіе параграфы говорятъ главнымъ образомъ объ отмѣнѣ различныхъ феодальныхъ правъ и привилегій. § 41 и слѣдующіе провозглашаютъ отмѣну всякихъ особыхъ судовъ (помѣщичьихъ, административныхъ, полицейскихъ), гарантируютъ судьямъ несмѣняемость и независимость отъ другихъ формъ административнаго давленія, расширяютъ компетенцію суда присяжныхъ на всѣ болѣе тяжкія уголовныя преступленія и рѣшительно на всѣ политическіе преступленія и проступки, при чемъ судебное разбирательство всегда должно быть публичнымъ. Закрытіе дверей при разборѣ дѣлъ допускается исключительно лишь по соображеніямъ нравственности.—Мы увидимъ во второмъ томѣ, насколько далека современная Германія отъ осуществленія многихъ изъ этихъ основныхъ правъ.

было слишкомъ ужъ мало. Однако этотъ революціонный парламентъ не допускалъ, чтобы его мѣщанскій комфортъ что-нибудь нарушало, и вотъ 1848 годъ былъ, дѣйствительно, ухлопанъ почти цѣликомъ на обсужденіе основныхъ правъ.

Между тѣмъ народныя силы постепенно расточались въ мѣстныхъ возстаніяхъ и мятежахъ; центральная власть, дѣйствуя въ согласіи съ другими властями, постаралась воспользоваться моментомъ, чтобы окончательно задушить все движеніе.

Каждый день, проведенный собраніемъ въ пустой болтовнѣ, капля за каплей уносилъ у него силу. „Довѣрчивые“ этого не замѣчали; проницательные не могли ничего съ этимъ подѣлать. Уже поведеніе Эрнста-Августа, ганноверскаго короля, который не желалъ обуздать своихъ самодержавныхъ тенденцій и своего заскорузлаго партикуляризма, должно бы, казалось, раскрыть очи парламенту. Еще 7-го іюля въ собраніи ганноверскихъ сословій отъ лица Эрнста-Августа было объявлено, что онъ не примкнетъ къ ожидающему новой организаціи германскому союзному государству, ибо при наличности центральнаго правительства государи будутъ являться „какъ бы подчиненными нѣкоего другого монарха“. Франкфуртское собраніе предложило центральной власти потребовать отъ Ганновера, чтобы онъ призналъ постановленія парламента. Іоганнъ и его Шмерлингъ сдѣлали это съ величайшей готовностью, но, разумѣется, дѣло такъ и остановилось на требованіи. Конечно, Іоганнъ и Эрнстъ-Августъ слишкомъ хорошо понимали другъ друга, чтобы вступать въ серьезный конфликтъ. Теперь для всѣхъ сдѣлалось ясно, какую роль долженъ играть Іоганнъ, занимая мѣсто имперскаго правителя; только для „довѣрчивыхъ“ это не было ясно.

Обсужденіе основныхъ правъ множество разъ прерывалось внесеніемъ интерпелляцій; но запросы имѣли мало значенія и только увеличили болтовню безъ плана и цѣли. Вопросъ о войскѣ остался въ сущности не разрѣшеннымъ. Правда, Іоганнъ поручилъ Пейкеру, имперскому военному министру, сдѣлать правительствамъ сообщеніе, что онъ, Іоганнъ, взялъ на себя „высшее завѣдываніе боевыми силами Германіи“; но это былъ просто-напросто чистый обманъ, и правительства, особенно сильныя, обошли это дѣло. Фактически Іоганнъ не могъ командовать ни прусскими, ни австрійскими, ни баварскими, ни какими бы то ни было другими войсками Германіи. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда задача заключалась въ томъ, чтобъ подавить демократію силой оружія, — тогда въ распоряженіе центральной власти давались войска.

Казалось, парламентъ былъ пораженъ слѣпотой. Комиссія обороны, на разрѣшеніе которой былъ переданъ вопросъ о народномъ ополченіи, выступила съ такимъ предложеніемъ: потребовать отъ правительствъ Германіи, чтобы они увеличили вдвое численность своихъ войскъ. Блюмъ рѣшительно выступилъ противъ предложенія; онъ указывалъ на расходы, какихъ потребуетъ это, и заявилъ, что, вопреки

нерѣдкимъ утвержденіямъ, нѣтъ никакихъ основаній опасаться нападенія со стороны Франціи; время завоевательныхъ войнъ вообще миновало *). Радовицъ утверждалъ, напротивъ, что напади Франція или Россія, у Германіи не окажется достаточныхъ боевыхъ силъ для защиты,—необходимо вооружиться. Радовицъ и компанія превосходно знали, что если Россія и вмѣшается, то лишь для возстановленія домартовскаго порядка, какъ нѣкоторое время спустя это дѣйствительно случилось съ Венгріей. Но они хорошо знали и своихъ конституціоналистовъ. Вслѣдъ за тѣмъ, когда Лихновскій обратился съ призывомъ къ національной гордости, дѣло было выиграно. Это собраніе, у котораго для защиты не было ни одного батальона, но для котораго было бы достаточно одного батальона, чтобы разогнать его,—это самое собраніе увеличило боевую силу нѣмецкихъ правительствъ болѣе чѣмъ на 900.000 человѣкъ! Правительства, разумѣется, ничего не имѣли возразить противъ такого рѣшенія. Реакціонеры должны были не мало смѣяться между собой, когда парламентъ 303 противъ 149 голосовъ постановилъ поставить на ноги противъ себя самого такую огромную боевую силу. Что эти войска при случаѣ могли послужить для того, чтобы воспрепятствовать исполненію постановленій парламента,—на этотъ счетъ уже заявленіе ганноверскаго правительства не оставляло никакихъ сомнѣній **).

Но мечтатели въ церкви св. Павла, какъ бы нарочно стремясь вызвать насмѣшки цѣлаго міра, не давали сбить себя съ толку. Они нашли еще время обстоятельно обсудить и вырѣшить вопросъ о цвѣтахъ флага для флота Германіи, котораго пока совсѣмъ не было.

Можно ли удивляться, что при такихъ обстоятельствахъ сознательные реакціонеры уже предвкушали полноту своего будущаго торжества. „Теперь-то мы ужъ справимся съ революціей,—за нами стоитъ 900 тысячъ рукъ!“ ликовалъ кое-кто по ночамъ, упоенный парами вина, въ городѣ Франкфуртѣ.

Центральная власть, когда это входило въ ея виды, выступала очень величественно. Къ иностраннымъ дворамъ и въ правительственныя резиденціи она отправляла пословъ, которые нерѣдко держались тамъ съ комичной надменностью и компрометировали нѣмецкое имя. Въ самомъ Франкфуртѣ около Іоганна составился дворъ дипломатовъ; здѣсь были посланники: прусскій, австрійскій, англійскій, французскій, бельгійскій, нидерландскій, сѣверо-американскій, неаполитанскій, сардинскій и даже венгерскій. Во Франкфуртѣ жилось пріятно и инте-

*) Событія, которыя разыгрались въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, опровергли это утвержденіе Блюма.

**) Заявленіе отъ лица ганноверскаго короля было сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ: „Ни благо, ни свобода народовъ, ни собственная честь государя не позволяютъ признать конституцію, которая не обезпечиваетъ необходимаго значенія за самостоятельностью германскихъ государствъ; поэтому король рѣшился скорѣе пойти на все, чѣмъ приложить свою руку къ мѣрамъ, которыя имѣли бы видъ отреченія отъ долга и чести“.

ресно; господа дипломаты, присутствуя при зрѣлищѣ гибнущей нѣмецкой революціи, почерпали изъ этого пикантное удовольствіе.

Шмерлингъ, одинъ изъ испытаннѣйшихъ дипломатовъ старой школы и фанатическій врагъ демократіи, плелъ свои интриги. Іоганнъ помогалъ ихъ выполненію. Въ это самое время Гагернъ и компанія, преисполненные великими надеждами, отправились въ Кельнъ на празднованіе закладки собора (15 августа), куда прибыли прусскій король и имперскій правитель. Гагернъ обратился съ рѣчью къ прусскому королю; президентъ національнаго собранія провелъ не особенно удачное сравненіе между кельнскимъ соборомъ и единствомъ Германіи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV отвѣчалъ на обращеніе благороднаго фонъ-Гагерна: „Проникнитесь убѣжденіемъ, что я никогда не забуду, къ основанію какого великаго дѣла призваны вы; точно такъ же я убѣжденъ, что вы никогда не забудете, что въ Германіи есть государи и что я принадлежу къ ихъ числу!"

Король въ этомъ случаѣ былъ несравненно откровеннѣе, чѣмъ заоблачные мечтатели-конституціоналисты. Своими словами онъ со всей возможной ясностью далъ уразумѣть, что осуществленіе конституціоннаго устройства мыслимо для него только при условіи соглашенія съ государями. Между тѣмъ Гагернъ и компанія все еще предавались грубому заблужденію, будто парламентъ, у котораго сами они отняли послѣднія силы, попрежнему обладаетъ верховной властью, попрежнему остается „суверенньмъ" собраніемъ. Каждый мыслящій человѣкъ теперь безъ труда могъ предвидѣть исходъ работы надъ конституціоннымъ устройствомъ. Паденіе парламента и его роли совершалось быстро, неудержимо; онъ самъ накликалъ на себя свою злосчастную судьбу.

При всемъ томъ онъ былъ любопытенъ, этотъ первый парламентъ Германіи. Небезынтересно дать описаніе его внѣшности, какъ она отпечатлѣлась въ памяти одного члена лѣвой *), который оставилъ парламентъ до заключительной катастрофы. Пусть современникъ разсказываетъ, какъ ему представлялось собраніе,—не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что мѣстами онъ становится слишкомъ восторженнымъ и изливаетъ свое благоволеніе на людей, которые этого не заслуживаютъ.

„Съ того времени, какъ міръ узналъ нѣмецкое имя,—говоритъ Циммерманъ,—не случалось еще, чтобы вмѣстѣ собралось такое изобиліе знаменитыхъ и извѣстныхъ именъ, талантовъ и характеровъ, профессій и различныхъ родовъ дѣятельности. Тамъ рядомъ съ депутатомъ изъ отдаленнѣйшихъ частей Пруссіи, оттуда, гдѣ на стражѣ стоятъ казаки, сидѣлъ депутатъ изъ романскаго Тироля, который говоритъ ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ, а языкомъ страны апельсиновъ—какъ роднымъ; тамъ сидѣлъ богатѣйшій землевладѣлецъ изъ Верхней Швабіи, который еще носитъ княжескую мантію и отецъ котораго еще былъ сувереномъ, а недалеко отъ него бравый крестьянинъ, воз-

*) Доктора Вильгельма Циммермана, депутата отъ швабскаго Галля.

дѣлывающій свою ферму своими собственными руками; тамъ на одной и той же скамьѣ сидѣли пламенный рыцарь католицизма и холодный, разсудочный проповѣдникъ нѣмецкой католической общины, и другъ просвѣщенія, и философъ, и епископъ, и піэтистъ, и іезуитъ. Всѣ вѣроисповѣданія Германіи имѣли своихъ представителей, еврейское тоже довольно многочисленныхъ, притомъ послѣднее въ лицѣ выдающихся талантовъ и характеровъ. На скамьяхъ сидѣло изъ всѣхъ мѣстъ нѣмецкихъ, а также и не нѣмецкихъ, около шестисотъ депутатовъ. Какое богатство физіономій, какое многообразіе! Окидывая глазомъ сотни ихъ, не найдешь ни одной, которая не была бы чѣмъ-нибудь замѣчательна, не возвышалась надъ заурядностью. Тамъ были всяческія фигуры: юношески-нѣжныя и старцы съ посребренными локонами; тамъ одинъ, ловко скользя, поднимается на трибуну, какъ будто онъ входитъ въ дамскій будуаръ; а другой, надломленный долгимъ заключеніемъ въ тѣсной тюрьмѣ и сохранившій эластичность только въ сердцѣ и головѣ, полурастянулъ свои измученные члены на камышевомъ стулѣ, на которомъ онъ полулежитъ. Но кто этотъ человѣкъ съ античной головой философствующаго Катона, кто это съ двумя костылями подъ мышками пробирается къ своему мѣсту около высокой колонны? Это человѣкъ, который семнадцать лѣтъ прожилъ изгнанникомъ во Франціи, это либеральнѣйшій, благороднѣйшій, остроумнѣйшій депутатъ баварской палаты 1831 года, это—Шюлеръ изъ Цвейбрюкена. Рядомъ съ нимъ сидитъ Сильвестръ Іорданъ изъ Марбурга, котораго много преслѣдовали и въ Тиролѣ, на родинѣ, и въ Кургессенѣ. Дальше Штедманъ, Рюдеръ, Бриглебъ и еще множество другихъ именъ, получившихъ извѣстность по преслѣдованіямъ, которыя они претерпѣли за благо своей родины *). Іорданъ,—какими морщинами покрыто, какъ престарѣло его лицо, которое судорожно передергивается только скрытою страстью! Впереди сидитъ юноша по сравненію съ нимъ, его старый учитель и наставникъ Миттермайеръ, съ прекрасной свѣтозарной главой,—образъ, проникнутый мудростью и благородствомъ. Дальше, вправо отъ него, сидитъ другая знаменитость — Дальманъ. Какой контрастъ между ними! Въ мірѣ нѣтъ другого такого лица, воскликнулъ кто-то, увидавши его. А тамъ, выше, около средней колонны, кто это можетъ быть,—съ огромной сѣдой бородой, длинными сѣдыми волосами, въ черной бархатной шапочкѣ, въ древне-германскомъ камзолѣ и съ широчайшими откинутыми бѣлыми воротничками,—кто это, какъ не развалина стараго Яна, учителя гимнастики? Тамъ, дальше, на крайней лѣвой, сидитъ тоже пруссакъ, отчасти съ чертами германца **),—статная фигура собственника многочисленныхъ помѣстій въ Восточной и Западной Помераніи, ревностный членъ прусскаго союза Густава Адольфа и депутатъ соединеннаго ландтага; это—графъ Шверинъ.

---

*) Нѣкоторые, напр. Рюдеръ, позже, благодаря преслѣдованіямъ же, опять получили извѣстность, но уже въ роли преслѣдователей.

**) Циммерманъ былъ непримиримымъ врагомъ Пруссіи, но не прусскаго народа, а юнкеровъ и аристократовъ, поскольку они выступали представителями Пруссіи.

Недалеко отъ него сидитъ другой графъ, съ тонкой, подвижной фигурой, сельскій хозяинъ, какъ и первый, но, кромѣ того, также извѣстный писатель-политикъ и экономистъ, графъ Деймъ изъ Праги. Дальше, въ срединѣ, сидитъ юный сравнительно графъ, изящный и остроумный, популярный поэтъ Ауэрспергъ, который подъ псевдонимомъ Анастасія Грюна семнадцать лѣтъ былъ жаворонкомъ свободы для Австріи *); однако въ настоящее время его лицо выражаетъ разочарованіе во многихъ надеждахъ. Почти рядомъ съ нимъ—подвижный человѣкъ съ крупной головой, внутренно болѣе либеральный, чѣмъ по внѣшности, протестантъ и въ то же время членъ совѣта министерства въ клерикальномъ мюнхенскомъ министерствѣ, преподаватель теперешняго короля, въ высшей степени разсудительный и практичный, ораторъ-юмористъ; это — профессоръ фонъ-Германъ. Прямо противъ него тоже ученый изъ Мюнхена; но вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ онъ живетъ больше въ Турціи, въ Азіи и въ Африкѣ, чѣмъ въ Мюнхенѣ или въ своемъ родномъ Вейлерѣ, въ горахъ Тироля. Трудно сказать, что дѣлаетъ привлекательнѣе его голову, прекрасную еще и въ его преклонныхъ годахъ: остроуміе или образованіе оріенталиста. Это—знаменитый путешественникъ по Востоку. Тамъ, по другую сторону, возбуждаетъ интересъ голова, прекрасная физической и духовной красотой; это—Гервинусъ. Дальше фонъ-Беккератъ съ его тонкой духовной организаціей, потомъ плотный, съ короткой шеей, берлински-остроумный, обходительный фонъ-Винке, который никогда не полѣзетъ за словомъ въ карманъ, съ маленькими глазами и живымъ колоритомъ на выдающихся скулахъ. Винке, а также Беккерату и другимъ въ церкви св. Павла повредила раздутая Берлиномъ репутація ихъ краснорѣчія, съ которой они явились во Франкфуртъ. Многіе ожидали и искали у обоихъ ораторовъ большей сжатости въ формѣ, большей возвышенности мышленія, вообще другого, чѣмъ оба они давали и могли дать. Поэтому, вопреки крупнымъ достоинствамъ обоихъ ораторовъ, почувствовалось разочарованіе. Въ рѣчахъ Винке не слышалось человѣка. Ему не хватало возвышенности настроенія и преданности непреложнымъ принципамъ. Беккерату недоставало силы убѣжденія; правда, въ немъ говорилъ человѣкъ, но скорѣе эстетикъ, чѣмъ политикъ; ему также не хватало того всемогущества воодушевленія, которымъ на правой, впрочемъ, никто не обладалъ, но которое было не у одного члена лѣвой и зачастую давало имъ такую политическую дальнозоркость. Тамъ, одинъ возлѣ другого, сидѣли представители науки или литературы: Гюлихъ, Штенцель, Ведекиндъ, Гильдебрандъ, Дройзенъ, Вайтцъ, фонъ-Раумеръ, Захарія, Блюмрэдеръ, Бернгарди, Теллькампфъ, Эсмархъ, Гагенмюллеръ, Эйтелесъ, Фишеръ, Кольбъ, фонъ-Линде, фонъ-Линденау, братья Морицъ и Робертъ Моли, Мати, Велькеръ, Науверкъ **), одна

*) Полетъ этого „жаворонка свободы" былъ не особенно продолжителенъ.

**) Науверкъ, поведеніе котораго достойно всяческой похвалы, не заслужилъ такого пренебрежительнаго отношенія, какое обнаружила къ нему пресса—отчасти даже демократическая—по случаю его смерти, послѣдовавшей въ 1891 г. Въ изгнаніи онъ терпѣлъ жестокую бѣдность, которая преслѣдовала его до самаго конца.

изъ самыхъ замѣчательныхъ физіономій, Генрихъ Симонъ *), Вагнеръ, Випперманъ, Бидерманъ, Безелеръ **), фонъ-Мейернъ, Арндтъ, Яупъ, Мефиссенъ, Дэйтерсъ, Филиппсъ, Деллингеръ, Беда Веберъ, Гфререръ, Буссъ, фонъ-Реденъ, Шубертъ, Археръ, Фрэзе, Гагенъ, Морицъ Гартманъ, Руге, Вильгельмъ Шульцъ, Гюнтеръ, Карлъ Фогтъ, Россмеслеръ, Гейбнеръ, Симсонъ, Кюнсбергъ, Людвигъ Уландъ и Яковъ Гриммъ. И этотъ послѣдній—какая прекрасная голова была у него, какъ должна она была приковывать къ себѣ взоры всякаго художника! И сколько еще другихъ людей, замѣчательныхъ въ той или другой области, попадалось здѣсь на глаза! Сколько людей, имена которыхъ, какъ представителей народныхъ интересовъ или борцовъ за родину, сотни разъ упоминались въ газетахъ за послѣднія десять, двадцать, тридцать лѣтъ и превозносились въ цѣлой Германіи: депутаты изъ Саксоніи и Ганновера, изъ Гессена и Нассау, изъ Бадена и Мекленбурга, изъ Вюртемберга и Баваріи,—въ особенности изъ послѣдней цѣлый рядъ стойкихъ борцовъ и страдальцевъ за народное дѣло. То здѣсь, то тамъ останавливали вниманіе и заинтересовывали живописныя фигуры: дюжіе, сохранившіе первобытныя силы сыны Шварцвальда, какъ Кюнцеръ и Буссъ, или напоминавшія о доисторическихъ временахъ, какъ грузный и жовіальный Рейнгардъ изъ Мекленбурга,—такими, надо полагать, были тевтоны, одинъ видъ которыхъ нагонялъ страхъ на римлянъ. Нѣмецкіе французы, какъ Раво и Целль и даже Людвигъ Симонъ; нѣмецкіе славяне, Колачекъ; настоящіе нѣмцы, какъ Моръ, еще юноша при всей своей старости, или какъ молодой Шварценбергъ. Другія замѣчательныя имена недолго пробыли въ церкви св. Павла и скоро опять изъ нея исчезли, напр.: Поль Пфицеръ, Виртъ, Янышевскій и Либельтъ, или исчезли впослѣдствіи, какъ Юліусъ Фребель, Темме и многіе другіе. Смѣна лицъ была очень быстрая.

„Физіономистъ, который привыкъ разбираться въ выраженіяхъ лица, могъ бы легко рѣшить, кто принадлежитъ къ лѣвой и кто къ правой, если бы передъ нимъ были обѣ партіи; но не такъ легко онъ опредѣлилъ бы каждую партію въ отдѣльности. Среди обѣихъ крайнихъ партій, когда онѣ были въ церкви св. Павла, преобладали хмурыя, серьезныя лица; только на крайней правой молчалива была масса, а на крайней лѣвой—лишь отдѣльные депутаты.

„Тотъ, кому захотѣлось бы найти физіономіи государственныхъ людей, остановился бы не столько на графѣ Арнимѣ, сколько на рыцарѣ Шмерлингѣ, послѣднемъ президентѣ союзнаго сейма, человѣкѣ съ сухимъ, холоднымъ лицомъ, своего рода маской, на которой написано нѣчто сокровенное, но ничего не пробѣгаетъ: ни румянца, вдох-

*) Іоганнъ Якоби написалъ о немъ книгу, которая даетъ любопытную характеристику этого прусскаго юриста стараго стиля.

**) Георгъ Безелеръ, братъ извѣстнаго члена временнаго правительства въ Шлезвигъ-Голштиніи, хвалился впослѣдствіи, что онъ никогда не измѣнялъ своихъ убѣжденій. Это правда: невыносимая словесная трескотня этого профессора имѣла всегда одинаково реакціонное содержаніе.

новенія, ни блѣдности гнѣва,—и не задерживается никакое выраженіе. Лицо чистое, какъ мраморная стѣна, и весь человѣкъ таковъ же; внѣшность придворнаго, хотя извѣстно, что онъ никогда не былъ при дворѣ; наружность энергичная, безъ огня, упрямая, замкнутая,—такъ онъ худъ, тонокъ и малъ. Его любезность можетъ завоевать Генриха фонъ-Гагерна, но никакъ не какого-нибудь депутата лѣвой. Послѣдніе говорятъ: это мастеръ ставить ловушки и выковывать планы, коварный, хладнокровный, художникъ по части притворства и потому такой самоувѣренный. Во Франкфуртѣ Шмерлингъ дѣйствовалъ совершенно какъ нѣмецъ, но вслѣдъ за тѣмъ въ Вѣнѣ увѣрялъ вѣнцевъ, что онъ постоянно остается прежде всего австрійцемъ и уже только потомъ является нѣмцемъ. Казалось, онъ никогда напередъ не загадывалъ и не разсчитывалъ,—онъ былъ беззаботный, легкомысленный вѣнецъ; но, встрѣчаясь съ явленіями, онъ съ быстротой молніи охватывалъ ихъ, становился лицомъ къ лицу передъ ними, подступалъ къ нимъ, подчинялъ ихъ себѣ. Но все это не потому, чтобы онъ обладалъ мужествомъ, а напротивъ, все это въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ видѣлъ, что перевѣсъ силы на его сторонѣ и самъ по себѣ отдаетъ ему въ руки побѣду надъ слабыми противниками.

„Помѣщеніе, въ которомъ засѣдало это собраніе, было убрано съ еще большимъ вкусомъ и блескомъ, чѣмъ для предварительнаго парламента. Въ ослѣпительно бѣлой высокой церкви каждая фигура казалась окруженной сіяющимъ свѣтомъ. Исполинскія оконныя ниши завѣшены зеленомъ сукномъ, а бюро президента великолѣпно задрапировано красными занавѣсами.

„Не было дня, когда бы верхнія галлереи были наполнены только умѣренно. Даже въ дни, когда происходили одни лишь голосованія, онѣ ломились подъ напоромъ слушателей, которые при вызовѣ депутатовъ старались замѣтить, кто какъ голосуетъ, и пускались въ критику, то очень громко, то тихо. Внизу, сейчасъ же за скамьями депутатовъ, для слушателей были отведены обширныя помѣщенія. Справа и слѣва отъ бюро эти галлереи для публики охватывали собраніе, какъ двѣ исполинскія руки. Здѣсь нерѣдко тѣснилось до тысячи слушателей—мужчинъ и женщинъ, впрочемъ, отдѣленныхъ одни отъ другихъ.

„Къ правой сторонѣ, прямо надъ бюро собранія, помѣщалась такъ называемая дипломатическая галлерея. Тамъ присутствовали посланники отъ Франціи и Англіи, отъ Россіи и Сѣверной Америки, отъ королей и государей всякаго ранга. Оттуда они созерцали и слушали, какъ родится и выростаетъ германская нація. Вокругъ нихъ сидѣли банкиры и биржевики изъ Франкфурта и изъ многихъ другихъ мѣстъ. На биржѣ, расположенной прямо противъ церкви св. Павла, часто цѣлыми часами, переходя то туда, то сюда, толпились люди, дѣлающіе огромные денежные обороты; они выжидали результатовъ голосованія національнаго собранія, какъ приговора надъ жизнью и смертью. Нѣсколько разъ случалось, что, когда голосованіе производилось вста-

ваніемъ, слушатели на этихъ галлереяхъ тоже вставали, какъ будто они были тоже члены національнаго собранія. Однажды, при самыхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, это было доказано съ трибуны и названо имя вмѣшавшагося въ голосованіе слушателя; возраженій не воспослѣдовало".

Дамы были представлены на галлереяхъ многочисленными и усердными слушательницами. Франкфуртскія дамы-патриціанки помѣщались въ галлереяхъ надъ правой; но несравненно больше симпатій прекрасный полъ обнаруживалъ къ лѣвой. Циммерманъ говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„Собственно дамская галлерея помѣщалась главнымъ образомъ слѣва. Въ разгаръ битвы умовъ, когда сотни шли другъ на друга, боролись совмѣстно, и мысли сталкивались, какъ мечи, зачастую обоюдоострые, дамы сидѣли и стояли на скамьяхъ, которыя пятью рядами тянулись слѣва отъ бюро и до самой крайней лѣвой, до такъ называемой Горы. Сердца ихъ пылали; онѣ сами переживали всѣ перипетіи борьбы и слѣдили за каждой вылазкой своихъ любимцевъ; побѣдитель не награждался, правда, вѣнкомъ, но зато часто получалъ цвѣты, нѣжную улыбку, даже рукопожатіе: такъ тѣсно охватывалась лѣвая нижней дамской галлереей, словно пестрой цвѣточной гирляндой".

Въ этихъ галлереяхъ Лихновскій назначалъ свои свиданія съ дамами изъ аристократіи. Его частенько встрѣчали въ одной оконной нишѣ *). Но больше всѣхъ дамамъ-аристократкамъ импонировалъ благородный фонъ-Гагернъ со своей высокой и сильной фигурой и всклокоченными бровями. Аристократки знали и понимали, что цѣль этого человѣка—вовсе не эта ужасная свобода, а всего лишь пустое единство Германіи.

Внѣ церкви св. Павла депутаты старались по возможности пріятно провести тѣ четыре дня въ недѣлю, когда не было засѣданій. Развилась трактирная, бездѣльная жизнь; ея дурное вліяніе на многихъ депутатовъ не заставило себя ждать. По вечерамъ члены отдѣльныхъ фракцій собирались въ опредѣленныхъ гостиницахъ. Среди правой въ пользу развитія „корпоративнаго духа" энергично работалъ Юргенсъ изъ Штадтольдендорфа, брауншвейгскій пасторъ, ловкій интриганъ; тамъ же адвокатъ Детмольдъ изъ Миндена пускалъ въ обращеніе свои остроты и свои карикатуры. Правая собиралась въ „Казино" и въ „Кафе Милани"; сюда приходили Винке, Радовицъ и Лихновскій. На собраніяхъ реакціонеровъ не курили, члены собраній нерѣдко являлись во фракахъ. Для австрійскихъ реакціонеровъ Шмерлингъ нанялъ на средства австрійскаго правительства ложу „Сократъ", въ которой эти господа были достаточно защищены отъ проникновенія демократическаго вѣтерка. Монархисты-конституціоналисты, съ Дальманомъ и Гагерномъ

*) Одинъ очевидецъ разсказываетъ: „Лихновскій нерѣдко встрѣчалъ здѣсь одну изъ своихъ подругъ. Это было пикантное зрѣлище,—дама сидитъ, скрытая въ нишѣ, Лихновскій прикорнулъ на ступенькѣ, приклонивъ голову къ одной ея ногѣ, а другую шутливо захвативши руками".

во главѣ, собирались въ „Вейденбушѣ“, переименованномъ послѣ въ „Отель Уніонъ“; лѣвая, съ Фогтомъ и Блюмомъ, устраивала собранія въ „Нѣмецкомъ Отелѣ“, позднѣйшей „Гармоніи“. Крайняя лѣвая засѣдала въ „Доннерсбергѣ“, а потомъ въ „Церингеръ-Отелѣ“, куда приходили Шлеффель, Трюцшлеръ и Цицъ. Въ противоположность аристократическимъ демократическія собранія проходили безъ всякихъ стѣсненій: здѣсь курили, располагались за столами въ жилетахъ. Нельзя не упрекнуть лѣвую въ томъ, что она въ пустякахъ убивала драгоцѣнное время. Конечно, никто не будетъ въ претензіи на членовъ франкфуртскаго парламента за то, что они послѣ засѣданій нѣсколько распускались въ трактирахъ. Но, къ несчастью, многіе члены, и особенно съ лѣвой стороны, проводили въ кабакахъ, повидимому, почти все время, свободное отъ засѣданій, и совсѣмъ не понимали серьезности переживаемаго момента *). Міръ обогатился массой удачныхъ карикатуръ и остротъ. Фогтъ игралъ роль шутника у лѣвой, какъ Детмольдъ у правой. Людвигъ Симонъ разсказываетъ о „юмористическихъ основныхъ правахъ“, проектъ которыхъ набросали государственные люди лѣвой **). Депутатъ Реслеръ изъ Эльса расположился главной квартирой въ отелѣ „Зеленое Дерево“; онъ всегда носилъ желтое одѣяніе и потому получилъ прозвище „имперской канарейки“. Здѣсь Реслеръ со своими товарищами по партіи публично обсуждалъ передъ завсегдатаями трактира вопросы партійной тактики. Нѣкоторые изъ преобразователей Германіи слишкомъ некстати, не во время страдали муками любви. Прелестная кельнерша въ „Зеленомъ Деревѣ“, вѣроятно, укротила не одного дикаго демократа, наливая ему стаканъ превосходнаго рейнскаго вина и бросая при этомъ нѣжные взоры своихъ огненныхъ глазъ.

Въ этой атмосферѣ, слишкомъ ужъ мирной, пріятной, явно, не могли возникнуть новыя, спасительныя идеи. Такъ то и случилось, что собраніе совсѣмъ потонуло въ болтовнѣ объ основныхъ правахъ и потомъ преподнесло ихъ нѣмцамъ въ рядѣ абстрактныхъ положеній, съ которыми никто не считался. Если бы въ парламентѣ господствовало болѣе энергичное настроеніе, онъ въ надлежащее время придалъ бы основнымъ правамъ форму закона, ввелъ бы ихъ во всѣхъ государствахъ Германіи и устранилъ бы все, что стояло съ ними въ противорѣчіи. А такъ основныя права остались прекрасными словами, напечатанными на бумагѣ, и ничѣмъ болѣе.

„Добродушные“ парламентскіе революціонеры лѣвой не видали,

*) Одинъ изъ извѣстныхъ членовъ парламента охотно, часто и надолго засаживался за вино и потомъ, какъ сообщаетъ его другъ, обыкновенно „ощущалъ внутреннюю потребность въ опорѣ“.

**) Они таковы: „Независимость гражданина: § 1. Независимъ каждый гражданинъ, у котораго есть ключъ отъ дома.—Свобода обученія: § 2. Воспрещается принуждать къ ученью. § 3. Размѣры ассигновокъ на карманныя деньги увеличиваются.—Право петицій: § 4. Запрещается просить милостыню съ оружіемъ въ рукахъ“. И такъ далѣе.

что въ народѣ начинаетъ исчезать довѣріе къ нимъ. Нѣкоторые изъ пигмеевъ топорщились очень усердно; ихъ тщеславіе вырастало благодаря тому, что пресса, даже демократическая, приписывала великую важность рѣчамъ въ церкви св. Павла. Только немногія газеты во-время увидали ту наклонную плоскость, по которой скатывался парламентъ. Подавляющая часть ежедневныхъ газетъ, само собой разумѣется, тоже пробавлялась избитыми фразами, а рѣшительно демократическая пресса не могла противодѣйствовать вліянію цѣлаго роя филистерскихъ изданій. Профессорская „Нѣмецкая Газета", издававшаяся въ Гейдельбергѣ, задавала тонъ для ряда газетъ такого же стиля. Сравнительно большія газеты, какъ „Кельнская" на Рейнѣ и „Фоссова" въ Берлинѣ, служили выразительницами наполовину реакціонернаго либерализма и дряблаго конституціонализма. О рѣчахъ „государственныхъ дѣятелей" конституціоналистовъ онѣ говорили съ величайшимъ благоговѣніемъ и преклоненіемъ, какъ о какомъ-то новомъ евангеліи. Берлинская демократическая „Реформа", издаваемая Арнольдомъ Руге и Г. Б. Оппенгеймомъ, энергично выступала противъ мелодій „довѣрчивости". Но никакая другая газета не давала мѣста такой рѣзкой критикѣ парламента, какъ „Новая Рейнская Газета", издававшаяся въ Кельнѣ Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ и считавшая въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ Фердинанда Фрейлиграта, Вильгельма Вольфа и Эрнста Дронке. Газета называлась органомъ демократіи. Въ дѣйствительности это былъ главный органъ соціалистическаго движенія и единственная для Германіи большая газета, которая боролась противъ капитализма и возрастающей силѣ капитала противопоставляла идеи научнаго соціализма. Газета осыпала язвительными насмѣшками франкфуртскихъ болтуновъ—„Шнаппханскаго" (отъ Schnapp—вдругъ и Hahn—курокъ; по своему значенію ближе всего подходитъ къ этому прозвище „пистолетъ"), т.-е. князя Лихновскаго, Карла Фогта, Якова Венедея. Венедей, подъ именемъ „кельнскаго паука" увѣковѣченный Генрихомъ Гейне для насмѣшекъ потомства, разъ даже жаловался на „Новую Рейнскую Газету" и возмущенно, и въ то же время отчасти плаксиво. А „Крестовая Газета", основанная около этого времени прусскими юнкерами-феодалами, призывала полицію выступить противъ органа рейнскихъ соціалистовъ и увѣряла, будто парижскій „Moniteur" 1793 года представляется блѣднымъ по сравненію съ этой газетой.

Но никто не слушалъ предостерегающихъ голосовъ. Съ лѣтомъ 1848 года исчезли послѣднія надежды народа, что съ достаточной ясностью доказывается вспышками отчаянія и возстаній, которыя разразились осенью этого года. Неискоренимое довѣріе сохраняли только профессора, адвокаты, буржуа,—короче, всѣ мечтатели-конституціоналисты Павловской церкви. Но вѣдь эти люди, дѣйствительно, жили мечтой, что въ ихъ языкахъ таится больше силы, чѣмъ въ штыкахъ монаршихъ солдатъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Прусская палата соглашенія.

Весной и лѣтомъ 1848 года политическая жизнь Берлина приняла тотъ характеръ, который на языкѣ „охранителей“ назывался „анархіей“. Каждый день приносилъ съ собой новыя собранія и новые плакаты. Клубы и газеты росли, какъ грибы. Свобода мнѣній и союзовъ была до извѣстной степени осуществлена, хотя и не обезпечена еще конституціей. Начальство, правда, уже тогда старалось по мѣрѣ силъ положить этой свободѣ предѣлы, какъ доказываетъ процессъ младшаго Шлеффеля; однако въ общемъ приходилось ждать болѣе удобнаго времени для того, чтобы окончательно сокрушить „анархію“. Буржуазію, аристократію и бюрократію особенно возмущали ежедневныя собранія, имѣвшія мѣсто во всѣхъ частяхъ города. Народныя собранія происходили на улицахъ Города Фридриха—на Королевской улицѣ, на площадяхъ Александра и Денгофъ, особенно же часто „Подъ Липами“. На углу „Липъ“ и улицы Фридриха каждый вечеръ составлялось собраніе, такъ называемый „клубъ липъ“. Въ то время, какъ изысканная публика лакомилась въ ресторанѣ Кранцлера мороженымъ и ликерами, за дверями его, на улицѣ, народъ обсуждалъ вопросы дня. Здѣсь держалъ свои рѣчи нѣкій Линденмюллеръ (его звали собственно просто „Мюллеръ“) *) или „дядюшка Карбе“, одинъ изъ тѣхъ народныхъ ораторовъ, которые съ большимъ искусствомъ упражнялись въ берлинскомъ остроуміи, но не могли помочь массѣ доработаться до политическаго сознанія, такъ какъ сами страдали отсутствіемъ послѣдняго. На углу Липъ и улицы Шарлотты имѣли мѣсто подобныя же собранія, вслѣдствіе чего и самъ перекрестокъ получилъ прозвище „политическаго угла“. Впослѣдствіи вмѣшалась полиція и постаралась уничтожить собранія; былъ созданъ особый отрядъ констэблей, чтобы положить конецъ уличнымъ скопищамъ; разумѣется, это привело къ кулачнымъ расправамъ и вызвало серьезныя волненія. Реакціонерамъ, съ глубокою скорбью созерцавшимъ крушеніе стараго полицейскаго государства, пришлось на нѣкоторое время вооружиться терпѣніемъ:

*) Непереводимый каламбуръ: «Мюллеръ», фамилія оратора, значитъ по-нѣмецки „Мельникъ“. „Линденмюллеръ“—„мельникъ подъ Липами“ или „липовый мельникъ“.

пока еще не было возможности вполнѣ удовлетворить ихъ фанатическую жажду порядка. Для всякаго здравомыслящаго человѣка не представляетъ ничего удивительнаго тотъ фактъ, что при внезапномъ переходѣ отъ строгой опеки надъ народомъ къ сравнительной свободѣ приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни сопровождается по временамъ нѣсколько бурными движеніями. Однако въ данномъ случаѣ эти движенія были вполнѣ невинны, и только перепуганные филистеры могли усмотрѣть въ пробудившемся чувствѣ свободы анархію; для филистера „анархія“—все, что отступаетъ отъ привычнаго ему жизненнаго уклада халата и туфель. Подъ Липами, гдѣ прежде виднѣлись лишь гвардейскіе офицеры, веселящіеся буржуа и придворныя кареты, теперь стали появляться пролетаріи; въ глазахъ извѣстнаго сорта людей уже одно это было явнымъ доказательствомъ, что міръ перевернулся вверхъ ногами.

Дѣйствительную „анархію“ иногда вызывало въ Берлинѣ лишь суровое вмѣшательство полиціи и гражданскаго ополченія.

Что касается рабочихъ, то въ этотъ моментъ они до извѣстной степени имѣли занятія благодаря уступчивости хозяевъ и общественнымъ работамъ, хотя и не чувствовали себя удовлетворенными; они дѣлали тщетныя попытки организоваться и все снова и снова волновались, возбуждаемые мѣрами полиціи, которая для борьбы противъ наплыва рабочихъ изъ другихъ мѣстъ пускала въ ходъ самое элементарное средство—высылку всѣхъ безработныхъ изъ Берлина. Жалобы противъ этого оставались безрезультатными, и гражданское ополченіе было всегда готово привести въ исполненіе и поддержать полицейскія мѣры. Не разъ рабочіе требовали, чтобы имъ на ряду съ буржуазіей было роздано оружіе. Въ этомъ имъ, разумѣется, отказывали; да впрочемъ, какъ мы уже видѣли, у большинства рабочихъ не было свободнаго времени, чтобы заниматься регулярными военными ученіями и смотрами.

Буржуазія возлагала всѣ свои надежды на „палату соглашенія“ и на франкфуртскій парламентъ. Въ то время, какъ буржуа занимались военными упражненіями, держали караулы, маршировали на парадахъ передъ королемъ и къ великому восхищенію своихъ дамъ и дѣвицъ двигались по улицамъ въ блестящихъ мундирахъ съ миной властелиновъ новаго міра, въ это самое время придворная клика осторожно, но упорно вела свои мины. Это уже не была та старая „камарилья“, которая властвовала во дворцѣ во время катастрофы 18 марта: та была разбита потокомъ революціи. Лишь къ концу марта образовалась новая камарилья, дѣятельность которой наложила такой сильный отпечатокъ на весь дальнѣйшій ходъ событій въ Пруссіи. Она составляла „маленькую, но могущественную партію“, сгруппировавшуюся впослѣдствіи вокругъ только что возникшей газеты „Kreuzzeitung“ („Крестовая Газета“); членами этой партіи были исключительно представители непреклоннаго феодальнаго, исконно-прусскаго дворянства, для которыхъ не было мысли ненавистнѣе той, что Пруссіи предстоитъ раствориться

въ Германіи. Идеаломъ этихъ господъ было, напротивъ, раствореніе Германіи въ Пруссіи; но среди нихъ имѣлись фанатики, которымъ всего пріятнѣе было бы растворить Германію въ Восточной Помераніи. Во главѣ клики стоялъ генералъ-адъютантъ Фридриха-Вильгельма IV, Леопольдъ фонъ-Герлахъ, который въ своихъ мемуарахъ, изданныхъ впослѣдствіи его дочерью, откровенно разоблачилъ всѣ продѣлки руководимой имъ камарильи. Братъ его, Людвигъ фонъ-Герлахъ, былъ извѣстнымъ „обозрѣвателемъ“ „Kreuzzeitung“ (псевдонимъ—„Германъ Вагенеръ“); впослѣдствіи онъ сталъ соціально-политическимъ „Мефистофелемъ“ Бисмарка; это—первый редакторъ благочестивой феодальной газеты, ежедневно изливавшей горячую смолу и сѣру на демократическіе Содомъ и Гоморру. Клейстъ Рецовъ, Бисмаркъ-Шенгаузенъ, фонъ-Массовъ и другіе представители высшаго дворянства принадлежали къ „партіи Kreuzzeitung“. Болѣе всего имъ былъ ненавистенъ тотъ либерализмъ, который воплощало министерство Кампгаузена. Бисмаркъ уже тогда былъ извѣстенъ откровенностью, съ какой онъ возвѣщалъ свои средневѣковыя воззрѣнія. Однако въ 1848 году роль его была второстепенной; „дѣла“ камарильи не имъ направлялись. Онъ лишь отъ времени до времени оказывалъ ей маленькія услуги, по большей части въ качествѣ сотрудника „Kreuzzeitung“. Въ общемъ онъ остался навсегда вѣренъ своимъ тогдашнимъ взглядамъ, и немногія уступки, сдѣланныя имъ духу времени, объясняются соображеніями чисто практическаго характера. Дѣло его жизни—пресловутое объединеніе Германіи,—въ которое серьезно вѣрить можетъ только слѣпой націоналъ-либерализмъ, является въ гораздо большей степени раствореніемъ Германіи въ Пруссіи, чѣмъ раствореніемъ Пруссіи въ Германіи; да и въ такомъ видѣ оно могло быть доведено до конца только благодаря исключенію Австріи. Какъ разъ люди, наиболѣе свободные отъ подозрѣній въ партикуляризмѣ, не находятъ возможнымъ признать дѣло Бисмарка дѣйствительнымъ объединеніемъ Германіи. Во всей внутренней и внѣшней политикѣ Бисмарка нѣтъ ни одной новой творческой мысли; бисмарковское объединеніе осуществило лишь то, что въ видѣ „идеи“ сложилось въ головахъ бранденбургскаго и померанскаго феодальнаго дворянства еще въ 1848 году.

Леопольдъ Герлахъ былъ, по его собственнымъ словамъ, „въ тупомъ отчаяніи“ въ мартовскіе дни, когда король въ Потсдамѣ сказалъ офицерамъ гражданскаго ополченія, что рѣшенія его свободны и что онъ никогда не чувствовалъ себя въ такой безопасности, какъ теперь, подъ защитой берлинскихъ гражданъ. Въ Берлинѣ Герлахъ старался сгруппировать вокругъ себя своихъ единомышленниковъ. Онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „30 марта первая попытка образованія тайнаго министерства“.

Король былъ въ это время мало воспріимчивъ къ совѣтамъ камарильи. Но тѣмъ болѣе воспріимчива была королева, оказывавшая огромное вліяніе на своего мужа. Еще въ 1852 году король говорилъ, что онъ смертельно влюбленъ въ свою жену. Леопольдъ фонъ-Герлахъ

употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы при помощи тѣсныхъ придворныхъ кружковъ, особенно во время такъ называемыхъ кофейныхъ собраній, склонить короля на сторону „маленькой, но могущественной партіи“ и такимъ образомъ обезпечить возвратъ къ абсолютизму. „Kreuzzeitung“ взяла на себя высокую задачу расписывать радужными красками домартовское положеніе дѣлъ, называя послѣдовавшія перемѣны величайшимъ несчастіемъ всемірной исторіи. Однако Радовицъ, уже упомянутый депутатъ франкфуртскаго парламента, защищавшій тамъ дѣло специфически-прусскаго абсолютизма, и Іосія Бунзенъ, извѣстный другъ короля, тогда посланникъ въ Лондонѣ, имѣли въ разсматриваемый періодъ больше вліянія на короля, чѣмъ Герлахъ. Они побуждали его сопротивляться натиску камарильи и выжидать для „поворота назадъ“ болѣе благопріятнаго момента.

Романтически настроенный король мечталъ о великой германской имперіи, конечно, подъ его верховнымъ главенствомъ. Но то, что носилось передъ его умственнымъ взоромъ, была не единая Германія, покоящаяся на свободномъ представительствѣ нѣмецкаго народа: это была старая Римская имперія германской націи, глава которой избирался князьями. Онъ отъ души ненавидѣлъ либерализмъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ демократію *). Съ другой стороны, и дворянамъ камарильи онъ порою говорилъ вещи, которыя тѣ лишь съ трудомъ могли переварить. „По сравненію съ Радовицемъ и Бунзеномъ,—пишетъ Герлахъ 19 ноября 1848 г.,—король считаетъ насъ совершенными остолопами; я передалъ это Рауху, но онъ замѣтилъ, что, поскольку дѣло касается его, онъ готовъ съ этимъ примириться“. И еще годъ спустя, 9 іюня 1849 г., Герлахъ пишетъ: „Король считаетъ насъ за ословъ, а Бунзена и Радовица за великихъ государственныхъ людей“.

Какъ самъ король относился къ мартовскимъ событіямъ, какъ объяснялъ онъ возникновеніе катастрофы, явствуетъ изъ письма, написаннаго имъ 13 мая 1848 года въ Лондонъ Бунзену, того самаго письма, въ которомъ заключается вышеприведенное мѣсто о либерализмѣ и о болѣзни спинного мозга. Бунзенъ замѣтилъ какъ-то раньше, что вѣра въ существованіе заговора равносильна вѣрѣ въ привидѣнія. „У меня безсильно опустились руки передъ этимъ привидѣніемъ,—пишетъ король.—Могъ ли я ждать, что доказательство его реальности будетъ начертано кровью на домахъ Берлина! Знаете ли вы, что въ Берлинѣ болѣе чѣмъ за двѣ недѣли до событія все было приготовлено къ по-

*) Въ одномъ письмѣ къ Бунзену король даетъ слѣдующую характеристику либерализму: «Либерализмъ—это болѣзнь, точь въ точь сухотка спинного мозга. Извѣстными симптомами послѣдней являются слѣдующіе: 1) сильно выпуклый мускулъ у большого и указательнаго пальцевъ становится вогнутымъ при давленіи; 2) слабительное возбуждаетъ запоръ; 3) закрѣпляющія средства производятъ поносъ, и на позднѣйшей стадіи; 4) ноги высоко поднимаются, но способность ходить утрачивается. Притомъ такой больной зачастую и самъ себя считаетъ здоровымъ и окружающіе не замѣчаютъ его болѣзни. Совершенно такъ же либерализмъ дѣйствуетъ на душу. Отрицается самое очевидное, выполненіе послѣдствій, вытекающихъ изъ искони ясно установленныхъ посылокъ, отвергается, какъ суевѣріе“.

зорнѣйшему изъ бунтовъ, который когда-либо обезчестилъ какой-либо городъ. Во всѣхъ домахъ собственно Берлина, Новаго Города и Города Фридриха собирались камни, чтобы избивать ими моихъ вѣрныхъ солдатъ. Равнымъ образомъ давно уже была замѣчена заготовка кусковъ дерна, послужившихъ впослѣдствіи для укрѣпленій противъ огня войскъ, при чемъ никто не могъ понять, откуда взялась эта своеобразная потребность въ камняхъ и дернѣ. Далѣе всѣ чердаки на главныхъ улицахъ были соединены между собою, чтобы можно было изъ слуховыхъ оконъ осыпать камнями и выстрѣлами наступающія или отступающія войска. Было замѣчено, что въ Берлинъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль стеклось болѣе 30.000 человѣкъ отвратительной сволочи (и навѣрное вдвое большее число осталось незамѣченнымъ), состоявшей изъ отброса французовъ (galériens), поляковъ и южныхъ нѣмцевъ, особенно маннгеймцевъ; но тутъ были и люди, весьма опытные въ военномъ дѣлѣ, будто бы миланскіе графы, купцы и т. п. Весь этотъ народъ былъ тщательно спрятанъ, такъ что полиція съ ея слабыми средствами никого не могла разыскать. Одинъ богатый маннгеймскій купецъ нашелъ свою смерть на Королевской улицѣ послѣ того, какъ солдаты моего христолюбиваго перваго гвардейскаго батальона уже разъ даровали ему жизнь, но онъ затѣмъ снова напалъ на нихъ съ тылу съ аллебардой въ рукѣ. Среди преступниковъ „великаго дня", убитыхъ и преданныхъ землѣ, нашлось 40—50 человѣкъ, относительно которыхъ никто не могъ сказать ни одного слова, никто не могъ назвать ни ихъ отечества, ни ихъ имени. И мнѣ уже офиціально извѣстно, что главари движенія въ Парижѣ, Карлсруэ, Маннгеймѣ и Бернѣ 18 марта открыто заявляли: „Сегодня падетъ Берлинъ!" Такъ говорили Геккеръ, Гервегъ и многіе другіе изъ этой шайки негодяевъ".

Кто именно разсказывалъ королю эти сказки, исходятъ ли онѣ отъ камарильи въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ настоящее время нѣтъ возможности установить. „Иностранцы" появляются уже въ прокламаціи „Къ моимъ дорогимъ берлинцамъ!" отъ 19 марта. „Маннгеймскій купецъ", предательски напавшій на гвардейскій батальонъ, 30.000 „отвратительной сволочи" дѣлаютъ честь фантазіи неизвѣстнаго изобрѣтателя. Очень возможно, что вольнонаемные полицейскіе шпіоны представили дѣло своему начальству въ такомъ освѣщеніи; извѣстно, что шпіоны всегда сочиняютъ самыя нелѣпыя исторіи только для того, чтобы доказать свою необходимость на будущее время. Возможно далѣе, что полицейское начальство въ свою очередь нѣсколько „редактировало" эти отчеты и передало ихъ двору. Не надо, однако, забывать, что Берлинъ былъ тогда и въ самомъ дѣлѣ переполненъ самыми ужасными слухами. Это и понятно: въ такое горячее время вѣрятъ совершенно невѣроятному. Въ 1848 году легковѣріе характеризуетъ всѣ партіи; среди демократовъ распространяются и встрѣчаютъ вѣру такія же нелѣпости, какъ и среди аристократовъ. Стоитъ только перелистать демократическія и аристократическія газеты того времени, чтобы убѣдиться въ этомъ. Либералы подняли большой шумъ по поводу писемъ

короля къ Бунзену, когда они были опубликованы, главнымъ образомъ потому, что тамъ была дана слишкомъ нелестная характеристика либерализма. Вообще же говоря, либералы должны были бы вспомнить, что въ 1848 г. вся политическая атмосфера была насыщена баснями и фантазіями; и лишь одно изъ созданій фантазіи представляла увѣренность, что собравшіеся во Франкфуртѣ либеральные профессора и буржуа въ состояніи создать своей болтовней нѣмецкую конституцію.

„Тайное министерство“, несмотря на озлобленіе короля противъ мартовскихъ событій, не могло достигнуть успѣха въ своихъ реакціонныхъ планахъ и обратилось за помощью въ Лондонъ къ проживавшему тамъ принцу Вильгельму Прусскому. Герлахъ въ своихъ письмахъ убѣждалъ принца „не марать себя участіемъ въ этомъ правительствѣ“ (мартовскомъ министерствѣ Кампгаузена). Но принцъ отклонилъ услуги камарильи. Его отвѣтъ гласитъ:

„Въ самомъ дѣлѣ, что сталось съ Пруссіей съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ бесѣдовали съ вами рядомъ съ той батареей у фонарнаго столба? (вечеромъ 18 марта передъ берлинскимъ дворцомъ). Кто могъ думать, что черезъ двѣнадцать часовъ старая Пруссія будетъ похоронена и возникнетъ совсѣмъ новая? Какую позицію займу я по отношенію къ этой новой Пруссіи, сейчасъ еще трудно предвидѣть; сопротивляться ей, отказать ей въ моихъ услугахъ представляется невозможнымъ; на какихъ условіяхъ я примкну къ ней, покажетъ время. Если конституція, какъ и конституанта (учредительное собраніе), станетъ совершившимся фактомъ, если король будетъ ограниченъ, могу ли я остаться въ сторонѣ, если я вообще желаю когда-либо вернуться на родину?“

Съ этого времени камарилья заняла выжидательную позицію, подстерегая удобный случай, чтобы вмѣшаться. Случай представился, но не такъ-то скоро.

Между тѣмъ 10 мая министерство ходатайствовало передъ королемъ, чтобы онъ „посовѣтовалъ принцу Прусскому сократить свое пребываніе въ Англіи“. Король отвѣтилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ этимъ, тѣмъ болѣе, что принцъ неоднократно высказывалъ свое сочувствіе тому новому пути, на который вступило правительство.

Когда извѣстіе о предполагаемомъ возвращеніи принца Прусскаго достигло ушей публики, оно возбудило страшное волненіе въ Берлинѣ. Толпа считала принца главнымъ противникомъ перемѣнъ въ Пруссіи. Демократія тотчасъ же обнаружила усиленную дѣятельность. На воскресенье, 14 мая, было назначено народное собраніе „въ Палаткахъ“, куда всѣ, имѣющіе право носить оружіе, приглашались явиться вооруженными. Были приглашены всѣ противники возвращенія принца. Гражданское ополченіе и студенты, хотя и высказались противъ приглашенія принца обратно въ Берлинъ, однако старались отговорить народъ отъ вооруженной демонстраціи.

Несомнѣнно, впрочемъ, что демократія гораздо больше заботилась

о низверженіи ненавистнаго ей министерства Кампгаузена, чѣмъ о томъ, чтобы воспрепятствовать возвращенію принца. Уже неудачная демонстрація 20 апрѣля имѣла цѣлью низверженіе этого реакціоннаго правительства. Теперь обстоятельства казались болѣе благопріятными, и попытка была возобновлена.

Собраніе передъ Шенгаузскими воротами, созванное конституціоннымъ клубомъ, высказалось какъ противъ возвращенія принца, такъ и противъ всякой демонстраціи. Несмотря на то, цѣлыя тысячи устремились на воскресное собраніе въ „Палаткахъ“. Газетные отчеты опредѣляютъ число участниковъ въ 15 — 20 тысячъ. Вооруженными явились лишь немногіе.

Собраніе было открыто Эйхлеромъ, и „берлинскій Мирабо“, Гельдъ, держалъ главную рѣчь. Онъ побуждалъ народъ двинуться толпой къ жилищу министра-президента Кампгаузена на улицѣ Вильгельма. Дѣло идетъ о томъ, сказалъ Гельдъ, чтобы помѣшать возвращенію принца Прусскаго; почти все населеніе Берлина единодушно въ этомъ вопросѣ. Пусть демонстрація будетъ мирной, но мы желаемъ яснаго отвѣта: да или нѣтъ!

Составилась депутація изъ господъ Гельда, Эйхлера. Шрамма, Брасса *), Леманна, Прутца **) и Салиса; къ ней примкнулъ также Арнольдъ Руге, находившійся въ Берлинѣ проѣздомъ во Франкфуртъ.

Вооруженнымъ членамъ собранія былъ данъ совѣтъ устраниться отъ шествія, чтобы не нарушить его мирнаго и законнаго характера, и демонстрація началась. Впереди двигалась депутація, за ней тысячная толпа народа, къ которой въ городѣ присоединились новыя тысячи. Густая масса людей заполнила улицу Вильгельма, гдѣ обыкновенно царствовала аристократическая тишина; въ окнахъ и на балконахъ также тѣснился народъ. „Старые львы на Реймеровскомъ порталѣ,— пишетъ одинъ очевидецъ,—обыкновенно зѣвавшіе только отъ скуки, но теперь разинувшіе свои пасти отъ удивленія, были осѣдланы дюжиной юныхъ укротителей звѣрей“. Толпа поддерживала образцовый порядокъ. Депутація вошла въ домъ, занимаемый Кампгаузеномъ; на дворѣ дома виднѣлись вооруженные люди; послѣдніе однако поспѣшно исчезли при первомъ же выраженіи неудовольствія со стороны толпы.

*) Впослѣдствіи редакторъ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“. Въ 1848 г. онъ былъ демагогомъ и пѣвцомъ баррикадъ, сочинилъ между прочимъ пѣсню въ честь краснаго знамени.

„Wir färben's echt, wir färben's gut,
Wir färben's mit Tyrannenblut“.
(„Окрасимъ мы ярко, окрасимъ мы смѣло,
Мы кровью тирановъ окрасимъ его“).

Онъ былъ руководителемъ демократической агитаціи среди прусскаго гражданскаго ополченія. Его позднѣйшая дѣятельность въ когортѣ тѣхъ офиціозныхъ журналистовъ, которыхъ самъ Бисмаркъ называлъ „свинопасами“, достаточно извѣстна. На долю Брасса, несомнѣнно, приходится часть вины за то, что Бисмаркъ такъ презрительно говорилъ о своихъ литературныхъ оруженосцахъ.

**) Извѣстный поэтъ, членъ конституціоннаго клуба.

Битый часъ не показывалась депутація, и народъ терпѣливо ждалъ ее на улицѣ. Депутація не застала дома министра-президента, но нашла въ его квартирѣ двухъ министровъ, Шверина и Ауэрсвальда. „Что вы называете народомъ?" спросилъ насмѣшливо Шверинъ, въ отвѣтъ на что депутаты пригласили его выйти на балконъ. Оба министра въ сопровожденіи всей депутаціи появились на балконѣ. Шверинъ былъ, очевидно, пораженъ видомъ толпы; онъ попытался сказать народу нѣсколько словъ, но его прервали оглушительные крики снизу: „Отставка, отставка!" Въ этомъ возгласѣ вполнѣ выразилась истинная цѣль демонстраціи. Затѣмъ взялъ слово Гельдъ и сообщилъ собравшимся громовымъ, далеко разносящимся голосомъ, что депутація не застала министра-президента, такъ какъ онъ уѣхалъ въ Потсдамъ. Депутація, сказалъ онъ далѣе, была принята министрами Ауэрсвальдомъ и Шверинымъ и потребовала отъ нихъ, чтобы министерство за своей отвѣтственностью объявило, что возвращеніе принца Прусскаго будетъ имѣть мѣсто не ранѣе, чѣмъ его призоветъ назадъ палата соглашенія; министры, голосовавшіе за возвращеніе принца или несогласные сдѣлать требуемое заявленіе, должны подать въ отставку. На это оба присутствующіе министра замѣтили, что вслѣдствіе отсутствія министра-президента они не въ состояніи сегодня рѣшить это дѣло, но завтра къ 4 часамъ дня министерство объявитъ свое рѣшеніе во всеобщее свѣдѣніе. Итакъ, воскликнулъ Гельдъ, пусть собравшіеся потерпятъ до 4 часовъ будущаго дня; въ теченіе этого времени депутація позаботится о сохраненіи порядка, но если министры не уступятъ столь ясно выраженному желанію народа, да падетъ на ихъ голову отвѣтственность за возможныя послѣдствія.

Масса казалась озадаченной; раздались возгласы неудовольствія; тѣмъ не менѣе она послѣдовала приглашенію Гельда, и вся толпа стала спокойно двигаться назадъ, большинство опять къ „Палаткамъ". Тогда Гельдъ поблагодарилъ собраніе за образцовое поведеніе и сталъ было говорить о „великой побѣдѣ", но не встрѣтилъ сочувствія и былъ даже поднятъ на смѣхъ. Было рѣшено на завтра снова собраться.

Въ назначенное время появилось заявленіе министерства, въ которомъ о возвращеніи принца министры говорили нижеслѣдующее. „Въ цѣляхъ всеобщаго успокоенія симъ заявляемъ: его королевское высочество можетъ вернуться и вернется въ отечество никакъ не ранѣе, чѣмъ черезъ 2 недѣли, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ послѣ назначеннаго на 22 мая открытія собранія народныхъ представителей. Предварительно принцъ—что всегда разумѣлось само собою—публично заявитъ свое полное согласіе съ вступающей въ силу новой конституціей". Выйти въ отставку, говорится тамъ далѣе, министры въ данный моментъ не могутъ, такъ какъ нѣкоторыя группы выразили довѣріе имъ, и потому они должны остаться на своемъ посту по крайней мѣрѣ до открытія собранія народныхъ представителей.

На слѣдующій вечеръ собраніе въ „Палаткахъ" началось съ того, что многіе ораторы одинъ за другимъ стали обвинять „народ-

наго вождя“ Гельда въ отсутствіи твердости и вѣроломствѣ; другіе требовали низверженія министерства; въ концѣ-концовъ дѣло дошло до свалки, такъ какъ консерваторы и фанатики порядка, явившіеся въ значительномъ числѣ, прерывали демократическихъ ораторовъ криками: „долой!“ Гельдъ утверждалъ на другой день, что его жизнь была въ опасности. Комиссія, созвавшая собраніе въ „Палаткахъ“, выпустила еще воззваніе противъ министровъ. Что же касается возвращенія принца, то споръ объ этомъ разыгрывался въ дальнѣйшемъ только на столбцахъ газетъ,—опять доказательство, что „возвращеніе“ не было дѣйствительной причиной демонстраціи. Въ поэзіи и прозѣ многочисленные голоса высказывались и за и противъ возвращенія; изъ провинціи, въ частности изъ Мюнхеберга, приходили адреса, требовавшіе возвращенія.

Вечеромъ 15 мая произошелъ скандалъ въ политическомъ клубѣ. Разбирался докладъ одного изъ членовъ о томъ, какъ побудить народныхъ представителей признать революцію 18 марта со всѣми ея послѣдствіями. Нѣсколько присутствовавшихъ реакціонеровъ подняли шумъ; явилось гражданское ополченіе, и президентъ закрылъ засѣданіе. Нѣсколько дней спустя клубъ принялъ имя „демократическаго“.

Неудачная попытка демократовъ низвергнуть министерство настолько одушевила президента полиціи фонъ-Минутоли, что онъ выступилъ съ циркуляромъ противъ „незаконнаго“ распространенія печатныхъ произведеній,—и это въ самомъ разгарѣ новорожденной „свободы“. Со времени неудачной демонстраціи вездѣ снова поднимаютъ голову реакціонные элементы и порою съ большой смѣлостью и настойчивостью.

Во время шествія передъ дворцомъ министра на улицѣ Вильгельма особенно выдвинулся своей энергіей союзъ ремесленниковъ подъ предводительствомъ ювелира Биски. Многочисленный и сильный союзъ машиностроителей рѣшительно держалъ сторону Гельда. О ребергцахъ „великій демагогъ“ не считалъ нужнымъ безпокоиться. Онъ достигъ поразительной популярности благодаря своему одушевленію, ораторскому таланту и своей ловкости опытнаго журналиста. Тѣмъ не менѣе со всѣхъ сторонъ начало подниматься противъ него недовѣріе. Одна прокламація гласила:

„Герой (ein Held—„Гельдъ“) долженъ быть человѣкомъ дѣла,
Горластую глотку имѣютъ многіе“ *).

16 мая Гельдъ публично разразился противъ берлинскаго народа цѣлымъ рядомъ упрековъ; онъ упрекалъ его въ недостаткѣ „политическаго такта, политическаго образованія и политическаго сознанія“, онъ заявилъ, что время его „демагогической дѣятельности“ среди народа Берлина еще не наступило, а потому онъ оставляетъ свой прежній постъ, находя его болѣе несовмѣстнымъ съ своими планами народнаго благосостоянія и народной свободы. Отнынѣ онъ ограничитъ свою дѣя-

---

*) „Ein Held muss sein Mann mit der That,
Das grosse Maul gar Mancher hat!“

тельность участіемъ въ прессѣ и посвятитъ свои силы разработкѣ соціальнаго вопроса. Быть можетъ, его объявятъ трусомъ или подкупленнымъ, но онъ рѣшилъ снести даже такое обвиненіе.

„Національная Газета“ и „Реформа“ осыпали „демагога“ градомъ насмѣшекъ. „Ужъ не подкупили ли господина Гельда рыбаки“,—писала „Реформа“,—чтобы онъ своими громовыми рѣчами въ „Палаткахъ“ не распугивалъ карповъ въ сосѣдней Шпре? Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати стало бы подкупать его министерство? Вѣдь онъ и безъ того работалъ въ его интересахъ!“ Въ своей книгѣ „Революціонная эпоха“ Гельдъ самъ сознается въ своей непорядочности. Онъ называетъ тамъ всю агитацію 13 и 14 мая „безсмысленной“. Если она дѣйствительно казалась ему такой, зачѣмъ же тогда онъ всталъ во главѣ движенія? Его тайные переговоры съ реакціонными партіями и его измѣна демократіи раскрылись впослѣдствіи, отчасти благодаря его собственнымъ признаніямъ. Впрочемъ, къ этому мы еще вернемся.

Между тѣмъ магистратъ издалъ новый „регламентъ для подмастерьевъ“, согласно которому рабочіе могли быть наказаны тюрьмой за простое опозданіе на работы. Стефанъ Борнъ въ центральномъ комитетѣ рабочихъ и въ своей газетѣ „Народъ“ подвергъ эту разновидность буржуазной майской свободы рѣзкой критикѣ. Въ то время, какъ либеральная буржуазія содѣйствовала ограниченіямъ свободы рабочихъ, консервативные противники либерализма образовали „Союзъ пруссаковъ для защиты конституціоннаго королевства“. Этотъ союзъ заявилъ, что онъ намѣренъ съ одинаковой рѣшительностью выступать „какъ противъ республиканскихъ, такъ и противъ абсолютистскихъ тенденцій“. Въ союзѣ объединились знать и чиновники, придворные сапожники и придворные мясники, частныя лица, генералы въ отставкѣ, банкиры и коммерціи совѣтники. Конституціонализмъ служилъ союзу лишь временной маской, въ дѣйствительности онъ былъ средоточіемъ непримиримыхъ реакціонеровъ. Демократія пыталась усилить свою позицію устройствомъ новыхъ клубовъ, какъ, напр., „Народнаго клуба“, „Союза для защиты народныхъ правъ“ и т. п.

Такимъ образомъ, когда собралась палата соглашенія, реакціонные элементы уже пробивались впередъ. Палата была открыта 22 мая въ Бѣлой залѣ. Открытію предшествовало оживленное обсужденіе вопроса, должны ли депутаты явиться въ Бѣлую залу или же имъ слѣдуетъ настаивать на томъ, чтобы засѣданія были открыты въ помѣщеніи, предоставленномъ собранію консерваторіей; вообще говоря, противъ Бѣлой залы протестовали. Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, соглашеніе было достигнуто, и около 300 депутатовъ явились въ Бѣлую залу; уклонилось не болѣе десяти человѣкъ, въ числѣ ихъ Берендсъ, Юнгъ, наборщикъ Брилль и прокуроръ Кирхманъ.

Король прочиталъ тронную рѣчь, въ которой заявилъ, что правительство предложитъ проектъ конституціи. Я охотно подождалъ бы, сказалъ онъ, результатовъ франкфуртскаго собранія, прежде чѣмъ созвать собраніе прусское, но „потребность въ скорѣйшемъ установленіи

правового порядка въ собственномъ нашемъ отечествѣ“ этого не позволяетъ. Появленіе и уходъ короля сопровождались троекратнымъ „ура“ собранія. Затѣмъ министръ-президентъ объявилъ засѣданія открытыми.

Тотчасъ же обнаружилось, что разработка прусской конституціи является помѣхой для общаго объединительнаго движенія. Невольно возникало опасеніе, что при независимой работѣ обоихъ учредительныхъ собраній между имперской конституціей и конституціей отдѣльныхъ странъ легко могутъ получиться неразрѣшимыя противорѣчія. Поэтому Раво предложилъ во Франкфуртѣ отсрочить обсужденіе мѣстныхъ конституцій собраніями сословій отдѣльныхъ государствъ, пока не будетъ закончено главное дѣло во Франкфуртѣ. Однако Винке съ товарищами апеллировалъ къ довѣрію; онъ утверждалъ, что нѣмецкія правительства подчинятся франкфуртскимъ постановленіямъ. И господа конституціоналисты позволили себя усыпить, не пожелали настоять на строгомъ проведеніи постановленія предварительнаго парламента, гласившаго, что обсужденіе и окончательное установленіе государственнаго строя Германіи должно быть исключительно и всецѣло дѣломъ франкфуртскаго парламента; конституціоналисты удовольствовались безцвѣтной резолюціей. Попытка лѣвой подставить ножку принципу соглашенія окончилась такимъ образомъ неудачей. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что если бы австрійскій и прусскій парламенты стали дожидаться завершенія франкфуртской конституціонной работы, имъ, конечно, никогда не пришлось бы собраться.

Въ составъ прусскаго собранія вошли 16 рыцарей и дворянъ, 98 судейскихъ чиновниковъ, 48 чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 28 городскихъ служащихъ, 52 духовныхъ, 27 учителей, 31 купецъ, 28 ремесленниковъ, 68 крестьянъ, 11 врачей, 3 литератора, 4 офицера, 1 коммивояжеръ, 1 ремесленникъ и 1 рабочій.

Всѣ наиболѣе значительные парламентаріи Германіи собрались во Франкфуртѣ. Въ прусскомъ собраніи засѣдали по большей части люди безъ имени. Только лѣвая могла указать въ своихъ рядахъ политиковъ по призванію или людей, которые впослѣдствіи сдѣлались таковыми. Здѣсь сидѣли Вальдекъ, Іоганнъ Якоби, Темме, тогда еще прусскій прокуроръ, д'Эстеръ изъ Кельна и Циглеръ, занимавшій въ то время должность оберъ-бургомистра въ Бранденбургѣ. Собраніе раздѣлялось на двѣ почти равныя части; конституціоналисты колебались между аристократіей и демократіей, а аристократы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было имъ выгодно, поддерживали дѣло конституціоналистовъ. При такихъ условіяхъ не трудно было предвидѣть, что „соглашеніе“ прусской конституціи съ прусскимъ королемъ потерпитъ фіаско, какъ только уляжется потокъ революціоннаго движенія. Франкфуртское собраніе объявило себя учредительнымъ, но въ его рукахъ не было силы, необходимой для того, чтобы дѣйствительно обезпечить за собой учредительный характеръ, и оно не заботилось о пріобрѣтеніи такой силы. Прусское собраніе не осмѣлилось объявить себя учредительнымъ и продолжало держаться за принципъ соглашенія. Оно полагало, что

берлинское гражданское ополченіе въ союзѣ съ народомъ даетъ ему фактическую силу и поддерживаетъ его. Ему еще предстояло убѣдиться на опытѣ, что вооруженная буржуазія не есть вооруженный народъ; гражданское ополченіе, этотъ мыльный пузырь, въ концѣ-концовъ лопнулъ, послѣ того какъ онъ столько времени очаровывалъ народъ и собраніе переливами своихъ обманчивыхъ красокъ.

Предложенный правительствомъ проектъ конституціи не удовлетворилъ даже тѣхъ, которые, вообще говоря, были склонны разсматривать все, исходящее отъ начальства, какъ проявленіе высшей мудрости. Проектъ устанавливалъ систему двухъ палатъ, выборы предполагались двустепенные; 160 членовъ первой палаты должны были избираться выборщиками; остальныя мѣста ея проектировалось заполнить принцами королевскаго дома и 60 мѣстъ назначенными королемъ наслѣдственными членами изъ лицъ, обладающихъ доходомъ не менѣе, чѣмъ въ 8.000 талеровъ. Способъ избранія выборщиковъ обѣихъ палатъ правительство обѣщалось указать впослѣдствіи въ особомъ законопроектѣ.

Демократія рѣзко напала на проектъ; даже гражданское ополченіе, которое пользовалось такимъ благорасположеніемъ двора и благонамѣренность котораго возрастала съ каждымъ новымъ лучомъ милостиваго вниманія со стороны двора, даже гражданское ополченіе обнаружило строптивость, а „Vossische Zeitung“ совѣтовала собранію, совершенно не вдаваясь въ детальное обсужденіе проекта, немедленно передать его въ комиссію для полной переработки. Рабочіе направили въ парламентъ адресъ, составленный, видимо, Борномъ; рабочіе требовали въ адресѣ права на трудъ и обезпеченія инвалидовъ труда. Конституція представлялась имъ совершенно неудовлетворительной. Изъ провинціи также приходили въ огромномъ числѣ протесты противъ новой конституціи.

Въ Берлинѣ въ это время было очень оживленно. Вотъ какъ рисуется физіономія города изъ описаній очевидцевъ. Гаркортъ *) пишетъ: „Подъ Липами прогуливались молодые люди съ красными пѣтушиными перьями на шляпахъ и охотничьими ножами на боку; мнѣ сказали, что это школьники-латинисты, изучающіе въ настоящее время политику и приводящіе въ порядокъ финансы своихъ родителей. Всѣ деревья отъ корней до вѣтокъ заклеены афишами, прославляющими благословенія свободной печати и призывающими сохранять добрые нравы и приличія; мнѣ положительно казалось, что я на бульварахъ Парижа. Юные книготорговцы безъ сапогъ и патента наглядно доказывали, что Берлинъ сталъ средоточіемъ просвѣщенія. Такъ какъ я пріѣхалъ въ Берлинъ изъ Брюсселя, мнѣ было интересно сравнить берлинскую дѣловую жизнь съ тамошней; но въ лавкахъ я встрѣтилъ лишь унылыя лица, вездѣ квартиры, отдающіяся въ наемъ, огромныя массы товаровъ безъ движенія... ну, подумалъ я, дѣла пока идутъ не важно, однако добрые берлинцы держатъ себя тихо въ ожиданіи бу-

*) Извѣстный депутатъ, бывшій также членомъ палаты соглашенія.

дущихъ благъ. Съ этими мыслями я опустился въ постель, моля Бога, чтобы онъ утѣшилъ всѣхъ обремененныхъ. Ночью я внезапно вскочилъ; можно было подумать, что мы горимъ или что русскіе напали на городъ. Страшный гвалтъ, какъ будто пятьдесятъ ночныхъ сторожей сразу затрубили въ свои трубы генералъ-маршъ, обыватели выскакиваютъ на улицу съ оружіемъ въ рукахъ, вдали сливающійся гулъ, какъ отъ кваканья миріада лягушекъ. Я поспѣшно надѣлъ сапоги, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ отечествомъ, если берлинцамъ дѣйствительно пришелъ конецъ. Мѣсяцъ смотритъ съ неба такъ тускло и уныло, какъ будто онъ оплакиваетъ судьбу мудрой столицы. Вдругъ входитъ мой хозяинъ; въ страхѣ я готовъ подумать, что онъ раненъ, что баррикада уже погибла. „О, дорогой господинъ,—говоритъ онъ:— ради Бога не безпокойтесь, это совсѣмъ пустяки, это только обычная ночная кошачья музыка". Да, могу сказать, берлинцы все умѣютъ устроить на славу, не умѣютъ они только привлечь къ себѣ довѣріе и деньги".

При всемъ своемъ филистерскомъ характерѣ письмо это прекрасно характеризуетъ гражданское ополченіе, которое формально взяло на себя отправленіе службы ночныхъ сторожей. Кошачьи концерты въ Берлинѣ, какъ и въ Вѣнѣ, были тогда въ большой модѣ. Начальникъ гражданскаго ополченія, генералъ фонъ-Ашофъ, президентъ полиціи и магистратъ поступали такъ, какъ будто бы эти ночныя безобразія дѣйствительно грозили гибелью всѣмъ основамъ государства.

Присоединимъ сюда еще картинку съ натуры изъ одного демократическаго листка:

„Въ стѣнахъ нашего города кипитъ въ настоящее время поразительная жизнь. Народныя собранія, клубы, союзы, кошачьи концерты, гражданское ополченіе, шныряющіе повсюду книготорговцы, министры, заслужившіе того, чтобы имъ подали карету, охраняемые полиціей народные вожди, сѣющіе смуту ревнители спокойствія, революціонные реакціонеры и консервативные революціонеры, мертвые тайные совѣтники, дѣйствительные тайные разносчики, полицейскіе въ формѣ, живыя карикатуры свободы и равенства — все это такъ прихотливо перемѣшивается между собой, что пивнымъ филистерамъ въ халатахъ и ночныхъ колпакахъ становится не по себѣ. А теперь сюда присоединилось еще національное собраніе и настолько увеличило громъ отъ рѣчей, серенадъ, барабановъ, флейтъ, трещетокъ, трубъ, криковъ лѣшихъ, фоссовскихъ завываній и причитаній, спенеровскаго храпа и прочихъ милыхъ звуковъ, что по сравненію съ этимъ даже оперы Спонтини кажутся небесной гармоніей".

Агитація Брасса и другихъ среди ополченцевъ вызвала контръ-агитацію со стороны консервативныхъ офицеровъ; распространялись слухи о заговорахъ ополченцевъ. На одномъ собраніи послѣднихъ въ ополченскомъ арсеналѣ у потсдамской дороги генералъ фонъ-Вебернъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „Товарищи, кому же мы собственно обязаны революціей? Вѣдь никому другому, какъ француз-

скимъ и польскимъ эмиссарамъ и безпутнымъ писакамъ, которыхъ всѣхъ стоило бы вздернуть на одну осину. Я, право, не нахожу словъ, чтобы назвать по достоинству этихъ негодяевъ (здѣсь почтенный ораторъ остановился, какъ бы въ раздумьѣ, и затѣмъ продолжалъ), однимъ словомъ, это—сволочи, еще разъ сволочи и трижды сволочи!“ Эта принятая съ энтузіазмомъ „ядреная“ рѣчь служитъ прекраснымъ образчикомъ того духа, который царствовалъ въ извѣстныхъ кругахъ и находилъ себѣ выходъ въ выраженіяхъ настолько крѣпкихъ, что по сравненію съ ними даже самыя сильныя мѣста демократической прессы кажутся прѣсными.

Гражданское ополченіе должно было 23 мая произвести передъ королемъ такъ называемый „парадъ довѣрія“ и создать такимъ образомъ настроеніе въ пользу проекта конституціи; однако, несмотря на всѣ усилія генерала Ашофа, парадъ оказался неудачнымъ. Въ то время, какъ буржуазія видѣла въ конституціи важнѣйшій предметъ общественнаго интереса и вела по поводу ея обширнѣйшіе дебаты, среди рабочихъ начались волненія: среди нихъ снова появилась нужда, а спазмы пустого желудка заставляютъ, какъ извѣстно, забыть всѣ конституціи міра. Недостаточность учрежденій, дававшихъ заработокъ безработнымъ, обнаружилась очень скоро; наплывъ ищущихъ работы былъ очень великъ, и власти дѣлали выборъ среди нихъ, очень многихъ оставляя за флагомъ. До сихъ поръ, согласно даннымъ министра общественныхъ работъ, господина фонъ-Патова, за десятичасовой рабочій день уплачивалось 15 зильбергрошей вознагражденія. Теперь подъ предлогомъ нѣкоторыхъ несогласій съ рабочими послѣдніе подверглись „отбору“, и установлена поштучная плата. Сотни голодныхъ рабочихъ осаждали ратушу, къ нимъ присоединялись все новые и новые и, наконецъ, толпа возрасла до двухъ тысячъ человѣкъ. Всѣ они были страшно возмущены тѣми придирками полиціи, которыя начались съ тѣхъ поръ, какъ была установлена провѣрка видовъ на жительство; депутація, направленная въ главное полицейское управленіе, была встрѣчена надменнымъ окрикомъ одного полицейскаго чиновника: „И не стыдно вамъ искать работы такого сорта?“ Нѣкоторыя горячія головы заговорили о взятіи штурмомъ ратуши, но одинъ юный рабочій взялъ слово и обстоятельно доказалъ, что это дало бы только новое оружіе въ руки реакціи, и толпа немедленно успокоилась. Было постановлено примѣнять только мирныя и законныя средства, а также апеллировать къ гражданамъ, если не удастся оказать давленіе на начальство. 29 мая 8.000 рабочихъ собрались въ манежѣ передъ Пренцлаускими воротами, двинулись оттуда многочисленной толпой къ ратушѣ, гдѣ и потребовали, чтобы уволенные работники были немедленно вновь приняты на работу. Магистратъ сначала не хотѣлъ имъ уступать; рабочимъ говорили, будто увольненія вызваны „неприличнымъ поведеніемъ“ уволенныхъ. Наконецъ рабочимъ обѣщали снова принять всѣхъ уволенныхъ; было предположено также дать занятія новымъ 3.000 рабочихъ.

Однако обѣщанія эти были выполнены лишь отчасти, и въ слѣдующіе дни 2.000 человѣкъ все еще оставались безъ работы. Они собрались на площади Денгофъ и вечеромъ появились передъ ратушей. Бургомистръ заявилъ, что берлинская коммуна не можетъ дать занятіе большему количеству людей. Тогда часть рабочихъ двинулась къ дому министра труда фонъ-Патова. Граждане Гофманъ и Заксъ вызвались быть ораторами. Въ шествіе постарались включить наиболѣе нуждающихся, преимущественно отцовъ семействъ. Депутація съ Гофманомъ и Заксомъ во главѣ вошла къ министру и изложила ему желанія рабочихъ. Господинъ фонъ-Патовъ замѣтилъ, что въ данный моментъ онъ ничѣмъ не можетъ помочь; но въ ближайшіе дни, по его словамъ, положеніе должно улучшиться, такъ какъ будетъ приступлено къ устройству канала и, кромѣ того, начнутся различныя работы въ Шарлоттенбургѣ. Затѣмъ благородный министръ предложилъ изъ собственнаго своего кармана цѣлыхъ 20 талеровъ на 700 рабочихъ. Депутація не приняла этого подарка, замѣтивъ, что она не проситъ милостыни. Когда рабочіе узнали, что предложилъ имъ министръ, они были страшно возмущены, и человѣкъ тридцать ворвались въ домъ, по словамъ господина фонъ-Патова, „съ громкимъ крикомъ", и сорвали одну дверь съ петель *). Министръ далъ письменное заявленіе, что работы предвидятся; но Заксъ и Гофманъ объяснили ему, что такими обѣщаніями нельзя накормить рабочихъ, которые дѣйствительно голодаютъ. Тогда въ видѣ задатка рабочимъ было роздано 300 талеровъ, что временно ихъ успокоило. Между тѣмъ явился одинъ членъ магистрата и увѣрялъ рабочихъ, что съ слѣдующаго дня работа имъ будетъ доставлена. Большинство, дѣйствительно, получило работу. Господинъ фонъ-Патовъ считалъ 300 талеровъ, выданныхъ рабочимъ, простымъ подаркомъ, однако Брассъ, распредѣлявшій эту сумму, разсказываетъ, что рабочіе были намѣрены возвратить ихъ назадъ и на самомъ дѣлѣ приносили ему деньги.

Молва страшно преувеличила эти событія, хотя всякому безпристрастному человѣку не трудно было бы понять, что устами рабочихъ говорила только крайняя степень нужды. Господинъ фонъ-Патовъ былъ „блѣденъ, какъ полотно", описывая въ собраніи, какъ безработные ворвались въ его домъ. Не случись этого, онъ, пожалуй, вовсе не повѣрилъ бы въ существованіе нужды среди рабочихъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что у рабочихъ, которые посреди новой „свободы" подвергались экзекуціямъ и должны были голодать съ женами и дѣтьми, мартовское одушевленіе испарилось очень скоро.

Демократическіе ферейны рѣшали „соціальный вопросъ" такъ же просто, какъ и правительство,—они тоже ограничивались доставленіемъ безработнымъ благотворительныхъ пособій, конечно, весьма недостаточныхъ. Но зато въ другомъ направленіи демократія обнаруживала

*) Въ домѣ рабочіе вели себя очень благопристойно и между прочимъ старательно отставили къ стѣнѣ всѣ бархатныя кресла, чтобы какъ-нибудь не попортить ихъ.

энергичную дѣятельность. Она требовала всеобщаго вооруженія народа, такъ какъ снова появились тревожные слухи о собирающейся съ силой реакціи; рабочіе машиностроительнаго производства возбужденной толпой явились передъ арсеналомъ, когда распространился слухъ, что находящееся тамъ оружіе будетъ убрано и передано въ армію. 500 ружей были розданы рабочимъ машиностроительнаго и желѣзодѣлательнаго промысла.

4 іюня демократическій клубъ постановилъ устроить торжественное шествіе на Фридрихсгайнъ, чтобы почтить память погребенныхъ тамъ мартовскихъ борцовъ. Демонстрація должна была въ то же время побудить собравшихся народныхъ представителей держаться за революцію и ея пріобрѣтенія. Проектъ встрѣтилъ всеобщее сочувствіе, хотя въ это время реакціонеры уже не скрывали своей ненависти къ „мартовскимъ борцамъ“ *). Народный клубъ, клубъ гражданскаго ополченія, студенты и даже конституціонный клубъ съ большимъ рвеніемъ готовились къ демонстраціи **); комендантъ гражданскаго ополченія разрѣшилъ, правда, своимъ подчиненнымъ принять участіе въ шествіи „въ качествѣ частныхъ лицъ“, однако „на случай возникновенія безпорядковъ“ принялъ свои мѣры. Въ палатѣ Неесъ фонъ-Эзенбекъ, извѣстный естествоиспытатель, подвергнутый впослѣдствіи тяжелымъ преслѣдованіямъ за свои радикальные и соціалистическіе взгляды, внесъ предложеніе, чтобы все собраніе приняло участіе въ шествіи къ Фридрихсгайну. Но собраніе вотировало простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, за что и подверглось рѣзкой критикѣ со стороны демократической прессы.

Дамы демократическаго клуба со всей возможной поспѣшностью вышили знамя, которое Люцилія Ленцъ, стоявшая 18 марта на баррикадѣ, и преподнесла клубу, сказавъ при этомъ очень пышную рѣчь. Объ этомъ „красномъ“ знамени много было разговора впослѣдствіи ***).

Импозантный кортежъ 4 іюня двинулся съ Жандармской площади къ Фридрихсгайну по тѣмъ же самымъ улицамъ, какъ въ свое время погребальное шествіе съ павшими мартовскими борцами. Дома были разубраны черно-красно-золотыми флагами. Около полутораста депутатовъ, клубы и рабочіе союзы, гражданскіе ополченцы, группа дамъ, многочисленныя иногороднія депутаціи и дѣйствительно колоссальная масса

---

*) Какъ смотрѣли въ военныхъ кругахъ на защитниковъ баррикадъ 18 марта, видно изъ слѣдующихъ словъ графа Люттихау въ его „Воспоминаніяхъ объ уличной борьбѣ“ (во время послѣдней онъ командовалъ батальономъ стрѣлковъ): „Въ прежнія времена трупы ихъ были бы сожжены и пепелъ разсѣянъ по вѣтру, чтобы навсегда стереть у всѣхъ людей воспоминаніе о нихъ, воспоминаніе объ этомъ отбросѣ всѣхъ націй и подонкахъ берлинской черни, самое существованіе которыхъ есть наглое оскорбленіе для человѣчества“.

**) Конституціонный клубъ рѣшился, впрочемъ, принять участіе въ демонстраціи лишь тогда, когда господинъ Фрезе завѣрилъ его, что съ этимъ предпріятіемъ не связано ни малѣйшей опасности.

***) Знамя было сдѣлано изъ темно-краснаго шелка съ золотой каймой и черными лентами съ надписями: „Демократическій клубъ“ и „18 и 19 марта 1848“. Во времена реакціи его пришлось старательно припрятать, [illegible]

народа составили шествіе, посреди котораго виднѣлось множество знаменъ и эмблемъ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, отъ одной четверти до двухъ третей всего берлинскаго населенія было въ этотъ день на ногахъ. Пятнадцать ораторовъ говорили на могилахъ, между прочимъ Борнъ, Гельдъ, демократическіе депутаты, графъ Рейхенбахъ, капланъ фонъ-Бергъ и Юнгъ, нѣсколько рабочихъ и студентовъ. Много говорилось о реакціи; нѣкоторые ораторы высказывали довольно печальныя предположенія—доказательство, что они питали не слишкомъ много довѣрія къ палатѣ соглашенія. Такъ какъ въ этотъ день ни гражданское ополченіе и ни какая-либо другая полицейская организація не вмѣшивались, то демонстрація прошла въ полномъ порядкѣ.

На этотъ разъ только народъ, рабочіе и буржуа выразили свои симпатіи павшимъ въ мартовскіе дни. Магистратъ, бюрократія, профессора и всѣ вообще господа со звѣздами на фракахъ, 22 марта участвовавшіе въ шествіи, теперь остались въ сторонѣ. Поворотъ въ этихъ кругахъ къ 4 іюня сталъ уже очень замѣтенъ. Скоро онъ проявился еще рѣшительнѣе; наступило даже время, когда высказывать героямъ мартовскихъ дней свое презрѣніе стало признакомъ хорошаго тона.

Вечеромъ этого дня было собраніе типографщиковъ и рабочій Диттманъ рѣзко нападалъ на реакціонеровъ, стремящихся уничтожить мартовскія завоеванія. Было рѣшено поручить берлинскому делегату на майнцскомъ съѣздѣ всѣхъ типографщиковъ провести постановленіе, чтобы на будущее время на всемъ протяженіи великаго отечества не давать правительству ни одной буквы набора, ни одного печатнаго листа для ограниченія свободы прессы. Мысль, безъ сомнѣнія, недурная, но, къ сожалѣнію, уже въ то время среди типографщиковъ имѣлось болѣе чѣмъ достаточно „черноногихъ", всегда готовыхъ за хорошую плату замѣстить отказывающагося работать товарища.

Между тѣмъ палата соглашенія открыла свои засѣданія въ консерваторіи. Первыя собранія, на которыхъ предсѣдательствовалъ, какъ старшій *), бывшій министръ Шенъ, старый членъ Тугендбунда, были бурны и безпорядочны; консервативная партія въ особенности выдавалась своимъ шумливымъ и буйнымъ поведеніемъ. Было ясно, что господа консерваторы зачуяли разсвѣтъ. Въ протоколахъ засѣданій то и дѣло встрѣчаются отмѣтки: „сильный шумъ", „постоянное возбужденіе", „сильные крики и безпорядокъ", „отчаянный гвалтъ" и даже „непрерывный скандалъ". Бреславльскій фабрикантъ Мильде, бывшій членъ соединеннаго ландтага, былъ избранъ президентомъ, совѣтникъ юстиціи Эссеръ изъ Кельна первымъ, тайный совѣтникъ верховного трибунала Вальдекъ изъ Берлина вторымъ вице-президентомъ. Предложенія лились дождемъ; между прочимъ „благороднѣйшій изъ всѣхъ тайныхъ совѣтниковъ", Абеггъ, нѣкогда „либеральный" президентъ полиціи въ Кенигсбергѣ, выступилъ съ предложеніемъ, чтобы

*) До выбора предсѣдателя по парламентскимъ обычаямъ предсѣдательствуетъ старшій изъ наличныхъ членовъ собранія.

собраніе уполномочило чиновъ полиціи и судебнаго вѣдомства съ большей энергіей бороться противъ „злоупотребленій свободою слова и ассоціацій“. Однако теперь, едва лишь открывъ засѣданія, среди обсужденія вопроса о закрѣпленіи завоеваній мартовскихъ дней собраніе нашло все же слишкомъ неумѣреннымъ требованіе превратиться въ прислужника полиціи, въ ночного сторожа; предложеніе Абегга было отклонено. Неесъ фонъ-Эзенбекъ предложилъ собранію назначить комиссію, уполномочить ее выработать самостоятельный проектъ конституціи, руководствуясь точкой зрѣнія общенародныхъ интересовъ, и затѣмъ обсудить въ собраніи этотъ проектъ одновременно съ тѣмъ, который будетъ предложенъ королевскимъ министерствомъ. Было также предложено воздвигнуть памятникъ въ честь мартовскихъ борцовъ.

Въ то время, какъ большинство нерѣшительно колебалось туда и сюда, лѣвая сдѣлала попытку побудить собраніе точно опредѣлить свое государственно-правовое положеніе и объявить себя учредительнымъ. По мнѣнію депутата Отто, собранію слѣдовало внести въ уставъ, опредѣляющій порядокъ его занятій, параграфъ, согласно которому оно не можетъ быть распущено правительствомъ или короной; такимъ образомъ Отто разсчитывалъ отбросить принципъ соглашенія. Кампгаузенъ высказался противъ предложенія, и большинство согласилось съ министромъ. Отклонивъ предложеніе Отто, собраніе тѣмъ самымъ фактически приняло принципъ соглашенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ признало за правительствомъ право въ каждомъ частномъ случаѣ дѣйствовать вопреки постановленіямъ собранія. День спустя послѣ этого пораженія, лѣвая потерпѣла еще одно: она безуспѣшно боролась противъ предложенія Дункера отвѣтить на тронную рѣчь адресомъ. „Дѣло — лучшій адресъ“, замѣтилъ между прочимъ одинъ членъ лѣвой; „но адресъ есть дѣло“, возразилъ министръ Ганземанъ. Огромное большинство постановило выработать адресъ, котораго рѣшительно требовало министерство.

Вмѣсто того, чтобы возможно энергично приступить къ обсужденію конституціи, собраніе занималось цѣлой массой второстепенныхъ вопросовъ и попусту тратило время. Депутатъ Грилль, рабочій, замѣтилъ разъ, что каждый день засѣданія стоитъ странѣ 1.200 талеровъ и большинство этихъ дней пропадаетъ даромъ *). И въ самомъ дѣлѣ потребность въ болтовнѣ сказывалась въ берлинской консерваторіи столь же сильно, какъ и во франкфуртскомъ соборѣ св. Павла, и здѣсь ораторы придавали своимъ рѣчамъ не менѣе всеобъемлющее значеніе.

4-го іюня принцъ Прусскій снова вступилъ на родную землю. Онъ былъ избранъ депутатомъ отъ Вирзица. 8 іюня онъ появился въ засѣданіи и произнесъ рѣчь, въ которой особенно подчеркивалъ, что собраніе должно выработать конституцію по соглашенію съ королемъ. „Конституціонная монархія,—сказалъ онъ,—есть та форма правленія, которую нашъ король предначерталъ даровать намъ“. Въ заключеніе

*) Депутаты получали діэты по 3 талера на человѣка въ день (около $4^1/_2$ руб.).

принцъ замѣтилъ, что онъ не въ состояніи регулярно посѣщать засѣданія и проситъ пригласить на его мѣсто другое лицо. Правая сопровождала эту рѣчь знаками одобренія, лѣвая демонстрировала противъ нея шиканьемъ.

Было ясно, что правая желала осуществить конституцію лишь на почвѣ соглашенія, въ то время какъ огромное большинство колеблющихся конституціоналистовъ давало правой увлечь себя. Конституціоналисты были настолько близоруки, что не предвидѣли конфликтовъ, которые неизбѣжно должны были возникнуть изъ принципа соглашенія, а между тѣмъ уже появились весьма недвусмысленные предвѣстники этихъ конфликтовъ.

Лѣвая сдѣлала еще третью попытку обезпечить за собраніемъ хотя бы нѣкоторую независимость. Депутатъ Берендсъ внесъ предложеніе: „Высокое собраніе благоволитъ въ знакъ признанія революціи занести въ протоколъ, что борцы 18 и 19 марта стяжали себѣ великую заслугу передъ отечествомъ“.

Предложеніе это въ сущности не имѣло особеннаго значенія, такъ какъ, если бы оно даже было принято, принципъ соглашенія никоимъ образомъ не былъ бы еще устраненъ. Поэтому и самъ г. Кампгаузенъ замѣтилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ противорѣчить предложенію, поскольку оно констатируетъ важность тѣхъ перемѣнъ, которыя были внесены въ государственную жизнь 18-мъ марта; однако предложеніе должно быть отвергнуто, если оно имѣетъ тотъ смыслъ, что существующая государственная власть не покоится болѣе на почвѣ права. Іоганнъ Якоби былъ за предложеніе; Шульце-Деличъ просилъ присоединить, что берлинскій народъ стяжалъ себѣ заслугу передъ отечествомъ также своимъ поведеніемъ послѣ борьбы, противъ чего возражалъ Якоби. Между тѣмъ депутатъ Захарія предложилъ такую резолюцію: „Принимая во вниманіе, что значеніе совершившейся революціи и ея борцовъ безспорно и что собраніе видитъ свою задачу не въ произнесеніи приговоровъ, а въ томъ, чтобы по соглашенію съ королемъ выработать конституцію, собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Напрасно Якоби указывалъ на примѣръ Гагерна, провозгласившаго верховенство франкфуртскаго собранія. 9 іюня, послѣ двухдневныхъ дебатовъ, предложеніе Захаріи было принято большинствомъ 196 противъ 177 голосовъ.

Впрочемъ, если бы даже большинство оказалось на сторонѣ предложенія Берендса, постановленія собранія обогатились бы лишь одной звонкой фразой, и, конечно, послѣдняя имѣла бы столь же мало практическаго значенія въ Берлинѣ, какъ во Франкфуртѣ на Майнѣ гагерновское провозглашеніе верховной власти народа.

Между тѣмъ среди массы результаты этого голосованія пробудили новыя опасенія реакціи; народъ и безъ того уже давно видѣлъ угрозу мартовскимъ завоеваніямъ въ реакціонныхъ адресахъ и воззваніяхъ изъ провинціи, ежедневно появлявшихся въ газетахъ. Яростно возбу-

жденная толпа стѣснилась вокругъ дома засѣданій. Депутація, посланная народомъ къ президенту собранія, была довольно грубо отправлена назадъ. Когда депутаты покидали залу собранія, по адресу нѣкоторыхъ членовъ правой, особенно Сидова, раздались далеко не лестные крики; въ непріятное положеніе попалъ также министръ фонъ-Арнимъ, который, по словамъ одного очевидца, крикнулъ толпѣ довольно вызывающимъ тономъ: „Чего вы тутъ стоите? Чего вамъ надо?“ Кучка народа окружила министра, но онъ былъ благополучно проведенъ нѣсколькими депутатами и студентами черезъ волнующуюся толпу къ университету. Никто не потерпѣлъ насилія, и все же этотъ инцидентъ далъ „охранителямъ“ достаточный поводъ кричать, что свобода собранія въ опасности; президентъ полиціи и шефъ гражданскаго ополченія совмѣстно заявили, что они принуждены будутъ вмѣшаться, если повторится что-либо подобное.

Изъ Помераніи приходили уже манифесты, возвѣщавшіе, что постановленія собранія нельзя разсматривать какъ свободныя, а слѣдовательно и какъ обязательныя для кого бы то ни было. Манифесты эти исходили отъ наиболѣе непримиримаго померанскаго дворянства; въ разсматриваемое время они еще не встрѣчали сочувствія. Пропасть между городомъ и деревней разверзалась все шире и шире, и предпринятая Гельдомъ „попытка примиренія“ только подлила масла въ огонь. Недовѣріе къ Гельду быстро росло, такъ что, когда онъ попробовалъ выставить свою кандидатуру на постъ командира гражданскаго ополченія, его со всѣхъ сторонъ встрѣтилъ градъ желчныхъ насмѣшекъ.

Цѣлый рядъ обстоятельствъ раздувалъ возбужденіе среди рабочихъ. Министръ труда фонъ-Патовъ поставилъ своей задачей мало-помалу удалять изъ Берлина рабочихъ, какъ наиболѣе опасный революціонный элементъ. Они массами высылались въ провинціи, гдѣ имѣлась работа. Однако мѣропріятіе это не удалось осуществить съ желаемой быстротой, и прежде чѣмъ выполненіе было закончено, въ Берлинѣ еще разъ разразилась катастрофа. Въ воздухѣ носились неопредѣленные слухи о готовящемся государственномъ переворотѣ въ реакціонномъ духѣ. И вдругъ было обнаружено, что правительство, опасаясь нападенія народа на арсеналъ, охраняетъ зданіе его солдатами: каждую ночь рота пѣхоты располагалась внутри арсенала. Это возбудило негодованіе даже среди благонамѣреннаго бюргерства и гражданскаго ополченія, которое такъ кичилось тѣмъ, что все въ Берлинѣ поставлено подъ его охрану. Узнали также, что по ночамъ изъ арсенала сплавлялось на лодкахъ по Шпре оружіе и военная амуниція. Рабочіе, давно уже возмущенные тѣмъ, что они не получали оружія, задержали нѣсколько такихъ лодокъ.

Въ періоды всеобщаго возбужденія достаточно часто ничтожнаго обстоятельства, чтобы раздуть тлѣющую искру въ настоящее пламя. Утромъ 14 іюня оказалось, что дворы королевскаго дворца заперты рѣшетчатыми воротами,—это дало поводъ для народнаго возмущенія.

Берлинцы привыкли свободно проходить по дворамъ дворца; даже самые лойяльные, благонамѣренные бюргеры негодовали на запертыя ворота. Возбужденный народъ сорвалъ съ петель створки рѣшетчатыхъ воротъ и одну изъ нихъ бросилъ въ Шпре.

Это происшествіе привлекло огромную массу народа, собравшуюся на площади передъ арсеналомъ. Зданіе послѣдняго защищалось изнутри ротой пѣхоты, снаружи—отрядомъ гражданскаго ополченія.

Въ собраніи нѣкоторые трусы все еще не могли успокоиться по поводу событія 9 іюня, когда толпа, по ихъ мнѣнію, угрожала депутатамъ насиліемъ, и Рейхеншпергеръ предложилъ мѣропріятія для защиты собранія. Предложеніе это встрѣтило энергичный отпоръ со стороны Бухера, Юнга и др. и было отклонено, несмотря на угрожающія народныя движенія на улицахъ. Собраніе положилось на гражданское ополченіе.

Возмущеніе охватило весь городъ; возмущенныя массы народа вступали въ стычки съ гражданскимъ ополченіемъ, требуя то хлѣба, то очищенія арсенала отъ солдатъ. Передъ арсеналомъ рота гражданскаго ополченія, со штыками наперевѣсъ, бросилась на народъ, но другая его рота встала между нападающими и толпой; гражданскіе ополченцы этой второй роты не хотѣли „терпѣть такого обращенія съ народомъ". Опасенія реакціи, какъ видимъ, охватили отчасти и вооруженную буржуазію.

Депутаціи, посланныя къ командиру гражданскаго ополченія и къ военному министру съ требованіемъ очищенія арсенала отъ войскъ, не имѣли успѣха; часть ихъ была еще по дорогѣ разсѣяна гражданскимъ ополченіемъ. Это обстоятельство, конечно, только усилило возбужденіе массъ. Ветеринаръ Урбанъ, два молодыхъ купца и механикъ Зигеристъ говорили къ народу; Зигеристъ произнесъ свою рѣчь съ пушки въ Каштановой рощѣ. Ораторы будто бы убѣждали народъ овладѣть оружіемъ изъ арсенала и построить баррикады *).

Гражданское ополченіе принимало свои мѣры: ворота были заняты карауломъ и возвращающіеся „ребергцы" остановлены; усилены были также отряды, защищавшіе арсеналъ.

Раздался генералъ-маршъ. Изъ толпы, окружавшей арсеналъ, кто-то выстрѣлилъ въ гражданскихъ ополченцевъ, но выстрѣлъ этотъ не причинилъ никому вреда; одновременно съ этимъ было брошено 30—40 большихъ камней, поранившихъ нѣкоторыхъ гражданскихъ ополченцевъ. Тогда загремѣли выстрѣлы изъ рядовъ гражданскаго ополченія въ густо стѣснившуюся толпу; двое рабочихъ были убиты, двое другихъ тяжело ранены. Затѣмъ толпа была отброшена назадъ штыками.

Кровь и трупы возбудили яростное негодованіе массъ; нѣкоторые смачивали свои платки кровью и поднимали ихъ вверхъ на палкахъ;

*) Зигеристъ сказалъ впослѣдствіи на судѣ, что онъ убѣждалъ лишь добиваться отставки командира гражданскаго ополченія Блессона и замѣщенія этой должности Берендсомъ: „Берендсъ сумѣлъ бы позаботиться о вооруженіи народа".

раненыхъ и убитыхъ, между прочимъ одну женщину, несли по улицамъ; отовсюду раздавались призывы къ мести; во многихъ мѣстахъ была сдѣлана попытка построить баррикады, а именно на улицахъ Егеръ, Обервалъ и на площади Александра. Оружейныя лавки были разгромлены; толпа разрушила домъ майора гражданскаго ополченія Бенды, который, какъ говорятъ, передъ арсеналомъ отдалъ команду стрѣлять.

Наступило всеобщее смятеніе. Во дворцѣ изъ начальствующихъ лицъ образовался комитетъ безопасности. Когда послѣдній увидѣлъ трупы, проносимые по дворцовой площади, и народную массу, воспламененную гнѣвомъ и жаждой мести, онъ подумалъ, что начались дни республики и готовъ былъ уже призвать на помощь военныя силы. Однако этотъ планъ рушился благодаря сопротивленію членовъ магистрата. Между тѣмъ демократы, считавшіе вооруженное столкновеніе неустранимымъ и ожидавшіе новаго 18 марта, избрали изъ всѣхъ своихъ союзовъ нѣчто въ родѣ комитета общественнаго спасенія, въ которомъ находился между прочимъ и знаменитый господинъ Брассъ. Комитетъ этотъ долженъ былъ взять на себя руководство борьбой. Но и демократы не могли достигнуть единодушія и безпомощно колебались между противоположными рѣшеніями.

Въ центральномъ бюро гражданскаго ополченія находились командиръ Блессонъ и прокуроръ Темме; прокуроръ былъ въ то же время членомъ палаты соглашенія и сидѣлъ тамъ на скамьѣ лѣвой. Цѣлая масса депутацій ворвалась въ бюро. Во главѣ той изъ нихъ, которая явилась отъ арсенала, стояли докторъ Эйхлеръ и кандидатъ на судебныя должности Густавъ Рашъ; они требовали строгаго разслѣдованія, „такъ какъ пролита кровь“; народъ настаивалъ на удаленіи войскъ и занятіи арсенала гражданскимъ ополченіемъ. Темме увѣрялъ, что онъ немедленно же назначитъ судебное разслѣдованіе. Бюргеры, студенты, ремесленники, депутаты являлись одни за другими, заклиная выполнить требованіе народа, чтобы предотвратить кровопролитіе. Командиръ гражданскаго ополченія, Блессонъ, отдалъ, наконецъ, приказаніе, чтобы одинъ вооруженный союзъ ремесленниковъ занялъ нижнія помѣщенія арсенала; что же касается отозванія войскъ, то онъ рекомендовалъ обратиться съ этой просьбой къ военному министру. Но отъ послѣдняго не было возможности добиться надлежащаго распоряженія уже по одному тому, что онъ не присутствовалъ дома. Оставалось еще очистить площадь передъ арсеналомъ отъ гражданскаго ополченія и занять ее студентами.

Гражданское ополченіе, столько разъ братавшееся въ этотъ день съ народомъ, надѣвавшее штыки наоборотъ или завертывавшее ихъ платками, отступило; однако вооруженный союзъ ремесленниковъ не могъ немедленно проникнуть въ арсеналъ, такъ какъ тамъ находилось 150 человѣкъ пѣхоты подъ начальствомъ капитана Нацмера. Лейтенантъ Теховъ, человѣкъ пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ военныхъ кругахъ, кандидатъ на должность командира гражданскаго

ополченія, явился къ арсеналу, чтобы уладить дѣло. Онъ выступилъ посредникомъ и передалъ капитану Нацмеру приказъ Блессона. Тогда Нацмеръ оставилъ нижній этажъ арсенала и передвинулся съ своимъ отрядомъ наверхъ. Вмѣстѣ съ союзомъ ремесленниковъ въ зданіе протѣснилась масса народа; ворота были разломаны, и широкимъ потокомъ народъ разлился по всѣмъ нижнимъ помѣщеніямъ арсенала.

Наступила ночь, зажгли факелы; ремесленники и студенты сошлись въ количествѣ 200 человѣкъ; кромѣ того, сбѣжалось еще много народа. Опасность жестокаго кроваваго столкновенія снова выступила впередъ; столкновеніе было почти неизбѣжнымъ, если бы народъ ворвался въ верхнія помѣщенія, занятыя солдатами. Теховъ взялъ на себя задачу побудить капитана Нацмера къ отступленію; другіе поддерживали его въ этомъ. Не вѣрно, будто бы онъ, какъ это разсказывали впослѣдствіи, передалъ капитану „ложное приказаніе"; но, съ другой стороны, несомнѣнно, что въ этотъ критическій моментъ было пущено въ ходъ нѣчто въ родѣ военной хитрости; нѣкоторые старались увѣрить капитана, что въ Потсдамѣ вспыхнула революція и король бѣжалъ. Точно такъ же положеніе дѣлъ въ Берлинѣ изображалось въ такомъ свѣтѣ, какъ будто для правительства все безвозвратно потеряно. Увѣщанія Техова побудили, наконецъ, капитана отступить и предотвратить такимъ образомъ кровавую баню. Послѣ отчаянной борьбы между своей совѣстью и сознаніемъ служебнаго долга капитанъ въ концѣконцовъ сдался; народу было объявлено черезъ окно объ отступленіи войскъ и послѣднія дѣйствительно оставили арсеналъ.

Народъ жадно набросился на запасъ оружія. Въ арсеналѣ находилось много новаго вооруженія, между прочимъ значительный запасъ игольчатыхъ ружей, которыя были совершенно безполезны народу, такъ какъ послѣдній не имѣлъ и не могъ изготовить патроновъ для нихъ. Но ворвавшіеся старались только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе взять въ руки хоть какое-нибудь оружіе. Было взято между прочимъ нѣсколько украшеній, не мало стараго оружія и другихъ военныхъ реликвій; Теховъ говорилъ впослѣдствіи, что если бы онъ могъ предвидѣть подобныя вещи, онъ никогда не посовѣтовалъ бы капитану отступить. Надо замѣтить, впрочемъ, что значительная часть упомянутыхъ предметовъ была возвращена въ ближайшіе дни; количество пропавшихъ вещей едва ли достигало и десятой части того числа, которое указывалось въ реакціонной печати.

Большинство „самовольно вооружившихся" были обезоружены союзомъ ремесленниковъ и студентами; кромѣ того, едва извѣстіе о занятіи арсенала народомъ достигло гражданскаго ополченія, послѣднее вмѣстѣ съ батальономъ 24 полка двинулось на толпу и отняло оружіе у ворвавшихся внутрь арсенала. Войско выгоняло народъ наружу, а гражданское ополченіе взяло на себя отобраніе оружія у каждаго отдѣльнаго лица, при чемъ въ большинствѣ случаевъ дѣло не обходилось безъ заушенія. Но пусть намъ нарисуетъ эту картину очевидецъ, профессоръ Гнейстъ, человѣкъ, „который все можетъ дока-

зать“ и который въ то время былъ гражданскимъ ополченцемъ. „Хотя сцена разыгрывалась въ прекрасную лунную ночь,—пишетъ онъ въ своихъ Berliner Zustände,—тѣмъ не менѣе въ ней было что-то жуткое. Передъ воротами тускло мерцаетъ нѣсколько факеловъ. Внутри арсенала глубокій мракъ, и только смутный гулъ заставляетъ предположить, что тамъ движутся значительныя массы людей. Ряды солдатъ стоятъ нѣкоторое время неподвижно. Очевидно, офицеры совѣщаются, какъ цѣлесообразнѣе всего проникнуть дальше съ имѣющимися у нихъ 200 человѣкъ. Но вотъ капитану Фогелю пришла въ голову чрезвычайно счастливая мысль: приказать барабанщикамъ отбивать дробь передъ входомъ въ арсеналъ. Среди ночной тишины внезапно раздался адскій грохотъ, трескъ барабановъ гулко отпрядывалъ отъ стѣнъ арсенала; грохотъ этотъ возбудилъ во всѣхъ насъ если и не воинственное, то во всякомъ случаѣ очень оживленное настроеніе. Этотъ актъ имѣлъ рѣшительныя послѣдствія и моментально измѣнилъ всю картину. Тотчасъ же самовольно вооружившіеся стали выпрыгивать въ окна и съ удивительной быстротой удирать вдоль стѣны. Едва успѣли скрыться пять или шесть изъ нихъ, какъ гражданскіе ополченцы моего отдѣленія не могли уже дальше выдерживать. Они пустились наперерѣзъ бѣгущимъ; такое рвеніе внезапно овладѣло нами, что три ополченца бросились разомъ со штыками на одного семнадцатилѣтняго юношу, вздумавшаго разсуждать. Я прыгнулъ между ними, однако дѣло обошлось вполнѣ благополучно. Намъ не представлялось надобности пустить въ ходъ оружіе, даже если бы мы этого пожелали. Изъ оконъ непрерывно одинъ за другимъ прыгали люди. Первыхъ мы попытались арестовать; но такъ какъ не было людей для переправы арестованныхъ, мы охотно предоставили спасаться бѣгствомъ каждому, кто хотѣлъ бѣжать. Однако все болѣе и болѣе стало появляться лицъ, пытавшихся унести съ собою оружіе. Бóльшая половина, впрочемъ, отдавала вооруженіе по первому требованію; нѣкоторые были удивлены такимъ распоряженіемъ, нѣкоторые пытались даже разсуждать и получали пощечины, послѣ чего оружіе безпрекословно выдавалось; очень немногіе, наконецъ, дѣлали попытки прорваться силою, но послѣ хорошихъ пинковъ подъ ребра и они отдавали оружіе... Между тѣмъ со стороны Каштановой рощи прибыло нѣсколько новыхъ ротъ гражданскаго ополченія, которыя однако не принимали, повидимому, дѣятельнаго участія въ разоруженіи. Недостатокъ въ опредѣленномъ планѣ дѣйствій простирался до такой степени, что отъ времени до времени мы оказывались окруженными превосходными силами толпы, которая, впрочемъ, повидимому не питала серьезныхъ намѣреній. Нѣкоторые изъ толпы съ величайшимъ изумленіемъ спрашивали меня и моихъ товарищей, какимъ образомъ могли мы дойти до того, чтобы препятствовать вооруженію народа. Порой возникалъ обстоятельный диспутъ по этому вопросу, но чаще дѣло разрѣшалось пощечиной. Очень рѣдко требовалось серьезно прибѣгать къ силѣ, чтобы разоружить кого-либо. Въ то время, какъ мы занимались этимъ, батальонъ 24 полка съ раз-

вернутымъ знаменемъ и барабаннымъ боемъ прошелъ мимо министерства финансовъ въ Моллерскую улицу и остановился у открывающагося туда входа въ арсеналъ. Между тѣмъ бѣглецы то и дѣло устремлялись изъ арсенала на улицу, такъ что нижній этажъ былъ уже почти пустъ, когда подошелъ съ барабаннымъ боемъ линейный батальонъ. Это послужило сигналомъ навострить лыжи и для тѣхъ 100—200 человѣкъ, которые забрались въ верхній этажъ. Всѣ окна отворились, и одинъ за другимъ люди стали появляться на широкомъ карнизѣ подъ окнами, пробирались вдоль карниза къ пожарной лѣстницѣ, по которой нѣкоторые и спускались внизъ. Многіе даже и изъ этихъ бѣглецовъ наивно захватывали съ собою оружіе, которое отбиралось у нихъ, разумѣется, въ обмѣнъ на пощечины".

Такимъ жалкимъ финаломъ закончился штурмъ арсенала, начавшійся кровопролитіемъ и возбудившій столь сильное волненіе.

Господинъ Блессонъ явился козломъ отпущенія для всѣхъ партій и вынужденъ былъ сложить съ себя командованіе гражданскимъ ополченіемъ, чтобы уступить мѣсто ничтожному Римплеру. Относительно Техова и Нацмера мнѣнія сильно расходились; реакціонеры требовали строжайшаго наказанія для нихъ обоихъ, въ то время какъ демократы ставили имъ въ заслугу спасеніе Берлина отъ новаго побоища. Теховъ былъ приговоренъ къ 15 годамъ заключенія въ крѣпости и изгнанъ изъ арміи *), Нацмеръ къ увольненію со службы и 10 годамъ крѣпости. Онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ Кольбергѣ, но въ 1849 г. былъ помилованъ, такъ какъ проявилъ „искреннее раскаяніе". По дѣлу о штурмѣ арсенала къ суду привлекли, кромѣ того, цѣлый рядъ лицъ **); ораторы, говорившіе передъ арсеналомъ, были въ первой инстанціи приговорены къ суровому наказанію, но вторая инстанція вынесла оправданіе двусмысленному Урбану и приговорила Зигериста къ четыремъ, Корна къ двумъ годамъ заключенія въ крѣпости ***).

*) Ему удалось бѣжать изъ мѣста своего заключенія въ Магдебургѣ, послѣ чего онъ съ оружіемъ въ рукахъ принималъ участіе въ революціи баденской и пфальцской; впослѣдствіи онъ переселился въ Австралію. Въ 1888 г. Теховъ явился въ Швейцарію и запросилъ оттуда въ Берлинѣ, можетъ ли онъ снова увидѣть отечество. Въ отвѣтъ на это ходатайство былъ возобновленъ изданный за сорокъ лѣтъ до того приказъ о поимкѣ его, какъ бѣглаго преступника.

**) Была арестована также Люцилія Ленцъ, передавшая демократическому клубу собственноручно изготовленное знамя; ее задержали на площади Молькенъ, переодѣтой въ мужское платье, съ оружіемъ, похищеннымъ изъ арсенала. Впрочемъ, президентъ полиціи былъ настолько галантенъ, что тотчасъ же освободилъ эту пламенную республиканку.

***) Въ скоромъ времени суды стали вообще очень энергичны. 14 іюня одинъ студентъ, взявшійся отнести неоднократно упомянутое „красное" знамя демократическаго клуба въ безопасное мѣсто, былъ остановленъ у баррикады на Ландсбергской улицѣ при кликахъ толпы: „Да здравствуетъ республика!" Толпа старалась убѣдить его водрузить знамя на баррикадѣ; онъ не согласился; знамя было отнято вмѣшавшимся гражданскимъ ополченіемъ, но потомъ снова возвращено назадъ. Противъ этого студента—его звали Фридрихъ—было возбуждено судебное преслѣдованіе, и прокуроръ, обвиняя его въ государственной измѣнѣ, требовалъ смертной казни черезъ колесованіе. Однако судъ вынесъ оправдательный приговоръ.

Неудачный штурмъ арсенала реакціонеры постарались использовать въ своихъ интересахъ и не безъ успѣха. Хотя гражданское ополченіе и воспротивилось попыткѣ „самовооруженія“, но нѣкоторыя роты его все же обнаружили сочувствіе къ народу; въ извѣстномъ лагерѣ моментъ былъ признанъ подходящимъ, чтобы возложить на гражданское ополченіе отвѣтственность за все событіе, объявить его неспособнымъ къ поддержанію порядка и требовать усиленія войскъ. И въ самомъ дѣлѣ въ Берлинъ стали стягиваться войска, такъ что по прошествіи нѣкотораго времени въ городѣ снова находилось семь батальоновъ. Въ окрестностяхъ также собирались войска, главнымъ образомъ тѣ, которыя раньше сражались въ Шлезвигъ-Голштиніи.

На демократовъ посыпалась грубѣйшая ругань, противъ нихъ выставлялись нелѣпѣйшія подозрѣнія; не стыдились даже утверждать, будто демократы воспользовались штурмомъ арсенала, чтобы похитить секретъ игольчатаго ружья и продать его французскому правительству. Число пропавшихъ вещей и размѣры поврежденій арсенала были безсовѣстно преувеличены *). Гражданское ополченіе производило обыски въ поискахъ за оружіемъ, въ то время какъ изъ прусской „Вандеи“, изъ Помераніи и Бранденбурга, хлынулъ въ Берлинъ цѣлый потокъ адресовъ, изливавшихъ чувства въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ. Реакціонные клубы возникали массами; піэтисты вопили „караулъ“ и плакались на мартовскіе дни и ихъ результаты. Этотъ наглый вопль, съ такимъ искусствомъ поощряемый реакціонерами, запугалъ гражданское ополченіе; благомыслящіе обыватели окончательно потеряли голову отъ страха и смятенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялись всѣ средства, чтобы разъединить рабочихъ. Значительное число ихъ отправилось на работы на Восточную дорогу, гдѣ, какъ разсказывали имъ, самыя пріятныя условія работы соединяются съ весьма высокой заработной платой. Однако многіе, потерпѣвъ полное разочарованіе, возвращались снова въ Берлинъ.

Гнейстъ раньше энергично протестовалъ противъ того, чтобы гражданское ополченіе играло роль полицейскаго института. Теперь онъ предложилъ въ муниципалитетѣ совершенно подчинить гражданское ополченіе городскимъ властямъ, что возбудило величайшее негодованіе многихъ гражданскихъ ополченцевъ, не хотѣвшихъ стать „слугами города“. Городскіе депутаты постановили между прочимъ отклонить ходатайство демократическаго клуба, предлагавшаго организовать на свой счетъ для охраненія порядка отрядъ гражданъ, вооруженныхъ пиками. Такъ какъ демократическій конгрессъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ, избралъ центромъ своей организаціи Берлинъ, то заговорили о „необходимости учрежденія директоріальной власти“; особенную силу

*) На основаніи того факта, что одному члену національнаго собранія случайно попало въ руки ружье изъ арсенала, одинъ провинціальный адресъ счелъ возможнымъ выкрикивать: „Чего ждать намъ отъ національнаго собранія, считающаго въ числѣ своихъ членовъ проходимцевъ и воровъ!“

пріобрѣли контръ-мѣропріятія и контръ-агитація, когда въ Берлинѣ образовался республиканскій клубъ, въ которомъ видную роль игралъ уже упомянутый докторъ Г. Б. Оппенгеймъ изъ Франкфурта *).

Посреди этихъ шумныхъ стычекъ между революціей и реакціей, демократіей и аристократіей, палата соглашенія засѣдала сосредоточенная, глубоко погруженная въ свою конституціонную работу, какъ Архимедъ передъ своими фигурами. Отклонивъ вооруженную защиту, она приняла предложенія Ульриха, извѣстнаго проповѣдника свободной религіи, и особой резолюціей поставила себя „подъ защиту берлинскаго народа“. На другой день послѣ штурма арсенала обсуждалось предложеніе Вальдека назначить комиссію для выработки проекта конституціи прусскаго государства. Отъ имени праваго центра Ваксмутъ внесъ аналогичное по существу предложеніе. Министры возражали противъ этого, но нерѣшительно, аристократы же правой—довольно энергично. Неесъ фонъ-Эзенбекъ подчеркивалъ, что проектъ долженъ затронуть соціальный вопросъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ движеніе, называемое революціей, будетъ продолжать свой кровавый путь. Этотъ призывъ неопредѣленные либералы и буржуа собранія пропустили, конечно, мимо ушей. Была принята комбинація изъ предложеній Вальдека и Ваксмута и назначена конституціонная комиссія. Ея первымъ предсѣдателемъ былъ Вальдекъ, вторымъ Родбертусъ, извѣстный экономистъ, принадлежавшій къ лѣвому центру. На слѣдующій день собраніе объявило своихъ членовъ неприкосновенными, и законъ этотъ былъ санкціонированъ королемъ,—первый плодъ принципа соглашенія.

Нѣсколькими днями позднѣе министерство Кампгаузена вышло въ отставку. Оно начало чувствовать себя неловко на своемъ посту, главнымъ образомъ благодаря тѣмъ событіямъ, которыя подготовлялись „въ высшихъ сферахъ“. Его мѣсто заняло министерство Ауэрсвальда, извѣстное также подъ названіемъ министерства Ганземана по имени оставшагося у должности министра финансовъ. Военный министръ Ротъ фонъ-Шрекенштейнъ также не сложилъ своихъ полномочій. Президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Ауэрсвальдъ, министромъ труда—Мильде, предсѣдательствовавшій до сихъ поръ въ палатѣ соглашенія, министромъ вѣроисповѣданій—Родбертусъ, министромъ юстиціи—Меркеръ, министромъ сельскаго хозяйства—Гиске, министромъ внутреннихъ дѣлъ—Кюльветтеръ. Это наполовину аристократическое, наполовину парламентское министерство, стяжавшее себѣ имя „министерства дѣла“, задалось цѣлью провести рядъ реформъ въ духѣ конституціонной монархіи. Первая палата, согласно министерскому плану, должна была получить болѣе демократическій характеръ; предполагалось далѣе выработать законопроекты относительно гражданскаго ополченія, уничтоженія феодальныхъ повинностей, преобразованія комму-

*) Въ то время это былъ фанатикъ республиканецъ; впослѣдствіи—фанатикъ націоналъ-либералъ.

нальнаго устройства, юстиціи, системы налоговъ съ устраненіемъ налоговыхъ изъятій для феодаловъ, наконецъ имѣлось въ виду принять мѣры для укрѣпленія кредита и покровительства торговлѣ и труду.

Однако блестящіе мыльные пузыри реформаторскихъ плановъ не могли уже теперь обольстить народную массу; только довѣрчивое бюргерство приняло ихъ кликами ликованія. Остальные съ надеждой обращали свои взоры на Франкфуртъ; они ожидали спасенія отъ храма Павла, утративъ вѣру въ консерваторію. 4 іюля прусское правительство сдѣлало заявленіе, послѣ котораго у людей сколько-нибудь проницательныхъ исчезли всякія сомнѣнія и относительно миссіи Франкфурта. Правительство признаетъ, гласитъ это замѣчательное заявленіе, что угрожающее положеніе Германіи и убѣжденіе въ согласіи правительствъ послужило причиной, побудившей національное собраніе назначить центральную власть безъ содѣйствія правительствъ. Изъ отношенія правительства къ этому исключительному случаю не слѣдуетъ, однако, дѣлать какіе-либо выводы относительно будущаго времени.

Это было достаточно ясно даже для наиболѣе ослѣпленныхъ надеждами и довѣріемъ.

Іоганнъ Якоби предложилъ палатѣ соглашенія заявить, что хотя она не одобряетъ назначенія неотвѣтственнаго правителя имперіи, тѣмъ не менѣе признаетъ за франкфуртскимъ парламентомъ право принимать подобныя постановленія безъ согласія правительствъ. Это предложеніе было отклонено огромнымъ большинствомъ. Предложеніе было направлено къ тому, чтобы противопоставить заявленію правительства заявленіе представителей народа, или, какъ выразился Якоби, обезпечить за парламентомъ право принимать свободныя, независимыя постановленія. Но для этого у палаты соглашенія не было ни охоты, ни силы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Парижскія событія и ихъ отголоски.

Демократическое движеніе, какъ мы знаемъ, разстроило свои силы въ изолированныхъ попыткахъ натиска и не было въ состояніи объединить свои центры для совмѣстной планомѣрной дѣятельности; тѣмъ скорѣе согласились между собою правительства. Австрійское правительство не скрывало ни своей антипатіи къ франкфуртскому парламенту, ни своего намѣренія воспротивиться осуществленію его постановленій; прусское правительство дѣлало то же самое, но лишь въ болѣе изысканной формѣ: оно воздерживалось отъ выраженія своего согласія съ постановленіями парламента. Извнѣ грозила опасность со стороны Россіи; демократы опасались, что въ случаѣ крайней необходимости правительство сумѣетъ добиться военнаго содѣйствія Россіи. Завершить при такихъ обстоятельствахъ конституціонное преобразованіе Германіи въ демократическомъ духѣ, обезпечить суверенность народнаго представительства и въ то же время уберечься отъ опасности извнѣ,— для выполненія этой задачи нужны были люди такой духовной мощи и рѣшительности, какой не обладали ни юные демократы, ни пустоголовые либералы 1848 года. Къ этому присоединилось еще легкомысленно-пренебрежительное отношеніе къ духовнымъ силамъ реакціонныхъ элементовъ; тонкимъ интригамъ и подвохамъ, въ которыхъ послѣдніе были мастерами своего дѣла, не придавалось никакого значенія, въ то время какъ пустая болтовня тщеславныхъ профессоровъ превозносилась до небесъ.

Сначала въ придворныхъ кругахъ вѣрили въ интернаціональную организацію или, по крайней мѣрѣ, въ интернаціональное соглашеніе демократіи различныхъ странъ. Какъ было представлено положеніе дѣлъ съ этой точки зрѣнія прусскому королю, явствуетъ изъ письма послѣдняго къ своему другу Бунзену въ Лондонъ отъ 30 мая 1848 года.

„Въ Берлинѣ,—гласитъ письмо,—подготовляется новое 18 марта. Огромное число всякаго сброда изъ французовъ и поляковъ скрывается въ кабачкахъ, погребахъ и на дворахъ. Лживыми слухами кишитъ вся атмосфера. Французскія деньги обращаются среди народа, какъ то было

и въ мартовскіе дни. Однимъ словомъ, если только предполагаемый переворотъ не разобьется о трусость иностраннаго сброда и штыки гражданскаго ополченія, вамъ еще придется увидѣть крупныя событія. Неужели вамъ до сихъ поръ еще не бросилось въ глаза, что всѣ попытки къ перевороту и дѣйствительно осуществленные перевороты въ Берлинѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ имѣли мѣсто въ одинъ и тотъ же день? *) Это сильный аргументъ въ пользу моего мнѣнія".

Что различныя народныя возмущенія произошли въ одинъ день, было, конечно, простой игрой случая. 15 мая, послѣ того какъ исполнительная власть попала въ руки буржуазіи, парижскіе соціалисты сдѣлали попытку разогнать національное собраніе и поставить у власти правительство, составленное изъ приверженцевъ различныхъ соціалистическихъ ученій. Попытка эта не удалась, и, разумѣется, она отнюдь не находится въ прямой связи съ демонстраціями или возстаніями въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Неаполѣ.

Однако французскія событія имѣли огромное вліяніе на всю остальную, затронутую движеніемъ, Европу. Когда въ Парижѣ антидемократическія реакціонныя группы захватили въ свои руки кормило государственнаго корабля, примѣръ этотъ сильно ободрилъ правительства остальныхъ странъ; они стали энергичнѣе выступать противъ демократіи. Между тѣмъ до сихъ поръ великая демократическая республика Запада однимъ своимъ существованіемъ, безъ всякаго прямого вмѣшательства, повсемѣстно сдерживала реакціонные элементы.

Февральскій переворотъ 1848 г. во Франціи далъ толчокъ революціонному движенію во всей области нѣмецкаго союза и далеко за его предѣлами; не менѣе широкое европейское значеніе имѣла та катастрофа, которая постигла Францію въ іюнѣ того же 1848 г. и отдала демократическую республику во власть военщины и претендентовъ на монархическую власть.

Организуя праздникъ братства 21 мая, буржуазное правительство Франціи тщетно старалось прикрыть тотъ расколъ, который разъединялъ все французское общество. Столкновеніе классовыхъ противорѣчій неизбѣжно должно было повести къ бурному взрыву.

Въ то время, какъ Луи Бланъ въ Люксембургскомъ дворцѣ носился съ своими декламаціями относительно утопической „организаціи труда", рабочіе массами стекались въ національныя мастерскія. Общее число лицъ, занятыхъ въ этихъ учрежденіяхъ, возросло къ іюню 1848 г. до 117.310 человѣкъ. Въ управленіи національными мастерскими царствовала полнѣйшая безпорядочность; денежныя средства, и сами по себѣ ничтожныя, тратились съ удивительной расточительностью. Само собой разумѣется, французская буржуазія не могла симпатизировать національнымъ мастерскимъ. Охотно пользуясь обильной государственной поддержкой въ формѣ таможенныхъ пошлинъ и тому подобныхъ мѣръ, буржуазія не могла простить рабочимъ той сравнительно небольшой суммы, которая была выдана государствомъ въ моментъ острой нужды

*) 14 и 15 мая въ Берлинѣ, 15 мая въ Парижѣ, Вѣнѣ и Неаполѣ.

для того, чтобы хотя нѣсколько смягчить нищету массъ *). Люди, жившіе на счетъ труда рабочихъ, утверждали, что мастерскія воспитываютъ тунеядцевъ; предприниматели опасались, что при государственной поддержкѣ безработныхъ они не будутъ въ состояніи понижать заработную плату, какъ имъ хотѣлось бы. Словомъ, вся промышленная буржуазія заключила союзъ противъ національныхъ мастерскихъ и всѣми силами старалась препятствовать сбыту изготовляемыхъ мастерскими товаровъ. Заводчики и оптовые торговцы спускали свои произведенія по баснословно низкимъ цѣнамъ для того только, чтобы продукты національныхъ мастерскихъ не находили покупателей, и потомъ кричали о тѣхъ высокихъ приплатахъ, которыя приходится дѣлать государству для поддержанія мастерскихъ. Буржуазные члены національнаго собранія также были фанатизированы противъ національныхъ мастерскихъ. 15 іюня, когда одинъ буржуазный республиканецъ, Гудшо, воскликнулъ въ собраніи: „національныя мастерскія должны быть немедленно уничтожены!"—большинство покрыло его рѣчь громомъ одобреній, хотя министръ Трела настойчиво предупреждалъ противъ излишней поспѣшности. Тщетно рабочіе обращались къ Гудшо съ запросомъ, въ которомъ они между прочимъ спрашивали, куда же имъ дѣваться, если закроются мастерскія. Уже въ началѣ іюня были приняты подготовительныя мѣры для закрытія мастерскихъ; въ Парижъ стянули войска. 21 іюня по распоряженію исполнительной коммиссіи министерство труда издало декретъ, въ которомъ рабочимъ предлагалось или поступить въ армію, или отправиться въ провинцію на земляныя работы, выполняемыя поздѣльно.

Этотъ способъ дѣйствій съ полной очевидностью раскрываетъ духовную нищету буржуазнаго либерализма. Сначала эти политическіе кретины создаютъ для устраненія народной нищеты недостаточное, гнилое въ самомъ основаніи, учрежденіе, а затѣмъ, когда обнаружились ими же самими вызванные неустранимые недостатки въ организаціи національныхъ мастерскихъ, они поспѣшно уничтожаютъ все предпріятіе. Такимъ образомъ они лишь обострили ту катастрофу, для предупрежденія которой должны были послужить національныя мастерскія.

Рабочіе, разумѣется, не чувствовали желанія ни уѣзжать въ провинцію, ни поступать въ армію; они ясно видѣли, что ни то ни другое не ведетъ къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, которое имъ было обѣщано. Еще разъ сдѣлали они попытку добиться соглашенія мирнымъ путемъ. Къ буржуазному республиканцу, члену правительства, Мари была отправлена депутація съ требованіемъ отмѣны декрета 21 іюня. Мари грубо отвѣтилъ, что если рабочіе не желаютъ уѣзжать добровольно, ихъ увезутъ силой.

Негодованіе охватило рабочія массы, когда они убѣдились, что февральскія обѣщанія грубо нарушены, что классовая республика начинаетъ безъ малѣйшаго стѣсненія предлагать имъ камень вмѣсто хлѣба.

*) По 24 мая на національныя мастерскія израсходовано около 8 милл. франковъ (3 милл. рублей).

23 іюня разразилось возстаніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ іюньской бойни. Въ нѣсколько часовъ Парижъ былъ покрыть сѣтью баррикадъ, широко раскинувшейся по обоимъ берегамъ Сены и захватившей въ свою область площадь Бастиліи, предмѣстья Санъ-Мартинъ, дю-Темпль, Сентъ-Антуанъ, Пуассоньеръ, Санъ-Жакъ, Сите и Пантеонъ. Около 40.000 вооруженныхъ пролетаріевъ соединились на баррикадахъ въ этой первой битвѣ—битвѣ отчаянія противъ буржуазіи. У рабочихъ не было вождя, не было другого плана, кромѣ стремленія воздвигать баррикады въ наиболѣе населенныхъ частяхъ города. Красныя знамена развѣвались надъ баррикадами, а на знаменахъ можно было прочитать старый лозунгъ ліонскихъ ткачей: „Жить работая или умереть сражаясь!" Рабочіе сражались съ отчаяннымъ мужествомъ и яростью, пробужденной въ нихъ ихъ обманутыми надеждами и ихъ безвыходнымъ положеніемъ; національная гвардія, эта вооруженная мелкая и крупная буржуазія, боролась съ злобой и фанатизмомъ, которые вызывались въ ней страхомъ передъ краснымъ призракомъ и передъ революціонно настроеннымъ пролетаріатомъ. Войска избивали народъ такъ же хладнокровно, какъ африканскихъ кабиловъ. Уличное сраженіе скоро превратилось въ побоище, которое на всю Европу навело ужасъ *).

Военнымъ вождемъ буржуазіи былъ генералъ Евгеній Кавеньякъ **), грубый солдатъ, прошедшій свою военную школу въ Африкѣ, къ тому же въ политическомъ отношеніи человѣкъ ограниченный. Онъ не препятствовалъ возникновенію баррикадъ, такъ какъ разсчитывалъ блестящимъ усмиреніемъ революціонныхъ предмѣстій освѣжить славу французскаго оружія. Поэтому всѣ попытки примиренія не привели ни къ чему, и скоро Парижъ превратился въ поле битвы, на которомъ раздавался громъ пушекъ и трескъ ружейной пальбы.

Кавеньякъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе генералы, прославившіеся безпощаднымъ преслѣдованіемъ африканскихъ дикарей, кабиловъ, съ превосходными силами энергично атаковали баррикады, но 23 іюня они не могли добиться рѣшительнаго успѣха, и ночью возстаніе развернуло всѣ свои силы. Утромъ 24 іюня инсургенты съ разныхъ сторонъ придвинулись со своими баррикадами почти къ самой мэріи.

Сцены, разыгрывавшіяся въ то время среди буржуа національнаго собранія, объятыхъ страхомъ за свою собственность, не поддаются никакому описанію. Всякій, кто осмѣливался возвысить голосъ благора-

---

*) Объ іюньскихъ инсургентахъ распространялась масса самыхъ безстыдныхъ выдумокъ; говорили, что это „отбросы человѣчества", подкупленные Бонапартомъ, чтобы бороться противъ республики. Правда, бонапартистскіе агенты всѣми силами старались разжечь вражду между пролетаріатомъ и буржуазіей; Луи-Наполеонъ Бонапартъ прекрасно понималъ, что послѣ усмиренія рабочихъ республика легко станетъ жертвой ловкаго претендента,—тѣмъ не менѣе іюньская борьба была вызвана всѣми окружающими условіями, а отнюдь не агитаціей.

**) Онъ былъ сыномъ члена конвента; своей репутаціей истиннаго республиканца онъ, по всей вѣроятности, обязанъ тому обстоятельству, что братъ его, Годфруа Кавеньякъ († 1845), былъ дѣйствительно ревностнымъ республиканцемъ.

зумія, заглушался дикимъ ревомъ большинства; засѣданія превратились въ сплошную оргію тупого ужаса и фанатизма.

Въ то время какъ громъ баррикадной борьбы еще доносился до ушей собранія съ праваго берега Сены, республиканецъ, профессоръ Паскаль Дюпра, предложилъ объявить Парижъ въ осадномъ положеніи и назначить военнымъ диктаторомъ генерала Кавеньяка. И во Франціи профессорамъ было, повидимому, свыше предопредѣлено дѣлать величайшія глупости. Предложеніе Дюпра было принято всѣми голосами противъ шестидесяти.

Подкрѣпленія, прибывавшія одно за другимъ, дали, наконецъ, Кавеньяку возможность овладѣть возстаніемъ. Войска потерпѣли значительныя потери, однако имъ мало-по-малу удалось занять всѣ наиболѣе укрѣпленныя позиціи возставшихъ. Особенно кровопролитно было сраженіе у Пантеона, гдѣ инсургенты защищались съ величайшей настойчивостью.

Плѣнныхъ разстрѣливали массами. Архіепископъ парижскій, вздумавшій выступить посредникомъ въ Сентъ-Антуанѣ, былъ по недоразумѣнію смертельно раненъ пулей одного солдата. Генералъ Бреа, также пожелавшій взять на себя роль парламентера, былъ убитъ нѣсколькими инсургентами, опасавшимися предательства. Обстоятельство это дало, конечно, поводъ поднять обычный въ такихъ случаяхъ крикъ относительно предательскаго вѣроломства побѣжденныхъ. Войска буржуазіи, въ особенности такъ называемая летучая гвардія, вели себя какъ дикіе звѣри. Борьба кончилась только 26 іюня, послѣ того какъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ и Виллеръ подверглись настоящей бомбардировкѣ.

Послѣ побѣды начались „наказанія“ плѣнныхъ. На площади Гренелль, на Монпарнасскомъ кладбищѣ, въ каменоломняхъ Монмартра и у монастыря св. Бенуа производились массовыя казни плѣнныхъ. Остальные плѣнники, числомъ до 25.000, были брошены въ темницы, гдѣ съ ними обращались съ неслыханной жестокостью. Далѣе національное собраніе приняло безчеловѣчное рѣшеніе сослать плѣнныхъ безъ всякаго судебнаго разбирательства въ Каену; рѣшеніе это было приведено въ исполненіе по отношенію къ 10.000 лицъ. Единственный признакъ человѣчности, проявленный національнымъ собраніемъ, состоялъ въ томъ, что оно разрѣшило женамъ и дѣтямъ ссыльныхъ послѣдовать за ними на зараженную злокачественной лихорадкой почву Каены. Попавшіе въ плѣнъ „зачинщики“ предстали передъ военнымъ судомъ.

Сколько погибло инсургентовъ, нѣтъ возможности установить хотя бы съ приблизительной точностью. Потери войскъ были также значительны: однихъ генераловъ пало шесть. Парижъ былъ залитъ кровью. Буржуазія, всего мѣсяцъ назадъ праздновавшая „праздникъ братства“, теперь по-турецки расправлялась со всѣми, осмѣлившимися поднять оружіе противъ строя, открыто заявившаго, что для „избыточныхъ“ нѣтъ мѣста на жизненномъ пиру. Современный филистеръ охотно прославляетъ „культуру“ XIX столѣтія; но это не препятствуетъ ему по-

рой обнаруживать истинно монгольскую жестокость, особенно когда ему кажется, что его собственность въ опасности. Лучшая иллюстрація этого—іюньская битва.

Кавеньякъ очень широко воспользовался своей диктатурой; онъ закрылъ клубы, казавшіеся ему опасными, и прекратилъ цѣлый рядъ газетъ. 28 іюня Кавеньякъ сложилъ съ себя власть и передалъ ее въ руки собранія, но представители народа были такъ глубоко признательны бравому генералу за его чрезвычайныя заслуги передъ отечествомъ, что поспѣшили продлить его диктатуру, возведя его въ санъ „президента совѣта министровъ". Въ этой новой должности Кавеньякъ сформировалъ свое министерство, и собраніе всецѣло отдалось сладкой мечтѣ, что подъ защитой военной силы всего лучше окрѣпнетъ новая республиканская конституція. Конституція эта, само собой разумѣется, была скроена какъ разъ по вкусу буржуазіи. Ненавистное „право на трудъ", обѣщанное народу февральскимъ временнымъ правительствомъ, не нашло себѣ тамъ мѣста. Національныя мастерскія были закрыты еще 3 іюля.

Однако Кавеньякъ, какъ и его товарищи, сильно ошибался въ оцѣнкѣ положенія дѣлъ. Этотъ ограниченный солдатъ воображалъ, что онъ спасаетъ республику, но въ скоромъ времени ему съ ужасомъ пришлось убѣдиться, что онъ лишь всѣми силами подготовлялъ почву для ея окончательной гибели.

Крупная и мелкая буржуазія до такой степени была преисполнена слѣпого страха передъ крайними элементами, что во всякомъ самостоятельномъ движеніи народа тотчасъ усматривала опасность для общества и государства. Реакціонеры, аристократы, попы и политическіе интриганы въ родѣ Тьера пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы еще болѣе одурачить трусовъ и склонить ихъ къ самымъ нелѣпымъ мѣропріятіямъ. Свобода печати скоро стала вполнѣ призрачной, и отъ февральскихъ завоеваній почти ничего не осталось. Буржуазныя „партіи порядка" плясали подъ дудку скрывавшихся за кулисами реакціонеровъ; послѣдніе набирались силы, чтобы захватить въ свои руки бразды правленія, какъ вдругъ явился, задрапировавшись въ наполеоновскую легенду, „племянникъ своего дядюшки" и вырвалъ у нихъ изъ рукъ добычу, которую они готовы уже были проглотить *).

Вліяніе іюньской битвы широко распространилось за французскія границы. Этотъ страшный взрывъ классовой борьбы наполнилъ ужасомъ буржуазію всѣхъ странъ. Не мало людей, до сихъ поръ рѣшительно становившихся на сторону тѣхъ или другихъ соціалистическихъ теорій, теперь внезапно перешли въ лагерь реакціонеровъ. Соціальная реакція достигла послѣ іюньской битвы своего апогея; правительства и „партіи порядка" соединились вмѣстѣ, чтобы подавить всякія само-

*) См. объ этой фазѣ въ развитіи Франціи извѣстную работу Маркса: „18-е Брюмера Луи Бонапарта" (о предыдущей фазѣ—Марксъ: „Борьба классовъ во Франціи". Обѣ работы вошли въ книгу: К. Марксъ, Собраніе сочиненій. Пер. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова).

стоятельныя движенія среди рабочихъ и по возможности удалить изъ большихъ городовъ скопившіяся тамъ массы рабочаго люда. Мѣры эти не встрѣтили серьезныхъ препятствій, такъ какъ рабочіе были тогда не организованы и за немногими исключеніями не имѣли опытныхъ вождей; да и по численности они значительно уступали реакціонно настроеннымъ среднимъ классамъ. Съ подавленіемъ рабочихъ народныя движенія утратили свою главную движущую силу; одна радикальная буржуазія не могла замѣнить собой массы рабочихъ.

Такимъ образомъ исходъ іюньской битвы неблагопріятно повліялъ на нѣмецкое народное движеніе, но зато ободрилъ реакціонные элементы. Когда на мѣсто французской демократіи стала „благородная" военная власть съ ея реакціонными стремленіями, европейская реакція почувствовала себя свободной отъ тяготѣвшаго надъ ней кошмара демократической Франціи. И вотъ изъ всѣхъ щелей стали выползать домартовскія совы, запрятавшіяся туда послѣ революціоннаго взрыва.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Смуты въ Австріи.

Послѣ шумныхъ майскихъ движеній въ Австріи наступило нѣкоторое затишье; демократія безцѣльно растрачивала свои силы въ демонстраціяхъ по второстепеннымъ поводамъ. Въ упоеніи достигнутой свободой прессы были забыты остальныя болѣе высокія и общія цѣли. Печать всецѣло отдалась невинному удовольствію показать приверженцамъ низвергнутой системы, что теперь выдвинулись на арену новыя силы.

Послѣ того какъ 26 іюня произошли выборы въ австрійскій рейхстагъ, который долженъ былъ собраться 22 іюля, вѣнская демократія сочла мартовскія пріобрѣтенія вполнѣ гарантированными и спокойно предоставила парламенту преобразованіе столь запутанныхъ австрійскихъ отношеній. Реакціонные элементы старались извлечь изъ бездѣятельности демократіи возможную выгоду и мало-по-малу имъ удалось забрать въ свои руки всю правительственную власть.

Послѣ вѣнскаго возстанія 26 мая, которое такъ быстро вынудило министерство Пиллерсдорфа къ уступкамъ, начались волненія среди чеховъ въ Прагѣ, и губернаторъ Богеміи, графъ Тунъ, заявилъ 29 мая, что благодаря текущимъ событіямъ сношенія съ вѣнскимъ министерствомъ прерваны. Палацкій, Боррошъ, Браунеръ, Ригеръ, Штробахъ и графъ Ностицъ образовали богемское временное правительство, и подъ ихъ покровительствомъ въ Богеміи пышно расцвѣлъ панславизмъ. Временное правительство не могло, конечно, устранить господствовавшихъ среди населенія Богеміи внутреннихъ противорѣчій, и національный споръ разразился со всей своей силой: богемскіе нѣмцы склонны были ждать лучшаго будущаго только отъ великогерманской конституціи, въ то время какъ чехи встали во враждебное отношеніе къ ней. Чешскій національный фанатизмъ ярче всего проявился въ извѣстномъ стихотвореніи „Schuselka nam pise“, игравшемъ въ то время роль національнаго чешскаго гимна *).

*) Стихотвореніе называется собственно „Пѣснь Шусельки къ нѣмецкому парламенту“. Вотъ его начало: „Шуселька намъ пишетъ о священной римской имперіи; онъ пишетъ, чтобы мы поскорѣе помогли нѣмцамъ, у которыхъ страшно разстроились желудки. Но намъ нѣтъ никакого дѣла до союза нѣмецкихъ Михелей! Пусть сами расхлебываютъ ту кашу, которую заварили“.

Замѣчательно, что австрійскія власти въ Прагѣ не принимали никакихъ мѣръ противъ временнаго правительства; совершенно спокойно отнеслись онѣ также къ конгрессу славянъ, собравшемуся въ Прагѣ 2 іюня. На конгрессъ явилось около 300 славянскихъ депутатовъ; тутъ были поляки, сербы, словаки, черногорцы, русскіе. Казалось, что снова воскресло средневѣковое славянство съ его пестрыми красками и фантастическими костюмами. Въ Прагѣ появились блестящіе, яркіе наряды: красныя шаровары и лиловыя или бѣлыя мантіи; особенно бросались въ глаза чешскія дамы въ одеждѣ амазонокъ; въ своихъ короткихъ бѣлыхъ юбкахъ, съ пистолетами за красно-бѣло-голубымъ поясомъ, онѣ заставляли вспоминать легендарныя времена воинственныхъ дѣвъ и королевы Любуши. Чешская буржуазія и аристократія соперничали между собой въ національномъ фанатизмѣ.

Предсѣдательствовалъ на конгрессѣ извѣстный панславистъ Палацкій. Въ числѣ членовъ находились между прочимъ полякъ Либельтъ, освобожденный 18 марта изъ одиночнаго заключенія въ Берлинѣ, и Бакунинъ, русскій, высланный въ 1847 году изъ Парижа за то, что онъ пытался осуществить союзъ польской и русской демократіи. Изъ запутанныхъ дебатовъ конгресса, напоминавшаго благодаря различію діалектовъ вавилонское столпотвореніе, выяснилось только одно, а именно, что всѣ его члены сходятся въ мечтахъ о великомъ славянскомъ государствѣ и въ ненависти къ Германіи.

Не мало болтали нелѣпостей, и мистическая форма рѣчей Бакунина не способствовала, конечно, уясненію вопросовъ. Была принята резолюція противъ мадьяръ; поляки сначала воспротивились ей, но потомъ были увлечены Либельтомъ, который, повидимому, не совсѣмъ понималъ, ради чего мартовскіе борцы выпустили его изъ темницы.

Конгрессъ выпустилъ манифестъ, возвѣстившій равноправіе всѣхъ національностей, чѣмъ, впрочемъ, не было сказано ничего новаго. На томъ пока и закончилось все зрѣлище, доставившее не мало удовольствія представителямъ русской дипломатіи. Однако революціонный духъ времени не могъ и здѣсь не прорваться наружу. Пылкая молодежь крупной и мелкой пражской буржуазіи, особенно студенчество, сильно негодовала на нѣмецкихъ филистеровъ, организовавшихъ въ Прагѣ союзъ „для защиты спокойствія и порядка“. У чеховъ на ряду съ національнымъ фанатизмомъ не мало было и демократическаго радикализма, а князь Виндишгрецъ, командовавшій въ Прагѣ австрійскими войсками, былъ какъ разъ человѣкомъ, наиболѣе приспособленнымъ къ тому, чтобы возбудить этотъ пылкій народъ. Виндишгрецъ былъ извѣстенъ какъ типичный представитель непримиримаго дворянства стараго закала; ему приписывали изреченіе: „человѣкъ начинается только съ барона“; говорятъ, онъ же какъ-то сказалъ, что „дѣти бюргеровъ и рабочихъ не рождены, а выкинуты“. Возможно, что въ этихъ разсказахъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, многое преувеличено; несомнѣнно однако, что Виндишгрецъ по всѣмъ своимъ взглядамъ и поступкамъ являлся чистокровнымъ аристократомъ.

Какъ славянинъ, онъ не дѣйствовалъ такимъ вызывающимъ образомъ противъ своихъ пражскихъ соотечественниковъ, какъ впослѣдствіи въ Вѣнѣ противъ нѣмецкаго движенія; но все же онъ служилъ черно-желтой политикѣ вѣнской и иннсбрукской камарильи.

Трудно указать непосредственный поводъ пражскаго возстанія; хотѣли ли демократическіе вожди чеховъ помѣшать планамъ чешской аристократіи или чехамъ просто надо было разрядить охватившее ихъ революціонное настроеніе,—какъ бы то ни было, возстаніе вспыхнуло. Народъ былъ вооруженъ, такъ какъ уже раньше начальство роздало нѣсколько тысячъ ружей; и вотъ утромъ 12 іюня, на второй день праздника Троицы, толпа буржуазіи, студентовъ и рабочихъ собралась передъ статуей св. Венцеля, покровителя чеховъ. Была отслужена чешская обѣдня. Черно-желтый аристократъ Виндишгрецъ изображался въ рѣчахъ представителемъ „нѣмецкой политики"; въ концѣ-концовъ было рѣшено устроить мирную демонстрацію, и народъ двинулся къ дворцу князя. Въ знакъ того, что демонстрація дѣйствительно мирная, въ ней приняли участіе женщины и дѣти. При этомъ пѣлась враждебная нѣмцамъ пѣснь Шусельки. Днемъ раньше народная депутація требовала у князя 2.000 ружей, 12 пушекъ и 80.000 патроновъ для національной гвардіи, но получила рѣшительный отказъ. Демонстрація имѣла непосредственною цѣлью поддержать это требованіе. Передъ дворцомъ князя были выставлены войска, и дѣло дошло до столкновенія съ ними. Кѣмъ было вызвано послѣднее, трудно сказать; на этотъ счетъ существуютъ различныя мнѣнія; впрочемъ, споръ въ данномъ случаѣ лишенъ всякаго значенія, такъ какъ столкновеніе при сильномъ возбужденіи обѣихъ сторонъ все равно было неизбѣжно. Войска успѣли уже возбудить негодованіе населенія, грубо врѣзаясь въ толпу на разныхъ улицахъ. Передъ дворцомъ они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, народъ бросился бѣжать въ сосѣднія улицы, взывая къ мести. Съ неожиданной быстротой выросли баррикады, въ неизмѣримомъ количествѣ покрыли онѣ и заперли узкія улицы стараго города. Началась яростная борьба; многія чешскія женщины и дѣвушки въ своихъ короткихъ платьяхъ амазонокъ оставались на улицахъ и храбро сражались на баррикадахъ. Пражскіе нѣмцы не принимали участія въ этой борьбѣ. При атакѣ баррикадъ войска потерпѣли большія потери, хотя Виндишгрецъ пустилъ въ ходъ всѣ свои силы. Изъ оконъ и съ крышъ войска осыпались градомъ камней и обливались горячей водой. Княгиня Виндишгрецъ, выглянувшая изъ окна своего дворца, была убита, сынъ князя также получилъ рану.

Успѣхи войскъ были ничтожны, и уже начались переговоры о перемиріи; однако переговоры эти не привели ни къ чему, и уличная борьба началась съ новой яростью, при чемъ нерѣдко происходили ужасныя сцены. Когда Виндишгрецъ увидѣлъ, что не въ состояніи овладѣть все усиливающимся возстаніемъ, онъ вывелъ свои войска изъ города и началъ бомбардировать Прагу съ окрестныхъ укрѣпленій и возвышенностей. Сопротивленіе сконцентрировалось въ рабочихъ кварталахъ, главнымъ образомъ въ Подскалѣ.

Когда оказалось, что надежды инсургентовъ на помощь со стороны сельскаго чешскаго населенія напрасны, защитники баррикадъ принуждены были признать свое дѣло погибшимъ. Впрочемъ, они стойко держались еще одинъ день, 17 іюня; затѣмъ баррикады были оставлены, войска очистили улицы, и Прага была объявлена въ осадномъ положеніи. Изъ вождей возстанія удалось арестовать очень немногихъ. Хотя Виндишгрецъ былъ страшно раздраженъ, тѣмъ не менѣе онъ обошелся съ усмиренными инсургентами съ поразительной кротостью. Послѣ того какъ наиболѣе горячіе элементы чеховъ были укрощены въ уличной борьбѣ, чешскіе аристократы быстро завязали дружескія сношенія съ вѣнской камарильей, и Палацкій, глава панславистовъ, движимый ненавистью къ Германіи, пустился въ интриги, послужившія только интересамъ реакціи.

Габсбурги бросились въ объятія чеховъ, желая съ ихъ помощью скрутить нѣмецкій и мадьярскій элементы государства; несчастные реакціонные споры и національная ненависть были настолько сильны, что тѣ самые люди, которые съ негодованіемъ выступали противъ Виндишгреца, нерѣдко впослѣдствіи принимали участіе въ великомъ реакціонномъ походѣ правящей Австріи. Въ лицѣ Виндишгреца они боролись съ мнимымъ защитникомъ только нѣмецкаго дѣла.

Перемѣна въ политикѣ вѣнско-иннсбрукскаго двора скоро обнаружилась съ полной очевидностью. Король Фердинандъ заявилъ раньше, что онъ самъ откроетъ вѣнскій рейхстагъ. Но уже во время пражскаго возстанія онъ объявилъ, что лично явиться не можетъ по причинѣ болѣзни и пошлетъ въ рейхстагъ своего замѣстителя, эрцгерцога Іоганна.

Но соглашеніе между дворомъ и славянскими элементами съ цѣлью подавленія венгровъ и нѣмцевъ пока не обнаруживалось открыто. Только наиболѣе проницательные умы опасались тайно заложенныхъ минъ, но и они не имѣли никакого представленія о широтѣ реакціонныхъ плановъ. Въ Австрійской имперіи славяне жили не только въ Богеміи, но также по Дравѣ и Дунаю, и всѣ они были единодушны въ своей ненависти къ мадьярамъ и нѣмцамъ. Камарилья умѣла прекрасно пользоваться этими благопріятными обстоятельствами и плела тончайшую сѣть интригъ.

Провозглашеніе принципа національной самостоятельности привело въ движеніе также южныхъ славянъ, кроатовъ, родственные съ ними сербскіе и др. элементы. Всѣ они старались разорвать старую связь съ мадьярами. Своими громадными размѣрами южно-славянское движеніе въ значительной степени обязано гордости венгровъ, которые безъ всякихъ разговоровъ отвергали всѣ требованія южныхъ славянъ. Мадьяры были объяты въ то время фантастической мечтой, что именно они призваны подчинять себѣ другія національности и стать господствующимъ элементомъ всей Австрійской имперіи. Кошутъ при всѣхъ его политическихъ талантахъ былъ также сторонникомъ этой утопіи,— утопіи, которая толкнула венгровъ на путь узкой своекорыстной политики и привела ихъ къ пораженію вмѣстѣ съ нѣмцами; только тѣсный

союзъ нѣмцевъ и венгровъ могъ бы составить достаточный противовѣсъ славянскому натиску. Кошутъ и его мадьяры питали убѣжденіе, что монархія разлагается отъ внутренней смуты и что только Венгрія достаточно прочна и сильна, чтобы стать центромъ государственнаго новообразованія. Такъ какъ южные славяне не могли, конечно, примириться съ этимъ воззрѣніемъ, то естественно распри между мадьярами и кроатами скоро разгорѣлись въ яркое пламя.

Пока камарилья въ Иннсбрукѣ была еще не увѣрена въ успѣхѣ своего предпріятія, надежды венгровъ все возрастали. 10 іюня короля Фердинанда заставили въ Иннсбрукѣ подписать манифестъ, который между прочимъ гласилъ, что южные славяне не должны опасаться притѣсненій со стороны мадьяръ. Въ то же время кроатскій банъ, баронъ Іосифъ Еллачичъ, былъ объявленъ смѣщеннымъ, и у него затребовали объясненія по поводу его отношеній къ венграмъ. Обвиняемымъ явился онъ въ Иннсбрукъ, союзникомъ двора уѣхалъ оттуда. Объ этой метаморфозѣ ходили смутные слухи, однако, кромѣ самихъ заговорщиковъ, никто пока еще не могъ сказать ничего опредѣленнаго.

Этотъ Еллачичъ не былъ способенъ играть выдающейся роли ни въ качествѣ военнаго вождя, ни въ качествѣ государственнаго человѣка *). Но въ великой смутѣ расовой борьбы между нѣмцами, славянами и мадьярами онъ пріобрѣлъ значеніе въ качествѣ орудія иннсбрукской камарильи. Расовый вопросъ является выдающимся моментомъ въ этой великой борьбѣ. Австрійское возстаніе кончилось неудачей въ такой же степени благодаря расовой враждѣ, какъ и классовымъ противорѣчіямъ.

Комитетъ вѣнской демократіи не былъ способенъ твердой рукой защищать свое дѣло среди смутъ Австрійской имперіи. 8 іюля онъ принялъ постановленіе удалить изъ кабинета „носителей старой системы“ и поручить Доблгофу составленіе новаго министерства. У комитета не хватало иниціативы, чтобы образовать изъ своей собственной среды популярное министерство. Замѣститель императора, эрцгерцогъ Іоганнъ, политично уступилъ желаніямъ наивныхъ демократовъ и далъ имъ министерство Доблгофа, которое, конечно, было какъ разъ настолько реакціонно, насколько это считала необходимымъ придворная камарилья. Въ сущности отставка Пиллерсдорфа для двора была еще пріятнѣе, чѣмъ для демократіи, такъ какъ Бомбеллесъ съ товарищами не считалъ Пиллерсдорфа, какъ „нѣмецкаго“ мартовскаго министра, вполнѣ пригоднымъ къ новой славянской политикѣ. Новое министерство состояло изъ аристократовъ и двусмысленныхъ „либеральныхъ“ политиковъ. Министръ-президентъ, баронъ фонъ Вессенбергъ, занявшій въ то же время постъ министра иностранныхъ дѣлъ, военный министръ графъ Латуръ и министръ внутреннихъ дѣлъ Доблгофъ были вполнѣ опредѣленными реакціонерами, хотя Вессенбергъ и

*) Его образованіе было незначительно, а его военныя операціи были такъ же плохи, какъ и его стихи.

являлся въ то же время противникомъ Меттерниха; министръ торговли Горнбостль и бывшій журналистъ, а теперь министръ труда Шварцеръ представляли изъ себя очень неопредѣленное явленіе съ весьма слабымъ „либеральнымъ“ налетомъ; сюда присоединялся еще министръ юстиціи Бахъ, котораго глупые люди считали тайнымъ приверженцемъ демократіи, но который при обсужденіи конституціи прекрасно умѣлъ отстаивать интересы аристократовъ и впослѣдствіи развился въ абсолютиста самой чистой воды. Однимъ словомъ, демократія промѣняла кукушку на ястреба, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно убѣдилась въ этомъ.

22 іюля собрался рейхстагъ и былъ открытъ эрцгерцогомъ Іоганномъ. Послѣдній сказалъ при этомъ не мало прекрасныхъ словъ. Необходимо открыто и независимо трудиться всѣмъ вмѣстѣ, говорилъ онъ, чтобы упрочить вновь завоеванную свободу въ конституціи, которую намъ предстоитъ создать. Всѣ національности стоятъ одинаково близко къ сердцу императора; что касается спеціально Венгріи, то, принимая во вниманіе рыцарское благородство мадьярскаго національнаго характера, надо надѣяться на благопріятный исходъ разногласій. Война съ Италіей направлена не противъ освободительныхъ стремленій итальянцевъ,—она имѣетъ лишь цѣлью добиться почетнаго мира для австрійской арміи.

Эрцгерцогъ прекрасно понималъ свое дѣло, а въ рейхстагѣ было достаточно довѣрчивыхъ простаковъ, которымъ послѣ такихъ словъ все представлялось окрашеннымъ въ розовый цвѣтъ и которыхъ не отрезвило даже объявленіе о „чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ“.

Самъ рейхстагъ, существованіе котораго для конституціоннаго переустройства Германіи было пожалуй еще болѣе вредно, чѣмъ существованіе прусской палаты соглашенія, былъ пестрой смѣсью представителей всѣхъ возможныхъ національностей; славянскій элементъ, впрочемъ, преобладалъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ вѣнскій адвокатъ, по имени Шмиттъ, но вице-президенты, чехъ Штробахъ и полякъ Смолка, совершенно оттѣснили на задній планъ этого ничтожнаго человѣка. Изъ родовитой знати въ этомъ парламентѣ присутствовали немногіе: австрійскіе, галиційскіе и польскіе крестьяне поняли, что теперь наступило время сбросить съ себя феодальный гнетъ. 92 крестьянина засѣдали въ австрійскомъ рейхстагѣ, въ томъ числѣ 36 изъ Галиціи. Изъ Тироля явилось духовенство и его сторонники; послѣдніе шли рука объ руку съ черно-желтыми, а этотъ союзъ въ свою очередь объединился съ чехами, какъ только габсбургская политика стала опираться на славянъ. Ригеръ и Палацкій были вождями чеховъ въ рейхстагѣ; всѣ эти реакціонные элементы вмѣстѣ составляли стѣну, о которую разбивались всякія попытки нѣмецкой и демократической лѣвой. На лѣвой, гдѣ сидѣли Шуселька, Фишгофъ, Гольдмаркъ и Ленеръ, было много добраго желанія, но далеко недостаточно политическихъ талантовъ, а также не слишкомъ много энергіи.

Обсужденія сильно страдали отъ смѣшенія языковъ; представители

разныхъ народностей часто не понимали другъ друга. Тѣмъ не менѣе вначалѣ собраніе обнаруживало нѣкоторое единство; оно приняло программу министерства Вессенберга, провозгласившую принципъ равноправія всѣхъ національностей. Что къ такой программѣ нельзя было относиться вполнѣ серьезно, объ этомъ представители народа пока не думали; они постановили однако пригласить императора Фердинанда вернуться назадъ въ Вѣну. Послѣ очень скучной и очень мелочной болтовни по поводу формальностей, необходимыхъ при этомъ актѣ, приглашеніе увидѣло свѣтъ, и Фердинандъ послѣдовалъ ему. Правда, очень сомнительно, вернулся ли бы онъ, если бы какъ разъ въ это время положеніе дѣлъ въ Италіи не приняло такого благопріятнаго для Австріи оборота. Онъ поселился въ Шенбруннскомъ дворцѣ и наблюдалъ оттуда дальнѣйшее теченіе событій, въ то время какъ камарилья продолжала плести свои сѣти. Любопытно, что вліятельнѣйшимъ членамъ камарильи считалась одна придворная дама государыни.

Въ рейхстагѣ возвращеніе императора разсматривалось какъ событіе первостепенной важности, хотя въ дѣйствительности этимъ лишь облегчалась работа камарильи.

Если австрійскій парламентъ подобно франкфуртскому и берлинскому собраніямъ и не былъ свободенъ отъ ошибокъ парламентаризма, то все же онъ осуществилъ въ эти дни нѣчто дѣйствительно значительное, а именно освободилъ крестьянъ отъ оковъ средневѣковаго феодализма. Гансъ Кудлихъ, молодой, только что оставившій университетскую скамью депутатъ изъ австрійской Силезіи, предложилъ собранію объявить: „Отнынѣ всѣ крѣпостныя отношенія со всѣми вытекающими изъ нихъ правами и обязанностями отмѣняются, при чемъ собраніе оставляетъ за собой выработку узаконеній относительно того, въ какихъ случаяхъ долженъ быть уплаченъ выкупъ и какой именно“. Крестьяне, все еще обремененные разными видами оброка, конной и пѣшей барщиной, съ восторгомъ приняли это предложеніе; казалось, пережитки феодализма должны подвергнуться той же участи въ Австріи, какъ и во Франціи въ знаменитую ночь 4 августа 1789 года. Однако дѣло произошло здѣсь не совсѣмъ такъ, потому что большинство рейхстага не согласилось съ предложеніемъ въ первоначальной редакціи и противники его начали длинные, утомительные дебаты. Крестьяне, бывшіе въ собраніи, энергично протестовали противъ всякаго выкупа повинностей, который, какъ они говорили, противорѣчитъ здравому человѣческому смыслу. Самъ Кудлихъ въ теченіе дебатовъ пришелъ къ предположенію, недалекому отъ истины, а именно, что крестьяне присоединятся къ консервативнымъ элементамъ, какъ только съ ихъ шеи будетъ снято феодальное ярмо. Онъ пытался поэтому затянуть разрѣшеніе вопроса о выкупѣ. Однако реакціонеры постарались поскорѣе покончить съ этимъ вопросомъ для того, чтобы склонить на свою сторону крестьянъ.

Большинство рейхстага, наконецъ, пришло къ соглашенію и декре-

тировало уничтоженіе феодальныхъ повинностей, однако съ выкупомъ въ пользу помѣщиковъ. Такому рѣшенію особенно способствовалъ черно-желтый господинъ Гельфертъ, дезертировавшій изъ лагеря либераловъ направо. Министръ Бахъ заявилъ, что министерство остается у власти или выходитъ въ оставку въ зависимости отъ того, будетъ ли рѣшенъ вопросъ о выкупѣ въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ. Кудлихъ и его сторонники, убѣдившись, что выкупа не избѣжать, хотѣли по крайней мѣрѣ возложить его на государство; однако и это не прошло, и въ концѣ-концовъ было постановлено, что новые землевладѣльцы должны заплатить „небольшое вознагражденіе" своимъ прежнимъ господамъ, владѣльцамъ земли, десятинъ и представителямъ сельской полицейской власти. Если бы славянскіе крестьяне больше понимали въ томъ, что говорилось кругомъ, подобное постановленіе врядъ ли бы могло пройти; смѣшеніе языковъ оказало такимъ образомъ феодальной знати немалую услугу.

Постановленіе рейхстага было признано правительствомъ и вступило въ законную силу. Къ этому правительство имѣло очень вѣскія основанія.

Бурное поведеніе крестьянъ въ рейхстагѣ, ихъ нападки на жестокость благородныхъ землевладѣльцевъ, ихъ угрозы прибѣгнуть къ революціонному способу дѣйствій напугали дворъ и правительство. Необходимо было во что бы то ни стало удовлетворить этотъ опасный элементъ. И крестьяне удовлетворились, когда имъ объявили свободу отъ крѣпостной зависимости. Правда, они устроили въ честь юнаго Ганса Кудлиха гигантское факельное шествіе, въ которомъ приняли участіе до 10.000 человѣкъ, но, начиная съ этого момента, уже не безпокоились о дальнѣйшемъ ходѣ движенія. Такимъ образомъ успѣхъ демократіи былъ искусно использованъ реакціонерами и превратился въ успѣхъ черныхъ тирольцевъ, славянъ и черно-желтыхъ изъ всѣхъ національностей.

Вѣнская демократія, благодушно предоставивъ министерству Вессенбергъ-Доблгофа дѣла правленія и рейхстагу съ его славянскимъ большинствомъ реорганизацію Австріи, занималась разрѣшеніемъ рабочаго вопроса,—вопроса, который, вслѣдствіе его трудности, и правительство и рейхстагъ охотно передали въ руки демократовъ. Но и въ этой области вѣнская демократія обнаружила лишь свою полнѣйшую неспособность.

У рабочихъ еще не выработалось того классоваго самосознанія, которое составляетъ характерный признакъ соціальнаго движенія нашего времени. Ремесленные подмастерья, фабричные рабочіе, землекопы держались отдѣльно другъ отъ друга. Подмастерья организовались въ „рабочій союзъ", гдѣ они упражнялись въ искусствѣ владѣть оружіемъ; но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ „союзъ" былъ очень похожъ на современные кружки самообразованія и носилъ даже нѣсколько филистерскую окраску. Соціальный вопросъ онъ хотѣлъ разрѣшить путемъ „кассъ взаимопомощи".

Фабричные рабочіе такъ же сторонились отъ землекоповъ, какъ ремесленные подмастерья сторонились отъ нихъ. Они были сорганизованы въ союзъ полякомъ Хассе или Хайзесомъ, котораго называли обыкновенно „докторъ Хассе". Вслѣдствіе раскола Хассе основалъ „радикальный" или „либеральный" клубъ, выставлявшій своей цѣлью демократическую монархію. Хассе былъ неутомимымъ ораторомъ этого клуба; но соціально-экономическая мудрость, проповѣдникомъ которой овъ являлся, была не особенно высокаго полета. Если бы демократическіе вожди имѣли ясно опредѣленную цѣль, они прежде всего постарались бы, конечно, сплотить воедино всѣ категоріи рабочихъ. Но такъ какъ демократы сами не знали, чего они хотятъ, они оставили рабочее дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось въ то время.

Землекопы были наиболѣе радикальнымъ, движущимъ элементомъ вѣнскихъ событій. Скоро число ихъ страшно возросло. Народныя волненія вызвали кризисъ въ хозяйственной жизни; разразились многочисленныя банкротства, и многія фабрики вынуждены были распустить своихъ рабочихъ. Само собой понятно, что безработные массами устремились на земляныя работы. Министръ финансовъ оказался въ большомъ затрудненіи: государственная касса была истощена, такъ какъ требовались большія средства для снаряженія арміи, посланной въ Италію усмирять движеніе за независимость. Министерство объявило просто, что оно не въ состояніи дать занятіе всѣмъ приливающимъ рабочимъ, и массы, оказавшіяся безъ всякихъ средствъ къ существованію, обратились за помощью къ демократическому комитету.

Комитетъ понималъ, что своей силой и самымъ своимъ существованіемъ онъ обязанъ рабочей арміи, 15 и 26 мая поддержавшей студентовъ. Онъ не могъ указать дверь потерявшимъ заработокъ рабочимъ. Взявъ на себя ихъ дѣло, онъ усиливалъ свое могущество. Если бы среди демократовъ былъ хоть одинъ ловкій и искусный политическій дѣятель, комитету несомнѣнно удалось бы захватить въ свои руки власть, низвергнувъ министерство, обнаружившее свою полную неспособность уладить рабочій вопросъ. Большого сопротивленія демократы не встрѣтили бы въ этотъ моментъ. Такимъ образомъ только благодаря незрѣлости и неспособности вѣнской демократіи министерство, а вмѣстѣ съ нимъ и придворная камарилья удержали власть въ своихъ рукахъ.

Центральный комитетъ выдѣлилъ изъ своей среды особый рабочій комитетъ, который и долженъ былъ заняться „организаціей труда". Такъ какъ министерство отказало въ денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для того, чтобы дать заработокъ впавшимъ въ нищету рабочимъ, комитетъ обратился къ вѣнской коммунѣ за средствами, необходимыми для новаго предпріятія.

Въ рабочемъ комитетѣ наибольшее вліяніе имѣлъ молодой студентъ юриспруденціи, по имени Виллънеръ. Среди рабочихъ, передъ которыми онъ часто произносилъ большія рѣчи, онъ былъ такъ популяренъ

ляренъ, что его называли даже „королемъ рабочихъ“. Этотъ молодой человѣкъ, который выступалъ какъ защитникъ рабочихъ, нерѣдко позволялъ себѣ обращаться къ массѣ съ суровымъ словомъ порицанія. Въ общемъ это было весьма мало утѣшительное, а порою и прямо грустное зрѣлище: важнѣйшія задачи всего движенія находились въ рукахъ совершенно неопытнаго юноши. Это явленіе какъ нельзя болѣе ярко отражаетъ всю неразвитость общественныхъ отношеній въ Австріи. „Король рабочихъ“ былъ призванъ доказать міру, насколько несостоятельно было то предпріятіе, которое называлось тогда „организаціей труда“.

Комитетъ постановилъ, что оставшіеся безъ хлѣба рабочіе имѣютъ право требовать работы у государства; государство должно доставать имъ работу, уплачивая обычную поденную плату. Въ то время взрослый работникъ получалъ 25 крейцеровъ, подростокъ старше 12 лѣтъ и женщина—18 крейцеровъ ежедневно. Рабочіе были разбиты на роты, подъ начальствомъ студента-техника каждая; роты въ свою очередь раздѣлялись на взводы, которыми командовали сами рабочіе. Съ цѣлью дать занятія рабочимъ вѣнскій магистратъ предпринялъ работы по линіямъ Мацлейнсдорфъ и Верингъ, а также на Пратерѣ по Дунаю.

Сначала эта „организація труда“ казалась сносной, и рабочіе, обрадованные, что они, наконецъ, получили хоть какое-нибудь занятіе, производили впечатлѣніе вполнѣ довольныхъ людей въ своихъ баракахъ, наскоро возведенныхъ у мѣста работъ.

Однако промышленный кризисъ и соединенная съ нимъ безработица охватили и провинцію. Провинціальные рабочіе, оставшіеся безъ куска хлѣба, слышали, что въ Вѣнѣ организуются работы за общественный счетъ, и массами устремлялись въ столицу. Среди этихъ массъ находились элементы, которые не только „добрымъ гражданамъ“ и демократамъ, но и самимъ рабочимъ внушали нѣкоторый ужасъ; это было вполнѣ естественно: въ такомъ государствѣ, какъ Австрія, гдѣ всякія злоупотребленія въ промышленной жизни достигали неслыханныхъ размѣровъ, нищета и преступленія не могли не проявляться въ наиболѣе ужасающихъ формахъ. Подозрительныя личности въ рядахъ безработныхъ усилили дурное расположеніе духа благомыслящихъ обывателей, которымъ расходы на поддержаніе безработныхъ и безъ того уже казались слишкомъ высокими. Замѣчательно, что благомыслящіе обыватели приходятъ въ неописуемое волненіе каждый разъ, когда общественныя средства тратятся на рабочихъ; въ другихъ случаяхъ, имѣющихъ несравненно меньшее отношеніе къ интересамъ большинства народа, въ сто и въ тысячу разъ большіе расходы не кажутся имъ слишкомъ значительными.

Комитетъ могъ бы, вѣроятно, улучшить положеніе дѣлъ, если бы онъ обратилъ свое вниманіе на тѣ работы, которыя дѣйствительно были полезны для государства или коммуны, однако объ этомъ никто не думалъ. Желаніе освободиться отъ наплыва провинціальныхъ рабочихъ натолкнуло комитетъ на путь обычныхъ въ такихъ случаяхъ внѣшнихъ

мѣропріятій, заранѣе обреченныхъ на неудачу. Комитетъ заявилъ, что вѣнская коммуна обязана дать занятіе лишь мѣстнымъ рабочимъ; на провинціальныхъ коммунахъ лежитъ то же самое обязательство, а потому иногородніе должны вернуться домой и тамъ искать себѣ работы. Но этимъ несчастіе еще не было устранено. Многіе иногородніе рабочіе истратили всѣ свои деньги, чтобы явиться въ Вѣну, и не имѣли средствъ добраться до дому. Полицейскимъ путемъ ничего нельзя было предпринять, такъ какъ вѣнцы въ то время не такъ еще добродушно относились къ полиціи, какъ берлинцы. Комитету пришлось выдать каждому отъѣзжающему иногороднему рабочему 10 гульденовъ на дорогу.

Хотя такимъ образомъ удалось, наконецъ, отослать изъ города избытокъ пріѣхавшихъ извнѣ рабочихъ, тѣмъ не менѣе созданная комитетомъ „организація труда" вскорѣ разрушилась. Рабочіе увидѣли, что организованныя коммуной работы никому не нужны, и многіе стали бездѣльничать. Прекрасная въ началѣ дисциплина разрушилась. Кромѣ того, снова начался приливъ желающихъ стать на работы. Не поладившіе съ хозяевами фабричные рабочіе, слуги, повздорившіе съ господами, вообще всѣ неуживчивые элементы устремились къ общественнымъ работамъ. Нерѣдки были случаи, что въ наиболѣе важныхъ отрасляхъ производства господствовалъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, въ то время какъ на земляныхъ работахъ некуда было дѣвать людей. Комитетъ, заваленный жалобами гражданъ, работодателей и рабочихъ, постановилъ, наконецъ, что ни одинъ рабочій, оставившій своего работодателя безъ достаточныхъ основаній, не можетъ быть принятъ на земляныя работы; равнымъ образомъ каждый занятый на земляныхъ работахъ не долженъ уклоняться отъ работы, предлагаемой ему кѣмъ-либо изъ вѣнскихъ гражданъ, въ противномъ случаѣ онъ вычеркивается изъ списковъ.

Само собой понятно, что это постановленіе оказалось весьма мало дѣйствительнымъ. Среди землекоповъ началось все болѣе и болѣе возраставшее возбужденіе.

Мало-по-малу число землекоповъ возрасло до 50.000. Они все еще составляли главную опору демократіи, въ нихъ видѣли революціонную армію, всегда готовую къ бою. Пугливые люди не могли спокойно спать, пока не распущена эта могучая, но мало сознающая свою мощь масса. Скоро найдено было средство разъединить эту массу. Правительство нуждалось въ рекрутахъ для итальянской арміи Радецкаго; оно рѣшило произвести наборъ среди землекоповъ и организовало съ этой цѣлью особыя бюро, въ которыхъ раздавались крупные задатки въ счетъ жалованья. У того самаго правительства, которое не могло найти денегъ, чтобы дать занятія впавшимъ въ нищету рабочимъ, оказались вдругъ значительныя средства для набора.

Комитетъ обнаружилъ въ эти дни самую жалкую безпомощность и незрѣлость. Вербовка рабочихъ въ правительственную армію испугала его; онъ понималъ, что такая мѣра разсѣетъ кадры рабочихъ и при-

ведетъ къ гибели демократіи. Поэтому среди рабочихъ появились студенты и разъяснили имъ, что ихъ употребятъ на борьбу противъ итальянской независимости, если они согласятся вступить въ армію. Возбужденные рѣчами студентовъ, рабочіе двинулись массами къ бюро, разрушили ихъ и прогнали расположившихся тамъ офицеровъ и солдатъ. Для демократовъ это было уже слишкомъ рѣшительно; они порицали въ своей прокламаціи дѣйствія рабочихъ, вызванныя ихъ же собственными посланцами. Такое отношеніе не могло не вызвать негодованія рабочихъ; въ то же время усилились столкновенія между рабочими и благомыслящими гражданами, главнымъ образомъ потому, что „дѣловые люди", руководствуясь обычными соображеніями своей личной выгоды, доставляли рабочимъ скверные пищевые продукты. Реакціонеры дѣлали все, чтобы раздуть эти несогласія; комитетъ пытался примирять ихъ, но онъ безпомощно колебался туда и сюда, не будучи въ состояніи установить прочнаго порядка. Всякій чувствовалъ, что такое положеніе дѣлъ должно привести къ катастрофѣ.

На Троицу 1848 года дѣйствительно произошло открытое столкновеніе. Одна часть рабочихъ получила плату за праздничные дни, другая нѣтъ, и такъ какъ комитетъ не соглашался выдать деньги этой послѣдней части, полагая, что уступка поколебала бы его авторитетъ, среди рабочихъ возникли безпорядки.

Буржуа гражданскаго ополченія сочли этотъ моментъ подходящимъ, чтобы рѣшительно выступить противъ рабочихъ; ихъ поддерживали капиталисты, большіе и маленькіе; послѣдніе давно уже стремились обезопасить себя отъ возможныхъ непріятностей со стороны безпокойныхъ рабочихъ. Къ комитету являлись депутаціи, требовавшія энергичнаго вмѣшательства. Комитетъ совершенно не зналъ, что предпринять. Пропитанный мѣщанскими взглядами, онъ не хотѣлъ рѣзко оттолкнуть фанатиковъ порядка; но, съ другой стороны, онъ понималъ, что, поражая рабочихъ, онъ будетъ рубить тотъ сукъ, на которомъ сидитъ. Поэтому комитетъ старался успокоить страсти и избѣжать борьбы.

Между тѣмъ извѣстія изъ Парижа, гдѣ только что началось кровавое столкновеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ, возбудили броженіе въ Вѣнѣ. Въ городѣ появилась значительная масса вооруженныхъ рабочихъ; послѣдніе имѣли рядъ столкновеній съ гражданскимъ ополченіемъ, и гражданское ополченіе рѣшило показать рабочимъ всю свою силу. 24 іюня все гражданское ополченіе не только города, но и предмѣстій двинулось на гласисъ и выставило тамъ свои орудія. Рабочіе вооружились какъ и чѣмъ могли. Но къ нимъ бросились студенты, убѣждая смириться передъ внушительной силой гражданскаго ополченія; эти увѣщанія такъ сильно повліяли на рабочихъ, что они не только обѣщались впредь держаться спокойно, но даже выдали зачинщиковъ.

Тріумфъ бюргерства надъ рабочими былъ въ высшей степени на руку реакціи, такъ какъ комитетъ съ этого времени окончательно

утратилъ довѣріе рабочихъ, и конфликтъ между буржуазіей и пролетаріатомъ сталъ глубокимъ и непримиримымъ.

Теперь, наконецъ, реакція почувствовала себя достаточно сильной, чтобы отнять у комитета его власть. Уже давно раздавалось требованіе учредить „министерство труда", и вотъ былъ назначенъ министръ труда въ лицѣ господина Шварцера. Послѣдній тотчасъ же взялъ въ свои руки завѣдываніе общественными работами, устранивъ комитетъ; въ этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, онъ не встрѣтилъ препятствія. Такимъ образомъ комитетъ покорно уступилъ власть, которой онъ не сумѣлъ пользоваться.

Шварцеръ зналъ, что ему обезпечена поддержка бюргерства противъ рабочихъ, и дѣйствовалъ быстро и рѣшительно. Уже 22 августа онъ издалъ распоряженіе, согласно которому дневной заработокъ землекоповъ уменьшался на пять крейцеровъ. Онъ не могъ не знать, что это вызоветъ безпорядки. И въ самомъ дѣлѣ рабочіе заволновались; они стеклись на Пратеръ и тамъ вздернули на висѣлицу соломенное чучело человѣка, въ ротъ котораго былъ всунутъ кусокъ бумаги съ надписью: „пять крейцеровъ". Чучело это, изображавшее министра труда, было предварительно провезено по улицамъ на ослѣ. Вмѣшалась полиція, гражданское ополченіе явилось ей на подмогу. Вспыхнуло настоящее сраженіе; гражданское ополченіе открыло огонь, и не мало рабочихъ было убито и ранено *). Рабочіе, вооруженные только своими инструментами, были вездѣ обращены въ бѣгство. Демократія и студенты держали себя спокойными зрителями этой борьбы.

Сила демократіи была сломлена; комитетъ самъ убѣдился, наконецъ, въ своей ненужности и объявилъ себя распущеннымъ. Студенческій комитетъ также прекратилъ свое существованіе. Академическій легіонъ былъ сильно ослабленъ наступленіемъ каникулъ, когда молодые революціонеры устремились по домамъ. Для того чтобы раздѣлаться съ рабочими, правительство открыло общественныя работы въ другихъ мѣстахъ и массами переправляло туда рабочихъ изъ Вѣны.

Такъ легко была отнята власть у неспособной вѣнской демократіи, потому что она не понимала положенія и безпомощно колебалась изъ стороны въ сторону между антагонистическими классовыми интересами.

Реакція чувствовала въ эти дни особенный подъемъ духа благодаря побѣдамъ Радецкаго въ Италіи.

Смуты въ Неаполѣ и Сициліи продолжались; „либеральный" и „конституціонный" папа Пій IX приподнялъ, наконецъ, свою маску и выступилъ противъ національнаго движенія въ церковной области; между тѣмъ возстаніе въ верхней Италіи все еще было въ полномъ разгарѣ. Карлъ-Альбертъ обнаружилъ во время похода свою полную неспособность. Позиція, занятая Радецкимъ при Веронѣ, была настолько выгодной, что онъ могъ угрожать оттуда даже Феррарѣ.

Король Сардиніи до сихъ поръ упускалъ всѣ благопріятные мо-

*) Число убитыхъ опредѣляютъ въ 20, число раненыхъ въ 200 человѣкъ.

менты; теперь онъ разъединилъ свои боевыя силы, образовавъ изъ нихъ два корпуса: одинъ расположился при Риволи, другой у Ровербеллы. Радецкій воспользовался этой ошибкой, напалъ на армію, стоящую у Ровербеллы, разбилъ ее, взявъ приступомъ высоты Соммакампаньи, и занялъ прочную позицію у Минчіо. Карлъ-Альбертъ поспѣшилъ ему навстрѣчу, и 25 іюля 1848 г. произошла кровопролитная битва при Кустоццѣ, въ которой Карлъ-Альбертъ безуспѣшно старался выбить австрійцевъ изъ занятыхъ ими позицій. Онъ былъ отброшенъ и вынужденъ перейти въ отступленіе, которое послѣ битвы при Вольтѣ превратилось въ безпорядочное бѣгство.

Среди этихъ разгромовъ сардинскій король заключилъ договоръ, по которому городъ Венеція вмѣстѣ съ своей областью соединялся съ Сардиніей и Ломбардіей въ одно королевство. Но эта мечта быстро разсѣялась, потому что Радецкій со всѣми своими силами преслѣдовалъ сардинскаго короля по пятамъ, такъ что послѣдній бросился, наконецъ, въ Миланъ. Въ Миланѣ разыгрались сильныя сцены; народъ кричалъ о предательствѣ и требовалъ отъ короля дальнѣйшаго сопротивленія Австріи. Король выполнилъ это требованіе, вступивъ 4 августа въ сраженіе передъ Миланомъ, но былъ снова разбитъ и обратился въ позорное бѣгство. Миланъ капитулировалъ, и въ верхней Италіи возстановились старые порядки почти въ полномъ объемѣ. Модена была занята, и бѣжавшій оттуда герцогъ вернулся обратно; Болонья подверглась бомбардировкѣ за убійство нѣсколькихъ австрійскихъ офицеровъ, обвиненныхъ въ шпіонствѣ.

9 августа Карлъ-Альбертъ заключилъ перемиріе съ Радецкимъ, при чемъ тотъ и другой полководецъ обѣщались держаться каждый въ предѣлахъ своего государства. Однако Венеція отложилась отъ Карла-Альберта и 10 августа 1848 г. провозгласила себя республикой. Было назначено временное правительство съ энергичнымъ адвокатомъ Маниномъ во главѣ. Пораженіе сардинскаго короля снова открыло республиканской партіи, Молодой Италіи, широкое поле дѣятельности, и какъ разъ въ Римѣ партія эта проявила особенную энергію, стремясь захватить въ свои руки общественную власть.

Въ то время какъ Радецкій поразилъ въ образѣ сардинскаго короля объединительное движеніе Италіи, въ Австріи разразился другой великій конфликтъ, потрясшій зданіе имперіи до самыхъ его основъ.

Послѣ того какъ славяне завязали дружбу съ вѣнской или, что то же, иннсбрукской камарильей, политика правительства поставила своей цѣлью уничтоженіе самостоятельности Венгріи. Славяне слѣпо слѣдовали за этой политикой, такъ какъ и въ Богеміи демократическіе элементы были поражены національной ненавистью и маніей величія. Мадьяры быстро догадались о томъ, что творится за кулисами, и постарались заблаговременно обезопасить себя отъ всякихъ случайностей. Политика мадьяровъ была проникнута тѣмъ же самымъ національнымъ эгоизмомъ, какъ и чешская политика. Такимъ образомъ въ Австріи сталкивались два сильныхъ теченія: чешское, примыкавшее къ славян-

ству, и мадьярское, сливавшееся съ нѣмецкимъ. Руководящія сферы венгровъ столь же мало были проникнуты демократическимъ духомъ, какъ и чехи; въ венгерскомъ парламентѣ истинная демократія также составляла лишь ничтожное меньшинство, и даже Кошутъ, во время своихъ припадковъ высшей государственной мудрости, частенько называлъ демократовъ „смутьянами“ и „бунтовщиками“. Венгры, подобно другимъ народностямъ, добились во время мартовскихъ возстаній обычныхъ уступокъ въ области политическихъ вольностей и уничтожили феодальныя тягости, давившія крестьянъ. Съ этого момента движеніе, во главѣ котораго стояли аристократія и буржуазія, остановилось; крестьяне были удовлетворены; сознательнаго рабочаго класса еще не существовало; либеральное бюргерство удовольствовалось мартовскими завоеваніями, а аристократія, повидимому, примирилась съ ними. Но для венгерскаго дворянства и буржуазіи самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ была вырванная у Габсбурговъ независимость, самостоятельное министерство, въ которомъ аристократія была представлена Баттіани, буржуазія—Кошутомъ. Весь народъ видѣлъ въ независимости наиболѣе прочное обезпеченіе мартовскихъ завоеваній. Поэтому, когда правительство въ союзѣ съ чехами и кроатами вознамѣрилось снова уничтожить независимость, на защиту ея встала вся венгерская нація. Живыя воспоминанія о домартовской системѣ угнетенія и эксплуатаціи воспламенили мадьяровъ къ отчаянному сопротивленію. Ихъ борьба, столь же героическая, какъ и несчастная, быстро привлекла къ себѣ всеобщія симпатіи. Строго говоря, венгерскія войска боролись не за свободу и благосостояніе всего народа, но главнымъ образомъ за привилегіи имущихъ классовъ, хотя мартовскія пріобрѣтенія и вообще были крупнымъ шагомъ впередъ. Справедливость вышесказаннаго лучше всего доказывается современными венгерскими неурядицами, возникшими уже послѣ того, какъ Венгрія стала до извѣстной степени самостоятельной. Венгерскій дворянинъ, надутый какъ индюкъ, ярый преслѣдователь нѣмцевъ и антисемитъ, въ такой же степени реакціоненъ, въ какой испорченъ венгерскій буржуа, не мало способствовавшій тому, что венгерское государственное хозяйство обременено теперь неоплатными долгами.

Кошутъ игралъ въ Венгріи руководящую роль. 11 іюля онъ произнесъ въ венгерскомъ рейхстагѣ большую рѣчь, въ которой указывалъ на опасность, грозящую Венгріи отъ союза двора со славянами, и указывалъ на тотъ фактъ, что венгерская независимость уже колеблется. Онъ требовалъ вооруженія 200.000 человѣкъ и кредита въ 42 милліона гульденовъ, „чтобы добиться почетнаго мира или начать почетную борьбу“. 24 іюля воодушевленный рейхстагъ единогласно принялъ это предложеніе, но при этомъ ясно обнаружилась двойственная политика венгровъ. Баттіани и Деакъ требовали, чтобы Венгрія деньгами и людьми поддержала Австрію въ ея итальянскомъ походѣ. Кошутъ, такъ часто публично выражавшій свою радость по поводу побѣдъ итальянцевъ, колебался, но въ концѣ-концовъ сталъ на сторону этого предложенія.

Было постановлено поддерживать Австрію въ борьбѣ не противъ Италіи, а противъ Карла-Альберта,—уловка, которая, разумѣется, никого не могла обмануть.

Мадьяры хотѣли играть ту же роль, какъ и славяне. Если бы императоръ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями, они стали бы поддерживать его противъ всѣхъ его враговъ и такимъ образомъ сдѣлались бы господствующимъ элементомъ въ имперіи; въ случаѣ же сохраненія союза императора съ славянами мадьяры рѣшились завоевать себѣ независимость. Дворъ продолжалъ между тѣмъ итти старымъ путемъ; постановленіе венгровъ поддержать Австрію противъ Италіи не могло отклонить его въ сторону. Напротивъ, какъ разъ въ это время союзъ съ баномъ Еллачичемъ, попавшимъ было въ отставку, но потомъ снова стяжавшимъ себѣ милости двора, былъ расширенъ и упроченъ. Дворъ заискивалъ у кроатовъ и поддерживалъ Еллачича гдѣ и насколько было возможно. Въ то время какъ рейхстагъ въ своемъ простодушіи заботился лишь объ уничтоженіи феодальныхъ повинностей, Еллачичъ держалъ себя по отношенію къ венграмъ все болѣе и болѣе вызывающе и корчилъ изъ себя исполнителя императорской воли, требуя, чтобы Венгрія отказалась отъ самостоятельности и мартовскихъ пріобрѣтеній. Въ прокламаціяхъ Еллачича, настаивавшихъ на новой организаціи Австріи, говорилось, что всѣ національности, слѣдовательно, также и венгры, должны управляться изъ Вѣны. Это было какъ разъ то, чего хотѣлъ дворъ, и, чтобы устранить всякія сомнѣнія, австрійское министерство издало 31 августа памятную записку, объявившую, что Венгрія во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ и потребностяхъ должна сообразоваться со всей монархіей. По существу это уже равнялось отмѣнѣ самостоятельности.

Теперь уже каждому стало болѣе или менѣе ясно, куда направляется политика двора, но чтобы просвѣтить даже наиболѣе слѣпо вѣрующихъ и довѣрчивыхъ, 4 сентября банъ Еллачичъ, еще лѣтомъ именовавшійся „бунтовщикомъ", былъ торжественно возстановленъ во всѣхъ должностяхъ и отличіяхъ, при чемъ объявившій объ этомъ императорскій указъ восхвалялъ его вѣрность и приверженность Габсбургскому дому и всей монархіи.

Мадьярскіе государственные мужи попытались еще разъ отвратить приближающійся кризисъ путемъ переговоровъ. Баттіани и Деакъ отправились въ Вѣну, чтобы получить согласіе императора на постановленіе рейхстага отъ 24 іюля, но они вовсе не добились аудіенціи. 9 сентября императоръ принялъ въ Шенбруннѣ депутацію отъ рейхстага, состоявшую изъ 120 членовъ; однако это не имѣло никакого значенія, такъ какъ къ тому времени возстановленіе Еллачича въ должности было уже объявлено. Къ тому же Фердинандъ, въ выраженіяхъ, исходящихъ отъ камарильи, отклонилъ требованія депутаціи, указывавшей на союзъ Габсбургскаго дома съ Венгріей какъ на средство къ устраненію кризиса. Депутація вернулась въ Пештъ ни съ чѣмъ. Такимъ образомъ открытая борьба стала неизбѣжной; она разразилась

уже 11 сентября, когда Еллачичъ во главѣ кроатскихъ войскъ перешелъ венгерскія границы. Въ велерѣчивомъ манифестѣ поучалъ онъ венгровъ, какъ они должны поступать. Онъ утверждалъ, что венгерское министерство стремится къ гибели всей монархіи и что этому стремленію надо воспротивиться съ оружіемъ въ рукахъ.

Трудно описать гнѣвъ венгровъ, когда они поняли ту игру, которую велъ съ ними дворъ. Впрочемъ, государственные люди Венгріи не имѣли, строго говоря, основаній для нравственнаго негодованія, такъ какъ ихъ собственная игра по своему характеру не слишкомъ отличалась отъ политики иннсбрукской и шенбруннской камарильи. Но народъ былъ одушевленъ готовностью защищать свою свободу и независимость, и когда министерство (14 сентября) издало призывъ къ оружію противъ кроата Еллачича, готовая къ бою молодежь массами устремилась подъ знамена. Венгрія скоро приняла видъ военнаго лагеря. Кошутъ добился отъ министерства финансовъ экстреннаго выпуска ассигнацій, достоинствомъ въ 5 гульденовъ. Палатинъ Стефанъ оставилъ Пештъ и направился въ Вѣну; однако венгерскій рейхстагъ послалъ еще разъ депутацію въ Вѣну, теперь уже, какъ выразился Кошутъ, „не къ предательскому двору, а къ народу". Депутація должна была изложить жалобы венгровъ передъ австрійскимъ рейхстагомъ. Славянское большинство рейхстага употребило всѣ силы, чтобы помѣшать мадьярамъ высказаться, и послѣ длинныхъ и жаркихъ дебатовъ рейхстагъ большинствомъ 186 противъ 108 голосовъ отклонилъ предложеніе выслушать венгровъ. Напрасно лѣвая настаивала на томъ, что пораженіе Венгріи будетъ равносильно порабощенію всей Австріи; министръ Бахъ увлекъ за собой всѣхъ колеблющихся, и черно-желтый Гельфертъ провелъ свое предложеніе отказать венграмъ *).

Но вѣнскій народъ въ собственномъ смыслѣ слова великодушно готовъ былъ ради общаго блага забыть всѣ слабости и ошибки мадьяровъ. Передъ гостиницей, гдѣ помѣстились депутаты, собралась тысячная толпа и Таузенау возвысилъ свой громовой голосъ; онъ проклиналъ министерство и „жалкій" рейхстагъ и упрекалъ ихъ въ по-

---

*) Дебаты о допущеніи венгровъ обнаруживаютъ, насколько обострились уже тогда отношенія между славянскими и нѣмецкими элементами въ австрійскомъ рейхстагѣ. Вотъ отчетъ объ этомъ засѣданіи.

Ригеръ говоритъ: „Всемірный духъ возжегъ эту войну въ Венгріи, чтобы возстановить попранныя права" (страшный шумъ). Палацкій утверждаетъ, что Боррошъ оскорбилъ славянъ, и требуетъ, чтобы его гарантировали отъ повторенія подобныхъ инцидентовъ. Боррошъ хочетъ возражать, но не получаетъ слова. Гольдмаркъ вскакиваетъ, ударяетъ обѣими руками по столу и кричитъ: „Я протестую противъ этого!"—Президентъ: „Къ порядку!"—Гольдмаркъ: „Что? Къ порядку? Я не хочу обращать на это вниманіе. Это позоръ призывать къ порядку, когда на карту ставится благо милліоновъ!" (громовое одобреніе слѣва).—Президентъ трижды призываетъ къ порядку, Гольдмаркъ энергично продолжаетъ говорить. Президентъ: „Когда я призываю къ порядку, вы должны замолчать и сѣсть на мѣсто, милостивый государь!"—Гольдмаркъ: „Я не хочу!" Шумъ возрастаетъ до такой степени, что президентъ вынужденъ прервать засѣданіе на полчаса.

литикѣ недостойныхъ интригъ. Отъ имени вѣнскаго народа обѣщалъ онъ мадьярамъ поддержку въ ихъ борьбѣ на жизнь и на смерть.

Вѣнскій народъ честно держалъ слово, данное отъ его имени его ораторомъ, но венгерцы не рѣшались прямо принять протянутую имъ руку и потому потеряли все.

Между тѣмъ въ Пештѣ вялый либерализмъ отступилъ назадъ; потокъ событій вынесъ на поверхность радикальное теченіе. 25 сентября появился императорскій манифестъ, отдававшій въ руки генерала Ламберга власть надъ Венгріей. Но венгерскій рейхстагъ объявилъ манифестъ недѣйствительнымъ. Онъ имѣлъ на это даже формальное право, такъ какъ указъ не былъ подписанъ отвѣтственнымъ министромъ. Генералъ Ламбергъ, рѣшившійся показаться въ Пештѣ, былъ убитъ возмущеннымъ народомъ на Пештскомъ мосту. Въ тотъ же самый день, 28 сентября, венгерскій рейхстагъ назначилъ временное правительство изъ 6 членовъ съ Кошутомъ во главѣ, при чемъ послѣдній былъ облеченъ диктаторской властью. Этимъ актомъ война между Габсбургскимъ домомъ и мадьярами была формально объявлена.

Яростная борьба, начавшаяся съ этого момента, легко могла бы окончиться пораженіемъ двора и полнѣйшимъ разрывомъ Австрійской имперіи. Въ томъ, что этого не случилось, виноватъ національный фанатизмъ, которымъ уже давно ловко пользовались политики камарильи, которымъ и теперь они сумѣли воспользоваться не менѣе искусно.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

«Черно-бѣлые» и «черно-красно-золотые».

Берлинская демократія скоро убѣдилась, что ей нечего ждать отъ собранія въ консерваторіи. Въ то же время реакція въ провинціяхъ и въ самомъ Берлинѣ все сильнѣе поднимала голову и не могла не возбуждать самыхъ серьезныхъ опасеній за существованіе мартовскихъ пріобрѣтеній. Въ Помераніи, въ Бранденбургѣ и Саксоніи все чаще раздавались голоса, требовавшіе покончить съ берлинской „анархіей" силой оружія *).

Рыцари „Kreuzzeitung" соединились въ „дворянскій парламентъ" и возвели въ систему фанатизированіе крестьянъ противъ городовъ **). Берлинскіе богачи были до такой степени напуганы фантастической картиной „коммунизма", свившаго себѣ будто бы „гнѣздо" въ Берлинѣ, что массами покидали городъ. Это, правда, не слишкомъ еще безпокоило демократовъ; гораздо непріятнѣе для нихъ было массовое выселеніе рабочихъ. По слухамъ, около 20.000 рабочихъ направились на Восточную жел. дорогу и въ провинціи. Возможно, что эти цифры преувеличены, но во всякомъ случаѣ массовый отливъ наиболѣе радикальнаго элемента народа былъ очень серьезнымъ предостереженіемъ для демократіи. Послѣдняя пыталась укрѣпить свое положеніе, стараясь по возможности упорядочить и сплотить организацію. Образовался центральный комитетъ, въ который всѣ клубы и союзы демо-

*) Это настроеніе хорошо выражено въ извѣстной реакціонной пѣснѣ, послѣдняя строфа которой гласитъ:

По ночамъ земля кишитъ
Силой злобною, нечистой.
Но она стремглавъ бѣжитъ,
Крестъ увидѣвши пречистый.
Запоетъ въ полночь пѣтухъ,—
Исчезаетъ смрадный духъ.
Такъ и противъ демократа
Подавайте намъ солдата.

**) Въ окрестностяхъ Берлина особенно реакціоннымъ настроеніемъ отличались Шарлоттенбургъ и Тельтовъ. Поэтому про Тельтовъ говорили, что въ 1848 г. тамъ гораздо успѣшнѣе всходятъ сѣмена рѣпы, чѣмъ сѣмена разума.

кратовъ посылали уполномоченныхъ, и демократическій клубъ раздѣлилъ весь Берлинъ на 22 округа съ однимъ представителемъ въ каждомъ. Говорили, что клубъ насчитываетъ до 3.000 членовъ, но это по всей вѣроятности преувеличено. Рабочіе машиностроительнаго производства, такъ же какъ и всѣ организаціи, основанныя Борномъ, въ виду надвигающейся реакціи тѣснѣе соединились съ демократами.

6 августа всѣ нѣмецкія войска должны были присягнуть правителю имперіи; этотъ актъ, превратившійся въ жалкую комедію, далъ демократамъ поводъ къ устройству большой демонстраціи. Демократы вовсе не желали выражать этимъ своей симпатіи регенту; цѣлью демонстраціи было подчеркнуть необходимость растворенія Пруссіи въ Германіи. Около зданія оперы собралось до 20.000 человѣкъ, которые и составили колоссальное шествіе, тянувшееся по улицѣ Фридриха къ Крейцбергу. Дорогой толпа сорвала много черно-бѣлыхъ (прусскихъ) флаговъ. На Крейцбергѣ было собрано много народа изъ окрестныхъ селъ; предполагалось натравить народъ на демократовъ и такимъ образомъ разстроить демонстрацію. Однако передъ необозримой толпой демократовъ реакціонеры вынуждены были отступить. Демонстранты остановились передъ чугуннымъ памятникомъ на Крейцбергѣ; Гельдъ вскарабкался наверхъ и произнесъ оттуда рѣчь, послѣ чего на вершинѣ памятника было выкинуто трехцвѣтное знамя. Знамя, впрочемъ, было скоро сорвано гражданскимъ ополченіемъ.

Кошачьи концерты и столкновенія „Клуба Липъ" съ констеблями давали демократамъ неисчерпаемый источникъ для разговоровъ, за которыми были совершенно забыты болѣе важныя дѣла. Констебли вели себя крайне грубо, однако имъ не удалось окончательно справиться съ народомъ, и 21 августа снова произошло одно изъ тѣхъ бурныхъ возмущеній, въ которыхъ изливались всѣ силы демократіи. Поводъ былъ данъ въ Шарлоттенбургѣ. Въ этомъ городѣ, гдѣ преобладали реакціонеры, жили между прочимъ братья Бруно и Эдгаръ Бауэръ, свободомыслящіе демократическіе писатели, основавшіе одинъ демократическій союзъ. Реакціонеры, раздраженные ихъ дѣятельностью, подкупили нѣсколько оборванцевъ съ тѣмъ, чтобы тѣ хорошенько проучили демократовъ. Подкупленные негодяи, чернь въ самомъ низкомъ смыслѣ этого слова, напали на демократовъ, избили ихъ съ звѣрской жестокостью и позволили себѣ дикія издѣвательства, при чемъ ни полиція, ни гражданское ополченіе не сочли нужнымъ вмѣшаться. Эдгаръ Бауэръ, пылая местью, бросился въ Берлинъ, гдѣ онъ пользовался въ то время значительнымъ вліяніемъ среди рабочихъ; масса народа, и безъ того уже возбужденнаго поведеніемъ констеблей и различными реакціонными мѣропріятіями, собралась передъ домомъ министра внутреннихъ дѣлъ на улицѣ Вильгельма. Министра господина фонъ-Кольветтера не было дома, и толпа подъ предводительствомъ Эдгара Бауэра и нѣмецко-католическаго священника Довіата двинулась къ дворцу министра-президента Ауэрсвальда, куда скрылся министръ юстиціи Меркеръ, котораго собственно толпа и искала. У

Ауэрсвальда какъ разъ было много гостей. Довіатъ, взявшійся говорить отъ имени народа, потребовалъ освобожденія всѣхъ политическихъ арестантовъ и наказанія шарлоттенбургскихъ негодяевъ или же отставки министерства. Между тѣмъ на улицу подоспѣли констебли и началась жестокая схватка. Констебли врѣзались въ толпу; народъ сломалъ рѣшетку у дворца, вооружился желѣзными прутьями и, разобравъ мостовую, сталъ бросать камни въ окна министра-президента, такъ что находившіеся у послѣдняго дамы и господа должны были поспѣшно оставить столъ, спасаясь отъ летящихъ булыжниковъ. Въ сосѣдней улицѣ подъ руководствомъ асессора Рудольфа Шрамма была выстроена баррикада. Раздался залпъ, многіе были ранены. Народъ въ концѣ-концовъ бѣжалъ, и цѣль всего предпріятія — низверженіе министерства — осталась недостигнутой. Рабочіе машиностроители явились съ своими ружьями и дали нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ, чтобы разогнать констеблей, преслѣдовавшихъ народъ; баррикада была разрушена гражданскимъ ополченіемъ.

Довіатъ былъ арестованъ и приговоренъ къ шести годамъ заключенія въ крѣпости; Эдгаръ Бауэръ пробылъ нѣкоторое время въ Берлинѣ, гдѣ рабочіе скрывали его отъ преслѣдованій полиціи; въ концѣ-концовъ онъ бѣжалъ за границу. Впослѣдствіи Бауэръ, какъ и его братъ, перешелъ въ лагерь консерваторовъ; строитель баррикады Шраммъ сдѣлался сторонникомъ Бисмарка и занялъ постъ консула *).

Эта неудачная попытка низвергнуть министерство Ауэрсвальда была искусно использована реакціонерами и только повредила демократіи. Вскорѣ послѣ описанныхъ событій Гельдъ былъ изобличенъ въ предательствѣ. Уже со времени неудавшейся демонстраціи противъ министерства Кампгаузена ему не довѣряли, полагая, что онъ вступилъ въ тайныя отношенія съ феодальной партіей. Однако до сихъ поръ этого не удавалось доказать, и Гельдъ не безъ успѣха защищался противъ всѣхъ обвиненій, утверждая, что вожди демократовъ наговариваютъ на него по злобѣ, изъ зависти къ его вліянію на массы. Впослѣдствіи, въ 1865 году, онъ самъ призналъ, что подозрѣнія демократовъ были вполнѣ справедливы. На публичномъ собраніи разсказалъ онъ слѣдующій эпизодъ **).

Однажды его пригласилъ къ обѣду комендантъ гражданскаго ополченія генералъ Ашофъ, его бывшій начальникъ. На обѣдѣ онъ „случайно“ встрѣтилъ тайнаго совѣтника Мантейфеля, впослѣдствіи мини-

*) Оба Бауэра были завсегдатаями извѣстнаго въ то время кабачка Гиппеля на улицѣ Доротеи; тамъ же появлялись Людвигъ Буль и Максъ Штирнеръ (Каспаръ Шмидтъ). Этотъ философскій кружокъ съ величавымъ презрѣніемъ взиралъ сверху внизъ на политиковъ дня, объявлялъ безнадежной глупостью все, что они ни дѣлали, но, къ сожалѣнію, самъ не былъ въ состояніи предложить что-либо лучшее. Максъ Штирнеръ былъ еще наиболѣе скромнымъ среди нихъ. По ихъ мнѣнію, пишетъ одинъ современникъ „нѣтъ поэзіи, она—ложь; нѣтъ науки—она безплодна; нѣтъ государства—оно прогнило; нѣтъ школы—она прогнила вдвойнѣ; нѣтъ любви—она лишь подавленный половой инстинктъ; нѣтъ дружбы—она фраза!“

**) См. „Berliner Reform“ отъ 12 декабря 1865 г.

стра-президента. Они легко столковались между собою и дали обѣщаніе щадить другъ друга въ предстоящей борьбѣ аристократіи съ демократіей. Позднѣе Гельдъ получилъ приглашеніе на чашку чая отъ одной высоко-аристократической дамы, госпожи фонъ-Гаке, при чемъ ему было сказано, что съ нимъ желаетъ познакомиться одна высокопоставленная особа женскаго пола. „Случайно“ столкнулся онъ тамъ съ президентомъ реакціоннаго союза пруссаковъ, господиномъ фонъ-Каттэ. Госпожа Гаке описала происшествіе нѣкоему Дому, непримиримому врагу Гельда, и Домъ немедленно предалъ гласности всю интригу. Вскорѣ послѣ этого Гельдъ развилъ публично свой „великій планъ“: назначить диктатора, разогнать парламенты, октроировать предложенную имъ конституцію и потопить Германію въ Пруссіи. Этимъ была уже ясно доказана справедливость всего того, что раньше говорилось о Гельдѣ и что казалось особенно правдоподобнымъ послѣ разоблаченій Дома и госпожи фонъ-Гаке, а именно, что онъ отдалъ себя на службу феодальнымъ и реакціоннымъ элементамъ. Довѣріе народа исчезло какъ дымъ, и Гельдъ не могъ уже болѣе оказывать аристократіи тѣхъ услугъ, которыхъ она отъ него ожидала. Утративъ въ немъ нужду, реакціонеры спокойно смотрѣли на его паденіе. Что касается разсказовъ Гельда о попыткахъ подкупить его, которыя будто бы часто дѣлались, но которыя онъ отвергъ, то справедливость всего этого не можетъ быть провѣрена. Гельдъ палъ, осыпанный насмѣшками; его освистывали со сцены, надъ нимъ издѣвались летучіе листки *). Когда онъ впослѣдствіи впалъ въ нужду, онъ обратился, по его собственнымъ словамъ, за поддержкой къ Мантейфелю и получилъ всего 1.000 талеровъ и, наконецъ, еще 300, какъ „самый послѣдній ультиматумъ“ („Ultimatissimum“). Отъ Отто фонъ-Бисмарка, въ то время уполномоченнаго союзнаго сейма, онъ также получилъ, по собственному признанію, 450 талеровъ за литературныя работы; этимъ съ достаточной ясностью освѣщается политическая физіономія „берлинскаго Мирабо“.

Сравненіе Гельда съ Мирабо удачно во многихъ отношеніяхъ: онъ напоминалъ его своимъ демагогическимъ талантомъ, своимъ вѣроломствомъ и слабостью характера; сходство простирается вплоть до патетической фразеологіи и громового голоса. Только въ одномъ, въ отсутствіи политическаго генія, Гельдъ не былъ похожъ на славнаго и обезславленнаго француза.

Камарилья, или—что то же—„тайное министерство“ Герлаха съ товарищами, не мало потрудилась за это время надъ выработкой плановъ спасенія гибнущаго отечества. Герлахъ уже 28 іюня написалъ

*) Когда въ Берлинъ стали стягиваться войска, Гельдъ въ одномъ плакатѣ совѣтовалъ городу запасать провіантъ. Нѣкій докторъ Конфельдтъ, издававшій различные летучіе листки подъ псевдонимомъ Буддельмейера, осмѣялъ это предложеніе въ стихахъ:

„Berlin, verproviantire dir,
Dein grosser Held hat Hunger“!
(„Берлинъ, запасай провіантъ,
Твой великій Герой (Held—Гельдъ) проголодался!“)

королю письмо, въ которомъ выражалъ свои сожалѣнія по поводу того, что штурмъ арсенала не былъ использованъ для военнаго вмѣшательства. Онъ старался внушить королю убѣжденіе, что суверенитетъ народа обозначаетъ республику и что палата соглашенія желаетъ „низвергнуть тронъ“ такъ называемымъ конституціоннымъ путемъ. Герлахъ негодовалъ на Радовица за то, что тотъ рѣшилъ дожидаться новаго возстанія, чтобы приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Если король, писалъ онъ, утвердитъ постановленія національнаго собранія относительно народнаго вооруженія, поземельной собственности и т. п., то ожидаемый Радовицемъ моментъ не наступитъ.

Радовицъ предложилъ королю совсѣмъ иной планъ. Онъ рекомендовалъ поддерживать рабочихъ въ ихъ борьбѣ противъ буржуазіи; даже „коммунистическій“ налогъ на доходы не останавливалъ Радовица. Онъ надѣялся отнять у движенія всю главную силу, отколоть отъ него рабочія массы. Король, по словамъ Герлаха, нашелъ эту мысль „вовсе ужъ не такой страшной“. Мы видимъ, что Бисмаркъ лишь выдалъ копію за оригиналъ, когда съ миной глубочайшей государственной мудрости величаво провѣщалъ свое „Flectero si nequeo superos, Acheronta movebo“ [„Если я не смогу подчинить себѣ небожителей (т.-е. буржуазію), я приведу въ движеніе адъ“ (т.-е. пролетаріатъ)].

Король все еще не принималъ никакого опредѣленнаго рѣшенія, и Герлахъ вынужденъ былъ удовольствоваться наговорами на министровъ, которые, по его словамъ, „уже теперь дерзко и заносчиво нарушаютъ существующій правовой порядокъ“. Постоянное вліяніе въ одномъ направленіи, тонко разсчитанныя нашептыванія не могли не оказать своего дѣйствія на короля; многія ядовитыя замѣчанія оставляли въ его душѣ свое жало, и къ тому времени, какъ палата соглашенія приняла рядъ постановленій, казавшихся королю недопустимыми, онъ уже былъ почти готовъ къ предстоящему конфликту въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого желала камарилья.

Между тѣмъ палата соглашенія продолжала свои работы. Что она не много сдѣлала, въ этомъ несправедливо было бы ее обвинять; ей приходилось обсуждать массу вопросовъ, кромѣ конституціи. Реакціонеры оспаривали у нея право заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ выработки конституціи, демократы признавали за ней это право *). Строго говоря, какъ разъ различныя постановленія собранія по „постороннимъ“ вопросамъ имѣли наибольшее значеніе. Въ вопросѣ о феодальныхъ повинностяхъ палата, правда, не обнаружила особенной рѣшительности, но все же такъ или иначе покончила съ ними. Крестьяне восточныхъ провинцій уже сами освободили себя отъ барщинныхъ работъ, но собраніе не сочло возможнымъ безвозмездно даровать всему крестьянскому населенію свободу отъ средневѣковыхъ повинностей;

*) Даже „Vossische Zeitung“ называетъ въ своихъ отчетахъ палату „учредительнымъ національнымъ собраніемъ“. Такимъ словеснымъ самообманомъ либералы старались отдѣлаться отъ тѣхъ сомнѣній, которыя возбуждались въ нихъ принципомъ соглашенія, признаннымъ самимъ собраніемъ.

свобода была обусловлена тяжелыми обязательствами. Условія выкупа предполагалось, правда, облегчить. Но эти работы собранія не были завершены.

Для характеристики оппозиціоннаго либерализма 1848 года чрезвычайно интересенъ одинъ, самъ по себѣ незначительный эпизодъ, разыгравшійся въ новомъ Потсдамскомъ дворцѣ. На 30 іюля король пригласилъ туда всѣхъ членовъ собранія, и почти всѣ приняли это приглашеніе, не исключая и тѣхъ, которые въ собраніи выступали противъ двора и монархіи во всеоружіи трескучей демократической фразеологіи. Быть приглашенными ко двору чрезвычайно льстило самолюбію этихъ парламентскихъ выскочекъ, такъ высоко ставившихъ свое значеніе. Со станціи Вильдпаркъ они отправились на лошадяхъ черезъ королевскій паркъ и при этомъ были до такой степени покрыты пылью, что, поднявшись на ступени новаго дворца, имѣли весьма жалкій видъ, менѣе всего приличествующій посѣтителямъ двора. „Демократы были напудрены, какъ придворные временъ Людовика XIV“ *). Такъ какъ придворные лакеи нимало не заботились о напудренныхъ представителяхъ народа, послѣдніе сами должны были почистить другъ другу сюртуки,—лакеи лишь насмѣшливо наблюдали эту картину. Наконецъ депутаты были приглашены къ королю, который и бесѣдовалъ съ ними около часа времени. „Послѣ трехъ-четырехъ часовъ пыли, жары и жажды“ имъ подали прохладительное питье, а затѣмъ надо было спѣшить опять на вокзалъ. „Какимъ бы незначительнымъ ни казался этотъ фактъ на первый взглядъ,—писалъ впослѣдствіи Унру,—для проницательнаго наблюдателя онъ знаменовалъ собой очень многое“. Это несомнѣнно; жаль только, что среди членовъ собранія было слишкомъ мало проницательныхъ наблюдателей. Они должны были бы понять, что пріемъ во дворцѣ, о которомъ они такъ много кричали, свидѣтельствовалъ о презрѣніи къ нимъ.

Когда обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, министръ юстиціи Меркеръ выступилъ съ длинной рѣчью противъ этого вида наказанія. Отмѣна была принята значительнымъ большинствомъ. Если это обстоятельство дало камарильѣ поводъ выступить съ новыми интригами противъ ненавистнаго ей „либеральнаго“ министра, то, съ другой стороны, оно не могло предотвратить неизбѣжнаго конфликта между министерствомъ и собраніемъ. Конфликтъ разразился, когда собраніе приступило къ обсужденію военныхъ дѣлъ. Отношенія обострились уже послѣ того, какъ собраніе ввело выборное начало при назначеніи офицеровъ ополченія до капитана включительно; это постановленіе шло вразрѣзъ со всѣми дворянско-прусскими традиціями, и многіе считали его осуществленіе равносильнымъ полнѣйшей гибели военной организаціи Пруссіи. Къ этому присоединилось еще предложеніе Штейна.

*) Такъ описываютъ инцидентъ Петръ Рейхешпергеръ и г. фонъ-Унру, принимавшіе въ немъ участіе.

Послѣднее возникло слѣдующимъ образомъ. Въ Швейдницѣ господствовали въ то время въ высшей степени натянутыя отношенія между войскомъ и гражданскимъ ополченіемъ. 31 іюля главноначальствующій генералъ запретилъ гражданскому ополченію употреблять барабаны. Вечеромъ того же дня кучка народа устроила генералу кошачій концертъ, осыпая его окна камнями. Войско разсѣяло толпу; одновременно съ нимъ явилось гражданское ополченіе, выполняя свои полицейскія обязанности. Одна рота солдатъ дала залпъ по гражданскимъ ополченцамъ, положившій на мѣстѣ 14 человѣкъ. По нѣкоторымъ источникамъ, раньше этого было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ въ войско. Гражданское ополченіе, повидимому, не отвѣтило на залпъ. Это событіе, вызвавшее повсемѣстно страшное возбужденіе, дало бреславльскому депутату Штейну поводъ выступить 9 августа въ палатѣ соглашенія съ требованіемъ, чтобы военный министръ въ особомъ циркулярѣ предписалъ офицерамъ держаться въ сторонѣ отъ реакціонныхъ стремленій; тѣмъ изъ офицеровъ, которые не согласны съ новыми конституціонными учрежденіями, надо, по мнѣнію оратора, дать понять, что долгъ ихъ чести выйти въ отставку. Обосновывая это предложеніе, Штейнъ замѣтилъ, что Пруссія можетъ быть названа конституціоннымъ государствомъ не ранѣе, чѣмъ всѣ представители власти, а къ числу ихъ относятся и офицеры, станутъ приверженцами конституціонныхъ принциповъ. Само по себѣ это было вѣрно, ошибочно со стороны Штейна было лишь приписывать своему предложенію и прусскому собранію силу, необходимую для проектированныхъ имъ перемѣнъ.

Собраніе приняло предложеніе Штейна, но министръ Шрекенштейнъ отнесся къ этому постановленію какъ къ пустой бумажонкѣ и вовсе не думалъ выполнять его на дѣлѣ. Только 4 сентября министерство сочло нужнымъ дать объясненіе по этому поводу и заявило, что оно попросту не желаетъ исполнять постановленія. Легко было понять, что министерство заняло эту рѣшительную позицію подъ прямымъ вліяніемъ высшихъ сферъ, тѣмъ не менѣе лѣвая приняла вызовъ. Штейнъ предложилъ заставить министерство выполнить постановленіе, и 7 сентября палата приняла это предложеніе. Гражданское ополченіе, насчитывавшее въ своихъ рядахъ до 25.000 человѣкъ, черезъ своего командира Римплера заявило президенту собранія Грабову, что оно разсматриваетъ постановленія собранія какъ выраженіе *воли прусскаго народа* и потому *всѣми средствами* будетъ содѣйствовать ихъ осуществленію.

Второе предложеніе Штейна было принято большинствомъ 219 голосовъ противъ 143.

Лѣвая была положительно опьянена радостью побѣды и чувствовала себя такъ, какъ будто бы въ рукахъ ея уже находилась власть. „Народъ и его представители единодушны; сохранимъ это единодушіе, *и мы можемъ презирать тѣ пушки, которыя разставлены передъ воротами Берлина*“, такъ говорилъ передъ на-

родными массами вечеромъ 7 сентября графъ Рейхенбахъ, крупный землевладѣлецъ Силезіи, принадлежавшій къ лѣвой.

Съ внѣшней стороны успѣхъ демократіи также крайне импонировалъ; за моральной силой собранія стояла матеріальная сила гражданскаго ополченія. И все же обѣ эти силы были недостаточны, чтобы удержать за собою позицію. Если въ 1848 году кто-либо обнаружилъ свою „незрѣлость", то въ первую голову отнюдь не народныя массы, а либеральная буржуазія.

Конфликтъ поразилъ прежде всего „министерство дѣла"; господа Ауэрсвальдъ, Ганземанъ и компанія вышли въ отставку 11 сентября.

Во дворцѣ камарилья ликовала; она имѣла, наконецъ, передъ собой желанное столкновеніе, которымъ можно было воспользоваться совершенно такъ же, какъ и революціоннымъ бунтомъ. Народное ополченіе, повидимому, мало импонировало Герлаху съ товарищами. Они хотѣли поставить во главѣ новаго министерства энергичнаго генерала, который рѣшился бы въ случаѣ надобности съ оружіемъ въ рукахъ разогнать собраніе. Однако король придерживался на этотъ счетъ особаго мнѣнія. Сначала онъ сдѣлалъ попытку поручить составленіе новаго министерства Беккерату, поспѣшно прискакавшему въ это время изъ Франкфурта въ Берлинъ, но вскорѣ оказалось, что отъ этого либеральнаго фабриканта не многаго добьешься, и пришлось дѣйствительно образовать министерство съ генераломъ во главѣ. Но это еще не былъ генералъ, способный къ государственному перевороту,—пока это былъ только старикъ Пфуль. Онъ былъ и президентомъ и военнымъ министромъ, Эйхманъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бонинъ—финансовъ, графъ Денгофъ взялъ на себя иностранныя дѣла, Кискеръ—юстицію. Пфуль заявилъ въ собраніи, что онъ будетъ строго придерживаться конституціонной программы и всѣми силами противиться реакціоннымъ стремленіямъ какъ въ гражданскомъ управленіи, такъ и въ войскѣ; но въ то же время онъ намѣренъ твердо подавлять всякія вспышки анархіи и беззаконности. Онъ думалъ направлять тотъ потокъ, игрушкой котораго былъ.

Предложеніе Штейна было выполнено Пфулемъ и такимъ образомъ конфликтъ временно устраненъ. Унру составилъ проектъ циркуляра офицерамъ, и Пфуль принялъ его; само собой разумѣется, господинъ фонъ-Унру такъ написалъ проектъ, что Пфуль могъ его принять. Циркуляръ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ совершенно безрезультатнымъ.

Министерство Пфуля старалось держаться очень корректно по отношенію къ демократамъ, такъ что Герлахъ вначалѣ казался совершенно убитымъ. До какой степени эта политика министерства была маской, не представляетъ интереса разслѣдовать, такъ какъ именно въ это время выступилъ на сцену новый могущественный факторъ, не дававшій себѣ труда скрываться. „Пушки передъ воротами", о которыхъ говорилъ графъ Рейхенбахъ, заняли, наконецъ, дѣйствительно угрожающую позицію. Вернувшійся изъ Шлезвигъ-Голштиніи генералъ

Врангель былъ назначенъ главнокомандующимъ Бранденбурга. Мѣра эта имѣла явно военный характеръ и не оставляла уже никакого сомнѣнія, что войска подготовляются къ борьбѣ противъ внутренняго врага. Къ Берлину было стянуто около 50.000 солдатъ и значительное число пушекъ. Однако „усмиреніе“ не было возможности осуществить съ такой быстротой, какъ это было бы желательно камарильѣ. 17 сентября Врангель издалъ угрожающій приказъ по арміи и вступилъ въ Берлинъ, гдѣ гражданское ополченіе приняло своего будущаго усмирителя съ такой пышностью, что онъ, по его словамъ, чувствовалъ себя почти тріумфаторомъ. Въ Берлинѣ Врангель сказалъ рѣчь, въ которой заявилъ между прочимъ, что на него возложена обязанность употребить военную силу въ случаѣ нарушенія порядка или дѣйствующихъ законовъ, однако лишь тогда, когда силы гражданскаго ополченія окажутся недостаточными. Его задача—защищать свободу противъ анархіи. Берлинскіе обыватели встрѣтили эти слова громомъ одобреній, и генералъ сказалъ: „Войска надежны, сабли остро отточены, пули наготовѣ“. Послѣ новаго взрыва одобреній онъ продолжалъ: „Въ какомъ печальномъ состояніи вижу я вновь Берлинъ! Улицы поросли травою, дома обезлюдѣли, лавки полны товаровъ, но нѣтъ покупателей. Трудолюбивые граждане не находятъ работы, не имѣютъ заработка; ремесленникъ впадаетъ въ нищету. Этому надо положить конецъ; анархія должна прекратиться, я обѣщаю вамъ это; Врангель никогда еще не давалъ своего слова попусту“.

Опять дикій ревъ ликованія со стороны недальновидныхъ филистеровъ! Однако въ собраніи тотчасъ же многіе почувствовали серьезное безпокойство, выслушивая угрозы этого прямолинейнаго солдата. Кирхманъ запросилъ министерство, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать заявленіе Врангеля. Пфуль отвѣтилъ, что нельзя ставить всякое лыко въ строку и что, кромѣ того, Врангель всегда находится въ его, военнаго министра, распоряженіи.

Черезъ два дня Врангель отдалъ своимъ войскамъ приказъ приготовиться къ выступленію. Однако они пока еще не выступили. Въ руководящихъ сферахъ полагали, что благопріятное время для этого еще не настало.

Для всякаго проницательнаго человѣка уже тогда было ясно, что рука, которой предстояло нанести великій ударъ, уже занесена. Реакціонеры видѣли, что гражданское ополченіе, встрѣтившее Врангеля тріумфомъ и покрывшее его знаменитую рѣчь криками ликованія, не можетъ представлять для нихъ никакой опасности. А вѣдь поведеніе гражданской милиціи отражало собой настроеніе большинства.

Собраніе перешло къ обсужденію проекта конституціи. Оно было осуждено злымъ рокомъ непрерывно наполнять бездонную бочку Данаидъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Ремесленники и рабочіе.

Все то, что волновало рабочій міръ, что воспламеняло его къ энергичной борьбѣ, встрѣчало себѣ рѣшительное сопротивленіе со стороны цеховыхъ ремесленниковъ. Въ 1848 году изъ всѣхъ классовъ нѣмецкаго общества старозавѣтные ремесленники и цеховые мастера менѣе всего понимали смыслъ современнаго имъ движенія. Въ домартовскіе дни они, правда, часто возмущались дѣйствіями полиціи и бюрократіи, но когда пришла желанная свобода, они продолжали сохранять унаслѣдованную узость взглядовъ и не могли перешагнуть за границы интересовъ своего маленькаго прихода. Они пытались даже воспользоваться революціей, чтобы оживить старыя, давно уже отжившія свой вѣкъ учрежденія. Они демонстрировали противъ свободы промышленности, сущности которой не понимали, не будучи въ состояніи заглянуть дальше своего носа.

Въ апрѣлѣ 1848 года лейпцигскіе цеховые мастера обратились съ открытымъ письмомъ къ товарищамъ всей Германіи, въ которомъ убѣждали послѣднихъ твердо держаться за цеховое устройство, это незамѣнимое „сокровище". По ихъ мнѣнію, съ уничтоженіемъ цеховыхъ организацій и семья, и домашнее хозяйство, и община, и государство,—однимъ словомъ, все общество должно неизбѣжно погибнуть. Они выступили также противъ всеобщаго избирательнаго права изъ опасенія, что мастера будутъ побиты голосами своихъ подмастерьевъ, такъ что въ концѣ-концовъ подмастерья будутъ предписывать законы мастерамъ. Это комичное самомнѣніе мастеровъ соединялось съ тупой ненавистью противъ евреевъ. Мастера боялись, что эмансипація евреевъ создастъ опасную для нихъ конкуренцію, и были причастны ко всѣмъ еврейскимъ погромамъ „безумнаго года".

Ко всему, непосредственно касавшемуся собственно ихъ интересовъ, мастера были очень чутки, въ этомъ нельзя имъ отказать. Въ комиссію пятидесяти во Франкфуртѣ на Майнѣ въ апрѣлѣ поступило ходатайство бременскихъ столяровъ, въ которомъ они просили комиссію внести въ парламентъ предложеніе, чтобы онъ не рѣшалъ ни одного касающагося ремесла вопроса, „не запросивъ предвари-

тельно совѣта самихъ ремесленниковъ". Это было бы, конечно, очень разумно, если бы сами мастера доразвились до разумныхъ воззрѣній.

Толчокъ, данный въ Бременѣ, привелъ въ движеніе всѣхъ ремесленниковъ, и въ результатѣ 2 іюня 1848 г. въ Гамбургѣ состоялось „собраніе делегатовъ сѣверо-германскаго ремесленнаго и промышленнаго сословія". Общій духъ этого конгресса былъ настолько реакціоннымъ, что даже мартовская революція въ Берлинѣ изображалась такъ, какъ слѣдствіе свободы промышленности. По предложенію делегата Селенки изъ Брауншвейга было постановлено между прочимъ созвать на 14 іюля во Франкфуртѣ на Майнѣ конгрессъ всѣхъ нѣмецкихъ ремесленниковъ. Комиссія, избранная для подготовленія конгресса, обратилась къ франкфуртскому парламенту съ адресомъ слѣдующаго содержанія:

„1) Мы высказываемся съ величайшей рѣшительностью противъ свободы промышленности и требуемъ, чтобы эта свобода, поскольку она существуетъ въ Германіи, была отмѣнена особымъ параграфомъ имперскихъ законовъ. 2) Мы объявляемъ себя достойными и способными самостоятельно управлять своими дѣлами, а потому намъ же должно быть предоставлено рѣшеніе соціальнаго вопроса. 3) Мы доводимъ до свѣдѣнія высокаго парламента, что на основаніи общаго закона о собраніяхъ мы созываемъ на 15 іюля сего года собраніе представителей ремесленнаго и промышленнаго сословія всего отечества съ тѣмъ, чтобы выработать проектъ всеобщаго ремесленнаго и промышленнаго устава и затѣмъ представить его на усмотрѣніе высокаго парламента".

Во Франкфуртѣ на Майнѣ собралось 166 делегатовъ, пожелавшихъ „разрѣшить соціальный вопросъ". Среди нихъ находились десять подмастерьевъ, но господа мастера сочли несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ засѣдать вмѣстѣ съ подмастерьями и не допустили послѣднихъ въ засѣданіе конгресса. Делегаты-подмастерья были приглашены отправиться домой и тамъ ожидать окончанія дѣла: мастера сами сумѣютъ позаботиться объ интересахъ подмастерьевъ. Однако подмастерья не были такъ глупы, чтобы подчиниться притязаніямъ цеховыхъ мастеровъ: они тотчасъ же рѣшили созвать во Франкфуртѣ особый конгрессъ подмастерьевъ. Это было, конечно, очень непріятно мастерамъ, разсчитывавшимъ безъ всякой помѣхи забрать въ свои руки „рѣшеніе соціальнаго вопроса". Поэтому мастера предложили подмастерьямъ принять участіе въ конгрессѣ, но не съ рѣшающимъ, а лишь съ совѣщательнымъ голосомъ; предполагалось, кромѣ того, образовать изъ мастеровъ особую комиссію для изслѣдованія нуждъ подмастерьевъ, при чемъ въ эту комиссію должны были войти и подмастерья съ правомъ голоса. Въ обмѣнъ на эти уступки подмастерья должны были отказаться отъ собственнаго конгресса. Но подмастерья отклонили это предложеніе, и такимъ образомъ на ряду съ конгрессомъ мастеровъ засѣдалъ конгрессъ подмастерьевъ.

Мастера корчили изъ себя важныхъ особъ и присвоивали себѣ право полновластно разрѣшить вопросы, составлявшіе программу кон-

гресса. Комитетъ конгресса засѣдалъ совмѣстно съ народно-хозяйственной комиссіей парламента, но это не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ цеховые мастера упорно настаивали на отмѣнѣ свободы промышленности, на что, разумѣется, не могла согласиться народно-хозяйственная комиссія. На постановленія конгресса оказалъ большое вліяніе одинъ литераторъ, по имени Винкельблехъ (псевдонимъ Карлъ Марло), рѣшительный противникъ новѣйшаго капитализма. Взгляды его представляли смѣсь, составленную изъ кусочковъ соціалистическаго и цехового міровоззрѣнія. Онъ былъ противникомъ свободы промышленности, не понимая, что только она и можетъ разрушить оковы стараго карликоваго производства и подготовить почву для крупной промышленности, соотвѣтствующей потребностямъ современнаго общества. Онъ проповѣдывалъ учрежденіе „соціальной камеры", которая была бы составлена изъ представителей всѣхъ профессій и выработала бы соціальное законодательство, обезпечивающее каждому члену общества заработокъ, сообразный съ его рабочей силой. Винкельблехъ хотѣлъ спасти міръ отъ „коммунизма" при помощи своей соціальной теоріи, въ которой значительную роль играли религіозно-національные элементы; онъ проектировалъ новое соціальное устройство, построенное на союзѣ цеховыхъ организацій, съ обще-германской промышленной палатой во главѣ, законодательно регулирующей всю промышленность и засѣдающей одновременно съ имперскимъ парламентомъ. Такимъ образомъ разсчитывалъ онъ спасти ремесло. Вылазки противъ капитала сдѣлали Винкельблеха мишенью рѣзкихъ нападокъ, и либеральная пресса не иначе называла его, какъ агентомъ Англіи.

Постановленія конгресса ремесленниковъ были враждебны въ одно и то же время и крупному капитализму и пролетаріату; они носили ясную печать вліянія Винкельблеха. Выставлено было требованіе сдѣлать цеховую организацію обязательной, запретить разносчикамъ торговать предметами ремесленнаго производства, не допускать государственныхъ или коммунальныхъ мастерскихъ. Фабрики предлагалось обложить особымъ налогомъ и предоставить ремесленному сословію исключительное право торговли своими произведеніями. Особенно подчеркивалась желательность высокихъ таможенныхъ тарифовъ, вывозныхъ премій для нѣмецкихъ товаровъ и покровительствующихъ отечественному производству торговыхъ договоровъ; равнымъ образомъ настойчиво указывалось на необходимость организовать представительство цеховъ въ спеціальныхъ палатахъ и проектированную Винкельблехомъ всеобщую германскую ремесленную палату. Наконецъ въ спискахъ пожеланій господъ цеховыхъ мастеровъ находились безплатныя и улучшенныя народныя школы, профессіональныя ремесленныя училища, кассы для вспомоществованія, банки мелкаго кредита и „цѣлесообразное законодательное регулированіе кредита".

Народно-хозяйственная комиссія парламента отвергла эти требованія, какъ реакціонныя, и была несомнѣнно вполнѣ права. Въ самомъ

дѣлѣ, неужели же можно было питать смѣшную иллюзію снова заковать производство въ средневѣковыя цѣпи цехового устройства! Мѣщанство ремесленнаго конгресса представляло собой мелко-буржуазный элементъ, враждебный всякому рѣшительному прогрессу, всякому истинно освободительному движенію.

Ограниченные фанатики цеховъ захлопывали дверь передъ носомъ рабочихъ съ тѣмъ трепетомъ и съ тою жестокостью, которые всегда пробуждаются въ этихъ прекрасныхъ душахъ, когда имъ кажется, что ихъ собственность или ихъ „сословные интересы“ находятся въ опасности.

Рейнско-вестфальскій ремесленный союзъ и „союзъ для защиты отечественнаго труда“ дѣйствовали совершенно въ томъ же направленіи, какъ и франкфуртскій конгрессъ ремесленниковъ; они требовали главнымъ образомъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ.

Мелкое ремесло, которымъ въ то время существовали гораздо болѣе значительныя массы, чѣмъ теперь, создавало атмосферу, препятствовавшую рабочимъ ясно понять свое соціальное положеніе. Впрочемъ, всѣ стремленія цеховыхъ мастеровъ остались безрезультатными. Если бы даже ихъ предложенія и были приняты, это мало измѣнило бы положеніе дѣлъ. Соціально-экономическаго развитія нельзя устранить декретами, и мощная конкуренція крупнаго капитала быстро разрушила бы тѣ искусственныя и слабыя загородки, которыя мечталъ воздвигнуть Винкельблехъ съ товарищами.

Лишь тамъ, гдѣ фабричное производство уже создало обширные кадры пролетаріата, рабочій классъ пытался организоваться и эмансипироваться. Однако онъ не имѣлъ еще за собой никакого опыта и естественно обнаруживалъ зачастую самую печальную незрѣлость.

Произошло значительное число отдѣльныхъ вспышекъ и возстаній, много было крика и шума, но почти всѣ выставленныя рабочими требованія были пригодны лишь къ тому, чтобы удовлетворить наиболѣе настоятельныя потребности минуты. Если исключить рейнское движеніе, которымъ руководила тогда группа приверженцевъ Маркса, мы нигдѣ не найдемъ сколько-нибудь продуманной теоріи относительно задачъ, стоящихъ передъ современнымъ обществомъ и государствомъ.

„Новая Рейнская Газета“ посвящала не мало силъ распространенію соціально-экономическихъ знаній и освѣщенію великаго процесса современнаго общественнаго развитія. Незадолго до гибели этой газеты въ борьбѣ съ реакціей Марксъ попытался дать тамъ популярный трактатъ объ отношеніи заработной платы къ капиталу. Однако эти попытки прошли незамѣченными въ окружающемъ злободневномъ шумѣ, и рабочіе попрежнему позволяли одурачивать себя разными звучными словечками въ родѣ „право на трудъ“, „организаціи труда“, „министерства труда“ и т. п. Цеховые мастера старались вогнать современный рабочій классъ въ старыя средневѣковыя рамки, а утописты, съ своей стороны, полагали, что ихъ часъ насталъ. Вейтлингъ, повидимому, вѣрилъ, что революція открыла передъ человѣчествомъ двери рая. Въ іюлѣ 1848 года онъ появился въ Берлинѣ и сталъ издавать

тамъ еженедѣльный листокъ „Избиратель“, который, впрочемъ, скоро прекратился за недостаткомъ подписчиковъ. Въ октябрѣ онъ принялъ участіе въ берлинскомъ демократическомъ конгрессѣ, но не имѣлъ тамъ успѣха. Высланный изъ Берлина, Вейтлингъ направился въ Гамбургъ и Альтону, гдѣ положилъ начало секціямъ основаннаго имъ въ Сѣверной Америкѣ „союза освобожденія“. Полиція выгнала его и оттуда, и онъ снова направился въ Сѣверную Америку *).

Рейнскіе марксисты совсѣмъ иначе смотрѣли на современное имъ движеніе; они видѣли въ немъ борьбу новѣйшаго буржуазнаго общества противъ феодализма и бюрократизма. Они участвовали въ этой борьбѣ, быть можетъ, болѣе энергично, чѣмъ сами буржуа, такъ какъ понимали, что дорога къ „соціальной гармоніи“ ведетъ черезъ буржуазное общество. Поэтому члены союза, отбросивъ всякіе заговорщицкіе пріемы, вездѣ принимали участіе въ демократической борьбѣ: въ Берлинѣ, въ Бреславлѣ, въ Нассау, въ Гессенѣ и т. д. Противорѣчія между ними и буржуазной демократіей нерѣдко проявлялись очень ярко, тѣмъ не менѣе они дѣлали все для того, чтобы побудить пролетаріатъ къ участію въ великой борьбѣ.

Захваченные общимъ движеніемъ, рабочіе тамъ, гдѣ они сосредоточивались въ значительномъ числѣ, пытались организоваться для защиты своихъ интересовъ. Благомыслящіе буржуа, не признававшіе за ними этого права, высмѣивали ихъ „притязанія“. Въ Лейпцигѣ это вызвало одинъ совершенно неожиданный инцидентъ. Тамъ объединились почти всѣ профессіи: каменщики, плотники, сапожники, портные, типографщики, рабочіе табачныхъ фабрикъ и др.; члены союза часто устраивали собранія для обсужденія своихъ дѣлъ. Какъ вдругъ въ „Leipziger Tageblatt“ появилось объявленіе, назначавшее на Вербное воскресенье собраніе служанокъ. Буржуа разсчитывали такимъ образомъ высмѣять стремленія рабочихъ, но дѣло получило неожиданный для нихъ оборотъ. На приглашеніе откликнулись 300 служанокъ и три изъ нихъ произнесли рѣчи. Онѣ обрисовали крайне тяжелое положеніе слугъ, особенно нянекъ. Послѣднія должны до 10 часовъ вечера ходить за дѣтьми, а потомъ имъ приходится еще стирать бѣлье; между

*) Не безынтересно будетъ привести здѣсь нѣкоторыя данныя, показывающія, какъ относились другъ къ другу Карлъ Марксъ, представитель научнаго, и Вейтлингъ, представитель утопическаго соціализма. Карлъ Марксъ писалъ въ 1844 г.: „Найдется ли у нѣмецкой буржуазіи—причисляя къ ней всѣхъ ея философовъ и писателей — трудъ, подобный вейтлинговскимъ „Гарантіямъ гармоніи и свободы“, т.-е. трудъ, въ которомъ съ такою же силой говорилось бы объ эмансипаціи буржуазіи? Сравните мелочно-трезвую посредственность нѣмецкой политической литературы съ этимъ грандіознымъ и блестящимъ дебютомъ нѣмецкаго рабочаго; сравните гигантскіе шаги новорожденнаго пролетаріата съ жалкими политическими шагами карлика-буржуазіи, и вы не удержитесь отъ пророчества, что этотъ замарашка-ребенокъ со временемъ превратится въ могучаго атлета“. Вейтлингъ менѣе безпристрастно отзывался о Марксѣ. „Голова Маркса мнѣ представляется лишь хорошей энциклопедіей, но я не нахожу въ ней генія“.— Вейтлингъ вообще отличался крайнимъ самомнѣніемъ. Въ 1869 году онъ писалъ Шиллингу: „Мнѣ необходимъ издатель для моей астрономіи, наиболѣе цѣнной книги изъ всѣхъ, которыя когда-либо появлялись и когда-либо появятся въ мірѣ“.

пятью часами утра и обѣдомъ многія изъ нихъ вынуждены довольствоваться однимъ маленькимъ бутербродомъ и т. п. Никакого постановленія собраніе не приняло; однако „шутка“ не удалась: лейпцигскіе буржуа не нашли ничего остроумнаго въ томъ, что ихъ публично обрисовали въ такомъ свѣтѣ.

Типографщики первые попытались устроить широкую профессіональную организацію. Между 11 и 14 іюня они собрали конгрессъ въ Майнцѣ и тамъ основали національный союзъ типографщиковъ имени Гутенберга. Надежды свои они возлагали прежде всего на франкфуртскій парламентъ и обратились къ нему съ ходатайствомъ учредить выборное министерство труда, наполовину изъ представителей работодателей, наполовину изъ рабочихъ; далѣе они просили ограниченія машинной работы, „поскольку послѣдняя, обогащая отдѣльныхъ лицъ, не приноситъ пользы всему обществу и не можетъ даже предотвратить заграничной конкуренціи“; наконецъ ходатайство требовало надзора за ученичествомъ, учрежденія съ помощью государства инвалидныхъ, похоронныхъ, вдовьихъ кассъ, кассъ для помощи больнымъ, отмѣны исключительныхъ законовъ, ограничивавшихъ для рабочихъ свободу передвиженія и осѣдлости, и воспрещенія полиціи произвольно высылать „агитаторовъ“ среди рабочихъ.

Эти требованія, вообще говоря, вполнѣ соотвѣтствовали окружающимъ условіямъ. Что касается спеціально ограниченія машиннаго производства, то въ этомъ требованіи типографщики выразили лишь то, что особенно угнетало ихъ въ данный моментъ; несомнѣнно однако, что подобныя требованія обнаруживаютъ все же недостаточное пониманіе сущности капиталистическаго хозяйства и неразрывно связаннаго съ нимъ промышленнаго развитія. Здѣсь сказывается вліяніе цеховыхъ взглядовъ. Въ Любекѣ послѣднее было еще сильнѣе. Когда тамошняя буржуазія высказалась за всеобщее избирательное право, цеховые мастера постарались убѣдить рабочихъ, что всеобщая подача голосовъ равносильна свободѣ промышленности и приведетъ ихъ къ гибели. Одураченные рабочіе требовали сословныхъ выборовъ и даже подвергли осадѣ собраніе буржуа, оказали сопротивленіе гражданскому ополченію и вызвали въ концѣ-концовъ занятіе города ольденбургскими войсками.

Упомянутый уже нами конгрессъ подмастерьевъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ рядомъ съ конгрессомъ мастеровъ, былъ довольно многочисленнымъ. Договориться съ комиссіей о подмастерьяхъ, назначенной мастерами, рабочимъ не было никакой возможности, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ мастера, повидимому, дѣйствительно желали принять во вниманіе желанія подмастерьевъ. Въ общемъ же комиссія отличалась обычнымъ для мастеровъ непримиримымъ своекорыстіемъ и самомнѣніемъ *).

*) Когда подмастерья внесли въ комиссію предложеніе, чтобы на будущее время мастера не имѣли права держать болѣе двухъ учениковъ, это возбудило величайшее „негодованіе“. Добрые мастера, конечно, отнюдь не хотѣли ограниченія своего права эксплоатировать учениковъ.

Члены конгресса подмастерьевъ были очень несвѣдущіе люди; въ значительной мѣрѣ они подражали тому, что дѣлали мастера, и поддались вліянію Винкельблеха.

Они также хотѣли разработать „промысловый уставъ". Но такъ какъ конгрессъ мастеровъ успѣлъ раньше ихъ представить свой проектъ въ народно-хозяйственную комиссію парламента, то конгрессъ подмастерьевъ ограничился выработкой памятной записки къ проекту мастеровъ.

Замѣчательно, что въ существенныхъ пунктахъ конгрессъ подмастерьевъ согласился съ мастерами, — доказательство, насколько мало понимали рабочіе того времени свое соціальное положеніе и вытекающіе изъ него интересы. Не менѣе рѣшительно, чѣмъ мастера, протестовали они противъ свободы промышленности. Винкельблехъ старался убѣдить подмастерьевъ, что всѣ ихъ интересы вполнѣ тождественны съ интересами мастеровъ; однако это не вполнѣ ему удалось. Рабочіе выступали противъ рабочихъ книжекъ и обложенія фабрикъ спеціальнымъ налогомъ, но зато они вполнѣ присоединились къ требованію обязательной цеховой организаціи, охранительныхъ пошлинъ и ограниченія браковъ. „Человѣкъ, основывающій новую семью, долженъ доказать, что онъ можетъ прокормить ее", наивно заявили подмастерья, упустивъ изъ виду, что подобнаго рода доказательства создали бы только совершенно невозможную волокиту въ чисто средневѣковомъ духѣ. Они требовали, кромѣ того, „права на трудъ", съ чѣмъ были согласны и мастера, и десятичасового рабочаго дня.

Гораздо больше значенія, чѣмъ эти проекты, имѣла попытка создать организацію. Позабавившись разговорами объ „общегерманской рабочей кокардѣ", ремесленники назначили центральное правленіе. Оно состояло изъ типографщика Франца, столяра Мюллера и столяра Линке. Было издано воззваніе, приглашавшее рабочихъ образовать всеобщій рабочій союзъ, который ограничилъ бы свою дѣятельность разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса, касаясь политики лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она непосредственно соприкасается съ „интересами сословія". Этимъ, очевидно, хотѣли удержать союзъ въ сторонѣ отъ партійныхъ раздоровъ. Въ основу организаціи предполагалось поставить мѣстные союзы, соединяющіеся въ окружные, изъ которыхъ, наконецъ, составляется всеобщій союзъ. 26 городовъ были избраны какъ мѣстопребываніе окружныхъ союзовъ, Франкфуртъ на Майнѣ предполагалось сдѣлать мѣстомъ засѣданій центральнаго правленія. Взносы были опредѣлены въ 1 крейцеръ и членомъ могъ быть всякій, „ставящій своею задачей поднятіе рабочаго класса и возстановленіе средняго сословія". Второе воззваніе приглашало союзъ установить общее для всѣхъ его подраздѣленій знамя *).

*) Воззваніе это гласило: „Соединимся подъ знаменемъ надежды. Зелено его поле и украшено золотыми символами; дубовый вѣнокъ обозначаетъ, что федерація выросла на нѣмецкой почвѣ; восходящее солнце—что она свѣтъ будущаго; сомкнутыя руки—что только нашъ братскій союзъ даетъ ему силу и бытіе, а буквы *A. D. F.-U.* — что мы уже образовали Всеобщій Германскій Союзъ Федералистовъ". (Allgemeiner Deutscher Föderalisten-Verein).

Въ парламентъ рабочій конгрессъ послалъ свою програму, въ которой требовалось учрежденіе „соціальной палаты“ и возстановленіе цехового устройства. Конгрессъ закрылся 20 сентября, назначивъ комиссію для выработки „соціальной конституціи“ и „всеобщаго германскаго промышленнаго устава“. Стоитъ отмѣтить, что въ эту комиссію попалъ между прочимъ Винкельблехъ. Комиссія создала общій органъ союза „Всеобщую нѣмецкую рабочую газету“, издававшуюся во Франкфуртѣ, но не имѣвшую особеннаго успѣха.

Ремесленные подмастерья были вполнѣ проникнуты мелко-буржуазными взглядами и шли на помочахъ у мастеровъ. Подобно мастерамъ, они хотѣли рѣшить соціальный вопросъ, освободить Германію отъ „пролетаріата“, не сознавая, что сами они были пролетаріями. Настроеніе мастеровъ слегка заражало ихъ, такъ какъ многіе изъ нихъ могли надѣяться со временемъ стать мастерами.

Почти вездѣ рабочій классъ употребляли какъ таранъ въ борьбѣ противъ свободы промышленности, и въ то же время, особенно послѣ іюньской битвы въ Парижѣ, его на ряду съ другими классами удалось привести въ трепетъ передъ краснымъ призракомъ. Послѣднее доказывается, напримѣръ, адресомъ мюнхенскаго рабочаго союза самообразованія, поданнымъ тамошнему магистрату.

Въ Берлинѣ 18 іюня, слѣдовательно, тотчасъ же послѣ штурма арсенала, также собрался конгрессъ ремесленниковъ, не приведшій ни къ какому опредѣленному результату. Семь делегатовъ его созвали въ Берлинъ на 23 августа 1848 года рабочій конгрессъ. Къ участію въ послѣднемъ были приглашены всѣ рабочіе, ремесленные и образовательные союзы Германіи, а равнымъ образомъ нѣмецкіе союзы въ Швейцаріи, Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ. Въ приглашеніи указывалось, что до сихъ поръ всѣ конгрессы разсматривали рабочій вопросъ слишкомъ поверхностно. Необходимо поэтому, чтобы „возможно лучше организованное“ собраніе представителей рабочихъ классовъ взяло дѣло послѣднихъ въ *свои* руки и достигло соглашенія по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ, „*касающимся освобожденія рабочихъ отъ цѣпей капитала, личной зависимости и матеріальной нужды*“. Проектированный рабочій парламентъ долженъ былъ создать соціальную „*народную хартію*“, „которую милліоны подавленныхъ и эксплоатируемыхъ ничтожной кучкой должны постараться сдѣлать *закономъ страны*, объединившись въ тѣсный братскій союзъ и приложивши къ достиженію этого всѣ свои силы“.

Мы видимъ, что здѣсь выступаетъ на сцену гораздо болѣе рѣшительное теченіе, чѣмъ то, которое было представлено конгрессомъ подмастерьевъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Направленіе это называло себя *соціальной демократіей*; его вождями были Стефанъ Борнъ и Неесъ фонъ-Эзенбекъ. Борнъ пошелъ по дорожкѣ, протоптанной Луи Blаномъ. Въ „народной хартіи“ онъ предполагалъ помѣстить слѣдующіе пункты: „гарантія труда“ и государственная поддержка самостоятельныхъ промышленныхъ ассоціацій рабочихъ; государственное призрѣніе

всѣхъ неспособныхъ къ труду; ограниченіе рабочаго времени; высокій прогрессивный подоходный налогъ; даровое обученіе и даровые суды; учрежденіе свободно избираемаго министерства труда.

Конгрессъ состоялъ изъ 40 делегатовъ, явившихся изъ всѣхъ крупныхъ городовъ Германіи; отъ франкфуртскаго конгресса подмастерьевъ также былъ посланъ одинъ представитель. Предсѣдательствовалъ Христіанъ-Готфридъ Неесъ фонъ-Эзенбекъ, состоявшій, какъ было уже упомянуто, членомъ прусской палаты соглашенія; сюда онъ явился въ качествѣ представителя бреславльскаго рабочаго союза. Этотъ знаменитый ботаникъ и естествоиспытатель всегда особенно близко принималъ къ сердцу дѣло рабочихъ. Тотчасъ же послѣ мартовскаго возстанія онъ опубликовалъ статью, въ которой рекомендовалъ учрежденіе министерства труда и организованныя государствомъ производительныя товарищества. Онъ былъ филантропомъ въ самомъ благородномъ значеніи этого слова и соціалистомъ нѣсколько утопическаго оттѣнка*). Вице-президентомъ былъ назначенъ Борнъ, стяжавшій себѣ громкую извѣстность въ качествѣ руководителя центральнаго комитета рабочихъ въ Берлинѣ.

Рабочій конгрессъ создалъ прежде всего организацію нѣмецкихъ рабочихъ, при помощи которой онъ надѣялся устранить ихъ разрозненность и сплотить въ крупную силу. Въ 26 городахъ предполагалось образовать мѣстные комитеты, поручивъ имъ основывать филіальныя отдѣленія; вести текущія дѣла, созывать собранія и т. п.; надъ мѣстными комитетами по проекту должны были стоять окружные, а управленіе цѣлымъ сосредоточиваться въ центральномъ комитетѣ, засѣдающемъ въ Лейпцигѣ.

До сихъ поръ постановленія довольно практичны, но въ дальнѣйшемъ конгрессъ погружается въ непроглядный туманъ чистѣйшей утопіи. Мѣстные комитеты онъ хотѣлъ устроить такимъ образомъ, чтобы при помощи ихъ рабочіе даннаго города соединялись не только въ профессіональные союзы, но и въ одну общую „свободную ассоціацію“; мѣстные комитеты должны были также организовать бюро труда, прибѣгая въ случаѣ необходимости къ помощи государства или коммуны. Имъ же предоставлялось устанавливать минимумъ заработной платы, получать заработокъ отъ предпринимателя и выдавать его рабочимъ. Но вершинъ утопизма достигъ конгрессъ съ своимъ „кредитнымъ банкомъ“ или кассой ассоціацій, напоминающей соотвѣтственный проектъ чартистовъ и, вѣроятно, заимствованной у нихъ. Средства кассы должны были составляться путемъ вычетовъ изъ заработной платы примкнувшихъ къ ассоціаціямъ рабочихъ, при чемъ мѣстнымъ

*) Неесъ фонъ-Эзенбеку въ то время было уже 72 года. Онъ пережилъ время великой французской революціи и впиталъ въ себя ея идеи братства и равенства. Его радикализмъ былъ настолько ярокъ, что даже извѣстность первокласснаго ученаго не спасла его отъ преслѣдованій. Человѣкъ, котораго въ 1817 г. вѣнская академія естествоиспытателей избрала своимъ президентомъ, былъ въ 1849 изгнанъ изъ Берлина, въ 1851 устраненъ отъ своей должности профессора естественныхъ наукъ въ Бреславлѣ и въ 1852 году формально лишенъ ея на основаніи судебнаго приговора. Онъ до конца остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и въ 1858 г. умеръ въ Бреславлѣ въ нищетѣ, на 82 году своей жизни.

комитетамъ предполагалось предоставить право опредѣлять размѣры этихъ вычетовъ, не свыше однако 10% всего заработка. Конгрессъ надѣялся, присоединяя проценты къ добытому такимъ образомъ капиталу, въ теченіе 10 лѣтъ накопить необходимый для веденія дѣла фондъ. По проекту функціи и организація кассы опредѣляются слѣдующимъ образомъ. Каждый членъ становится участникомъ въ прибыляхъ ассоціаціи соотвѣтственно размѣрамъ своего вклада. Члены могутъ получать изъ кассы безпроцентныя ссуды на четыре недѣли; когда нѣтъ ничего другого, обезпеченіемъ можетъ служить просто рабочая сила. Деньги ассоціацій вкладываются въ дома и земли, при чемъ послѣднія раздаются мелкими участками членамъ, уплачивающимъ слѣдующія съ нихъ суммы по частямъ изъ дохода съ участковъ. Все это было очень тщательно опредѣлено въ „регламентахъ", особенно правила о выдачѣ заработной платы и вычетахъ изъ нея, лежавшихъ на обязанности каждаго мѣстнаго комитета.

Сюда присоединили еще цѣлый рядъ другихъ требованій, какъ, напримѣръ, признаніе правъ рабочихъ комитетовъ государствомъ, доставленіе производительнымъ ассоціаціямъ машинъ на государственный счетъ, установленіе нормальнаго десятичасового рабочаго дня и т. п. Дурныя и хорошія, практичныя и утопичныя, трезвыя и фантастическія предложенія были смѣшаны здѣсь въ одну кучу.

И этотъ конгрессъ обратился къ франкфуртскому парламенту за осуществленіемъ своихъ требованій, въ числѣ которыхъ между прочимъ значилось созваніе на государственный счетъ свободно избраннаго „конгресса свѣдущихъ людей для представительства интересовъ всѣхъ нѣмецкихъ промысловъ". Франкфуртскому парламенту рекомендовалось включить требованія берлинскаго рабочаго конгресса въ основные законы, т.-е. въ имперскую конституцію. Ходатайство къ парламенту сопровождалось длинной запиской, въ которой конгрессъ излагалъ свои взгляды на государство и общество, на трудъ и капиталъ.

Франкфуртскій парламентъ въ общемъ отнесся отрицательно къ предложеніямъ рабочихъ. Онъ даровалъ, правда, рабочимъ избирательное право, начиная съ 25-лѣтняго возраста, въ остальномъ же у него были для нихъ лишь прекрасныя слова; это, впрочемъ, характерно для его дѣятельности и во многихъ другихъ случаяхъ. Слова, которыя онъ посвящалъ рабочимъ, были порой дѣйствительно очень хороши. Такъ, напримѣръ, извѣстный экономистъ, профессоръ Бруно Гильдебрандъ изъ Марбурга, сказалъ во франкфуртскомъ парламентѣ (17 февраля 1849 г.) слѣдующее: „Подобно тому какъ въ природѣ все великое выростаетъ снизу, изъ земли, точно такъ же въ исторіи человѣческой каждое крупное движеніе, каждый крупный прогрессъ цивилизаціи исходитъ отъ массы народной. Эти, обдаваемые презрѣніемъ, „низшіе" слои общества являются таинственной мастерской человѣческаго духа. Здѣсь рождаются геніи и великіе реформаторы, здѣсь создается всемірная исторія; всякая цивилизація, не воспринимающая новой пищи изъ этихъ слоевъ, сгниваетъ и отмираетъ".

18 февраля 1849 года франкфуртскій парламентъ обсуждалъ § 173 имперской конституціи; параграфъ этотъ гласилъ:

„Обложеніе (государственными и коммунальными налогами) должно быть организовано такъ, чтобы положить конецъ всякимъ привилегіямъ отдѣльныхъ сословій и отдѣльныхъ имѣній“.

Лѣвая, требуя упорядоченія помощи бѣднымъ, попыталась вмѣстѣ съ этимъ пунктомъ провести въ имперскую конституцію „и право на трудъ“. Симонъ изъ Трира, Науверкъ изъ Берлина и Россмеслеръ изъ Таранда внесли соотвѣтственныя предложенія. Кирульфъ изъ Роштока и Вуттке изъ Лейпцига требовали отклоненія всѣхъ этихъ предложеній и принятія параграфа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ выработанъ комиссіей. Послѣ длинныхъ и интересныхъ дебатовъ послѣдній былъ дѣйствительно принятъ большинствомъ 317 противъ 114 голосовъ. Храбрые парламентаріи отступили передъ „правомъ на трудъ“, за которымъ имъ мерещился ненавистный красный призракъ.

Наиболѣе важнымъ результатомъ берлинскаго рабочаго конгресса былъ тотъ фактъ, что онъ положилъ начало способной къ развитію рабочей организаціи. Комитетъ франкфуртскаго конгресса подмастерьевъ получилъ предложеніе послать своего делегата въ лейпцигскій центральный комитетъ,—однимъ словомъ, были употреблены всѣ усилія, чтобы соединить въ одно обѣ рабочія организаціи.

Центральный комитетъ состоялъ изъ Борна (Берлинъ), Швеннингера (Гаммъ) и Кика (Лейпцигъ). Борнъ прекратилъ свою берлинскую рабочую газету „Народъ“ и, переселившись въ Лейпцигъ, сталъ издавать органъ новой рабочей ассоціаціи „Братство“, первый нумеръ котораго вышелъ 3 октября 1848 года. Впослѣдствіи, когда Борнъ былъ вынужденъ бѣжать, эта газета редактировалась Швеннингеромъ.

Центральный комитетъ „Братства рабочихъ“, какъ стали называть новую организацію, былъ очень дѣятеленъ и не безъ успѣха пытался пріобрѣсти вліяніе среди рабочихъ массъ. Въ февралѣ 1849 года имѣли мѣсто тюрингенскій и гамбургскій рабочіе конгрессы, при чемъ на послѣднемъ предсѣдательствовалъ Швеннингеръ. На гамбургскомъ конгрессѣ, имѣвшемъ особенно крупное значеніе, было между прочимъ предложено устроить общественныя столовыя и организовать союзы въ деревнѣ. Въ апрѣлѣ 1849 года засѣдалъ баварскій рабочій конгрессъ въ Нюрнбергѣ подъ предсѣдательствомъ Борна. Конгрессъ требовалъ народныхъ библіотекъ, общедоступныхъ образовательныхъ курсовъ и всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ, достигшихъ 21 года; въ общемъ представители баварскихъ рабочихъ вполнѣ присоединились къ лейпцигскому комитету.

Въ іюнѣ 1849 года, согласно постановленію центральнаго комитета, въ Лейпцигѣ долженъ былъ собраться конгрессъ всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ. Движеніе мало-по-малу опредѣлялось и возможно, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ ему удалось бы въ концѣ-концовъ выработать вполнѣ ясную и отчетливую программу. О послѣднемъ особенно старалась рейнская группа. Кельнскій комитетъ, въ ко-

торомъ находились Карлъ Марксъ, Карлъ Шапперъ и Вильгельмъ Вольфъ, созвалъ на 6 мая 1849 года провинціальный конгрессъ, на которомъ предполагалось вновь организовать рабочіе союзы рейнско-вестфальской области, избрать делегатовъ на лейпцигскій конгрессъ и снабдить ихъ точно установленными и обстоятельно мотивированными предложеніями.

Конгрессъ этотъ несомнѣнно привлекъ бы къ себѣ массу рабочихъ. Но онъ уже не могъ состояться.

Возстанія на Рейнѣ, въ Дрезденѣ, въ Пфальцѣ и Баденѣ совершенно измѣнили внѣшнія условія; большинство вождей движенія должно было покинуть родину, многіе попали въ тюрьму, другіе нашли себѣ смерть на полѣ битвы. Когда возстанія были подавлены, всякое самостоятельное движеніе рабочихъ встрѣчало суровыя преслѣдованія. „Братство рабочихъ" продержалось до 1850 года, нѣкоторыя его филіальныя отдѣленія, казавшіяся правительствамъ менѣе опасными, еще долѣе. Но мало-по-малу всѣ эти попытки были поглощены реакціей. Въ то время, какъ французскій пролетаріатъ послѣ іюньскихъ дней съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей участи, занимался экспериментами съ производительными ассоціаціями, основанными на самопомощи, въ Германіи все оставалось неподвижнымъ; только въ 1852 году пресловутый процессъ коммунистовъ на минутку привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе какъ слабый отголосокъ бурь „безумнаго года" *).

Въ настоящее время трудно сказать съ увѣренностью, насколько было возможно созданіе въ 48 году самостоятельной рабочей партіи. Трудно во всякомъ случаѣ вполнѣ отвергать эту возможность. Если бы рейнская группа и другія фракціи, имѣвшія уже тогда ясную программу, чуждую всякаго утопизма, сумѣли занять руководящее мѣсто въ движеніи, если бы имъ удалось въ годы реакціи сохранить хотя бы идейную преемственность среди наиболѣе развитыхъ элементовъ рабочаго класса, то было бы предотвращено по крайней мѣрѣ полнѣйшее забвеніе самостоятельной рабочей программы, полнѣйшее превращеніе рабочихъ въ придатокъ буржуазно-либеральнаго движенія. Между тѣмъ именно это и имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Несамостоятельность рабочей массы была настолько велика, что даже Лассаль при всей его энергіи сомнѣвался сначала въ возможности организовать независимую рабочую партію. Лишь значительно позже несамостоятельность эта исчезла, чему больше всего содѣйствовало, конечно, само капиталистическое развитіе.

---

*) Среди наиболѣе извѣстныхъ обвиняемыхъ въ этомъ процессѣ были, кромѣ Фрейлиграта, Генрихъ Бюргерсъ, впослѣдствіи депутатъ прогрессистской партіи, и знаменитый „красный Беккеръ", позднѣе оберъ-бургомистръ Кельна и членъ палаты господъ. Чтобы прикрыть измѣну своимъ убѣжденіямъ, оба впослѣдствіи увѣряли, будто они пострадали невинно.—Краткій отчетъ объ этомъ процессѣ см. гл. XX работы Маркса о 48-мъ годѣ въ Германіи. (Вошла въ собраніе историческихъ работъ Маркса, пер. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Возстаніе во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Франкфуртскій парламентъ дѣлалъ все, чтобы лишить себя довѣрія народа. Безконечные и утомительные дебаты объ основныхъ законахъ прерывались шумными сценами, въ которыхъ колеблющіеся элементы обнаруживали все бо́льшую ограниченность, въ то время какъ реакціонеры становились все болѣе и болѣе наглыми. Собраніе покончило съ польскимъ вопросомъ, одобривъ просто-напросто все, что Пруссія дѣлала въ Познани; точно такъ же оно стало на сторону Австріи въ борьбѣ послѣдней противъ итальянскаго возстанія. Во время польскихъ дебатовъ господинъ Вильгельмъ Іорданъ успѣшно достигъ своими рѣчами должности „флотскаго совѣтника"; съ другой стороны, Арнольдъ Руге сравнивалъ фельдмаршала Радецкаго съ Тилли и открыто выражалъ желаніе, чтобы онъ былъ разбитъ. Это, разумѣется, подняло въ засѣданіи цѣлую бурю. Но еще больше шума возбудило обсужденіе вопроса объ амнистіи для политическихъ преступниковъ Бадена. Собраніе, только что отмѣнившее смертную казнь, оказалось неумолимо строгимъ по отношенію къ участникамъ геккеровскаго и гервегскаго похода. Когда Брентано изъ Бруксаля, другъ Геккера, высказавшись за амнистію, позволилъ себѣ напасть на принца Прусскаго, на правой поднялась буря: нѣсколько дворянчиковъ окружили Брентано, осыпая его ругательствами, а одинъ даже угрожалъ пистолетомъ. Вице-президентъ Суаронъ закрылъ засѣданіе *). На слѣдующій день безпорядокъ продолжался, и въ концѣ-концовъ галлереи были очищены отъ публики. Амнистія была отвергнута всѣми противъ 90 голосовъ, а избраніе Геккера въ Тингенѣ объявлено недѣйствительнымъ всѣми противъ 116 голосовъ.

Народное движеніе, особенно въ южной, западной и средней Германіи, временами еще проявлялось то тамъ, то здѣсь въ рѣзкихъ вспышкахъ, и это пугало филистеровъ собранія, вмѣсто того, чтобы внушить имъ больше увѣренности на томъ новомъ пути, на который они вступили. Трусы боялись быть проглоченными тѣмъ движеніемъ,

*) Этотъ инцидентъ подалъ поводъ къ слѣдующей карикатурѣ: Суаронъ въ видѣ лягушки влѣзаетъ на трибуну; подпись внизу гласитъ: „если она влѣзла наверхъ— жди бури".

благодаря которому они имѣли свои мандаты. Особенный ужасъ они испытывали передъ республиканскими стремленіями, хотя въ то время не трудно было уже замѣтить, что республиканцы составляютъ не особенно значительное меньшинство всего населенія Германіи. Республиканскія вспышки обнаружились съ особенной силой въ маленькихъ государствахъ, гдѣ имѣлась суровая аристократія и гдѣ крестьяне сильно страдали отъ феодальныхъ тягостей и охотничьихъ привилегій благородныхъ господъ.

Многіе изъ этихъ маленькихъ возстаній (лѣтомъ 1848 г.) были совершенно невинны по своимъ результатамъ, хотя и сопровождались большимъ шумомъ. Такъ, напримѣръ, было въ Альтенбургѣ, гдѣ правительство приняло противъ народнаго движенія суровыя мѣры и призвало военную силу. Когда демократія потребовала удаленія войскъ, а правительство отвѣтило попыткой арестовать всѣхъ извѣстныхъ демократовъ, народъ ударилъ въ набатъ и Альтенбургъ покрылся баррикадами *). Все гражданское ополченіе вмѣстѣ съ городскими и сельскими обывателями готово было бороться противъ правительства; по разсказамъ, около 12.000 вооруженныхъ людей стеклись въ городъ. Явились саксонскія войска, и борьба казалась неизбѣжной, но тогда выступили посредники. Правительство уступило, войска были отозваны, и Круцигеръ, одинъ изъ вождей демократіи, принятъ въ составъ министерства. Другіе вожди ея, Эрбе и докторъ Адольфъ Дуэ, должны были впослѣдствіи удалиться за границу **).

Не такъ мирно закончилось дѣло въ Герѣ, гдѣ крестьяне были возмущены арестомъ Краузе, члена сельскохозяйственнаго совѣта. Крестьяне, чтившіе въ этомъ человѣкѣ защитника своихъ правъ, массами явились въ городъ и освободили Краузе, что, конечно, не обошлось безъ кровопролитныхъ столкновеній. Эти событія послужили источникомъ дальнѣйшихъ безпорядковъ, хотя центральное правительство послало саксонскаго министра Оберлендера въ качествѣ посредника и онъ добился амнистіи. Рабочій вопросъ здѣсь также игралъ нѣкоторую роль. Значительное число рабочихъ было занято на государственный счетъ дорожными работами. Филистеры были, какъ и вездѣ, возмущены этой „государственной помощью“ и рабочимъ приписывали массу всякихъ безобразій. Насколько всѣ эти разсказы были вѣрны, теперь нѣтъ возможности установить. Всегда трепещущіе при такихъ обстоятельствахъ капиталисты угрожали выселеніемъ, и правительство воспользовалось случаемъ, чтобы призвать въ страну иностранныя войска, что было одобрено и Оберлендеромъ. Явились сначала саксонскія, а потомъ и ганноверскія войска. Послѣднія вели себя крайне жестоко и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы насильничать надъ населеніемъ Геры. До марта 1849 года эта маленькая

*) Основаніемъ главной баррикады послужила богатая карета гофмаршала Мюнхгаузена.

**) Дуэ впослѣдствіи получилъ извѣстность въ Сѣверной Америкѣ какъ замѣчательный педагогъ и одинъ изъ выдающихся членовъ соціалъ-демократической партіи.

страна была занята имперскими войсками, содержаніе которыхъ она принуждена была уплачивать изъ своихъ средствъ.

Иной исходъ имѣло движеніе въ карликовомъ государствѣ Рейссъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфъ, гдѣ правилъ Генрихъ LXXII, приключенія котораго съ Лолой Монтесъ были уже упомянуты выше. Въ мартѣ 1848 года онъ обѣщалъ много реформъ, но не выполнялъ пока ни одной. Народъ обнаружилъ нетерпѣніе и подъ предводительствомъ учителя Тиме до такой степени напугалъ своего князя петиціей натиска, что онъ отказался отъ престола. Въ своей прощальной прокламаціи онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причины, заставившія его уйти. „Прежде всего полнѣйшая неспособность и слабость гражданскихъ властей, позволившихъ взойти сѣменамъ преступной агитаціи, которая затѣмъ, конечно, широко разрослась и заразила собою все. Разработанная мною до мельчайшихъ подробностей система обороны осталась безъ примѣненія. Мое дальнѣйшее пребываніе становится немыслимымъ, такъ какъ я не хочу властвовать наполовину и такъ какъ вообще, [разъ Германія желаетъ стать единою, существованіе мелкихъ государей болѣе невозможно. Мое рѣшеніе сложить съ себя дѣла правленія тѣмъ болѣе непоколебимо, что безстыдная петиція натиска въ Герѣ обезчестила мой старѣйшій дворецъ. И тамъ все то же печальное состояніе властей. Гражданское ополченіе, въ количествѣ 1.200 человѣкъ, покинуло меня на произволъ судьбы!“

Такимъ образомъ онъ отказался отъ престола, и уже 1 октября 1848 года его маленькое государство было присоединено къ княжеству Рейссъ-Шлейцъ. Генрихъ семьдесятъ второй, никогда не измѣнявшій своей непримиримой принципіальности и получившій за это прозвище „Prinzipienreiter“, стоитъ безспорно въ центрѣ одного изъ наиболѣе забавныхъ эпизодовъ 1848 года.

При всѣхъ этихъ событіяхъ національное собраніе неуклонно показывало народу филистерскую и реакціонную физіономію. Вскорѣ оно вынуждено было пойти еще дальше.

Въ сентябрѣ въ парламентѣ разбирался шлезвигъ-голштинскій вопросъ, и постановленія, относящіяся къ этому вопросу, были какъ нельзя больше приспособлены къ тому, чтобы радикально исцѣлить всякаго здравомыслящаго человѣка отъ тѣхъ иллюзій, которыя были возбуждены парламентомъ.

Характеръ шлезвигъ-голштинскаго движенія мы уже очертили. Со стороны Пруссіи война велась безъ особенной энергіи, такъ какъ европейская дипломатія постоянно вмѣшивалась во все, касавшееся Шлезвигъ-Голштиніи. Англія и Россія особенно заботились о томъ, чтобы у берлинцевъ уши выше лба не росли, такъ какъ для этихъ государствъ расширеніе Пруссіи было нежелательно. Волонтеры сражались въ Шлезвигъ-Голштиніи съ большимъ мужествомъ *) и въ битвѣ при

*) Берлинскіе волонтеры, среди которыхъ находились многіе борцы баррикадъ 18 марта, отличились въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ качествѣ сестры милосердія при нихъ находилась красавица леди Астонъ, потерпѣвшая много преслѣдованій поэтесса „дикой розы“, впослѣдствіи раненая датской пулей въ руку.

Гоптрупѣ одержали подъ предводительствомъ майора фонъ-деръ-Танна блестящую побѣду надъ превосходными силами датчанъ. Но господа за зелеными столами отнюдь не радовались этому; пылъ волонтеровъ былъ искусными мѣрами подавленъ и мало-по-малу совершенно испарился.

Вскорѣ рѣшительно вмѣшались великія державы. Руководитель англійской политики, лордъ Пальмерстонъ, побуждалъ Россію оказать на Пруссію давленіе въ томъ смыслѣ, чтобы временное перемиріе 15 іюля превратить въ окончательное. Пруссія готова была отказаться отъ всего предпріятія, такъ какъ Россія и Швеція обѣщали Даніи въ случаѣ продолженія войны свою прямую поддержку; Франція и Англія держались по отношенію къ Пруссіи насторожѣ, и даже Австрія поддерживала съ Даніей добрыя отношенія. При такихъ обстоятельствахъ берлинскому правительству пришлось серьезно заняться вопросомъ, стоитъ ли ради интересовъ Шлезвигъ-Голштиніи навлекать на себя опасность крупной войны.

Переговоры относительно заключенія перемирія велись въ Мальмэ, при чемъ центральное правительство мало или даже вовсе не принималось во вниманіе. 26 августа былъ заключенъ договоръ на семь мѣсяцевъ, т.-е. какъ разъ на то время, когда, вслѣдствіе замерзанія моря, датскій флотъ не представляетъ опасности. Въ договорѣ было указано, что блокада нѣмецкихъ береговъ должна прекратиться, а плѣнники и задержанные корабли должны быть возвращены. Нѣмцы обязались вывести изъ Шлезвигъ-Голштиніи всѣ свои войска, оставивъ только одинъ прусскій корпусъ въ Альтонѣ. Датчане въ свою очередь дали обязательство очистить Шлезвигъ-Голштинію; шлезвигъ-голштинскія войска предполагалось разбить на отдѣльные отряды, съ тѣмъ чтобы новое правительство могло употребить ихъ для поддержанія „порядка", другими словами, для подавленія всякаго демократическаго движенія. Впослѣдствіи и это число войскъ должно быть уменьшено. Договоръ требовалъ далѣе отставки временнаго правительства и замѣщенія его новымъ изъ пяти членовъ, изъ которыхъ два назначаются королемъ прусскимъ, два королемъ датскимъ и одинъ обоими вмѣстѣ. Члены новаго правительства были извѣстны уже заранѣе; между прочимъ былъ намѣченъ особенно непопулярный въ Шлезвигъ-Голштиніи графъ Карлъ фонъ-Мольтке.

Договоръ отдавалъ Шлезвигъ-Голштинію Даніи и дѣлалъ обѣ эти провинціи беззащитными; все достигнутое до сихъ поръ съ такими трудами и жертвами было потеряно, и Шлезвигъ-Голштиніи приходилось трепетать мести датчанъ.

Конечно, можно поставить вопросъ, стоило ли Пруссіи ссориться со всѣми европейскими державами изъ-за Шлезвигъ-Голштиніи? Разумѣется, нѣтъ; но, съ другой стороны, безспорно справедливъ упрекъ, что нѣмецкіе дипломаты причинили Германіи тяжкій вредъ, заключивъ такое безславное перемиріе.

Нѣмецкая публика спокойно относилась къ польскимъ дѣламъ и обнаруживала мало сочувствія къ Венгріи и Италіи, хотя движеніе въ

обѣихъ этихъ странахъ исходило тоже изъ принципа національной независимости и имѣло для нѣмецкой свободы несравненно больше значенія, чѣмъ движеніе шлезвигъ-голштинское. Но именно потому, что послѣднее носило династическій характеръ, шумъ, поднятый по поводу договора въ Мальмэ, былъ такъ великъ. Каждый филистеръ колотилъ себя въ грудь, заявляя о своей „нѣмецкой національной гордости"; горячіе патріоты негодовали на „предательство", а демократія вмѣшалась въ это дѣло съ тѣмъ, чтобы демонстрировать въ пользу „суверенности" парламента, который, по ея мнѣнію, одинъ только могъ рѣшать подобные вопросы. Событія времени дѣйствительно пробудили въ Германіи нѣкоторую національную гордость, и нѣмцы ощущали, какъ позоръ, тотъ фактъ, что „маленькая Данія" навязала имъ договоръ, продиктованный русскими и англійскими дипломатами. Подъ совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ негодованіе по поводу перемирія глубоко охватило обширныя массы. Комичную роль играло при этомъ пресловутое центральное правительство; ненужность и безсиліе его никогда не выступали съ такой яркостью, какъ въ этотъ моментъ; оно было, пожалуй, еще комичнѣе, чѣмъ тѣ „патріоты", которые тысячу разъ повторяли за бутылкой пѣсни объ „объятой моремъ Шлезвигъ-Голштиніи" и теперь, опять-таки за бутылкой, показывали „надменной" Даніи кукишъ въ карманѣ. Какъ бы то ни было, во Франкфуртъ направился цѣлый потокъ адресовъ; отъ представителей народа требовали уничтоженія позорнаго перемирія.

Засѣдавшее въ Килѣ шлезвигъ-голштинское національное собраніе поспѣшно постановило, что противъ его желанія никто не въ правѣ ни распустить его, ни отсрочить засѣданій; всѣ измѣненія въ дѣлѣ управленія страной могутъ совершиться только съ его согласія; только съ его согласія могутъ быть отмѣнены законы, изданные со времени марта 1848 года, безъ этого не можетъ быть изданъ ни одинъ новый законъ, не можетъ быть введенъ ни одинъ новый налогъ. Это было уже формальнымъ протестомъ противъ перемирія въ Мальмэ. Это же собраніе показало, что при желаніи можно очень быстро создать конституцію: къ восьмому сентября оно успѣло закончить всю учредительную работу и опубликовать конституцію, согласно которой Шлезвигъ-Голштинія входила въ составъ нѣмецкихъ союзныхъ государствъ, управлялась одной палатой, при чемъ выборы основывались на цензѣ, и получала намѣстника на случай отсутствія государя. Впрочемъ, конституція эта была клочкомъ бумаги, не имѣвшимъ никакого дѣйствительнаго значенія. Слабое временное правительство подъ давленіемъ центральнаго парламента рекомендовало національному собранію отсрочить свои засѣданія какъ разъ въ этотъ критическій моментъ. Демократъ Ольсгаузенъ вышелъ вслѣдствіе этихъ махинацій изъ состава правительства, и засѣданія собранія были дѣйствительно отсрочены.

Въ то время какъ шлезвигъ-голштинцы отчаянно бились въ этой сѣти интригъ и слабостей, франкфуртскій парламентъ также вынесъ рѣшеніе не въ ихъ пользу. Рѣшеніе это было связано съ кризисомъ,

распространившимъ свое вліяніе на всю Германію. 4 сентября франкфуртскому парламенту было офиціально доложено о заключеніи перемирія, при чемъ Гекшеръ замѣтилъ, что условія сильно разнятся отъ тѣхъ, которыя были намѣчены въ соглашеніи между центральнымъ и прусскимъ правительствами. 5 сентября начались дебаты о томъ, слѣдуетъ ли парламенту признать перемиріе. Споры были очень жарки; не только демократы, но и „патріотъ“ Дальманъ съ своими единомышленниками рѣзко нападали на договоръ при Мальмэ. Дальманъ полагалъ, что перемиріе разрушитъ единство Германіи,—онъ забылъ только, что единство это вовсе еще не было осуществлено. Симонъ изъ Бреславля патетически воскликнулъ: „Часъ пробилъ, въ людяхъ не будетъ недостатка!“ Наконецъ Робертъ Блюмъ сказалъ, что при рѣшеніи этого вопроса выяснится, должна ли Германія раствориться въ Пруссіи или Пруссія въ Германіи. Лихновскій и Дегенкольбъ, точно такъ же какъ Бассерманъ, были за принятіе перемирія; Шмерлингъ угрожалъ своей отставкой въ случаѣ отрицательнаго вотума. Однако это несчастіе, повидимому, не слишкомъ пугало собраніе; 5 сентября незначительнымъ большинствомъ голосовъ оно приняло постановленіе, направленное противъ перемирія, правда, довольно уклончиво и нерѣшительно, а именно постановило, что наступленіе перемирія должно быть временно отсрочено.

Министерство Шмерлинга въ тотъ же день вышло въ отставку и въ рядахъ оппозиціи царствовало великое ликованіе по поводу этой мнимой побѣды. Но разочарованіе наступило очень быстро. „Мужъ оппозиціи“ и имперскій профессоръ Дальманъ получилъ отъ правителя имперіи предложеніе составить новое министерство. „Привидѣніе“ не могло сформировать никакого министерства и въ этой всеобщей безпомощности пришлось снова прибѣгнуть къ министерству Шмерлинга, какъ къ единственно возможному выходу; однако Шмерлингъ заявилъ, что онъ лишь въ томъ случаѣ вернется къ отправленію своей должности, если перемиріе будетъ принято парламентомъ.

Пустыя министерскія скамьи внушали нескончаемый ужасъ фанатикамъ конституціонной формы, и въ эти дни безпомощнаго колебанія всѣ колеблющіеся элементы подвергнуты были рѣшительному воздѣйствію. 14 сентября возобновились пренія по вопросу о перемиріи, снова произошли рѣзкія столкновенія между представителями различныхъ партій. Вильгельмъ Іорданъ, низвергнувшій нѣкогда въ одномъ изъ своихъ стихотвореній „тронъ датчанъ въ море“, теперь стоялъ за перемиріе, и правая особенно подчеркивала то соображеніе, что отклонить перемиріе нельзя, не вредя международному положенію Пруссіи. Колеблющіеся элементы центра боялись вызвать, отклонивъ перемиріе, опасный конфликтъ съ Пруссіей; кромѣ того, они полагали, что ихъ конституціонныя забавы потерпятъ существенный ущербъ, если не будетъ составлено новое министерство. Лѣвая говорила въ этотъ день необычайно блѣдно; тѣмъ смѣлѣе выступалъ имперскій министръ Гекшеръ, увѣренный, что безъ него обойтись невозможно. Карлъ Фогтъ

привелъ собранію примѣръ конвента. Этимъ онъ только вселилъ въ душу всѣхъ филистеровъ леденящій трепетъ, да и самъ врядъ ли имѣлъ въ виду дѣйствительное дѣло и по всей вѣроятности заботился лишь о риторическомъ эффектѣ. Робертъ Блюмъ казался въ этотъ день сильно подавленнымъ; онъ полагалъ, что послѣ принятія перемирія движеніе, сосредоточенное до сихъ поръ въ рукахъ лѣвой,—по крайней мѣрѣ, послѣдняя такъ думала,—перейдетъ въ другія руки, „которыя находятся далеко отъ насъ по ту и по другую сторону“. Онъ угрожалъ такимъ образомъ радикализмомъ и умолялъ парламентъ отклонить перемиріе, чтобы предотвратить развитіе болѣе радикальныхъ теченій. Эти обороты рѣчи очень не понравились радикальной саксонской демократіи и были истолкованы въ такомъ смыслѣ, что Блюмъ желаетъ положить узду на народное движеніе.

Лихновскій и Винке выступили при шиканьи галлерей за перемиріе; Лихновскій крикнулъ наверхъ: „это не приговоръ Германіи!“ Этотъ надменный аристократъ отличался способностью раздражать массу при каждомъ своемъ появленіи.

Несамостоятельные члены парламента были искусно обработаны; имъ въ концѣ-концовъ сумѣли внушить убѣжденіе, что, голосуя противъ перемирія, они помогаютъ „противникамъ всякаго государственнаго порядка“. Въ результатѣ 16 сентября осуществилось, наконецъ, роковое постановленіе: парламентъ 258 голосами противъ 236 принялъ перемиріе. Правда, центральному правительству было вмѣнено въ обязанность внести въ условіе договора нѣкоторыя „модификаціи“, измѣненія, но датское правительство уничтожило всякое значеніе этого фокуса, рѣшительно заявивъ, что оно не согласно ни на какія „модификаціи“.

Принявъ такое постановленіе, собраніе навсегда лишило себя уваженія въ глазахъ народа; никто уже больше не питалъ къ нему ни малѣйшаго довѣрія, никто не надѣялся, что этотъ парламентъ, какъ тростникъ, вѣтромъ колеблемый, въ состояніи рѣшить нѣмецкій вопросъ въ демократическомъ духѣ. Парламентъ, такъ много толковавшій о своей „суверенности“, трусливо склонился передъ реакціонными властями,—вотъ что, а не шлезвигъ-голштинскій вопросъ самъ по себѣ, вызвало бурю народнаго негодованія.

Франкфуртскихъ болтуновъ со всѣхъ сторонъ обдавали насмѣшками и презрѣніемъ *).

---

*) Въ „Reichstagszeitung“, газетѣ, издававшейся Робертомъ Блюмомъ и его зятемъ Гюнтеромъ, появились тогда стяжавшие себѣ впослѣдствіи такую извѣстность стихи:

Fünfundsiebzig Bureaukraten—
Schöne Worte, keine Thaten!
Fünfundsiebzig Aristokraten—
Vaterland, du bist verrathen!
Fünfundsiebzig Professoren—
Vaterland, du bist verloren.

„Семьдесятъ пять бюрократовъ—много фразъ, да мало дѣла. Семьдесятъ пять аристократовъ—родина, ты предана! Семьдесятъ пять профессоровъ—родина, ты погибла“

После такихъ событій лѣвая должна была бы выйти изъ парламента. Но она этого не сдѣлала; она рѣшилась остаться на своемъ посту до конца, все болѣе и болѣе погружаясь въ болото парламентской пародіи въ церкви св. Павла.

Уже вечеромъ въ день голосованія во Франкфуртѣ было неспокойно *). Лѣвая собралась въ „Deutscher Hof“ и обсуждала, нельзя ли добиться новыхъ выборовъ. Гигантская масса народа собралась передъ домомъ собранія и требовала контръ-парламента; франкфуртскіе рабочіе союзы отдали себя въ распоряженіе лѣвой. Депутаты лѣвой пытались успокоить народъ и пригласили всѣхъ желающихъ на слѣдующій день (17 сентября) на большое народное собраніе. Послѣ этого толпа разсѣялась; въ ту же ночь были разосланы гонцы во всѣ окрестные города, чтобы приглашать всѣхъ и каждаго на собраніе.

Если дѣйствительно, какъ это утверждали, съ самаго начала было задумано поднять возстаніе и разогнать парламентъ, то планъ этотъ былъ выполненъ крайне неискусно. Крупную роль въ этомъ движеніи игралъ извѣстный майнцскій демократъ Германъ Меттернихъ, крикунъ, типичный трактирный демократъ, не многаго стоившій, несмотря на свое атлетическое сложеніе. Онъ велѣлъ разрушить телеграфныя проволоки и желѣзнодорожные рельсы, ведущіе въ Майнцъ, но не сумѣлъ воспрепятствовать появленію военной подмоги изъ Майнца и Дармштадта, какъ только движеніе во Франкфуртѣ приняло угрожающіе размѣры. Въ самомъ Франкфуртѣ находился всего одинъ батальонъ гессенцевъ; естественно было бы воспользоваться этимъ и немедленно же поднять возстаніе. Уже одно то обстоятельство, что этого не случилось, заставляетъ усомниться въ существованіи продуманнаго проекта возстанія.

Собраніе 17 сентября было очень оживленнымъ. Сообщенія о числѣ участниковъ даютъ цифры между 20 и 40 тысячами. Замѣтно было присутствіе иногороднихъ, особенно изъ Майнца, Оффенбаха, Ганау; не мало виднѣлось оружія и шапокъ съ красными перьями. Былъ предложенъ адресъ парламенту, произнесены очень рѣзкія рѣчи. Изъ депутатовъ говорили: Цицъ, Везендонкъ, Симонъ изъ Трира, Шлеффель и Гентгесъ изъ Гейльбронна **). Цицъ сказалъ, что дѣло идетъ о

*) Въ помѣщеніи Гекшера въ „Englischer Hof“ толпой были разбиты стекла. Гекшеръ бѣжалъ въ Соденъ. Узнанный тамъ, онъ направился далѣе въ Гёкстъ, гдѣ снова былъ узнанъ однимъ гамбургскимъ ремесленникомъ, окруженъ разъяренной толпой и съ трудомъ спасся въ ратушу, а затѣмъ скрылся въ Майнцѣ. По разсказамъ очевидцевъ, съ нимъ обошлись довольно круто; Гёкстъ подвергся за это военной экзекуціи. Въ то же самое время во Франкфуртѣ старикъ Янъ, объятый страхомъ передъ бунтующимъ на улицахъ народомъ, совершилъ свое послѣднее „гимнастическое путешествіе“ подъ столомъ гостиницы „Westendhalle“. Впослѣдствіи разсказывали, что кельнеръ позволилъ себѣ зло подшутить надъ старымъ „французоѣдомъ“.

**) Гентгесъ впослѣдствіи проникся національно-либеральнымъ благомысліемъ и остался вѣренъ этимъ новымъ взглядамъ до самой смерти.

рѣзкомъ переломѣ; Шлеффель заслужилъ шумное одобреніе, процитировавъ стихи.

„Wem vom Kanonenschlund ein rasches Schicksal blitzt,
Der stirbt den raschen Tod im frischen Lauf der Stunden;
Doch auf wem Liliput mit tausend Nadeln sitzt,
Der stirbt Millionen Mal an Millionen Wunden!" *).

И все же депутаты говорили лишь то, что публика давно уже привыкла отъ нихъ слышать. Выступали и другіе ораторы; особенно обратилъ на себя вниманіе одинъ малоизвѣстный молодой человѣкъ, отличившійся своими яро-республиканскими выходками **).

Въ концѣ-концовъ былъ вотированъ адресъ, въ которомъ 258 депутатовъ, голосовавшихъ за перемиріе, были объявлены измѣнниками свободѣ и чести нѣмецкаго народа. Это рѣшеніе должна была передать парламенту депутація. Толпа двинулась къ дому, гдѣ помѣщался клубъ лѣвой. Но послѣдняя старалась умѣрить народный пылъ своими увѣщаніями и добилась удаленія тѣхъ, кто пріѣхалъ на собраніе изъ окрестныхъ городовъ; многіе иногородніе отправились на мѣсто жительства потому, что потеряли довѣріе къ лѣвой, которая какъ разъ въ это время постановила оставаться въ парламентѣ.

Франкфуртскій сенатъ, напуганный собраніемъ, призвалъ изъ Майнца батальонъ австрійцевъ и батальонъ пруссаковъ, которые и явились къ тремъ часамъ утра. Войска заняли церковь св. Павла; такимъ образомъ парламентъ пришлось защищать отъ того самаго народа, отстаивать интересы котораго онъ былъ призванъ.

Утромъ 18 сентября не только галлереи церкви св. Павла были переполнены народомъ, но огромная масса его толпилась снаружи, особенно у входа въ зданіе. Народъ, очевидно, не зналъ, что предпринять, а парламентскіе демократы старательно держались вдали отъ него. У дверей произошла давка, и нѣкоторымъ трусамъ (особенно Риссеру изъ Гамбурга), столкнувшимся съ густой массой, показалось, что жизнь ихъ находится въ опасности. Самые невѣроятные слухи носились въ воздухѣ. Одинъ прусскій офицеръ распорядился оттѣснить толпу штыками; нѣсколько человѣкъ было ранено; ко всему этому присоединилось извѣстіе, что городскія ворота заняты войсками. Народъ сталъ строить баррикады, но не съ яростнымъ возбужденіемъ, не съ криками о мести, нѣтъ,—совсѣмъ медленно и почти благодушно. Войска не вмѣшивались, хотя баррикады выростали на ихъ глазахъ. Очевидно,

*) „Кто долженъ пасть въ бою, ядромъ сраженный,
Смерть быстрая того на полѣ брани ждетъ,
Но милліонъ смертей, милльоны разъ пронзенный,
Узнаетъ тотъ, кто жертвой карликовъ падетъ".

**) Это былъ не кто иной, какъ Фридрихъ Каппъ, впослѣдствіи національно-либеральный депутатъ. Въ началѣ борьбы онъ не выдвигался, а потомъ бѣжалъ въ Америку. Оттуда онъ вернулся до такой степени „исправленнымъ", что даже Бисмаркъ при одной перебаллотировкѣ далъ пароль: „Избирайте Каппа!"

начальство хотѣло вызвать бунтъ и потомъ усмирить его, чтобы такимъ образомъ оправдать свои насилія надъ демократіей *).

Около 400 человѣкъ стояло за баррикадами, почти исключительно рабочіе, которые отчаялись въ обѣщанной свободѣ и рѣшили начать безнадежную борьбу. И на этотъ разъ, какъ всегда, на дверяхъ домовъ было написано: „собственность священна!“ и во время борьбы не было похищено ни одного пфеннига частнаго имущества. Старикъ Ротшильдъ, домъ котораго попалъ въ руки возставшихъ, былъ не мало этимъ удивленъ.

Парламентъ продолжалъ между тѣмъ обсужденіе основныхъ законовъ и старался сдѣлать видъ, что его вовсе не касается все то, что происходитъ тамъ, снаружи, на улицахъ. Неустранимое министерство Шмерлинга снова приступило къ отправленію своихъ обязанностей. Рюль, демократическій бургомистръ изъ Ганау, и Грицнеръ изъ Вѣны отъ имени крайней лѣвой внесли предложеніе распустить парламентъ и назначить новые выборы, такъ какъ народъ, очевидно, не питаетъ довѣрія къ этому собранію. Оба предложенія не были признаны настоятельными и такимъ образомъ вовсе не подверглись обсужденію. Въ концѣ засѣданія предсѣдателю былъ переданъ адресъ народнаго собранія 17 сентября; адресъ былъ тутъ же прочитанъ, не возбудивъ особеннаго волненія среди депутатовъ. Около двухъ часовъ Гагернъ закрылъ засѣданіе.

Въ два часа баррикады были атакованы войсками, къ которымъ поминутно приходили подкрѣпленія. Борьба была очень упорной, такъ какъ войска не располагали пушками и дѣйствовали только штыками. Неумолчный трескъ ружейной пальбы наполнялъ городъ. Нѣкоторыя баррикады были взяты войсками не безъ существенныхъ потерь; особенно сильное сопротивленіе имѣло мѣсто въ узкихъ улицахъ стараго города. На улицѣ Всѣхъ Святыхъ и на Проѣзжей улицѣ, гдѣ баррикада загораживала Заксенгейзерскій мостъ, войска были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ и отброшены назадъ.

Повстанцы еще до начала сраженія заявили, что они сами уберутъ баррикады, если изъ города удалятся прусскія войска. Нѣкоторые члены лѣвой, Трюцшлеръ, Раво, Робертъ Блюмъ и Людвигъ Симонъ, воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы выступить посредниками. Взявъ на себя эту—обыкновенно мало благодарную—роль, они прежде всего поспѣшили къ правителю имперіи съ просьбой прекратить огонь со стороны войскъ. Іоганнъ наговорилъ имъ кучу ничего не значащихъ фразъ и въ концѣ-концовъ отослалъ посредниковъ къ министрамъ. Военный министръ фонъ-Пейкеръ принялъ ихъ съ высокомѣрной холодностью и направилъ къ австрійскому генералу Нобили, какъ къ коменданту. Этотъ послѣдній съ величайшей готовностью согласился

*) Одинъ депутатъ увидѣлъ офицера, расположившагося со своимъ отрядомъ въ двадцати шагахъ отъ строящейся баррикады. На его вопросъ, почему войско такъ спокойно смотритъ на это, офицеръ отвѣтилъ: „Я не имѣю никакихъ другихъ приказаній, кромѣ какъ стоять здѣсь“.

на полуторачасовое перемиріе, если только инсургентовъ удастся убѣдить прекратить огонь. Демократы должны были добиться этого, при чемъ къ нимъ былъ присоединенъ прусскій майоръ фонъ-Боддинъ, позволившій себѣ рядъ насмѣшливыхъ замѣчаній по адресу посредниковъ. Шлеффель, Морицъ Гартманъ, Карлъ Фогтъ, Людвигъ Симонъ, Реслеръ изъ Эльса, Трюцшлеръ и Рюль взяли на себя роль посредниковъ и направились къ баррикадамъ,—предпріятіе, не лишенное опасности, такъ какъ ни войска, ни инсургенты не обращали въ пылу битвы вниманія на махающихъ платками посредниковъ, и послѣдніе очутились такимъ образомъ между двухъ огней. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, остались при свистѣ пуль не слишкомъ-то хладнокровными, за что впослѣдствіи вытерпѣли не мало насмѣшекъ; другіе обнаружили большое мужество, напр. „имперская канарейка“, Реслеръ изъ Эльса. Съ большими трудами и опасностями парламентерамъ удалось, наконецъ, добиться заключенія перемирія на три четверти часа. Повстанцы были полны ярости и гордости; они соглашались вообще слушать только Трюцшлера и Симона изъ Трира. Когда Симонъ заговорилъ о силѣ войскъ и о неизбѣжномъ пораженіи инсургентовъ, одинъ почернѣвшій отъ порохового дыма рабочій отвѣтилъ ему: „Мы рѣшили пасть на баррикадахъ. Послѣ того какъ національное собраніе предало честь Германіи, мы не желаемъ жить; мы не желаемъ вмѣстѣ съ нимъ нести этотъ позоръ; мы хотимъ умереть, какъ наши братья, съ оружіемъ въ рукахъ!“ При послѣднихъ словахъ ораторъ указалъ на убитыхъ и ихъ кровавыя раны. Да, этотъ пролетарій былъ изъ иного матеріала, чѣмъ краснобаи парламента; въ немъ было больше гордости и упорства, чѣмъ въ самомъ либеральномъ или самомъ демократическомъ буржуа, онъ не такъ-то легко поступился бы мартовскими завоеваніями.

Въ концѣ-концовъ однако удалось добиться соглашенія. Повстанцы обѣщали сдаться, если будетъ гарантирована всеобщая амнистія. Въ переговорахъ протекло не мало времени. Подмоги изъ Майнца и Ганау не явилось благодаря увѣщаніямъ лѣвой; между тѣмъ изъ Дармштадта пришли войска съ сильной артиллеріей. Вечеромъ въ городѣ собралось не менѣе 12.000 солдатъ, и Шмерлингъ насмѣшливо отвергъ требованіе амнистіи, ссылаясь на то, что три четверти часа протекли, а баррикады еще не убраны. „Мы обмануты,—сказалъ послѣ этихъ словъ Леве-Кальбе Морицу Гартману:—все перемиріе служило лишь къ тому, чтобы выиграть время и дождаться пушекъ“. И въ самомъ дѣлѣ, баррикады были подвергнуты самой свирѣпой атакѣ; это произошло бы, конечно, и безъ перемирія, но во всякомъ случаѣ посредники лѣвой, какъ и всегда, были проведены.

Загремѣли двѣнадцатифунтовыя дармгессенскія пушки противъ баррикадъ, защищавшихся съ упорствомъ отчаянія. Многіе инсургенты намѣренно бросались на вѣрную смерть: такъ горячо принимали они къ сердцу несчастіе Германіи. Только въ 10 часовъ ночи пала послѣдняя баррикада на Шнургассэ. Инсургенты отступали отъ одной баррикады къ другой, проламывая стѣны домовъ. „Съ холод-

нымъ спокойствіемъ и презрѣніемъ къ смерти,—пишетъ одинъ членъ парламента,—защищали они еще около часу эту послѣднюю и сильнѣйшую изъ баррикадъ, направлявшуюся наискось черезъ Шнургассэ отъ Кирпичнаго переулка къ „Нюрнбергскому Двору“. Здѣсь въ черной бархатной курткѣ командовалъ красивый молодой рабочій изъ Гейдельберга, пользовавшійся большой извѣстностью среди товарищей въ обширномъ округѣ по Рейну и Майну. Онъ одинъ стоялъ за баррикадой. Направо и налѣво въ домахъ засѣли блузники, принадлежавшіе, несомнѣнно, къ самымъ рѣшительнымъ и фанатичнымъ. Когда командиръ взмахивалъ шпагой, изъ двадцати двухъ мушкетовъ сверкалъ огонь, и пули мѣтко осыпали густо стѣснившихся за пушками чеховъ. Вотъ съ обѣихъ сторонъ раздается команда: „пли!“ Грохотъ залпа, нѣсколько секундъ тишины, затѣмъ доносится шумъ насосовъ, подающихъ воду для раненыхъ, раздается смутный гулъ голосовъ, потомъ снова нѣсколько мгновеній мертвой тишины и безпросвѣтнаго мрака. Картечь, отскакивая рикошетомъ, осыпала дома по правую и лѣвую сторону улицы. Когда нападающіе убѣдились, что за баррикадой никого нѣтъ, пушки были прямо направлены на дома. И передъ баррикадой и позади нея рабочіе видѣли враговъ, но продолжали бороться. Царитъ непроглядная тьма. Лишь на мгновеніе вспыхивающія жерла пушекъ временами выступаютъ изъ мрака, и тогда красный отблескъ ихъ пламени ярко освѣщаетъ высокіе пятиэтажные дома вплоть до самой крыши и отбрасываетъ длинныя черныя тѣни, мрачныя какъ гнѣвъ и лица народныхъ борцовъ, какъ тотъ гнѣвъ, который гналъ ихъ на вѣрную смерть или въ темницу“.

Покидая послѣднюю баррикаду, палъ юный вождь изъ Гейдельберга, послѣ того какъ онъ использовалъ свой послѣдній патронъ.

Со стороны народа было убито въ этотъ день 37 человѣкъ, много взято въ плѣнъ; плѣнники должны были выносить грубѣйшія издѣвательства со стороны чешскихъ солдатъ. Большинству изъ нихъ благодаря помощи франкфуртскаго населенія, особенно женщинъ, удалось бѣжать черезъ Майнъ. Потери войскъ, какъ и всегда, не были офиціально объявлены.

Инсургенты 18 сентября были осыпаны грубыми клеветами. Лишь немногіе историки воздали по достоинству одушевлявшимъ ихъ стремленіямъ. „Сердце,—говоритъ между прочимъ Циммерманъ,—горячо билось у нихъ ради чести и свободы Германіи, горячѣе, чѣмъ у тѣхъ сотенъ, которыя засѣдали въ соборѣ св. Павла. Эти дѣти народа видѣли, какъ большинство парламента стало враждебнымъ народу, хотя многіе депутаты совершили этотъ поворотъ не сознательно и не по доброй волѣ, но лишь по недомыслію или по слабости. Послѣ этого крушенія церкви св. Павла, похоронившаго ихъ надежды, они запылали гнѣвомъ. Вмѣстѣ съ ними боролась истекающая кровью Германія, такъ какъ національное собраніе само себя осудило на безсиліе. Жаль только что здѣсь нѣмцы дрались съ нѣмцами“.

Во время описаннаго сраженія разыгрался еще одинъ трагическій

инцидентъ. Лихновскій вмѣстѣ съ другимъ аристократомъ, прусскимъ генераломъ Ауэрсвальдомъ, выѣхалъ верхомъ какъ разъ въ то самое время, когда въ городѣ возставшіе демократы боролись съ войсками не на жизнь, а на смерть. Они были узнаны и подверглись преслѣдованію кучки народа. Близъ Фридбергскихъ воротъ имъ удалось укрыться въ домъ одного садовника. Съ криками: „Гдѣ шпіоны! Вотъ мы сейчасъ расправимся съ ними!“ толпа ворвалась въ домъ и вытащила обоихъ на улицу. Первымъ былъ убитъ Ауэрсвальдъ; Лихновскаго же толпа рѣшила удержать въ качествѣ заложника по совѣту одного врача, хотѣвшаго спасти такимъ образомъ этого столь ненавистнаго народу человѣка. Кто-то изъ толпы пожелалъ оторвать себѣ кусочекъ сюртука Лихновскаго „на память“, но Лихновскій, думая, что его хотятъ убить, отпрянулъ назадъ и бросился на обидчика, послѣ чего онъ былъ смертельно раненъ нѣсколькими выстрѣлами. Онъ умеръ въ тотъ же самый день. Говорятъ, что еще утромъ въ день смерти онъ крикнулъ какому-то блузнику: „Не далѣе какъ сегодня вечеромъ вы будете мишенью для выстрѣловъ“.

Реакція съ особенной энергіей и съ большимъ успѣхомъ использовала этотъ кровавый инцидентъ противъ демократіи. Это и не удивительно, такъ какъ Лихновскій принадлежалъ къ сливкамъ аристократіи и, какъ говорятъ, вмѣстѣ со своей пріятельницей, извѣстной герцогиней Саганъ, выработалъ планъ раздѣла Германіи между Пруссіей и Австріей, взявъ за границу Майнъ,—очень упрощенное рѣшеніе нѣмецкаго вопроса.

Убійство Ауэрсвальда и Лихновскаго принадлежитъ къ числу тѣхъ фактовъ, которые часто случаются при столкновеніи враждебныхъ общественныхъ силъ, когда такъ сильно разыгрываются всѣ человѣческія страсти. Несомнѣнно, подобныя кровавыя катастрофы достойны величайшаго осужденія; и все же реакціонные историки не имѣютъ основаній концентрировать свое „нравственное негодованіе“ именно на этомъ фактѣ. Какъ мы увидимъ, кровь побѣжденной демократіи лилась въ совсѣмъ иномъ количествѣ.

На другой день послѣ возстанія правитель имперіи объявилъ Франкфуртъ въ осадномъ положеніи.

Само собой разумѣется, что большинство парламента выразило свое довѣріе министерству Шмерлинга. Ему была гарантирована поддержка „въ его дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ для поддержанія нѣмецкаго единства“, а войска получили благодарность „за умѣренность, проявленную ими при подавленіи бунта“. Лѣвая также участвовала въ этомъ—до того она стала трусливой. Только Шаффратъ предложилъ присоединить къ „единству“ „свободу“, какъ будто бы министерство перемиріемъ при Мальмэ и гессенской картечью спасало свободу! Предложеніе благодарить войска за умѣренность исходило отъ „имперской канарейки“, Реслера изъ Эльса. Предложеніе это прошло, и такимъ образомъ господа на лѣвой благодарили войска за то, что они „съ умѣренностью“ избивали на улицахъ ихъ товарищей по партіи.

Послѣ этихъ событій не могло уже оставаться сомнѣнія относительно того, что большинство парламента враждебно демократіи. Франкфуртское собраніе вступило послѣ сентябрьскаго возстанія въ новую фазу. Ранѣе по крайней мѣрѣ соблюдался видъ, что собраніе ставитъ своей задачей сохранять мартовскія пріобрѣтенія; теперь стало совершенно ясно, что большинство играетъ въ руку реакціоннымъ властямъ, при чемъ колеблющіеся элементы всегда становятся въ концѣ-концовъ на сторону рѣшительныхъ реакціонеровъ.

Лѣвая была жестоко наказана за то, что не рѣшилась выйти изъ собранія. Все болѣе и болѣе поднимавшіе голову реакціонеры пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы осыпать ее оскорбленіями. Министры также не скрывали своего настроенія *). 20 сентября Робертъ Моль внесъ „законопроектъ касательно охраны національнаго собранія"—его и безъ того уже охраняли 12.000 человѣкъ,—а Штавенгагенъ требовалъ преслѣдованія прессы и особенно газеты „Reichstagszeitung" Роберта Блюма. На „Новую Рейнскую Газету" правая была также страшно раздражена за исторію о Шнаппханскомъ **).

По новому закону за всякое дѣйствіе, направленное противъ національнаго собранія, назначались тяжелыя наказанія, и народныя сходки не могли имѣть мѣсто ближе, чѣмъ на разстояніи 5 миль отъ парламента. Послѣ того какъ парламентъ достаточно защитился такимъ образомъ отъ народа, министръ Шмерлингъ внесъ предложеніе объ арестѣ и наказаніи тѣхъ депутатовъ, которые выступали на народномъ собраніи 17 сентября ***). Послѣ горячихъ дебатовъ парламентъ согласился на судебное преслѣдованіе противъ означенныхъ членовъ, но арестъ ихъ былъ отклоненъ. Судебное разбирательство ни къ чему не привело.

Поведеніе національнаго собранія вызвало еще нѣкоторыя революціонныя судороги. На швейцарской и французской границахъ скопилось значительное число бѣглецовъ, ожидавшихъ тамъ благопріятнаго поворота событій. Большинство изъ нихъ было не менѣе проникнуто духомъ довѣрія, чѣмъ члены парламента.

Въ то время какъ парламентъ, не сдѣлавъ еще ничего замѣчательнаго, кромѣ созданія реакціонной центральной власти, поспѣшилъ выковать парламентскую медаль съ именемъ Іоганна, бѣглые республиканцы напали на удивительную мысль сдѣлать пятипроцентный заемъ за счетъ будущей нѣмецкой республики. Предпріятіе встрѣтило болѣе

*) Извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что Шмерлингъ сказалъ по адресу депутата Шмидта изъ Левенберга, въ то время какъ послѣдній произносилъ рѣчь: „Это тоже одна изъ тѣхъ каналій, которыхъ намъ надо вышвырнуть вонъ".

**) Т.-е. о Лихновскомъ, приключенія котораго были тамъ разсказаны въ юмористическомъ освѣщеніи.

***) Старикъ Янъ требовалъ исключенія ихъ изъ состава парламента. Онъ замѣтилъ при этомъ: „Я не даю и не требую пощады!" Такъ говорилъ этотъ старый хвастунъ, когда ему удалось выкарабкаться изъ-подъ стола, куда онъ залѣзъ при первомъ же уличномъ шумѣ 18 сентября.

сочувственный откликъ, чѣмъ можно было бы думать. Возвратъ ссуженныхъ капиталовъ, съ присоединеніемъ 5 процентовъ, долженъ былъ произойти на другой день послѣ учрежденія нѣмецкой республики. Требовалась значительная доза оптимизма, чтобы вѣрить подобнымъ вещамъ, и все же имъ вѣрили.

Но если отъ имени будущей республики уже выпускались бумажныя деньги, отчего же не попытаться основать ее немедленно? Менѣе всего передъ такимъ планомъ могъ бы остановиться Густавъ Струве: вѣдь онъ былъ увѣренъ, что міръ обязанъ принимать тѣ самыя формы, которыя, при строжайшей вегетаріанской діэтѣ, складывались въ его собственномъ, изслѣдованномъ по всѣмъ правиламъ френологіи черепѣ.

Франкфуртскія событія оказали особенное дѣйствіе на баденцевъ, и во многихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Маннгеймѣ, возбужденіе народныхъ массъ проявлялось въ бурныхъ собраніяхъ. Струве полагалъ, что настало время для новаго возстанія. 20 сентября онъ находился въ Базелѣ, гдѣ издавалась его газета. Къ нему явилось нѣсколько баденскихъ демократовъ, обрисовавшихъ настроеніе страны въ свѣтѣ, въ высшей степени благопріятномъ для плана новаго возстанія; изъ Лерраха, напримѣръ, сообщалось, что тамошнее гражданское ополченіе ждетъ только сигнала, чтобы подняться. Струве быстро рѣшился; онъ далъ знать въ Леррахъ, что на слѣдующій день онъ явится туда, чтобы провозгласить республику. Такъ и случилось: 21 сентября 1848 года Струве въ сопровожденіи 8 или 10 единомышленниковъ явился въ Леррахъ *). Учрежденіе нѣмецкой республики не встрѣтило на своемъ пути никакихъ трудностей; Струве провозгласилъ ее съ высоты ратуши, а гражданскіе ополченцы, подъ предводительствомъ Пфлюгера и Мейзингера, арестовали членовъ мѣстной администраціи. Струве немедленно сталъ во главѣ новой республики, взявъ себѣ въ секретари молодого журналиста Карла Блинда изъ Маннгейма **). Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ Германской республики“ тотчасъ же появилось слѣдующее воззваніе:

„Къ германскому народу! Борьба народа противъ угнетателей началась. На улицахъ самого Франкфурта, въ резиденціи безсильнаго центральнаго правительства и болтливаго учредительнаго собранія, въ народъ стрѣляли картечью. Только мечъ можетъ спасти теперь нѣмецкій народъ. Стоитъ побѣдить реакціи во Франкфуртѣ, и такъ называемый „законный“ путь принесетъ Германіи больше гнета и эксплоатаціи, чѣмъ это могла бы сдѣлать самая кровопролитная война. Къ

---

*) Возможно, что этотъ день казался ему наиболѣе подходящимъ еще и потому, что 56 лѣтъ тому назадъ, 21 сентября 1792 г., была учреждена первая французская республика.

**) Блиндъ называлъ себя тогда соціалъ-демократомъ, конечно, не въ современномъ смыслѣ этого слова. Политическія колебанія этого политическаго болтуна достаточно извѣстны; въ 1870 году онъ уже выступилъ ярымъ сторонникомъ присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи, послѣ того какъ въ 1866 году его пасынокъ совершилъ покушеніе на Бисмарка.

оружію, германскій народъ! Только республика приведетъ насъ къ цѣли, къ которой мы стремимся. Да здравствуетъ германская республика! Отъ имени временнаго правительства: Густавъ Струве. Комендантъ главной квартиры В. В. Левенфельсъ. Секретарь Карлъ Блиндъ. Леррахъ, 21 сентября 1848 года".

Воззваніе, какъ видимъ, было очень энергично составлено; но этимъ исчерпывалось все, что могъ дать Струве. Все дальнѣйшее носитъ поистинѣ трагикомическій характеръ.

Въ тотъ же самый день Струве и Блиндъ издали указъ, согласно которому уничтожаются всѣ феодальныя повинности и выкупные платежи, а равнымъ образомъ всякіе платежи государству или церкви, за исключеніемъ таможенныхъ сборовъ *), и вводится на мѣсто ихъ прогрессивный подоходный налогъ. Вся земельная собственность государства, церкви и реакціонеровъ должна была перейти къ коммунамъ. „Отнынѣ,—гласитъ указъ,—господствуетъ законъ войны до тѣхъ поръ, пока германскій народъ не завоюетъ себѣ свободы!" Далѣе воззваніе предлагаетъ бить повсемѣстно въ набатъ, подниматься съ оружіемъ въ рукахъ и конфисковать деньги во всѣхъ казначействахъ.

Явились кое-какія подкрѣпленія изъ окрестностей Лерраха и изъ Швейцаріи; прибыли также нѣкоторые изъ вождей геккеровскаго похода. Но какъ разъ люди, свѣдущіе въ военномъ искусствѣ, Зигель и Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, остались въ сторонѣ: они считали предпріятіе безнадежнымъ.

Повстанцы раздѣлились на двѣ колонны, которыя предполагалось соединить передъ Фрейбургомъ, чтобы совмѣстными силами атаковать этотъ городъ. Во время похода республиканскіе отряды нѣсколько усилились, хотя не особенно значительно. Данныя о числѣ ихъ очень неопредѣленны: они колеблются между 10 и 3 тысячами. Очевидно, пришлось присоединиться многимъ изъ такого сорта людей, которые послѣ пораженія тотчасъ же обратились противъ демократовъ; при этомъ демократы прибѣгали къ опасному средству распространенія вымышленныхъ извѣстій о своихъ побѣдахъ **). Колонны дѣйствовали безъ всякой связи между собою и безъ общаго плана.

Правитель имперіи, рѣшительно выступавшій впередъ, когда требовалось усмирять демократію, издалъ приказъ объ энергичномъ подавленіи возстанія. Желѣзныя дороги во многихъ мѣстахъ Бадена были разрушены, такъ какъ народъ въ значительной степени симпатизиро-

*) Эта трогательная заботливость о филистерахъ, жаждущихъ таможеннаго покровительства, всегда отличала Струве; она и впослѣдствіи еще очень долго сохранялась у буржуазной демократіи, до тѣхъ самыхъ поръ, пока Бисмаркъ не открылъ ей глаза на истинный смыслъ высокихъ таможенныхъ ставокъ. Характерно, что и въ началѣ XX вѣка „демократы" молодыхъ странъ по тожественнымъ соображеніямъ высказываются противъ включенія въ программу такого требованія, какъ уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ: политикъ-реалистъ, говорятъ они, не выставитъ этого требованія, потому что удовлетвореніе его повело бы къ уничтоженію таможеннаго покровительства промышленности.

**) Впрочемъ, самъ Струве, по всей вѣроятности, въ этомъ не былъ повиненъ.

валъ возстанію. Но лишь очень немногіе примыкали къ инсургентамъ, Баденскій генералъ Гофманъ, знавшій это, не сталъ дожидаться имперскихъ войскъ и двинулся противъ возставшихъ съ 1.000 человѣкъ, находившихся въ его распоряженіи *). 24 сентября между Фрейбургомъ и Мюльгеймомъ, близъ Штауфена, онъ натолкнулся на республиканскую колонну подъ предводительствомъ Левенфельса; послѣдняя подошла сюда черезъ Шлингенъ и Мюльгеймъ; въ ней находились: самъ Струве, его жена, Карлъ Блиндъ и зять Струве, Педро Дюсаръ. Ядро инсургентовъ, оба батальона леррахскаго гражданскаго ополченія, было въ это время уже за горами, двигаясь по направленію къ Фрейбургу. Когда Левенфельсъ, солдатъ по призванію, увидѣлъ приближающіяся войска, онъ бросился съ своими волонтерами къ Штауфену. Городъ былъ забаррикадированъ, Струве изъ ратуши призывалъ населеніе Штауфена къ борьбѣ. Но едва баденская артиллерія открыла огонь, штауфенцы поспѣшили укрыться въ свои дома. Сраженіе продолжалось не болѣе часу; войска взяли городъ штурмомъ, и республиканцы, оставивъ 11 человѣкъ убитыми, обратились въ бѣгство. Войска были страшно раздражены и перебили всѣхъ плѣнныхъ **).

Струве, жена его, Блиндъ и Дюсаръ были арестованы близъ Шопфгейма; настроеніе быстро измѣнилось, и тѣ самые филистеры, которые только что кричали „ура" республикѣ, теперь оказали поддержку реакціонному гражданскому ополченію. Плѣнниковъ отвезли въ Зекингенъ, гдѣ Струве на этотъ разъ уже не нашелъ друга, который освободилъ бы его. Затѣмъ ихъ перевели въ Мюльгеймъ и предали военному суду, который однако объявилъ себя некомпетентнымъ, такъ какъ Струве и Блиндъ были арестованы до объявленія военнаго положенія. Только благодаря этому оба они избѣжали разстрѣла. Ихъ содержали потомъ подъ стражей въ Раштаттѣ. Мужественная молодая жена Струве была подвергнута строгому заключенію въ башнѣ во Фрейбургѣ.

Республиканцы, не принимавшіе участія въ сраженіи подъ Штауфеномъ, быстро разсѣялись. На голову Струве, неудачное предпріятіе котораго получило названіе „бунта Струве", посыпался градъ насмѣшекъ и клеветы. Историкъ Гейссеръ обвиняетъ его въ своей книгѣ о баденскомъ возстаніи въ томъ, что онъ двинулся въ путь съ 16.000 гульденовъ „награбленныхъ денегъ",—клевета, которую г. Гейссеръ съ истинно профессорской беззастѣнчивостью повторилъ еще разъ въ 60-хъ годахъ, когда Струве вернулся изъ Америки.

Приверженцы Струве сваливаютъ вину за пораженіе на Левенфельса. Конечно, Левенфельсъ не былъ полководцемъ; но когда гово-

*) Баденскій министръ Беккъ опредѣляетъ число ихъ всего въ 800 человѣкъ.

**) Баденскій министръ Беккъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Т а к ъ, н а п р и м ѣ р ъ, утромъ 25 сентября (стало быть, уже черезъ день послѣ сраженія!), когда изъ одного дома въ Штауфенѣ снова раздались выстрѣлы въ войска, послѣднія застрѣлили на мѣстѣ забравшихся туда бунтовщиковъ". Демократическія газеты утверждаютъ, что при этомъ были убиты 6 музыкантовъ, спрятавшихся въ амбарѣ. „Такъ, напримѣръ" въ разсказѣ министра заставляетъ предполагать, что происходили и еще подобные же инциденты, о которыхъ онъ не упоминаетъ

рять, что онъ не долженъ былъ вступать въ сраженіе „со своими неопытными волонтерами“, спрашивается, что же ему оставалось дѣлать при Штауфенѣ. Въ связи съ возстаніемъ Струве стояли лишь немногія мѣстныя движенія; остальныя сентябрьскія возстанія не были, какъ это утверждали реакціонеры, результатомъ общаго революціоннаго плана, но возникали въ каждомъ данномъ мѣстѣ совершенно самопроизвольно и независимо.

Въ концѣ сентября произошло возстаніе въ Вюртембергѣ. Лѣтомъ тамошнія войска въ значительной мѣрѣ принимали участіе въ движеніи. Расположенный гарнизономъ въ Гейльброннѣ восьмой полкъ вюртембергской пѣхоты возмутился, выработалъ на общемъ собраніи свои требованія и поручилъ фурьеру Гартману представить ихъ начальству. Начальство арестовало Гартмана. Среди солдатъ и горожанъ это произвело необычайное волненіе. Въ то же время появились новыя войска, которыя препроводили 8-й полкъ въ Людвигсбургъ. Тамъ дѣло едва не дошло до сраженія. Въ концѣ-концовъ восьмой полкъ, лишенный всякаго руководства, позволилъ себя разоружить, шестьдесятъ человѣкъ изъ него были уведены въ Аспергъ и присуждены впослѣдствіи къ тяжелымъ наказаніямъ.

Швабская демократія всегда отличалась полнымъ отсутствіемъ единодушія *) и потому попытка возстанія, предпринятая Рау изъ Гайльдорфа въ сентябрѣ 1848 года, еще вѣрнѣе была обречена на неудачу, чѣмъ бунтъ Струве. Рау, пылкій демократъ съ нѣсколько неопредѣленными соціалистическими аллюрами, попробовалъ поднять возстаніе въ области верхняго Неккара. Онъ встрѣтилъ сочувствіе лишь въ Роттвейлѣ и Шрамбергѣ. Убѣдившись въ слабости движенія, онъ самъ отказался отъ своего предпріятія. Онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Аспергъ. Мысль использовать въ интересахъ возстанія канштатскій народный праздникъ, на который ежегодно стекались тысячи народа, также оказалась невыполнимой.

Въ Кельнѣ въ сентябрѣ имѣли мѣсто очень рѣзкія столкновенія между горожанами и войсками. Образовался комитетъ общественной безопасности. „Благомыслящіе“ пытались выступить посредниками. Но возбужденіе росло, такъ какъ къ этому времени подоспѣли еще извѣстія объ угрозахъ Врангеля, направленныхъ противъ берлинской демократіи. Былъ произведенъ рядъ арестовъ; между прочимъ задержанъ и „красный Беккеръ“. 25 сентября на Старомъ Рынкѣ должно было состояться народное собраніе. Оно имѣло мѣсто, несмотря на запрещеніе начальства; „Вольфъ казематовъ“ занялъ предсѣдательское мѣсто. Раздались горячія рѣчи. Гражданское ополченіе, стоявшее кру-

*) Среди швабскихъ демократовъ тогда было не мало крайне „ярыхъ“. Къ послѣднимъ принадлежалъ между прочимъ докторъ Оскаръ Вехтеръ, который въ 1848 г. ходилъ въ блузѣ и красномъ галстукѣ и участвовалъ въ потопленіи портрета прусскаго короля въ Фейерзэ въ Штутгартѣ. Теперь онъ, какъ и многіе изъ его тогдашнихъ товарищей, благомыслящій націоналъ-либералъ. Извѣстный Іоганнъ Шерръ тогда тоже принадлежалъ къ числу самыхъ „ярыхъ“.

гомъ, въ значительной части симпатизировало народу. Внезапно пронесся крикъ: „Пруссаки идутъ!“ Толпа бросилась строить баррикады, ударили въ набатъ. Войска быстро разогнали народъ, разрушили баррикады и произвели аресты. Гражданское ополченіе благоразумно удалилось...

Кельнъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи и гражданское ополченіе разоружено. Начальство закрыло всѣ союзы „съ политическими или соціальными задачами“, запретило собираться болѣе 20 человѣкъ днемъ и болѣе 10 ночью; трактирщикамъ было предписано запирать свои заведенія въ 10 часовъ вечера. Всѣмъ, кто попытался бы оказать сопротивленіе, угрожалъ военный судъ. „Новая Рейнская Газета“, органъ соціалистической партіи, была запрещена; той же участи подверглись три другія газеты; изданы были приказы объ арестѣ нѣкоторыхъ редакторовъ „Новой Рейнской Газеты“.

Неудача кельнскихъ баррикадъ была тяжелымъ ударомъ для всей рейнской демократіи *). Осадное положеніе было отмѣнено 4 октября, и „Новая Рейнская Газета“ стала выходить снова.

Усмиреніе этого возстанія и другихъ мѣстныхъ вспышекъ принесло большое удовлетвореніе парламентаріямъ во Франкфуртѣ на Майнѣ; теперь они снова получили возможность спокойно испускать изъ себя цѣлые потоки краснорѣчія.

Въ Шлезвигъ-Голштиніи также наступило желанное затишье. Правда, шлезвигъ-голштинское національное собраніе обнаружило упорную несговорчивость, но и оно уступило, когда договоръ былъ ратификованъ, и тогда комиссары, назначенные совмѣстно Германіей и Даніей, посадили новое правительство, состоявшее изъ Мольтке, Ревентлова, Гейнце, Прейссера и Бойсена.

Между тѣмъ собраніе счастливо закончило обсужденіе основныхъ правъ и—черезъ пять мѣсяцевъ послѣ начала засѣданій—приступило къ выработкѣ конституціи. Въ то же самое время центральное правительство дѣлало Швейцаріи строжайшія представленія по поводу баденскихъ бѣглецовъ; оно требовало даже „удовлетворенія за набѣги нѣмецкихъ республиканцевъ изъ Швейцаріи“. Однако это центральное правительство, смотря по обстоятельствамъ то мягкое, то рѣшительное, добилось отъ маленькой Швейцаріи лишь ничтожныхъ уступокъ.

---

*) Изъ Дюссельдорфа, гдѣ въ это время находился юный Лассаль, появилась отъ 25 сентября въ реакціонной „Vossische Zeitung“ слѣдующая замѣтка: „Третьяго дня здѣшній республиканскій клубъ сталъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ, такъ какъ два носильщика, Ведекиндъ и Мецъ, палками разогнали его собраніе, обсуждавшее благодарственный адресъ героямъ франкфуртскихъ баррикадъ. Въ результатѣ сегодня на улицѣ среди бѣлаго дня въ присутствіи графини фонъ-Гацфельдъ, главы упомянутаго клуба, произошелъ рядъ дракъ между членами цеха носильщиковъ, что, впрочемъ, не вызвало дальнѣйшаго нарушенія порядка въ городѣ“.—Итакъ, позднѣйшая основательница „женской линіи лассальянцевъ“ пережила еще въ то время періодъ республиканской бури и натиска. Впрочемъ, въ замѣткѣ событія, очевидно, въ значительной степени искажены; интересно только, что реакціонеры выступили героями палочной расправы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

«Черно-желтые» и «черно-красно-золотые».

Убійство Ламберга въ Пештѣ дало черно-желтымъ (черно-желтый—національные цвѣта Австріи—сдѣлались символомъ ея стараго строя; черно-красно-золотой—символъ единой, новой Германіи) реакціонерамъ поводъ къ энергическимъ вылазкамъ противъ Венгріи; реакціонеры всегда умѣютъ ловко воспользоваться такими моментами, когда народъ, выведенный изъ себя вызывающимъ поведеніемъ своихъ враговъ, набрасывается на перваго попавшагося представителя ненавистной системы и расправляется съ нимъ. Въ шенбруннскомъ дворѣ не мало имѣлось людей, проливавшихъ крокодиловы слезы по поводу смерти Ламберга; но втайнѣ они радовались, что полный разрывъ съ Венгріей сталъ, наконецъ, совершившимся фактомъ благодаря кровавому инциденту на Пештскомъ мосту.

Впрочемъ, сначала камарилья не слишкомъ-то радовалась. Правда, Еллачичъ, вождь кроатовъ,—которые не только своими красными мантіями, но и своей дикой расправой съ населеніемъ напоминали своихъ предковъ изъ эпохи свирѣпаго Тренка,—Еллачичъ разбилъ отрядъ венгерскихъ волонтеровъ, но 29 сентября онъ натолкнулся при Веленче на венгерское войско, занявшее очень сильную позицію. Онъ попытался прорвать линію венгровъ. Генералъ Мога, командовавшій послѣдними, очевидно, старался уклониться отъ битвы, вовсе не желая серьезно драться съ защитникомъ дома Габсбурговъ. Но мадьяры съ одушевленіемъ бросились въ битву, и Еллачичъ долженъ былъ отступить. Его арьергардъ былъ недѣлю спустя окруженъ венграми и взятъ въ плѣнъ.

Австрійскій военный министръ Латуръ всѣми силами старался поддержать отступавшаго передъ венграми Еллачича. Это вывело вѣнскую демократію изъ ея беззаботно-довѣрчиваго настроенія. Теперь, наконецъ, демократы окончательно убѣдились, что камарилья бросилась въ объятія славянъ. 4 октября императорскій манифестъ объявилъ венгерскій рейхстагъ распущеннымъ и назначилъ бана Еллачича главнокомандующимъ военными силами Венгріи. Этотъ манифестъ произвелъ въ Вѣнѣ чуть ли не большее впечатлѣніе, чѣмъ въ Пештѣ. Возбужденная толпа сновала по вѣнскимъ улицамъ; газеты говорили о грандіоз-

номъ заговорѣ между придворной камарильей и чехами, документальныя доказательства котораго будто можно было бы найти у военнаго министра Латура; народные ораторы въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападали на правительство и черно-желтый рейхстагъ. Всѣмъ было ясно, что пораженіе Венгріи будетъ равносильно гибели всѣхъ завоеванныхъ Австріей вольностей.

Часто утверждаютъ, что вѣнцы во время октябрьскаго возстанія сами толкомъ не знали, чего они собственно хотятъ *). Въ дѣйствительности они знали это очень хорошо. Поддержать Венгрію было для нихъ въ высшей степени важно, разъ они хотѣли нанести рѣшительный ударъ реакціи. Неудача предпріятія въ значительной степени должна быть приписана неспособности вождей. Какъ бы то ни было, вѣнцы правильно опредѣлили положеніе дѣлъ, иначе они не стали бы поднимать возстанія. Для простого препровожденія времени такихъ возстаній не устраиваютъ.

Возбужденіе достигло высшей степени, когда стало извѣстно, что многіе нѣмецкіе полки получили приказаніе двинуться въ Венгрію, чтобы усилить собою войска бана Еллачича. Народное движеніе выросло въ настоящую бурю, но министры не обращали на него вниманія. Уже изъ дебатовъ въ рейхстагѣ Латуръ могъ бы убѣдиться, что у него не много друзей, но ненависть къ Венгріи сдѣлала его слѣпымъ **). Онъ считалъ движеніе въ Вѣнѣ настолько ничтожнымъ, что рѣшился даже ослабить имѣвшіяся въ Вѣнѣ военныя силы, чтобы только поскорѣе увидать желанное пораженіе Венгріи.

5 октября въ Венгрію отправился итальянскій полкъ, къ чему его удалось побудить только насильственными мѣрами. На слѣдующій день долженъ былъ выступить нѣмецкій батальонъ гренадеръ, такъ называемый батальонъ Рихтера. Еще наканунѣ, вечеромъ 5 октября, этотъ батальонъ, расквартированный въ предмѣстьи Гумпендорфъ, далъ замѣтить, что онъ не расположенъ драться съ венграми; еще раньше онъ не разъ высказывалъ свои симпатіи рабочимъ и гражданскому ополченію предмѣстій. 5-го октября состоялось народное собраніе, высказавшееся въ томъ смыслѣ, что союзъ двора со славянами угрожаетъ пріобрѣтеніямъ мартовскихъ дней. „Если Венгрія будетъ порабощена,— воскликнулъ одинъ ораторъ,—граждане, повѣрьте мнѣ, мало-по-малу похитятъ свободу и у всей Австріи; не надо быть даже австрійцемъ, чтобы высказать это пророчество“.

Уже изъ этихъ словъ очевидно, что вѣнцы прекрасно понимали, чего имъ нужно.

*) Въ одной карикатурѣ тѣхъ дней Господь смотритъ на Вѣну съ облаковъ и говоритъ: „Хотя Я, какъ извѣстно, всевѣдущъ, но чего желаютъ вѣнцы, Я не знаю!“ Шутка не дурна, но за остроуміе здѣсь расплачивается истина.

**) Чехъ Ригеръ между прочимъ крикнулъ ему при всеобщемъ одобреніи: „Вы должны подчиниться постановленію палаты!“ Господинъ Ригеръ умѣлъ быть энергичнымъ, когда хотѣлъ этого.

Собраніе единогласно постановило всѣми силами препятствовать отправкѣ войскъ въ Венгрію.

Лойяльные граждане Гумпендорфа послали депутацію къ Латуру, совѣтуя ему взять назадъ приказъ о выступленіи; но этотъ самолюбивый старикъ упорно стремился къ собственной гибели и не хотѣлъ слушать никакихъ предостереженій.

Утромъ 6 октября къ сѣверному вокзалу со всѣхъ сторонъ стекались вооруженные люди: часть академическаго легіона, гражданское ополченіе изъ предмѣстья и масса рабочихъ, вооруженныхъ кирками, топорами, лопатами и желѣзными стержнями. Въ городѣ раздавался генералъ-маршъ. Батальонъ Рихтера, смѣшавшись съ гражданскимъ ополченіемъ, также явился къ вокзалу; было выставлено нѣсколько эскадроновъ кирасиръ и одинъ галиційскій батальонъ съ четырьмя пушками, чтобы въ случаѣ надобности принудить батальонъ Рихтера къ выступленію. Генералъ Бреди командовалъ войсками.

Около 11 часовъ произошло столкновеніе. Гренадеры батальона Рихтера сдѣлали видъ, что желаютъ перейти къ народу, а рабочіе попытались овладѣть пушками. Когда генералъ Бреди увидѣлъ, что рабочіе приближаются къ пушкамъ, онъ приказалъ галиційскому батальону открыть огонь. Раздался залпъ—и нѣсколько рабочихъ упало. Академическій легіонъ и гражданское ополченіе тотчасъ же отвѣтили на выстрѣлы. Генералъ Бреди и его адъютантъ были убиты, и закипѣла кровавая битва, длившаяся около часа. Батальонъ Рихтера перешелъ на сторону народа, пушки были взяты, и одна изъ нихъ выстрѣлила,—одинъ рабочій догадался употребить спичку вмѣсто фитиля. Кирасиры бросились на возставшихъ, но вмѣстѣ съ пѣхотой были обращены въ бѣгство.

Во время сраженія волненіе охватило весь городъ; раздался набатъ, улицы кишѣли народомъ. Войска по большей части выступили изъ города. Что касается гражданскаго ополченія, то большая часть его направилась къ актовому залу университета; нѣкоторое время казалось, что среди него одержали перевѣсъ черно-желтые элементы; городскія ворота были закрыты, и на стѣнахъ приготовлены пушки, чтобы отрѣзать сообщеніе съ предмѣстьями. Но картина рѣзко измѣнилась, когда явилась побѣдоносная толпа съ головой убитаго генерала Бреди на пикѣ. Пушки были тотчасъ же захвачены студентами и рабочими.

На площади Стефана, гдѣ расположилось черно-желтое гражданское ополченіе, произошла жаркая стычка. Черно-желтые забаррикадировались въ церкви св. Стефана; инсургенты взяли ее приступомъ. Сраженіе продолжалось внутри церкви, пока черно-желтые не были окончательно побѣждены. Между тѣмъ на улицахъ кипѣла борьба съ войсками; вездѣ выросли баррикады. При неумолчномъ громѣ пушекъ и звукахъ набата возстаніе все росло и росло, такъ что войска въ концѣ-концовъ были подавлены превосходными силами повстанцевъ. Они вынуждены были очищать улицу за улицей, и, наконецъ, главнокомандующій графъ Ауэрспергъ отказался отъ дальнѣйшаго сопротивленія, такъ какъ значительная часть войска стала ненадежной.

Съ большимъ мужествомъ атаковали вѣнцы арсеналъ; солдаты защищались мужественно. Академическій легіонъ обстрѣливалъ его изъ пяти пушекъ. Борьба, стоившая цѣлой массы жертвъ, продолжалась всю ночь напролетъ. Только въ шесть часовъ утра на слѣдующее утро арсеналъ былъ взятъ, и весь народъ снабдилъ себя оттуда оружіемъ.

Въ то же утро собрались министры, безпомощные, не зная, что предпринять. Рейхстагъ не былъ въ сборѣ, и президентъ Штробахъ уклонялся отъ созыва засѣданія. Только къ 4-мъ часамъ вечера онъ уступилъ, но тотчасъ же поспѣшилъ скрыться. Большинство министровъ также исчезло; только военный министръ Латуръ и министръ финансовъ Краусъ остались. Краусъ въ теченіе всей революціи пребывалъ въ Вѣнѣ, сохраняя свой постъ императорскаго министра,—фактъ, чрезвычайно характерный. Вожди вѣнской демократіи, несмотря на пушки, баррикады и набатъ, продолжали относиться къ окружающимъ событіямъ съ тѣмъ же добродушіемъ, какъ и въ теченіе всего лѣта,—въ противномъ случаѣ министръ Краусъ не могъ бы, конечно, спокойно сохранять въ Вѣнѣ свою должность, въ то время какъ императорскія войска бомбардировали городъ.

Ярость народа, понесшаго во время борьбы за революцію сильныя потери, цѣликомъ направилась на несчастнаго военнаго министра Латура, на котораго, какъ на орудіе ненавистной камарильи, взваливали всю вину за катастрофу. Взволнованная толпа бросилась къ военному министерству. Министры Добльгофъ, Бахъ и Вессенбергъ въ самый послѣдній моментъ убѣжали оттуда вмѣстѣ съ другими сановниками; Латуръ остался съ нѣсколькими адъютантами. Въ военномъ министерствѣ находилось около 150 гренадеръ, которые, повидимому, симпатизировали народу. Латуръ послѣ колебаній и нерѣшительности, такъ характерныхъ для него, самъ приказалъ имъ не пускать въ ходъ оружія.

Толпа заполнила дворъ военнаго министерства. „Гдѣ военный министръ? Онъ нуженъ намъ!"—пронесся угрожающій крикъ. Если бы Латуръ вышелъ въ этотъ моментъ, его бы лишь взяли въ плѣнъ и передали кому-либо изъ вождей; но онъ поспѣшно скинулъ свою генеральскую форму и спрятался. Это было принято за доказательство виновности и негодованіе противъ него возросло. Явилась депутація отъ рейхстага съ Боррошемъ во главѣ. „Латуръ долженъ выйти въ отставку!"—„Бахъ тоже!"—кричали ему сотни голосовъ. Боррошъ взялъ слово и обѣщалъ отставку министровъ. Онъ считалъ это достаточнымъ для успокоенія народа. Депутатъ Смолка убѣдилъ Латура подписать свою отставку. Затѣмъ Латура хотѣли провести черезъ раздраженную толпу подъ защитой нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ и депутатовъ. Но это не удалось. Какъ только министръ показался на дворѣ, къ нему бросилась разсвирѣпѣвшая толпа, и онъ былъ убитъ сабельными ударами и штыками. Какъ часто бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, среди толпы нашлось нѣсколько дикарей, звѣрски изуродовавшихъ трупъ и потомъ вздернувшихъ его на газовый фонарь.

Событіе это было, конечно, использовано реакціей по мѣрѣ силъ и

возможности. Смерть Латура явилась для нея прекрасно помѣщеннымъ капиталомъ, принесшимъ большіе проценты. Смерть Латура дала очень удобный предлогъ для оправданія всякихъ жестокостей. Впрочемъ, и безъ этого предлога реакція, конечно, не была бы мягче.

Въ то время какъ громъ пушечныхъ и ружейныхъ залповъ у арсенала разносился по всему охваченному возстаніемъ городу, рейхстагъ подъ предсѣдательствомъ Смолки обсуждалъ положеніе дѣлъ. Онъ назначилъ комитетъ безопасности, убѣждалъ сохранять спокойствіе и принялъ адресъ Пиллерсдорфа, въ которомъ къ императору обращена просьба назначить новое „дружественное народу“, „популярное“ министерство съ оставленіемъ однако въ составѣ его Доблъгофа и Горнбостля. Поздно ночью депутація направилась въ Шенбруннъ, чтобы передать этотъ адресъ императору. Другая депутація направилась къ генералу Ауэрспергу, главнокомандующему расположенными въ Вѣнѣ войсками, и потребовала отъ послѣдняго ничего не предпринимать противъ города. Генералъ и безъ того не могъ перейти въ наступленіе.

Фердинандъ согласился назначить „дружественное народу“ министерство, и депутація въ восхищеніи возвратилась въ Вѣну. Но тутъ вмѣшалась камарилья, успѣвшая нѣсколько оправиться отъ своего страха. Рано утромъ 7-го октября она уже совершенно склонила императора на свою сторону. Онъ подписалъ манифестъ, звучавшій совсѣмъ иначе, чѣмъ тѣ обѣщанія, которыя были даны депутатамъ; послѣ этого дворъ вмѣстѣ съ императоромъ со всевозможной поспѣшностью отбылъ въ Ольмюцъ. Итакъ, на этотъ разъ онъ отправился не къ вѣрнымъ тирольцамъ, а къ славянамъ, чтобы проявить по отношенію къ нимъ особую императорскую милость и показать, какое высокое мѣсто отводится имъ отнынѣ въ имперіи. Во время бѣгства Фердинанда повсюду съ почетомъ встрѣчали крестьяне, что вовсе не удивительно, особенно если вспомнить, что въ самой Вѣнѣ было не мало лойяльныхъ революціонеровъ.

Въ рейхстагѣ появился министръ Краусъ и заявилъ, что у него имѣется бумага, содержащая проектъ манифеста, уже скрѣпленный собственноручной подписью императора. Однако онъ съ своей стороны не считаетъ возможнымъ подписать манифестъ, такъ какъ содержаніе его противорѣчитъ его конституціонному образу мыслей. Онъ передаетъ поэтому бумагу высокому дому, предоставляя ему сдѣлать изъ нея „какое угодно употребленіе“.

Эта мило разыгранная маленькая комедія привела рейхстагъ въ такой восторгъ, что онъ поспѣшилъ утвердить для ловкаго Крауса налоги и кредиты. При дворѣ комедія была прекрасно понята и оцѣнена, и Краусъ сохранялъ свою должность до самаго 1851 г. Для двора было, безъ сомнѣнія, очень важно сохранить въ теченіе всей революціи своего министра въ Вѣнѣ *).

*) Краусъ такъ ловко игралъ свою роль, что впослѣдствіи, когда онъ велъ переговоры съ Виндишгрецемъ, онъ далъ отвести себя въ лагерь фельдмаршала съ завязанными глазами. Въ Вѣнѣ нашлись люди, придававшіе этому огромную важность.

Въ манифестѣ Фердинандъ говоритъ, что его любовь и доброта, наконецъ, исчерпаны. Онъ сдѣлалъ все: созвалъ рейхстагъ, вернулся въ Вѣну. „Но,—говорится тамъ далѣе,—небольшая кучка заблудшихъ угрожаетъ гибелью надеждамъ всѣхъ истинныхъ друзей отечества; анархія достигла крайнихъ предѣловъ. Вѣна охвачена убійствами и поджогами. Мой военный министръ, котораго должны бы защитить уже его преклонныя лѣта, убитъ руками разбойничьей шайки. Возлагая надежды на Бога и мое право, я покидаю окрестности моей столицы, дабы найти средство пособить порабощенному народу. Всѣ, кто любитъ Австрію, кто любитъ свободу, сплотитесь вокругъ вашего императора“.

И они стеклись, всѣ тѣ, которые, по словамъ манифеста, „любятъ свободу“: царедворцы и придворныя дамы, духовенство и дворяне, солдаты и бюрократы и толпа чешскихъ черно-желтыхъ депутатовъ рейхстага. Ригеръ тотчасъ же вступилъ въ соглашеніе съ Виндишгрецемъ и послѣдній соединилъ вмѣстѣ всѣ расположенныя въ Богеміи и Моравіи войска. Дворъ далъ Виндишгрецу совѣтъ не вступать въ переговоры съ рейхстагомъ. Виндишгрецъ уже ранѣе былъ „на всякій случай“ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ монархіи; но офиціально особыя полномочія были сообщены ему только 16 октября.

Начиная съ 7 октября, дороги, ведущія въ Вѣну, представляли изъ себя очень оживленную картину. „Добрые граждане“, капиталисты, рантье, однимъ словомъ, люди, которымъ было за что бояться, массами бѣжали изъ столицы. Мостовая Вѣны жгла имъ ноги, и вся атмосфера стала для нихъ слишкомъ душной. Они захватывали съ собою по возможности все цѣнное и очень огорчались, что невозможно увезти дома. Города и деревни въ окрестностяхъ Вѣны были переполнены „веселыми“ вѣнцами, стремившимися удалиться съ театра борьбы; въ одномъ Баденѣ ихъ, говорятъ, пріютилось до 20.000.

Теперь-то обнаружилось, какую ошибку сдѣлала демократія, допустивъ выслать массу рабочихъ изъ Вѣны, а оставшихся укротить пулями вооруженной буржуазіи. Рабочіе утратили былое довѣріе и уже не обнаруживали готовности всей массой защитить демократію, хотя 6 октября и приняли энергичное участіе въ движеніи.

Разъ демократія отважилась на такой смѣлый шагъ, какъ открытое возстаніе, ей необходимо было, если она только не хотѣла погибнуть навѣрняка, рѣшительно взять въ свои руки кормило правленія, у котораго къ тому же въ данный моментъ никто не стоялъ. Демократіи слѣдовало сформировать правительство, организовать сопротивленіе камарильѣ и Виндишгрецу и всѣми силами постараться укрѣпить союзъ съ мадьярами. Необходимость такого союза была яснѣе дня; и въ Вѣнѣ и въ Пештѣ онъ одинаково навязывался самымъ ходомъ событій.

Но демократія, когда въ руки ея попала власть, обнаруживала дѣтскую наивность и безпомощность. Не умѣя удержать власть въ своихъ рукахъ, она предоставила захватывать ее всякому желающему.

А вѣдь отъ этой демократіи въ значительной степени зависѣла судьба всей Германіи, такъ такъ въ случаѣ побѣды вѣнской демократіи движеніе въ пользу нѣмецкаго единства стало бы непобѣдимымъ; напротивъ, въ случаѣ побѣды черно-желтой реакціи единая Германія становилась вообще невозможной.

Ауэрспергъ, стоявшій подъ Вѣной, не былъ увѣренъ въ своихъ войскахъ: они начали проникаться симпатіей къ вѣнцамъ и были раздражены задержками жалованья.

Исходъ дѣла зависѣлъ отъ того, смогутъ ли вѣнцы помѣшать соединенію войскъ Виндишгреца, Ауэрсперга и Еллачича. Но въ Вѣнѣ не было человѣка съ смѣлой иниціативой, и Ауэрспергу позволили спокойно стоять со своими войсками подъ Вѣной. Герой Еллачичъ между тѣмъ не рѣшался приблизиться и старался скрыть свою трусость громкими фразами *).

Войска Ауэрсперга и Еллачича соединились уже 11 октября, такъ что получилась въ общемъ армія около 50.000 численностью; однако они еще не рѣшались перейти въ наступленіе, имѣя въ тылу у себя венгровъ. Они дождались приглашенія со стороны Виндишгреца. Послѣдній издалъ прокламацію къ чехамъ, въ которой высказалъ увѣренность, что спокойствіе и порядокъ не будутъ нарушены въ Прагѣ. Довѣріе его не было обмануто, ибо Виндишгрецъ теперь участвовалъ въ заговорѣ съ тѣми самыми чехами, которыхъ онъ съ такимъ кровопролитіемъ усмирялъ въ іюнѣ.

Въ Вѣнѣ, гдѣ еще не рѣшались напасть на генерала Ауэрсперга и Еллачича, двигавшихся со своими войсками вокругъ города безъ всякаго опредѣленнаго плана, національная гвардія избрала своимъ главнокомандующимъ бывшаго лейтенанта Венцеля Мессенгаузера и рейхстагъ утвердилъ его. Выборъ былъ очень неудаченъ, такъ какъ Мессенгаузеръ былъ прекраснымъ мечтателемъ, почти флегматикомъ по темпераменту. Въ такое время нуженъ былъ человѣкъ съ желѣзной энергіей, между тѣмъ какъ Мессенгаузеръ съ трогательной преданностью силѣ рока шелъ навстрѣчу своей печальной судьбѣ. Наиболѣе удачнымъ шагомъ во всей его дѣятельности была передача польскому офицеру Іосифу Бему дѣла организаціи укрѣпленій и защиты отъ внѣшняго врага. Бемъ вполнѣ отвѣчалъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя на него возлагали **). Онъ сдѣлалъ Вѣну способной къ самозащитѣ, за-

*) Депутаціи рейхстага, требовавшей, чтобы онъ оставилъ почву Австріи, на которую онъ принужденъ былъ вступить, вытѣсненный венграми, онъ отвѣтилъ: „Какъ слуга государства, я обязанъ укрощать анархію, какъ солдатъ, я намѣчаю путь моего похода громомъ пушекъ“. Однако, пока что, онъ не спѣшилъ двигаться на громъ пушекъ.

**) Бемъ участвовалъ еще въ наполеоновскомъ походѣ 1812 года. Во время польскаго возстанія 1830—31 гг. онъ отличился блестящимъ артиллерійскимъ нападеніемъ въ битвѣ подъ Остроленкой. Бемъ, очевидно, надѣялся, что побѣда вѣнской демократіи и мадьяръ приведетъ къ возстановленію Польши; поэтому онъ поспѣшилъ въ Вѣну и въ качествѣ члена лембергской національной гвардіи отдалъ себя въ распоряженіе рейхстага. Онъ сумѣлъ достигнуть уваженія и довѣрія войскъ, несмотря на то, что едва изъяснялся по-нѣмецки.

баррикадировалъ всѣ входы и возстановилъ старыя укрѣпленія, насколько это было возможно. Вѣна несомнѣнно могла бы долго выдерживать натискъ непріятеля, если бы только она имѣла достаточное число защитниковъ и болѣе энергичныхъ высшихъ руководителей. Ничтожныя подкрѣпленія изъ Зальцбурга, Брюнна и нѣкоторыхъ другихъ городовъ не могли особенно увеличить ея силы; крестьяне оставались въ сторонѣ отъ движенія, особенно послѣ того, какъ особымъ императорскимъ манифестомъ имъ было гарантировано сохраненіе всего того, что они, какъ сословіе, пріобрѣли въ мартовскіе дни. Этимъ они были вполнѣ удовлетворены и предоставляли горожанамъ справляться со своимъ дѣломъ на свой собственный страхъ и рискъ. Однимъ словомъ, военныя силы вѣнцевъ исчерпывались 25.000 человѣкъ, въ то время какъ императорское войско было почти вчетверо многочисленнѣе.

Пока еще не летали пули, Вѣна была заполнена потокомъ прокламацій. Рейхстагъ пожелалъ выступить посредникомъ и предложилъ императору созвать изъ всѣхъ народностей Австро-Венгріи конгрессъ мира; между тѣмъ находящіеся въ Прагѣ чешскіе представители рейхстага объявили всѣ его постановленія недѣйствительными и обвиняли лѣвую въ участіи въ убійствѣ Латура. Эти чешскіе національные фанатики играли самую печальную роль по сравненію со всѣми участниками великой смуты. Императоръ заявилъ, что онъ вынужденъ выступить противъ вѣнскаго возстанія, наказать убійцъ Латура и „вмѣстѣ со свободой обезпечить также порядокъ", — и все это въ согласіи съ рейхстагомъ. Впослѣдствіи онъ прибавилъ, что дарованныя права и вольности останутся неприкосновенными и дѣло конституціи будетъ продолжено. Венграмъ онъ также обѣщалъ равноправіе, но лишь послѣ того, какъ будетъ возстановленъ порядокъ.

Вѣнскій рейхстагъ приписывалъ себѣ огромную важность и все же не имѣлъ мужества взять въ свои руки руководство движеніемъ. Еще 20 октября онъ призывалъ народы Австріи поддержать Вѣну „моральной силой" и заклиналъ императора назначить „дружественное народу" министерство и отозвать войска.

Центральное правительство во Франкфуртѣ на Майнѣ тоже вмѣшалось въ распрю и по постановленію парламента командировало въ качествѣ имперскихъ комиссаровъ Велькера и Мосле съ цѣлью посредничества. Это была одна изъ многихъ великолѣпныхъ комедій, разыгранныхъ „центральною тѣнью" *). Комиссары явились въ Ольмюцъ къ бѣжавшему двору и тамъ ихъ попросили не мѣшаться во внутреннія дѣла Австріи. Съ этимъ они принуждены были удалиться, но рѣшились попытать еще счастья у Виндишгреца; послѣдній пригласилъ ихъ къ столу и въ видѣ десерта сообщилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до центральнаго правительства и его комиссаровъ. Велькеръ пожалъ здѣсь лишь то, что онъ посѣялъ; однако другимъ пришлось сильнѣе расплачиваться за его глупости, чѣмъ ему самому.

*) Такъ называли въ народѣ центральное правительство.

После того какъ предложенiе, направленное къ поддержкѣ Вѣны, не встрѣтило большинства во франкфуртскомъ парламентѣ, лѣвая рѣшила послать отъ себя депутацiю въ Вѣну. Она избрала для этой цѣли Роберта Блюма, Морица Гартмана, Юлiуса Фребеля и нѣкоего Трампуша, который вскорѣ постарался исчезнуть. Депутацiя лѣвой явилась въ Вѣну 17 октября. Робертъ Блюмъ, принятый съ шумнымъ восторгомъ, сказалъ въ Вѣнѣ на торжественномъ собранiи одушевленную рѣчь; однако вскорѣ онъ убѣдился, что всякiя рѣчи уже излишни *). Когда началась борьба, Блюмъ, Гартманъ и Фребель вступили въ отрядъ избранныхъ, находившiйся подъ командой бывшаго императорскаго офицера Гаугка.

Въ то время какъ ноты разносили по мiру прекрасныя слова, вѣнцы на дѣлѣ узнали, съ какимъ врагомъ они имѣютъ дѣло. Послѣ поспѣшнаго отступленiя корпуса Ауэрсперга 12 октября на мѣстѣ его лагеря было найдено нѣсколько труповъ, между прочимъ трупъ одного студента академическаго легiона, страшно обезображенный. Вся Вѣна была охвачена негодованiемъ. Толпа принесла трупъ къ рейхстагу, взывая о мести. Шусселька старался успокоить народъ **).

Какъ и обыкновенно бываетъ при народныхъ возстанiяхъ, о такъ называемомъ „неистовствѣ черни“ распространялись самыя смѣлыя небылицы. Взрывъ ярости вѣнскаго народа нашелъ себѣ жертву въ лицѣ Латура; но потомъ волненiе улеглось и порядокъ въ городѣ не нарушался. Даже дворцы боровшейся противъ Вѣны аристократiи не были повреждены; замокъ Виндишгреца остался нетронутымъ. Всѣ, позволявшiе себѣ насилiя, подвергались наказанiю. Вѣнцы и не думали воспользоваться богатствами банка, хотя, если бы они ихъ забрали себѣ, они несравненно чувствительнѣе поразили бы враговъ, чѣмъ своими пулями.

Но добродушiе и безпечность вѣнцевъ, не заботившихся о назначенiи сильной диктатуры и все предоставившихъ слабому рейхстагу, и привели ихъ къ погибели. Изъ всѣхъ многочисленныхъ манифестовъ, нотъ и парламентскихъ постановленiй тѣхъ дней для вѣнцевъ имѣло значенiе лишь одно: заявленiе венгерскаго рейхстага отъ 10 октября, предложившее вѣнскому рейхстагу помощь венгровъ. Венгерскiй рейхстагъ объявилъ императорскiй указъ о распущенiи, не подписанный къ тому же ни однимъ венгерскимъ министромъ, противнымъ конституцiи и недѣйствительнымъ и постановилъ продолжать свои засѣданiя. Вѣнскiй рейхстагъ, провозгласившiй себя безсрочнымъ, совершилъ почти невѣроятную глупость, а именно вступилъ съ вѣнскимъ коммунальнымъ совѣтомъ въ переговоры относительно предложенiя венгровъ и такимъ образомъ безконечно затянулъ дѣло. Пылкiе мадьяры, раздраженные этимъ, приняли необдуманное рѣшенiе ограничить операцiи своей армiи

*) „Если Вѣна не побѣдитъ, отъ нея останется лишь куча пепла и развалинъ“, писалъ онъ своей женѣ.

**) Реакцiонеры сочинили впослѣдствiи нелѣпую басню, будто демократы сами такъ ужасно обезобразили трупъ, чтобы сильнѣе возбудить народъ

только своей собственной областью. Вѣдь они должны же были знать, что такое вѣнскій рейхстагъ, извѣстно имъ было также, что вѣнскій народъ возсталъ за венгровъ и въ надеждѣ на ихъ поддержку. Паденіе Вѣны должно было стать паденіемъ Венгріи, точно такъ же какъ пораженіе венгровъ пораженіемъ всей Германіи. Мадьяры должны были въ своемъ собственномъ интересѣ предложить руку помощи вѣнцамъ, не обращая вниманія на нерѣшительный рейхстагъ.

Таузенау, по порученію тайнаго комитета пяти, образованнаго вѣнской демократіей, поспѣшилъ въ Венгрію и постарался побудить Кошута отправить военныя силы изъ Венгріи въ Вѣну. Когда вождь вѣнской демократіи увидѣлъ, что дѣло идетъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось, и что предпріятіе его не удалось, онъ сказалъ Кошуту: „Всемірная исторія будетъ судьей между мною и вами!“ Фраза эта была, впрочемъ, не вполнѣ справедлива, такъ какъ отвѣтственность за паденіе Вѣны лежитъ на рейхстагѣ и на вѣнской демократіи по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ на венграхъ *).

Кошутъ былъ настолько проницательнымъ политикомъ, что долженъ былъ понять необходимость двинуть войска на Вѣну. Ему слѣдовало лишь сдѣлать это какъ можно раньше. Не надо однако забывать, что ему приходилось считаться съ очень серьезными препятствіями. Двусмысленное поведеніе вѣнскаго рейхстага, вызванное этимъ возмущеніе венгровъ, упорство венгерскихъ офицеровъ, все еще колебавшихся притти на помощь австрійцамъ,—всѣ эти обстоятельства связывали Кошута по рукамъ и ногамъ. Обѣ стороны относились другъ къ другу съ недовѣріемъ. Несчастный національный фанатизмъ сказался и здѣсь.

Тѣмъ не менѣе Кошутъ неустанно работалъ въ направленіи своей цѣли. 16 и 21 октября венгры подъ начальствомъ генерала Мога предприняли наступательное движеніе къ Вѣнѣ. Но каждый разъ они снова возвращались за Лейту. Этотъ злосчастный генералъ Мога, очевидно, не имѣлъ никакого представленія о сущности возложенной на него задачи. Кошутъ не уступалъ. Онъ выставилъ еще 12.000 человѣкъ и нѣсколько батарей и созвалъ большой военный совѣтъ въ Никельсдорфѣ. Здѣсь онъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что вѣнцы—самые вѣрные союзники Венгріи противъ реакціонныхъ генераловъ Австріи; вѣнцамъ венгры обязаны величайшей благодарностью, и долгъ чести повелѣваетъ націи оказать помощь Вѣнѣ. Офицеры молчали; наконецъ Артуръ Гергей взялъ слово и замѣтилъ, что въ политикѣ онъ ничего не понимаетъ, военныя же соображенія всѣ говорятъ противъ движенія на Вѣну. Около Вѣны сосредоточены 100.000 человѣкъ съ 265 пушками;

*) Таузенау не вернулся назадъ въ Вѣну. За это его обвиняютъ въ трусости; но для этого нѣтъ никакихъ основаній,—трусомъ онъ не былъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что возвращеніе его не измѣнило бы положенія дѣлъ. Онъ уже со времени майскихъ возстаній не зналъ, что дѣлать; и врядъ ли онъ сумѣлъ бы что-нибудь сдѣлать въ послѣдніе бурные октябрьскіе дни въ Вѣнѣ. Онъ бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ ему жилось очень недурно, и гдѣ онъ умеръ въ семидесятыхъ годахъ.

венгерская армія насчитываетъ 20.000 линейныхъ войскъ и столько же народной милиціи, она располагаетъ всего 50 пушками. Кошутъ спросилъ, какъ высоко Гергей цѣнитъ то одушевленіе, которое будетъ вызвано его рѣчами. „Въ лагерѣ, — отвѣтилъ Гергей, — очень высоко, послѣ тяжелыхъ переходовъ въ виду непріятеля — очень низко".

Мнѣніе Гергея восторжествовало, и венгры не двинулись дальше. Преобразованіе Германіи, поскольку оно тогда еще было возможно, всецѣло зависѣло отъ своевременнаго вступленія венгровъ въ Вѣну. Явись они туда ранѣе соединенія Виндишгреца и Еллачича, войско послѣдняго должно было бы уступить объединеннымъ силамъ венгровъ и вѣнцевъ. Виндишгрецъ одинъ также не былъ бы въ состояніи справиться съ побѣдителями, тѣмъ болѣе что онъ отличался совершеннымъ отсутствіемъ всякаго стратегическаго таланта. Италія получила бы новый импульсъ и во всей Германіи движеніе окрѣпло бы снова; возможно такимъ образомъ, что конституціонная работа, предпринятая свѣжими силами, доведена была бы до конца, до окончательнаго растворенія Пруссіи въ Германіи. Но довольно предположеній; вернемся къ фактамъ.

На военномъ совѣтѣ въ Никельсдорфѣ впервые выступило вліяніе Гергея, этого замѣчательнаго человѣка, ставшаго впослѣдствіи злымъ геніемъ Венгріи; что касается даннаго случая, то съ чисто военной, технической точки зрѣнія онъ, пожалуй, былъ правъ. Тридцатилѣтній майоръ Гергей пользовался большимъ уваженіемъ; его главной заслугой до сихъ поръ было взятіе арьергарда Еллачича. Его военный геній скоро развернулся въ полномъ блескѣ, такъ что венгры готовы были видѣть въ немъ прирожденнаго національнаго полководца. Онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы вести свой народъ къ побѣдамъ, если только онъ этого дѣйствительно хотѣлъ. Его несокрушимая энергія обнаружилась еще въ сентябрьскіе дни, когда онъ отдалъ подъ военный судъ и безъ всякихъ колебаній повѣсилъ графа Евгенія Зичи, обвиненнаго въ измѣнѣ *).

Послѣ того какъ пештскій рейхстагъ назначилъ новое министерство съ чрезвычайными полномочіями, Кошутъ—глава этого министерства—опять сдѣлалъ попытку вступить въ переговоры съ Виндишгре-

*) Гергей, ранѣе простой гусарскій лейтенантъ, много занимался химическими опытами. Человѣкъ, прилежно работавшій въ лабораторіи съ подвязаннымъ на груди фартукомъ, умѣлъ на полѣ сраженія воспламенять пылкихъ мадьяръ своей рыцарской осанкой. Верхомъ на конѣ, въ сверкающей на солнцѣ красной мантіи, съ развѣвающимся бѣлымъ перомъ на шляпѣ, бросился онъ во время большого сраженія при Коморнѣ въ самую гущу сѣчи съ крикомъ: „Впередъ, мадьяры! Пули сегодня попадутъ только въ меня!" Таковъ и долженъ быть по понятіямъ венгровъ истинный герой. Онъ презиралъ людей, относясь ко всему въ мірѣ съ ядовитой ироніей. Въ юности онъ съ глубокимъ негодованіемъ видѣлъ, какъ неспособные аристократы получаютъ систематическое предпочтеніе передъ нимъ, несмотря на всѣ его таланты; ему пришлось затѣмъ перенести жестокую нужду; впослѣдствіи свобода родины также не могла внушить ему безкорыстнаго воодушевленія; движущей пружиной всей его дѣятельности было неукротимое честолюбіе. Здѣсь лежитъ ключъ къ пониманію всей его жизни.

цемъ; онъ требовалъ распущенія войска кроатовъ, признанія венгерской конституціи и снятія осады съ Вѣны, обѣщая, что на этихъ условіяхъ венгры не перейдутъ черезъ Лейту. Виндишгрецъ далъ свой обычный отвѣтъ: „Съ бунтовщиками я не веду переговоровъ", а Еллачичъ арестовалъ венгерскаго парламентера. Тогда только венгры убѣдились, наконецъ, насколько серьезно ихъ положеніе, и 28 октября двинулись на Вѣну.

Было уже слишкомъ поздно. 20 октября Виндишгрецъ изъ Лунденбурга объявилъ Вѣну въ осадномъ положеніи; 22 октября его главная квартира была уже въ Штаммерсдорфѣ, гдѣ онъ объявилъ депутаціи парламентеровъ отъ вѣнскаго коммунальнаго совѣта, что онъ требуетъ безусловной сдачи города. Мессенгаузеръ боролся противъ него прокламаціями и наивно требовалъ, чтобы онъ не препятствовалъ подвозу жизненныхъ припасовъ въ Вѣну и не тормозилъ „великаго дѣла примиренія между монархомъ и народомъ".

Въ то время какъ Мессенгаузеръ занимался этой дѣтской игрой Бемъ подготовлялъ Вѣну къ защитѣ. Академическій легіонъ составлялъ ядро боевыхъ силъ Вѣны; остальныя войска Бемъ раздѣлилъ на постоянную и летучую гвардію. Постоянная гвардія состояла изъ отцовъ семействъ, по большей части представителей мелко-буржуазнаго слоя; члены ея главное вниманіе обращали на парадную, выставочную сторону дѣла; они цѣлые вечера проводили въ кабачкахъ, больше всѣхъ гремѣли по мостовой своими длинными саблями, больше всѣхъ произносили рѣчей. Во время сраженій они дѣлали немного и по большей части держались въ сторонѣ отъ битвы; многіе уже заранѣе подготовлялись къ тому, чтобы въ случаѣ пораженія выставить себя жертвами революціи, а не участниками ея. Летучая гвардія достигала 10.000 человѣкъ, состояла почти исключительно изъ рабочихъ и, по словамъ одного современника, она собственно и составляла все войско, защищавшее Вѣну; „она сражалась на укрѣпленіяхъ и охраняла спокойный сонъ постоянныхъ". Офицерами летучей гвардіи были студенты и перешедшіе на сторону народа унтеръ-офицеры; каждый членъ ея получалъ ежедневно 25 крейцеровъ жалованья, бутылку вина, хлѣбъ и немного табака. Вдовамъ павшихъ въ бою предполагалось выдавать 200 гульденовъ пенсіи, дѣтямъ ихъ 30 гульденовъ ежегоднаго пособія на обученіе.

22 октября появился императорскій декретъ, закрывавшій „безсрочный и не подлежащій распущенію" рейхстагъ и приглашавшій его, начиная съ 22 ноября, перенести свои засѣданія въ Кремзиръ, гдѣ работамъ собранія ничто не могло помѣшать. Когда этотъ декретъ сталъ извѣстенъ рейхстагу, послѣдній отправилъ къ императору адресъ, въ которомъ убѣждалъ не отсрочивать засѣданій и въ то же время оспаривалъ, что въ Вѣнѣ господствуетъ „анархія" и „мятежъ". Всѣ эти словесныя ухищренія не имѣли, конечно, никакой цѣны теперь, когда начали говорить пушки, и безсильный парламентъ утратилъ всякое значеніе. Парламентское провозглашеніе дѣйствій князя Виндишгреца

незаконными и „враждебными правамъ трона“ не имѣло также ни малѣйшаго практическаго смысла и въ лучшемъ случаѣ свидѣтельствовало о нѣкоторой путаницѣ понятій.

Отдѣльныя стычки давно уже происходили передъ городомъ; теперь Виндишгрецъ выдвинулъ тяжелыя орудія. Войска могли подвигаться лишь очень медленно, такъ какъ вѣнцы сражались съ отчаянной храбростью. Пули и ядра не могли прогнать ихъ съ баррикадъ; большинство послѣднихъ, точно такъ же какъ и укрѣпленные дома, приходилось очищать въ концѣ-концовъ натискомъ штыковъ. Робертъ Блюмъ, Фребель и Морицъ Гартманъ участвовали въ сраженіи; Блюмъ въ большой рѣчи, сказанной въ университетской актовой залѣ, заявилъ, что долгъ франкфуртскихъ представителей народа взять въ руки оружіе. 26 октября битва кипѣла по всей линіи между Нусдорфомъ и Сентъ-Марксомъ. Императорскія войска сильно подвинулись впередъ, хотя и натолкнулись на сопротивленіе, гораздо болѣе рѣшительное, чѣмъ ожидали, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ непосредственно распоряжался Бемъ. Виндишгрецъ могъ бы уже вечеромъ въ этотъ день вступить въ городъ, но не рѣшился этого сдѣлать и даже вывелъ часть своихъ войскъ назадъ изъ занятыхъ ими позицій. 28 октября Виндишгрецъ, квартира котораго находилась теперь въ Гецендорфѣ, началъ рѣшительный приступъ. Въ десять часовъ утра онъ открылъ бомбардировку, осыпавшую городъ цѣлымъ градомъ бомбъ, гранатъ, картечи и разрывныхъ снарядовъ. Въ то время какъ императорскія войска подъ прикрытіемъ своихъ пушекъ строились въ штурмовыя колонны, въ городѣ барабаны били тревогу и разносились звуки набата. Глоггницкій вокзалъ былъ взятъ императорскими войсками при четвертомъ натискѣ, при чемъ они потерпѣли значительныя потери; защитники были частью перебиты, частью погибли въ пламени. Затѣмъ атакующіе направились противъ баррикадъ на Егерцейлѣ, гдѣ командовалъ Бемъ и боролся цвѣтъ радикальнаго юношества Вѣны, Зальцбурга, Брюнна и Граца. Осыпаемыя гранатами и картечью баррикады держались болѣе двухъ часовъ и императорскія войска послѣ троекратнаго приступа были отбиты съ большими потерями. Боевое одушевленіе достигло здѣсь высшаго пункта. Но въ это время войска взяли сосѣднія улицы и окружили баррикады со всѣхъ сторонъ. Защитникамъ, обойденнымъ сзади, едва удалось спастись во внутренній городъ, тѣмъ не менѣе благодаря хладнокровію и мужеству Гаугка они сумѣли еще захватить съ собою часть пушекъ. Леопольдштадтъ не могъ уже послѣ этого сопротивляться. Войска стояли такимъ образомъ прямо передъ внутреннимъ городомъ. Общій видъ Вѣны производилъ самое зловѣщее впечатлѣніе; вездѣ къ небу поднимаются огненные языки, атмосфера полна дыму и копоти; городъ, по словамъ одного очевидца, имѣлъ такой видъ, какъ будто вы его разсматриваете черезъ красное стекло.

Въ этотъ же вечеръ чешскіе солдаты показали себя во всей красѣ. Предмѣстья были разграблены, многіе дома нарочно подожжены, изъ одной только улицы вынесли впослѣдствіи 57 труповъ людей, вовсе

не участвовавшихъ въ сраженіи. Захваченные въ плѣнъ инсургенты, какъ говорятъ, цѣлыми толпами разстрѣливались на поляхъ передъ городомъ *).

Положеніе Вѣны стало безнадежнымъ, хотя мужество ея защитниковъ, особенно летучей гвардіи, осталось несокрушимымъ. Эти храбрецы не хотѣли и слышать о сдачѣ. Боевыхъ припасовъ и провіанта оставалось очень мало. Между тѣмъ часть населенія, не принимавшая участія въ борьбѣ, настоятельно требовала сдачи города. Мессенгаузеръ заявилъ, наконецъ, на совѣтѣ вождей, что дальнѣйшая защита Вѣны невозможна и что поэтому необходимо послать депутацію къ Виндишгрецу. Коммунальный совѣтъ почувствовалъ, что наступило его время, вмѣшался и отрядилъ изъ своихъ членовъ трехъ депутатовъ; къ нимъ присоединилось еще четверо.

29 октября депутація явилась къ князю въ главную квартиру и должна была перенести отъ него все высокомѣріе побѣдителя. Онъ даровалъ перемиріе на двѣнадцать часовъ въ ожиданіи, что городъ въ теченіе дня сдастся. Одинъ изъ депутатовъ былъ настолько наивенъ, что просилъ о сохраненіи академическаго легіона. „Нѣтъ, — воскликнулъ Виндишгрецъ, — это хозяйничанье конюховъ должно прекратиться“.

Въ городѣ между тѣмъ царствовало полное смятеніе. Вездѣ кричали объ измѣнѣ. Филистеры, державшіе себя весьма двусмысленно во время сраженія, подняли голову и угрожающе требовали немедленной сдачи города. Перешедшіе на сторону возстанія солдаты не хотѣли и слышать объ этомъ; они сговаривались между собой пристрѣлить другъ друга, если городъ будетъ взятъ. Блюмъ и Фребель были также за сдачу: они видѣли, что все пропало.

Вожди возстанія держали совѣтъ, на которомъ разразились очень бурныя пренія. Въ концѣ-концовъ Мессенгаузеръ произвелъ подсчетъ голосовъ и объявилъ, что большинство высказалось за капитуляцію. Поднялся невыразимый шумъ, Мессенгаузеру кричали въ лицо, что онъ предатель. Бѣдняга совершенно потерялъ голову, убѣдившись, что его всѣ обвиняютъ въ несчастіи, въ которомъ на самомъ дѣлѣ, кромѣ него, было не мало и другихъ виноватыхъ. Онъ выпустилъ прокламацію съ заявленіемъ, что всѣ припасы исчерпаны и что боевыхъ снарядовъ хватитъ всего на четыре часа **).

Возбужденіе народа все возрастало, и если бы Мессенгаузеръ попался въ руки разъяренной толпы, его, вѣроятно, постигла бы столь же печальная участь, какъ и министра Латура. Подъ вліяніемъ гнѣва и отчаянія люди, въ обычное время столь рѣшительные, совершенно обезумѣли; вѣдь вѣнцы прекрасно знали, какого сорта врагъ стоитъ

*) Послѣ такой ярости, проявленной славянами, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что военное положеніе, введенное послѣ паденія Вѣны, вырвало не такъ много жертвъ, какъ опасались сначала.

**) „Мы погибаемъ не отъ недостатка боевыхъ припасовъ, а отъ избытка предательства“, говорилъ между тѣмъ народъ.

передъ воротами города. Было предложено въ видѣ мести за опустошеніе, произведенное бомбардировкой, поджечь императорскій Гофбургъ. Феннеръ фонъ-Феннебергъ *) занялъ дворецъ отрядомъ летучей гвардіи и помѣшалъ его разрушенію.

Вѣна превратилась въ хаосъ, въ которомъ люди съ безпорядочнымъ крикомъ метались изъ стороны въ сторону; коммунальный совѣтъ ночью 30 октября отправилъ новую депутацію къ Виндишгрецу, заявляя о сдачѣ города. Колеблющіеся между страхомъ и надеждой отцы города просили князя какъ можно скорѣе ввести свои войска; очевидно, они боялись до крайности раздраженнаго народа. Они замолвили, кромѣ того, словечко за перешедшихъ на сторону демократіи солдатъ и просили свободнаго пропуска для всѣхъ, желающихъ покинуть Вѣну. Виндишгрецъ, не скрывая уже болѣе своей свирѣпой радости, презрительно отвергъ всѣ эти предложенія и попросилъ депутацію позаботиться о томъ, чтобы „зачинщики“ не спаслись бѣгствомъ. Подъ этимъ именемъ онъ разумѣлъ Мессенгаузера, Бема, Феннеберга, Гаугка, народнаго оратора доктора Шюттэ и съ дюжину другихъ.

30 октября Виндишгрецъ долженъ былъ занять городъ, какъ бы застывшій въ тупомъ ожиданіи своей судьбы. На площади Стефана тѣснилась масса пораженнаго отчаяніемъ народа. Вдругъ раздается крикъ: „Венгры идутъ“! Съ колокольни св. Стефана, гдѣ былъ учрежденъ постоянный наблюдательный пунктъ, упала записка, на которой было написано это радостное извѣстіе.

Какъ мощный толчокъ, подѣйствовало это извѣстіе на покоренную Вѣну; она снова поднялась для ожесточенной, отчаянной борьбы. Масса нисколько не смущалась тѣмъ, какое соглашеніе состоялось между Виндишгрецемъ и коммунальнымъ совѣтомъ. Передъ ней блеснулъ лучъ надежды—и съ валовъ опять началась пальба изъ пушекъ по императорскимъ войскамъ, борьба разразилась съ прежней силой.

Венгры дѣйствительно приближались; 28 октября они перешли Лейту. Но движеніе ихъ было настолько медленно, что Виндишгрецъ прекрасно могъ подготовиться къ ихъ появленію. Естественно, что когда, наконецъ, 30 октября венгры подошли къ Вѣнѣ, они натолкнулись (при Швехатѣ) на превосходныя силы Еллачича. Въ различныхъ источникахъ силы венгровъ указываются различно; по всей вѣроятности въ ихъ распоряженіи было около 15.000 регулярныхъ войскъ и до 30.000 ополченцевъ: пушекъ у нихъ было болѣе 50.

Венгерская кавалерія состояла всего изъ 1.000 человѣкъ. Войска Еллачича опредѣляютъ въ 50.000 человѣкъ; столько же осталось подъ Вѣной, такъ что соединенныя силы австрійцевъ равнялись почти

*) Феннеръ фонъ-Феннебергъ былъ сыномъ одного австрійскаго фельдмаршалъ лейтенанта; онъ служилъ офицеромъ въ австрійской арміи и перешелъ на сторону демократовъ. Онъ выступалъ также въ качествѣ журналиста. Убѣжденія его были очень радикальны, но военными талантами онъ не отличался.

100.000; противъ такой массы венгры, даже соединившись съ вѣнцами, мало могли бы сдѣлать.

Командовалъ венграми все тотъ же неспособный Мога; распоряженія его въ этотъ день были до такой степены неудачны, что нѣкоторые утверждали, будто онъ нарочно далъ разбить свои войска непріятелю. Но Еллачичъ также не былъ лучшимъ полководцемъ, и оба они нѣкоторое время оставались въ нерѣшительности, предоставляя другъ другу открыть нападеніе. Наконецъ Кошутъ, находившійся при венгерскомъ войскѣ, побудилъ венгровъ къ наступленію.

Въ началѣ венгры сражались не безъ успѣха, особенно на правомъ флангѣ. Безумно храбрый гонведъ-майоръ Гюйонъ *) съ батальономъ пештскихъ волонтеровъ и батальономъ шеклеровъ (румынскихъ венгровъ) съ такой силой напалъ на занятую Еллачичемъ деревню Мансвертъ, что послѣдняя тотчасъ же сдалась, и красныя мантіи Еллачича были совершенно выбиты изъ позиціи. Центръ венгровъ двигался къ Швехату, и Еллачичъ началъ отступать. Но трепетъ все сильнѣе и сильнѣе обнималъ Могу: онъ боялся быть окруженнымъ конницей Еллачича. Такимъ образомъ движенія венгровъ были пріостановлены, хотя натискъ австрійской кавалеріи былъ отбитъ. Казалось, Мога совсѣмъ потерялъ голову: въ полномъ замѣшательствѣ отдавалъ онъ свои приказанія. Картина сраженія скоро измѣнилась. Венгерскіе ополченцы, отрѣзанные артиллеріей Еллачича, обратились въ бѣгство **) и Кошутъ напрасно старался остановить панику. Смятеніе въ рядахъ венгровъ все усиливалось, такъ что пришлось, наконецъ, отдать приказъ объ общемъ отступленіи. Попытка освободить Вѣну не удалась, городъ былъ окончательно отданъ на произволъ врага. На слѣдующій день венгры уже опять стояли за Лейтой.

Если бы въ городѣ еще остались энергичные руководители, они несомнѣнно напрягли бы всѣ силы, чтобы подать руку помощи венграмъ. Но сила сопротивленія уже была сломлена. Бемъ, единственный человѣкъ среди вождей инсургентовъ, способный выполнить такой маневръ, убѣдился въ безнадежности дальнѣйшаго сопротивленія и исчезъ; онъ не присутствовалъ при обсужденіи условій капитуляціи. Впрочемъ, такъ какъ онъ не былъ главнокомандующимъ, врядъ ли бы и ему удалось оказать дѣйствительную помощь венграмъ. Впослѣдствіи венгры сваливали вину за неудачу своего похода на бездѣятельность вѣнцевъ. Споръ этотъ не имѣетъ никакого смысла для того, кто знаетъ, какъ въ дѣйствительности произошло дѣло и какія обстоятельства оказали при этомъ свое вліяніе.

---

*) Натурализовавшійся въ Венгріи англичанинъ; до 48 года служилъ въ Португаліи, но тутъ поспѣшилъ принять участіе въ борьбѣ за освобожденіе Венгріи. Когда въ сраженіи при Мансвертѣ была убита его любимая лошадь, онъ воскликнулъ: „Дорого же поплатятся за это австрійцы!“ И они дѣйствительно поплатились не дешево.

**) Неподражаемый Мога, вмѣсто того чтобы всѣми силами стараться удержать бѣгущихъ, въ безпомощномъ отчаяніи обратился къ Кошуту: „Ну, вотъ видите! Вѣдь я же говорилъ, что такъ будетъ, Теперь они бѣгутъ—и все пропало!“

Во время битвы при Швехатѣ и впослѣдствіи, когда лихорадочно возбужденный народъ Вѣны снова схватился за оружіе и началъ пальбу съ укрѣпленій, Мессенгаузеръ находился на колокольнѣ св. Стефана и наблюдалъ за ходомъ сраженія. Отъ времени до времени внизъ на толпу, кипящую на площади Стефана, слетали съ колокольни записки; первыя благопріятныя извѣстія были приняты народомъ съ шумнымъ ликованіемъ. Когда въ первые моменты казалось, что венгры побѣдоносно наступаютъ по всей линіи, съ колокольни было отдано приказаніе, чтобы каждый сталъ подъ ружье, на случай, если разбитое войско приблизится къ стѣнамъ города.

Это не являлось нарушеніемъ капитуляціи, такъ какъ формально капитуляція не была еще объявлена. Но Виндишгрецъ пришелъ въ ужасную ярость, когда со стѣнъ Вѣны снова открыли огонь. „Послѣ этого Мессенгаузера уже необходимо повѣсить!"—говорятъ, воскликнулъ онъ. Между тѣмъ Мессенгаузеръ ни за что не соглашался сдѣлать вылазку.

Наконецъ съ колокольни Стефана замѣтили отступленіе венгровъ. Мечтатель Мессенгаузеръ посреди адскаго шума битвы, грома пушекъ, звуковъ набата, посреди этого всеобщаго смятенія, разговаривалъ съ литераторомъ Бертольдомъ Ауэрбахомъ о будущихъ драматическихъ трудахъ.

Явились посланцы и требовали разрѣшенія напасть на Леопольдштадтъ. Но отъ Мессенгаузера ничего нельзя было добиться. Въ концѣ концовъ отрядъ студентовъ принудилъ этого злополучнаго военачальника отказаться отъ своего поста и поставилъ на его мѣсто „террориста" Феннера фонъ-Феннеберга. Коммунальный совѣтъ просилъ между тѣмъ Мессенгаузера не слагать съ себя командованіе. Мессенгаузеръ и Феннебергъ въ теченіе ночи сговорились между собой, но къ утру имъ уже некѣмъ было командовать: покинутый и преданый народъ боролся на свой рискъ и страхъ.

Да, преданый! потому что ночью коммунальный совѣтъ просилъ князя Виндишгреца какъ можно скорѣе вступить въ городъ, чтобы защитить послѣдній отъ „эксцессовъ черни". Благородные отцы города были объяты ужасомъ, узнавъ, что чернь, эксцессовъ которой они такъ опасались, находилась не въ чертѣ города, а передъ городскими стѣнами.

Виндишгрецъ требовалъ безусловной сдачи, и Мессенгаузеръ, Феннебергъ и Гаугкъ издали воззванія, въ которыхъ объявили всякое дальнѣйшее сопротивленіе напраснымъ. Но вооруженный народъ не покидалъ стѣнъ. Позади депутаціи коммунальнаго совѣта, направившейся къ фельдмаршалу заявить о сдачѣ города, ворота были закрыты и забаррикадированы. Снова раздался набатъ и загремѣла канонада съ городскихъ стѣнъ.

31 октября, въ 3 часа пополудни, Виндишгрецъ началъ бомбардировку. Она была безпощадна; снова несчастный городъ былъ осыпанъ градомъ снарядовъ; на улицахъ, на крышахъ домовъ сотнями

разрывались гранаты, а ракеты во всѣхъ направленіяхъ бороздили воздухъ. Тамъ и здѣсь вспыхнули пожары. „Вѣна имѣла такой видъ, какъ будто черезъ нее пронеслись одинъ за другимъ двадцать опустошительныхъ ураганов", говоритъ депутатъ, патеръ Фюстеръ. Башня церкви августинцевъ и библіотечный флигель Гофбурга были объяты пламенемъ; бомбардировка не щадила того, что пощадилъ вѣнскій народъ. Передъ зданіемъ засѣданій рейхстага также падали одинъ за другимъ снаряды, по всей вѣроятности намѣренно направленные туда, такъ какъ постоянная комиссія рейхстага не расходилась. „Надо было обладать крѣпкими нервами, чтобы сохранять спокойное состояніе духа", говоритъ Шуселька, присутствовавшій при этомъ.

Эта ужасная канонада сломила слабое и неорганизованное сопротивленіе, въ которомъ участвовало значительное число женщинъ. Укрѣпленія и улицы покидались инсургентами. Многіе, впрочемъ, мужественно выдерживали до конца *). Въ пять часовъ вечера кроаты бурно прорвались сквозь обломки разрушенныхъ городскихъ воротъ. Наступилъ финалъ; въ окнахъ появились бѣлые флаги, и малодушные филистеры предложили побѣдителю свои услуги въ качествѣ шпіоновъ. „Это вороны надъ нашими трупами", сказалъ кто-то Морицу Гартману.

Гартманъ, депутатъ и поэтъ, принимавшій участіе въ борьбѣ и лишь съ большимъ трудомъ избѣжавшій плѣна, былъ очевидцемъ послѣднихъ минутъ вѣнской революціи; мы процитируемъ его классическое описаніе этого момента.

„На Крестьянскомъ рынкѣ,—разсказываетъ Гартманъ,—мы внезапно услышали звукъ тревоги; среди грома пушекъ, треска лопающихся гранатъ и отовсюду летящихъ обломковъ трескъ барабана производилъ въ высшей степени тревожное и въ то же время возбуждающее впечатлѣніе. На Гогенмарктѣ мы увидѣли, откуда раздавался этотъ трескъ. Гогенмарктъ былъ пустъ, какъ и всѣ остальныя площади и улицы въ тотъ моментъ. Жители попрятались въ подвалахъ или держались во внутреннихъ комнатахъ домовъ, гдѣ они считали себя въ большей безопасности отъ ядеръ. Черезъ большую, точно вымершую площадь шелъ одинъ пятидесятилѣтній рабочій, впереди котораго маршировалъ маленькій мальчикъ лѣтъ десяти. Ребенокъ несъ большое черно-красно-золотое знамя, старикъ билъ въ барабанъ. Онъ не смотрѣлъ ни направо, ни налѣво; бомбы перелетали черезъ его голову, разрывались за нимъ, передъ нимъ; онъ шелъ впередъ размѣреннымъ шагомъ и билъ генералъ-маршъ; онъ билъ съ такой силой, какъ будто хотѣлъ пробудить отъ смертнаго сна погибшій міръ. Мальчикъ со знаменемъ спокойно шелъ впереди, а старикъ все шагалъ и билъ въ барабанъ. Мы замерли при этомъ зрѣлищѣ, слезы выступили у насъ на глаза. „Дорогой другъ,—сказали мы ему,—бросьте это, теперь уже все кончено":—„Нѣтъ,—отвѣчалъ старикъ,—они должны выйти, они должны

---

*) Одинъ отрядъ летучей гвардіи торжественно пѣлъ за баррикадой кантату „Боже, спаси короля Франца", въ то время какъ кругомъ свистѣли гранаты и ракеты.

еще разъ выйти; не можетъ быть, чтобы дѣло погибло!"—Говоря такъ, онъ все шелъ впередъ, все билъ въ барабанъ, а мальчикъ спокойно несъ свое знамя, оглядываясь по сторонамъ, не идутъ ли „они". Они не пришли!..

„Уже вечернія сумерки тихо спускались на городъ, когда мы снова пришли въ Грабенъ. Пушки внезапно замолкли и стало совершенно тихо. Минутъ черезъ десять человѣкъ тридцать студентовъ и рабочихъ приблизились отъ Кольмаркта и быстро пробѣжали черезъ Грабенъ по направленію къ площади Стефана. На бѣгу они оглядывались назадъ, какъ бы ожидая преслѣдованія. Еще черезъ нѣсколько минутъ появился Бехеръ съ обнаженной саблей въ рукѣ въ сопровожденіи совсѣмъ маленькой кучки людей *). Они также осматривались, проходя быстрыми шагами черезъ Грабенъ. Очевидно, они бѣжали отъ австрійцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, нѣкоторые національные гвардейцы открыли ворота императорскимъ солдатамъ; Бехеръ со своей кучкой стоялъ на бастіонѣ; если бы они быстро не отступили, они были бы отрѣзаны и окружены. Черезъ какія-нибудь двѣ минуты послѣ Бехера показались на площади и австрійцы. Прежде всего явился небольшой отрядъ человѣкъ въ 12 съ ружьями на перевѣсъ; впрочемъ, по правдѣ сказать, трудно было опредѣлить, въ какомъ положеніи они старались держать свое оружіе. Они буквально дрожали съ головы до ногъ, такъ что ружья то подкидывались кверху, то опускались внизъ. При этомъ они пугливо посматривали направо и налѣво на окна и непрестанно вскрикивали: „здорово, друзья! здорово, друзья!" То же самое дѣлала вся рота, слѣдовавшая за ними по пятамъ, простые солдаты точно такъ же, какъ и офицеры. Послѣдніе опускали свои шпаги передъ окнами въ знакъ привѣта и тоже кричали: „здорово друзья! здорово, друзья!" Можно было почувствовать только состраданіе къ этимъ бѣднымъ солдатамъ, такъ трепетавшимъ передъ ожидаемымъ нападеніемъ. Народъ, внезапно окружившій ихъ со всѣхъ сторонъ, держалъ себя тихо. Но тутъ произошло нѣчто поразительное. Словно по сигналу сразу открылись сотни оконъ, такъ закрытыхъ и завѣшенныхъ въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, какъ будто населеніе домовъ все сплошь повымерло; въ окнахъ показались человѣческія фигуры, сотни носовыхъ платковъ замахали по направленію къ солдатамъ и отовсюду раздалось громовое: „да здравствуетъ императоръ!" Это, въ свою очередь, послужило сигналомъ для народа; оглушительный свистъ совершенно покрылъ собою лойяльные крики даже въ средѣ побѣдителей, которые какъ разъ въ этотъ моментъ начали свое побѣдоносное вступленіе, правда, пока очень осторожно и боязливо. Свистящая толпа сопровождала побѣдителей вплоть до Штокъ-амъ-Эйзенплацъ. Оттуда раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Ихъ выпустилъ Бехеръ. Онъ снова успѣлъ засѣсть со своими товарищами въ засаду

*) Уже упомянутый редакторъ „Радикала", музыкальный и тонкій литературный талантъ. На такія жертвы черно-желтая реакція набрасывалась съ особенной любовью.

и принялъ побѣдителей посреди побѣжденнаго города залпомъ. Потомъ наступила тишина. Спустилась ночь. Вмѣстѣ съ ней спустился занавѣсъ надъ великой драмой и началась оргія мести".

Вскорѣ черно-желтое знамя развѣвалось надъ башней св. Стефана.

Виндишгрецъ опять объявилъ Вѣну въ осадномъ положеніи; академическій легіонъ и національная гвардія были распущены, союзы и собранія запрещены, пресса подчинена цензурѣ, за каждое сопротивленіе властямъ угрожалъ военный судъ. Затѣмъ предприняты были многочисленные обыски въ поискахъ за людьми и оружіемъ и всѣ подозрительные дома осмотрѣны до послѣдняго закоулка. Арестовъ была такая масса, что уже черезъ нѣсколько недѣль пришлось многихъ снова выпустить на свободу; были задержаны сотни людей, противъ которыхъ не имѣлось рѣшительно никакихъ данныхъ.

Городъ со своими опустошенными бомбардировкой улицами имѣлъ ужасный видъ; но еще ужаснѣе были циркулировавшіе кругомъ темные слухи. Нѣтъ, разумѣется, никакой возможности установить, насколько они соотвѣтствовали истинѣ, правда ли, что передъ городскими воротами массами безъ всякихъ формальностей разстрѣливались инсургенты, взятые въ плѣнъ какъ во время самаго сраженія, такъ и послѣ него. Извѣстно, насколько все преувеличивается въ моментъ такого общаго возбужденія. Однако стоитъ, повидимому, внѣ всякихъ сомнѣній тотъ фактъ, что въ частяхъ города, гдѣ расположились кроаты и другіе славянскіе братушки, повторились всѣ ужасы Тридцатилѣтней войны съ ея убійствами, грабежами, поджогами и изнасилованіями. Мы не станемъ обращаться къ сомнительнымъ по своей достовѣрности отчетамъ тогдашнихъ газетъ, мы будемъ черпать наши свѣдѣнія изъ совершенно иного источника. Въ засѣданіи франкфуртскаго парламента 24 ноября 1848 года депутатъ Циммерманъ изъ Шпандау предложилъ избрать комиссію для слѣдствія относительно тѣхъ злодѣяній, которыя были произведены въ Вѣнѣ войсками, а равнымъ образомъ для того, чтобы установить, въ какой мѣрѣ виновные понесли наказаніе. Циммерманъ особенно настаивалъ на томъ, что не только кроаты и другіе славяне, но также нѣмецко-австрійскіе солдаты участвовали въ звѣрствахъ. Свѣдѣнія о звѣрствахъ, доставленныя депутату изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, были сгруппированы имъ въ 16 пунктовъ. Здѣсь приводятся многочисленные факты кражъ, уличнаго грабежа убійства раненыхъ и безоружныхъ, искалѣченія женщинъ и мужчинъ еще при жизни, нахожденія женскихъ труповъ со слѣдами самыхъ звѣрскихъ истязаній *). Особенно часто встрѣчается обезчещеніе и изуродованіе женщинъ и дѣтей. Циммерманъ говоритъ далѣе, что коллекціи знаменитаго анатома Гиртля также были испорчены расходившимися солдатами. Многіе дома оставлялись запертыми, чтобы уничтожить слѣды звѣрскихъ сценъ. И о каннибалахъ, совершавшихъ такія вещи, черно-

*) Такихъ, какъ совершонныя въ 90-хъ годахъ XIX вѣка „Джекомъ-потрошителемъ".

желтые утверждали, что они были необходимы, какъ оплотъ противъ „эксцессовъ черни"; между тѣмъ за все время возстанія, если не считать исключительнаго случая съ Латуромъ, имущество и жизнь черножелтыхъ не подвергались въ Вѣнѣ ни малѣйшей опасности.

Возможно, что въ отчетѣ Циммермана есть, какъ это часто бываетъ, нѣкоторыя преувеличенія; но во всякомъ случаѣ приводимые имъ факты, несмотря на многократныя попытки черно-желтыхъ отрицать ихъ, ни разу не были опровергнуты.

Франкфуртскій парламентъ, всецѣло находясь въ это время во власти реакціонеровъ, не призналъ неотложности предложенія и передалъ его въ комиссію для австрійскихъ дѣлъ; послѣдняя обратилась къ центральному правительству съ представленіемъ относительно провѣрки фактовъ, указанныхъ въ запискѣ. Впрочемъ, если бы парламентъ и принялъ предложеніе Циммермана, на общій ходъ дѣлъ это не оказало бы уже замѣтнаго вліянія.

Согласно произведенному подсчету число инсургентовъ, погибшихъ во время осады и при взятіи Вѣны, опредѣляется отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. Столько народа, если только эта цифра правильна, не могло пасть въ сраженіяхъ; особенно невѣроятно это по сравненію съ офиціальными данными о потеряхъ войскъ. Если вѣрить офиціальному отчету, армія потеряла 56 офицеровъ, 1.142 солдата убитыми и ранеными и 70 лошадей.

Вождямъ движенія не всѣмъ удалось спастись. Феннеръ фонъ-Феннебергъ, по разсказамъ, былъ вынесенъ изъ города въ кадкѣ подъ тѣстомъ, Бемъ—въ гробу; по другой версіи Бемъ въ австрійской формѣ неузнаннымъ пробрался черезъ австрійскій лагерь. Гаугкъ также бѣжалъ, но въ Венгріи снова попался въ руки австрійцевъ и былъ разстрѣлянъ по приговору военнаго суда.

Мессенгаузеръ, который могъ бы бѣжать, самъ отдался въ руки побѣдителя. Этотъ человѣкъ, вознесенный волнами бурнаго времени на вершину революціи, былъ такъ наивенъ, что вѣрилъ въ свое „право" и въ свою „невинность" предъ лицомъ безпощаднаго побѣдителя.

Утромъ 9 ноября Вѣну облетѣло потрясающее извѣстіе, что въ Бригиттенау разстрѣлянъ по приговору военнаго суда Робертъ Блюмъ.

Въ послѣдніе дни октября Блюмъ уже не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія *). Движеніе венгровъ, какъ онъ замѣтилъ еще на колокольнѣ церкви св. Стефана, онъ съ самаго начала считалъ безплоднымъ. 29 октября Блюмъ и Фребель выступили изъ гаугкскаго отряда избранныхъ; такимъ образомъ ихъ нельзя было даже обвинять въ нарушеніи заключеннаго съ Виндишгрецемъ договора о капитуляціи, поскольку о послѣднемъ можетъ быть вообще рѣчь **). Блюмъ и Фре-

*) Онъ вообще не былъ оптимистомъ. Уже въ маѣ писалъ онъ одному другу, которому не малое огорченіе доставляли охранители и трусы: „Относительно республики эти господа могутъ успокоиться,—они ея не получатъ; зато они навѣрное получатъ реставрацію всего стараго свинства въ новомъ изданіи".

**) Блюмъ и Фребель были поставлены на опасные посты; Блюмъ съ пятью ору-

бель спокойно оставались въ гостиницѣ „Городъ Лондонъ“, откуда 1 ноября они написали письмо генералу Зоричу съ просьбой о свободномъ пропускѣ. Они надѣялись на декретированную франкфуртскимъ парламентомъ 30 сентября неприкосновенность депутатовъ, — надежда, понять которую весьма трудно передъ лицомъ побѣдоноснаго стотысячнаго войска съ раздраженнымъ Виндишгрецемъ во главѣ. Трудно понять, какимъ образомъ Блюмъ, обычно столь скептическій и трезвый, могъ ожидать, что бумажное постановленіе франкфуртскаго парламента остановитъ передъ собой завоевателя Вѣны, — и это послѣ того, какъ Блюмъ и Фребель занимали у инсургентовъ положеніе вождей и участвовали въ вооруженныхъ столкновеніяхъ.

Морицъ Гартманъ, напротивъ, слишкомъ хорошо зналъ этихъ людей, чтобы не полагаться на бумажныя постановленія. Между тѣмъ генералъ Зоричъ не предпринялъ еще рѣшительнаго шага *). Онъ отвѣтилъ только обоимъ депутатамъ, что имъ слѣдуетъ обратиться къ генералу Кордону. Когда этотъ послѣдній получилъ прошеніе, онъ тотчасъ же написалъ на обратной его сторонѣ приказъ объ арестѣ. 4 ноября Блюмъ и Фребель были арестованы и заключены въ тюрьму военнаго штаба. 5 ноября они написали посланіе къ франкфуртскому парламенту, но послѣднее не дошло по назначенію **); 8 ноября они направили протестъ въ вѣнскую центральную слѣдственную комиссію, апеллируя къ своей депутатской неприкосновенности. Въ отвѣтъ на протестъ Блюма повели къ допросу; время, употребленное на это, было какъ разъ достаточно для того, чтобы направить протестъ въ Гецендорфъ на главную квартиру Виндишгреца и привезти обратно отвѣтъ. Въ пять часовъ утра Блюмъ, еще ранѣе отдѣленный отъ Фребеля, былъ разбуженъ и ему прочитали смертный приговоръ. Когда онъ замѣтилъ, что не вѣритъ въ исполненіе приговора, авдиторъ посовѣтовалъ ему оставить на этотъ счетъ всякія сомнѣнія.

Робертъ Блюмъ съ полнымъ самообладаніемъ и мужествомъ предался своей ужасной судьбѣ; немного времени, оставшагося ему, онъ употребилъ на то, чтобы написать своей женѣ трогательное письмо, которое навсегда запечатлѣетъ въ сердцѣ каждаго, не вполнѣ еще огрубѣвшаго человѣка, память объ этомъ мученикѣ демократіи ***).

діями стоялъ противъ кроатовъ, но имѣлъ рѣшительное приказаніе не пускать въ ходъ пушки. По мнѣнію Фребеля, это было явнымъ признакомъ предательства со стороны высшихъ руководителей.

*) Въ канцеляріи этого генерала, очевидно, царствовалъ, употребляя выраженіе одного вѣнскаго соціалиста, „деспотизмъ, смягченный халатностью“.

**) Такъ говоритъ Фребель, разсказу котораго передъ франкфуртскимъ парламентомъ 18 ноября мы здѣсь слѣдуемъ.

***) Вотъ это письмо.

„Моя вѣрная, дорогая, милая жена, прощай! Я прощаюсь съ тобою на время, которое называютъ вѣчностью, но которое не будетъ ею. Воспитай изъ нашихъ— теперь только т в о и х ъ—дѣтей благородныхъ людей,—тогда они не покроютъ позоромъ памяти своего отца. Наше маленькое имущество продай при помощи нашихъ друзей. Богъ и добрые люди да будутъ вамъ защитою! Всѣ мои чувства выливаются теперь въ

Въ шесть часовъ утра 9 ноября 1848 года Блюмъ въ извозчичьей каретѣ подъ конвоемъ отряда кавалеріи былъ отвезенъ въ Бригиттенау. „Освободите меня по крайней мѣрѣ отъ вашихъ цѣпей,—сказалъ онъ, когда его хотѣли было заковать,—будьте покойны, я не сдѣлаю нелѣпой попытки къ бѣгству“. Его повезли незакованнымъ. Онъ не обнаружилъ слабости; только разъ во время путешествія изъ глазъ его скатилась слеза, и онъ замѣтилъ: „Не депутатъ Блюмъ плачетъ, а мужъ и отецъ“. 2000 человѣкъ войска окружали мѣсто казни. Блюму хотѣли завязать глаза; онъ сначала протестовалъ, но потомъ, по совѣту офицера, командовавшаго отрядомъ, которому было поручено привести въ исполненіе приговоръ, самъ надѣлъ на себя повязку и воскликнулъ въ сильномъ возбужденіи: „Я умираю за свободу; пусть родина не забудетъ меня!“ Когда офицеръ опустилъ шпагу, раздался залпъ, и Блюмъ беззвучно упалъ на землю, пораженный въ голову и въ сердце.

На слѣдующій день въ офиціальной вѣнской газетѣ появилось сообщеніе, что Робертъ Блюмъ, „книготорговецъ изъ Лейпцига“, за возмутительныя рѣчи и вооруженное сопротивленіе императорскимъ войскамъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но, „за неимѣніемъ палача“, казнь совершена 9 ноября при помощи пороха и свинца.

потокѣ слезъ; еще разъ прощай, дорогая жена! Пусть наши дѣти будутъ для тебя самымъ дорогимъ завѣщаніемъ твоего мужа. Прощай, прощай! Тысяча, тысяча послѣднихъ поцѣлуевъ.

отъ твоего Роберта.

Вѣна, 9 ноября 1848. 5 часовъ утра,—въ 6 меня уже не станетъ.

„Я забылъ о кольцахъ,—я напечатлѣваю мой послѣдній поцѣлуй тебѣ на обручальномъ кольцѣ. Мое кольцо съ печаткой передай Гансу, часы Роберту, брильянтовую булавку Идѣ, цѣпочку Альфреду на память обо мнѣ. Остальныя вещи на память ты раздашь по собственному усмотрѣнію. Идутъ! Прощай, прощай!“

Карлу Фогту обреченный на смерть вождь лѣвой писалъ:

„Умирающій обращается къ тебѣ и ко всѣмъ нѣмецкимъ друзьямъ моей несчастной семьи. Я былъ ихъ единственнымъ кормильцемъ. Перенесите вашу любовь съ меня на нихъ, и тогда я умру спокойно. Всѣмъ тысячу разъ привѣтъ!

Блюмъ.

Вѣна, 9 ноября, половина шестого утра“.

Карлу Крамеру въ Лейпцигѣ, соредактору „Vaterlandsblätter“, онъ писалъ:

„Дорогой другъ! Теперь пять часовъ, въ шесть я буду разстрѣлянъ. Итакъ, только два слова: Всякихъ благъ тебѣ и всѣмъ друзьямъ! Подготовь постепенно мою жену къ этой судьбѣ... войны. Пошли Гюнтеру мой послѣдній поклонъ. Я умираю, какъ мужчина,—такъ должно быть. Прощай, прощай!

Блюмъ.

Вѣна, 9 ноября 1848 г.“.

Между вещами Блюма, привезенными въ Лейпцигъ нѣсколькими недѣлями спустя, найдена записка слѣдующаго содержанія.

„Мою жену зовутъ Евгенія Блюмъ, Эйзенбанштрассе, № 8. Само собой разумѣется, я ей завѣщаю все оставшееся послѣ меня имущество, у нея ничего нѣтъ. Вещи мои еще остаются въ „Городѣ Лондонѣ“. Пользуюсь случаемъ послать сердечный привѣтъ Фребелю. Пусть онъ по возвращеніи во Франкфуртъ на Майнѣ передастъ мои поклоны, а также посѣтитъ жену и дѣтей.

Блюмъ“.

Фребель былъ также приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но тотчасъ же помилованъ; по его собственному мнѣнію, причиной помилованія была одна его брошюра, въ которой онъ предостерегалъ противъ раздробленія Австріи; но гораздо вѣроятнѣе, что Виндишгрецъ просто счелъ возможнымъ удовольствоваться одной жертвой и притомъ наиболѣе значительной; менѣе значительную онъ оставилъ въ покоѣ, чтобы блеснуть своимъ великодушіемъ *). Къ тому же, застрѣливъ Роберта Блюма, онъ достигъ всего, чего хотѣлъ: кровавыми буквами написалъ онъ рѣзкій вызовъ черно-желтой Австріи франкфуртскому парламенту и его конституціи. Выстрѣлы по приговору военнаго суда въ Бригиттенау были открытымъ протестомъ ольмюцской камарильи противъ конституціонной работы во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Пламя негодованія по поводу этой жестокой расправы съ депутатомъ охватило всю Германію; даже блѣдные либералы были глубоко возмущены такимъ наглымъ попраніемъ всѣхъ конституціонныхъ гарантій. Только „суверенное“ собраніе въ церкви св. Павла обнаружило въ этомъ дѣлѣ такъ же мало достоинства, какъ и въ другихъ случаяхъ. Симонъ изъ Трира въ своемъ предложеніи, поддержанномъ 60 другими членами, назвалъ казнь Блюма убійствомъ и рекомендовалъ центральному правительству „предпринять необходимые шаги, чтобы косвенные и непосредственные виновники убійства были наказаны“. Предложеніе это не имѣло смысла, и Симонъ изъ Трира долженъ былъ знать, что безсильное центральное правительство не сумѣетъ да и не захочетъ наказывать побѣдителя Вѣны, стоявшаго въ главѣ стотысячной арміи. Предложеніе было передано австрійской комиссіи, и послѣдняя 16 ноября снова внесла его на всеобщее обсужденіе въ слѣдующей формѣ:

„Національное собраніе торжественно указываетъ на совершонное передъ глазами всей Германіи съ нарушеніемъ имперскаго закона отъ 30 сентября сего года задержаніе и убійство депутата Роберта Блюма и требуетъ отъ министерства имперіи принять самыя рѣшительныя мѣры къ наказанію непосредственныхъ и косвенныхъ виновниковъ преступленія“.

Президентъ Гагернъ замѣтилъ, что оскорбленіе правъ собранія должно быть отмщено, „если вообще существуетъ хотя тѣнь права“. Безъ дебатовъ единогласно было постановлено „торжественно указать“. Реакціонеры охотно доставили лѣвой это удовольствіе, такъ какъ такое постановленіе всего лучше обнаруживало передъ всей Германіей полное безсиліе и безпомощность собранія. Отношеніе центральнаго правительства къ казни Блюма достаточно освѣтилось 17 ноября,

*) Фребель, этотъ нѣкогда красный республиканецъ, защищалъ впослѣдствіи черно-желтые, а потомъ и черно-бѣлые интересы (черно-желтый—цвѣта Австріи, черно-бѣлый—цвѣта Пруссіи). Въ періодъ расцвѣта националъ-либерализма онъ перешелъ на его сторону и былъ вознагражденъ за свои заслуги мѣстомъ консула въ Смирнѣ.

когда Шмерлингъ насмѣшливо замѣтилъ: „кто рискуетъ, тотъ погибаетъ“.

Комиссарамъ Пауру изъ Нейссэ и Пецлю изъ Мюнхена, которыхъ центральное правительство послало въ Австрію, министръ юстиціи Бахъ сказалъ съ грубой насмѣшкой, что законъ 30 сентября относительно неприкосновенности депутатовъ никогда не былъ объявленъ въ Австріи, а потому въ Австріи никто не можетъ становиться подъ его защиту. Подобный же отвѣтъ получилъ Шуселька, интерпеллировавшій въ кремзирскомъ рейхстагѣ министра юстиціи по поводу казни Блюма. Бахъ на этотъ разъ прибавилъ только, что, вообще говоря, подобные законы не могутъ имѣть никакого значенія до тѣхъ поръ, пока не установлены, путемъ взаимнаго соглашенія, новыя отношенія между Австріей и Германіей.

Въ Германіи трагическая смерть Блюма вызвала цѣлый рядъ демонстрацій *); въ многочисленныхъ, иногда хорошихъ, чаще очень дурныхъ, стихахъ прославлялся Робертъ Блюмъ, „онъ, который твердою рукою положилъ свой крутой и суровый жизненный путь вплоть до вратъ франкфуртскаго парламента“ **), какъ пѣлъ о немъ Фрейлигратъ. Его имя еще до сихъ поръ пользуется популярностью, и народъ чувствуетъ себя особенно привязаннымъ къ памяти этого человѣка, поднявшагося собственными усиліями изъ пролетарскаго существованія, но не заразившагося, какъ это часто бываетъ, тлетворнымъ вліяніемъ новой среды.

Для семейства Блюма среди демократовъ были собраны деньги и дѣти его получили воспитаніе въ Швейцаріи ***).

Вѣнскій военный судъ продолжалъ свою работу вплоть до мая 1849 года. Разстрѣлъ, тяжелое тюремное заключеніе, висѣлица, каторжныя работы—таковы были его приговоры. 24 смертныхъ приговора были приведены въ исполненіе. 16 ноября разстрѣляли Мессенгаузера, 23-го—Бехера и Еллинека, редакторовъ „Радикала“.

22 ноября въ Кремзирѣ снова собрался австрійскій рейхстагъ, но теперь онъ превратился въ полное ничтожество. Его лѣвая все еще продолжала „ждать до конца“, т.-е. все еще не излѣчилась окончательно отъ своихъ иллюзій.

Взятые въ плѣнъ вѣнскіе инсургенты были забраны въ солдаты и отправлены въ арміи, сражавшіяся противъ венгровъ и итальянцевъ; такимъ образомъ населеніе Вѣны было вполнѣ очищено отъ револю-

*) До недавняго еще времени каждую годовщину смерти Роберта Блюма на франкфуртскомъ соборѣ таинственнымъ для полиціи способомъ взвивался черный флагъ.

**) „Er, der sich seinen Lebensweg, den steilen und den rauhen,
Auf bis zu Frankfurts Parlament mit starker Hand gehauen“.

***) Какъ извѣстно, Гансъ Блюмъ, старшій сынъ мученика въ Бригиттенау, не пошелъ по стопамъ своего отца. Онъ воспитывался на счетъ демократовъ, называлъ себя „студентомъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка“ и все же потомъ перешелъ къ націоналъ-либераламъ. Онъ, сынъ казненнаго, голосовалъ въ рейхстагѣ за смертную казнь и отличался слѣпой ненавистью къ демократамъ и столь же слѣпымъ преклоненіемъ передъ Бисмаркомъ.

ціонныхъ элементовъ. Между тѣмъ образовалось новое министерство. Во главѣ его стоялъ князь Феликсъ фонъ-Шварценбергъ, дипломатъ изъ школы Меттерниха; графъ Стадіонъ, также реакціонеръ стараго закала, взялъ министерство внутреннихъ дѣлъ, генералъ Кордонъ — военное. Манифестъ новаго правительства, украшенный нѣсколькими полуконституціонными фразами, позволялъ тѣмъ не менѣе слишкомъ ясно прочитать между строкъ, что кабинетъ твердо рѣшилъ въ союзѣ со славянами воспротивиться обще-германской конституціи. Отзывать изъ Франкфурта австрійскихъ депутатовъ, очевидно, представлялось теперь уже дѣломъ, не стоящимъ труда; имъ спокойно предоставили удовольствіе продолжать свои словесные турниры.

Императоръ Фердинандъ былъ вынужденъ подписать еще одинъ манифестъ, полный угрозъ противъ венгровъ, и затѣмъ 2 декабря 1848 года онъ отказался отъ престола. Въ какой степени это было вызвано вліяніемъ камарильи, нѣтъ возможности сказать съ увѣренностью. Престолъ Фердинанда унаслѣдовалъ племянникъ его Францъ-Іосифъ I. Восемнадцатилѣтній императоръ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ; теперь вліяніе эрцгерцогини Софіи и планы камарильи не встрѣчали при дворѣ уже никакихъ препятствій. Венгерскій рейхстагъ отказался признать Франца-Іосифа императоромъ.

Въ декабрѣ начался походъ противъ Венгріи. Командованіе было поручено князю Виндишгрецу, который на ряду съ Еллачичемъ получилъ изъ Россіи и отъ Кавеньяка изъ Франціи выраженія признательности за подчиненіе Вѣны. Виндишгрецъ подождалъ зимы, которая въ этомъ году была необычно суровая. Естественныя средства самозащиты Венгріи, озера, рѣки, топи и болота, замерзли и сдѣлали возможнымъ быстрое вторженіе враждебныхъ войскъ въ страну. Генералъ Шликъ, стоявшій у Карпатъ, взялъ Эперьесъ и Кашау; самъ Виндишгрецъ во главѣ главныхъ боевыхъ силъ, раздѣленныхъ на двѣ колонны, изъ которыхъ первой командовалъ Еллачичъ, а второй Нугентъ, быстро двинулся въ Венгрію. Отряды мадьяръ, встрѣченные австрійскими войсками, частью были опрокинуты, частью отступили безъ борьбы. Пресбургъ и Раабъ попали въ руки непріятеля, и въ ночь на новый годъ венгерское правительство покинуло Пештъ и перенесло свою резиденцію въ Дебречинъ. Кошутъ захватилъ съ собой весь аппаратъ правительственной машины со всѣми ея приспособленіями; онъ взялъ даже прессъ для печатанія банковыхъ билетовъ. Онъ массами выпускалъ бумажныя деньги различнаго достоинства, такъ называемыя ассигнаціи Кошута или попросту „кошутки". Такимъ путемъ правительство постоянно имѣло въ своемъ распоряженіи запасъ денежныхъ средствъ и сумѣло связать интересы всѣхъ венгровъ съ успѣхомъ революціи.

Сила сопротивленія венгровъ развилась въ теченіе самой кампаніи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Государственный переворотъ въ Пруссіи.

Палата соглашенія въ Берлинѣ безпомощно носилась туда и сюда по волнамъ этого бурнаго времени; не было сильной руки, которая могла бы направить ее въ гавань. Справа и слѣва терпѣла она одинаково сильныя нападки, да ничего другого и нельзя было ожидать при ея исполненной противорѣчій политикѣ. Демократія была раздражена реакціоннымъ закономъ относительно національной гвардіи, а 5 октября демократическій ферейнъ національной гвардіи организовалъ демонстрацію, въ которой приняли участіе также и рабочіе. По улицамъ въ торжественной процессіи провели осла, на хвостѣ котораго висѣла дощечка съ надписью: „Законъ о національной гвардіи 4 октября"; передъ драматическимъ театромъ доска эта была сожжена и, если вѣрить „Vossische Zeitung", той же участи подверглось черно-бѣлое знамя. Національная гвардія явилась слишкомъ поздно, а „дядюшка Карбе" убѣждалъ народъ спокойно разойтись по домамъ, что и было исполнено.

Дворянство негодовало на принятый собраніемъ законъ объ охотѣ, который, наконецъ, окончательно уничтожилъ привилегію охотиться на чужой землѣ *). Но не это дало рѣшительный толчокъ тому конфликту короля съ собраніемъ, вызвать который безуспѣшно старалась до сихъ поръ камарилья въ потсдамскомъ дворцѣ. Отмѣна смертной казни— вотъ что возбудило рѣшительное неудовольствіе короля. Онъ не хотѣлъ уступать, и такъ какъ министры были за отмѣну смертной казни, король вступилъ въ переговоры съ графомъ Бранденбургомъ и предложилъ ему постъ министра-президента. Герлахъ поѣхалъ съ этою цѣлью въ Бреславль. Бранденбургъ, гордый аристократъ и дворянинъ до мозга костей, сынъ Фридриха-Вильгельма II и графини Дёнгофъ, какъ разъ соотвѣтствовалъ желаніямъ камарильи; она употребила всѣ старанія, чтобы провести его въ министры, надѣясь съ его помощью нанести рѣшительный ударъ палатѣ соглашенія и демократіи. Изъ

*) Впрочемъ, какъ разъ благородные землевладѣльцы-дворяне побуждали собраніе поскорѣе покончить съ новымъ закономъ объ охотѣ, чтобы получить покой отъ возбужденныхъ крестьянъ.

другихъ сферъ старались повліять на короля въ смыслѣ большей уступчивости въ вопросѣ о смертной казни. Даже русскій посланникъ полагалъ, что смѣна министерства по этому поводу могла бы имѣть опасныя послѣдствія; придворный проповѣдникъ Штраусъ также стоялъ за уступчивость. Но нашептыванія Герлаха одержали верхъ; король сказалъ: „Я знаю и безъ поповъ, въ чемъ состоитъ мой долгъ!“ Отмѣна смертной казни не привела еще, правда, къ открытому разрыву; по этому вопросу было достигнуто соглашеніе. Но Герлахъ продолжалъ свою работу. Онъ написалъ Бранденбургу, что король безнадежно запутался въ сѣтяхъ либераловъ. Настало время, по его мнѣнію, открыто заявить, что король глава страны, а не „собраніе въ домѣ комедіантовъ“; тѣ подданные, которые еще остались вѣрными, и еще вѣрная своему долгу армія сумѣютъ взять на себя послѣдствія такого заявленія!

12 октября собраніе приступило къ обсужденію проекта конституціи. И оно такимъ образомъ очень поздно взялось за рѣшеніе той задачи, къ которой оно собственно и было призвано. Уже самые первые параграфы послужили поводомъ къ рѣзкому столкновенію старой и новой Пруссіи. Депутатъ лѣвой Шнейдеръ внесъ предложеніе зачеркнуть въ титулѣ короля слова „Божіею милостію“. Министръ Эйхманъ выступилъ за сохраненіе этихъ словъ, утверждая, что не только король, но и рѣшительно каждый, до самаго послѣдняго человѣка въ народѣ, существуетъ лишь милостію Божіей; иначе и быть не можетъ. Если короли называютъ себя „милостію Божіей“, то это служитъ знакомъ не гордости, а отвѣтственности и преданности волѣ Божіей. Шульце-Деличъ при обсужденіи этого вопроса былъ охваченъ сильнымъ припадкомъ республиканизма и высказался за уничтоженіе „Божіею милостію“. Въ результатѣ собраніе большинствомъ 217 противъ 134 голосовъ зачеркнуло слова „Божіею милостію“.

Послѣ такого постановленія король почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ. Два дня спустя во дворцѣ Бельвю, куда явился президентъ Грабовъ, чтобы поздравить короля съ днемъ рожденія, король высказался вполнѣ открыто. Грабовъ сказалъ обычную фразу, что новыя учрежденія упрочатъ союзъ между народомъ и трономъ. „Не забывайте однако,—замѣтилъ король,—что мы имѣемъ нѣкоторое преимущество передъ другими народами, у насъ есть н а с л ѣ д с т в е н н ы й г л а в а г о с у д а р с т в а Б о ж і е ю м и л о с т і ю! Благодарите Бога, что вы его еще имѣете!“ Депутаціи отъ національной гвардіи король сказалъ: „Не забывайте, что оружіе вы имѣете отъ меня!“ Теперь уже не могло оставаться никакихъ сомнѣній; камарилья вполнѣ завладѣла королемъ и ей оставалось только поставить у кормила правленія своего довѣреннаго человѣка.

Вскорѣ послѣ этого собраніе постановило уничтоженіе дворянства, при чемъ Якоби замѣтилъ: „Не все ли равно, к а к у ю э п и т а ф і ю н а п и ш е м ъ м ы н а е г о н а д г р о б н о м ъ к а м н ѣ!“ Этотъ шагъ довелъ начавшійся конфликтъ до крайнихъ предѣловъ, такъ какъ благо-

родные, само собою разумѣется, подняли невѣроятный гвалтъ по поводу отмѣны дворянскаго титула. Камарилья, прекрасно знавшая, насколько слабы демократія и палата соглашенія, чувствовала себя у желанной цѣли и горѣла нетерпѣніемъ вступить въ открытый бой. Послѣдній быть можетъ произошелъ бы и раньше, если бы какъ разъ въ концѣ октября не возгорѣлась въ Вѣнѣ послѣдняя великая борьба. Необходимо было дождаться ея исхода. Межъ тѣмъ иллюзіи палаты соглашенія, считавшей свои слова и бумажныя постановленія всемогущими, достигли апогея. Въ президенты послѣ отставки Грабова избрали господина Унру. Въ такой критическій моментъ недоставало какъ разъ лишь того, чтобы этотъ герой „пассивнаго сопротивленія" появился на президентскомъ мѣстѣ *).

Конфликтъ между рабочими и буржуазіей въ серединѣ октября еще разъ привелъ къ кровавой катастрофѣ. На Кепеникской площади рабочіе, работавшіе надъ проведеніемъ канала, разрушили ненавистную для нихъ машину, предназначенную для выкачиванія воды изъ канавъ. Послѣ этого на площади расположились нѣсколько отрядовъ національной гвардіи, снабженные боевыми патронами. Рабочіе были настолько добродушны, что безъ протеста примирились съ этимъ полицейскимъ надзоромъ; совершенно невольно вызвали они рѣзкое столкновеніе. 16 октября послѣ освященія новой шахты, рабочіе со знаменемъ въ рукахъ двинулись къ національной гвардіи, желая устроить ей торжественную овацію. Но національные гвардейцы приняли это за нападеніе и заперлись въ манежѣ. Одинъ рабочій оторвалъ дверь и получилъ отъ національнаго гвардейца, булочника Шульца, ударъ саблей въ руку. Послышались яростные крики, но дѣло уладилось, когда Шульцъ обѣщалъ вознаградить раненаго нѣсколькими талерами. Явился начальникъ національной гвардіи, Римплеръ, къ которому рабочіе обратились съ запросомъ, почему мѣсто работъ занято вооруженными гвардейцами. Начиная съ этого момента, показанія источниковъ расходятся. По однимъ—рабочіе стали кидать въ національную гвардію камнями, по другимъ—толпа просто устремилась къ національной гвардіи съ криками „ура". Какъ бы то ни было, вооруженные буржуа дали залпъ, ранившій и убившій значительное число людей. Десять рабочихъ остались на мѣстѣ, между прочимъ одинъ, спокойно сидѣвшій въ сторонѣ за завтракомъ; жена, подававшая ему ѣсть, получила рану въ плечо. Приказаніе стрѣлять отдалъ, какъ говорятъ, булочникъ Шульцъ.

Эта грубая расправа привела рабочихъ въ ярость; они массами собирались вмѣстѣ. Въ то время какъ національная гвардія била генералъ-маршъ, рабочіе строили баррикады на Кепеникской улицѣ и на углу Конной и на Яковлевской. Гражданское ополченіе атаковало баррикаду на Яковлевской улицѣ, но было встрѣчено ружейными выстрѣлами и отброшено назадъ, при чемъ одинъ ополченецъ былъ убитъ.

*) „Конституціонный" господинъ Унру сталъ впослѣдствіи вождемъ національно-либеральной партіи; онъ утверждалъ, что бисмарковская германская имперія вполнѣ осуществила его лучшіе идеалы. Ему-то мы въ этомъ можемъ повѣрить.

Депутатъ Берендсъ, Карбе и Линденмюллеръ напрасно старались убѣдить рабочихъ убрать баррикаду. Рабочіе не хотѣли забыть кровопролитія, учиненнаго надъ ихъ товарищами, и не отступали. Милиція вторично атаковала баррикаду, при чемъ капитанъ Фогель *) былъ тяжело раненъ, но баррикада устояла и на этотъ разъ. Переговоры также ни къ чему не привели; рабочіе стойко защищали баррикаду, обойденную сзади. Только вечеромъ они покинули ее и, говорятъ, въ нихъ стрѣляли еще и въ то время, когда они съ пѣніемъ религіозныхъ гимновъ уносили своихъ раненыхъ. Кучка народа, пытавшаяся разрушить домъ булочника Шульца на Розентальской улицѣ, была остановлена національной гвардіей, и Карбе удалось успокоить ее. Убитыхъ торжественно похоронили нѣсколько дней спустя на кладбищѣ передъ Галльскими воротами. Лѣвая, взявъ на себя примирительную миссію, принимала участіе какъ въ похоронахъ рабочихъ, такъ и въ похоронахъ ополченцевъ. Демократіи было очень важно склонить опять на свою сторону рабочихъ. Вѣдь боевыя силы Врангеля тамъ—въ провинціи, „въ Маркахъ", —достигли 48.000 человѣкъ съ 60 пушками. Но разрывъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, совершившійся 16 октября, уже не удалось загладить.

Камарилья дѣйствовала необычайно энергично и поспѣшно выписала въ Потсдамъ своего человѣка, графа Бранденбурга. Въ Сансуси происходили совѣщанія, и король окончательно подчинился вліянію двора; онъ говорилъ, что теперь видитъ опасность передъ собой и разсчитываетъ только на Бранденбурга. Вопросъ былъ исключительно въ томъ, слѣдуетъ ли Бранденбургу дѣйствовать при помощи министровъ, находящихся въ данный моментъ въ должности, или же лучше подобрать себѣ новыхъ. По словамъ Герлаха, король хотѣлъ дать Бранденбургу старыхъ министровъ, „изъ уваженія къ жалкому, едва достигнутому большинству собранія". Но члены министерства Пфуля поставили свои условія. Они требовали, чтобы король не издавалъ ни одного закона безъ согласія собранія и чтобы онъ, съ другой стороны, не накладывалъ свое „вето" ни на одно постановленіе, принятое собраніемъ **). Послѣ этого были начаты переговоры съ тайнымъ совѣтникомъ Мантейфелемъ и господиномъ Ланденбергомъ относительно вступленія ихъ вмѣстѣ съ Бранденбургомъ въ новое министерство. У господина Мантейфеля разсчитывали найти на ряду съ необходимой энергіей и „государственный" умъ, потребный для предстоящей дѣятельности. Мантейфель былъ государственнымъ человѣкомъ въ духѣ старо-прусской бюрократіи: онъ прекрасно ознакомился со всѣми изворотами дипломатіи. Бранденбургъ предложилъ свое средство; онъ проектировалъ отсрочку засѣданій палаты соглашенія на двѣ

*) Тотъ самый, который 14 іюня приказалъ отбивать дробь передъ арсеналомъ, занятымъ народомъ.

**) Такъ разсказываетъ Герлахъ. Трудно повѣрить, чтобы Пфуль съ товарищами поставили такія высокія требованія,—развѣ только они сами были орудіями ловкой придворной интриги.

недѣли и затѣмъ переселеніе ея въ городъ Бранденбургъ. Этотъ тонко задуманный проектецъ понравился, и Бранденбургъ полагалъ, что все дѣло перемѣщенія надо вести „какъ можно спокойнѣе", чтобы оно не приняло характера государственнаго переворота.

Сама палата соглашенія, повидимому, вовсе не замѣчала, что она уже стоитъ на краю пропасти. Лѣвая могла поэтому доставить себѣ роскошь,—призвать на помощь другимъ ту самую палату, которая сама больше всѣхъ нуждалась въ помощи.

Въ Берлинѣ 26 октября открылся демократическій конгрессъ, на который съѣхались радикальные демократы со всѣхъ частей Германіи. Шлеффель старшій, Эрбе и графъ Рейхенбахъ отъ франкфуртскаго и берлинскаго парламентовъ, Байргофферъ изъ Марбурга, Вислиценусъ изъ Галле, Руге и Бенари изъ Берлина, Людвигъ Бамбергеръ изъ Майнца и др. выступали здѣсь въ качествѣ ораторовъ *). Здѣсь разговаривали очень много и очень красиво; между тѣмъ вся наличность кассы демократовъ равнялась, какъ сообщилъ докторъ Гекзамеръ, четыремъ талерамъ, четыремъ зильбергрошамъ, девяти пфенигамъ (около 7 рублей). Въ общемъ съ іюля до октября поступило въ кассу 586 талеровъ, было израсходовано 582. Демократическая организація, въ такой степени преисполненная „самопожертвованіемъ", не могла, конечно, быть опасной никакому правительству.

Въ то время, какъ демократы держали свои рѣчи, правительство выработало проектъ закона о „защитѣ фабричныхъ рабочихъ", направленный противъ trucksystem, противъ расплаты вмѣсто денегъ товарами; за нарушеніе закона въ проектѣ предполагались штрафы въ размѣрѣ отъ 5 до 100 талеровъ. Правительство разсчитывало такимъ образомъ склонить на свою сторону симпатіи рабочихъ, и безъ того уже сильно раздраженныхъ противъ буржуазіи; между тѣмъ демократическій конгрессъ совершенно устранился отъ обсужденія рабочаго вопроса, который было поднялъ на немъ Борнъ.

Конгрессъ, на которомъ между прочимъ выступилъ въ качествѣ скандалиста казалось окончательно похороненный Гельдъ, обнаружилъ самую жалкую безпомощность; неспособные крикуны и фразеры въ родѣ вѣнскаго писаки Зильберштейна, впослѣдствіи сильно угомонившагося, наполняли своими рѣчами собранія. Арнольдъ Руге, видя это, попытался перенести центръ тяжести демократической дѣятельности въ массы внѣ стѣнъ собранія. „Въ Палаткахъ" было назначено народное собраніе, которое и состоялось, несмотря на всѣ препятствія со стороны полиціи. Было постановлено устроить демонстрацію въ пользу Вѣны, за что въ числѣ другихъ ратовалъ и Арнольдъ Руге. Демонстрацію предполагалось организовать въ формѣ процессіи къ драмати-

*) Бамбергеръ, извѣстный впослѣдствіи націоналъ-либеральный, а потомъ и свободомыслящій депутатъ, принадлежалъ въ то время къ той фракціи демократіи, которая, по выраженію секретаря ея центральнаго комитета, стремилась установить „демократическо-соціальную республику". Послѣдній терминъ не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ теперешнимъ значеніемъ слова „соціалъ-демократическій"

ческому театру съ цѣлью передать палатѣ соглашенія петицію натиска и побудить ее такимъ образомъ выступить на защиту угрожаемой Вѣны.

Предпріятіе было заранѣе обречено на неудачу: какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, могла безсильная палата помочь вѣнцамъ? *) Руге, какъ и прочіе, убаюкивалъ себя дѣтскими иллюзіями. Онъ понималъ, что во Франкфуртѣ корабль демократіи разобьется о подводные камни, но онъ почему-то еще надѣялся на палату соглашенія.

Шествіе, состоявшее изъ 1.000 человѣкъ буржуа и рабочихъ, съ Руге, Карбе и Линденмюллеромъ во главѣ, подвигалось отъ Александровской площади къ Жандармскому рынку, гдѣ собралась значительная толпа народа. Руге съ парадной лѣстницы драматическаго театра объявилъ народу, что онъ передалъ петицію депутату д'Эстеру, и убѣждалъ толпу разойтись. Но толпа не послушалась; значительная ея часть еще оставалась передъ зданіемъ, когда въ 5 часовъ вечера собралась палата соглашенія. Едва послѣдняя приступила къ обсужденію предложенія Вальдека объ оказаніи поддержки Вѣнѣ, съ улицы раздались громкіе крики. Линденмюллеръ и Карбе напрасно старались возстановить спокойствіе среди взволнованнаго народа. Тамъ и сямъ мелькали зажженные факелы; говорятъ также, что кое-гдѣ попадались люди съ веревками въ рукахъ; изъ этого вывели, что они хотятъ перевѣшать реакціонныхъ депутатовъ **). Опять появились слухи, раздувавшіе все до невѣроятныхъ размѣровъ. Царилъ ужасный шумъ; говорили, что народъ не хочетъ выпустить депутатовъ изъ драматическаго театра, пока послѣдніе не вынесутъ требуемаго постановленія; выходы были заняты густой толпой, отдѣльные депутаты подверглись угрозамъ. Разсказывали даже, что двери были заколочены гвоздями ***).

Наконецъ вмѣшалось гражданское ополченіе съ своей обычной грубостью, и смятеніе среди народа еще увеличилось. Рабочіе-механики, какъ они сами разсказывали, выстроились въ ряды и съ бѣлыми

*) Въ этотъ самый моментъ Вѣна, чего берлинцы не знали, конечно, была взята Виндишгрецемъ послѣ отчаяннаго послѣдняго сопротивленія.

**) Впослѣдствіи говорили, что въ этомъ смыслѣ старались подѣйствовать на толпу агенты реакціонеровъ.

***) Многіе, особенно Варнгагенъ фонъ-Энзе, рѣшительно утверждали, что большинство этихъ разсказовъ—реакціонная ложь: никто не видалъ веревокъ и двери вовсе не были забиты гвоздями. Штрекфусъ слышалъ только, что депутатовъ не хотятъ выпустить изъ зданія, пока они не произведутъ голосованія. Господинъ Брассъ притащилъ даже одного „агитатора" въ полицію; послѣдній, говоритъ Варнгагенъ, оказался дворяниномъ-реакціонеромъ. Если припомнить, какъ реакціонеры впослѣдствіи использовали эти событія, легко можно повѣрить, что въ нихъ принимали участіе реакціонные агенты; остальное довершила фантазія трепещущихъ филистеровъ. Когда въ 1853 году депутату Брюннеку замѣтили въ первой камерѣ, что отъ веревки его спасъ дворянинъ, онъ отвѣтилъ, что онъ не видалъ передъ драматическимъ театромъ ни веревокъ, ни спасителей-дворянъ. Межъ тѣмъ господинъ Вильгельмъ Іорданъ фантазировалъ во франкфуртскомъ парламентѣ. „Были разграблены канатныя лавки,—говорилъ онъ,—на веревкахъ навязали петли и совали ихъ въ лицо депутатамъ, называя эти петли съ отвратительной шутливостью вѣнскими колбасками и галстучками". Недурно для рапсода!

флагами, безъ оружія, бросились между національной гвардіей и народомъ; въ результатѣ нѣсколько рабочихъ было заколото національными гвардейцами; по имѣющимся даннымъ, одинъ рабочій-механикъ былъ убитъ, девять ранены. Безпорядки продолжались до поздней ночи.

Въ это время собраніе обсуждало предложеніе Вальдека, гласившее: „потребовать отъ правительства королевства употребить всѣ находящіяся въ распоряженіи государства средства, чтобы какъ можно скорѣе притти на помощь угрожаемой въ Вѣнѣ народной свободѣ". Это означало не болѣе, не менѣе, какъ требовать, чтобы Пруссія объявила войну Виндишгрецу. Трудно отыскать выраженіе, которое могло бы охарактеризовать по достоинству наивность, продиктовавшую этотъ проектъ. Собраніе отвергло его и приняло предложеніе Родбертуса и Берга; согласно принятой резолюціи собраніе требуетъ отъ правительства немедленно и со всей энергіей оказать давленіе на центральное правительство въ томъ смыслѣ, „дабы пострадавшая въ Австріи народная свобода и рейхстагъ, угрожаемый въ своемъ существованіи, получили дѣйствительную и надежную защиту и такимъ образомъ былъ бы возстановленъ миръ". 261 голосомъ противъ 52 предложеніе прошло, и лѣвая сочла это своей побѣдой. Надѣяться, что Іоганнъ защититъ народную свободу отъ Виндишгреца! Боже, какъ глупо!

Пфуль также голосовалъ за предложеніе; онъ могъ себѣ это позволить, такъ какъ зналъ, что его все равно скоро уберутъ *).

Постановленіе это было такъ же безсмысленно, какъ и демонстрація. Но оно имѣло свои послѣдствія, которыя и сказались очень скоро.

2 ноября Пфуль заявилъ въ собраніи, что „по слабости здоровья" онъ вынужденъ подать въ отставку. Понятно само собой, что со времени переговоровъ съ Бранденбургомъ въ Сансуси здоровье министерства Пфуля пришло въ самое критическое состояніе. Демократія этого не знала и удивлялась выходу въ отставку министерства, имѣвшаго за собой большинство палаты. Да и гдѣ было демократамъ догадаться о томъ, что дѣлалось за кулисами! „Большинство"—вотъ то волшебное слово, изъ-за котораго они ничего не видѣли.

Въ то же самое время генералъ Бранденбургъ заявилъ, что ему поручено составленіе новаго министерства.

Тогда, наконецъ, палата соглашенія пробудилась отъ своего мечтательнаго усыпленія. Она припомнила угрожающій указъ генерала Бранденбурга противъ бреславльскаго гражданскаго ополченія. Какъ разъ въ этотъ моментъ и въ Берлинѣ по всѣмъ угламъ была расклеена прокламація выходящаго въ отставку министра Эйхмана, приглашавшая начальство обращаться къ помощи войскъ во всѣхъ тѣхъ слу-

*) Относительно полудемократическихъ симпатій Пфуля Варнгагенъ разсказываетъ цѣлый рядъ очень пикантныхъ вещей; такъ, напримѣръ, послѣ засѣданій 21 октября Пфуль, по его словамъ, вмѣстѣ съ Іоганномъ Якоби и Юнгомъ отправился на квартиру послѣдняго и тамъ свелъ „близкое знакомство" съ обоими этими депутатами. Въ общемъ однако министерство Пфуля уже, конечно, не было демократическимъ,—оно имѣло лишь слабо либеральный оттѣнокъ.

чаяхъ, когда гражданское ополченіе окажется не въ состояніи „своевременно и удовлетворительно" выполнить свою обязанность.

Лѣвая предлагала собранію объявить себя постояннымъ и издать воззваніе къ народу, но собраніе рѣшило ограничиться адресомъ къ королю. Въ послѣднемъ палата протестовала противъ министерства Бранденбурга, заявляя напрямки, что министерство это неминуемо вызоветъ открытый взрывъ народнаго возбужденія, который будетъ имѣть „безконечно печальныя, напоминающія судьбу сосѣдней Австріи послѣдствія". Далѣе возбуждалось ходатайство о назначеніи „дружественнаго народу" министерства. Въ составленіи адреса наибольшее участіе принимаетъ Лотаръ Бухеръ.

Депутація съ господиномъ фонъ-Унру во главѣ въ тотъ же вечеръ доставила этотъ адресъ въ Потсдамъ. Король сначала вовсе не хотѣлъ ее принять; наконецъ онъ вышелъ, мрачный, не произнося ни одного слова. Унру подалъ адресъ, король взялъ его и, кивнувъ головой, хотѣлъ удалиться. Тогда выступилъ Іоганнъ Якоби и сказалъ: „Ваше величество, мы посланы сюда не только для того, чтобы передать адресъ, но и для того, чтобы освѣдомить васъ объ истинномъ настроеніи страны. Угодно вашему величеству выслушать насъ?" Король отвѣтилъ: „Нѣтъ!"—и удалился *). Но Якоби успѣлъ еще прокричать ему вслѣдъ: „Въ томъ-то и состоитъ несчастіе всѣхъ королей, что они не желаютъ слышать истины!"

Эти мужественныя слова какъ нельзя лучше подходили къ данному моменту и впослѣдствіи стали знаменитыми; но со стороны безцвѣтныхъ либераловъ, полу-демократовъ и полныхъ реакціонеровъ на Якоби посыпались тотчасъ же по уходѣ короля рѣзкіе упреки.

Тремъ депутатамъ, Кюльветтеру, Гирке и Мецке, удалось еще въ этотъ вечеръ получить аудіенцію у короля; онъ сказалъ имъ полушутя, что, какъ конституціонный король, онъ ничего не можетъ сдѣлать безъ министровъ, и такимъ образомъ министры также были приглашены въ Потсдамъ.

Депутація пошла въ своей лойяльности такъ далеко, что рѣшила вовсе не упоминать въ отчетѣ о сценѣ, разыгравшейся между королемъ и Якоби. Какая трогательная заботливость! Особенно, если принять во вниманіе, что у городскихъ воротъ стоялъ въ это время генералъ Врангель со своими „пулями на готовѣ" и „остро-отточенными мечами"!

Унру, давая отчетъ передъ собраніемъ, дѣйствительно пропустилъ слова Якоби королю. Но д'Эстеръ взялъ слово и дополнилъ отчетъ. Едва онъ передалъ выраженія Якоби, на правой поднялся яростный крикъ, лѣвая апплодировала. Якоби пришлось выдержать жестокій натискъ. Ему говорили, что онъ вовсе не былъ уполномоченъ произносить подобныя слова. Пельцеръ, одинъ изъ застрѣльщиковъ правой, воскликнулъ: „Даже ботокуды и арабы не оскорбляютъ хозяина въ его

*) По словамъ „Vossische Zeitung", король удалился „съ привѣтливымъ поклономъ".

дом ѣ!“ Родбертусъ заявилъ, что онъ просилъ адъютанта допустить его къ королю, чтобы попросить его величество различать слова адреса и слова отдѣльнаго депутата. Якоби защищался съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ *).

Король отвергъ требованія собранія, замѣтивъ, что онъ ни въ коемъ случаѣ не откажется отъ министерства Бранденбурга, „которое посвятитъ свои силы утвержденію и развитію конституціонныхъ вольностей“.

На слѣдующіе дни собраніе снова погрузилось въ свое полусонное состояніе, занималось второстепенными вопросами, въ то время какъ Бранденбургъ подыскивалъ членовъ въ свое новое министерство и велѣлъ приготовить казармы для размѣщенія войскъ.

9 ноября, въ тотъ самый день, когда Блюмъ былъ разстрѣлянъ въ Бригиттенау подъ Вѣной, въ палатѣ соглашенія выступило новое министерство и прочитало королевское посланіе, подписанное Бранденбургомъ; въ посланіи говорилось, что члены палаты и ранѣе уже неоднократно подвергались оскорбленіямъ за тѣ или другія постановленія, но съ особенной рѣзкостью проявилось это 31 октября, когда „зданіе засѣданій палаты было осаждено разъяренной толпой, имѣвшей республиканскія эмблемы и старавшейся запугать депутатовъ своей преступной демонстраціей“. При столь часто повторяющихся анархистскихъ движеніяхъ собраніе не имѣетъ въ настоящее время такой внушительной охраны, которая исключала бы всякую мысль о возможности запугать депутатовъ извнѣ. Посему король считаетъ необходимымъ перенести засѣданія палаты въ Бранденбургъ, и собранію предлагается немедленно разойтись, чтобы 27 ноября собраться снова въ Бранденбургѣ.

Тотчасъ же по прочтеніи этой деклараціи министръ-президентъ началъ говорить, но предсѣдатель Унру при бурномъ одобреніи лѣвой прервалъ его, замѣтивъ, что онъ еще не далъ ему слова. Тогда Бранденбургъ попросилъ слова. Онъ заявилъ, что королевское посланіе предписываетъ немедленное прекращеніе засѣданій, а потому, если засѣданіе продолжится, оно будетъ незаконнымъ, и онъ протестуетъ противъ этого отъ имени короны. Тотчасъ же послѣ этихъ словъ онъ въ сопровожденіи всѣхъ министровъ покинулъ залъ; часть правой послѣдовала за ними. Съ трибуны раздались крики появившихся тамъ членовъ гражданскаго ополченія: „арестовать! арестовать!“ Этотъ благоразумный совѣтъ не нашелъ однако сочувствія собранія. Палата, такъ же какъ и гражданское ополченіе, была слѣплена не изъ такого тѣста, чтобы на „спасительный подвигъ“ министерства Бранденбурга отвѣтить столь же рѣшительнымъ „спасительнымъ подвигомъ“. Собраніе постановило не расходиться и продолжать обсужденіе; оно не признало за короной права переносить засѣданія въ другое мѣсто и объявило дѣйствія министерства грубымъ нарушеніемъ долга по отношенію къ ко-

*) Демократическій клубъ поднесъ ему благодарственный адресъ отъ имени отечества и устроилъ въ честь его факельное шествіе.

ронѣ и странѣ. Принявъ такія постановленія, члены собранія удовлетворенно разошлись по домамъ, увѣренные, что они все сдѣлали, что нужно. Президенту дано было полномочіе созывать собраніе въ любомъ помѣщеніи, которое онъ найдетъ подходящимъ.

Въ этотъ день Берлинъ казался совершенно спокойнымъ, тѣмъ не менѣе курсъ бумагъ на биржѣ сильно упалъ, и многіе филистеры, объятые страхомъ, уже поспѣшили убраться, чтобы избѣжать всѣхъ ужасовъ ожидаемой уличной борьбы. Лѣвая въ особой прокламаціи протестовала противъ „государственнаго переворота" и приглашала къ сопротивленію. Вышедшая изъ состава собранія правая стала на сторону министерства.

Министерство обратилось къ гражданскому ополченію съ запросомъ, рѣшится ли оно насильственно распустить національное собраніе, „незаконно" продолжающее засѣдать; въ то же время самой палатѣ оно заявило, что отнынѣ всѣ его постановленія не имѣютъ никакой силы. Командиръ гражданскаго ополченія Римплеръ отвѣтилъ министерству, что ополченіе считаетъ своимъ долгомъ охранять конституціонную свободу. Тогда отъ него потребовали оцѣпить зданіе засѣданій палаты и не пропускать внутрь ни одного депутата. Римплеръ отклонилъ это, и министерство Бранденбурга-Мантейфеля получило, наконецъ, „поводъ" прибѣгнуть къ призыву войскъ. Не совсѣмъ понятно, впрочемъ, для чего ему былъ нуженъ этотъ поводъ; вѣдь онъ только затягивалъ все „дѣло".

Въ 5 часовъ утра палата соглашенія снова собралась въ драматическомъ театрѣ; Унру прочиталъ бумагу Римплера, въ которой послѣдній заявилъ, что національная гвардія будетъ защищать собраніе, чтобы „предотвратить кровавое столкновеніе". Тогда же было прочитано посланіе, подписанное рабочимъ по золоту Биски отъ имени братства рабочихъ. Рабочіе 30 профессій обѣщали свою поддержку. Посланіе гласило: „Рабочіе Берлина готовы съ оружіемъ въ рукахъ откликнуться на вашъ призывъ, если кто-либо осмѣлится оскорбить права народа и его представителей. Они отдаютъ въ ваше распоряженіе свои руки и свою кровь, кто бы ни былъ тотъ врагъ, который покусится предать васъ и народную свободу".

Рабочіе механическаго производства также изъявляли готовность защищать палату. Къ начальству гражданскаго ополченія явились двѣ рабочія депутаціи, одна изъ нихъ отъ 3.000 строительныхъ рабочихъ. Депутаты были повязаны черно-красно-золотыми шарфами и просили оружія, но ихъ ни съ чѣмъ отправили назадъ.

Такимъ образомъ гражданское ополченіе и рабочіе готовы были снова итти рука объ руку, забывъ передъ лицомъ надвигающейся грозы свои старыя распри. Но если господинъ Римплеръ былъ совершенно неспособнымъ человѣкомъ, не доросшимъ до той отвѣтственной роли, которую заставила его играть судьба, то господинъ Унру со своими приверженцами былъ еще того хуже. Они блестяще доказали міру, что либеральная буржуазія, хотя и обладаетъ широкой глоткой, спо-

собной выпускать потоки эффектныхъ фразъ, но въ рѣшительный моментъ натиска реакціонныхъ силъ способна лишь спрятаться поскорѣе за кулисы. Въ настоящемъ случаѣ этими кулисами было „пассивное сопротивленіе“.

„Пассивное сопротивленіе!“—торжественно провозгласилъ Унру, и собраніе съ криками ликованія присоединилось къ нему. Затѣмъ оно перешло къ обсужденію закона о безвозмездной отмѣнѣ различныхъ повинностей, ожидая чуда, которое должно было произвести „пассивное сопротивленіе“ *).

Не слѣдуетъ упускать, конечно, изъ вида, что у Берлина, окруженнаго охваченными реакціей провинціями, не было шансовъ успѣшно провести вооруженное сопротивленіе. Но палата въ значительной степени должна была винить самое себя за то, что она попала въ такое печальное положеніе. Политика „пассивнаго сопротивленія“ придала ея гибели характеръ трагикомедіи и отняла у нея послѣдніе слѣды достоинства.

Въ послѣобѣденное время 10 ноября черезъ различныя городскія ворота безъ малѣйшаго сопротивленія вступили въ Берлинъ 20.000 человѣкъ войска. Собраніе само позаботилось о томъ, чтобы никакого сопротивленія оказано не было. Войска маршировали Подъ Липами, и Врангель съ особенной выразительностью демонстрировалъ народу свои пушки. Уличные мальчишки привѣтствовали его криками „ура“. Кричали ему также: „Смотрите, не вытопчите нашу прекрасную траву!“—намекъ на слова Врангеля, что улицы Берлина поросли травой. Полководецъ забавлялся чтеніемъ „Ulk'a“ и казался совершенно нечувствительнымъ къ тѣмъ насмѣшкамъ и ругательствамъ, которыми порою осыпала его толпа.

Жандармскій рынокъ былъ занятъ пѣхотой и артиллеріей. Гражданское ополченіе, оцѣпившее драматическій театръ, было совершенно окружено войсками. Римплеръ пѣшкомъ подошелъ къ Врангелю, который разговаривалъ съ нимъ съ высоты своего верхового коня. На вопросъ Врангеля, для чего стоитъ здѣсь гражданское ополченіе, Римплеръ отвѣтилъ: „Для защиты собранія“.—„Для защиты собранія!—замѣтилъ Врангель.—Но вѣдь для этого же пришли сюда и войска“. Озадаченный командиръ гражданскаго ополченія спросилъ, сколько же времени Врангель намѣренъ здѣсь стоять; на это послѣдній отвѣтилъ, что войска его привычны стоять на бивуакахъ, а онъ, онъ намѣренъ

*) Ночью офицеры гражданскаго ополченія обсуждали, должны ли они оказать вооруженное сопротивленіе войскамъ. Вальдекъ, присутствовавшій здѣсь въ числѣ многихъ другихъ депутатовъ лѣвой, замѣтилъ, что онъ юристъ и въ военныхъ дѣлахъ ничего не понимаетъ; Темме со слезами на глазахъ совѣтовалъ воздержаться отъ насильственныхъ дѣйствій. Явились депутаціи отъ отдѣльныхъ ротъ, а также отъ рабочихъ организацій, между прочимъ отъ рабочихъ механическаго производства, съ требованіемъ вооруженнаго сопротивленія; рѣшено было въ концѣ-концовъ держаться спокойно. Гражданское ополченіе было слишкомъ сильно разбито на партіи, чтобы дѣйствовать солидарно. Только подчиниться разоруженію оно не хотѣло; но когда разоруженіе дѣйствительно началось, о серьезномъ сопротивленіи нельзя было уже и думать.

оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока собраніе не разойдется, хотя бы это продолжалось цѣлую недѣлю!

Эти слова Римплеръ передалъ собранію, которое заявило, что оно протестуетъ противъ насилія и расходится лишь вслѣдствіе примѣненія къ нему военной силы. Тогда „пассивный“ господинъ Унру вмѣстѣ съ героемъ гражданскаго ополченія Римплеромъ оставили зданіе засѣданій, за ними послѣдовало все собраніе и гражданское ополченіе, сопровождаемыя бурными криками толпы народа. Врангель со своими войсками занялъ драматическій театръ. Когда на слѣдущее утро депутаты явились къ драматическому театру, ихъ просто не пустили туда. Такимъ образомъ „дѣло“ совершилось безъ всякаго кровопролитія, и Врангель обнаружилъ значительно больше ловкости, чѣмъ отъ него ожидали. Трусливые филистеры и значительная часть гражданскихъ ополченцевъ не скрывали своей радости по поводу того, что состояніе, которое они называли на своемъ полицейскомъ жаргонѣ „анархіей“, наконецъ закончилось и на смѣну ему явилась „твердая“ военная власть. Впослѣдствіи, когда дворяне почувствовали себя снова на вершинѣ общественной пирамиды и дали буржуазіи почувствовать это, послѣдняя начала охать и ахать подъ гнетомъ реакціи, которую она сама же накликала на свою голову.

12 ноября, когда собраніе, прогнанное отъ драматическаго театра, собралось въ манежѣ, нѣкоторое время казалось, что дѣло все же дойдетъ до борьбы. На улицахъ виднѣлось значительное число вооруженныхъ людей, у многихъ на шляпахъ красныя какарды; со всѣхъ сторонъ стекаются рабочіе, делегаты изъ провинціи обѣщаютъ подмогу. Но господинъ Унру убѣдилъ толпу разсѣяться, разъяснивъ ей тѣ блестящія перспективы, которыя открываетъ его геніальное изобрѣтеніе—„пассивное сопротивленіе“. Народный ферейнъ въ послѣдній разъ собрался въ Палаткахъ подъ предсѣдательствомъ Карбе; вечеромъ Берлинъ уже былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, и вышелъ указъ о разоруженіи гражданскаго ополченія. Всѣ клубы и союзы были распущены, демократическія газеты закрыты,—однимъ словомъ, воцарилась военная диктатура. Войска, занявшія важнѣйшія части города, срывали всѣ плакаты; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ плакатовъ были рѣзкія нападки на Врангеля, министерство и правую палаты. На слѣдующій день начались обыски съ цѣлью отобрать у обывателей оружіе. Гражданское ополченіе спокойно дало себя обезоружить *). Очевидно, палата успѣла уже сдѣлать популярнымъ свой принципъ „пассивнаго“ сопротивленія. Во многихъ домахъ, гдѣ мужчины отказывались выдать оружіе, женщины отдавали его или указывали, гдѣ оно лежитъ. Игра въ солдатики привела къ тому, что многіе солидные отцы семействъ совсѣмъ забросили свои дома; трактиры посѣщались также очень усердно, такъ

---

*) „Фоссова Газета“ называла распущеніе актомъ неблагодарности, такъ какъ гражданское ополченіе стяжало великія заслуги поддержаніемъ „порядка“. — Съ гражданскимъ ополченіемъ сдѣлали то же, что само оно дѣлало съ рабочими.

что у значительнаго числа обывателей дѣла пришли въ серьезное разстройство; не одна жена испытывала поэтому искреннюю радость, видя, что теперь „самъ“ снова долженъ вернуться къ домашнему очагу и солидному образу жизни. Филистерство всегда одинаково у мужчинъ и у женщинъ. Демократія скрылась со сцены, словно ее стерли съ лица земли. Уже одно это доказывало, что внутренней силы у демократовъ было немного. Нѣкоторые отдѣльные вожди демократіи въ слѣдующіе годы снова появились на сцену въ южно-германскихъ возстаніяхъ.

Палата соглашенія осталась одна и продолжала „пассивное сопротивленіе“. Всѣ собранія ея разгонялись войсками. Снова и снова рота солдатъ разгоняла этихъ людей, воображавшихъ, что они воплощаютъ собой верховную власть, суверенитетъ прусскаго народа. Въ палатѣ произносились очень энергичныя, иногда дѣйствительно прекрасныя рѣчи; жаль только, что при данныхъ условіяхъ онѣ не могли уже имѣть ни малѣйшаго значенія. Въ особенности Шульце-Деличъ, переживавшій тогда еще періодъ бури и натиска, старался энергичными рѣчами привести въ движеніе народъ; онъ дѣлалъ въ то время какъ разъ то, что впослѣдствіи, ставъ филистеромъ, онъ называлъ „пробуждать звѣря“.

13 ноября палата приняла нелѣпое рѣшеніе обратиться къ прокурору Сете съ тѣмъ, чтобы онъ возбудилъ противъ министерства судебное преслѣдованіе за государственную измѣну. Прокуроръ, разумѣется, не имѣлъ ни охоты, ни силы начать такое дѣло, не говоря уже о томъ, что отвѣтственность министерства не предусматривалась ни въ какомъ законѣ; постановленіе палаты осталось такимъ образомъ только на бумагѣ.

Депутаціи и адреса атаковали палату. 16 ноября депутаты, собравшись въ количествѣ 226 человѣкъ въ отелѣ „Миленцъ“, обсуждали вопросъ о всеобщемъ отказѣ платить налоги *). Кирхманъ отъ лица комиссіи заявилъ, что на насилія правительства слѣдуетъ отвѣтить отказомъ отъ платежа налоговъ. Многимъ редакція предложенія показалась слишкомъ рѣшительной. Тогда Шульце-Деличъ, Филипсъ и Шорнбаумъ предложили постановить, что „министерство Бранденбурга не въ правѣ взимать налоги до тѣхъ поръ, пока палата поставлена въ невозможность продолжать свои занятія въ Берлинѣ“.

Во время засѣданія войско ворвалось въ домъ; майоръ въ сопровожденіи четырехъ офицеровъ и пикета появился въ залѣ собранія. Унру вступилъ въ переговоры съ майоромъ, и послѣдній заявилъ, что ему приказано употребить силу, если собраніе не разойдется добро-

*) Крестьяне изъ округовъ Ошерслебенъ и Нейгальденслебенъ саксонской провинціи, настроенные въ то время иначе, нежели теперь, послали депутацію съ заявленіемъ, что они не будутъ платить ни гроша налоговъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ назначено дружественное народу министерство.

вольно. Унру произнесъ: „Я опять подчиняюсь силѣ!“ Вальдекъ поднялся и негодующимъ голосомъ воскликнулъ: „Такъ давайте сюда ваши штыки и заколите насъ! Измѣнникъ родинѣ тотъ, кто оставитъ залъ!“ Офицеръ казался смущеннымъ; онъ оставилъ на нѣсколько мгновеній залъ, и этимъ временемъ воспользовались для того, чтобы принять постановленіе объ отказѣ въ платежѣ налоговъ. Когда майоръ появился снова, отказъ въ налогахъ былъ уже проголосованъ, и Унру закрылъ засѣданіе. Депутаты имѣли такой видъ, какъ будто ими только что совершена великая побѣда. Это было послѣднее засѣданіе палаты соглашенія въ Берлинѣ.

Франкфуртскій парламентъ обратился къ прусскому правительству съ требованіемъ взять назадъ приказъ о перенесеніи засѣданій палаты въ Бранденбургъ; но этотъ протестъ былъ оставленъ безъ всякаго вниманія. Когда комиссаръ центральнаго правительства Бассерманъ явился въ Берлинъ, онъ увидѣлъ на улицахъ послѣдняго свои знаменитыя „фигуры“ и поспѣшно вернулся назадъ во Франкфуртъ. Еще менѣе смысла, чѣмъ въ этомъ протестѣ, было въ послѣдовавшемъ за нимъ постановленіи франкфуртскихъ доктринеровъ, объявившихъ, что отказъ отъ платежа налоговъ незаконенъ.

Народъ совершенно не зналъ, какъ отнестись ему къ этому бумажному постановленію, которое одна палата объявила законнымъ, а другая незаконнымъ; между тѣмъ правительство проводило свой планъ, пуская въ ходъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи силы. Единственнымъ результатомъ постановленнаго прусской палатой отказа отъ платежа налоговъ былъ цѣлый рядъ процессовъ противъ лицъ, выполнившихъ это постановленіе.

27 ноября палата собралась въ Бранденбургѣ, въ тамошнемъ соборѣ. Только черезъ два дня собралось достаточное число членовъ, чтобы собраніе стало законнымъ, но не было еще президента, знаменитаго автора „пассивнаго сопротивленія“, господина Унру. Предложено было отсрочить засѣданія до 4 декабря. Когда это было отвергнуто, значительное число депутатовъ оставило собраніе, и оно опять стало незаконнымъ. Безпорядочные и безцѣльные дебаты этого остова собранія, лишеннаго главы, производили въ высшей степени жалкое впечатлѣніе, и правительство рѣшило наконецъ, что пришелъ моментъ окончательно распустить палату. Это и было сдѣлано 5 декабря 1848 года; „хартія Вальдека“, проектъ конституціи палаты, была замѣнена „хартіей Мантейфеля“, т.-е. конституція была октроирована, какъ „подарокъ короля“.

Новая конституція оказалась болѣе либеральной, чѣмъ можно было ожидать. Она представляла изъ себя шедевръ государственнаго искусства Мантейфеля. Осуществляя рядъ демократическихъ требованій, конституція старалась отнять почву у демократической критики. Свобода прессы и собраній, свобода религіи, отвѣтственность министерства, всеобщее избирательное право и рядъ другихъ мартовскихъ требованій получили осуществленіе въ конституціи; въ то же время трус-

ливыя и реакціонныя души были успокоены системой двухъ палатъ и тому подобными учрежденіями. Но самое главное было то, что правительство тутъ же поспѣшило обезпечить за собой право пересмотра конституціи. Такимъ образомъ конституція сразу упрочила преобладающее вліяніе правительства въ странѣ и въ то же время давала возможность незамѣтно, путемъ послѣдовательныхъ „пересмотровъ", исключить изъ нея всѣ неудобныя „завоеванія".

Камарильѣ уступки конституціи представлялись слишкомъ значительными; король также долго не хотѣлъ подписывать эту „бумаженку", какъ онъ называлъ конституцію. Но иного средства поддержать спокойствіе въ странѣ и утишить волненія, возбужденныя насиліемъ надъ палатой, не было. Герлахъ утѣшился, наконецъ, замѣчаніемъ: „Да и стоитъ ли придавать столько значенія какой-нибудь бумажной конституціи?" Отсюда видно, что демагогическое искусство консерваторовъ противопоставлять себя, какъ охранителей существующей конституціи, разрушительнымъ элементамъ оппозиціи пріобрѣтено ими въ позднѣйшія времена. Въ сорокъ восьмомъ году они были очень не прочь отъ „переворотовъ".

Конституція была произведеніемъ той традиціонной прусской политики, которая всегда до извѣстной степени уступаетъ назрѣвшимъ требованіямъ времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ себѣ маленькую лазейку, черезъ которую незамѣтно для близорукихъ филистеровъ легко протащить всѣ средневѣковыя реакціонныя поползновенія.

Такъ безславно была разбита радикальная и либеральная буржуазія политикой насилія министерства Бранденбургъ-Мантейфеля; осыпаемая насмѣшками со стороны вновь усилившихся реакціонныхъ элементовъ, она убралась со сцены вмѣстѣ съ своимъ уродливымъ дѣтищемъ— „пассивнымъ сопротивленіемъ". Она не въ силахъ была отстоять пріобрѣтенія, завоеванныя народомъ. „Пассивное сопротивленіе раскрылось во всей своей жалкой безпомощности" (Іоганнъ Шерръ). Если бы въ Берлинѣ буржуазный либерализмъ обладалъ дѣйствительной рѣшительностью, не трудно было бы, даже безъ кровопролитія, избѣжать такого жалкаго пораженія и хоть нѣсколько обуздать высокомѣріе Врангеля. Вѣдь и „высшія сферы" далеко не были увѣрены въ своихъ силахъ.

Между тѣмъ въ провинціи имѣлось не мало людей, рѣшительно отвергавшихъ „пассивное сопротивленіе". Во многихъ мѣстахъ произошли безпорядки, особенно сильные въ Эрфуртѣ, гдѣ 21 ноября дѣло дошло даже до кроваваго столкновенія между войсками и демократіей. Рейнскій комитетъ демократовъ, въ которомъ засѣдалъ между прочимъ Карлъ Марксъ, призывалъ народъ къ вооруженному сопротивленію противъ насильственнаго сбора налоговъ министерствомъ Бранденбурга, лишеннымъ этого права палатой. Фердинандъ Лассаль за подобную же дѣятельность былъ въ эти дни арестованъ и подвергнутъ судебному преслѣдованію. Любопытно, что представители наиболѣе „разрушительныхъ" теорій всѣми силами старались защитить

права той самой палаты, отъ которой такъ трусливо отступилась буржуазія *).

Камарилья снова принялась въ Пруссіи за свою работу. Герлахъ писалъ Бранденбургу, что надо какъ можно скорѣе приступить къ пересмотру конституціи, что теперь слѣдуетъ допускать къ государственной службѣ только „вполнѣ надежныхъ лицъ", способныхъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. По его мнѣнію, не слѣдуетъ также бояться такъ называемыхъ крайнихъ: ультра-роялистовъ, піэтистовъ, абсолютистовъ.

Однако реакція подвигалась впередъ не такъ быстро, какъ это хотѣлось пылкому Герлаху; сразу нельзя было стереть съ лица земли всѣ результаты революціи. Ихъ совсѣмъ нельзя было бы стереть, если бы нѣмецкая буржуазія имѣла такую же крѣпкую выю, какъ англійская, съ которой она такъ любила себя сравнивать. Англичане были менѣе проникнуты уваженіемъ къ исписанной бумагѣ, но у нихъ было больше гордости, чѣмъ у нѣмцевъ. Потому-то эти обѣ страны такъ мало похожи одна на другую.

---

*) Марксъ и Лассаль, оба были отданы подъ судъ. У судебнаго вѣдомства были старинные счеты съ Лассалемъ (изъ-за процесса графини Гацфельдъ). Поэтому онъ былъ арестованъ и при помощи всевозможныхъ нарушеній закона просидѣлъ въ подслѣдственномъ заключеніи около 6 мѣсяцевъ. При своей боевой натурѣ онъ и въ тюрьмѣ не прекращалъ борьбы. Напр., у него вышло жестокое столкновеніе съ директоромъ тюрьмы по вопросу о томъ, кто кого долженъ привѣтствовать первый при входѣ директора въ камеру заключеннаго: заключенный директора или наоборотъ, какъ требовалъ Лассаль. Дюссельдорфскій судъ присяжныхъ вынесъ Лассалю оправдательный приговоръ. Памятникомъ этого судебнаго разбирательства осталась „Рѣчь передъ присяжными", въ которой Лассаль доказывалъ, что дѣйствительные преступники—Врангель, министры и т. д., а онъ только исполнялъ свой гражданскій долгъ. Посредствомъ новаго нарушенія закона Лассаль былъ преданъ суду исправительной полиціи, и тотъ приговорилъ его къ 6 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Марксъ вмѣстѣ съ Шапперомъ и Шнейдеромъ былъ оправданъ кельнскими присяжными. Защитительная рѣчь Маркса обратила на себя меньше вниманія, чѣмъ она того заслуживала; въ настоящее время она является документомъ историческаго значенія. Марксъ доказывалъ, что онъ стоитъ передъ представителями буржуазіи въ качествѣ обвиняемаго за дѣйствія, совершить которыя есть долгъ этой самой буржуазіи. Прокуроръ говорилъ о потрясеніи основъ и нарушеніи законовъ. Марксъ замѣтилъ: „Общество не покоится на законѣ. Это юридическая фикція. Скорѣе законъ покоится на обществѣ, является выраженіемъ общественнаго интереса, вытекающаго изъ производственныхъ отношеній даннаго времени, въ противовѣсъ произволу отдѣльной личности".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Событія конца 1848 года.

По мѣрѣ приближенія 1848 года къ концу упованія народовъ все болѣе и болѣе шли на убыль. Реакція почти вездѣ побѣдоносно двигалась впередъ. Филистеры порядка не замѣчали этого и громко ликовали, а демократія не могла уже оправиться отъ понесенныхъ ею пораженій.

Во Франціи буржуазія уже очень скоро пожала плоды того, что она посѣяла во время кровавыхъ іюньскихъ дней. Кавеньякъ совершенно не могъ раскрыть ту тонкую и лицемѣрную игру, которую вели съ нимъ реакціонеры. Онъ былъ настолько простъ, что принялъ въ свое министерство отъявленныхъ роялистовъ. 4 ноября учредительное собраніе закончило новую конституцію Франціи. Франція была объявлена единой и нераздѣльной демократической республикой, — фраза, звучавшая злымъ сарказмомъ въ устахъ руководителей старыхъ партій, снова пробивавшихся теперь къ власти. Президентъ республики избирался по новой конституціи всеобщимъ голосованіемъ всего народа. Жюль Греви, впослѣдствіи президентъ третьей республики, и соціалистъ Феликсъ Піа напрасно старались провести параграфъ, по которому президентъ избирается самимъ національнымъ собраніемъ. Они слишкомъ хорошо знали настроеніе страны, чтобы разсчитывать на побѣду демократіи при всеобщемъ голосованіи. Тѣмъ самымъ они признали въ сущности, что республика невозможна послѣ іюньскихъ дней, когда народъ, создавшій ее, былъ такъ жестоко подавленъ.

Кандидатами на постъ президента республики выступили: принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, Кавеньякъ, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ и Распайль. Выборамъ предшествовали самые беззастѣнчивые и грязные происки реакціонеровъ, сгруппировавшихся вокругъ принца Луи-Наполеона. Этотъ авантюристъ не чуждался никакихъ демагогическихъ пріемовъ; его агенты выставляли себя почти соціалистами, чтобы склонить на свою сторону рабочихъ, исполненныхъ негодованія про-

тивъ буржуазіи послѣ іюньской бойни. Этотъ фокусъ въ значительной степени удался Луи-Наполеону *).

На выборахъ побѣдилъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ съ шестью миллiонами голосовъ, въ то время какъ Кавеньякъ получилъ около полутора миллiоновъ, Ледрю-Ролленъ 350.000, а остальные кандидаты совсѣмъ ничтожное число голосовъ. Такимъ образомъ буржуазная республика попала въ руки искателя приключеній—претендента, который расправился впослѣдствіи съ буржуазными республиканцами совершенно такъ же, какъ тѣ съ „чернью“. Еще не совсѣмъ угасшій ореолъ наполеоновскаго имени помогъ добиться власти этому человѣку, который до того времени велъ жизнь настоящаго авантюриста. Онъ былъ сыномъ Гортензіи Богарнэ, повѣнчавшейся съ братомъ Наполеона I, Людовикомъ, и ставшей такимъ образомъ королевой Голландіи. Но отцомъ Луи-Наполеона былъ не Людовикъ Голландскій, а адмиралъ Веруэль. Во время большого заговора итальянскихъ карбонаріевъ Луи-Наполеонъ, будучи еще юношей, дважды—въ Страсбургѣ и въ Булони—пытался овладѣть французскимъ трономъ. Въ Булони онъ прикрѣпилъ къ своей шляпѣ кусочекъ сырого мяса и кормилъ имъ сидящаго у него на плечѣ ручного орла. Здѣсь авторъ этихъ безвкусныхъ комедій попалъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму и бѣжалъ оттуда, чтобы потомъ, въ 1848 году, стать во главѣ французской республики. 20 декабря 1848 года онъ присягнулъ республиканской конституціи, а 2 декабря 1851 года измѣнилъ ей и совершилъ насильственный переворотъ, потопивъ обломки республики въ потокахъ крови.

Съ президентомъ Луи-Наполеономъ во главѣ французская республика могла разсчитывать на симпатіи европейскихъ дипломатовъ. Европа знала, что онъ стремится къ престолу, и французы, повѣрившіе его присягѣ, должны были потерпѣть горькое разочарованіе.

Превращеніе буржуазной республики въ господство претендента не оставляло уже сомнѣній въ томъ, что Франція изъ опоры революціи и демократіи становится опорой реакціи. Этому обстоятельству предстояло сыграть крупную роль въ дальнѣйшей европейской исторіи. Правительства не скрывали своей радости по поводу возвышенія претендента; на этотъ разъ имя Бонапарта воплощало не французскую революцію, а дѣло „порядка“.

---

*) Любопытнымъ прологомъ избирательной борьбы было надѣлавшее въ свое время много шума въ парижскихъ салонахъ соперничество Бонапарта и Кавеньяка изъ-за благосклонности мадамъ Калержи. Кавеньякъ получилъ отъ нея длинный носъ, между тѣмъ какъ Бонапартъ добился своего. Мадамъ Калержи—это та чудная красавица, которую Гейне воспѣлъ въ своемъ „Бѣломъ слонѣ“, гдѣ онъ сравниваетъ ее съ Діаной Эфесской, а о бѣломъ слонѣ (Кавеньякѣ) говоритъ между прочимъ:

„Er trampelt im Mondenschein oft umher.
Und seufzet: Ach, wenn ich ein Vöglein wär'.“

(„При лунномъ сіяньи онъ топчется на мѣстѣ и томно вздыхаетъ: „Ахъ если бъ я былъ птичкой!“)

Въ Италіи реакція не могла такъ быстро подвигаться впередъ, потому что послѣ пораженія Карла-Альберта республиканская пропаганда нашла себѣ очень блгопріятную почву. Когда Венеція объявила себя республикой, въ Римѣ также обнаружилось сильное республиканское движеніе. Правда, римскимъ республиканцамъ не удалось втянуть папу въ войну противъ Австріи, но они все же мало-по-малу расшатали устои его власти. Министерству Росси поручено было предотвратить надвигающуюся бурю. Но уже выборы въ палату дали враждебное министерству большинство, и самъ Росси былъ убитъ на улицѣ 15 ноября, въ то время какъ онъ направлялся къ палатѣ. 18 ноября въ Римѣ вспыхнуло возстаніе, инсургенты остались побѣдителями, и папа долженъ былъ назначить демократическое министерство Мамiани. Между тѣмъ „отцу христіанскаго міра" стало очень не по себѣ въ Римѣ, и онъ бѣжалъ въ Гаэту, откуда издалъ негодующій протестъ противъ всего совершившагося. Республиканцы въ это время окончательно захватили власть въ свои руки и учредили правительственную комиссію изъ трехъ членовъ подъ главенствомъ Корсини; комиссія должна была созвать въ февралѣ 1849 года учредительное собраніе для выработки конституціи римской республики.

Неаполитанскія войска съ успѣхомъ боролись съ возставшей Сициліей; 7 сентября они взяли штурмомъ Мессину. Итальянское освободительное движеніе не обладало той внутренней силой и единодушіемъ, которыя были необходимы, чтобы оно могло одержать побѣду. Заранѣе можно было предвидѣть, что реакціонеры со всею энергіей набросятся на демократію, какъ только имъ удастся нѣсколько развязать себѣ руки. Демократія дала имъ достаточно времени, чтобы собраться съ силами.

Въ то время какъ Италія, охваченная безпорядками, напоминала кипящій котелъ, а Венгрія находилась въ самомъ разгарѣ борьбы съ Габсбургскимъ домомъ, въ Германіи къ концу 1848 года стало спокойнѣе.

Когда всѣ возстанія, крупныя и мелкія, были, наконецъ, подавлены, франкфуртское національное собраніе добралось до обсужденія конституціи. Профессіональные болтуны, пять мѣсяцевъ потратившіе на обсужденіе основныхъ правъ и др. вопросовъ, были очень довольны, что реакціонныя правительства предоставляли имъ пока необходимый покой, чтобы съ желательной полнотой и обстоятельностью дебатировать представленный комиссіей проектъ конституціи. 19 декабря начались дебаты, при чемъ сразу же обнаружилось, что трудности, стоящія на пути конституціоннаго преобразованія Германіи, стали почти непреодолимыми. И прежде всего нѣмецко-австрійскій вопросъ всталъ, какъ грозное привидѣніе, между Вѣной и Франкфуртомъ. Черножелтая и габсбургская политика препятствовала включенію Австріи въ общегерманское союзное государство, какъ это проектировали во Франкфуртѣ. Причина понятна: послѣ такой реформы Австрія перестала бы играть роль великой европейской державы. Черно-желтые настойчиво отстаивали нераздѣльность всѣхъ составныхъ частей австрійскаго го-

сударства; стремленія отдѣльныхъ народовъ къ самостоятельности несомнѣнно выиграли бы, если бы историческіе устои Австрійской имперіи были нѣсколько расшатаны ея вступленіемъ въ союзное государство. Но, съ другой стороны, черно-желтые и Габсбургскій домъ не хотѣли оставаться и внѣ союзнаго государства, чтобы не утратить того вліянія, которымъ Австрія пользовалась въ нѣмецкихъ дѣлахъ. Поэтому Шмерлингъ съ товарищами втихомолку старались разрушить все дѣло конституціоннаго преобразованія Германіи. Всѣ ихъ „нѣмецкія" рѣчи были лишь той данью, которую дипломатическое лицемѣріе всегда уплачиваетъ господствующему теченію времени. Шмерлингъ и Гагернъ, работая, первый въ интересахъ Австріи, второй въ интересахъ Пруссіи, противодѣйствовали одинъ другому. Насколько тутъ было простое лицемѣріе, трудно сказать; можно однако думать, что Гагернъ былъ до извѣстной степени одураченъ. Игра со строителями конституціи напоминала во многихъ отношеніяхъ ту комедію „смѣлаго натиска", которую давно уже совмѣстно разыгрывали черно-желтые и черно-бѣлые дипломаты *).

Трудолюбивая, но заранѣе обреченная на неудачу работа строителей конституціи производитъ въ высшей степени грустное впечатлѣніе, если ее сопоставить съ политикой Австріи, наполовину лицемѣрной, наполовину откровенно-грубой.

27 октября парламентъ приступилъ къ разрѣшенію австрійскаго вопроса. Дебаты были очень длинны. Графъ Деймъ сдѣлалъ утопическое предложеніе присоединить всю Австрійскую имперію, какъ она есть, къ новому союзному государству. Уландъ замѣтилъ, что „Австрія отдала кровь своего сердца для цемента, которымъ будетъ скрѣплено зданіе нѣмецкой свободы". Парламентъ однако постановилъ, что никакая часть Германской имперіи съ ненѣмецкимъ населеніемъ не должна быть присоединена къ новому государству. Если ненѣмецкая страна имѣетъ то же самое правительство, какъ и нѣмецкая, то такой союзъ долженъ быть преобразованъ въ чисто личную унію.

Какъ разъ въ эти дни столь храбро боровшаяся Вѣна принуждена была уступить штурмовымъ колоннамъ Виндишгреца, и казнь Роберта Блюма послужила отвѣтомъ на постановленія 27 октября. И все же находились люди, вѣрившіе въ силу бумажныхъ постановленій собранія, поставленнаго лицомъ къ лицу съ побѣдоносными полководцами Австріи. Программа новаго австрійскаго правительства, опубликованная въ Кремзирѣ, уже не пыталась скрывать истинныя цѣли руководящихъ сферъ. Шварценбергъ открыто высказалъ, что Австрія намѣрена соединить въ одно государственное тѣло всѣ свои земли и народности; въ то же время онъ предвидитъ необходимость „государственнаго регулированія взаимоотношеній между обновленной Германіей и обновленной Австріей", когда обѣ эти страны упрочатся въ своихъ новыхъ формахъ.

*) Публично Шмерлингъ и Гагернъ съ величайшимъ паѳосомъ называли другъ друга друзьями.

Такъ играли австрійскіе дипломаты съ общегерманской конституціей; они отталкивали ее отъ себя, но все же не выпускали изъ рукъ. Само собой разумѣется, такое поведеніе Австріи привело строителей конституціи въ большое замѣшательство; они совершенно перестали понимать, въ чемъ же, наконецъ, дѣло. Австрійскій вопросъ остался неразрѣшеннымъ, а въ парламентѣ произошелъ новый расколъ. Образовалось велико-германское теченіе, которое желало союзнаго государства только со включеніемъ Австріи.

Генрихъ фонъ-Гагернъ, проникнутый величайшимъ уваженіемъ къ своей государственной мудрости, рѣшилъ, что именно онъ призванъ покончить съ этимъ труднымъ вопросомъ, т.-е. вернуть парламентъ, ставшій къ этому времени очень неудобнымъ, въ его прежнее состояніе слѣпой довѣрчивости. Насколько онъ при этомъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ дипломатами, трудно сказать; передъ народомъ онъ выступалъ какъ ярый приверженецъ Пруссіи, какъ вождь того мало-германскаго теченія, которое стремилось создать единую Германію безъ Австріи подъ главенствомъ прусскаго королевства. Гагернъ поставилъ своей задачей приблизительно то же самое, что Бисмаркъ осуществилъ въ 1866 году. Однако въ 1848 и 1849 гг. гагерновская идея малой Германіи встрѣчала на своемъ пути почти неодолимыя препятствія. Россія, Франція и Англія, противодѣйствовавшія даже присоединенію Шлезвигъ-Голштиніи къ Пруссіи, разумѣется, никоимъ образомъ не допустили бы поглощенія Пруссіей всей неавстрійской Германіи. Идеи Гагерна, точно такъ же какъ идеи Бисмарка въ 1866 году, могли быть осуществлены только путемъ войны Пруссіи съ Австріей и южногерманскими государствами. Бисмарку удалось въ 1866 году добиться нейтралитета Россіи и Франціи; безъ этого онъ имѣлъ бы не больше успѣха, чѣмъ въ свое время Генрихъ Гагернъ. Однако ближайшіе результаты гагерновской „идеи" какъ разъ соотвѣтствовали вожделѣніямъ реакціонеровъ; они произвели расколъ среди объединителей въ церкви св. Павла, и злосчастные строители конституціи запутались въ сѣтяхъ австрійско-прусскаго дуализма, въ то время какъ правительства Австріи и Пруссіи выработали вполнѣ единообразную тактику по отношенію къ церкви Павла.

Въ ноябрѣ Гагернъ получилъ въ Потсдамѣ и Берлинѣ необходимыя инструкціи, и какъ разъ въ это время Шмерлингъ сложилъ съ себя постъ президента имперскаго министерства, заявивъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ отношеніе имперской власти къ Австріи должно быть реорганизовано на новыхъ началахъ, а ему, „какъ австрійцу", неудобно взяться за рѣшеніе этого вопроса. Министерство единогласно постановило предложить правителю имперіи замѣнить Шмерлинга Гагерномъ. Правитель такъ и сдѣлалъ, и Гагернъ немедленно составилъ новое министерство, въ которомъ самъ онъ занялъ мѣсто президента и министра иностранныхъ дѣлъ, Пейкеръ взялъ на себя военное министерство, Беккератъ финансы, Робертъ Моль юстицію и Дуквицъ торговлю. Шмерлингъ сдѣлался австрійскимъ посланникомъ

при имперскомъ правителѣ, чтобы охранять австрійскіе интересы въ тѣхъ случаяхъ, когда они не согласовались съ прусскими.

Во всемъ этомъ дѣлѣ была та пикантная черта, что Гагерна рекомендовало само министерство Шмерлинга. Государственный мужъ Гагернъ, котораго въ прежней должности замѣстилъ Эдуардъ Симсонъ изъ Кенигсберга, выступилъ теперь со своей программой рѣшенія австро-германскаго вопроса. Послѣ того какъ австрійское министерство заявило—гласила эта программа,—что Австрія останется нераздѣльной, имперское министерство полагаетъ, что отношенія между Австріей и Германіей должны быть регулированы въ томъ смыслѣ, чтобы дѣло союза въ общемъ было упрочено и въ то же время получило признаніе обособленное положеніе Австріи; послѣдняя не можетъ такимъ образомъ войти въ составъ вновь организуемаго союзнаго государства. Отношенія между Германіей и Австріей должны регулироваться особымъ договоромъ объ уніи, заключаемымъ дипломатическимъ путемъ и не входящимъ, слѣдовательно, въ имперскую конституцію.

Парламентъ принялъ эту программу, но вѣроломная черно-желтая политика и теперь еще сумѣла оттянуть окончательное рѣшеніе австрійскаго вопроса. Министерство Шварценберга заявило, что Австрія вовсе не думаетъ отстраняться отъ вступленія въ союзное государство; Австрія никогда отъ этого не отказывалась. Напротивъ, она только ждетъ соглашенія между правительствами относительно слiянія всѣхъ нѣмецкихъ государствъ и надѣется встрѣтить себѣ содѣйствіе въ имперскомъ министерствѣ.

Гагернъ былъ уполномоченъ парламентомъ вступить на путь такого соглашенія.

Но довольно объ этихъ интригахъ и недоразумѣніяхъ, въ которыхъ никто не открывалъ своихъ истинныхъ плановъ и которыя вели всѣ къ одному и тому же—къ полной катастрофѣ конституціонно-объединительнаго движенія. Распутать эти хитросплетенія не могли ни дипломаты—если бы они даже и захотѣли,—ни проникнутые самомнѣніемъ государственные мужи конституціоналистовъ, ни неумолчно и неустанно болтающіе строители конституціи; лишь весь народъ энергичнымъ ударомъ могъ бы разрубить этотъ узелъ. Но этого не случилось и не могло уже случиться. По сотнямъ причинъ, указанныхъ выше, народное движеніе шло на убыль, и краткій подъемъ его въ слѣдующемъ году не былъ достаточно силенъ, чтобы создать рѣшительный поворотъ событій въ интересахъ массы.

Парламентъ полагалъ, что онъ совершилъ великій подвигъ, опубликовавъ къ концу года часть конституціи подъ названіемъ „Основныхъ правъ нѣмецкаго народа". Правитель имперіи охотно сдѣлалъ удовольствіе парламенту и помѣстилъ „основныя права" въ имперской офиціальной газетѣ *). Въ этихъ основныхъ правахъ, формулировавшихъ права человѣка и гражданина вообще, было не мало прекрасныхъ

*) Вошли, какъ часть, въ имперскую конституцію. См. приложеніе I.

параграфовъ. Вновь добытыя права и вольности народа были тщательно перечислены; правда, онѣ не выходили за буржуазный горизонтъ, но все же являлись огромнымъ прогрессомъ по сравненію съ домартовскимъ положеніемъ дѣлъ. И тѣмъ не менѣе новогодній подарокъ парламента нѣмецкому народу не имѣлъ никакой цѣны. Изъ основныхъ правъ правительства отдѣльныхъ странъ взяли впослѣдствіи тѣ пункты, которые они считали неизбѣжной уступкой духу времени. Въ цѣломъ же никто не обращалъ вниманія на этотъ документъ, на обсужденіе котораго парламентъ потратилъ столько времени.

Нѣмецкій народъ, поскольку онъ вообще занимался подобными вопросами, совершенно не зналъ, какое употребленіе онъ можетъ сдѣлать изъ этихъ бумажныхъ правъ. Съ очень тяжелыми предчувствіями вступилъ онъ въ 1849 годъ, между тѣмъ какъ реакція повсемѣстно поднимала голову.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1849 годъ.

Послѣ пораженія прусской и австрійской демократіи, послѣ крушенія итальянскаго объединительнаго движенія и воцаренія бонапартизма во Франціи не могло уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что реакція одержала побѣду по всей линіи. Внутренняя сила революціи исчезла, и народное движеніе тамъ, гдѣ не было объявлено осаднаго положенія, проявлялось лишь въ многочисленныхъ, но безцѣльныхъ протестахъ противъ торжествующей реакціи. Народная масса все болѣе и болѣе становилась равнодушной, хотя послѣдствія событій истекшаго года все еще давали знать о себѣ. Крестьяне по большей части чувствовали себя удовлетворенными. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ они не добились полнаго уничтоженія феодальныхъ повинностей, правительства сумѣли успокоить ихъ искусными мѣропріятіями и рядомъ менѣе значительныхъ уступокъ. Какъ мы видѣли, въ мартовскіе дни крестьяне оказались самыми необузданными и потому въ правительственныхъ сферахъ ихъ опасались больше всего. Поэтому имъ постарались сдѣлать всѣ необходимыя уступки и съ успѣхомъ спекулировали на ихъ эгоизмъ. Полнымъ враждебнаго недовѣрія взглядомъ смотрѣлъ „свободный“ крестьянинъ на городскіе элементы, не желавшіе успокоиться. Консервативное требованіе „спокойствія и порядка“ нашло себѣ полное сочувствіе въ крестьянствѣ, и апатія деревни свинцовой гирей повисла на народномъ движеніи. Дворяне-демагоги и фанатическіе попы сумѣли во многихъ мѣстахъ создать изъ крестьянъ грозную оппозицію городу, какъ это мы видѣли, напримѣръ, въ Берлинѣ. При огромномъ перевѣсѣ сельскаго населенія настроеніе деревни должно было тогда явиться рѣшающимъ моментомъ для всего дальнѣйшаго хода движенія. Однако не вездѣ деревня выглядѣла такъ, какъ въ Пруссіи, гдѣ крестьяне были реакціонны, или какъ въ Австріи, гдѣ они были апатичны и враждебны демократіи, хотя феодальные пережитки въ значительной степени рушились благодаря этой послѣдней. Въ среднихъ и мелкихъ государствахъ крестьяне, проникнутые глубокимъ недовѣріемъ къ бюрократіи, дворянамъ и всѣмъ ихъ приспѣшникамъ, обнаруживали большую строптивость.

Рабочіе были разочарованы во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, послѣ того какъ выяснилось, что всѣми пріобрѣтеніями мартовскихъ дней воспользовалась исключительно буржуазія. Скудная милостыня въ формѣ государственныхъ и городскихъ общественныхъ работъ не могла, конечно, прочно улучшить матеріальное положеніе широкихъ рабочихъ массъ; между тѣмъ каждая попытка рабочихъ выставить собственную программу наталкивалась на несокрушимое сопротивленіе вооруженной буржуазіи, которая снова „полюбила порядокъ" и ружейными выстрѣлами начала гнать пролетаріевъ подъ власть эксплуататора-капитала. Возникшая отсюда вражда между различными слоями городского населенія уже сама по себѣ была достаточна, чтобы окончательно обезсилить движеніе, если бы даже не было непримиримаго противорѣчія между городомъ и деревней. Тѣмъ не менѣе наиболѣе сознательные элементы среди рабочихъ не поддавались на заигрыванія реакціонеровъ; они продолжали энергично отстаивать буржуазныя свободы, хотя послѣднія и не давали имъ всего того, къ чему они стремились. Просвѣщенные рабочіе видѣли въ развитіи буржуазныхъ свободъ неизбѣжную стадію общаго прогресса; что же касается широкой темной массы, то она скоро погрузилась въ полное равнодушіе, и бумажныя пріобрѣтенія парламентовъ менѣе всего могли привести ее въ движеніе.

Въ Вѣнѣ буржуазная демократія была, какъ мы видѣли, уже неспособна взять въ свои руки бразды правленія—она погибла въ открытомъ бою. Въ Берлинѣ она погибла отъ „пассивнаго сопротивленія", давъ себя одурачить конституціоналистамъ и повѣривъ вмѣстѣ съ ними въ этотъ смѣшной фантомъ. Она не была въ состояніи создать жизнеспособную и дѣеспособную организацію, охватывающую всю Германію. „Красный призракъ" сковывалъ ея движенія; значительное число буржуазныхъ радикаловъ, такъ бѣсновавшихся въ мартовскіе дни, были охвачены страхомъ, когда увидали выступленіе пролетаріата и услыхали его требованія. Послѣ іюньской битвы движеніе вправо стало особенно интенсивно. Немногіе сильные духомъ демократы, устоявшіе противъ этихъ вліяній, составили ничтожное меньшинство, безсильное защитить мартовскія пріобрѣтенія.

Послѣ всѣхъ конфликтовъ и расколовъ реакціонное теченіе одержало рѣшительный верхъ надъ демократическимъ и поглотило значительную часть гражданскихъ завоеваній. Буржуазія была подавлена такъ же, какъ она раньше подавила рабочихъ.

Въ то время какъ въ Германіи демократическое движеніе шло такимъ образомъ на убыль, въ Италіи вздымалась новая его волна. Республиканское теченіе, овладѣвъ Римомъ, настолько усилилось, что захватило и другія государства. 7-го февраля великій герцогъ Тосканскій, уступивъ республиканцамъ, покинулъ страну и бѣжалъ къ папѣ въ Гаэту, послѣ чего во Флоренціи была провозглашена республика и созвано учредительное собраніе. Въ Римѣ 9 февраля отмѣнена свѣтская власть папы и окончательно установлена республика. Новое правительство начало свою дѣятельность съ конфискаціи цер-

ковныхъ имуществъ, противъ чего энергично протестовалъ папа. Народъ въ массѣ стоялъ въ этомъ вопросѣ скорѣе на сторонѣ папы, чѣмъ на сторонѣ республиканцевъ.

Идея объединенія была принята въ программу республиканцевъ, и передъ ними встала задача привлечь къ движенію Сардинію и Ломбардію. Война съ Австріей становилась послѣ этого неизбѣжной. Но тутъ республиканцамъ пришлось столкнуться съ сардинскимъ королемъ Карломъ-Альбертомъ, который послѣ миланскаго перемирія совершенно успокоился. Мадзини, составившій себѣ грозную славу своимъ заговорщицкимъ искусствомъ, съ такимъ успѣхомъ занялся въ Сардиніи республиканской пропагандой, что Карлъ-Альбертъ не видѣлъ другого способа отстоять свою власть отъ натиска республиканцевъ, какъ продолженіе войны съ Австріей. Первыя побѣды венгровъ, имѣвшія мѣсто какъ разъ въ это время, укрѣпили его надежды, и онъ быстро рѣшился. 12 марта онъ заявилъ о прекращеніи перемирія, и война между старымъ Радецкимъ и сардинскимъ королемъ началась снова.

Сардинское войско, находившееся подъ командой поляка Кржановскаго, насчитывало въ своихъ рядахъ болѣе 80.000 человѣкъ, но было недостаточно вооружено. Римъ и Тоскана обѣщали вмѣстѣ 70.000 чел. подмоги; республиканцы быстро поняли, что пораженіе сардинскаго короля будетъ также и ихъ собственнымъ пораженіемъ; они подчинились давленію обстоятельствъ и вступили въ союзъ съ Карломъ-Альбертомъ, несмотря на всю свою антипатію къ нему. Но вооруженіе тосканскихъ и римскихъ войскъ совершалось слишкомъ медленно для того, чтобы они могли оказать какую-нибудь помощь сардинскому королю.

Радецкій, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 70.000 прекрасно вооруженныхъ солдатъ, быстро и рѣшительно напалъ на непріятеля. Онъ быстро двинулся изъ Милана въ Павію, совершенно неожиданно появился передъ пьемонтцами, уже выступившими въ походъ противъ Милана, и заставилъ ихъ отступить и принять оборонительное положеніе. Борьба длилась недолго. 21 марта въ битвахъ при Мортарѣ и Вигерано пьемонтцы были опрокинуты и отступленіе имъ отрѣзано 23 марта произошло рѣшительное сраженіе подъ Новарой, гдѣ Карлъ-Альбертъ занялъ со своимъ войскомъ выгодную позицію. Сначала счастье склонялось на сторону сардинцевъ, но когда всѣ колонны австрійцевъ вступили въ битву, имъ удалось послѣ кровопролитной и упорной борьбы смять пьемонтскія войска бурнымъ натискомъ на непріятельскій центръ. Пораженіе Карла-Альберта было ужасно; въ концѣ сраженія онъ нарочно подставлялъ себя подъ непріятельскія пули, предпочитая смерть позору.

Новара, куда бѣжало разбитое войско, въ теченіе всей ночи представляла картину полнаго смятенія и хаоса; тамъ открыто грабили и многіе дома были подожжены. Въ тотъ же вечеръ Карлъ-Альбертъ отрекся отъ престола, назначивъ своимъ преемникомъ на сардинскомъ и пьемонтскомъ престолѣ сына своего Виктора-Эмануила; вскорѣ послѣ этого онъ умеръ.

Радецкій согласился на перемиріе съ новымъ королемъ, а потомъ и на миръ на сносныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ Австрія отдѣлалась отъ одного врага—Сардиніи. Въ шесть дней сардино-пьемонтскія силы подъ предводительствомъ неспособнаго Карла-Альберта были совершенно разсѣяны 82-хлѣтнимъ Радецкимъ. Викторъ-Эманунлъ не чувствовалъ въ данный моментъ никакого желанія итти по стопамъ своего отца; онъ это сдѣлалъ лишь впослѣдствіи. Пока онъ обезпечилъ за собой тронъ, давъ обезоружить себя Австріи.

Битва подъ Новарой нанесла сильный ударъ республиканцамъ. Въ Бресчіи и Генуѣ они подняли возстаніе; Генуя, прогнавъ сардинскій гарнизонъ, объявила себя республикой. Бресчію взялъ австрійскій генералъ Гайнау, стяжавшій себѣ за свою жестокость прозвище „бресчіанской гіэны". Генуя спустя нѣсколько дней сдалась сардинскому генералу Ламарморѣ. Въ Тосканѣ былъ назначенъ диктаторомъ республиканецъ Гверацци, но реакціонная буржуазія Флоренціи возстала, и изгнанный великій герцогъ вернулъ себѣ обладаніе Тосканой, куда уже вступали австрійскія войска. Теперь въ рукахъ республиканцевъ оставались только Римъ, управляемый диктаторской властью тріумвирата, въ составѣ котораго находился между прочимъ Мадзини, и Венеція съ диктаторомъ Маниномъ во главѣ. Противъ Венеціи двинулись австрійцы, что же касается Рима, то папа старался организовать противъ него крестовый походъ, что, какъ увидимъ впослѣдствіи, удалось ему до извѣстной степени.

Борьба въ Сициліи весною того же года пришла къ концу. Въ битвѣ при Катаніи (2 апрѣля 1849 года) неаполитанцы побѣдили находившійся подъ начальствомъ Мѣрославскаго легіонъ иноземцевъ, снаряженный на средства сицилійскаго національнаго парламента. Весь островъ послѣ этого былъ занятъ неаполитанскими войсками.

Сопротивленіе Венеціи и Рима было заранѣе обречено на неудачу; гибель объединительнаго движенія повлекла за собой полнѣйшее крушеніе демократіи и республиканизма. Итальянскій народъ, подавленный, забитый, обнищавшій и отупѣвшій, равнодушно смотрѣлъ на ничтожную кучку, боровшуюся съ чужеземными войсками и отечественными реакціонерами. Но эта кучка сражалась съ истиннымъ мужествомъ и самопожертвованіемъ и стоитъ выше передъ судомъ исторіи, чѣмъ пьемонтскій король, спокойно дождавшійся благопріятныхъ обстоятельствъ и проглотившій Италію безъ всякаго труда, листокъ за листкомъ, какъ артишоки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Государственный переворотъ въ Австріи и въ Венгріи.

Цѣль ольмюцской камарильи состояла въ томъ, чтобы сплотить воедино всѣ распавшіяся части Австрійской имперіи или, по выраженію манифеста императора Франца-Іосифа, „съ Божіею помощью соединить въ одно великое государственное тѣло всѣ отдѣльныя страны и народности монархіи“. Для достиженія этого нужно было прежде всего подавить венгровъ и итальянцевъ; въ самой Австріи препятствіемъ явился рейхстагъ, все еще продолжавшій влачить свое существованіе въ маленькомъ городишкѣ Кремзирѣ. Въ уединенномъ Кремзирѣ разыгрывались поистинѣ идиллическіе парламентскіе дебаты. Депутаты могли тамъ спокойно, безъ всякихъ препятствій, обсуждать свою конституцію; ни волнующіяся народныя массы, ни гулъ набата, ни грохотъ пушекъ, ничто не мѣшало имъ. И они съ большой обстоятельностью занялись своимъ дѣломъ. Камарилья смотрѣла на нихъ взглядомъ змѣи, уже разинувшей пасть, чтобы проглотить свою жертву.

Рейхстагъ подъ давленіемъ обстоятельствъ совершилъ небольшое передвиженіе влѣво. Высокомѣріе старой аристократіи проснулось снова, духъ Меттерниха господствовалъ въ высшихъ сферахъ. Воинствующіе реакціонеры требовали уничтоженія рейхстага, который, какъ пріобрѣтеніе революціи, былъ имъ въ душѣ всегда ненавистенъ. Рейхстагъ забылъ уже, что онъ самъ сталъ на зыбкую почву соглашенія, и въ своемъ доктринерствѣ вѣрилъ въ возможность обуздать притязаніе реакціи бумажными постановленіями создаваемой имъ конституціи. Въ проектѣ конституціи, выработанномъ рейхстагомъ, первый параграфъ гласилъ: „Всякая государственная власть исходитъ отъ народа“. Министръ Стадіонъ выступилъ противъ этого постановленія, опасаясь „подобнаго рода принциповъ“. Въ то же самое время правительственный органъ писалъ: „Для Австріи абсолютизмъ единственно пригодная форма правленія“. Палата хотя и отвергла первоначальную редакцію параграфа, но не могла согласиться и съ протестомъ министерства. Уже отсюда видно, насколько мала была надежда добиться соглашенія между этимъ правительствомъ и

этимъ рейхстагомъ. Чехи, понявшіе, наконецъ, что послѣ окончательной побѣды реакціи они какъ „мавръ, сдѣлавшій свое дѣло", могутъ итти куда угодно, старались какъ можно скорѣе довести до конца выработку конституціи. Но правительство предупредило рейхстагъ. Послѣ первыхъ же побѣдъ Виндишгреца въ Венгріи рѣшено было какъ можно скорѣе распустить рейхстагъ. Когда пришло извѣстіе, что венгры въ битвѣ при Каполнѣ вынуждены къ отступленію, планъ этотъ вполнѣ созрѣлъ. Иронія исторіи была въ этомъ случаѣ дѣйствительно великолѣпна. Рейхстагъ перенесли въ Кремзиръ, чтобы онъ могъ обсуждать конституцію „на свободѣ"; и вотъ теперь сюда является батальонъ солдатъ и разгоняетъ депутатовъ.

6 марта, когда рейхстагъ почти уже закончилъ свою учредительную работу, изъ Ольмюца явился министръ Стадіонъ и, созвавъ на частное собраніе представителей правой и центра, предложилъ имъ принять выработанный правительствомъ проектъ конституціи. Депутаты выразили энергическій протестъ противъ такого способа дѣйствій, и Стадіонъ далъ обѣщаніе предложить министерству отсрочить это дѣло. Но, явившись на слѣдующее утро къ зданію засѣданій, депутаты нашли, что оно занято солдатами; на углу было прибито распоряженіе короля Франца-Іосифа, объявлявшее рейхстагъ распущеннымъ.

Депутаты разъѣхались изъ Кремзира, такъ какъ противъ силы они, конечно, ничего не могли предпринять. Государственный переворотъ не возбудилъ особенныхъ волненій; народамъ имперіи было тотчасъ же объявлена новая конституція, еще подлежавшая утвержденію короля.

Конституція эта, никогда не вступавшая въ силу, была сколкомъ съ различныхъ подобнаго рода произведеній; она объединяла всѣ земли короны въ единое государство, такъ что территоріи различныхъ народностей отдѣлялись другъ отъ друга лишь какъ административные округа. У венгровъ было отнято самостоятельное устройство, хотя это и старались затушевать, итальянцы были оторваны отъ Италіи, а нѣмцы устранены отъ ожидаемой единой общегерманской конституціи. Конституція включила въ себя часть мартовскихъ пріобрѣтеній, поскольку послѣднія не слишкомъ противорѣчили видамъ камарильи и разсматривались ею какъ необходимая уступка духу времени *).

Если бы этой конституціи суждено было жить, венгерская конституція, гарантировавшая своему народу самостоятельное министерство, должна была бы умереть; такимъ образомъ борьба между побѣдоносной австрійской реакціей и Венгріей шла дѣйствительно изъ-за вопроса о жизни и смерти.

Кошутъ и другіе руководители мадьяръ были уже 6 ноября объявлены государственными измѣнниками. Для австрійскихъ властей, ра-

*) Законодательная власть по новой конституціи вручалась рейхстагу, состоящему изъ аристократической верхней палаты и нижней палаты съ очень высокимъ избирательнымъ цензомъ.

зогнавшихъ рейхстагъ штыками, такой шагъ не представлялъ, разумѣется, никакихъ трудностей. Между тѣмъ венгерскіе политическіе дѣятели старались опираться на почву права. Они борятся, говорили они, за ту конституцію, которую даровалъ имъ Фердинандъ I; камарилья же, низвергнувъ Фердинанда, покушается теперь на ихъ законно добытую венгерскую конституцію. Юридическій споръ, возникшій по этому поводу, не имѣлъ въ ходѣ событій сколько-нибудь существеннаго значенія. Борьба между венграми и Австріей приняла такой характеръ, при которомъ юридическіе доводы отступили на задній планъ и рѣшающая роль принадлежала силѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что формальное право было на сторонѣ венгровъ. Въ высшей степени удивительно только, что передъ этой „юридической почвой" преклонялись какъ передъ фетишемъ *); какое дѣло было Виндишгрецу до юридической почвы? Безъ венгерскихъ пушекъ юридическая правота венгровъ не имѣла никакого значенія.

Въ началѣ 1849 года дѣло мадьяръ казалось уже потеряннымъ. 5 января Виндишгрецъ вступилъ въ Пештъ. Онъ держалъ себя со всѣмъ высокомѣріемъ побѣдителя. Депутація отъ правой венгерскаго рейхстага съ Людвигомъ Баттіани во главѣ, пытавшаяся завести съ нимъ мирные переговоры, была имъ грубо отвергнута. Побѣдитель Вѣны приказалъ вѣшать каждаго плѣнника, захваченнаго съ оружіемъ въ рукахъ, сравнять съ землею города, обнаружившіе враждебность, и казнить каждое начальствующее лицо, рѣшившееся оказать малѣйшее сопротивленіе. Казалось, духъ кроатовъ вселился въ главнокомандующаго. Была произведена масса арестовъ; у военныхъ судовъ и палачей не переводилась работа.

Венгры сгруппировали свои военныя силы внутри страны и на югѣ и скоро добились рѣшительнаго поворота въ ходѣ войны, изумившаго весь міръ. Хотя генералы ихъ не были единодушны, тѣмъ не менѣе они почти повсемѣстно одержали блестящія побѣды **).

Первые успѣхи венгровъ имѣли мѣсто въ Трансильваніи. Тамъ свирѣпствовала жестокая расовая ненависть между мадьярами и саксонцами. Войска австрійскаго генерала Пухнера, командовавшаго въ

---

*) Даже храбрый генералъ Аулихъ сказалъ передъ своими судьями и палачами: „По повелѣнію моего короля я клялся въ вѣрности венгерской конституціи и долженъ до послѣдняго вздоха соблюдать эту присягу".

**) Гергей уже 4 января издалъ прокламацію отъ арміи верхняго Дуная; въ ней говорилось между прочимъ слѣдующее: „Армія верхняго Дуная остается вѣрной своей клятвѣ энергично бороться противъ всякаго внѣшняго врага, угрожающаго санкціонированной королемъ Фердинандомъ I конституціи королевства". Далѣе прокламація обрушивается противъ „республиканскихъ происковъ" и заявляетъ, что всякое соглашеніе съ врагомъ можетъ быть принято лишь въ томъ случаѣ, если оно гарантируетъ конституцію. Въ этомъ заявленіи военная партія дѣлаетъ видъ, что она совершенно серьезно беретъ на себя роль защитницы „законнаго" короля Фердинанда I противъ „узурпатора" Франца-Іосифа и что она дѣйствительно считаетъ республиканцевъ болѣе опасными врагами венгерской конституціи, чѣмъ Шварценберга и Виндишгреца.

Трансильваніи, были разъединены горами. Польскій генералъ Бемъ, благополучно спасшійся изъ Вѣны, явился сюда по порученію Кошута и сумѣлъ заново сорганизовать венгровъ и шеклеровъ (т.-е. трансильванскихъ венгровъ), обнаруживъ много ловкости и такта въ вопросахъ, затрогивавшихъ расовыя противорѣчія. Бемъ въ это время окончательно рассорился съ польскими демократами. Въ Трансильваніи онъ достигъ вершины своей военной славы. Партизанская война была его призваніемъ, движенія его отрядовъ поражали своей быстротой. Въ нѣсколько дней Бемъ отнялъ большую часть Трансильваніи у медлительнаго Пухнера. Отбитый при Германштадтѣ, Бемъ быстро перешелъ опять въ наступленіе, обратилъ австрійскій корпусъ въ безпорядочное бѣгство и прогналъ его въ Буковину, такъ что Пухнеръ, совершенно уничтоженный, обратился за помощью къ русскимъ. Русскіе, въ количествѣ 6.000 человѣкъ, двинулись на Кронштадтъ и Германштадтъ. Сначала Бемъ принужденъ былъ отступать передъ превосходными силами непріятеля, но скоро ему снова удалось перейти въ наступленіе, поднявъ повсюду возстаніе и вооруживши народъ. 11 марта онъ взялъ Германштадтъ и прогналъ соединенныя силы австрійцевъ и русскихъ въ Валахію. Къ концу марта Трансильванія была очищена какъ отъ австрійскихъ, такъ и отъ русскихъ войскъ; въ распоряженіи австрійцевъ оставалась лишь маленькая крѣпость Карлсбургъ.

Внутри Венгріи мадьярскіе отряды подъ начальствомъ Гергея, Перчеля и Гюйона первое время вездѣ терпѣли пораженія отъ австрійскихъ войскъ. Быстро набранное и плохо дисциплинированное ополченіе еще не привыкло къ войнѣ. Главная сила венгровъ состояла въ прекрасной кавалеріи, особенно гусарахъ; артиллерія была также очень сильна. Регулярной пѣхоты въ ихъ распоряженіи было очень немного; но тѣмъ многочисленнѣе были „гонведы“, или ополченцы. Даже пастухи степныхъ табуновъ составили особые военные отряды. Въ началѣ кампаніи войско венгровъ насчитывало всего 58.000 человѣкъ съ 122 орудіями, въ то время какъ Виндишгрецъ располагалъ болѣе чѣмъ 110.000; но силы венгровъ быстро росли.

Шликъ оставилъ Карпаты, чтобы двинуться на Дебречинъ, гдѣ находились венгерскій рейхстагъ и комитетъ національной обороны. Подъ Токаемъ онъ былъ разбитъ мадьярами подъ начальствомъ молодого, талантливаго полководца Клапки. Гергей придвинулся со своимъ корпусомъ отъ Вайцена, послѣ того какъ храбрый Гюйонъ взялъ приступомъ считавшійся неприступнымъ Браницкій проходъ; онъ соединился съ Клапкой, и они принудили Шлика къ быстрому отступленію отъ Кашау къ Пешту. Австрійцы старались представить это безпорядочное отступленіе, почти бѣгство, черезъ трудно проходимыя горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, какъ удивительно тонкій стратегическій маневръ. Если бы не соперничество между венгерскими генералами, Шликъ несомнѣнно попался бы въ плѣнъ.

Главнокомандующимъ венгерскими войсками былъ назначенъ поль-

скій генералъ Дембинскій, прошедшій военную школу Наполеона I и предложившій, подобно другимъ польскимъ эмигрантамъ, свою шпагу венгерской революціи. Гергей, бывшій раньше главнокомандующимъ, возбудилъ недовѣріе Кошута послѣ упомянутой выше прокламаціи, ратовавшей за Фердинанда I и монархію. Гергей почувствовалъ себя обиженнымъ, когда на мѣсто главнокомандующаго былъ назначенъ Дембинскій; онъ старался раздуть вражду между вождями, обвиняя Дембинскаго въ томъ, что тотъ умышленно далъ спастись генералу Шлику.

Дембинскій рѣшилъ между тѣмъ двинуться на Пештъ, соединивъ для этого всѣ находившіеся вблизи отъ него отдѣльные корпусы венгровъ. Виндишгрецъ также двинулся впередъ, и такимъ образомъ обѣ арміи столкнулись 26 февраля, прежде чѣмъ Дембинскій успѣлъ собрать всѣ венгерскія силы. Говорятъ, что Гергей намѣренно запоздалъ. При Каполнѣ произошла битва, оставшаяся въ первый день нерѣшенной; на другой день Шликъ, подоспѣвшій форсированнымъ маршемъ, энергично напалъ на правый флангъ Дембинскаго. Венгры не устояли и Дембинскій отступилъ. Виндишгрецъ снова занялъ Пештъ.

Битва при Каполнѣ, строго говоря, не была пораженіемъ венгровъ, такъ какъ она ничуть не измѣнила положеніе дѣла; но Гергей воспользовался ею для интриги, провести которую было тѣмъ легче, что мадьярскіе генералы относились съ извѣстной недоброжелательностью къ „чужестранцу“ Дембинскому. Многіе мадьярскіе полководцы при первомъ вторженіи австрійцевъ въ Венгрію потерпѣли гораздо болѣе позорныя пораженія, чѣмъ Дембинскій при Каполнѣ; тѣмъ не менѣе командиры корпусовъ съ Гергеемъ во главѣ заявили, что они не желаютъ болѣе служить подъ начальствомъ Дембинскаго. Послѣднему пришлось отказаться отъ поста главнокомандующаго. Однако Кошутъ назначилъ на его мѣсто не Гергея, а Феттера. Послѣ блестящей побѣды надъ австрійцами храбраго серба Дамьянича новый главнокомандующій сконцентрировалъ главную венгерскую армію при Тиссѣ и приготовился къ энергичному движенію противъ Виндишгреца, но внезапно заболѣлъ, и такимъ образомъ командованіе всѣмъ войскомъ все же оказалось въ рукахъ Гергея.

Дальнѣйшія военныя операціи въ такой же степени обнаруживаютъ таланты венгерскихъ генераловъ, какъ неспособность Виндишгреца, все еще продолжавшаго стоять подъ Пештомъ. Шликъ, подвинувшійся со своимъ корпусомъ далеко на востокъ, былъ обращенъ въ бѣгство венграми подъ начальствомъ Пельта фонъ-Пельтенберга; Еллачичъ былъ вынужденъ къ отступленію. 6 апрѣля венгры, имѣвшіе всего 50.000 человѣкъ и 182 орудія, напали подъ Изасегомъ на главную армію Виндишгреца и благодаря энергическому вмѣшательству генерала Аулиха *) отбросили Виндишгреца назадъ къ Пешту; побѣдитель Вѣны и Праги вызвалъ справедливыя насмѣшки тѣмъ, что, давая въ

*) Прозваннаго за свое смѣлое нападеніе „военнымъ бульдогомъ“.

своемъ бюллетенѣ отчетъ объ этомъ бѣгствѣ, эвфемистически говоритъ, что онъ „приблизился къ резервамъ“.

Венгры рѣшили освободить отъ осады угрожаемый австрійцами Коморнъ; Аулихъ остался подъ Пештомъ, а Гергей двинулся на сѣверо-западъ къ Вайцену, который и былъ взятъ штурмомъ Дамьяничемъ, при чемъ командовавшій австрійскимъ корпусомъ генералъ Гецъ былъ убитъ. При Наги Сарло Гергей натолкнулся на генерала Вольгемута, занявшаго съ 20.000 австрійцевъ сильную позицію. Храбрые венгры бурно атаковали австрійцевъ и послѣ двѣнадцатичасовой кровопролитной битвы нанесли имъ полнѣйшее пораженіе. Остатки арміи Вольгемута бѣжали къ Ваагу.

Теперь, наконецъ, въ Вѣнѣ рѣшились смѣнить неспособнаго Виндишгреца, какъ ни тяжело это было сердцу руководителей камарильи. На его мѣсто вступилъ генералъ Вельденъ; но и этотъ послѣдній, угрожаемый съ тыла Гергеемъ, не могъ достигнуть успѣха и принужденъ былъ отступить, оставивъ въ Офенской цитадели генерала Генци съ 4.000 человѣкъ. Еллачичъ, дискредитированный передъ глазами всего міра не менѣе Виндишгреца, отступилъ къ югу. Тамъ въ это время побѣдоносно дѣйствовалъ начальникъ отряда мадьярскихъ волонтеровъ Морицъ Перчель, освободившій отъ осады Петервардейнъ. Южныя крѣпости съ успѣхомъ сопротивлялись всѣмъ попыткамъ Еллачича.

24 апрѣля Аулихъ съ тріумфомъ вступилъ въ Пештъ, а 22 апрѣля венгры показались подъ Коморномъ, освободили его отъ осады и прогнали за границы Венгріи расположившіеся здѣсь остатки австрійской арміи. Вѣрный Коморнъ принялъ венгровъ съ величайшимъ ликованіемъ.

Гордость и надежды мадьяръ безгранично росли вмѣстѣ съ этими блестящими военными успѣхами. И въ самомъ дѣлѣ, въ военной исторіи не много найдется подобныхъ страницъ. „Послѣ отступленія въ теченіе многихъ недѣль, — пишетъ одинъ извѣстный венгръ *), — и по различнымъ направленіямъ, отступленія, которое должно было лишить бодрости даже наиболѣе дисциплинированное войско, венгерскія войска быстро бросаются на преслѣдующаго ихъ врага, разбиваютъ его во всѣхъ стычкахъ и побѣдоносно гонятъ передъ собой по той самой дорогѣ, которую они только что прошли въ своемъ отступленіи“.

Кошутъ, убѣдившись, что австрійцы сломлены, принялъ смѣлое рѣшеніе. Объявленный государственнымъ преступникомъ, вождь венгерскаго возстанія понялъ, что никакіе компромиссы болѣе невозможны. Маска лойяльности по отношенію къ „конституціонному“ королю Фердинанду, которую до сихъ поръ носили венгры, представлялась теперь совершенно излишней, тѣмъ болѣе что австрійская конституція 4 марта декретировала уничтоженіе самостоятельности Венгріи. Да и независимо отъ этого держаться за отказавшагося отъ престола Фердинанда не имѣло никакого смысла. Радикальное теченіе венгерскаго рейхстага всегда относилось съ ироніей къ термину „законное сопротивленіе“ и

*) Генералъ Клапка въ своихъ мемуарахъ.

было въ этомъ отношеніи вполнѣ право. Мы видѣли выше, до какой степени эта иллюзія „законнаго“ сопротивленія сковывала силы венгровъ, когда надо было освободить осажденную Виндишгрецемъ Вѣну. Теперь, наконецъ, игра въ лойяльность была отброшена. Пламенное краснорѣчіе Кошута увлекло за собой весь рейхстагъ, и послѣдній 14 апрѣля постановилъ, что **Венгрія образуетъ самостоятельное, независимое государство, отъ управленія которымъ Лотарингскій домъ устраняется на вѣчныя времена.** Пока не будетъ установлена новая форма правленія, страной управляетъ губернаторъ и министерство. Этимъ губернаторомъ былъ избранъ, конечно, Людвигъ Кошутъ, который немедленно же составилъ министерство изъ Семере (президентъ и внутреннія дѣла), графа Казимира Баттіани (иностранныя дѣла), Ксанія (торговля), Душека (финансы), Гергея (военный министръ), епископа Горвата (министерство вѣроисповѣданій) и Буковикса (юстиція).

Такимъ образомъ Венгрія была временно преобразована въ республику; тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы венграмъ удалось впослѣдствіи окончательно установить по своему желанію форму правленія, страна вернулась бы къ системѣ конституціонной монархіи. Кошутъ не былъ республиканцемъ.

Реакціонные историки сплошь да рядомъ утверждаютъ, что эта реформа внесла смуту въ „правовое сознаніе“ венгровъ и отняла у нихъ симпатіи другихъ странъ. Что можетъ быть смѣшнѣе этого утвержденія! „Правовое сознаніе“ каждаго безпристрастно мыслящаго человѣка оскорблялось Австріей, которая военной силой отняла у венгровъ свободу и конституцію, совершенно законно дарованныя имъ въ мартовскіе дни. „Правовая почва“, на которой венгры стояли до 14 апрѣля, не могла спасти отъ руки палача тѣхъ жертвъ, которыхъ впослѣдствіи потребовала себѣ австрійская мстительность. Другія страны не хотѣли пальцемъ шевельнуть для венгровъ, все равно, стояли или не стояли они на „правовой почвѣ“.

Но въ этотъ моментъ венгры держали въ своихъ собственныхъ рукахъ судьбу своей страны и, если бы захотѣли, могли бы даже дать рѣшительный толчокъ почти совсѣмъ заглохшему общегерманскому преобразовательному движенію. Подобнаго рода предпріятіе никому не показалось бы страннымъ: напротивъ, весь міръ ожидалъ отъ такого государственнаго человѣка, какъ Кошутъ, и такого полководца, какъ Гергей, что они быстро и рѣшительно используютъ всѣ выгоды своего чрезвычайно благопріятнаго положенія, созданнаго побѣдами надъ австрійцами.

Ольмюцская камарилья была совершенно подавлена, видя, какъ ея неспособные генералы одинъ за другимъ бѣгутъ изъ Венгріи. На побѣду надъ венграми уже нельзя было разсчитывать; расположенныя въ Италіи войска не могли быть употреблены противъ венгровъ, такъ какъ отступленіе Радецкаго несомнѣнно снова подняло бы тамъ республиканское движеніе. Впрочемъ, если бы дворъ отказался только отъ идеи

единаго государства, ему не трудно было бы сговориться съ военной партіей, руководимой Гергеемъ. Но камарилья предпочла поступить иначе: она призвала иноземныя войска для подавленія венгровъ, вся провинность которыхъ заключалась въ томъ, что они не хотѣли отречься отъ законно установленной конституціи. Священный союзъ, ожившій на развалинахъ мартовскихъ свободъ, еще разъ проявилъ свое дѣйствіе. Австрійская камарилья обратилась за поддержкой къ Россіи, войска которой, какъ мы видѣли, уже сражались съ венграми въ Трансильваніи. Россія обѣщала свою поддержку, и уже 2 мая заключенъ былъ договоръ, согласно которому русская армія должна была вступить въ Венгрію; 21 мая молодой австрійскій императоръ имѣлъ въ Варшавѣ свиданіе съ царемъ Николаемъ I, гдѣ они условились относительно плана кампаніи. Императоръ Николай уже 27 апрѣля разослалъ своимъ иностраннымъ посланникамъ циркуляръ, гласившій, что Россія, вмѣшиваясь въ войну въ интересахъ Австріи, преслѣдуетъ не агрессивную, а только оборонительную задачу: подавить революціонное движеніе на русской границѣ *).

Русскія войска могли начать свои операціи только въ іюнѣ, такъ какъ Россіи требовался цѣлый мѣсяцъ, чтобы привести армію въ боевую готовность. До этого времени венгры могли бы еще успѣть все выиграть. Передъ ними въ разстояніи нѣсколькихъ дней форсированнаго марша лежалъ незащищенный городъ Вѣна, сердце Австріи; движеніе венгровъ несомнѣнно снова подняло бы силы вѣнской демократіи, которая приняла бы своихъ избавителей съ распростертыми объятіями. „Вѣна,—говоритъ Клапка,—и въ стратегическомъ и въ политическомъ отношеніи была важнѣйшимъ пунктомъ; обладаніе ею открыло бы намъ неисчерпаемый источникъ силы для продолженія нашей священной борьбы и въ то же время подрѣзало бы жизненный нервъ нашихъ угнетателей“. Занятіе Вѣны должно было имѣть дѣйствительно важныя послѣдствія. Нѣмецкое народное движеніе не могло не оживиться, почувствовавъ могучую поддержку, отраженное вліяніе на Италію было также неизбѣжно, и австрійцамъ пришлось бы послать русскія войска противъ Вѣны. Все это имѣло бы огромные результаты, и трудно сказать, кто остался бы побѣдителемъ въ этой расширившей свои рамки борьбѣ. Во всякомъ случаѣ Вѣна, освобожденная отъ своихъ черно-желтыхъ палачей, усилила бы шансы венгровъ, ослабляя въ то же время шансы австрійцевъ.

Никакихъ сомнѣній этотъ планъ у венгерскихъ вождей не долженъ бы вызывать, разъ Австрія рѣшила обратиться за помощью къ иностранной державѣ. У Гергея, отъ котораго зависѣло направленіе дальнѣйшей войны въ этотъ рѣшительный моментъ, однако были

*) Въ началѣ мая въ австрійскихъ газетахъ появилась офиціальная статья, утверждавшая, что венгерское возстаніе „приняло характеръ союза всѣхъ силъ европейской партіи переворота“ и что поэтому всѣ государства одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы Австрія положила конецъ совершающемуся въ Венгріи „разложенію всякаго общественнаго порядка“.

свои сомнѣнія. Этотъ человѣкъ былъ прежде всего честолюбивъ и властолюбивъ; до идеаловъ ему не было никакого дѣла. Кромѣ того, онъ, столь быстрый и смѣлый въ пылу сраженія, страннымъ образомъ обнаруживалъ нѣкоторую нерѣшительность и неувѣренность въ себѣ послѣ побѣды. Конфликтъ между Кошутомъ и Гергеемъ былъ неизбѣженъ; съ каждымъ днемъ онъ назрѣвалъ все больше и больше: честолюбивый солдатъ не хотѣлъ подчиняться предписаніямъ гражданскаго губернатора. Гергей ненавидѣлъ все, что хотя бы по внѣшности напоминало демократію или республику. Быть можетъ походъ на Вѣну казался ему слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ, быть можетъ онъ хотѣлъ окружить свое имя большимъ блескомъ въ глазахъ мадьяръ-націоналистовъ, возвративъ старую столицу страны, Офенъ. Какъ бы то ни было, 29 апрѣля, послѣ нѣсколькихъ дней бездѣйствія подъ Коморномъ, Гергей двинулся къ Офену. Никакого военнаго значенія занятіе Офена имѣть не могло; между тѣмъ благопріятный моментъ былъ упущенъ,—и упущенъ навсегда. Австрійцы снова собрали свои силы, реакція въ Вѣнѣ попрежнему торжествовала.

Кошутъ работалъ въ эти дни почти съ нечеловѣческой энергіей. Онъ не только концентрировалъ въ себѣ всѣ правительственныя и административныя функціи, требовавшія чрезвычайнаго напряженія силъ, не только обсуждалъ вмѣстѣ съ генералами стратегическіе планы и самъ заботился о снабженіи арміи боевыми припасами,—онъ находилъ время разъѣзжать по странѣ, призывая народъ къ оружію. Несмотря на свое слабое здоровье, онъ выдерживалъ эту ужасную работу. Его стремительное, пылкое краснорѣчіе не одну тысячу привлекло подъ знамена, не одной тысячѣ дало энтузіазмъ и рѣшимость бороться до послѣдней капли крови.

Гергей былъ призванъ Кошутомъ въ военное министерство. Такимъ способомъ Кошутъ надѣялся укротить самовластіе генерала и подчинить его вліянію всего правительства. Однако Гергей сумѣлъ остаться при арміи, назначивъ на свое мѣсто замѣстителя; онъ сумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ такую власть, что дѣйствовалъ независимо, а иногда и вопреки распоряженіямъ и планамъ правительства. 20 мая правительство обратилось съ строгимъ наказомъ къ генераламъ, которые дѣйствовали на свой собственный рискъ и страхъ, въ чемъ, кстати сказать, были повинны также Бемъ и Перчель; но мѣра эта не имѣла никакого успѣха и создала только почву для недовольства. Несогласія между Кошутомъ и Гергеемъ приняли угрожающій характеръ; слава Гергея ослѣпляла офицеровъ, солдатъ и народъ, и тѣ немногіе офицеры, которые были дѣйствительно преданы правительству, не могли бороться съ его вліяніемъ *).

Кошутъ былъ въ высшей степени непріятно пораженъ движеніемъ Гергея на Офенъ. „Я боюсь,—сказалъ онъ Клапкѣ,—что подъ Офе-

*) Это были по большей части республиканцы, какъ молодой, пылкій Клапка, храбрый Наги Сандоръ и рѣшительный Аулихъ.

номъ мы только потеряемъ драгоцѣнное время и что этотъ шагъ будетъ имѣть для насъ роковое значеніе". Слова эти оказались пророческими.

Часто говорятъ, что отступленіе отъ Коморна обратно къ Пешту и отказъ отъ вторженія въ Австрію были началомъ измѣны Гергея. Насколько образъ дѣйствій Гергея можетъ быть названъ измѣной, мы еще увидимъ впослѣдствіи. Пока достаточно отмѣтить, что поведеніе Гергея уже съ самаго начала является въ непригляднамъ свѣтѣ. Если объявленіе независимости и правительство Кошута противорѣчили его убѣжденіямъ, если онъ дѣйствительно желалъ бороться только за „конституціоннаго короля" Фердинанда, передъ нимъ открывались лишь два пути: или сложить съ себя начальство арміей и сойти съ арены общественной дѣятельности, или подчиниться правительству изъ любви къ своему народу, сознавая, что венгровъ можетъ спасти лишь единодушіе, а всякіе раздоры неизбѣжно влекутъ ихъ къ гибели. Но этотъ человѣкъ при всѣхъ своихъ огромныхъ способностяхъ обладалъ мелкой душой. Онъ былъ полонъ не безкорыстнаго энтузіазма, а лишь честолюбія, и оттого-то мы видимъ вмѣсто единодушной совмѣстной работы правительства и войска лишь конфликты и интриги. Что это такъ случилось, вина за это падаетъ прежде всего на Гергея.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Реакція въ Пруссіи.

„Мы никогда не скрывали,—писалъ 10 декабря 1848 года Карлъ Марксъ, главный редакторъ „Новой Рейнской Газеты“,—что мы стоимъ не на почвѣ права, а на почвѣ революціи. Въ настоящій моментъ правительство также отказалось отъ лицемѣрія правовой почвы. Оно стало на революціонную почву, такъ какъ контръ-революціонная почва есть все же революціонная“.

„Новая Рейнская Газета“ больше всѣхъ другихъ настаивала на отказѣ отъ платежа налоговъ; въ ноябрѣ и декабрѣ каждый номеръ ея начинался призывомъ: „больше ни гроша налоговъ!“ Въ цѣломъ рядѣ статей радикальный органъ доказывалъ, что съ точки зрѣнія самой конституціонной и либеральной буржуазіи отказъ отъ платежа налоговъ является „законнымъ“, платежъ налоговъ „незаконнымъ“. Но въ то время какъ рейнскій органъ совершенно справедливо видѣлъ въ вопросѣ объ отказѣ платить налоги вопросъ силы, парламентскіе авторы этого постановленія, Шульце-Деличъ съ товарищами, утвердившись на позиціи своего пресловутаго „пассивнаго сопротивленія“, спокойно предоставляли событіямъ течь ихъ естественнымъ порядкомъ. Народъ, само собой разумѣется, не могъ при отказѣ отъ налоговъ провести „пассивнаго сопротивленія“; происходили безпорядки и усмиренія съ экзекуціями, во многихъ мѣстахъ пускались въ ходъ войска, такъ что сборщики налоговъ подъ охраною штыковъ дѣлали свое дѣло. Въ результатѣ—цѣлый рядъ судебныхъ преслѣдованій и процессовъ противъ лицъ, отказывавшихся платить налоги,—процессовъ, представлявшихъ грустную картину самой недвусмысленной тенденціозности со стороны судей и властей. Прусская юстиція не могла стяжать себѣ уваженія этими процессами, тѣмъ болѣе что было въ высшей степени трудно фактъ отказа отъ платежа налоговъ подвести подъ понятіе преступленія. Принципъ соглашенія, на которомъ, какъ извѣстно, покоилась распущенная палата, совершенно спуталъ юридическія понятія, и въ дѣлахъ лицъ, уклоняющихся отъ налоговъ,

суды въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ нерѣдко выносили различные приговоры *).

Въ то время какъ Берлинъ стоналъ подъ осаднымъ положеніемъ съ его безпрестанными арестами и высылками, правительство октроировало новую конституцію и 5 декабря сдѣлало опытъ ея примѣненія; результаты опыта оказались не совсѣмъ благопріятными, по крайней мѣрѣ король писалъ Бунзену, что они причинили ему „нѣкоторое разстройство желудка". И въ самомъ дѣлѣ, выборы во вторую палату не могли доставить особеннаго удовольствія двору. Демократія была представлена тамъ настолько значительнымъ числомъ депутатовъ, что могла состязаться съ конституціоналистами и аристократами, и рѣшенія палаты ничтожнымъ большинствомъ голосовъ склонялись то на ту, то на другую сторону.

При осадномъ положеніи, при военной диктатурѣ Врангеля народное представительство, конечно, не могло быть свободнымъ; тѣмъ не менѣе только первая палата, какъ и слѣдовало ожидать по ея составу, безусловно поддерживала правительство, вторая же оказывала ему рѣшительное сопротивленіе. Октроированная королемъ конституція была, правда, принята обѣими палатами, но параграфъ о пересмотрѣ конституціи, который былъ особенно важенъ для правительства, вторая палата отказывалась принять. Но именно этотъ пересмотръ составлялъ ядро мантейфелевской внутренней политики, такъ какъ при помощи его онъ разсчитывалъ мало-по-малу уничтожить всѣ неудобныя пріобрѣтенія мартовскихъ дней. Конфликты между второй палатой и правительствомъ были такимъ образомъ неизбѣжны; разрывъ ускорялся еще благодаря германскому вопросу, въ которомъ вторая палата рѣшительно отстаивала точку зрѣнія франкфуртскаго парламента. Несмотря на то, что король относился отрицательно къ вырабатываемой во Франкфуртѣ конституціи, Родбертусъ 21 апрѣля провелъ въ палатѣ постановленіе (принятое большинствомъ 175 противъ 159), согласно которому франкфуртская конституція объявляется правомѣрной, а измѣненія ея могутъ совершаться лишь тѣмъ путемъ, который она сама укажетъ. Во время дебатовъ прусское дворянство бурно возставало противъ принципа, провозглашеннаго въ мартовскіе дни самимъ королемъ,—противъ принципа поглощенія Пруссіи Германіей; господинъ фонъ-Клейстъ-Рецовъ воскликнулъ даже, что онъ скорѣе дастъ себя

*) 8 апрѣля 1850 года берлинскіе присяжные разбирали дѣло 42 депутатовъ палаты соглашенія, въ томъ числѣ Шульце-Делича и Лотаря Бухера, обвинявшихся въ составленіи прокламаціи къ избирателямъ, въ которой они убѣждали послѣднихъ не платить налоговъ. Всѣ они были оправданы, за исключеніемъ Лотаря Бухера, котораго за призывъ къ возстанію приговорили къ 15 мѣсяцамъ заключенія въ крѣпости и лишенію политическихъ правъ. Онъ бѣжалъ въ Англію, откуда вернулся лишь послѣ амнистіи. Послѣ небольшого соціалистическаго интермеццо, въ теченіе котораго онъ вошелъ въ близкія сношенія съ Лассалемъ, Бухеръ счелъ за лучшее „примириться съ правительствомъ". Раньше Лассаль казался ему слишкомъ умѣреннымъ; по его мнѣнію, лассалевскія производительныя ассоціаціи должны были создать лишь „новыхъ буржуа"; теперь Бухеръ сталъ сотрудникомъ Бисмарка въ его государственныхъ мѣропріятіяхъ.

растерзать, чѣмъ станетъ голосовать за франкфуртскую конституцію. Бисмаркъ-Шенгаузенъ также высказался противъ франкфуртской конституціи. Мантейфель замѣтилъ, что Германія въ теченіе шести столѣтій падаетъ, въ то время какъ Пруссія въ теченіе четырехъ столѣтій непрерывно растетъ. Какъ мы видимъ, дворянство старо-прусскаго закала въ то время не скрывало своей антипатіи къ общегерманскому отечеству; только въ послѣднее время оно вынуждено было принять „національную“ позу.

Вторая палата старалась, кромѣ того, устранить тяготѣвшее надъ Берлиномъ осадное положеніе; она постановила, что осадное положеніе безъ ея согласія незаконно, что она своего согласія дать въ настоящій моментъ не можетъ и потому предлагаетъ министерству снять осадное положеніе. Лотарь Бухеръ былъ докладчикомъ назначенной съ этой цѣлью комиссіи; Унру внесъ указанное предложеніе. Господинъ фонъ-Мантейфель попытался нарисовать передъ парламентомъ картину, полную ужаса; онъ приводилъ такія свирѣпыя рѣчи заговорщиковъ, что у довѣрчивыхъ людей волосы становились дыбомъ, прочиталъ воззваніе, подписанное „Вулленвеберомъ“, въ которомъ головы князей были оцѣнены, разсказалъ о „семи свинцовыхъ ручныхъ бомбахъ“, найденныхъ у сапожника Гецеля и оставленныхъ ему депутатомъ д'Эстеромъ, чтобы съ помощью ихъ положить начало соціалъ-демократической республикѣ, наконецъ вызвалъ красный призракъ для оправданія осаднаго положенія. Однако палата отнеслась ко всѣмъ этимъ ужасамъ, почерпнутымъ изъ докладовъ изобрѣтательныхъ полицейскихъ чиновниковъ, съ заслуженнымъ презрѣніемъ и приняла то, что предлагалъ Унру.

Министерство „спасительнаго подвига“ не нашло иного способа помочь себѣ, какъ распущеніе второй палаты; послѣднее и совершилось 27 апрѣля, въ то время какъ первая палата продолжала свои засѣданія. Распущеніе мотивировалось просто тѣмъ, что палата преступила свои полномочія; совершенно такъ же было мотивировано распущеніе второй палаты въ Ганноверѣ, послѣдовавшее 26 апрѣля.

Распущеніе палаты вызвало въ Берлинѣ сильное возбужденіе. Народъ собрался на Денгофской площади; произошли столкновенія съ войсками. Были даже попытки построить баррикады. Войска дали залпъ, и нѣсколько человѣкъ изъ народа, въ томъ числѣ одна женщина, были убиты. Толпу разогнали штыками. Такимъ образомъ къ насилію надъ парламентомъ присоединилось вооруженное насиліе надъ народомъ, и необходимость осаднаго положенія была достаточно наглядно иллюстрирована пролитой кровью.

„Демократы,—писала одна очень радикальная газета *),—радуются, какъ будто они одержали великую побѣду; теперь, думаютъ они, у многихъ откроются глаза“. И въ самомъ дѣлѣ, глаза у народа открылись; онъ убѣдился, что реакція стала всемогущей и демократія окончательно побѣждена.

---

*) „Новая Германская Газета“ доктора О. Люнинга въ Дармштадтѣ.

Прусское правительство, такъ смѣло дѣйствовавшее своимъ закованнымъ въ броню кулакомъ противъ демократіи съ ея „пассивнымъ сопротивленіемъ", пускавшее въ ходъ ретиваго Врангеля при малѣйшемъ скопленіи народа, покорно склонялось передъ иной силой, съ которой нельзя было расправиться такъ просто, какъ съ невооруженной демократіей. Силой этой была Россія.

Въ то время какъ Ольмюцскій дворъ съ эрцгерцогиней Софіей во главѣ унижался передъ Россіей, слезно моля ее о помощи противъ побѣдоносныхъ венгерскихъ инсургентовъ, Пруссіи пришлось перенести униженіе въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ. Русскіе дипломаты побуждали Данію напасть на Пруссію въ Шлезвигъ-Голштиніи и въ то же время старались помѣшать Пруссіи сопротивляться агрессивнымъ дѣйствіямъ датчанъ. Картина получалась почти такая же, какъ въ 1803 году, когда французы и русскіе по своему усмотрѣнію разрѣзали карту Германіи и потомъ произвольно соединяли опять воедино отдѣльные ея кусочки. Ни министерство Шварценберга, ни министерство Мантейфеля не имѣли основанія гордиться своей ролью въ международныхъ отношеніяхъ.

Не дать Германіи вырасти въ великую державу было одинаково въ интересахъ Россіи и Англіи. Хотя и было очевидно, что попытки создать новую великую державу окончились неудачей, хотя безсильное центральное правительство во Франкфуртѣ представляло изъ себя лишь карикатуру великой державы, тѣмъ не менѣе Англія и Россія старались особенно унизить Пруссію, а въ лицѣ ея и всю Германію. „Патріотическіе" нѣмцы такъ это и приняли, несмотря на то, что прусское дворянство, составлявшее въ данный моментъ командующій классъ, не чувствовало себя, какъ мы видѣли, особенно нѣмецкимъ и вовсе не старалось этого скрывать.

Пруссія очень желала бы выпутаться изъ петли, накинутой на нее англійской и русской дипломатіей. Но, какъ извѣстно, русскіе и англичане были всегда мастерами дипломатическаго искусства и въ данномъ случаѣ имъ легко удалось заставить Пруссію переживать одно униженіе за другимъ. Если прусскіе государственные мужи имѣли когда-либо случай основательно излѣчиться отъ зуда, заставлявшаго ихъ корчить изъ себя представителей великой державы, такъ именно въ разсматриваемое время. При этомъ не могло, конечно, не пострадать нѣмецкое имя.

Пруссія охотно превратила бы временное перемиріе съ Даніей въ постоянный миръ, и въ этомъ смыслѣ она вела переговоры въ Лондонѣ. Между тѣмъ Россія обѣщала датчанамъ свою поддержку, а Англія выдала имъ субсидію въ 300.000 фунтовъ стерлинговъ. Послѣ этого Данія усвоила очень независимый тонъ и заявила Пруссіи, что перемиріе могло бы быть продолжено лишь въ томъ случаѣ, если бы заинтересованная сторона предложила это не позже, какъ за мѣсяцъ до истеченія срока. Россія поддержала Данію энергичной нотой, отправленной въ Берлинъ. Тогда датчане еще повысили свои требованія; они

требовали очищенія острова Альзена, занятія послѣдняго датскими войсками и, кромѣ того, даже занятія Регенсбурга шведами и подавленія шлезвигъ-голштинскаго возстанія съ помощью Пруссіи.

Пруссаки дѣлали одну уступку за другой, пока, наконецъ, Данія не превзошла всякую мѣру и Пруссія не прервала переговоровъ. Пруссія рѣшила возобновить войну, дождавшись лишь конца перемирія, послѣ того какъ безъ всякой надобности обнаружила передъ маленькой Даніей всѣ свои слабыя стороны.

Вмѣстѣ съ перемиріемъ истекалъ и срокъ полномочій общаго шлезвигъ-голштинскаго правительства. Нѣмецкое центральное правительство во Франкфуртѣ назначило регентство изъ Безелера, Ревентлова и Гарбу, которое должно было взять въ свои руки управленіе страной отъ имени центральнаго правительства. Шлезвигъ-голштинское національное собраніе дало свое согласіе на назначеніе регентства.

Перемиріе кончилось 3 апрѣля, и датчане тотчасъ же перешли въ наступленіе. Боевыя силы ихъ достигали 30.000 человѣкъ. Въ герцогствахъ стояла подъ начальствомъ генерала Бонина двадцатитысячная шлезвигъ-голштинская армія, въ которой находились многіе прусскіе офицеры, кромѣ того, въ распоряженіи пруссаковъ было 45.000 имперскихъ войскъ изъ различныхъ нѣмецкихъ отечествъ подъ начальствомъ прусскаго генерала Притвица.

Датчане, разсчитывая на могущественныхъ союзниковъ, надѣясь, что послѣдніе сумѣютъ въ случаѣ необходимости пріостановить операціи имперскихъ войскъ, повидимому, не боялись превосходства силъ непріятеля; кромѣ того, они надѣялись на флотъ, который теперь можно было снова пустить въ дѣло, такъ какъ море вскрылось отъ льда. 3 апрѣля они съ двухъ сторонъ напали на Шлезвигъ, но встрѣтили очень энергичное сопротивленіе и рѣшили со своимъ флотомъ напасть съ тыла на шлезвигъ-голштинскія и имперскія войска и принудить ихъ къ отступленію.

5 апрѣля датскій капитанъ Палюданъ во главѣ эскадры, состоявшей изъ сильнаго линейнаго корабля „Христіанъ VIII“, фрегата „Гефіонъ“ и двухъ пароходовъ, напалъ на Экернферде. При благопріятномъ вѣтрѣ — „Христіанъ VIII“ и „Гефіонъ“ были парусныя суда — вошелъ онъ въ Экернфердскую бухту. Непріятель былъ защищенъ двумя окопами, на которыхъ находились двѣ береговыя батареи,—одной командовалъ капитанъ Юнгманъ, другой унтеръ-офицеръ Прейссеръ. Датскіе корабли тотчасъ же открыли бомбардировку, на которую энергично отвѣчали береговыя батареи. Къ послѣднимъ присоединилась еще нассауская батарея и также вступила въ бой. Результатъ сраженія былъ бы, вѣроятно, неблагопріятенъ для береговыхъ батарей, защищенныхъ всего двумя батальонами, если бы внезапно перемѣнившійся вѣтеръ не сдѣлалъ парусныя суда совершенно безпомощными. Онъ все дальше и дальше загонялъ ихъ въ бухту; „Христіанъ VIII“ попалъ на мель, а „Гефіонъ“ потерпѣлъ тяжелыя поврежденія отъ огня батарей. Пароходы дѣлали тщетныя попытки взять на буксиръ оба колосса

и вывести ихъ изъ-подъ выстрѣловъ. Линейный корабль загорѣлся, и въ концѣ-концовъ Палюданъ вынужденъ былъ спустить паруса. Оба парохода удалились. Экипажъ „Христіана VIII“ и „Гефіона“ сдался въ плѣнъ. Горящій линейный корабль былъ полонъ ранеными. Шлезвигъ-голштинцы поплыли спасать ихъ; но едва они достигли борта корабля, раздался оглушительный трескъ, и корабль взлетѣлъ на воздухъ; при этомъ взрывѣ погибъ и храбрый унтеръ-офицеръ Прейссеръ, командовавшій одной изъ береговыхъ батарей.

Счастливымъ исходомъ этого сраженія шлезвигъ-голштинцы были въ значительной мѣрѣ обязаны стихіямъ. Храбрость защитниковъ Экернфердской бухты никѣмъ никогда не отрицалась; тѣмъ не менѣе тотъ крикъ торжества, который разнесся по этому поводу по всей Германіи, несомнѣнно, былъ страшнымъ преувеличеніемъ. Филистеры опять договорились и допились до высшихъ степеней энтузіазма, возможныхъ только въ дѣлѣ „охваченной моремъ“ Шлезвигъ-Голштиніи; вѣдь тутъ борьба шла не за тѣ вольности, которыя выставило своей первоначальной цѣлью нѣмецкое движеніе.

Генералъ Притвицъ медленно подвигался впередъ и, повидимому, не имѣлъ намѣренія тотчасъ же приставить Даніи „штыкъ къ груди“. Нѣкоторые передовые отряды имперскихъ войскъ были отброшены, но 13 апрѣля баварцы и саксонцы взяли приступомъ Дюппельскія укрѣпленія; датчане отступили въ Альзенъ, и всѣ ихъ попытки взять назадъ Дюппельскія укрѣпленія не имѣли успѣха. Шлезвигъ-голштинцы двинулись впередъ и 20 апрѣля взяли приступомъ Кольдингъ. 23 апрѣля значительныя силы датчанъ снова подступили къ Кольдингу съ намѣреніемъ взять его обратно. Произошла кровопролитная битва; шлезвигъ-голштинцы не только удержали за собой Кольдингъ, но и принудили датчанъ къ отступленію.

Генералъ Притвицъ, отдавшій генералу Бонину приказъ не двигаться впередъ и разыгрывавшій, слѣдуя указаніямъ берлинской дипломатіи, роль кунктатора, въ концѣ-концовъ все же подошелъ къ театру войны и переступилъ границу Ютландіи. Между генераломъ и регентствомъ произошло характерное столкновеніе, изъ котораго между прочимъ, выяснилось, что инструкціи изъ Берлина на самого Притвица производили въ высшей степени удручающее впечатлѣніе.

Въ то время какъ Бонинъ разбилъ датчанъ при Гудзоэ, Притвицъ вынудилъ ихъ къ отступленію въ сраженіяхъ близъ Фейле. Датчане съ такой поспѣшностью отступали къ Фридериціи, что движеніе ихъ всего болѣе напоминало бѣгство.

Русская дипломатія, ведя на своихъ помочахъ прусскую, позаботилась о томъ, чтобы радость нѣмцевъ по поводу этихъ успѣховъ не переходила извѣстныхъ границъ. Правительства поступали такъ, какъ будто бы побѣды шлезвигъ-голштинцевъ причиняли имъ величайшія огорченія. Между тѣмъ какъ Бонинъ готовился къ осадѣ Фридериціи, Пруссія начала новые переговоры съ Даніей и, соглашаясь на чрезвы-

чайно высокія требованія послѣдней, достигла только еще большаго повышенія требованій *).

Центральное правительство играло во всемъ этомъ дѣлѣ чрезвычайно комическую роль, такъ какъ Пруссія забрала въ свои руки шлезвигъ-голштинскій вопросъ и не обращала почти никакого вниманія на регента имперіи, его министровъ и комиссаровъ. Послѣ того какъ прусскій король отклонилъ предложенное ему національнымъ собраніемъ императорское достоинство, отношенія Пруссіи къ центральной власти, конечно, измѣнились.

Переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ; между тѣмъ недостатокъ провіанта заставилъ Притвица осадить Аргуусъ. Осада началась 21 іюня. Въ то время какъ Притвицъ неподвижно стоялъ со своими войсками вокругъ Аргууса, шлезвигъ-голштинцы продолжали безплодную осаду Фридериціи, которую нельзя было окружить со всѣхъ сторонъ, не имѣя флота. Датчане втихомолку получали съ моря подкрѣпленія, и въ полночь на 6 іюля энергичный генералъ Ріе, командовавшій крѣпостью, сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на осаждающихъ. Шлезвигъ-голштинцы въ числѣ 10.000 человѣкъ должны были сдерживать натискъ 25.000 датчанъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія шлезвигъ-голштинцы должны были уступить; ихъ центръ былъ смятъ атакой датчанъ, лѣвый флангъ почти совершенно уничтоженъ; осадныя орудія попали въ руки непріятеля. Генералъ Ріе былъ убитъ, но Бонину едва удалось спасти свое войско отъ полнаго уничтоженія.

Это сраженіе, стоившее массы жизней, принесло много горя обѣимъ сторонамъ; датчане не были рады своей побѣдѣ.

10 іюля въ Берлинѣ при посредствѣ Англіи былъ заключенъ, наконецъ, договоръ между Пруссіей и Даніей. Герцогства были раздѣлены: Голштинія должна была остаться членомъ нѣмецкаго союза, Шлезвигъ—получить особое временное правительство по назначенію трехъ вступившихъ въ договоръ державъ; до окончательнаго учрежденія новаго правительства Шлезвигъ отдѣлялся отъ сосѣда демаркаціонной линіей, при чемъ въ южной его части предполагалось расположить 6.000 пруссаковъ, а сѣверную занять нейтральными войсками. Прелиминаріи мирнаго договора опредѣляли, что Шлезвигъ получитъ особую конституцію, а Голштинія останется отдѣленной, безъ всякаго ущерба для политическихъ притязаній датской короны.

Такимъ образомъ Пруссія потерпѣла въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ полное фіаско.

Регентство протестовало противъ условій договора; оно полагало, что разъ возстаніе было признано пруссаками правомѣрнымъ, оно не можетъ быть вдругъ объявлено неправомѣрнымъ. Національное собра-

*) Отношеніе прусскаго дворянства къ шлезвигъ-голштинскому вопросу всего точнѣе отражалось въ статьяхъ „Крестовой Газеты“. Газета эта выражала надежду, что Пруссія освободится, наконецъ, отъ позора плестись на буксирѣ революціи. Подъ „революціей“ здѣсь разумѣлось, конечно, шлезвигъ-голштинское возстаніе.

ніе также протестовало. Однако постановленія договора были выполнены; имперскія войска очистили страну, демаркаціонная линія проведена; прусскія и шведскія войска заняли Шлезвигъ; шлезвигъ-голштинская армія отступила въ Голштинію, а регентство спаслось бѣгствомъ въ Киль. Новое шлезвигское правительство (графъ Эйленбургъ отъ Пруссіи, Тиллишъ отъ Даніи, полковникъ Годжесъ отъ Англіи) вступило въ отправленіе обязанностей, и когда, наконецъ, шлезвигъ-голштинское націоальное собраніе подчинилось берлинскому трактату, „какъ внѣшней необходимости", правительство Шлезвига формально, отъ имени датскаго короля, взяло въ свои руки управленіе страной.

Сливки нѣмецкой буржуазіи не пролили по поводу гибели нѣмецкой свободы и десятой части тѣхъ слезъ, какими онѣ оплакивали несчастіе Шлезвигъ-Голштиніи. Конечно, шлезвигъ-голштинское дѣло представляетъ одну изъ наиболѣе печальныхъ страницъ прусской исторіи. Но можетъ ли нѣмецкій народъ указать въ исторіи тѣхъ дней хоть одну страницу, которая доставила бы ему радость?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Имперская конституція и выборы императора.

Въ теченіе зимы франкфуртское національное собраніе энергично работало надъ своей имперской конституціей. Дѣло медленно подвигалось впередъ, такъ какъ ни одинъ параграфъ не принимался безъ того, чтобы не подарить Германіи цѣлый потокъ тщательно построенныхъ, глубокомысленныхъ рѣчей, въ которыхъ, правда, не заключалось ничего новаго, но которыя, по мнѣнію ораторовъ, были необходимы для блага нѣмецкаго народа. Самъ народъ, впрочемъ, давалъ все яснѣе замѣтить, что ему давно уже надоѣли многочисленныя и продолжительныя рѣчи.

Правительства отдѣльныхъ германскихъ государствъ и центральное правительство, а также правительства отдѣльныхъ государствъ между собою обмѣнивались цѣлою массою нотъ. Австрія и Пруссія старались заранѣе выработать совмѣстный планъ дѣйствій по отношенію къ имперской конституціи, и Фридрихъ-Вильгельмъ IV завѣрялъ австрійскаго посланника, что онъ горячо желаетъ и въ будущемъ видѣть Австрію членомъ Германскаго союза. Онъ обѣщался твердо противостоять искушенію стать главой союза. Но австрійскіе и прусскіе дипломаты все же не могли согласиться между собой; они относились другъ къ другу съ недовѣріемъ подозрительныхъ барышниковъ. Что общегерманскую конституцію необходимо провалить, въ этомъ, впрочемъ, всѣ были согласны; разногласіе касалось лишь вопроса, что должно стать на ея мѣсто.

Между тѣмъ Гагернъ съ товарищами прямо-таки ставили своей цѣлью прусскую имперію. Гагернъ вполнѣ освоился съ мыслью о своемъ всемірно-историческомъ призваніи создать императора; онъ воображалъ, что держитъ въ своихъ рукахъ императорскую корону и можетъ отдать ее, кому захочетъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV достаточно ясно далъ ему понять, что онъ не хочетъ и слышать объ императорской коронѣ „милостію парламента“, но Гагернъ не сдавался. Онъ вѣрилъ въ свою историческую миссію и горѣлъ желаніемъ осчастливить Германію на свой манеръ; онъ, министръ безсильнаго центральнаго правительства, въ своихъ

мечтахъ былъ распорядителемъ судебъ Германіи. Гагернъ, дѣйствительно, питалъ къ себѣ почтеніе, которое приписываетъ ему поэтъ (Морицъ Гартманъ):

„Ich mit der Persönlichkeitsbewusstseinaufgeblasenheit,
Ich bin ich, in ganzer Grösse, wie Sie sehen jeder Zeit,
Ich bin ich, das ist gewiss, doch bin ich selber noch mit mir in Streit
Ueber das, was ich denn bin, denn ich selbst... (Ungeheure Heiterkeit!)“ *).

Что прусскій король думалъ объ имперской конституціи и покоящемся на ней императорскомъ достоинствѣ, это онъ вполнѣ откровенно высказалъ еще 13 декабря 1848 года въ письмѣ къ другу своему Бунзену. Письмо это является интереснѣйшимъ памятникомъ своего времени, и мы процитируемъ изъ него наиболѣе замѣчательныя мѣста.

„Мой дорогой Бунзенъ,—писалъ король,—Ваши послѣднія письма окончательно убѣждаютъ меня въ томъ, что я замѣтилъ еще въ Брюлѣ и что всѣми силами старался предупредить, а именно, что въ Германіадѣ мы не понимаемъ другъ друга, или, вѣрнѣе, Вы не можете меня понять. Это тяжелый упрекъ—я чувствую, но другъ долженъ снести его отъ друга. Я понимаю Васъ и Ваши резоны, но Вы не понимаете моихъ, иначе Вы не могли бы такъ писать, т.-е. Вы не смотрѣли бы такъ легко на абсолютныя препятствія, стоящія между мной и **этой** (!!!) императорской короной. Вы говорите (точь въ точь такъ же, какъ говорилъ мнѣ господинъ Гагернъ 26 и 27 числа прошлаго мѣсяца): „Вы хотите согласія князей; хорошо, Вы будете его имѣть!“

„Но, мой дорогой другъ, въ этомъ-то и загвоздка. Я не хочу ни согласія князей на **это** избраніе, ни **этой** короны. Понятны Вамъ подчеркнутыя слова?

„Я хочу разъяснить Вамъ это какъ можно короче и какъ можно ярче. **Эта** корона, во-первыхъ, вовсе не корона. Корона, которую могъ бы принять Гогенцоллернъ, если бы обстоятельства это позволили, не можетъ быть дѣломъ рукъ собранія, хотя и признаннаго князьями, но выросшаго на почвѣ революціи (dans le genre de la couronne des pavès de Louis Philippe) **); такая корона должна носить на себѣ печать Божію, должна, послѣ священнаго миропомазанія, дѣлать того, на кого она возложена, императоромъ „милостію Божіею“, какъ она уже раньше сдѣлала болѣе чѣмъ 34 князей королями нѣмцевъ „милостію Божіею“, присоединяя каждаго изъ нихъ къ ряду предшественниковъ. Корону, которую носили Оттоны, Гогенштауфены

*) Я, сознавая все величье личности моей,
Я каждый мигъ являюсь вамъ во всей красѣ своей.
Я—я, но самъ съ собой я вѣчно въ спорахъ
О томъ, что я такое, ибо... (хохотъ, шумъ на хорахъ!)

**) „Въ родѣ дарованной улицей короны Луи-Филиппа“. Мы видимъ, что въ Берлинѣ революціонное происхожденіе іюльской монархіи не было забыто, хотя Фридрихъ-Вильгельмъ IV и называлъ короля Луи-Филиппа „щитомъ европейскихъ династій“. При извѣстіи о паденіи Луи-Филиппа принцъ прусскій сказалъ, что это, въ сущности, вполнѣ естественно, „баррикады возвели его на престолъ, баррикады же и низвергли“.

и Габсбурги, могъ бы надѣть на себя Гогенцоллернъ, она принесла бы ему величайшую честь своимъ тысячелѣтнимъ блескомъ. Но та корона, которую Вы, къ сожалѣнію, предлагаете, принесла бы величайшее безчестіе съ своимъ привкусомъ революціи 1848 г., этой отвратительнѣйшей, глупѣйшей и сквернѣйшей, хотя, благодареніе Богу, и не злѣйшей изъ революцій нынѣшняго столѣтія. И такую-то корону изъ грязи и глины Вы предлагаете надѣть законному королю пруссаковъ, котораго Богъ благословилъ носить если не самую древнюю, то, во всякомъ случаѣ, самую благородную корону, никогда еще непопадавшую въ руки вора!

„Спросите свое собственное сердце, дорогой Бунзенъ! Что сказали бы Вы, старый членъ прусскаго дипломатическаго корпуса и мой дѣйствительный тайный совѣтникъ, слѣдовательно, облеченный придворнымъ званіемъ, что сказали бы Вы, если бы, вернувшись въ Корбахъ, получили отъ вальдекскаго сувереннаго собранія титулъ превосходительства? Вотъ Вамъ точная картина моего положенія vis-à-vis Гагерна и его фракціи. Вы, конечно, со всей деликатностью написали бы сувереннымъ вальдекцамъ; „Вы сами не обладаете тѣмъ, что хотите мнѣ дать, я же имѣю уже это изъ болѣе надежнаго источника!“ Именно такъ отвѣчу и я... Я говорю Вамъ прямо. Если тысячелѣтняя корона нѣмецкой націи, отдыхавшая 42 года, должна быть снова кому-либо дарована, то лишь *я* и равные мнѣ могутъ ее даровать. И горе тому, кто присваиваетъ себѣ то, что ему не принадлежитъ“.

Между тѣмъ Гагернъ съ товарищами неутомимо работали во Франкфуртѣ надъ своей имперіей будущаго. Австрійскій вопросъ былъ оставленъ пока открытымъ, при чемъ государственное искусство Гагерна цѣлую массу австрійскихъ депутатовъ бросило въ объятія Шмерлинга. На великую словесную битву изъ-за главы имперіи записалось чуть ли не сто ораторовъ, но изъ этого ливня политической мудрости, снова разразившагося надъ терпѣливой Германіей, вытекли лишь очень нерѣшительныя постановленія. 258 голосами противъ 211 было постановлено, что санъ главы имперіи долженъ быть дарованъ одному изъ нынѣ правящихъ нѣмецкихъ князей. Императорскій титулъ для этого главы былъ принятъ лишь большинствомъ девяти голосовъ. Но по вопросу о томъ, на какой срокъ должно быть даровано будущему главѣ государства императорское достоинство, соглашеніе не было достигнуто. Наслѣдственная имперія, предложенная профессорами Дальманомъ изъ Бонна и Рюмелиномъ изъ Нюртингена, была отклонена, послѣ того какъ Уландъ сказалъ противъ нея свою знаменитую фразу: „Повѣрьте мнѣ, надъ Германіей теперь уже не можетъ возсіять глава, не помазанная капелькой демократическаго мира“. Предложенія сдѣлать императорское достоинство пожизненнымъ, назначить срокомъ его 12 и 6 лѣтъ, были также отвергнуты. Рѣшеніе этого вопроса пришлось отложить такимъ образомъ до второго чтенія.

Образъ будущаго конституціоннаго императора, которому должны подчиниться 36 нѣмецкихъ князей, какъ видимъ, все болѣе и болѣе расплывался въ воздухѣ. Между тѣмъ либеральная и конституціонная буржуазія симпатизировала имперіи; она охотно погружалась въ романтическія грезы объ Оттонахъ и Гогенштауфенахъ. Наоборотъ, радикальная вторая палата Саксоніи почти всѣми голосами высказалась противъ неотвѣтственнаго наслѣдственнаго главы государства и требовала разрѣшенія вопроса въ демократическомъ духѣ.

Поучительные уроки нѣмецкой исторіи относительно постоянныхъ распрей между императорами и имперскими князьями пропали даромъ для парламента.

Въ теченіе января большинство менѣе крупныхъ и совсѣмъ мелкихъ князей Германіи изъявили свое согласіе на избраніе императора. Та необычайная радость, съ которой парламентъ принялъ это согласіе, ясно указывала на то, что точка зрѣнія суверенности, когда-то столь гордо возвѣщенная Гагерномъ, новоизбраннымъ президентомъ, теперь была совершенно оставлена собраніемъ. Однако радость большинства депутатовъ по поводу княжескаго согласія скоро превратилась въ уныніе. Пруссія поступила такъ, какъ отъ нея ожидали всѣ, кромѣ увлеченныхъ игрой въ жмурки государственныхъ мужей въ церкви св. Павла. Не требовалось особенной проницательности, чтобы заранѣе предсказать, что министерство Мантейфеля отнюдь не намѣрено преслѣдовать „національной“ политики въ смыслѣ Гагерна и компаніи; для этого достаточно было ознакомиться съ дипломатіей Россіи и почитать „Крестовую Газету“. Въ нотѣ отъ 23 января 1849 года, отправленной прусскимъ правительствомъ своимъ посланникамъ въ другихъ германскихъ государствахъ, было ясно сказано, что Пруссія считаетъ имперскую конституцію возможной лишь подъ условіемъ согласія князей, и что учрежденіе новаго сана германскаго императора не является для дѣла объединенія необходимымъ.

Государственный мужъ Гагернъ, который прежде такъ великолѣпно предвосхитилъ согласіе князей на имперскую конституцію, рѣшилъ теперь быть разсудительнымъ и 28 января обратился къ нѣмецкимъ князьямъ съ предложеніемъ дать свои заключенія по поводу принятыхъ уже статей конституціи. Онъ не подумалъ, что этимъ онъ лишаетъ парламентъ послѣднихъ слѣдовъ его и безъ того уже низко павшей „суверенности“ и даже отрѣзываетъ ему всякую возможность вернуться къ старой точкѣ зрѣнія.

Отвѣты явились чрезвычайно быстро и поражали своей отчетливостью. Австрія 4 февраля заявила себя противницей всякаго унитарнаго государства и открыто высказала, что ея императоръ никогда не подчинится центральному правительству, во главѣ котораго стоитъ какой-либо другой князь; она совѣтовала парламенту вступить на путь „соглашенія“. Саксонія высказалась за Пруссію, Ганноверъ и Баварія держали руку Австріи. Наконецъ Пруссія требовала отъ имперскаго министерства точнаго ограниченія компетенціи центральной власти и

гарантій существованія отдѣльныхъ государствъ. Австрія предложила, кромѣ того, передать центральную власть директоріи, состоящей изъ семи могущественныхъ князей союза.

„Геніальный“ политикъ Гагернъ сумѣлъ, какъ мы видимъ, настолько основательно расшатать имперскую колесницу, что лучше нельзя было и выдумать. Собраніе топталось на мѣстѣ точно съ завязанными глазами. Съ высоты былой „суверенности“ оно окончательно спустилось на почву „соглашеній“ и безнадежно завязло въ нихъ. Что ему было дѣлать? На кого опереться? Когда гражданское ополченіе и войска усмиряли народъ, оно нашло, что это вполнѣ въ порядкѣ вещей; когда затѣмъ національная гвардія была разоружена войсками, оно безсильно протестовало или молчаливо, порою даже съ сочувствіемъ, созерцало это зрѣлище; теперь реакція поглотила дѣло конституціоннаго преобразованія родины. Иначе и не могло случиться.

Въ этомъ печальномъ положеніи „великому государственному мужу“ Гагерну пришелъ на помощь другой „великій государственный мужъ“, а именно пресловутый Велькеръ. Его планъ еще превзошелъ по геніальности гагерновскій опросъ князей. Велькеръ предложилъ собранію принять en bloc, что Австріи предоставляется вступать или не вступать въ союзъ по усмотрѣнію, и затѣмъ передать все остальное будущему рейхстагу, избравъ наслѣдственнымъ германскимъ императоромъ короля Пруссіи. Государственный переворотъ въ Кремзирѣ такъ напугалъ Велькера, стоявшаго прежде за присоединеніе Австріи, что онъ моментально превратился изъ великогерманца въ сторонника наслѣдственной императорской власти.

Хотя предложеніе Велькера и не прошло, но вытекающая изъ него тактика была въ значительной мѣрѣ принята къ руководству. Мечтатели въ церкви св. Павла думали, что все дѣло въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе закончить выработку конституціи, и въ самомъ дѣлѣ въ немного дней они завершили свою работу. Этимъ они доказали между прочимъ, насколько излишня была вся ихъ прежняя болтовня. Разногласія по вопросу о наслѣдственной или выборной имперіи были устранены рѣшительнымъ компромиссомъ; а именно, умѣренная лѣвая согласилась на наслѣдственную имперію, а сторонники наслѣдственной имперіи обязались голосовать за ограниченное veto и всеобщее избирательное право. Кромѣ того, значительное число приверженцевъ наслѣдственнаго принципа — между прочимъ Гагернъ — письменно обѣщались признать конституцію въ полномъ размѣрѣ и не допускать никакихъ измѣненій или уступокъ. На почвѣ этого замѣчательнаго соглашенія имперская конституція была, наконецъ, создана, и парламентъ чувствовалъ себя спасителемъ отечества.

Имперская конституція 28 марта ставитъ во главѣ государства неотвѣтственнаго наслѣдственнаго императора, раздѣляющаго законодательную власть съ парламентомъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ. Первая палата, „палата государствъ“, должна была состоять изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ государствъ, назначаемыхъ мѣстными палатами

и правительствами; вторая палата, „народная палата", покоится на всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Компетенція центральной власти ограничивается дѣлами, касающимися всей Германіи, каковы: война и миръ, войско, монета, общее законодательство въ области уголовнаго, гражданскаго, торговаго права и т. п. *).

Тонкіе политики лѣвой были убѣждены, что при помощи своихъ соглашеній съ конституціоналистами они достигли очень выгодной мѣны. Но скоро имъ пришлось воочію увидѣть всю невыгоду ихъ безславнаго компромисса.

28 марта 1849 года парламентъ, подъ предсѣдательствомъ Симсона изъ Кенигсберга, въ самомъ приподнятомъ настроеніи постановилъ: собрать подъ конституціей подписи членовъ и затѣмъ немедленно опубликовать ее, дабы, какъ замѣтилъ Симонъ изъ Трира, положить конецъ всякимъ соглашеніямъ. Симонъ, стало быть, также вѣрилъ въ магическую силу клочка исписанной бумаги, именуемаго конституціей. По предложенію Морица Моля было постановлено, что національное собраніе не разойдется до тѣхъ поръ, пока не будетъ созванъ рейхстагъ на основаніи новой конституціи. Затѣмъ были произведены выборы германскаго императора, при чемъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ избранъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV прусскій.

Присутствовало всего 538 депутатовъ; изъ нихъ 290 голосовали за прусскаго короля и 248 воздержались отъ голосованія, такъ что избранникъ получилъ ничтожное большинство въ 42 голоса. Лѣвая соблюдала условіе, заключенное съ приверженцами наслѣдственной имперіи, многіе ея члены подали голосъ за Фридриха-Вильгельма IV. Среди послѣднихъ находились Леве-Кальбе, Темме, Генрихъ Симонъ изъ Бреславля, Шодеръ изъ Штутгарта, Реслеръ изъ Эльса, Меллингъ изъ Евера, графъ Рейхенбахъ изъ Силезіи, Циммерманъ изъ Шпандау и другіе. Изъ членовъ лѣвой, воздержавшихся отъ голосованія, нѣкоторые мотивировали свое поведеніе; старикъ Моръ изъ Оберъ-Ингельгейма воскликнулъ: „Я не выбираю наслѣдственнаго!"—„Главы государства", докончило со смѣхомъ собраніе; Шлеффель изъ Силезіи и Рейнгартъ изъ Бойценбурга заявили, что они не желаютъ избирать князя, а Трюцшлеръ воскликнулъ: „Я не избираю главы!" Австрійцы всѣ воздержались отъ голосованія, при чемъ графъ Деймъ замѣтилъ: „Я не имѣю мандата!" Князь фонъ-Вальбургъ-Цейль отвѣтилъ: „Я не курфюрстъ!" а Зеппъ, впослѣдствіи національ-либеральный профессоръ, произнесъ: „Я не выбираю контръ-императора!"

Снова во Франкфуртѣ трезвонили колокола, гремѣли выстрѣлы и президентъ Симсонъ въ елейной рѣчи превозносилъ важность совершившагося событія.

---

*) Нашлись люди, способные даже на эту конституцію молиться какъ на фетишъ. Оригиналъ конституціи, какъ говорятъ, и теперь еще хранится въ Швейцаріи, при чемъ всѣ, знающіе мѣсто, гдѣ онъ спрятанъ, обязались честнымъ словомъ не выдавать этой тайны. Какъ будто въ настоящее время кому-нибудь можетъ притти въ голову уничтожить этотъ документъ, и въ 1849 году не имѣвшій никакого значенія.

Выборъ императора былъ вездѣ отпразднованъ конституціонной буржуазіей съ колокольнымъ звономъ и пушечными залпами. Правитель имперіи вечеромъ 28 марта разыгралъ комедію, вручивъ свою отставку Симсону. Господинъ Симсонъ однако до такой степени былъ проникнутъ сознаніемъ высокаго значенія личности имперскаго правителя, что „почтительнѣйше" просилъ его остаться у власти, на что послѣдній согласился, выразивъ надежду, что его освободятъ отъ должности, какъ скоро это станетъ возможнымъ „безъ ущерба для общественнаго спокойствія и блага Германіи". Господинъ Симсонъ, повидимому, совершенно серьезно относился ко всей этой комедіи.

Была избрана депутація изъ 33 членовъ, чтобы преподнести королю Пруссіи корону. Симсонъ стоялъ во главѣ депутаціи и долженъ былъ произнести рѣчь; изъ остальныхъ ея участниковъ назовемъ Арндта и Дальмана изъ Бонна, Леве-Кальбе, Бидермана изъ Лейпцига и Рюдера изъ Ольденбурга, Шодера и Федерера изъ Штутгарта, Рюмелина изъ Нюртингена, Мерка и Риссера изъ Гамбурга и Ре изъ Дармштадта.

Въ городахъ съ преобладаніемъ демократіи депутація была принята очень холодно; тамъ, гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ конституціоналистовъ, ее встрѣчали съ величайшимъ ликованіемъ. Въ Берлинѣ, гдѣ все еще господствовало осадное положеніе, пріемъ оказался далеко не такимъ грандіознымъ, какъ разсчитывали проникнутые важностью своей всемірно-исторической миссіи депутаты. Нѣкоторые прусскіе дипломаты имѣли жестокость убѣдить депутатовъ, что король готовъ принять императорскій санъ.

3 апрѣля король принялъ депутацію во дворцѣ въ присутствіи принцевъ и министровъ. Симсонъ въ высокопочтительной рѣчи предложилъ ему принять павшее на него избраніе.

Король отвѣтилъ:

„Я признаю въ постановленіи національнаго собранія голосъ представителей нѣмецкаго народа. Я готовъ доказать на дѣлѣ, что не ошиблись тѣ люди, которые искали себѣ опоры въ моей преданности, вѣрности и любви къ нашему общему отечеству. Но я не оправдалъ бы этого довѣрія, я вступилъ бы въ противорѣчіе съ духомъ нѣмецкаго народа, я нарушилъ бы интересы объединенія Германіи, если бы я, нарушивъ священныя права и мои прежнія рѣшительныя и торжественныя обѣщанія, безъ свободнаго соглашенія коронованныхъ правителей, князей и вольныхъ городовъ Германіи принялъ рѣшеніе, которое должно имѣть для нихъ и для управляемыхъ ими нѣмецкихъ племенъ столь важныя послѣдствія. Правительствамъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ предстоитъ теперь рѣшить по взаимномъ обсужденіи, соотвѣтствуетъ ли конституція интересамъ цѣлаго и отдѣльныхъ его частей и смогу ли я, воспользовавшись предначертанными для меня правами, твердою рукой, какъ того требуетъ столь высокое призваніе, направлять судьбы великаго германскаго отечества и выполнить надежды его народовъ".

Депутаты стояли, словно окаченные холодной водой, и долго не могли отдать себѣ отчета въ происшедшемъ. Отказываться отъ такой прекрасной короны! Это казалось имъ тѣмъ болѣе непонятнымъ, что многіе изъ нихъ считали себя способными и призванными управлять Германіей. Они не понимали той роли, которая имъ была отведена; король охотно воспользовался случаемъ основательно унизить столь ненавистныхъ ему либераловъ.

Впрочемъ, большую часть депутаціи составляли будущіе націоналъ-либералы, а мы знаемъ изъ эпохи Бисмарка, съ какой легкостью эти мужественныя души умѣли сносить величайшее униженіе, сохраняя на своихъ лицахъ преданную улыбку вѣрноподданныхъ.

Депутація уѣхала въ полномъ недоумѣніи, передавъ прусскому правительству въ высшей степени несуразную ноту. На нее градомъ сыпались насмѣшки, съ одной стороны, дворянъ и реакціонеровъ, съ другой стороны, республиканцевъ.

Пруссія, пользуясь случаемъ, искала союзниковъ, такъ какъ съ гибелью имперской конституціи австро-прусскій дуализмъ съ новою силой сказался въ Германіи. 3 апрѣля къ правительствамъ была отправлена прусская нота, въ которой говорилось, что вслѣдствіе рѣшенія имперскаго правителя сложить съ себя полномочія прусскій король согласенъ по порученію правительствъ и съ согласія національнаго собранія взять на себя временное руководительство нѣмецкими дѣлами. Король рѣшился также, гласила нота, стать во главѣ союзнаго государства, имѣющаго составиться изъ тѣхъ государствъ, которыя свободно присоединятся къ нему. Въ то же время правительствамъ было предложено послать уполномоченныхъ во Франкфуртъ, снабдивъ ихъ вполнѣ опредѣленными инструкціями.

Итальянскія побѣды подняли самоувѣренность австрійской камарильи. Шварценбергъ рѣшилъ, что наступило время не только смирить національное собраніе, но и съ большей рѣзкостью выступить противъ Пруссіи. 5 апрѣля къ правителю имперіи была направлена нота, убѣждавшая его остаться на своемъ посту и въ то же время отзывавшая австрійскихъ депутатовъ изъ франкфуртскаго парламента. Національное собраніе, говорилось тамъ, не оправдало возлагавшихся на него надеждъ, задалось цѣлью создать „идеальное государство", покинуло путь соглашенія и задумало исключить Австрію изъ Германіи. Поэтому участіе австрійскихъ депутатовъ въ его собраніяхъ не можетъ болѣе имѣть мѣста.

Безсильный парламентъ не могъ оказать дѣйствительнаго сопротивленія этому грубому натиску Шварценберга. 8 апрѣля пришла вторая австрійская нота, въ которой Австрія прямо и открыто высказалась противъ руководящей роли Пруссіи въ обще германскомъ движеніи, и великій государственный мужъ Гагернъ снова рѣшился на „дѣло". Онъ созвалъ во Франкфуртѣ конференцію представителей правительствъ. 14 апрѣля 29 нѣмецкихъ правительствъ—все самыя мелкія—высказались за имперскую конституцію. Баденъ, Нассау, три Гес-

сена, Шлезвигъ-Голштинія, оба Мекленбурга, три Ангальта, оба Рейсса, Ольденбургъ, Брауншвейгъ, Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Гота, Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, оба Шварцбурга, оба Гогенцоллерна, Вальдекъ, Липпе, Гамбургъ, Любекъ, Бременъ и Франкфуртъ на Майнѣ заявили, что хотя имперская конституція удовлетворяетъ ихъ не во всѣхъ пунктахъ, тѣмъ не менѣе эти единичныя сомнѣнія отступаютъ на задній планъ передъ той опасностью, съ которой связано дальнѣйшее оттягиваніе конституціоннаго преобразованія Германіи. Точка зрѣнія соглашенія, на которой настаивала Пруссія и другія правительства, легко могла погубить все дѣло. Мелкія правительства, не разъ заранѣе выражавшія свое согласіе съ постановленіями собранія, отчасти боялись возстаній, отчасти опасались, что могущественныя правительства выработаютъ „соглашеніе", слишкомъ невыгодное для мелкихъ государствъ. Потому-то они и приняли имперскую конституцію.

Но гагерновскіе маневры не могли, конечно, запугать могущественныя правительства. Одинъ ударъ за другимъ обрушивался на безпомощный парламентъ. Баварія высказалась противъ имперской конституціи, Ганноверъ и Саксонія распустили свои палаты за то, что послѣднія высказались за имперскую конституцію *). 28 апрѣля появилось новое заявленіе Пруссіи, въ которомъ король рѣшительно отклонялъ предложенную парламентомъ императорскую корону. Въ той же нотѣ было замѣчено, что конституція съ ограниченнымъ правомъ veto и „ничѣмъ не сдерживаемымъ избирательнымъ правомъ" можетъ явиться лишь средствомъ устранить верховную власть въ пользу республики. Вторая прусская палата наканунѣ была распущена за то, что она высказалась за имперскую конституцію.

Вюртембергъ принялъ имперскую конституцію. Сначала казалось, что въ Вюртембергѣ ее постигнетъ та же судьба, какъ въ Саксоніи, Ганноверѣ и Баваріи. Но министерство Ремера энергично настаивало передъ королемъ Вильгельмомъ на принятіи конституціи. Король сопротивлялся; онъ хотѣлъ имѣть конституцію по соглашенію съ князьями и, кромѣ того, не былъ согласенъ съ національнымъ собраніемъ въ вопросѣ о главѣ имперіи. Разногласія между королемъ и министерствомъ Ремера обострились. Дѣло дошло до министерскаго кризиса, распространились слухи о предстоящемъ назначеніи реакціоннаго министерства. Швабы пришли въ волненіе, узнавъ, что у нихъ намѣрены отнять ихъ мартовскаго министра; лишь впослѣдствіи они убѣдились, что Ремеръ не тотъ человѣкъ, за котораго онъ себя выдавалъ и за котораго его считали. 22 апрѣля депутація отъ сословій высказала королю свое согласіе съ точкой зрѣнія министерства Ремера и получила отвѣтъ, что король признаетъ имперскую конституцію, за исклю-

*) Первая саксонская палата высказалась всѣми противъ одного голосами за имперскую конституцію, вторая—всѣми голосами противъ 12. Послѣдніе принадлежали, какъ объясняетъ Чирнеръ, республиканцамъ, не желавшимъ признать монархическій характеръ конституціи.

ченіемъ пункта о верховной власти. „Дому Гогенцоллерновъ я не подчиняюсь“, сказалъ онъ и затѣмъ прибавилъ: „Если всѣ германскіе князья сдѣлаютъ это, я также принесу эту жертву Германіи, хотя и съ сокрушеннымъ сердцемъ. Меня могутъ также вынудить къ этому ваши настоянія, возстанія въ странѣ. Но если вы становитесь на почву революціи, если вы принуждаете меня дать свое слово, то послѣднее не свободно. Съ этимъ согласитесь вы сами, но этого вы не можете желать, такъ какъ вынужденное слово не было бы для меня обязательнымъ. Я имѣлъ бы право взять его назадъ, когда моя воля снова станетъ свободной. Дому Габсбурговъ,—замѣтилъ король,—я бы подчинился“.

Тогда палата приняла предложеніе Штоккмайера, согласно которому имперская конституція объявляется дѣйствующимъ въ Вюртембергѣ закономъ, каждый вюртемберженецъ, статскій или военный, обязанъ защищать ее и руководствоваться ею, и каждое нарушеніе ея разсматривается какъ государственная измѣна.

Возбужденіе въ странѣ быстро возрастало; войско, повидимому, стояло на сторонѣ конституціи, такъ же какъ и національная гвардія; все предвѣщало неизбѣжную катастрофу. Король оставилъ Штутгартъ и направился въ Людвигсбургъ. Когда онъ и тамъ увидѣлъ, что почти никто не стоитъ на его сторонѣ, онъ уступилъ. Сначала онъ хотѣлъ принять имперскую конституцію съ нѣкоторыми ограниченіями, но Ремеръ оставался непреклоннымъ, и 24 апрѣля король далъ, наконецъ, свое согласіе на имперскую конституцію цѣликомъ, включая ея постановленіе относительно верховной власти и избирательный законъ.

Торжество побѣдителей не поддается никакому описанію; они страшно преувеличивали свою побѣду и свою силу; имъ казалось, что они даютъ совершенно новое направленіе дѣлу конституціоннаго преобразованія отечества. Это было справедливо лишь постольку, поскольку въ народѣ снова пробудились симпатіи къ франкфуртскому парламенту, наталкивавшемуся на такое враждебное отношеніе правительствъ. Карлъ Фогтъ посвятилъ во франкфуртскомъ парламентѣ вюртембергскимъ событіямъ непомѣрно длинную рѣчь, призывая конституціоналистовъ къ энергіи, которой у него самого было такъ же мало, какъ у нихъ. Конституціоналисты боязливо отклонили совѣтъ вступить на „революціонный“ путь.

Пруссія разослала правительствамъ новое приглашеніе прислать своихъ уполномоченныхъ въ Берлинъ, чтобы положить предѣлъ революціи и создать „соотвѣтствующую своему назначенію“, т.-е. угодную князьямъ, конституцію. Между тѣмъ парламентъ все еще дѣлалъ напрасныя потуги сдвинуть впередъ безнадежно засѣвшую въ землѣ конституціонную колесницу. Между демократами и конституціоналистами возникъ рѣзкій конфликтъ по вопросу о томъ, къ какимъ средствамъ теперь слѣдуетъ прибѣгнуть; въ этомъ затруднительномъ положеніи рѣчи полились такой многоводной рѣкой, какъ будто бы отъ ихъ изобилія зависѣлъ ходъ всемірной исторіи. Значительное число

депутатовъ оставили парламентъ. Порою лѣвой удавалось влить въ собраніе нѣкоторую энергію. Но это приводило лишь къ тому, что парламентъ снова и снова убѣждался на фактахъ въ своемъ полномъ безсиліи. 26 апрѣля конституція снова была провозглашена дѣйствующимъ закономъ, и правительствамъ предложено принять всѣ мѣры къ ея признанію и осуществленію въ жизни, но, разумѣется, постановленіе это не принесло никакихъ результатовъ.

Лѣвая внесла цѣлый рядъ революціонныхъ предложеній, напримѣръ, назначить исполнительный комитетъ и временнаго правителя имперіи, привести войско къ присягѣ конституціи, поднять народъ на защиту ея и т. п., но все это было отклонено; да если бы предложенія лѣвой и были приняты, они не имѣли бы, конечно, ни малѣйшаго практическаго значенія. 30 апрѣля парламентъ постановилъ, что собранія его законны уже при 150 членахъ и что президентъ имѣетъ право созывать собранія въ любое время и въ любомъ мѣстѣ. 4 мая по предложенію Виденбругка было постановлено призвать правительства, законодательные корпусы, магистраты и весь народъ къ проведенію конституціи; далѣе на 22 августа были назначены выборы въ новый рейхстагъ, и если Пруссія, гласило другое постановленіе, не приметъ конституціи, то глава крупнѣйшаго изъ признавшихъ конституцію союзныхъ государствъ, въ качествѣ временнаго правителя имперіи, долженъ стать на мѣстѣ императора.

Радикальные и революціонные проекты одинъ обгонялъ другой, произносились негодующія рѣчи. Такъ, господинъ Зеппъ предложилъ отнять верховную власть у князей, не признавшихъ конституціи, и раздѣлить ихъ земли. Такіе шутовскіе проекты имѣли лишь одинъ результатъ: дѣлали собраніе смѣшнымъ.

Парламентъ попалъ съ своей конституціей въ совершенно безпомощное положеніе, и благородный Гагернъ былъ, конечно, менѣе всего способенъ вывести его изъ затрудненія. Онъ напалъ въ концѣ-концовъ на истинно гагерновскую мысль, что само центральное правительство должно взять въ свои руки осуществленіе конституціи. Это была варіація знаменитаго рецепта Мюнхгаузена: самому вытащить себя за волосы изъ болота. Правитель имперіи, бывшій въ сущности лишь представителемъ австрійскаго двора, отклонилъ, конечно, этотъ путь, а великій государственный мужъ Гагернъ воспользовался случаемъ, чтобы выпутать изъ затрудненія свою собственную драгоцѣнную особу. 10 мая онъ сложилъ съ себя должность имперскаго министра.

Это было принято конституціоналистами какъ дурное предзнаменованіе. Они стали толпами спасаться изъ собранія.

Каждая партія старалась свалить вину за фіаско парламента на другую. Онѣ всѣ были правы, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣла свою долю вины.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Борьба за конституцію.

По мѣрѣ того какъ стремленіе правительствъ уничтожить конституціонную работу Франкфурта становилось все болѣе и болѣе явнымъ, пробуждались также все сильнѣе и политическіе интересы народа. Безпрерывное, однообразное журчанье парламентскихъ рѣчей отчасти уже усыпило Германію. Однако, когда мартовскимъ завоеваніямъ, стоившимъ столько борьбы и жертвъ, стала угрожать серьезная опасность, возбужденіе начало охватывать широкіе круги населенія, и безрезультатность всякихъ примирительныхъ попытокъ имѣла своимъ слѣдствіемъ грозные взрывы народнаго недовольства.

Общее революціонное движеніе уже стихало. Крестьянская масса почти вся вновь стала консервативной, рабочіе считали себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ относительно результатовъ возстанія, а большая часть буржуазіи фанатически преклонялась теперь передъ идеей „порядка“. Не успокоились еще только радикально-демократическая и республиканская партіи. Мартовскіе союзы, на обязанности которыхъ лежало отстаивать завоеванія мартовскихъ дней, выступавшіе съ большимъ революціоннымъ задоромъ, еще разъ попробовали было создать нѣмецкую демократическую организацію, къ чему раньше тщетно стремился демократическій конгрессъ. Существовало, повидимому, около 3.000 отдѣльныхъ ферейновъ. Но мартовскіе союзы въ дѣйствительности не обладали той силой, которой они располагали на бумагѣ.

Демократы и республиканцы думали воспользоваться имперской конституціей, чтобы, основываясь на ней, поднять въ народѣ демократическое движеніе. Несомнѣнно, что конституція сама по себѣ весьма мало занимала ихъ *). Такимъ образомъ дѣйствительно произошло

*) Феннеръ фонъ-Феннебергъ, участвовавшій въ собраніяхъ мартовскихъ союзовъ во Франкфуртѣ, замѣчаетъ по этому поводу: „Меня мало безпокоило то, что поднято было знамя защиты имперской конституціи; я увѣренъ былъ, что знамя это скоро будетъ замѣнено другимъ, республиканскимъ... Мы не скрывали другъ передъ другомъ, что національное собраніе, собственно говоря, никуда не годится, что довѣріе къ нему народа утрачено; несчастная, въ мукахъ рожденная имперская конституція, у колы-

нѣсколько возстаній яко бы на конституціонной почвѣ, въ которыхъ смѣшались всѣ радикальные, демократическіе, республиканскіе и соціалистическіе элементы съ группами, которыя только пассивно вовлечены были въ общій потокъ движенія и, въ сущности, вполнѣ удовлетворились бы введеніемъ конституціи. Болѣе энергичная часть рабочихъ поддерживала здѣсь, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, радикальную буржуазію. Баденское возстаніе показываетъ намъ, какъ мало демократія была занята собственно имперскою конституцiей *). Въ Баденѣ правительство признало имперскую конституцію, и получившееся такимъ образомъ противорѣчіе возставшіе старались затушевать требованіями „проведенія имперской конституціи“. Однимъ словомъ, демократическое движеніе было направлено противъ силъ, препятствовавшихъ завершенію конституціонной работы; конституція сама въ дѣйствительности сыграла здѣсь лишь второстепенную роль и была лишь орудіемъ для иныхъ цѣлей.

То обстоятельство, что нѣкоторыя правительства признали имперскую конституцію, лишало такъ называемыя конституціонныя возстанія общаго характера. Такимъ образомъ демократія мало выиграла отъ того, что въ Вюртембергѣ признана была имперская конституція; этимъ вызвано было только отпаденіе вюртембержцевъ отъ баденскихъ повстанцевъ.

Если бы возстаніе увѣнчалось успѣхомъ, то партія, одержавшая побѣду, немедленно распалась бы на свои первоначальныя составныя части, что вызвало бы въ свою очередь новыя столкновенія, новую борьбу. Несомнѣнно вѣдь, что республиканцы и демократы поспѣшили бы немедленно послѣ побѣды устранить ту самую конституцію, за которую велась борьба, потому что эта имперская конституція находилась въ противорѣчіи съ демократическими и республиканскими принципами.

Движеніе въ пользу имперской конституціи повело къ вспышкѣ прежде всего въ Саксоніи. Тамъ, какъ уже было упомянуто, палаты были распущены. Мартовское министерство Браунъ-Оберлендера, которое въ лицѣ своихъ популярныхъ членовъ облечено было задачей вселить возможно больше довѣрія въ души гражданъ и имѣло даже въ этомъ дѣлѣ большой успѣхъ, оставило свой постъ 24 февраля. Его смѣнило министерство Гельдъ-Бейста. Послѣ окончанія конституціонной работы въ Саксоніи начались волненія въ пользу проведенія консти-

бели которой произошла грозная встрѣча вѣнценосцевъ и пролетаріевъ, тоже немногаго стоитъ; она не была достаточно демократической; мы презирали избирательную плутню, созданную гражданиномъ Фогтомъ по поводу имперскаго вопроса, и все же рѣшено было держаться за конституцію и національное собраніе. Вѣдь въ случаѣ побѣды мы всегда сумѣли бы перешагнуть черезъ все это!“

*) Меглингъ, которому принадлежитъ крупная роль въ баденскихъ волненіяхъ, высказывалъ надежду, что баденское возстаніе выйдетъ за предѣлы баденскихъ границъ и приметъ республиканскій характеръ. „Я бы пальцемъ не пошевельнулъ изъ-за самой конституціи, этой жалкой игрушки!“ говорилъ онъ. (Письма его къ друзьямъ, стран. 187).

туціи; происходили многочисленныя собранія и къ королю обращались со множествомъ петиціи. Министерское большинство стояло за признаніе и проведеніе конституціи, но такъ какъ король рѣшительно противился этому, то министерство подало въ отставку и Чшинскій образовалъ новое, въ которое также вошелъ и Бейстъ. Появленіе этого реакціоннаго министерства усилило движеніе въ пользу имперской конституціи. Руководящая роль всецѣло перешла къ демократамъ и республиканцамъ; это далось имъ безъ особаго труда благодаря тому, что Саксонія издавна была очагомъ радикализма. Гражданское ополченіе и городская администрація высказались за имперскую конституцію и рѣшили требовать у короля ея принятія. Дрезденскій рабочій союзъ, при посредствѣ стоящаго во главѣ его Грилле, тоже выпустилъ заявленіе, въ которомъ онъ требовалъ немедленнаго принятія имперской конституціи, „хотя она и оставляетъ еще для будущаго много работы надъ матеріальнымъ благосостояніемъ народа“. Повидимому, рабочій союзъ прекрасно понималъ свое положеніе по отношенію къ буржуазіи.

Король отказался наотрѣзъ дать свое согласіе на введеніе конституціи. Войска стояли наготовѣ; было послано за подкрѣпленіями; говорили, будто стянуты будутъ сюда также и прусскія войска. Городская администрація 3 мая образовала комитетъ защиты, который впослѣдствіи превратился въ комитетъ безопасности.

Все растущее возбужденіе среди народа привело вскорѣ къ столкновенію. Густая толпа народа окружила арсеналъ, выбиты были деревянныя ворота, но здѣсь пораженная неожиданностью толпа остановилась. Выстроенная внутри двора арсенала пѣхота открыла огонь, и четыре человѣка были убиты.

Толпа пришла въ ярость, каменный дождь посыпался на войско; подоспѣвшіе на помощь вооруженные гимнасты стали стрѣлять въ солдатъ, одинъ офицеръ былъ раненъ на смерть. Подошедшій въ это время батальонъ гражданскаго ополченія попытался было разсѣять массу, но тутъ внезапно распахнулись ворота арсенала и оттуда былъ данъ залпъ картечью; 20 человѣкъ, изъ нихъ 14 убитые наповалъ, остались на мѣстѣ. Изъ оконъ арсенала направлялись выстрѣлы въ гражданское ополченіе.

На всѣхъ улицахъ раздавались крики: „измѣна“! „къ мести!“ Трупы убитыхъ провозились мимо дворца, депутаціи одна за другой приходили ко дворцу, одна депутація на колѣняхъ умоляла о дарованіи конституціи,—король оставался непреклоннымъ. Въ этотъ день до битвъ не дошло, но всюду толпа вооружалась и строила баррикады *). Реакціонный командиръ гражданскаго ополченія былъ смѣщенъ, и его мѣсто занялъ бывшій греческій офицеръ Гейнце.

*) На многихъ баррикадахъ укрѣпленъ былъ портретъ Роберта Блюма, что конечно, не могло остановить вражескихъ пуль. Большее впечатлѣніе произвелъ портретъ Блюма, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на одномъ мейнингенскомъ собраніи его поставили передъ глазами націоналъ-либеральнаго сына Блюма. Почтенный господинъ ораторъ, взглянувъ на портретъ своего отца, дѣйствительно потерялъ нить своей рѣчи.

Въ то время какъ отправлены были гонцы въ Пруссію за подкрѣпленіями, ожидаемыми правительствомъ съ такимъ страшнымъ нетерпѣніемъ, король 4 мая, рано утромъ, бѣжалъ изъ города въ крѣпость Кенигштейнъ. Министерство сопровождало его; расположенныя въ Дрезденѣ войска казались не вполнѣ надежными.

Рано утромъ 4 мая уже кипѣла битва. Улицы были усѣяны многими крѣпкими баррикадами, изъ которыхъ нѣкоторыя являлись дѣйствительно произведеніями искусства *). Войска, занимавшія Новый Городъ, а въ Старомъ Городѣ замокъ и арсеналъ, въ этотъ день не одержали ни одной побѣды.

Послѣ бѣгства короля образовано было временное правительство, избранное бывшими членами палаты. Въ составъ правительства вошли Гейбнеръ, Чирнеръ и Тодтъ. Чирнеръ былъ стойкій республиканецъ, Гейбнеръ менѣе рѣшителенъ. Во франкфуртскомъ парламентѣ онъ голосовалъ противъ выбора короля Пруссіи, а слѣдовательно, вообще воздержался отъ избранія. Впослѣдствіи утверждали, будто онъ вступилъ въ Дрезденѣ во временное правительство лишь съ тѣмъ, чтобы не допустить до власти наиболѣе „крайнихъ". Тодтъ, бывшій прежде довѣреннымъ лицомъ отъ правительства въ союзномъ сеймѣ, встрѣченъ былъ недовѣріемъ. Чирнеръ, краснорѣчивый адвокатъ, прежде президентъ второй палаты, былъ главой этого правительства, которому приходилось бороться съ большими трудностями, несмотря на довѣріе и покорность народа.

Возставшіе имѣли глупость заключить перемиріе съ войсками, ожидавшими подкрѣпленій. Гражданское ополченіе съ самаго начала обнаруживало нѣкоторую двусмысленность, вступая съ войскомъ въ особый договоръ относительно совмѣстнаго занятія зданія арсенала, при чемъ ему досталась явно менѣе выгодная позиція. Перемиріе, продолженное съ ночи 4 мая на 5 мая, принесло подмогу обоимъ лагерямъ, возставшимъ однако не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ разсчитывали ихъ вожаки. Множество гонцовъ было разослано во всѣ стороны съ воззваніями о помощи. Въ Лейпцигѣ мѣстными демократами произнесены были громовыя рѣчи; за исключеніемъ этого, ничего не было предпринято въ пользу Дрездена. Жители Лейпцига допустили даже, послѣ нѣкоторой борьбы, отбытіе стоявшаго въ ихъ городѣ гарнизона къ Дрездену и послали потомъ адвоката Цихоріуса... съ представленіями къ центральной власти. Изъ Хемница пришли отряды рабочихъ-механиковъ, и изъ угольныхъ копей господина фонъ-Бургка явилось

*) Особенно хороша была одна баррикада, воздвигнутая знаменитымъ архитекторомъ Земперомъ. Въ этомъ возстаніи участвовали еще многіе другіе художники и артисты. Между ними особенно замѣчательны капельмейстеръ Реккель и впослѣдствіи столь знаменитый Рихардъ Вагнеръ, котораго потомъ преслѣдовали за государственную измѣну. Артисты вообще являлись силой въ рядахъ демократіи. Знаменитая пѣвица Шредеръ-Девріенъ горько оплакивала Роберта Блюма и однажды въ разговорѣ съ саксонскими дипломатами очень рѣзко высказалась по поводу насилія, учиненнаго надъ нимъ Виндишгрецемъ.

нѣсколько сотъ горнорабочихъ, привезшихъ съ собою пять 4-хфунтовыхъ пушекъ, находившихся во владѣніи этого господина *).

Это были всѣ орудія возставшихъ; арсеналъ остался недоступнымъ для нихъ.

Коммунальная администрація сдѣлала еще одну попытку взять на себя посредническую роль и добиться примиренія, но министры Бейстъ и Рабенгорстъ поставили столь суровыя условія, что послѣ полудня 6 мая на улицахъ Дрездена вновь кипѣла борьба. Тѣмъ временемъ къ саксонскимъ отрядамъ присоединились еще два прусскихъ батальона пѣхоты и прусская артиллерія; кавалерія отрѣзала кругомъ всѣ проходы, и противъ баррикадъ направлены были тяжелыя орудія. Теперь выяснилось, зачѣмъ войска заключали перемиріе. Имъ нужно было выиграть время, выйти изъ растеряннаго положенія, въ которомъ они находились, и обезопасить себя до прибытія пруссаковъ отъ нападеній со стороны возставшихъ.

Борьба была ужасной, потому что защищавшіеся обнаруживали изумительную стойкость. Войска вторгались въ дома, гдѣ разыгрывались потрясающія сцены. Послѣ того какъ лица, занимавшія и защищавшія дома, были изгнаны или убиты, группы войска водворялись у оконъ и оттуда пускали залпы въ баррикады. Дѣйствія прусской артиллеріи сопровождались страшными опустошеніями; мелкія орудія горнорабочихъ Бургка не могли оказывать ей сопротивленія. Генералъ Гомиліусъ, начальникъ саксонской артиллеріи, былъ убитъ выстрѣломъ одной изъ бургкскихъ пушекъ.

Массой возставшихъ командовалъ Бакунинъ, и его распоряженія носили въ высшей степени диктаторскій и даже террористическій характеръ. Благодаря численному превосходству войска мало-по-малу подавляли сопротивленіе возставшихъ, несмотря на все мужество, съ которымъ отстаивались нѣкоторыя баррикады. 7 мая отряды войскъ вступили по главнымъ улицамъ въ центръ города и здѣсь у баррикады въ большой Frauengasse у „Города Рима“ ожесточенная борьба достигла своего апогея. Пруссаки и саксонцы, которые принуждены были нѣсколько разъ отступать съ тяжелыми потерями, лишь съ крайнимъ напряженіемъ сумѣли взять штурмомъ прочную позицію народныхъ борцовъ. Когда „Городъ Римъ“ былъ, наконецъ, взятъ, войска такъ неистово хозяйничали въ немъ, что въ пылу увлеченія убили даже принца Шварцбургъ-Рудльштадтскаго, австрійскаго офицера, который лежалъ больнымъ въ этомъ отелѣ *).

---

*) Горнорабочими сдѣлана была попытка устроить подкопъ подъ дворцомъ, занятымъ войскомъ, но они потерпѣли неудачу.

**) Прусскій полковникъ фонъ-Вальдерзее выпустилъ сочиненіе о дрезденскомъ возстаніи, въ которомъ онъ говоритъ, что прусскимъ солдатамъ показалось, будто на дрезденскихъ баррикадахъ они узнаютъ берлинскихъ мартовскихъ борцовъ. Несомнѣнно, конечно, что въ этомъ ихъ постарались увѣрить для того, чтобы возбудить въ нихъ ярость. Дальше въ томъ же сочиненіи говорится: „Такимъ образомъ прусскіе солдаты, безъ всякаго побужденія къ тому со стороны своихъ начальниковъ, какъ бы молчаливо

Гражданское ополченіе вскорѣ удалилось съ мѣста сраженія; въ концѣ-концовъ послѣдними остались на баррикадахъ почти исключительно одни рабочіе. О командирѣ гражданскаго ополченія Гейнце говорили, что онъ умышленно отдался въ плѣнъ солдатамъ.

Во время уличныхъ битвъ многія части города были охвачены пожаромъ; старое зданіе оперы и часть построекъ, примыкающихъ къ королевскому замку, сдѣлались добычей пламени. Допытываться, кто поджогъ постройки, здѣсь, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, совершенно безполезно, потому что при такой борьбѣ возникновеніе пожаровъ является почти неизбѣжнымъ. Само собой разумѣется, что реакціонеры утверждали, будто народные борцы „нарочно“ подложили огонь; по другимъ свѣдѣніямъ, причиной пожаровъ былъ артиллерійскій огонь.

Вечеромъ 8 мая, въ то время какъ на улицахъ еще шла битва и борьба достигла такого ожесточенія, что даже женщины и дѣвушки сражались и падали на баррикадахъ, вожди возстанія пришли къ убѣжденію, что сопротивляться безполезно. Всѣ выходы города, за исключеніемъ одного, были заняты войсками. Рѣшено было перенести борьбу въ Рудныя горы, въ городъ Фрейбергъ. Въ полночь народные борцы покинули Дрезденъ и, слѣдуя по Дипполдисвалдеровской дорогѣ, старались достичь Фрейберга. Въ Дрезденѣ нѣсколько баррикадъ и домовъ все еще занимали повстанцы; причиной этого могло быть или то, что защищавшіе ни за что не хотѣли отступить, или же то, что отступленіе не было достаточно организованнымъ. Эти послѣднія позиціи были взяты войсками утромъ 9 мая послѣ отчаяннаго сопротивленія отстаивавшихъ ихъ. Дрезденъ и окрестности его на 3 мили въ окружности были объявлены въ осадномъ положеніи.

Къ Дрездену направлялась многочисленная вооруженная толпа народа, которая, конечно, повернула обратно, узнавъ, что Дрезденъ взятъ. Теперь борьбу считали проигранной. И дѣйствительно, послѣ потери Дрездена сила возстанія была сломлена. Гейбнеръ съ довольно сильнымъ отрядомъ подошелъ къ Фрейбергу, но городская администрація такъ жалобно умоляла его не подвергать городъ сраженію, что онъ отступилъ и направился къ Хемницу. Вмѣстѣ съ Бакунинымъ онъ поспѣшилъ впередъ, чтобы сдѣлать въ Хемницѣ необходимыя приготовленія, но измѣнническимъ образомъ былъ преданъ властямъ и вмѣстѣ съ Бакунинымъ привезенъ въ Дрезденъ. Раньше еще былъ

согласились между собою замѣнить въ предстоящей битвѣ юридическій процессъ, столь сомнительный по своимъ результатамъ и во всякомъ случаѣ чрезвычайно скучный и длительный, быстрой самостоятельной расправой. Своими планами они подѣлились съ саксонскими товарищами. И какъ это обыкновенно бываетъ, что прозелиты новаго ученія ревностнѣе поклоняются ему, чѣмъ учителя, и скорѣе принимаютъ его со всѣми извращеніями, такъ случилось и здѣсь“. И дѣйствительно, ученики превзошли „учителей“. Характерно, что прусскіе спасители отечества сначала должны были изображать „учителей“.

схваченъ Реккель; Чирнеру удалось перебраться въ Баденъ, а Тодтъ, очень быстро удалившійся во Франкфуртъ, достигъ Швейцаріи *).

Возставшіе быстро разсѣялись. Поведеніе ихъ во время борьбы было образцовое, обычный девизъ: „собственность священна!“ помѣщенъ былъ всюду. Но тѣмъ ужаснѣе расправлялись побѣдители, ожесточенные долгимъ сопротивленіемъ. Даже такой реакціонный листокъ, какъ „Иллюстрированная Газета“, писалъ тогда: „Мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что торжество побѣды законнаго порядка во многихъ мѣстахъ омрачено грабежами и другими поступками со стороны солдатъ. Правда, это можетъ быть объяснено ожесточеніемъ, вызваннымъ у нихъ упорнымъ сопротивленіемъ мятежниковъ, но только объяснено, не оправдано“.—„Другіе поступки“—это означало убіеніе плѣнныхъ и беззащитныхъ и иныя насилія надъ лишенными свободы. Сначала взятыхъ въ плѣнъ приводили черезъ мостъ на Эльбѣ въ „Tuchhalle“ въ Новомъ Городѣ; когда это помѣщеніе было переполнено, ихъ привозили въ Tranenkirche и въ Gewandthaus. Особенно ужасныя страданія имъ пришлось пережить въ Tranenkirche.

Въ эти дни изъ народа пало 178 лицъ, изъ которыхъ только 70 узнаны, 108 остались неизвѣстными. Потери войска по офиціальному заявленію равнялись 34 убитымъ и 36 раненымъ.

Надъ плѣнными, среди которыхъ находился цѣлый рядъ лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ лицъ страны, былъ учиненъ строгій судъ. Гейбнеръ и Реккель приговорены были къ смертной казни, которая однако королевскимъ помилованіемъ была замѣнена пожизненной каторгой; Гейбнеръ отбылъ 10, а Реккель 11 лѣтъ каторжныхъ работъ. На долю другихъ тоже выпали суровые приговоры. Каторжная тюрьма въ Валдгеймѣ стала мѣстомъ ужаса и отчаянья. Заключенныхъ наказывали не только голодовкой, карцеромъ и другими мученіями, но и такимъ способомъ: къ одной ногѣ цѣпью приковывалось тяжелое дубовое бревно и заключенный всюду долженъ былъ таскать его за собою **).

Саксонскій народъ относился къ заключеннымъ, въ особенности къ Гейбнеру, съ безграничнымъ преклоненіемъ. Съ наибольшимъ участіемъ относились къ Бакунину, приговоренному сначала къ смертной казни, затѣмъ къ пожизненной каторгѣ и выданному затѣмъ Австріи, которая обвиняла его въ участіи въ іюньскомъ возстаніи въ Прагѣ. Австрія въ свою очередь выдала его Россіи; здѣсь онъ нѣкоторое время содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, отсюда препровожденъ въ Сибирь. Въ 60 годахъ послѣ удачнаго, фантастическаго побѣга изъ Сибири, онъ появился въ Сѣверной Америкѣ. Роль, которую онъ игралъ впослѣдствіи въ Западной Европѣ, возбуждаетъ самыя многорѣчивыя толкованія.

---

*) Вюртембергскій демократъ, г. Л. Б., принявшій у себя Тодта во время его бѣгства въ Геппингенъ и переправившій его черезъ Боденское озеро въ Роршахъ, разсказывалъ, что Тодтъ, вступивъ въ Роршахъ, поцѣловалъ „свободную швейцарскую землю“.

**) Говорятъ, что у секретаря торговой палаты Кирбаха фонъ-Плауена до сихъ поръ видны еще слѣды отъ ношенія такого бревна на ногѣ.

Одновременно съ дрезденскими волненіями возстаніе вспыхнуло также въ Бреславлѣ. Мѣстная городская буржуазія шла на демонстраціи только въ пользу имперской конституціи; рабочіе намѣревались задержать батарею, предназначенную къ отправкѣ въ Дрезденъ для усмиренія народа. Уличное народное собраніе было запрещено. Послѣ этого состоялось очень многолюдное собраніе въ залѣ ресторана „Нѣмецкій императоръ"; на этомъ собраніи ораторы высказывались въ томъ смыслѣ, что проведеніе конституціи является теперь дѣломъ народа. Началась постройка баррикадъ, и дѣло дошло до столкновенія съ войсками. Послѣднія стрѣляли въ народъ, и нѣсколько человѣкъ поплатились жизнью. Важнѣйшіе пункты были заняты войсками и благодаря захваченной ими позиціи на главномъ проспектѣ города послѣдній вообще былъ въ ихъ рукахъ. На слѣдующій день, 7 мая, послѣ полудня, произошло серьезное сраженіе, послѣ того какъ утромъ имѣло мѣсто нѣсколько менѣе значительныхъ стычекъ. Воздвигнута была масса баррикадъ. Войска быстро напали на нихъ, и послѣ упорной и кровавой борьбы онѣ были взяты. Особенно яростны были сраженія у „Краснаго оленя" и на улицѣ Николая. Войска потерпѣли большія потери, пало также нѣсколько офицеровъ. Бреславльская буржуазія показала себя тутъ въ своемъ настоящемъ видѣ: двери ея домовъ оказались запертыми передъ борцами, ранеными на баррикадахъ; по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, фанатики-филистеры коварно нападали на боровшихся на баррикадахъ съ тылу, въ то время какъ съ фронта на нихъ наступали войска. На баррикадахъ все же было меньше раненыхъ и убитыхъ, чѣмъ въ правительственныхъ отрядахъ. Около полуночи войска оказались побѣдителями, и утромъ слѣдующаго дня Бреславль и его окрестности на двѣ мили въ окружности были объявлены въ осадномъ положеніи.

На сѣверѣ все осталось спокойнымъ. Правда, демократическая партія и здѣсь выпустила массу высокопарныхъ прокламацій. Но это было слишкомъ обычнымъ явленіемъ. Воззваніе франкфуртской лѣвой къ народу, апеллировавшее къ силѣ оружія, тоже на большую, слишкомъ большую массу народа не произвело никакого впечатлѣнія.

Совершенно иную картину представляла жизнь на Рейнѣ. Здѣсь существовали области съ сильно развитой промышленностью, гдѣ многотысячная рабочая масса безпрестанно волновалась. Что касается рейнской буржуазіи, то она относилась, конечно, къ самостоятельнымъ стремленіямъ рабочаго класса съ обычными, характерными для буржуазіи, ужасомъ и отвращеніемъ. Имперская конституція пришлась ей очень по сердцу; она надѣялась, что проведеніе конституціи вызоветъ подъемъ торговли и поможетъ создать нѣмецкій военный флотъ въ интересахъ торговаго мореплаванія. По этимъ причинамъ буржуазія обратилась къ массамъ и вызвала мѣстами возстаніе народа, хотя для послѣдняго конституція сама по себѣ не имѣла почти никакого непосредственнаго значенія. Народъ поднялся противъ общей реакціи и не заботился о томъ, какое названіе дадутъ возстанію. Въ Кёльнѣ все

обстояло тихо, но въ Эссенѣ броженіе достигло такой силы, что взрывъ казался неизбѣжнымъ. Въ Эльберфельдѣ и Дюссельдорфѣ дѣло дошло до сраженій. Демократическая агитація увлекла на свою сторону также ополченцевъ. 7 мая въ Эльберфельдѣ имѣло мѣсто собраніе ополченцевъ, которые объявили первый призывъ народнаго ополченія,—приказъ о чемъ былъ изданъ министерствомъ Мантейфеля,—противозаконнымъ и рѣшили отказать этому министерству въ своемъ повиновеніи. За этимъ послѣдовали аналогичныя заявленія других ополченцевъ. Заявленія эти расклеивались по городу, но полиція всюду срывала ихъ; возбужденіе росло, и вскорѣ въ Эльберфельдѣ произошло столкновеніе съ мѣстнымъ гарнизономъ. Послѣдній послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ народомъ и послѣ того какъ одинъ офицеръ былъ убитъ, удалился изъ города. 10 мая въ Дюссельдорфѣ дрались на баррикадахъ, при чемъ войско одержало побѣду. Прямыя улицы Дюссельдорфа оказались невыгодными для уличной борьбы. Газеты того времени переполнены ужасающими подробностями этой борьбы и въ особенности послѣдовавшаго за нею хозяйничанья войскъ въ побѣжденномъ городѣ.

Въ Эльберфельдѣ образовался комитетъ безопасности, въ которомъ господствующую роль играла буржуазія. Сюда стекались тысячи народныхъ борцовъ; изъ Золингена прибылъ даже отрядъ вооруженныхъ дѣвушекъ. Изъ Грефратскаго и Зигбургскаго арсеналовъ взято было оружіе. Такъ какъ всѣ находящіеся въ распоряженіи правительства отряды войскъ были заняты, то у Эльберфельда было достаточно времени, чтобы подготовиться къ борьбѣ. Городъ былъ усѣянъ множествомъ баррикадъ. Боевое настроеніе царило среди рабочихъ, пролетаріатъ выставилъ свои массы для борьбы. Этимъ воспользовались, чтобы настращать буржуазію. Началась агитація разныхъ темныхъ личностей, и, дѣйствительно, на филистеровъ удалось нагнать такой страхъ передъ „коммунизмомъ", что правящимъ комитетомъ безопасности изгнаны были изъ города слишкомъ ярые демократы и „инородцы" *). Въ этомъ характерномъ эпизодѣ, разыгравшемся въ Эльберфельдѣ, яснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, обнаруживается трусость и убожество буржуазіи.

Рабочіе, оставшіеся теперь безъ предводителей, обнаруживали нерѣшительность. Когда вскорѣ послѣ этого къ городу подступило боль-

---

*) Такая судьба постигла между прочимъ и Фридриха Энгельса, поспѣшившаго изъ Кельна въ Эльберфельдъ, гдѣ онъ проявилъ энергичную дѣятельность. Ему было сказано, что эльберфельдская буржуазія опасается съ его стороны агитаціи за „красную республику", и затѣмъ ему препровожденъ былъ указъ о его изгнаніи, исходящій отъ „демократическаго" комитета безопасности. Въ этомъ любопытномъ документѣ говорится, что онъ вслѣдствіе проявленной имъ дѣятельности долженъ оставить городъ, „такъ какъ присутствіе его могло бы подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ о характерѣ движенія". (См. „Новая Рейнская Газета", 17 мая 1849 г.) 18 мая появился отпечатанный красными буквами знаменитый послѣдній № „Рейнской Газеты" съ поэтическимъ прощальнымъ словомъ Фрейлиграта въ заголовкѣ. Редакторы газеты почти всѣ находились въ изгнаніи, нѣкоторые изъ нихъ преслѣдовались за государственную измѣну; Карлъ Марксъ изгнанъ былъ изъ Пруссіи.

шое войско съ сильной артиллеріей, распространился слухъ, что имперская конституція принята королемъ. Послѣ этого баррикады были снесены, и народные отряды подъ предводительствомъ стараго офицера Отто фонъ-Мирбаха *) бросились въ горы, гдѣ они частью были схвачены въ плѣнъ, частью разсѣяны.

Такимъ образомъ это движеніе закончилось безъ дальнѣйшей борьбы; однако оно имѣло еще эпилогъ, разыгравшійся въ Вестфаліи. Сильные рабочіе этой страны возстали въ Гагенѣ и Изерлонѣ. У нихъ не было подходящихъ вождей, но случайно въ ихъ руки попалъ большой транспортъ пороха. Центромъ борьбы сталъ Изерлонъ, сильно укрѣпленный баррикадами. Въ качествѣ артиллеріи возставшимъ служили двѣ шестифунтовыя пушки и нѣсколько мортиръ. Противъ нихъ посланы были главнымъ образомъ бранденбуржцы. И здѣсь, какъ и въ остальныхъ городахъ, буржуазія въ рѣшительный моментъ отдѣлилась отъ рабочихъ. Войско окружило городъ и со всѣхъ сторонъ произвело нападенія. Борьба велась съ страшнымъ ожесточеніемъ, такъ какъ рабочіе защищались со всѣмъ тѣмъ мужествомъ и упорствомъ, къ которому вынуждало ихъ положеніе. Обѣ стороны насчитывали большія потери. Побѣжденнымъ пришлось испытать на себѣ гнѣвъ побѣдителей, и реакціонные голоса извиняли это тѣмъ, что солдаты были возбуждены смертью одного оберъ-лейтенанта. Каково же въ такомъ случаѣ должно было бы быть возбужденіе рабочихъ и демократовъ!

Возставшіе города были объявлены состоящими въ осадномъ положеніи. Рейнская область и Вестфалія стонали подъ игомъ военной диктатуры.

---

*) По предложенію Энгельса комитетъ безопасности возложилъ на него предводительствованіе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Майская революція въ южной Германіи.

Движенія въ Пфальцѣ и Баденѣ, которыя слѣдуетъ причислить къ такъ называемымъ конституціоннымъ возстаніямъ, хотя имперская конституція и не была ихъ цѣлью, а играла лишь роль знамени, были гораздо упорнѣе и значительнѣе, чѣмъ возстанія въ Саксоніи и Рейнскихъ земляхъ, носившія болѣе мѣстный характеръ.

Въ Пфальцѣ протестъ противъ реакціи прежде всего вылился въ форму возстанія.

Въ 1848 году жители Пфальца обнаружили гораздо больше спокойствія, чѣмъ ожидали отъ нихъ. Но когда баварское правительство рѣшительно заявило, что оно противъ имперской конституціи, то даже смирные, конституціонно и либерально настроенные бюргеры обезпокоились, а демократы и республиканцы дали дальнѣйшій толчокъ движенію. Въ Кайзерслаутернѣ 1 и 2 мая имѣли мѣсто большія народныя собранія, во время которыхъ избранъ былъ комитетъ для защиты страны. Въ этотъ комитетъ попало нѣсколько членовъ франкфуртской лѣвой. Собраніе рѣшило требовать у правительства, общинъ и чиновниковъ признанія имперской конституціи, въ случаѣ же отказа пфальцскіе солдаты должны были быть отозваны съ баварской службы, народъ вооруженъ, прекращенъ взносъ податей и всѣ казначейства опечатаны. Замѣтно было стремленіе придать этой революціи возможно болѣе „законный" характеръ. Одно собраніе въ Нейштадтѣ высказалось за проведеніе республики, но, не отказываясь отъ республики, повстанцы все же приняли знамя имперской конституціи. Войско проявило большое сочувствіе движенію и вскорѣ большими группами стало присоединяться къ нему.

Имперскій правитель послалъ изъ Хемница въ Пфальцъ депутата Бернгарда Эйзенштука. Необходимо было послать „лѣваго", такъ какъ всякаго другого въ Пфальцѣ просто высмѣяли бы. Эйзенштукъ открыто выразилъ свое согласіе на мѣры, которыя рѣшено было предпринять въ пользу проведенія конституціи, и этимъ подтвердилъ права комитета, организованнаго для обороны страны. Ему удалось также склонить къ возвращенію прусскіе батальоны, посланные цен-

тральной властью изъ Майнца въ Ландау *). Разумѣется, Эйзенштука вскорѣ отозвали назадъ, и реакціонеры жестоко напали на него.

Пфальцская революція протекла очень мирно; за исключеніемъ крѣпостей Ландау и Гермерсгейма, вся страна примкнула къ движенію. Чтобы создать сильно укрѣпленный центръ, надо было возможно быстрѣе организовать боевыя силы и овладѣть этими двумя крѣпостями. Дѣло это не представляло большой трудности, въ особенности въ Ландау, гдѣ войска были очень склонны перейти на сторону инсургентовъ.

Но вожаки пфальцскаго возстанія были такъ же вялы, какъ и вся народная масса. Въ то время какъ руководящіе круги выпустили нѣсколько совершенно безцѣльныхъ прокламацій и за исключеніемъ этого почти или даже совершенно ничего не сдѣлали, народная масса вмѣсто энергичной дѣятельности стала предаваться кабацкому разгулу, хвастливой болтовнѣ за бутылкой вина, что не могло не вызвать безалабернаго, безтолковаго настроенія. Врагъ безпрерывно уничтожался въ рѣчахъ и пѣсняхъ, но когда дѣйствительно подошли пруссаки, то налицо оказалась лишь ничтожная кучка бордовъ и сопротивленіе было очень слабо. Серьезные, энергичные люди ничего не могли подѣлать противъ такого порядка вещей; „крикуны“ изображали изъ себя первую скрипку до тѣхъ поръ, пока не раздались выстрѣлы; тогда они очень быстро попрятались по угламъ.

Временное правительство, учрежденное въ маѣ мѣсяцѣ, состояло отчасти изъ очень умѣренныхъ людей; оно не обладало ни достаточной энергіей, ни мужествомъ для проведенія собственныхъ своихъ постановленій. Главнокомандующимъ военныхъ силъ назначенъ былъ знакомый уже намъ по вѣнскимъ событіямъ Феннеръ фонъ-Феннебергъ **), который проявилъ полнѣйшую бездарность. Правительствомъ былъ выпущенъ принудительный заемъ, но, не обладая способностью создавать доходы, правительство вѣчно переживало самыя унизительныя денежныя затрудненія. Наскоро собранное народное представительство провозгласило отпаденіе отъ Баваріи, что не имѣло никакого значенія въ виду того, что отпаденіе уже было совершившимся фактомъ.

Хотя 5 мая крайняя лѣвая, собравшаяся въ клубѣ Доннерсбергъ, указывая на Пфальцъ, призывала Германію къ возстанію, а парламентъ набрался даже такой смѣлости, что объявилъ вступленіе прусскихъ отрядовъ въ Саксонію нарушеніемъ имперскаго мира, тѣмъ не менѣе слабое само по себѣ пфальцское возмущеніе неминуемо быстро улеглось бы, если бы не произошло возмущенія сосѣдняго Бадена и не дало новаго толчка пфальцскому движенію.

---

*) Это сообщается Эйзенштукомъ въ его отчетѣ франкфуртскому парламенту.

**) Самымъ важнымъ для него было—сняться въ парадной формѣ. Впослѣдствіи онъ написалъ брошюру, въ которой взваливаетъ на другихъ всѣ свои промахи и ошибки; такъ же поступали вѣдь и многіе другіе, занимавшіе во время этихъ движеній мѣста, докоторыхъ они не доросли.

Бунтъ Струве съ его исходомъ не обезкуражилъ въ Баденѣ демократическую партію; она создала, благодаря главнымъ образомъ дѣятельности Аманда Гёгга, обширную организацію и покрыла страну цѣлой сѣтью народныхъ союзовъ, число которыхъ превышало 400 *).

Движеніе захватило также войско, которое сыграло во время возстанія рѣшительную роль. Повидимому, не безъ вліянія на баденскую армію оказалось поведеніе пфальцскихъ войскъ. Весной 1849 года должны были происходить судебные процессы противъ политическихъ обвиняемыхъ, противъ Фиклера, Струве, Блинда и др. Общественное мнѣніе стало на сторону обвиняемыхъ и не допустило обычной расправы правительства съ его политическими противниками, какъ съ преступниками. Выступивъ передъ присяжными, Фиклеръ, Струве, Блиндъ и другіе обвиняемые превратились въ обвинителей правительства, а защитники, между которыми находился талантливый Брентано изъ Брукзала, отличавшійся блестящимъ краснорѣчіемъ, произнесли передъ присяжными такія энергичныя и убѣдительныя рѣчи, что почти всѣ приговоры оказались направленными противъ правительства. Повсюду выступили теперь республиканскія стремленія, и національный комитетъ народныхъ союзовъ пользовался въ странѣ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ правительство.

Сначала предполагалось только притти на помощь Пфальцу въ его борьбѣ за имперскую конституцію. Но Амандъ Гёггъ еще въ началѣ мая, во время тайнаго свиданія съ крайней франкфуртской лѣвой въ Маннгеймѣ, предполагалъ провозгласить въ Оффенбургѣ на предстоящемъ большомъ народномъ собраніи республику **). Въ Маннгеймѣ большинство высказалось противъ этой идеи, но одобрило созывъ народнаго собранія въ Оффенбургѣ. Послѣ этого Гёггъ созвалъ на 12 мая въ Оффенбургъ національный конгрессъ делегатовъ всѣхъ народныхъ союзовъ, и на 13 мая назначено было всенародное національное собраніе.

Національный конгрессъ рѣшилъ отправить въ Карлсруэ депутацію, которая должна была предъявить его требованія; на случай, если бы требованія встрѣтили отказъ, рѣшено было объявить національный комитетъ постояннымъ и уполномочить его апеллировать къ народу и созвать учредительное собраніе.

Делегаты конгресса не желали однако итти такъ далеко, какъ Гёггъ и пылкая республиканская молодежь страны. Какъ уже было замѣчено выше, имперская конституція была признана великимъ герцогомъ и принесеніе присяги ей войскомъ и гражданскимъ ополченіемъ было назначено на 13 мая. Поэтому большинство конгресса требовало лишь отставки министерства Бекка, которое только слыло „либе-

*) Основанные подъ покровительствомъ министра Бекка „патріотическіе союзы“ очень плохо прививались. Демократы въ насмѣшку называли ихъ баптистскими союзами по имени Бекка, котораго звали Баптистомъ.

**) См. „Nachträgliche authentische Aufschlüsse über die badische Revolution von 1849“. Цюрихъ 1876.

ральнымъ", но не пользовалось никакими симпатіями среди народа; требовали также распущенія палатъ, созыва баденскаго учредительнаго собранія и амнистіи политическихъ заключенныхъ и изгнанниковъ.

На слѣдующій день въ Оффенбургѣ, куда со всѣхъ сторонъ стекался народъ, преобладающее значеніе получило рѣшительное направленіе. Ночью Гёггъ съ нѣкоторыми другими молодыми демократами выработалъ радикальную программу, которую онъ предложилъ народному собранію. Онъ отказался отъ провозглашенія республики.

Министерство Бекка довольно рѣзко отклонило требованія оффенбургской депутаціи. Легко было предвидѣть, что возвращеніе депутаціи ознаменуетъ начало бури. Тѣмъ временемъ въ Оффенбургъ прибыла депутація солдатъ изъ Раштатта съ сообщеніемъ, что гарнизонъ союзной крѣпости Раштатта возсталъ и изгналъ реакціонныхъ офицеровъ и коменданта крѣпости. Солдаты вмѣстѣ съ прочими гражданами собирались на собранія, но ораторы были арестованы. Ихъ освободили силой. Когда аресты повторились, вспыхнуло возстаніе, крѣпость перешла въ руки повстанцевъ, которые отдаютъ ее теперь въ распоряженіе національнаго комитета. Военный министръ Гофманъ, прибывшій на слѣдующій день изъ Карлсруэ въ Раштаттъ съ отрядомъ конницы и нѣсколькими кавалерійскими эскадронами, обращенъ былъ въ бѣгство.

Таковы были полученныя вѣсти, когда Гёггъ со своей программой явился въ народное собраніе. Программа его провозглашала борьбу противъ силъ, враждебныхъ франкфуртской имперской конституціи, враждебныхъ н ѣ м е ц к о й с в о б о д ѣ в о о б щ е. Ясно, что эти силы не остановятся ни передъ чѣмъ, что онѣ способны обратиться даже къ иностранной державѣ за помощью. Народъ находится въ крайней опасности, онъ долженъ объединиться ради спасенія свободы. Баденцы всѣми возможными средствами будутъ поддерживать народное движеніе въ Пфальцѣ.

Эта программа шла дальше всѣхъ другихъ программъ, выставленныхъ буржуазной демократіей въ 1848 и 1849 годахъ. Она требовала проведенія имперской конституціи, ухода министерства Бекка и образованія новаго министерства, порученнаго гражданамъ Брентано и Петеру; созыва учредительнаго національнаго собранія, „к о т о р о е б ы л о б ы н о с и т е л е м ъ в с е й з а к о н о д а т е л ь н о й и и с п о л н и т е л ь н о й в л а с т и б а д е н с к а г о н а р о д а"; народнаго вооруженія на государственныя средства; амнистіи; уничтоженія военнаго судопроизводства; свободнаго избранія офицеровъ; безвозмезднаго уничтоженія всѣхъ повинностей, тяготѣющихъ на землѣ; самостоятельности общинъ; суда присяжныхъ; уничтоженія бюрократической администраціи; учрежденія н а ц і о н а л ь н а г о банка для промышленности, торговли и земледѣлія съ цѣлью защиты ихъ противъ п р е о б л а д а н і я к р у п н ы х ъ к а п и т а л и с т о в ъ; уничтоженія старой податной системы; введенія вмѣсто нея п р о г р е с с и в н а г о п о д о х о д н а г о н а л о г а на ряду съ сохраненіемъ таможенныхъ пошлинъ; у ч р е ж д е н і я н а ц і о н а л ь н а г о

пенсіоннаго фонда для поддержки каждаго гражданина страны, утратившаго работоспособность. Изъ этого сама собой вытекаетъ ненужность особаго пенсіоннаго фонда для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.

Эта программа, которая собраніемъ на Базарной площади въ Оффенбургѣ, гдѣ присутствовало около 35.000 человѣкъ, принята была съ бурнымъ восторгомъ, ясно показываетъ, какъ ничтожно было значеніе имперской конституціи въ этомъ движеніи. Программа эта для даннаго момента явилась удачной попыткой объединить различныя партіи въ одномъ движеніи. Принимая во вниманіе обстоятельства, сопровождавшія ея возникновеніе, ее слѣдуетъ назвать радикальной.

Гёггъ предпринялъ цѣлый рядъ революціонныхъ мѣръ, захватилъ желѣзную дорогу и не обращалъ никакого вниманія на Раво, присутствовавшаго здѣсь въ качествѣ имперскаго комиссара. Раво игралъ вообще странную роль, вступая въ переговоры то съ инсургентами то съ министромъ Беккомъ. „*Мы не желаемъ теперь произносить рѣчи, но желаемъ дѣйствовать*“, говорилъ Гёггъ. Послѣ того какъ собраніе приняло его программу, онъ предложилъ всей толпой двинуться въ Раштаттъ и здѣсь соединиться съ солдатами.

Вновь избранный національный комитетъ объявилъ себя постояннымъ. Сюда вошли, за исключеніемъ Брентано, котораго нельзя было обойти, лишь наиболѣе рѣшительные дѣятели *). Національный комитетъ въ сопровожденіи группы наиболѣе энергичныхъ повстанцевъ поспѣшилъ въ Раштаттъ, но здѣсь, къ своему изумленію, нашелъ ворота запертыми; ему предлагали уйти изъ-подъ крѣпости. Оставшіеся въ Раштаттѣ офицеры, по большей части реакціонно настроенные, успѣли за это время добиться измѣненія въ положеніи вещей. Но энергіи Гёгга удалось побѣдить и это препятствіе, и въ концѣ-концовъ пушкари крѣпости стали грозить, что они прострѣлятъ ворота, если національный комитетъ не будетъ впущенъ. Наконецъ его впустили въ городъ. Въ городской думѣ царствовало страшное смятеніе, бургомистръ совсѣмъ потерялъ голову **). Передъ зданіемъ городской думы собралось много солдатъ; Гёггъ въ темнотѣ обратился къ нимъ съ пламенной рѣчью и привлекъ ихъ на свою сторону. Еще въ тотъ же вечеръ реакціонные офицеры попытались было устроить рукопашную схватку; они скомандовали генералъ-маршъ—наступило смятеніе; но въ концѣ-концовъ, главнымъ образомъ благодаря рѣшительности артиллерійскаго

---

*) Членами національнаго комитета были: Брентано изъ Маннгейма, Фиклеръ изъ Констанца, Гёггъ изъ Маннгейма, Петеръ изъ Констанца, Вернеръ изъ Оберкирха, Реманнъ изъ Оффенбурга, Стэй изъ Гейдельберга, Вильманъ изъ Пфорена, Штейнмецъ изъ Дурлаха, Вернвагъ изъ Кенцингена, Рихтеръ изъ Ахерна, Дегенъ изъ Маннгейма, Риттеръ изъ Карсау, Штаркъ рзъ Лотштеттена. Эти два послѣдніе были солдатами раштаттскаго гарнизона.—„Умѣренные“ сторонники Брентано, какъ юристъ-практикантъ Флоріанъ Мёрдесъ изъ Маннгейма и трактирщикъ Тиботъ изъ Эттлингена, не были выбраны.

**) Саллингеръ, тогда демократъ, впослѣдствіи національ-либералъ.

вахмистра Гейлига изъ Пфуллендорфа, реакціонные офицеры были арестованы, и національный комитетъ остался неоспоримымъ господиномъ положенія.

Военныя возстанія охватили почти всю страну. Въ Бруксалѣ войско и народъ возстали одновременно и освободили политическихъ заключенныхъ, между которыми находились Струве и Блиндъ *) Послѣдніе поспѣшно направились въ Раштаттъ.

Въ Карлсруэ, гдѣ войско съ сочувствіемъ относилось къ народу, 13 мая вступилъ отрядъ изъ Бруксала съ красными перьями на головныхъ уборахъ. Тогда поднялся гарнизонъ и въ Карлсруэ и прогналъ своихъ офицеровъ. Лишь драгуны отказались отъ участія въ возмущеніи; они напали на пѣхоту. Ротмистръ Ларошъ и три драгуна были убиты ружейнымъ залпомъ, остальные бѣжали. Затѣмъ они соединились съ повстанцами, которые напали теперь на арсеналъ. Арсеналъ защищался противъ возставшихъ солдатъ реакціоннымъ гражданскимъ ополченіемъ изъ Карлсруэ, которое впослѣдствіи превратилось въ брентановскую лейбъ-гвардію. Арсеналъ сдался лишь на слѣдующій день, утромъ. Ночное сраженіе стоило нападавшимъ нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ.

Въ то время какъ ночью ружейные залпы гремѣли на улицахъ столицы, великій герцогъ, сидя на передкѣ пушки, бѣжалъ въ Гермерсгеймъ. Его сопровождалъ военный министръ Гофманъ съ 16 пушками и отрядомъ человѣкъ въ 50. Господинъ Гофманъ, штауфенскій побѣдитель, не пожелалъ дожидаться, пока мятежники возьмутъ его въ плѣнъ, точно такъ же какъ Гервегъ въ Доссенбахѣ не хотѣлъ дожидаться того же со стороны вюртемберждевъ. Разница между ними лишь въ томъ, что Гервегъ былъ встрѣченъ насмѣшками, въ то время какъ поступокъ великаго полководца Гофмана казался всѣмъ вполнѣ понятнымъ и естественнымъ **).

Въ Леррахѣ, пріозерномъ округѣ и Фрейбургѣ тоже началось движеніе въ гарнизонахъ. „Имперскій генералъ“ Миллеръ, стоявшій съ вюртембергскими батальонами у Фрейбурга, сдѣлалъ было попытку усмирить возстаніе и грозилъ даже бомбардировать Фрейбургъ; настроеніе его батальоновъ было однако таково, что ему пришлось отступить. Въ Маннгеймѣ Флоріанъ Мёрдесъ сумѣлъ привлечь войско на сторону революціонной партіи и образовалъ комитетъ безопасности. Впрочемъ, онъ дѣйствовалъ при этомъ исключительно въ интересахъ буржуазіи Маннгейма, которая, подобно филистерамъ Карлсруэ, при первой возможности приступила къ подготовкѣ контръ-революціи.

---

*) По показаніямъ Густава Раша, заключенные освобождены были молодымъ Шлеффелемъ. Намъ не извѣстно, вѣрно это или нѣтъ. Шлеффель, бѣжавшій изъ заключенія въ Магдебургѣ, присутствовалъ въ Оффенбургѣ и принималъ участіе въ составленіи программы Гёгга.

**) Великій герцогъ покинулъ вскорѣ также Гермерсгеймъ, такъ какъ по докладу Бекка и въ этой крѣпости стали замѣчаться „угрожающія явленія“. Онъ удалился въ Эренбрейтштейнъ.

За исключеніемъ одного кавалерійскаго отряда, который однако черезъ нѣсколько дней тоже отдался въ распоряженіе новаго правительства, вся баденская армія перешла на сторону демократовъ.

Въ Карлсруэ послѣ бѣгства великаго герцога великая смута воцарилась въ административныхъ кругахъ. Муниципальный совѣтъ обратился къ министрамъ и главнымъ образомъ къ Бекку, но засталъ ихъ, какъ буквально значится въ протоколѣ, „въ состояніи полнѣйшей безпомощности". Тогда совѣтъ рѣшилъ послать депутацію въ Раштаттъ и объяснить національному комитету, что городъ Карлсруэ не будетъ противиться ему, если онъ явится въ Карлсруэ, предполагая, что комитетъ позаботится о защитѣ города.

Этотъ фактъ имѣетъ существенное значеніе. Муниципальный совѣтъ не могъ добиться помощи у безпомощнаго правительства и обратился къ національному комитету, что весьма похоже на приглашеніе послѣдняго явиться въ Карлсруэ *). Впрочемъ, національный комитетъ, независимо отъ приглашенія, все равно явился бы въ Карлсруэ, и фактъ приглашенія приводится здѣсь лишь для того, чтобы показать „преданную порядку" буржуазію и обыкновенно столь рѣшительную бюрократію во всемъ блескѣ ихъ безпомощности.

Струве, только что очутившійся на свободѣ, совершилъ тотчасъ же необдуманный шагъ, имѣвшій роковое значеніе. У Струве, обладавшаго мужествомъ, честностью, неутомимой энергіей, въ то же время совершенно отсутствовали практическая смекалка, умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами, самообладаніе. Благодаря какому-то случаю или недоразумѣнію не впущенный въ Раштаттъ, онъ тотчасъ же отправился въ Баденъ-Баденъ, гдѣ тогда находился Брентано, и уговорилъ послѣдняго стать во главѣ революціоннаго движенія. Брентано не скрывалъ своего несочувствія новому возстанію. И революціонеры, хотя считали себя обязанными выбрать его въ Оффенбургѣ въ національный комитетъ, все же надѣялись, что послѣ побѣды радикальнаго направленія онъ отстранится отъ дѣлъ и уйдетъ. И вдругъ Струве, извѣстный въ качествѣ вождя радикальнаго направленія, настойчиво упрашиваетъ его принять на себя руководительство движеніемъ. Высокомѣрный и честолюбивый адвокатъ почувствовалъ себя незамѣнимо нужнымъ и явился, чтобы взять на себя роль директора.

14 мая онъ вступилъ въ Раштаттъ и проявилъ себя вполнѣ сто-

*) Такимъ представлялось дѣло также имперскимъ комиссарамъ Раво, Целлю и Христу (См. Раво, Mitteilungen über die badische Revolution, стран. 19). Само собой разумѣется, министръ Беккъ оспариваетъ, что порученіе, переданное депутаціей, носило характеръ приглашенія. Онъ посовѣтовалъ муниципальному совѣту, какъ онъ самъ разсказываетъ, обождать немного, чтобы знать, съ какой силой явится національный комитетъ. Но самъ онъ былъ настолько хитеръ, что не остался дожидаться національнаго комитета, а предпочелъ исчезнуть вмѣстѣ съ остальными министрами. То обстоятельство что и городской голова впослѣдствіи оспаривалъ, что депутація передала въ Раштаттъ приглашеніе, соотвѣтствуетъ вполнѣ поведенію буржуазіи города Карлсруэ, которая хлопотала о томъ, чтобы обезпечить себя со всѣхъ сторонъ и стояла всегда на сторонѣ партіи успѣха.

ронникомъ партіи порядка, заявивъ, что, слѣдуя предложенію муниципальнаго совѣта въ Карлсруэ, онъ намѣренъ направиться въ столицу, чтобы здѣсь „положить конецъ анархіи“.

Солдаты съ изумленіемъ выслушали эти избитыя фразы, которыми реакціонеры обыкновенно старались оправдывать свои насилія. Тѣмъ не менѣе первымъ впечатлѣніямъ пока что не придавали значенія и бодро двинулись въ Карлсруэ.

Съ двумя батальонами пѣхоты, тремя пушками и тремя драгунскими эскадронами національный комитетъ подъ звуки торжественнаго марша направился въ Карлсруэ. Буржуа, бюрократы, гофраты и придворные поставщики—всѣ склонялись передъ новой властью и встрѣчали ее привѣтственными кликами, въ благодарность за что Брентано съ балкона городской ратуши обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой онъ подчеркивалъ, что рѣшилъ дѣйствовать только въ защиту имперской конституціи и съ цѣлью поддержать порядокъ. Брентано умалчивалъ объ оффенбургской программѣ и послѣдняя была прочитана Гофманомъ изъ Маннгейма, но, повидимому, совсѣмъ не понравилась высшимъ слоямъ населенія.

Въ Карлсруэ національный комитетъ увеличился еще на 24 члена и образовалъ исполнительную комиссію, въ которой Брентано въ качествѣ президента взялъ на себя внутреннія и внѣшнія дѣла. Управленіе финансами досталось Гёггу, юстиціей—Петеру и военными дѣлами—Эйхфельду, бывшему баденскому офицеру.

Брентано, несмотря на всѣ старанія, которыя онъ внесъ въ свою роль диктатора, не имѣлъ для этой роли никакихъ данныхъ. Энергія у него всегда являлась тамъ, гдѣ она совсѣмъ не требовалась. Лицемѣрная буржуазія и бюрократія встрѣчали въ немъ столько же снисходительности, сколько радикальные демократы и республиканцы жестокости. Съ самаго начала онъ держалъ себя такъ, какъ будто считалъ дѣло проиграннымъ, и становилось непонятнымъ, почему же въ такомъ случаѣ онъ взялъ на себя роль руководителя движенія. Несомнѣнно, что не всѣ нападки его противниковъ на него справедливы, но несомнѣнно также, что его дѣятельность не только не содѣйствовала успѣху баденскаго возстанія, но, наоборотъ, ослабила его. Не безъ нѣкотораго основанія его называли могильщикомъ баденской революціи; дѣйствительно, революціонное движеніе было обречено на гибель, когда руководительство революціей перешло къ нему и его сторонникамъ.

Остальные члены правительства—большинство изъ нихъ были очень молоды—были безсильны въ сравненіи съ нимъ, такъ какъ онъ обладалъ страшной популярностью. Многіе изъ нихъ пугались, когда онъ угрожалъ своимъ уходомъ. А съ этой угрозой онъ выступилъ очень скоро. Брентано съ самаго начала стремился облегчить положеніе бюрократовъ, которыхъ онъ въ большинствѣ случаевъ оставлялъ на ихъ мѣстахъ. Онъ требовалъ отъ нихъ не безусловнаго подчиненія новому правительству, но лишь такого, „к о т о р о е н е з а т р о г и в а л о

бы обязательствъ, принятыхъ при старомъ государственномъ строѣ страны". Грозя своимъ уходомъ, Брентано удалось вынудить у національнаго комитета согласіе на эту половинчатую мѣру. Бюрократія не преминула воспользоваться своимъ положеніемъ, и различныя административныя учрежденія, между прочими также верховная судебная палата, отказали новому правительству въ присягѣ.

Быть можетъ, Фиклеръ съ его популярностью и энергіей могъ бы съ успѣхомъ выступить противъ Брентано. Но онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ вдали отъ центра, гдѣ засѣдало правительство, а затѣмъ, будучи посланъ въ Вюртембергъ, онъ больше не возвращался оттуда.

Петеръ былъ истиннымъ демократомъ, но у него не хватало энергіи для успѣшной борьбы съ интригами буржуазіи. Личность Эйхфельда была слишкомъ ничтожна, наиболѣе важный постъ, постъ военнаго министра, былъ ему не по плечу; онъ даромъ потерялъ первое драгоцѣнное время и затѣмъ принужденъ былъ отступить. Но то, что было имъ упущено, было непоправимо.

Гёггъ, министръ финансовъ, только благодаря уговариваньямъ Струве согласился принять этотъ многотрудный постъ. Въ государственномъ казначействѣ онъ нашелъ наличными неполныхъ три милліона гульденовъ и около милліона гульденовъ въ еще невыпущенныхъ государственныхъ бумагахъ. Гёггъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ финансовъ. Управленіе его встрѣтило больше всего порицаній со стороны тѣхъ, которые несомнѣнно не въ состояніи были справиться съ задачей лучше или такъ, какъ онъ. Нападая на него, забываютъ очевидно, что приведеніе въ порядокъ финансовъ въ такое короткое время—въ половинѣ іюня Гёггъ вѣдь уже оставилъ министерство финансовъ—въ странѣ, гдѣ революція прервала нормальную жизнь, является совершенно невозможнымъ. Если иногда и ощущался недостатокъ въ средствахъ, то во всякомъ случаѣ не о безденежье разбилось баденское возстаніе. Осторожность мѣропріятій Гёгга объясняется его нежеланіемъ отпугивать мелкую буржуазію, которая принимала такое значительное участіе въ этомъ возстаніи. Принудительный заемъ, для котораго Гёггу нужно было заручиться согласіемъ учредительнаго собранія, не могъ быть послѣдовательно проведенъ вслѣдствіе военныхъ событій; ходъ событій опередилъ также выпускъ бумажныхъ денегъ. Конечно, теперь, при спокойномъ разсмотрѣніи дѣлъ, легко указать на различные промахи и упущенія, но среди кучи всякихъ дѣлъ, среди тревогъ и волненій тѣхъ дней труднѣе было найти вѣрный путь. Вообще же среди вождей этого движенія не много было людей, которые съ такимъ жаромъ, съ такимъ самозабвеніемъ, какъ Амандъ Гёггъ, ринулись въ водоворотъ революціи. Многіе изъ тѣхъ, которые упрекали его тогда въ „умѣренности", впослѣдствіи подчинились торжествующей силѣ и стали перебѣжчиками, въ то время какъ Гёггъ всю свою долгую, бо-

гатую лишеніями, но незапятнанную жизнь оставался вѣренъ своему дѣлу *).

Исполнительная комиссія обратилась къ Фридриху Геккеру съ офиціальнымъ приглашеніемъ вернуться изъ Америки. Онъ принялъ приглашеніе и явился, но когда онъ прибылъ въ Страсбургъ, все дѣло было уже проиграно, и Геккеръ съ проклятіями отправился обратно въ Америку. 17 мая заключенъ былъ съ пфальцскимъ правительствомъ договоръ, по которому Баденъ и Рейнскій Пфальцъ въ военномъ отношеніи рѣшено было признать единой страной и баденское военное министерство провозгласить общимъ для обѣихъ странъ. Уничтожена была таможенная застава, и на жителей обѣихъ странъ смотрѣли теперь какъ на подданныхъ одного и того же государства.—Редакція этого договора была весьма неудовлетворительна въ дипломатическомъ отношеніи, и въ результатѣ между революціоннымъ Баденомъ и революціоннымъ Пфальцемъ часто обнаруживался весьма комическій дуализмъ.

Между тѣмъ шли приготовленія къ выборамъ въ баденское учредительное собраніе согласно оффенбургской программѣ. 19-го мая появился манифестъ, гдѣ говорилось, что баденскій народъ взялся за оружіе противъ силъ, враждебныхъ имперской конституціи. Къ этому воззванію примкнули депутаты Трюцшлеръ, Эрбе и Раво; Раво всецѣло перешелъ на сторону революціи.

Послѣ того какъ баденская демократія завладѣла правительственной властью и гордо бросила перчатку врагамъ конституціоннаго дѣла и, по заявленію оффенбургской программы, начала борьбу „з а с в о б о д у в о о б щ е", она могла разсчитывать на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы сумѣла вынести революцію за предѣлы маленькаго Бадена и увлечь за собой широкія массы нѣмецкаго народа.

Но Брентано разрушалъ всякія начинанія въ этомъ направленіи и повидимому особенно озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы движеніе сохранило специфически баденскій характеръ. Лично онъ ничего не предпринималъ и ничего не дозволялъ дѣлать другимъ; единственное, что было имъ сдѣлано, это отправка Блинда и Шюца въ Парижъ за оружіемъ и офицерами. Радикальные демократы хотѣли поправить дѣло тѣмъ, что разсылали по всей странѣ ораторовъ. Но ясно, что при такихъ обстоятельствахъ успѣхъ не могъ быть значительнымъ. Въ Нюрнбергѣ имѣло мѣсто большое народное собраніе, которое однако по выслушаніи длинной, мѣстами остроумной болтовни господина Карла Фогта разошлось безъ дальнѣйшихъ результатовъ. Франконскій центральный комитетъ въ Вюрцбургѣ готовъ былъ присоединиться къ баденскому движенію, но предложенія его встрѣтили отказъ въ Карлсруэ. Въ

*) Про Гёгга говорили, что во время его управленія финансами бѣжавшему великому герцогу было послано 50.000 гульденовъ; объ этомъ разсказываетъ и Раво въ своемъ уже упомянутомъ сочиненіи. Гёггъ называетъ это утвержденіе „абсурдомъ" и объясняетъ, что это могли быть только деньги, припрятанныя д о вступленія его на постъ министра.

Гессенѣ, на баденской границѣ, народныя собранія подверглись нападенію войска и были разсѣяны. Въ Рейнскомъ Гессенѣ, гдѣ Цицъ и Бамбергеръ изъ Майнца призывали къ возстанію, народъ обнаружилъ большую готовность, но вожди оказались неспособными собрать силы и объединить ихъ. Послѣ собранія въ Верргатадтѣ, ознаменовавшагося многими странными и дѣлающими мало чести вождямъ происшествіями, они съ толпой изъ 1.500 человѣкъ направились въ Пфальцъ и, слѣдовательно, оставили Рейнскій Гессенъ. Правда, впослѣдствіи предводителю группы инсургентовъ Бленкеру удалось было занять Вормсъ, но черезъ нѣкоторое время Вормсъ пришлось вновь очистить.

Баденское движеніе не могло не коснуться сосѣдняго Вюртемберга. Вюртембергское правительство при помощи военныхъ силъ усиленно охраняло границы; особенно много войска стянуто было въ Гейльбронъ. Часть гейльбронскихъ гимнастовъ примкнула къ баденскому возстанію. Но настроеніе швабовъ было иное, чѣмъ представляли его себѣ въ Баденѣ. Собственно говоря, не могло быть и рѣчи о возмущеніи швабовъ. Въ Рейтлингенѣ на Троицу состоялось большое народное собраніе, на которомъ предсѣдательствовалъ Бехеръ и въ качествѣ ораторовъ выступили Гоффъ и Фиклеръ. Бехеръ еще во время оффенбургскаго собранія старался дѣйствовать противъ радикальныхъ демократовъ; теперь въ Рейтлингенѣ онъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы принятыя собраніемъ резолюціи состояли лишь изъ требованій, обращенныхъ къ франкфуртскому парламенту и вюртембергской палатѣ. Была послана въ Штутгартъ депутація изъ 64 довѣренныхъ лицъ, занимавшихъ высшія должности. Но депутація эта была отвергнута и палатою, и министромъ Ремеромъ, послѣднимъ даже очень грубо. Этимъ закончилось демократическое движеніе въ Швабіи и демократическому національному комитету не удалось впослѣдствіи ни вновь сорганизоваться, ни вообще сдѣлать что-либо мало-мальски значительное. Фиклеръ былъ въ Штутгартѣ арестованъ, посаженъ въ Гогенасспергѣ, и такимъ образомъ у баденскаго правительства былъ отнятъ этотъ важный членъ *).

Арестъ Фиклера,—который, какъ надѣялся сангвиническій Струве, подыметъ весь Вюртембергъ,—вызвалъ со стороны баденскаго правительства объявленіе войны Вюртембергу; вызовъ этотъ былъ совершенно безполезенъ, и Ремеръ назвалъ его въ вюртембергской палатѣ „безуміемъ". Такимъ образомъ движеніе попрежнему сосредоточивалось лишь въ предѣлахъ Бадена и Пфальца.

*) Когда Фиклера арестовали въ Штутгартѣ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ народу: „Граждане, передайте Зегеру и Бехеру, что Фиклеръ арестованъ!" Тогда комиссаръ полиціи замѣтилъ ему, что Зегеръ и есть начальникъ города, по распоряженію котораго производится арестъ. „Прекрасно,—отвѣтилъ на это Фиклеръ.—Въ такомъ случаѣ сообщите объ этомъ д е п у т а т у Зегеру". Фиклеръ сильно идеализировалъ „демократа" Зегера.—Молодой Шлеффель, который 16 іюня тоже находился въ Штутгартѣ, обратился къ Раво съ письмомъ, въ которомъ онъ высказываетъ, что горько разочаровался вообще въ вюртемберждахъ. Меглингъ всегда утверждалъ, что большинство вюртемберждевъ мало воспріимчивы къ демократическимъ стремленіямъ.

Массы бѣглецовъ демократовъ появились въ Баденѣ, и изъ Германіи тоже цѣлый рядъ энергичныхъ личностей, вполнѣ сочувствовавшихъ движенію, стекался въ Баденъ. Брентано, собиравшійся бороться за единство нѣмецкаго народа, терпѣть не могъ „иностранцевъ", т.-е. не-баденцевъ. Много талантливыхъ людей оставалось безъ дѣла потому только, что родились они за предѣлами баденской границы, и въ то же время много важныхъ должностей занято было лицами, которыя только что служили министерству Бекка; реакціонность образа мыслей послѣднихъ была внѣ всякихъ сомнѣній, несмотря на то, что внѣшность ихъ варьировала сообразно настроенію дня.

Національный комитетъ чувствовалъ, что благодаря главнымъ образомъ произволу Брентано положеніе становится все болѣе и болѣе критическимъ. Не рѣшаясь стать прямо въ оппозицію къ Брентано, онъ объявилъ себя распущеннымъ и избралъ временное правительство, куда вошли Брентано, Гёггъ, Фиклеръ, Петеръ и Зигель.

Въ это время Брентано готовъ былъ, повидимому, проявить нѣсколько болѣе энергичную дѣятельность: очевидно, онъ разсчитывалъ на переворотъ во Франціи. Явился Струве съ требованіемъ, чтобы его сдѣлали министромъ иностранныхъ дѣлъ и дали бы въ его распоряженіе фондъ въ 60.000 гульденовъ. Гёггъ высказался въ его пользу, Брентано былъ противъ. Струве, желавшій влить новую жизнь въ движеніе, обратился теперь къ клубу радикальнаго прогресса, гдѣ сосредоточивалась радикальная демократія. Здѣсь были Чирнеръ изъ Дрездена, Максъ Дорту изъ Потсдама, Шраммъ, Вильгельмъ Либкнехтъ, Мартини изъ Фридланда, Оппенгеймъ *) и другіе. Въ присутствіи Гёгга клубомъ былъ составленъ адресъ къ правительству, требующій отъ него энергичныхъ мѣръ. Правительство въ общемъ согласилось на такія мѣры, но въ это время произошелъ конфликтъ, который чуть было не кончился кровавой катастрофой. Со стороны буржуазіи стали исходить разные смутные и зловѣщіе слухи о группахъ волонтеровъ, находившихся въ Карлсруэ; говорилось, будто они хотѣли бы свергнуть правительство и провозгласить „красную республику". Брентано, который былъ довольно труслнвъ и подобно Бассерману обладалъ способностью видѣть „фигуры", пришелъ въ большое возбужденіе и, опираясь на реакціонное гражданское ополченіе, издалъ распоряженіе объ арестѣ Струве, Іоганна-Филиппа Беккера, предводителя народныхъ отрядовъ, Бенинга, предводителя эмигрантскаго легіона, Вильгельма Либкнехта **) и зятя Струве.

Это вызвало страшное волненіе; группы волонтеровъ и народное

*) Оппенгеймъ, основатель республиканскаго клуба въ Берлинѣ, сдѣлался редакторомъ „Газеты Карлсруэ", оффиціальнаго органа временнаго правительства. Послѣ событій 6 іюня онъ оставилъ этотъ постъ.

**) Въ сентябрѣ 1848 года Либкнехтъ былъ арестованъ за участіе въ заговорѣ Струве и заключенъ въ фрейбургскую тюрьму. Вслѣдствіе майскаго возстанія прокуроръ отказался отъ обвиненія. Брентано велѣлъ перевести Либкнехта въ Раштаттъ, гдѣ судебный слѣдователь все-таки не могъ открыть его вины и отпустилъ его на свободу.

ополченіе выстроились для сраженія; правительственные полки и гражданское ополченіе города Карлсруэ выстроились противъ нихъ въ боевомъ порядкѣ. Брентано велѣлъ направить пушки противъ отрядовъ волонтеровъ. Кровавая борьба казалась неизбѣжной. Однако ни волонтеровъ, ни народное ополченіе нельзя было запугать, а Брентано побоялся доводить дѣло до крайняго исхода. Приступили къ переговорамъ, и въ концѣ-концовъ дѣло было улажено благодаря посредничеству Гёгга, который съ большимъ мужествомъ вмѣшался въ партійную распрю. Арестованные были освобождены, народные борцы и волонтеры вновь отступили къ театру войны, и спокойствіе было водворено. Конечно, весь этотъ эпизодъ еще болѣе увеличилъ пропасть между Брентано и радикальными демократами, но пока что грохотъ оружія заглушилъ на короткое время этотъ конфликтъ, въ которомъ на долю Брентано досталась такая жалкая роль.

Произошло это 6 іюня, а 10 іюня открыто было учредительное собраніе. Въ домъ сословій въ Карлсруэ явилось 63 депутата. Предсѣдателемъ, въ качествѣ старѣйшаго, избранъ былъ пасторъ Шлаттеръ; президентомъ назначенъ былъ директоръ гимназіи Даммъ изъ Тауберbишофсгейма. Вопреки предложенію Юнганса, желавшаго провозглашенія Брентано „регентомъ" Бадена, собраніе рѣшило образовать временное правительство, предоставивъ ему диктаторскія полномочія. Избранными оказались Брентано, Гёггъ и Вернеръ. Благодаря принятому заранѣе нелѣпому рѣшенію о томъ, что тотъ изъ диктаторовъ, который получитъ наибольшее количество голосовъ, назначитъ министровъ, наибольшее вліяніе опять оказалось у Брентано, который имѣлъ большинство на своей сторонѣ. Разумѣется, въ распредѣленіи должностей онъ руководствовался лишь своимъ вкусомъ. Саксъ получилъ министерство иностранныхъ, а Мёрдесъ—министерство внутреннихъ дѣлъ. Назначеніемъ Мёрдеса недовольна была демократія, такъ какъ извѣстны были его связи съ маннгеймской буржуазіей, а противъ предоставленія Гейнишу вмѣсто Гёгга управленія финансами роптала вся страна. Гейнишу не довѣряли за какой-то проступокъ, совершонный имъ въ юности. Военнымъ министромъ сдѣланъ былъ оффенбургскій адвокатъ Вернеръ—какъ будто у Брентано въ распоряженіи не было офицеровъ; Вернеръ, кромѣ того, одновременно былъ и диктаторомъ. Такимъ образомъ учрежденіемъ диктатуры собственно ничего не было выиграно; Брентано продолжалъ свою политику и тормозилъ движеніе. Гоффъ изъ Маннгейма внесъ въ собраніе предложеніе провозгласить Баденъ республикой, что и было принято *). Собраніе объявило себя постояннымъ.

*) Депутатъ Стэй заявилъ впослѣдствіи въ собраніи, что его цѣлью могла бы быть только соціалъ-демократическая республика. Это интересно отмѣтить, потому что позже тотъ же Стэй, въ качествѣ редактора націоналъ-либеральной „Магдебургской Газеты", въ теченіе многихъ лѣтъ пытался доказать, что стремленія 1848 и 1849 гг. „великолѣпно осуществлены" были въ эпоху бисмарковскаго режима.

Гёггъ и Вернеръ отправились въ армію, Брентано остался въ Карлсруэ.

Несмотря на слабость и безпорядокъ среди правительства и администраціи, баденская демократія могла бы еще надѣяться на успѣхъ, если бы арміей предпринятъ былъ какой-нибудь быстрый и рѣшительный шагъ.

Правда, недостатокъ энергіи у правительства долженъ былъ ослабляюще дѣйствовать и на армію, но все же военныя силы были довольно значительны и онѣ дѣйствовали плодотворнѣе, чѣмъ трусливые политики въ Карлсруэ, ожидавшіе всего отъ Брентано и компаніи.

Баденская армія къ началу революціи насчитывала 15.000 человѣкъ; извѣстная резолюція франкфуртскаго парламента опредѣляла численность ея въ 28.000 человѣкъ, но эта цифра ни разу не была достигнута. Наибольшую преданность революціи выказала артиллерія; драгуны и жандармы оказались мало надежными. Полки гражданскаго ополченія составляли тысячъ 14—15, но они мало приспособлены были къ военнымъ дѣйствіямъ; часто они являлись реакціонной силой, и во всякомъ случаѣ реакціонные элементы играли въ нихъ преобладающую роль; особенно замѣтно это было въ Маннгеймѣ, Карлсруэ, Гейдельбергѣ и Фрейбургѣ. У народа не было оружія. Національнымъ комитетомъ учрежденъ былъ военный сенатъ, въ которомъ опять засѣдалъ совершенно незнакомый съ военнымъ дѣломъ Струве *); впрочемъ, сюда вошли также одинъ офицеръ и одинъ унтеръ-офицеръ. Военный сенатъ опубликовалъ резолюцію объ учрежденіи народнаго ополченія „Верхне-рейнскаго военнаго союза", въ которомъ должно было принять участіе все способное носить оружіе населеніе Бадена и Пфальца. Пфальцъ долженъ былъ поставить 25.000 человѣкъ. Резолюція эта осталась только на бумагѣ.

Брентано сохранилъ въ войсковой администраціи группу реакціонныхъ офицеровъ, между ними нѣкоего Майергофера, обнаружившаго великую виртуозность въ устройствѣ смутъ **). Дѣльные офицеры съ демократическими убѣжденіями тщетно добивались какихъ-либо должностей; на арену выступили интриганы и крикуны. Появилась вообще масса разнообразныхъ личностей весьма претенціознаго вида, которыя наполняли воздухъ шумомъ и трескотней, но неспособны были къ полезной работѣ и часто предпочитали находиться на почтительномъ разстояніи отъ выстрѣловъ и боевыхъ стычекъ. Онѣ могли бы приго-

*) Въ своей всемірной исторіи Струве, говоря о знаменитомъ Карно, „организаторѣ побѣды", весьма высокомѣрно замѣчаетъ: „Карно принадлежалъ къ той категоріи людей, которые могутъ успѣшно подвигаться лишь въ рамкахъ какой-нибудь опредѣленной спеціальности; внѣ этихъ рамокъ они являются только нулями. Его спеціальностью была война".—Изъ вышеприведеннаго позволительно было бы сдѣлать заключеніе, что и Струве лучше бы сдѣлалъ, если бы не выходилъ изъ своей „спеціальности"—журналистики.

**) Дѣятельность его увѣковѣчена въ книгѣ Корвина: „Aus dem Leben eines Volkskämpfers".

диться въ качествѣ простыхъ солдатъ, но эта роль приходилась имъ не по вкусу.

Армія, какъ говоритъ Беккеръ въ своей уже упомянутой книгѣ, „находилась въ упадкѣ не только внѣшнимъ образомъ,—она насквозь проникнута была также внутренней деморализаціей". Для того чтобы хоть нѣсколько водворить порядокъ внутри ея, требовалась масса усилій *). Лишь на полѣ битвы усиливалась дисциплина; даже врагами было признано, что баденское войско и народные борцы превосходно держали себя.

Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, военныя способности котораго пользовались всеобщимъ признаніемъ, предложилъ свои услуги правительству. Основнымъ принципомъ въ военныхъ дѣлахъ онъ провозгласилъ величайшую строгость и въ своей упомянутой книгѣ говоритъ, что „право солдатъ на избраніе своихъ вождей вплоть до штабъ-офицера исключаетъ возможность имѣть правильное и дисциплинированное войско" **). Дѣло въ томъ, что демократія пользовалась этимъ правомъ выбора начальника какъ агитаціоннымъ средствомъ среди солдатъ и собственно для этого и ввела такой порядокъ.

Лишь благодаря посредничеству Струве Беккеръ получилъ назначеніе въ главнокомандующіе народнаго ополченія, организаціей котораго онъ занялся съ большимъ рвеніемъ. Работа его была не изъ легкихъ; особенно затрудняли его дѣятельность гражданскіе комиссары Брентано. Въ бюро Беккера работали Тидеманъ изъ Гейдельберга, находившійся прежде на греческой службѣ, Михель изъ Бамберга и Максъ Дорту. Несомнѣнно, что если бы Беккеру не ставили такихъ препятствій и трудностей въ дѣлѣ вооруженія и обмундировки войскъ, то ему удалось бы сорганизовать значительныя силы. И все же онъ сумѣлъ сдѣлать очень многое, гораздо больше, чѣмъ этого можно было ожидать при тѣхъ обстоятельствахъ.

Образовался цѣлый рядъ корпусовъ волонтеровъ; главными изъ нихъ были: легіонъ эмигрантовъ подъ предводительствомъ Бенинга, который раньше служилъ въ Греціи, нѣмецко-польскій легіонъ съ Фрейндомъ во главѣ, нѣмецко-венгерскій съ Тюрромъ, стрѣлки съ Гейбергеромъ — очень храбрый отрядъ, — волонтеры города Карлсруэ съ Дрегеромъ, рабочій батальонъ изъ Маннгейма, начальникомъ котораго былъ столяръ Якоби, гимнасты изъ Ганау и стрѣлки изъ Пфорцгейма съ Шертнеромъ, швабскій легіонъ, волонтеры Виллиха и батарея блузниковъ съ Боркгеймомъ.

*) Вотъ что сообщается въ интересной брошюркѣ „Жизнеописаніе одного баденскаго солдата въ эпоху возстанія 1849 г.". „Новоиспеченные офицеры и унтеръ-офицеры были прекраснѣйшими людьми въ мірѣ; они были лучше даже, чѣмъ намъ хотѣлось. Передъ экзерцированіемъ они всегда освѣдомлялись предварительно у насъ, желаемъ ли мы или нѣтъ. Но мы всегда желали, потому что мы дѣлали это изъ развлеченія и ради 2-хъ крейцеровъ прибавки, которые намъ давало временное правительство". — Эта автобіографія солдата выпущена Хр. Рёдеромъ, извѣстнымъ гейдельбергскимъ юристомъ.

**) „Исторія южно-германской майской революціи", стран. 149.

Сильнѣе всего и лучше всего вооружены были гимнасты изъ Ганау; когда вспыхнула революція, они ушли изъ Ганау и направились въ Баденъ. Уходу ихъ изъ Ганау содѣйствовали мѣстные трусливые демократы; они надѣялись, что, отославъ изъ города наиболѣе радикальные элементы, они обезопасятъ свою родину отъ вторженія революціонныхъ бурь.

Когда начался походъ, боевыя силы Бадена состояли изъ арміи въ 30.000 человѣкъ или даже нѣсколько болѣе и 70 или 80 полевыхъ орудій.

Въ Пфальцѣ Бленкеръ изъ Вормса *), бывшій прежде на греческой службѣ, еще до образованія временнаго правительства взялся за организацію народнаго ополченія. Съ однимъ отрядомъ ополченія онъ подошелъ къ Людвигсгафену, расположенному противъ Маннгейма. Ему удалось добиться того, что расположенное здѣсь у моста баварское войско перешло къ нему; затѣмъ онъ приступилъ къ осадѣ. Благодаря присоединенію баварскихъ солдатъ войско его быстро усиливалось. Но предпринятое имъ нападеніе на Ландау было неискусно выполнено и окончилось неудачей.

Дѣло организаціи пфальцскихъ военныхъ силъ было отнято у неспособнаго Феннера фонъ-Феннеберга и передано комиссіи, въ которой находились Теховъ, ставшій извѣстнымъ со времени разгрома берлинскаго арсенала, Аннекке, Бейстъ и др. Комиссія усердно работала, но успѣхъ ея не могъ быть значительнымъ, такъ какъ въ странѣ „крикуновъ" всѣ хотѣли повелѣвать, никто не желалъ слушаться, денегъ не было и населеніе воодушевлялось преимущественно во время выпивки. Вино сыграло въ пфальцской революціи вообще большую роль, чѣмъ порохъ. Наконецъ явился и новый главнокомандующій, полякъ, по имени Шнайда (очевидно, Шнейдеръ); по словамъ очевидцевъ, онъ представлялъ изъ себя весьма комичную фигуру. Въ 1831 году онъ въ качествѣ кавалерійскаго офицера отличился въ польской революціонной борьбѣ. Шнайдѣ хотѣлось образовать три укрѣпленныхъ лагеря и въ нихъ сосредоточить защиту Пфальца. Командованіе рейнско-гессенскимъ корпусомъ волонтеровъ Шнайда поручилъ поляку Рупперту, или Раупepту, вся военная мудрость котораго, повидимому, исчерпывалась фразой: „former des pelotons" („стройся повзводно"). Шнайда проявилъ было нѣкоторую энергію, но Пфальцъ трудно было подвинуть къ народной оборонѣ; пфальцскіе граждане предпочитали подвизаться на революціонномъ поприщѣ въ кабакахъ и трактирахъ. На помощь Бадена была плохая надежда, такъ какъ здѣсь господствовала политика Брентано, парализующая движеніе. Лишь позже баденское правительство уступило пфальцскому нѣсколько орудій и послало ему подкрѣпленіе: корпусъ волонтеровъ города Карлсруэ подъ предводительствомъ Дрегера.

*) Тотъ самый, который сдѣлался извѣстнымъ послѣ битвы при Буль-Ренѣ во время сѣверо-американской гражданской войны.

Такимъ образомъ пруссаки, вступившіе съ значительными военными силами въ Пфальцъ, встрѣтили здѣсь лишь нѣсколько тысячъ человѣкъ, но большею частью плохо вооруженныхъ и плохо обученныхъ военному исскуству. Въ сущности пруссакамъ оставалось лишь сдѣлать „военную прогулку“ черезъ весь Пфальцъ.

Таковы были средства защиты возстанія, противъ котораго изгнанный великій герцогъ призывалъ помощь нѣмецкаго центральнаго и прусскаго правительствъ. И центральное правительство и Пруссія обнаружили одинаковую готовность. Правитель имперіи въ воззваніи къ нѣмецкимъ солдатамъ увѣщавалъ ихъ храбро бороться съ „мятежниками“, желающими защищать имперскую конституцію. Составлена была имперская армія изъ полковъ тѣхъ государствъ, которыя признали имперскую конституцію, какъ, напр., Гессенъ, Нассау, Мекленбургъ и т. д., и эта армія должна была сражаться противъ баденскихъ отрядовъ, возставшихъ въ защиту имперской конституціи. Противъ Пфальца, возстаніе котораго носило уже нѣсколько черезчуръ „конституціонный“ характеръ, употреблены были только прусскія войска; противъ „республики“ Бадена двинуто было также имперское войско.

Для побѣды надъ возстаніемъ, кромѣ имперской арміи, призваны были также два прусскихъ корпуса подъ верховнымъ предводительствомъ принца прусскаго; командовали ими генералы фонъ-Гиршфельдтъ и фонъ-деръ-Гребенъ.

Однако войска эти нельзя было быстро мобилизовать, хотя бы вслѣдствіе того только, что безпорядки вспыхивали одновременно въ разныхъ мѣстахъ. У Бадена было достаточно времени чтобы подготовиться къ оборонительному положенію. Но военный министръ Эйхфельдъ, человѣкъ безъ энергіи и самостоятельности, даромъ упустилъ это время.

Въ двухъ направленіяхъ движеніе съ успѣхомъ могло бы перейти баденскія границы. Баденская армія должна была бы или проникнуть въ Вюртембергъ и попытаться вовлечь эту страну въ движеніе, или же слѣдовало организовать походъ къ Франкфурту на Майнѣ.

Положеніе дѣлъ въ вюртембергѣ намъ уже извѣстно. Раво, съ началомъ борьбы всецѣло перешедшій на сторону революціи и назначенный гражданскимъ комиссаромъ въ Нижне-рейнскомъ округѣ и комендантомъ города въ Маннгеймѣ, отправился въ Штутгартъ, чтобы спросить у министра Ремера, какую позицію намѣренъ занять Вюртембергъ. Ремеръ, слывшій тайнымъ республиканцемъ и продѣлывавшій соотвѣтствующіе аллюры, обѣщалъ строгій нейтралитетъ въ томъ случаѣ, если со стороны Бадена не произойдетъ никакихъ вторженій въ область Вюртемберга; по его словамъ, уже отданъ былъ приказъ объ отступленіи вюртембергскихъ войскъ изъ Шварцвальда. Раво разсказываетъ, что на его вопросъ, не думаетъ ли вюртембергское правительство отозвать свои отряды, стоящіе вмѣстѣ съ рейнской арміей, Ремеръ утверждалъ, что онъ намѣренъ сдѣлать это; онъ поручилъ даже Раво обратиться въ вюртембергской палатѣ съ со-

отвѣтствующимъ запросомъ; тогда правительствомъ офиціально будетъ заявлено объ отзывѣ вюртембергскаго войска изъ имперской арміи.

Лицемѣрныя увѣренія господина Ремера произвели на баденскую и вюртембергскую демократію расслабляющее дѣйствіе. Среди вюртембергскихъ демократовъ было вообще не мало трусливыхъ элементовъ, съ ужасомъ думавшихъ о томъ, что революція, о которой они такъ хвастливо толковали за бутылкой пива, въ одинъ прекрасный день перешагнетъ границы и вторгнется въ ихъ возлюбленную Швабію. Когда франкфуртское собраніе рѣшило перебраться въ Штутгартъ, они жадно ухватились за этотъ предлогъ, чтобы объявить о томъ, что они всего ждутъ отъ этого собранія. Арестъ Фиклера очень быстро раскрылъ демократіи глаза относительно лойяльности убѣжденій господина Ремера.

Теперь оставался только походъ къ Франкфурту, за что стояли всѣ энергичные элементы. Національному собранію много разъ предлагали въ виду возможности насильственнаго акта вызвать для своей защиты во Франкфуртъ баденско-пфальцскія войска. Но собраніе не сдѣлало этого; не внесено было также соотвѣтствующаго запроса, хотя Раво приглашалъ къ этому лѣвую. Группа болѣе рѣшительныхъ настойчиво требовала отправки баденской арміи во Франкфуртъ, не дожидаясь приглашенія со стороны парламента *).

Дѣйствительно, занятіе Франкфурта могло бы обезпечить баденскому движенію крупный успѣхъ: вмѣстѣ съ этимъ городомъ выиграны были бы прекрасное центральное положеніе и громадныя силы. Къ движенію присоединенъ былъ бы Кургессенъ и подобная же судьба была бы неизбѣжной для Вюртемберга. Баденскія войска превратились бы въ парламентскую армію и конституціонное дѣло приняло бы совершенно новый оборотъ. Если бы движеніе и не завершилось полной побѣдой, то все же во Франкфуртѣ силы настолько возросли бы, что ему не могло быть нанесено такое позорное пораженіе, какое являлось неминуемымъ, когда движеніе, граничивалось рамками баденскихъ и пфальцскихъ границъ.

Подъ вліяніемъ реакціонныхъ офицеровъ Эйхфельдъ продолжалъ стоять въ бездѣйствіи у Неккара. Гессенское правительство воспользовалось этимъ временемъ, чтобы усилить военныя силы, стянутыя имъ на гессенско-баденской границѣ у Геппенгейма немедленно послѣ того, какъ вспыхнула баденская революція.

25 мая главнокомандующимъ баденской арміей назначенъ былъ Францъ Зигель, извѣстный по возстанію Геккера. Онъ тотчасъ же взялся за планъ наступленія, не выполненный Эйхфельдомъ. Планъ этотъ принадлежалъ Раво **). При энергичномъ выполненіи онъ дол-

*) Марксъ и Энгельсъ въ Маннгеймѣ тоже энергично высказались за этотъ шагъ. Фридрихъ Энгельсъ участвовалъ въ баденскомъ походѣ въ качествѣ адъютанта Виллиха въ его корпусѣ волонтеровъ.

**) Раво служилъ въ Испаніи въ время карлистской войны и дослужился до чина полковника

женъ былъ увѣнчаться успѣхомъ. Бленкеръ долженъ былъ отправиться въ Вормсъ, туда же надлежало явиться и Цицу изъ Кирхгеймболандена съ рейнско-гессенскимъ корпусомъ волонтеровъ. Оба вмѣстѣ они должны были переправиться черезъ Рейнъ и дѣйствовать въ тылу гессенской арміи. Предполагалось, что они образуютъ подвижные отряды для переправы черезъ Оденвальдъ въ Ашаффенбургъ и Ганау. Разсчитывали на то, что Гессенъ возстанетъ и примкнетъ къ этимъ отрядамъ, которые должны были встрѣтиться во Франкфуртѣ. Тѣмъ временемъ баденская армія съ фронта атаковала бы гессенцевъ, которые такимъ образомъ очутились бы между двухъ огней. Пораженіе гессенцевъ или переходъ ихъ въ ряды революціонной арміи казался несомнѣннымъ.

Зигель немедленно принялся за осуществленіе этого плана. 25-лѣтній полководецъ обладалъ мужествомъ, энергіей, сообразительностью и преданностью дѣлу; онъ былъ также твердымъ республиканцемъ. Реакціонные офицеры старались по возможности затруднить ему его задачу; многіе выступали со вздорной претензіей, что они не могутъ подчиняться такому юному главнокомандующему *). Но съ этими трудностями Зигелю удалось справиться. Симпатіи солдатъ были на его сторонѣ, когда онъ повелъ ихъ противъ врага.

Мнимымъ сраженіемъ у Геппенгейма онъ хотѣлъ занять гессенцевъ. Тѣмъ временемъ главныя силы баденской арміи должны были переправиться черезъ Фюртъ въ Оденвальдъ и такимъ образомъ обойти позицію гессенцевъ. Одновременно съ этимъ, какъ и раньше предполагалось, должны были двинуться Бленкеръ въ Вормсъ, Цицъ въ Оппенгеймъ, Меттернихъ изъ Эбербаха въ Берфельденъ. Всѣ эти дѣйствія совершались по предварительному маннгеймскому уговору со Шнайдой, Теховымъ и другими начальниками корпусовъ.

30 мая какъ разъ въ то время, когда парламентъ по предложенію господина Фогта рѣшилъ перенести свою резиденцію въ Штутгартъ—Зигель съ музыкой и развѣвающимися знаменами перешелъ гессенскую границу **).

Первое столкновеніе произошло съ гессенской кавалеріей, которая залпомъ баденской пѣхоты обращена была въ бѣгство. Зигель, адъютантомъ котораго былъ только что вернувшійся изъ изгнанія Мёглингъ, замѣтилъ двѣ гессенскія пушки, которыя подъ прикрытіемъ отдѣленія пѣхоты снимались съ передковъ. Главнокомандующій думалъ дать арміи примѣръ мужества отнятіемъ этихъ орудій и выиграть моральную побѣду. Съ эскадрономъ драгунъ онъ бросился къ пушкамъ. На разстояніи 20 шаговъ они встрѣчены были картечью и ружейнымъ огнемъ прикрытія. Одинъ драгунъ былъ раненъ, одна лошадь убита. Несмотря на это, драгуны легко могли бы взять орудія, но, какъ это бываетъ

*) Каково пришлось бы французамъ въ 1793 году, если бы они стали роптать на юность такихъ полководцевъ, какъ Гошъ и Марсо!

**) Корвинъ несправедливъ по отношенію къ Зигелю, утверждая, что тотъ выступалъ „какъ во снѣ".

почти всегда при первыхъ столкновеніяхъ въ началѣ войны, паническій страхъ овладѣлъ ими, они повернули и бросились бѣжать *). Зигель и Меглингъ должны были вернуться, а драгуны въ дикомъ бѣгствѣ помчались обратно по дорогѣ въ Вейнгеймъ.

Бѣгство драгунъ вызвало смятеніе; ядро баденской арміи двинулось теперь къ Геппенгейму вмѣсто того, чтобы пойти къ Фюрту, гдѣ Зигель съ изумленіемъ увидѣлъ приближеніе какъ разъ тѣхъ полковъ, которые съ фланга должны были подойти къ непріятелю. Сначала удалось было принудить гессенцевъ къ отступленію, но затѣмъ къ нимъ присоединились гессенскія войска изъ Эрбаха, откуда Эйхфельдъ, взявъ этотъ пунктъ, преждевременно удалился со своимъ корпусомъ, давъ такимъ образомъ непріятелю взможность вновь собраться съ силами. Зигель, которому пуля пробила шлемъ, опять повелъ въ битву свое войско, и гессенцы снова возвратились на свои прежнія позиціи.

Хотя Зигелю и не удалась его конная атака, все же нельзя не признать, что только онъ и исполнилъ свою обязанность. Ни Руппертъ, командовавшій главнымъ корпусомъ и перешедшій впослѣдствіи къ Пруссіи, ни Эйхфельдъ не выполнили отданныхъ имъ приказаній, и если бы это было не такъ, то, несмотря на неудачную атаку, все же удалось бы обойти гессенцевъ. Остальные военачальники тоже не сдѣлали того, что было на нихъ возложено: Меттернихъ не двигался съ мѣста, Бленкеръ еще днемъ раньше отступилъ изъ Вормса, не явился также и Цицъ, которому пфальцское правительство дало контръ-приказаніе не двигаться съ мѣста.

Баденская армія отступила за Неккаръ. Реакціонные офицеры, которыхъ слѣдовало бы судить военнымъ судомъ, всю вину взваливали на Зигеля; послѣдній и былъ отставленъ Брентано, явившимся въ лагерь съ неограниченными полномочіями. На мѣсто Зигеля Брентано назначилъ главнокомандующимъ капитана фонъ-Бекка, реакціоннаго и неспособнаго офицера. Но Зигель такъ неопровержимо оправдалъ себя передъ національнымъ комитетомъ въ Карлсруэ, что не только принятъ былъ въ національный комитетъ, но даже получилъ постъ военнаго министра во временномъ правительствѣ. Капитанъ фонъ-Беккъ, не ознаменовавшій себя ничѣмъ, кромѣ того, что 5 іюня въ Вейнгеймѣ имъ было допущено нападеніе численно превосходнаго гессенскаго войска на авангардъ баденской арміи — на оффенбургское народное ополченіе,—лишенъ былъ начальствованія надъ арміей.

Въ теченіе этихъ дней гессенцы получили сильныя подкрѣпленія. Мекленбуржцы, кургессенцы, баварцы и другія „имперскія войска“ примкнули къ нимъ. Тѣмъ не менѣе Зигель не отказался отъ плана пройти къ Майну. Ему удалось водворить порядокъ въ арміи, такъ какъ теперь реакціонные офицеры уже не рѣшались предпринимать

*) Меглингъ нѣсколько иначе разсказываетъ это происшествіе: по его словамъ, Зигель неожиданно наткнулся на батарею, имѣвшую очень сильное прикрытіе: остальныя же изложенія совпадаютъ. Гессенскіе офицеры въ своихъ разсказахъ допускаютъ существованіе сильнаго прикрытія.

что-либо против него. По его распоряженію дивизія подъ предводительствомъ Іоганна-Филиппа Беккера заняла оборонительную позицію въ Оденвальдѣ и на Неккарѣ и самъ Зигель уже готовъ былъ къ выступленію, когда вдругъ явился новый главнокомандующій, призванный временнымъ правительствомъ: генералъ Людвигъ Мѣрославскій. Мѣрославскій только что оправился отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи при Катаніи въ Сициліи. Это былъ безъ сомнѣнія очень способный и мужественный полководецъ, но его преслѣдовали несчастья, да и самому ему иногда случалось дѣлать непростительныя ошибки. Часто казалось, что на полѣ сраженія онъ производитъ какіе-то военно-научные эксперименты *). Не мало вреда принесло его незнаніе нѣмецкаго языка, а также предпочтеніе, оказываемое имъ полякамъ. Все же въ общемъ онъ проявилъ много энергіи и ловкости и ему удалось добиться довѣрія арміи.

Между тѣмъ громадныя войска окружили со всѣхъ сторонъ Баденъ. На Неккарѣ численность имперской арміи, боровшейся отъ имени франкфуртскаго центральнаго правительства противъ защитниковъ имперской конституціи, достигла 20.000; командовалъ ею бывшій имперскій министръ генералъ фонъ-Пейкеръ, который обнаружилъ въ этомъ походѣ мало стратегическихъ талантовъ; въ Пфальцъ явился Гиршфельдъ съ 20-тысячнымъ корпусомъ, а Гребенъ повелъ 20-тысячное войско къ Неккару. Главнокомандующій всей арміей, принцъ Вильгельмъ прусскій, находился при гиршфельдовскомъ корпусѣ. Когда онъ изъ Майнца въ каретѣ направлялся въ Крейцнахъ, у Нижне-Ингельгейма изъ виноградниковъ направленъ былъ въ него выстрѣлъ, ранившій почтальона. Суду присяжныхъ въ Маннгеймѣ былъ преданъ нѣкій Шнейдеръ, обвиняемый въ томъ, что выстрѣлъ произведенъ имъ, но онъ былъ оправданъ **).

Сильный баварскій корпусъ составлялъ резервъ пруссаковъ. Вюртембержцы въ количествѣ 8.000 человѣкъ мало-по-малу перешли изъ Гейльброннской области въ Шварцвальдъ и выстроились на границѣ. Австрійцы сдѣлали было попытку высадить свои отряды въ Фридрихсгафенѣ, но мужественное фридрихсгафенское гражданское ополченіе подъ начальствомъ своего командира Ланга послѣ довольно кровопролитной схватки принудило ихъ къ отступленію. Если австрійцы тѣмъ и ограничились, то причина лежитъ въ дѣйствіяхъ прусской дипломатіи.

Мѣрославскій рѣшилъ сохранить оборонительное положеніе и держаться линіи Неккара. Войско свое онъ растянулъ такимъ образомъ, что его правый флангъ подъ командой Іоганна-Филиппа Беккера стоялъ въ Эбербахѣ на Неккарѣ, центръ—въ Ладенбургѣ на Неккарѣ, а лѣвый флангъ—въ Маннгеймѣ.

Пруссаки попытались окружить Мѣрославскаго.

*) Говорятъ, будто онъ потерялъ нѣсколько дней въ Карлсруэ, занятый своей экипировкой.

**) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ самый Шнейдеръ умеръ въ Сѣверной Америкѣ; на смертномъ одрѣ онъ увѣрялъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ не имъ.

Уже 12 іюня войска Гиршфельда вошли въ Пфальцъ. Въ Кирхгеймболанденѣ стоялъ слабый рейнско-гессенскій легіонъ съ Цицомъ и Бамбергеромъ, ихъ военачальникомъ все еще былъ неспособный Раупертъ. Когда — 14 іюня — 8.000 пруссаковъ атаковали Кирхгеймболанденъ, рейнско-гессенскій легіонъ отступилъ съ такой поспѣшностью, что на баррикадѣ въ Шлоссгартенѣ остался одинъ отрядъ народнаго ополченія: по всей вѣроятности, впопыхахъ ихъ забыли извѣстить объ отступленіи. Среди нихъ находилась красивая молодая дѣвушка Матильда Хицфельдъ изъ Кирхгеймболандена, которая съ черно-красно-золотымъ знаменемъ въ рукахъ мужественно стояла на посту. Защитники баррикады частью были убиты, частью взяты въ плѣнъ *).

Пфальцское правительство бѣжало изъ Кайзерслаутерна, и пруссаки быстро проникали въ глубь гористой страны, которую, при извѣстной рѣшимости и энергіи, легко было бы защитить. Пфальцскія военныя силы всюду быстро отступали. Шнайда и Виллихъ направились къ Рейну и, какъ Цицъ и Бамбергеръ, поспѣшили переправиться въ Баденъ. Виллихъ еще раньше, 17 іюня, у Анвейлера столкнулся съ пруссаками и въ этой маленькой стычкѣ, вслѣдствіе непрактичности своихъ распоряженій, потерпѣлъ большой уронъ ранеными и убитыми, раньше чѣмъ дѣло дошло до настоящаго сраженія.

Такимъ образомъ пруссаки заняли весь Пфальцъ и появились передъ Людвигсгафеномъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Мѣрославскій на Неккарѣ возобновилъ борьбу съ имперскими отрядами. 15 іюня они атаковали забаррикадированный Людвигсгафенъ и взяли его послѣ ожесточенной двухчасовой борьбы **). Еще немного, и они, казалось, перешли бы черезъ Рейнскій мостъ и благодаря этому очутились бы въ тылу баденской арміи, у которой не было времени развести мостъ. Но и пруссаки не рѣшались наступать подъ открытымъ огнемъ орудій, выстроенныхъ на баденскомъ берегу. Прусская артиллерія посылала ракеты въ Маннгеймъ, на что баденская артиллерія отвѣчала страшнымъ опустошающимъ огнемъ; руководилъ дѣйствіями здѣсь бывшій прусскій офицеръ фонъ-Корвинъ. Рейнскій мостъ, портовыя постройки Людвигсгафена, а также различныя другія постройки,—все

---

*) Часто утверждаютъ, что взятые въ Кирхгеймболанденѣ защитники баррикадъ были разстрѣляны; сочиненія гессенскихъ и прусскихъ офицеровъ, описывающія эту схватку, отрицаютъ фактъ разстрѣлянія. Вообще все это происшествіе въ свое время породило много невѣрныхъ слуховъ. Такъ, напр., Пауль Штумпфъ въ Майнцѣ, принимавшій участіе въ кирхгеймболанденскомъ дѣлѣ, во многихъ книгахъ приводится въ спискѣ павшихъ; однако онъ и до сихъ поръ живъ и здоровъ, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ (до 1892 года) прошло уже 43 года.

**) Странно, что въ книгѣ Беккера и другихъ демократическихъ сочиненіяхъ утверждается, будто Людвигсгафенъ взятъ пруссаками измѣнническимъ образомъ „безъ единаго выстрѣла". Въ дневникѣ же прусскаго оберъ-лейтенанта фонъ-Старосте разсказывается, что пруссаки взяли Людвигсгафенъ лишь послѣ двухчасового сраженія, причемъ у мятежниковъ было 20, у пруссаковъ трое убитыхъ—по ихъ свѣдѣніямъ. Въ другихъ военныхъ сочиненіяхъ тоже констатируется это сраженіе.

сдѣлалось жертвою пламени. Зарево пожара виднѣлось далеко на небѣ, и канонада продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ дней. Реакціонная печать горько жаловалась на то, что баденская артиллерія не осталась спокойной зрительницей того, какъ Маннгеймъ обстрѣливался прусскими зажигательными снарядами.

Въ то время какъ на Рейнѣ открытъ былъ пушечный огонь, Мѣрославскій поскакалъ изъ Маннгейма на неккарскую линію, гдѣ имперскіе отряды уже перешли въ наступленіе. Пейкеръ прогналъ баденскій авангардъ изъ Кеферталя. Мѣрославскій распорядился, чтобы польскій полковникъ Тобіанъ вновь взялъ Кеферталь. Баденскія войска съ большой смѣлостью выступили подъ непріятельскимъ огнемъ по направленію къ Кеферталю и вытѣснили оттуда имперскія войска. Тобіанъ самъ былъ тяжело раненъ, но польскій полковникъ Оборскій, взявшій теперь на себя команду, прогналъ имперскія войска еще дальше. Изъ Ладенбурга баденскій центръ подъ предводительствомъ двусмысленно державшагося полковника Беккерта тоже сначала былъ вытѣсненъ непріятельскими силами, но вскорѣ баденцы вновь перешли въ наступленіе. Ладенбургъ послѣ смѣлой фланговой атаки Меглинга *) такъ быстро отнятъ былъ у непріятеля, что прусскій майоръ Гиндерсинъ, обозрѣвавшій поле сраженія съ церковной башни, попалъ въ плѣнъ. На слѣдующій день Мѣрославскій съ отрядами Зигеля, Оборскаго и Меглинга напалъ на имперскія войска въ Лейтерсгаузенѣ и Гроссзаксенѣ и оттѣснилъ ихъ съ такой силой, что они нѣкоторое время оставались въ крайне растерянномъ положеніи. Затѣмъ хотя и пришлось вновь очистить Гроссзаксенъ, но и имперская армія „была концентрирована назадъ“ въ Венгеймъ **).

Маннгеймская буржуазія, солидарная съ пруссаками, тѣмъ временемъ сдѣлала уже попытку произвести контръ-революцію, которая однако была энергично подавлена Мѣрославскимъ. Гейдельбергъ былъ иллюминованъ въ честь удачныхъ неккарскихъ столкновеній, въ то время какъ у маннгеймскихъ богатыхъ купцовъ вытянулись физіономіи, когда послѣ сраженія сюда вступили не желанныя прусскія войска, а земляки.

Побѣды на Неккарѣ свидѣтельствовали о томъ, что первоначальная деморализація исчезла изъ баденскихъ войскъ и что теперь это

---

*) Меглингъ обнаружилъ много мужества и военныхъ способностей.

**) Прусскій оберъ-лейтенантъ Старосте, дневникъ котораго, описывающій баденскій походъ, полонъ военныхъ предразсудковъ, ненависти и оскорбленій по адресу демократіи, заставляетъ баденскія войска постоянно бѣжать; бѣгутъ они и тогда, когда, по его же собственнымъ словамъ, ими взяты штурмомъ Кеферталь и Гроссзаксенъ. Затѣмъ о томъ самомъ моментѣ, когда баденцами отбиты были два непріятельскихъ пункта штыками, онъ утверждаетъ, будто у баденцевъ былъ необыкновенный страхъ передъ штыками—еще больше, чѣмъ передъ пулями. Зато мы можемъ отнестись къ нему съ полнымъ довѣріемъ, когда онъ разсказываетъ, что въ Гроссзаксенѣ 20 замѣшкавшихся народныхъ ополченцевъ были убиты, т.-е. имъ *не дали пощады*. Что сказалъ бы онъ, если бы баденцы такимъ же образомъ поступили съ замѣшкавшимся въ Ладенбургѣ майоромъ Гиндерсиномъ! Съ послѣднимъ обращались очень корректно.

были дисциплинированныя и мужественныя войска *). Воодушевленіе еще усилилось, когда до нихъ дошли благопріятныя вѣсти изъ Парижа: вѣсти о крупной побѣдѣ, одержанной партіей Ледрю-Роллена надъ принцемъ-президентомъ **). Вскорѣ однако пришло также извѣстіе о неудачной попыткѣ возстанія 13 іюня и о полномъ пораженіи партіи монтаньяровъ, такъ что теперь со стороны Франціи нельзя было ожидать ничего, кромѣ контръ-революціонныхъ дѣйствій. Это самымъ угнетающимъ образомъ подѣйствовало на вождей баденскаго возстанія и сильно омрачило радость по поводу побѣдъ на Неккарѣ.

Теперь генералъ фонъ-Пейкеръ, очень медлительный и малоспособный полководецъ, отказался отъ форсированія неккарской линіи и этимъ самымъ призналъ побѣду баденцевъ, которую онъ отрицалъ въ своихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ.

Тѣмъ не менѣе неккарская линія не могла долѣе держаться. Пейкеръ вмѣстѣ съ имперской арміей передвинулся черезъ Фюртъ въ горы, желая обойти правое крыло баденской арміи; фонъ-деръ-Гребенъ со своимъ корпусомъ двинулся къ неккарской линіи, а Гиршфельдъ, послѣ того какъ Пфальцъ былъ весь очищенъ отъ мятежниковъ, появился въ Гермерсгеймѣ, откуда онъ намѣревался перейти Рейнъ. Изъ Гермерсгейма главнокомандующій арміей, принцъ прусскій, объявилъ „все великое герцогство Баденъ" на военномъ положеніи; виновнымъ въ сопротивленіи угрожалъ военный судъ. Командующіе корпусами уполномочивались подписывать смертные приговоры.

Отступленіе пфальцскихъ войскъ, не дождавшихся сраженія, внесло деморализацію; 18 іюня они—въ количествѣ 6.000 человѣкъ съ 8-ью орудіями—подъ предводительствомъ Шнайды, „который тупо посматривалъ кругомъ себя", у Книлингена перешли Рейнъ. Этому несчастному Шнайдѣ, который въ качествѣ „генерала" занимался главнымъ образомъ тѣмъ, что ѣлъ и пилъ, суждено было надѣлать въ Баденѣ еще бóльшую сумятицу, чѣмъ въ Пфальцѣ. Цицъ и Бамбергеръ, вожди рейнско-гессенскаго легіона, услыхавъ о переходѣ пруссаковъ черезъ Рейнъ, на слѣдующій же день бѣжали въ Швейцарію. Нельзя назвать незаслуженнымъ тотъ градъ насмѣшекъ, который вызвало ихъ быстрое исчезновеніе ***).

*) Провіантъ былъ очень неудовлетворителенъ. Раво разсказываетъ, что двѣ роты, прибывшія ночью въ Маннгеймъ, не нашли въ казармахъ ни огня, ни пищи. Конечно, онѣ подняли шумъ. Раво обратился къ нимъ съ суровымъ внушеніемъ. Онъ велѣлъ также дать имъ хлѣба, сыра, пива и свѣчей. Но онѣ отказались отъ всего этого и заявили, что на этотъ разъ съ нихъ достаточно и того, что есть к т о-т о, к т о о н и х ъ з а б о т и т с я.

**) Правды ради необходимо замѣтить, что въ демократической партіи вранья было не меньше, чѣмъ въ реакціонной.

***) Господинъ Бамбергеръ выпустилъ небольшую, изящно написанную брошюру, въ которой онъ пытался оправдать свое поведеніе, заявляя, что большинство вождей пфальцскаго и баденскаго движенія были люди безъ всякихъ способностей. Но развѣ самъ онъ чѣмъ-нибудь обнаружилъ свое превосходство? Онъ признается, что уѣхалъ потому, что боялся, что его арестуютъ, что его забудутъ въ тюрьмѣ и такимъ образомъ онъ попадетъ въ руки пруссаковъ. Ко всему этому трудно отнестись серьезно; зато можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ г. Бамбергеру, читая въ концѣ его брошюры увѣренія въ томъ, что онъ не страдалъ „формализмомъ сопротивленія".

20 іюня прусская армія у Гермерсгейма подъ пушками крѣпости перешла черезъ Рейнъ. Охрана и защита моста поручена была поляку Мніевскому, который располагалъ войскомъ въ 2.500 человѣкъ; въ его распоряженіи были также батареи Блинда и Боркгейма. Мніевскій позволилъ пруссакамъ напасть на себя. Дѣло дошло до сраженія, которое кончилось тѣмъ, что баденскій майоръ фонъ-Биденфельдъ, старый служака наполеоновской школы, несмотря на энергичное сопротивленіе, все же принужденъ былъ отступить на Бруксалъ передъ прусской дивизіей Бруна. Батарея Блинда была взята *).

Дивизія Бруна должна была отрѣзать баденской арміи отступленіе въ Карлсруэ; дивизія Ганнекена должна была двинуться къ Неккару и съ тылу атаковать неккарскую линію, въ то же время Пейкеръ маневрировалъ у праваго фланга позиціи Мѣрославскаго. Гребенъ съ сѣвера направился къ Маннгейму и Гейдельбергу. Такимъ образомъ вслѣдствіе перехода пруссаковъ черезъ Рейнъ Мѣрославскій внезапно увидѣлъ себя окруженнымъ съ трехъ сторонъ непріятелемъ.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи Мѣрославскій принялъ быстрое и отважное рѣшеніе броситься на корпусъ Гиршфельда, ушедшій за Рейнъ. Въ случаѣ удачи этого нападенія онъ надѣялся порознь разбить также остальные два корпуса. Онъ стянулъ свои главныя силы— 9 батальоновъ линейнаго войска, 8 батальоновъ ополченія, 10 драгунскихъ эскадроновъ и 20 орудій, всего 10—12.000 человѣкъ—въ одинъ пунктъ и двинулся навстрѣчу пруссакамъ. При занятомъ войсками положеніи баденская армія лицомъ была обращена къ югу, а гиршфельдовскій корпусъ—лицомъ къ сѣверу. Въ Гейдельбергѣ оставленъ былъ Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ для прикрытія перехода черезъ Неккаръ **), а въ Маннгеймѣ—Мерси для прикрытія неккарскаго моста. Дивизія Томе отказалась повиноваться приказу старшаго генерала и осталась въ Гейдельбергѣ ***).

Въ то время какъ Мѣрославскій быстро двинулся навстрѣчу прусской арміи, пфальцское ополченіе вмѣстѣ съ баденскими отрядами линейнаго войска и тремя колоннами подъ предводительствомъ Виллиха-Бленкера и Твинскаго подошло къ Бруксалу и заняло очень выгодную для поддержки Мѣрославскаго позицію ****). Но главнокомандующій Шнайда не былъ человѣкомъ, способнымъ энергично взяться за дѣло. Движенія его не могли не быть медленными, такъ какъ его нельзя было извлечь изъ трактировъ, гдѣ онъ постоянно торчалъ. И изъ-за

---

*) Пруссаки, гусары которыхъ наступали очень храбро, потерпѣли въ этомъ сраженіи—у Визенталя—довольно значительныя потери; въ числѣ раненыхъ находился также принцъ Фридрихъ-Карлъ прусскій.

**) Беккеръ поспѣшно отозванъ былъ изъ Оденвальда. Тамъ онъ, соединившись съ гимнастами изъ Ганау, далъ сраженіе баварцамъ и кургессенцамъ у Гиршгорна; при этомъ гимнасты заняли и защищали старый Гиршгорнскій замокъ.

***) Томе принадлежалъ къ числу реакціонныхъ офицеровъ.

****) Ночью Твинскій изъ трусости или измѣны двинулъ свою колонну обратно къ Карлсруэ и бѣжалъ. Бленкеръ вернулъ колонну.

этого стоявшіе подъ его командой 10.000 человѣкъ не сумѣли даже втянуть въ стычку и задержать дивизію Бруна, направлявшуюся къ Бруксалу, въ то время какъ Мѣрославскій у Ваггейзеля атаковалъ пруссаковъ подъ предводительствомъ Гиршфельда.

21 іюня, рано утромъ, Мѣрославскій наткнулся на форпосты прусскихъ войскъ, выстроившихся къ бою у Ваггейзеля и Филиппсбурга *). Они предполагали, что Мѣрославскій стоитъ у Бруксала, и уже готовились отправить туда свои главныя силы. Самый тяжелый натискъ революціонной арміи палъ на дивизію Ганнекена, которой предписано было двинуться въ Маннгеймъ.

Прусскій авангардъ быстро былъ опрокинутъ баденскимъ, во главѣ котораго стоялъ Моне, получившій при этомъ столкновеніи три раны. Затѣмъ Оборскій, командовавшій баденскимъ правымъ крыломъ, атаковалъ Ваггейзель. Пруссаки заняли сахарную фабрику, бывшую прежде замкомъ шпейерскихъ епископовъ. Послѣ четвертой атаки баденскія войска взяли штурмомъ прусское укрѣпленіе и откинули пруссаковъ изъ Ваггейзеля. Ганаускіе гимнасты, открывъ сильный ружейный огонь, помогали атакѣ.

Меглингъ получилъ отъ Мѣрославскаго приказъ руководить штурмомъ. Прусская пуля размозжила ему ногу и онъ попросилъ молодого Шлеффеля принять отъ него команду. Шлеффель находился во главѣ колонны, вытѣснявшей пруссаковъ изъ Ваггейзеля, когда двѣ пули пробили его грудь. Онъ гордо палъ, увѣнчанный побѣдой, и его смерть покрыла позоромъ интригановъ Карлсруэ, отнявшихъ у него постъ гражданскаго комиссара.

Зигель съ лѣвымъ крыломъ обошелъ пруссаковъ и оттѣснилъ ихъ до Визенталя. Ганнекенъ, преслѣдуемый выстрѣлами баденской артиллеріи, отступилъ до Филиппсбурга. Теперь энергичнымъ нападеніемъ на Филиппсбургъ Мѣрославскій могъ бы обезпечить исходъ сраженія, но онъ допустилъ ошибку: онъ далъ своимъ, правда, усталымъ войскамъ часъ отдыха. Въ это время пруссаки успѣли позаботиться о подкрѣпленіяхъ; внезапно появилась дивизія Бруна, поспѣшившая сюда на грохотъ выстрѣловъ изъ Бруксала, и съ фланга и съ тыла напала на баденское лѣвое крыло.

Зигель, силы котораго были слишкомъ слабы для того, чтобы сопротивляться непріятельской артиллеріи, — у него были лишь три пушки, изъ которыхъ одна была снята съ лафета, —принужденъ былъ удалиться изъ Визенталя, такъ какъ подкрѣпленія со стороны Мѣрославскаго не приходили. Собственно говоря, сраженіе было уже проиграно. Но пораженіе это стало равносильнымъ полной гибели вслѣдствіе измѣны Беккерта. Мѣрославскій приказалъ этому сомнительному офицеру пойти съ 10 драгунскими эскадронами, стоявшими подъ его командой, на помощь Зигелю. Беккертъ сдѣлалъ видъ, будто готовится исполнить приказаніе; но вдругъ онъ повернулъ коня и вмѣстѣ съ сво-

*) Во всемъ корпусѣ Гиршфельда было около 20.000 человѣкъ; лишь резервная дивизія Бруна выдвинулась къ Бруксалу.

ими драгунами обратился въ бѣшеное бѣгство съ крикомъ: „Насъ обошли!“ Въ этой дикой скачкѣ онъ перерѣзалъ баденскую пѣхоту, отряды ополченія, обозъ и привелъ все въ смятеніе. Паника охватила всѣхъ, и революціонная армія, еще нѣсколько минутъ тому назадъ побѣдоносная, мчалась теперь безпорядочной массой въ Гоккенгеймъ, а оттуда ночью обратно въ Гейдельбергъ *). Прусскія войска, испробовавшія во время этого сраженія игольчатыя ружья на баденскихъ республиканцахъ, не преслѣдовали бѣжавшихъ: они сами были обезсилены сраженіемъ. Зигель прикрывалъ отступленіе.

Главная вина за ваггейзельское пораженіе падаетъ на „генерала“ Шнайду. Неповоротливый Шнайда могъ бы удержать дивизію Бруна въ Бруксалѣ, но 21 іюня онъ не выпустилъ ни одного выстрѣла въ непріятеля. Вмѣсто того чтобы наступать, онъ отступалъ, и только его правое крыло подъ предводительствомъ Биденфельда сдѣлало было движеніе въ направленіи къ Бруксалу, но было ужъ слишкомъ поздно. Бруксалъ, покинутый пруссаками, лишь 22 іюня былъ занятъ Шнайдою. Его авангардъ занялъ деревню Убштадтъ у Бруксала. Когда 23 іюня на него напали пруссаки, авангардъ былъ опрокинутъ и Шнайда обнаружилъ полную неспособность руководить сраженіемъ; онъ всюду вносилъ безпорядокъ. Гёггъ, находившійся при арміи, взялъ въ эту критическую минуту на себя руководительство и съ помощью дѣльныхъ офицеровъ, каковы: Теховъ, Фахъ, Аннекке, Бейстъ, Изелинъ, съ артиллеріей и народными ополченцами, а также съ батареей блузниковъ изъ Боркгейма ему удалось организовать сопротивленіе, такъ что пруссаки были оттѣснены. Сраженіе это имѣетъ первостепенное значеніе, потому что благодаря ему пруссакамъ не удалось отрѣзать пути отступленія главной арміи, разбитой при Ваггейзелѣ **).

Лишь на слѣдующій день пруссаки двинулись къ Бруксалу, и войска Шнайды безпорядочно отступили обратно къ Карлсруэ. Ожесточенные солдаты съ негодованіемъ относились теперь къ Шнайдѣ, и онъ бѣжалъ во Францію.

---

*) Отчеты объ этомъ сраженіи сильно расходятся и въ существенныхъ пунктахъ противорѣчатъ другъ другу. Старосте опять разсказываетъ о бѣгствѣ баденскихъ отрядовъ; бѣжали они, по его мнѣнію, и въ тѣ моменты, когда побѣдоносно наступали на врага. Бюллетень Мѣрославскаго тоже полонъ невѣрныхъ указаній.

**) Вотъ что говоритъ объ этомъ походѣ одинъ гессенскій офицеръ, участвовавшій въ немъ: „Въ деревнѣ (Убштадтѣ), въ церковной башнѣ, осталась еще запоздалая группа волонтеровъ-мятежниковъ, которая продолжала стрѣлять въ войска. Пруссаки взяли штурмомъ башню и разстрѣляли найденныхъ тамъ людей; такая же участь постигла многихъ волонтеровъ, спрятавшихся въ домахъ. 15 человѣкъ разстрѣляно было на кладбищѣ“ („Feldzug gegen badisch-pfälzische Insurrektion“, стран. 309). Старосте подтверждаетъ всѣ эти жестокости (стран. 432). Далѣе Старосте разсказываетъ, что прусскій батальонъ, при которомъ было 8 плѣнныхъ, у Лангенбрюкена наткнулся на искалѣченный трупъ одного прусскаго гусара. „При видѣ этого солдаты пришли въ невѣроятное ожесточеніе, и прежде чѣмъ офицеры успѣли вмѣшаться, они самостоятельно расправились съ 8 плѣнными“. Странно, что въ такихъ именно случаяхъ офицерамъ никогда не удавалось добиться повиновенія!—Касаясь этихъ фактовъ, мы нарочно приводимъ свидѣтельства реакціонной стороны.

Прусскіе генералы дѣйствовали неискусно и медленно, иначе Мѣрославскому не удалось бы провести свои войска замѣчательнымъ круговымъ маршемъ между тремя непріятельскими арміями. Въ то время какъ Маннгеймъ благодаря проискамъ реакціонной буржуазіи перешелъ къ Пруссіи, при чемъ былъ взятъ въ плѣнъ депутатъ Трюцшлеръ, бывшій здѣсь гражданскимъ комиссаромъ, Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ защищалъ Гейдельбергъ противъ пруссаковъ и съ большимъ мужествомъ и находчивостью прикрывалъ отступленіе разбитой арміи черезъ устье Неккара къ Зинсгейму. Здѣсь отбита была атака только что явившагося авангарда имперскаго генерала Пейкера. Затѣмъ армія продолжала отступать черезъ Бреттенъ на Дурлахъ. Убштадтское сраженіе помѣшало пруссакамъ отрѣзать этотъ путь: въ то время какъ въ Убштадтѣ происходила схватка, Мѣрославскій со своими войсками прошелъ вдоль границы, держась восточнаго направленія. 24 іюня, вечеромъ, Мѣрославскій вступилъ въ Дурлахъ и, не останавливаясь въ Карлсруэ, двинулся по мургской линіи къ Раштатту. 25 іюня во время отступленія Беккеру пришлось вступить въ борьбу въ Дурлахѣ, гдѣ онъ долго держался, несмотря на отсутствіе орудій, и причинилъ большія потери осаждавшимъ его пруссакамъ. Беккеръ оставилъ Дурлахъ, лишь когда явилась опасность быть отрѣзаннымъ.

Карлсруэ, гдѣ тотчасъ же послѣ пораженій арміи стало проявляться контръ-революціонное движеніе, 25 іюня былъ осажденъ пруссаками. Мѣрославскій сконцентрировалъ свои силы на мургской линіи передъ Раштаттомъ. Онъ сдѣлалъ здѣсь смотръ 13-титысячной арміи, имѣвшей 70 орудій. Всѣ готовы были къ сопротивленію; мургская линія была занята отъ Штейнмауэрна на Рейнѣ до Гернсбаха. Корпусы Гиршфельда и Гребена съ фронта напали на эту позицію, въ то время какъ Пейкеръ направлялся черезъ Вюртембергъ къ Гернсбаху. Обѣщанный Ремеромъ нейтралитетъ былъ обязателенъ лишь для Бадена; имперскіе же отряды не встрѣтили препятствій при переходѣ черезъ вюртембергскій Шварцвальдъ.

Мѣрославскій сдѣлалъ ошибку, пославъ въ Гернсбахъ, самый опасный пунктъ этой позиціи, Бленкера съ ненадежными пфальцскими народными ополченцами; послѣ этого онъ выстроился передъ Мургомъ, вслѣдствіе чего крѣпостныя пушки не могли быть пущены въ ходъ и остались безъ употребленія во время битвы.

28 іюня нападеніе прусскихъ войскъ было отражено, 29-го началась борьба по всей линіи. Прусскіе отряды были опрокинуты Зигелемъ и Беккеромъ. Баденская армія перешла въ наступленіе и ей удалось такъ далеко оттѣснить пруссаковъ, что въ Раштаттѣ уже праздновали побѣду и городъ былъ иллюминованъ. Но въ горахъ у Ротенфельса Мерси потерпѣлъ пораженіе *), и войска его, обратившіяся въ бѣгство, увлекли вмѣстѣ за собой также дивизію храбраго Обор-

*) При этомъ палъ Молль изъ Кельна, извѣстный членъ союза коммунистовъ, а поэтъ Готфридъ Кинкель, который вовлеченъ былъ въ борьбу въ качествѣ солдата народнаго ополченія, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

скаго *). Гернсбахъ былъ взятъ Пейкеромъ, и далеко виднѣлось пламя охваченныхъ пожаромъ домовъ, загорѣвшихся во время перестрѣлки **). Зарево пожара ясно указывало на то, что нельзя воспрепятствовать обходу мургской линіи.

Въ революціонную армію проникло смятеніе, и на слѣдующій день, 30 іюня, Мургскую линію пришлось оставить, хотя Беккеръ у Куппенгейма, защищаясь со своей артиллеріей, проявилъ величайшую храбрость. У Ооса произошла еще энергичная схватка, цѣлью которой было прикрыть отступленіе, и капитану Михелю изъ Бамберга, который тутъ же и палъ, удалось еще отнять у мекленбуржцевъ одну гаубицу ***). Растерянныя войска отступали и къ Оффенбургу, и къ Фрейбургу; крѣпость Раштаттъ вечеромъ 30 іюня была уже вполнѣ окружена непріятелемъ. Въ ней сидѣло 6.000 человѣкъ, и Бернгардъ Беккеръ, стоявшій у маннгеймскаго рабочаго батальона, утверждаетъ, что туда вошли бы еще 1.000 человѣкъ, если бы онъ не обратился къ нимъ у воротъ, предостерегая ихъ отъ ловушки.

Мѣрославскій былъ смѣщенъ, роль его была сыграна. По поводу уплаты ему вознагражденія завязался впослѣдствіи отвратительный споръ, на которомъ мы не будемъ останавливаться.

Командованіе войсками вновь было передано Зигелю, но сила возстанія была уже сломлена. До серьезной борьбы дѣло больше не доходило.

Въ Фрейбургѣ еще разъ сошлись члены учредительнаго собранія. 28 іюня, послѣ того какъ собраніе приняло предложеніе Струве считать измѣной всякаго рода сношенія съ непріятелемъ, Брентано сложилъ съ себя диктатуру и бѣжалъ въ Швейцарію, не отдавъ отчета о своей служебной дѣятельности. Изъ Фейерталя у Шафгаузена онъ бросилъ демократамъ, одержавшимъ надъ нимъ верхъ, яростное объясненіе. Это было такъ же излишне, какъ и запоздалый „терроръ" Струве, съ помощью котораго послѣдній хотѣлъ заставить забыть, что онъ былъ главнымъ виновникомъ призванія Брентано. Впрочемъ, Струве недовольный тоже удалился въ Швейцарію, послѣ того какъ его не выбрали на мѣсто Брентано диктаторомъ. Вмѣстѣ съ нимъ бѣжало и большинство членовъ собранія, такъ какъ въ Фрейбургѣ съ силой вспыхнула теперь контръ-революція.

Гёггъ, Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ и Зигель старались теперь еще разъ сорганизовать силы возстанія и занять позицію въ Шварцвальдѣ

---

*) Послѣдній въ отчаяніи ушелъ въ Страсбургъ.

**) Объ этомъ сраженіи Старосте говоритъ слѣдующее: „Когда удалось занять Гернсбахъ, ожесточеніе солдатъ дошло почти до изступленія и ярости, которыя едва удалось обуздать, и инсургенты, одиноко бродившіе по городу, а также и попадавшіеся въ домахъ или погребахъ, почти всѣ безъ исключенія убивались".

***) О майорѣ швабскаго легіона, Грейнерѣ, взятомъ здѣсь въ плѣнъ, Старосте замѣчаетъ: „Среди плѣнныхъ находился также измѣнникъ майоръ Грейнеръ. Такъ какъ онъ и послѣ того, какъ взятъ былъ въ плѣнъ, пытался еще воздѣйствовать на солдатъ, то онъ былъ разстрѣлянъ".—Грейнеръ былъ редакторомъ одной демократической газеты въ Рейтлингинѣ.

и пріозерномъ округѣ. Они мечтали основать укрѣпленный лагерь у Донауэшингена, собрать войска и броситься въ Вюртюмбергъ. Однако въ это время пруссаки и отряды имперской арміи, во много разъ превосходящіе ихъ своей численностью и силой, подступили съ трехъ сторонъ. Произвести новые наборы революціонной арміи было очень трудно, и нѣкоторые корпуса ея уже перешли въ Швейцарію. Всѣ эти обстоятельства принудили вождей отказаться отъ продолженія борьбы. У швейцарской границы, у Балтерсвейля, Зигель и Беккеръ раскинули лагерь; 11 іюля молодой полководецъ съ обломками революціонной арміи перешелъ черезъ Рейнъ. Гёггу удалось произвести наборъ въ Констанцѣ, но 11 іюля и онъ съ 1.200 ополченцами рѣшилъ перейти въ Швейцарію. Стоя на балконѣ констанцской городской ратуши, онъ обратился еще разъ съ рѣчью къ народу и крикнулъ „ура“ во славу единой, свободной Германіи, въ то время какъ пруссаки уже приближались къ городу.

Швейцарія отобрала оружіе у всѣхъ перешедшихъ границу солдатъ революціонной арміи и заручилась ихъ обѣщаніемъ, въ случаѣ если бы начата была война противъ Швейцаріи, воевать подъ швейцарскими знаменами. Въ то время думали, что Пруссія объявитъ войну Швейцаріи.

Послѣ всей этой длинной борьбы въ рукахъ демократіи осталась лишь крѣпость Раштаттъ, тѣсно оцѣпленная со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, не имѣющая никакой надежды на подмогу и освобожденіе. Комендантомъ крѣпости былъ Тидеманъ, начальникомъ генеральнаго штаба—фонъ-Корвинъ-Вирбицкій. Въ самые послѣдніе дни крѣпость, хотя и не обильно, все же снабжена была провіантомъ и боевыми припасами. У пруссаковъ не было тяжелыхъ осадныхъ орудій и они безсильны были противъ могучей крѣпостной артиллеріи. Изъ крѣпости сдѣланы были четыре вылазки, изъ которыхъ наиболѣе важная произведена была 16 іюля: изъ башни. А орудійнымъ огнемъ удалось зажечь деревню Нидербюль. Тѣмъ не менѣе надежда на выручку мало-по-малу падала—сангвиническіе демократы надѣялись сначала даже на то, что выручка придетъ со стороны венгровъ,—и пруссаки заставили двухъ парламентеровъ, Корвина и Ланга, путешествіемъ подъ военнымъ конвоемъ къ Боденскому озеру убѣдиться въ томъ, что въ Баденѣ не существовало болѣе революціонной арміи. 21 іюля парламентеры вернулись, и послѣ ихъ отчетовъ о положеніи дѣлъ военный совѣтъ рѣшилъ сдаться. Корвину поручено было вести переговоры съ цѣлью добиться возможно болѣе выгодныхъ условій сдачи. Взятый въ плѣнъ майоръ Гиндерсинъ былъ освобожденъ, „чтобы дать пруссакамъ знакъ довѣрія“. Если бы Гиндерсина задержали въ крѣпости, то можетъ быть удалось бы добиться лучшихъ условій.

Пруссаки потребовали безусловной сдачи; командующій прусскими войсками генералъ фонъ-деръ-Гребенъ заявилъ Корвину, что осажденные не могутъ ставить накакихъ условій, но что онъ будетъ хлопотать за нихъ и надѣется добиться для нихъ той же участи, какая постигла

взятыя во Фрейбургѣ команды *): послѣднія, благодаря заступничеству генерала фонъ-Гиршфельда, были немедленно выпущены на свободу. По словамъ Корвина, генераломъ было сказано, что нѣкоторыхъ главныхъ вождей намѣреваются подвергнуть *допросу*, простые же солдаты, *по всей вѣроятности*, тотчасъ будутъ отпущены.

Таковъ былъ результатъ переговоровъ, съ которымъ Корвинъ явился въ крѣпость, гдѣ уже начала обнаруживаться дезорганизація. Самъ Корвинъ разсказываетъ, что на военномъ совѣтѣ онъ не скрылъ своего убѣжденія въ томъ, что главнѣйшіе революціонные предводители, по всей вѣроятности, поплатятся жизнью. Послѣ того какъ Корвинъ сообщилъ, что сдача можетъ быть только безусловной, военный совѣтъ уполномочилъ его довести дѣло до конца, придавъ ему *возможно болѣе благопріятный оборотъ* **).

Послѣ этого капитуляція была принята, и постановленія, касавшіяся участи осажденныхъ, гласили:

„Осажденные подчиняются *безусловно* Его Королевскому Высочеству Великому Герцогу Баденскому и сдаются расположеннымъ передъ крѣпостью прусскимъ войскамъ. При этомъ они ходатайствуютъ передъ Его Королевскимъ Высочествомъ о примѣненіи къ нимъ той милости, *которая, какъ передаютъ, дарована была другимъ отрядамъ при сходныхъ обстоятельствахъ. Никакихъ обязательствъ* генералъ, командующій вторымъ корпусомъ арміи, взять на себя не можетъ, но онъ постарается оказать обѣщанное имъ вчера содѣйствіе“.

Отсюда ясно, что капитуляція всецѣло отдавала осажденныхъ въ руки побѣдителей и что генералъ Гребенъ не обязался ни къ чему, кромѣ „содѣйствія“, что значило весьма мало. То обстоятельство, что генералъ фонъ-деръ-Гребенъ не самолично подписалъ изготовленный для Корвина документъ, а предоставилъ подписать его нѣкоему майору фонъ-Альвенслебену, начальнику своего генеральнаго штаба, весьма маловажно, хотя ему и придаютъ часто существенное значеніе. Текстъ капитуляціи предоставлялъ пруссакамъ право расправляться съ осажденными, какъ имъ заблагоразсудится. Корвинъ забылъ, что капитуляція не что иное, какъ сдѣлка, при которой участники стараются перехитрить другъ друга. Въ этомъ случаѣ перехитрили Корвина, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ осажденныхъ ***).

Раштаттскіе осажденные страдали тѣмъ избыткомъ довѣрчивости, который въ 1848 году и даже въ 1849 году столь часто рѣшающимъ образомъ вліялъ на поведеніе добрыхъ нѣмцевъ. Послѣ весьма неопре-

*) Послѣднія возстали противъ временнаго правительства и арестовали нѣсколько офицеровъ—вотъ причина болѣе милостиваго обращенія съ ними.

**) Извѣстный своимъ мужествомъ, даже отвагой, баденскій штабсъ-адъютантъ Германъ Морсъ, раненый у Куппингейма и лѣчившійся въ Раштаттѣ, говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что онъ никогда не ожидалъ ничего другого, кромѣ безусловной сдачи.

***) О „нарушеніи условій капитуляціи“, о чемъ такъ часто толкуютъ старые демократы, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

дѣленныхъ заявленій со стороны генерала фонъ-деръ-Гребена и послѣ того какъ генералъ въ капитуляціонномъ документѣ очень ясно предостерегаетъ отъ всякихъ преувеличенныхъ выводовъ изъ сказанныхъ имъ словъ, многіе все же думали, что осажденнымъ позволятъ свободно покинуть крѣпость и что офицеровъ примутъ въ баденскую армію. Корвинъ утверждаетъ, что онъ старался разсѣять подобное оптимистическое отношеніе къ дѣлу.

Тидеманъ, несмотря на свое обычное мужество, чувствовалъ себя, повидимому, нѣсколько растеряннымъ; въ своемъ послѣднемъ офиціальномъ письмѣ къ генералу фонъ-деръ-Гребену онъ писалъ, что въ Раштаттѣ нѣтъ „зачинщиковъ движенія". Во время церемоніи сдачи Биденфельдъ двинулся со своимъ отрядомъ подъ звуки военной музыки. Молодой прусскій капитанъ подскочилъ къ нему и спросилъ: „По чьему приказанію играетъ музыка?"—„По моему", добродушно отвѣчалъ Биденфельдъ. Тогда капитанъ закричалъ на него: „Эй, вы, заткните глотку, чортъ васъ возьми, плевать здѣсь на ваши приказанія, здѣсь я приказываю" *). Такой пріемъ долженъ былъ быстро разсѣять иллюзіи стараго Биденфельда.

Днемъ 23 іюля 1849 года происходила сдача и обезоруженіе осажденныхъ. Тидеманъ протянулъ генералу фонъ-деръ-Гребену свою шпагу; Гребенъ не принялъ ея и велѣлъ взять ее армейскому профоссу. Такое оскорбленіе коменданта крѣпости должно было показать, что плѣннымъ нечего возлагать большихъ надеждъ на „содѣйствіе" генерала фонъ-деръ-Гребена.

Затѣмъ плѣнные были брошены въ сырые казематы крѣпости и оставлены тамъ до вечера слѣдующаго дня безъ пищи и безъ воды **).

Тотчасъ же послѣ взятія крѣпости начали дѣйствовать военные суды. „Правовые вопросы", возникшіе по поводу военныхъ судовъ, мы не станемъ разбирать,—работа эта безполезна. Множество храбрыхъ пали, разстрѣлянные по приговору военныхъ судовъ. Казни происходили въ Маннгеймѣ, въ Раштаттѣ, въ Фрейбургѣ. Всего ихъ было 27. Первой жертвой явился Максъ Дорту изъ Потсдама, командовавшій отрядомъ потсдамскаго народнаго ополченія. Въ мартѣ 1848 года онъ былъ на берлинскихъ баррикадахъ. Отецъ его, юстиціи совѣтникъ Дорту, тщетно предпринималъ разные шаги, чтобы спасти сына. Молодой Дорту съ античнымъ спокойствіемъ палъ на кладбищѣ у Вире передъ Фрейбургомъ, произнеся слѣдующія слова: „Я умираю за свободу; стрѣляй мѣтко, братъ!" На этомъ же мѣстѣ разстрѣляны были военный комиссаръ Неффъ-фонъ-Рюммингенъ и солдатъ Гебгардъ Кромеръ изъ Бромбаха ***).

---

*) Такъ разсказываетъ Корвинъ.

**) Корвинъ написалъ фонъ-деръ-Гребену записку: „Я прошу у васъ лишь того, въ чемъ я не отказалъ бы даже собакѣ моего врага: лишь немного соломы и воды".

***) Разсказываютъ, будто сестры Кромера, пришедшія убрать цвѣтами могилу брата, схвачены были пруссаками и подвергнуты тѣлесному наказанію (см. „Frankfurter Zeitung" 20 сентября 1874 года).

Въ Маннгеймѣ Трюцшлеръ, принимавшій теперь въ возстаніи участіе не въ качествѣ военнаго, а въ качествѣ гражданскаго комиссара, долженъ былъ явиться въ военный судъ, который приговорилъ его къ смертной казни. Жалкая маннгеймская буржуазія издѣвалась надъ нимъ; „благородныя" дамы смѣялись, когда Трюцшлеръ говорилъ о своей женѣ и дѣтяхъ. Даже прусскій майоръ, предсѣдательствовавшій на судѣ, сказалъ во время разбирательства дѣла, что его охватываетъ отвращеніе передъ низостью публики *).

Трюцшлеръ былъ разстрѣлянъ 14 августа, рано утромъ, въ Маннгеймѣ по ту сторону Неккара. Онъ мужественно встрѣтилъ смерть, прострѣленный семью пулями. Онъ отказался отъ духовника, гордо замѣтивъ, что при своемъ образованіи не нуждается въ такомъ утѣшеніи.

Въ назиданіе гражданамъ было сдѣлано слѣдующее офиціальное сообщеніе о его казни:

„Вильгельмъ-Адольфъ фонъ-Трюцшлеръ изъ Готы, бывшій прежде асессоромъ саксонскаго королевскаго апелляціоннаго суда въ Дрезденѣ, примкнулъ къ послѣднему баденскому возстанію уже съ первыхъ же дней его возникновенія и отъ 26 мая до 22 іюня исполнялъ должность гражданскаго комиссара въ городѣ Маннгеймѣ и правительственнаго директора въ нижне-рейнскомъ округѣ. Занимая означенныя мѣста, названный Трюцшлеръ проявилъ самыя дѣятельныя старанія къ организаціи возстанія, къ созыву перваго набора и его обмундировкѣ, къ возведенію укрѣпленій вокругъ означеннаго города и даже непосредственно участвовалъ въ военныхъ операціяхъ мятежниковъ. Вслѣдствіе всего этого онъ, послѣ публичнаго и устнаго разбирательства дѣла, приговоромъ военнаго суда отъ вчерашняго дня объявленъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ и посему присужденъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе сегодня, въ 4 часа утра. Маннгеймъ, 14 августа 1849 г. Отъ имени слѣдственной комиссіи маннгеймскаго военнаго суда. Бабо".

Кромѣ того, по приговору военнаго суда въ Маннгеймѣ разстрѣляны были жестянщикъ Дицъ изъ Шнееберга, солдатъ Лахеръ изъ Бруксала, обозный мастеръ Штрейберъ изъ Маннгейма и учитель Геферъ изъ Бремена. Геферъ, у котораго на глазахъ жандармы грубо отбросили его молодую беременную жену, бросившуюся къ нему, чтобы еще разъ обнять осужденнаго на смерть мужа, въ видѣ милости выпросилъ, чтобы казнь надъ нимъ совершена была въ тотъ же день, и онъ былъ разстрѣлянъ при свѣтѣ фонарей.

Понятно, что Раштаттъ насчитываетъ самое большое число жертвъ. Всего казненныхъ было здѣсь 19 человѣкъ: военачальникъ Тидеманъ, старый Бенингъ, командиръ эмигрантскаго легіона, Конрадъ Гейлигъ, командовавшій крѣпостною артиллеріей. Всѣ они умерли съ мужествомъ, которое не могло не импонировать ихъ врагамъ. Въ этомъ

*) Темме въ своемъ романѣ „Deutsche Herzen und deutscher Pöbel" обрисовалъ для потомства эту „благородную" и богатую чернь.

отношеніи намъ извѣстно только одно исключеніе *). Въ Раштаттѣ разстрѣляны были: I. Бауэръ, солдатъ изъ Гиссиггейма, А. Вернигау, офицеръ изъ Мюльгаузена, Эрнстъ фонъ-Биденфельдъ, майоръ изъ Бюла, Георгъ Бенингъ, офицеръ изъ Висбадена, Андре Кунисъ, драгунъ изъ Пфорцгейма, Эрнстъ Эльзенгансъ, редакторъ изъ Фейербаха **), Гергардъ, солдатъ изъ Ринтгейма, Гюнтардъ, солдатъ изъ Констанца, Конрадъ Гейлигъ, вахтмейстеръ изъ Пфуллендорфа, Карлъ Якоби, столяръ изъ Маннгейма, Петръ Iегеръ, солдатъ изъ Агластергаузена, Iоганнъ Янсенъ изъ Кельна, Килмарксъ, солдатъ изъ Раштатта, Коленбехеръ, солдатъ изъ Карлсруэ, Конрадъ Ленцингеръ, капралъ изъ Дурлаха, Теофилъ Мніевскій, изъ русской Польши ***), Л. П. Шаде, солдатъ изъ Карлсруэ, Шрадеръ, прусскій артиллеристъ, Г. Н. Тидеманъ, офицеръ изъ Ландсгута, Л. Центгеферъ, ружейный мастеръ изъ Маннгейма ****).

Въ Ландау 9 марта 1850 года разстрѣлянъ былъ баварскій лейтенантъ графъ фонъ-Фуггеръ; осужденный вмѣстѣ съ нимъ майоръ фонъ-Фахъ бѣжалъ. 68 осужденныхъ отправлены были въ каторжную тюрьму, большинство въ Бруксалъ. Множество было приговорено къ 10 годамъ каторжныхъ работъ.

Корвинъ, приговоренный къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, былъ помилованъ, и смертная казнь замѣнена 10 годами каторжныхъ работъ *****). Кинкель, сражавшійся какъ простой рядовой, приговоренъ былъ къ пожизненному заточенію въ крѣпость, но „Крестовая Газета“ была этимъ недовольна и требовала его крови. Король прусскій измѣнилъ приговоръ такъ, что Кинкелю пришлось отбывать наказаніе въ гражданскомъ учрежденіи, т.-е. въ каторжной тюрьмѣ. Въ 1850 году Кинкелю, жена котораго сдѣлала все, чтобы устроить его освобожденіе, удалось бѣжать изъ каторжной тюрьмы въ Шпандау, при чемъ особенную помощь оказалъ ему Карлъ Шурцъ, участвовавшій въ баденской борьбѣ, — въ настоящее время сѣверо-американскій госу-

*) Лейтенантъ Шаде 21 года, бывшій прежде кельнеромъ, ночью передъ казнью плакалъ. Честный Боркгеймъ справедливо замѣчаетъ о немъ; „ я прощаю ему эту слабость: въ 21 годъ никого не радуетъ смерть“. О слезахъ Шаде разсказывалъ только одинъ изъ надзирателей. Но передъ дулами ружей Шаде стоялъ гордо выпрямившись и встрѣтилъ смерть такъ же смѣло, какъ и остальные осужденные.

**) Эльзенгансъ издавалъ въ Раштаттѣ „Вѣстникъ крѣпости“, и разстрѣлянъ былъ слѣдовательно главнымъ образомъ за нѣсколько газетныхъ статей.

***) Сдѣланный имъ промахъ на рейнскомъ мосту у Гермерсгейма онъ искупилъ своей смертью.

****) У осужденныхъ указана профессія, которою они занимались, когда началась революція. Занимаемыя ими впослѣдствіи должности труднѣе установить, да онѣ и часто мѣнялись.

*****) Наказаніе это, замѣненное 6 годами одиночнаго заключенія, онъ отбывалъ въ Бруксалѣ до 1855 года.—Впослѣдствіи Корвинъ перешелъ на сторону національ-либераловъ и „культуркампфа“. Говорятъ, что Бисмаркъ сказалъ въ Версалѣ новообращенному Корвину: „За то, что васъ привело въ тюрьму, теперь стою я“.—Это изреченіе, можетъ быть поставлено на одну доску съ историческимъ воззрѣніемъ Бисмарка, будто возстаніе коммуны въ 1871 году являлось борьбой за прусское городское устройство.

дарственный дѣятель. Меглингъ, оправившійся отъ своей раны, былъ приговоренъ въ Маннгеймѣ военнымъ судомъ къ смертной казни, но, какъ онъ самъ разсказываетъ, благодаря заступничеству вюртембергскаго короля казнь замѣнена была десятью годами каторжныхъ работъ. Изъ тюрьмы онъ вышелъ разбитымъ человѣкомъ.

Вернувшееся великогерцогское правительство исчислило убытки, понесенные государствомъ, въ три милліона гульденовъ, и всѣ участвовавшіе въ революціи были осуждены на круговую отвѣтственность. Такимъ образомъ къ казнямъ, къ заточеніямъ въ тюрьму присоединились конфискація имуществъ, поставка провіанта чужимъ войскамъ, осадное положеніе и высокомѣрное обращеніе побѣдителей *). Вслѣдъ за эмигрантами населеніе тысячами выселялось за границу. Эмиграція никогда не достигала такой интенсивности, какую она имѣла въ этотъ послѣ революціонный періодъ. Баденъ потерялъ свое коренное населеніе **). Поэтому болѣе чѣмъ смѣшно, если оба офицера, сочиненія которыхъ здѣсь часто цитировались, утверждаютъ, что пруссаки и имперскія войска были приняты въ Баденѣ какъ „освободители". Какъ „освободители" они принимались будто бы тѣми же самыми людьми отцы, братья и сыновья которыхъ разстрѣливались, убивались, заточались въ тюрьму или принуждены были покинуть родину!

Послѣ пораженія Бадена господа профессора еще долго препирались о томъ, имѣли или не имѣли пруссаки право броситься на Баденъ. Они забыли, что во время войны существуютъ лишь вопросы силы, а не права. Впрочемъ, тѣ же господа основали вѣдь во Франкфуртѣ центральную власть, которая призывала помощь правительствъ лишь тогда, когда правительствамъ это было удобно. Эта центральная власть призвала пруссаковъ противъ Бадена. О всемъ этомъ надо было подумать, когда вводили центральную власть во Франкфуртѣ и избрали эрцгерцога Іоганна имперскимъ правителемъ.

Пока что господамъ, изображавшимъ изъ себя правительство въ Мюнхенѣ, прусская помощь была далеко не пріятна. Баварскіе отряды осаждали Пфальцъ, въ то время какъ баварскій придворный листокъ писалъ жирнымъ шрифтомъ: „Баварія не домогалась помощи въ Пфальцѣ!"

Намъ остается лишь подсчитать потери боровшихся партій во время баденскаго похода.

Потери обоихъ прусскихъ корпусовъ и имперской арміи вмѣстѣ, по офиціальнымъ даннымъ, опредѣлялись въ 1.000 человѣкъ, въ томъ числѣ убитые, раненые и пропавшіе безъ вѣсти. Очевидно, это число слишкомъ ничтожно: такъ, пруссаки утверждаютъ, что у Ваггейзеля

---

*) Прусскій оберъ-лейтенантъ Старосте не можетъ нарадоваться по поводу того, что геккеровскія шляпы запрещены и что лица, которыя продолжаютъ носить ихъ, подвергаются наказанію.

**) Безъ прусскаго вторженія, безъ пораженія и массоваго выселенія демократіи націоналъ-либеральный карьеризмъ не могъ бы пріобрѣсти такого полновластнаго господства въ Баденѣ, какъ это было впослѣдствіи.

у нихъ было убито лишь 20 человѣкъ. Повидимому, прусскіе военные статистики желали съ помощью этихъ цифръ возвеличить превосходство пруссаковъ *).

Неизвѣстный гессенскій офицеръ пишетъ въ своемъ „Походѣ противъ баденско-пфальцскаго возстанія" и т. д. съ извѣстною гордостью: „Потери врага несомнѣнно болѣе чѣмъ вдвое превышали наши, и, главное, у него всюду было гораздо больше убитыхъ". И прусскій офицеръ Старосте объясняетъ намъ загадку, замѣчая въ своемъ дневникѣ (стран. 182): „Войска всѣ охвачены были ненавистью къ мятежникамъ и потому солдаты лишь рѣдко давали имъ пощаду!"

Если бы армія мятежниковъ поступала такъ же, то имперская армія и пруссаки тоже насчитывали бы больше убитыхъ. Но баденскіе солдаты не претендовали на подобнаго рода „лавры", и потому исторія иначе будетъ судить ихъ.

---

*) Впрочемъ, и противная имъ партія сильно уклонялась отъ истины. Такъ, разсказываютъ, будто въ Раштаттѣ, въ крѣпостныхъ подземельяхъ, въ 1849 году разстрѣляно было болѣе 2.000 поляковъ, далѣе будто баденцы во время сраженія у мургской линіи сбросили въ Мургъ цѣлый корпусъ арміи.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Окончаніе конституціонной работы.

10 мая франкфуртскій парламентъ объявилъ, что вступленіе прусскихъ войскъ въ Саксонію было тяжелымъ нарушеніемъ имперскаго мира. Прусское правительство отвѣтило на это циркуляромъ, отзывающимъ прусскихъ депутатовъ изъ парламента. Заявивъ о томъ, что депутатскія полномочія истекли, правительство Пруссіи дѣйствовало беззаконно, но оно сдѣлало это потому, что чувствовало за собой силу. Правитель имперіи тоже счелъ своевременнымъ сбросить съ себя маску добродушія: теперь онъ, не стѣсняясь, показывалъ себя во всей своей грубости и наглости. Онъ образовалъ новое министерство съ генераломъ Іохмусомъ во главѣ; генералъ этотъ былъ какимъ-то авантюристомъ, когда-то служилъ даже турецкимъ пашою; кромѣ него, въ министерствѣ находились еще: князь фонъ-Сайнъ-Витгенштейнъ, Гревель, Меркъ и Детмольдъ. Собраніе заявило, что считаетъ это министерство оскорбленіемъ германскаго національнаго представительства, и внезапно вспомнило, что центральное правительство, согласно закону, послѣ завершенія и осуществленія конституціи должно прекратить свое существованіе. Несмотря на то, что собственно конституціонная работа не была еще закончена, собраніе постановило избрать намѣстника имперіи и возложить на него проведеніе конституціи въ жизнь имперіи.

Іоганнъ хладнокровно продолжалъ возсѣдать на тронѣ имперскаго правителя, а конституціоналисты, которыхъ называли также ротою Гагерна, рѣшились покинуть церковь святого Павла, гдѣ они начинали чувствовать себя весьма не по себѣ. Они вышли изъ собранія, находя, что теперь надлежитъ или стать революціонерами, или отказаться отъ законнаго проведенія конституціи. Они почли за лучшее сдѣлать послѣднее и, по ихъ собственному выраженію, ввѣрили конституцію „прогрессирующей самодѣятельности націи". И такими жалкими фразами эти людишки хотѣли скрыть передъ народомъ и свою неспособность къ настоящему дѣлу, и свое пораженіе.

Теперь Пруссія вновь попыталась самолично разрѣшить конституціонный вопросъ; въ Шлезвигъ-Голштиніи она уже раньше высту-

пала почти какъ центральное правительство. Въ Берлинѣ происходили конференціи между Пруссіей, Австріей, Баваріей, Ганноверомъ и Саксоніей. Но Баварія и Австрія вскорѣ отказались отъ участія въ нихъ, потому что онѣ не согласны были „на главенство Пруссіи". Въ австрійскихъ интересахъ, а также чтобы имѣть точку опоры, необходимую для сохраненія политическаго равновѣсія, Іоганнъ продолжалъ занимать постъ имперскаго правителя и въ то же время велъ длинный и въ высшей степени скучный обмѣнъ нотами съ Пруссіей. 26 мая Пруссія, Саксонія и Ганноверъ вступили во взаимное соглашеніе касательно такъ называемаго „союза трехъ королей", который задался цѣлью дать Германіи аристократически-плутократическую конституцію съ коллегіей государей во главѣ и съ классовымъ избирательнымъ правомъ. Въ этотъ проектъ не вошло ни одного демократическаго постановленія, и даже Австрія нашла бы его, по всей вѣроятности, достаточно реакціоннымъ для того, чтобы принять его. Но въ проектѣ роль „главы имперіи" предоставлялась Пруссіи, и вслѣдствіе этого старый дуализмъ вспыхнулъ вновь. Саксонія и Ганноверъ тоже заявили, что войдутъ лишь въ такое союзное государство, которое будетъ охватывать всю Германію, а не только группу отдѣльныхъ частей имперіи. Баварія и Вюртембергъ тоже являлись врагами „конституціи трехъ королей"; со стороны Вюртемберга это объяснялось тѣмъ, что вюртембергскій король, какъ извѣстно, не желалъ подчиняться никому изъ дома Гогенцоллерновъ.

Ясно, что новые три союзника такъ же мало были въ состояніи создать не прусскую, а германскую конституцію, какъ и франкфуртскій парламентъ. Отъ послѣдняго остались теперь лишь жалкіе останки, и парламенту приходилось все болѣе и болѣе опасаться за свою безопасность. О его отношеніи къ „конституціоннымъ" возстаніямъ мы уже говорили. Парламентъ пальцемъ о палецъ не ударилъ, когда вспыхнули возстанія въ Пфальцѣ и Баденѣ, которыя подняли вѣдь знамя борьбы за имперскую конституцію. Избѣгая дѣйствія, парламентъ хотѣлъ въ то же время обратиться опять къ народу съ одной изъ излюбленныхъ имъ прокламацій, которыя такъ же мало говорили, какъ и воздѣйствовали. Комиссія предложила два текста на выборъ; одинъ изъ нихъ былъ составленъ Уландомъ. Оба весьма мало соотвѣтствовали положенію вещей, такъ какъ реакціоннымъ силамъ и ихъ угрозамъ было посвящено здѣсь лишь нѣсколько ничего не значащихъ фразъ. Тогда слово взялъ Вольфъ изъ Бреславля *) и рѣзко заявилъ собранію, что, по его мнѣнію, довольно молоть языкомъ. Онъ издѣвался надъ вѣчнымъ стараніемъ дѣйствовать на законномъ основаніи, въ то время какъ правительства пускаютъ въ ходъ только силу. Правитель имперіи, сказалъ онъ, это первый измѣнникъ народа. Президентъ Ре призвалъ его къ порядку, и Фогтъ, который чувствовалъ, что ему

*) Извѣстный Вольфъ-Казематовъ и редакторъ „Новой Рейнской Газеты", который являлся здѣсь замѣстителемъ отсутствующаго редактора.

неделикатно помѣшали предаваться милой болтовнѣ, воспользовался предлогомъ для личныхъ нападокъ на Вольфа. Къ несчастью, ему пришлось проглотить за это рѣзкую отповѣдь со стороны Вольфа.

24 мая парламентъ рѣшилъ облегчить себѣ условія принятія рѣшеній; постановлено было, что достаточно для этого присутствія лишь ста членовъ. 30 мая рѣшено было перенести засѣданія собранія въ Штутгартъ, гдѣ—въ виду того, что имперская конституція была признана Вюртембергомъ,—надѣялись быть внѣ опасности отъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій. Правитель имперіи отказался послѣдовать въ Штутгартъ.

Вюртембергскіе депутаты неоднократно предостерегали противъ переселенія въ Штутгартъ, и когда остатки парламента, насчитывающаго теперь 105 членовъ, явились въ Штутгартъ, они не встрѣтили здѣсь желаннаго пріема. Правда, въ самой странѣ до извѣстной степени вновь пробудились симпатіи къ парламенту, на который открыто напали теперь реакціонныя силы. Въ Людвигсбургѣ на вокзалѣ одинъ унтеръ-офицеръ артиллеріи выразилъ парламенту симпатіи отъ имени своихъ товарищей и, какъ разсказываетъ Морицъ Гартманъ, заявилъ, что дѣло народа есть также дѣло арміи. Такого рода изъявленія чувствъ нѣсколько приподняли настроеніе парламента, но въ общемъ у него все же мало-по-малу испарялись иллюзіи. Швабская столица весьма ясно дала почувствовать парламенту, что его посѣщеніе нисколько не является для нея желательнымъ. Во Франкфуртѣ парламентъ, который тогда еще поднимали волны безграничныхъ надеждъ народа, встрѣтили съ торжествомъ: жители Франкфурта почитали честью принимать у себя въ домѣ депутатовъ. Въ Штутгартѣ же представителямъ упадающаго конституціоннаго дѣла едва удавалось найти себѣ квартиры. Въ средѣ швабской демократіи господствовало полное разложеніе *).

Великолѣпный „республиканецъ“ во фракѣ, мартовскій министръ Ремеръ, хотя и былъ еще членомъ парламента, но послѣ ареста Фиклера должны были разсѣяться всякаго рода иллюзіи относительно личности этого государственнаго мужа. Онъ не тотчасъ заявилъ о своемъ выходѣ изъ парламента и присутствовалъ еще во время перваго его засѣданія въ Штутгартѣ, — 6 іюня. Одинъ очевидецъ замѣчаетъ о немъ, что выглядѣлъ онъ какъ „нечистая совѣсть“. На этомъ засѣданіи, происходившемъ въ залѣ вюртембергской палаты депутатовъ, Фогтъ, пользуясь случаемъ для новыхъ рѣчей, предложилъ учредить имперское регентство, состоящее изъ пяти членовъ. Предложеніе это было осуществлено. Далѣе рѣшено было, что временное центральное правительство перестаетъ функціонировать, что избирательное право „конституціи трехъ королей“ не имѣетъ законной силы и что всякое примѣненіе его является государственной измѣной.

Членами имперскаго регентства избраны были: Францъ Раво изъ

*) Подробности объ этомъ см. у Раво: „Mitteilungen über die badische Revolution“, стран. 71 ff.

Кельна, Карлъ Фогтъ изъ Гиссена, Фридрихъ Шюлеръ изъ Цвейбрюкена, Генрихъ Симонъ изъ Бреславля и Августъ Бехеръ изъ Штутгарта *).

Изъ этихъ пяти человѣкъ лишь Раво обладалъ энергіей и инициативой, но, къ сожалѣнію, онъ часто приходилъ въ колебательное настроеніе; Фогтъ былъ не что иное, какъ болтливый профессоръ, Генрихъ Симонъ постоянно увязалъ въ болотѣ законности; Шюлеръ представлялъ изъ себя малонадежнаго либерала, а Бехеръ тогда слылъ „сомнительнымъ кантонистомъ“ въ политическихъ дѣлахъ.

Избраніе регентовъ было провозглашено предсѣдателемъ Леве-Кальбе съ совершенно излишнимъ паѳосомъ, такъ какъ врядъ ли въ то время кто-нибудь серьезно относился къ учрежденію регентства.

Новоизбранные пять регентовъ обратились съ прокламаціей къ германскому народу, въ которой они заявляли, что въ случаѣ надобности они намѣрены силой пойти противъ силы. Въ то же время они извѣщали о томъ, что главное командованіе германской арміей изъ рукъ центральнаго правительства переходитъ теперь къ нимъ, и немедленно обратились къ различнымъ генераламъ съ приказаніями. Зигель долженъ былъ остаться въ Баденѣ, Пейкеръ въ Гессенѣ, Притвитцу надлежало побить датчанъ, а Миллеру отступить. Но, по мѣткому замѣчанію одного современника, имперскіе генералы болѣе интересовались обитателями луны, чѣмъ этими имперскими регентами въ Штутгартѣ.

Къ вюртембергскому правительству имперское регентство, какъ сообщилъ Раво въ засѣданіи 13-го іюня въ залѣ Кольба въ Штутгартѣ, обратилось съ требованіемъ выставить армію изъ 5.000 пѣхоты, двухъ эскадроновъ кавалеріи и двухъ батарей „для подкрѣпленія осажденныхъ въ Раштаттѣ и Ландау (!)“. Раво жаловался на то, что вюртембергское правительство не дало отвѣта на это требованіе. Однако отвѣтъ послѣдовалъ еще 8 іюня въ заявленіи министерства, которымъ послѣднее открыто бросило перчатку регентству. Въ этомъ искусно составленномъ заявленіи говорилось, что регенты, если имъ дать волю, погубятъ въ неравной борьбѣ жизнь и добро вюртембержцевъ и еще болѣе разрушатъ благосостояніе страны; что регенты не имѣютъ права безъ согласія правительства и палатъ распоряжаться вюртембергскими войсками и средствами и что министерство не можетъ позволить, чтобы они властвовали надъ страной.

Правда, регентство еще не „распоряжалось“, а пока лишь требовало, но сердца швабскихъ буржуа всецѣло принадлежали Ремеру, который прекрасно умѣлъ охранять интересы ихъ кармановъ, и Шодеръ

---

*) Людвигъ Пфау разсказываетъ, что избраніе Бехера состоялось главнымъ образомъ благодаря тому, что „швабскій Маратъ“, нѣкто Даллингеръ, заставлялъ слушателей во время выбора регентовъ постоянно выкрикивать: „Бехера!“ Парламентъ исполнилъ требованіе этого „гласа народнаго“ и избралъ Бехера. Послѣдній впослѣдствіи отвернулся отъ демократіи и, повидимому, очень не любилъ, когда ему напоминали о томъ короткомъ періодѣ его жизни, когда онъ былъ регентомъ.

совершенно безцѣльно унижался, съ усердіемъ и страхомъ открещиваясь отъ „республиканскихъ тенденцій“. Извѣстный эстетикъ Фишеръ еще превзошелъ его, глумясь надъ баденской демократіей. Напротивъ, радикальный Мартини заявилъ, что онъ выходитъ изъ парламента, который, „подобно свинцовой тяжести, тормозитъ движеніе“. Учредительное собраніе въ Баденѣ отказалось подчиняться постановленіямъ парламентскаго остова. И ко всему этому старый Іоганнъ во Франкфуртѣ тоже зашевелился и потребовалъ у вюртембергскаго правительства принятія мѣръ противъ парламента.

Послѣ того какъ министерство Ремера своимъ заявленіемъ открыто порвало съ признанной въ Вюртембергѣ конституціей, оно ждало лишь подходящаго момента, чтобы разогнать собраніе. Во Франціи могъ произойти поворотъ въ ходѣ дѣлъ, если бы партія Ледрю-Роллена одержала верхъ, и это несомнѣнно отразилось бы на Германіи. Необходимо было выждать событій.

Собраніе получало много адресовъ, союзы и собранія выражали ему свои симпатіи, національная гвардія часто торжественно выстраивалась передъ нимъ, но этимъ дѣло и ограничивалось. Ему приходилось странствовать изъ одного помѣщенія въ другое. Въ залѣ сословій ему отказали, оно засѣдало сперва въ залѣ Кольба, а затѣмъ въ манежѣ Фрица, залъ котораго демократическія дамы Швабіи постарались разукрасить на скорую руку. Морицу Гартману хотѣлось, чтобы входъ въ залъ украшали пушки гражданскаго ополченія. „Но,—разсказываетъ онъ,—когда гражданское ополченіе приступило было къ исполненію этого желанія, то оказалось, что правительство опечатало его имущество и конфисковало пушки!“

Когда изъ Парижа пришло извѣстіе, что возстаніе 13 іюня потерпѣло неудачу, министерство Ремера рѣшило нанести окончательный ударъ. Президентъ Леве-Кальбе получилъ бумагу, въ которой ему сообщалось, что вюртембергское министерство не можетъ долѣе терпѣть „засѣданій національнаго собранія и хозяйничанья имперскихъ регентовъ“. Леве не отвѣчалъ. На слѣдующій день, 18 іюня, онъ получилъ отъ Ремера записку, предупреждающую его о томъ, что противъ засѣданія національнаго собранія будутъ приняты „необходимыя мѣры“.

Уландъ предложилъ президенту собрать какъ можно больше членовъ и стройными рядами отправиться къ мѣсту собранія, „чтобы такимъ образомъ дать свершиться надъ собою насилію“. Въ 3 часа процессія депутатовъ двинулась въ Казарменную улицу; во главѣ ея шествовали Уландъ и Шоттъ, тесть Ремера, между ними президентъ. Улица была оцѣплена войскомъ, въ боковыхъ улицахъ выстроена кавалерія. Великій мастеръ стратегическаго искусства генералъ Миллеръ отдавалъ распоряженія. Когда процессія приблизилась къ фронту войскъ, ряды ихъ раздались и показался гражданскій комиссаръ Каммереръ съ бѣлымъ шарфомъ. Каммереръ прерывающимся голосомъ заявилъ, что засѣданія парламента не могутъ быть

долѣе терпимы, и затѣмъ опять исчезъ въ массѣ солдатъ. Президентъ Леве-Кальбе воскликнулъ: „я заявляю...“ но слова его были покрыты оглушительнымъ барабаннымъ грохотомъ, и этотъ стукъ барабановъ лишилъ міръ одного изъ многочисленныхъ словесныхъ „заявленій“, которыя, по мнѣнію парламента, должны были замѣнять дѣла.

„Штыки на перевѣсъ!“ раздалась команда пѣхотѣ, но послѣдняя не рѣшалась броситься на безоружныхъ людей. Генералъ Миллеръ крикнулъ президенту: „прочь!“ и скомандовалъ кавалеріи выдвинуться изъ боковыхъ улицъ. „Штыки въ дѣло! руби! руби!“ вновь прозвучала команда; сабли сверкнули въ воздухѣ и скрестились надъ сѣдой головой стараго поэта, который въ свое время пропѣлъ солдатамъ пѣснь про „славнаго товарища“. Но штыки все-таки не были пущены въ ходъ, несмотря на то, что депутатъ Гюнтеръ, зять Роберта Блюма, въ возбужденіи разорвалъ свое платье и крикнулъ всадникамъ: „Ну, рубите же, если хотите убить представителя германскаго народа!“ Депутаты были оттѣснены войсками; генералъ Миллеръ сквозь лорнетку наблюдалъ эти бурныя сцены. Депутаты двинулись обратно къ отелю Марквардтъ. Народъ провожалъ ихъ криками ура; пущена была въ ходъ кавалерія, чтобы разсѣять толпу на глазахъ у отдѣленія гражданскаго ополченія, которое оставалось безмолвнымъ и неподвижнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго *).

Въ отелѣ Марквардта еще разъ собрался парламентъ, но въ виду его малочисленности постановленія его не могли имѣть законной силы. Тѣмъ не менѣе происходили совѣщанія, и господинъ Шодеръ произнесъ здѣсь послѣднее слово, вошедшее въ офиціальный протоколъ засѣданія: „З а с ѣ д а н і е з а к р ы в а е т с я“. Да, оно закрылось — н а в с е г д а!

Президентъ Леве **) предложилъ депутатамъ собраться 25 іюня въ Карлсруэ. Но какъ разъ въ этотъ день пруссаки вступили въ Карлсруэ, и большинство депутатовъ вмѣстѣ съ баденскими инсургентами бѣжали за границу. Изъ оставшихся многіе преслѣдовались и подвергались заключенію, при чемъ отношеніе судовъ къ бывшимъ депутатамъ зависѣло отъ мнѣнія, котораго придерживались суды насчетъ правомѣрности франкфуртской имперской конституціи.

Два члена этого парламента были разстрѣляны по приговору военнаго суда: Блюмъ и Трюцшлеръ; двое были растерзаны разъяренной толпой: Лихновскій и Ауэрсвальдъ. Многіе заочно приговорены были къ суровымъ наказаніямъ и даже къ смертной казни, какъ, напр.,

---

*) Храбрые швабы разрушили залъ засѣданій собранія. Изъ черно-красно-золотыхъ знаменъ, преподнесенныхъ нѣжными руками демократокъ, солдаты дѣлали себѣ портянки.

**) Барабанный бой, повидимому, произвелъ сильно импонирующее впечатлѣніе на господина Леве, такъ какъ, вернувшись изъ изгнанія, онъ вскорѣ сталъ такимъ пламеннымъ почитателемъ прусскаго военнаго государства, что даже національ-либералы казались ему слишкомъ оппозиціонными.

Людвигъ Симонъ изъ Трира и Раво; Леве-Кальбе, Генриху Симону и др. назначены были пожизненныя каторжныя работы *).

За печальнымъ финаломъ нѣмецкаго парламента,—финаломъ, вызваннымъ его собственной слабостью,—разыгралось еще одно, наполовину комическое, наполовину отталкивающее событіе: собраніе въ Готѣ 25 іюня, на которомъ сошлась „рота Гагерна", чтобы обсудить положеніе дѣлъ. Къ участію въ собраніи привлечены были еще другія сочувствующія души. Послѣ трехдневнаго засѣданія при закрытыхъ дверяхъ появилась резолюція, гласящая, что франкфуртская конституція въ настоящее время невозможна и что поэтому народъ долженъ принять конституцію трехъ королей, которая восприняла въ себя ядро франкфуртской конституціи: наслѣдственность императорскаго сана. Въ такомъ родѣ подвизались Гагернъ и компанія, письменно обязавшіеся во Франкфуртѣ на Майнѣ твердо держаться имперской конституціи, а теперь предлагавшіе свои услуги прусскому правительству. Итакъ, націоналъ-либерализмъ, находящій удовольствіе въ лакействѣ и буквально навязывающій свои услуги сильнымъ міра сего, уже не особенно новъ. Собраніе въ Готѣ называютъ парламентскимъ послѣсловіемъ, и названіе „готскій" превратилось въ насмѣшку.

Народъ, подавленный послѣдними событіями, сдѣлавшійся равнодушнымъ и утратившій всякія надежды на лучшее будущее подъ вліяніемъ печальнаго исхода всѣхъ освободительныхъ движеній и борьбы, стоившей столько жертвъ, народъ, стонущій подъ двойнымъ игомъ политической реакціи и экономическаго разоренія, совершенно не интересовался тѣмъ, что происходило въ высшихъ сферахъ. Обмѣнъ нотами правительствъ относительно „конституціи трехъ королей" не интересовалъ никого, кромѣ самихъ правительствъ.

---

*) Іоганнъ Якоби имѣлъ рѣдкое мужество добровольно предстать передъ судомъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ сильно бушевала реакція. Ему хотѣлось подать примѣръ стойкости въ это темное, мрачное время. Но благодаря сокрушительной логикѣ рѣчи, произнесенной имъ въ свою защиту, ему удалось добиться оправданія даже у столь тщательно подобраннаго состава присяжныхъ, какой засѣдалъ въ кенигсбергскомъ судѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Пораженіе венгровъ.

Разладъ между Кошутомъ и Гергеемъ, причины котораго изложены выше, привелъ вскорѣ къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ; Гергей, ненавидѣвшій правительство Кошута за то, что оно было республиканское, отыскивалъ поводы для неповиновенія ему. Бѣдственное положеніе Венгріи не могло заставить этого огрубѣвшаго эгоиста отказаться отъ своихъ интригъ, которыя всегда шли наперекоръ планамъ и рѣшеніямъ правительства и ослабляли послѣднее. Правительство велѣло ему съ 30-тысячною арміей преслѣдовать австрійцевъ изъ Коморна и двинуться къ Вѣнѣ, а 10 тысячами солдатъ окружить Офенъ; Гергей послалъ лишь 10.000 человѣкъ для преслѣдованія—собственно для наблюденія австрійцевъ—въ Раабъ, а самъ съ 30.000 осадилъ Офенъ. Осада этого города продолжалась до 21 мая, когда онъ былъ взятъ штурмомъ. Штурмъ удался лишь послѣ третьяго нападенія, сопровождавшагося ожесточенной схваткой, во время которой былъ убитъ австрійскій генералъ Генци *).

Кошутъ, высказавшій въ письмѣ къ Гергею опасеніе, чтобы Офенъ не сталъ Мантуей Венгріи, 6 іюня торжественно вступилъ вмѣстѣ со всѣмъ правительствомъ въ освобожденный городъ. Но, несмотря на радость и ликованіе народа, Кошутъ не могъ заблуждаться относительно того, въ какое рискованное положеніе попала Венгрія. Австрійцы, которые съ ужасомъ ждали вторженія венгровъ въ Австрію, теперь получили возможность спокойно собирать свои силы.

Австрійское войско, численность котораго достигла уже 80.000 человѣкъ, стояло на Ваагѣ подъ предводительствомъ Гайнау. У Еллачича на югѣ Венгріи, было 40.000 солдатъ, у Кламъ Галласа въ Валахіи 12.000. Приближалась также 140-тысячная русская армія. Этой военной силѣ венгерцы могли противопоставить 141.000 человѣкъ, но войска могли быть еще увеличены и, при быстротѣ дѣйствій, возможенъ былъ бы даже успѣхъ.

---

*) Правнукъ извѣстнаго швейцарскаго демократа и заговорщика Генци, казненнаго въ 1749 году.

Правительство сообща съ Гергеемъ составило планъ военныхъ дѣйствій. Съ медленно надвигавшимися русскими рѣшено было пока что не вступать въ рѣшительную борьбу; лишь одному корпусу на верхней Тиссѣ поручено было затруднять имъ переходъ. Гергей же со всей остальной массой войска долженъ былъ броситься на австрійцевъ и въ случаѣ побѣды немедленно выступить къ Вѣнѣ. Противъ Еллачича рѣшили послать Бема. Въ случаѣ пораженія на верхнемъ Дунаѣ Гергею предлагалось опереться на сильную крѣпость Коморнъ и озаботиться о привлеченіи подкрѣпленій. Думали также въ случаѣ пораженія двинуться съ сильной арміей въ Италію и отсюда съ тылу напасть на Австрію *).

Гергей, которому планъ этотъ, повидимому, пришелся очень по вкусу, поспѣшно направился въ Коморнъ, чтобы атаковать австрійцевъ. Но удобный моментъ былъ уже пропущенъ: австрійцы были теперь слишкомъ сильны. Правда, Гергею еще удалось произвести нападеніе и разбить небольшой австрійскій корпусъ у Чорна. Но нападеніе его на австрійцевъ на островѣ Шюттѣ не имѣло успѣха: 16 мая онъ былъ опрокинутъ австрійскими войсками, и армія его спаслась только благодаря Клапкѣ, коморнскому коменданту, который открылъ ей отступленіе черезъ Асподскій мостъ. Въ то время какъ русскіе переходили черезъ венгерскую границу и всюду принуждали къ отступленію венгерскія войска, Гергей потерпѣлъ еще одно пораженіе у Переда. 21 іюня и Раабъ былъ отнятъ у венгровъ. Гергей написалъ въ Пештъ, что все потеряно; пусть оставятъ его на произволъ судьбы и пусть правительство ищетъ спасенія въ Гроссвардейнѣ.

Въ эту опасную минуту Кошутъ обратился съ воззваніемъ, призывая къ массовому возстанію; повсюду долженъ былъ звучать набатъ, приглашая каждаго здороваго гражданина взяться за оружіе. Военныя силы рѣшено было сконцентрировать внутри страны. Къ Гергею посланы были генералы Киссъ и Аулихъ и министръ Чаній, чтобы убѣдить его отступить внутрь страны. Гергей хотя обѣщалъ, но не явился. Онъ вновь произвелъ нападеніе на австрійцевъ, и хотя ему удалось прогнать ихъ изъ Ача передъ Коморномъ, все же его положеніе становилось все затруднительнѣе. Тогда, по приказанію Кошута, Гергей за свое непослушаніе лишился должности главнокомандующаго и на его мѣсто былъ назначенъ Мессарошъ. За Гергеемъ предполагалось оставить постъ военнаго министра. Но Гергей, только что одержавшій побѣду и раненый въ битвѣ, устроилъ такъ, что преданные ему офицеры, грозя возмущеніемъ, „заставили“ его удержать команду надъ войсками и устранили непріятное ему военное министерство. Въ тотъ критическій моментъ правительство сочло нужнымъ подчиниться.

Къ Гергею шло одно приказаніе за другимъ, чтобы онъ ушелъ изъ Коморна и отказался отъ своихъ губительныхъ и упрямыхъ попытокъ пробить линію австрійскихъ войскъ на правомъ берегу Дуная.

*) Послѣдній планъ является уже продуктомъ чрезмѣрно возбужденной фантазіи

Гергей не слушался. Изъ-за этого онъ поссорился даже съ своимъ другомъ Клапкой *). 11 іюня онъ еще разъ перешелъ въ наступленіе, которое окончилось тѣмъ, что послѣ кровавaго сраженія онъ былъ оттѣсненъ обратно подъ защиту коморнскихъ орудій. Теперь, наконецъ, онъ рѣшился отступить; отступленіе это могло происходить лишь по лѣвому берегу Дуная, такъ какъ надвигающіеся полки русскихъ угрожали ему. Въ Коморнѣ онъ оставилъ Клапку съ 18.000 человѣкъ **).

13 іюля Гергей удалился изъ Коморна; тѣмъ временемъ Кошутъ съ правительствомъ, рейхстагомъ и станкомъ для печатанія ассигнацій принужденъ былъ очистить Пештъ. Городъ опять заняли австрійцы, и Гайнау грозилъ несчастнымъ жителямъ убійствами и пожаромъ. Даже у полуиндѣйскихъ гаучосовъ Южной Америки въ ихъ войнахъ не было столько свирѣпости и кровожадности, сколько въ приказахъ, отдаваемыхъ арміи Гайнау.

Массовое возстаніе разливалось все шире и шире; все новыя и новыя группы, готовыя къ борьбѣ, спѣшили стать подъ венгерскія знамена. Но планъ венгерскаго правительства—создать концентрацію силъ — не осуществился. Гергею послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ русскими у Вайцена счастливо удалось совершить переходъ и, описавъ широкій кругъ, онъ черезъ Мискольцъ достигъ Гроссвардейна. Перешедшій опять къ наступленію Еллачичъ 14 іюля около Гегьеса былъ обращенъ въ бѣгство генералами Гюйономъ и Феттеромъ и оттѣсненъ далеко на югъ, такъ что венгры могли укрѣпить осажденный австрійцами Петервардейнъ. Эта сильная крѣпость была на югѣ для венгерцевъ такой же важной точкой опоры, какими являлись Коморнъ на западѣ и Арадъ на востокѣ.

Своевременно собрать всѣ венгерскія боевыя силы въ Сегединѣ, какъ это ранѣе предполагалось, не удалось. Гайнау двинулся къ Сегедину и занялъ его 3 августа; рейхстагъ, который въ Сегединѣ провозгласилъ эмансипацію евреевъ, бѣжалъ въ Арадъ, завоеванный венграми. Лишь 2 августа русскіе, подвигавшіеся очень медленно и понесшіе вслѣдствіе нужды и болѣзней много потерь въ негостепріимныхъ областяхъ Тиссы, пришли въ Дебречинъ. Здѣсь фельдмаршалъ Паскевичъ, извѣстный усмиритель польскаго возстанія, съ 60.000 арміей напалъ на венгерскаго генерала Наги Сандора, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи лишь 10.000 человѣкъ. Гергей, стоявшій поблизости, не двинулся къ нему на помощь, и Наги Сандоръ ***) послѣ геройской борьбы

*) Кошутъ приписываетъ генералу Клапкѣ характеръ римлянина. Но впослѣдствіи Клапка должно быть утратилъ „римскій" характеръ, иначе онъ врядъ ли путался бы съ Бисмаркомъ въ 1866 году.

**) Даже австрійскимъ военнымъ писателямъ, которые — что очень характерно — становятся на сторону Гергея противъ Кошута, „недостаточно ясно", почему Гергей не уходилъ изъ Коморна. См. составленный, очевидно, офицеромъ, участвовавшимъ въ походѣ: „Der Feldzug in Ungarn und Siebenbürgen des Jahres 1849".

***) Наги Сандоръ всегда утверждалъ, что Гергей сознательно желалъ погубить его и его корпусъ. Наги Сандоръ также однажды открыто заявилъ, что тотъ, кто осмѣлится стремиться къ военной диктатурѣ, найдетъ въ немъ своего Брута. Конечно, Гергей отмѣтилъ это для себя.

былъ разбитъ на́ голову. Черезъ два дня послѣ этого Дембинскій былъ разбитъ Гайнау при Серегѣ и отброшенъ къ Араду. Во время всѣхъ этихъ дѣйствій Гергей совершалъ безцѣльные переходы и отдѣльные венгерскіе корпуса терпѣли пораженія. Гергей уже вступилъ тогда въ переговоры съ русскими, чтобы „выиграть время", какъ выражались австрійцы.

Тѣмъ временемъ Бемъ съ перемѣннымъ счастьемъ дѣйствовалъ въ Трансильваніи; въ концѣ-концовъ онъ былъ побѣжденъ соединенными силами русскихъ и австрійцевъ. Послѣ того какъ русскіе подъ предводительствомъ Людерса штурмомъ взяли проходъ „Красной Башни", Бемъ 31 іюля былъ разбитъ у Шессбурга *). У Германдштадта ему еще разъ удалось принудить русскихъ къ отступленію, но онъ не могъ устоять противъ численнаго превосходства австро-русской арміи, былъ разбитъ на́ голову и съ жалкими остатками своихъ войскъ явился 9 августа передъ Темешваромъ, гдѣ соединился съ Дембинскимъ. Въ слѣдующей рѣшительной битвѣ Гергей попрежнему отсутствовалъ: онъ находился въ то время въ Арадѣ.

Храбро защищаемый австрійцами и страшно бомбардируемый венграми подъ предводительствомъ Вечея, Темешваръ былъ близокъ къ паденію; Дембинскій, который получилъ приказъ двинуться къ Араду, хотѣлъ во что бы то ни стало, если бы не удалось отрѣзать австрійское подкрѣпленіе, увести вмѣстѣ съ собой осадный корпусъ. Свои запасные боевые припасы онъ уже отправилъ въ Арадъ; сраженія ему хотѣлось избѣгнуть, потому что войска его были совсѣмъ обезсилены. Но Гайнау, который быстро шелъ навстрѣчу съ болѣе сильнымъ войскомъ, дѣлалъ все возможное, чтобы вовлечь осторожнаго Дембинскаго въ сраженіе. Когда явился Бемъ и принялъ главную команду—Кошутъ поручилъ ему команду надъ всѣми войсками въ банатѣ (намѣстничествѣ),—тотчасъ началось сраженіе, ставшее роковымъ для судьбы Венгріи.

Между Бемомъ и Дембинскимъ передъ этимъ сраженіемъ произошла слѣдующая любопытная бесѣда **):

Дембинскій: „Что думаешь ты предпринять?"

Бемъ: „Дать сраженіе и пойти впередъ; ты все время отступаешь, такимъ образомъ насъ скоро выгонятъ изъ страны".

Дембинскій: „Войска измучились и изголодались во время неимовѣрно труднаго перехода; наши кони отказываются служить. При такихъ условіяхъ сраженіе должно повлечь за собой неизбѣжную гибель арміи".

---

*) Во время этой битвы пропалъ безъ вѣсти знаменитый венгерскій поэтъ Петефи, бывшій адъютантомъ у Бема. Жена его, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, вышла замужъ вторично. Нужно надѣяться, что онъ нашелъ смерть въ бою, которую онъ такъ пламенно призывалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

**) См. „Chronik der Magyaren", Филиппа Корна, капитана нѣмецкаго легіона, т. II: „Русскіе въ Венгріи и венгры въ Германіи".

Бемъ: „Для ѣды и для отдыха будетъ время послѣ побѣды" (приказываетъ артиллеріи взять пушки на передки).

Дембинскій (вкладывая саблю въ ножны): „Прощай, Бемъ!"

Бемъ: „Но ты вѣдь не покинешь меня теперь; я думалъ поручить тебѣ командованіе правымъ крыломъ".

Дембинскій: „Неси ты одинъ отвѣтственность за то, что ты дѣлаешь!"

Австрійцы разсказываютъ, будто появленіе Бема подняло духъ среди венгерцевъ, возродило ихъ довѣріе къ своимъ силамъ, и это вылилось въ самыя неожиданныя формы.

У венгровъ было 50.000 человѣкъ и 120 орудій, у австрійцевъ и русскихъ—70.000 человѣкъ и 150 орудій.

Бемъ, прославившійся блестящими дѣйствіями своей артиллеріи при Остроленкѣ, началъ атаку страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ и привелъ въ смятеніе австрійскія колонны. Затѣмъ онъ началъ окружать австрійцевъ. Венгерская кавалерія, съ отчаянно-смѣлымъ Гюйономъ во главѣ, дикимъ напоромъ смяла лѣвое крыло австрійцевъ; въ центрѣ русскіе и австрійцы отступали передъ адскимъ огнемъ венгерскихъ пушекъ. Бемъ послалъ уже курьера въ Арадъ съ вѣстью о побѣдѣ. Но какъ разъ въ критическій моментъ у венгерцевъ вышли всѣ боевые припасы; всѣ запасные матеріалы были вѣдь отосланы въ Арадъ. Бемъ велѣлъ привезти обратно боевые припасы, но ихъ еще не было. „Постарайтесь держаться до прибытія боевыхъ припасовъ", крикнулъ онъ командующему артиллеріей. Но боевые припасы не являлись, зато явился къ австрійцамъ на помощь князь Лихтенштейнъ, и это рѣшило исходъ сраженія. Лихтенштейнъ привелъ въ порядокъ опрокинутое лѣвое крыло австрійцевъ и далъ отпоръ венгерской кавалеріи. Храбрые гусары не въ состояніи были выдержать теперь этого столкновенія: они были переутомлены, голодны и у коней ихъ безпрестанно подкашивались ноги. „По глотку вина на гусара—и Венгрія была бы спасена", вздыхалъ Гюйонъ. Гайнау скомандовалъ наступленіе по всей линіи; непріятельскія массы опрокинули венгерцевъ, они потерпѣли полное пораженіе и бросились вразсыпную. Темешваръ былъ освобожденъ.

9 августа знаменуетъ конецъ венгерскаго возстанія. До сихъ поръ борьба велась съ честью: войска уступали подавляющей силѣ. Теперь предстояло пережить позоръ. Кошутъ тщетно взывалъ къ европейскимъ державамъ за помощью противъ русскихъ. Безпрепятственный пропускъ русскихъ черезъ область Пруссіи доказывалъ, что среди державъ царствовало единодушіе: всѣмъ имъ побѣды Венгріи сильно не нравились. Кошутъ поручилъ теперь своимъ посламъ за границей говорить не о „старыхъ правахъ" или „гуманности" или „цивилизаціи", а о той опасности, которой они подвергаютъ себя, доставляя свободный пропускъ русскимъ войскамъ. „Сообщите о томъ,—писалъ онъ,—что здѣсь совершается ежедневно, и пусть это послужитъ предостереженіемъ для народовъ запада, потому что послѣ насъ очередь придетъ

за ними. Сообщите, что этотъ врагъ лишь все разрушаетъ, что онъ уничтожаетъ поля, что онъ грабитъ и избиваетъ даже женщинъ и безоружныхъ мужчинъ. И прежде всего сообщите, что онъ входитъ въ мирныя и освященныя мѣста съ факеломъ пожара и все, что встрѣчается на пути, превращаетъ въ пепелъ..."

Но европейская дипломатія, холодно улыбаясь, прислушивалась къ этимъ воплямъ. Державы спокойно предоставляли русскимъ водворять порядокъ въ Венгріи. Однако по строгости мѣръ русскимъ не уступалъ и Гайнау.

Въ Арадѣ вожди венгерскаго возстанія въ послѣдній разъ собрались на военный совѣтъ. Хотя отъ Бема и получилось ободряющее письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что намѣренъ вмѣстѣ съ Гюйономъ вновь собрать разбѣжавшіеся полки и что въ общемъ положеніе дѣлъ не безнадежное, въ дѣйствительности венгерское дѣло было проиграно и у правительства въ этотъ критическій моментъ не было другой опоры, кромѣ Гергея. Правительство приказало Гергею помочь въ собираніи бѣжавшихъ, но Гергей и тутъ не счелъ нужнымъ повиноваться и скомандовалъ отступленіе за Маросъ, покинувъ остальныхъ и въ эту ужасную минуту на произволъ судьбы. Увидѣвъ, что въ распоряженіи „правительства" нѣтъ больше никакихъ силъ, онъ сталъ выступать какъ диктаторъ. Теперь онъ больше не стѣснялся явно обнаруживать свою ненависть къ Кошуту. „Если бы у меня поблизости была сила, которую я хотя бы для видимости могъ ему противопоставить, то я собственными руками схватилъ бы его передъ фронтомъ или далъ бы себя разрубить въ куски Но я былъ одинъ, хуже чѣмъ одинъ", такъ писалъ впослѣдствіи Кошутъ изъ Виддина.

Рѣшено было уполномочить Гергея вести переговоры съ русскими; основнымъ условіемъ при этомъ должно было быть сохраненіе венгерской конституціи. Но Гергей отклонилъ полномочія, предложенныя ему въ такой формѣ, и потребовалъ письменнаго отреченія правительства и военной диктатуры для себя. Такъ ничтожна была душа этого во многихъ отношеніяхъ выдающагося человѣка, что онъ не въ состояніи былъ обуздать своего честолюбія даже въ минуту агоніи независимой Венгріи. Кошутъ пережилъ тяжелую внутреннюю борьбу. Товарищи его уговаривали уступить Гергею. „Если бы я не согласился,—говорилъ онъ,—и родина моя погибла, то имя мое въ исторіи, душа моя всю остальную жизнь запятнаны были бы мыслью, что можетъ быть Гергею удалось бы что-нибудь спасти для отечества и что лишь упорство, съ которымъ я держался за мою власть, помѣшало этому".

Такимъ образомъ рѣшено было вручить Гергею военную диктатуру. Эта отчаянная мѣра опубликована была Кошутомъ въ Арадской прокламаціи отъ 11 августа; въ прокламаціи говорилось, что ожидать чего-нибудь теперь можно только отъ генерала, стоящаго во главѣ арміи. Вручая генералу Гергею высшую военную и гражданскую власть, онъ въ то же время дѣлаетъ его отвѣтственнымъ передъ Богомъ,

передъ націей и передъ исторіей въ томъ, что онъ эту власть по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ употребитъ на спасеніе національной и государственной самостоятельности своего бѣднаго отечества.

Послѣ этого Кошутъ отправился къ остальной части войска, и когда онъ черезъ нѣкоторое время увидѣлъ, что все проиграно, онъ бѣжалъ къ турецкой границѣ. Уже послѣ удаленія Кошута Гергей послалъ ему требованіе выдать ему корону святого Стефана. Но Кошутъ не далъ ему знаковъ императорскаго достоинства, а закопалъ ихъ въ землю недалеко отъ Орсовы, гдѣ они въ 1853 году найдены были австрійцами. Этотъ фетишизмъ по отношенію къ коронѣ святого Стефана является одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ мадьярскаго націонализма.

Гергей принялъ диктатуру только для того, чтобы закончить свое дѣло,—дѣло уничтоженія Венгріи. Въ своей прокламаціи онъ говорилъ, что хочетъ уменьшить жертвы, устранить преслѣдованія, жестокости и убійства. Его совѣтъ гражданамъ—спокойно вернуться къ частной жизни, не заниматься сопротивленіемъ и сраженіями. Какова ни будетъ воля Божья, слѣдуетъ нести судьбу съ мужественной рѣшимостью.

Исключеніе гражданъ отъ участія въ дѣлѣ, въ особенности же обращеніе къ Богу и смиренный тонъ явились прекраснымъ вступленіемъ къ дальнѣйшимъ событіямъ.

Еще въ тотъ же день, 11 августа, Гергей написалъ русскому генералу Рюдигеру и вызвался „безусловно“ сдать оружіе, но только русскому войску. Гергей писалъ, что ввѣряется великодушію царя, но предпочитаетъ погибнуть въ отчаянной битвѣ, чѣмъ допустить безусловную сдачу австрійской арміи. Онъ вызвался отправиться въ Вилагосъ, чтобы русскіе тамъ оцѣпили его и отдѣлили отъ австрійцевъ.

Паскевичъ, который еще 8 августа оборвалъ свои переговоры съ Гергеемъ, требуя безусловной сдачи, былъ теперь удовлетворенъ. Онъ принялъ предложеніе Гергея, и армія послѣдняго 13 августа въ Вилагосѣ сложила оружіе. Сдавшихся было 23.000 человѣкъ съ 130 орудіями. Крѣпость Арадъ съ комендантомъ Дамьяничемъ во главѣ тоже сдалась русскимъ. Паскевичъ писалъ царю: „Венгрія лежитъ у ногъ Вашего Императорскаго Величества“.

Австрійцы слишкомъ поздно явились въ Вилагосъ.

Послѣ вилагосской капитуляціи одинъ за другимъ сдавались всѣ отдѣльные корпуса венгерцевъ. Большинство вождей были настолько умны, что спаслись вмѣстѣ съ Кошутомъ въ Турцію: таковы Бемъ, Дембинскій, Феттеръ, Гюйонъ и Перчель. Они предчувствовали, что ихъ ждетъ висѣлица, если они попадутъ въ руки австрійцевъ. Нашлись и измѣнники. Венгерскій министръ финансовъ Душекъ бѣжалъ къ австрійцамъ съ венгерской государственной казной, заключавшей въ себѣ нѣсколько милліоновъ гульденовъ золота и серебра. Этой суммой онъ откупился отъ висѣлицы. Зато венгерскіе эмигранты въ Турціи остались почти совсѣмъ безъ средствъ.

Въ войскѣ Гергея распространены были такія же иллюзіи, какъ и среди раштаттскаго гарнизона. Войска были того мнѣнія, что Гергей обезпечилъ имъ защиту русскихъ и что можно будетъ свободно вернуться на родину. Многіе даже думали, что Россія теперь обратитъ свое оружіе противъ Австріи, чтобы завладѣть Венгріей. Предположеніе, что въ безсмыслицу эту вѣрилъ и Гергей, мало вѣроятно, хотя онъ и потребовалъ корону святого Стефана у Кошута.

Въ уже упомянутой австрійской работѣ *) говорится по этому поводу:

„Возможно ли, чтобы такія заблужденія возникали и пользовались всеобщимъ довѣріемъ въ арміи безъ вѣдома и желанія вождя; возможно ли, чтобы они упорно держались, не будучи имъ вызваны и поощряемы? Противъ воли приходится присоединиться къ господствующему среди венгровъ мнѣнію, будто Гергей самъ—вслѣдствіе ли близорукости въ дѣлахъ политики или упрямства и гордости—стремился поддерживать заблужденіе въ своей арміи; такимъ образомъ онъ сознательно старался склонить ее къ капитуляціи передъ русской арміей, чтобы спасти этимъ хотя бы собственную жизнь отъ заслуженной смертной казни; конечно, естественно было предположить, основываясь на великодушіи противниковъ, что по отношенію къ преступленію человѣка, подавшаго примѣръ покорности, будетъ проявлена снисходительность“.

Такъ разсуждаетъ императорско-королевскій австрійскій офицеръ.

Самъ Гергей на обвиненіе въ измѣнѣ, которое послѣ вилагосской капитуляціи постоянно подымалось противъ него, въ 1867 году отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

„Вы утверждали и утверждаете еще и теперь, что капитуляція въ Вилагосѣ была актомъ измѣны.—Ваше утвержденіе ложно: та катастрофа была лишь конкретнымъ, потрясающе вѣрнымъ выраженіемъ истиннаго положенія вещей“.

Послѣднее безспорно. Но въ созданіи такого положенія вещей виноватъ Гергей своимъ поведеніемъ по отношенію къ венгерскому правительству.

То, что онъ сдѣлалъ, не было измѣной въ обычномъ смыслѣ слова; обвиненіе въ подкупѣ—безсмыслица. Но преступленіе его заключается въ томъ, что онъ изъ тщеславія, изъ мелочной ненависти, изъ узкихъ предубѣжденій противъ демократическихъ и республиканскихъ стремленій способствовалъ пораженію своего народа; такова лежащая на немъ вина, и этой вины Венгрія не простила ему до настоящаго времени.

Конечно, взятые венгры были выданы русскими свирѣпому Гайнау.

Однако оргія мести еще не могла начаться; на стѣнахъ Коморна еще развѣвалось венгерское знамя, здѣсь еще командовалъ храбрый Клапка, въ то время какъ Петервардейнъ уже сдался. Гергей написалъ Клапкѣ 16 августа письмо и пытался въ немъ оправдать свое пове-

---

*) Feldzug in Ungarn etc.

деніе: „До сихъ поръ съ нами обращались такъ, какъ этого могли ожидать храбрые солдаты отъ храбрыхъ солдатъ. Взвѣсь, какъ ты можешь и долженъ поступить“ *). Такъ писалъ Гергей въ этомъ письмѣ, но Клапка не пожелалъ сунуться въ петлю. Онъ разбилъ слабый осадный корпусъ, усилилъ свое войско и собирался теперь броситься въ Австрію. Кошуту онъ написалъ, что количество войска, которое онъ можетъ выставить во время сраженія, можетъ быть доведено имъ до 30 тысячъ, что, по сообщеніямъ русскихъ генераловъ, Гайнау и Паскевичъ боятся зимы и что, слѣдовательно, война должна быть продолжена до этого времени. Но тутъ какъ разъ подоспѣла вѣсть о событіи въ Вилагосѣ, и мысль о походѣ въ Австрію пришлось оставить.

Клапкѣ, осажденному австрійцами, до 27 сентября удалось противостоять и силѣ и хитрости и онъ уступилъ крѣпость не ранѣе, какъ выговоривъ свободный пропускъ для себя и для своего войска. 2 октября храбрыя коморнскія войска сложили оружіе; палъ послѣдній венгерскій бастіонъ.

Теперь Венгрія вся была объявлена на осадномъ положеніи, и начали свои дѣйствія военные суды. Тюрьмы быстро наполнялись, и потянулся длинный рядъ процессовъ. Послѣ варварскаго обращенія съ венграми во время войны *) „гіэна Бресчіи“ бросилась на плѣнныхъ вождей возстанія. Военные суды массами выносили смертные приговоры; жадная австрійская казна съ радостью конфисковала имѣнія осужденныхъ, среди которыхъ было очень много богатыхъ помѣщиковъ. Кровожадная камарилья была очень огорчена тѣмъ, что много мятежныхъ головъ спаслось въ Турцію, и державы требовали у послѣдней выдачи бѣглецовъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Бемъ и Гюйонъ, перешли въ магометанство. Но великій турокъ Абдулъ Меджидъ посрамилъ христіанъ, отвѣтивъ имъ, что его религіозный долгъ не позволяетъ ему выдать бѣглецовъ. Посредничество Англіи и Франціи было въ пользу Порты. Эмигранты отправились въ глубь Турціи. Кошутъ оставался нѣкоторое время въ Малой Азіи и затѣмъ увезенъ былъ американскимъ пароходомъ. Никогда больше не вступалъ онъ на венгерскую землю и все же на всю жизнь остался самымъ чтимымъ изъ мадьяръ.

Съ тѣмъ большей яростью Гайнау бросился на жертвы, оставшіяся въ рукахъ его клевретовъ. Въ Пештѣ прежде всего возмутительнымъ приговоромъ присужденъ былъ къ смертной казни графъ Баттіани. 6 октября онъ долженъ былъ быть повѣшенъ. Женѣ его

*) Клапка, въ мемуарахъ котораго находится это письмо, заявляетъ, что всѣ другія письма Гергея къ нему, появлявшіяся въ періодической прессѣ, выдуманныя.

**) Вотъ маленькое извлеченіе изъ уже много разъ упомянутаго сочиненія австрійскаго офицера. Во время борьбы въ одномъ комитатѣ Фюнфкирхенъ, занятый венгерскимъ ополченіемъ, былъ взятъ приступомъ. „Ополченіе,—говорится здѣсь,—обратилось въ отчаянное бѣгство, многихъ бѣжавшихъ догнали и большинство изъ нихъ было тутъ же подвергнуто казни“.

удалось передать ему ночью ножъ, которымъ онъ ранилъ себя въ шею. Поэтому онъ былъ не повѣшенъ, а „только разстрѣлянъ". Гайнау пришелъ въ ярость отъ того, что Баттіани избѣгъ висѣлицы. Въ тотъ же день—день этотъ былъ выбранъ, вѣроятно, потому, что онъ былъ годовщиной смерти Латура,—въ Арадѣ тринадцать самыхъ храбрыхъ людей Венгріи, все высшіе офицеры, по приговору военнаго суда были преданы смерти. Девять изъ нихъ—Аулихъ, Вечей, Терекъ, Ланеръ, Пельтъ фонъ-Пельтенбергъ, Наги Сандоръ, Кнецихъ, Лейнингенъ и Дамьяничъ — были повѣшены на девяти висѣлицахъ одинъ за другимъ и одинъ подлѣ другого; остальные четверо — Киссъ, Лазаръ, Дессевфи и Швейдель — были „только" разстрѣляны. Это были жертвы, сдавшіяся вмѣстѣ съ Гергеемъ. Гергею назначенъ былъ мѣстомъ жительства Клагенфуртъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ взятыхъ вождей избѣгъ висѣлицы и пули. Гергей никогда больше не выступалъ въ роли общественнаго дѣятеля.

10 октября въ Пештѣ повѣшены были министръ Чаній (Ксаній) и баронъ фонъ-Еченахъ. Позже въ Пештѣ повѣсили еще: президента венгерской палаты господъ Зигмунда Перенія, депутата Сачвая, совѣтника финансовъ Черинуса, князя Воронецкаго, затѣмъ Гирона и Абанкура.

Все это лишь наиболѣе извѣстныя имена. Всюду въ Венгріи назначались жестокія наказанія: лишали жизни, бросали въ ужасныя австрійскія темницы, подвергали мужчинъ и женщинъ тѣлесному наказанію, иногда публичному сѣченію *). Множество состояній было конфисковано и болѣе 50.000 венгерцевъ были отданы въ австрійскую армію въ качествѣ простыхъ рядовыхъ.

Крикъ возмущенія пронесся по всей Европѣ; участіе къ несчастнымъ венгерцамъ было потому, вѣроятно, такъ необычайно сильно, что большинство жертвъ принадлежали къ венгерской аристократіи. Голяки врядъ ли возбудили бы къ себѣ столько вниманія. Но отъ сочувствія дѣло не измѣнялось.

Гайнау пришлось подвергнуться впослѣдствіи въ Лондонѣ и Брюсселѣ народной мести въ очень мягкой однако для него формѣ: онъ былъ высѣченъ толпой, состоявшей главнымъ образомъ изъ англійскихъ матросовъ и доковыхъ рабочихъ.

Въ то время какъ, истекая кровью, падала несчастная Венгрія, исчезали одно за другимъ знамена свободы изъ своихъ послѣднихъ убѣжищъ. Бонапарту, главѣ французской псевдо-республики, удалось организовать крестовый походъ противъ римской демократіи, и 3 іюля Римъ, геройски оборонявшійся подъ предводительствомъ Гарибальди

*) Въ англійскомъ парламентѣ во время засѣданія 7 февраля 1850 слѣдующее сообщалось какъ фактъ: „Двѣ венгерскія дамы, дочь раабскаго епископа Гаубнера и госпожа Мадерспахъ изъ Русберга были публично высѣчены". Послѣдняя писала: „я еще въ состояніи была написать эти строки, не умирая отъ стыда; но мужъ мой не могъ пережить позора: выстрѣломъ изъ револьвера онъ лишилъ себя жизни" (изъ мемуаровъ Клапки, стран. 353).

болѣе двухъ мѣсяцевъ, былъ сломленъ французско-неаполитанско-испанской коалиціей. Папа водворенъ былъ на мѣсто, и все, что мало-мальски напоминало республику, безжалостно попиралось ногами. Венеція, храбро защищавшаяся подъ командой диктатора Манина и задерживавшая всю армію Радецкаго, капитулировала 23 августа подъ условіемъ свободнаго пропуска всѣхъ своихъ защитниковъ; послѣ этого „порядокъ", т.-е. старый реакціонный режимъ, былъ возстановленъ и во всей Италіи.

Заключеніе.

Мы видѣли, какъ зародилось нѣмецкое народное движеніе 1848 и 1849 гг., какъ оно развивалось и потерпѣло крушеніе. Позднѣйшія событія — время реставраціи, когда реакціонныя силы старались по возможности возстановить старый порядокъ, — уже выходятъ изъ рамокъ настоящаго изложенія. Закулисная работа господъ за зелеными столами въ связи съ дальнѣйшими событіями, съ исторіей Германіи за послѣднюю половину XIX вѣка, составляетъ тему второго тома этой работы.

Мы хотимъ только вкратцѣ указать, какимъ образомъ ходъ событій въ концѣ-концовъ вернулся къ своей исходной точкѣ, къ союзному сейму. Союзному сейму, который республиканцы предварительнаго парламента такъ надменно называли трупомъ, суждено было еще разъ воскреснуть и просуществовать еще 15 лѣтъ.

Прусская конституція трехъ королей разбилась о сопротивленіе Австріи, и дуализмъ между Вѣной и Берлиномъ сталъ проявляться гораздо рѣзче послѣ того, какъ, подавивъ революцію, Австрія и Пруссія утратили значительную долю своихъ совмѣстныхъ интересовъ. Народъ потерялъ всякій интересъ къ этой низкой игрѣ дипломатическихъ интригъ. Сначала Австрія и Пруссія сдѣлали попытку уладить разногласія, назначивъ центральную комиссію сейма изъ двухъ австрійскихъ и двухъ прусскихъ уполномоченныхъ. Комиссія отстранила, наконецъ, и имперскаго правителя Іоганна—эту комичную развалину,—который, не обращая ни на что вниманія, произвольно держался на своемъ посту вмѣстѣ со своими министрами и писцами *).

Пруссія заставила допотопный эрфуртскій парламентъ признать свою конституцію трехъ королей, при чемъ примкнувшія къ ней государства должны были титуловаться „нѣмецкой уніей“. Готцы, содѣйствуя этому дѣлу, взяли на себя роль добровольныхъ лакеевъ, но новая конституція оказалась нежизнеспособной, такъ какъ Австрія, сумѣвшая

*) Среди имперскихъ писцовъ находился также господинъ Эхельгейзеръ, который въ своихъ мемуарахъ сообщаетъ небезынтересныя вещи изъ своихъ наблюденій. Онъ разсказываетъ, что бурный 1848 годъ вдохновилъ великаго патріота Эхельгейзера къ избранію карьеры имперскаго писца и при этомъ имъ обнаружено было столько стойкости, что онъ не покидалъ этой карьеры, пока имѣлось хоть какое-нибудь мѣстечко.

своимъ дипломатическимъ давленіемъ отклонить одно государство за другимъ отъ вступленія въ унію, созвала чрезвычайное собраніе союзнаго сейма во Франкфуртѣ для „пересмотра союзной конституціи". Такимъ образомъ Австрія и Пруссія заняли по отношенію другъ къ другу явно враждебныя позиціи. Народъ не хотѣлъ ничего слышать ни о прусскомъ, ни объ австрійскомъ главенствѣ надъ Германіей: воспоминанія о событіяхъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Баденѣ и Венгріи были еще слишкомъ свѣжи въ его памяти.

Пруссія противопоставила франкфуртскому конгрессу конгрессъ князей нѣмецкой уніи, который происходилъ въ Берлинѣ и учредилъ даже министерство уніи съ Радовицемъ во главѣ. Австро-прусская рознь еще болѣе обострилась, пока, наконецъ, Австрія открыто не заявила о своемъ намѣреніи возстановить старый союзный сеймъ. Всѣ нѣмецкія союзныя государства приглашены были послать своихъ депутатовъ ко дню открытія возрождающагося стараго союзнаго собранія—1 сентября 1850 года—во Франкфуртѣ.

Унія или союзный сеймъ—таковы были лозунги, которые разъединяли партіи въ нѣмецкомъ вопросѣ. Прусскій юнкеръ Радовицъ стоялъ за унію, такъ какъ надѣялся, что такимъ образомъ онъ дастъ толчокъ тому процессу, который въ концѣ-концовъ растворитъ большую часть Германіи въ прусскомъ государствѣ. Зато Австрія, которая въ преслѣдованіи своихъ реакціонныхъ цѣлей всегда проявляла больше послѣдовательности, съ большимъ упорствомъ добивалась возстановленія союза въ его домартовскомъ видѣ, разсчитывая обезпечить этимъ себѣ старое вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Германіи.

Конституціонныя смуты въ Кургессенѣ и шлезвигъ-голштинскій вопросъ едва не довели старый споръ двухъ державъ до военнаго столкновенія. Австрія, ставъ на сторону печальнаго насильственнаго режима Гассенпфлуга въ Кургессенѣ, доказала этимъ, что ея государственные дѣятели ничего не позабыли и ничему не научились, но Пруссія протестовала противъ этого вмѣшательства Австріи — или созваннаго ею во Франкфуртѣ собранія — въ кургессенскія дѣла и выговорила себѣ право участія въ разрѣшеніи этого конфликта. Дѣло зашло такъ далеко, что обѣ стороны двинули свои войска въ Гессенъ-Кассель. Къ счастью, все это было не настолько серьезно, чтобы довести нѣмцевъ до взаимнаго кровопролитія.

Изъ шлезвигъ-голштинскаго дѣла Пруссія постаралась выпутаться какъ можно скорѣе. Она заключила миръ съ Даніей и оставила шлезвигъ-голштинцевъ на произволъ судьбы. Европейская дипломатія высказалась въ Лондонѣ за то, чтобы датская монархія была возстановлена въ томъ же составѣ, какой она имѣла до войны. Шлезвигъ-голштинцы, предоставленные исключительно своимъ силамъ, были побѣждены послѣ храброй борьбы. Тогда австрійцы и ихъ сторонники выступили съ утвержденіемъ, что берлинскій миръ между Пруссіей и Даніей можетъ быть санкціонированъ только вновь возстановленнымъ союзнымъ сеймомъ. Пруссія протестовала противъ этого.

Господинъ фонъ-Радовицъ отчаялся въ осуществимости своихъ плановъ и отстранился. Его мѣсто заступилъ Мантейфель, который весьма быстро устроилъ соглашеніе съ Австріей. По ольмюцскому договору, въ составленіи котораго сыграла свою роль Россія, Пруссія должна была отступить передъ Австріей; Пруссія принуждена была предоставить Австріи свободу дѣйствій въ Кургессенѣ и Шлезвигъ-Голштиніи. Затѣмъ постановлено было, чтобы имѣли мѣсто свободныя конференціи съ участіемъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ. Конференціи эти должны были регулировать кургессенскій и шлезвигъ-голштинскій вопросы, а также обсудить будущую союзную конституцію.

Это ольмюцское соглашеніе прусскіе либералы часто называютъ „позоромъ". Мы, конечно, не имѣемъ никакихъ основаній восхищаться государственной дѣятельностью Мантейфеля или хоть сколько-нибудь сочувствовать ей, но намъ кажется, что вопли либераловъ по поводу ольмюцскаго позора отчасти вытекаютъ изъ маніи величія. Развѣ въ крушеніи плановъ уніи господина фонъ-Радовица дѣйствительно заключалось такое страшное несчастіе для нѣмцевъ? Въ сущности было довольно безразлично, игралъ ли первую роль Шварценбергъ въ Вѣнѣ или Радовицъ въ Берлинѣ, такъ какъ оба они въ одинаковой степени являлись выразителями реакціонной политики, и нѣмецкій народъ, который незадолго передъ тѣмъ попытался было снизу создать себѣ свободу и объединеніе, могъ только желать, чтобы одинаково рушились и австрійскіе и прусскіе проекты.

По кургессенскому вопросу резолюція свободныхъ конференцій, засѣдавшихъ въ Дрезденѣ, была, конечно, въ пользу Гассенпфлуга, и протестующіе гессенцы съ ихъ „пассивнымъ сопротивленіемъ" были обузданы весьма быстро. Въ Шлезвигъ-Голштиніи союзныя войска взялись за обезоруживаніе мѣстной арміи. Это печальное событіе заставило нѣмецкихъ филистеровъ пролить гораздо больше слезъ, чѣмъ потеря всѣхъ мартовскихъ завоеваній. Впрочемъ, это были такія же крокодиловы слезы, какъ и тѣ, которыми нѣмецкіе патріоты сопровождали публичную продажу съ молотка жалкаго „германскаго флота"; поденщики и портнихи несли сюда свои крейцеры и гроши, въ то время какъ патріоты, располагающіе капиталами, не давали ничего или лишь очень мало *).

На дрезденскихъ конференціяхъ была, наконецъ, вновь принята старая союзная конституція съ тѣмъ дополненіемъ, что Австрія со всѣми своими частями вступаетъ въ союзъ. Союзный сеймъ былъ возстановленъ точь въ точь въ такомъ же видѣ, какой онъ имѣлъ до 1848 г. Съ присоединеніемъ къ нему Пруссіи унія прекратила свое существованіе.

Круговоротъ завершился.

---

*) Единственное воспоминаніе, которое осталось отъ печальнаго образа нѣмецкаго флота, это было жалованье въ 1.000 талеровъ, которое нѣмецкій народъ долженъ былъ ежегодно выплачивать господину Вильгельму Іордану за его заслуги... передъ мореплаваніемъ.

Союзный сеймъ, этотъ оплотъ стараго порядка, возстановился во всей своей домартовской прелести, и народъ совершенно спокойно отнесся къ его возрожденію. Народъ былъ спокоенъ; но, разумѣется, различные слои его не съ одинаковымъ чувствомъ смотрѣли на реставрацію до мартовскихъ порядковъ. Вѣдь и самое движеніе 48 года только въ воображеніи наивныхъ демократовъ того времени было единоборствомъ всего народа, одушевленнаго однимъ стремленіемъ, съ кучкой угнетателей; въ дѣйствительности движеніе являлось, какъ мы видѣли, равнодѣйствующей весьма сложнаго комплекса силъ, равнодѣйствующей разнообразныхъ, порою противорѣчивыхъ, интересовъ различныхъ группъ населенія. Равнымъ образомъ ошибочно было бы вмѣстѣ съ демократами объяснять послѣдовавшую въ 50 г. реакцію исключительно „заговоромъ“ князей. Весь вопросъ въ томъ именно и заключается, почему князья, которые никогда не сочувствовали и по своему соціальному положенію не могли сочувствовать народнымъ стремленіямъ, въ 48 году не имѣли достаточной силы въ своихъ рукахъ и принуждены были склониться передъ требованіями народа, а въ 50 году оказались полновластными господами положенія.

Князья и стоявшая за ними партія феодальной аристократіи вскорѣ снова почувствовали подъ ногами ту незыблемую опору „охранительно“ настроенной деревни, которая поддерживала ихъ въ теченіе вѣковъ и, казалось, безслѣдно исчезла во время великаго землетрясенія 48 года. Крестьяне очень мало интересовались вопросомъ объ имперской конституціи. Если въ 48 году они оставили свою традиціонную лойяльность, въ представительныхъ собраніяхъ выступали рука объ руку съ крайними элементами оппозиціи и устраивали даже шумныя оваціи отдѣльнымъ демократамъ, то вовсе не потому, что конституціонныя или демократическія идеи нашли себѣ ревностныхъ сторонниковъ въ деревнѣ. Деревня держалась за конституціоналистовъ и демократовъ, потому что только въ союзѣ съ ними она надѣялась добиться осуществленія своихъ спеціально крестьянскихъ требованій. Крестьянинъ былъ демократомъ, пока полная отмѣна феодальныхъ повинностей, написанная на знамени демократіи, встрѣчала оппозицію со стороны господствующаго класса. Но оппозиція эта, какъ мы видѣли, была очень скоро сломлена. Сами феодалы быстро убѣдились, что противиться стремленіямъ крестьянства—это значитъ рыть подъ собой яму. Изъ всѣхъ требованій, выдвинутыхъ мартовскимъ движеніемъ, ликвидація феодализма была достигнута наиболѣе полно, была наиболѣе легко и безусловно санкціонирована всѣми правительствами; и крестьянинъ, интересы котораго даже въ теченіе „бурнаго года“ не выходили, строго говоря, за предѣлы его околицы, быстро отрекается отъ демократическихъ аллюръ, онъ требуетъ теперь только спокойствія, превращается въ самаго искренняго фанатика „порядка“.

Городская зажиточная буржуазія, какъ кудесникъ, отступающій въ ужасѣ передъ привидѣніемъ, вызваннымъ его собственными заклинаніями, уже въ 48 году всѣми силами старалась сковать то самое на-

родное движеніе, которое она такъ пламенно призывала въ своихъ мартовскихъ и домартовскихъ рѣчахъ. Не удивительно поэтому, что средняя и крупная буржуазія сочла возможнымъ облечь свое недовольство лишь въ форму очень умѣренной парламентской оппозиціи. Значительно раньше, чѣмъ правительства пошли на уступки, и во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ завоеванія мартовскихъ дней получили прочныя гарантіи, представители этой буржуазіи начинаютъ усиленно выставлять на видъ свою политическую умѣренность, свои монархическія чувства и свою антипатію къ „крайнимъ", какъ будто напередъ предлагая свои услуги для активнаго подавленія „крайнихъ". Воображая себя великими дипломатами, способными провести правительства умѣренностью своихъ требованій, они обнаруживали въ дѣйствительности незаурядную политическую безтактность и больше, чѣмъ кто-либо другой, содѣйствовали ослабленію энергіи движенія. Буржуазія не могла чувствовать себя удовлетворенною той „конституціей", которую даровали реакціонныя власти послѣ побѣды надъ народнымъ движеніемъ; но постоянно встававшій въ ея воображеніи „красный призракъ" былъ ничуть не менѣе страшенъ, чѣмъ призракъ стараго абсолютизма, сквозившій изъ-за параграфовъ дарованной конституціи. Къ тому же реставрація, прочно гарантировавъ порядокъ и уваженіе къ собственности, не могла не сдѣлать нѣкоторыхъ уступокъ такъ называемому „духу времени". Этотъ „духъ времени" отражался па тѣхъ произведенныхъ революціей перемѣнахъ, которыхъ нельзя уже было вычеркнуть, несмотря на всѣ усилія революціонеровъ. Такимъ образомъ, если не всѣ, то все же многія пожеланія буржуазіи были выполнены, по крайней мѣрѣ казались достижимыми путемъ мирной, реформаторской дѣятельности, и въ то же время новый порядокъ давалъ прочный оплотъ противъ всякихъ „эксцессовъ" народной свободы. Съ теченіемъ времени буржуазная оппозиція становилась все менѣе и менѣе рѣшительной, пока, наконецъ, Бисмаркъ со своимъ „объединеніемъ" отечества окончательно не примирилъ оппозиціонеровъ съ существующимъ строемъ.

Дѣйствительно сраженными и раздавленными реакціей чувствовали себя только демократы, представители низшихъ слоевъ городского населенія—мелкаго мѣщанства и рабочихъ. Если мы припомнимъ, что всѣ сколько-нибудь видные вожди демократіи томились въ изгнаніи и тюрьмахъ, что всѣ республиканскія стремленія, а также всѣ попытки „организаціи труда" потерпѣли жалкое фіаско, мы не удивимся тому безнадежному пессимизму, съ которымъ демократы оцѣнивали итоги движенія 48 года. Имъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть ударовъ реакціи, естественно должно было казаться, что огромный запасъ энергіи и активности, проявленной нѣмецкимъ народомъ въ 48 и 49 годахъ, былъ растраченъ непроизводительно; что 50-е годы вполнѣ возвратили Германію къ домартовскимъ порядкамъ, если не создали еще худшаго положенія; но для объективнаго наблюдателя ясно, что демократы разсматривали міръ черезъ слишкомъ мрачныя

очки. Правда, ихъ широкіе планы, ихъ радужныя мечты немедленнаго обновленія стараго грѣшнаго общества потерпѣли крушеніе; народъ—тотъ трудящійся народъ, въ интересахъ котораго ратовали демократы,—повидимому, не получилъ никакихъ положительныхъ пріобрѣтеній; экономическая приниженность массъ, тяготѣющее надъ ними рабство непосильнаго труда и нищеты остались такими же, какими онѣ были до 48 года, но юридическое положеніе массъ измѣнилось. Какъ ни плохъ былъ „клочокъ бумаги", который Фридрихъ-Вильгельмъ IV, несмотря на все свое отвращеніе къ нему, принужденъ былъ однако же вдвинуть „между собою и небесами", все же этотъ „клочокъ" впервые создалъ для массъ юридическія условія планомѣрной общественной самодѣятельности. То, что прежде казалось отдѣленнымъ отъ настоящаго непроходимою пропастью, вовсе недостижимымъ или достижимымъ только путемъ всесокрушающаго катаклизма, этотъ заоблачный идеалъ удалось теперь связать съ современностью непрерывной цѣпью послѣдовательныхъ завоеваній,—и завоеванія не заставили себя ждать. Въ теченіе двухъ десятилѣтій „реакціи" народъ сумѣлъ добиться непосредственнаго участія въ политической жизни страны, а еще черезъ два десятилѣтія результаты этого участія уже развернули самыя широкія перспективы...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Конституція Германской имперіи.

(Принята германскимъ учредительнымъ національнымъ собраніемъ).

ОТДѢЛЪ I. ИМПЕРІЯ.

Статья 1.

§ 1. Германская имперія состоитъ изъ территоріи прежняго германскаго союза. Урегулированіе отношеній герцогства Шлезвига отлагается на будущее время.

§ 2. Если какое-либо германское государство имѣетъ общаго съ не-нѣмецкимъ государствомъ главу государства, то германское государство должно имѣть отдѣльную отъ не-нѣмецкаго государства конституцію, правительство и администрацію. Въ правительство и администрацію германскаго государства могутъ быть назначаемы лишь германскіе граждане.

Имперская конституція и имперское законодательство имѣютъ въ такомъ германскомъ государствѣ такую же обязательную силу, какъ въ другихъ германскихъ государствахъ.

§ 3. Если какое-либо германское государство имѣетъ общаго съ не-нѣмецкимъ государствомъ главу государства, то онъ или долженъ жить въ своемъ германскомъ государствѣ или же долженъ въ конституціонномъ порядкѣ назначить для него регентство, въ которое могутъ быть призваны только нѣмцы.

§ 4. Помимо уже существующихъ соединеній нѣмецкихъ и не-нѣмецкихъ государствъ никакой глава не-нѣмецкаго государства не можетъ вступить въ то же время въ правленіе нѣмецкимъ государствомъ и никакой правящій въ Германіи монархъ, не отказавшись отъ германскаго правленія, не можетъ принять иностранную корону.

§ 5. Отдѣльныя германскія государства сохраняютъ свою самостоятельность, поскольку она не ограничивается имперской конституціей; они сохраняютъ весь государственный суверенитетъ и права, поскольку они прямо не переданы имперской власти.

ОТДѢЛЪ II. ИМПЕРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Статья 1.

§ 6. Исключительно имперской власти принадлежатъ функціи международнаго представительства Германіи и отдѣльныхъ государствъ по отношенію къ заграницѣ.

Имперская власть назначаетъ имперскихъ посланниковъ и консуловъ. Она ведетъ дипломатическія сношенія, заключаетъ союзы и договоры съ иностранными державами, а также торговые договоры и договоры о мореплаваніи, равно какъ и договоры о выдачѣ. Она завѣдуетъ всѣми международно-правовыми мѣропріятіями.

§ 7. Отдѣльныя германскія правительства не имѣютъ права принимать и держать постоянныхъ посланниковъ.

Они не имѣютъ также права держать особыхъ консуловъ. Консулы иностранныхъ государствъ получаютъ признаніе консулами отъ имперской власти.

Назначеніе уполномоченныхъ при главѣ имперіи оставляется за отдѣльными правительствами.

§ 8. Отдѣльныя германскія правительства имѣютъ право заключать договоры съ другими германскими правительствами.

Ихъ право на заключеніе договоровъ съ не-германскими правительствами ограничивается частно-правовыми предметами, мѣстными сношеніями и полиціей.

§ 9. Всѣ договоры не чисто частно-правового содержанія, заключаемые германскимъ правительствомъ съ другимъ германскимъ или не-германскимъ правительствомъ, должны быть доводимы имперской власти къ свѣдѣнію и, насколько при этомъ затрогиваются имперскіе интересы, для утвержденія.

Статья 2.

§ 10. Исключительно имперской власти принадлежитъ право войны и мира.

Статья 3.

§ 11. Въ распоряженіи имперской власти находится вся вооруженная сила Германіи.

§ 12. Имперская армія состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ силъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ, которыя предназначены для цѣлей войны. Количество и составъ имперской арміи опредѣляется закономъ о военномъ устройствѣ.

Государства менѣе чѣмъ до 500.000 жителей должны быть соединены имперской властью въ болѣе крупныя военныя единицы, которыя потомъ становятся подъ непосредственное завѣдываніе имперской власти, или же должны примкнуть къ пограничному болѣе крупному государству.

Ближайшія условія такого соединенія въ обоихъ случаяхъ устанавливаются соглашеніемъ соотвѣтствующихъ государствъ, при посредствѣ и съ согласія имперской власти.

§ 13. Изданіе законовъ и организація, относящіяся до военнаго дѣла, возлагаются исключительно на имперскую власть; она при посредствѣ постоянныхъ органовъ контролируетъ ихъ проведеніе въ отдѣльныхъ государствахъ.

Отдѣльнымъ государствамъ предоставляется развитіе своего военнаго дѣла на основѣ имперскихъ законовъ и распоряженій имперской власти и въ границахъ соглашеній, заключенныхъ на основѣ § 12-го. Они располагаютъ своей вооруженной силой, поскольку она не требуется для службы имперіи.

§ 14. Въ присягѣ знамени на первое мѣсто должно быть поставлено обязательство вѣрности главѣ имперіи и имперской конституціи.

§ 15. Всѣ расходы, вытекающіе изъ употребленія войскъ на имперскія цѣли и превышающіе размѣры, опредѣленные имперіей для мирнаго времени, возлагаются на имперію.

§ 16. Относительно общаго, равнаго для всей Германіи устройства войска имѣетъ быть изданъ особый имперскій первый законъ.

§ 17. Правительствамъ отдѣльныхъ государствъ предоставляется назначать командующихъ и офицеровъ своихъ войскъ, поскольку численность послѣднихъ требуетъ этого.

Для болѣе крупныхъ военныхъ единицъ, которыя составлены изъ соединенія войскъ нѣсколькихъ государствъ, имперская власть назначаетъ общаго командующаго.

Въ случаѣ войны имперская власть назначаетъ командующихъ генераловъ самостоятельныхъ корпусовъ, равно какъ и персоналъ главнаго штаба.

§ 18. Имперской власти принадлежитъ право строить имперскія крѣпости и береговыя укрѣпленія и, поскольку того требуетъ безопасность имперіи, объявлять имперскими крѣпостями существующія крѣпости подъ условіемъ справедливаго вознагражденія, въ особенности за передаваемый военный матеріалъ.

Имперскія крѣпости и береговыя укрѣпленія содержатся на имперскій счетъ.

§ 19. Морскія военныя силы—дѣло исключительно имперіи. Ни одному отдѣльному государству не предоставлено держать собственныя военныя суда или выдавать каперскія свидѣтельства.

Экипажи военныхъ судовъ составляютъ часть германской арміи. Она независима отъ сухопутной арміи.

Матросы, поставляемые отдѣльнымъ государствомъ для военнаго флота, должны быть вычтены изъ числа тѣхъ сухопутныхъ войскъ, которыя должно содержать это государство. Подробности объ этомъ, а также о распредѣленіи расходовъ между имперіей и отдѣльными государствами, опредѣлитъ имперскій законъ.

Назначеніе офицеровъ и чиновниковъ флота исходитъ лишь отъ имперіи.

На имперскую власть возлагаются заботы о вооруженіи, развитіи и содержаніи военнаго флота и сооруженіи, оборудованіи и содержаніи военныхъ гаваней и морскихъ арсеналовъ.

Имѣющіе быть изданными имперскіе законы опредѣлятъ условія отчужденій, необходимыхъ для сооруженія военныхъ гаваней и морскихъ приспособленій, равно какъ и права имѣющихъ быть назначенными съ этой цѣлью имперскихъ должностныхъ лицъ.

Статья 4.

§ 20. Мореплавательныя приспособленія и принадлежности судоходства при устьяхъ германскихъ рѣкъ (гавани, бакены, маяки, лоцманы, фарватеры и т. д.) остаются въ вѣдѣніи отдѣльныхъ прибрежныхъ государствъ. Прибрежныя государства содержатъ ихъ на собственныя средства.

Имперскій законъ опредѣлитъ, на какомъ разстояніи слѣдуетъ считать начало устьевъ отдѣльныхъ рѣкъ.

§ 21. Имперской власти принадлежитъ верховное наблюденіе надъ всѣми этими приспособленіями и учрежденіями.

Ей принадлежитъ право побуждать соотвѣтствующія государства къ надлежащему ихъ содержанію, а также увеличивать и расширять ихъ на средства имперіи.

§ 22. Пошлины, взимаемыя приморскими государствами съ судовъ и грузовъ за пользованіе мореходными приспособленіями, не должны превышать затратъ, необходимыхъ для содержанія этихъ приспособленій. Онѣ вводятся съ согласія имперской власти.

§ 23. По отношенію къ этимъ пошлинамъ всѣ нѣмецкіе корабли и ихъ грузы должны стоять въ одинаковыхъ условіяхъ.

Болѣе высокое обложеніе иностранныхъ судовъ можетъ исходить лишь отъ имперской власти.

Добавочныя пошлины съ иностранныхъ судовъ поступаютъ въ имперскую кассу.

Статья 5.

§ 24. Имперской власти принадлежитъ право издавать законы и право высшаго наблюденія надъ рѣками и озерами, протекающими въ своей судоходной части или разграничивающими нѣсколько государствъ, а также надъ устьями впадающихъ въ нихъ притоковъ, равно какъ и надъ судоходствомъ и сплавкой по этимъ рѣкамъ и озерамъ.

Имперскій законъ опредѣлитъ, какимъ образомъ должна поддерживаться и улучшаться судоходность этихъ рѣкъ.

Остальные водные пути предоставляются заботѣ отдѣльныхъ государствъ. Однако имперской власти, если она считаетъ это необходимымъ въ интересахъ развитія сообщеній, предоставляется право издавать общія постановленія относительно плаванія и сплавки по этимъ путямъ, а также—при томъ же условіи—приравнивать отдѣльныя рѣки къ выше упомянутымъ общимъ рѣкамъ.

Имперская власть имѣетъ право побуждать отдѣльныя государства къ надлежащему поддержанію судоходности этихъ водныхъ путей.

§ 25. Всѣ германскія рѣки должны быть свободны для германскаго судоходства отъ рѣчныхъ пошлинъ. Сплавка плотовъ по судоходнымъ частямъ рѣкъ тоже не подлежитъ обложенію. Подробности опредѣлитъ имперскій законъ.

Относительно рѣкъ, протекающихъ или разграничивающихъ нѣсколько государствъ, за уничтоженіе этихъ рѣчныхъ пошлинъ будетъ установлено справедливое вознагражденіе.

§ 26. Портовые, подъемные, вѣсовые, складочные, шлюзовые и тому подобные сборы, взимаемые на общихъ рѣкахъ и въ устьяхъ впадающихъ въ нихъ притоковъ, не должны превышать затратъ, необходимыхъ для содержанія соотвѣтствующихъ сооруженій. Они подлежатъ утвержденію имперской власти.

По отношенію къ этимъ пошлинамъ не должно имѣть мѣста покровительство членамъ одного германскаго государства передъ членами другихъ германскихъ государствъ.

§ 27. Облагать иностранныя суда и ихъ грузы рѣчными пошлинами и сборами за рѣчное судоходство можетъ только имперская власть.

Статья 6.

§ 28. Имперская власть имѣетъ право верховнаго наблюденія и право издавать законы относительно желѣзныхъ дорогъ и ихъ эксплуатаціи, поскольку того требуетъ защита имперіи или общіе интересы средствъ сообщенія. Имперскій законъ опредѣлитъ, какіе именно предметы относятся сюда.

§ 29. Имперская власть имѣетъ право, поскольку она считаетъ это необходимымъ для защиты имперіи или въ общихъ интересахъ сношеній, разрѣшать проведеніе желѣзныхъ дорогъ, равно какъ и сама проводить желѣзныя дороги, если отдѣльное государство, черезъ территорію котораго должна быть проведена желѣзная дорога, отклоняетъ отъ себя ея сооруженіе. Пользованіе желѣзной дорогой для имперскихъ цѣлей во всякое время предоставляется имперской власти подъ условіемъ вознагражденія.

§ 30. При проведеніи или разрѣшеніи желѣзныхъ дорогъ отдѣльными государствами имперской власти принадлежитъ право принимать мѣры, требуемыя защитой имперіи и общими интересами сношеній.

§ 31. Имперская власть имѣетъ верховное наблюденіе и право издавать законы относительно сухопутныхъ дорогъ, поскольку того требуетъ защита имперіи или общіе интересы сношеній. Имперскій законъ опредѣлитъ, какіе предметы должны быть отнесены сюда.

§ 32. Имперская власть, поскольку она считаетъ это необходимымъ для защиты имперіи или въ общихъ интересахъ сношеній, имѣетъ право предписывать, чтобы были построены сухопутныя дороги, а также каналы, рѣки сдѣланы судоходными или же была усилена ихъ судоходность.

Распоряженіе о производствѣ необходимыхъ для этого строительныхъ работъ дѣлается имперской властью по предварительномъ сношеніи съ соотвѣтствующими отдѣльными государствами.

Если не достигнуто соглашеніе съ отдѣльными государствами, выполненіе и содержаніе новыхъ сооруженій беретъ на себя имперія за имперскій счетъ.

Статья 7.

§ 33. Германская имперія должна составлять одну таможенную и торговую область, окруженную общей таможенной границей, съ уничтоженіемъ всѣхъ внутреннихъ пошлинъ.

Выдѣленіе отдѣльныхъ мѣстъ и частей территоріи изъ таможенной линіи предоставляется имперской власти.

Имперской власти предоставляется далѣе присоединять посредствомъ особыхъ договоровъ къ германской таможенной области страны или части странъ, еще не принадлежащія къ имперіи.

§ 34. Исключительно имперской власти принадлежитъ право издавать законы относительно всего таможеннаго дѣла, а также и объ общихъ налогахъ на производство и потребленіе. Имперское законодательство опредѣляетъ, какіе именно изъ налоговъ на производство и потребленіе должны быть общими.

§ 35. Взиманіе таможенныхъ пошлинъ и управленіе этимъ дѣломъ, равно какъ и общими налогами на производство и потребленіе организуется по распоряженіямъ и подъ верховнымъ наблюденіемъ имперской власти.

Изъ доходовъ опредѣленная часть, соотвѣтствующая обыкновенному бюджету, берется прежде всего на имперскіе расходы, а остатокъ распредѣляется между отдѣльными государствами.

Особый имперскій законъ опредѣлитъ дальнѣйшія подробности.

§ 36. Имперское законодательство опредѣлитъ, какіе предметы могутъ отдѣльныя государства облагать налогами на производство или потребленіе въ интересахъ этихъ государствъ или отдѣльныхъ общинъ и какія должны соблюдаться при этомъ условія и ограниченія.

§ 37. Отдѣльныя государства не имѣютъ права облагать пошлинами товары, ввозимые или вывозимые черезъ имперскую границу.

§ 38. Имперская власть имѣетъ право издавать законы относительно торговли и судоходства и контролируетъ выполненіе изданныхъ относительно этого имперскихъ законовъ.

§ 39. Имперской власти предоставляется издавать имперскіе законы относительно промышленности и контролировать ихъ выполненіе.

§ 40. Патенты на изобрѣтенія выдаются исключительно отъ имперіи на основѣ особаго имперскаго закона; исключительно имперской власти принадлежитъ также

право издавать законы противъ перепечатки книгъ, противъ всякаго неподобающаго подражанія художественнымъ издѣліямъ, фабричнымъ рисункамъ, образцамъ и формамъ и противъ другихъ нарушеній авторской собственности.

Статья 8.

§ 41. Имперская власть имѣетъ право изданія законовъ и верховнаго наблюденія относительно почтоваго дѣла, въ особенности организаціи, тарифовъ, транзита, франкировки и отношеній между отдѣльными почтовыми управленіями.

Она же посредствомъ обязательныхъ постановленій обезпечиваетъ однообразное исполненіе законовъ и при помощи постоянныхъ органовъ контролируетъ ихъ примѣненіе въ отдѣльныхъ государствахъ.

Имперской власти принадлежитъ право въ общихъ интересахъ сношеній установить почтовыя сообщенія, проходящія черезъ нѣсколько почтовыхъ областей.

§ 42. Почтовые договоры съ иностранными почтовыми управленіями могутъ быть заключаемы только имперской властью или съ ея согласія.

§ 43. Имперская власть, поскольку это представится ей необходимымъ, имѣетъ право на основѣ имперскаго закона взять германское почтовое дѣло въ вѣдѣніе имперіи, подъ условіемъ справедливаго вознагражденія имѣющихъ на то право.

§ 44. Имперская власть имѣетъ право проводить телеграфныя линіи и пользоваться за вознагражденіе существующими или пріобрѣтать ихъ въ порядкѣ экспропріаціи.

Дальнѣйшія постановленія объ этомъ, а также о пользованіи телеграфами для сношеній частныхъ лицъ предоставляются имперскому законодательству.

Статья 9.

§ 45. Исключительно имперская власть имѣетъ право издавать законы и право верховнаго надзора по отношенію къ монетному дѣлу. Она должна ввести общую монетную систему для всей Германіи.

Она имѣетъ право чеканить имперскую монету.

§ 46. Имперская власть должна установить общую для всей Германіи систему мѣры и вѣса, а также обозначенія пробы золотыхъ и серебряныхъ товаровъ.

§ 47. Имперская власть имѣетъ право изданіемъ имперскихъ законовъ регулировать банковое дѣло и выпускъ бумажныхъ денегъ. Она контролируетъ выполненіе изданныхъ по этому предмету имперскихъ законовъ.

Статья 10.

§ 48. Расходы по всѣмъ мѣропріятіямъ и учрежденіямъ, организуемымъ имперіей, покрываются имперской властью изъ средствъ имперіи.

§ 49. Для покрытія своихъ расходовъ имперія пользуется прежде всего своей долей въ доходахъ отъ таможенныхъ пошлинъ и общихъ налоговъ на производство и потребленіе.

§ 50. Если остальные доходы недостаточны, имперская власть имѣетъ право взимать дополнительные взносы съ отдѣльныхъ государствъ.

§ 51. Имперская власть имѣетъ право въ чрезвычайныхъ случаяхъ вводить и взимать имперскіе налоги—или предписывать взиманіе ихъ,—а также дѣлать займы и вступать въ иныя долговыя обязательства.

Статья 11.

§ 52. Сферу юрисдикціи имперіи опредѣляетъ отдѣлъ объ имперскомъ судѣ.

Статья 12.

§ 53. Имперская власть должна охранять въ порядкѣ верховнаго надзора гарантированныя имперской конституціей всѣмъ нѣмцамъ права.

§ 54. На имперскую власть возлагается охраненіе мира въ имперіи.

Она должна принимать необходимыя для поддержанія внутренней безопасности и порядка мѣры:

1. если миръ въ одномъ нѣмецкомъ государствѣ нарушенъ или подвергается опасности со стороны другого нѣмецкаго государства;

2. если въ какомъ-либо нѣмецкомъ государствѣ безопасность и порядокъ нарушены мѣстными жителями или чужеземцами. Однако въ этомъ случаѣ имперская власть должна вмѣшаться лишь при томъ условіи, если его проситъ о томъ само соотвѣтствующее правительство,—за исключеніемъ случая, когда оно завѣдомо не въ состояніи сдѣлать это,—или если опасность угрожаетъ общему имперскому миру;

3. если конституція какого-нибудь нѣмецкаго государства насильственно или односторонне отмѣнена или измѣнена и обращеніемъ къ имперскому суду не можетъ быть достигнута немедленная помощь.

§ 55. Мѣры, которыя имперская власть можетъ принять для охраненія мира въ имперіи, таковы:

1. декреты;
2. отправка комиссаровъ;
3. примѣненіе вооруженной силы.

Имперскій законъ опредѣлитъ основанія, по которымъ должны покрываться вызываемые такими мѣропріятіями расходы.

§ 56. Имперская власть должна особымъ имперскимъ закономъ опредѣлить случаи и формы, въ которыхъ можетъ примѣняться военная сила противъ нарушеній общественнаго порядка.

§ 57. Имперская власть должна установить законныя нормы относительно пріобрѣтенія и утраты правъ гражданства въ имперіи и въ отдѣльныхъ государствахъ.

§ 58. Имперской власти предоставляется издать имперскіе законы относительно натурализаціи и контролировать ихъ выполненіе.

§ 59. Имперской власти предоставляется, независимо отъ гарантированныхъ основными правами свободы союзовъ и свободы собраній, издать имперскіе законы объ ассоціаціяхъ.

§ 60. Имперское законодательство имѣетъ установить такія условія для печатанія государственныхъ распоряженій, которыя во всей Германіи обезпечатъ признаніе ихъ подлинности.

§ 61. Въ интересахъ общаго блага имперская власть имѣетъ право принимать общія санитарныя мѣры.

Статья 13.

§ 62. Имперская власть имѣетъ право издавать законы, поскольку это требуется для выполненія передаваемыхъ ей конституціей функцій и для защиты переходящихъ къ ней учрежденій.

§ 63. Имперская власть, если она найдетъ необходимыми въ общихъ интересахъ Германіи общія учрежденія и мѣропріятія, имѣетъ право для проведенія ихъ издавать необходимые законы съ соблюденіемъ формъ, предписанныхъ для измѣненія конституціи.

§ 64. Имперская власть должна осуществить единство германскаго народа въ юридическомъ отношеніи посредствомъ изданія общихъ уложеній гражданскаго права, торговаго и вексельнаго права, уголовнаго и процессуальнаго права.

§ 65. Всѣ законы и распоряженія имперской власти получаютъ обязательную силу посредствомъ опубликованія отъ имени имперіи.

§ 66. Имперскіе законы стоятъ выше законовъ отдѣльныхъ государствъ, если за послѣдними прямо не оговорено лишь подчиненное значеніе.

Статья 14.

§ 67. Назначеніе имперскихъ чиновниковъ исходитъ отъ имперіи.
Условія имперской службы установитъ имперскій законъ.

ОТДѢЛЪ III. ГЛАВА ИМПЕРІИ.

Статья 1.

§ 68. Санъ главы имперіи возлагается на одного изъ правящихъ въ Германіи монарховъ.

§ 69. Этотъ санъ наслѣдствененъ въ домѣ монарха, которому переданъ онъ. Онъ переходитъ по наслѣдству по мужской линіи по праву первородства.

§ 70. Глава имперіи носитъ титулъ: императоръ германцевъ.

§ 71. Резиденція императора—въ мѣстѣ пребыванія имперскаго правительства. Императоръ долженъ постоянно жить тамъ по меньшей мѣрѣ во время сессіи рейхстага.
Когда императоръ не находится въ мѣстѣ пребыванія имперскаго правительства, непосредственно около него долженъ быть одинъ изъ имперскихъ министровъ.
Опредѣленіе мѣста пребыванія имперскаго правительства будетъ сдѣлано имперскимъ закономъ.

§ 72. Императоръ получаетъ цивильный листъ, устанавливаемый рейхстагомъ.

Статья 2.

§ 73. Личность императора неприкосновенна.
Императоръ осуществляетъ переданную ему власть при посредствѣ отвѣтственныхъ, назначаемыхъ имъ министровъ.

§ 74. Всѣ правительственные акты императора требуютъ для признанія ихъ дѣйствительными контрассигнированія по меньшей мѣрѣ однимъ изъ имперскихъ министровъ, который такимъ образомъ принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ.

Статья 3.

§ 75. Императоръ осуществляетъ международно-правовое представительство Германской имперіи и отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Онъ назначаетъ имперскихъ посланниковъ и консуловъ и ведетъ дипломатическія сношенія.

§ 76. Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ.

§ 77. Императоръ заключаетъ союзы и договоры съ иностранными державами, притомъ при содѣйствіи рейхстага, насколько оно оговорено въ конституціи.

§ 78. Всѣ договоры не чисто частно-правового содержанія, заключаемые нѣмецкими правительствами между собою или съ иностранными правительствами, доводятся до свѣдѣнія императора и, поскольку они затрагиваютъ интересы имперіи, представляются на его утвержденіе.

§ 79. Императоръ созываетъ и закрываетъ рейхстагъ; онъ имѣетъ право распускать палату народа.

§ 80. Императоръ имѣетъ право вносить законопроекты. Онъ осуществляетъ законодательную власть сообща съ рейхстагомъ при соблюденіи конституціонныхъ ограниченій. Онъ опубликовываетъ имперскіе законы и издаетъ необходимыя для ихъ проведенія распоряженія.

§ 81. Въ уголовныхъ дѣлахъ, входящихъ въ компетенцію имперскаго суда, императоръ имѣетъ право помилованія и смягченія наказанія. Воспрещеніе начала или продолженія слѣдственнаго производства императоръ можетъ издать лишь съ согласія рейхстага.

По отношенію къ имперскому министру, осужденному за свои служебныя дѣянія, императоръ можетъ осуществить право помилованія и смягченія наказанія лишь при томъ условіи, если это предложитъ та самая палата, отъ которой исходило обвиненіе. По отношенію къ министрамъ отдѣльныхъ государствъ ему не принадлежитъ такого права.

§ 82. На императора возлагается охраненіе мира въ имперіи.

§ 83. Императоръ распоряжается вооруженной силой.

§ 84. Вообще императоръ въ соотвѣтствіи съ имперской конституціей пользуется правительственной властью во всѣхъ дѣлахъ имперіи. Ему, какъ носителю этой власти, принадлежатъ всѣ тѣ права и полномочія, которыя въ имперской конституціи предоставлены имперской власти и не отнесены къ вѣдѣнію рейхстага.

ОТДѢЛЪ IV. РЕЙХСТАГЪ.

Статья 1.

§ 85. Рейхстагъ состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты государствъ и палаты народа.

Статья 2.

§ 86. Палата государствъ образуется изъ представителей германскихъ государствъ.

§ 87. Число членовъ распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ: Пруссія 40 членовъ, Австрія 38, Баварія 18, Саксонія 10, Ганноверъ 10, Вюртембергъ 10, Баденъ 9, Кургессенъ 6, великое герцогство Гессенъ 6, Голштинія (о Шлезвигѣ см. § 1) 6, Мекленбургъ-Шверинъ 4, Люксембургъ-Лимбургъ 3, Нассау 3, Брауншвейгъ 2, Ольденбургъ 2, Саксенъ-Веймаръ 2, Саксенъ-Кобургъ-Гота 1, Саксенъ-Мейнингенъ-Гильдбурггаузенъ 1, Саксенъ-Альтенбургъ 1, Мекленбургъ-Стрелицъ 1, Ангальтъ-Дессау 1, Ангальтъ-Бернбургъ 1, Ангальтъ-Кетенъ 1. Шварцбургъ-Зондергаузенъ 1, Шварцбургъ-Рудольф-

штадтъ 1, Гогенцоллернъ-Геккингенъ 1, Лихтенштейнъ 1, Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ 1, Вальдекъ 1, Рейссъ старшей линіи 1, Рейссъ младшей линіи 1, Шаумбургъ-Липпе 1, Липпе-Детмольдъ 1, Гессенъ-Гомбургъ 1, Лауенбургъ 1, Любекъ 1, Франкфуртъ 1, Бременъ 1, Гамбургъ 1, итого 192 члена.

Пока нѣмецко-австрійскія земли не примутъ участія въ союзномъ государствѣ, слѣдующія государства получаютъ увеличенное число голосовъ въ палатѣ государствъ: Баварія 20, Саксонія 12, Ганноверъ 12, Вюртембергъ 12, Баденъ 10, великое герцогство Гессенъ 8, Кургессенъ 7, Нассау 4, Гамбургъ 2.

§ 88. Члены палаты государствъ назначаются наполовину правительствомъ и наполовину народнымъ представительствомъ соотвѣтствующихъ государствъ.

Въ тѣхъ германскихъ государствахъ, которыя составлены изъ нѣсколькихъ провинцій или земель съ особой конституціей или управленіемъ, назначаемые народнымъ представительствомъ такого государства члены палаты государствъ должны быть назначены не общимъ представительствомъ государства, а представительствами отдѣльныхъ земель или провинцій (провинціальными сословіями).

Установленіе пропорціи, въ которой должно быть распредѣлено между отдѣльными землями или провинціями число членовъ, приходящееся на долю этихъ государствъ, предоставляется законодательству этихъ государствъ.

Гдѣ существуютъ двѣ палаты и не имѣетъ мѣста представительство по провинціямъ, тамъ обѣ палаты въ общемъ засѣданіи избираютъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

§ 89. Въ тѣхъ государствахъ, которыя посылаютъ лишь одного члена въ палату государствъ, правительство предлагаетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ народное представительство избираетъ одного абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ тѣхъ государствахъ, которыя посылаютъ нечетное число членовъ, такимъ же образомъ назначается послѣдній членъ.

§ 90. Если нѣсколько германскихъ государствъ соединятся въ одно цѣлое, имперскій законъ рѣшаетъ, какія измѣненія дѣлаются благодаря этому необходимыми въ составѣ палаты государствъ.

§ 91. Членомъ палаты государствъ можетъ быть лишь тотъ, кто

1. является гражданиномъ посылающаго его государства,
2. старше тридцати лѣтъ отъ роду,
3. пользуется всѣми гражданскими и политическими правами.

§ 92. Члены палаты государствъ избираются на шесть лѣтъ. Они обновляются наполовину каждые три года.

Имперскій законъ опредѣлитъ, какимъ образомъ по истеченіи первыхъ трехъ лѣтъ долженъ совершиться выходъ одной половины. Вышедшіе во всякое время могутъ быть избраны вновь.

Если по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ и до окончанія новыхъ выборовъ въ палату государствъ рейхстагъ будетъ созванъ на чрезвычайную сессію, то собираются прежніе члены, поскольку еще не произведено новыхъ выборовъ.

Статья 3.

§ 93. Палата народа состоитъ изъ депутатовъ германскаго народа.

§ 94. Члены народной палаты на первый разъ избираются на четыре года, а потомъ постоянно на три года.

Выборы совершаются согласно съ предписаніями, содержащимися въ имперскомъ избирательномъ законѣ.

Статья 4.

§ 95. Члены рейхстага получаютъ изъ имперской кассы равномѣрныя ежедневныя діэты и вознагражденіе за издержки на проѣздъ. Подробности опредѣлитъ имперскій законъ.

§ 96. Члены обѣихъ палатъ не могутъ быть связаны инструкціями (избирателей).

§ 97. Никто не можетъ быть одновременно членомъ обѣихъ палатъ.

Статья 5.

§ 98. Для принятія постановленій каждой изъ палатъ рейхстага необходимо присутствіе по меньшей мѣрѣ половины узаконеннаго числа ихъ членовъ и простое большинство голосовъ.

Въ случаѣ равенства голосовъ предложеніе считается отклоненнымъ.

§ 99. Каждой палатѣ принадлежитъ право вносить законопроекты, жалобы, адресы, производить разслѣдованіе фактовъ, а также возбуждать обвиненія противъ министровъ.

§ 100. Постановленіе рейхстага можетъ считаться дѣйствительнымъ лишь при согласіи обѣихъ палатъ.

§ 101. Постановленіе рейхстага, на которое не воспослѣдовало согласія имперскаго правительства, не можетъ быть повторено въ ту же сессію.

Если одно и то же предложеніе безъ измѣненія принято въ трехъ непосредственно слѣдующихъ одна за другой сессіяхъ, то оно, хотя бы на него и не послѣдовало согласія имперскаго правительства, по закрытіи третьей сессіи становится закономъ. Въ этотъ счетъ не входятъ обыкновенныя сессіи, не достигшія продолжительности по меньшей мѣрѣ въ четыре недѣли.

§ 102. Постановленіе рейхстага требуется въ слѣдующихъ случаяхъ:

1. если дѣло идетъ объ изданіи, отмѣнѣ, измѣненіи или истолкованіи имперскихъ законовъ;

2. если вырабатывается имперскій бюджетъ, если заключаются займы, если имперія производитъ расходъ, не предусмотрѣнный въ росписи, или взимаетъ дополнительные взносы или налоги;

3. если иностранное морское и рѣчное судоходство должно быть обложено повышенными пошлинами;

4. если крѣпости отдѣльныхъ государствъ должны быть объявлены имперскими крѣпостями;

5. если должны быть заключены съ иностранной державой торговые договоры, договоры о судоходствѣ и выдачѣ, равно какъ вообще международно-правовые договоры, поскольку они возлагаютъ обязательства на имперію;

6. если земли или части земель, не принадлежащія имперіи, должны присоединиться къ германской таможенной области или отдѣльныя мѣста или части территоріи должны быть исключены изъ таможенной линіи;

7. если должны быть уступлены части германской земли или негерманскія области должны быть включены въ составъ имперіи или инымъ способомъ соединены съ ней.

§ 103. При установленіи имперскаго бюджета соблюдаются слѣдующія постановленія:

1. всѣ касающіяся финансовъ предложенія имперскаго правительства вносятся прежде всего въ палату народа;

2. утвержденіе расходовъ можетъ воспослѣдовать лишь по предложенію имперскаго правительства и въ суммѣ, не превышающей указанной въ предложеніи. Каждое разрѣшеніе дѣйствительно лишь для того особаго назначенія, какое было опредѣлено для него. Затраты могутъ совершаться лишь въ предѣлахъ разрѣшенія;

3. продолжительность бюджетнаго періода и срокъ, на который утверждается бюджетъ, равны одному году;

4. бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ имперіи и резервнаго фонда. а также доходовъ, необходимыхъ для ихъ покрытія, будетъ утвержденъ въ первомъ рейхстагѣ постановленіями рейхстага. Увеличеніе этого бюджета при позднѣйшихъ рейхстагахъ тоже требуетъ постановленія рейхстага;

5. этотъ обыкновенный бюджетъ въ каждую сессію вносится въ первую очередь въ палату народа, провѣряется ею по статьямъ послѣ объясненій и доказательствъ, представляемыхъ имперскимъ правительствомъ, и утверждается или отвергается цѣликомъ или въ отдѣльныхъ частяхъ;

6. по изученіи и утвержденіи палатой народа бюджетъ передается въ палату государствъ. Послѣдней, въ предѣлахъ общей суммы обыкновеннаго бюджета, утвержденнаго первымъ рейхстагомъ или позднѣйшими постановленіями рейхстага, предоставляется лишь право дѣлать напоминанія и замѣчанія, относительно которыхъ палата народа дѣлаетъ потомъ окончательное постановленіе;

7. всѣ чрезвычайные расходы и средства для ихъ покрытія, подобно увеличенію обыкновеннаго бюджета, требуютъ разрѣшенія постановленіемъ рейхстага;

8. отчетъ объ израсходованіи имперскихъ средствъ представляется для провѣрки и заключенія рейхстагу, притомъ сначала палатѣ народа.

Статья 6.

§ 104. Рейхстагъ собирается ежегодно въ мѣстѣ пребыванія имперскаго правительства. Время собранія опредѣляется главой имперіи при созывѣ рейхстага, поскольку оно не будетъ установлено имперскимъ закономъ.

Кромѣ того, рейхстагъ во всякое время можетъ быть созываемъ главой имперіи на чрезвычайныя сессіи.

§ 105. Очередныя сессіи ландтаговъ въ отдѣльныхъ государствахъ вообще не должны совпадать съ сессіями рейхстага. Подробности будутъ опредѣлены имперскимъ закономъ.

§ 106. Палата народа можетъ быть распущена главой имперіи.

Въ случаѣ распущенія рейхстагъ долженъ быть созванъ въ трехмѣсячный срокъ.

§ 107. Распущеніе палаты народа имѣетъ своимъ слѣдствіемъ одновременную отсрочку засѣданій палаты государствъ впредь до созыва новаго рейхстага.

Сессіи обѣихъ палатъ по времени одинаковы.

§ 108. Окончаніе сессіи рейхстага опредѣляется главой имперіи.

§ 109. Отсрочка главой государства засѣданій рейхстага или одной изъ двухъ палатъ, если по открытіи сессіи отсрочка должна продолжаться болѣе четырнадцати дней, требуетъ согласія рейхстага или соотвѣтствующей палаты.

Самъ рейхстагъ, а также каждая изъ обѣихъ палатъ могутъ отсрочить свои засѣданія на четырнадцать дней.

Статья 7.

§ 110. Каждая изъ двухъ палатъ избираетъ своего президента, своихъ вице-президентовъ и своихъ секретарей.

§ 111. Засѣданія обѣихъ палатъ публичны. Уставъ каждой палаты опредѣляетъ, при какихъ условіяхъ могутъ имѣть мѣсто закрытыя засѣданія.

§ 112. Каждая палата провѣряетъ полномочія своихъ членовъ и рѣшаетъ вопросъ объ ихъ допущеніи.

§ 113. Каждый членъ при своемъ вступленіи приноситъ присягу: «Клянусь, что я буду вѣрно соблюдать и охранять имперскую конституцію, да поможетъ мнѣ Богъ».

§ 114. Каждая палата имѣетъ право подвергать наказаніямъ, а въ крайнихъ случаяхъ исключать своихъ членовъ за неподобающее поведеніе въ палатѣ. Подробности опредѣляетъ уставъ каждой палаты.

Исключеніе можетъ быть назначено лишь при томъ условіи, если за эту мѣру выскажется большинство двухъ третей голосовъ.

§ 115. Ни лица, передающія петиціи, ни вообще депутаціи не должны быть допускаемы въ палаты.

§ 116. Каждая палата имѣетъ право сама выработать свой уставъ. Дѣловыя отношенія между обѣими палатами устанавливаются по соглашенію обѣихъ палатъ.

Статья 8.

§ 117. Во время сессіи ни одинъ членъ рейхстага безъ согласія палаты, къ которой онъ принадлежитъ, не можетъ быть ни арестованъ по обвиненію въ уголовномъ дѣяніи, ни привлеченъ къ слѣдствію, за единственнымъ исключеніемъ, если онъ захваченъ на мѣстѣ преступленія.

§ 118. Въ послѣднемъ случаѣ должно немедленно довести до свѣдѣнія соотвѣтствующей палаты о принятой мѣрѣ. Палата имѣетъ право предписать отсрочить заключеніе или слѣдствіе до окончанія сессіи.

§ 119. Такія же полномочія предоставляются каждой палатѣ и по отношенію къ аресту или слѣдствію, которымъ членъ палатъ подвергся ко времени своего избранія или послѣ избранія до открытія сессіи.

§ 120. Никакой членъ рейхстага ни въ какое время не долженъ привлекаться къ судебной или дисциплинарной отвѣтственности или иначе привлекаться къ отвѣтственности внѣ собранія за свое голосованіе или за тѣ заявленія, которыя онъ сдѣлалъ при исполненіи своего долга въ рейхстагѣ.

Статья 9.

§ 121. Имперскіе министры имѣютъ право присутствовать при преніяхъ обѣихъ палатъ рейхстага и быть выслушаны ими во всякое время.

§ 122. Имперскіе министры обязаны по требованію каждой изъ палатъ рейхстага явиться въ нее и дать объясненія или же сообщить причины, почему таковыя не могутъ быть сдѣланы.

§ 123. Имперскіе министры не могутъ быть членами палаты государствъ.

§ 124. Если членъ палаты народа принимаетъ должность или повышеніе на имперской службѣ, онъ долженъ подвергнуться вторичному избранію; онъ сохраняетъ свое мѣсто въ палатѣ, пока не послѣдуютъ новые выборы.

ОТДѢЛЪ V. ИМПЕРСКІЙ СУДЪ.

Статья 1.

§ 125. Принадлежащая имперіи юрисдикція осуществляется при посредствѣ имперскаго суда.

§ 126. Къ компетенціи имперскаго суда принадлежатъ:

a) жалобы отдѣльнаго государства противъ имперской власти по дѣламъ о нарушеніи имперской конституціи изданіемъ имперскихъ законовъ и мѣропріятіями имперскаго правительства, а также жалобы имперской власти противъ отдѣльныхъ государствъ по дѣламъ о нарушеніи имперской конституціи;

b) взаимныя несогласія между палатой государствъ и палатой народа и между каждой изъ нихъ и имперскимъ правительствомъ, касающіяся истолкованія конституціи, если противоположныя стороны согласятся обратиться къ рѣшенію имперскаго суда;

c) политическія и частно-правовыя разногласія всякаго рода между отдѣльными германскими государствами;

d) спорные вопросы относительно престолонаслѣдія, способности къ управленію и регентства въ отдѣльныхъ государствахъ;

e) разногласія между правительствомъ отдѣльнаго государства и народнымъ представительствомъ по вопросамъ о значеніи или истолкованіи конституціи этого государства;

f) жалобы гражданъ отдѣльнаго государства противъ его правительства по дѣламъ объ отмѣнѣ или неконституціонномъ измѣненіи конституціи отдѣльнаго государства.

Жалобы гражданъ отдѣльнаго государства противъ правительства по дѣламъ о нарушеніи конституціи этого государства могутъ вноситься въ имперскій судъ лишь въ томъ случаѣ, если средства помощи, предусмотрѣнныя въ конституціи этой страны, не могли получить примѣненія.

g) жалобы германскихъ гражданъ по дѣламъ о нарушеніи ихъ правъ, гарантированныхъ имперской конституціей. Имперскому законодательству предоставляется опредѣлить ближайшія подробности относительно предѣловъ этого права обжалованія, а также относительно способовъ его осуществленія;

h) жалобы относительно отказа или замедленія въ судопроизводствѣ, если исчерпаны средства помощи, даваемыя законами отдѣльнаго государства;

i) уголовная подсудность по обвиненіямъ противъ имперскихъ министровъ, поскольку жалобы касаются министерской отвѣтственности послѣднихъ;

k) уголовная подсудность по жалобамъ противъ министровъ отдѣльныхъ государствъ, поскольку обвиненія имѣютъ отношеніе къ министерской отвѣтственности министровъ;

l) уголовная подсудность по дѣламъ о государственной измѣнѣ противъ имперіи.

Позднѣйшіе имперскіе законы опредѣлятъ, не слѣдуетъ ли отнести къ уголовной подсудности имперскаго суда и другія преступленія противъ имперіи.

m) жалобы противъ имперскаго фиска;

n) жалобы противъ нѣмецкихъ государствъ, если обязательство дать удовлетвореніе представляетъ предметъ сомнѣній или спора между нѣсколькими государствами или если въ жалобѣ предъявляется общее требованіе къ нѣсколькимъ государствамъ.

§ 127. Вопросъ о томъ, входитъ ли тотъ или иной случай въ компетенцію имперскаго суда, рѣшаетъ единственно и исключительно самъ имперскій судъ.

§ 128. Объ учрежденіи и организаціи имперскаго суда, о порядкѣ судопроизводства и приведеніи въ исполненіе рѣшеній и распоряженій имперскаго суда будетъ изданъ особый законъ.

Этотъ же законъ долженъ опредѣлить, слѣдуетъ ли и въ какихъ случаяхъ предоставить вынесеніе приговоровъ въ имперскомъ судѣ присяжнымъ засѣдателямъ.

Точно такъ же предоставляется опредѣлить, слѣдуетъ ли и въ какой мѣрѣ считать этотъ законъ основнымъ конституціоннымъ закономъ.

§ 129. Имперскому законодательству предоставляется учредить адмиральскіе и морскіе суды, а также издать постановленія относительно подсудности посланниковъ и консуловъ имперіи.

ОТДѢЛЪ VI. ОСНОВНЫЯ ПРАВА ГЕРМАНСКАГО НАРОДА.

§ 130. Германскому народу должны быть гарантированы нижеслѣдующія основныя права. Они должны послужить нормой для конституцій отдѣльныхъ германскихъ государствъ, и никакая конституція или законы отдѣльнаго германскаго государства не должны отмѣнять или ограничивать ихъ.

Статья 1.

§ 131 (1 *). Германскій народъ состоитъ изъ граждан государствъ, составившихъ Германскую имперію.

§ 132 (2). Каждый нѣмецъ имѣетъ право гражданина Германской имперіи. Предоставленныя ему въ силу этого права онъ можетъ осуществлять во всякомъ германскомъ государствѣ. Имперскій избирательный законъ устанавливаетъ право избирать въ германское имперское собраніе.

§ 133 (3). Каждый нѣмецъ имѣетъ право избирать своимъ мѣстомъ пребыванія и жительства всякое мѣсто имперской территоріи, пріобрѣтать недвижимости всякаго рода и распоряжаться ими, вести всякое производство, пріобрѣтать гражданскія права въ общинѣ.

Имперская власть установитъ для всей Германіи условія пребыванія и жительства закономъ объ осѣдлости, условія промышленнаго производства—промысловымъ уставомъ.

§ 134 (4). Ни одно германское государство не должно между своими гражданами и другими нѣмцами проводить какое бы то ни было различіе въ гражданскихъ, уголовныхъ и процессуальныхъ правахъ, которое ставило бы послѣднихъ въ положеніе иностранцевъ.

§ 135 (5). Наказаніе гражданской смертью не должно имѣть мѣста, а тамъ, гдѣ оно уже было назначено, должно быть отмѣнено въ своихъ послѣдствіяхъ, поскольку этимъ не будутъ нарушены права частныхъ лицъ.

---

*) Поставленныя въ скобки цифры означаютъ нумера, подъ которыми были эти параграфы въ офиціальномъ извѣщеніи (Reichsgesetzblatt, № 8) о принятыхъ тогда основныхъ правахъ.

§ 136 (6). Свобода эмиграціи не подлежитъ ограниченію государствомъ; не должны быть взимаемы сборы за выселеніе.

Дѣла по эмиграціи стоятъ подъ охраной и попеченіемъ имперіи.

Статья 2.

§ 137 (7). Для закона различія сословій не существуетъ. Дворянство, какъ сословіе, уничтожено.

Всѣ сословныя привилегіи отмѣнены.

Нѣмцы равны передъ закономъ.

Всѣ титулы, поскольку они не связаны съ занятіемъ должности, уничтожаются и никогда не должны быть возстановлены.

Ни одинъ гражданинъ государства не долженъ принимать орденовъ отъ иностранныхъ державъ.

Общественныя должности одинаково доступны для всѣхъ способныхъ къ занятію ихъ.

Воинская повинность для всѣхъ равна; замѣстительство при этомъ не допускается.

Статья 3.

§ 138 (8). Свобода личности неприкосновенна.

Задержаніе, за исключеніемъ поимки на мѣстѣ преступленія, можетъ быть произведено лишь въ силу судебнаго, снабженнаго указаніемъ на основанія, приказа. Этотъ приказъ долженъ быть предъявленъ задержанному въ моментъ задержанія или въ теченіе ближайшихъ двадцати четырехъ часовъ отъ задержанія.

Всякаго, кого полицейская власть подвергаетъ заключенію, она или должна освободить въ теченіе слѣдующаго дня, или передать судебнымъ властямъ.

Всякій обвиняемый долженъ быть освобожденъ отъ заключенія по представленіи залога, опредѣляемаго судомъ, или подъ поручительство, если противъ даннаго лица нѣтъ несомнѣнныхъ уликъ въ совершеніи тяжкаго уголовнаго преступленія.

Въ случаѣ противозаконно воспослѣдовавшаго или противозаконно продолжительнаго заключенія виновный, а въ случаѣ необходимости государство обязаны дать удовлетвореніе и вознагражденіе потерпѣвшему.

Особыми законами должны быть опредѣлены необходимыя для арміи и флота измѣненія этихъ постановленій.

§ 139 (9). Отмѣняется смертная казнь, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ она предписывается военными законами или допускается морскимъ правомъ въ случаѣ мятежа, а также отмѣняется наказаніе выставленіемъ у позорнаго столба, клейменіемъ и тѣлесныя наказанія.

§ 140 (10). Жилище неприкосновенно.

Обыскъ допустимъ лишь:

1. въ силу судебнаго, снабженнаго указаніемъ на основанія, приказа, который предъявляется обыскиваемому немедленно или до истеченія ближайшихъ двадцати четырехъ часовъ;

2. въ случаѣ преслѣдованія по свѣжимъ слѣдамъ чиновниками, уполномоченными на это закономъ;

3. въ случаяхъ и формахъ, въ которыхъ законъ допускаетъ это въ видѣ исключенія для опредѣленныхъ чиновниковъ и безъ судебнаго приказа.

Домашній обыскъ долженъ быть совершаемъ по возможности въ присутствіи домашнихъ.

Неприкосновенность жилища не должна служить препятствіемъ для задержанія лица, преслѣдуемаго судомъ.

§ 141 (11). Конфискація писемъ и бумагъ, за исключеніемъ случаевъ задержанія или домашняго обыска, можетъ воспослѣдовать лишь въ силу снабженнаго указаніемъ на основанія судебнаго приказа, который долженъ быть предъявленъ заинтересованному лицу немедленно или до истеченія ближайшихъ двадцати четырехъ часовъ.

§ 142 (12). Гарантируется тайна переписки.

Законодательство установитъ необходимыя ограниченія по отношенію къ уголовному слѣдствію и случаямъ войны.

Статья 4.

§ 143 (13). Всякій нѣмецъ имѣетъ право свободно выражать свое мнѣніе устно, письменно, печатно и при помощи изображеній.

Свобода печати не можетъ быть ограничиваема, пріостанавливаема или отмѣняема ни при какихъ обстоятельствахъ и никакимъ способомъ: при помощи предупредительныхъ мѣръ, именно цензуры, разрѣшеній, требованій обезпеченія, государственныхъ налоговъ, ограниченій типографій или книготорговли, почтовыхъ запрещеній или иныхъ стѣсненій свободному обращенію.

Проступки печати, подлежащіе преслѣдованію, разбираются судомъ присяжныхъ.

Имперія издастъ законъ о печати.

Статья 5.

§ 144 (14). Каждый нѣмецъ имѣетъ полную свободу вѣроисповѣданія и совѣсти.

Никто не обязанъ открывать свои религіозныя убѣжденія.

§ 145 (15). Никакой нѣмецъ не подлежитъ ограниченіямъ въ общемъ домашнемъ и общественномъ культѣ своей религіи.

Преступленія и проступки, совершонные при осуществленіи этой свободы, наказуются согласно закону.

§ 146 (16). Религіозное исповѣданіе не можетъ служить причиной къ лишенію или ограниченію гражданскихъ и политическихъ правъ. Оно не должно вести и къ избавленію отъ гражданскихъ обязанностей по отношенію къ государству.

§ 147 (17). Всякое религіозное общество самостоятельно управляетъ и организуетъ свои дѣла, но остается подчиненнымъ общимъ законамъ государства.

Государство не должно оказывать предпочтеніе какому-либо религіозному обществу передъ другими; впредь нѣтъ никакой государственной церкви.

Могутъ организоваться новыя религіозныя общества; не требуется признанія государствомъ ихъ исповѣданія.

§ 148 (18). Никто не долженъ быть принуждаемъ къ участію въ церковныхъ дѣйствіяхъ или обрядахъ.

§ 149 (19). Формула присяги впредь должна гласить: «Да поможетъ мнѣ Богъ».

§ 150 (20). Гражданско-правовая дѣйствительность брака зависитъ только отъ совершенія гражданскаго акта; церковная церемонія можетъ имѣть мѣсто лишь по совершеніи гражданскаго акта.

Различіе исповѣданій не является препятствіемъ для гражданскаго брака.

§ 151 (21). Метрическія книги ведутся гражданскими властями.

Статья 6.

§ 152 (22). Наука и ея ученія свободны.

§ 153 (23). Дѣло обученія и воспитанія стоитъ подъ верховнымъ наблюденіемъ государства и, за исключеніемъ религіознаго обученія, освобождается отъ надзора духовенства, какъ таковаго.

§ 154 (24). Учреждать учебныя и воспитательныя заведенія, руководить ими и обучать въ нихъ предоставляется всякому нѣмцу, если онъ доказалъ свои способности передъ соотвѣтствующимъ государственнымъ учрежденіемъ.

Домашнее обученіе не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ.

§ 155 (25). Должны быть приложены надлежащія заботы къ образованію нѣмецкаго юношества посредствомъ устройства общественныхъ школъ.

Родители и ихъ замѣстители не должны оставлять своихъ дѣтей или опекаемыхъ безъ обученія, которое предписано для низшихъ народныхъ школъ.

§ 156 (26). Учителя въ общественныхъ школахъ имѣютъ права государственной службы.

Государство при установленномъ закономъ участіи общинъ назначаетъ школьныхъ учителей изъ числа лицъ, выдержавшихъ экзамены.

§ 157 (27). За обученіе въ народныхъ школахъ и низшихъ промышленныхъ школахъ не взимается платы.

Для несостоятельныхъ должно быть обезпечено безплатное обученіе во всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 158 (28). Свободному выбору каждаго предоставляется избирать для себя профессію и подготовляться къ ней, гдѣ и какъ онъ желаетъ.

Статья 7.

§ 159. Каждый нѣмецъ имѣетъ право обращаться съ письменными прошеніями и жалобами къ администраціи, къ народнымъ представительствамъ и къ рейхстагу.

Это право можетъ осуществляться какъ отдѣльными лицами, такъ и сообща корпораціями или нѣсколькими лицами; но въ войскѣ и военномъ флотѣ лишь въ формахъ, установленныхъ дисциплинарными предписаніями.

§ 160. Для судебнаго преслѣдованія государственнаго чиновника за дѣйствія по службѣ не требуется предварительнаго согласія начальства.

Статья 8.

§ 161 (29). Нѣмцы имѣютъ право мирно и безъ оружія устраивать собранія; для этого не требуется особаго разрѣшенія.

Народныя собранія подъ открытымъ небомъ могутъ быть воспрещаемы въ случаѣ серьезной опасности для общественнаго порядка и безопасности.

§ 162 (30). Нѣмцы имѣютъ право устраивать союзы. Это право не должно быть ограничиваемо никакими предупредительными мѣрами.

§ 163 (31). Содержащіяся въ параграфахъ 161 и 162 постановленія находятъ себѣ примѣненіе и въ арміи и военномъ флотѣ, поскольку этому не противорѣчатъ военныя дисциплинарныя предписанія.

Статья 9.

§ 164 (32). Собственность неприкосновенна.

Экспропріація можетъ быть произведена лишь по соображеніямъ общаго блага, только на основѣ особаго закона и подъ условіемъ справедливаго вознагражденія.

Авторская собственность должна получить защиту въ имперскомъ законодательствѣ.

§ 165 (33). Каждый землевладѣлецъ имѣетъ право вполнѣ или отчасти отчудить свою собственность какъ при жизни, такъ и на случай смерти. Отдѣльнымъ государствамъ предоставляется содѣйствовать проведенію принципа дѣлимости всего землевладѣнія при посредствѣ законовъ о переходѣ.

По соображеніямъ общественнаго блага допустимы въ законодательномъ порядкѣ ограниченія права мертвой руки пріобрѣтать недвижимости и распоряжаться ими.

§ 166 (34). Навсегда уничтожаются всѣ отношенія крѣпостничества и подданства.

§ 167 (35). Безъ вознагражденія отмѣняются:

1. патримоніальная подсудность и вотчинная полиція со всѣми вытекающими изъ этихъ правъ полномочіями, привилегіями и пошлинами;

2. личные платежи и повинности, вытекающіе изъ отношеній помѣстныхъ и патронатства.

Вмѣстѣ съ этими правами отпадаютъ и всѣ платежи и повинности, которые лежали на лицахъ, обладавшихъ этими правами.

§ 168 (36). Всѣ лежащіе на землѣ платежи и повинности, въ частности десятины, подлежатъ выкупу: по предложенію ли только обязанныхъ или же и получающихъ платежи и какимъ способомъ, это будетъ опредѣлено законодательствомъ отдѣльныхъ государствъ.

Впредь ни одинъ участокъ земли не долженъ облагаться не подлежащими выкупу платежами или повинностями.

§ 169 (37). Землевладѣніе даетъ право охоты на собственной землѣ.

Отмѣняются безъ вознагражденія права охоты на чужой землѣ, охотничья служба, охотничья барщина и другія повинности, связанныя съ охотой.

Однако подлежатъ выкупу тѣ права на охоту, относительно которыхъ будетъ доказано, что они пріобрѣтены обязательнымъ договоромъ съ собственникомъ участка земли, на которомъ лежитъ обязательство; условія выкупа должны опредѣлить законы отдѣльныхъ государствъ.

Законодательству отдѣльныхъ государствъ предоставляется урегулировать право охоты по соображеніямъ общественной безопасности и общаго блага.

Право охоты на чужой землѣ не должно впредь устанавливаться въ качествѣ привилегіи, связанной съ землевладѣніемъ.

§ 170 (38). Должны быть уничтожены семейные фидеикомиссы. Способъ и условія уничтоженія опредѣляетъ законодательство отдѣльныхъ государствъ.

Постановленіямъ законодательства отдѣльныхъ государствъ предоставляется рѣшить о семейныхъ фидеикомиссахъ правящихъ монаршихъ домовъ.

§ 171 (39). Всѣ ленныя отношенія подлежатъ уничтоженію. Законодательства отдѣльныхъ государствъ должны опредѣлить подробности относительно способа отмѣны.

§ 172 (40). Наказаніе конфискаціей имущества не должно имѣть мѣста.

§ 173. Обложеніе должно быть организовано такъ, чтобы уничтожились привилегіи отдѣльныхъ сословій и имѣній въ государствѣ и общинѣ.

Статья 10.

§ 174 (41). Вся судебная власть принадлежитъ государству. Не должно существовать патримоніальныхъ судовъ.

§ 175 (42). Судебная власть самостоятельно осуществляется судами. Недопустима юстиція кабинета и министровъ.

Никто не можетъ быть изъятъ изъ вѣдѣнія своего законнаго судьи. Исключительные суды никогда не должны имѣть мѣста.

§ 176 (43). Не должно быть никакихъ привилегій въ подсудности лицъ или имѣній.

Подсудность военнымъ судамъ ограничивается дѣлами о воинскихъ преступленіяхъ и проступкахъ, а также о нарушеніяхъ военной дисциплины; относительно военнаго времени должны быть созданы особыя постановленія.

§ 177 (44). Ни одинъ судья безъ судебнаго приговора не можетъ быть устраненъ съ своей должности или пониженъ по положенію и получаемому содержанію.

Отрѣшеніе отъ должности можетъ состояться лишь по приговору суда.

Ни одинъ судья вопреки своей волѣ, иначе, чѣмъ по приговору суда въ установленныхъ закономъ случаяхъ и формахъ, не можетъ быть переведенъ съ одного мѣста на другое или отставленъ.

§ 178 (45). Судопроизводство должно быть гласнымъ и устнымъ.

Исключенія изъ гласности въ интересахъ нравственности опредѣляетъ законъ.

§ 179 (46). Въ дѣлахъ о преступленіяхъ ведется уголовный процессъ.

Суды присяжныхъ выносятъ приговоръ по болѣе тяжкимъ уголовнымъ дѣламъ и по всѣмъ политическимъ проступкамъ.

§ 180 (47). Гражданское судопроизводство въ дѣлахъ, требующихъ особой профессіональной опытности, должно производиться компетентными судьями, свободно избранными ихъ товарищами по профессіи, или при участіи такихъ судей.

§ 181 (48). Судебное дѣло и администрація должны быть раздѣлены и независимы другъ отъ друга.

Въ случаяхъ конфликтовъ по вопросу о компетенціи между административными и судебными учрежденіями въ отдѣльныхъ государствахъ дѣло рѣшается судебной палатой, которая имѣетъ быть установлена закономъ.

§ 182 (49). Административное судопроизводство уничтожается; всѣ нарушенія права подлежатъ судебному разбирательству.

Полиціи ни въ какихъ дѣлахъ не предоставляется юрисдикціи.

§ 183 (50). Вошедшіе въ законную силу приговоры германскихъ судовъ одинаково дѣйствительны и одинаково подлежатъ исполненію во всѣхъ германскихъ земляхъ.

Подробности опредѣлитъ имперскій законъ.

Статья 11.

§ 184. Каждая община въ качествѣ основныхъ правъ своего строя располагаетъ:

a) правомъ избирать своихъ старшинъ и представителей;

b) правомъ управлять, подъ законно урегулированнымъ верховнымъ наблюденіемъ государства, своими общинными дѣлами, включая и мѣстную полицію;

c) правомъ опубликовывать свой общинный бюджетъ;

d) правомъ публичности преній въ качествѣ общаго правила.

§ 185. Каждый участокъ земли долженъ принадлежать къ извѣстному общинному союзу.

Законодательству отдѣльныхъ государствъ предоставляется выработать ограниченія относительно лѣсовъ и пустошей.

Статья 12.

§ 186. Въ каждомъ германскомъ государствѣ должна быть конституція съ народнымъ представительствомъ.

Министры отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ.

§ 187. Народное представительство имѣетъ рѣшающій голосъ при изданіи законовъ, при обложеніи, при установленіи государственнаго бюджета; оно— а гдѣ существуютъ двѣ палаты, то каждая изъ палатъ—имѣетъ право предлагать законы, обращаться съ жалобами и адресами и возбуждать преслѣдованіе противъ министровъ.

Статья 13.

§ 188. Народностямъ Германіи, не говорящимъ по-нѣмецки, гарантируется ихъ національное развитіе, въ частности равноправность ихъ языковъ въ предѣлахъ ихъ области въ церковномъ дѣлѣ, обученіи, внутреннемъ управленіи и судопроизводствѣ.

Статья 14.

§ 189. Каждый германскій гражданинъ за границей стоитъ подъ защитой имперіи.

ОТДѢЛЪ VII. ГАРАНТІИ КОНСТИТУЦІИ.

Статья 1.

§ 190. При каждой смѣтѣ правленія рейхстагъ, если онъ уже не собранъ, собирается безъ созыва въ томъ составѣ, какъ онъ собирался въ послѣдній разъ. Императоръ, вступающій въ правленіе, передъ соединенными въ одно засѣданіе обѣими палатами рейхстага приноситъ присягу имперской конституціи.

Присяга гласитъ: «Клянусь, что я буду охранять имперію и права германскаго народа, соблюдать имперскую конституцію и по совѣсти осуществлять ее. Да поможетъ мнѣ Богъ».

Лишь по принесеніи присяги императоръ пріобрѣтаетъ право совершать правительственныя дѣйствія.

§ 191. Имперскіе чиновники при вступленіи въ должность должны принести присягу имперской конституціи. Подробности опредѣлитъ имперскій уставъ о службѣ.

§ 192. Объ отвѣтственности имперскихъ министровъ долженъ быть изданъ имперскій законъ.

§ 193. Присяга имперской конституціи въ отдѣльныхъ государствахъ соединяется съ присягой конституціи послѣднихъ и предшествуетъ ей.

Статья 2.

§ 194. Ни одно постановленіе въ конституціи или въ законахъ отдѣльнаго государства не должно стоять въ противорѣчіи съ имперской конституціей.

Статья 3.

§ 195. Измѣненія въ имперской конституціи могутъ быть произведены лишь постановленіемъ обѣихъ палатъ и съ согласія главы имперіи. Для такого постановленія въ каждой изъ обѣихъ палатъ требуется:

1. присутствіе по меньшей мѣрѣ двухъ третей членовъ;

2. два голосованія, раздѣленныя промежуткомъ по меньшей мѣрѣ въ восемь дней;

3. при каждомъ изъ этихъ двухъ голосованій большинство голосовъ по меньшей мѣрѣ въ двѣ трети всѣхъ присутствующихъ членовъ.

Согласія главы государства не требуется, если въ трехъ непосредственно слѣдующихъ одна за другой обыкновенныхъ сессіяхъ рейхстагомъ принято безъ измѣненій одно и то же постановленіе. Въ этотъ счетъ не входятъ сессіи, продолжавшіяся менѣе четырехъ недѣль.

Статья 4.

§ 196. Въ случаѣ войны или мятежа имперское правительство или правительство отдѣльнаго государства могутъ для отдѣльныхъ округовъ пріостановить на время дѣйствіе постановленій основныхъ правъ относительно арестовъ, домашнихъ обысковъ и права собраній; но при этомъ должны соблюдаться слѣдующія условія:

1. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ распоряженіе должно исходить отъ всего министерства имперіи или отдѣльнаго государства;

2. министерство имперіи должно немедленно испросить согласіе рейхстага, министерство отдѣльнаго государства—согласіе ландтага, если въ данный моментъ рейхстагъ или ландтагъ собраны на сессію. Если же они не собраны, то распоряженіе не можетъ оставаться въ силѣ долѣе 14 дней, если въ теченіе этого срока они не будутъ созваны и принятыя мѣры не будутъ представлены на ихъ утвержденіе.

Дальнѣйшее опредѣлитъ особый имперскій законъ.

Для объявленія осаднаго положенія въ крѣпостяхъ остаются въ силѣ существующія предписанія закона.

ВЪ УДОСТОВѢРЕНІЕ:

Франкфуртъ на Майнѣ, 28 марта 1849 года.

(Слѣдуютъ подписи депутатовъ національнаго собранія).

II.

ЗАКОНЪ

относительно выборовъ депутатовъ въ палату народа.

(Принятъ имперскимъ собраніемъ 27 марта 1849 года)

Статья 1.

§ 1. Избирателемъ является всякій неопороченный нѣмецъ, которому миновало двадцать пять лѣтъ отъ роду.

§ 2. Права участвовать въ выборахъ лишены:

1. лица, которыя состоятъ подъ опекой или попечительствомъ;
2. лица, надъ имуществомъ которыхъ судомъ назначенъ конкурсъ или администрація, на весь срокъ конкурса или администраціи;
3. лица, получающія или получавшія въ послѣдній годъ передъ выборами вспомоществованіе на бѣдность изъ государственныхъ или общинныхъ средствъ.

§ 3. Опороченными, а потому лишенными права участвовать въ выборахъ должны считаться:

лица, которыя по законамъ отдѣльнаго государства, гдѣ состоялся приговоръ, вступившимъ въ законную силу приговоромъ непосредственно или косвенно лишены гражданскихъ правъ, если эти лица не были снова возстановлены въ своихъ правахъ.

§ 4. Независимо отъ иныхъ наказаній избирательнаго права на срокъ отъ 4 до 12 лѣтъ лишается приговоромъ уголовнаго суда всякій, кто при выборахъ подкупалъ голоса, продавалъ свой голосъ или въ теченіе однихъ и тѣхъ же выборовъ, предназначенныхъ для одной и той же цѣли, болѣе одного раза подавалъ свой голосъ или вообще пользовался недозволеннымъ закономъ средствами для воздѣйствія на выборы.

Статья 2.

§ 5. Правомъ быть избраннымъ въ депутаты палаты народа пользуется всякій имѣющій право избирать нѣмецъ, которому миновало 25 лѣтъ отъ роду и который не менѣе трехъ лѣтъ принадлежитъ къ какому-нибудь нѣмецкому государству.

Отбытое или отмѣненное помилованіемъ наказаніе за политическое преступленіе не лишаетъ права избранія въ палату народа.

§ 6. Лица, занимающія общественную должность, для вступленія въ палату народа не нуждаются ни въ какомъ разрѣшеніи.

Статья 3.

§ 7. Въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ должны быть образованы избирательные округа, на каждый по 100.000 населенія согласно послѣдней народной переписи.

§ 8. Если при образованіи избирательныхъ округовъ въ какомъ-либо отдѣльномъ государствѣ получится избытокъ не менѣе 50.000 душъ, для него долженъ быть образованъ особый избирательный округъ.

Избытокъ менѣе 50.000 душъ долженъ быть соотвѣтственно распредѣленъ между другими избирательными округами отдѣльнаго государства.

§ 9. Мелкія государства съ населеніемъ не менѣе 50.000 душъ образуютъ каждое особый избирательный округъ.

Къ нимъ долженъ быть приравненъ городъ Любекъ.

Тѣ государства, въ которыхъ населеніе не достигаетъ 50.000 душъ, для образованія избирательныхъ округовъ должны быть соединены съ другими государствами сообразно имперской избирательной росписи (приложеніе А).

§ 10. Для подачи голосовъ избирательные округа подраздѣляются на болѣе мелкіе избирательные участки.

Статья 4.

§ 11. Кто желаетъ осуществить избирательное право въ извѣстномъ избирательномъ округѣ, тотъ долженъ ко времени выборовъ имѣть въ немъ постоянное мѣсто жительства. Каждый можетъ избирать лишь въ одномъ мѣстѣ.

Мѣстопребываніе солдатъ и военныхъ лицъ считается мѣстомъ жительства и даетъ право на участіе въ выборахъ, если это мѣсто было неизмѣннымъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.—Въ государствахъ, въ которыхъ существуетъ ополченіе, для послѣдняго устанавливается то исключеніе, что обязанные къ службѣ въ немъ, состоящіе во время выборовъ на дѣйствительной службѣ, избираютъ вмѣсто своего родного округа въ мѣстѣ своего пребыванія. Правительствамъ отдѣльныхъ государствъ предоставляется издать дальнѣйшія распоряженія во исполненіе этого постановленія.

§ 12. Въ каждомъ участкѣ для выборовъ должны быть составлены списки, въ которые вносятся имѣющіе право участвовать въ выборахъ,—ихъ фамилія, имя, промыселъ и мѣсто жительства. Эти списки должны быть предоставляемы на просмотръ каждому желающему не позже чѣмъ за четыре недѣли до дня, назначеннаго для общихъ выборовъ, и объ этомъ должно быть опубликовано.

Возраженія противъ списковъ должны быть представлены учрежденію, опубликовавшему о составленіи ихъ, въ теченіе восьми дней по опубликованіи и должны быть разрѣшены въ теченіе слѣдующихъ четырнадцати дней, послѣ чего списки закрываются. Право участія въ выборахъ имѣютъ только лица, внесенныя въ списки.

Статья 5.

§ 13. Избирательная процедура публична; къ ней привлекаются члены общины, не занимающіе никакихъ государственныхъ или общинныхъ должностей.

Избирательное право осуществляется избирателями лично, при помощи избирательныхъ бюллетеней безъ подписи.

§ 14. Выборы прямые. Избраніе совершается абсолютнымъ большинствомъ всѣхъ поданныхъ въ избирательномъ округѣ голосовъ.

Если при выборахъ ни одинъ кандидатъ не получитъ абсолютнаго большинстве голосовъ, то назначаются вторичные выборы. Если и при вторичныхъ выборахъ на

будетъ достигнуто абсолютное большинство голосовъ, то въ третій разъ выборы производятся лишь между двумя кандидатами, которые при третьихъ выборахъ получили наибольшее число голосовъ.

При равенствѣ голосовъ рѣшаетъ жребій.

§ 15. Не слѣдуетъ избирать замѣстителей для депутатовъ.

§ 16. Выборы на всемъ протяженіи имперіи производятся въ одинъ и тотъ же день, назначаемый имперскимъ правительствомъ.

Если сдѣлаются необходимыми выборы въ позднѣйшее время, они назначаются правительствами отдѣльныхъ государствъ.

§ 17. Избирательные округи и избирательные участки, завѣдываніе выборами и избирательная процедура, поскольку это не установлено распоряженіемъ имперской власти, будутъ опредѣлены правительствами отдѣльныхъ государствъ.

Приложеніе А.

ИМПЕРСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РОСПИСЬ.

Для выборовъ депутатовъ въ палату народа соединяются: 1) Лихтенштейнъ съ Австріей. 2) Гессенъ-Гомбургъ съ великимъ герцогствомъ Гессенскимъ; гессенъ-гомбургскій оберъ-амтъ Мейзенгеймъ на лѣвомъ берегу Рейна съ Рейнской Баваріей. 3) Шаумбургъ-Липпе съ Гессенъ-Касселемъ. 4) Гогенцоллернъ-Геккингенъ съ Гогенцоллернъ-Зигмарингеномъ. 5) Рейссъ старшей линіи съ Рейссомъ младшей линіи. 6) Ангальтъ-Кетенъ съ Ангальтъ-Бернбургомъ. 7) Лауэнбургъ съ Шлезвигъ-Голштиніей. 8) Лежащая на лѣвой сторонѣ Рейна часть великаго герцогства Ольденбургскаго съ Рейнской Пруссіей. 9) Пирмонтъ съ Пруссіей.

III.

Военные суды въ Баденѣ.

Воспроизводимъ нѣсколько приговоровъ военныхъ судовъ, поскольку они были опубликованы въ формѣ «извѣщеній». Стиль и духъ этихъ прокламацій въ одинаковой мѣрѣ характерны для того, какъ побѣдители обрушились на побѣжденныхъ. Въ особенности любопытно, какъ генералъ Гиршфельдъ скорбитъ, что Кинкеля не удалось разстрѣлять, чего хотѣлось бы «Крестовой Газетѣ». Замѣчательное «помилованіе» осужденнаго къ пожизненной каторжной тюрьмѣ не могло удовлетворить этого генерала, который между прочимъ и «утрату національной кокарды» (т.-е. лишеніе гражданскихъ правъ) считаетъ въ высшей степени важнымъ дѣломъ.

1.

Извѣщеніе. Іоганнъ-Людвигъ-Максимиліанъ Дорту изъ Потсдама, бывшій сверхштатный королевско-прусскій чиновникъ и унтеръ-офицеръ 24 ополченскаго полка, по случаю государственнаго переворота, имѣвшаго мѣсто въ маѣ сего года, прибылъ въ эту страну и при наступленіи прусской королевской арміи съ оружіемъ въ рукахъ враждебно противосталъ полкамъ своего собственнаго законнаго государя и военачальника, своимъ собственнымъ братьямъ по оружію и землякамъ. 11 іюля сего года онъ былъ преданъ военному суду по обвиненію въ военной измѣнѣ. Вынесенный судомъ приговоръ вчера утвержденъ мною въ той формѣ, что обвиняемый въ военной измѣнѣ по разжалованіи въ нижніе чины, пониженіи во второй классъ солдатскаго званія и лишеніи національной кокарды подлежитъ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Этотъ приговоръ по вступленіи въ законную силу сегодня въ четыре часа приведенъ надъ осужденнымъ въ исполненіе близъ Вирскаго кладбища, о чемъ симъ доводится до общаго свѣдѣнія.

Главный штабъ. Фрейбургъ, 31 іюля 1849 года.

Командующій перваго армейскаго корпуса дѣйствующей на Рейнѣ королевско-прусской арміи

генералъ фонъ-Гиршфельдъ.

2.

Фридрихъ Неффъ изъ Рюмингена въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, 28 лѣтъ отъ роду, холостъ, принималъ участіе сочиненіями и дѣлами уже въ прежнихъ государственно-измѣнническихъ предпріятіяхъ; въ частности при совершенной Струве въ сентябрѣ прошлаго года попыткѣ переворота выдѣлился ограбленіемъ государ-

ственныхъ кассъ и другими преступленіями. За соучастіе въ третьемъ государственно-измѣнническомъ предпріятіи въ маѣ сего года по распоряженію велико-герцогскаго военнаго министерства предапъ здѣшнему военному суду. Главное его преступленіе заключается въ томъ, что онъ призвалъ изъ-за границы въ великое герцогство нѣмецкихъ эмигрантовъ для поддержки революціи, организовалъ ихъ и съ 5 по 29 іюня, въ качествѣ военнаго комиссара, вооруженный совершилъ съ ними военный походъ черезъ Гейдельбергъ, Шенау, Геддесбахъ въ Дурлахъ и Раштаттъ. По воспослѣдовавшемъ военно-судебномъ разбирательствѣ военный судъ въ публичномъ засѣданіи 8 августа сего года постановилъ: Фридрихъ Неффъ изъ Рюмингена, какъ иниціаторъ и соучастникъ государственно-измѣнническаго мятежа, вспыхнувшаго въ маѣ сего года въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, подлежитъ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Этотъ приговоръ сегодня въ 4 часа утра приведенъ въ исполненіе передъ воротами города.

Фрейбургъ, 9 августа 1849 года.

фонъ-Гиллернъ,
майоръ и командиръ 8 егерскаго батальона, презусъ военнаго суда.
Бахелинъ, слѣдственный судья.

3.

Карлъ Гёферъ, родомъ изъ Бремена, округа Герлахсгеймъ, учитель народной школы въ Альтнейдорфѣ, добровольно принялъ участіе въ послѣднемъ возстаніи, какъ предводитель первой дружины Альтнейдорфа, Геддесбаха, Бромбаха и окрестныхъ мѣстъ. Между прочимъ вечеромъ 21 іюня онъ повелъ эту дружину вмѣстѣ съ инсургентами къ Гейлигенбергу (близъ Гейдельберга) противъ королевско-прусскихъ войскъ, а когда она хотѣла отступить передъ близко надвинувшейся опасностью, попытался рѣчью воспламенить ее къ наступленію, при посредствѣ инсургентовъ, которыхъ онъ поставилъ въ тылу съ приказаніемъ стрѣлять въ отступающихъ, принудилъ ее къ борьбѣ и далъ упомянутымъ войскамъ сраженіе, въ которомъ изъ его дружины два человѣка было ранено и одинъ убитъ. Поэтому Карлъ Гёферъ послѣ публичнаго и гласнаго разбирательства приговоромъ военнаго суда признанъ вчера виновнымъ въ сопротивленіи войскамъ, а также въ призывѣ къ этому, и приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Этотъ приговоръ приведенъ въ исполненіе въ тотъ же день, въ 7¾ часовъ вечера.

Мангеймъ, 17 августа 1849 года.

Отъ имени слѣдственной комиссіи военнаго суда:
фонъ-Гиллернъ.

4.

Извѣщеніе. Прежній профессоръ и ополченецъ въ войскахъ инсургентовъ Іоганнъ-Готфридъ Кинкель изъ Бонна, такъ какъ онъ съ оружіемъ въ рукахъ сражался въ рядахъ баденскихъ инсургентовъ противъ прусскихъ войскъ, приговоромъ засѣдавшаго въ Раштаттѣ военнаго суда приговоренъ къ лишенію прусской національной кокарды и, взамѣнъ смертной казни, лишь къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Для провѣрки законности этотъ приговоръ былъ отправленъ мною королевскому генеральному аудиторіату и, какъ противозаконный, представленъ послѣднимъ для отмѣны его величеству королю. Ихъ величество изъ милости соизволили однако утвердить приговоръ, повелѣвъ, чтобы

Кинкель назначенное ему въ наказаніе заключеніе въ крѣпости отбылъ въ гражданской тюрьмѣ. Согласно сему высочайшему повелѣнію приговоръ военнаго суда утверждается мною въ слѣдующемъ видѣ: за военную измѣну Кинкель подвергается наказанію лишеніемъ прусской національной кокарды и пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпости, подлежащимъ отбытію въ гражданской уголовной тюрьмѣ, а для приведенія приговора въ исполненіе предписывается помѣстить осужденнаго въ каторжную тюрьму, о чемъ симъ доводится до общаго свѣдѣнія.

Фрейбургъ, 30 сентября 1849 года.

Командующій перваго армейскаго корпуса дѣйствующей на Рейнѣ королевско-прусской арміи

генералъ фонъ-Гиршфельдъ.

IV.

Изъ письма Зигеля.

Въ 1892 году генералъ Зигель *) обратился изъ Нью-Іорка къ автору одной книги о 1848 годѣ съ слѣдующимъ письмомъ, которое вноситъ нѣкоторыя поправки въ обычныя изложенія баденскаго возстанія (приводимъ письмо въ извлеченіяхъ).

«Что касается движенія 1848 года, я былъ вообще противъ тогдашней каторжной системы регулярныхъ армій, высказывался и писалъ противъ нея, послѣ нѣсколькихъ личныхъ столкновеній вышелъ въ отставку **) и сталъ готовиться къ университету, чтобы изучать юридическія науки. Французская февральская революція всколыхнула меня; я былъ вызванъ въ Маннгеймъ и организовалъ тамъ батальонъ добровольцевъ, такъ называемый корпусъ косцовъ, вооруженный отчасти ружьями, отчасти косами, потому что ружей у насъ было недостаточно. Послѣ большого народнаго собранія въ Оффенбургѣ комитетъ пріозернаго округа пригласилъ меня взять на себя военную организацію округа, на что я согласился. Уже раньше, дорогой въ Маннгеймъ, въ Гейдельбергѣ я изложилъ извѣстному Ю. Фребелю планъ народнаго ополченія, который былъ опубликованъ въ одной гейдельбергской газетѣ. Тогда рѣчь шла о единомъ германскомъ парламентѣ, разговоры шли о немъ. Идея, которая одушевляла меня и за которую я выступилъ, была такова: создать народную армію, которая должна охранять парламентъ и въ случаѣ нужды бороться за этотъ парламентъ который долженъ былъ представлять суверенитетъ всего германскаго народа. Поэтому я отправился въ пріозерный округъ и нашелъ, что народъ готовъ встать за эту идею. По истеченіи недѣли въ одномъ только Констанцѣ было уже организовано и вооружено болѣе 400 человѣкъ—поднялось собственно 10.000 человѣкъ, но у нихъ было лишь очень скудное вооруженіе; еще бы одна или двѣ недѣли, и у насъ было бы организовано самое меньшее 4—5 тысячъ человѣкъ. По своему настроенію за насъ была горная часть Вюртемберга, а также Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, откуда Гофштеттеръ собирался привести къ намъ 1.000 человѣкъ изъ регулярныхъ войскъ ***). Все принимало благопріятный оборотъ. Но вотъ, по истеченіи первой недѣли, въ Констанцъ внезапно явились Геккеръ и Струве, а съ ними Виллихъ, Долль, Брунъ и Шенингеръ, чтобы совершить «инсургентскій походъ» и, начиная съ послѣдняго края Германіи, завоевать германскую республику. Лучшіе люди центральнаго комитета, и сами убѣжденные республиканцы, противились чрезмѣрной спѣшкѣ и дѣлали все возможное, чтобы отговорить Геккера отъ его плана, но ничто не помогло. Республика была объявлена, пламенная рѣчь Геккера завоевала большинство одного народнаго собранія

---

*) Онъ натурализовался въ Америкѣ и принялъ видное участіе въ междоусобной войнѣ 1861—65 года,—разумѣется, на сторонѣ сѣверянъ.

**) Въ 1848 году Зигель былъ лейтенантомъ баденской службы. Онъ родился въ 1824 году въ Зинсгеймѣ.

***) Гофштеттеръ—отставной зигмарингенскій офицеръ; въ 1849 году сражался въ Римѣ въ войскахъ Гарибальди, позже поступилъ на службу въ Швейцаріи.

и кампанія началась. Но изъ 400 человѣкъ Констанца явилось всего 57—и я въ томъ числѣ. Послѣ всего происшедшаго я оставилъ пріозерный округъ, какъ совершенно потерянный: баварцы, вюртембержцы и даже австрійцы стояли на границѣ, готовые начать наступленіе. Раньше они не отважились бы на это; но революціонный актъ немедленно послужилъ для нихъ предлогомъ. По требованію Геккера изъ Штоккаха, гдѣ я едва собралъ 300 человѣкъ, я опять возвратился въ Констанцъ и на слѣдующій день пошелъ за нимъ съ 150 человѣкъ и двумя пушками. Черезъ пять дней съ 3.500 человѣкъ, раздѣленными на четыре батальона мушкатеровъ и стрѣлковъ и одинъ батальонъ косцовъ, я вступилъ въ Тодтнау—мѣсто, назначенное сборнымъ пунктомъ, откуда предполагалось открыть нападеніе на Фрейбургъ. Но роковымъ образомъ Геккеръ и Виллихъ уже раньше ушли въ Рейнскую долину и были разбиты при Кандернѣ; то же случилось и съ другой колонной. Такимъ образомъ я остался одинъ и далъ сраженія при Гюнтерсталѣ и передъ Фрейбургомъ... Событія въ самомъ Фрейбургѣ и передъ городомъ, какъ я думаю, достаточно извѣстны; если я обратился къ приведеннымъ выше подробностямъ, то лишь потому, что, насколько я знаю, они никогда не получали правильнаго изложенія. Ошибоченъ взглядъ, будто въ пріозерномъ округѣ ничего не было сдѣлано и будто Геккеръ и Струве были разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ въ народныхъ собраніяхъ прямо говорилось, что на призывъ вождей народъ подниметcя какъ одинъ человѣкъ и что въ пріозерномъ округѣ 40, даже 80 тысячъ человѣкъ готовы выступить въ поле! Какъ можно было думать, что пріозерный округъ, въ которомъ населеніе не достигало тогда и 200.000, въ нѣсколько дней или недѣль сумѣетъ выставить 40—80 тысячъ человѣкъ? Кто могъ или хотѣлъ считать, долженъ же былъ знать это и не могъ положиться на полученныя неизвѣстно откуда извѣстія... Такъ называемый инсургентскій походъ Геккера былъ несомнѣнно больше личнымъ дѣломъ, чѣмъ дѣломъ, оправдываемымъ обстоятельствами. Вѣроятно, Струве преувеличенными сообщеніями натолкнулъ на это своего пылкаго друга Геккера...»

